

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

1.

Стр.

5. Императрица Елизавета Петровна. Очеркъ ея жизни и царствованія.
36. О пребываніи Елизаветы Петровны въ Александровской слободѣ.
39. Изъ «Книги Бытія моего» **Порфирия Успенскаго**. Извлечено **А. А. Титовымъ**. 1854—1860 (Бесѣды съ царемъ Цезаремъ IX и съ княземъ А. М. Горчаковымъ.—Въ Варшавѣ.—Въ Петербургѣ.—Поездка на Афонъ.—Въ Египтъ).
63. Къ исторіи Еврейства. **Х. Н. С. Граве**.
83. Изъ Записокъ **сенатора К. Н. Лебедева**. 1861 годъ (Отгѣна крѣпостного права.—Студенческіе безпорядки.—Польское возстаніе.—Поездка во Владимиръ.—Бунтъ Петербургскихъ студентовъ).
139. Письма Императрицы **Маріи Феодоровны** къ Императору Александру Первому. Съ предисловіемъ **Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича**. 1806 и 1807 годы (Французскіе подлинники и Русскій переводъ).
173. Изъ письма **Ф. Ф. Вигеля** о Московскихъ его знакомыхъ 1853 года.
175. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива» (Графа Строганова.—И. Г. Подетика).

Внутри обложки: о новой книгѣ Великаго Князя Николая Михайловича: «Периодика Императора Александра I съ сестрою Великою Княгинцею Екатериною Павловною».

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1910.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ. Переписка Императора Александра I съ сестрою Великою Княгинею Екатериною Павловою. Съ 8-ю рисунками и 2 факсимиле рукописей. СПб, большая 8-ка. ХХХ и 320 страницъ (въ концѣ указатель личныхъ именъ).

Его Императорское Высочество приноситъ Русской исторіографіи еще плодъ неутомимыхъ разысканій своихъ въ Государственномъ Архивѣ и въ личной библиотекѣ Государя Императора. Новая книга его изображаетъ намъ Императора Александра Павловича и любимую сестру его чертами до сихъ поръ вовсе неизвѣстными. Государь, на одиннадцать лѣтъ старше четвертой изъ пяти сестеръ своихъ, ни съ одною изъ нихъ не былъ въ столь частой перепискѣ. Въ его письмахъ дѣтскія прозвища, шуточки, Русскія прибаутки. Три старшія сестры вступали въ бракъ, будучи почти дѣвочками; Екатеринѣ же Павловнѣ (р. 1788) пришлось дольше ждать судьбы своей. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 года нашъ Вѣнскій посолъ князь А. Б. Куракинъ (другъ Императора Павла) энергически не одобряетъ настойчиваго желанія Императрицы Маріи Теодоровны видѣть дочь свою за Австрійскимъ Императоромъ Францемъ, только что овдовѣвшимъ послѣ своего второго брака (въ первомъ бракѣ женатъ былъ на сестрѣ Маріи Теодоровны). Она позабыла прозлосчастную участь старшей своей дочери Александры. Читавшихъ Куракинскія письма приводила въ негодованіе эта честолюбивая настойчивость; а теперь изъ новой книги видно, что сама Екатерина Павловна очень желала этого брака и отвергала всѣ доводы брата

своего, который вслѣдствіи отклонялъ ее отъ самопожертвованія. Конечно, молодая красавица спозаранку принимала на вѣтамъ матери, непомерное честолюбіе которой еще въ царствованіе Павла было подмѣчено графомъ Растончиннымъ (fugent de régné).

Новая книга служитъ лучшимъ опроверженіемъ труду Н. К. Шильдера, который, возвеличивъ Сперанскаго и умолчавъ о вредныхъ сторонахъ его дѣятельности, изобразилъ Александра Павловича со сторонъ непріятныхъ. Въ тоже время ею подтверждаются краткія, но многозначительныя Записки графини Эдлингъ, приверженность къ Александру Павловичу такихъ людей, какъ Карамзинъ и самое названіе Благословеннаго, которое не даромъ дано ему современниками. „Мира свѣтлая звѣзда“ сказалъ про него Жуковский въ своей Бородинской поэмкѣ. Молодой П. А. Вяземскій, чуждый лести, справедливо сказалъ про него: „Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель.“ Написью на медали 1812 года Александръ Павловичъ породнился съ Русскимъ народомъ, который чуждается похвалы. относится недоверчиво къ памятникамъ и юбилеямъ и въ тоже время зоветъ всѣ народы „въ духовный миръ, въ Господень храмъ.“ Государыня Марія Теодоровна, можетъ быть, не знала, что Екатерина Великая въ рѣзкихъ выраженіяхъ отвергла предложеніе Вѣнскаго двора женить Великаго Князя Константина Павловича на одной изъ Австрійскихъ принцессъ. Теперь, съ выходомъ новой книги мы узнаемъ, что сама Великая Княжна еще болѣе, нежели ея мать желала быть Австрійскою (тогда еще Германскою) императрицею. Умилительно читать, какъ Александръ Павловичъ относился къ этому увлеченію честолюбія.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

1911.

I.

РУССКІЙ ЭРХИВЪ

ИЗДАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

Иже, оушима нашими оубльшахомъ, и отцы
наши возвѣстиша намъ дѣло, еже содѣлаахъ еси
во днѣхъ ихъ, во днѣхъ дрѣвнихъ.

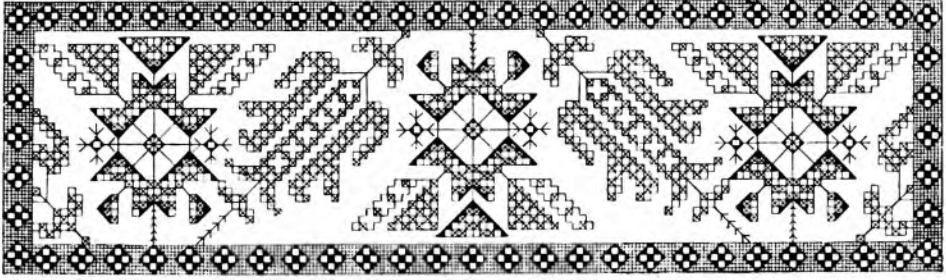
Псаломъ 43-й.

1911.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1911.

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.

ОЧЕРКЪ ЕЯ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ.

Покойный Государь Императоръ Александръ Александровичъ, вѣрный пѣлнтель Екатерины Великой и послѣдователь ея государственной и правительственной дѣятельности, изволилъ однажды спросить меня, правда ли, что преподававшій ему нѣкогда Русскую Исторію С. М. Соловьевъ переносилъ свою приверженность съ Екатерины на императрицу Елисавету Петровну. Я въ отвѣтъ позволилъ себѣ сказать, что, какъ человекъ Русскій, Соловьевъ не могъ относиться къ этой Государынѣ иначе какъ съ благодарнымъ сочувствіемъ, которое передалось и мнѣ, какъ его ученику. Россія любила ее и проливала по ней слезы. Въ арміи, по свидѣтельству Болотова, были увѣрены, что кончина ея (на 52 году возраста) послѣдовала не безъ участія Нѣмцевъ. Не получивъ книжнаго образованія до того, что своему статсъ-секретарю Волкову выразила недоумѣніе, острѣе ли Англія, она покровительствовала Ломоносову, основала Московскій Университетъ, Академію Художествъ, оживила торговлю уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ, не допустила Евреевъ до маркитанства („отъ враговъ Христова имени не желаю интересной прибыли“), отмѣнила смертную казнь, вела безъ ассигнацій побѣдоносную войну противъ геніальнаго полководца, два раза брала Берлинъ, печатала книги въ Кенигсбергѣ (Кролевицѣ Прусскомъ), гдѣ учредила православный монастырь и проч. и проч. Знать я стариковъ, говорившихъ, что ихъ отцы называли Елисавету Петровну *мудрою*, тогда какъ Екатерину *мудреною*.

Послѣ страшнаго погрома Русской жизни, произведеннаго Петромъ Великимъ, послѣ ужасовъ Бироновицны, Елисаветинское двадцатилѣтнее царствованіе, протекшее безъ всякихъ оглядокъ на Западную Европу, было временемъ успокоенія и подготовленія къ царствованію Екатерины Великой. П. В.

Русская императрица, дочь Петра Великаго и Екатерины I, родилась 18 Декабря 1709 года † 24 Декабря 1761 г. О годах дѣтства и юности ея извѣстно почти тоже, что и о старшей сестрѣ ея. Французскій дипломатъ въ Петербургѣ Ла-Ви, бывший въ сношеніяхъ съ Де-Лонуа, жена котораго учила обѣихъ сестеръ Французскому языку, доносилъ (25 Іюля 1719 г.) своему правительству со словъ этой Француженки, что царь намѣренъ отдать со временемъ свою меньшую дочь за Лудовика XV; „она хороша собою (прибавляетъ Ла-Ви), стройна и могла бы считаться совершенною красавицею, если бы только цвѣтъ волосъ ея былъ не такъ ярокъ (*tant soit peu ardente*), что, впрочемъ, съ лѣтами можетъ измѣниться; притомъ она умна, очень великодушна и сострадательна. Ея величество говорила не разъ, что только и просить о стараніи къ усовершенствованію ея во Французскомъ языкѣ, и что есть важныя причины, чтобы она изучила исключительно этотъ языкъ, а никакой другой“. Берхгольцъ, камер-юнкеръ изъ свиты Голштинскаго герцога, увидѣлъ въ первый разъ Елисавету въ Петербургскомъ лѣтнемъ саду въ 1721 году. „Вторая принцесса (записалъ онъ) бѣлокура и очень нѣжна; лице у нея, какъ и у старшей, чрезвычайно доброе и пріятное. Она годами двумя моложе и меньше ростомъ, но гораздо живѣе и полнѣе старшей“.

28 Января 1722 г. Елисавета была объявлена совершеннолѣтнею. Изъ біографіи Анны Петровны знаемъ, что герцогъ Голштинскій и его свита почти до развязки не знали, которую изъ своихъ дочерей намѣренъ былъ Петръ В. отдать за герцога. Въ 1724 г. предположенный бракъ Лудовика XV съ Испанскою инфантою не состоялся, почему при Русскомъ дворѣ родилась снова надежда выдать которую-нибудь изъ цесаревенъ за Французскаго короля. Тогдашній Русскій посоль въ Парижѣ князь Куракинъ обязанъ былъ хлопотать о томъ; но не успѣли еще прислать въ Парижъ, по просьбѣ Куракина, портретовъ Анны и Елисаветы, какъ былъ уже рѣшенъ бракъ Лудовика XV съ Маріею Лещинскою. Въ 1724 г., когда стало извѣстно, что цесаревна Анна будетъ женою герцога Голштинскаго, то Голштинцы были очень рады, что не Елисавета будетъ за ихъ государемъ, „по многимъ причинамъ“. прибавляетъ таинственно Берхгольцъ. Екатерина I намѣревалась-было выдать Елисавету за двоюроднаго брата Голштинскаго герцога, Любскаго епископа Карла-Августа. Онъ прибылъ въ Петербургъ 11 Октября 1726 г., но 7 Мая слѣдующаго года умеръ. Сохранилось извѣстіе, что Елисавета всегда любила вспоминать о своемъ нареченномъ женихѣ. Принцесса Цербтская, мать Екатерины II, была сестрою его, и когда пріѣхала въ Москву, въ 1744 году, то Елисавета приняла ее

сначала съ распростертыми объятіями и тотчасъ подарила ей тотъ самый перстень, которымъ въ невѣстахъ хотѣла обмѣняться съ братомъ принцессы, говоря, что этимъ она какъ будто вторично роднится съ нею.

Незадолго передъ кончиною Екатерины I шли между придворными толки о престолонаслѣдіи. Многимъ изъ участниковъ въ розыскѣ царевича Алексѣя не хотѣлось восшествія на престолъ его сына, и Девіерь, между прочимъ, говорилъ: „Царевна Анна Петровна и умилна собою, и пріемна, и умна; да и государыня Елисавета Петровна изрядная, только сердитѣе. Если бы въ моей волѣ было, я желалъ бы, чтобъ царевну Анну Петровну Государыня изволила сдѣлать наслѣдницею“.

Испанскій посоль Дюкъ-де-Лиріа, прибывшій въ Петербургъ въ концѣ 1727 года, оставилъ нѣкоторыя извѣстія о положеніи Елисаветы при дворѣ Петра II. Такъ 10 Января 1728 г. онъ писалъ: „Болѣе всѣхъ довѣренности царь оказываетъ принцессѣ Елисаветѣ, своей тѣткѣ, которая отличной красоты и ведетъ себя очень благоразумно... Русскіе боятся большой власти, которую эта принцесса имѣетъ надъ царемъ: умъ, способности и искусство ея пугаютъ ихъ, поэтому имъ хочется удалить ее отъ двора, выдавъ въ замужество“... Для приведенія этого въ исполненіе думали-было принять предложеніе извѣстнаго Морица Саксонскаго—вступить въ бракъ съ Елисаветою. Въ Августѣ 1728 г. при дворѣ замѣтили однако совершенное охлажденіе царя къ своей теткѣ. Такая перемѣна была слѣдствіемъ наговоровъ Долгорукихъ, завидовавшихъ значенію Елисаветы и находившагося при ней въ особенной милости камергера Бутурлина. Въ 1729 году разрывъ былъ уже явный, и Бутурлина, для отдаленія отъ двора, отослали въ Украйну“.

Вотъ какъ Дюкъ-де-Лиріа изображалъ Елисавету въ описываемое время: „Она такая красавица, какихъ я никогда не видывалъ. Цвѣтъ лица ея удивителенъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая и удивительный станъ. Она высокаго роста и чрезвычайно жива. Танцуетъ хорошо и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи ея много ума и пріятности, но замѣтно нѣкоторое честолюбіе“.

Ко времени царствованія Петра II или къ началу правленія Анны должно отнести преданія, сохранившіяся о Елисаветѣ въ Александровской Слободѣ. Здѣсь, по разсказамъ старожиловъ, она почти ежедневно слушала заутреню, обѣдню и вечерню въ монастырѣ: дома читала

церковныя книги или же проводила время на охотѣ и забавлялась волчьей травлею. На масляницѣ слободскія дѣвушки каталась у дворца съ горь. Елисавета любила пѣніе; сама пѣла, заставляла дѣвушекъ пѣть Русскія пѣсни¹⁾ и награждала ихъ за то лакомствами...

Смерть Петра II и восшествіе на престолъ имп. Анны перемѣнили къ худшему положеніе Елисаветы. Духовное завѣщаніе Екатерины I давало въ извѣстныхъ случаяхъ право ей меньшей дочери на Русскій престолъ; но партія знатныхъ, стоявшая тогда во главѣ правленія, не обращая вниманія на это завѣщаніе, избрала императрицею Анну Иоанновну²⁾. Французскій дипломатъ Маньянъ оставилъ извѣстіе, что тогда Елисавета ничего не предпринимала для предъявленія своихъ правъ и проводила время въ деревнѣ въ различныхъ забавахъ. При томъ же, если бы она и рѣшилась даже помогать тогда престолу, то едва-ли бы успѣла въ томъ: всемъ было извѣстно особенное въ ней расположеніе ко всякаго рода развлеченіямъ, и еще помнили живо ненавистное для Русскихъ владычество Голштинцевъ при Екатеринѣ I, которое могло возвратиться съ вступленіемъ на престолъ Елисаветы.

По принятіи престола Анною Иоанновною, Елисавета держалась въ отдаленіи отъ двора. Въ Маѣ 1730 г. Англійскій резидентъ Рондо писалъ, что цесаревна съ нѣкотораго времени больна. Другіе утверждали, что нездоровье это было такого свойства, что препятствовало являться при дворѣ въ парадномъ туалетѣ. Въ слѣдующемъ 1731 году отъ ея двора былъ удаленъ гвардеецъ Шубинъ, заслужившій ея особенное довѣріе. Его сослали въ Сибирь, откуда возвратили только съ воцареніемъ Елисаветы. По свидѣтельству современниковъ, императрица Анна съ первыхъ же годовъ своего вступленія на престолъ до конца жизни не любила Елисавету и смотрѣла на нее какъ на претендентку на престолъ. Въ 1731 г. императрица приказывала Миниху наблюдать за цесаревною, „понеже-де она, государя, по ночамъ ѣздитъ, и народъ къ ней кричитъ, то чтобъ онъ провѣдалъ кто къ ней въ домъ ѣздитъ“. Минихъ сначала-было обратился къ Лестоку, который былъ при Ели-

¹⁾ Она сочиняла и стихи. Въ первой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ напечатанъ ея акростихъ. П. Б.

²⁾ Анна считала себя прямою наслѣдницею Русскаго престола, какъ старшая внучка царя Алексѣя Михайловича, „Уложеніе“ котораго она перепечатала съ отличнымъ портретомъ; а въ Петропавловской крѣпости устроила Иоанновскіе ворота. Однимъ изъ препятствій ко вступленію на престолъ по кончинѣ Петра II-го было время рожденія Елисаветы Петровны. У покойнаго И. М. Снѣгирева случилось намъ видѣть рѣдчайшую гравюру: бракосочетаніе Петра Великаго и Екатерины; съ боковъ у нихъ по дѣвочкѣ съ коронами на головкахъ. П. Б.

саветъ медикомъ со времянь Екатерины I; но, видя, что этотъ не дѣлалъ никакихъ доносовъ, возложилъ должность согладая при цесаревнѣ на урядника Щегловитаго, котораго опредѣлили къ ней во дворецъ подъ видомъ управляющаго. Щегловитый, какъ слѣдуетъ, исполнялъ свои обязанности и даже, когда Елисавета выѣзжала со двора, панималъ извоициковъ слѣдовать за нею.

Что правительство императрицы Анны серьёзно озабочивали Елисавета и принцъ Голштинскій, сынъ сестры ея, это свидѣтельствуеть слѣдующая собственноручная записка Остермана, найденная при восшествіи Елисаветы на престолъ въ его бумагахъ и послужившая тогда главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ этого министра. „1) Хотя опасенія большаго не видно, чтобъ со стороны Голштинскаго принца или тѣтки его всесправедливѣйшему намѣренію ея имп. величества для предбудущей сукцессіи какое важное препятствіе быть могло: однакожь, съ другой стороны, и о томъ сумнѣваться не возможно, что можетъ быть мѣчи и силы у нихъ не будутъ, а охоту всегда имѣть будутъ. 2) Права они никакого къ тому не имѣютъ, понеже въ единой самодержавной волѣ и власти ея и. в. состоитъ по собственному своему соизволенію и благоизобрѣтенію себѣ сукцессора опредѣлить и назначить. 3) Но дабы такожде всякіе способы и возможность имъ къ тому отнять, видится небезпристойно противъ того потребныя мѣры и человѣческія возможныя предосторожности взять. Чтѣ принадлежитъ до тѣтки (т. е. Елисаветы), то оную отдалить безъ сумнѣнія наиспособнѣйшій и наилегчайшій способъ былъ бы единожды за все себя внѣ всякаго опасенія отъ нея привести, и для того приходитъ въ разсужденіе, въ чемъ и прежде сего разсуждено было, а именно: не возможно ли оную за одного отдаленнаго чужестраннаго и особливо за такого принца за мужъ выдать, отъ котораго никогда никакое опасеніе быть не можетъ. А противъ Голштинскаго принца можно черезъ добрыя и пристоинныя гарантіи себя обнадежить“....

Въ 1733—34 годахъ замѣтили, что у одного изъ пѣвчихъ цесаревны, Малоросса Якова Тарасевича стали водиться деньги и что у него показались цѣнныя вещи, а потому тотчасъ обратили на это вниманіе и допрашивали его пріятелей. Одного изъ нихъ, мундшенка Ивана Строева, ходившаго часто по вечерамъ во дворецъ Елисаветы, сослали въ Сибирь. Въ 1736 году узнано было, что этотъ же Яковъ Тарасевичъ велъ переписку съ бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Горленко, котораго также допрашивали въ Петербургѣ. При этомъ успѣли только отырыть, что цесаревна писала къ нему коротенькую

записку съ просьбою о присканіи для ея хора двухъ альтистовъ. Записочка была подписана „первый дишкантистъ. о которомъ вы сами знаете“. Горленко объявлялъ, что „слыхалъ онъ отъ пѣвчихъ ея высочества, что изволить она для забавы сама пѣть первымъ дишкантомъ“.

При императрицѣ Аннѣ Россія находилась въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Франціи, но въ 1738 г. послѣдовало, однако, сближеніе между ними*), и въ концѣ 1739 г. въ Петербургъ явился Французскій посоль маркизь де-ла-Шетарди. Въ инструкціи ему внушалось, что хотя на словахъ онъ и долженъ былъ увѣрить правительство императрицы Анны въ расположеніи Франціи, однако на дѣлѣ быть чрезвычайно сдержаннымъ и подъ-рукою узнавать: не осталось ли между Русскими знатными скрытыхъ враговъ иноземному владычеству, также есть ли надежда, что у царевны Елисаветы могутъ явиться приверженцы? При этомъ у Французскаго двора имѣлось въ виду, что, при Биронѣ, Остерманѣ и другихъ Нѣмцахъ, окружавшихъ Анну, было мало надежды на разрушеніе тѣснаго союза между Россією и Австрією; со вступленіемъ же на престоль Елисаветы, которая, по образу жизни и привычкамъ, была не прочь вернуться къ Руси до-Петровской и не любила иноземцевъ, Франціи казалось легче разорвать Австро-русскій союзъ и возвратить Россію къ прежнему ея положенію, въ которомъ она не вмѣшивалась въ Европейскія дѣла. Въ первое время пребывания своего въ Петербургѣ до самой кончины Анны, Шетарди ничего не успѣлъ сдѣлать, такъ-какъ въ то время за Елисаветою зорко слѣдили. Въ предсмертной болѣзни своей Анна не скрывала своего нерасположенія къ цесаревнѣ и, по свидѣтельству Бирона, нѣсколько разъ отказывала ей, а если допускала къ себѣ, то на самое короткое время. Впродолженіе кратковременнаго правительства Бирона обнаружались нѣкоторые приверженцы цесаревны, по бѣльшей части изъ гвардейскихъ солдатъ или низшихъ офицеровъ. Чтобы упрочить свое положеніе, герцогъ Курляндскій поспѣшилъ увеличить содержаніе Елисаветы. Впрочемъ надо замѣтить, что Биронъ былъ всегда предупредителенъ къ ней, такъ-что иностранные министры думали, что онъ былъ неравнодушенъ къ ней. Сама Елисавета, незадолго до вступленія своего на престоль, признавалась Шетарди, что она считаетъ себя много обязанною передъ Бирономъ и постарается, при первой возможности, облегчить его участь, что дѣйствительно и исполнила по восшествіи своемъ на престоль. Паденіе Бирона было такъ быстро и доказало такъ ясно всю несостоятельность насильственныхъ мѣръ, что со вступленіемъ

*) Кажется, этому сближенію содѣйствовала жившая въ Парижѣ, обратившаяся въ католичество княгиня И. И. Долгорукая. П. Б.

въ управленіе государствомъ Анны Леопольдовны, сторонники Елисаветы сдѣлались смѣлѣе. Она сама начала дѣйствовать свободнѣе. Такъ, напр. наотрѣзъ отказала на предложеніе правительницы вступить въ бракъ съ братомъ ея мужа, принцемъ Брауншвейг-вольфенбюттельскимъ, котораго нарочно въ этихъ видахъ вызвали въ Петербургъ и прочили въ герцоги Курляндскіе. Елисавета почти въ глаза смѣялась надъ этимъ планомъ, а приближенные видѣли въ томъ желаніе лишить ее какимъ бы то ни было способомъ правъ на престолъ. Около этого времени являлся и другой тайный искатель руки цесаревны—Французскій принцъ Лудовикъ Франсуа Конти, но и его Елисавета отвергла, отвѣчая шутя, что дѣвицѣ, достигшей 32 лѣтъ, неприлично уже думать о замужествѣ. Изъ современныхъ свидѣтельствъ положительно видно, что въ особенности мужъ правительницы, герцогъ Антонъ Брауншвейгскій, окружалъ Елисавету толпою шпионовъ и щедро платилъ даже за всякій ничтожный доносъ, касавшійся ея; однако это не помогло, что весьма назидательно: народной любви нельзя купить однѣми наградами шпионовъ, а послѣдніе, будь ихъ даже легіонъ, не въ состояніи принести ни малѣйшей пользы, когда приходится доносить на весь народъ. Вражда къ преобладанію иноземцевъ и надежда раздѣлаться съ ними заставили массы обратиться къ дочери Петра Великаго. По свидѣтельству фельдмаршала Миниха, „Елисавета Петровна воспитывалась постоянно между офицерами и гвардейскими солдатами, и во время правительства Вирона и принцессы Анны ужасно заботилась обо всемъ, что касалось гвардіи. Не проходило почти ни одного дня, чтобы она не крестила ребенка, родившагося въ этихъ первыхъ полкахъ имперіи и чтобы не угощала ихъ родителей, или не оказывала бы какой-нибудь милости гвардейскимъ солдатамъ, которые ее не называли иначе, какъ „матушка“*).

Кромѣ небольшого числа лицъ, составлявшихъ ея дворъ доктора Лестока, камер-юнкеровъ Михаила Воронцова, Петра и Александра Ивановичей Шуваловыхъ (Разумовскій тогда не имѣлъ еще никакого придворнаго чина и изъ пѣвчихъ хора цесаревны сталъ управителемъ ея имѣній) и приверженцевъ изъ нижнихъ чиновъ Преображенскаго полка, у Елисаветы въ первое время не имѣлось сторонниковъ изъ высшихъ слоевъ общества: по-крайней-мѣрѣ тамъ не выказывали этого. Въ такомъ ея положеніи явились на помощь послы: Шведскій Нолькенъ и Французскій де-ла-Шетарди. Первый изъ нихъ вошелъ въ

* Ты Елисавета, а мы Захары, говорили ей Преображенскіе гвардейцы (ихъ и теперь въ первомъ батальонѣ зовутъ Захарами). П. Б.

тайные переговоры съ Елисаветою въ той надеждѣ, что Швеція, пособивъ ей вступитъ на престоль, могла разсчитывать на уступку себѣ нѣкоторыхъ завоеванныхъ при Петрѣ Великомъ Шведскихъ областей. Еще въ концѣ царствованія Анны въ Швеціи обнаружилось сильное недовольство Россіею и желаніе возвратитъ то, что было потеряно при заключеніи Ништадтскаго мира. Франція, желавшая обезсилить Россію въ видахъ лишенія ея возможности мѣшаться въ Европейскія дѣла и особенно помогать Австріи, поджигала всеми способами въ Шведахъ враждебное чувство къ Русскимъ. Но было очевидно, что Швеція не могла бороться одна противъ такой могущественной державы, какъ Россія; Франція же, по отдаленности и занята своими ближайшими сосѣдями, не могла оказать вспоможенія Швеціи войсками и обѣщала только денежныя субсидіи. Мысль объявить войну Россіи и въ тоже время приготовить Петербургскому правительству возстаніе внутри въ пользу правъ Елисаветы, казалась и Швеціи и Франціи самою удобною для того, чтобы облегчить Шведамъ исполненіе помянутаго ихъ намѣренія: возвратитъ потерянные ими прежде области. Нолькенъ и де-ла-Шетарди въ 1741 г. были уже въ прямыхъ, но тайныхъ сношеніяхъ съ Елисаветою при посредствѣ ея доктора, Лестока. Главнѣйшимъ домогательствомъ первыхъ двухъ было то, чтобы подвигнуть цесаревну къ дачѣ письменнаго обязательства, что она, въ случаѣ восшествія на престоль при помощи Шведовъ, уступитъ имъ нѣкоторыя области, завоеванныя ея отцомъ. Настоянія этихъ пословъ были самыя убѣдительныя и коварныя; но Елисавета, не отвергая прямо содѣйствія Франціи и Швеціи, чрезвычайно ловко уклонялась отъ какого бы то ни было формальнаго обязательства, говоря, что готова на всякое денежное вознагражденіе Швеціи, но не можетъ никакъ уступить и пяди пзъ принадлежащихъ Россіи земель, такъ-какъ, въ противномъ случаѣ, она неминуемо уронитъ себя въ глазахъ народа. Ни Нолькенъ, ни де-ла-Шетарди не успѣли ничего сдѣлать, и Шведы рѣшились объявить войну, не получивъ отъ Елисаветы никакихъ гарантій.

Эти переговоры происходили въ первой половинѣ 1741 г., и въ Мартѣ до правительницы Анны и Остермана стали уже доходить слухи, что Швеція надбется на Елисавету, и что послѣдняя въ кабинхъ-то особенно тѣсныхъ сношеніяхъ съ Французскимъ посломъ. Впрочемъ, тогдашнее правительство по всемъ признакамъ чувствовало непрочность своего положенія: совершенно разьединенное съ народомъ и, по мнѣнію тогдашнихъ Русскихъ, окруженное иноземцами даже болѣе, чѣмъ въ царствованіе императрицы Анны, оно не имѣло энергіи и дѣйствовало только чрезъ подкупы и шпионовъ. Шведы начали войну въ полной

надеждѣ, что самое внутреннее положеніе Россіи поможетъ имъ; но при этомъ они не разсчитали несоразмѣрности своихъ средствъ. Первое дѣло при Вильманстрандѣ (23 Авг. 1741 г.) доказало ясно, что они были не въ силахъ бороться съ Русскими. Однако гр. Левенгауптъ, начальникъ Шведской арміи въ Финляндіи, не унывалъ отъ первой неудачи и успѣшилъ распространить манифестъ, гдѣ говорилось, что Шведы начали войну съ Россіею не только въ видахъ полученія законнаго удовлетворенія своихъ притязаній, но и для освобожденія Русскаго народа „отъ несноснаго ига и жестокостей“ чужеземцевъ, которые захватили власть надъ нимъ. Нольбена въ то время уже не было въ Петербургѣ, но Шетарди продолжалъ тайно сноситься съ Елисаветою и передалъ ей этотъ манифестъ на Французскомъ языкѣ. Чтобы распространить его въ Петербургѣ, цесаревна, по свидѣтельству Французскаго посла, сама переводила манифестъ и раздавала съ него копіи своимъ приближеннымъ. Шетарди употреблялъ всѣ старанія, чтобы партія цесаревны не пристунала къ рѣшительному шагу прежде, чѣмъ Шведы не приблизятся къ Петербургу, и тѣмъ самымъ подтвердилось бы, что все произошло при непосредственномъ ихъ участіи. Повидимому Елисавета и главный пособникъ ея въ дѣлѣ, Лестокъ, согласились на представленія Француза, однако на дѣлѣ вышло не такъ. 22 Ноября правительница Анна на вечернемъ собраніи во дворцѣ имѣла горячій разговоръ съ Елисаветою, что Французскій посоль интригуетъ противъ правительства, и что Лестокъ, ея докторъ, замѣченъ въ близкихъ сношеніяхъ съ нимъ. При этомъ сдѣланъ былъ намекъ на арестованіе Лестока. Когда это было передано послѣднему, онъ рѣшился дѣйствовать. Одно обстоятельство помогло при томъ. Замѣчая въ гвардейскихъ полкахъ, и въ особенности въ Преображенскомъ, большую привязанность къ Елисаветѣ, правительство хотѣло удалить ихъ изъ Петербурга на мѣсто военныхъ дѣйствій, почему 24 Ноября и отданъ былъ приказъ выступить части гвардіи въ походъ. Солдатамъ и унтерофицерамъ было не по-сердцу такое распоряженіе, и они явились къ Елисаветѣ съ просьбою поспѣшить окончаніемъ задуманнаго предпріятія. Лестокъ, нимало не медля, въ ночь съ 24 на 25 Ноября (за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ Шетарди условливался, чтобы возстаніе произвести въ началѣ Января будущаго 1742 г.) убѣдилъ Елисавету отправиться изъ своего дворца (на Царицыномъ лугу близъ нынѣшнихъ Павловскихъ казармъ) въ Преображенскія казармы на Литейную. Ее сопровождали Лестокъ, Михайло Воронцовъ и отставной музыкантъ изъ Нѣмцевъ, Шварцъ, который былъ посредникомъ при сношеніяхъ цесаревны съ Нольбеномъ и Шетарди. Въ казармахъ ждало этотъ небольшой поѣздъ нѣсколько заранее предуѣ-

домленныхъ солдатъ: они разбудили своихъ товарищей, причемъ не было ни одного офицера. Когда собралась толпа изъ солдатъ, Елисавета сказала имъ: „ребята, вы знаете, чья я дочь—подите за мною!“⁴ „Матушка, отвѣчали солдаты, мы готовы, мы ихъ всѣхъ убьемъ“. Но цесаревна заставила сначала присягнуть, что не будетъ пролито при этомъ ни одной капли крови, и послѣ того отправилась во дворецъ⁵). Тамошній карауль не оказалъ никакого сопротивленія; только одинъ офицеръ сталъ-было колебаться, но его немедленно арестовали. Спустя нѣсколько часовъ, младенецъ-императоръ Іоаннъ III, мать его правительница Анна со всѣмъ семействомъ были отправлены подъ карауломъ во дворецъ цесаревны. Министры и особенные приверженцы падшаго правительства были арестованы въ тоже время. Въ 8 часовъ утра 25 Ноября весь Петербургъ узналъ, что на престолъ вступила императрица Елисавета. Сохранилось извѣстіе, что Шетарди былъ весьма недоволенъ такою быстрою развязкою безъ участія Шведовъ: однако дѣлать было нечего. Елисавета, проѣзжая мимо его квартиры въ Преображенскія казармы, велѣла ему сказать: „я лечу къ славѣ“, и Шетарди былъ изъ первыхъ, поздравившихъ ее во дворцѣ съ восшествіемъ на престолъ.

Съ самыхъ первыхъ дней вступленія на престолъ, Елисавета обнаружила намѣреніе отдалить отъ управленія государственными дѣлами всѣхъ иноземцевъ, игравшихъ въ Россіи первую роль послѣ кончины Петра Великаго. Намѣреніе это не было тайною для Русскихъ, и народъ думалъ по своему помогать осуществленію его: Нѣмцамъ и на улицахъ, и въ публичныхъ мѣстахъ грозили смертию и говорили прямо, что пора съ ними раздѣлаться. Страхъ, возбужденный въ иностранцахъ такимъ расположеніемъ народныхъ умовъ, перешелъ даже къ Нѣмецкимъ дипломатамъ, бывшимъ тогда въ Петербургѣ, и они, по собственному ихъ признанію, трепетали за свою жизнь, а въ своихъ донесеніяхъ описывали происшедшій переворотъ самыми непривлекательными красками. Другая характеристическая черта новаго царствования состояла въ возвращеніи духовенству если не прежняго допетровскаго значенія (Духовный Регламентъ не успѣли уничтожить при Елисаветѣ), то по-крайней-мѣрѣ многихъ льготъ и преимуществъ, которыя расширили его значеніе, ограниченное при Петрѣ и Аннѣ. Елисавета отличалась особенною набожностью, свойственною Русскому народу: она любила путешествія по св. мѣстамъ, торжественные церковные ходы, строго соблюдала посты²). Духовникъ ея, Дубенскій, имѣлъ на

¹) На мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца. П. Б.

²) Того же держалась отчасти и Екатерина Великая. Неужели изъ за такой малости захочу я быть врозь съ милліонами моего народа? писала она къ одной своей знакомой за границу. П. Б.

нее большое вліяніе; чрезъ него-то и Алексѣя Разумовскаго, водившаго хлѣбъ-соль съ высшимъ духовенствомъ, синодальные члены умѣли дѣйствовать на императрицу, о чемъ любопытные рассказы сохранилъ въ своихъ Запискахъ тогдашній оберъ-прокуроръ Синода князь Як. Петровичъ Шаховской. Благодарное духовенство выражало свою признательность въ публичныхъ проповѣдяхъ, гдѣ зачастую и сильно доставалось лицамъ прежняго царствованія, впрочемъ уже безвреднымъ тогда: они или были въ землѣ, или же въ Сибири.

Въ самомъ манифестѣ о восшествіи своемъ на престоль, 25 Ноября, Елисавета объявила, что назначенный императрицею Анною наслѣдникъ престола, внукъ ея, принцъ Іоаннъ, имѣлъ отъ рожденія только нѣсколько мѣсяцевъ и въ государствѣ отъ того происходили безпокойства и непорядки, а потому вѣрные подданные, и особливо полки лейбъ-гвардіи, просили Государыню вступить на престоль. Нѣкоторые изъ приближенныхъ Императрицы были недовольны редакціею этого манифеста, и 28 Ноября явился другой, въ которомъ уже подробно объяснялись права Елисаветы на престоль. въ силу духовнаго завѣщанія Екатерины I, причемъ вся вина неисполненія его по смерти Петра II пала на Остермана.

Не прошло недѣли послѣ вступленія на престоль, какъ императрица Елисавета поспѣшила возвысить тѣхъ изъ лицъ своего двора, которыя пользовались ея особенною благосклонностью. Первымъ изъ нихъ надобно назвать Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, пожалованнаго сначала въ камергеры, потомъ вскорѣ въ оберъ-егермейстеры, наконецъ въ графы и пр. Неподготовленный съ дѣтства къ блестящей дѣятельности, Разумовскій пользовался своимъ вліяніемъ. ходатайствуя за духовныхъ и Малороссіянь, которымъ выпрашивалъ значительныя льготы; во всемъ прочемъ по государственному управленію его значеніе было ничтожно, но онъ былъ силенъ въ домашней жизни двора. Порошинъ, въ своихъ Запискахъ, сохранилъ о томъ рассказы Елисаветинскихъ придворныхъ; напр. „графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ всегда ѣзжалъ съ нимъ въ Москвѣ на охоту, и гр. Мавра Егоровна (жена его, первая любимица и повѣренная Елисаветы съ юношескихъ лѣтъ) молебны пѣвала по возвращеніи ихъ, что Петръ Ивановичъ батожьемъ отъ него не сѣченъ. Алексѣй Григорьевичъ весьма неспокоенъ бывалъ пьяный“...*)

*) Елисавета Петровна, съ Іюля 1744 года, находилась въ тайномъ бракѣ съ А. Г. Разумовскимъ, и въ Уваровскомъ Порѣчьи сохранилась ихъ брачная кровать. П. Б.

Кромѣ Разумовскаго, возвысился Петръ и Александръ Пвановичи Шуваловы. Первый изъ нихъ извѣстенъ какъ составитель разныхъ проектовъ по государственному управленію; онъ заботился объ улучшеніи артиллеріи, отличался въ тоже время любостыжаніемъ и оставилъ послѣ себя огромное состояніе. Александръ Шуваловъ знаменитъ, какъ начальникъ ненавистной Тайной Канцеляріи. У него, по словамъ Екатерины II, было постоянное судорожное подергиваніе правой стороны лица—слѣдствіе присутствія при пыткахъ и истязаніяхъ въ завѣдываемомъ имъ управленіи. Лестокуъ былъ также осыпанъ милостями Елисаветы. Въ первое время ея царствованія онъ и Шетарди имѣли сильное вліяніе на политическія дѣла. Лестокуъ, по обычаю, бывшему въ употребленіи при всѣхъ тогдашнихъ Европейскихъ дворахъ, получалъ пенсіонъ отъ Французскаго короля и былъ совершенно преданъ его интересамъ. Вице-канцлеромъ, а потомъ и канцлеромъ сдѣлался Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, и совершенно случайно: это былъ въ то время единственный изъ Русскихъ придворныхъ, знавшій въ совершенствѣ иностранные языки и вполне опытный въ дѣлахъ вѣшной политики. Въ первое время, не будучи въ состояніи бороться съ Лестокомъ и Шетарди, Бестужевъ выказывалъ себя преданнымъ Франціи; но впослѣдствіи, вошедъ въ силу, постоянно держалъ сторону Англіи и Австріи. Камер-юнкеръ Михаи́ль Воронцовъ сдѣланъ былъ камергеромъ, женился на родственницѣ Императрицы, гр. Скавронской, былъ впослѣдствіи графомъ, вице-канцлеромъ, а послѣ паденія Бестужева канцлеромъ. Щедро была награждена и та рота Преображенцевъ, которая сопутствовала Елисаветѣ въ ея походѣ на зимній дворецъ, въ ночь съ 24 на 25 Ноября. Изъ этой роты составила лейбкомпанія, сдѣлавшаяся вскорѣ извѣстною своимъ буйствомъ и распущенностью. Сама Императрица приняла на себя званіе капитана ея (капитанъ-поручикъ здѣсь равнялся полному генералу, капралы и рядовые—капитанамъ и поручикамъ). Такъ-какъ большая часть лейбкомпанцевъ была не изъ дворянъ, то ихъ всѣхъ пожаловали дворянствомъ: въ гербахъ имъ дано, въ воспоминаніе событія, стропило съ тремя горящими гранатами и три серебряныя звѣзды; дворянскій шлемъ былъ увѣнчанъ лейбкомпанскою каскою, внизу щита была подпись „за вѣрность и ревность“. Лейбкомпанцы всѣ безъ исключенія были надѣлены крестыями. Всего было роздано при томъ 12640 душъ; сержантамъ досталось изъ нихъ по 500 и болѣе душъ, рядовымъ по 29 душъ.

3 Декабря 1741 г. постановлено, чтобы при ссылкахъ на дѣла царствованія императора Юанна III не упоминать о немъ, а просто гово-

рять „правление принцессы Анны Брауншвейгской“. Уничтоженіе всѣхъ памятниковъ царствованія императора Іоанна III было предметомъ особенныхъ заботъ правительства въ продолженіе всего царствованія Елисаветы. Восшествіе на престолъ Елисаветы подало поводъ къ обычнымъ милостивымъ манифестамъ о прощеніи винъ и сложеніи недоимокъ. 31 Декабря 1741 г. уничтожена доимочная коммиссія. Въ Январѣ 1742 г. состоялся приговоръ о вѣчной ссылкѣ Остермана, Миниха, Гавр. Головкина, Левенвольда и др. приверженцевъ бывшихъ правленій. Слѣдствіе надъ ними производилось особою коммиссіею въ присутствіи самой Императрицы, которая помѣщалась въ особо устроенномъ мѣстѣ, за ширмами, и оттуда иногда передавала приказанія дѣлопроизводителю. 13 Января 1742 г. была прислана выписка изъ дѣла этой слѣдственной коммиссіи, а 14 числа тамъ уже состоялось рѣшеніе, въ силу котораго одни приговорены къ колесованію, другіе къ обыкновенной смертной казни. Осужденные были приведены на мѣсто казни, и тамъ объявили имъ милость: вмѣсто смертной казни—вѣчная ссылка въ Сибирь. Современники изъ иностранцевъ утверждали, что означенное слѣдствіе производилось чрезвычайно пристрастно. Въ 1742 г. происходила коронація въ Москвѣ, причемъ были случаи буйства лейбкомпанцевъ и простого народа. Французскій посоль Шегарди отозванъ былъ изъ Россіи. Елисавета щедро наградила его при отъѣздѣ, и съ удаленіемъ этого дипломата кончилось недолговременное вліяніе Французскаго двора, а 11 Декабря 1742 г. уже былъ подписанъ Бестужевымъ трактатъ съ Англіею, главною непріятельницею Франціи. Въ Январѣ 1742 г. прибылъ въ Россію, по вызову Елисаветы, племянникъ ея герцогъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ Гольштинскій. Императрица была обрадована тѣмъ чрезвычайно. Вскорѣ послѣ того она приказала представить предположенія, какъ образовать герцога, и избрала потомъ планъ, составленный академикомъ Штелинымъ, который съ 1 Юня 1742 г. и назначенъ къ нему наставникомъ. По разсказамъ Штелина*), Государыня выразилась при этомъ, что она предвидитъ, что его высочеству придется не разъ учиться скучному, но еще чаще прекрасному, почему и выбрала для него человѣка, который бы развлекалъ его полезно и пріятно. 17 Ноября 1742 г. происходило принятіе герцога въ Православіе. При этомъ Императрица всѣмъ распоряжалась въ церкви и сама учила принца, какъ слѣдуетъ полагать крестное знаменіе. Герцогъ тогда же былъ объявленъ наследникомъ престола подъ именемъ великаго князя Петра Θεодоровича. Елисаветѣ въ немъ чрезвычайно не нравилось потому его предпочтеніе всему Гольштин-

*) Найденныя М. П. Погодинымъ Записки Штелина до сихъ поръ воицѣ не изданы. П. Б.

скому, и она старалась искоренить въ немъ это, но безуспѣшно. Въ концѣ 1742 г. открылось, что камерлакей Александръ Турчаниновъ, Преображенскаго полка прапорщикъ Петръ Квашнинъ и Измайловскаго сержантъ Иванъ Сновидовъ искали сообщниковъ для возвращенія престола принцу Иоанну. Турчаниновъ толковалъ при этомъ: „Принцъ-де Иоаннъ былъ настоящій наслѣдникъ, а государыня-де императрица Елисавета Петровна не наслѣдница, а сдѣлала-де ее наслѣдницею лейбкомпанія за чарку водки. Смотрите-де, братцы, какъ у насъ въ Россіи благополучіе состоитъ непостоянное, и весьма плохо и непорядочно, а не такъ, какъ при Третьемъ Иоаннѣ было“ и т. п. У Турчанинова, послѣ наказанія кнутомъ, вырѣзаны языкъ и ноздри, и онъ сосланъ въ Камчатку. Наказаны кнутомъ и туда же сосланы Квашнинъ и Сновидовъ.

Въ 1742 году состоялось нѣсколько постановленій, облегчавшихъ строгость тогдашнихъ уголовныхъ законовъ. Такъ 7 Апрѣля не велѣно отсылать на истязанія въ Тайную Канцелярію тѣхъ, у кого въ челобитныхъ являлись ошибки въ императорскомъ титулѣ; 16 Апрѣля монашествующихъ и священствующихъ, за ложное сказываніе „слова и дѣла“ не разстрѣливать и не отсылать молодыхъ въ военную службу, а старыхъ—въ Сибирь на работы вѣчно, а предоставлять Синоду „наказывать такихъ по духовному обыкновенію“. 25 Іюня, помѣщичьихъ крестьянъ и посадскихъ за ложное сказываніе „слова и дѣла“ не бить кнутомъ и не отсылать годныхъ въ военную службу, а негодныхъ—въ Сибирь съ вырѣзываніемъ ноздрей, но возвращать въ прежнія мѣста жительства. 23 Августа Сенатъ признавалъ лицъ обоюга пола до 17-ти лѣтняго возраста малолѣтними, не подлежащими за совершенныя ими преступленія смертной казни и пыткамъ; но 18 Іюня 1744 г. малолѣтними по дѣламъ уголовнымъ велѣно было считать только такихъ, которые не достигли 12 лѣтняго возраста. Это измѣненіе послѣдовало влѣдствіе отзыва святѣйшаго правительствующаго Синода, который, ссылаясь на правила св. отецъ, полагалъ, что „лѣтъ такимъ злодѣямъ изъ написаннаго во мнѣніи правительствующаго Сената можно убавить“ до 12-ти.

7 Августа 1743 г. окончилась война со Швеціею миромъ въ Або. Съ самаго начала войны Шведы испытали всю невыгоду численнаго надъ ними превосходства Русскихъ; несмотря на то, однако, они и по восшествіи на престолъ Елисаветы продолжали настаивать на возвращеніи имъ Выборга и Кексгольма, въ надеждѣ, что новая императрица сдѣлаетъ имъ уступки изъ благодарности за то, что они по-крайней-мѣрѣ держали ея сторону до вступленія ея на пре-

столь. Но Елисавета едѣлалась императрицею безъ примаго содѣйствія Шведовъ и потому, несмотря на старанія Шетарди, рѣшилась продолжать войну. Шведская армія въ Финляндіи была вскорѣ почти совсѣмъ уничтожена, и Бестужевъ совѣтовалъ императрицѣ воспользоваться этими обстоятельствомъ для поставленія Швеціи въ такое положеніе, чтобы она не могла болѣе беспокоить Россію. Императрица, однако, желая видѣть на Шведскомъ престолѣ Любскаго епископа Адольфа Фридриха (брата бывшего ея жениха) согласилась на миръ, не столь стѣснительный для Шведовъ. При этомъ императрица Елисавета надѣялась, что принцъ Адольфъ, изъ признательности къ ней, будетъ всегда держать сторону Россіи; но этого, однако, не послѣдовало.

Восшествіе на престоль Елисаветы не могло истребить въ нѣкоторыхъ изъ придворныхъ, особенно пользовавшихся значеніемъ и почею при правительницѣ Аннѣ, приверженности къ этой принцессѣ. Они толковали о ней въ своемъ кругу и охотно слушали выходки противъ Елисаветы Австрійскаго посланника маркиза Ботты, которому сильно не нравилось паденіе Брауншвейгской фамиліи въ Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекращеніе тамъ Австрійскаго вліянія. Наталья Лопухина, бывшая въ связи съ сосланнымъ обергофмейстеромъ Левенвольдомъ, Анна Бестужева-Рюмина, сестра сосланнаго Головкина, и еще нѣкоторые говорили, что новая императрица „непорядочно и просто живетъ, всюду непрестанно ѣздитъ“, при чемъ упоминалось и о лейбкомпанин, которую называли „триста канальями“ и пр. Маркизь Ботта увѣрялъ, что онъ прежде спокоенъ не будетъ, пока принцессѣ Аннѣ не поможетъ, и что король Прусскій ей будетъ помогать. Строжайшіе допросы и пытки не открыли ничего, кромѣ разговоровъ и придворной болтовни. Дѣло кончилось тѣмъ, что у Лопухина, жены его и сына ихъ, также у Анны Бестужевой вырѣзаны языки, потомъ они биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь; другіе были наказаны кнутомъ и сосланы въ ссылку. Ботты уже не было тогда въ Россіи, но на него жаловалось Русское правительство Вѣнскому двору. Весь розыскъ былъ веденъ Лестокомъ, врагомъ и канцлера Бестужева и Австрійскаго вліянія при Русскомъ дворѣ. Увидимъ ниже, что, въ свою очередь, Лестоку не прошло даромъ это дѣло.

Изъ распоряженій 1743 года упомянуть можно: указомъ отъ 30 Авг. опредѣлено, по желанію самой императрицы, „для украшенія службы Божіей и обрядовъ церковныхъ установить въ этотъ день крестное хожденіе въ Невскій монастырь „изъ Казанскаго собора“, что соблюдается и до нынѣ. 9 Ноября подтверждено объ освобожденіи

всѣхъ ссыльныхъ на основаніи манифестовъ. При этомъ открылось, что о преступленіяхъ, настоящихъ именахъ, а также и мѣстахъ ссылки многихъ вовсе было неизвѣстно: „и оныхъ невѣдомо содержащихся людей изъ всѣхъ мѣстъ присылать гдѣ мы обрѣтаться будемъ съ вѣдомостями, когда, отколь и съ какимъ указомъ посланы, кромѣ тѣхъ дву персонъ (?), о которыхъ мы извѣстны...“ 2 Декабря приказано отъ Государыни: „дабы впредь въ маскарадъ желающимъ ѣздить въ хорошемъ и негнусномъ платьѣ, а въ тѣлогрѣяхъ, полушубкахъ и кокошникахъ не ѣздить“. Къ 1743 году относится слѣдующій разсказъ кн. Шаховскаго. Въ Синодѣ поступило дѣло объ одномъ монахѣ, котораго обличили въ нарушеніи монашескаго обѣта крестьяне. Шаховской хотѣлъ поступить съ виновнымъ строго, однако это ему не удалось, такъ-какъ его сочлены окольными путями чрезъ Ал. Разумовскаго успѣли, что Императрица велѣла наказать крестьянъ, а монаха отпустить. Нѣсколько времени спустя, Государыня, встрѣтивъ Шаховскаго во дворцѣ, сказала: „Чего-де Синодъ смотритъ? Я-де была вчерась на освященіи новосдѣланной при полку конной гвардіи церкви, въ которой-де на иконостасѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ по приличности надлежало быть живо изображеннымъ ангеламъ, поставлены рѣзные, на подобіе купидоновъ, болваны, чего-де церковь наша не дозволяетъ“ Шаховской отвѣчалъ, что онъ всѣми мѣрами старается объ устраненіи безпорядковъ, но встрѣчаетъ тому препятствія, и въ доказательство разсказалъ упомянутое дѣло. Выслушавъ его, Елисавета сказала: „Боже мой! можно-ль было мнѣ подумать, чтобъ меня такъ обманывать отважились? Весьма о томъ теперь сожалѣю, да ужъ пособить нечѣмъ!“

6 Апр. 1744 г. Императрица, недовольная продаваемыми въ народѣ портретами ея, приказала отобрать всѣ доски, которыми они печатались, и продавать впредь такіе портреты по одобренію приставленнаго для наблюденія Ивана Вешнякова (въ 1747 г. этотъ указъ былъ подтвержденъ снова). 10 Мая 1744 г. въ Синодѣ разсуждали, что иконы въ деревняхъ держатся безъ должнаго благолѣпія, „а понеже многіе иностранные люди по дорогамъ ѣздить и становятся для обнощеванія въ крестьянскихъ избахъ, отчего имѣеть быть посяганіе“, то распорядились наблюдать, чтобы отнынѣ крестьяне свои иконы „имѣли во всякой чистотѣ и почасту бѣ ихъ омывали и пыль обметали...“ Въ томъ же году 12 Дек. Синодъ, подозрѣвая, что вдова Десятова занималась волшебствомъ, постановилъ: „о волшебствѣ Десятовой чинить по силѣ святыхъ правилъ и ея императорскаго величества указовъ“.

9 Фев. 1744 г. пріѣхала въ Москву принцесса Ангальтцербтская съ дочерью своею Софіею-Августою, которымъ сначала Императрица

выказывала много благосклонности. Принцесса Софія 28 Іюня была миропомазана по обряду нашей церкви и названа Екатериною Алексѣевою, а 29 Іюня обручена съ наследникомъ престола. Между тѣмъ мать великой княжны успѣла на себя навлечь неудовольствіе императрицы своимъ вмѣшательствомъ въ придворныя интриги. Шетарди опять прѣхалъ въ Россію, и именно съ цѣлью низвергнуть канцлера Бестужева, который успѣлъ тогда на столько укрѣпиться, что дѣйствовалъ открыто противъ Франціи за одно съ ея врагами—Англією и Австрією. Княгиня Цербстская, Лестоковъ, Михаилъ Воронцовъ и нѣкоторые другіе держали сторону Шетарди и желали погибели Бестужева. Но Шетарди уже не имѣлъ того значенія у Елисаветы, какимъ онъ пользовался въ первое пребываніе свое въ Россіи, что замѣтно и изъ депешъ его своему правительству, гдѣ онъ очень рѣзко отзывался о Елисаветѣ, ея отвращеніи къ дѣламъ и вообще серьезнымъ занятіямъ и, напротивъ, особенной склонности къ мелочамъ, непрерывнымъ переодѣваніямъ, сидѣнію передъ зеркаломъ и т. п. Бестужевъ успѣлъ перехватить эти депеши, и хотя онѣ были шифрованныя, однако ихъ разобрали (или — на дипломатическомъ языкѣ—перлюстрировали) и представили Императрицѣ. Въ себя отъ гнѣва, она выслала Шетарди подъ карауломъ изъ Россіи.

Весь почти 1745 г. прошелъ въ приготовленіяхъ къ браку великаго князя и въ празднествахъ по случаю этого событія. Подобныя торжества, благодаря болѣе здравымъ понятіямъ объ исторіи въ настоящее время, не стоять вниманія историка; а потому здѣсь слѣдуетъ замѣтить только, что Императрица 16 Марта распорядилась о выдачѣ за годъ впередъ жалованья придворнымъ чинамъ, такъ-какъ они „по пристойности каждаго свои экипажи (для бракосочетанія) приготовить имѣють“. Тогда же именнымъ указомъ велѣно было помянутымъ лицамъ изготовить богатыя платья, кареты цугами и проч. „И понеже сіе торжествованіе чрезъ нѣсколько дней продолжено быть имѣеть, то хотя для онаго каждой персонѣ какъ мужской, такъ и дамамъ, по одному новому платью себѣ сдѣлать надобно“. Впрочемъ, „дозволялось всемилостивѣйше дѣлать и болѣе; служителей же ихъ при экипажахъ по нижеписанной пропорціи имѣть: перваго и втораго классовъ персонамъ у каждой кареты по два гайдука и отъ 8 до 12 лакеевъ, кто сколько похочеть, токмо бы не менѣе 8 было, такожде по 2 скорохода, и кто можетъ еще по 2 или одному пажу и по 2 егеря“ и т. д. По этому росписанію даже лица четвертаго класса обязаны были имѣть неменѣе четырехъ лакеевъ.

Лѣтомъ 1746 г. у великаго князя Петра Федоровича развилась въ большихъ размѣрахъ страсть къ воинскимъ упражненіямъ. Онъ соста-

влялъ роту изъ своихъ придворныхъ кавалеровъ и съ утра до ночи занимался въ Ораніенбаумѣ стрѣльбою, выправкою, маршировкой. Весь молодой дворъ и великая княжна были измучены и скучали отъ такихъ занятій, Императрица съ неудовольствіемъ узнала объ этой страсти къ игръ въ солдаты, и князь Репнинъ, состоявшій при великомъ князѣ и пособлявшій ему въ экзерциціяхъ, въ наказаніе былъ отправленъ къ Русскому корпусу войскъ, посланныхъ въ концѣ 1747 г. на помощь Австріи. Впрочемъ, войска эти не вступали въ дѣло, такъ какъ Ахенскій миръ прекратилъ войну Австріи съ Пруссіею.

Зимою 1748 г. кончилась политическая карьера Лестока: онъ былъ арестованъ, его пытали, а потомъ сослали. Событіе это любопытно въ исторіи описываемаго царствованія, какъ подтвержденіе разсказовъ объ интригахъ и проискахъ партій, особенно часто смѣнявшихся въ Елисаветинскія времена. Выше было сказано, что Лестокъ состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ Французскимъ посланникомъ: оба они хлопотали о возведеніи на престолъ Елисаветы, а потомъ объ усиленіи вліянія Версальскаго кабинета на вѣдѣшнюю политику Россіи; но Бестужевъ былъ личный врагъ Франціи и всѣми мѣрами противился проискамъ Французской партіи. Съ высылкою изъ Россіи Шетарди, Лестокъ остался въ Россіи главою Французской партіи, получавшей пенсіоны отъ Версальскаго кабинета, и этимъ-то обстоятельствомъ Бестужевъ воспользовался, чтобы уронить Лестока. Въ обвинительныя статьи противъ него главнѣйше касалась этого предмета. Лестокъ, при распросахъ и на пыткѣ, выказалъ удивительное присутствіе духа и не выдалъ ни одного изъ Русскихъ приверженцевъ Франціи. Въ обвинительномъ актѣ замѣчательны тѣ мѣста, въ которыхъ Елисавета является сама изблщительницею Лестока въ говоренныхъ имъ въ разныя времена рѣчахъ.

Въ 1748 г. (11 Февраля) подтверженъ Петровскій указъ, чтобы никто, кромѣ священно-церковно-служителей и крестьянъ, не ходилъ съ бородами и въ Русскомъ платьѣ. Указъ этотъ послѣдовалъ вслѣдствіе оригинальнаго предложенія купцовъ Ворожейкина и Курчанинова сдѣлать казнѣ приращеніе въ 50 т. р. отъ неукоснительнаго взыскаія штрафовъ за ношеніе бороды и Русскаго платья, согласно Петровскимъ указамъ. Сенатъ, однако, удовольствовался только однимъ подтвержденіемъ ихъ.—30 Октября 1748 г., по волѣ Императрицы, совершена закладка дѣвичьяго монастыря на мѣстѣ, гдѣ стоялъ ея дворецъ, называвшійся Смольнымъ. Есть преданіе, что Елисавета желала провести остатокъ своей жизни въ монастырѣ. Зная склонность

ся ко всякаго рода развлеченіямъ, быть можетъ, будетъ трудно повѣрить этому; но, съ другой стороны, извѣстно, что съ людьми, впадающими въ крайности, скорѣе случаются самыя неожиданныя превращенія. 12 Декабря 1748 г. изъ разныхъ деревень Бѣлослущкаго уѣзда бѣжало 53 раскольника на Суземь. За ними была погоня, и ихъ нашли въ одномъ скитѣ, верстахъ въ 80 отъ Суземи, собравшимся въ числѣ человекъ 70. Они тамъ заперлись, никуда не выходили и съ посланными за ними въ погоню, а также со священниками, явившимися съ увѣщаніями, переговаривались черезъ окошко: „за чѣмъ-де пріѣхали, говорили раскольники, то и творите, и у насъ намѣреніе положено одно, какое сами знаемъ!“ Къ скиту приставили-было карауль, который, однако, не могъ помѣшать засѣвшимъ въ скитъ 26 Декабря зажечься и погибнуть.—22 Марга 1749 г. разрѣшено, вопреки Петровскимъ постановленіямъ, поступать въ монашество лицамъ, достигшимъ 17-ти лѣтняго возраста. Въ 1749 г. лѣтомъ Императрица находилась въ Москвѣ и предпринимала путешествіе въ Троицкую лавру. Оно совершалось очень долго, и въ это время великій князь забавлялся охотою по окрестностямъ. Въ одну изъ поѣздокъ къ нему явился подпоручикъ Бутырскаго полка Іоасафъ Батуринъ, съ предложеніемъ принять престолъ и короноваться. Великій князь пришелъ въ ужасъ и ускакалъ прочь, а Батуринъ зимою попалъ въ Тайную Канцелярію. Батуринъ съ другимъ своимъ товарищемъ по полку, Тырковымъ, замыслили короновать великаго князя, причемъ предполагалось напасть на дворецъ и умертвить Алексѣя Разумовскаго, который, по мнѣнію заговорщиковъ, былъ главнѣйшимъ препятствіемъ къ осуществленію ихъ замысла. Тырковъ разсчитывалъ, притомъ, на любовь къ себѣ своихъ гренадеровъ, называвшихъ его не иначе, какъ батюшкою, а Батуринъ думалъ подбить фабричныхъ Московскихъ, изъ которыхъ нѣкоторые были его сообщниками, въ надеждѣ избавиться отъ хозяевъ, обижавшихъ ихъ при расчетахъ. Батурина пытали, а потомъ заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость. Замѣчательно, что по воцареніи Петра III Батуринъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, на которыхъ, по повелѣнію императора, не распространилось помилованіе. Екатерина II сослала его въ Камчатку, откуда онъ бѣжалъ потомъ съ извѣстнымъ Беніовскимъ.—Въ Сентябрѣ 1749 г., въ день своихъ именинъ, Императрица пожаловала въ камеръ-юнкеры Ивана Ивановича Шувалова, что обратило вниманіе всего двора. Екатерина II оставила по этому случаю замѣтку, что она была довольна возвышеніемъ молодого Шувалова, такъ какъ видѣла, что и въ пажахъ онъ выказывалъ большое прилежаніе и не выпускалъ изъ рукъ книги. Екатерина же II разсказываетъ, что зимою 1749 г., во время отсутствія двора изъ Петербурга,

тогдашній главноначальствовавшій въ немъ кн. Юсуповъ заставлялъ играть кадетъ Шляхетнаго корпуса (нынѣ 1-го кадетскаго) Русскія трагедіи сочиненія Сумарокова. По возвращеніи въ Петербургъ, Елисавета пожелала видѣть эти представленія, и ей они такъ понравились, что скоро были переведены во внутренность дворца. Между актерами особенно отличался въ роляхъ первыхъ любовниковъ кадетъ Бекетовъ. Разумовскій поспѣшилъ его принять подъ свое покровительство, а Сумарокова взялъ къ себѣ въ адъютанты. Въ тѣ времена при дворѣ видѣли во всемъ этомъ интригу противъ Шуваловыхъ, которые, точно, смотрѣли неблагопріятно на успѣхъ новыхъ театральныхъ зрѣлищъ. П. И. Шуваловъ заказалъ (конечно, въ видахъ кольнуть Сумарокова) писать также трагедіи Ломоносову. Этотъ представилъ своихъ „Темиру и Селима“ и „Демофонта“. Впрочемъ, дѣло не ограничилось однимъ возбужденіемъ соперничества между тогдашними литературными знаменитостями. Въ 1751 г. Бекетовъ, по наговорамъ Шуваловыхъ, попалъ таки въ немилость и переведенъ въ армію.—1 Авг. 1750 г. предписаны были особенно строгія мѣры противъ женщинъ вольнаго поведенія. На этотъ предметъ была учреждена особая коммиссія; всѣхъ подозрительныхъ женщинъ хватали, допрашивали и съ бесчестіемъ сажали въ особо устроенный Калининскій домъ. По нѣкоторымъ иностраннымъ извѣстіямъ, мѣра эта была будто-бы вызвана въ видахъ заботливости о добрыхъ нравахъ нѣкоторыхъ изъ придворныхъ, и въ особенности одного изъ нихъ (П. И. Шувалова).—21 Декабря 1751 г. генералъ-полиціймейстеръ Татищевъ объявилъ въ Москвѣ высочайшее повелѣніе: „по прошеніямъ здѣшнихъ обывателей, которые похотятъ для увеселенія честныя компаніи и вечеринки съ пристойною музыкою, или для нынѣшняго предъидущаго (sic) праздника Русскія комедіи имѣть въ томъ позволеніе имъ давать и воспрещенія не чинить, токмо съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы при тѣхъ вечеринкахъ никакихъ не порядковъ и противныхъ указамъ поступокъ, и шуму и драки не происходило, а на Русскихъ комедіяхъ въ черническое и прочее касающееся до духовныхъ персонъ платье, не наряжались и по улицамъ въ такомъ же и въ прочемъ, приличномъ къ комедіямъ ни въ какомъ нарядѣ, не ходили и не ѣздили...“ Императрица боялась покойниковъ и не любила никакого напоминанія о смерти. Такъ еще въ 1746 г. было сдѣлано распоряженіе объ уничтоженіи кладбищъ за Калининскимъ мостомъ и у Вознесенскаго моста, потому, какъ сказано въ указѣ, что Государыня, „во время высочайшаго своего шествія въ Екатерингофъ, оныя кладбища сама усмотрѣть изволила“. 11 Юля 1751 г. было рѣшительно воспрещено всѣмъ жителямъ столицы (за исключеніемъ иностранныхъ пословъ) носить при траурѣ платье съ

плерёзами пзъ сукна и байки. 3 Ноября 1751 г. запрещено печатать придворныя извѣстія безъ предварительнаго объявленія о томъ кабинету Государыни. Поводомъ къ тому было помѣщеніе въ Октябрскихъ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, что въ бывшемъ ея имп. величества походѣ въ Красное Село она изволила забавляться псовою охотою. 24 Декабря 1751 г. послѣдовало распоряженіе о водвореніи въ Россіи Сербовъ и другихъ Славянъ для учрежденія изъ нихъ гусарскихъ и пандурскихъ полковъ. Поселеніе занимало въ заднѣпровскихъ мѣстахъ сѣверную часть нынѣшней Херсонской губерніи, между р. Спньюхой, южной границей Кіевской съ Херсонскою губерніею, р. Днѣпромъ и границею, проходившею между Елисаветградомъ и Бобринцемъ, южнѣе г. Александрова. 27 Октябрю 1751 года запрещено частнымъ лицамъ употреблять придворную ливрею, „такоежъ съ бѣлыми простынками на лошадяхъ, кромѣ кавалеровъ двора ея и. в., никакого чина и званія не вѣдять; а ихъ и. высочествъ кавалеры имѣть будутъ простынки: государя в. князя—синія, государыни в. княгини—красныя“. Впослѣдствіи эти распоряженія о простынкахъ до конца царствованія Елисаветы повторялись нѣсколько разъ.

15 Декабря 1752 г., при сложеніи съ народа недомки подушнаго сбора съ 1724 по 1747 г., указъ начинался такъ: „По вступленіи нашемъ на прародителей и родителей нашихъ престоль, какое попеченіе о приведеніи имперіи и подданныхъ въ силу и лучшее состояніе мы простираемъ, довольно извѣстно. По которому имперія такъ силою возрасла, что лучшаго времени своего состоянія, какое доннѣ, не было, несравненно превосходить во умножившемся доходѣ государственнымъ и народѣ, изъ котораго состоитъ и комплектуется высокославная наша армія; ибо какъ въ доходахъ, такъ и въ упомянутомъ народѣ едва не пятая часть прежнее состояніе превосходить. Богу, спосишествуемому намъ, благодареніе!“ 29 Марта 1753 г. преступниковъ, обвиненныхъ въ смертномъ убійствѣ, повелѣно жестоко наказывать кнутомъ и, по наложеніи на лицъ клеймъ,сылать навѣчно въ каторжную работу. До того времени, съ поцаренія Елисаветы за подобныя преступленія (прежде за нихъ полагалась смертная казнь) отсѣкалась правая рука, что въ 1753 г. признано неудобнымъ, такъ-какъ наказанные такимъ образомъ „ни къ какимъ уже работамъ дѣйствительны быть не могутъ, но токмо тунѣ получать себѣ будутъ прощтаніе“. Изъ этого же указа видно, что еще 10 Мая 1744 г., по повелѣнію императрицы, „всѣ натуральной и политической смерти экзекуціи были остановлены“. На другой день, т. е. 11 Мая, велѣно было представить Государынь, за какія вины политическая смерть и какая именно по указамъ поло-

жена? Отвѣта на это не было подано до 1753 г., а 29 Марта того года представленъ былъ Елисаветѣ докладъ, гдѣ говорилось, что положительныхъ указовъ о томъ, за какія вины полагается наказаніе политической смертью, не имѣется, и Сенатъ представлялъ и Государыня утвердила, что „политическою смертью должно именовать то, ежели кто положенъ будетъ на плаху, или взведенъ будетъ на висѣлицу, а потомъ будетъ наказанъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, или хотя и безъ всякаго наказанія, токмо къ вѣчной ссылкѣ“. Приговоры къ этому наказанію должны были представляться на окончательное рѣшеніе Сената. Въмѣстѣ съ тѣмъ подтверждена сила указа 1720 г., по которому жены наказанныхъ политической смертью могли оставаться на свободѣ и жить въ приданныхъ своихъ деревняхъ, а дѣти изъ недвижимаго и движимаго имѣнія отцовъ получали указныя части.

20 Декабря 1753 г. уничтожены таможи и разные сборы, установленные до того времени внутри государства. Объ этомъ постановленіи, впрочемъ, чрезвычайно благотвѣльномъ для государства, кн. Шаховской, въ разговорѣ съ гр. Петромъ Шуваловымъ, говорилъ: „Вашими представленіями и стараніями со всѣхъ внутреннихъ торговыхъ продажъ снята пошлина, и та сумма прибавлена въ сборы по тарифу къ пограничнымъ, собираемымъ въ таможняхъ, пошлинамъ: но и въ томъ ваши же собственные пользы почитаютъ, что тѣмъ освободилось ваше желѣзо отъ платежа внутреннихъ пошлинъ. Да еще многіе, а паче и оберъ-президентъ магистратской, вами же въ оный чинъ произведенный, многимъ откровенно сказываетъ, что онъ уговорилъ купцовъ, и они расположили со всѣхъ сдѣлать сборъ для покупки и подносу всемилоствѣйшей нашей Монархинѣ, въ знакъ благодарности своей за то снятіе внутреннихъ пошлинъ, бриліантовыхъ вещей по вашему жъ приказанію; изъ тѣхъ же сборовъ, какъ и всѣмъ извѣстно, вашему сіятельству богатая съ бриліантами звѣзда и крестъ кавалерскій св. ап. Андрея поднесенъ...“—Въ 1754 г. майоръ Евреиновъ приказалъ своимъ людямъ схватить съ качелей дѣвушку Авдотью Алексѣеву, которая, по приводѣ къ нему въ домъ, была имъ изнасилована. Когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія Императрицы, то она сначала приказала женить Евреинова на Алексѣевой, если онъ холостъ, а ежели женатъ, то взять изъ его недвижимаго имѣнія половину въ пользу Алексѣевой, людей же Евреинова наказать на площади кошками. 6 дней спустя, 26 Апр. послѣдовало по этому дѣлу новое, болѣе мягкое рѣшеніе: ежели у Евреинова уже сговорена невѣста, то ему жениться на ней, а Алексѣевой Евреинову заплатить 2000 рубл.—17 Апр. 1754 г. Императрица приказала посвящать въ архимандриты и архіереи только

изъ однихъ Великороссіянъ. Причина такого расположенія въ самомъ указѣ не объяснена, но въ первой половинѣ XVIII столѣтія не только между Великорусскимъ духовенствомъ, но и свѣтскими людьми замѣтно было недовольство на то, что со временемъ Петра Великаго высшія іерархическія должности давались преимущественно Малороссіянамъ, болѣе образованнымъ и вообще податливымъ на всѣ нововведенія.

13 Мая 1754 г. учреждены государственные заемные банки для дворянства въ Петербургѣ и Москвѣ и одинъ въ Петербургѣ „для поправленія при Петербургскомъ портѣ коммерціи и купечества“. Банки учреждались собственно „для уменьшенія въ государствѣ процентныхъ денегъ“, такъ-какъ ростовщики брали не только по 12%, но и по 20%, „чего во всемъ свѣтѣ не водится“, а также сильно притѣсняли при самой незначительной просрочкѣ. Эти банки основаны по мысли гр. Петра Шувалова. По его же представленію учреждена 24 Авг. 1754 г. коммиссія для сочиненія уложенія, которое предполагалось раздѣлить на 4 части: 1-ая содержитъ въ себѣ все то, что подлежитъ до суда и до судебныхъ мѣстъ, и въ какихъ случаяхъ письменные и словесные суды производить и по нихъ рѣшеніе чинить; 2-ая гласитъ о такихъ правахъ, которыя подданнымъ въ государствѣ, по разному ихъ состоянію, персонально принадлежать; 3-ья содержитъ въ себѣ все то, что до недвижимаго и движимаго имѣнія принадлежить, и по какимъ крѣпостямъ и случаямъ оныя кому и какимъ образомъ крѣпки быть должны; 4-ая показываетъ, какимъ порядкомъ и въ какихъ случаяхъ розыскъ и пытки производить, и какія за разныя преступленія казни, наказанія и штрафы положены. Извѣстно, что эта коммиссія не успѣла выполнить проекта въ такихъ размѣрахъ.

20 Сентября 1754 г. наконецъ родился сынъ у великаго князя. Императрица послѣ брака наслѣдника престола не разъ высказывала недовольствіе, что у него не было дѣтей. Теперь она была такъ обрадована рожденіемъ внука, что тотъ часъ же взяла его въ свои комнаты, распорядилась при этомъ всѣмъ сама и для хожденія за новорожденнымъ приставила толпу старыхъ женщинъ, которыя держали ребенка въ жарко натопленной комнатѣ, завернутымъ въ мѣховыя одѣяла. Мать его могла видѣться съ нимъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Съ извѣщеніемъ объ умноженіи царскаго семейства въ Швецію былъ посланъ состоявшій до того времени при молодомъ дворѣ Сергѣй Салтыковъ. Едва онъ исполнилъ это порученіе, Елисавета успѣшила его отправить Русскимъ министромъ въ Гамбургъ. Рожденіе великаго князя

Павла было поводомъ къ праздникамъ, которые длились всю зиму до поста.

Съ 1755 г. иностранные министры стали жаловаться на особенную медленность въ ходѣ дѣлъ при Петербургскомъ дворѣ. Императрица, окруженная семействомъ Шуваловыхъ, или была нездорова, или развлечена, отчего многія нетерпящія отлагательства бумаги лежали безъ движенія единственно за неподписаніемъ ихъ.

12 Янв. 1755 г., по представленію П. И. Шувалова, основанъ въ Москвѣ университетъ. Въ первые годы его существованія тамъ ежегодно давались разныя затѣйливыя иллюминаціи, но успѣхи преподаванія были не такъ блистательны, чему неопровержимыя свидѣтельства остались въ Запискахъ Фонвизина. 6 Ноября 1755 г. рѣшительно воспрещено проносить для погребенія умершихъ мимо дворца, по Мойкѣ и Невскому проспекту. Въ 1756 г. разрѣшено частнымъ лицамъ гулять въ придворныхъ садахъ по Четвергамъ и Воскресеньямъ „съ исключеніемъ матросовъ, такожъ и господскихъ ливрейныхъ и подлаго народа. Только притомъ смотрѣть, чтобы были въ опрятности; а кои будутъ неопрятны, т. е. волосы неубраны, платки на шеѣ и въ сапогахъ, также въ сѣрыхъ кафтанахъ и изъ купцовъ съ бородами, а женщины въ Русскомъ платьѣ, въ ченчикахъ и прочихъ тому подобныхъ простыхъ платьяхъ, отнюдь не допускать.“... 18 Юля 1756 г. запрещено строиться раскольникамъ въ отдаленныхъ отъ селеній мѣстахъ въ видахъ предупрежденія самосожженія, которое повторилось въ это царствованіе въ Двинской трети Устюжскаго уѣзда. Въ томъ же 1756 г., въ деревнѣ Мальцовой Томскаго воеводства сожгли себя 172 чел. въ 9 избахъ обнесенныхъ палисадомъ. Они говорили, что собралась „страдать за вѣру Христову и за крестъ двоеперстнаго сложенія“.—Въ 1756 г. учрежденъ постоянный Русскій театръ, а директоромъ его назначенъ писатель Сумароковъ.

Болѣзненное состояніе Императрицы и увеличивавшаяся въ ней съ лѣтами неохота къ занятіямъ государственными дѣлами все болѣе и болѣе давали просторъ партіямъ, которыми, быть-можетъ, никогда не изобиловала такъ Россія, какъ въ описываемую эпоху. Рѣшительное участіе Русскихъ въ Семилѣтней войнѣ было дѣломъ всемогущихъ тогда Шуваловыхъ, соединившагося съ ними вице-канцлера Воронцова и Французскаго правительства. Последнее было тогда въ союзѣ съ Австріею противъ Пруссіи и Англіи, и Государыню убѣдили послать на помощь Маріи Терезіи Русскія войска за границу. При этомъ канцлеръ Бестужевъ уже игралъ второстепенную роль. Сначала онъ былъ непріателемъ супруги великаго князя, но потомъ, благодаря

посредничеству Сергѣя Салтыкова, а послѣ Понятовскаго, между Екатериною и Бестужевымъ произошло сближеніе: канцлеръ, зная нерасположеніе къ себѣ великаго князя и предвидя, какого значенія могла со временемъ достигъ великая княгиня, по своему характеру и рѣшительности, составилъ даже предположеніе о правительствѣ въ Россіи на случай кончины Императрицы. Бестужевъ потомъ уничтожилъ это предположеніе, но многіе иностранные писатели удостовѣряють, что оно заключалось въ устраненіи отъ правленія великаго князя и въ возведеніи на престолъ малолѣтняго его сына подъ опекою Екатерины. Последней не нравилась война съ Пруссіею, потому-что это вредило интересамъ Англіи, дружбою которой она тогда дорожила: чтò же касается великаго князя, то онъ былъ преданъ Фридриху до обожанія. Все это зналъ Бестужевъ точно также, какъ и Апраксинъ, на котораго было возложено командованіе арміею, посланною противъ Прусаковъ. Послѣ разныхъ намѣренныхъ промедленій, Апраксинъ въ 1757 году достигъ Пруссіи, одержавъ здѣсь значительную побѣду при Эгерсдорфѣ и потомъ тотчасъ же обратился съ войсками въ Россію. Отступленіе это было сдѣлано такъ, что походило на постыдное бѣгство. Апраксина арестовали въ концѣ 1757 г., а въ началѣ 1758 г. таже участь постигла и Бестужева. Или потому, что послѣдній успѣлъ скрыть въ-время всѣ матеріалы, которые могли бы служить къ его обвиненію, или дѣйствительно ловкими отвѣтами сумѣлъ онъ скрыть истину (слѣдственное дѣло по этому предмету дошло лишь въ отрывкахъ), только прямыхъ доказательствъ виновности Бестужева и сущности сношеній его съ великою княгинею найдено не было. Какъ бы то ни было, но Императрица негодовала на Екатерину, которой говорила: „вы мѣшаетесь во многое, чтò васъ не касается; я бы не рѣшилась на это при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ“... Впрочемъ, изъ донесеній иностранныхъ пословъ видно, что между Государынею и великою княгинею послѣдовало было въ Іюнѣ 1758 г. примиреніе, но не надолго, и Екатерина послѣдніе три года царствованія Елисаветы была въ рѣшительной немилости при дворѣ. Наслѣдникъ же престола, чтѣмъ болѣе слабѣла Елисавета, тѣмъ болѣе становился смѣлымъ, и подъ конецъ даже не скрывалъ, по свидѣтельству своихъ приближенныхъ, что во время самаго разгара войны Россіи съ Фридрихомъ II постоянно былъ въ сношеніяхъ съ нимъ, получалъ отъ непріятеля извѣстія о ходѣ военныхъ событій и передавалъ, съ своей стороны, разныя новости, которыми, разумѣется, умѣлъ пользоваться такой человекъ, какъ Фридрихъ II. Вообще, участіе въ Семилѣтней войнѣ стоило Россіи много денегъ и еще болѣе траты людей. Неимѣніе опытныхъ и свѣдущихъ полководцевъ, безпрестанная смѣна ихъ, обычныя интриги

Австрія и совершенное отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ союзниковъ сдѣлали то, что Русское оружіе не приобрѣло въ этой войнѣ особенной славы. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ Русскими, ничтожны, если принимать въ соображеніе затруднительность положенія Прусскаго короля и ограниченность средствъ, съ которыми ему приходилось бороться въ войнѣ съ такими могущественными непріятелями, каковы были Австрія и Россія. Тѣмъ не менѣе, однако, превосходство силъ начало наконецъ брать верхъ, и въ 1761 г. большая часть Пруссіи была занята Русскими; въ Кѣнигсбергѣ правила завоеванными областями Русская канцелярія съ Русскимъ генераль-губернаторомъ: послѣ троекратнаго возобновленія осады Кольберга, Русскіе взяли его... Но вскорѣ послѣдовавшая смерть Елисаветы, и вступленіе на престолъ романческаго обожателя Фридриха II, Петра III, спасло Пруссію.

Изъ внутреннихъ событій послѣднихъ годовъ царствованія Елисаветы заслуживаетъ упоминанія: приобрѣтеніе съ 1756 года учрежденною при дворѣ Конференціею особеннаго значенія. Въ началѣ царствованія Государыня намѣревалась представить одному Сенату власть высшаго правительственнаго учрежденія, но подъ конецъ Конференція сдѣлалась тѣмъ же, что были уничтоженные Верховный Тайный Совѣтъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II и Императорскій Кабинетъ при Аннѣ. Изъ словъ члена Конференціи, кн. Я. Шаховскаго видно, что она въ послѣднее время распорядилась иногда сама, безъ разрѣшенія Императрицы. 22 Января 1757 г. не велѣно было рвать ноздри у преступницъ, ссылаемыхъ въ Нерчинскъ, такъ какъ „женска пола колодницы изъ такихъ отдаленныхъ въ Сибири мѣстъ и побѣговъ и веровства чинить не могутъ“. 5 Мая 1757 г. велѣно всѣхъ домашнихъ учителей подвергать испытаніямъ въ Петербургѣ при Академіи Наукъ, а въ Москвѣ—въ Университетѣ. Мѣра эта считалась тогда необходимою: высшее Русское общество желало какимъ бы то ни было образомъ офранцузиться, и потому былъ сильный запросъ на Французскихъ гувернёровъ и гувернантокъ. Въ Россію являлись на эти должности, по свидѣтельству самихъ же Французовъ (напр. де-ла-Мессельера), толпы Французскихъ проходимцовъ, развратниковъ и всякаго рода негодяевъ. Всѣхъ ихъ принимали, однако, съ распростертыми объятіями и довѣрчиво вручали имъ попеченіе объ образованіи юношества изъ высшихъ слоевъ Русскаго общества. По представленію И. Шувалова, 6 Ноября 1757 г. учреждена въ Петербургѣ Академія Художествъ, отъ которой надѣялись „великой пользы казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранные посредственнаго знанія, получая великія деньги, обогатясь, возвращаются, не оставя по сіе время ни

одного Русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать“.—Въ 1757 г. многіе помѣщичьи крестьяне, забравъ свои пожитки, бѣжали къ Царицыну и, переправившись черезъ Волгу, рыли себѣ тамъ землянки. Когда ихъ спрашивали о причинѣ такого переселенія, они отрѣчались, что бѣгутъ въ Царицынъ и на Камышенку для приписки къ шелковому казенному заводу, гдѣ для принятія ихъ будто бы опредѣленъ вымышленный майоръ Парубичъ.—21 Юля 1758 г. по представленію П. Шувалова, основана Гимназія въ Казани „для размноженія наукъ въ имперіи“.—16 Мая 1760 г. „ея величество соизволила обывателямъ отъ полиціи наискрѣпчайшее подтвердить, чтобъ кучера, будучи близъ двора ея императорскаго величества, отнюдь бичами не хлопали“.—31 Августа подтверждены прежніе указы, воспрещавшіе „въ торговыхъ баняхъ... мужеска и женска пола людямъ париться вмѣстѣ“.—18 Марта 1761 г. ея величество, „разсуждая о умножившейся расточительной роскоши молодыхъ людей и сожалѣя матерне о томъ, что молодые дворяне отъ того крайне разоряются, для отвращенія онаго... указала, чтобъ указомъ Правительствующаго Сената вывозъ изъ чужихъ краевъ излишнихъ вещей, какъ-то: кружевъ, блондъ и галантерей, какъ-то, бумажныя табакерки и прочаго тому подобнаго, запрещенъ былъ“...

Для характеристики положенія помѣщичьихъ крестьянъ у своихъ помѣщиковъ въ то время можетъ служить одно дѣло 1761 года. Въ одномъ изъ госпиталей умеръ, вскорѣ по поступленіи туда, крестьянинъ майора Лазарева, Пантелѣевъ; на немъ были боевые знаки, по которымъ видно было, что „смерть ему, Пантелѣеву, приключилась отъ учиненныхъ означеннымъ помѣщикомъ его побой“. У крестьянина была рана на брови, спина вся избита и черна, на лядвяхъ и по стегнамъ синева, на головѣ кожа пробита. Несмотря на все эти признаки, госпиталь не сдѣлалъ анатомическаго вскрытія „за теплымъ выпѣ воздухомъ“. Самъ Лазаревъ показывалъ, что онъ наказывалъ Пантелѣева и человѣку своему Иванову сперва тростью, а потомъ березовою палкою бить приказывалъ за его, Пантелѣева, пьянство, лѣность и неучтивство, но къ смертному убійству его намѣренія не имѣлъ. Главная Полиція, а потомъ и Сенатъ рѣшили: въ разсужденіи того, что онъ, Лазаревъ, имѣетъ штабъ-офицерскую честь, его отъ тѣлеснаго наказанія избавить, а за неумѣренное наказаніе своего человѣка послать на церковное покаяніе“...

17 Ноября 1761 года, императрица захворала простудною лихорадкою; она было прошла, но 12 Декабря, вмѣсто нея, открылась

жестокая рвота съ кровью и кашель. 23 Декабря болѣзнь усилилась. Елисавета приобщилась тогда, а 24 соборовалась масломъ. Вечеромъ того дня она два раза приказывала читать отходныя молитвы, при томъ, по словамъ одного современнаго свидѣтельства „съ такимъ бодрствующимъ и присутственнымъ духомъ, что важнѣйшія сей молитвы слова за духовникомъ, оную читающимъ, всегда явственно и съ великимъ къ Богу усердіемъ повторять изволила“. 25 Декабря въ 4¹/₃ часа по полудни императрица Елисавета скончалась.

*

Въ настоящее время нельзя еще произнести приговоръ царствованію Елисаветы. Кромѣ разныхъ, для науки постороннихъ причинъ, затрудненіе при этомъ заключается въ томъ, что до сихъ-поръ не обнаружены и не разсмотрѣны критически все относящіяся къ этой эпохѣ матеріалы. Иноземныя извѣстія, и въ особенности оставленныя Нѣмцами, наполнены самыхъ неблагопріятныхъ отзывовъ объ Елисаветинскихъ временахъ. Если повѣрить имъ на слово, то можно допустить, что Елисаветинское царствованіе было гораздо тяжелѣе для Россіи, чѣмъ эпоха, извѣстная подъ именемъ Бироновщины. Но въ этомъ случаѣ Нѣмцамъ вѣрить нельзя: во времена Елисаветы было оскорблено ихъ національное самолюбіе тѣмъ, что они уже не играли при ней той роли, какую себѣ присвоили въ правленіе Россією послѣ Петра Великаго. Елисавета дѣйствовала наперекоръ укоренившемуся у Нѣмцевъ вѣрованію, что безъ нихъ нѣтъ спасенія ни Русскимъ, ни вообще Славянамъ на землѣ. Если справедливо, что Елисавета увлекалась нерѣдко личнымъ чувствомъ мести и наговорами приближенныхъ, не заслуживавшихъ ея довѣрія, что она не любила занятій государственными дѣлами, что въ ея время еще слышалось страшное „слово и дѣло“, и сотни несчастныхъ съ рваными ноздрями и вырѣзанными языками ссылались въ Сибирь часто за ничтожное выраженіе или ничего незначащую выходку: то, съ другой стороны, будетъ несправедливо не признавать, что въ царствованіе именно Елисаветы впервые выказалось въ Россіи стремленіе къ смягченію жестокости уголовныхъ наказаній, и смертная казнь не была въ такомъ употребленіи, какъ въ предшествовавшее время, когда казнили смертью не только всякаго признаваемого за государственнаго преступника, но и старовѣра, который хотѣлъ креститься двумя, а не тремя перстами. Конечно, для насъ теперь кажутся ничтожными такія смягченія, но въ тѣ времена особенной жестокости и произвола они казались значительными. Какъ трудно было провести какое-нибудь смягченіе въ нашемъ уголовномъ

законодательствѣ, можно судить по приведенному выше случаю изъ разсужденій Сената и Синода о томъ, съ какихъ лѣтъ признавать преступника совершеннolѣтнимъ? Германъ въ своей исторіи Россіи неблагопріятно отзывается какъ обо всемъ царствованіи, такъ и о временщикахъ, въ то время бывшихъ. Дѣйствительно, послѣдніе, какъ и всѣ вообще люди, которымъ предоставляется неограниченный произволъ въ управленіи государствомъ, были тяжелы и ненавистны для народа: но, не смотря на то, они все-таки были всѣ коренные Русскіе и уже потому самому менѣе вредны. чѣмъ временщики-иноземцы. Напр. Алексѣй Разумовскій доставилъ, благодаря своему вліянію, много льготъ и облегченій для Малороссіи, что конечно, для Россіи было полезнѣе, чѣмъ въ прежнія времена покупка на Русскія деньги графства для Бирона въ Силезіи, или уплата Русскими же деньгами его Курляндскихъ долговъ. Петръ Шуваловъ привелъ въ хорошее состояніе Русскую артиллерію и заботился о своемъ корпусѣ болѣе, чѣмъ Минихъ, который ни во что ставилъ жизнь Русскаго солдата и славился своею жестокостію. Иванъ Шуваловъ основалъ въ Москвѣ Университетъ, въ Казани Гимназію, покровительствовалъ Ломоносову, а Разумовскій—Сумарокову. Могло ли придти въ голову что-нибудь подобное Бирону или Левенвольду, когда они не знали не только Русской грамоты, но не умѣли и двухъ словъ сказать правильно по-русски?

Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на царствованіе Елисаветы, тогда, конечно, будетъ понятна замѣтка отставнаго майора Данилова: „По кончинѣ ея открылась любовь къ сей монархинѣ и сожалѣніе. Всякій домъ проливалъ по лишеніи ея слезы, и тѣ плакали неутѣшно. кои ея не видали никогда. Толико была любима въ своемъ народѣ!“

И. Пек.

*

Печатныя извѣстія о Елисаветѣ и ея царствованіи, кромѣ разбросанныхъ свѣдѣній въ „Запискахъ“ Бергольца, дюка де-Лурія, Маништейна и обоихъ Миниховъ, у Германа въ его „Geschichte des Russ. Staates“, томы IV и V; по онъ, какъ замѣтили мы выше, одностороненъ, такъ какъ главнѣйше основывался на свидѣтельствахъ иноземцевъ и въ особенности Нѣмецкихъ дипломатовъ, которые имѣли свои причины быть недовольными направленіемъ тогдашней Россіи. Тоже можно сказать и о сборникѣ „La cour de Russie il y a cent ans“. О восшествіи на престолъ Елисаветы см. „Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи, 1840—42“ (1862). Любопытныя черты для той эпохи „въ Запискахъ“ Шаховскаго, Екатерины II, Болотова и Данилова. О царствованіи Елисаветы: см. въ „Молвѣ“ 1857 г. № 18: О пребываніи царевны Елисаветы Петровны въ Александровской слободѣ, въ „Русскомъ Словѣ“ 1859 г. №№ 2, 6 и 8, 1860 г. №№ 1 и 2. „Елисавета до восшествія на престолъ и первые два года ея царствованія“; въ „Запискахъ гидрогр. департамента“, 1847 г. ч. V „Мор-

скіе походы противъ Шведовъ 1742—43 г.г.“. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ 1860 г. № 13, о Натальѣ Лопухиной; о Семилѣтней войнѣ статьи въ „Военномъ Сборникѣ“ за 1857 и 1862.

Елисавета Петровна была высокаго роста и очень статна. Екатерина II въ Запискахъ своихъ говоритъ, что къ ней очень шоль мужской костюмъ, и она любила переражаться мужчиною, причемъ выказывалась лучше всѣхъ своихъ придворныхъ дамъ. Блестящей бѣлизны кожа, прекраснаго цвѣта темные шелковистые волосы, круглое лицо, впоследствии очень полное, тонко очерченные ноздри и ротъ, при живыхъ глазахъ составляли до того восхитительно красивое лицо, что не находилось красавицъ не только въ Россіи, но и между царствовавшими особами Европы, которыхъ бы Елисавета не затмѣвала своею наружностью. Ранній портретъ Елисаветы, безъ сомнѣнія, тотъ, гдѣ она вмѣстѣ съ старшею сестрою изображена въ видѣ крылатаго генія, кистью Каравака. Затѣмъ есть ея портретъ уже дѣвицею въ полномъ развитіи, около времени вступленія на престолъ. Изображеніе Елисаветы въ коронаціонномъ уборѣ (бѣломъ платьѣ, шитомъ золотомъ и императорской коронѣ съ мантиею) стоящей подъ балдахиномъ возлѣ трона со скиптромъ и державою въ рукахъ, сохранилось въ двухъ гравюрахъ чернымъ манеромъ Штенгайна, разныхъ размѣровъ; одинъ экземпляръ приложенъ къ изображеніямъ коронаціи, другой—къ похвальной одѣ Академіи Наукъ. Болѣе прочихъ знамениты портреты, писанные Токе (L. Tocqué 1758) и Ротари (1760). Первый написалъ превосходно императрицу во весь ростъ, въ голубомъ парчевомъ платьѣ, а Ротари—по грудь въ палантинѣ изъ черныхъ кружевъ, съ розою въ головномъ уборѣ. Съ живописи Токе превосходно выполнилъ большую гравюру въ Петербургѣ бывшій на службѣ Академіяхъ Наукъ и Художествъ, Берлинскій гравѣръ Шмидтъ въ 1761 году, за нѣсколько дней до смерти императрицы. Съ Ротари гравировалъ Е. П. Чемесовъ, иглою, тоже прекрасно.

II. II.

Замѣчательно, что императрица Елисавета, которая ни разу не вела войны съ Турціею, живетъ въ памяти Сербскаго народа; онъ приписываетъ ей, подъ именемъ „госпожи Елисавки“, подвиги Екатерины II противъ Турокъ, между прочимъ, завоеваніе Крыма. По нѣкоторымъ преданіямъ Сербскимъ, Московская царица „госпожа Елисавка“ послала вытребовать у султана свою *отчину*: „золотую корону царя Симеона (Немани, основателя Сербской державы), крещатое знамя царя Константина, золотой посохъ святаго Саввы, острую саблю сына Стевана (Душана) и икону отца Димитрія“. Султанъ Сулейманъ не хотѣлъ разстаться съ этою таинственною святынею, отдать которую,

по словамъ Сербской пѣсни, значило тоже, что отдать ключи отъ Стамбула, и началась война. „Госпожа Елисавка“ овладѣла Крымомъ, и таинственная святыня была отослана султаномъ въ Московскую землю.

А. Г.

Перепечатывается изъ книги: „Энциклопедическій Словарь, составленный Русскими учеными и литераторами. Отдѣленіе II. Томъ I. Е.—Елиз.“ С. П. б. 1863, стр. 459—475. Въ оглавленіи показано, что статью о Елисаветѣ Петровнѣ писали *И. Нек.* (И. И. Некарскій), *И. И.* и *А. Г.* (лица намъ неизвѣстныя). Этотъ Словарь находился въ вѣдѣніи А. А. Краевскаго, остановился на первыхъ буквахъ и нынѣ принадлежитъ къ книжнымъ рѣдкостямъ. П. Б.

Приводимъ на образецъ изъ I-й Книги „Архива Князя Воронцова“ письмо Елисаветы Петровны къ отбѣхавшему въ заграничное путешествіе графу М. Л. Воронцову, и при этомъ письмѣ сочиненный его акrostихъ. П. Б.

Письмо императрицы Елисаветы Петровны къ графу М. Л. Воронцову.

Другъ мой Михайла Ларивоновичъ.

За писанія ваши благодарствую и безъ ласкательства, но пзѣтнно съ радостію оныя, какъ отъ васъ, такъ и отъ дрожайшей моей Анны Карловны получаю, оными радовалася и желаю всѣмъ сердцемъ, чтобъ какъ туда едучи, такъ и возвращающи во всякомъ благополучіи васъ видѣть, чего всѣмъ сердцемъ желаю.

Присемъ еще къ вамъ письмо посылаю, что Бога ради подождите оныхъ посланныхъ, которыхъ я къ вамъ завтра отправлю. Я бы и вмѣстѣ съ онымъ курьеромъ послала, только опасалася, что васъ не догонитъ ихъ дождавши. Я сей моментъ услышала отъ Принцессы Сербской объ ономъ случаѣ. Только что вышла въ машбарадъ, то она мнѣ письмо отъ мужа показала, что Башвяки на границѣ стоятъ и какъ нерегулярное войско, то великую опасность надлежитъ имѣть. Впрочемъ вручаю васъ въ мплость Божию и остаюся вѣрная, чѣмъ и пребуду

Елисаветъ.

А к р о с т и х ъ *).

Сия удивленна нынѣ учинилась,
А что любовь сама во глупость вселила и себя уязвила
Мыслила тую болѣ въ умъ вселити,
А анъ, стала тая еще глупѣе быти.
Ревность пресильна въ нейъ пребываетъ и себя мертвитъ.
И сама не знае кто ея умерщвляетъ.
На то уноваетъ что сама не знаетъ, въ безумствѣ бываетъ.

*) На какую-то Самарину. П. Б.

О пребываніи царицы Елисаветы Петровны въ Александровской Слободѣ.

Нзъ преданій и записокъ историческихъ извѣстно, въ какомъ утѣшеніи жила Царица и Великая Княжна Елисавета Петровна послѣ кончины Августѣйшихъ своихъ родителей Петра I и Екатерины I. Сперва Меншиковъ и Долгоруковъ, потомъ Биронъ, Остерманъ и Минихъ дѣйствовали противъ нея своекорыстною политикою. Объ этомъ безвременіи такъ напоминаетъ современный ей проповѣдникъ Кириллъ Флоринскій, въ торжественномъ словѣ своемъ, произнесенномъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. 1741 года Декабря 18. именно въ день рожденія Императрицы. „Мы видѣли“, говорилъ онъ. „Елисавету тогда отъ всезлыхъ людей въ монастырь понуждаемую. приставленными неусыпными шпионами надзираемую. что пѣть, что дѣлать, куда ѣздить, съ кѣмъ бесѣдуетъ“.

Другой проповѣдникъ, Дмитрій Свѣченковъ, въ присутствіи самой Государыни. 1742 года Марта 25, описывая бѣдствія Россіи послѣ Петра Великаго, говоритъ между прочимъ, что „тайные враги отечества нашего и православія на самую порфиродную кровь возстали, на самую истинную наследницу хитрый совѣтъ свой удумали. не убоились правосудія и отмщенія Божія: не довольно имъ сего, что наследіе у нея отняли, что многія ей печали, оскорбленія и обиды чинили, никакого выхода, утѣшенія и довольства не давали“.

Въ такую годину жизни своей Августѣйшая дочь Петра Великаго, отдѣленная отъ престола и отъ двора, готовая принять, вмѣсто Императорской короны, монашескій клобукъ, пребывала по нѣскольку мѣсяцевъ въ Александровской Слободѣ. Враги ея избрали для нея это мѣсто, впрочемъ столь знаменитое въ отечественной исторіи.

Въ Александровъ грозный Царь Иванъ Васильевичъ, учредивъ опричину, удалился изъ Москвы съ дружиною своею и провождалъ монашескую жизнь въ тамошнемъ монастырѣ, предъ стѣнами коего совершались казни опальныхъ. Въ началѣ XVII столѣтія это мѣсто

ужасовъ обратилось въ мѣсто надежды и спасенія удрученной Россіи: здѣсь былъ ратный станъ доблественнаго Скопина-Шуйскаго. Наконецъ оно было свидѣтелемъ скорбныхъ дней гонимой дочери Петра I. Ея пребываніе въ Александровѣ оставило слѣды въ воспоминаніяхъ у тамошнихъ гражданъ и въ названіяхъ урочищъ это древней слободы, возставленной уже въ 1778 году на чреду уѣздныхъ городовъ Владимирской губерніи.

У Великой Княжны въ Александровѣ были два дворца, лѣтній и зимній. Одинъ находился при нынѣшней Преображенской церкви вмѣстѣ съ садомъ, который теперь застроенъ обывательскими домами; но воспоминаніе объ немъ сохранилось въ названіи улицы Садовой. Зимній дворецъ, подобно лѣтнему, деревянный, одноэтажный, на каменномъ фундаментѣ, занималъ мѣсто подлѣ нынѣшняго Христорожественскаго собора, на горѣ, которая и до нынѣ слыветь Царевойю. Въ то время, какъ Александрова Слобода переименована была въ городъ, жилъ въ дворцѣ Царевны городничій Осипъ Яковлевичъ Пльинъ.

Въ Александровѣ Царевна, вдали отъ дворца и столицы, проводила время въ духѣ и вкусѣ того вѣка. Она почти ежедневно слушала заутреню, обѣдню и вечерню въ монастырѣ; дома занималась чтеніемъ духовныхъ книгъ, иногда выѣзжала въ поле забавляться соколиною охотою. Самое мѣсто этой охоты на южной сторонѣ города носить названіе Охотнаго луга. На немъ, говорятъ, находился и сокольничій дворъ, гдѣ содержались и кречеты; теперь часть этого луга застроена бумаго-прядильнымъ заведеніемъ купчихи Барановой. Верстахъ въ 6-ти отъ города есть село Курганиха: туда-то Царевна ѣзжала смотреть травлю волковъ, отъ чего и самая роца при селѣ, нынѣ срубленная, слыла Волчьею. Объ масляницѣ у дворца собирались слободскія дѣвушки кататься съ горы на салазкахъ, связанныхъ вмѣстѣ ремнями. Какъ любительница пѣнія и сама прекрасная пѣвица. Цесаревна заставляла дѣвушекъ играть простонародныя пѣсни и за то награждала ихъ разными лакомствами: пряниками, Цареградекими стручками, орѣхами, маковой избойкой и т. д... Иногда она каталась въ лодкѣ по прудамъ, въ коихъ Іоаннъ Грозный топилъ опальныхъ; теперь на мѣстѣ этихъ прудовъ луговина.

Такъ коротала время въ своемъ изгнаніи Елисавета Петровна, какъ разсказывала монахиня Александровскаго монастыря Аполлинарія, умершая назадъ тому 30 лѣтъ на 110 году отъ рожденія. Соборный діаконовъ Александръ, дѣдъ нынѣшняго Христорожественскаго діакона Θεодора Петровича, имѣющаго 80 лѣтъ, передавалъ внуку своему, что онъ самъ нерѣдко видѣлъ Великую Княжну молившуюся предъ обра-

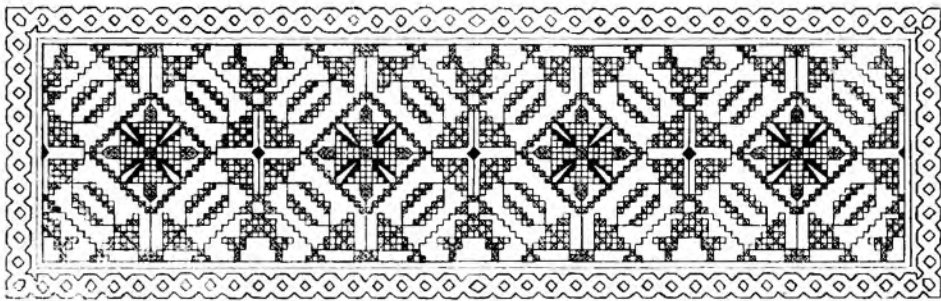
зомъ знаменія Пресвятой Богородицы. „Видѣли мы“, говоритъ Кирилль Флоринскій въ словѣ своемъ, „видѣли Елисавету въ горести сердца своего не иное что, какъ только жалостную оную къ Богу пѣснь съ Давидомъ поющую: доколѣ, Господи, забудеши мя до конца, доколѣ отвращаеши лице Твое отъ мене?“ Возлѣ лѣтняго своего дворца Цесаревна построила церковь во имя Св. Захарія и Елисаветы, что нынѣ придѣлѣ у Преображенской церкви. Причетъ этого храма съ царствованія Елисаветы Петровны до 1818 года получалъ жалованіе изъ конюшеннаго вѣдомства. За оказанныя услуги она перемѣнила фамиліи Александровскихъ купцовъ Жихаревыхъ на Первушиныхъ, Куренныхъ на Любановскихъ*). У нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ обывателей она крестила дѣтей. Въ двадцатилѣтнее свое царствованіе Елисавета Петровна оказала много милостей Александровскимъ обывателямъ, которые въ нуждахъ своихъ относились прямо къ ней. Воспоминаніе о пребываніи доброй Царевны Елисаветы Петровны еще живо въ Александровѣ, равно какъ и память о благовѣрныхъ Царевнахъ, дочеряхъ Царя Алексія Михайловича Маргаритѣ, Маріи и Θεодосіи, которыя проводжали иноческую жизнь въ тамошнемъ монастырѣ и тамъ погребены.

Сообщено изъ Александрови.

Изъ 18-го номера рѣдкой газеты „Молва“ 1857 года. П. Б.

*) Елисавета Петровна любила обращать день въ ночь и ложилась почивать очень поздно. Старикки рассказывали, что когда она уѣзжала изъ дворца, то иной разъ за ея каретою слѣвовала другая карета съ ночными принадлежностями, и это значило, что она возвратится къ себѣ уже на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Въ Петербургѣ, будучи уже императрицею, ѣзжала она къ купцамъ Балкашинымъ любоваться, какъ искусно ихъ сынъ мальчикъ плясалъ трепака. Она пожаловала ему дворянство и фамильное имя Рѣзвый. Одна изъ дочерей этого Рѣзваго была за Павловскимъ любимцемъ графомъ Кутайсовымъ, а другая за А. В. Казадаевымъ, сынъ котораго Владимиръ Александровичъ передавалъ намъ о вышесказанномъ. Императоръ Павелъ могъ звать графиню Кутайсову еще съ ея дѣтства. П. Б.

ИЗЪ „КНИГИ БЫТІЯ МОЕГО“ ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО. *)

1854—1860.

осьмого Мая 1854 г. Порфирій выѣхалъ изъ Іерусалима въ Италію. Посѣтивъ Анины, Тріестъ, Венецію, Падую, Миланъ, онъ 23 Іюня прибылъ въ Римъ, гдѣ и прожилъ до 12 Іюля.

Описывая подробно катакомбы, онъ заключаетъ: „Спрашивается, христіане ли устроили Римскія катакомбы? Не воспользовались ли они готовыми каменоломнями и аренаріями язычниковъ? На эти вопросы ученые до нашихъ дней отвѣчали, что христіане во время гоненій воспользовались готовыми песчаниками и каменоломнями для того, чтобы хоронить тутъ своихъ усопшихъ и тайно совершать свое богослуженіе. Но нынѣ это мнѣніе покинуто, потому что болѣе внимательное и болѣе научное изслѣдованіе катакомбъ породило иное весьма основательное мнѣніе, что эти усыпальницы суть дѣло рукъ христіанскихъ. Излагаю основаніе сего новаго мнѣнія. Во-первыхъ, язычники добывали себѣ надобные для строеній матеріалы только въ двухъ слояхъ земли, въ чистомъ нуццолаѣ, который они обращали въ цементъ, и въ слоѣ каменистомъ, tufa lithoide, изъ котораго вырѣзывали песчаниковые камни; христіане же напротивъ, обходили оба эти слоя, первый—по непрочности его и негодности для гробницъ, а второй—по твердой плотности его, требовавшей труда продолжительнаго, изнурительнаго и дорогаго, и искапывали свои усыпальницы въ слоѣ гранулярномъ, весьма удобномъ для выдѣлки въ немъ корридоровъ, сводовъ, кубикуль и церквичъ, коихъ стѣны отъ пропущеннаго въ нихъ воздуха и свѣта твердели достаточно. Во-вторыхъ: нѣкоторыя усыпальницы христіанскія, именно Св. Понтіана, Монвертъ, Св. Юлія и Св. Валентина, между рѣкою Тибромъ и старою дорогою Саларія, устроены въ слояхъ земли пещучническихъ, т. е. произведенныхъ осадками водъ морскихъ и рѣчныхъ; а язычники едва ли пользовались этими слоями, потому что они мало годны для

*) См. „Русскій Архивъ“ 1910 года, выпускъ 12-й.

построекъ и слѣдовательно невыгодны для кармана подрядчиковъ. Въ третьихъ, замѣтна величайшая разность архитектуроническая между аренаріями и каменоломнями язычниковъ и катакомбами христіанъ. Въ подземельяхъ языческихъ корридоры искривлены и обширны такъ, что по нимъ проходили навьюченные животныя, а въ христіанскихъ они прямы и узки; тамъ стѣны отлоги, откосны, а здѣсь прямолинейныя снизу до верха; тамъ нѣтъ никакихъ комнатъ, а здѣсь ихъ много, да и изъ нихъ однѣ квадратныя, а другія круглыя, третьи осьмиугольныя; тамъ не усматривается никакой особой задачи, а здѣсь повсюду видна одна руководящая мысль—суживать корридоры, дабы ихъ было какъ можно больше и дабы въ стѣнахъ ихъ помѣстить мертвенныя продольныя ложи, а тамъ и сямъ изсѣчь въ утесахъ сборныя и богослужебныя помѣщенія“.

По мнѣнію Порфирія, христіане вырубленный ими грануляръ на мѣстѣ мелко толкли и выносили въ лоцины и тутъ засѣвали травы и цвѣты или заваливали имъ прежнія катакомбы, дабы убересть ихъ отъ поруганія язычниковъ.

„Разсматривая Римскія святыни, пишетъ Порфирій, я чувствовалъ въ душѣ своей чистѣйшее веселіе духовное. Оно окрыляло меня и стремилло отъ одной церкви къ другой. Оно ввело меня и въ церковь Алексѣя, челоуѣка Божія. Эта церковь очень древняя. Она основана сенаторомъ Евонміаномъ въ царствованіе Оворія (393—403 г.г.), а нынѣшній видъ получила въ 1570 г. стараніемъ кардинала Квирини. До этой же поры убѣжавшій изъ Дамаска отъ Арабовъ митрополитъ Сергій въ 977 г. поселился при этой церкви и устроилъ монастырь Св. Воишатія, въ которомъ въ 981 г. было много монаховъ подъ начальствомъ аббата Льва. Въ 990 г. Пражскій епископъ Адалъбертъ тутъ омонашился вмѣстѣ съ послушниками своими, Іоанномъ Мудрымъ и Феодосіемъ Молчаливымъ. Съ 1426 г. этотъ монастырь занимають монахи-Іеронимиты. Въ церкви его чествуется древняя, поясная икона Пресвятой Дѣвы Маріи, когда-то принесенная съ Востока (быть-можетъ, Дамасскимъ митрополитомъ Сергіемъ). Лицо Ея полно и отдутовато, брови прямы, какъ у жителей Месопотаміи, глаза непріяты, носъ прямъ и длинноватъ, уста малы и скаты, десница немного приподнята (въ часъ молитвы), одѣяніе, какъ и на всѣхъ иконахъ Ея, но рукавчики оторочены золотомъ въ два ряда у самыхъ кистей ручныхъ и пониже ихъ. Пресвятая Дѣва написана безъ Младенца“.

Описывая далѣе храмъ Св. Петра, Порфирій отмѣчаетъ, что самое священное мѣсто въ этомъ храмѣ есть подхрамный вертепъ, въ которомъ покоятся святыя мощи апостоловъ Петра и Павла и останки многихъ папъ Римскихъ. „Я два раза благоговѣнно поклонялся онимъ мощамъ, хотя они и скрыты отъ взоровъ поклонниковъ. Вѣдь вѣра проникаетъ сквозъ камни и осязаетъ накрытыя ими святыни. Въ апостольскую усыпальницу обыкновенно спускаются по лѣстницѣ изъ верхней капеллы Св. Вероники. Этимъ ходомъ и меня свели туда. Что же я видѣлъ тамъ, кромѣ названныхъ мощей? Видѣлъ выпуклыя изображенія святыхъ (барельефы), статуи и гробницы папъ, кардиналовъ и знатныхъ мірянъ, и въ концѣ концовъ пресловутый саркофагъ Римскаго пре-

фекта Юнія Басса, умершаго въ 359 г. по Р. Х., съ изваянными на немъ событіями изъ Ветхаго Завета. У раки мощей Св. Петра и Павла мнѣ, не знаю почему, припомнились слова перваго апостола: любовь покрываетъ множество грѣховъ, и втораго—благодатію есте спасени. Эта рака, или точнѣе св. трапеза надъ нею, окружена красивою баллюстрадаю мраморною и постоянно освѣщается 142-мя лампадами изъ позолоченной бронзы.

Къ храму Св. Петра пристроенъ Ватиканскій дворецъ папы. Онъ имѣетъ свою исторію. Скажу ея. Папа Симмахъ (498—514 г.г.) построилъ его первый, разумѣется, въ небольшихъ размѣрахъ. Въ немъ жилъ Нѣмецкій императоръ Оттонъ II въ 981 г. Папа Евгеній III съизнова перестроилъ его (1150 г.) Целестинъ III увеличилъ (1191—1198 г.г.), а преемникъ его Иннокентій III обвелъ его каменною оградю и устроилъ башню надъ воротами. Во все время пребыванія папъ въ Авиньонѣ дворецъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ запущенъ, хотя и жили въ немъ папскіе вице-легаты. Когда же папа Григорій XI (1370—1378 г.г.) возвратился изъ Авиньона въ Римъ, тогда предпочелъ Ватиканъ Латерану, который тогда былъ необитаемъ. По смерти его въ 1378 г. тутъ былъ первый конклавъ, угрожаемый вооруженною чернью, которая требовала, чтобы папа былъ Итальянецъ. Избранъ былъ Урбанъ VI. Съ той поры Ватиканъ сдѣлался постояннымъ жилищемъ Римскихъ первосвященниковъ, и они возобновляли, перестраивали, увеличивали и украшали его, каждый по своему вкусу и по оказывавшимся надобностямъ. Посему этотъ дворецъ есть зданіе не прямолинейное, а многосложное. Въ немъ насчитываютъ 11000 помѣщеній и, говорятъ, что объемъ его равняется объему столичнаго города Сардиніи Турина. И такъ, выполненъ былъ планъ папы Николая V (1437—1445 г.г.), задумавшаго сгромоздить себѣ жилище обширнѣе и величественнѣе всѣхъ дворцовъ царскихъ, въ которомъ помѣщались бы всѣ кардиналы и всѣ прочіе чины и слуги, дабы католическіе народы, смотря на величіе его, видѣли въ немъ свое собственное величіе и крѣпили въ вѣрѣ въ Бога и въ папу. А меня не удивила громадная величина папскаго дворца, потому что я люблю величіе духа, а не матеріи, величіе вѣры, вѣдѣнія, художества, свитости. Въ этомъ дворцѣ я хорошо видѣлъ только капеллу Сикстову, ложи и стаицы Рафаеля, шнакоотеку и книгохранилище, а музей обошелъ скорымъ шагомъ.

Сикстова капелла построена была въ 1473 г. Сикстомъ IV. Строилъ же ея Флорентинскій задчій Баччіо Понтелли. Это домовая церковь папы не мала. Въ ней занимали мое вниманіе фрески, написанныя на стѣнахъ ея въ 1484 г. разными живописцами. Всѣхъ ихъ двѣнадцать”.

12 Іюля папа пожелалъ видѣть Порфирія. „Что это значило бы?“ отмѣчаетъ онъ. Меня просятъ не жаловаться папѣ. Я и не думалъ жаловаться. Благоразумно ли и пристойно-ли гостю быть челобитчикомъ? Да и кто поставилъ меня судьбою надъ католиками? Никто. Я не посланникъ Русскаго царя или Русской церкви. Ни онъ, ни она не дали мнѣ никакого порученія къ папѣ, никакого полномочія у него. Посему я не долженъ говорить съ папою, какъ дипломатъ. О чемъ онъ спроситъ меня, о томъ и возглаголю ему. Аминь.

Насталъ часъ отъѣзда моего къ папѣ. Подали мнѣ наемную карету. Я поѣхалъ, взявъ съ собою іеромонаха Теофана. Подѣхали мы къ Ватикану. Выходимъ туда по мраморной лѣстницѣ высокой. Я волнуясь, самъ не зная отчего. Отъ волненія подгибаются подколки мои. Думаю: до сей поры я еще семинаристъ, робѣющій предъ всякимъ высшимъ лицомъ и особенно предъ архіереемъ. Медленно приближаюсь къ верхней площадкѣ лѣстницы и слышу тутъ разговоръ о насъ людей. Кто-то проговорилъ, что мы Марониты, а другіе отвѣтили, что у Маронитовъ шапки не такія, какъ на насъ. Потомъ насъ называли то Греками, то Армянами, но противорѣчили имъ наши камилавки. Наконецъ, весь этотъ конклавъ рѣшилъ, что мы—Кальвинисты, потому что рясы у насъ съ широкими и длинными рукавами. Конклавъ замолчалъ. Насъ ввели въ предлинную горницу, въ которой всѣ стѣны покрыты фресковой живописью. Тутъ стояла въ стрѣѣ Швейцарская гвардія папы въ своемъ средне-вѣковомъ разноцвѣтномъ нарядѣ и алебардами своими отдала воинскую почесть; не мнѣ,—подумалъ я,—а ордену Государя моего. Изъ этой горницы ввели насъ напротивъ, въ другую комнату. Здѣсь стояла такъ называемая гвардія нобиле, гвардія изъ благородныхъ дворянъ, и отдала намъ воинскую почесть, приставивъ свои обнаженные тесаки къ своимъ мѣднымъ каскамъ. Я смекнулъ, что было приказаніе папы принимать меня съ такими почестями. Такой пріемъ нимало не польстилъ самолюбію моему, а въ папѣ выказалъ уваженіе къ Государю моему и къ ордену его. Изъ стоянки благородной гвардіи ввели насъ направо, въ третью небольшую комнату. Тутъ у комода стоялъ какой-то папскій чиновникъ, одѣтый въ Испанскую епанчу изъ чернаго бархата, и что-то писалъ. Онъ, раскланявшись съ нами, попросилъ насъ снять наши камилавки, поставить ихъ на стульяхъ и подождать приглашенія. Стоимъ и ждемъ: Меня волнуетъ загадочность, таинственность, неизвѣстность. Подошелъ ко мнѣ какой-то новый сановникъ и попросилъ меня войти въ сосѣднюю, четвертую комнату. Я тутъ и вижу, подходитъ ко мнѣ духовный сановникъ, молодой и красивый, въ красной одеждѣ безъ ничего на головѣ. Волнуемый я принялъ его за самого папу, хотя и зналъ, что его святѣйшество не только не молодъ, но и старъ и, поклонившись ему низенько, привѣтствовалъ его по-французски, *saint père*, святой отецъ. Сановникъ, замѣтивъ мою ошибку, положилъ бѣлую руку свою на плечо мое и сказалъ мнѣ: я не папа, а кардиналъ Гогенлое. Потомъ онъ спросилъ меня: что видѣли вы въ Римѣ особенно замѣчательное? Я отвѣтилъ ему: замѣчательны старинныя мозаики въ церквахъ и наипаче святыя образа Богоматери, писанныя Евангелистомъ Лукою.—Ужели вы вѣрите этому? возразилъ кардиналъ, усмѣхаясь. Его невѣріе подлѣ непогрѣшимаго папы, невѣріе непогрѣшимое въ отрицаніяхъ и сомнѣніяхъ, маленько озадачило меня. Но такъ какъ и самъ я сомнѣвался въ подлинности оныхъ образовъ, потому что они не походили одинъ на другой, слѣдовательно написаны не одною кистію, то и отвѣтилъ собесѣднику, улыбаясь: „да вѣдь вы же подписали подъ этими иконами: *ab evangelista Luca depicta* (евангелистомъ Лукою написана). Этимъ отвѣтомъ кончился разговоръ нашъ, потому что какой-то духовный въ бѣлой полурубашкѣ, какую надеваютъ католики въ церкви, по-

звалъ меня къ папѣ, въ пятую комнату. Онъ вошелъ туда, склонился къ полу и поцѣловалъ туфель папы. А я въ эту минуту установился у столика, на которомъ святой отецъ подписывалъ какія-то бумаги, и разсмотрѣлъ, что онъ одѣтъ въ бѣлый кафтанъ, застегнутый пуговицами отъ шеи до ступней, и что голова его прикрыта черною, низенькою камилавкою Доминиканскою. Лице у него бѣлое и полное, добродушное, но не выразительное. Весь онъ дороденъ. Начался разговоръ нашъ послѣ поясного поклона папѣ и послѣ цѣлованія его руки, протянутой по столу. Передаю этотъ разговоръ слово въ слово.

Я.—Святой Отецъ! Богъ сподобилъ меня поклониться святымъ мѣстамъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла и многихъ святыхъ мучениковъ. Къ этому блаженству моему присоединилось счастье видѣть ваше святѣйшество.

Папа.—А мое единственное счастье есть соединеніе церквей въ Іисусѣ Христѣ.

Я.—И мы ежедневно молимся о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединенія ихъ въ Іисусѣ Христѣ.

Папа.—Вы епископъ или архимандритъ?

Я.—Архимандритъ.

Папа.—Изъ какого монастыря?

Я.—Теперь я поклонникъ святынь, а прежде былъ настоятелемъ Успенскаго монастыря въ Одессѣ и профессоромъ богословія въ тамошнемъ лицѣѣ, который основанъ былъ дюкомъ де-Ришелье.

Папа.—Въ той сторонѣ есть городъ Херсонъ. Его назначило Русское правительство мѣстопробываніемъ нашего епископа, а потомъ вмѣсто сего города указало другой, именно Тирасполь; но и тутъ нѣтъ ни дома, ни семинаріи для нашего епископа, да и гдѣ самъ онъ находится, я не знаю. Впрочемъ, да будетъ воля Божія во всемъ. Эти послѣднія слова папа сказалъ по-итальянски, но какъ бы одумавшись, спросилъ меня: Вы говорите по-итальянски?

Я.—Non parlo, ma capisco qualche cosa. (Не говорю, но понимаю кое-что).

Послѣ сего его святѣйшество обратился къ спутнику моему Теофану и спросилъ его: гдѣ вы родились? Я за него отвѣтилъ: въ одномъ селѣ епархіи Орловской.

— О, Россія такъ велика, сказалъ папа, что я не знаю, гдѣ находится эта епархія.

Послѣ сего святой отецъ слегка наклонилъ свою голову въ знакъ окончанія аудіенціи и, сказавъ намъ обоимъ: да будетъ воля Божія надъ вами, протянулъ свою руку по столу. Мы поцѣловали ее благоговѣнно и, поклонившись ему, вышли изъ кабинета его. Прикладываясь къ рукѣ его, я видѣлъ на одномъ пальцѣ ея великолѣпный изумрудъ въ перстнѣ.

Итакъ, вотъ почему папа желалъ видѣть меня. Ему вздумалось черезъ меня передать свою жалобу нашему правительству. Я передалъ ее.

Отъ папы провели насъ къ кардиналу Антонелли, живущему въ Ватиканѣ. Онъ принялъ насъ весьма учтиво и любезно, и усадилъ меня подлѣ

себя на диванѣ, а отцу Теофану придвинулъ кресло. Разговоръ у нихъ происходилъ по-французски“.

14 Юля Порфирій былъ уже въ Ливорно, а 21-го въ Пизѣ.

„Пресловутая, писалъ онъ, наклоненная въ одну сторону, башня, она же и колокольня, въ восемь ярусовъ, основана была въ 1174 г., что доказываетъ надпись у входа въ нее. Строили же ее, по сказанію Пизанскихъ лѣтописей, зодчіе Боннано Пизанецъ и Вильгельмъ изъ Инспрука. А по мѣстному преданію, Томмазо Пизанецъ въ XIV вѣкѣ надстроилъ осьмой ярусъ для колоколовъ. Надъ входомъ въ эту колокольню въ стѣну вставлены изваянные въ мраморѣ лики Богоматери, Петра и Иоанна, а подлѣ двери, выше оной надписи, изображенія дракона, медвѣдя и козла, корабля и маяка. Все это зданіе снаружи украшено 180-ю мраморными колоннами. Въ толщѣ стѣнъ его устроена лѣстница съ 293-мя ступенями изъ бѣлаго мрамора. По нимъ всходишь въ седьмой ярусъ, освѣщенный шестью окнами, а отсюда по винтообразной лѣстницѣ, въ 37 ступеней, въ восьмой ярусъ, въ которомъ висятъ семь колоколовъ, подобранныхъ музыкально. Эта колокольня склонена въ одну сторону, полагають потому, что нетвердый материкъ, на которомъ она поставлена, покривилъ ее, когда выведенъ былъ третій ярусъ ея. Но едва ли это вѣрно: въ такомъ случаѣ зодчіе не надстраивали бы пяти ярусовъ на покривившемся внизу зданіи. Скорѣе можно думать, суди по великой толщѣ стѣнъ, что такая кривизна дана ей искусственно вставками желѣзныхъ связей въ стѣнѣ и вертикальныхъ блоковъ въ тѣ тяжелые камни, кои назначены были сдерживать уклонъ башни, сложенный изъ камней болѣе легкихъ, чѣмъ тѣ, кои сдерживаютъ ихъ“.

Прибывъ 21 Юля во Флоренцію и подробно описывая посѣщаемыя церкви и картинныя галереи, Порфирій, между прочимъ, останавливаетъ свое вниманіе на монастырѣ Францисканскихъ монаховъ, гдѣ въ храмѣ Св. Креста XIII в. есть достопримѣчательная живопись. Тамъ, въ придѣлѣ Бартола-Барди, богатаго купца Флорентинскаго, Джіотто историровалъ на стѣнахъ событія изъ жизни Св. Франциска“. На лѣвой стѣнѣ этотъ Францискъ, еще юноша, укрывается подъ ризою епископа отъ разгнѣваннаго отца и отъ мальчишекъ, бросающихъ въ него камни; одного изъ нихъ удерживаетъ женщина, а другого схватилъ за волосы одинъ изъ окружающихъ епископа. Разгнѣваннаго отца сдерживаютъ консулъ и родственники, дабы онъ не бросился на сына. Францискъ изображенъ нагимъ и благообразнымъ. На заднемъ планѣ видна красивая постройка. На правой стѣнѣ въ люнетѣ изображенъ Францискъ вмѣстѣ съ братією его на колѣняхъ предъ папою Оноріемъ. Папа сидитъ на тронѣ; около него два епископа. Эта картина отличается простотою сочиненія, а главная мысль ея есть основаніе онымъ папою монастыря ордена Францисканъ. На лѣвой стѣнѣ написана такъ называемая Огненная Ордалія. По срединѣ этой картины султанъ сидитъ на тронѣ и своимъ имамамъ указываетъ на христіанскаго Святого, приближающагося къ пылающему костру съ непоколебимою рѣшительностью. Святой Францискъ, осѣняя себя знаменіемъ креста, вступается

въ огонь. Имамы въ ужасѣ отступаютъ. Сзади Франциска монахъ удивляется, но надѣется на чудо. Слева двое изъ приближенныхъ султана нѣсколько насмѣшливо подстрекаютъ имамовъ идти въ огонь, дабы доказать превосходство Ислама предъ Христіанствомъ. Тутъ отъѣнно хороши восточныя лица имамовъ, отступающихъ отъ огня въ ужасѣ, и твердая, полная рѣшимости поступь Франциска.—Жаль, что немного испорчена картина подъ названіемъ: Явленіе Св. Франциска Антонію въ Арлѣ. Въ церкви Антоній служитъ обѣдню. Его монахи сидятъ тутъ на скамьяхъ. Имъ является Францискъ и показываетъ свои язвы. Мастерски написанъ этотъ Святой, уже лежащій на смертномъ одрѣ. Два монаха со слезами цѣлуютъ окостенѣвшія руки его, два другіе—ноги, четыре стоятъ сзади и скорбятъ. Спереди у одра на колѣнахъ невѣрующей Джироламо и въ язву влагаетъ перстъ свой. У головы и у ногъ усоншаго церковники съ крестомъ и свѣчами совершаютъ погребальный обрядъ. Одинъ изъ монаховъ съ удивленіемъ видитъ возносимаго ангелами на небо Франциска. Эта фреска по выразительности лицъ и по гармонической обработкѣ цѣлага есть наилучшее произведеніе кисти Джіотто.

Въ этой же церкви Св. Креста я видѣлъ надгробный памятникъ Софіи, графини Замойской. Она лежитъ. Голова ея приподнята: кажется, вотъ пробудится и встанетъ. Драпировка одежды на ней сдѣлана весьма искусно, какъ будто сшита наилучшею швеєю“.

12 Августа, по приѣздѣ въ Вѣну, Порфирій былъ у нашего посла князя Александра Михайловича Горчакова и записалъ разговоръ съ посломъ въ свой дневникъ „памяти ради“.

Посоль. Константинопольскій патріархъ въ своемъ окружномъ посланіи къ восточнымъ архіереямъ и христіанамъ выразилъ недоброе мнѣніе о Россіи. Чѣмъ объяснить нерасположенность къ намъ высшаго Греческаго духовенства?

И. На то есть причины важныя.

Посоль. Какія?

И. Политическія и церковныя.

Посоль. Объяснитесь.

И. Въ 1770 г. императрица Екатерина II, готовившая внука своего Константина на Византійскій престолъ и для того обучившая его Греческому языку, подстрекнула Морейскихъ Грековъ къ общему возстанію, которое произошло тогда и на островѣ Критѣ. Но извѣстно, чѣмъ кончилось это Морейское предпріятіе ея: Греки опять подпали подъ иго Турецкое, иго болѣе тяжкое. Посему они, никакъ не ожидавпіе нашей передачи ихъ Туркамъ, съ той поры начали охладѣвать къ намъ. Это—естественно. Въ 1788 г. опять вспыхнула война между Россією и Турцією, и Екатерина опять подстрекнула Грековъ къ возстанію; но уже не въ Мореѣ, а въ Эпирѣ и опять отдала ихъ Туркамъ, уступая угрозамъ Англій и Пруссій. Греки помнятъ это и опасаются насъ. Въ 1821 г. произошло общее возстаніе Грековъ. Тогда имъ не сочувствовалъ и не помогалъ Александръ Павловичъ. Его равнодушіе, замедлившее борьбу Элліновъ съ Турками, не забыто ими. Возстаніе, о которомъ я сейчасъ припомнилъ вамъ, кончилось освобожденіемъ Эллады отъ Турецкаго ига послѣ

Лондонской конференціи державъ 3 Февраля 1830 г. Съ сей поры Греки начали надѣяться болѣе на Францію, Англію и на себя, чѣмъ на Россію. Съ 1830 г. наше правительство неизбѣжно вмѣшалось въ узловатое дѣло объ имѣніяхъ, принадлежащихъ Гробу Господню, Синаю, Аѳону и патриархамъ Александрійскому и Антиохійскому въ Валахіи и Молдавіи, и настаивало, чтобы владѣльцы оныхъ имѣній давали опредѣленную часть огромныхъ доходовъ своимъ правительствамъ Валахскому и Молдавскому на общественныя надобности. Эта настойчивость наша, совершенно справедливая, къ сожалѣнію, столкнулась съ корыстолюбіемъ, надменностью и упрямствомъ Грековъ и произвела въ нихъ охлажденіе къ намъ. Тутъ мы виноваты безъ вины. Вдобавокъ ко всему этому, восточные патриархи опасаются, какъ бы и Болгарія не отдѣлилась отъ вселенскаго патриарха по примѣру Сербіи, Валахіи, Молдавіи и Элады, кои всеъ взирають на Россію, давно пенодѣждому сему патриарху. Таковы политическія причины нерасположенности къ намъ высшаго духовенства Греческаго. Угодно ли вамъ узнать причины церковныя?

Посоль. Любопытно.

Я. У Грековъ и у насъ одни и тѣже догматы и правила святыхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, одинъ и тотъ же уставъ богослуженія и одни и тѣже начала церковнаго управленія. Но сіе тождество, кромѣ догматовъ, существуетъ только въ книгахъ и въ воображеніи, а въ дѣйствительности оно не цѣльно. Мы разнимся отъ Грековъ во многомъ, повторяю—кромѣ догматовъ. Не стану перечислять вамъ всеъ на всеъ разности, дабы не показалось вамъ, что мы въ отношеніи къ Греческой церкви схизматики, но о нѣкоторыхъ изъ нихъ упомяну. Греки, вѣрные Евангельскому ученію, воспрещаютъ всякую присяжную клятву, кромѣ ей-ей, ни-ни; а у насъ, въ противность Евангелію, узаконена клятвенная присяга, и еще какаѣ? Клянусь Всемогущимъ Богомъ, вмѣсто предъ Всемогущимъ Богомъ. Въ Греческой церкви браки совершаются въ дальнихъ степеняхъ родства, а у насъ и въ близкихъ. Мы принимаемъ Католиковъ и Протестантовъ въ ограду своей церкви безъ перекрещиванія ихъ, а Греки вновь крестятъ ихъ, какъ еретиковъ. У насъ уже давно нѣтъ ежегодныхъ архіерейскихъ соборовъ, заповѣданныхъ правилами церкви вселенской, а у Грековъ нерѣдко бывають такіе соборы, хотя они и подъ игомъ иновѣрнымъ находятся. Греки весьма строго соблюдаютъ тѣ церковныя правила, которыми назначенъ 30-лѣтній возрастъ для рукоположенія въ священника и 25-лѣтній—въ діакона, и воспрещено въ іерейскій санъ возводить поповичей, а повелѣвается избирать въ іерен изъ всехъ сословій; у насъ же въ іерейскій и діаконскій санъ рукополагаются только поповичи, да и тѣ въ лѣтахъ весьма молодыхъ, что отталкиваетъ отъ насъ раскольниковъ. По одному изъ началъ церковнаго управленія во всей вселенской церкви существуетъ единое епископствованіе, и потому каждый епископъ отвѣчаетъ за цѣлость православія не только въ своей паствѣ, но и въ паствахъ другихъ епископовъ. Такая круговая отвѣтственность возможна и благотворна только тогда, когда всеъ епископы наблюдали бы другъ за другомъ, Греческіе за нашими, а наши за Греческими, наблюдали бы посредствомъ своихъ духовныхъ посланниковъ

при патріархахъ и владыкахъ автокефальныхъ церквей, каковыя посланники древле назывались апокрисиаріями, т. е. отвѣчающими. А гдѣ такіе посланники? Ихъ нѣтъ. Наше свѣтское посольство въ Константинополѣ вѣдаетъ и церковными дѣлами на Востокѣ; по его вмѣшательству въ эти дѣла противно дипломатіи церковной, по уложенію которой апокрисиарій долженъ быть не превосходительство, а высокопреподобіе или преосвященство. Соблюсти такое уложеніе надлежало бы намъ, свободнымъ и небѣднымъ, а у насъ никто не думаетъ о немъ. Другое начало церковнаго управленія гласитъ такъ: законодательная власть церкви, сосредоточенная во вселенскихъ соборахъ, есть сила и благо; а гдѣ у насъ сосредоточенность законодательная, centralisation législative? Нашъ Святѣйшій Синодъ есть власть исполнительная, но отнюдь не законодательная. Въ древнія времена законодательствовали вселенскіе соборы. Вселенско-соборное законодательство необходимо нужно и въ наши дни. Напримѣръ: вселенскій соборъ снялъ бы проклетіе съ нашихъ единовѣрцевъ и раскольниковъ, которое ихъ отталкиваетъ отъ насъ; онъ ввелъ бы вездѣ однообразное богослуженіе, нѣсколько разрозненное неумѣлыми исправленіями церковныхъ книгъ; онъ благословилъ бы христіанъ поститься по слову Евангельскому: аще хочещи поститься. Но къ сожалѣнію, государственныя власти тамъ-сямъ руководствуются своимъ особымъ принципомъ: *divide et impera*. Таковы церковныя причины нерасположенности къ намъ Греческихъ іерарховъ. (Я хотѣлъ сказать снисходительно, и въ оправданіе снисходительности ихъ къ намъ высказать третье правило шестого вселенскаго собора, которымъ заповѣдано соблюдать въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ челоуѣколюбіе и снисхожденіе). Но Горчаковъ, которому, какъ я замѣтилъ, правда колола глаза, прервалъ меня, сказавши: Довольно, довольно!.. Долго ли вы пробудете здѣсь? Нѣсколько дней, отвѣтилъ я ему и раскланялся съ нимъ. NB. Впослѣдствіи оказалось, что разговоръ мой произвелъ въ немъ сильное впечатлѣніе не въ пользу мою*.

30 Августа Порфирій былъ уже въ Варшавѣ. Будучи за молебномъ въ кафедральномъ соборѣ, передѣланномъ изъ костела, онъ видѣлся со многими генералами и съ фельдмаршаломъ Паскевичемъ. „Этотъ орелъ устарѣлъ!“ заключаетъ Порфирій.

Пробылъ Порфирій въ Варшавѣ пять дней. „Въ эти дни, пишетъ онъ, я обозрѣлъ Варшаву и старую, и новую. Разглагольствоваль о Востокѣ съ кафедральными отцами: протоіереемъ и ключаремъ; выслушиваль ихъ разглагольствованія и запася свѣдѣніями о Варшавской епархіи.

Кафедралы разсказывали мнѣ разные анекдоты, одни другихъ занимательнѣе.

1. Когда великій князь Константинъ Павловичъ управлялъ Польшею, тогда Волынскому архіерею Амвросію вздумалось видѣть православную церковь въ Варшавѣ и самый городъ сей. Не испросивши позволенія его высочества, Амвросій пріѣхалъ туда съ своимъ причтомъ и съ архимандритомъ Героосемъ. Варшавскій губернаторъ Курута (Грекъ) доложилъ о пріѣздѣ его Константину Павловичу. Великій Князь разсердился, однако пожелалъ принять архипастыря.

Когда Амвросій явился къ нему въ Бельведерь, его высочество долго не выходилъ изъ своихъ покоевъ въ пріемную горницу; вышедши же грозно спросилъ архіерея: откуда ты? Пресвященнѣйшій отвѣтилъ: изъ Волыни.

— Но зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда?

— Для обозрѣнія церквей, подвѣдомыхъ мнѣ.

— Здѣсь ихъ только двѣ (въ Варшавѣ и Калишѣ). Итакъ обозрѣніе ихъ не стоило труда. Ты женатъ?

— Я епископъ.

— Что жъ? Развѣ не сказали апостолы: епископу подобаеъ быти мужу единыя жены? Съ симъ словомъ великій князь повернулся круто и оставилъ архіерея въ величайшемъ недоумѣніи и смущеніи. Однако Амвросій, несмотря на такой жестокой пріемъ, служилъ обѣдню въ такъ называемой Подвальной церкви, а Курута угостилъ его сытнымъ обѣдомъ.

XB. Разговоръ его высочества съ Амвросіемъ слышали сопровождавшіе сего пресвященнаго архимандритъ Лероуей и кафедральный протопопъ Новицкій.

II. Когда великій князь Михаилъ Павловичъ, въ бытность свою въ Варшавѣ, началъ кончаться, тогда одинъ изъ адъютантовъ его поскакалъ за священникомъ, который исповѣдалъ бы его и пріобщилъ Св. Таинъ, но не засталъ дома ни протоіерея Новицкаго, ни ключаря Лотоцкаго, ни протопопа Лазенковской придворной церкви. Догадливая жена сего послѣдняго сказала гонцу, что мужъ ея гоститъ въ такомъ-то домѣ. Адъютантъ поскакалъ туда, нашелъ его тамъ и съ нимъ отправился къ великому князю. Но въ это время у него уже отнялся языкъ. Посему Лазенковскій отецъ не могъ исповѣдать его, хотя считался духовникомъ его. Въ эти дни Варшавскій архіепископъ Арсеній обозрѣвалъ свою епархію. Надлежало бы дать ему знать о смерти его высочества: но протоіерей Новицкій, желая первенствовать у гроба его и провожать тѣло въ Петербургъ, не сдѣлалъ сего и на предложеніе сослужителей своихъ увѣдомить архиепископа о печальномъ событіи, отвѣчалъ, что это не угодно фельд-маршалу Паскевичу. Когда въ соборъ вынесли тѣло царственнаго покойника, Новицкій захотѣлъ первенствовать въ священнослуженіи: Лазенковскій протопопъ, какъ духовникъ, не уступилъ ему первенства. Что же вышло отъ упорнаго соревнованія ихъ? Оба протоіерея стали рядомъ и оба говорили одинъ и тотъ же возгласъ: Яко ты еси воскресеніе... къ соблазну предстоявшихъ у гроба. Однако, тѣло провожалъ протоіерей Лазенковскій и въ Петербургѣ получилъ мзду свою; Новицкій же остался дома и награжденъ былъ гнѣвомъ архиепископа своего.

III. Государь Николай Павловичъ, когда бываеъ въ Варшавѣ, ни слова не говоритъ въ собраніяхъ съ епископами Римско-католическими, а съ суперъ-интендентомъ протестантскимъ разговариваеъ милостиво, разспрашивая его о благосостояніи вѣрноподданной ему паствы въ Польшѣ.

VI. Было давно. Попечитель Кіевскаго учебнаго округа фонъ-Брадке обозрѣвалъ гимназію въ Ровнѣ. Послѣ обѣда у законоучителя ея, протоіерея

Лотоцкаго, онъ, закуривъ сигару, вѣдумалъ позвать къ себѣ ученика третьяго класса изъ Поляковъ, дабы узнать, какого духа онъ и сверстники его родичи. Позванъ былъ лучшій ученикъ, лѣтъ 14-ти. Бродке спрашивалъ его, а тотъ отвѣчалъ:

— Любишь-ли ты Бога?—Люблю.

— Любишь-ли ты всѣхъ людей?—Люблю.

— Любишь-ли ты христіанъ?—Люблю.

— Любишь-ли ты православныхъ Русскихъ?

— Ни, ни, ни. Боже упаси меня отъ нихъ!

— Любишь-ли ты протестантовъ?

— Еще болѣе не люблю ихъ.

— А я протестантъ.

— Ученикъ испугался, заплакалъ и сквозь слезы проговорилъ: простите меня; я не зналъ, что вы протестантъ.

V. Ключарь Варшавскаго собора Аонасіій Лотоцкій, переведшій на Польскій языкъ разсужденіе студента Кіевской академіи Гогоцкаго о главенствѣ папы, далъ этотъ переводъ свой прочесть ректору Варшавской Католической Академіи. Какъ же отозвался о немъ сей ректоръ? „И прочесть вашъ переводъ, сказать онъ Лотоцкому, и прошу васъ знать, что если бы не было догмата о главенствѣ папы, то надлежало бы выдумать его“.

VI. Когда нашъ архіепископъ Смарагдъ былъ еще учителемъ въ Кіевской Духовной Академіи, тогда преподавалъ студентамъ полемическое богословіе и внушалъ имъ, что Римская церковь заблуждается, признавая источниками вѣры не одно Священное Писаніе, а и Преданіе. Не зналъ онъ, малосвѣдущій, что и православная церковь руководствуется кромѣ Писанія и Преданіемъ.

VII. Во время святительства въ Тамбовѣ нынѣшняго Варшавскаго архіепископа Арсенія сильно распространилось тамъ духоборство при помощи мѣстныхъ богатыхъ купцовъ и при корыстномъ бездѣйствіи тамошняго гражданскаго начальства. Ревностный архипастырь, желая искоренить эту ересь, дважды представлялъ дѣло о ней Св. Синоду съ показаніемъ надлежащихъ мѣръ къ истребленію зла. Но дважды отвѣчали изъ Петербурга: молчи, не достигнешь своей цѣли. Кто же писалъ такой отвѣтъ? Архіепископъ Григорій, поборникъ Православія. Однако преосвященный Арсеній не умолкъ. Случилось, что Государь Императоръ Николай Павловичъ остановился въ Тамбовѣ по случаю поврежденія ключицы въ плечѣ его. Этимъ случаемъ воспользовался названный архипастырь и, не смотря на разныя препятствія видѣть выздоравливающаго Государя, сподобился желанной аудіенціи. въ теченіе полутора часа бесѣдовалъ съ нимъ о духоборствѣ и успѣлъ склонить его къ принятію мѣръ для искорененія этой ереси. Государь, возвратившись въ свою столицу, сопричислилъ Арсенія къ ордену Св. Владимира второй степени, а въ Тамбовѣ послалъ своего флигель-адъютанта для разслѣдованія дѣла. Слѣдствіе кончилось тѣмъ, что многіе головы духоборцевъ были сосланы въ Сибирь.

VIII. Было давно. Черниговскій архіепископъ Лаврентій, какъ посѣтитель душъ, пріѣхалъ въ раскольничье село своей епархіи, именно Добрянку, и, созвавши жителей его, увѣщевалъ ихъ присоединиться къ православной церкви. Увѣщаніе его подѣйствовало на нихъ такъ, что они начали поддаваться. Но къ несчастію, архіепископъ, вынимая изъ своего кармана платокъ, дабы утереть имъ вспотѣвшее лицо свое, вмѣстѣ съ нимъ выхватилъ табакерку; она упала на полъ, изъ нея разсыпалось антихристово зеліе и одурманило раскольниковъ такъ, что они опрометью убѣжали отъ сладкоглаголиваго, но табачнаго проповѣдника чистаго Православія.

IX. При (покойномъ) митрополитѣ Петербургскомъ Серафимѣ министры и оберъ-прокуроръ Св. Синода сговорились между собою узаконить постановленіе, чтобы въ монашество всѣ постригаемы были не ранѣе 50-ти лѣтъ. Цѣль ихъ умысла понятна: тогда всѣ наши архіереи были бы дряхлые старики, а при дряхлости ихъ всѣ церковныя дѣла попали бы въ руки чиновникамъ. Государь передалъ сіе дѣло въ Синодъ на заключеніе, согласное съ мнѣніемъ митрополита. Но митрополитъ Серафимъ поѣхалъ къ нему и убѣдилъ его не нарушать древнихъ правилъ и обычаевъ православной церкви, касающихся монашества и епископовъ“.

Седьмой томъ „Книги бытія моего“ начинается съ пріѣзда Порфирія въ Петербургъ 2 Октября 1854 г.

„Пишу о своемъ первомъ свиданіи съ митрополитомъ Никаноромъ. Онъ принялъ меня сухо и, проговоривши, давно мы ожидаемъ васъ, спросилъ: зачѣмъ вы ѣздили въ Римъ? Я отвѣтилъ: туда увлекло меня желаніе поклониться мощамъ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла и изучить древнѣйшіе памятники христіанскаго зодчества и иконописанія.—Но вамъ не было позволено ѣздить туда, возразилъ онъ деспотически и отпустилъ меня съ наказомъ, чтобы я съ просьбами моими обращался къ его намѣстнику.

Намѣстникъ указалъ мнѣ двѣ грязныя кельи въ верхнемъ жилѣхъ подлѣ лаврскаго собора, у южной стороны его. Въ одной изъ нихъ помѣстился я, а въ другой служившій при мнѣ въ Іерусалимѣ студентъ семинаріи Петръ Соловьевъ. Насъ раздѣляли холодные сѣни.

Моя поѣздка въ Римъ, какъ сдается, взбудоражила духовное начальство. За неудовольствіемъ его скрывается что-то таинственное. Не явился ли въ Питеръ дьяволъ ранѣе меня и не нашепталь-ли, что я въ Римѣ сдѣлался католикомъ? Время раскроетъ сію тайну.

4. Понедѣльникъ. Въ часъ пополудни я по долгу службы явился въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Директоръ его Николай Ивановичъ Любимовъ*) принялъ и проводилъ меня ласково, разспросивъ о политическомъ проявленіи умовъ въ Италіи и Австріи. Товарищъ же

*) Н. И. Любимовъ, воспитанникъ Московскаго университета, пріятель П. А. Шлетнева, человекъ благожелательный, откровенно-просвѣщенный и оставившій по себѣ добрую память, какъ въ службѣ, такъ и въ обществѣ. Гдѣ остались послѣ него бумаги? П. В.

канцлера Левъ Григорьевичъ Сенявинъ чрезъ Любимова просилъ меня придти къ нему въ Среду, во второмъ часу пополудни. Въ министерствѣ мнѣ два теплые вѣтра вѣютъ и два солнца грѣютъ.

6. Среда. А въ духовномъ вѣдомствѣ обдалъ меня холодъ. Оберъ-прокуроръ Протасовъ, выслушавъ вызванный имъ самимъ рассказъ мой объ аудіенціи моей у папы, и только этотъ рассказъ, простился со мною, отвернувшись отъ меня по-солдатски, направо кругомъ. За то и душа моя стала къ нему задомъ. Директоръ канцеляріи его, Сербиновичъ¹⁾, принялъ меня и отпустилъ, ни о чемъ не спросивши и извинившись какимъ-то недосугомъ. А милый Сенявинъ обласкалъ меня, какъ нельзя лучше, и обѣщался поддерживать всеми силами. Я—одинъ и тотъ же; но въ глазахъ однихъ я бѣлъ, въ глазахъ другихъ и черенъ. Истинны слова Господа: не можете работать двумъ господамъ; одинъ возлюбить, а другой возненавидеть²⁾.

Превосходную характеристику Петербургскаго митрополита Никанора далъ намъ о. Морошкинъ²⁾.

„Никаноръ получилъ образованіе въ Троицко-Сергіевской семинаріи. Въ 1826 г. былъ епископомъ Ревельскимъ, въ 1831 г.—Калужскимъ, 1834—Минскимъ, 1840—Волынскимъ, 1843—архіепископомъ Варшавскимъ, 1848—Новгородскимъ, т. е. Петербургскимъ. † 1856 г. 17 Сентября.

Въ Варшаву, писалъ о. Морошкинъ, Никаноръ былъ переведенъ въ 1843 г., вмѣсто Антонія, съ оставленіемъ однакоже за нимъ и управленія Волынской епархіею и званія священно-архимандрита Почаевской лавры. Онъ находился въ это время въ Петербургѣ и, при отбытіи къ новому своему назначенію, удостоился прощальной аудіенціи у Государя. По уравненному уже Антоніемъ пути ему только оставалось дѣйствовать въ томъ же духѣ; а у него было довольно практическаго благоразумія, природной и заученной любезности, кротости и ласковости, чтобы удовлетворить всемъ требованіямъ. Между тѣмъ, частыя посѣщенія Варшавы Государемъ и членами царственнаго дома представляли для Никанора самые удобные случаи болѣе и болѣе дѣлаться извѣстнымъ всей царской фамиліи, и когда лейбъ-медикъ Арендтъ объявилъ, что положеніе Антонія безнадежно, почти все Петербургское духовенство было увѣрено, что мѣсто его займетъ Никаноръ. Предположенія эти оправдались: еще во время болѣзни Антонія, Никаноръ возведенъ былъ въ санъ митрополита Новгородскаго, съ порученіемъ управлять и С.-Петербургскою епархіею; по смерти-же перваго ему повелѣно быть митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ. Съ радостью и надеждою встрѣтила Петербургская паства новаго своего архипастыря: въ памяти ея жили еще годы

¹⁾ Уніатъ К. С. Сербиновичъ, нѣкогда бывший писцомъ у Карамзина, возвышенъ по службѣ графомъ Д. П. Блудовымъ. Онъ и А. П. Войцеховичъ возымѣли большое значеніе въ Св. Синодѣ, и наши церковныя власти, какъ напр. Иннокентій Борисовъ, должны были въ нихъ записывать П. Б.

²⁾ Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. т. 113, стр. 117.

его викаріатства здѣсь, и всѣмъ были извѣстны его кротость и любезность. С.-Петербургскій кафедральный протоіерей, въ привѣтственной рѣчи своей къ Никанору, назвалъ его желаннымъ. Дѣйствительно, послѣ несправедливаго, притѣснительнаго и продажнаго управленія тогдашняго С.-Петербургскаго викарія Наонаила, распорядившагося самовластно въ епархіи во все время болѣзни Антонія, Никаноръ былъ для Петербургскаго духовенства истиннымъ счастьемъ. Всѣ ожидали отъ него много добраго, и ожиданія эти сбылись, по крайней мѣрѣ отчасти: онъ не употреблялъ мѣръ строгихъ и жестокихъ, хотѣлъ быть доступнымъ и внимательнымъ къ своимъ подчиненнымъ и былъ съ ними кротокъ. Но, къ несчастію, особенная привязанность и слѣпая довѣренность къ вывезенному имъ изъ Волыни секретарю Навроцкому вскорѣ убавили уваженіе къ Никанору. Ректоры академіи и семинаріи, секретари консисторій, подъ защитою Навроцкаго дѣлали что хотѣли. Митрополитъ торжественно превозносить наставника, а ректоръ на другой или на третій день подноситъ ему докладъ объ увольненіи его отъ должности, и докладъ утверждается. Многія лица, которыхъ митрополитъ желалъ наградить, оставались безъ награды, потому что не имѣли счастья понравиться его секретарю. Онъ призвалъ къ себѣ престарѣлаго, но еще крѣпкаго въ силахъ священника Князе-Владимирской церкви и сказалъ ему: „Не пора-ли намъ съ тобой отказаться отъ нашихъ мѣстъ?“— „Не знаю, отвѣчалъ священникъ, пора-ли вамъ, потому что не знаю, какъ вы исправляете вашу должность, а мнѣ не пора, потому что я исправенъ въ своей: сегодня я отслужилъ обѣдню, да пять молебновъ, да двѣ всенощныхъ на дому, окрестилъ трехъ младенцевъ; да, если угодно вамъ, отслужу еще всенощную у васъ“. Отвѣтъ такъ поразилъ владыку, что онъ, не найдясь что возразить, безмолвно отпустилъ священника (который потомъ его пережилъ). Во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ Никаноръ, при большой скрытности и двоедушности, былъ ласковъ, любилъ пошутить, дать прозвище, напр., косоглазаго ризничаго Александро-Невской лавры всегда называлъ графомъ Косинскимъ; былъ богатъ правилами практической жизни и, подъ вѣчною улыбкою на устахъ, умѣлъ таить радость и горе, злобу и любовь, досаду и удовольствіе“.

Конецъ дневника 1854 года Порфирій заключаетъ такъ: „Истекшій годъ былъ замѣчательный годъ въ моей жизни. Въ теченіе его я нажалъ множество сноповъ чистой и вѣской пшеницы и возложилъ ихъ на алтарь науки. Помогать же мнѣ во всемъ Богъ. Податель разума и вѣдѣній. Хвала Ему! Аминь. *Spero dum spiro!* *)“.

На первой страницѣ своего дневника за 1855 годъ Порфирій заноситъ такія характерныя слова. „Человѣкъ, яко трава днѣ его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ. Въ часъ пополудни подъ шестнадцатый день текущаго мѣсяца волею Божіею скоропостижно скончался оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Протасовъ отъ болѣзненнаго расширенія сердца. Приглашенный къ нему священникъ уже не успѣлъ исповѣдовать его и причастить Святыхъ Таинъ, и

*) Надѣюсь пока живу.

только прочелъ отходную молитву. *Sic transit gloria mundi! Sic ex medio vivorum extirpantur potentes! Est Deus, Qui ad Suum terribile judicium appellat homines usurpantes sanctae ecclesiae jura* ¹⁾.

Исправленіе должности оберъ-прокурора поручено старшему въ Синодѣ чиновнику Александру Ивановичу Карасевскому ²⁾. Это человѣкъ большого роста съ небольшимъ умомъ. Слышно, что одинъ дежурный чиновникъ Св. Синода хотѣлъ было ночью выдать раскольникамъ отобранныя у нихъ книги; но часовой солдатъ, увидѣвъ его съ ящичкомъ, окликнулъ его. Окликнутый испугался, бросилъ ящикъ и убѣжалъ. А взялъ онъ съ раскольниковъ 2000 руб., или эти деньги были обѣщаны ему. Такимъ образомъ книги остались въ синодѣ.

Еще слышно, что Протасовъ, зная продѣлки синодскихъ секретарей, замедлявшихъ дѣла и увѣдомлявшихъ о ходѣ ихъ ради корысти своей, рѣшился смѣнить ихъ всѣхъ. Но смерть его остановила это справедливое и благое дѣло.

Небрежное отношеніе къ отобраннымъ у раскольниковъ иконамъ и рукописямъ—явленіе обычное. Продажа этихъ священныхъ предметовъ изъ консисторій совершалась безъ всякаго затрудненія. О рукописяхъ о.о. члены консисторій не имѣли, очевидно, никакого понятія. Въ моемъ собраніи есть рукопись: „Лусидарій“, арестованная у раскольника, съ консисторской печатью и надписью на ней, что это есть богопротивное, раскольничье сочиненіе“.

Пророческія сновидѣнія не покидали Порфирія.

Замѣчательно, какъ монахи, а въ особенности архіереи, любятъ подробно записывать свои сновидѣнія. Въ моемъ собраніи есть дневникъ Енисейскаго архіерея Никодима Казанскаго († 1874 г.). Дневникъ очень обширенъ, за много лѣтъ, но, кажется, добрая половина его наполнена описаніями бывшихъ ему сновидѣній.

6 Января 1856 г., пишетъ Порфирій, я вмѣстѣ съ митрон. Иваноромъ служилъ литургію въ большой церкви Зимняго дворца и ходилъ на Иорданъ на Невѣ-рѣкѣ. Митрополитъ не читалъ ни литургійныхъ молитвъ, ни молитвы на освященіе воды, дабы не удерживать царской фамиліи продолжительностью священнодѣйствій. Непростительное челоуѣкоугodie! Замѣчательное слабоуміе! Когда Императоръ спросилъ, почему митрополитъ не читалъ водоосвятительной молитвы, ему отвѣтили, что онъ прочелъ ее, идучи къ Иордану. Но Его Величество не былъ доволенъ этимъ ложнымъ отвѣтомъ и сказалъ, чтобы впредь не было никакихъ нарушеній церковнаго устава.

Послѣ освященія воды всѣ члены Св. Синода, митрополитанскій викарій Христофоръ и я обѣдали въ какой-то небольшой горницѣ дворца. Обѣдъ былъ

¹⁾ Такъ проходитъ слава мірская! Такъ изъ среды живыхъ исторгаются владыки. Есть Богъ, зовущій къ Своему страшному судилищу людей, оскорбляющихъ права свитой церкви.—Порфирій не зналъ, что Николай Павловичъ для этого и назначилъ графа Протасова об.-прокуроромъ Синода, чтобы править имъ самому и что въ этомъ виновны тогдашніе члены Синода. П. Б.

²⁾ Острое слово А. С. Хомякова: имя Карасевскаго напоминаетъ о рыбной пищѣ. П. Б.

сытный, но, къ удивленію моему, за столомъ не было ни министра двора, и никакого сановника, даже мелкаго. Угощали насъ одни лакеи. У одного изъ нихъ викарій Христофоръ попросилъ икры къ пирогу, но тотъ сказалъ ему: Батюшка, здѣсь этого не водится. Это поразило меня такъ, что я ничего не ѣлъ и не пилъ. Если такъ поступаютъ съ высшимъ духовенствомъ въ чертогахъ царскихъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что наши бояре потчуютъ своихъ священниковъ рюмкою водки и кускомъ пирога въ своихъ кухняхъ. *Exempla trahunt* *). За столомъ никѣмъ не было занято одинъ стулъ. Замѣтивъ это, царскій духовникъ Бажановъ обратился ко мнѣ и спросилъ меня: чей этотъ стулъ? Я промолчалъ, а на повторенный вопросъ этотъ отвѣтилъ: это—стулъ патріарха. Бажановъ прикусилъ свой сорочій язычекъ.

Носится слухъ объ унижительномъ для Россіи заключеніи мира. Всѣ высокопоставленные ропщутъ и уступчивую торопливость Императора объясняютъ нетерпѣливымъ желаніемъ его начать внутреннія преобразованія.

1 Ноября, сегодня я былъ у Андрея Николаевича Муравьева. Онъ повѣдалъ мнѣ, что новый оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Александръ Петровичъ Толстой предубѣжденъ противъ меня, не постыдившагося въ Иерусалимѣ и извѣстнаго ему еще по Одессѣ.

Не знаю, кто и кто внушилъ ему, что я вмѣстѣ съ подчиненными мнѣ лицами, изъ которыхъ три были міряне. Ѣлъ скромное въ Иерусалимѣ, гдѣ нечего болѣе есть и гдѣ всѣ владыки и монахи, по древнему обычаю, вкушаютъ пищу мясную; а въ Одессѣ, гдѣ Толстой недолго былъ градоначальникомъ, а я профессоромъ въ Лицеѣ, настроилъ его противъ меня извѣстный у насъ Магницкій, вмѣстѣ съ которымъ онъ воевалъ противъ графа Воронцова, любившаго меня крѣико, Магницкій, кѣмъ-то описанный вотъ такъ:

Безъ денегъ—пурить,
За деньги—атенить,
На тайной вечери—Гуда,
Магнитскій—чудо.

Этотъ-то Магницкій, неоднократно ссылаемый въ Ревель, Одессу и, наконецъ, въ Херсонъ, Магницкій, отъ котораго Одесскіе друзья мои предостерегали меня, какъ отъ чумы, и который, видя холодность мою къ нему, не любилъ меня и даже въ проповѣдяхъ моихъ отыскивалъ укорины себѣ (о чемъ я не помышлялъ), этотъ человекъ, дружа съ графомъ Толстымъ и вмѣстѣ съ нимъ порицая управленіе Воронцова и написавшій на него доносъ Государю Николаю Павловичу, наговорилъ ему, что я неправославенъ, что я *esprit fort et sceptique*, и не подвижникъ. Это было давно. Однако дикое эхо наговоровъ его отзывается и теперь въ душѣ Толстого. Злопамятенъ же онъ! Зла и жена его. Бывало въ Одессѣ, она, собираясь къ обѣднѣ, одѣлится пощечинами всѣхъ своихъ горничныхъ за неловкое одѣваніе ея.

А. Н. Муравьевъ разсказалъ мнѣ, что всѣ члены Синода недовольны самовластіемъ своего оберъ-прокурора, который не согласился обнародовать

*) Примѣры увлекаютъ.

новый переводъ Новаго Заветъа на Русскій языкъ, переводъ, о которомъ всѣ архипастыри разсуждали въ Москвѣ во время коронаціи Государя и рѣшили печатать его. Протопресвитеръ Бажановъ даже сказалъ въ Синодѣ, что имъ остается разсуждать только о пьяныхъ дьячкахъ. Государь повелѣлъ потребовать мнѣнія Московскаго митрополита Филарета объ этомъ переводѣ. По этому дѣлу оберъ-прокуроръ ѣдетъ въ Москву.

Онъ противъ воли Синода испросилъ у Государя позволеніе употребить 200000 рублей на расширеніе и украшеніе синодальной церкви, дабы она была образцовою. Для сего прикупить часть сенатскаго дома, смежнаго со зданіемъ синодальнымъ.

Онъ же и противъ воли Синода желаетъ вызвать въ Петербургъ Камчатскаго и Алеутскаго епископа Иннокентія для того только, чтобы посмотрѣть на него. Напрасно члены Синода говорили ему, что не должно отрывать этого святителя отъ дѣла его, и что у него нѣтъ викарія, который замѣнилъ бы его на время: Толстой настоялъ на своемъ.

Бываетъ несчастное время, когда стѣсняють кругъ благотворной дѣятельности даровитыхъ людей. Таково наше время. Недавно отсюда услали въ Казань умнаго ректора Петербургской семинаріи архимандрита Іоанна и на мѣсто сокола посадили ворону, архимандрита Нектарія, вызваннаго изъ Кіева на чреду священнослуженія. Ректора Академіи, пресвященнаго Макарія удалили въ Тамбовъ, гдѣ онъ будетъ судить пьяныхъ церковниковъ и гдѣ едва-ли продолжить исторію нашей церкви, которой только первые три части обнародованы на дняхъ. Онъ не имѣлъ счастья понравиться новому митрополиту-ригористу“.

Въ своихъ Запискахъ Порфирій горько сѣтуетъ, что въ Іерусалимскую миссію назначили вмѣсто него епископа Одесскаго Поликарпа Радкевича. Этотъ Поликарпъ пріѣхалъ въ Петербургъ. „Сегодня въ 10 часовъ пополудни я былъ у него въ первый разъ. Онъ не разспрашивалъ меня объ Іерусалимѣ, а только говорилъ о себѣ и о томъ, какъ бы жить ему тамъ удобнѣе. Отъ него слышалъ я, что имъ приглашены въ Іерусалимъ два монаха изъ Оптиной пустыни, куда онъ нарочито заѣзжалъ изъ Воронежа, и что митрополитъ Григорій велѣлъ ему подать записку объ увеличеніи числа членовъ миссіи однимъ діакономъ.“

12-го Августа фрейлина Эйлеръ письмомъ изъ Вильбада уведомила меня, что великій князь Константинъ Николаевичъ, недовольный выборомъ „блаженныхъ нищихъ духомъ на служеніе въ Іерусалимъ, гдѣ съ голубиною кротостію должна сочетаваться мудрость змѣиная, признавалъ за нужное дополнить нищету духа избранныхъ туда лицъ моими дарованіями и опытностію. Однако, къ удивленію моему, до сей поры еще не объявлены мнѣ ни приказъ, ни отказъ ѣхать въ Святой градъ, хотя князь Горчаковъ въ сильныхъ выраженіяхъ требовалъ меня у Синода. Медленность сего дѣла безпокоитъ меня, а таинственность пугаетъ.“

Епископъ Поликарпъ усиливается устранить меня отъ дѣла Божія, говоря, что ему визирь не нуженъ. Но если онъ не султанъ, то и я не визирь. Я священникъ Бога Вышняго, и ни ему, и никому не позволю называть себя иначе. Время покажетъ: пожертвуютъ-ли дѣло капризу преосвященнаго старика.

День 15-й. Этотъ старикъ осмѣивъ и устраненъ отъ дѣла Божія въ Іерусалимѣ. Какъ? Онъ въ первое свиданіе свое съ министромъ Горчаковымъ предъявилъ ему, что поѣдетъ въ Святый градъ только тогда, когда дадутъ ему въ распоряженіе не менѣе 300000 рублей на нужды Палестинской церкви. Такое предъявленіе показалось министру весьма страннымъ и сразу убѣдило его, что Поликарпъ малоуменъ и потому не можетъ быть начальникомъ миссіи. Подъ вліяніемъ такого убѣжденія Горчаковъ увѣдомилъ Синодъ, что онъ признаетъ сего архіерея неспособнымъ къ дѣламъ на Востокѣ и просилъ избрать на мѣсто его кого-либо другого. Синодъ выбралъ епископа Мелитопольскаго Кирилла *).

По поводу этого назначенія Порфирій пишетъ: „Прощай, Святый градъ! Не жить мнѣ тамъ. Пригласили меня туда даже именемъ высочайшихъ особъ и снова оттолкнули. Какимъ же чудомъ одинъ и тотъ же я въ одно и то же время нуженъ и ненуженъ, полезенъ и неполезенъ, свѣтель и темень? Если о мнѣ сказано, какъ о сладчайшемъ Иисусѣ, что я—ядца и винопійца и другъ грѣшникамъ и грѣшницамъ, то я принимаю на себя это безславіе, какъ мутную волну принимаетъ утесъ, на вершинѣ котораго растутъ плодоносныя древа. Но ежели считаютъ меня неспособнымъ представлять нашу церковь на Востокѣ, потому-де что я не убѣжденъ въ правотѣ ея, то ошибаются жестоко. Я родился, выросъ, возмужалъ, состарѣлся и умру подъ сѣнію алтаря Русскаго. Любовь моя къ отечеству и царю пламенна. Союзъ мой съ возродившею меня церковію нерушимъ. Убѣжденія мои въ правотѣ ея уяснены во мнѣ болѣе, чѣмъ въ комъ-либо. Когда я говорю духовнымъ и мірянамъ о разностихъ между нашею и Греческою церковью, тогда одни изъ нихъ молчатъ, не умѣя разсуждать объ этомъ предметѣ, а другіе несправедливо укоряютъ Грековъ въ отступленіи отъ Православія. Лишь я одинъ знаю примирительное начало, подъ которое коль скоро подведу эти разности, онѣ тотчасъ теряютъ свое значеніе. И, не смотря на то, меня мучатъ, какъ невѣрнаго. О, зачѣмъ мнѣ суждено имѣть большую извѣстность? Лодочки спокойно стоятъ въ пристани, а боевой корабль среди океана обуреваемый грозными волнами. Тростинки растутъ роскошно на сырой землѣ, а кедръ на высотѣ каменистаго Ливана расщепывается молніею. О, недруги мои, дайте мнѣ безвѣстность! Дайте мнѣ покой! Я васъ прощаю.

Синодъ и графъ Толстой хотѣли послать въ Іерусалимъ меня въ санѣ епископа, но воспротивился имъ князь А. М. Горчаковъ.

*) Кириллъ былъ въ Іерусалимѣ до 22 Іюня 1863 года, послѣ чего за немѣніемъ вакантной епископской каѳедры былъ помѣщенъ въ Казанскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, гдѣ † 1866 г.

24 Апрѣля, Сербиновичъ записочкою своею увѣдомилъ меня, что указъ Св. Синода о поѣздкѣ моей на Востокъ отправленъ къ митрополиту Григорію 22 Апрѣля, и присовокупилъ, что графъ Толстой нетерпѣливо ожидаетъ отъ меня мнѣнія о переводѣ Св. Писанія на Русскій языкъ.

Митрополитъ Григорій лично вручилъ мнѣ выписку изъ онаго указа. Вотъ она: 1. Архимандрита Порфирія, согласно его прошенію, уволить въ отпускъ за границу на Востокъ въ поименованныя въ его прошеніи мѣста, срокомъ на одинъ годъ, для посѣщенія оныхъ съ набожною и ученою цѣлями, и для взятія изъ Іерусалима оставшагося тамъ имущества и бібліотеки.

2. Поручить ему, чтобы онъ представилъ духовному начальству, какія собереть ученныя свѣдѣнія о церковной архитектурѣ и живописи, съ присовокупленіемъ описанія церковныхъ утварей, бібліотекъ и архивовъ, и чтобы въ Египтѣ возобновилъ свои сношенія съ Коптскимъ духовенствомъ, котораго вниманіе къ церкви нашей привлечь въ прошедшую свою поѣздку.

3. Для исполненія возлагаемыхъ на него порученій прикомандировать къ нему, въ качествѣ послушника, воспитанника С.-Петербургской семинаріи Благовѣщенскаго съ зачисленіемъ сей командировки въ духовно-учебную службу для должности учителя семинаріи.

4. Сохранивъ архимандриту на все время отсутствія его на Востокъ получаемые имъ нынѣ отъ духовнаго вѣдомства оклады, особо выдать на путевыя издержки 1500 рублей, а воспитаннику Благовѣщенскому 750 рублей, итого 2250 рублей изъ духовно-учебныхъ капиталовъ.

День 27. Получивъ это постановленіе Св. Синода, я письменно просилъ Сербиновича ускорить выдачу мнѣ и Благовѣщенскому 2250 р. и тѣмъ облегчить наше путешествіе въ такой странѣ, какова Турція, гдѣ разновременная пересылка денегъ сопряжена съ большими затрудненіями и убытками, оттого что тамъ во многихъ мѣстахъ нѣтъ ни казенныхъ почтъ, ни банкировъ“.

Просимыя деньги были выданы обоемъ.

Порфирій выѣхалъ изъ Петербурга на Афонъ 8 Мая 1858 г. Объ этой поѣздкѣ имъ подробно разсказано въ его печатномъ трудѣ: „Второе путешествіе по св. горѣ Афонской“ (М. 1880 г.). Въ Январѣ онъ отправился въ Константинополь, а оттуда въ Февралѣ уѣхалъ въ Іерусалимъ.

Все страницы дневника Порфирія за это время наполнены описаніемъ иконъ, рукописей, церковной живописи. Изрѣдка попадаются замѣтки такого рода: „Во время нынѣшняго пребыванія моего въ Св. Градѣ мѣстнымъ христіанамъ въ Юлѣ мѣсяцѣ угрожала опасность отъ фанатическихъ магометанъ, наэлектризованныхъ Дамасскою рѣзней. Но грозу эту предотвратили Іерусалимскій наша и командиръ Турецкаго батальона, получившіе денежный выкупъ нашей жизни изъ Святогробской казны. Во дни этой опасности я не трусилъ, однако нигуда не выходилъ изъ дома, а порою подшучивалъ надъ самимъ собою, прискивая себѣ убожице на кровлѣ дома за трубою, какъ будто тутъ не

увидятъ меня кровопийцы. NB. Избіеніе христіанъ въ Дамаскѣ началось 27 Іюня текущаго года и продолжалось восемь дней. Убиты 3000. Сожжены ихъ дома и церкви, патріархія и Никольская церковь въ ней разрушены.

Въ одинъ изъ пасхальныхъ дней я обѣдалъ у начальника нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ епископа Кирилла. Къ обѣду приглашены были графъ Адлербергъ съ женою-красавицею¹⁾, которая въ великую Субботу, смотря на раздачу христіанамъ благодатнаго огня и на пляску Арабовъ съ этимъ огнемъ вокругъ пана земли, сказала мнѣ: *c'est suave, mais c'est beau*²⁾. Нашъ вице-консулъ Марабути съ женою-красавицею, выкрестъ Левисонъ, бывшій преподаватель Еврейской словесности въ Петербургской Духовной Академіи, стоявшій задомъ къ св. трапезѣ съ закинутыми на задницу руками во время литургіи въ Воскресенскомъ храмѣ и прочіе, и прочіе. Пили Шампанское вино. Разговоры слышались пустыя. Хозяинъ-легкомысленъ.

Не легкомысленно ли держать курятникъ на балконѣ своего дома, который видятъ всѣ мимоходящіе? Не легкомысленно ли гулять у святой рѣки Іордана съ книжницею Шаховскою въ бѣлыхъ балахонахъ и съ вѣнками изъ цвѣтовъ на головѣ? Не легкомысленно ли обнимать шею молодой попадѣи, привезенной въ Св. Градъ какимъ-то Сабуровымъ изъ Царскаго Села, обнимать на балконѣ и оттуда бросать конфеты и мелкія деньги Арабченкамъ, тогда какъ никто не знаетъ, что эта попадѣя родня ему? Не легкомысленно ли въ присутствіи чужихъ людей (лѣкаря Шульца) подавать этой попадѣи бисеръ, насыпанный у нея между ногами пониже живота, и купаться вмѣстѣ съ нею въ Іфскомъ морѣ? Не легкомысленно ли во время экзамена учениковъ въ Крестномъ монастырѣ, въ присутствіи іерусалимскихъ владыкъ и при мнѣ, сидѣть на крестѣ небрежно и играючи наматывать четки на указательный палецъ?“

Изъ Іерусалима Порфирій выѣхалъ 24 Іюля и прибылъ въ Одессу 12 Августа. Онъ получилъ 16 Сентября телеграмму и отношеніе духовно-учебнаго управленія при Св. Синодѣ: ему разрѣшалось отправиться на 3 мѣсяца за-границу и преепровождаться 3000 рубл. Онъ выѣхалъ 20 Ноября въ Константинополь, затѣмъ въ Декабрѣ въ Сирію.

„Сирійскіе уніаты обращаются въ Православіе но видамъ и побужденіямъ корыстнымъ. Гермонахъ Гавріиль Жебара, муропомазанный въ Константинополь 26 Ноября, не очень благонадеженъ. Православная церковь св. апостола Оомы въ Тирѣ починается. Изъ семействъ, пострадавшихъ въ Дамаскѣ и въ другихъ мѣстахъ Сиріи, женщины, лишившіяся своихъ мужей и братьевъ и пришедшія въ Бейрутъ, избавлены нашимъ консульствомъ отъ позорной жизни укрытіемъ ихъ въ наемномъ домѣ и подчиненіемъ надзору. Нѣсколько ихъ помѣщено въ семи комнатахъ, пристроенныхъ къ загородному народному учи-

¹⁾ Знаменитая Амаліею Максимиліановной, рожд. Лерхенфельдъ, въ первомъ бракѣ баронессою Крюднеръ. Она воспитана О. И. Тютчевымъ. П. В.

²⁾ Это дико, но прекрасно.

лицу. Кормить же ихъ Турецкое правительство, выдавая еженежно одинъ піастръ (5 коп.) на душу.

Христіане не возвращаются въ Дамаскъ, потому что боятся тамошнихъ магометанъ, да и не на что имъ обстроиться и обзавестись; ибо Турецкое правительство хоть и обѣщалось вознаградить всѣ убытки ихъ, но до сей поры не исполняетъ своего обѣщанія. Изъ числа пострадавшихъ христіанъ одни живутъ въ Тирѣ, другіе въ Сидонѣ, а больше въ Бейрутѣ. Вотъ уже 20 дней прошли. Фуадъ-паша ни одной парички не даетъ имъ и не кормитъ ихъ.

Французская императрица Евгенія разорилась со своимъ мужемъ за Римскаго папу и потому отлучена въ Англію погулять тамъ. Испанцы просили ее, какъ свою соотечественницу, ходатайствовать предъ Наполеономъ III за папу. Но ходатайство ея не уважено.

Я говорилъ Бегеру о продажѣ богатыхъ святогробскихъ и прочихъ имѣній въ Валахіи и Молдавіи тамошнему правительству, и особенно тѣхъ имѣній, кои приобрѣтены покупкою и, выставивъ выгодность этой мѣры для обѣихъ сторонъ, т. е. для оного правительства и Греческаго духовенства, присоветовалъ, что упорство Святогробцевъ, Синаитовъ, Аѳонцевъ и прочихъ понудить господара отобрать всѣ имѣнія по праву сильнаго.

24 Декабря, въ девять часовъ пополудни, чугулька покатила меня въ столицу Египта и прикатила въ пять пополудни. Изъ патриархіи за мною прислали къ вокзалу великолѣпную карету, а когда я приѣхалъ туда, помѣстили въ темноватой и душевой комнатѣ у воротъ, гдѣ встрѣтили и приняли меня сухо архидіаконъ Мелетій и какаа-то баба Катерина. Къ постному ужину, какой только могъ быть изготовленъ въ Рождественскій Сочельникъ, явился, кромѣ реченнаго Мелетія, діаконъ и учитель Никаноръ, не кончившій курса въ Аѳонскомъ университетѣ, самый лихорадочный Грекъ, да ужъ и угостилъ меня своими дерзкими рѣчами, говоря неустанно:

Стыдно Русскому Императору не освободить крестьянъ отъ самаго тяжелаго рабства. Не говорите, что они будутъ освобождены. Ваше развратное дворянство воспротивится этому благому дѣлу.

Россия оказываетъ свое покровительство глухимъ Болгарамъ и всячески ослабляетъ благотворное вліяніе на нихъ Греческихъ архіереевъ, замышляя дать имъ церковную автокефалію (я отпалилъ ему: Болгары намъ братья, и мы освободимъ ихъ, чего бы то ни стоило).

Ваша война съ Турціею въ 1854 г. затѣяна была не въ добрый часъ, и тяжесть ея впоследствии пала на Грековъ (промолчалъ, но оскорбился этою выходкою недруга).

Богословіе лучше преподается въ Германіи, нежели въ Россіи (я замѣтилъ ему: вы не слушали этой науки ни у насъ, ни у Нѣмцевъ; слѣдовательно, говорите о томъ, чего не знаете).

Архидіаконъ Мелетій, въ свою очередь, злостно промолвилъ: Россія не поддерживаетъ Александрійскій престижъ патріаршіи, ибо господарь Молдово-влахи Куза отобралъ имѣнія его въ свою казну. Услышавъ сей упрекъ намъ, я не выдержалъ и высказалъ архидіакону тоже, что выразилъ патріарху его Каллинику. Потомъ онъ повѣдалъ мнѣ, что въ Нижне-египетскихъ слободахъ Мансурѣ и Тантѣ и въ Верхне-египетскихъ городахъ Миніэ, Монфалутѣ и Гиргэ поселились Греческіе покупщики хлопчатой бумаги и другихъ произведеній и привезли туда бумаго-чистительныя машины, и что въ Мансурѣ уже построена для нихъ церковь, а въ Тантѣ и въ другихъ мѣста будутъ строиться храмы Божіи. И такъ мы, заключилъ онъ, и въ Египтѣ будемъ хозяйничать и насаждать милый намъ эллинизмъ (и промолчалъ).

Всѣ эти рѣчи огорчили меня, и я рѣшился завтра же перейти въ городскую гостинницу, дабы болѣе не слышать подобныхъ упрековъ и выговоровъ.

25. Утреню и литургію служилъ въ патріаршей церкви Синайскій архі-епископъ Кириллъ. Я молился въ алтарѣ. Послѣ священнослуженія предложено было гостямъ и мнѣ обычное у Грековъ угощеніе вареньемъ и кофеемъ. Я пригубилъ то и другое и тотчасъ ушелъ въ свою комнату, гдѣ и уложилъ въ чемоданъ все дорожное свое, рѣшившись перемѣститься въ гостинницу. Узналъ объ этомъ архидіаконъ Мелетій и началъ упрашивать меня остаться въ патріархіи, но не упробилъ. Разставаясь съ нимъ (около полудня), я не безъ суровости высказалъ ему вотъ что: Народъ Греческій вездѣ любитъ насъ Русскихъ, а духовенство ваше не любитъ. Но какое зло мы сдѣлали ему? Никакого. Напротивъ, ваша свобода, какою вы пользуетесь теперь, куплена нашею кровію; въ прошломъ году мы прислали Александрійскому патріарху 48520 руб. Не забываете сего. Прощайте!“

17 Марта 1861 г. Порфирій возвратился въ Константинополь, а съ 22 Апрѣля по 15 Іюля былъ снова на Аѳонѣ, гдѣ продолжалъ свои ученныя изслѣдованія. Черезъ Константинополь Порфирій пріѣхалъ назадъ въ Одессу и 13 Августа заноситъ въ свой дневникъ:

„Я уже въ Одессѣ и помѣстился не въ архіерейскомъ домѣ, гдѣ не на чемъ спать, гдѣ канли воды не подадутъ служки и гдѣ много другихъ неудобствъ, а въ гостинницѣ Лондонъ на бульварѣ. Здѣсь получено мною письмо графа Толстого отъ 15 Декабри 1860.

Кончены мои путешествія по Востоку. Теперь остается мнѣ привести въ порядокъ всѣ собранныя свѣдѣнія и напечатать ихъ. Господи! Благослови и это дѣло мое.

Кончены мои многочисленныя плаванія по морьямъ Черному, Мраморному, Эгейскому съ Архипелагомъ, Средиземному, Адриатическому и Красному. Сорокъ шесть разъ я садился на пароходы и никогда не страдалъ такъ называемою морскою болѣзнію. Морской воздухъ живилъ и укрѣплялъ мое брѣнное тѣло. Во время плаваній въ глазахъ моихъ рисовались мальчишки Греческіе, Албанскіе, Турецкіе. Арабскіе, Абиссинскіе, Негрекіе, Валахскіе, Итальян-

скіе, Французскіе, Англійскіе, Нѣмецкіе, Американскіе, Сербскіе, Болгарскіе, Черногорскіе. Всѣ видѣнные мною люди, какъ и быть, люди, а Негры составляютъ переходъ къ нимъ отъ обезьяны.

„Книга бытія моего“ преосвященнаго Порфирія заканчивается 8-мъ томомъ, о которомъ мною было уже сообщено въ III-й книгѣ „Русскаго Архива“ за 1905 годъ.

Преосвященный Порфирій въ качествѣ эпитафия къ одному изъ своихъ сочиненій помѣстилъ слѣдующее изреченіе Лафатера: „Отыскивать истину въ путаницѣ понятій, предощущать ее, находить ее, исправлять свои ошибки,— вотъ моя утѣха, мое стараніе“. Этотъ эпитафій характеризуетъ всю научно-литературную дѣятельность Порфирія. Любовь къ истинѣ была ему присуща, усилія къ отысканію ея были велики, а пріобрѣтаніе ея всегда доставляло ему чистую радость. Эта любовь къ исторической правдѣ не оставляла автора даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его глубокое религиозное чувство, привыкшее цѣнить благочестивыя преданія старины, дѣлало какъ бы нѣкоторыя преграды критическому уму преосвященнаго *).

Преосвященный Порфирій, писалъ, профессоръ Московской духовной академіи Лебедевъ, такъ много трудился ради науки и такъ много написалъ цѣнныхъ сочиненій, что его справедливо называли иногда „мученикомъ науки“. Однихъ морскихъ путешествій онъ совершилъ не менѣе 16. Въ похвалу преосвященному прибавляютъ то, что онъ не пряталъ отысканныхъ имъ рукописей отъ взоровъ другихъ ученыхъ, какъ дѣлаютъ многіе ревнивцы своей славы, но охотно допускалъ пользоваться ими еще до ихъ обнародованія. Нельзя скрывать того (да не скрывалъ этого и преосвященный Порфирій), что онъ мечталъ о Европейской славѣ; ему казалось, что такой славы онъ заслуживаетъ... Но таковой славы онъ не успѣлъ достигнуть. Мало того: даже среди представителей Русской науки имя Порфирія не особенно громко. Разносторонность работъ преосвященнаго помѣшала ему специализироваться, а специалисты нашего времени этого не прощаютъ: если кто хочетъ, чтобы о немъ не забывали, тотъ долженъ крѣпко держаться одного опредѣленнаго знамени. Этимъ же объясняется и то, что у насъ такъ мало писано о трудахъ и заслугахъ Порфирія. Даже появленіе въ свѣтъ „Книги бытія моего“ не измѣнило этого. Въ 1910 году 19 Апрѣля прошла уже четверть вѣка со дня кончины преосвященнаго Порфирія, но кромѣ одного духовнаго журнала „Христианинъ“ никто, кажется, не вспомнулъ объ этомъ великомъ и талантливомъ писателѣ и ученомъ. Никто изъ нашихъ свѣтилъ науки не захотѣлъ вспомнить объ этой крупной величинѣ палеографіи, открывшемъ Синайскій кодексъ Библии IV вѣка и издававшемъ четыре бесѣды Фотія, Константинопольскаго патріарха, самой крупной фигуры Византіи IX вѣка.

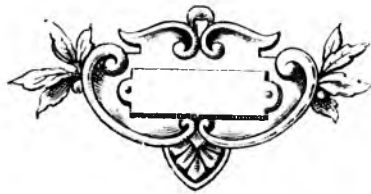
*) Русскій біографич. словарь. СПб. 1905, стр. 595.

Всѣ случайныя, а иногда очень тягостныя невзгоды, неизбежно встрѣчавшіяся Порфирію на его пути, ишетъ въ своей прекрасной статьѣ А. Карасевъ ¹⁾, разсѣивались для него какъ бы сами собой, нимаю не смущая общаго настроенія его души и не отвлекая его отъ пути, разъ имъ для себя избраннаго. Міръ научныхъ изысканій, столь близкій и родственнѣй его душѣ, неудержимо увлекалъ его въ необъятныя глубины научныхъ изслѣдованій. . . . Этимъ занятіямъ онъ отдалъ, наконецъ, и послѣднія семь лѣтъ своей жизни въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ. Въ тиши своего уединенія, среди бумажныхъ памятниковъ сѣдой старины, онъ съ удвоеннымъ вниманіемъ вслушивался въ тихо просыпавшіеся передъ нимъ голоса уже оставившихъ міръ дѣятелей; всматривался въ ихъ осѣненные великими подвигами и какъ бы живущія еще въ ихъ твореніяхъ лица, и въ глубокомъ погруженіи въ давно-минувшее прошлое, незамѣтно и самъ уходилъ въ эту безконечную даль вѣковъ, совершенно уже забывая тогда о себѣ и о томъ, что его окружало. Среди такой безмятежной тишины и спокойствія онъ заснулъ уже безпробуднымъ сномъ. . . . Для вѣчнаго труженика науки и знанія наступилъ теперь вѣчный покой; но его пытливый духъ долго еще будетъ жить въ его прекрасныхъ трудахъ, которыхъ, можетъ быть, никогда уже не каснется забвеніе. . . .

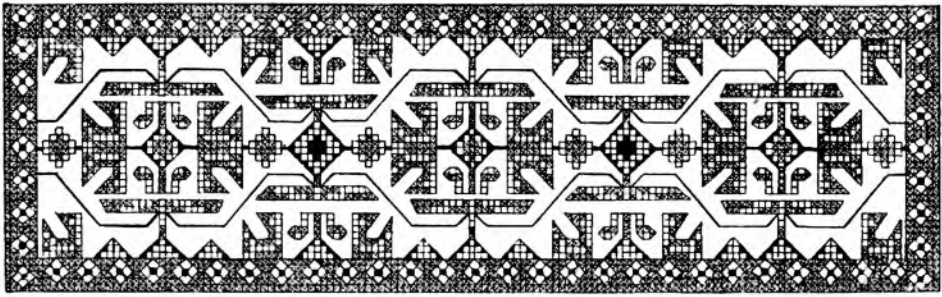
Nocturna versate manu, versate diurna...

Андрей Титовъ.

Ростовъ-Великій, 1910 Октября 21.

¹⁾ „Христіанскъ“ IX стр. 96—105.

Къ исторіи еврейства.

X *).

Переходъ правительства отъ расширенія къ ограниченіямъ правъ Евреевъ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра II.—Изданіе ряда важныхъ законовъ въ этомъ направленіи въ царствованія императоровъ Александра III и Николая II.—Нѣкоторые расширенія правъ Евреевъ на жительство въ городовъ и мѣстечекъ въ чертѣ ихъ оублности въ 1903 г.—Уравненіе Евреевъ съ прочимъ населеніемъ въ правахъ на участіе въ Государственной Думѣ.—Причина и вредное слѣдствіе этого закона.

Выяснившіеся результаты расширенія правъ Евреевъ и правдивыя разоблаченія Браѣмана поколебали увѣренность правительства въ пользѣ либеральныхъ законовъ для рѣшенія Еврейскаго вопроса. Такая перемѣна обнаружилась прежде всего въ послѣдовавшемъ въ 1873 г. высочайшемъ повелѣніи о закрытіи раввинскихъ училищъ въ Вильнѣ, и Житомирѣ, какъ не соответствовавшихъ своему назначенію, въ преобразованіи ихъ въ учительскіе институты и упраздненіи казенныхъ Еврейскихъ училищъ 1 и 2 разрядовъ²⁴¹), потомъ въ ограниченіи предоставленнаго 8 Февраля 1865 г. Евреямъ права питейной торговли въ чертѣ оублности на общихъ основаніяхъ—закономъ 14 Мая 1874 г. (по которому Евреямъ дозволено производить питейную торговлю только въ собственныхъ домахъ и быть сидѣльцами только въ заведеніяхъ своихъ единовѣрцевъ), и въ рядѣ ограничительныхъ мѣръ, принятыхъ для пресѣченія уклоненія Евреевъ отъ исполненія воинской повинности по уставу 1874 г.

*) См. „Русскій Архивъ“ 1910 года, выпускъ 12-й.

²⁴¹) Какъ на поводъ къ закрытію раввинскихъ училищъ, въ высочайшемъ повелѣніи было указано на то, что эти училища не приготовляли соответствовавшихъ своему назначенію раввиновъ. „Собраніе узаконеній и распоряженій правительства за 1873 г.“ № 324.

Съ первыхъ же годовъ царствованія императора Александра III, правительство перешло ко взгляду императора Николая I на вредность Евреевъ въ христіанскомъ государствѣ и на необходимость ограждать отъ нихъ соответствующими мѣрами коренное населеніе.

Такъ высочайше утвержденными временными правилами 3 Мая 1882 г. Евреямъ, въ чертѣ ихъ постоянной осѣдлости, воспрещено: вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ; покупать и арендовать недвижимыя имуществва, находящіяся внѣ городовъ и мѣстечекъ, а также и управлять этого рода имуществами; производить торговлю въ воскресные дни и двенадцатые христіанскіе праздники. Издать эти правила побудили правительство: большой вредъ, который причиняли крестьянамъ Евреи, жившіе въ деревняхъ и селахъ, ростовщицествомъ, корчемствомъ и вообще эксплуатаціей и—какъ слѣдствіе этого—вражда крестьянъ къ Евреямъ, выразившаяся въ 223 еврейскихъ погромахъ въ сельскихъ мѣстностяхъ черты осѣдлости въ 1880—1882 годахъ²⁴²).

Въ 1886 г. и 1887 г. было предоставлено министру народнаго просвѣщенія право принять мѣры къ ограниченію въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ числа учениковъ-Евреевъ, вслѣдствіе чего, въ видахъ установленія болѣе нормальнаго отношенія въ численности послѣднихъ сравнительно съ учениками-христіанами, признано нужнымъ: въ высшихъ заведеніяхъ, въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ ограничить число учениковъ-Евреевъ:—въ мѣстностяхъ ихъ постоянной осѣдлости 10-ю процент.; въ мѣстностяхъ внѣ черты осѣдлости 5-ю процент. и въ обѣихъ столицахъ—3-мя процент. общаго числа учениковъ²⁴³).

Эти ограниченія были введены министромъ народнаго просвѣщенія Деляновымъ, но черезъ два года послѣ введенія нормы, въ 1889 г. онъ разрѣшилъ попечителямъ учебныхъ округовъ разрѣшать пріемъ лучшихъ изъ учениковъ Евреевъ *сверхъ нормы*. Преемники его, за исключеніемъ Боголѣпова и Ванновскаго, либералы Зенгеръ, Лукьяновъ, гр. П. П. Толстой также разрѣшали принимать Евреевъ сверхъ нормы. Особенно отличился въ этомъ Лукьяновъ. *Циркуляромъ отъ 26 Юня 1903 г. онъ предоставилъ право принимать Евреевъ сверхъ нормы педагогическимъ совѣтамъ*, благодаря чему фактически упразднились

²⁴²) „Вопросъ о еврейскомъ равноправіи“. Новое Время 1906 г. № 11,039.

²⁴³) Высочайше утвержденныя положенія Комитета Министровъ 5 Декабря 1886 г. и 26 Юня 1887 г. Новое Время 1909 г. №№ 11891 и 11957. О послѣдовавшихъ затѣмъ законахъ: объ ограниченіи пріема Евреевъ въ присяжные и частныя повѣренные и воспрещеніи принимать ихъ, по вольному найму, въ государственныя и частныя учрежденія; объ устраненіи Евреевъ отъ участія въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ домохозяевъ и занятія должностей по городскому общественному управленію и отъ участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, мы уже сказали въ главѣ IX-й.

процентныя ограниченія въ средней правительственной школь. Неисполненіе Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ повело къ тому, что и во всѣхъ университетахъ число Евреевъ-студентовъ превышало норму въ два раза и болѣе. Послѣ революціи Петербургскій университетъ принялъ въ 1906 г. почти 18% (вмѣсто 3%), Харьковскій—около 23% (вмѣсто 5%), Новороссійскій—33% (вмѣсто 10%), Варшавскій (въ 1905 г.) 46% (вмѣсто 10%).

Въ 1892 г., 18 Іюня, состоялось высочайшее повелѣніе, по которому, Евреямъ, приписаннымъ къ городскимъ и сельскимъ обществамъ Кубанской и Терской областей, а равно неприписаннымъ къ мѣстнымъ обществамъ, воспрещается водвореніе и постоянное жительство въ этихъ областяхъ по узаконеннымъ видамъ: первымъ виѣ мѣсть ихъ приписки, а послѣднимъ повсемѣстно²⁴⁴). Въ 1893 г. высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій съ установленіемъ строгихъ наказаній виновныхъ въ нихъ и 12-ти процентовъ въ годъ за ссуды, какъ высшій процентъ²⁴⁵). Этотъ законъ широко примѣнялся преимущественно въ средѣ Евреевъ, какъ профессиональныхъ ростовщиковъ, и побудилъ многихъ изъ нихъ, подъ страхомъ наказаній, оставить занятіе ростовщичествомъ.

Всѣ упомянутые законы, изданные въ царствованіе импер. Александра III, были вызваны вредоносностью Евреевъ и, уменьшивъ ее, несомнѣнно принесли пользу коренному христіанскому населенію; нельзя только не сожалѣть, что благодѣтельный законъ 28 Марта 1891 г. о воспрещеніи Евреямъ механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще мастерамъ и ремесленникамъ переселяться на жительство въ Москву и Московскую губернію, не былъ распространенъ на другія губерніи виѣ черты еврейской осѣлости.

Въ томъ же направленіи издавались законы о Евреяхъ и въ пастоящее царствованіе до 6 Августа 1905 года, когда закономъ объ учрежденіи Государственной Думы и выборахъ въ Думу было сдѣлано отъ него рѣзкое отступленіе уравненіемъ Евреевъ съ Русскими на участіе въ ней.

Объясненіе причины и вреда такого отступленія, почти предрѣшившаго Еврейскій вопросъ, мы сдѣлаемъ ниже, а теперь скажемъ о наиболѣе важныхъ законахъ до 6 Августа 1905 г.

Съ 1 Января 1895 г. въ восточныхъ губерніяхъ и съ 1 Іюля 1896 г. въ южныхъ—была введена казенная продажа вина. Эта важная мѣра, принятая для улучшенія нравственности и здоровья народа всей имперіи.

²⁴⁴) Сынъ Отечества 1892 г. № 217.

²⁴⁵) Сынъ Отечества 1893 г., № 155.

имѣла благотѣльные результаты черезъ годъ ея примѣненія въ южныхъ губерніяхъ, въ чертѣ осѣдлости Евреевъ, какъ видно изъ брошюры министерства финансовъ, изданной въ 1897 г. Въ ней содержатся отзывы губернаторовъ, духовенства, предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ о результатахъ введенія казенной продажи питей въ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ.

Изъ всѣхъ отзывовъ особенно важное значеніе имѣютъ слѣдующіе: указывая на то, что народъ принимаетъ питейную реформу какъ милость царскую, какъ знакъ монаршей заботливости о народѣ, кievскій генераль-губернаторъ поясняетъ, что такому впечатлѣнію немало способствовало *рѣшительное устраненіе Евреевъ отъ торговли виномъ*. Бессарабскій губернаторъ, подтверждая, что народное пьянство уменьшилось, тоже приписываетъ это въ значительной степени устраненію отъ торговли Евреевъ, которые въ цѣляхъ личной наживы *систематически ставили народъ*, чтобы легче было обирать и вообще эксплуатировать его, давая водку даже подъ рабочій день, который закабаленный потребитель долженъ былъ отработывать. И наоборотъ, *жалобы на реформу слышались только отъ Евреевъ*, по сообщенію подольскаго губернатора²⁴⁶).

При дальнѣйшемъ постепенномъ введеніи ея въ остальныхъ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости и въ Царствѣ Польскомъ получили такіе же результаты, хотя Евреи и занялись корчемствомъ²⁴⁷).

12 Февраля 1896 г. высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ узаконеній объ отвѣтственности лицъ нехристіанскихъ исповѣданій за препятствованіе христіанамъ исполнить ихъ религіозныя обязанности, въ чемъ обвинялись исключительно Евреи по донесеніямъ христіанскаго духовенства. Въ этомъ мнѣніи статья 48 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, изложена такъ: „За препятствованіе лицамъ христіанскихъ исповѣданій, нанимаемымъ нехристіанами для домашнихъ услугъ или иныхъ работъ, или же обучающимся у нехристіанъ ремесламъ, въ чествованіи воскресныхъ и установленныхъ праздничныхъ дней, равно какъ и въ исполненіи прочихъ религіозныхъ обязанностей, виновные въ томъ не христіане подвергаются денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей“²⁴⁸).

Закономъ 28 Мая 1900 г. объ условіяхъ приобрѣтенія правъ потомственнаго дворянства и о порядкѣ внесенія дворянскихъ родовъ въ

²⁴⁶) Новое Время 1897 г. № 7654 и 7674.

²⁴⁷) Церковныя Вѣдомости, издав. при Синодѣ 1901 г. № 41.

²⁴⁸) Смыслъ Отечества 1896 г. № 64.

родословныя книги постановлено: (ст. II, пункт. 6) „Евреи, приобрѣвшіе права потомственного дворянства. въ губернскія дворянскія родословныя книги не вносятся“²⁴⁹). Такимъ закономъ дворянство ограждается отъ вторженія Евреевъ, которые внесли бы въ него растлѣніе правовъ, боязнь чего и была причиною отказовъ дворянствами губерній въ припискѣ къ нимъ Евреевъ, приобрѣвшихъ права потомственного дворянства, преимущественно черезъ награжденіе ихъ на службѣ орденъ св. Владимира 4-й степени²⁵⁰). Самое число Евреевъ, приобрѣтающихъ права потомственного дворянства должно было значительно уменьшиться, такъ какъ ст. II, пункт. 1) „потомственное дворянство приобрѣтается лицами, удостоившимися на дѣйствительной службѣ, а не при отставкѣ, производства въ чины дѣйствительнаго статскаго совѣтника, полковника или капитана 1-го ранга, или пожалованія русскіими орденами первыхъ степеней или Св. Георгія всѣхъ степеней, а Св. Владимира первыхъ трехъ степеней.

Большія покупки Евреями земель въ губерніяхъ Смоленской, Псковской и Новгородской вызвали высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ 10 Мая 1903 г., которымъ, впредь до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ постановленій о Евреяхъ, опредѣлено: воспретить въ губерніяхъ, не входящихъ въ черту общей еврейской осѣдности, совершеніе отъ имени или въ пользу Евреевъ всякаго рода крѣпостныхъ актовъ: 1) служащихъ на укрѣпленіе за ними правъ собственности, владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами, въ городскіихъ поселеніяхъ расположенными и 2) предоставляющихъ имъ возможность выдавать подъ обезпеченіе этихъ имуществъ денежныя ссуды²⁵¹). Этою мѣрою было приостановлено увеличеніе еврейскаго землевладѣнія во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ оно съ 3.000 дес. въ 1860 г. увеличилось въ 1900 г. до 745.000 д.; изъ нихъ 8⁰/₀, преимущественно лѣсовъ, сосредоточены въ губерніяхъ Смоленской, Псковской Новгородской и Петербургской.

За то же время еврейское землевладѣніе увеличилось:

Въ Царствѣ Польскомъ съ 6,000 д. до 344.000 д.

Въ чертѣ еврейской осѣдности съ 16.000 д. до 1.265.000 д.

²⁴⁹) Новое Время 1900 г. № 8715.

²⁵⁰) Въ 1899 г. было отказано дворянствами въ припискѣ къ дворянству губерній: Смоленской—дворянину Еврею Грингруту и въ Херсонской дворянину Еврею Зильберштейну. Новое Время 1899 г. №№ 8507 и 8517. Въ 1900 г. дворянство Курской губер. возбуждало ходатайство о недозволеніи Евреямъ-дворянамъ приписываться къ дворянству этой губерніи. Новое Время 1900 г. № 8646.

²⁵¹) Новое Время 1903 г. № 9774.

На Кавказѣ—5,000 д., въ Сибири—18.000 д. и въ Средней Азiи—2,500 д.

Вообще же, во всей имперiи, еврейское землевладѣніе за 40 лѣтъ возрасло до 2.381,057 дес., изъ которыхъ 495,000 десят. принадлежатъ имъ на правахъ собственности, остальные 935,000 д. на правахъ аренды²⁵²).

Вмѣстѣ съ приведенными ограничительными мѣрами принимались и такія, которыя предоставляли Евреямъ право на значительное число мѣстъ жительства, воспрещенныхъ правилами 3 Мая 1882 г. и другими.

Въ 1903 г. 10 Мая былъ высочайше утвержденъ списокъ поселеній, въ которыхъ можетъ быть допущено, въ изыятіе отъ дѣйствiя правилъ 3 Мая 1882 г., свободное жительство Евреевъ. Списокъ этихъ поселеній былъ дополненъ 136 поселеніями въ 1905 г.²⁵³). Въ 1904 г. число мѣстъ жительства Евреевъ внѣ городовъ и мѣстечекъ увеличилось предоставленіемъ на это права Евреямъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, купцамъ 1-й гильдiи, отставнымъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на службу по рекрутскому уставу, получившимъ знаки отличiя и безпорочно несшимъ службу въ дѣйствующихъ войскахъ на Дальнемъ Востока, и отчасти ограничительныхъ законовъ о правѣ жительства Евреевъ въ пятидесятиверстной полосѣ отъ западной границы²⁵⁴). Въ 1905 г. право на жительство внѣ городовъ и мѣстечекъ предоставлено еще Евреямъ: аптекарскимъ помощникамъ, дантистамъ, фельдшерамъ и повивальнымъ бабкамъ, а также ремесленникамъ каменщикамъ, каменотесцамъ, плотникамъ, штукатурамъ, садовникамъ, мостовщикамъ²⁵⁵).

Рядъ мѣръ значительно расширившихъ права Евреевъ на жительство въ чертѣ ихъ осѣдлости внѣ городовъ и мѣстечекъ не составлялъ важнаго отступленія отъ взгляда правительства на еврейскій вопросъ съ 1881 г. Только послѣдняя мѣра, представлявшая Евреямъ каменщикамъ, каменотесцамъ, плотникамъ, штукатурамъ садовникамъ, мостовщикамъ право жительство внѣ городовъ и мѣстечекъ, принесла вредъ крестьянамъ, потому что, подъ видомъ такихъ ремесленниковъ, въ дѣйствительности очень рѣдкихъ въ средѣ Евреевъ, по ихъ нежеланію и малосилію заниматься тяжелыми ремеслами, въ деревняхъ расселилось большое число Евреевъ—разныхъ эксплуататоровъ крестьянъ.

²⁵²) Русскiй Вѣстникъ 1903 г. Новое Время 1906 г. № 10,745.

²⁵³) Новое Время 1903 г., № 9774; 1906 г. № 15715.

²⁵⁴) Новое Время 1904 г. №№ 10182 и 10229.

²⁵⁵) Новое Время 1905 г., № 10556.

Но законъ 6 Августъ 1905 г. почти предрѣшилъ еврейскій вопросъ уравненіемъ Евреевъ въ политическихъ правахъ съ христіанскимъ населеніемъ и поразилъ своею неожиданностью и гибельными слѣдствіями всѣхъ Русскихъ, понимающихъ вредоносность Евреевъ, и особенно тѣхъ, которые живутъ въ чертѣ ихъ осѣдлости. Какъ только въ печать проникъ слухъ, что онъ проектируется, въ Іюнѣ 1905 г., горячій патріотъ, издатель „Русскаго Дѣла“ г. Шараровъ посовѣтовалъ своимъ подписчикамъ посылать хотя бы единоличныя телеграммы Государю съ мольбою не давать Евреямъ избирательныхъ правъ. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ „грудю“ сочувственныхъ писемъ, въ которыхъ указывалось на необычность такого обращенія и предлагалось подать Государю коллективный адресъ отъ читателей „Русскаго Дѣла“, для чего разослать къ подписи листки съ проектомъ адреса. Г. Шараровъ исполнилъ это предложеніе; но въ Августѣ 1905 г. въ „Русскомъ Дѣлѣ“ напечаталъ, между прочимъ, слѣдующее: „Съ горькимъ чувствомъ безсилія и обиды приходится заявить нашимъ читателямъ, что наше предполагавшееся общее патріотическое ходатайство о недопущеніи въ Государственную Думу Евреевъ осуществлено быть не можетъ. Евреи уже допущены и къ подачѣ голосовъ, и къ выборамъ“²⁵⁶).

Исторія съ адресомъ читателей „Русскаго Дѣла“ и бывшія ранѣе просьбы депутацій къ Государю и высшимъ представителямъ власти не давать равноправія Евреямъ²⁵⁷) доказываютъ, что опасность этого для государства сознаетъ большая часть русскаго народа. Что же побудило правительство рѣшиться на мѣру, которая совершенно противорѣчитъ духу нашего законодательства о Евреяхъ и желанію народа?

Все это объясняется взглядомъ на еврейскій вопросъ главнаго дѣятеля въ преобразованіи государственнаго строя Россіи графа Витте, бывшаго предсѣдателя Комитета Министровъ, при обсужденіи порядка выполненія 5 пункт. высочайшаго указа 12 Декабря 1904 г. о пересмотрѣ исключительныхъ законовъ, вызванныхъ политическими безпорядками. Онъ высказалъ *убѣжденіе* въ томъ, что „замѣчаемое нынѣ среди Евреевъ враждебное отношеніе къ правительству несомнѣнно вызывается тѣми тяжелыми матеріальными условіями, въ которыхъ въ настоящее время живетъ большинство русскихъ Евреевъ *подъ шетомъ дѣйствующихъ ограничительныхъ о нихъ законовъ* и подѣ давленіемъ неблагопріятнаго для Евреевъ толкованія, зачастую даваемого нѣкоторыми мѣстными властями таковымъ законамъ“²⁵⁸).

²⁵⁶) День 1905 г., № 227; Новое Время 1905 г., № 10531.

²⁵⁷) Записка русскихъ рабочихъ елисоветградскаго завода Эльварти противъ еврейскаго равноправія поданная графу Игнатьеву. День 1905 г. № 196.

²⁵⁸) Извлеченіе изъ журнала Комитета Министровъ 11 Января 1905 г. Новое Время 1905 г. № 10399.

Изъ особаго журнала Комитета Министровъ 3 Мая 1905 г. видно, что Комитетъ, обсуждая, согласно 7-го пунк. высочайшаго указа 12 Декабря 1904 г.²⁵⁹⁾, вопросъ о пересмотрѣ дѣйствующихъ постановлений, ограничивающихъ права Евреевъ, высказалъ слѣдующія противорѣчивыя мнѣнія объ основахъ рѣшенія еврейскаго вопроса: „Если, говорится въ журналѣ, статья на точку зрѣнія исключительно государственную (правительственную), то едвали подлежитъ сомнѣнью, что въ государствѣ, имѣющемъ въ своемъ составѣ гражданъ многихъ, различныхъ національностей, не должно бы быть допускаемо существеннаго ограниченія правъ лицъ одной только національности. поэтому *правильное* разрѣшеніе еврейскаго вопроса, съ указанной точки зрѣнія, заключалось бы въ *уравненіи Евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ Имперіи*. Но если принять во вниманіе общественно-расовыя стороны вопроса, то умѣтными представляются сомнѣнія въ способахъ осуществленія приведеннаго рѣшенія. Едвали возможно съ увѣренностью утверждать, что такая мѣра не нарушитъ интересовъ того населенія, экономической бытъ котораго правительство имѣло въ виду оградить отъ еврейскаго вліянія путемъ изданія ограничительныхъ законоположеній; возможно допустить, что уравненіе Евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ возбудитъ въ средѣ послѣдняго недовольство, которое можетъ выразиться въ явленіяхъ столько же прискорбныхъ съ точки зрѣнія общегосударственной, сколько и нежелательныхъ въ видахъ правильнаго хода текущей дѣятельности правительства. Неизвѣстно также, способны ли при настоящихъ условіяхъ Евреи освободиться отъ той замкнутости, которая имъ обычно ставится въ упрекъ и которая, по весьма распространенному мнѣнію, объединяетъ ихъ въ изолированную и вмѣстѣ съ тѣмъ *сплоченную массу, являющуюся исцударствомъ въ исцударствѣ*“.

Въ этихъ удивительно-противорѣчивыхъ мнѣніяхъ о различіи точекъ зрѣнія на основы рѣшенія еврейскаго вопроса (правительственной, обязывающей, будто бы, дать Евреямъ равноправіе, и народной, не допускающей этого, въ виду нарушенія экономическихъ интересовъ и недовольства народа) нельзя не видѣть вліянія взгляда на еврейскій вопросъ предсѣдателя Комитета графа Витте, приведеннаго выше. Не высказавъ опредѣленнаго заключенія о рѣшеніи еврейскаго вопроса, Комитетъ постановилъ: учредить внѣ-вѣдомственное совѣщаніе для составленія проекта пересмотра узаконеній о Евреяхъ и предоставить это рѣшеніе будущему законодательному собранію выборныхъ

²⁵⁹⁾ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 12 Декабря 1904 г. о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка.

отъ народа, чтобы „избавиться отъ нареканій какъ со стороны Евреевъ, такъ и со стороны прочаго населенія“²⁶⁰). Но такое постановленіе Совѣтъ министровъ вскорѣ измѣнилъ.

По составленному въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ проекту закона о Государственной Думѣ, Евреи въ выборахъ членовъ ея не должны были участвовать „впредь до пересмотра дѣйствующихъ о Евреяхъ узаконеній“. Совѣтъ Министровъ, куда поступилъ проектъ министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина для исправленія, предоставилъ имъ право голоса на общихъ основаніяхъ, какъ можно заключить по приведеннымъ въ „Русскомъ Дѣлѣ“ выдержкамъ изъ „меморіи“, составленной для совѣщанія занимавшагося исправленіемъ проекта. Ссылаясь на то, что пересмотръ тѣхъ или другихъ сторонъ еврейскаго вопроса тянется около столѣтія „меморія“ высказывается противъ новой проволочки въ рѣшеніи назрѣваемаго вопроса объ участіи Евреевъ въ выборахъ представителей отъ населенія въ Государственную Думу, такъ какъ это подастъ поводъ къ обвиненію правительства въ отсутствіи рѣшимости ясно высказать принятое имъ отрицательное рѣшеніе. По существу вопроса „меморія“ выражаетъ опасеніе, что отказъ Евреямъ въ правѣ голоса еще болѣе раздражитъ эту національность, тогда какъ слѣдуетъ стремиться къ ея успокоенію. Въ тоже время устраненіе Евреевъ отъ непосредственнаго участія въ выборахъ все-таки не устранить косвеннаго ихъ вліянія, которое они всегда будутъ оказывать черезъ посредство христіанскихъ союзниковъ, а съ другой стороны при установленномъ цензѣ вся главная масса еврейства (его пролетаріатъ) все равно будетъ фактически отстранена отъ участія въ выборахъ; участвовать въ нихъ будетъ только болѣе состоятельная часть городского населенія. Въ заключеніе въ „меморіи“ Совѣта Министровъ сказано, что „въ Думу пройдетъ, можетъ быть, нѣсколько Евреевъ“²⁶¹). Эти мнѣнія и повели къ тому, что закономъ 6 Августа 1905 г. объ учрежденіи Государственной Думы и о выборахъ въ Думу Евреямъ предоставлено участіе въ ней наравнѣ съ прочимъ населеніемъ²⁶²).

Участіе Евреевъ въ Думѣ еще значительно расширено предоставленіемъ имъ избирательныхъ правъ въ числѣ прочихъ классовъ населенія, лишенныхъ этихъ правъ, высочайшимъ манифестомъ 17 Октября 1905 г., опубликованнымъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ статей-секретаря гр. Витте о направленіи, по которому должно слѣдо-

²⁶⁰) Журналъ Комитета Министровъ 3 Мая 1905 г. Новое Время 1905 г. № 10,515 и 10,517.

²⁶¹) Новое Время 1905 г. № 10566.

²⁶²) Высочайшій указъ Правительствующему Сенату объ учрежденіи Гос. Думы и о выборахъ въ Думу 6-го Августа 1905 г.

вать правительство въ связи съ соображеніями о современномъ состояніи Россіи. Въ докладѣ, на которомъ положена 17 Октября 1905 г. резолюція Государя „принять къ руководству“, косвенно выраженъ взглядъ гр. Витте на рѣшеніе еврейскаго вопроса. „Задачу правительства—говорится въ докладѣ—должно составлять стремленіе къ осуществленію теперь же вмѣстѣ съ законодательной санкціей черезъ Государственную Думу основныхъ элементовъ правового строя свободъ печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности. Укрѣпленіе этихъ важныхъ сторонъ политической жизни общества должно послѣдовать путемъ нормальной законодательной разработки *наравнѣ съ вопросами касающимися уравненія предѣ закономъ всѣхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества независимо отъ происхожденія и національности*”²⁶³).

По поводу напечатанной въ „Новомъ Времени“ (1907 г. № 11,084) телеграммы изъ г. Лепеля, Витебской губ., протоіерея Лузгина о томъ, что разработанный бывшимъ министромъ гр. Витте избирательный законъ лишаетъ права голоса въ родной землѣ русскаго человѣка, оказывающагося по этому закону угнетеннымъ и безправнымъ въ инородческой средѣ“. редакція „Нов. Вр.“ напечатала въ № 11,085. заявленіе, сообщенное ей вѣроятно гр. Витте. Въ немъ объясняется, что всѣ начала нынѣшняго выборнаго закона выработаны въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подѣ руководствомъ бывшаго министра Булыгина²⁶⁴). Затѣмъ законъ этотъ былъ подробно обсужденъ и видоизмѣненъ въ Совѣтѣ Министровъ, въ первой половинѣ 1905 г. подѣ председательствомъ графа Сольскаго (быв. председателя Государственнаго Совѣта) съ распространеніемъ выборовъ на всѣ мѣстности имперіи и предоставленіемъ участія въ выборахъ инородцамъ, а въ томъ числѣ Евреямъ на одинаковыхъ съ остальнымъ населеніемъ основаніяхъ. Въ концѣ Юля 1905 г. работа Совѣта была разсмотрѣна въ особомъ совѣщаніи изъ министровъ, значительнаго числа членовъ Государственнаго Совѣта и лицъ, особо приглашенныхъ. Въ немъ гр. Витте не участвовалъ, потому что находился въ Америкѣ. Согласно манифеста 17 Октября послѣдовало расширеніе выборнаго закона, опубликованное 11 Декабря 1905 г.²⁶⁵). Это измѣненіе закона было выработано министерствомъ

²⁶³) Высочайшій манифестъ 17 Октября 1905 г. Всеноданный докладъ статсъ-секретаря гр. Витте.

²⁶⁴) А. С. Суворинъ въ „Маленькомъ письмѣ“ сообщилъ: „говорятъ, что проектъ булыгинской Гос. Думы составлялъ г. Гурляндъ-Еврей“. Новое Время 1906 г. № 10722. Этотъ Гурляндъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ вн. дѣлъ. Въ Февралѣ 1907 г. онъ назначенъ членомъ совѣта министра вн. д. Новое Время 1907 г. № 11104.

²⁶⁵) Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 11 Декабря 1905 г.

гр. Витте и затѣмъ разсмотрѣно въ совѣщаніи изъ министровъ, значительнаго числа членовъ Государственнаго Совѣта и общественныхъ дѣятелей. На министерствѣ Витте по точному смыслу манифеста не лежала обязанность измѣнять основанія выборнаго закона: оно лишь *расширило число избирателей*, главнымъ образомъ въ городахъ и сѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ, а также предоставило нѣкоторыя права рабочимъ, которые были совершенно лишены права выбора²⁶⁶).

Изъ этого заявленія оказывается, что отвѣтственность передъ Россіей за вредное предоставленіе Евреямъ права участія въ Государственной Думѣ наравнѣ съ прочимъ населеніемъ лежитъ на гр. Витте, на многихъ министрахъ и членахъ Государственнаго Совѣта и нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятеляхъ: но все-таки приведенныя нами официальные данныя доказываютъ, что гр. Витте является главнымъ дѣятелемъ въ принятіи этой ошибочной мѣры²⁶⁷) и особенно расширенія числа избирателей въ городахъ во вредъ сельскому населенію и христіанскому населенію черты осѣдлости Евреевъ, что и повело къ результату, вызвавшему телеграмму изъ г. Лепеля.

Въ газ. „Русская Земля“ помѣщены цифры, наглядно доказывающія несоразмѣрность опредѣленія законами о выборахъ въ Государственную Думу числа выборщиковъ, избравшихся сельскимъ населеніемъ сравнительно съ числомъ выборщиковъ, избравшихся населеніемъ городскимъ.

Такъ сельское населеніе, составляющее 80% общаго числа жителей Россіи, избирало въ средней сложности одного выборщика на 18,300 человекъ. Городское населеніе, въ которомъ имущественные цензы находятся по преимуществу въ рукахъ инородцевъ, избирало по закону 6-го Августа 1905 г. одного выборщика на 5,100 челов. Декабрьское же 1905 г. расширеніе числа выборщиковъ гр. Витте привело къ тому, что одинъ выборщикъ въ городахъ избирался 4,666 лицами. Но этого мало: въ городахъ съ преобладающимъ еврейскимъ населеніемъ одинъ выборщикъ приходился на 3,000 челов.²⁶⁸).

Можно ли удивляться, что городское населеніе, на которое оказываютъ сильное, растлѣвающее вліяніе инородцы и особенно Евреи, вы-

²⁶⁶) Новое Время 1907 г. № 11,085.

²⁶⁷) Въ концѣ Января 1907 г., въ Москвѣ, въ собраніи союза русскихъ людей кн. А. Г. Щербатовъ, въ своемъ сообщеніи, объ „обновленной Россіи“ сдѣлалъ заявленіе, что вопросъ о созывѣ Земскаго Собора былъ близокъ къ своему разрѣшенію и даже были сдѣланы всѣ подготовительныя работы: *но тѣмъ русскою народности, во главѣ которыхъ долженъ быть поставленъ гр. С. Ю. Витте*, приложили всѣ старанія, чтобы помѣшать этому благому начинанію и замѣнить его полунородческою Думою, отъ которой русскимъ людямъ нечего ждать добра. Новое Время 1907 г. № 11,093.

²⁶⁸) Новое Время 1907 г. № 11,096.

брало въ члены первой Государственной Думы преимущественно „кадетовъ“, представителей другихъ революціонныхъ партій и 12 Евреевъ²⁶⁹)? Они въ союзѣ съ „кадетами“, оказывали большое вліяніе на революціонную дѣятельность Думы, которая повела къ ея роспуску, и между прочимъ, возбуждали требованія о равноправіи Евреевъ и прекращеніи занятій въ ней въ субботу, а членъ Еврей Якубсонъ даже осмѣлился оскорбить русскую армію въ Думѣ²⁷⁰).

XI.

Увеличеніе вреда отъ Евреевъ съ 1893 г. по 1910 г. Размноженіе Евреевъ-издателей и сотрудниковъ газетъ въ столицахъ и въ провинціи. Распространеніе ими вредныхъ идей, а съ 1905 г. явно революціонныхъ. Превращеніе газ. „Сынъ Отечества“ изъ русской, патріотической газеты въ юдофильскую и революціонную съ переходомъ въ 1897 г. отъ Добродѣва къ еврейской компаніи. Причина паденія и запрещенія газеты. Привлеченіе къ судебной отвѣтственности въ 1905 г. нѣсколькихъ издателей и редакторовъ еврейскихъ газетъ за печатаніе статей революціоннаго содержанія. Спекулятивное изданіе Евреемъ-докторомъ медицины Рамомъ журнала „Самообразование“; его обманъ сотрудниковъ и подписчиковъ и несостоятельность. Размноженіе еврейскихъ газетъ въ Москвѣ; ихъ вредное (шантажное) направленіе. Забаллотированіе издателя „Русскаго Труда“ Шаранова въ „Обществѣ русскихъ писателей“ въ Петербургѣ и исключеніе издателя газ. „День“ Петровича изъ состава членовъ „Литературно-художественнаго кружка“ въ Москвѣ подъ вліяніемъ Евреевъ. Крайне вредное направленіе еврейскихъ газетъ въ Кіевѣ, издававшихся на средства миллионера Еврея Лазаря Бродскаго. Захватъ изданій газетъ Евреями въ чертѣ ихъ осѣлости и въ Царствѣ Польскомъ. Причины прекращенія изданій русскихъ патріотическихъ газетъ: въ Одессѣ „Новороссійскаго Телеграфа“ послѣ смерти издателя его Озмидова, и въ Кишиневѣ „Знамени“ и „Бессарабца“, издававшихся Крушеваномъ. Отношеніе Евреевъ къ такого рода писателямъ. Противодѣйствіе еврейскихъ журналистовъ въ Царствѣ Польскомъ сближенію Русскихъ съ Поляками и проповѣдь единенія Евреевъ съ послѣдними. Приобрѣтеніе Евреями польскихъ газетъ съ промышленною цѣлью и торговля въ нихъ польскимъ патріотизмомъ. Враждебное отношеніе къ сближенію Евреевъ съ Русскими жаргонныхъ газетъ и ихъ призывъ Евреевъ къ бунту.

Въ главѣ IX, для сокращенія нашего труда, мы сдѣлали общіе выводы изъ множества приведенныхъ нами фактовъ въ статьѣ „Къ исторіи еврейства“ (Русскій Архивъ 1893 г. т. II), о вредныхъ результатахъ расширенія правъ Евреевъ въ царствованіе императора Александра II до 1893 г. Теперь мы сдѣлаемъ очеркъ тѣхъ же результатовъ и приведемъ наиболѣе характерные факты съ 1893 г. по 1910 г. изъ записаннаго нами значительнаго матеріала, такъ какъ, съ размно-

²⁶⁹) Это больше, чѣмъ „нѣсколько“, какъ предполагалъ Совѣтъ Министровъ: Новое Время 1906 г. № 10828.

²⁷⁰) Новое Время 1906 г. № 10941.

женіемъ Евреевъ въ послѣднія 17 лѣтъ въ губерніяхъ внѣ черты ихъ осѣдлости, причиняемый ими вредъ увеличился. Особенно много записано нами фактовъ о вредности Евреевъ-интеллигентовъ и купцовъ, выразившейся между прочимъ, въ главномъ участіи ихъ (и вообще Евреевъ) въ революціонномъ движеніи съ 1905 г. въ Россіи, которое еврейская газета „Новости“, назвавъ освободительнымъ—объяснила какъ слѣдствіе „великаго гения еврейскаго духа“²⁷¹).

До 1893 г. Евреи писатели, по своей малочисленности и строгости цензуры, еще стѣснялись обнаруживать въ печати вражду къ русскому народу и всѣ вредныя стороны своего племенного характера: въ слѣдующіе же годы, постепенно размножаясь, они проявляли ихъ все болѣе и болѣе. Особенно размножились Еврей-издатели и сотрудники газетъ: нѣкоторыя изъ газетъ издавались Евреемъ-милліонеромъ съ прямою цѣлью разрушенія Россіи.

Большая часть газетъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ перешла въ руки Евреевъ, а провинціальныя газеты они захватили почти всѣ и съ усердіемъ начали распространять вредныя русскому народу и правительству идеи: бесполезности христіанства, безразличія народовъ и религій, вреда русскихъ народныхъ идеаловъ, поддержанія стремленій инородцевъ къ отдѣленію отъ Россіи и восхваленія ихъ²⁷²). а съ 1905 г. явно революціонныя—съ цѣлью возбужденія народа къ разрушенію государственнаго строя. Вместе съ распространеніемъ этихъ идей и революціонныхъ воззваній, Еврей, какъ и прежде, высказывали крайнюю нетерпимость къ замѣчаніямъ о ихъ недостаткахъ и предпринимали изданіе журналовъ и газетъ съ промышленною цѣлью обдѣлыванія разнаго рода еврейскихъ „гешефтовъ“ путемъ шантажа и съ обманами подписчиковъ.

Въ Петербургѣ, въ 1897 г., газета „Сынъ Отечества“ и журналъ „Живописное Обзорѣніе“ съ „Домашней Библіотеккой“ перешли отъ Добродѣева къ еврейской акціонерной компаніи „Издатель“. Немедленно русское патріотическое направленіе газ. „Сынъ Отечества“ рѣзко измѣнилось на юдофильское, выразившееся въ печатаніи статей объ объединеніи Россіи отъ ограниченія правъ Евреевъ и недозволенія имъ разселяться по Россіи, о безразличіи народовъ и религій и т. п.²⁷³). Такое направленіе газ. „Сынъ Отечества“ и журн. „Живописное Обзорѣніе“ повело къ потерѣ трехъ четвертей ихъ подписчиковъ въ три года (съ 1897 г. по 1900 г.) и къ аукціонной продажѣ этихъ изданій въ 1900 г. Изъ нихъ изданіе „Сынъ Отечества“ было приобрѣтено съ торговъ пе-

²⁷¹) Новое Время 1906 г. № 10704.

²⁷²) Родная Рѣчь 1902 г. № 45.

²⁷³) Сынъ Отечества 1897 г. №№ 191 и 201.

тербургскимъ типографщикомъ Евреемъ Раппопортомъ²⁷⁴). Въ рукахъ новаго владѣльца, въ 1905 г. газета „Сынъ Отечества“ уже превратилась въ революціонную, поощряющую и восхвалявшую революціонеровъ въ Россіи. Такъ въ ней, въ 1905 г., въ похвальномъ словѣ революціи, говорится: „Теперь число революціонеровъ и революціонныхъ группъ очень велико. Сила движенія, разрушающаго старый строй и создающаго новый, настолько уже велика, что правительство, оберегающее старый порядокъ, фактически не въ состояніи обезпечить спокойствіе нейтральнымъ, неохваченнымъ движеніемъ элементамъ населенія. *Въ этомъ залогъ дальнѣйшаго развитія революціи*“²⁷⁵). Этими словами газета объявила революціонерамъ, что залогъ успѣха революціи въ смутѣ и въ жертву ей обрекаются нейтральные элементы.

За печатаніе подобныхъ статей „съ цѣлью возбужденія бунтовщическаго дѣянія“, въ Февралѣ 1906 г., рѣшеніемъ С.-Петербургской судебной палаты номинальный редакторъ-издатель газ. „Сынъ Отечества“ Юрицынъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ. Другой формальный редакторъ Еврей Шрейдеръ скрылся. Изданіе „Сына Отечества“ запрещено навсегда²⁷⁶).

Въ Апрѣлѣ 1900 г. журналъ „Недѣля“ и газета „Русь“ перешли въ собственность еврейскаго товарищества, во главѣ котораго стояли Мандль, Шкляверъ и Шапиро²⁷⁷).

Съ 1905 г. Евреи издатели и редакторы журналовъ и газетъ начали усердно печатать революціонныя статьи и воззванія, за что многіе изъ нихъ, какъ редакторы „Сына Отечества“, были привлечены къ судебной отвѣтственности: редакторъ журнала „Судебное Обозрѣніе“ Конторовичъ²⁷⁸), редакторы: газ. „Новая Жизнь“ Минскій (Виленкинъ), газ. „Начало“ Д. И. Герценштейнъ, выпустившій, въ видѣ приложенія къ газетѣ, извѣстное воззваніе „Гимнъ рабочихъ“ Минскаго²⁷⁹), редак-

²⁷⁴) Новое Время 1900 г. № 8838, 8839 и 8848.

²⁷⁵) Новое Время 1905 г. № 10616.

²⁷⁶) Новое Время 1906 г. № 10743.

²⁷⁷) Новое Время 1900 г. № 8671.

²⁷⁸) День 1905 г. № 117.

²⁷⁹) Новое Время 1905 г. № 11,661. Это не гимнъ рабочихъ-людей честнаго труда, а призывъ ихъ къ бунту, убійствамъ и грабежу. Въ гимнѣ находятся, между прочимъ, слѣдующіе стихи:

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединитесь!
 Наша сила, наша воля, наша власть.
Въ бой послѣдній, какъ на праздникъ, снаряжайтесь.
Кто не съ нами, тотъ—нашъ врагъ, тотъ долженъ пасть.
 Врагъ нашъ дрогнетъ, врагъ не выдержитъ удара,
 Врагъ падеть—и возвелчится народъ.

торъ газ. „Новости“ Нотовичъ и другіе. Въ этой еврейской газетѣ, издававшейся въ Петербургѣ Нотовичемъ съ 1876 г., а послѣ передачи имъ издательскихъ правъ въ 1895 г. еврейской акціонерной компаніи „Гутенбергъ“ подъ его редакціей настойчиво велась пропаганда о равноправіи Евреевъ²⁸⁰), а въ 1905 и 1906 годахъ революціонная²⁸¹). Въ Мартѣ 1906 г. рѣшеніемъ с.-петербургской судебной палаты „за напечатаніе ряда противоправительственныхъ статей и замѣтокъ“ Нотовичъ былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ. Изданіе газ. „Новости“ запрещено навсегда²⁸²).

Въ Ноябрь 1902 г., въ Петербургѣ, Еврей-докторъ медицины Раммъ предпринялъ чисто-спекулятивное изданіе журнала „Самообразование“ со множествомъ приложений и премій, которыя, составляя главную приманку для легковѣрныхъ подписчиковъ, при самомъ началѣ изданія или не досылались подписчикамъ или оказывались совершенной макулатурой. Одинъ изъ сотрудниковъ изданій Рамма Барановичъ, въ письмѣ, напечатанномъ въ „Новомъ Времени“, заявилъ, что одно составленное имъ приложение было компилятивно-переводный трудъ: *по отъ него въ редакціи требовали завѣдомо ложную росписку* о составленіи этого труда по самостоятельному плану. Онъ отказался ее дать и ему не уплатили гонорара. Неудивительно, что спекуляція Рамма, рассчитанная на легковѣріе провинціальныхъ подписчиковъ, не удалась: онъ прекратилъ платежи по векселямъ, и 8 Января 1903 г. въ Петербургѣ состоялось собраніе кредиторовъ по дѣламъ его изданій, на которомъ по этимъ изданіямъ была учреждена администрація²⁸³). Евреемъ-ниже-

Міръ возникнетъ изъ развалинъ и пожарннхъ.

Нашей кровью искупленный новый міръ.

Кто работникъ—къ намъ за столъ! Сюда, товарищи!

Кто хозяинъ—съ мѣста прочь! Оставь нашъ миръ!

Братья, други, счастьемъ жизни осяннитесь!

Наше все, чьмъ до сихъ поръ владѣтъ врагъ! Новое Время 1905 г.

№ 10,660.

²⁸⁰) Новое Время 1899 г. № 8546.

²⁸¹) Вслѣдствіе отказа Нотовича напечатать въ „Новостяхъ“ „манifestъ о началѣ великой революціи 8 Декабря 1905 г.“, напечатанный въ газетахъ „Сѣверномъ Голосѣ“ и „Нашихъ Дняхъ“, сотрудники „Новостей“ почти все Евреи, въ числѣ 43-хъ, вышли изъ газеты, о чемъ было заявлено въ газ. „Набатъ“. Новое Время 1905 г. №№ 10681 и 10682.

²⁸²) Новое Время 1906 г. № 10770.

²⁸³) Новое Время 1902 г. №№ 9581 и 9589 и 1908 г. № 11530; Родная Рѣчь 1903 г. № 2. Несмотря на очевидное для всѣхъ развращающее и революціонное направленіе писаній Евреевъ-литераторовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ довѣрило руководство издаваемой при немъ газеты „Россія“ тремъ Евреямъ: Гурлянду, Гурвичу и Рафаловичу. (Новое Время 1909 г. № 12140).

перомъ Бакомъ, умершимъ въ 1908 г. была основана въ Петербургѣ кадетская газета „Рѣчь“, систематически преслѣдующая еврейскіе и революціонные интересы при господствующемъ участіи Евреевъ.

Въ Москвѣ, въ первый разъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Евреи стали издавать газетку „Новости Дня“. Эти Евреи были Липсикеровъ и Левенбергъ, которые записались въ число московскихъ ремесленниковъ, первый—по „пестрядинному цеху“, второй— „по брючному“, чтобы имѣть право жить въ Москвѣ. Газ. „Новости Дня“, полная всякой чепухи и пошлости, пришла по вкусу многочисленной сброй московской публикѣ, состоящей изъ мелкихъ торговцевъ, приказчиковъ, конторщиковъ, желѣзно-дорожныхъ служащихъ, фабричныхъ рабочихъ, ремесленниковъ и прислуги, интересующейся преимущественно скандальной и уголовной московской хроникой, и расходилась въ такомъ количествѣ экземпляровъ, что Липсикеровъ купилъ большой домъ въ Москвѣ. Въ 1887 г. онъ былъ приговоренъ московскимъ окружнымъ судомъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ за клевету, напечатанную въ „Новостяхъ Дня“²⁸⁴). Въ 1899 г., по приговору того же суда, Липсикеровъ подвергнутъ аресту при тюрьмѣ на 7 дней за разглашеніе данныхъ предварительнаго слѣдствія. Въ 1906 г. заключили въ тюрьму до представленія залога въ 3,000 руб. сотрудника „Новостей Дня“ Редера за оскорбленіе Величества²⁸⁵). 13 Іюля 1907 г. за нарушеніе обязательныхъ постановленій московскій генераль-губернаторъ наложилъ на Липсикерова штрафъ въ 1000 р. Всего ему слѣдовало уплатить штрафа 3,500 р.; но онъ предпочелъ скрыться изъ Москвы. На удовлетвореніе иска наборщиковъ въ 1.600 р., 14 Іюля, принадлежація ему типографія, наборная и редація „Новости Дня“ были опечатаны. Къ приведеннымъ фактамъ, характеризующимъ Липсикерова, какъ Еврея-издателя газеты, слѣдуетъ еще добавить, что въ Сентябрь того же 1907 г. состоялся приговоръ московскаго окружнаго суда о заключеніи его въ тюрьму на 3 мѣсяца за напечатаніе ложной корреспонденціи изъ Тулы о недоброкачественности сѣменнаго хлѣба.

Въ 1898 г., въ Москвѣ, по свѣдѣніямъ „Русскаго Труда“, большую часть газетъ уже захватили Евреи. Такія газеты, какъ „Новости Дня“, „Курьеръ“²⁸⁵) и „Московскій Вѣстникъ“ были лейбъ-органами московскаго кагала. Въ спискахъ ихъ сотрудниковъ значилось болѣе 20 Евреевъ, сомкнувшихъ ряды такъ тѣсно, обнаруживавшихъ такую солидарность, когда дѣло касалось самозащиты, что двумъ русскимъ

²⁸⁴) Новое Время 1887 г. № 3948.

²⁸⁵) Новое Время 1899 г. № 8592, 1906 г. № 10738, 1907 г. №№ 11255, 11256 и 11308.

листкамъ „Московскому“ и „Русскому“, пытавшимся бороться съ ними, нельзя было надѣяться на успѣхъ. Евреи не стѣснялись даже въ случаѣ нужды пускать въ ходъ угрозы, обѣщая „бить“ идущихъ противъ нихъ, распространяя всевозможные слухи, которые могли подорвать къ газетамъ довѣріе читателей, словомъ, пускали въ ходъ всё ухищренія, на какія только способны Евреи ²⁸⁶⁾). Постоянно увеличиваясь въ числѣ, главнымъ образомъ прибывшими изъ Одессы, Евреи—газетные сотрудники—стали дѣлать въ Москвѣ „общественное мнѣніе“ шантажными приѣмами. Того обругаютъ, этого похвалятъ. А то примутся бранить какую нибудь актрису. На ряду съ этимъ поютъ гимны какому нибудь шато-кабаку, невольно возбуждая вопросы о томъ, сколько имъ платятъ шато-кабаки за эти гимны ²⁸⁷⁾).

Размноженіе Евреевъ издателей и сотрудниковъ газетъ и журналовъ, вызвавшее упадокъ этого рода литературы въ Петербургъ и Москвѣ, имѣло еще слѣдующіе вредные результаты для русскихъ писателей, отличающихся любовью къ отечеству и твердой защитой его интересовъ. Такъ въ Петербургѣ, въ 1899 г., въ союзъ русскихъ писателей былъ забаллотированъ издатель „Русскаго Труда“ г. Шараповъ, вслѣдствіе вліянія Евреевъ, которые, хотя составляли треть общаго числа членовъ, воспользовались отсутствіемъ многихъ русскихъ писателей на выборахъ, ихъ рознью и либеральными взглядами на Евреевъ, и выбрали вмѣсто г. Шарапова, Еврея Бриллианта ²⁸⁸⁾). По случаю забаллотированія, г. Шараповъ получилъ много сочувственныхъ писемъ, преимущественно отъ писателей, изъ которыхъ кн. М. П. Волконскій высказавъ ему свое глубокое уваженіе, какъ талантливому писателю и публицисту, замѣтилъ, что союзъ писателей съ его судомъ и посредничествомъ въ редакціяхъ совершенно не нуженъ для русскихъ писателей ²⁸⁹⁾). Для нихъ союзъ дѣйствительно не нуженъ, но въ немъ очень нуждаются Евреи, чтобы втираться въ общество русскихъ писателей и оказывать на нихъ вліяніе въ своихъ интересахъ.

По словамъ „Родной Рѣчи“, въ 1902 г., въ Москвѣ переполнился Евреями „литературно-художественный кружокъ“, подъ предѣлательствомъ кн. Сумбатова, открывшаго широкій доступъ въ члены кружка

²⁸⁶⁾ Убийца Великаго Князя Сергія Александровича полуполякъ Коляевъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ газ. „Курьеръ“, прекратившейся въ 1904 г. Мать Коляева Польша Шотровская, а отецъ былъ торговымъ агентомъ въ Варшавѣ, гдѣ убійца и воспитывался. День 1905 г. № 91.

²⁸⁷⁾ Новое Время 1898 г. № 8014.

²⁸⁸⁾ Русское Слово 1901 г. № 22.

²⁸⁹⁾ Новое Время 1899 г. № 8311.

Евреямъ. Этого было достаточно, чтобы кружокъ въ короткое время превратился въ кагалъ: Евреи здѣсь захватили все для пропаганды еврейства, для рекламированія всего, что такъ или иначе служить имъ въ пользу. Результатомъ явилось то, что за кружкомъ упрочилась кличка „жидовскаго сборища“²⁹¹⁾, вѣрность которой подтвердилась, между прочимъ, такими фактами. 6-го Января 1905 г. состоялось общее собраніе кружка, на которомъ обсуждался вопросъ объ образованіи коммисіи для составленія записки о современныхъ нуждахъ печати, литературы и искусства. Главными ораторами явились Евреи Мандельштамъ и Любошица. Рѣчи ихъ, конечно, выходили далеко изъ рамокъ кружка. Предсѣдатель собранія кн. Сумбатовъ два раза останавливалъ Любошица. Мандельштамъ предложилъ передать записку о положеніи печати на обсужденіе земскихъ собраній! Было рѣшено избрать коммисію для указанной цѣли въ ближайшемъ экстренномъ собраніи. Подъ влияніемъ Евреевъ же въ кружкѣ, въ Октябрѣ 1905 г., было предложено исключить изъ состава кружка издателя патріотической газеты „День“ А. А. Петровича за его публицистическую и политическую дѣятельность, за которую Евреи давно наложили на него херимъ²⁹²⁾, а въ Ноябрѣ онъ былъ исключенъ большинствомъ голосовъ 56 противъ 13. Въ томъ же собраніи выбраны въ дѣйствительные члены кружка: Максимъ Горькій и бывшіе эмигранты М. Ковалевскій и Струве²⁹³⁾.

Изъ провинціальной періодической печати внѣ черты еврейской осѣдлости, особенной враждебностью къ Рускимъ и Россіи, отличались газеты, издававшіяся въ Кіевѣ на средства сахарнаго короля милліонера Еврея Лазаря Бродскаго, умершаго въ Сентябрѣ 1904 г. Этотъ еврейскій патріотъ *стремился черезъ просвѣщеніе Евреевъ доставить имъ господство въ Россіи* и, какъ убѣжденный ея врагъ, всячески разрушалъ русскіе идеалы, русскій патріотизмъ и русскія дѣла. Онъ субсидировалъ, покупалъ и издавалъ еврействующія газеты „Заря“, „Жизнь и искусство“ и душилъ ихъ, когда онѣ были мало вліятельны и ничтожны. Всѣхъ Русскихъ онъ считалъ юдофобами. Онъ поддерживалъ, гдѣ могъ, все противорусское: хохломанскія и украинофильскія предпріятія Поляковъ, особенно талаятливыхъ и ясно высказывавшихся врагами всего русскаго или какого либо сильнаго Русскаго или очень

²⁹¹⁾ Родная Рѣчь 1902 г. № 45.

²⁹²⁾ Въ 1905 г. газ. „День“ получила большое распространеніе въ поволжскихъ губерніяхъ, гдѣ до того времени крестьяне читали только мѣстные либеральныя еврейскія газеты, которыя имъ не нравились. Одна еврейская газета напечатала ложное извѣстіе, что „День“ переходитъ въ еврейскія руки, но крестьяне этому не повѣрили. День 1905 г. № 133.

²⁹³⁾ День 1905 №№ 8, 271 и 299.

яркаго и рѣзкаго человѣка. Онъ работалъ въ Россіи, разрушая современную Россію и созидая будущую еврейско-польско-русскую Россію съ главенствомъ золотого тельца и еврейскихъ идеаловъ и дѣльцовъ ²⁹³).

Въ Маѣ 1907 г. корреспондентъ „Новаго Времени“ изъ Кіева сообщилъ о своеобразной роли, которую играетъ еврейская печать въ дѣлѣ анархизаціи кіевской школы, какъ вышешей, такъ и средней. Она жадно ловитъ всякій слухъ, который можно использовать для извинчиванія учащейся молодежи: она съ жадностью ухватывается за всякій самомалѣйшій инцидентъ въ стѣнахъ того или другого учебнаго заведенія для того, чтобы всячески раздуть его въ цѣлую исторію, съ каковою цѣлью гостепрѣмно открываются газетные столбцы для разныхъ „открытыхъ писемъ“, „заявленій“ и „протестовъ“, подписанныхъ группами сознательныхъ студентовъ и курсистокъ, гимназистовъ и гимназистокъ. Если при этомъ оказывается замѣшаннымъ въ инцидентъ профессоръ или преподаватель, состоящій на замѣчаніи у еврейско-революціоннаго охраннаго отдѣленія, то противъ него организуется настоящая травля, причемъ всякаго рода бойкоты находятъ себѣ особенно горячее сочувствіе и покровительство со стороны еврейскихъ газетъ. За послѣдніе два года въ Кіевѣ было немало случаевъ, что подвергшіеся подобной травлѣ преподаватели находили себя вынужденными уйти, некая себѣ пристанища въ иныхъ, болѣе укромныхъ уголкахъ, гдѣ еврейская печать не успѣла еще свить себѣ прочнаго гнѣзда. Подобной травлѣ былъ подвергнутъ въ истекающемъ академическомъ году профессоръ кіевского политехникума Рекашевъ за то, что имѣлъ дерзость послать отъ имени кіевской партіи правоваго порядка телеграмму въ Петербургъ противъ сверхъ-процентнаго пріема Евреевъ въ вышнія учебныя заведенія ²⁹⁴).

Въ чертѣ еврейской осѣдлости и въ Царствѣ Польскомъ Евреи уже давно захватили въ свои руки газеты, издавая ихъ въ томъ же направленіи, какъ и Лазарь Бродскій, а въ послѣдніе годы, воспользовавшись усилившимся послѣ революціи безиравственнымъ-порнографическимъ направленіемъ значительной части беллетристики, Евреи устроили обширную торговлю порнографическими изданіями и сбыть ихъ по всей Россіи въ цѣляхъ разврата христіанскаго населенія и наживы.

Въ столицѣ Южной Россіи, Одессѣ почти 30 лѣтъ издавалась М. И. Озмидовымъ газета „Новороссійскій Телеграфъ“ въ русскомъ направленіи, чуждаясь безразличія національностей, и на самомъ дѣлѣ

²⁹³) Новое Время 1904 г. № 10276 и 1907 г. № 11201.

²⁹⁴) Новое Время 1900 г. №№ 8856, 8858 и 8919.

была органомъ русскаго общества. Послѣ смерти Озмидова въ 1896 г. газета перешла къ его сыну, а затѣмъ къ Г. А. Липинскому, давшему ей нейтральное, миролюбивое направленіе, которое, однако, не имѣло успѣха: число подписчиковъ постоянно уменьшалось, и 15 Октября 1900 г. изданіе было пріостановлено. Въ Декабрѣ того же года Липинскій умеръ, и въ Одессѣ не осталось ни одного русскаго частнаго органа, такъ какъ газета „Одесскія Новости“ отъ русскаго издателя Старкова еще въ 1896 г. перешла въ руки московскихъ и одесскихъ Евреевъ, заявившихъ съ наглостью въ своей газетѣ, что покойный Озмидовъ, какъ издатель газеты, *разорился на русскомъ управленіи своего органа* и рекомендовавшихъ Липинскому держаться направленія доходнаго ²⁹⁴).

Неуклонно слѣдуя этому направленію—безразличія народовъ и религій—Еврей-издатели одесскихъ газетъ придали имъ характеръ спекулятивныхъ предпріятій въ погонѣ за увеличеніемъ числа подписчиковъ: они печатаютъ по дешевой цѣнѣ дневныя и вечернія прибавленія, парижскія моды, даютъ преміи, открываютъ бесплатныя читальныя салоны для собственныхъ подписчиковъ и даже бесплатно застраховываютъ ихъ жизнь ²⁹⁵). По сообщенію „Вѣдомостей Одесскаго Градоначальства“, одесская печать, въ послѣдніе мѣсяцы передъ ужасными событіями 13—15 Іюня 1905 г. въ Одессѣ, систематически подготовляла къ нимъ темную массу ²⁹⁶).

10 Декабря 1907 г. въ одесской городской думѣ разыгрался скандалъ на почвѣ недовольства гласныхъ думы сотрудниками одесскихъ еврейскихъ газетъ. Съ того времени, какъ только выяснился составъ городской Думы новаго состава, оказавшійся въ такомъ революціонномъ городѣ, какъ Одесса, въ большинствѣ своемъ умѣреннымъ и правымъ, мѣстныя еврейскія газеты („Одесскія Новости“, „Одесскій Листокъ“ и „Южное Обзорѣніе“) стали травить молодую думу: почти ежедневно, на страницахъ газетъ печатались грязныя карикатуры, дѣятельность новыхъ гласныхъ яростно критиковалась во всѣхъ отдѣлахъ, начиная отъ хроники до безшабашнаго фельетона. Только одна газета „Русская Рѣчь“ болѣе или менѣе безпристрастно освѣдомляла жителей о томъ, что говорили въ Думѣ. 10 Декабря Дума рѣшила отдать постройку трамвая бельгійскому обществу. Послѣ того, какъ гласный Бѣлый, указывая на ложу журналистовъ, закричалъ, что думскіе журналисты извѣстныхъ газетъ умышленно ложно освѣщали ходъ работъ по трамвайному вопросу, со стороны публики раздались „крики“. Гласные, столпившись, яростно размахивали руками, указывая на сидѣв-

²⁹⁴) Новое Время 1897 г. № 7843.

²⁹⁵) Новое Время 1900 г. №№ 8856 и 8919.

²⁹⁶) День 1905 г. № 171 и Новое Время 1907 г. № 11408.

шихъ въ ложѣ журналистовъ. Крики: „мерзавцы!“ „подлецы!“ не прекращались. Гласный Бухштабъ кричалъ „Шантажники!“ Сидѣвшіе въ ложѣ референты встали съ мѣсть, но не могли выйти изъ ложи, потому что у дверей стояла публика, и они спаслись черезъ окно изъ помѣщеній управы. Одного сотрудника „Одесск. Обзор.“, Гартенштейна публика всетаки поколотила на площади.

Если въ Одессѣ русскій органъ прекратилъ свое существованіе по недостатку въ ней достойнаго преемника Озмидову, то въ сосѣднемъ большомъ городѣ Кишеневѣ другой талантливый публицистъ и русскій патриотъ П. А. Крушеванъ, издатель газетъ „Вессарабецъ“ и въ 1903 г. „Знамя“, въ которыхъ онъ горячо и мужественно защищалъ русскія начала противъ еврейско-пропагандистской печати, былъ вынужденъ въ томъ же году прекратить изданіе послѣдней отъ невыносимыхъ преслѣдованій Евреевъ. Вотъ, что онъ сказалъ, между прочимъ, въ обращеніи къ читателямъ.

„Я признаю себя побѣжденнымъ невозможной грязью нашей печати. Шесть лѣтъ шли на меня со всѣхъ сторонъ газеты, въ надеждѣ этимъ путемъ заставить меня замолчать, и я терпѣлъ. Но въ послѣдніе пять мѣсяцевъ, съ начала изданія „Знамени“, эта травля и грязь приняли невѣроятные размѣры. Въ то время, когда со всѣхъ сторонъ велась систематическая атака противъ обоихъ изданій на матеріальной почвѣ и ихъ пытались дискредитировать всѣми способами, не было дня, когда бы въ нѣсколькихъ русскіхъ и еврейскіхъ газетахъ не печатали по моему адресу всевозможной лжи, оскорбленій и клеветъ. У меня подобрано нѣсколько сотъ номеровъ съ этой грязью“ и т. д. ²⁹⁷⁾.

Въ такомъ положеніи теперь находятся въ Россіи каждый писатель, русскіе государственныи и общественныи дѣятели и вообще Русскій, кто преданъ русскимъ началамъ, кто указываетъ на недостатки Евреевъ и борется противъ ихъ растлѣвающей пропаганды и революціонной дѣятельности.

Въ статьѣ „Голосъ Общества“, напечатанной въ „Новомъ Времени“, М. Меньшиковъ, описывая развращающее, шантажное направленіе еврейской печати, особенно провинціальной, и рабское положеніе въ ней русскіхъ сотрудниковъ изъ „полунтelligentной черни“, между прочимъ говоритъ: „Еврейская редакція въ „богоспасаемомъ“ городѣ, какъ паукъ, раскидываетъ свою паутину; „сотрудники“ газеты, играя на билліардѣ съ лакеями знатныхъ господъ, ведя дружбу съ околоточными, съ писцами полиціи, съ содержателями разныхъ загородныхъ притоновъ, съ неуучающейся и потому озлобленной молодежью, ведущей

²⁹⁷⁾ Родная Рѣчь 1903 г. № 19.

уличную жизнь,—еврейскіе сотрудники собираютъ столько сору объ обывателяхъ, что уже малой доли его достаточно, чтобы ошельмовать кого угодно. Печать обливаетъ независимаго дѣятеля злословіемъ, печать систематически внушаетъ публикѣ каррикатурное представленіе о дѣятель, приучаетъ смотрѣть на него изо дня въ день, какъ на какое-то чудище. Въ концѣ концовъ въ очень широкихъ слояхъ репутація человѣка убита“.

„Ко мнѣ обращались иногда люди очень замѣтнаго общественнаго положенія съ мольбою спасти ихъ имя, защитить отъ безконечно льющейся грязи. Одинъ вице-губернаторъ, затравленный Евреями, рассказаль мнѣ цѣлую драму, прямо невѣроятную, если бы она не подтверждалась документами. Пускалась въ ходъ не только инсинуація и тонкая безнаказанная клевета: открыто ставился вопросъ о жизни человѣка, котораго газетные еврейчики приговорили къ смерти. На вице-губернатора устроилась настоящая охота. Куда бы онъ ни переводился, мѣстная еврейская печать подхватывала лозунгъ товарищей съ мѣста прежней службы. Систематическое злословіе еврейской печати, напр., на генерала Толмачева, на одного изъ болѣе выдающихся и талантливыхъ администраторовъ, развѣ не представляетъ подготовку, чтобы кто нибудь вычеркнулъ его изъ „списковъ“? Наша администрація не только пережила терроръ печати, она въ ощутимой степени переживаетъ его и теперь. И не одни губернаторы хорошо чувствуютъ этотъ терроръ, и генер.-губернаторы и нѣкоторые изъ министровъ негодные Евреямъ. Покойный Шванебахъ, человѣкъ нѣмецкой вѣрности и твердый духомъ, рассказывалъ мнѣ о гнусныхъ приѣмахъ еврейской печати въ отношеніи къ нему лично“.

По поводу помѣщенія въ „Судебной Газетѣ“ статьи о наплывѣ Евреевъ въ адвокатуру, редакція получила множество писемъ съ упреками и даже угрозами, высказала удивленіе, что о всякихъ недостаткахъ христіанъ можно писать, но нельзя писать о недостаткахъ Евреевъ. Напечатанная также въ 1900 г. въ „С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ статья противъ Евреевъ вызвала взрывъ негодованія въ еврейской и еврействующей печати. Вообще, критикуя не-Евреевъ и ѣдко-Русскихъ, Евреи не дозволяютъ не-Евреямъ критически относиться къ нимъ. Убѣждая въ печати Русскихъ быть „просто людьми“, Евреи твердо держатся ученія Талмуда „быть только Евреями“, чтобы не смѣшиваться съ не-Евреями и лучше ихъ эксплуатировать²⁹⁸).

Въ Царствѣ Польскомъ, съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, еврейская печать, отвѣчая съ сочувствіемъ на призывъ польскій о бра-

²⁹⁸) Новое Время 1900 г. № 8651 и 8657 и 1909 № 11981.

таніи и единеніи Евреевъ и Поляковъ, настойчиво и усердно противо-дѣйствовала путемъ клеветъ сближенію Поляковъ съ Русскими и искренно высказывала желаніе, чтобы Польша достигла автономіи и расширилась въ прежнихъ ея предѣлахъ, отъ моря до моря, потому что они заняли бы въ ней то господствующее положеніе, какое занимаютъ теперь въ Галиціи и Венгріи. Они поддерживали это направленіе и въ восьмидесятыхъ годахъ, когда незначительная часть польской печати приняла антисемитское направленіе ²⁹⁹). Въ 1899 г., въ Варшавѣ образовалась компанія капиталистовъ, скупившая пять крупныхъ ежедневныхъ газетъ, издававшихся въ Варшавѣ на польскомъ языкѣ. Часть этихъ органовъ приобрѣтена для обузданія антисемитизма, остальные для эксплуатаціи, какъ выгодныя коммерческія предпріятія. Въ томъ же году, по поводу отказа редакціи „Варшавскаго Курьера“ (издающагося Евреемъ Левенталемъ) принять и отправить по назначенію 3 р., пожертвованные въ пользу голодающихъ русскихъ крестьянъ, антисемитско-клерикальный журналъ „Роля“ (№ 16), въ статьѣ „Жидовскій патріотизмъ“, объяснилъ эту „дипкую“ выходку еврейской редакціи тѣмъ, что, не интересуясь, какое оружіе она даетъ въ руки нерасположенной къ Полякамъ русской печати, „жиду-патріоту важно лишь, сколько онъ наживетъ въ лицемѣрномъ и, въ данномъ случаѣ, бездонно-глупомъ патріотизмѣ“. Сообщая объ этомъ откровенномъ осужденіи польскимъ журналомъ „польско-еврейскаго патріотизма“, корреспондентъ „Нов. Врем.“, замѣчаетъ, что имъ съ успѣхомъ и барышемъ торгуютъ въ Варшавѣ Евреи подъ различными масками ³⁰⁰).

Послѣ революціи, Варшава занимаетъ центральное мѣсто по изготовленію порнографическихъ изданій, фотографическихъ снимковъ, брошюръ, будто бы научнаго содержанія съ заманчивыми заглавіями и т. п. и разсылки „товара“ по всей Россіи. Какой громадный спросъ существуетъ на эту литературу, показываетъ по словамъ „Варшав. Дневн.“ (1907 г.) фактъ, что такія брошюры печатаются уже не въ десяткахъ, а въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и распродаются на расхватъ, несмотря на высокую сравнительно цѣну. О фотографіяхъ и иллюстрированныхъ открытыхъ письмахъ и говорить нечего: ихъ высыпаютъ во внутреннія губерніи пудами. *Этою издательскою дѣятельностью занимаются исключительно Евреи*, у которыхъ состоятъ на жалованьи „литераторы“ изъ Евреевъ-же, занимающіеся компіляціей съ иностранныхъ языковъ подобнаго рода заграничныхъ издѣлій. Нѣкоторые изъ этихъ „литераторовъ“ зарабатываютъ по 200—300 р. въ мѣ-

²⁹⁹) Новое Время 1896 г. № 7346 и 1897 г. № 7592.

³⁰⁰) Новое Время 1899 г. №№ 8323 и 8331; 1907 г. № 11266 и 1908 г. № 11589 и 11602.

сяць. Одинъ изъ издателей характерно объясняетъ успѣхъ этой „литературы“ переутомленіемъ общества послѣ войны и революціи, когда ослабѣвшіе нервы требуютъ сильно возбуждающихъ средствъ.

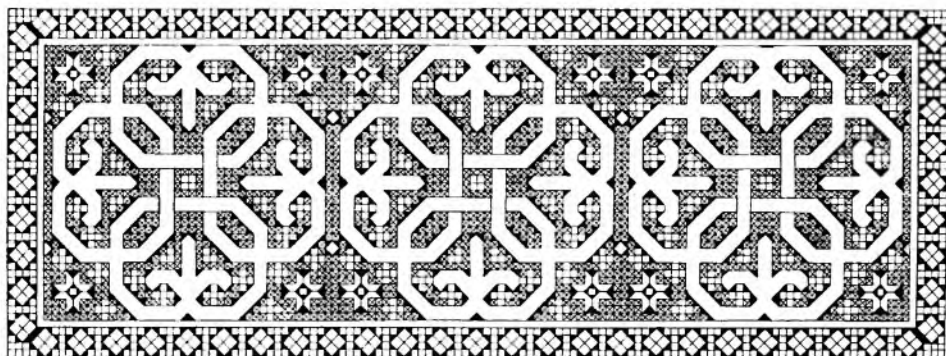
Для изготовленія порнографическихъ изданій въ Варшавѣ и въ Лодзѣ созданы цѣлыя фабрики. Организациія ихъ—конспиративная. Есть конторы, имѣющія большой служебный персоналъ и ведущія обширную корреспонденцію со множествомъ кліентовъ. Изъ Варшавы весь порнографическій „товаръ“ разсылается по безчисленнымъ уголкамъ Россіи на комиссію и отдѣльнымъ потребителямъ. Въ виду конспиративной дѣятельности такихъ заведеній, борьба съ ними очень затруднительна. Вотъ какъ описываетъ фабрику въ дѣйствиіи корреспондентъ „Раннего Утра“. „Помѣщеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, гдѣ лежатъ цѣлыя стопы листовъ съ фотографическими снимками, которые тутъ же разрѣзаются на части, сортируются, упаковываются и отсылаются. Есть отдѣльныя комнаты, гдѣ сидятъ и работаютъ надъ порнографическими рукописями, которыя посылаются въ спеціальныя типографіи и печатаются въ тысячахъ брошюръ. Въ комнатахъ толкуются натурщики и натурщицы, большей частью изъ кафешантаннхъ пѣвицъ, проституткокъ, „дамъ полусвѣта“. Есть отдѣльныя комнаты, гдѣ спеціально снимаютъ группы въ порнографическихъ позахъ, въ различныхъ положеніяхъ и видахъ. Роль натурщикова исполняютъ собственные служащіе, конечно, тщательно и искусно загримированные. Плата такимъ господамъ колеблется отъ 3 до 10 р. въ зависимости отъ позы, фигуры и т. д.

Порнографическая литература проникаетъ въ деревню и бойко распространяется среди деревенской молодежи. Такъ въ большомъ количествѣ порнографія распространяется въ с. Екатериновкѣ, Самарскаго уѣзда, гдѣ порнографическія карточки продаются даже въ мелочныхъ лавочкахъ.

Жаргонная еврейская печать, имѣющая огромное вліяніе не только на еврейскую молодежь, но и на всю еврейскую массу, за рѣдкими исключеніями, почти вся прямо и открыто поднимаетъ теперь всю еврейскую массу къ бунту, указывая ей, что кромѣ бунта для Евреевъ нѣтъ и не можетъ быть другого исхода. Шмарія Левинъ въ первомъ же номерѣ 1906 г. своей еженедѣльной жаргонной газеты, „Дась Юдише Фолькъ“ приходитъ въ ужасъ при одной мысли даже о возможности не только ассимиляціи русскихъ Евреевъ съ Русскими, но и простого сближенія съ ними ³⁰¹⁾.

(Продолженіе будетъ).

³⁰¹⁾ Новое Время 1906 г. № 10859.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

1861-й годъ.

Королева Шведская умерла во время представленія комедіи; король Прусскій—свободный князь свободного народа—умеръ въ идиотизмъ. Въ прокламаціи Вильгельма I-го „моему народу“ такъ мало искренности, отчетливости и сочувствія, что, при неожиданномъ оборотъ вещей, Пруссія можетъ передвинуться ко временамъ 1847 г. Слабость Нѣмецкаго элемента въ Австріи, усиленія котораго нельзя ожидать и отъ программы Шмерлинга, и раздробленность этого элемента въ мелкихъ Германскихъ государствахъ даютъ Пруссіи значеніе великой державы, которое она получила по милости Польши, въ раздѣлѣ которой она участвовала и слѣдовательно выравнилась съ Россіей и Римскою Имперіей. Только это географическое положеніе и разрозненность Германскаго единства приподняли 16 миллионное королевство на линію великихъ державъ, съ которыми оно, при совершенномъ отсутствіи морскихъ силъ, всегда впрочемъ будетъ на второмъ планѣ и въ дѣлахъ восточной войны, и въ дѣлахъ частой осады. Въ мнимои покровительствѣ либеральнымъ учрежденіямъ и Нѣмецкому гению Пруссія конечно должна уступить Бадену и Баваріи, и Берлинскій университетъ никогда не скрѣпилъ бы Рейна, Помераніи и Познани; но ея крѣпость въ историческихъ событіяхъ, и они же могутъ, по новому Тильзитскому миру, привести ее къ состоянію, въ которомъ Саксонія и Вюртембергъ иначе отзовутся о Гогенцолернахъ и Бранденбургскихъ маркграфяхъ. Опора и сила Пруссіи не

*) См. 12-й выпускъ „Русскаго Архива“ 1910 года.

въ соперничествѣ и первостепенности, а въ лучшемъ учрежденіи союза и его представительства. Здѣсь Пруссія дѣйствуетъ односторонне и недалеко время, когда она въ этомъ раскается, и раскается она въ томъ, что поздно ввела конституцію, поздно потому, что возможное и удобно въ 1815 годахъ единство монархіи теперь рѣшительно невозможно, и не только мѣстности, но и интересы сословные, столь дорогіе Герлахамъ и Фридрихамъ IV-мъ, такъ окрѣпли и такъ мало стремятся къ центру (имъ не привычному) что Прусскій патриотизмъ понятенъ и возможенъ только какъ увѣренность въ защитѣ матеріальныхъ выгодъ. Безпрестанно повторяя о требованіяхъ важности и достоинства Пруссіи (пустыя предъявленія, требующія повтореній). Пруссія должна бы вспомнить, что она ничего не сдѣлала для Германіи, не отстояла даже Невштателя, не помогла Голштиніи, выдала Австріи головою Ломбардіи и (можно быть увѣрену) равнодушно будетъ смотрѣть на уступку Венеціи, и пойдетъ развѣ только къ Рейну, потому что иначе народъ потащитъ ее силою. Въ время данная конституція упрочиваетъ величіе и крѣпость государства и династій. Вильгельмъ I-й взвѣшиваетъ слово, но онъ не достаточно взвѣшиваетъ тяжести элементовъ и требованій современной жизни.

Какое ужасное положеніе сестры! Она не говоритъ, но я чувствую, что она ропщетъ на меня и готова звать Бога на судъ. Это обыкновенно. Мы или просимъ и торгуемся съ Богомъ „помилуй. подай, Господи“ или зовемъ Его на судъ: Ты зачѣмъ, Господи, отнял у меня сына? Я не говорю о милости, я прошу правосудія. Накажи меня, мнѣ 40 лѣтъ, но за чѣмъ же безвозвратно наказывать юношу?“ И справедливо. Не справедливо то, что призываютъ Бога къ отвѣту, пріучивъ людей видѣть въ правосудіи милость, въ милости одно милосердіе. Несправедливо это особенно потому, что при такихъ убѣжденіяхъ ни характеръ, ни добросовѣтность, ни достоинство человека ничего не выигрываютъ. Я бы немедленно поскакалъ къ несчастной матери, но самъ дурно себѣ чувствую, и холода стоятъ ужасные. У насъ до 23°. въ Москвѣ ртуть замерзла.

Въ Крыму столкнулись генералъ военный, Тотлебенъ и генералъ гражданскій Гернгроссъ, сражаясь съ Татарскимъ вопросомъ. Татары бѣгутъ, ихъ выселилось болѣе 100 т. ревизскихъ человекъ. Петербургъ радуется, генералъ-губернаторъ поощряетъ выходъ, Крымъ пустѣетъ, губернаторъ ищетъ помощи въ запрещеніяхъ, два раза представляетъ ограничить выпускъ 10% собравшихся, и не получаетъ отвѣта: а генералъ Муравьевъ, радуясь возможности заселять край Русскими, спрашиваетъ его, черезъ четыре мѣсяца, ограничилъ ли онъ

выходъ 10⁰ 0? и сдѣлать кличь по Курской губерніи о переселеніи крестьянъ на полуостровъ, написать правила о поселеніи ихъ на владѣльческихъ земляхъ и ассигновать деньги на дешевую покупку Татарскихъ земель въ казну по 3 р. за десятину. Желавшихъ переселиться нашлось довольно, и партія въ 600 семействъ двинулась и прибыла къ Перкопи, заявивъ тутъ же: на владѣльческія земли ни за что не согласны. Жалобы и крики владѣльцевъ опустѣвшихъ земель и садовъ были громки и дошли до Государя. Въ это время обозрѣвалъ укрѣпленія въ Крыму Тотлебенъ, и ему Государь, по телеграфу приказалъ удостовѣриться въ причинахъ побѣга Татаръ, а между тѣмъ министерство для направленія дѣла послало Гернгросса, директора 1-го д-та м-ва. Здѣсь началась катавасія, выразившаяся въ двухъ запискахъ, представленныхъ Государю и одобренныхъ имъ. Если жалка роль, которую играетъ въ обѣихъ гр. Строгановъ, то самая жалкая роль, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Государю. Тотлебенъ описалъ, какъ тиранили Татаръ сперва чиновникъ Максимовичъ, потомъ генераль баронъ Корфъ и отрядъ его и наконецъ распоряженія Петербургскія, во время войны, а теперь губернаторъ (генер. Жуковскій) и Гернгроссъ, объявившіе, что правительство (что Государь) считаютъ переселеніе Татаръ „счастливою случайностію *возстановленія будущаго* благоденствія Крыма“ (и все это передавалось волостямъ, самимъ Татарамъ). Тотлебенъ заключилъ, что нужно, съ 15 Декабря, остановить выходъ Татаръ, открыть владѣльцамъ кредитъ, разсрочить долги, дать широкія льготы Русскимъ и иностраннымъ (особенно Нѣмцевъ желаетъ мѣстное правительство) переселенцамъ и оказать имъ, землевладѣльцамъ, всевозможное содѣйствіе.

Гернгроссъ написалъ свой отчетъ. Онъ пересказывалъ мнѣ (самымъ смѣшнымъ образомъ) представленіе свое Государю. Разумѣется, все выставляется иначе, и распорядитель дѣлается жертвою эгоистическихъ намѣреній землевладѣльцевъ, тогда какъ онъ—устроилъ до 8 т. переселенцевъ, поправилъ оставленные дома, накупилъ 17 т. десятинъ земли, приготовилъ дрова и капуста и вытребовалъ поповъ для освященія Татарскихъ пепелищъ.

Тяжело читать, какъ Русское управленіе, даже въ лучшихъ представителяхъ своихъ (Гернгроссъ—хорошій человекъ) поступаетъ съ племенемъ, съ народомъ, отзывающимся на вопросы Тотлебена: „бѣжимъ, Воронцевъ умеръ, Татаринъ пропалъ“ и представляющимъ грустную картину побѣга подданныхъ въ страну деспотизма и бѣдности. Записки Тотлебена поверхностны, но благородны своею простотою и военною откровенностію. Самостоятельныя записки Гернгросса написаны

бойко и рельефно. Какъ на первой, такъ и на второй Государь написалъ въ „Комитетъ Министровъ“. Государь теперь на охотѣ. Я узнаю, что сказалъ Комитетъ. Но рационально-ли это такое заселеніе? Что значить этотъ скупъ земель казною? Славянофилы (Гильфердингъ) совѣтуютъ заселять Славянами; въ Америку бѣгутъ Нѣмцы и Ирландцы; многіе владѣльцы тяготятся крѣпостными. Мало-ли элементовъ!

Записка министра финансовъ *) „О настоящемъ положеніи государственныхъ финансовъ“. Затруднительное положеніе гос. казн-ва, при недостаточности обыкновенныхъ ресурсовъ онаго на покрытіе расходовъ, требуетъ изысканія способовъ къ устраненію дальнѣйшаго разстройства финансовъ и къ поддержанію государственнаго кредита. Въ 1845 г. сумма долговыхъ обязательствъ гос. каз-ва составляла 1,251 мил. а нынѣ простирается до 2,310 мил. т. е. болѣе на 1 т. миллионовъ, а именно:

	къ 1845 г.	15 Нояб. 1860 г.
	милліоновъ	рубл.
Вышшихъ долговъ	268	430.
Долговъ гос. казнач-ва кредитнымъ установленіямъ	166	310.
Билетовъ 5 ⁰ / ₀ банковыхъ	„	275.
Билетовъ 4 ⁰ / ₀ непрерывнаго дохода	„	102.
Билетовъ госуд. казнач-ва	21	108.
	<hr/>	<hr/>
	455	1,225 мил. руб.
Годовыхъ платежей по этимъ долгамъ	31	70.
Долговъ кредитныхъ установленій	564	366.
Кредитныхъ билетовъ 122, депозитныхъ 18, ассигн.	522—232	719.
	<hr/>	<hr/>
всего вообще	1,251	2,310 мил. руб.
При размѣнномъ фондѣ, въ звонкой монетѣ	59	84.
Обыкновенныхъ доходовъ по респиси	282	„

Сверхъ того правительство приняло на себя гарантію процентовъ на капиталы, затраченные по сооруженію разныхъ желѣзныхъ дорогъ и должно будетъ разрѣшить, подъ своею ответственностію, выпускъ процентныхъ выкупныхъ билетовъ для облегченія развязки крестьянскаго дѣла.

*) Записка эта ходитъ по рукамъ и въ Англійскомъ переводѣ имѣется во всѣхъ посольствахъ. Мнѣ рассказывалъ это сочинитель, стас. секрет. Гагемейстеръ, которому председатель комитета финансовъ, канцлеръ гр. Нессельроде дѣлалъ за это упрёки. Я получилъ ее сперва отъ эзекутора Герке, который ихлѣзъ ее отъ столоначальника Роговскаго. Она читана и списана мелкими чиновниками разныхъ вѣдомствъ въ то время, какъ посылалась изъ финансоваго комитета къ членамъ.

Изъ выше изложеннаго обзора видно, что правительство постоянно увеличивало свои долговыя обязательства, такъ что сумма годовыхъ платежей по однимъ процентнымъ долгамъ возрасла въ теченіи 15 лѣтъ на 39 мил. р., тогда какъ приращеніе обыкновенныхъ доходовъ составляло только 82 мил. р., безпроцентный же долгъ, заключающійся въ кредитныхъ билетахъ, увеличился въ тоже время на 487 мил. р. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ огромнаго выпуска бумажныхъ денегъ было паденіе цѣнности кредитнаго рубля, проявившееся въ повсемѣстно возрастающей дороговизнѣ на всѣ вообще предметы, которая гнететъ торговлю, останавливаетъ развитіе промышленности, потрясаетъ хозяйственное положеніе всѣхъ классовъ народа и увеличиваетъ расходы казны во всѣхъ ея операціяхъ, тогда какъ источники государственныхъ доходовъ, по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, приходятъ въ истощеніе. Къ этимъ пагубнымъ послѣдствіямъ разстройства нашей денежной системы присоединился еще переводъ за границу иностранныхъ капиталовъ, между тѣмъ какъ потребность въ привлеченіи ихъ оказывается болѣе и болѣе настоятельно, въ настоящее время, для распространенія желѣзныхъ дорогъ, для учрежденія земскихъ банковъ, для выкупа крестьянскихъ земель и для устройства помѣщичьихъ хозяйствъ на вольномъ трудѣ. Но доколѣ наша денежная система будетъ оставаться въ настоящемъ ея положеніи, нельзя ожидать прилива къ намъ иностранныхъ капиталовъ: никто не рѣшится переводить ихъ въ Россію, пока бумажныя деньги не будутъ обращаться на равнѣ съ звонкою монетою. Такимъ образомъ отъ восстановленія достоинства кредитнаго рубля существенно зависить преуспѣяніе всѣхъ источниковъ народнаго богатства и съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность увеличенія государственныхъ доходовъ.

Между тѣмъ приведеніе нашей денежной системы въ надлежащее устройство встрѣчаетъ затрудненія не только по недостатку потребныхъ для того финансовыхъ ресурсовъ, но и потому, что ежегодный вывозъ изъ государства звонкой монеты на заграничныя платежи далеко превышаетъ количество добываемаго у насъ золота и серебра. Въ 1859 г. переведено за границу:

1. по внѣшнимъ займамъ	9.716,274 р.
2. На расходы по содержанію эскадръ	1.009,710 р.
3. По казеннымъ заказамъ	1.774,652 р.
4. На командировку и др. чрезвыч. расходы	948,446 р.
5. На содержаніе миссій и консульствъ, аренды и пенсін	1.510,100 р.
	<hr/>
	14.959,182 р.

Къ сему слѣдуетъ присовокупить: на платежи процентовъ и погашеніе по новымъ 3⁰/₀ и 4¹/₂⁰/₀ займамъ 3.250,000 р.

На переводъ за границу процентовъ по акціямъ, и облигаціямъ Гл. Об. жел. дорогъ (4,479,610 р.), а такъ же по акціямъ Рижско-динабургской и Саратов. дор. (900 р.) 5,379,610 р.

Вывозъ звонкой монеты въ Азію не менѣе 7.000,000 р.

Отъѣзжающими за границу вывезено по меньшей мѣрѣ: 20.000,000 р.

Итакъ сумма золота и серебра, выходящая изъ Россіи ежегодно, простирается уже до 50.000,000¹⁾ р.).

Количество же золота и серебра, добываемое въ Сибири и на Уралѣ, по сложности 1857—1859 гг. составляло только 23 мил. р. въ годъ²⁾. Посему на покрытіе заграничныхъ платежей недостаетъ до 28 мил. руб. Разность эта не покрывается перевѣсомъ отпуска нашихъ произведеній надъ привозомъ иностранныхъ товаровъ, если принять въ расчетъ контрабанду, не говоря уже о томъ, что при существующей у насъ потребности въ огромномъ количествѣ машинъ, пароходовъ и всякаго рода принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, отпускъ нашихъ товаровъ, остающійся въ нормальномъ положеніи, не можетъ быть достаточенъ на покрытіе платежей за все эти предметы, которые Россія, по необходимости, должна выписывать изъ чужихъ краевъ, гдѣ приготовленіе рельсовъ, паровыхъ машинъ и другихъ механическихъ снарядовъ достигло высшей степени развитія и совершенства, тогда какъ производство ихъ у насъ, по дороговизнѣ чугуна и желѣза, обходится несравненно дороже.

Въ прежнее время наши заграничные платежи могли быть покрываемы отпускомъ нашихъ произведеній; ибо во 1-хъ, привозъ иностранныхъ товаровъ былъ гораздо менѣе нынѣшняго, а потому отпускъ нашъ значительно превышалъ привозъ; во 2-хъ, по малочисленности Русскихъ подданныхъ, пребывавшихъ за границею, переводъ туда денегъ былъ не великъ; въ 3-хъ, вишній долгъ былъ, за 15 лѣтъ передъ симъ, на 162 мил. менѣе нынѣшняго, и въ 4-хъ, на соору-

¹⁾ По отчету „Виржевыхъ извѣст.“ Трубинкова о торговлѣ за 1859 г. сказано, что золота и серебра вывезено въ Европу 23.765,484 р., въ Азію 4.893,009 р., а привезено изъ Европы 2.797,182 р. изъ Азіи—51,173 р. Итого вывозъ превышаетъ 25.810.138 р.

²⁾ Золота добыто въ Сибири, въ 1852 г.—900 пуд. 11 ф., въ 1859—1114 п. 7 ф., въ 1860 г. 1053 п. 8 ф., въ 1861—1063 п. 34 ф.

женіе теперь устраиваемыхъ желѣзныхъ дорогъ потребовалось уже нынѣ до 120 мил. рублей, проценты за которые уплачиваются большею частію за границею, посредствомъ перевода туда купоновъ вълѣдствіе упадка нашего вексельнаго курса.

До сихъ поръ дефициты въ заграничныхъ платежахъ были покрываемы внѣшними займами и вывозомъ звонкой монеты, имѣвшейся во внутреннемъ обращеніи, но за то размѣнный фондъ, составленный къ 1 Января 1855 года 161 мил. р., уменьшился до 84 мил., звонкой монеты вышло изъ Россіи не менѣе 150 милліоновъ, внѣшній долгъ, какъ выше сказано, увеличился на 162 м. р., кредитныхъ билетовъ прибавилось на 487 м.; цѣны всѣхъ вообще предметовъ поднялись на 25%, и достоинство кредитнаго рубля въ вексельномъ курсѣ упало бы настолько же, если бы правительство не поддержало его искусственными мѣрами, а именно внѣшними займами для производства платежей по старымъ долгамъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ новые внѣшніе займы, судя по ходу двухъ послѣднихъ займовъ, въ настоящее время едва ли возможны и послужили бы лишь къ тягостному для государства увеличенію и безъ того уже слишкомъ обременительныхъ, заграничныхъ платежей. Равнымъ образомъ нельзя рассчитывать и на займы внутренніе, потому что вслѣдъ за пониженіемъ въ 1857 г. банковаго процента, значительная масса капиталовъ затрачена въ фонды и акціи; за тѣмъ часть обращена, а часть еще должна поступить въ 4 и 5% билеты, всего до 347 м. р., остальные же свободные капиталы находятъ себѣ гораздо выгоднѣйшее помѣщеніе во внутреннихъ оборотахъ сравнительно съ тѣмъ, какое они могли бы найти въ государственныхъ займахъ. — Наконецъ, увеличеніе финансовыхъ ресурсовъ посредствомъ возвышенія существующихъ и введенія новыхъ налоговъ повело бы только къ вящему оскудѣнію средствъ народа, сбереженіе коихъ въ настоящее время нужно болѣе чѣмъ когда либо, для благополучной развязки предстоящаго переворота въ экономическомъ быту многочисленной части сельскаго населенія. Возвышенію государственныхъ доходовъ можетъ конечно со временемъ способствовать улучшеніе системы податей и пошлинъ, посредствомъ правильнѣйшаго и слѣдовательно менѣе тяжкаго для плательщиковъ распредѣленія налоговъ, что и составляетъ нынѣ предметъ занятій особой при м—въ фн. комисіи, но едва ли возможно будетъ достигнуть этимъ путемъ мгновеннаго и значительнаго приращенія государственныхъ доходовъ, такъ какъ повсемѣстный опытъ уже доказалъ, что ближайшимъ послѣдствіемъ измѣненія податной системы обыкновенно бываетъ скорѣе уменьшеніе, нежели увеличеніе сборовъ.

Все вышесказанное приводит къ заключенію, что въ настоящемъ затруднительномъ положеніи финансовъ изысканіе способовъ къ устраненію этого кризиса должно имѣть цѣлю:

во 1-хъ, устройство денежной нашей системы,

во 2-хъ, ограниченіе, по возможности, перевода за границу денегъ на разные расходы и увеличеніе средствъ на покрытіе необходимыхъ платежей въ чужихъ краяхъ

и въ 3, доставленіе государственному казначейству способовъ къ выполненію нынѣшнихъ и вновь предстоящихъ его обязательствъ. При настоящемъ положеніи нашихъ финансовыхъ ресурсовъ нельзя нынѣ помышлять о какихъ либо рѣшительныхъ мѣрахъ къ улучшенію денежной системы, и при томъ самый успѣхъ ея устройства зависить существенно отъ уменьшенія нашихъ заграничныхъ платежей, которые изтощаютъ и будутъ изтощать денежные средства государства, доколѣ никакихъ мѣръ не будетъ принято къ ограниченію этихъ расходовъ. Почему слѣдуетъ обратиться предварительно къ ограниченію, по возможности, перевода за границу денегъ на разные расходы и къ увеличенію средствъ на покрытіе необходимыхъ заграничныхъ платежей.

Въ сихъ видахъ полезны бы были слѣдующія мѣры:

1. При возрастающей у насъ потребности въ иностранныхъ машинахъ, пароходахъ и принадлежностяхъ желѣзныхъ дорогъ, на что переходятъ за границу огромныя суммы, поощрить разработку желѣзныхъ рудъ на каменномъ углѣ и развитіе нашего машиностроительнаго дѣла и рельсоваго производства всѣми зависящими отъ правительства способами.

2. Посредствомъ раздачи казенныхъ земель, вызова колонистовъ и разныхъ льготъ содѣйствовать распространенію воздѣлыванія такихъ продуктовъ, которые могутъ родиться у насъ успѣшно, но за которые до сихъ поръ переводятся огромныя суммы за границу. Къ продуктамъ этого рода принадлежатъ въ особенности свойственные нашему Закавказскому краю, какъ то: хлопчатая бумага, шелкъ, марена и проч.

3. Облегчить сбытъ нашихъ произведеній въ иностранныя земли скорѣйшимъ устройствомъ усовершенствованныхъ путей сообщенія, допустивъ, по мѣрѣ возможности, употребленіе войскъ для работъ по этимъ сооруженіямъ, дабы они могли быть устраиваемы съ наименьшимъ пособіемъ иностранныхъ капиталовъ.

4. Поощрить развитіе золотого промысла въ Сибири, для увеличенія у насъ добычи золота, какъ средства къ покрытію нашихъ

заграничныхъ платежей, и для сего предоставить частнымъ лицамъ право на развѣдки и на разработку золотоносныхъ песковъ во всѣхъ частяхъ Сибири и Уральскаго хребта.

5. Ограничить, хоть временно, чрезвычайные расходы за границею на заказы, командировки и т. п.

6. Возвысить таможенные пошлины на предметы роскоши и ограничить беспошлинное водвореніе оныхъ подъ видомъ пассажирскихъ вещей, а также усугубить мѣры для преслѣдованія контрабанды.

и 7. Умѣрить стремленіе къ безграничнымъ путешествіямъ, увлекающее изъ государства огромныя суммы на проживаніе въ чужихъ краяхъ.

Осуществленіе большей части изъ вышеозначенныхъ мѣръ, необходимыхъ для развитія источниковъ государственнаго богатства, не можетъ однакоже быть достигнуто безъ пожертвованій со стороны казны; но какъ по изложеннымъ выше причинамъ нельзя искать финансовыхъ ресурсовъ ни въ займахъ вѣшнихъ или внутреннихъ, ни въ увеличеніи налоговъ при настоящемъ разстройствѣ экономическаго состоянія всѣхъ классовъ народа: то для доставленія госуд. казначейству средствъ къ выполненію нынѣшнихъ и предстоящихъ его обязательствъ усиленіе финансовыхъ ресурсовъ представляется возможнымъ лишь двоякимъ путемъ: во 1, чрезъ постепенную продажу нѣкоторыхъ казенныхъ имуществъ, и во 2, чрезъ сокращеніе текущихъ расходовъ.

Министръ финансовъ, вмѣняя себѣ въ священную обязанность повергнуть соображенія сіи на Высоч. Вашего И. В.—ва благоусмотрѣніе, пріемлетъ долгъ присовокупить, что въ случаѣ, если бы вышеозначенныя предположенія удостоились Высочайшаго вниманія, то предварительное обсужденіе, какъ и самое приведеніе оныхъ въ исполненіе, не можетъ подлежать вѣдомству лишь министерства финансовъ, а требуетъ совокупнаго участія и содѣйствія всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій“.

Государь написалъ: „обсудить въ Комитетѣ Финансовъ“. Княжевичъ помѣтилъ Царское Село. 26 Ноября 1860 г.

И въ Комитетѣ Финансовъ положили потребовать заключеній министровъ по принадлежности указываемыхъ въ запискѣ мѣръ и предметовъ. Вотъ этотъ *compte rendu* нашего Неккера.

Не говоря о смѣшеніи предметовъ въ самомъ докладѣ, направленномъ къ пораженію, къ *устрашенію Государя*, нельзя не замѣтить, что изъ предлагаемыхъ мѣръ почти всё министръ могъ принять самъ или по сношенію съ другими, кромѣ работъ войсками, возвышенія тарифа и за-

граничныхъ паспортовъ, что же касается продажи имуществъ, то это уже разрѣшено и не одинъ разъ, а сокращеніе расходовъ есть первая обязанность министра. Но, положимъ, что все это нужно было докладывать, положимъ, что все это одобрено, что все утверждено и пошло къ исполненію. Чего же ожидать?

Кризисъ не исчезнетъ и не уменьшится.

Я полагаю, что главная причина есть масса бумажекъ и бумагъ. Для уничтоженія ихъ я полагаю бы принять нынѣ же слѣдующія мѣры:

1. Округленіе податей, пошлинъ (возвышеніе тарифа) и всякихъ сборовъ. Самое незначительное въ податяхъ: сдѣлать ихъ *личными*.

2. Отчужденіе казенныхъ имуществъ, начавъ съ домовъ, въ столицахъ, и съ цѣнныхъ оброчныхъ статей, отчужденіе не посредствомъ продажи, при которой нельзя ожидать большаго соревнованія, а посредствомъ лотерей. Только этимъ путемъ и соберешь деньги.

3. Пересмотръ смѣты на слѣдующихъ основаніяхъ:

а. Установленіемъ нормальныхъ штатовъ и отнесеніемъ экстраординарныхъ превышеній на особые источники, сокративъ расходы постоянные и отложивъ временные.

б. Приостановленіемъ расходовъ на такія учрежденія и установленія (мосты, дороги, училища, субвенціи), которыя вполнѣ и неполнѣ нынѣ же или въ послѣдствіи могутъ существовать собственными средствами при незначительномъ сборѣ съ лицъ и строгихъ изытіяхъ.

в. Всѣ расходы на ремонтъ, освѣщеніе и отопленіе (кромѣ помѣщений нижнихъ чиновъ) отнести на обязанность квартирующихъ.

г. Осуществить единство кассъ во всей полнотѣ и строгости.

д. Уменьшить расходы на войско и флотъ введеніемъ конскрипціи и изытія за выкупъ, въ количествѣ и въ суммѣ по назначенію военного министра, образовавъ изъ выкупной суммы военный капиталъ.

и е. Приостановить всѣ расходы, не требуемые крайнею необходимостію.

НВ. Въ послѣдствіи пересмотра смѣты возстановить пенсіи въ нормальныхъ ихъ по закону назначеніяхъ и учредить особый совѣтъ о пенсіяхъ.

Я полагаю, что эти революціонныя мѣры дадутъ правительству до 200 м. р. въ годъ и, обуздавъ расточительность, возвысятъ цѣнность денегъ, а съ постепеннымъ уменьшеніемъ бумажекъ минуетъ внутренний кризисъ, привлекутъ капиталы.

Если Гарибальди не республиканецъ, то онъ самый искренній врагъ монархіи. Читая переписку Мадзини и Гарибальди, удивляешься

не смѣлости и могуществу слова, но возможности существованія монархическаго въ присутствіи ихъ порядка. Это очевидные главы другого порядка. И порядокъ этотъ идетъ, онъ увѣренъ въ себѣ и оттого говоритъ громко и ясно, прямо указываетъ цѣль, назначаетъ время, опредѣляетъ дѣйствія. Онъ можетъ ошибиться, пропасть даже, но онъ уже вызванъ къ жизни, стоитъ на своихъ ногахъ и никогда не забудетъ чѣмъ онъ былъ и что онъ можетъ. Ну если онъ дѣйствительно соберетъ миллионъ и, занявъ Римъ, пойдетъ на Австрію и потребуетъ естественныхъ границъ для Итальянской имперіи?

Монархію можетъ спасти Итальянская бѣдность. Но богаты-ли монархіи и могутъ-ли онѣ позволить себѣ такую роскошь какъ война? Либеральная партія въ Англіи представляетъ Пальмерстону о необходимости сокращенія расходовъ. Должно ожидать сильныхъ возраженій на бюджетъ, какъ во Франціи, если пренія получать свободу, такъ и въ Пруссіи, гдѣ прибавка 8 т. талеровъ вѣроятно потребуетъ 50 т. франковъ за Рейномъ. Россійскія богатства мы знаемъ, а что касается Австріи, то о вѣнскихъ займахъ ей думать нечего, объявленный же внутренний, 30 т. гульд., не смотря на свою недостаточность, найдетъ опору развѣ въ церковномъ конкордатѣ. Священники убѣдятъ подписчиковъ проповѣдю. Католики способны низойти и до этого.

Не смотря на общія опасенія, доходящія до пожаровъ и убійствъ (я иду до голоднаго времени отъ дороговизны), до войны изъ національностей и до банкротства отъ недостатка монеты, у насъ безпрестанные праздники, обѣды и юбилей. Замѣчательно, что эти торжества устраиваются уже новымъ поколѣніемъ, и что, независимо отъ противорѣчія этихъ праздниковъ нашему будничному положенію, они почти всегда сопровождаются беспорядками или безчинствами, которые напоминаютъ о незрѣлости нашей общественности. Московская Коммерческая Академія, въ лицѣ новыхъ дѣлателей, гг. Киттары, Бабста и Бутовскаго, такъ расхвалила себя по случаю 50 лѣтняго юбилея, что подумаешь: сословіе нашего купечества достигло Европейской степенности и не даромъ вызвало упреки прежнихъ воспитанниковъ, въ которыхъ и слѣда нѣтъ привязанности и признательности къ самодовольному заведенію. Эта признательность громко выразилась на юбилей Училища Правовѣденія, хотя и здѣсь дѣло не обошлось безъ грубыхъ выходокъ, долетавшихъ до Ольденбургскаго высочества (по неловкой провокаціи Суцова). Здѣсь и принцы, и молодые статься-секретари много говорили объ успѣхахъ по службѣ, но никто—и даже лучший изъ нихъ, Побѣдоносцевъ—не коснулись вопроса: имѣя монополію, явную и оскорбительную, что сдѣлали правовѣды для юстиціи въ теченіе этихъ 25 лѣтъ,

и не по ихъ-ли лѣности и высокоумѣнной, самоувѣренной небрежности, она доведена до того положенія, въ которомъ нельзя винить однѣ формы, какъ бы онѣ безобразны ни были, а всю тяжесть отвѣтственности должно возложить или на бездарность, всегда присущую исключительности сословія, или на безпечность, всегда сопровождающую неоправдываемое обезпеченіе мѣсть и повышеній, или наконецъ къ духу корпораціи, носящей девизъ *respice finem* и укрѣпляемой братствомъ болѣе сословнымъ, нежели школьнымъ, которое обѣщаетъ развиться еще болѣе по предложенію князя Оболенскаго о составленіи общества взаимнаго поддержанія?

На юбилей Московской годовщины (12) громко раздались „40 лѣтъ лежавшіе подъ спудомъ“ стихи Пушкина, и „старый школяръ“ и молодой (Назаровъ) еще громче высказали бы похвалы достоинству и благонамѣренности, если бы за тѣмъ же столомъ школьники не произвели шума и безчиній, напоминающихъ дѣйствія „Калужскихъ прогрессистовъ“, рѣшающихся оправдываться и послѣ бича „Нашего Времени“ въ статьѣ его желчнаго редактора, или поступки Харьковскихъ студентовъ въ маскарадѣ, гдѣ Страховъ и товарищи схватили за ногу и, послѣ полученной пощечины, сорвали маску съ одной „граціозной иностранки“, потому что она „модистка“. Юность и вообще юная нація разнуздалась. Почти вездѣ проявляется духъ строптивости, ложнаго самолюбія и тщеславнаго молодечества. Громкая исторія Инженерной Академіи (начатая Никоновымъ и Лебедевымъ), оглашенная (и очень неудачно) во всѣхъ газетахъ приказомъ великаго князя Михаила, ожидаетъ цѣнителей и подражателей. Они не замедлятъ. Да и могло ли быть иначе, при такихъ назначеніяхъ начальствующихъ лицъ, вовсе не приготовленныхъ къ своему посту и потому удерживающихся снисхожденіемъ (чтобы имѣть популярность), мелкими сдѣлками, чтобы не вынесли сора изъ избы, и либеральными, т. е. расточительными наградами, чтобы зажать рты и достигнуть минутнаго примиренія¹⁾?

Нынѣ былъ юбилей министру финансовъ Княжевичу, для котораго 600 подписчиковъ собрали болѣе 15 тысячъ р. Тостамъ и адресамъ не было конца. Ну есть-ли тутъ какойнибудь смыслъ, и что могли сказать ему даже наглая лесть и ложь? Его могли похвалить его друзья, Гречъ и К^о, его чиновники, его милостивцы, даже иностранныя биржи

¹⁾ Куда привело это снисхожденіе начальствующихъ (реакція энергической системѣ Николая) въ полкахъ, заведеніяхъ, канцеляріяхъ, мастерскихъ и экономіяхъ, видно изъ общихъ жалобъ на упадокъ дисциплины, изъ „безчисленнаго рода безпрестанныхъ жалобъ хозяевъ Ремесленной Управы и изъ разнузданныхъ нравовъ уличныхъ, общественныхъ и литературныхъ“.

и гости; но народъ, но государство, его похвалить не могутъ, не смотря на его мягкость и либеральность. Промышленность и торговля упали, ни внутренняго, ни внѣшняго кредита нѣтъ, въ обращеніи недостаетъ даже бумажекъ, цѣны возвысились чрезвычайно, безпорядокъ въ распоряженіи суммами растетъ и усиливается, неосновательныя начинанія въ работахъ разныхъ комиссій только раздражаютъ любопытство. Повидимому все обстоитъ благополучно, но ничего хорошаго нѣтъ.

Константинъ Боборыкинъ думаетъ ѣхать консуломъ въ Ургу, въ Монголію. Это всѣхъ насъ огорчаетъ. Мы всѣ искренно его любимъ и не можемъ надивиться, что гонить его въ степь, въ Монголію. Счастливыи исходъ Китайскихъ переговоровъ генер. Н. Игнатьева и (товарища Константина) флигель-адъютанта Балюзекъ могъ быть поводомъ, средствомъ, но не основаніемъ и не цѣлію. Окончивъ курсъ въ 1848 г. въ артиллерійскомъ училищѣ—слѣдовательно съ образованіемъ весьма посредственнымъ—онъ началъ службу въ арміи и дѣлалъ Венгерскую кампанію. Семейное разстройство, за которымъ отецъ не жилъ съ матерью, второй братъ застрѣлился, сестра несчастливо вышла за мужъ, братья опредѣлены въ корпуса, множество сестеръ безъ перспективы, все это держало его далеко отъ родного дома. Онъ занимался разговорами, писаніемъ и переездами, стремясь то примирить отцовъ, то потѣшить сестеръ. Во время Восточной войны онъ попалъ въ адъютанты къ хорошему человѣку, Крыжановскому и, по окончаніи войны, къ генер. Баранцову, начальнику штаба. Въ это время онъ пытался писать въ Артиллерійскомъ Журналѣ, въ обличительномъ родѣ, и окончательно примкнулъ къ партіи литераторовъ и либераловъ, въ стремленіяхъ которой ничтожная его служба и безцѣльность карьеры, требовавшей бѣльшей научности, отразились и гнали его еще болѣе. Въ Октябрѣ 1859 г. онъ предпринялъ продолжительное путешествіе по Испаніи, Франціи и Англіи, сдѣлался дилеттантомъ, подружился въ Лондонѣ съ Герценомъ и Огаревымъ и воротился, въ концѣ 1860 г., либераломъ отъявленнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что заграничная его жизнь извѣстна правительству, и положеніе его, давно уже ложное, сдѣлалось еще болѣе тяжкимъ, особенно при Баранцовѣ, для котораго вѣрноподданческая пассивность есть первый долгъ и залогъ успѣха. Въ это время воротились Игнатьевъ и Балюзекъ, Константинъ похоронилъ отца, артиллерійская карьера опротивила, другія поприща не давались. Азіатскимъ Департаментомъ завѣдываетъ Егоръ Ковалевскій. И вотъ Константинъ Боборыкинъ отправляется въ Монголію. Поколебалъ-ли я его моими доводами, не знаю: но съ его здоровьемъ, съ его сердцемъ и характеромъ Монгольское уединеніе кажется мнѣ болѣе нежели несвойствен-

нымъ. Онъ такъ плѣненъ Римомъ, онъ такъ любитъ вращаться въ говорѣ товарищей, что я и представить себѣ не могу его уединеніе въ степяхъ Монголіи.

Сегодня, 28 Янв., я зашелъ въ Казанскій соборъ, чтобы попросить Господа Бога о счастливой развязкѣ крестьянскаго дѣла, которое внесено въ Государственный Совѣтъ и нынѣ начато разсмотрѣніемъ подъ предсѣдательствомъ Государя. Я не ханжа, но я долженъ былъ сдѣлать этотъ актъ раскаянія, какъ бы испросить прощеніе, потому что съ самаго начала дѣла, съ Ноября 1857 г., былъ противъ этого дѣла, т. е. противъ способа его начала и совершенія. Молодая нація, молодое правительство, мы слишкомъ поспѣшно и слишкомъ много захватываемъ и потому не успѣваемъ и не можемъ обнять всего. Я полагалъ, что до перехода въ совершенно-свободное состояніе и въ вѣдомство общаго права, намъ слѣдовало установить законность крѣпостнаго права и патримоніальный судъ, предоставивъ выходъ изъ сего порядка окончательный не всей массѣ, а индивидуально, мѣстно, въ видѣ пріобрѣтенія свободнаго достоинства заслугами труда лицъ, семействъ или обществъ. Я и теперь такъ думаю. Придумали иначе.

Засѣданіе кончилось въ 6 часу. Оно было не совѣтъмъ удовлетворительно. Государь привыкъ мало ожидать отъ Совѣта, а Совѣтъ вздумалъ заняться серьезно, и при этомъ столкновеніи видно было какое-то нерасположеніе, холодность и раздраженіе.

Предположивъ расширить власть и кругъ дѣйствій Сената и законодательнаго собранія (24 Ноября), Наполеонъ такъ выразился передъ своими совѣтниками: *Ce qui nuit à mon gouvernement, c'est l'absence de publicité et de contrôle. C'est là ce qui favorise la calomnie et engendre les préventions. Je ne veux que le bien, je n'ai dans le coeur que les intentions honnêtes, mais je puis me tromper. C'est pourquoi je veux connaître l'opinion du pays par l'organe de ses députés après qu'ils auront examiné mes actes*. Искреннее-ли это желаніе или мѣра необходимости напирającychъ событій? Въ тронной рѣчи Императоръ поясняетъ: *vous le savez, en politique on ne croit guère à une démarche purement désintéressée. Vѣрнаго здѣсь только то, что есть клевета „и предубѣжденія“.* Думаю я, что вѣрно еще и то, что конституціонное учрежденіе Франціи слишкомъ односторонне, искусственно и отзывается вліяніемъ порядка временнаго, переходнаго, реакціонернаго. Какая свобода мнѣній при нынѣшнемъ порядкѣ выборовъ (исключительно правительственномъ), при нынѣшнихъ законахъ о журналистикѣ, совершенно произвольныхъ, при нынѣшнихъ обычаяхъ вознагражденій и отличій, преимущественно имѣющихъ въ виду прославленіе, лесть и личную

преданность? Императоръ дѣйствуетъ ловко, въ этомъ должно сознаться. Но сътъ или цѣпи, которыми онъ сдерживаетъ вольное движеніе бойкой націи, стѣсняють свободный ходъ развитія нравственныхъ и умственныхъ интересовъ, и нынѣ уже нельзя не замѣтить, что уровень личнаго достоинства чувствительно понизился даже въ тѣхъ людяхъ, которые выросли въ эпохи предъидущія. Чтò будетъ съ людьми настоящаго времени? Матеріализмъ въ убѣжденіяхъ, навѣкъ окружающей среды въ стремленіяхъ и доводахъ и равнодушіе къ средствамъ достиженія. И это будутъ лучшіе.

Крѣпостное дѣло поощааетъ все и всехъ. Последній заваль, последнюю дверь осталось отворить, чтобы выпустить на свѣтъ Божій засыпанное глыбами насилія и привычки семейство меньшихъ братій. Сердце дрожитъ при одномъ представленіи этой картины, этой гражданской реформаціи, бывшей вездѣ (кромѣ Англіи) послѣдствіемъ религіозной и политической, намъ неизвѣстныхъ. Я боюсь ослабленія производительности, злоупотребленія вольности, нужды, несчастій и преступленій. На роду намъ написано: „путаница и неудача“. Четвертый годъ мы вольнодумствуемъ, говоримъ и пишемъ, а ничего не выработали. Движеніе и улучшеніе есть, это безспорно. Болтовня и скандалыцы газетъ и журналовъ иногда щиплютъ чувствительно, но—не больно, и то провинціальныхъ распорядителей. Выработали мы судебныхъ слѣдователей, но какихъ, но сколько? Ни полиціи, ни кредита, ни хозяйства нѣтъ. Госуд. Совѣтъ продолжаетъ усиленные засѣданія. Никто не осмѣливается представлять о коренныхъ перемѣнахъ. Гр. Панинъ поддерживаетъ проекты Ростовцова. Государь заявилъ свое воззрѣніе и мысли. Многіе думаютъ—и думаютъ лукаво—соглашаются, но съ отсрочкою исполненія на два года, полагая, что въ эти годы пояснительные указы, къ которымъ пріучилъ насъ нашъ Правительств. Сенатъ, успѣють утвердить безобидную доктрину, какую онъ установилъ въ отношеніи захватовъ земель у Каспійскаго и Чернаго морей и по Уральскому хребту, и ввести формальности, какія введены по учрежденію вольныхъ хлѣбопашцевъ. Но я не понимаю, можно ли такъ невозбранно поступать съ народомъ. Да и власть, освобождая личность отъ приписки къ личности, не только не устроить, но скорѣе разстроить государство, ибо государство-то это все приписано къ личности, а отъ него отдано въ кормленіе, въ лень, дворскому сословію, т. е. дворянству. Служба, кредитныя учрежденія, высшія лучшія заведенія учебныя, все принадлежитъ имъ. А чтò это за сословіе? Проходимцы и пройдохи, отличившіеся темными заслугами и воспитанные въ праздности и незаслуженныхъ успѣхахъ. Стыдно до униженія становится, читая „La

cour de Russie il y a cent ans“ или современныя записки. Тоже продолжается и теперь. Учебныя заведенія военныя дошли до того, что вынуждены обращаться къ студентамъ и гимназистамъ. 25 лѣтъ существуетъ Училище Правовѣдѣнія и 20 лѣтъ исключительно отправляетъ наше правосудіе—и каково оно? Сто лѣтъ кредитуется дворянство, а если бы не противузаконныя льготы, то $\frac{2}{3}$ имперіи слѣдовало бы продавать съ молотка. Какова у насъ служба и нравственность служащихъ—и говорить нечего.

Вотъ что: государство надобно эманципировать, а не чернь. Надобно, чтобы реформы исходили сверху, а не снизу,—а потомъ уже и народъ. Я порицаю идолопоклонство личностямъ и исканіе, по немѣнью, этихъ личностей въ какихъ нибудь мелкихъ дѣятеляхъ, но не извинить этого нельзя. Много надобно силы и тягучести воли, чтобы сохранить зависимость и достоинство личности. Все такъ, уши за хвостомъ. Все держатся милостивцевъ, имѣющихъ прочное положеніе, съ ними и за ними говорить, поддакивая или хитро внушая имъ другія мысли.

Трудно себѣ представить, подъ какимъ гнетомъ совершается крѣпостное дѣло. Еще труднѣе представить постоянную твердость Государя, обыкновенно мягкаго и податливаго. Но напряженіе умовъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, такъ велико, что оглашеніе рѣшенія необходимо настоятельно. Пріѣзжіе говорятъ, что въ глуши объ немъ мало знаютъ,—можетъ быть; но несомнѣнно то, что въ ожиданіи его все остановилось, и все, при данной гласности, представляется обветшалымъ и требующимъ радикальныхъ реформъ. Остановиться въ этихъ реформахъ, какъ при Александрѣ I, нельзя. Гласность и общественность не позволяютъ; примѣры Австрійскихъ обмановъ на нашихъ глазахъ, да и зашли слишкомъ далеко. А многіе думаютъ иначе!

Сегодня, во время акта*), по случаю отмѣны рѣчи профессора Костомарова въ Университетѣ произведенъ студентами такой гвалтъ, что многіе, по первымъ впечатлѣніямъ, называютъ его открытымъ бунтомъ. Молодежь, болѣе 1000 человекъ, кричала, топала, ломала стулья и требовала ректора. Измученный чтеніемъ отчета Плетневъ явился въ толпу. „На кафедрѣ!“ Нельзя, заставлена столами. „Полѣзайте черезъ столы“. Плетневъ полѣзъ: говоритъ, какъ можетъ. „Громче“, „Громче“. Рѣчь не читана, потому что опасались утомить публику. „Вздоръ, большинство публики мы“.—Передъ вами виноватъ Костомаровъ, ему

*) 8 Февраля.

слѣдовало предупредить васъ. „Вздоръ, не слѣдовало отмѣнять“. Все это происходило, когда митрополитъ, товарищъ министра и попечитель, при начавшемся гвалтѣ, успѣли кой-какъ пробраться изъ залы. Удалился и Плетневъ. Тогда начали митингъ, закурили папирасы и пошли предложенія: итти къ Костомарову и привести его; явиться къ Делянову и потребовать отъ него объясненія, процессіей отправиться къ министру и пожаловаться и проч. Кончилось ничѣмъ. Чтѣ скажетъ правительство, покаравшее такъ грозно Инженерную Академію за объясненія поручиковъ Никонова съ преподавателемъ и Лебедева съ инспекторомъ Паукеромъ? Примѣръ объ этомъ встрѣченъ и въ публикѣ съ большимъ неодобреніемъ. Тамъ кругомъ виноваты инспекторъ и начальникъ училища Кауфманъ (братъ начальника штаба в. к. Николая). А здѣсь? Впрочемъ, въ наше щекотливое время неповиновеніе въ воздухѣ. Хорошо еще (полно хорошо-ли?), что Государь на охотѣ, въ Лисинѣ, куда еще вчерась уѣхалъ и товарищъ министра *).

Не смотря на общій страхъ отъ ожидаемаго 19 числа, обнародованіе манифеста о свободѣ, страхъ доходящій до соглашеній о соединеніи въ этотъ день нѣсколькихъ семействъ вмѣстѣ, до перемѣны замковъ и запоровъ и до заготовленія оружія на случай нападенія (какъ передавали мнѣ товарищи Булыгинъ и Половцовъ), веселости и въ залахъ и на улицахъ продолжаютъ едвали не лучше прежняго. Общество въ такомъ веселомъ настроеніи духа, что и на гробѣ сочиняетъ каламбуры. Сегодня хоронили извѣстнаго картежника, генерала Сухозанета (Ивана Онуфр.), и за гробомъ шли Государь, князя и члены Совѣта, такъ что выходило, что сперва шли казаки съ *пиками*, потомъ попы съ *крестами* и музыканты съ *бубнами*, и наконецъ тѣло съ *червями*, а за ними всѣ тузы.

Въ Варшавѣ бунтъ. Намѣстникъ предполагаетъ объявить городъ въ осадномъ положеніи. Убито на „Старомъ Мѣстѣ“ 16 человекъ и въ томъ числѣ два изъ духовенства. Этотъ телеграфъ прилетѣлъ намъ какъ снѣгъ на голову посреди нашихъ тревоженій крестьянскимъ дѣломъ. Дѣло это, говорятъ, отложено до поста, и послѣ завтра, 19, его не обнародуютъ. Напрасно. Ожиданія такъ напряжены, что можно опасаться невольныхъ, невинныхъ манифестацій, которыя въ такихъ дѣлахъ всегда важны и преступны. Въ городѣ толкуютъ, что дворянство хочетъ представить адресъ о „дарованіи конституціи“, что вел. кн.

*) Въ ночь на 19 Февраля 1861 года обходила Зимній дворецъ съ иконою и молитвою монахиня Дивеевской Серафимовой пустыни. Припомнимъ, что всего четыре мѣсяца назадъ, мантию Серафима исцѣлена отъ смертной болѣзни великая княжна Марія Александровна, а умиравшая бабушка которой клала себѣ на грудь эту мантию. П. Б.

Константинъ совершенно овладѣлъ братомъ и, говоря рѣчь 28 Января при открытіи Совѣта, въ которой слышны были даже слова: „самодержавіе установило крѣпость, оно же должно и уничтожить ее“, вел. князь перевозносилъ ясность, силу и красоту оратора, твердость его характера и хитрое различеніе обстоятельствъ и личностей, а слухи говорятъ, что самую рѣчь написалъ вел. князь съ секретаремъ своимъ кн. Дмитріемъ Оболенскимъ. Это слухи и толки. Они не безъ основанія, но все таки откладывать манифестъ не слѣдовало, тѣмъ болѣе, что онъ, говорятъ, уже написанъ митрополитомъ Филаретомъ и подписанъ 19 числомъ.

Возстанія въ Польшѣ слѣдовало ожидать. Вопросъ о Польской національности былъ главнымъ предметомъ переговоровъ прошлагодняго съѣзда въ Варшавѣ, хотя дипломатамъ и сообщили Французскій memorandum о положеніи великихъ державъ въ отношеніи къ Италіи. Польскій вопросъ на очереди и вмѣстѣ съ Венгерскимъ и другими Славянскими. Съ національностями связанъ и вопросъ династическій. Не знаю лучшаго времени для утвержденія нашей династіи дарованіемъ правильнаго управленія. Безправіе Австріи губить ее. Погубить и насъ, если и мы приступимъ „уже поздно“.

Крѣпостной вопросъ конченъ, манифестъ подписанъ, положеніе печатается. полкіи флигель-адъютантовъ, въ помощь губернаторамъ, распределены, губернскія и уѣздныя (?) присутствія избраны. Чего же болѣе? Генераль-губернаторы здѣсь и въ Москвѣ публикуютъ и объявляютъ дворникамъ, что 19 Февраля никакого распоряженія не будетъ по крестьянскому дѣлу. Находятъ, что это объявленіе неловко. Призываютъ редактора Усова и на другой день припечатываютъ, что распоряженіе послѣдуетъ въ день „поста и молитвы“. Говорятъ, въ первое Воскресенье постомъ, т. е. 12 Марта, въ день св. Григорія Двоеслова и церковной анаемы. Ужъ не отложить-ли? А откладываютъ (странно, стыдно сказать), опасаясь послѣдствій первой радости въ разгульные дни масленицы (26 Февраля—5 Марта), для потѣхъ которой балаганы переведены съ Адмиральтейской площади на Марсово поле, къ Лѣтнему саду. Великому акту міроваго значенія даютъ мелкіе люди значеніе неожиданности, полицейской мѣры, какого-то подарка за послушаніе и благонавіе. Толки общіе. Опасенія, неизвѣстность, стѣсненія повсюду. Но со времени окончанія дѣла въ Совѣтѣ, лихорадка нѣсколько поослабла, самыя пренія тише.

Масленица настала въ прежнемъ видѣ. Чернота, пьянство, неприличіе простого народа видны на каждомъ шагу. Мы шли съ женою по Фонтанкѣ: стыдно идти. Сегодня читаютъ манифестъ въ Сенатъ при

закрытыхъ дверяхъ. Думали опредѣлить о поднесеніи благодарственнаго адреса, но, давши согласіе на это приказанное предложеніе первоприсутствующаго Лубяновскаго, сенаторы (кромѣ А. М. Безобразова) разѣхались, не составивъ адреса. Нынче же студенты Поляки и кадеты служили въ Католической церкви панихиду по убиеннымъ въ Варшавѣ и пѣли національный гимнъ: „Наша Польша не погибла“ и когда замѣтили, что полковникъ Константиновскаго училища Рощиневскій записывалъ кадетовъ, то вытолкали его изъ церкви и палками провожали по улицѣ.

Вообще чтеніе глупой статьи Погодина, какъ приметъ народъ вольность (въ Сѣв. Пчелѣ) и обнародованіе Варшавскихъ событій, энергическаго письма или прошенія, доставленнаго чрезъ митрополита Фіалковскаго, и блѣднаго, слабаго отвѣта Государя, написаннаго министромъ Горчаковымъ, производятъ грустное впечатлѣніе. Ушамъ и глазамъ не вѣришь, что видишь и слышишь. Разнузданность общества, шатаніе государственнаго организма и безпечность мѣстнаго порядка поразительны. Точно съ похмѣлья, послѣ оргіи. Не понимаю, какъ это могло и можетъ быть терпимо. Точно будто виновность желаетъ изгладиться послабленіемъ, напряженная дисциплина Николая уступаетъ мѣсто оробѣвшему безсилію. Посмотримъ. Будемъ крѣпки въ вѣрѣ и искренни въ преданности. Сегодня, 5 Марта, читанъ въ церквахъ манифестъ 19 Февраля о вольности народа. Да возрадуются и возвеселятся люди и ангелы! Великій день. Начинается наша новая исторія. Помолимся и обдумаемъ.

Манифестъ написанъ дурно, многословно и вяло. Говорятъ, писалъ Филаретъ. Онъ обнародованъ какъ бы украдкою и не произвелъ никакого впечатлѣнія. Но, можетъ быть, такъ и подобаетъ явиться великому дѣлу. До 10 Марта онъ огласится во всей Имперіи. 5-го было только въ столицахъ. Я прочелъ его моимъ людямъ. За обѣдомъ пилъ съ ними Шампанское и прибавилъ къ жалованью по 50 к. въ мѣсяць. Гуляя, по обыкновенію, я не видѣлъ никакой перемѣны въ физиономіи города. Кажется, было менѣе пьяныхъ. И такъ дѣло кончено. Я до времени оставляю его, чтобы выникнуть въ сложныя, многочисленныя Положенія. Онѣ продаются въ сѣзжихъ домахъ и во всѣхъ лавкахъ. Говорятъ, продано здѣсь и въ Москвѣ 25 т. Мои люди уже не нашли.

Засѣданіе Французскаго Сената и Законодательнаго Собранія при разсмотрѣніи проэкта адреса замѣчательны въ высшей степени. Нація разучилась говорить. Десятилѣтнее безмолвіе, при природной Французамъ болтовнѣ, разрѣшилось пустословіемъ. Нація разучилась говорить не только въ лицѣ своихъ представителей, избранныхъ подъ одно-

стороннимъ вліяніемъ раболѣпныхъ правителей, но и въ лицѣ главныхъ своихъ руководителей, министровъ Бильо и Бароша. Даже оппозиція— Лярошаа-Келена и Жюль Фавра не выдерживаетъ оцѣнки хорошей трибуны. Даже братъ императора, Plon-plon, потерялъ всякое достоинство, всякую сановитость. Государство не знаетъ своей политики, оппозиція забрасываетъ одними вопросами. Большинство, огромное большинство, покрываетъ и министерскую неопредѣленность, и оппозиціонную запальчивость и задыхающійся фанатизмъ ультрамонтанцевъ. *On constate et on attend*,— вотъ и все. Вѣрнаго ничего.

Вѣрнаго только то, что, куда бы ни вмѣшался этотъ новый властитель стараго порядка, вездѣ онъ производитъ путаницу. На Востокѣ положеніе христіанъ не имѣетъ никакого обезпеченія, въ Италіи нѣтъ мѣста ни законности, ни невмѣшательству. Вся Европа состоитъ съ оружіемъ и выжидаетъ. Покоя нѣтъ ни въ одномъ языкѣ.

Императоръ отвѣчалъ адресной депутаціи: *Etre de son époque, conserver du passé tout ce qu'il avait de bon, préparer l'avenir en dégageant la marche de la civilisation des préjugés, qui l'entravent vu des utopies qui la compromettent, voilà comment nous léguons à nos enfants des jours calmes et prospères. Malgré la vivacité de la discussion, je ne regrette nullement de voir les grands corps de l'état aborder les questions si difficiles de la politique extérieure. Le pays en profite sous bien des rapports. Ces débats l'instruisent sans pouvoir l'inquiéter. Je serai toujours heureux, croyez le bien, de me trouver d'accord avec vous. Issus du même suffrage, guidé par les mêmes sentimens, aidons nous mutuellement à concourir à la grandeur et à la prospérité de la France*“.

Да. Но, слѣдуя мысли дяди въ учрежденіи конфедерацій, вы вызвали къ единству государство въ 24 м. и отчуждили отъ Франціи католицизмъ, а (что всего важнѣе) не могли воспрепятствовать утвердиться началу, которое Англія поддерживаетъ въ Капрерскомъ гербѣ.

Едва мы прочли неловкій, запутанный и грубоватый отвѣтъ на адресъ Польскій, какъ вотъ обнародованъ и статутъ, учреждающій государственный, губернскіе и уѣздные совѣты съ преобладаніемъ Польскаго элемента, но безъ точнаго опредѣленія порядка и круга дѣйствій и степени правъ. Едва ли организація эта довершится. Думаю, что Польша потребуетъ другого. Дадутъ другого— третьяго. Повторится Австрійская исторія, съ тою только разницею, что болѣе податливый Александръ II-й поспѣшитъ удовлетворить требованіямъ. Но это ни на что не похоже. Это приведетъ, *on vous trompe. C'est trop tard*. Государь постоянно на охотѣ. Постоянно со всѣмъ соглашается. Оплошность

дошла до крайности. Конь скоро чувствует сѣдока. Воровство въ управленіи дѣлается законно. Мошенничество акціонерныхъ компаній не вызываетъ преслѣдованій. Манифестаціи студентовъ покупаются уступками. Грязь на улицахъ, безчинство и пьянство народа, общій разгуль переходитъ и въ литературу, гдѣ слова: ложь, клевета, обманъ, низость бросаются прямо въ глаза. Безстыдство Пермской Клеопатры Толмачевой, спросившей: „кто купитъ цѣною жизни ночь мою?“ находитъ хвалителей, особенно когда она объяснила въ глаза всему Пермскому обществу: „не всякій-ли день видимъ мы, что молодья дѣвушки и женщины продаютъ ночи свои. всю жизнь свою богатымъ старикамъ?“ Особенно несчастливы назначенія. При общей несостоятельности нашихъ учреждений и при такихъ назначеніяхъ, какъ гг. Денъ—въ Курскѣ, кн. Оболенскій въ Ярославлѣ. Муравьевъ—въ Рязани, гр. Левашевъ въ Орлѣ—удивляемся: какъ еще идетъ управленіе: ужь не созрѣло ли общество для самоуправленія?

А между тѣмъ срывками, незапно, видна и строгость: такъ архим. Θεодора, за неправославныя статьи, сослалъ въ Переяславль. За присяжный судъ студентовъ, судившихъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Спасовича, студента Бутчика за растрату 1500 р. изъ кассы бѣдныхъ, приказано: виновныхъ подвергнуть взысканію. Ссылка, взысканіе, а между тѣмъ разнузданность на каждомъ шагу, дерзость въ каждомъ словѣ, противорѣчіе, пасквиль—въ родѣ статьи о Суковкинѣ и Гвоздевѣ (въ Библиот. для Чтенія) или „Переходное время“ (замѣчательная желчь А. Жемчужникова, въ Русск. Вѣстн.) при каждомъ случаѣ. Раздраженіе интересовъ, страстей и выраженной все растетъ. Сословія перемѣшиваются. Авторитетъ падаетъ. Но чтѣ происходитъ внутри? Какъ понимается и примѣняется манифестъ 19 Февраля? Какіе предназначаются посредники? Крестьяне еще ничего не понимаютъ. Дворовые боятся за завтрашній день, вотъ во многихъ домахъ, уже 6 Марта, отказываются отъ повиновенія. А финансы? А частный кредитъ? А размѣнныя деньги? Я не вижу другого исхода, какъ дать конституцію, конституцію широкую, которая бы вела народъ и способна была не сокращаться, а развиваться.

11 Марта скончался въ Москвѣ князь Константинъ Оболенскій, братъ Декабрьскаго Евгенія и моей старой пріятельницы Натальи, дядя моей милой Вари. Я въ пріязни съ нимъ болѣе 30 лѣтъ и всегда порицалъ въ немъ матеріализмъ и шаткость правилъ. Евгеній, послѣ крестинъ новорожденной своей дочери, пріѣхалъ хоронить своего молодшаго брата въ Москву и плакалъ какъ ребенокъ. Замѣшанный въ дѣло 14 Декабря Константинъ, сдѣлавшись празднымъ игрокомъ и

членомъ Англійскаго клуба, заслужилъ репутацію шпіона гр. Закревскаго въ кругу Московскихъ либераловъ и жилъ набивною фабрикою, которую онъ оставилъ, какъ говорятъ, любимцу своему, камердинеру Василью. Вообще это личность незавидная и въ настоящія времена возможная только для мѣщанскихъ посредственностей. Ничто ему не удавалось. Все это семейство исчезаетъ и отъ дѣда, апостольской наружности старца-Петра до внуковъ, которыхъ теперь на лицо шестеро, можно полагать надежду развѣ на Сибирскихъ переселенцевъ, Ваню и Петю, которые родились въ Ялтуровскѣ. Семейство это было богато женщинами, и изъ нихъ богаче другихъ головою, но не счастьемъ княгиня Наталья, сестра ея, Варвара, это типъ женщины, какъ дѣлаетъ ее наше общество. И та и другая пишутъ мнѣ о Константинѣ. Я отвѣчалъ имъ. Но миръ праху твоему, бѣдный человекъ. Да будетъ тебѣ легка земля. Всего болѣе я боюсь за впечатлительность Вары. Она любила дядю, онъ баловалъ ее и помогалъ имъ, ей и матери, дѣлалъ роскошными своими остатками.

Звонятъ колокола и гудитъ вѣсть о свободѣ народа и слышенъ шумъ и говоръ толпы, точно просыпающейся передъ зарею стаи птицъ, готовящихся къ полету. Къ этому примѣшивается и крикъ Польскій, и все это покрывается народными голосами Европы, и въ воздухѣ летаютъ атомы заразы, и въ ушахъ перекрещиваются мысли и теоріи, а безсильныя учрежденія шатаются со стороны на сторону, а осажденныя личности вертятся въ недоумѣніи, кому угождать, кому противодѣйствовать. Смѣлые не знаютъ, куда идти, робкіе—на кого надѣяться. Все выходитъ изъ своего положенія, и въ общемъ уровнѣ, кромѣ величинъ математическихъ, господствуетъ такое нравственное и политическое безразличіе, при которомъ слабѣютъ самыя обыкновенныя убѣжденія. Это ложный путь. Но безнаказанно и безвозбранно такія ошибки не проходятъ, и уклоненія отъ разумнаго направленія требуютъ жертвъ, очищенія, мщенія. Если онѣ не знаменуются эпохами крови, тѣмъ не менѣе онѣ совершаются то душевными недугами, то изнурительными болѣзнями, то самоубійствами, а всего чаще сжатымъ оскорбленіемъ, томительнымъ недовольствіемъ и горькими слезами.

Въ Варшавѣ бунтъ. Убиты и ранены, въ войскахъ и обывателяхъ. Полилась кровь. Военной силы много, но мало рѣшимости, а народа еще болѣе, и революціонное начало въ полномъ развалѣ. Воздѣ Русскаго правительства образовано имъ же народное, почти во всѣхъ городахъ. Правители, по требованію, перемѣняются; новые ищутъ своего признанія въ народѣ. Если фактъ права останется на сторонѣ военной силы, доселѣ называвшейся правительствомъ, народу останется

прекратить взносъ податей. Петербургское начальство способно на полумѣры и не рѣшится удовлетворить Польскимъ требованіямъ изъ боязни вызвать Русскія, которыя, подавляемые крѣпостною реформою, готовы выразиться едва ли не смѣлѣе партіи гр. Замойскаго. Министры, дорожа своею властію, будутъ удерживать Государя до нельзя, будутъ уступать въ крайней необходимости, доколѣ не порвется эта обветшавшая нить уступокъ, и фактъ не возьметъ силу надъ правомъ. Онъ уже беретъ ее. Онъ готовъ взять ее. Петербургскіе правители уже ограничиваются паллятивами и экспедіентами. Раздраженій у насъ едва-ли не болѣе, нежели въ Польшѣ. И тамъ и здѣсь правительство дурно дѣлаетъ то, что отчуждаетъ отъ себя дворянство. Торопливость нашихъ преобразованій по крѣпостному дѣлу изумительна. Точно мы, какъ въ Варшавѣ, находимся въ осадномъ положеніи. Вѣсти изъ губерній двусмысленны, слѣдовательно дурны. Недоразумѣнія приведутъ къ несогласіямъ, отъ нихъ недалеко до раздоровъ и ссоръ и явнаго неповиновенія. А начинается рабочая пора. Всюду посылаются флигель-адъютанты въ родѣ Левашева, Черткова, Дена; мы близки къ дискреціоннымъ генераль-губернаторамъ. Не было печали, да...

Полуофициальный журналъ „Patrie“ продолжаетъ наставлять, que les soldats français ignoraient, en traversant Alma qu'ils portaient dans leurs gibernes l'émancipation des serfs russes. Если журналъ хочетъ сказать, что Крымская кампанія насъ пробудила отъ самоувѣренности и что правительство желало либеральными уступками ослабить говорливый ропотъ посрамленія, то онъ правъ. Но не болѣе. Видѣть въ этомъ намекъ вліяніе иностранное на наши жизненные преобразованія было бы еще горшее посрамленіе.

Я очень занятъ дѣлами государства и Европы и особенно дѣлами министерства. Последнее, особенно въ это время, стоило мнѣ много трудовъ и—странное дѣло—труды эти не только не имѣютъ желанныхъ мною послѣдствій, но даже приводятъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ. Ослабленное управленіе дѣлаетъ дѣла плохо. Мнѣ остается опровергать, отрѣзывать, переименовывать. Директоры сердятся, жалуются, ронцуютъ. Министръ не принимаетъ моего доклада. Я слышу отъ него только неудовольствія, что я „умничаю“, что „связь дѣлъ требуютъ исключеній“, что „идеологія и юриспруденція рѣдко понимаютъ хозяйство“, и что „Лебедевъ (очень честный и благонамѣренный человекъ, я это говорилъ и говорю) самолюбивъ и высококомѣренъ“.

Да, за государствомъ и министерствомъ не мѣшало бы мнѣ подумать и о семьѣ, и объ этомъ Митѣ, и объ этой Татѣ, которые такъ мнѣ дороги, которые такъ много счастливаютъ насъ и которые завтра

могутъ остаться безъ крова и дневнаго пропитанія. Да. Но какъ подумать? Отказаться отъ прошеднаго? Переломить себя? Въ 50 лѣтъ! Посмотримъ. Я вѣрю въ Бога и Его святую истину. Я довѣряю благородству чувствованій, постоянству характера и чистотѣ намѣреній. Въ Россіи—говорять—безъ протекціи нельзя. Пусть попрутъ эту протекцію. Я не отступлю ни шага. Ты ропщешь. Митя; ты ропщешь, Тата: но ваше несчастье—вашъ отецъ, если вы будете несчастны. Требуите отчета уже не отъ меня. Такъ мнѣ грустно, такъ мнѣ тяжело думать о вашей необезпеченной участи!

Читаю—продолжаю читать—сочиненіе Бокля: Исторія образованности въ Англіи. Это вовсе не противень книгѣ Гизо, задумано и исполняется на иныхъ началахъ и по другому плану. Здѣсь нѣтъ доктрины, и положенія выводятся изъ фактовъ по Баконовской методѣ. Бокль скорѣе слѣдуетъ мысли „идей“ Гердера, съ которымъ у него общаго огромная начитанность, но съ которымъ онъ совершенно расходится въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и поэтической формѣ. Шлѣцеръ сказалъ: Исторія есть продолжающаяся статистика. Бокль беретъ вывести законы развитія образованности на непреложныхъ данныхъ статистики (*à la Quételet*). Едва-ли это воззрѣніе не поуже стариковскаго Шлѣцера. Но во первыхъ: гдѣ эти *непреложныя* данныя? Кетле вѣритъ имъ, какъ *orfèvre m-r Josse*, а я имъ не вѣрю. Не вѣрю потому, что подробно разобравъ (едва ли не единственную) уголовную статистику Франціи за 25 лѣтъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что почти всякая цифра, и безусловно всякая средняя, имѣетъ значеніе относительное, приблизительное, необходимое. Пивагоръ сказалъ: числа управляютъ міромъ, Гёте измѣнилъ значеніе этой математической истины: числа показываютъ, какъ управляютъ міромъ. Согласенъ, но осмѣлюсь выразиться точнѣе: благосостояніе, цѣль бытія, познается цифрами долговѣчности, и то въ среднихъ числахъ, и то въ продолжительные періоды. Здоровье тѣла и духа. Но страницы книги Бокля могутъ служить доказательствомъ моего внимательнаго чтенія.

Министръ посылаетъ меня подробно обревизовать управленія въ Владимірекой губерніи. Не принимая отъ меня докладовъ, несмотря на то, что многія дѣла ждутъ его разрѣшенія и что важныя дѣла должны вступить въ Совѣтъ, онъ командируетъ меня въ эту маленькую губернію. И прежній управляющій (Калачевъ) и нынѣшній, мой протежѣ (Шиллингъ) люди вполне благонадежны, и отсюда нѣтъ никакихъ извѣстій, ни доносовъ, ни донесеній о злоупотребленіяхъ. Я и товарищи мои удивлены этимъ назначеніемъ, и я объясняю себѣ это удаденіе предположеніемъ о какихъ нибудь реформахъ, которыя онъ заду-

мываетъ провести, ворочаясь съ затрудненіемъ надъ сельскимъ комитетомъ в. кн. Константина. Я не ропщу, я поѣду, я даже радъ командировкѣ. Мнѣ нужно обвѣтриться послѣ смерти Александра Горбунова. Мнѣ любопытно и посмотрѣть одну изъ Русскихъ губерній при введеніи вольности и новаго порядка работъ и управленія.

Умеръ Ермоловъ, утромъ 11 Апрѣля. Онъ родился въ 1774 г. съ 1 Января 1792 произведенъ въ офицеры и получалъ при Екатеринѣ Георгія и Владимира съ бантомъ и майорскій чинъ. Это былъ самый старшій изъ военныхъ оберъ, штабъ и генераловъ-майоровъ (16 Марта 1808 г.), лейтенантовъ (31 Октября 1812 г.) и полныхъ генераловъ (20 Января 1822 г.). Ума въ высшей степени дѣятельнаго, онъ дѣятельно служилъ и отличался. Едва ли кто нибудь имѣлъ такую популярность въ Россіи, приобрѣтенную преимущественно незаслуженною немилостію въ 1826 г. и хитрою злою колкостью. Сложенія и здоровья колоссальнаго, онъ 35 лѣтъ сидѣлъ сиднемъ (буквально, ибо онъ никогда не любилъ ходить и просидѣлъ нѣсколько деревянныхъ стульевъ и половицъ подстольныхъ, какъ сказывалъ и показывалъ мнѣ самъ въ Августѣ 1857 г.), ничего, рѣшительно ничего не дѣлая, принимая всѣхъ съ распростертыми объятіями, съ льстивымъ словомъ, величая всякаго по имени и отчеству и прибавляя повидимому неумышленную колкость, хулу или насмѣшку. Память, разумъ, свѣдѣнія, опытность, характеръ—все было у этого *Русскаго* человѣка. Но я не думаю, чтобы его кто нибудь любилъ и даже уважалъ. Я не думаю, чтобы онъ былъ хорошій военачальникъ и администраторъ. Часто выдаясь съ нимъ и иногда бесѣдуя долго, я не думаю, чтобы онъ имѣлъ умъ, прославленный противниками его немилости. Я не помню отъ него ни одной инициативы; я не помню, чтобы онъ когда нибудь самый серьезный разговоръ не пересыпалъ шуточками и колкостями; я не помню, чтобы онъ сдѣлалъ, вызвался сдѣлать, гласно выставилъ какое нибудь доброе, благородное и доблестное дѣло. Изъ напечатанныхъ историческихъ сочиненій его близкихъ сверстниковъ едва ли кто нибудь отозвался о немъ съ похвалою. Все, что слышали и повторяли отъ него, это анекдоты о Нѣмцахъ. Но десятилѣтнее управленіе Кавказомъ останется славнымъ его памятникомъ.

Раздраженіе умовъ очень сильно, напряженное вниманіе готово всему вѣрить, испуганныя ожиданія не видятъ исхода, и все сдѣлалось чѣмъ-то временнымъ, случайнымъ и независимымъ. У насъ Польша и крестьянскій вопросъ съ разными другими болѣзнями и Европою, а въ Европѣ національности и Гарибальдійскіе перевороты. На дняхъ, приписанный къ министерству кол. ассес. Дворжицкій явился въ залу

министра Муравьева и, упрекнувъ его въ томъ, что безъ мѣста ему нечего ѣсть, назвалъ подлецомъ и казнокрадомъ. Люди умные и хорошіе сходятъ съ ума и на дняхъ помѣщены въ заведеніе умалишенныхъ д-ра Штейна: генер.-лейт. Броневскій, гофмейстеръ Хрущевъ (свѣжая и крѣпкая голова, бывшій товарищъ м-ра Шереметева) и д. с. с. Струговицковъ (переводчикъ Гёте).

Всѣ рѣшаются понести ущербъ $\frac{1}{4}$ дохода отъ крестьянской реформы; многіе думаютъ, что обнищаніе дворянства, уменьшеніе производительности и общая нужда неизбежны. Многіе опасаются убійствъ и пожаровъ, и изъ разныхъ мѣстъ приходятъ вѣсти о схваткахъ. Въ Могилевѣ стрѣляли и положили двухъ, въ Казани—семьдесятъ. Губернаторы оставляютъ мѣста, вновь назначенные не ѣдутъ (въ Орлѣ съ 5 Марта ожидаютъ гр. Левашева, а онъ себѣ веселится въ Петербургѣ), или оставляютъ управленіе вице-губернаторамъ (какъ гр. Бобринскій, уѣхавшій въ Парижъ къ женѣ на 4 мѣсяца); генераль Веймарнъ, находившійся представителемъ въ Витебскѣ, по случаю оказавшихся вакансій, уѣхалъ въ Петербургъ.

Несостоятельность настоящаго правительства бросается въ глаза на каждомъ шагѣ. Не только частная гласность бросаетъ грязью въ его представителей (правда, не крупныхъ), но самыя высшія управленія, министерства, сознавая свое неумѣнье и бездарность своихъ жалованныхъ членовъ, обращаются къ публикѣ и просятъ совѣта и помощи. Частныя лица, за именными подписями, обличаютъ продѣлки и злоупотребленія чиновниковъ предъ судомъ публики, точно будто бы другаго суда и нѣтъ. Акціонерныя общества, какъ напр. „Балтійская компанія“, „Сельскій Хозяинъ“, въ печатныхъ отчетахъ описываютъ такія дѣянія директоровъ и распорядителей; „Главное Общество желѣзныхъ дорогъ“ выказываетъ такую расточительность, что во всемъ этомъ Русскія „невозбранность и безнаказанность“, пожалуй, вызовутъ вниманіе власти иностранной, чтобы запятнать этотъ цинизмъ соблазна и назвать вещи своимъ именемъ, подвергнувъ ответственности.

Московскій прокуроръ официально выражается, что „преобразованія по личному усмотрѣнію правительства, зависящія отъ личнаго настроенія составителя ихъ, безпрестанныя измѣненія сего дня того, что было издано вчера, появленіе цѣлыхъ томовъ положеній и уставовъ, сочиненныхъ въ глубокой тайнѣ и часто безъ всякой необходимости, все это возбуждало естественное недовѣріе; невозможность имѣть какое либо сужденіе обратила недовѣріе это въ совершенное равнодушіе“...

Въ Москов. Вѣдомост. № 87 напечатанъ протестъ ректора и всѣхъ профессоровъ Московскаго университета противъ Домашней Бесѣды Аскоченскаго, святотатственно оскорбившаго ученое сословіе въ лицѣ профессора богословія священника Сергіевскаго, предавъ его суду церковному и отлученію отъ церкви (за слово его, напечатанное постомъ въ Православномъ Обзорѣніи, № 1); это не только злокачественное обвиненіе и оскорбленіе чести могло бы дать право формальному иску, но и поруганіе честныхъ правилъ требовало бы немедленно предьявленія обвинительнаго акта. Здѣсь недостаточно „довести до свѣдѣнія публики“. Скоро общество совершенно рѣшится отказаться отъ этого слабаго и бездарнаго правительства и внѣ ея іерархіи установить свою власть.

И по дѣломъ. Ничтожные люди эти, занятые исключительно окладами, землями и арендами, такъ мало соответствуютъ выдвигающемуся порядку, что правительству остается просить, какъ просить безсильный банкротъ или расточитель-опекунъ: презирай, но пощади старика!

Близко я вижу это правительство въ лицѣ моего министра и сказать бы конечно: и презираю и не пощажу, если бы главный отвѣтчикъ не былъ, такъ или сякъ, одушевляемъ лучшими намѣреніями, которыя отравляются неспособнымъ антуражемъ, убаюкиваніемъ журналистики и лично безхарактерностію.

Не могу понять, какъ держится общество при такихъ презрѣнныхъ учрежденіяхъ и какъ до сихъ поръ не явится новая власть, чтобы внести какой нибудь порядокъ въ этотъ хаосъ, въ которомъ ловятъ рыбу и грѣютъ руки одни мерзавцы.

Я скоро готовъ буду вѣрить, что дѣйствительно существуетъ партія разрушенія умышленныхъ инициаторовъ, потакателей и провокаторовъ. А пора бы сказать смѣлое слово. Иначе и мнѣ скажутъ: ужъ поздно!

Дождь и градъ повышеній, перемѣнъ и наградъ по случаю свѣтлаго праздника и тезоименитства Государя. 1580 орденовъ изъ Капитула, 72 т. десятинъ земли и болѣе 50 т. арендъ. А еще говорятъ, что у насъ чины въ чести, а еще боятся, что у насъ земель мало, а еще кричатъ, что у насъ денегъ нѣтъ. Однимъ приказомъ произведено и уволено 58 генераловъ, другимъ приказомъ надѣлано столько-же новыхъ. Въ пользу уволенныхъ остряки наши придумываютъ концертъ во дворцѣ, гдѣ министры будутъ пѣть. Княжевичъ: ужъ я золото хороню, хороню; Чевкинъ: не одна-то не одна во полѣ дороженька, не одна не пролежала, Ланской (уволенный): я въ пустыню удаляюсь, а

министерша Сухозанеть и столь же старая графиня Разумовская: мы Цыганки молодья, и проч. и проч.

Но надобно же заняться и дѣломъ. Смѣнили Ланскаго, его сдѣлали графомъ и оберъ-камергеромъ, смѣняютъ просвѣщеніе Ковалевскаго, думаютъ смѣнить Княжевича и Панина.

Изъ важнѣйшихъ назначеній должно отмѣтить Валуева. Это чело-вѣкъ прекрасныхъ формъ, весьма гибкій, ловкій и представляетъ придворную, Шуваловскую партію, представляя, когда дѣло шло о достиженіи и партію либеральную. Выборъ прекрасный. Я знаю Валуева близко. Онъ умѣетъ себя поставить и при самостоятельномъ положеніи съумѣетъ повести дѣло. Сколько я могъ замѣтить, онъ не любитъ подробныхъ занятій и недостаточно цѣнитъ выборъ людей. Онъ не отстаиваетъ никакой системы и любитъ болѣе проводить данныя мысли, нежели учреждать свой порядокъ. Человѣкъ въ полномъ смыслѣ Европейскій, онъ вполне проникнуть мыслию, что безъ угожденія двору никакое положеніе не прочно и лавировать полезнѣе для дѣла и лицъ, нежели отстаивать. Вслѣдствіе-ли несчастныхъ обстоятельствъ или по рожденію и по организаціи, онъ очень холоденъ.

А крѣпостной вопросъ едва доходитъ до мѣста и почти вездѣ порождаетъ недоразумѣнія. Въ Спасскомъ уѣздѣ, Казан. губерніи, въ имѣніи Мусина-Пушкина, с. Безднѣ, открытое неповиновеніе, подстрѣкаемое раскольникомъ Антоновымъ и при церковномъ колоритѣ. потребовало вооруженнаго вмѣшательства, и генераль Апраксинъ положилъ на мѣсть 52 чело-вѣка и ранилъ 90; въ Пензѣ—160. Для меня важнѣе этихъ схватокъ и недоразумѣній раздраженіе дворянства. Оно очень натянуто, и исходъ этого напряженія тѣмъ болѣе долженъ озабочивать правительство, что дворянскіе интересы не имѣютъ органовъ. Ихъ слѣдовало бы создать.

И не смотрѣлъ и не слушалъ бы всѣ эти гадости и мерзости, рассказанныя мнѣ директоромъ К. И. Рудницкимъ. Товарищъ министра Н. Н., будучи въ связи съ старою сиреною Бартоломей, запутался въ Балугьянскихъ и всѣмъ этимъ Бартоломеймъ, Капгерамъ и Дараганамъ раздастъ награды, такъ что плѣшивый сенаторъ, получивъ 6 т. дес., шесть мѣсяцевъ таскался по столамъ оброчнаго и межеваго отдѣленія и выбиралъ себѣ лучшіе участки. Такъ-же, но немного иначе, поступилъ и самъ Муравьевъ, получившій 20 т. д. съ прибавкою при отрѣзкѣ 2 т. д. Въместо его выбралъ земли Самарскій управляющій Протопоповъ, уже услужившій начальнику при отводѣ земель сыну его Леониду. Протопоповъ выбралъ Муравьеву 22 т. изъ оброчнаго участка въ 48 т. д., отдававшася по 65 к. за десятину.

Земли Муравьева, по распоряженію чиновника м-ва Крогуса, пошли (сперва 13 т.) по 2 р., но за то остальные земли участка пошли не по 65, а по 5 к. Наградивъ себя, своихъ и сына, Муравьевъ доложилъ, по прежнимъ примѣрамъ, чтобы министры не представляли къ награждъ землями. Изъятіе—конечно не послѣднее—сдѣлано для немногихъ: Зеленаго, Гедеонова, Стенбока, Гернгросса, Невѣровскаго и—Протопопова, которому назначено 3 т. дес. Такъ платить и покупаеетъ этотъ господинъ усердныхъ подчиненныхъ. Передаю, какъ получилъ. Я ожидаю всякой черноты отъ Муравьева.

Итакъ я ѣду во Владимиръ. Я оставляю Петербургъ въ самое интересное время. Но едва ли не важнѣе оно въ губерніяхъ, гдѣ организуется наше хозяйство и гдѣ льются потъ и кровь. Я увижу крестьянское дѣло на мѣстѣ и конечно всмотрюсь въ него. Но для меня любопытно и наше управленіе. Въ губерніи, преимущественно промышленной, съ 1856 г. введенъ кадастръ, т. е. мнимая подоходная подать. Промысловый налогъ и измѣненія тарифа должны оставить очевидные слѣды на многочисленномъ классѣ ремесленниковъ и фабричныхъ. Потомъ поучительно вникнуть и въ послѣдствія нашего фискальнаго направленія и бумажнаго наводненія. Въ нынѣшнемъ году въ губерніи совершается преобразование волостей и отмѣняется инстанція сельская, которой отсутствіе, послѣ 20 лѣтъ существованія, должно неминуемо произвести запутанность, особенно въ хлѣбныхъ запасахъ и капиталахъ. Я недоволенъ этою неблагоприятною командировкою, но я сдѣлаю ее не безъ пользы для себя и для дѣла. Жаль одно: я попасть на губернатора и управляющаго, людей столь посредственныхъ, что не могу рассчитывать на ихъ содѣйствіе.

Едва ли когда нибудь я такъ много объѣздилъ. Успокоившись и обозрѣвъ положеніе, я желаю дать себѣ отчетъ въ моихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ. Время переживаемъ мы важное, и едва-ли оно не опередило насъ, по крайней мѣрѣ едва-ли обязательныя учрежденія не соответствуютъ теоріи, чѣмъ дѣйствительности. Реформа опередила и средства и привычки и самыя нужды.

Мнѣ нужно было освѣжиться послѣ тревогъ и волненій сердца и головы отъ незапной смерти Сашеньки Горбунова и несприятностей служебныхъ. Мнѣ хотѣлось ѣхать на Каспійское море, гдѣ изученіе рыболовства обѣщало и развлеченіе и пользу и Югъ и море; министръ придумалъ Владимиръ. 6 Мая я выѣхалъ, нѣсколько дней пробылъ въ Москвѣ, 12—19 во Владимирѣ и губерніи, 20 у Жукова, 23 въ Пензѣ, 24—28 въ Саратовѣ, у моей несчастной сестры, а потомъ черезъ Аткарскъ, Кирсановъ, Шацкъ и Елатьму, 31, снова во Влади-

мирской губерніи, въ волости Домнино. Отъ сюда, черезъ Рожновъ боръ (богатая устроенная дача въ 28 т. дес.) я началъ поѣздку по губерніи по округамъ и волостямъ, въ Муромъ, въ Чаадаевъ, въ замѣчательной Багратионовской волости, гдѣ народъ встрѣчалъ меня какъ принца крови, толпами выходя на дорогу за 15 и 10 версты и толпясь тысячами у моей квартиры. Изъ Озоблиново (волость чисто-слесарную) черезъ бѣдныя Сергіевы Горы я проѣхалъ изъ Вязниковъ въ Ковровъ, весь полный рабочими желѣзной дороги, и за тѣмъ въ богатую, бунтующую (она не составляетъ раскладочныхъ приговоровъ по кадастру съ 1856 г.) волость Алексина, гдѣ и пробылъ двое сутокъ. 11 Іюня, въ ужасный Троицынъ день, я пріѣхалъ въ Шую и видѣлся, 12, съ головою и городничимъ (капит. Купріяновъ), отправившись, чрезъ Пупки, въ знаменитое Иваново. Здѣсь пробылъ сутки въ домѣ Е. П. Гаршина, осмотрѣлъ двѣ фабрики и, обревизовавъ отдаленное Курьянова, тѣмъ же трактомъ поѣхалъ, чрезъ Лежнево, съ Суздаля, гдѣ едва нашелъ помѣщеніе. Посѣтивъ соборъ и Спасскій монастырь, послѣ ревизіи волостей Городищенской и Яневской, я чрезъ Юрьевъ прибылъ въ Ильинское, а оттуда, чрезъ Симы, въ Елизарово, Брегболу и наконецъ въ Никитскій монастырь къ архимандритамъ Нифонту и Θεодору, у которыхъ и говѣлъ до 27. Отсюда, чрезъ Александровъ, я поѣхалъ въ Воскресенскую волость, а потомъ въ Сергіевскую Лавру, Скитъ, пещеры, Виѳанію, Пустыньку Ананія и въ Махру, гдѣ меня встрѣтили по ошибкѣ съ колокольнымъ звономъ и гдѣ я остановился въ домѣ пономаря Святухина, рассказавшаго мнѣ дивныя вещи о нашемъ Византійскомъ духовенствѣ. 29-е посвятилъ осмотру Алексина Бора и потомъ въ Анипной волости, 4 т. дачи погорѣлаго лѣса, и 30 вечеромъ пріѣхалъ къ Шиповымъ, въ Воспушку, изъ которой чрезъ Воршино, богатое Ставрово, 6 Іюля пріѣхалъ во Владимиръ и оставался въ Палатѣ до 25-го. 27-е былъ уже въ Туль, а 29 съ моими въ Рябиннахъ, поѣхалъ на Козельскъ, чтобы быть въ Калугѣ 5 Августа. Прибылъ въ Москву 6, въ Петербургъ 8 Авг. во Вторникъ и былъ въ Совѣтѣ. Чтò я видѣлъ и чтò я нашелъ?

Я видѣлъ вездѣ дурно производимыя работы полевныя, вездѣ слышалъ ропотъ на правительство, способный поколебать даже дѣйствительную привязанность къ династіи и отчизнѣ. Введеніе посредниковъ и учрежденіе обществъ убавили страховъ и точно содѣйствовали внѣшнему порядку, но это потому, что страхи были слишкомъ велики, и подъ ихъ вліяніемъ соглашались на всякія убыточныя сдѣлки. Не говоря объ обществахъ, которыя не будутъ же лучше казенныхъ, я долженъ, сказать, что дѣйствія посредниковъ, облеченныхъ *de facto*

дискреціонною властію, въ большей части, весьма односторонней и только при явной преклонности ихъ въ пользу крестьянъ, могутъ рассчитывать на довѣріе ихъ и тѣмъ снискать популярность, къ которой въ нашъ вѣкъ такъ падки и самые посредники.

Крестьянъ драли или били въ Аткарскъ и Кирсановѣ, въ Моршанскѣ и во Владимирѣ; но не подлежитъ сомнѣнію то, какъ мнѣ объявляли Д. П. Князевъ, А. В. Шереметевъ, С. П. Шиповъ, Н. А. Бутурлинъ и др., что посѣвы противъ прежнихъ, а съ ними и доходъ,—уже не говоря и неурожаѣ отъ засухи—уменьшены значительно, и что жнитво и уборка производятся небрежно. Большіе владѣльцы, по преданію обычнаго авторитета, еще находятъ послушаніе въ крестьянахъ и вниманіе у начальствъ; но что сказать о мелкопомѣстныхъ, о Малороссійскихъ хуторахъ?

Дурное право, такъ абсолютно и незапно отмѣненное, метить за прошедшее, и иногда назойливость дѣвки или бѣфетчика таковы, что вывороченный порядокъ отношеній перепуталъ въ старыхъ головахъ всѣ понятія, и я видѣлъ собственными глазами, какъ старики, обѣщавшіе долгую жизнь, терялись, упали духомъ и тѣломъ и когда-то осанистые и гордые, клонились долу, думали и говорили о могилѣ.

Я не видѣлся съ гг. министрами и не знаю, понимаютъ-ли они, что предназначенные два года есть послѣдній срокъ законности, правомѣрности и огражденій хозяйственности быта, послѣ котораго всякое соглашеніе, при невѣжествѣ народа, будетъ принужденіемъ и всякая сдѣлка—уступкой. Парализовавъ власть помѣщичью, не образовавъ и не назначивъ новой, правительство много повредило и вредитъ порядку и хозяйственному быту, не преподавъ хорошей инструкціи (какъ думали и говорили) посредникамъ, которые теперь поставлены въ необходимость искать популярности, чтобы заслужить довѣріе массъ, невольно внушающихъ опасеніе.

Должно удивляться одному: какъ до сихъ поръ мало возвысились цѣны и какъ въ настоящее время есть покупщики на земли (впрочемъ не населенные). Изъ этого простой выводъ тотъ, что дѣла еще вовсе не такъ плохи, какъ говорятъ, думаютъ и предполагаютъ, особенно предполагаютъ Петербургскіе дѣльцы. Невозвышеніе цѣнъ объясняется рѣдкостію денегъ.

Я впрочемъ мало былъ досуженъ для изученія этого вопроса. Я былъ занятъ ревизіей губерніи и долженъ сказать объ этомъ съ нѣкоторою подробностію. Говоря въ шутку, Владимирская губернія—южная

половина—живетъ воровствомъ, а сѣверо-восточная—мошенничествомъ. Тамъ лѣсъ, здѣсь миткаль. Но говоря безъ шутки, благоденствующая губернія въ переходномъ состоянїи, и истребленіе лѣса и развитіе пароваго производства грозятъ промысламъ упадкомъ. Только усиленная производительность уравниваетъ интересы.

Управление государственными имуществами отличается исправностію денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, народъ дѣятеленъ, управленія бдительно „выбиваютъ“ подать, и мѣстныя заработки весьма прибыльны. Но за тѣмъ отдѣльное наше вѣдомство—*status in statu*—обходясь весьма дорого, для народа не только бесполезно, но даже вредно.

Главный недостатокъ, который обнимаетъ всѣ прочіе, это водвореніе огромной письменности въ средѣ безграмотнаго народа. Писарямъ и головамъ изъ писарей—это раздолье. Подтверждая однако, что развитіе письменности дѣлается для поборовъ (по Питерской замашкѣ), я долженъ подтвердить и то, что прежде поборы дѣлались и безъ этого, слѣдовательно успѣхъ состоитъ въ томъ, что для взятки уже нужна законность, формальность, бумага. Впрочемъ поборы производятся и другими путями, и главнѣйшихъ причинъ этому три: 1, неопытность вообще плохаго личнаго состава управленія, 2, неопредѣленность податей и повинностей и 3, сверхсмѣтные сборы.

Бывшій управляющій Калачовъ, помѣщикъ изъ военныхъ, окриленный полномочіемъ министра, объѣзжалъ губернію и какъ хозяинъ замѣтилъ разныя несообразности: здѣсь нѣтъ училища, нуженъ магазинъ, необходима церква, а здѣсь, тамъ (мѣстахъ въ 200) полезно бы распланировать селенія и перенести усадьбы. Можно себѣ представить, какой погромъ произвело это во всемъ населенїи. Я былъ атакованъ жалобами. Денегъ ни на училища, ни на церкви крестьяне не даютъ. Но ихъ строятъ, точно также какъ и магазины, и строятъ и работаютъ, особенно по лѣснымъ негодамъ не смотря на то, что работы по мѣстнымъ дорогамъ чрезвычайно возвысили цѣны, и безъ того мелкія въ промышленной губерніи. Неблаговременныя затѣи эти обходятся крестьянамъ по крайней мѣрѣ 50% дороже обыкновеннаго времени. Вообще личный составъ набранъ по протекціи, а новый управляющій слабъ, болѣзненъ, малосвѣдуецъ и тупъ. Есть чиновники изъ морскихъ офицеровъ, изъ саперовъ, даже изъ артиллеристовъ, даже изъ медиковъ. Почти вся канцелярія Палаты изъ семинаристовъ. Должно однако замѣтить, что и такъ приготовленные дѣльцы и блюстители сидятъ на мѣстѣ годъ и менѣе. Удивляешься, какъ еще управленіе и такъ идетъ, какъ идетъ.

Въ дѣлахъ Палаты совершенный застой. Расквитавшись съ ревизіей въ лѣто 1857 г., когда министръ проѣхалъ по большой дорогѣ и въ сутки обревизовалъ все управленіе, Палата дѣлами пріостановилась, а начала мѣнять чиновниковъ и вводить новые порядки.

Къ довершенію этого застоя и моего раздраженія, я нашель управленіе въ преобразованіи, и при замѣщеніи 55 (вмѣсто 27) волостей кой-какъ набранные писаря и головы еще такъ мало привыкли къ дѣлу, что мнѣ приходилось, какъ говорится, учить ихъ азбукѣ. И это управленіе существуетъ съ 1838 г., и такъ оно ведется въ лучшей губерніи, и вотъ кто распоряжается государственнымъ имуществомъ!

Въ губерніи съ 1856 г. введена подоходная система податей, по которой въ нѣкоторыхъ волостяхъ Вязниковскихъ, Ковровскихъ и Покровскихъ подать съ промысловъ доходить до 50 и до 100%. Жалобы на нее общія. Обширная Алексинская волость (52 деревни) отказывается составлять раскладочные приговоры. „Мы будемъ платить по приказу, но не по своей раскладкѣ“. Они этимъ выражаютъ свою оппозицію.

Ни количество, ни пространство ни земель, ни лѣсовъ не извѣстны, и назначенный въ 1858 г., учетъ земель производится полоумнымъ топографомъ Каверинимъ черезъ пень-колоду, такъ что конца предвидѣть нельзя, ибо здѣсь вмѣшались рекогносцировки (мѣстные повѣрки въ натурѣ) и содѣйствіе землемѣровъ, которые и своего дѣла не кончаютъ, а можно предвидѣть развѣ одну запутанность въ плановомъ архивѣ, ибо по данной министерствомъ инструкціи раздѣленіе разрядовъ означено сбивчиво. Палата не имѣетъ понятія объ этомъ дѣлѣ и въ немъ не участвуетъ.

Зло заключается въ томъ, что Петербургъ ничего не знаетъ о мѣстности, а мѣстные чины, противъ которыхъ никто не спорить, лѣсничіе-спеціалисты болѣе нежели сомнительной честности. Они, эти лѣсничіе, назначаютъ лѣсосѣки гдѣ хотятъ, лишь поболѣе выручить. А изъ этой выручки казна едва-ли получаетъ половину стоимости. Произвольное назначеніе лѣсосѣкъ дѣлается потому, что управленіе не знаетъ пространства лѣсовъ и назначаетъ ихъ по сдѣлкамъ съ мѣстными торговцами. Управленіе руководствуется двумя таксами. Одна для собственнаго обихода, другая для отвода Петербургскихъ блюстителей, съ поддѣлкой 25%. По многимъ лѣсосѣлкамъ проданная площадь не составляетъ и половины вырубленной, и здѣсь въ сдѣлкахъ лѣсничихъ участвуютъ съ лѣсничими и стражники. Торги назначаются для проформы, за мѣсяць, за недѣлю дѣлается публикація. Иногда мѣстные лѣсничіе не знаютъ гдѣ назначена рубка,

А какой глухой гулъ отдается изъ Россіи въ Петербургъ! И какъ напряжено вниманіе и слухъ и воображеніе всего правительства при каждомъ событіи, при малѣйшемъ шумѣ и говорѣ! Вы просите конституціи—вотъ вамъ конституція. Уступчивости, снисхожденію конца нѣтъ. Польша и Финляндія протестуютъ, сдѣланныя уступки уже не удовлетворяютъ ихъ. Въ западныхъ губерніяхъ учреждены для манифестаціи особыя коммисіи (по мысли Валуева, но глупую преамбулу писали чиновники канцеляріи Комитета Министровъ) и дана воля мѣстнымъ начальникамъ объявлять гдѣ нужно военное положеніе. А оно тамъ нужно. Народъ толпится какъ въ Варшавѣ, и какъ тамъ толпа смѣется войску и начальству, поетъ патріотическіе гимны и бьетъ стекла. Предводитель дворянства гр. Тышкевичъ далъ пощечину генералу Назимову, когда-то любимому въ Литвѣ за дѣло Конарскаго. Канцелярія Комитета изготовила и общій (кажется временной или предварительный?) наказъ полиціи, придавъ это названіе просто на просто простому порядку требованію военной силы. Къ этому присоединяется еще затрудненіе: безпрестанно являются подметныя печатныя воззванія. Я читалъ два: Великороссамъ—небольшое и невыразительное, напечатанное плохо, кажется, въ ручной типографіи, и большое, въ два листа, напечатанное кѣмъ нибудь изъ изданной Будущности или Колокола. Это воззваніе, содержащее подробный разборъ нашего положенія и доказывающее необходимость перемѣны правленія и правительства, надѣлало много шума и, несмотря на наши привычки, произвело общій говоръ, страшные розыски, строгія угрозы. Впечатлѣніе его знаменательно. Многіе относятъ его къ великому князю Константину, отправившемуся къ Герцену въ Англію, другіе—къ дворской партіи, желающей устранить Государя, третьи (большинство) видятъ въ немъ эмиссаровъ тайнаго общества, соединившагося съ крамольствующими Поляками. Направленіе воззванія соціалистическое, а иногда виднѣются въ немъ то Огаревъ, то Славянофилъ, написавшій въ 1854 г. „Русскому народу“. Эра, начатая Наполеонами и развиваемая Гарибальди, вторгается и къ намъ. Уступчивое правительство пойдетъ на уступки. Требованіе между тѣмъ разольется и подниметъ голову. У страха глаза велики, а у виноватаго всегда страхъ. Я полагаю, что конституція состоится; но я не умѣю себѣ представить, какъ она совокупить Финляндію и Польшу. Ихъ слѣдуетъ оставить при своемъ.

Меня поразила упадокъ духа министровъ Валуева и Муравьева, особенно послѣдняго. Онъ „боится, что безначаліе вездѣ и что мы близки къ раздробленію, что слабость власти обнаруживаетъ не только безсиліе, но и неумѣнье, что совмѣстное управленіе почти всѣхъ корен-

ныхъ учрежденій запутываетъ ходъ дѣлъ и даетъ поводы анархiи“. Министръ Княжевичъ озабоченъ неудачными торгами на вино въ Пензѣ и Курскѣ, сколько можетъ быть озабоченъ этотъ сытный начальникъ.

Меня поразило отсутствiе властей въ Петербургѣ. Все разѣхалось по Россiи (никто однако не поѣхалъ на Западъ). Государь съ семействомъ въ Крымъ (и, говорятъ, ѣдетъ на охоту въ Кутаисъ), гр. Панинъ въ Кострому и въ Нижній, Княжевичъ на Югъ и на Востокъ, Наслѣдникъ до Казани съ самымъ явнымъ намѣренiемъ снискать популярностъ престопаодья и молодаго поколѣнiя. Онъ вытаскиваетъ хлѣбы лопатомъ, солить огурцы и строгасть кожи, посѣщая клетки и харчевни, братаясь съ толпою и сидя на лавкахъ студентовъ. Для чего ради гибель сiя бысть? Не вызовутъ-ли всѣ эти мѣры болѣе нежели требуютъ дѣло? И удовлетворится-ли оно этими манифестаціями, если оно требуетъ?

Я немного завертѣлся. Представляющiяся впечатлѣнiя съ 6 Мая кружатъ меня, и мнѣ кажется, что со мною кружится весь свѣтъ. Я всегда, давно находилъ, что преобладающее господство идей, началъ, при всѣми признанной необходимости въ послѣдовательности, въ логикѣ, не оправдало ожиданiй, пробужденныхъ въ массѣ, и не подтвердилось въ дѣйствительности, которой разнообразіе опережаетъ теорiю.

Утвержденіе демократическаго начала обнимаетъ много, но обнимая такъ много, оно въ приложенiи, при логической послѣдовательности, ломить, давить и рѣжетъ. Оно требуетъ уничтоженiя неравенства, оно отвергаетъ преданіе, оно не терпитъ наслѣдственности. Какъ же согласить его съ аристократiей крови, таланта, капитала? Какъ согласить его съ вѣрою, съ Божіею милостію, съ привычками? Какъ сопоставить его съ семействомъ, съ собственностію?

Къ нему же теперь примѣшался элементъ другаго порядка—національность. Не должно забывать, что начала, какъ и люди, имѣютъ страсти и не могутъ довольствоваться однимъ созиданiемъ (созиданіе для нихъ даже второстепенная цѣль): они разрушаютъ, пересоздаютъ и мстятъ, мстятъ даже прошедшему, могиламъ. Страсти началъ разнятся отъ людскихъ страстей только тѣмъ, что не имѣютъ никакого чувства, ни уваженiя, ни признательности, ни состраданiя, которыя мы видимъ въ самыхъ отчаянныхъ представителяхъ, въ Маратѣ и въ розыскѣ застѣнкомъ.

Я не знаю, не на томъ ли склонѣ пути нашего развитiя находимся мы, бросивъ широкую волю массѣ. Общайте меньше, давайте больше. Трудно себя представить, какъ натянуты отношенiя и положеніе нашего великаго сословія послѣ незападнаго перехода отъ крѣ-

постп къ волѣ собственниковъ. Не говоря о повсемѣстномъ затрудненіи уставщиковъ грамотъ, не говоря о спорахъ Авдія Шипова съ гг. Селифонтовымъ и Моложцами, достаточно указать на сознаніе открытыхъ сторонниковъ и дѣятелей новаго порядка, напр. письма Безобразова (въ „Вѣкѣ“¹⁾), чтобы удостовѣриться, что новый порядокъ вводится безъ приготовленія, наобумъ, фантазируетъ и шутить. Съ массами шутить нельзя. Это неблагоразумно, это недостойно. Если право и люди дозволяютъ, то Богъ не попуститъ, чтобы невозбранно и безнаказанно легкомысліе, своекорыстіе и увлеченія творили правду и неправду по своему, а не по законамъ опыта и сильной предусмотрительности.

Младшая изъ государственныхъ силъ (литература) и младшіе изъ молодаго поколѣнія (студенты) продолжаютъ напирать на власть и плюютъ депутацію (Краевского, Громеку и гр. Купелева), чтобы защитить литератора Михайлова, арестованнаго по дѣлу о прокламаціяхъ, а студенты представляются генералу Филипсону и требуютъ отъ него вступительной рѣчи и оставленія студентской кассы въ распоряженіи студентовъ²⁾. Общество—довольно закрытое и сомкнутое—принимаетъ на себя пособлять бѣднымъ литераторамъ, общество же устраиваетъ концерты и спектакли, чтобы пособить студентамъ, число которыхъ Комитетъ (гр. Строгановъ, гр. Панинъ и кн. Вас. Долгорукій) думалъ сократить денежными взносами, безусловно обязательными. Столкновеція общественнаго мнѣнія съ правительствомъ безпрестанны, и достаточно назвать когонибудь генераломъ, губернаторомъ, чтобы его назвали дуракомъ и негодяемъ. Безцеремонность выраженной приходитъ въ лучшія гостинныя.

Выборъ губернаторовъ исключительно падаетъ на военныхъ. Я не знаю мыслей Валуева, но думаю, что это дѣлается подъ вліяніемъ опасенія земскихъ замѣшательствъ. Если съ этими господами можно ожидать тишины, то не думаю, чтобы они водворили законность, а она теперь нужнѣ всякаго полицейскаго усмиренія. Теперь, при

¹⁾ Студенты очень недовольны установленіемъ для каждаго факультета особыхъ билетовъ, безъ которыхъ посѣщенія лекцій не дозволяется. Рошцуть также и на обязательность платы. Университетъ закрыть.

²⁾ Какъ мало сохранился прежній хозяйственный порядокъ, смотри „Письма съ дороги“ Мельгунова и письмо помѣщика Кисловскаго въ С.-Пбргск. Вѣдомостяхъ въ Августѣ—Октябрѣ 1861, письмо Бездомнаго въ Москов. Вѣдом. 3 Октября № 214. Письмо г. Чижевича, въ Московск. Вѣдом. 14 Октября 1861 № 224. Письмо Калужанина въ С.-Пбргск. Вѣдомост. 4 Ноября 1861 № 245. Возвращеніе домой. Моск. 31 дня 1861 г. № 249. С.-Птрб. Вѣд. 14 Декабря 1861 № 277, о барщинѣ 1861 г. А. Роопа.

переходномъ срокѣ, даже желательно бы было вызвать и разобрать недоразумѣнія порядкомъ законнымъ, а не военнымъ. Въ 1863 году убѣжденія будутъ упорнѣе. Главное дѣло въ томъ, что съ гласностію несомнѣтенъ авторитетъ власти, съ этою гласностію несогласный. Правительство шагъ за шагомъ теряетъ довѣріе, и личность Государя не внушаетъ никакой увѣренности.

Поразительно мнѣніе Гентца о лучшихъ людяхъ Вѣнскаго конгресса, эпохи 1815 года.

Демократъ всегда готовъ сдѣлаться Эпикурейцомъ, даже безъ *in-De Elspieg*; но дѣло въ томъ, что при такихъ дѣятеляхъ могъ-ли порядокъ 1815 года—*de jure* продолжающійся даже до сего дня—ожидать другого, какъ выразились событія по мѣрѣ развитія поколѣній, черезъ 15 лѣтъ, въ 1830 г. еще поколѣніе, въ 1848,—еще поколѣніе—въ 1860. Паровой вѣкъ уменьшаетъ сроки. Да, но г.г. Гентцы, такъ свысока смотрящіе на правителей міра, не несутъ-ли за нихъ и за себя двойной отвѣтственности за свою двойственность, за безсиліе убѣжденія, за своекорыстныя стремленія и матеріальныя цѣли, которыми они служили до самоуничтоженія?

А вы, господа Огаревы („Къ молодому поколѣнію“) и Герцены („Что нужно народу“ Колоколь, листъ 102), такъ легко порицающіе людей правительства и такъ полновластно организующіе Русское царство, не несете ли и вы двойной отвѣтственности, разсылая по вѣстамъ вѣтрамъ возмутительныя листы, выражающіе болѣе ваше личное негодованіе, нежели долго и добровольно обдуманную мысль патріота?

Прокламаціи эти, во множествѣ экземпляровъ, привезены изъ заграницы и, несомнѣнно, перепечатаются и здѣсь. Надобно стать во главѣ движенія, но для этого нужно его опередить. А на чемъ же остановиться, опередя движеніе?

Сегодня былъ „бунтъ студентовъ“. Еще вчерась они сходились и выломали двери, вызвали ректора (Срезневскаго), требуя предательства его объ отмѣнѣ платы, объ отмѣнѣ билетовъ, объ оставленіи кассы въ ихъ распоряженіи. Сего дня, прійдя въ университетъ, они нашли его запертымъ и на дверяхъ объявленіе, что вѣлѣдствіе повторившихся безпорядковъ лекціи прекращаются впредь до дальнѣйшихъ распоряженій начальства. Молодежь собралась на дворѣ и держала рѣчи. Особенно отличился ораторствомъ одинъ изъ офицеровъ, вольный слушатель. Положили идти къ попечителю и просить объясненія. Толпа уже собиралась у воротъ зданія. Колонна молодыхъ людей, числомъ до 3 или 4 сотъ человекъ, двинулась, къ ней присоединились два курса

Медикохирургической Академіи, нѣсколько офицеровъ, статскихъ и главное—любопытныхъ, такъ что процессія заняла весь Невскій Проспектъ и, идя къ Владимирской, въ Колокольный переулокъ, гдѣ квартируетъ генераль Филипсонъ, увлекала съ собою встрѣчныхъ и поперечныхъ, разросшись до 5 тыс. человѣкъ. Полиція уже приняла свои мѣры, оповѣщены войска, явилась пожарная команда, батальонъ стрѣлковъ и когда студенты подошли къ дому, ихъ ожидалъ полицмейстеръ, и молодая фаланга окружена была вооруженною силою. Полицейскаго не было дома, онъ отправился было въ университетъ, но воротился и сказавъ, что здѣсь не мѣсто объясняться, сталъ во главѣ колонны, вмѣстѣ съ оберъ-полицмейстеромъ Паткулемъ, и тою же дорогою повели ее въ университетъ. Туда же прибылъ генераль-губернаторъ. Отъ студентовъ истребована депутація, и начались переговоры въ сѣняхъ университета. Окончательно генераль Филипсонъ отвѣчалъ, что прекращеніе лекцій признано нужнымъ, чтобы имѣть время сдѣлать нужныя приготовленія, но что онъ надѣется открыть университетъ 2 Октября.

Если эта исторія не имѣетъ ничего общаго съ дѣломъ о прокламаціяхъ, въ привозѣ и распространеніи которыхъ арестованный литераторъ Михайловъ уже сознался, то не подлежитъ сомнѣнію, что молодежь дѣйствовала по вліянію Польскихъ студентовъ, составлявшихъ большинство шумной процессіи.

Есть-ли это искусственное возбужденіе страстей или подражательное пробужденіе духа общественности, сказать нельзя. Я думаю и то и другое вмѣстѣ, соединившись съ броженіемъ преобразованій, начатыхъ и исполняемыхъ на выворотъ. Деморализація общества дурнымъ правительствомъ дошла до того, что общество не имѣетъ никакого уваженія и никакого довѣрія къ правительству, готовое бросить въ него грязью за всѣ бездѣльные поступки, выдвинутые на свѣтъ Божій тайною и явною гласностію, а вороватое правительство, при сознаніи этихъ поступковъ, не можетъ имѣть ни достоинства, ни энергіи и основывается только на правѣ силы, всегда слабѣй въ схваткахъ съ массами. Всѣ обвиняютъ Путятина и Филипсона.

Анархія доходитъ до того, что правительственныя лица посылаютъ статьи Герцену и кн. Долгорукову въ Колоколъ и Будущность, и что правительственныя типографіи печатаютъ памфлеты на правительство, какъ напр. „Для тѣхъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ“. Брошюра напечатана здѣсь въ почтовой типографіи, по распоряженію чиновника Чанова. Писана она, кажется, Арсеньевымъ. Выражая сочувствіе къ Польшѣ, она самымъ безцеремоннымъ образомъ иоричаегь бездарныхъ

и дикихъ Русскихъ правителей, описывая всѣ униженія, которымъ подвергается наша власть въ Варшавѣ и западныхъ губерніяхъ.

Сегодня же вечеромъ я былъ у министра Валуева и нашелъ его чрезвычайно озабоченнымъ. Онъ выражалъ весьма ясно нетвердость своего положенія, ропталъ на интриги Буткова.

Не начать-ли мнѣ „исторію революціи, où elle a pu encore être dirigée?“

Всѣ винятъ правительство. Всѣ видятъ одинъ исходъ—дарованіе конституціи, и всѣ готовы признать законность переворота и необходимыхъ жертвъ, лишь бы безъ крови.

Сего дня сидѣлъ у меня д-ръ Французъ-русскій. Адольфъ Шренкельсъ-Шаковъ, нашъ родственникъ. Онъ провелъ 5 лѣтъ на Кавказѣ, и объ немъ была рѣчь продолжительная. Чтò это должно быть за управленіе! Лѣность, безпечность, nepотизмъ, фаворитизмъ и безотчетный произволъ въ распоряженіяхъ и въ расходахъ. У Князя огромная власть, личная дружба Государя и личная самоувѣренность. для которой, въ Кавказскихъ его окружающихъ, нѣтъ возможности и тѣни противорѣчій. Узда вообще нужна не для того, чтобы сдерживать и останавливать, но чтобы править. Конь, и не Русскій степной и не Кавказскій горный конь, безъ узды, увлечется неволью въ даль, въ безвыходныя ущелья и увлечетъ за собою весь табунъ. Я вѣрю, что тамъ должно быть управленіе еще хуже нашего, а наше я знаю въ Петербургѣ и въ губерніяхъ. Особенно оплошно оно въ настоящее время. Когда подняли крѣпостной вопросъ, атмосфера наполнилась испареніями весьма неблагоприятными, и всѣ готовы были, зажавъ носъ и уши, бѣжать, а кто не могъ бѣжать, сталъ думать какъ бы себя обезпечить, чтобы въ случаѣ нужды можно было тоже убѣжать. Едвали когда нибудь чрезвычайныя награды деньгами были такъ часты, велики и жирны, какъ съ 1857 года. Время важное, конечно, и награды стòбитъ. Реформы дѣлаются превосходныя, только дѣлаются онѣ дурно. Одинъ крѣпостной вопросъ и гласность обнимаютъ преобразование цѣлой революціи и такъ обширны и способны на дальнѣйшее развитіе, что, при лучшемъ правительствѣ, мы безостановочно и мирно дошли бы до всѣхъ завоеваній 1791 года.

Личный характеръ Государя есть первая и главная вина слабости нашего правительства. Онъ кончитъ конституціей и будетъ жалѣть, что не ея началъ. Безотвѣтственность власти увлекаетъ насъ въ безвыходную даль и дебри. Съ крѣпостнымъ вопросомъ и гласностію едва устоять и твердому правительству, не только нашему, а наше—ни въ полиціи. ни въ судахъ шагу не дѣлаеть, тогда какъ требованія далеко

определили возможность, одушевили все молодое поколѣніе, поднимають его въ университетахъ и академіяхъ, далѣе въ полкахъ и канцеляріяхъ и проникають въ массы. Какъ и чѣмъ ихъ сдержать безъ судовъ и полиціи?

Аресты студентовъ продолжаются. Студенты подчинены исключительно городской полиціи: университетское начальство прекратило съ ними всякое сношеніе. До 7 Октября они имѣютъ подавать прошенія о выдачѣ имъ матрикуль чрезъ городскую почту бесплатно. Черезъ городскую почту они получаютъ отъ ректора и отвѣтъ. Молодые люди положили: не подавать прошеній. Съ 5-го Октября университетъ (ректоръ П. Плетневъ) распорядился, чтобы стипендіаты обращались за стипендіями въ общую полицію по частямъ и кварталамъ города. Униженіе это, упадающее преимущественно на бѣдныхъ, глубоко оскорбляетъ студентовъ, и они положили сдѣлать складчину для стипендіатовъ. Въ канцеляріи Сената, въ министерствахъ дѣлаются подписки въ пользу студентовъ для оказанія имъ денежнаго пособія и для выраженія имъ сочувствія. Солдатъ и полицейскихъ замучали нарядами. Они злятся на бунтующихъ. 2 Октября весь день былъ разведенъ мостъ дворцовый, и ропотъ на затрудненія въ сообщеніяхъ обращаютъ къ тѣмъ же бунтующимъ. Дѣятельность Игнатьева, Паткуля и гр. Шувалова, а за ними и комендантовъ и полиційместеровъ такъ велика, что при сборницахъ и по ночамъ арестовано студентовъ, офицеровъ и чиновниковъ болѣе 200 человекъ. Много освобождено, много снова взято. Многіе однофамильцы и схваченные случайно, какъ коноводы, посажены и выпущены; другихъ отыскиваютъ, подозрѣвая связь съ дѣломъ о прокламаціяхъ и съ Поляками. Мнѣ всего прискорбнѣе здѣсь то, что Шуваловъ и Паткуль отзывами солдатамъ о студентахъ возстановляютъ толпу противъ высшихъ сословій, и дѣйствіями грубой полиціи оскорбляютъ благородныя чувства молодежи.

Я прочелъ „Жизнь М. М. Сперанскаго“ бар. Корфа. Чтò сказать? Мои послѣдовательныя замѣчанія видны на поляхъ и въ концѣ главъ книги, но сказать-ли? Я былъ поглощенъ этимъ чтеніемъ, хотя знаю, что тучи уже гремятъ за представленіе моей ревизіи (по лѣсному управленію Владимирской губерніи), ищу, роюсь и допрашиваю біографа о томъ, о другомъ и о третьемъ—и не нахожу отвѣта. Отвѣта нѣтъ. Баронъ Корфъ не писатель, а съ претензіями писателя. Это не ученое сочиненіе, а литературное, журнальное, и въ этомъ значеніи книгѣ недостаетъ художественной отдѣлки: богатые матеріалы едва приподняты, возрѣнія біографа, вообще гуманныя и довольно возвышенныя, робки, часто опираются на неопредѣленные авторитеты и

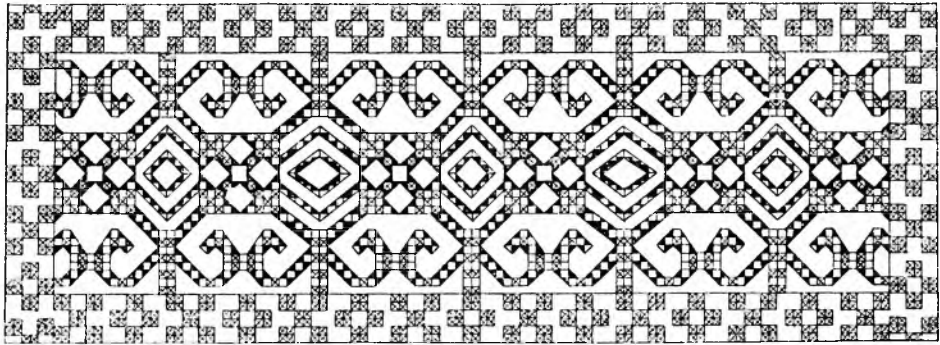
особенно не отчетливы въ вопросахъ спеціальныхъ. Безпрестанно перерывъ, черта, цифра, безпрестанно анекдотцы, характеристики: ненужныя выписки нарушаютъ цѣлость и спокойствіе вниманія. Видѣнь иногда вкусъ фразера, замашки беллетриста. Жаль! Но вообще книга въ высшей степени интересная, и баронъ Корфъ заслуживаетъ отличной за нее благодарности, какъ за трудъ біографа, такъ (и особенно) за сообщеніе многихъ свѣдѣній большой важности. При лучшемъ изданіи и съ дополненіями и комментаріями книга эта будетъ дорогимъ источникомъ для просвѣщенія историка первой четверти XIX ст. нашего правительства. И въ Кочубеѣ (разговоръ его съ Масальскимъ послѣ ссылки Сперанскаго) и Гурьевѣ (въ письмахъ въ Пензу и Иркутскъ) и Аракчеевѣ (всегда) видно много татарщины, какъ и въ самомъ управленіи, даже въ самомъ гербѣ (въ надменности его до ссылки, въ письмахъ изъ ссылки, Пензы и Сибири); но видна и гениальная Русская натура въ одномъ изъ ея представителей, младшихъ изъ того сословія, которое, послѣ крестьянства, наиболѣе сохраняетъ туземный элементъ народа. Благодарность М. А. Корфу. Онъ затронулъ многія стороны и вопросы времени. По окончаніи чтенія (5 Октября за полночь) я долго не могъ успокоиться отъ душевнаго водненія. Меня тяготили мысли о правленіи и правительствѣ, въ которыхъ, по словамъ императора Александра, министровъ Кочубея, Гурьева и Канкринна, и судя по жизни самого Сперанскаго, гибнуть, упадая и мельчая. лучшія натуры народа, и о слабости человѣческой, которая проявляется и гнететь, въ этой средѣ, даже гениальныхъ людей.

Точки Богу угодно Но ты сказала, юноша, что Богъ непосредственно не промышляетъ о человѣкѣ Данъ разумъ Ломоносовъ осмѣливается и Богу не повиноваться, доколѣ этотъ разумъ Имъ не отнять Разумъ Что есть Истина? Что есть Разумъ? Мнѣ было тяжело и грустно. Сперанскій родился на 1 Января 1772 г. Умеръ 11 Февраля 1839. Житіе его было 66 л. и 43 дня. Изъ нихъ 20 л. онъ учился, 10 лѣтъ въ изгнаніи, тоже учился. Итого 30, а 36 посвящены служенію государственному съ величайшею пользою, какой не принесли ни В. Голицынъ, ни Меншиковъ, ни Бестужевъ-Рюминъ, ни Шуваловъ, ни Потемкинъ и Безбородко, ни Аракчеевъ. Этотъ семинаристъ (баронъ Корфъ преслѣдуетъ его такимъ именемъ съ колыбели до гроба) былъ колоссальныхъ способностей, и я сдѣлаю очеркъ его многоплодотворной исторической дѣятельности. Если бы онъ жилъ въ государствѣ зрѣломъ, въ правительствѣ и обществѣ установившихся, то нѣтъ сомнѣнія, что необыкновенныя его дарованія нашли бы болѣе благодарное поле дѣятельности,

и организационный умъ его, болѣе покойный и сосредоточенный, создалъ бы порядокъ вещей прочный и усвоенный мѣсту и обстоятельствамъ. Онъ не имѣлъ бы такого широкаго поприща и такого разнообразія въ занятяхъ, ни такой свободы въ выборѣ и примѣненіи ихъ, но за это стоялъ бы тверже, дѣйствовалъ съ терпимостію и достигалъ цѣли вѣрнѣе. Три эпохи въ жизни Сперанскаго выразились рѣзко и систематически. Еще студентомъ, онъ записалъ въ календарѣ своемъ въ 1799 г. „Богъ непосредственно о человѣкѣ не промышляетъ. Ему данъ Разумъ“. Этотъ матеріализмъ во Владимирскомъ семинариствѣ того времени изумителенъ своимъ величіемъ. Потомъ, пройдя служительскую-писарскую должность государственной секретарь докладываетъ Императору о прекращеніи „самовластія“. Онъ почти сказалъ „самодержавіа“. Это было въ 1810 г. Наконецъ, по возвращеніи изъ Сибири, поклонникъ Французскаго бюрократизма, пришелъ къ убѣжденію: удостовѣрять личную власть совѣтами т. е. коллегіальностію. Это было въ 1820 годахъ. Во всемъ этомъ много самообольщенія. О „разумѣ“ Сперанскій уже упоминаетъ рѣдко и въ послѣдствіи все или все почти относитъ къ случайностямъ, превратностямъ и милосердію Провидѣнія. О „самовластіи“ онъ уже не упоминаетъ, она проявляется на каждомъ шагу. Естественно, что при немъ „совѣщательность“ далеко не отвѣчаетъ заданнымъ ожиданіямъ. Совѣтуютъ чтò велятъ и хотятъ. Какъ въ 1810 годахъ, Сперанскій опередилъ поколѣнія, поднимъ вопросы, едва ему извѣстные, и (хотя очень узко) практически выразившіеся въ указахъ 1809 г. и другихъ видахъ, изъ которыхъ впервые манифестъ 1810 г. и общій наказъ заговорили о гласности (даже бюджета) и отвѣтственности, такъ въ 1822 гг. Сперанскій отсталъ отъ современнаго поколѣнія, которое, познакомясь съ Европою (тогда какъ онъ былъ въ Азій) думало уже о дѣйствительномъ прекращеніи самовластія. о дѣйствительной гласности, т. е. о конституціи. Заслуги Сперанскаго по „собранію и своду законовъ“ безъ Николаевской поспѣшности, могли бы быть гораздо плодотворнѣе, но онѣ велики, хотя отсутствіе юридическаго образованія государственнаго дѣятеля лишило эти заслуги славы Камбасерса, Кармера и Фейербаха. Во всякомъ случаѣ это былъ великій человѣкъ Россіи.

(Продолженіе будетъ).

Письма Императрицы Маріи Феодоровны къ Императору Александру I-му.

Въ Государственномъ Архивѣ сохранилось нѣсколько пачекъ съ письмами Императрицы Маріи Феодоровны къ ея сыну-первенцу.

Нѣтъ сомнѣній, что переписка была обширная и обоюдная въ теченіе всего двадцатичетырехлѣтняго царствованія Александра I-го. Сохранись она въ цѣлости до нашихъ дней, переписка эта была бы кладомъ для историка той оживленной эпохи. Къ сожалѣнію, уже не въ первый разъ приходится наталкиваться на досадные пробѣлы въ нашихъ архивахъ. Причина этихъ пробѣловъ становится понятной, если вспомнить, что многое умышленно подвергалось уничтоженію. Особенно систематично и неумолимо жегъ документы и письма Государь Николай Павловичъ: за его царствованіе исчезла не одна интересная рукопись. Относясь ревниво къ памяти старшаго брата, Николай I-й намѣренно сжигалъ все, что могло только бросить малѣйшую тѣнь на дѣятельность Благословеннаго Монарха.

Недаромъ встрѣчали мы такія надписи: „j'ai brûlé comme inutile pour la postérité“ *), и надписи эти находились на бумагахъ, относящихся къ царствованію брата.

Такимъ образомъ, легко допустимо, что и большую часть переписки Маріи Феодоровны съ Александромъ постигла таже участь, т. е. письма были сожжены. Иначе необъяснимо, что остались только такія письма, которыя имѣютъ лишь интересъ семейнаго характера и то за

*) Я сжегъ, какъ бесполезное для потомства.

периодъ 80-хъ и 90-хъ годовъ XVIII столѣтія, т.е. за царствованіе Екатерины II-й и отчасти за Павловское время, когда Александръ былъ еще юношею.

Не имѣется вовсе писемъ съ 1799 по 1805 годъ, а также съ 1811 до конца царствованія Александра. Остались отдѣльныя письма за 1806, 1807, 1808 и 1810 годы, и то съ надписью на обложкѣ почеркомъ Императрицы Маріи Теодоровны: „une lettre de moi à feu l'Empereur“¹⁾, т.е. съ подчеркнутымъ желаніемъ Государыни, чтобы письма эти сохранились для потомства. Видимо, Государь Николай Павловичъ исполнялъ столь ясно выраженное желаніе матери, и эти письма чудомъ уцѣлѣли. Ниже мы печатаемъ письма Императрицы Маріи Теодоровны къ сыну, дошедшія до насъ, одно за 1806 годъ и три за 1807²⁾.

Ознакомившись съ характеромъ этихъ писемъ, остается только пожалѣть, что не сохранилось ничего цѣльнаго. Понятно также желаніе Маріи Теодоровны, чтобы печатаемая ниже письма были когда нибудь преданы гласности, потому что въ этихъ обширныхъ посланіяхъ къ сыну-Императору Императрица-мать даетъ ему рядъ совѣтовъ къ веденію внутренней и внѣшней политики, весьма опредѣленно и подробно, и свои эти взгляды она желала сохранить для потомства. Если вспомнить, что послѣ катастрофы 1801 года Марія Теодоровна была не прочь взять въ свои руки бразды правленія, то станетъ болѣе понятнымъ ея нервное отношеніе ко всѣмъ событіямъ, къ которымъ она не могла отнестись равнодушно.

Въ письмѣ 1806 года сквозитъ желаніе повліять на дѣла внѣшнія и внутреннія и обнаруживается критика всего того, что было сдѣлано съ начала правленія Александра, многое вопреки ея совѣтовъ. Въ виду отсутствія переписки до этого года, можно съ увѣренностью сказать, что Александру приходилось всѣ первые года царствованія вести упорную борьбу со взглядами матери, но что за это время Александръ сумѣлъ отстоять свое мнѣніе и не поддавался вліянію своей родительницы.

Еще болѣе наглядно проявляется желаніе властвовать въ письмахъ 1807 года, и Марія Теодоровна подъ часъ дѣлаетъ намеки на предъ-

¹⁾ Письмо отъ меня къ покойному Императору.

²⁾ Письмо императрицы Маріи Теодоровны къ Императору Александру I-му отъ 25 Августа 1808 г. и отвѣтъ на него Государя были напечатаны въ IV кн. „Русской Старины“ за 1899 г. Н. К. Шильдеромъ. На обложкѣ конверта письма Императрицы надпись рукой Маріи Теодоровны: „une lettre de moi à l'Empereur Alexandre de l'année 1808“.

идуція царствованія, гдѣ чувствуется досада, что власть не находится въ ея рукахъ. Если внимательно прочесть эти письма, то нужно только дивиться терпѣнію Александра Павловича, который не только долженъ былъ читать эти нескончаемые потоки чернилъ, но и отвѣчать на письма матери.

По оставшимся, уцѣлѣвшимъ посланіямъ вдовствующей Императрицы можно судить вообще о характерѣ ея писемъ, которыя не дошли до насъ и, очевидно, что, въ концѣ концовъ, Марія Ѳеодоровна всетаки добивалась несомнѣннаго вліянія на сына. Такъ, въ одномъ изъ писемъ отъ 18 Апрѣля 1806 года, она умоляетъ сына скорѣе уволить князя Чарторыйскаго, и дѣйствительно, князь Адамъ вскорѣ замѣняется барономъ Будбергомъ. Словомъ, вліяніе матери на Александра, въ теченіе всего его царствованія, теперь уже больше не подлежитъ сомнѣнію: но оно тяготило Государя, и только періодически онъ уступалъ ей, иногда нехотя *et de guerre lasse* *), но все же уступалъ.

Къ сожалѣнію, повторяемъ, мы лишены возможности послѣдовательно означить это вліяніе и эту борьбу между матерью и сыномъ, за отсутствіемъ документовъ; но что она была и что Александръ частенько изнемогалъ отъ назойливости вдовствующей Государыни, можно видѣть изъ переписки Александра съ сестрою Екатериной Павловной и изъ писемъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ своей матери, марграфинѣ Баденской. Мы еще не теряемъ надежды, что со временемъ удастся пролить болѣе яркій свѣтъ на отношенія Александра съ его родительницей, на основаніи другихъ документовъ; но такъ досадно, что не сохранилась въ цѣлости вся переписка.

Потому и здѣсь, историческая критика вынужденно поставлена въ узкія рамки, располагая лишь неполными матеріалами, бросающими нѣкоторые лучи на дѣйствительность, но не дающими общей полной картины вѣхъ отношеній современниковъ, ихъ работы и ихъ борьбы.

Великій Князь Николай Михайловичъ.

29 Сентября 1910 г.

*) Утомившись борьбою.

I.

Cher et bon Alexandre. Si je savais être heureuse isolément, je n'aurais qu'à vous exprimer tout le bonheur que votre tendresse répand sur mes jours, qu'à vous répéter journellement que je vous aime comme le meilleur des fils et que, par votre amitié et vos soins, vous répandez sur la fin de ma carrière toute la douceur et le charme de l'amour filial. Mais, cher enfant, mon cœur ne sait pas être égoïste: je voudrais voir élever dans tous les cœurs l'autel de l'amour et de la reconnaissance pour vous comme il est élevé à si juste titre dans le mien, mais qu'il m'en coûte de devoir vous dire, cher et bon Alexandre, que le contentement n'est pas aussi généralement répandu qu'il devrait l'être et qu'il dépend de vous de le répandre. Cher Alexandre, il existe du mécontentement, il en existe et dans la capitale et dans les provinces. Il est fondé en partie, et il me paraît injuste dans l'autre. Le cœur de votre Mère va s'épancher dans le vôtre, non, cher et bon Alexandre, avec l'âpreté du reproche, ni avec la ridicule prétention de s'ériger en juge dans des objets au-dessus de ma portée et de mes connaissances, mais avec l'abandon de la confiance qui dit à son enfant, à son ami: voilà ce qui est mal, voici ce qui me le paraît: voyez, examinez, jugez et profitez des avertissements de la meilleure et de la plus vraie de vos amies.

Les raisons du mécontentement, cher Enfant, parvenues à ma connaissance, paraissent pouvoir se classer sous quatre points:

1. La crainte et l'attente des événements politiques.
2. La crainte du désordre qui s'établit dans le régime intérieur de l'Etat.
3. La scission indécente qui règne dans le ministère et
4. Le mécontentement personnel contre vous, cher Alexandre, sous le rapport de vos devoirs d'Empereur.

Ne commettez pas l'injustice impardonnable vis-à-vis de vos sujets de ne pas vous croire aimé par eux: non, Alexandre, vous pécherez devant Dieu et devant eux, de vous permettre et de vous arrêter à cette idée. Souvenez-vous de tout ce qui s'est passé pendant votre absence! Souvenez-vous de l'accueil que vous avez reçu à votre retour! Souvenez-vous des larmes de bonheur que vous avez répandues à ces témoignages d'amour de vos sujets qui, disiez-vous si bien alors, vous faisaient oublier toutes vos souffrances, et bannissez cette idée cruelle, qui paralyserait tout l'élan que votre cœur doit mettre à faire le bonheur de vos sujets. Vous êtes aimé, cher et bon Alexandre, on rend justice à vos bonnes et excellentes qualités, mais il dépend de vous de l'être encore bien davantage, comme je vous le dirai dans le 4-e point de ma lettre. J'en viens au premier, celui de

la crainte et de l'attente des événements politiques. L'horizon se trouble de plus en plus depuis la malheureuse paix de Presbourg: l'Allemagne est bouleversée, l'Italie en entier a passé sous la domination de la France, la Hollande va appartenir au frère de Bonaparte: un des membres de sa famille est devenu même Prince Souverain en Allemagne: l'Etat Ecclésiastique est menacé de changements, et la Dalmatie, l'Istrie, passées au pouvoir de la France, servent au rassemblement d'une armée considérable, qui peut nous menacer d'un moment à l'autre d'une invasion dans la Moldavie et la Valachie: l'Autriche est paralysée et hors de combat, et la Prusse, assez perfide pour s'enrichir des dépouilles de la puissance avec laquelle elle était sur le point de signer un traité d'alliance, en contracte elle-même avec la France et. découvrant ainsi les principes de la conduite astucieuse qu'elle a tracée jusqu'ici, nous prouve évidemment que nous ne pouvons que la compter au nombre de nos ennemis.

La Turquie, en reconnaissant Bonaparte, a fait le premier pas d'un rapprochement vis-à-vis de la France, et, s'il faut en croire l'opinion générale, elle n'est pas bien disposée pour nous: au reste, il faut se dire que, menacée par la France de se voir disséminée ou flattée par elle de la promesse de l'indépendance de la Crimée et de l'espérance du retour des provinces acquises par feu l'Impératrice, la Turquie, dis-je, doit se porter contre nous ou par le mobile de la crainte ou par celui de l'espérance. Je crois la Suède fidèle à ses traités avec nous, mais elle est sans moyens. Le Danemark, s'il n'est pas de nos amis, du moins n'est pas notre ennemi. Enfin finalement l'Angleterre reste la seule puissance qui lutte contre le Colosse Français, et la seule que nous pouvons croire dans nos intérêts par le grand principe politique qu'elle y trouve le sien propre. Voilà le tableau rapide des circonstances et de l'état de l'Europe depuis cette malheureuse paix de Presbourg.

En faisant le résumé de ces circonstances, je n'ai qu'une pensée, cher Alexandre, celle de vous développer leur effet sur l'esprit public, et le voici. On se dit: l'existence politique de la Russie est en danger, elle a perdu son influence, sa considération: elle n'est plus comptée dans la balance de l'Europe, ses alliés sont perdus. L'Autriche a fait la paix la plus honteuse, pour ainsi dire, en face de nos armées: Naples a dû être abandonnée par nos troupes et est subjuguée par la France: enfin nos troupes ont dû se retirer partout: nous avons été leurrés et finalement trompés par la Prusse et trahis par l'Autriche. La gloire de nos armes a souffert l'échec le plus fâcheux: le prestige d'invincibilité acquis sous le règne de feu l'Impératrice, soutenu dans le règne de feu l'Empereur par Souworof, est détruit, et jamais

une bataille perdue n'eut des suites plus funestes. Notre soldat n'est plus ce qu'il a été, il n'a pas de confiance dans ses officiers, ses généraux. L'esprit militaire est changé. En un mot enfin, l'armée est désorganisée, et, dans cet état de choses, la Russie se trouve menacée d'une nouvelle guerre. La France rassemble des forces considérables dans les provinces limitrophes de la Moldavie et Valachie; il ne lui en coûte qu'un mot pour soulever les Turcs et la Prusse contre nous. La Russie devra donc résister aux forces réunies de la France, de la Turquie et de la Prusse; heureusement si l'Autriche, forcée par son anéantissement à rester oisive, nous donne le bienfait d'un ennemi de moins à combattre! Et dans ce péril pressant, que faisons-nous, quelles mesures actives prenons-nous? Fort bien, nos armées sont sur les frontières: mais qui trace le plan d'opération à faire? Les jeunes militaires qui entourent l'Empereur lui sont dévoués, attachés, mais ont-ils les connaissances, l'expérience nécessaire pour suffire à un travail qui demande des têtes grises, expérimentées, qui ont la confiance de la nation et qui ont payé de leur personne? Or, où sont-ils? Il n'y en a pas un, de tous ceux qui entourent l'Empereur, qui jouisse de cette confiance politique. On a vu par la bataille d'Austerlitz que la mémoire seule ne suffit pas: il faut un plan raisonné, discuté avec tout le sang-froid de l'expérience, qui calcule tout aussi bien les succès que la possibilité des revers, pour que, dans ces malheureux cas, les têtes ne se perdent pas: une seconde bataille de perdue, et l'Empire est en danger. L'Empereur a prouvé la plus belle valeur personnelle, mais le métier de la guerre veut être étudié à la grande école de l'expérience; il faut donc qu'il consulte des gens qui y ont passé. Pourquoi ne s'entoure-t-il donc pas de ces anciens vétérans, dont le nom seul imposerait déjà aux clameurs, lorsqu'on saurait qu'il les consulte pour arrêter des plans importants que les circonstances du moment exigent si impérieusement, et qui doivent étendre leur entière prévoyance sur toutes les chances possibles pour préserver l'Etat des malheurs, tranchons le terme, de la honte. Les craintes de ce même genre occupent les esprits sur notre politique. On nous sait abandonnés et trahis par la Prusse, et n'ayant pour alliés que l'Angleterre et la Suède: la situation de l'Angleterre ne nous rend son amitié utile que sur mer, mais, si la lutte commence, nous seuls la soutiendrons sur le continent, et certainement tous les esprits sont tendus et inquiets sur le parti que notre cabinet a pris. L'injustice des hommes est et sera toujours telle, que le succès seul décide du suffrage ou du blâme d'une entreprise, et tel plan, admiré généralement au premier moment de son développement, entraîne le blâme après lui, si le succès ne couronne pas l'entreprise. Tel a été le cas de

l'événement de l'automne passé, qui, après avoir exalté l'esprit de beaucoup de monde, est blâmé dans ce moment assez généralement, parce que les uns ajoutent au succès malheureux de la campagne la réflexion qu'ils ont été opposés au projet même d'entrer en lice avec les Français; les autres, qui ont même approuvé et apprécié toute la beauté et la magnanimité des projets, trouvent conjointement avec les premiers que le plan, superbe et grand dans son principe, a été mal conduit, que nos informations sur l'état des puissances étaient fausses, et accusent le Ministère de manquer de prévoyance et de prudence. On se réunit donc à fonder la crainte pour l'avenir sur le passé; l'on n'a aucune confiance dans les nouveaux plans politiques de notre Ministère, et c'est ce manque de confiance qui excite la crainte et la terreur pour l'avenir: ainsi le premier point de mécontentement porte et se fonde sur le manque de confiance dans les chevilles ouvrières, et pour la partie militaire et pour la politique.

Le second objet d'inquiétude et de mécontentement est celui du désordre qui s'établit dans le régime intérieur de l'Etat. Il faut reprendre les choses, pour ainsi dire, dès votre avènement pour l'analyser. Il est sans aucun doute que la partie administrative de l'intérieur de notre pays avait été négligée dans les dernières années du règne de feu l'Impératrice, quoiqu'en même temps on ne puisse se dissimuler que le caractère du gouvernement d'alors, même dans cette partie, portait l'empreinte de la force, de l'énergie, et que l'esprit public valait infiniment mieux que dans ces temps-ci; mais il est tout aussi vrai qu'il se faisait de grands abus. Feu l'Empereur voulut porter remède, et le mal se cacha sous des dessous trompeurs; il se fit plus en cachette, mais il existait cependant. Vous parvîntes, cher Alexandre, si inopinément au trône, si jeune, que, quoique placé par votre Père au Sénat, au Collège de Guerre, au Grand Conseil, vos occupations militaires absorbant la plus grande partie de vos loisirs, vous ne pûtes connaître à fond le véritable état de votre Empire. Les horribles circonstances de votre avènement ayant ébranlé, pour ainsi dire, le trône lui-même et changé l'esprit public, qui a passé dans un jour de la crainte presque à la licence, vous dûtes presque une année entière plier aux circonstances et donner vos soins à rassurer les esprits, à y remettre le calme et l'assurance. Je place cette époque du retour à un calme parfait, au printemps de l'année 1802, après l'éloignement de Platon Zoubof. Pendant l'année 1801, il vous fut donc impossible encore d'apprendre à connaître Votre pays, et il paraît probable que ce n'est que le printemps et l'été de 1802 que Vous y avez donné vos soins. Vous avez fixé en automne de cette année la nouvelle organisation de l'administration présente et vous avez formé votre nouveau Ministère, Cette orga-

nisation a eu des détracteurs et des chalands. Elle a été critiquée parce qu'elle était la copie de l'administration moderne de la France et pour la chose et pour le nom. Elle a été critiquée parce qu'elle détruisait d'anciennes formes en introduisant des nouvelles et touchait à un mode d'administration organisé par Pierre I-er, et elle n'a pas trouvé de partisans parmi les personnes d'âge habituées au régime passé. Elle a été approuvée par d'autres, parce qu'on croyait y trouver plus de moyens d'ordre, moins de facilité au gaspillage, plus d'énergie et d'activité, enfin une organisation plus parfaite et moins de possibilité à la volonté arbitraire: en un mot, on veut y voir un pas de gagné sur le despotisme. Les anciens, par contre, prédisaient que le désordre devait s'établir par ce mode de gouvernement. Enfin tant y a que la voix publique dit que l'administration intérieure des provinces n'en est pas devenue meilleure, que la vénalité est plus forte que jamais et que ces nouveaux arrangements portent de la lenteur dans les affaires et mille difficultés dans l'exécution. On croit que le pouvoir des gouverneurs est trop limité et leur responsabilité trop grande en proportion, et que c'est la cause que toute place de gouverneur est difficile à remplir et que tant de personnes les refusent. Enfin les changements faits dans plusieurs de nos provinces allemandes sont aussi une grande cause de mécontentement. On trouve que, dans le mode actuel, l'énergie manque et que le gouvernement n'est pas assez respecté, parce que les intermédiaires n'ont plus le pouvoir en main, qui donne à leur personne un caractère respectable. Chaque nouvelle mesure déplaît toujours, et il faut qu'elle ait passé par le brouet de l'expérience pour qu'on l'adopte avec plaisir et qu'elle acquiesce des titres au respect et à la confiance. Enfin on se dit que jusqu'à ce moment les ministres n'ont pas d'instructions encore, que personne d'eux ne sait jusqu'où s'étendent ses devoirs, sa responsabilité, et qu'il y a des points de contact d'autorité qu'eux-mêmes ne savent pas résoudre, et que tout ceci nuit à la marche des affaires. Si j'ajoute une réflexion à ce point, j'espère, cher Alexandre, qu'en la lisant, vous vous direz que je ne la trace pas en ajoutant l'idée d'un conseil à vous donner, mais que je vous énonce purement et simplement mes façons de penser. Vous avez organisé et décrété une fois le nouveau mode d'administration, et si peut-être il y avait de la hâte à se déterminer, après dix-huit mois de règne, à un si grand changement, il y aurait de l'inconséquence à le renverser: ce serait une nouvelle source de désordre. Mais il me paraît que l'expérience de trois années consécutives a dû fournir des données sûres sur le fort et le faible de cette administration, sur les changements qu'il y aurait à faire pour donner à cet ordre de choses toute l'énergie, toute l'activité, toute la force, tout l'ensemble, pour faire

coopérer chaque partie au bien de l'Etat et puis pour tracer à chacun les limites de son devoir et de sa responsabilité. Je croirai donc que, sans aucun ébranlement quelconque, sans même donner l'apparence d'aucun changement, il faudrait s'occuper sérieusement à tracer les instructions de chacun des ministres séparément et à faire une instruction générale pour tous qui ferait connaître leur rapport séparé et mutuel, et dans ces instructions on pourrait alors rectifier tout ce qu'il y aurait à changer dans le régime présent. Peut-être même serait-il utile de charger des personnes estimées du public, mais éloignées du ministère, auxquelles on aurait fourni le canevas des devoirs qu'on exige de chacun des ministres, de tracer ces plans d'instruction, qui demanderaient à être discutés ensuite dans votre présence. Ce mode aurait le double bien, savoir, en premier lieu, des instructions où les devoirs à remplir seront fortement prononcés, parce qu'en général il est plus facile et on est plus sévère à tracer des plans de conduite pour d'autres que si on y est intéressé soi-même, et, en second lieu, ces mêmes personnes seraient les premières alors, mais par leur amour-propre, à soutenir ce plan d'organisation. En joignant à ces mesures des choix sévères pour les personnes du ministère, en leur accordant la confiance, en les soutenant, les affaires doivent prendre une marche imposante, qui fera cesser les clameurs et maintiendra le bon ordre partout. J'entends dire assez souvent que, du temps de feu l'Impératrice, l'organisation du gouvernement avait l'avantage de déployer de l'énergie et de la force dans chacune de ses parties, et l'Impératrice même, pour ainsi dire, ne faisait cependant que veiller sur les individus auxquels elle avait accordé sa confiance et qu'elle avait rendus dépositaires d'une partie de son pouvoir. Elle les guidait, les redressait. Orlof, Potemkine, Viasemski, malgré toute leur autorité, tremblaient devant elle. Elle avait l'art de maîtriser si bien l'opinion, que, lorsqu'une démarche du gouvernement était même critiquée, le blâme en tombait sur le ministère, et non sur sa personne. Elle avait donné l'apparence de la grandeur et du pouvoir à chaque état, à chaque individu, à chaque département, et, avec tout cela, elle seule avait le sceptre en main, tout en ayant l'air de partager sa puissance. Il est vrai qu'il se commettait de grands abus, mais présentement, cher Alexandre, ni les personnes, ni les places, ni les départements ne sont respectés, et cependant la masse de votre puissance n'en est pas augmentée, ni les abus moins fréquents. J'oserai avancer hardiment qu'il n'y a pas assez d'intermédiaire entre le souverain et le sujet, les affaires et lui: la plus petite affaire est, pour ainsi dire, portée à votre décision; la responsabilité du ministre en diminue, mais celle du Souverain en augmente, et celui d'un Empire comme la Russie dont l'étendue est immense ne peut suffire par cette organisation

à remplir les devoirs qu'il s'est imposés, et il doit ainsi négliger les grandes affaires, au lieu qu'il paraîtrait que ses occupations seraient assez étendues selon la mesure des forces humaines. en se bornant à diriger et à surveiller les grandes mesures d'administration civile et en rendant les ministres responsables de l'exécution.

Le troisième point de mécontentement porte sur la scission indécente qui existe dans le ministère. Vous n'ignorez vous-même pas, cher Alexandre. le peu d'union qui règne entre tous ces messieurs. Si l'éloignement de ces messieurs l'un pour l'autre n'était qu'individuel, ce ne serait jamais au Souverain à le connaître: il ne peut ni ne doit s'ingérer dans des disputes particulières, mais, s'il est de fait que ces scissions nuisent au bien des affaires, parce que les mesures individuelles que chaque ministre prend dans son département sont critiquées par les autres, je demande alors quelle confiance le public peut prendre dans les démarches d'un ministre que ses collègues critiquent, et quel ébranlement cela doit donner à l'opinion publique sur les mesures du gouvernement. Si le blâme des mesures prises à faux porte avec justice sur les ministres, il porte en même temps sur le Souverain, qui en a fait choix et qui a approuvé ses mesures. Si le blâme est injuste, il est de la dignité du Souverain d'interposer son autorité pour le faire cesser, et d'exiger de ses ministres de respecter la dignité de leur collègue dans tout ce qui a rapport aux affaires de sa place, où il ne parle et n'agit qu'au nom du Souverain même, après que celui-ci a sanctionné ses mesures. Aussi longtemps que la sanction Impériale n'est pas donnée, la discussion doit être permise, tant de collègue à collègue, si les affaires de l'un ont du contact avec les affaires de l'autre, que de la part du ministre vis-à-vis de son Souverain même: il doit oser lui dire sans crainte toutes les vérités qui ont rapport à sa partie, et y ajouter tout ce que le zèle lui inspirera pour appuyer ses raisons; mais la décision du Souverain est-elle prononcée, et se trouve-t-elle même en contradiction avec la façon de voir du ministre, celui-ci doit être, par le devoir de sa place, le premier cependant à la soutenir en public et ne pas se permettre de la critiquer. Voilà le devoir de l'honnête homme en place! Il doit soutenir le respect public pour son Souverain, ou se démettre de sa place, s'il croit que sa façon de voir ou de penser est trop éloignée de celle de son Souverain. Cette unité dans le Ministère est absolument nécessaire pour donner de la force et de l'énergie au Gouvernement: le manque d'harmonie paralyse le Gouvernement en détruisant la confiance du public. Vous n'ignorez pas, cher et bon ami, que presque tout votre Ministère actuel n'a pas le bonheur d'en jouir. Il ne m'appartient pas, et je ne me permets pas, de juger si cette défiance est fondée ou non, mais il est certain qu'elle existe, et

qu'elle ne diffère que dans le plus ou moins individuellement. Celui qui est le plus en but à la haine publique est le Pr. Czartoriski. Deux raisons se réunissent pour exciter cette haine, celle, qu'il est polonais et celle des malheurs de l'automne passé. Si je m'arrête plus longuement sur ce point, c'est que je me dois à moi-même et à vous, cher Alexandre, de l'analyser plus en détail. Vous vous rappellerez de ma douleur profonde à la nomination du Pr. Czartoriski au Ministère, de toutes les représentations que je vous ai adressées, des prédictions que je vous ai faites sur les suites qui en résulteraient. Vous vous rappellerez que je vous ai dit et écrit que le Pr. Czartoriski, selon ma façon de penser, manquait de délicatesse, d'attachement pour vous en acceptant cette place. Vous nommâtes cependant le Pr. au Ministère. Les circonstances avec la France s'embrouillaient, le Chancelier se retira, et le Prince resta seul dans ces circonstances critiques. Enfin les événements se décidèrent; Vous partîtes. Votre plan se développa d'une manière si grande, si belle qu'il remplit d'attente et pénétra de respect pour vous; même à Moscou il fit naître l'enthousiasme. Les circonstances changèrent: nous eûmes des revers, finalement des malheurs, et l'opinion se prononça fortement contre le Prince Czartoriski. Je vous avoue, cher Alexandre, que, pénétrée d'estime pour vos idées grandes et généreuses, déplorant nos malheurs, je prévis au moment même de leur nouvelle toutes les conséquences qui en résulteraient. Je me dis que le mécontentement contre le Pr. allait se manifester: je sentis que c'était en même temps blâmer vos démarches, et, le jour même de la nouvelle de la bataille, je me dis à moi-même qu'il me paraissait être de votre dignité de soutenir votre ministre dans cette occasion, qu'il y allait de votre gloire de ne pas laisser de victime de l'opinion, qui autorisée à en demander, apprendrait à vous faire la loi. Vous vous rappellerez de toutes ces paroles que je vous ai dites le lendemain de votre arrivée. Vous me contâtes que le Pr. fut opposé à l'avis de livrer bataille; vous me dîtes que, nonobstant cela, il s'est exposé à tous les dangers et vous a servi au fort de la mêlée: après ce trait de dévouement, je ne mets plus en doute l'attachement personnel du Pr. pour vous, et n'oublierai jamais le témoignage qu'il vous a donné. Ce grand motif, joint à la conviction intime qu'il était important pour vous dans ces circonstances fâcheuses de déployer de la fermeté à soutenir votre ministre, m'a engagée à vous dire ma façon de penser sur ce point qui s'est trouvée si entièrement conforme à la vôtre. Nous voici à quatre mois et demi de cette époque sans que le mécontentement contre le Prince soit moins âpre: non, au contraire, il faut se l'avouer, les clameurs deviennent plus fortes à mesure que la saison avance et qu'on croit devoir s'attendre à de nouveaux événements.

Il vous appartient présentement à vous, cher Alexandre, de juger, par le degré de confiance que vous accordez au Pr. Czartoriski et à ses lumières. s'il est de l'intérêt de votre service de le laisser lutter contre des sentiments aussi prononcés, et, en ce cas, il faut le soutenir. ou, si votre confiance n'est pas plénière en lui, s'il est plus utile au bien de l'Etat de lui accorder la retraite qu'il vous a demandée déjà plusieurs fois. comme vous me l'avez dit vous-même.

Avant que de commencer à traiter le quatrième point, celui des causes du mécontentement personnel contre vous, je m'arrête à la réflexion touchante de la bonté de votre cœur, de votre amour pour la vérité, du désir profond que vous avez de voir vos sujets heureux, et de cet oubli total de vous-même lorsqu'il s'agit du bien à faire. Croyez-moi, cher enfant, toutes ces bonnes et excellentes qualités sont reconnues, aimées et respectées en vous. L'idée de la bonté s'est identifiée avec celle de votre personne: chacun de vos sujets en est convaincu. Aussi, jusqu'à ce moment, vous possédez en plein leur amour; il ne s'agit que de gagner leur confiance dans vos principes d'administration, et de leur rendre plus respectable encore votre titre d'Empereur. Vous êtes monté sur le trône à l'âge de 23 ans; à cette époque de la vie, on captive l'amour, l'intérêt, la tendresse, mais le respect ne s'obtient qu'avec l'âge, surtout lorsque, comme vous, cher Alexandre, on n'est entouré d'aucun prestige de la grandeur. Vous les avez tous abolis, et, différant en ce point du tout au tout de la façon de penser de votre Grand-Mère, qui voulait donner au public, par ce cadre de grandeur dont elle entourait même la plus cadette de vos sœurs, un motif de plus pour la respecter elle-même, vous, au contraire, dès votre avènement au trône, vous avez aboli par votre personne tout éclat qui, aux yeux du vulgaire, marquerait votre grandeur, et vous vous êtes mis sous bien des rapports au niveau des autres. Du plus au moins, cher Alexandre, l'esprit public s'en est ressenti, on s'est accoutumé à voir le Souverain sous les dehors du particulier, et le respect pour la dignité de sa place en souffre d'autant plus, que même toute occasion qui pourrait rappeler au vulgaire que, si les formes extérieures de grandeur sont mises de côté pour le journalier, elles sont conservées aux grands jours où la Majesté du trône paraît dans tout son éclat, toutes ces occasions, dis-je, n'existent plus. Les apparitions en public n'ont aucun éclat: à la Cour, les jours d'ordres sont abolis, personne même ne porte plus les décorations que le dimanche, et les ordres ont perdu de leur prix. Les grands jours de fête n'ont point d'autre appareil que celui que les dimanches de chaque semaine avaient du temps de feu l'Impératrice: les dimanches ordinaires, la Cour est déserte, les Grands ne la fréquentent plus, et, lorsque le peuple sait son Souverain et sa famille à l'église, il

voit les Grands se promener dans les rues, et la vue de la grande place dégarnie de voitures lui dit que le public ne fréquente pas la Cour: la comparaison du passé se présente à sa mémoire et est désavantageuse pour le Souverain, car elle lui prouve moins d'empressement de la part du public de le voir et moins de religion dans nos Grands, qui s'abstiennent des devoirs prescrits par l'Eglise. Ces réflexions diminuent le respect pour le Souverain, les égards pour nos Grands, et peut-être même ont une influence funeste sur la religion du peuple, qui de plus au moins singe les Grands. La Cour nous est inconnue à nous-mêmes: les individus dont elle est composée ne paraissent jamais devant nous que pendant le moment de la Messe, et même pas avec une rigide exactitude; ainsi ils nous restent à jamais des êtres inconnus, au lieu que du temps de feu l'Impératrice ils étaient placés de manière à être connus et jugés. Les grands jours de Cour du soir, si aimés par le public, comme les seules réunions où pendant une heure et demie de temps, tout au plus, le public voyait toute la famille réunie entourée des Grands, de la Cour, des étrangers, et du public même, sont abolis, ou remis à des époques si rares, qu'on en perd le souvenir; enfin toute cette magie de grandeur qui en imposait au public n'existe plus. Ajoutez à tout ceci que ni les Grands, ni le public ne sont plus flattés par le Souverain, que les décorations, n'étant pas même données par vos mains, en sont moins estimées et prisées, quoique peut-être encore désirées, que les récompenses ne peuvent plus être mises en comparaison ni par leur éclat, ni par leur magnificence à celles accordées par feu l'Impératrice et feu l'Empereur, et concluez que tous ces mobiles de l'amour-propre et d'intérêt n'existant plus, vous devez, pour ainsi dire, à vous seul, cher Alexandre, à force de vertu, à force de grandes et belles qualités et de belles actions, captiver les sentiments et les suffrages dont jouissaient les Souverains qui employaient et tiraient parti de tous ces avantages de la Souveraineté. Nous vivons en particuliers bien aisés et riches, mais non pas comme il appartient à des têtes couronnées. Vous ne voyez même que très rarement vos ministres à votre table: le public, cher Alexandre, attentif à tout, retenu par aucune apparence de grandeur qui lui imposerait silence, tout en l'occupant, privé de ce frein, s'établit juge sévère, et, ne voyant plus le Souverain dans l'appareil de la gloire, exerce librement sa critique, tout en commençant par le blâmer de s'être mis en prise ainsi lui-même et de n'avoir pas assez respecté ni estimé sa dignité. Rappelez-vous, cher Alexandre, mes représentations à ce sujet depuis votre avènement. Vous ne m'avez pas crue alors, lorsque je vous ai tracé souvent les suites qui en résulteraient sur l'opinion publique. Malheureusement je ne me suis pas trompée, et, dans ce moment où tout est jugé et critiqué, j'ose vous

en reparler, dans le seul et unique but d'arrêter vos réflexions sur ce sujet. Si tout le monde avait une façon de penser éclairée, tous ces prestiges seraient inutiles, mais, dans les circonstances actuelles, ils deviennent nécessaires, et d'ailleurs il est de l'homme de désirer d'honorer celui à qui il doit obéir, car son amour-propre en est flatté. Un grief donc qu'on a contre vous, cher Alexandre, c'est de ne pas estimer et priser assez votre place d'Empereur, d'avoir mis de côté tout appareil de grandeur: on blâme le ton de familiarité de jeunes gens avec vous, on sait que vous le permettez, et même on croit que, lorsqu'un homme d'âge vous traite avec ce respect auquel il était accoutumé vis-à-vis de ses Souverains, vous vous en moquez.

La grande retraite dans laquelle vous vivez ne fait pas plaisir. On vous croit paresseux, cher et bon Alexandre, et on voudrait vous voir plus d'activité. On sait cependant que vous donnez beaucoup d'heures au travail, mais on dit que bien souvent vous vous occupez de petits détails qui ne sont pas faits pour vous, mais qui vous prennent beaucoup de temps. Entre autres, je vous avoue qu'on trouve que c'est à tort que vous voyez chaque recrue vous-même, que c'est un détail au-dessous de vous. On n'est pas content (et ceci est un reproche qui me paraît, cher Alexandre, mériter bien de l'attention) des difficultés extrêmes qu'on apporte présentement aux choix des recrues: la taille, l'âge, la santé sont des points importants, qui, établis par les lois, doivent être remplis d'après le terme même de ces lois, mais on se plaint qu'en le remplissant, on n'est pas à l'abri des chicanes sur la figure, la physionomie, et qu'on change et renvoie souvent des recrues qui devraient être admis; ceci indispose beaucoup. On voit avec peine que vous donnez trop de temps aux exercices de détail de tous les jours, qu'on croit être l'affaire d'un officier subalterne, mais non pas du Souverain même. On blâme le peu de régularité dans vos heures de travail: vos ministres attendent des heures entières, ils les passent dans votre antichambre à ne rien faire, et, en attendant, bien des personnes pressées par leurs affaires et leurs besoins les attendent par contre chez eux, et négligent ainsi les devoirs de leur place. Enfin, cher Alexandre, on croit apercevoir que vous avez une pente à la méfiance, et que vous l'étendez généralement sur tous les individus. C'est un grand défaut, mon bon ami, sur lequel je vous conjure de veiller. Je sens qu'à votre place, avec l'expérience journalière que vous êtes dans le cas d'acquérir, vous êtes souvent légitime de vous y laisser aller, mais, cher Alexandre, la méfiance engendre la méfiance chez les autres et finit par autoriser la fausseté, et, celle-là est la mère des vices et des crimes. Soyez donc prudent, cher Alexandre, mais non pas méfiant. Apprenez à connaître les individus, et, persuadé une

fois de leur loyauté, croyez à leur honneur et ne les blessez pas par le sentiment le plus offensant. Recherchez les vieillards, cher et bon Alexandre; un jeune homme paraît toujours plus estimable, lorsqu'il distingue l'homme à cheveux gris: il peut toujours apprendre de lui quelque chose, car il a pour lui la grande leçon de l'expérience.

Enfin, cher et bon Alexandre, redoublez d'application aux affaires, d'activité, de prévoyance, de vigilance; les circonstances sont pressantes, elles sont propres à développer un grand caractère. Réunissez au beau courage personnel que vous avez prouvé de la force d'âme, surtout de l'énergie. C'est un feu sacré, mon ami, qui doit remplir l'âme d'un Souverain, s'il veut être à la hauteur de sa destinée. Sans cette qualité, toutes les autres se perdent; elles seraient suffisantes au particulier, mais elles ne distinguent pas le Prince, qui doit avoir les vertus de son état, et l'énergie en est la première. Elle porte aux franches mesures, aux grandes actions, résiste aux revers et les change même en autant de trophées de gloire. Voilà, mon ami, mon enfant, ce que l'Etat demande de vous; répondez à cette glorieuse attente! Point d'abattement, cher Alexandre! Les circonstances du moment sont très fâcheuses, il faut l'avouer, mais il en a existé de plus fâcheuses encore du temps du règne de feu l'Impératrice, qui vit dans le même temps se réunir les fléaux de la guerre, de la rébellion et de la peste et qui, quoique sur le déclin de sa vie et peu d'années avant sa mort, vit menacer sa résidence, et sortit cependant de cette lutte sans que la gloire de son Empire ni de son règne en fût ébranlée.

Et vous, cher Alexandre, qui êtes dans cet heureux âge où l'âme et l'esprit a toute son énergie, toute sa force, et à qui la gloire de votre patrie, l'héritage de vos Pères est encore plus cher, employez pour conserver l'un et l'autre les grands moyens que vous trouverez en vous-même et les ressources que vous offrent l'amour et la fidélité de vos sujets. Captivez de plus en plus cet amour en redressant les points que votre bonté, votre conscience, votre bon esprit vous diront devoir l'être, et livrez-vous avec une nouvelle ardeur, avec une nouvelle confiance aux devoirs de votre place. Dieu sera pour vous, mes bénédictions vous accompagneront, l'amour, le bonheur de vos sujets sera votre récompense, l'estime de votre Mère, que vous m'avez répété souvent désirer comme un bien précieux à votre cœur, s'accroîtra encore pour vous, cher et bon Alexandre, et acquerra la même force que le sentiment de tendresse inexprimable que je vous porte.

Marie.

Ce 18 Avril, Mercredi, 1806.

Переводъ.

Дорогой и добрый Александр!

Если бы я умѣла замкнуться въ своемъ счастьи, мнѣ осталось-бы лишь выразить Вамъ благодарность за нѣжность, которую Вы меня окружаете и повторять Вамъ ежедневно, что я люблю Васъ, какъ лучшаго изъ сыновей и что Ваша дружба и забота скрашиваютъ закатъ моихъ дней всею прелестью и сладостью сыновней любви. Но, дорогое дитя, эгоизмъ чуждъ моему сердцу; я хотѣла-бы видѣть алтарь любви и благодарности воздвигнутымъ въ сердцахъ всѣхъ, какъ въ моемъ, но мнѣ стоитъ большого труда сказать Вамъ, дорогой и добрый Александръ, что довольство далеко не такъ распространено, какъ это должно было-бы быть, и что отъ Васъ зависитъ его увеличить.

Дорогой Александръ, недовольство существуетъ и въ столицѣ, и въ провинціи. Частью оно основательно, частью-же мнѣ кажется несправедливымъ. Сердце вашей матери откроется Вамъ, мой дорогой и добрый Александръ, не съ суровостью упрека, не съ смѣшной претензіей быть судьей въ предметахъ, стоящихъ выше моего знанія и пониманія, но съ полнымъ довѣріемъ, говорящее своему ребенку, своему другу.

Вотъ что мнѣ кажется плохимъ. Посмотрите, обсудите и воспользуйтесь предупрежденіями лучшаго и вѣрнѣйшаго изъ Вашихъ друзей.

Причины недовольства, дорогое дитя, дошедшія до моего свѣдѣнія, можно подраздѣлить на 4 пункта:

1. Страхъ и ожиданіе политическихъ событій.
2. Боязнь безпорядка, который возникаетъ во внутреннемъ управленіи Государства.
3. Неподобающая рознь, царящая въ Министерствѣ и
4. Личное недовольство противъ Васъ, дорогой Александръ, относительно Вашихъ обязанностей, какъ Царя.

Не будьте непростительно-несправедливы относительно Вашихъ подданныхъ, не довѣряя, что Вы любимы ими: нѣтъ, Александръ, Вы согрѣшите противъ нихъ и противъ Бога, позволите такой мысли укорениться въ Васъ.

Вспомните о всемъ томъ, что произошло во время Вашего отсутствія. Вспомните о приѣмѣ, который былъ Вамъ оказанъ по возвращеніи; вспомните о слезахъ, которыя Вы проливали при выраженіи любви Вашихъ подданныхъ, которыя, какъ Вы тогда хорошо выражались, заставили Васъ забыть Ваши страданія, и отбросьте эту жестокую мысль, которая охладила-бы всякій порывъ, какой Ваше сердце должно имѣть, желая составить счастье Вашихъ подданныхъ.

Вы любимы, дорогой и добрый Александръ, Вашимъ добрымъ и превосходнымъ качествомъ воздають должное; но отъ Васъ зависитъ усугубить это чувство, какъ я Вамъ это скажу въ четвертомъ пунктѣ моего письма.

Я приступлю къ 1-му изъ нихъ, т. е. къ страху и ожиданію политическихъ событій.

Послѣ несчастнаго Пресбургскаго мира горизонтъ все больше и больше омрачается. Германія потрясена, Италія всецѣло подчинилась Франціи, Голландія будетъ удѣломъ брата Бонапарта (одинъ изъ членовъ его семьи сдѣ-

дѣлался владѣтельнымъ княземъ въ Германіи); папскому владычеству грозить переворотъ, а Далмація и Истрія, перейдя во владѣніе Франціи, служатъ мѣстомъ сосредоточенія значительной арміи, которая съ минуты на минуту можетъ угрожать намъ вторженіемъ въ Молдавію и Валахію. Австрія обезсилена и идетъ не въ счетъ, а Пруссія достаточно вѣроломна, чтобы обогатиться за счетъ державы, съ которой она была готова заключить союзъ, сама-же входитъ въ соглашеніе съ Франціей, обнаруживая такимъ образомъ намѣренія своей лукавой политики и доказавъ этимъ, что мы можемъ включить ее лишь въ число нашихъ враговъ. Турція, признавъ Бонапарта, сдѣлала первый шагъ сближенія съ Франціей и, если можно положиться на общее мнѣніе, то ея отношеніе не въ нашу пользу. Впрочемъ, нужно признать, что угрожаемая Франціей быть раздробленною или обнадеженная обѣщаніемъ независимости Крыма и надеждою на возвращеніе провинцій, завоеванныхъ покойною Императрицею, Турція, говорю я, вынуждена идти противъ насъ, движимая страхомъ и надеждою. Я полагаю, что Швеція останется вѣрна своему договору съ нами, но у нея нѣтъ средствъ. Данію, если пельзя считать другомъ, то и не нашимъ врагомъ. Англія, въ концѣ концовъ, остается единственною державою, которая борется съ Французскимъ колоссомъ, и ее мы можемъ считать солидарною съ нами въ политическихъ интересахъ, потому что ей это выгодно.

Вотъ бѣглый обзоръ состоянія Европы со времени несчастнаго Пресбургскаго договора. Подведя итогъ этихъ обстоятельствъ, у меня только одна мысль, дорогой Александръ, раскрыть Вамъ ихъ вліяніе на общественное состояніе, и такъ вотъ въ чемъ оно состоитъ. Говорятъ, политическое состояніе Россіи въ опасности, она утратила свое вліяніе и уваженіе, которымъ пользовалась. Она не въ счетъ на вѣсахъ Европы: она потеряла своихъ союзниковъ. Австрія заключила, такъ сказать, самый позорный миръ въ виду нашей арміи; Неаполь былъ оставленъ нашими войсками и подчинился Франціи; въ концѣ концовъ наши войска всею должны были отступить; словомъ, мы были обольщены и обмануты Пруссіей и преданы Австріей. Слава нашихъ войскъ потеряла самое ужасное пораженіе; увѣренность въ необходимости, приобретенная въ царствованіе покойной Императрицы, поддерживаемая въ царствованіе покойнаго Императора Суворовымъ, разрушена, и никогда потерянное сраженіе не имѣло болѣе ужасныхъ послѣдствій.

Нашъ солдатъ уже не тотъ: онъ потерялъ вѣру въ своихъ офицеровъ и генераловъ. Духъ военный измѣнился. Словомъ, армія разстроена. И вотъ, въ такомъ положеніи вещей, Россіи угрожаетъ новая война. Франція сосредоточиваетъ значительныя силы въ пограничныхъ съ Молдавіей и Валахіей провинціяхъ; ей стоитъ сказать слово, чтобы поднять Турокъ и Пруссію противъ насъ, и Россіи прійдется противустоять соединеннымъ силамъ, Франціи, Пруссіи и Турціи; и хорошо еще, если Австрія, вынужденная бездѣйствовать, благодаря своему крайнему ослабленію, окажетъ намъ милость и не увеличитъ собою числа нашихъ враговъ. И противъ такой-то крайней опасности, что мы сдѣлали? Какія дѣйствительныя мѣры мы принимаемъ?

Наши войска на границѣ; прекрасно, но кто намѣчаетъ планъ дѣйствій?

Военная молодежь, окружающая Императора, ему предана и къ нему привязана; но есть-ли у нея званія и необходимый опытъ, чтобы справиться съ работой, требующей людей посѣдѣвшихъ и испытанныхъ, рисковавшихъ своею жизнью и пользующихся довѣріемъ націи? И такъ гдѣ-же таковыя? Нѣтъ среди окружающихъ Императора ни одного, который пользовался-бы общимъ довѣріемъ.

Аустерлицкое сраженіе показало, что одной памяти не достаточно; необходимо разумный планъ дѣйствій, обдуманный со всеѣмъ хладнокровіемъ опыта, принимающаго въ расчетъ столько-же возможность успѣха, какъ и неудачи, чтобы не терять головы въ случаѣ несчастія. Еще одно проигранное сраженіе, и Имперія окажется въ опасности.

Императоръ выказалъ большую доблесть, но военное искусство требуетъ изученія въ великой школѣ опыта, а потому ему необходимо совѣтоваться съ людьми, прошедшими эту школу. Почему-же онъ себя не окружаетъ ветеранами, одни имена которыхъ прекратили-бы ропотъ, разъ стало-бы извѣстно, что онъ съ ними совѣтуется, чтобы установить планъ дѣйствій, настойчиво вызываемый обстоятельствами и требующій отъ нихъ всей силы ихъ предусмотрительности, чтобы предохранить Государство отъ бѣдствій, скажемъ прямо, отъ позора? Тѣ-же опасенія занимаютъ умы касательно нашей политики. Извѣстно, что Пруссія намъ измѣнила и отъ насъ отстранилась и что мы имѣемъ союзниками лишь Англію и Швецію. Положеніе Англіи дѣлаетъ дружбу съ ней полезной только на морѣ; но, если начнется война, то мы одни будемъ вести ее на континентѣ, и, конечно, все умы съ напряженіемъ и безпокойствомъ заняты вопросомъ относительно рѣшенія принятаго нашимъ кабинетомъ.

Людская несправедливость всегда была и будетъ таковою, что только исходомъ предпріятія обуславливается одобреніе или порицаніе, и намѣреніе, вызвавшее удивленіе въ первый моментъ своего развитія, влечетъ за собою порицаніе, если успѣхъ не увѣнчиваетъ предпріятія.

Таковъ примѣръ событія прошлой осени, который, воодушевивъ многихъ, теперь почти всеѣмъ порицается, потому что нѣкоторые прибавляютъ къ неудачѣ кампаніи разсужденіе, что въ свое время они были противниками вступленія въ бой съ Франціей; другіе говорятъ, что они даже одобряли все эти благородныя намѣренія, заодно съ первыми находя, что великое и превосходное въ своей основѣ начинаніе было плохо выполнено, и что наши свѣдѣнія о состояніи державъ были ложны, и обвиняютъ Министерство въ недостаткѣ предусмотрительности и осторожности. И такъ прошлое соединяетъ всеѣхъ опасаться за будущее, не имѣя ни малѣйшаго довѣрія къ политическимъ намѣреніямъ нашего Министерства, а это отсутствіе довѣрія вызываетъ страхъ и ужасъ за будущее. Такимъ образомъ первоначальное недоувѣріе основано на недоувѣрії къ главнымъ двигателямъ: военнымъ и въ политикѣ.

Второй предметъ безпокойства и недовольства состоитъ въ безпорядкѣ, который возникаетъ во внутреннемъ управленіи Государства. Нужно, такъ ска-

затъ, вернуться къ событіямъ съ Вашего воцаренія, чтобы это обсудить. Безъ сомнѣнія административная сторона внутренней политики нашей страны была запущена въ послѣдніе годы царствованія покойной Императрицы, хотя въ то же время нельзя не замѣтить, что характеръ тогдашняго правленія, по этой части, носилъ отпечатокъ силы, энергіи и что народное сознаніе стояло гораздо выше чѣмъ теперь, но въ то же время были большія злоупотребленія. Покойный Императоръ хотѣлъ прійти на помощь, но зло скрывалось подъ обманчивой оболочкой; оно дѣлалось тайно, но продолжало существовать.

Дорогой Александръ, Вы такъ неожиданно достигли трона, въ такихъ юныхъ годахъ; хотя Отцомъ Вы и были зачислены въ Сенатъ, въ Военную Коллегію и въ Государственный Совѣтъ, но Ваши военныя занятія поглощали большую часть Вашего свободнаго времени, и Вы не могли вполне вникнуть въ состояніе Вашей Имперіи.

Ужасныя событія Вашего воцаренія поколебали, такъ сказать, самый тронъ и измѣнили общественное настроеніе, которое въ одинъ день перешло отъ страха къ распущенности, и Вы принуждены были почти цѣлый годъ покоряться обстоятельствамъ и заботиться объ успокоеніи умовъ, чтобы внести въ нихъ снова увѣренность.

И отношу время полного успокоенія къ веснѣ 1802 года, послѣ удаленія Платона Зубова.

Втеченіе 1801 года Вамъ было еще невозможно вполне познать Вашу страну и, кажется вѣроятнымъ, что только весной и лѣтомъ 1802 г. Вы смогли направить на это Ваше вниманіе. Вы организовали, осенью этого года, теперешнюю администрацію и новое Министерство. Эта организація нашла порицателей и восхвалителей. Ее осуждали, потому что она была точной копіей современной администраціи Франціи и за то, что она разрушала старые устои и вводила новые, затрогивая образъ правленія, введенный Петромъ I; такимъ образомъ она не нашла сторонниковъ среди лицъ привыкшихъ къ прежней формѣ правленія.

Иные ее одобрили, надѣясь найти больше порядка, меньшую расточительность, болѣе совершенное правленіе и меньшую возможность произвола; словомъ, хотѣли видѣть шагъ, отвоеванный у деспотизма.

Старики, наоборотъ, предвѣщали, что съ этимъ новымъ образомъ правленія должны возникать безпорядки. Короче, общественное мнѣніе говоритъ, что внутреннее управленіе губерній не улучшилось, что продажность стала больше чѣмъ когда-либо и что новое устройство затягиваетъ дѣла и вноситъ массу препятствій при приведеніи дѣлъ въ исполненіе. Считаютъ, что власть губернаторовъ слишкомъ ограничена и что отвѣтственность ихъ слишкомъ велика, что вслѣдствіе этого должность губернатора трудно нести и столько лицъ отъ нея отказываются.

Наконецъ, преобразованія въ нѣсколькихъ Нѣмецкихъ провинціяхъ служатъ также причиною недовольства. Находятъ, что при нынѣшнемъ образѣ правленія энергія отсутствуетъ и что правительство не пользуется должнымъ уваженіемъ, потому что ея посредники ослабили свою власть, которая внушаетъ къ нимъ больше уваженія.

Всякая новая мѣра всегда не нравится; надо, чтобы она прошла чрезъ горнило опыта, чтобы быть принятой съ удовольствіемъ и получить право на уваженіе и довѣріе. Наконецъ говорятъ, что министры еще не имѣютъ предписаній, что никто изъ нихъ не знаетъ, какъ далеко простираются его обязанности и отвѣтственность и что есть нѣкоторыя точки соприкосновенія власти, которыя имъ непонятны и что все это вредить ходу дѣлъ. Если прибавить еще одно размышленіе ко всему этому, то я могу надѣяться, дорогой Александръ, что, прочтя это, вы поймете, что я пишу не изъ желанія дать Вамъ совѣтъ, но что я искренно и просто выражаю вамъ мой образъ мыслей. Вы уже однажды установили новую форму правленія и, если вы можете-быть и поспѣшили нѣсколько, рѣшаясь на такую большую переменѣ послѣ восемнадцатимѣсячнаго царствованія, то было-бы непоследовательно ее отмѣнить: это послужило-бы къ новому источнику безпорядка. Но мнѣ кажется, что опытъ трехъ послѣдующихъ лѣтъ долженъ былъ представить вѣрныя данныя относительно слабыхъ и сильныхъ сторонъ этого правленія и тѣхъ измѣненій, которыя нужно было-бы сдѣлать, чтобы придать этому порядку вещей всю энергію, всю дѣятельность, всю силу, всю цѣльность для того, чтобы объединить все ко благу Государства и для того, чтобы намѣтить каждому границы его обязанности и отвѣтственности. Итакъ, я думаю, что безъ всякаго колебанія, даже не намекая на какую-либо переменѣ, нужно было-бы серьезно заняться составленіемъ инструкцій для каждаго министра въ отдѣльности и общую инструкцію для всѣхъ, чтобы показать ихъ взаимоотношеніе, и тогда въ эти инструкціи можно включить всѣ измѣненія, которыя нужно внести въ нынѣшнюю форму правленія. Можетъ-быть, было-бы полезно поручить людямъ, пользующимся уваженіемъ публики, но стоящимъ вдали отъ министерства, выработать программу обязанностей, требующуюся отъ каждаго министра, начертать планъ этихъ инструкцій, который слѣдовало-бы обсудить въ Вашемъ присутствіи.

Отъ этого была-бы двойная польза, а именно: во-первыхъ точно опредѣлить тѣ обязанности, выполненіе которыхъ требуется, и ч. вообще правила поведения составляютъ съ большею легкостью и съ большею строгостью для другихъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда исполненіе этихъ правилъ затрогиваетъ насъ, а во-вторыхъ тѣ-же лица изъ самолюбія его-бы поддержали.

Присовокупивъ къ этимъ мѣрамъ строгій подборъ людей, избираемыхъ въ министерство, оказывая имъ довѣріе и поддерживая ихъ, дѣла должны будутъ подвинуты впередъ, что заставитъ умолкнуть общественный ропотъ и поддержитъ всюду порядокъ. Я часто слышу, что въ царствованіе покойной Императрицы управленіе губерніей имѣло то преимущество, что вносило во все энергію и силу, а Императрица между тѣмъ наблюдала все время за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, которое она жаловала своимъ довѣріемъ и которое было отвѣтственно за свои полномочія.

Императрица ими руководила, ихъ направляла: Орловъ, Потемкинъ, Вяземскій, несмотря на весь ихъ авторитетъ, дрожали передъ нею. Она обладала такимъ искусствомъ подчинять себѣ мнѣніе публики, что когда критиковали образъ дѣйствій правленія, критикѣ подвергались министры, а не она.

Она возвышала власть каждаго сословія, каждаго лица, каждаго вѣдомства, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ она одна держала скипетръ въ рукѣхъ, дѣлая видъ, что раздѣляетъ свою власть съ другими. Дѣйствительно, хотя и были большія злоупотребленія, но теперь, дорогой Александръ, ни лица, ни мѣста, не вѣдомства не пользуются уваженіемъ, а между тѣмъ Ваша власть отъ этого не увеличилась и злоупотребленія не стали рѣже. Я смѣло выскажу, что нѣтъ достаточно посредниковъ между повелителемъ и подданнымъ, дѣлами и имъ самимъ: самое, такъ сказать, маленькое дѣло, отдаваемое на Ваше усмотрѣніе, дѣлаетъ министра менѣе отвѣтственнымъ, увеличивая отвѣтственность Государя.

Повелитель такой Имперіи, какъ Россія, протяженіе которой необъятно, не можетъ довольствоваться этимъ устройствомъ, выполнять обязанности, которыя онъ на себя наложилъ, вслѣдствіе чего онъ будетъ небрежно относиться къ серьезнымъ дѣламъ, тогда какъ его занятія будутъ казаться сверхъ человеческихъ силъ; нужно ограничить себя, наблюдать и направлять только крупныя мѣры гражданской администраціи, дѣлая министровъ отвѣтственными въ ихъ исполненіи.

Третій поводъ недовольства вызванъ неприличнымъ расколомъ въ министерствѣ. Вамъ самимъ неизвестно, дорогой Александръ, какъ мало единенія между всѣми этими господами. Если бы взаимное удаленіе этихъ господъ относилось только къ ихъ личностямъ, Государю никогда про это и знать не нужно: онъ не можетъ и не долженъ вмѣшиваться въ частныя ссоры; но если очевидно, что эти разногласія вредятъ ходу дѣлъ, такъ какъ отдѣльныя мѣры, которыя каждый министръ принимаетъ по своей части, осуждаются другими, я спрашиваю себя, какое-же довѣріе можетъ имѣть публика къ образу дѣйствій министра, котораго порицаютъ его-же товарищи и какъ должно поколебаться общественное мнѣніе относительно мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Если порицаніе ошибочныхъ мѣръ справедливо падаетъ на министровъ, оно въ то же время падаетъ на Государя, избравшаго этихъ министровъ и одобришаго принятія ими мѣры. Если порицаніе несправедливо, достоинство Государя требуетъ вмѣшательства его власти, чтобы его прекратить и требовать отъ министровъ уважать достоинство своего товарища во всемъ, что касается его должности, гдѣ онъ говоритъ и дѣйствуетъ только отъ имени самого Государя, одобришаго его образъ дѣйствій: пока утвержденія Государя не послѣдовало, обсужденіе должно быть дозволено, какъ министрамъ между собою, если дѣла одного имѣютъ связь съ дѣлами другого, такъ и каждому министру предъ самимъ Государемъ. Онъ долженъ смѣло говорить ему всю правду и ревностно стремиться доказать свою правоту; но разъ что-нибудь Государемъ утверждено, и если это даже идетъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ министра, этотъ послѣдній изъ чувства долга обязанъ его поддерживать и не позволять его критиковать публикѣ.

Вотъ въ чемъ состоитъ долгъ честнаго человѣка, занимающаго постъ; онъ обязанъ поддерживать въ публикѣ уваженіе къ Государю; если-же онъ считаетъ, что его взгляды и образъ мыслей не согласны съ Государемъ, онъ долженъ подать въ отставку. Единодушіе въ министерствѣ необходимо, чтобы

придать силы и энергіи Государству. Отсутствіе единодушія губить Государство и уничтожаетъ довѣріе общества. Вамъ, конечно, не безъизвѣстно, дорогой и добрый другъ, что почти все Ваше теперешнее министерство наслаждается этимъ разногласіемъ. Мнѣ и не пристало, да я себѣ и не позволю рѣптать, есть-ли это недоувѣріе или нѣтъ, но достовѣрно извѣстно, что въ большей или меньшей степени оно существуетъ. Кого больше всего ненавидятъ въ обществѣ, это князя Чарторыйскаго. Двѣ причины возбуждаютъ эту ненависть: во-первыхъ—онъ Полякъ, во-вторыхъ—несчастныя событія прошлой осени. Если я дольше на этомъ останавливаюсь, дорогой Александръ, такъ это оттого, что я обязана по отношенію къ себѣ и къ Вамъ подробно въ этомъ разобраться.

Вспомните мое глубокое огорченіе при назначеніи князя Чарторыйскаго въ министерство, всѣ мои доводы и предсказанія о послѣдствіяхъ этого назначенія. Вспомните, какъ я Вамъ писала и говорила, что по моему мнѣнію князь Чарторыйскій показалъ себя не деликатнымъ и нерасположеннымъ къ Вамъ, соглашаясь на это назначеніе. Несмотря на это, Вы назначили князя въ министерство: отношенія съ Франціей испортились, канцлеръ подалъ въ отставку, и князь остался одинокъ въ этихъ сложныхъ обстоятельствахъ.

Наконецъ событія разрѣшились: Вы уѣхали. Вашъ планъ дѣйствій развернулся такъ широко, такъ величественно, что онъ вызвалъ надежду и уваженіе, породилъ восхищеніе къ Вамъ, даже въ Москвѣ.

Обстоятельства перемѣнились, судьба намъ измѣнила: грянули бѣдствія, и мнѣніе рѣзко высказалось противъ князя Чарторыйскаго.

Я сознаю, Вамъ, дорогой Александръ, что проникнутая уваженіемъ къ Вашимъ великимъ и великодушнымъ идеямъ, оплакивая наши несчастія, я предвидѣла, едва они начались, всѣ послѣдствія, которыя протекуть, я себѣ сказала, что недовольство княземъ Чарторыйскимъ проявится: я сознавала, что въ то-же время это было порицаніемъ Вашихъ поступковъ и въ день извѣстія о сраженіи, мнѣ казалось, что Ваше достоинство требовало въ этомъ случаѣ, чтобы Вы поддержали Вашего министра. Ваша честь требовала того, чтобы Вы не допустили его стать жертвой общественнаго мнѣнія, которое, получивъ силу, стало-бы диктовать и Вамъ законы.

Вспомните все то, что я Вамъ говорила на слѣдующій день Вашего приѣзда. Вы мнѣ рассказали, что князь былъ противъ того, чтобы дать сраженіе, но несмотря на это, онъ подвергался всѣмъ опасностямъ и служилъ Вамъ въ самый разгаръ боя; послѣ этого самопожертвованія я больше не сомнѣваюсь въ привязанности князя къ Вамъ и никогда этого не забуду.

Этотъ серьезный вопросъ, соединенный съ глубокой увѣренностью, что для Васъ было важно при этихъ трудныхъ обстоятельствахъ показать твердость характера при поддержкѣ Вашего министра, побудилъ меня высказать Вамъ относительно этого мое мнѣніе, которое такъ совпадаетъ съ Вашимъ. Четыре съ половиной мѣсяца отдѣляютъ насъ отъ этого времени, а недовольство княземъ не улеглось: напротивъ, нужно сознаться, что съ теченіемъ времени ропотъ усилится, и приходится ожидать новыхъ событій.

Теперь, дорогой Александръ, Вамъ надлежитъ рѣшить, насколько Вы можете довѣрять князю Чарторыйскому и его знаніямъ. Если въ Вашихъ интересахъ оставить его бороться съ такимъ враждебнымъ отношеніемъ, то надо его поддержать; если-же Вы не вполне ему довѣряете, то для пользы Государства надо согласиться на его отставку, которую онъ у Васъ просилъ не разъ, какъ Вы мнѣ сами это говорили.

Прежде чѣмъ приступить къ четвертому поводу причинъ недовольства Вами, дорогой и добрый Александръ, я остановлюсь на трогательномъ размышленіи о добротѣ Вашего сердца, Вашей любви къ правдѣ и искреннемъ желаніи видѣть всѣхъ Вашихъ подданныхъ счастливыми и на Вашемъ полномъ самоотверженіи, когда дѣло касается добраго поступка.

Повѣрите мнѣ, дорогое дитя, всѣ эти превосходныя качества въ Васъ признають, любятъ и уважають. Представленіе о добротѣ отождествляется съ Вашей личностью: каждый Вашъ подданный въ этомъ убѣжденъ, и до сихъ поръ Вы исполняете ихъ любовью; нужно заслужить ихъ довѣріе въ Вашихъ административныхъ принципахъ и возвысить въ ихъ глазахъ Ваше достоинство, какъ Императора.

Двадцати трехъ лѣтъ Вы вошли на престолъ; этотъ періодъ жизни вызываетъ любовь, интересъ и нѣжность, уваженіе-же достигается съ годами, въ особенности, когда нѣтъ обаянія величія, какъ у Васъ, дорогой Александръ.

Вы его уничтожили, расходясь въ этомъ отношеніи всецѣло во взглядахъ съ Вашей Бабкой, хотѣвшей вызвать въ обществѣ еще больше уваженія къ себѣ, окружая Васъ и даже младшую Вашу сестру ореоломъ величія; Вы-же наоборотъ съ самаго восшествія на престолъ уничтожили весь блескъ, который въ глазахъ простонародья возвышалъ-бы Васъ, Вы-же во многомъ снизили до другихъ.

Мало по малу, дорогой Александръ, это отразилось на общественномъ мнѣніи: привыкли смотрѣть на Государя, какъ на обыкновеннаго смертнаго, и его положеніе отъ этого теритъ тѣмъ болѣе, что нѣтъ возможности показать простолюдину, что если въ обыкновенные дни и отброшенъ внѣшній видъ величія, онъ всетаки сохраняется въ торжественныхъ случаяхъ, когда Его Величество появляется во всемъ своемъ блескѣ; всего этого, говорю я, больше не существуетъ.

Ваши появленія въ обществѣ утратили свой блескъ, пріемные дни при дворѣ отмѣнены, кромѣ Воскресенья: никто даже не носитъ орденовъ, и они потеряли свое значеніе. Дни большихъ праздниковъ похожи на воскресные дни при покойной Императрицѣ.

Въ простыя Воскресенья дворъ пустъ, сановники его больше не посѣщаютъ, и народъ узнаетъ о томъ, что Государь съ семьей въ церкви, только по тому, что сановники прогуливаются по улицѣ. Видъ площади безъ экипажей ему говоритъ, что общество не посѣщаетъ двора; является сравненіе, невыгодное для Императора, пч.-это доказываетъ меньшее желаніе общества его видѣть и уменьшеніе вѣры среди сановниковъ, которые уклоняются отъ исполненія религіозныхъ обязанностей. Эти разсужденія уменьшаютъ уваженіе къ

Государю и сановникамъ и можетъ-быть имѣютъ даже пагубное вліяніе на религіозное чувство народа, который съ нихъ все перенимаетъ. Мы сами не знаемъ двора; отдѣльные лица, которыя его составляютъ, появляются не иначе, какъ во время обѣдни и то не совсѣмъ аккуратно: итакъ есть лица, которыя остаются навсегда намъ неизвѣстными, тогда какъ при покойной Императрицѣ, они держались такъ, что ихъ можно было узнать и составить о нихъ мнѣніе. Вечерніе рауты, такъ любимыя обществомъ, потому что только на этихъ собраніяхъ, длившихся не болѣе полутора часовъ, всѣ могли видѣть царскую семью, окруженную сановниками, придворными и иностранцами, теперь-же собранія эти или вовсе упразднены или бывають такъ рѣдко, что забываютъ объ ихъ существованіи; наконецъ, все это сказочное величіе, внушавшее обществу уваженіе, больше не существуетъ. Прибавьте ко всему этому, что Государь не расточаетъ похвалы ни сановникамъ ни обществу, орденовъ Вы сами не раздаете, и къ нимъ относится съ меньшимъ уваженіемъ и придаютъ имъ меньшую цѣнность, хотя можетъ быть еще ихъ и желаютъ получить; награды и сравнить нельзя съ широкой щедростію покойныхъ Императрицы и Императора; такимъ образомъ, дорогой Александръ, Вы можете лишь силою Вашей добродѣтели и Вашихъ возвышенныхъ и прекрасныхъ достоинствъ пріобрѣсти любовь и уваженіе, которыми пользовались вѣнценосцы, извлекая изъ своего положенія всевозможныя выгоды. Какъ частныя лица, мы живемъ зажиточно и богато, но не такъ, какъ надлежитъ вѣнценосцамъ, даже министры у Васъ рѣдко появляются за столомъ; публика, дорогой Александръ, внимательная ко всему, не сдерживаемая никакимъ внѣшнимъ блескомъ величія, который заставилъ-бы ее молчать, занимая ее, лишенная этой узды, становится строгимъ судьей, и не види уже Государя въ ореолѣ славы, критикуетъ вольно, начиная съ того, что порицаетъ его за то, что онъ такимъ образомъ самъ себя заключилъ въ тюрьму и не достаточно уважалъ и почиталъ свое достоинство.

Вспомните, дорогой Александръ, мои предсказанія по этому поводу съ момента Вашего восшествія на престолъ: Вы мнѣ тогда не вѣрили, когда я Вамъ говорила, какое впечатлѣніе онѣ произведутъ на общественное мнѣніе. Къ несчастью я не ошиблась и въ этотъ моментъ, когда все пересуживается и критикуется, я осмѣливаюсь Вамъ снова объ этомъ напомнить, единственно желая обратить Ваше вниманіе на это. Если-бы всѣ думали просвѣщенно, престижъ власти былъ-бы ненуженъ, но въ данномъ случаѣ онѣ дѣлается необходимъ. Во-первыхъ, понятно, что человекъ желаетъ уважать того, кому онъ повинуется, такъ какъ это льститъ его самолюбію.

Вамъ ставятъ въ вину, дорогой Александръ, что Вы недостаточно уважаете и цѣните Ваше положеніе Императора, что Вы отбросили все наружное величіе: порицають фамильярность, съ которою молодые люди къ Вамъ относятся, зная, что Вы это позволяете, между тѣмъ какъ Вы насмѣхаетесь надъ пожилымъ человекомъ, когда онъ относится къ Вамъ съ уваженіемъ, привыкши раньше такъ относиться къ своимъ повелителямъ.

Большое уединеніе, въ которомъ Вы живете, непріятно. Васъ считают лѣнливымъ, дорогой и добрый Александръ, и желали-бы Васъ видѣть болѣе

дѣятельнымъ, между тѣмъ знаютъ, что Вы много времени проводите за работою, но говорятъ, что Вы часто занимаетесь мелочами, которыя до Васъ не касаются, но которыя отнимають у Васъ много времени.

Между прочимъ, я Вамъ признаюсь, что находятъ, что Вы напрасно допущаете къ себѣ каждаго рекрута и что эта подробность недостойна Васъ.

Вообще Вами недовольны (и, по моему мнѣнію, дорогой Александръ, этотъ упрекъ заслуживаетъ вниманія): чрезвычайныя затрудненія, которыя теперь вводятъ при выборѣ рекрутовъ какъ-то: ростъ, возрастъ и здоровье, являются важными пунктами, установленными закономъ, которые должны быть строго выполнены; слышатся жалобы, что при соблюденіи этихъ правилъ часто являются споры изъ-за сложенія и наружности и что часто смѣняютъ или совсѣмъ отсылають рекрутовъ, когда они должны были-бы быть приняты, а это вызываетъ раздраженіе. Съ грустью видятъ, что Вы отдаете слишкомъ много времени мелкимъ ежедневнымъ упражненіямъ, которыми должны заниматься субалтерные офицеры, а не самъ Государь. Поражаютъ неправильное распредѣленіе часовъ Вашихъ занятій. Министры ждутъ Васъ цѣлыми часами, ничего не дѣлая, въ прихожей, между тѣмъ много людей, занятыхъ дѣлами не терпящими отлагательства, въ свою очередь ждутъ ихъ у нихъ въ пріемной и такимъ образомъ небрежно относятся къ обязанностямъ занимаемыхъ ими должностей. Наконецъ, дорогой Александръ, думаютъ, что Вы имѣете склонность къ недоверію и что Вы его обыкновенно простираете на всѣхъ окружающихъ: это большой недостатокъ, мой другъ, на который я Васъ убѣдительно прошу обратить вниманіе.

Я знаю, что Вы, пріобрѣтая съ каждымъ днемъ все больше и больше опытности, вправѣ быть недоверчивымъ; но, дорогой Александръ, недоверіе порождаетъ недоверіе у другихъ и кончается тѣмъ, что развивается фальшь, которая есть мать пороковъ и преступленій. Итакъ будьте осторожны, дорогой Александръ, но недоверчивы. Старайтесь распознать людей и, разъ Вы убѣдитесь въ ихъ честности, вѣрьте имъ и не оскорбляйте ихъ самымъ обиднымъ чувствомъ.

Сближайтесь съ стариками, дорогой и добрый Александръ: молодой человекъ всегда внушаетъ къ себѣ больше уваженія, если онъ отличаетъ человека убѣденнаго сѣдинами, онъ всегда отъ него можетъ чему-нибудь научиться, потому что за старикомъ стоитъ большая школа опыта.

Наконецъ, дорогой и добрый Александръ, удвойте Ваше вниманіе къ дѣламъ. Вашу дѣятельность, предусмотрительность и бдительность; обстоятельства не терпятъ отлагательства, онѣ способствуютъ развитію большого характера. Соедините съ мужествомъ, которое Вы доказали, силу души и въ особенности, энергію. Это священныя огни, мой другъ, который долженъ наполнять душу Монарха, если онъ хочетъ оставаться на высотѣ своего призванія. Безъ этого качества всѣ другія ступеньки являются. Частному лицу ихъ было-бы достаточно, но для принца крови этого мало: онъ долженъ имѣть добродѣтели своего государства, а первую изъ нихъ является энергія, она спо-

собствуетъ откровенности, великимъ дѣламъ, противится превратностямъ судьбы и превращаетъ ихъ даже въ побѣду.

Вотъ, мой другъ, мое дитя, чего требуетъ отъ Васъ государство. Оправдайте это ожиданіе. Не падайте духомъ, дорогой Александръ. Настоящія событія очень печальны, въ этомъ нельзя не сознаться; но онѣ бывали и хуже въ царствованіе покойной Императрицы, при которой въ одно и тоже время сплелись: война, мятежъ и упадокъ, и несмотря на то, что резиденціи угрожала опасность, въ то время, какъ она уже была на склонѣ дней и даже не задолго до ея смерти, она вышла побѣдительницей изъ этой борьбы. Слава ея Имперіи и ея царствованія остались непоколебимы.

А Вы, дорогой Александръ, еще находитесь въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда душа и умъ исполнены энергии и силы, и Вамъ еще дороги слава отчизны и наслѣдіе отцовъ; употребите всѣ Ваши способности и силы, которыя Вы черпаете въ любви и преданности своихъ подданныхъ, чтобы сохранить и то и другое. Укрѣпите эту любовь, обративъ вниманіе на тѣ стороны Вашего характера, которыя будутъ Вамъ подсказаны Вашей добротой, Вашей совѣстью и Вашимъ здравымъ смысломъ, и отдайтесь съ новымъ жаромъ и съ новой довѣрчивостью обязанностямъ Вашего сана. Богъ будетъ за Васъ! Да будетъ на Васъ мое благословеніе. Любовь и счастье Вашихъ подданныхъ послужатъ Вамъ наградою. Уваженіе Вашей матери, которое, какъ Вы мнѣ часто говорили, является для Вашего сердца драгоценнымъ даромъ, возрастетъ еще, дорогой и добрый Александръ, и приобрететъ такую-же силу, какъ-то чувство невыразимой нѣжности, которое я Вамъ приношу.

Марія.

Среда, 18 Апрѣля 1806 года.

II.

Ce Jeudi soir, 14 Mars 1807.

Conseil de la plus tendre des Mères à son fils bien-aimé.

Vous partez, cher Alexandre. Cette pensée déchirante occupe seule mon cœur, et le remplit de crainte, de sollicitude et d'angoisse. Tous vos derniers moments sont pris, à peine vous verrai-je et je ne pourrai plus vous parler d'abandon et d'effusion. Cependant je sens que j'ai mille choses à vous dire, milles craintes à vous exprimer: la plus tendre sollicitude maternelle, le sentiment impérieux de ma tendresse pour vous, de mon amour pour votre gloire, me dictent quelques conseils que je sou mets à votre bon cœur, à votre bon esprit. Je croirai vous parler en vous écrivant, et je ne m'arrêterai que sur les points qui me paraissent importants.

Votre départ du moment est une démarche des plus conséquentes pour l'Etat et pour vous, cher Alexandre: pour l'Etat, parce qu'il voit son Souverain quitter sa patrie, s'exposer à la lutte la plus dangereuse, risquer ses jours si précieux, si nécessaires à l'Etat, parce

que sa conservation y est attachée et qu'il croule s'il vous arrive malheur. L'Etat voit encore dans ce départ une stagnation totale dans les affaires, car comment est-il possible et peut-on s'attendre que les fatigues, les occupations immenses de l'armée même puissent vous laisser le temps de penser à d'autres affaires? Il y voit en outre l'impossibilité pour vous de veiller de là sur les événements de la guerre de Turquie, qui, quoique d'un intérêt inférieur que celle avec les Français, n'en est cependant pas moins inquiétante pour nous: l'Etat enfin tremble pour la gloire, parce qu'heureusement chez nous encore la gloire personnelle du Souverain est identifiée avec la sienne, et si l'Etat se trouve assez robuste d'avoir assez d'énergie pour supporter un échec lorsque la personne de son Souverain ne le partage pas, il perd son caractère de force, son imperturbabilité, lorsque l'Empereur partage l'échec et le légitime par sa présence. L'Etat sait que le chef de votre armée, dans votre absence, est responsable de sa tête du sort de l'armée, mais qu'il perd hautement cette responsabilité lorsque, par votre présence, tous les ordres sont légitimés et sanctionnés. Je sens, cher Alexandre, que votre intention est de laisser agir Mr. de Bennigsen; mais est-il dans la possibilité de concevoir que l'Empereur à l'armée n'énonce pas un avis, et de même est-il à prétendre que cet avis prononcé ne soit pas suivi et respecté par le chef, fût-il même en opposition au sien? C'est vouloir se contenter d'illusions que de supposer le contraire, et, comme elles sont cruellement dangereuses en affaires, persuadez-vous, mon ami, que dès votre arrivée votre Etat et l'Europe entière croira l'opinion de Mr. de Bennigsen et ses plans d'opération dirigés par vous: par conséquent l'immense responsabilité tombe sur vous, et la sienne devient sinon nulle, du moins bien allégée. L'Etat enfin sera d'autant plus porté alors à excuser Mr. de Bennigsen que chaque individu sent le périlleux, je dirai le cruel de sa position, lorsqu'il a à répondre de votre sûreté personnelle, et, dès ce moment, il faut se l'avouer, il lui sera impossible (à lui plus qu'à tout autre chef) de ne pas sacrifier des avantages réels qu'il aurait pu obtenir à la crainte d'exposer vos jours, et la nation, qui ne peut que louer ce motif dans la personne de Bennigsen, se tournera en reproche contre vous, de le forcer par votre présence à négliger ses avantages.

Voilà le tableau fidèle des alarmes sur ce point. Qu'en conclure? Voici mes réflexions. Votre départ est arrêté et annoncé, il n'y a plus à en revenir, mais il faut et faire le voyage et en tirer la plus grande utilité, et en écarter tout le dangereux. Rendez-vous donc à l'armée, examinez avec la justice, l'équité qui est dans votre âme, son état, ses besoins, soyez l'ange consolateur des souffrants, récompensez les services rendus, distinguez ceux qui vous seront recommandés par le chef, animez toute votre

belle et brave troupe en lui montrant cette bonté qui remplit votre cœur, ne soyez pas (permettez-moi d'oser vous le dire) sévère pour les petits détails, qui peuvent être mis de côté par une armée exposée aux fatigues plus qu'humaines qu'elle a supportées: laissez le soin aux officiers subalternes de les corriger, et vous-même n'en parlez qu'à la légère au chef même, mais non aux autres généraux. Concertez et arrêtez le plan d'opération avec le chef, et, après avoir ainsi vivifié par votre présence votre armée, quittez-la et retournez chez nous, pour reprendre vos travaux importants ici, qui embrassent tous les détails de la marche de l'Empire. Vous surveillerez d'ici les opérations des deux armées, vous leurs préparerez de nouveaux renforts. de nouvelles ressources, et, si même alors nous essuyons un échec, il ne sera que partiel et n'influera pas sur la marche totale des opérations. Votre éloignement de l'armée et votre séjour ici aura encore la grande utilité que, si même les circonstances forçaient à des négociations, toute résolution prise ici, dans votre résidence, porterait le cachet de la réflexion, du calme et de la mûre délibération, qui rassurerait les esprits, tandis que toute négociation traitée à l'armée, hors de votre pays et éloigné de votre Conseil, aurait plus ou moins un caractère de précipitation et n'inspirerait à la nation que la défiance d'une fausse mesure. En voilà assez, je crois, sur ce point pour prouver combien votre prompt retour est nécessaire au bonheur de votre Empire.

Je passe, cher Alexandre, au second point sur lequel je vous conjure de m'écouter, et qui a pour objet l'idée de la conduite que vous aurez à tenir à l'armée et qui, à ce que je suppose, vous y ferait adorer. Il faut vous dire, cher et bon Ami, que, dès l'instant de votre arrivée à l'armée, vous devez vous envisager (pardonnez moi la comparaison) comme un acteur qui monte sur la scène; vous avez pour public et pour juge votre nation entière et toute l'Europe; chacune de vos actions, de vos paroles, de vos gestes sera observée, épiloguée et jugée, et l'opinion générale sur vous se fondera en raison des conclusions qu'on tirera. Jugez donc combien il est important, pour vous, pour votre gloire, de donner à chacune de vos actions, de vos démarches, le caractère de la véritable grandeur. Commencez, cher Alexandre, par vous respecter vous-même en respectant le choix que vous avez fait du chef de votre armée. Vous savez qu'il a existé des cabales et des intrigues à l'armée; je les crois étouffées pour le moment, mais soyez assuré qu'un mot de votre part dit inconsidérément les réveillerait avec plus d'ardeur, et alors la chose publique est perdue. Voyez par vos yeux, et si effectivement vous observez que les démarches, la façon de voir ou d'agir du chef demandent à être rectifiées, expliquez-vous-en

directement avec lui, sans l'intervention d'un tiers. Vous écouterez ses raisons, vous les jugerez avec la droiture naturelle de votre cœur et vous lui direz ce que vous voulez voir changer. Cette façon d'agir ne blesse pas, et n'envenime pas les affaires, mais tout autre leur est nuisible. Au nom de Dieu, cher Alexandre, observez strictement de distinguer particulièrement les généraux de l'armée d'après les recommandations que vous en fera le chef; cette prudence de votre part sera d'un bien réel à la subordination et vous met à l'abri des reproches, car vous devez en croire celui qui les a vu agir sur le champ de bataille. Que votre bonté vis-à-vis de ceux que vous honorez publiquement de votre bienveillance soit sans aucune familiarité, qu'il faut éviter come un mal réel: à votre place, cher Alexandre, et dans la situation où vous vous trouverez, il faut que la nuance que vous observerez dans vos bontés vis-à-vis d'un grison qui s'est distingué et d'un jeune homme qui en a fait de même soit marquée, car si vous mettez de l'égalité dans ces témoignages, l'homme âgé ne se sentira plus flatté et son zèle s'attiédira. Soyez bon et affable avec la troupe; un mot de bonté dit à propos enflamme le courage. De grâce, ne soyez pas exigeant sur les petits détails qui s'observent en garnison, mais qui fatiguent le soldat et le dégoûtent. Enfin, cher Alexandre, comme vous dites ne vouloir nullement commander, vous serez heureusement dans le cas d'éviter l'obligation de punir, soin qu'il faut laisser uniquement à Bennigsen, et vous, cher Alexandre, vous aurez la jouissance de récompenser, et même de pardonner à propos. Il est bien essentiel encore pour vous, cher Alexandre, de ne laisser entrevoir aucune prédilection pour les soldats, officiers et généraux prussiens; s'ils font leur devoir, tant mieux pour leur honneur, tant mieux pour la cause commune, mais, mon bon Ami, vous vous aliéneriez tous les cœurs, si on peut apercevoir ou se douter (et notre nation a bien du tact) que vous puissiez préférer leur troupe et officiers aux vôtres; ce serait mortifier l'amour-propre national, et, cher Alexandre, cela ne se pardonne pas. Pour éviter la possibilité d'un pareil jugement, il faudrait absolument s'interdire toute comparaison entre les deux troupes. Il me reste encore, en traitant ce point, à fixer toute votre attention sur les devoirs que vous impose votre conservation, cher et bien-aimé Alexandre. Malheureusement vous avez été dans le cas, par des circonstances funestes, à faire preuve de bravoure personnelle: votre nation le sait, et, en rendant justice à votre courage, vous blâme cruellement d'avoir mis en jeu son salut en exposant votre personne, cher Alexandre. Vos devoirs de Souverain vous défendent impérieusement la récidive. Vous vous rendrez criminel vis-à-vis de l'Etat, vis-à-vis de votre famille, de votre Mère, en y manquant. N'augmentez pas la masse d'inquiétude qui opprime

mon cœur par cette crainte cruelle, et promettez-moi saintement de veiller à votre conservation.

Enfin finalement je viens au troisième point sur lequel je voulais vous parler. celui des relations politiques. eu égard, s'entend, à votre séjour à l'armée. Vous vous douterez que je veux parler de la Prusse, cher Alexandre. Je ne puis me lasser de vous répéter que l'attachement de votre Grand-Père à la Cour de Berlin a causé sa perte, celui de votre Père pour cette même Cour lui à été bien funeste. et le vôtre, cher Alexandre, l'a été suffisamment jusqu'à ce moment. Je ne vais pas récapituler ces torts passés de la Cour de Berlin vis-à-vis de nous, mais je me bornerai à vous conjurer de donner toute votre attention à ce qu'on ne puisse vous accuser de lui sacrifier les intérêts et la gloire de votre pays. Il est certain que vous avez repris les armes pour aider et finalement pour sauver la Prusse, mais il n'en est pas moins vrai non plus que, par cette série de circonstances, nous avons vu nos frontières menacées, et que vous avez été obligé de demander à votre nation des secours considérables et inconnus jusqu'à ce moment dans les annales de la Russie. Vous avez mis, pour ainsi dire, la sonde dans le cœur de vos sujets, et jamais la nation n'a déployé un plus beau ni un plus grand caractère. L'esprit public s'est prononcé de la manière la plus touchante et satisfaisante pour vous, cher Alexandre: tirez-en la conclusion que la Russie est attachée à sa gloire, à son influence, à sa grandeur, qu'elle fait tous les sacrifices lorsqu'elle les croit nécessaires à la conservation de ces biens, qui sont chers à son amour-propre. Mais en même temps cette guerre a pris un autre caractère. Ces efforts se sont fait volontiers pour défendre nos foyers et sauver notre gloire: le rétablissement de la Prusse n'est plus que secondaire à la chose; ainsi on s'attend à voir la paix se négocier sur ce principe, c'est-à-dire, on la désire basée sur des principes avantageux, glorieux, honorables pour nous-mêmes, et on n'envisagera le rétablissement de la Prusse que comme un avantage secondaire. Voilà, cher et bon Alexandre, l'idée que je me fais (et je ne crois pas me tromper) de l'attente générale. Il faut donc que, dans votre marche politique, vous persuadiez la nation que vous n'agissez que pour sa gloire et son repos, que l'influence prussienne n'existe pas et que vous ne lui accordez, pour ainsi dire, que protection et soutien, que vous ferez la paix non pas quand la Prusse le voudra, mais lorsque vous le voudrez et le croirez glorieux et nécessaire à votre Etat. Voilà, mon bon Ami, croyez-en l'expérience et le cœur de votre Mère, un point essentiel à observer, pour vous éviter les justes reproches de vos contemporains et de la postérité. Cette considération, je vous l'avoue, me fait émettre un vœu sur lequel je vous conjure de réfléchir.

Si effectivement des négociations s'entamaient pendant votre séjour à l'armée, je croirai essentiel d'appeler près de vous quelques uns de vos ministres du Conseil pour en concerter avec eux, et inspirer à la nation de la confiance dans ces négociations. Si vous négligez cette précaution, cher Alexandre, les suites seront des plus fâcheuses, et rien ne vous préservera du reproche de l'influence de la Cour de Berlin. Voilà, mon bon Ami, ce que je couche ce soir en hâte sur le papier: j'espérai vous parler, mais vos occupations m'ont privées de cette satisfaction, je vous écris donc, et puisse le sentiment de tendresse qui m'a dicté ces réflexions vous engager à les scruter et à y prêter attention.

Переводъ.

II.

Четвергъ, 14 Марта 1807 г. Вечеръ.

Советъ нѣжнѣйшей изъ матерей
своему возлюбленному сыну.

Вы уѣзжаете, дорогой Александръ, одна эта терзающая мысль занимает мое сердце и наполняетъ его страхомъ, заботой и тоской. Всѣ Ваши минуты разобраны до послѣдней, я едва Васъ увижу и мнѣ не удастся болѣе говорить съ Вами, свободно и сердечно. Однако я чувствую, что мнѣ надо сказать Вамъ тысячу вещей, выразить тысячу опасеній; самая нѣжная материнская заботливость, властное чувство моей нѣжности къ Вамъ, моей любви къ Вашей славѣ, диктуютъ мнѣ нѣсколько совѣтовъ, которые я отдаю на судъ Вашего добраго сердца и здравого ума. Когда я буду нисать Вамъ, я буду думать, что говорю съ Вами, и я буду останавливаться только на тѣхъ вопросахъ, которые покажутся мнѣ важными.

Вашъ настоящій отъѣздъ является значительнымъ поступкомъ для государства и для Васъ, дорогой Александръ. Для государства, потому что оно видитъ своего Монарха, покидающаго отечество, подвергающагося опаснѣйшей борьбѣ, рискующаго своей драгоценной жизнью, столь необходимой государству, потому что съ нею связана его безопасность, и оно погибнетъ, если съ Вами случится несчастье. Государство видитъ еще въ этомъ отъѣздѣ полный застои въ дѣлахъ, такъ какъ развѣ можно ожидать, что усталость и несмѣтныя занятія въ арміи оставятъ Вамъ время думать о другихъ дѣлахъ? Кромѣ того, оно въ немъ видитъ полную невозможность для Васъ слѣдить за событіями Турецкой войны, которая хотя и менѣе интересна, чѣмъ война съ Французами, но не менѣе безпокойна для насъ. Наконецъ, государство трепещетъ за славу, потому что у насъ еще, къ счастью, личная слава Монарха тождественна со славою государства. Если государство имѣетъ достаточно силы и энергіи, чтобы вынести поражение, когда Монархъ не раздѣляетъ его, оно теряетъ свою силу и самообладаніе, если Императоръ раздѣляетъ поражение и оправдываетъ его своимъ присутствіемъ. Государство знаетъ, что въ Ваше отсутствіе главнокомандующій отвѣчаетъ своей головой за судьбу арміи, но что онъ окончательно

теряет эту ответственность, когда все приказанія признаны законными и утверждены Вашимъ присутствіемъ.

И чувствую, дорогой Александръ, что Вы имѣете намѣреніе предоставить власть Беннигсену; но понимаетъ-ли онъ, что Императоръ не высказываетъ своего мнѣнія касательно арміи, а также находить-ли онъ, что разъ это мнѣніе высказано, то оно должно быть выполнено главнокомандующимъ даже тогда, когда оно идетъ въ разрѣзъ съ его взглядами? Предполагать обратное—значить довольствоваться иллюзіями, а такъ какъ онѣ очень опасны въ дѣлахъ, то будьте увѣрены, мой другъ, что съ момента Вашего приѣзда. Ваше государство и вся Европа будутъ думать, что Вы руководите намѣреніями Беннигсена и его планами дѣйствій; такимъ образомъ, огромная ответственность падаетъ на Васъ, его же дѣлается, если не совсемъ ничтожной, то во всякомъ случаѣ, очень облегченной. Государство тогда будетъ тѣмъ болѣе склонно извинять Беннигсена, что всякій чувствуетъ опасность, я скажу даже безыходность положенія, когда онъ является ответственнымъ за Вашу личную безопасность, и съ этого момента, въ этомъ надо сознаться, ему будетъ невозможно (ему болѣе, чѣмъ всякому другому начальнику) не пожертвовать дѣйствительными выгодами, которыя онъ могъ бы получить, изъ страха подвергнуть опасности Вашу жизнь, и нація, которая можетъ только похвалить за это Беннигсена, упрекнетъ Васъ въ томъ, что Вы заставляете его черезъ свое присутствіе пренебрегать ея выгодами.

Вотъ истинная картина опасностей по этому поводу. Какое заключеніе можно вывести изъ всего этого? Вотъ мои размышленія. Вашъ отъѣздъ рѣшенъ и объявленъ, объ этомъ нечего больше говорить; но въ такомъ случаѣ надо сдѣлать такъ, чтобы совершить путешествіе, извлечь изъ него наибольшую пользу и отстранить отъ него всякую опасность. Побѣждайте же въ армію, разсмотрите съ справедливостью, съ правосудіемъ, которое есть въ Вашей душѣ, ея состояніе, ея нужды, будьте Ангеломъ, утѣшителемъ страдающихъ, награждайте за оказанныя услуги, отличайте тѣхъ, которое будутъ Вамъ представлены начальникомъ, воодушевляйте все Ваше прекрасное и храброе войско, показывая ему ту доброту, какая наполняетъ Ваше сердце, не будьте (позвольте мнѣ это Вамъ сказать) строги за ничтожные проступки къ арміи, перенесите сверхъ-человѣческія утомленія: предоставьте младшимъ офицерамъ исправлять эти провинности, а Вы сами не придавайте имъ большого значенія, говоря съ главнокомандующимъ и не упоминайте о нихъ вовсе въ разборѣ съ другими генералами.

Согласитесь и условьтесь на счетъ плана дѣйствій съ главнокомандующимъ и, ожививъ своимъ присутствіемъ армію, оставьте ее и вернитесь къ намъ, чтобы приняться за серьезныя дѣла, которыя обнимаютъ собою весь ходъ Имперіи. Вы будете слѣдить отсюда за дѣйствіями обѣихъ армій, Вы приготовите имъ новыя подкрѣпленія, новыя средства, и, если даже тогда мы потерпимъ пораженіе, оно будетъ частное и не повліяетъ на общій ходъ дѣлъ. Вашъ отъѣздъ изъ арміи и Ваше пребываніе здѣсь будутъ полезны еще въ томъ случаѣ, если обстоятельства вынудятъ къ переговорамъ. Всякое рѣшеніе,

принятое здѣсь, въ Вашей резиденціи, будетъ носить отпечатокъ размышленія, спокойствія и зрѣлаго обсужденія, которое успокоитъ умы, тогда какъ всякіе переговоры изъ арміи, выѣ Вашей резиденціи и вдали отъ Вашего совѣта, будутъ имѣть характеръ поспѣшности и внушать націи неправильныя опасенія.

Мнѣ кажется, что достаточно всего сказаннаго по этому поводу, чтобы доказать Вамъ, какъ необходимо Ваше скорѣйшее возвращеніе для счастья Вашей имперіи.

Я перехожу, дорогой Александръ, къ другому вопросу и умоляю Васъ меня выслушать, такъ какъ онъ будетъ касаться Вашего образа дѣйствій въ арміи, благодаря которому, я надѣюсь, Вы заставите себя обождать. Надо Вамъ сказать, дорогой и хорошій другъ, что, съ момента Вашего пріѣзда въ армію, Вы должны смотрѣть на себя (простите мнѣ это сравненіе) какъ на актера, который появляется на сценѣ. Вашими зрителями и судьями являются цѣлая нація и вся Европа; каждый Вашъ поступокъ, каждое Ваше слово и движеніе будетъ замѣчено, истолковано и пересужено, и о Васъ будетъ составлено мнѣніе на основаніи полученныхъ впечатлѣній. Судите-же, какъ важно для Васъ и для Вашей славы придавать каждому Вашему поступку и дѣйствію характеръ настоящаго величія. Начните, дорогой Александръ, съ уваженія къ самому себѣ, уважая сдѣланный Вами выборъ главнокомандующаго арміей.

Вы знаете, что въ арміи существуютъ заговоры и интриги; мнѣ кажется, что въ данный моментъ они подавлены, но будьте уѣрены, что одно Ваше необдуманное слово можетъ поднять ихъ съ новой силой, и тогда общественное дѣло погибло. Наблюдайте за всѣмъ сами, и если Вы дѣйствительно увидите, что поступки и мысли главнокомандующаго требуютъ измѣненія, объяснитесь лично съ нимъ безъ вмѣшательства третьяго лица. Вы выслушаете его доводы, Вы обсудите ихъ съ той естественной прямою, на которую способенъ Ваше сердце и укажете ему то, что Вы хотѣли бы измѣнить. Подобный образъ дѣйствій не оскорбляетъ и не ожесточаетъ въ дѣлахъ, всякій же другой принести имъ вредъ. Ради Бога, дорогой Александръ, старайтесь производить точныя различія между генералами арміи, основываясь на рекомендаціяхъ, данныхъ о нихъ главнокомандующимъ. Подобная щепетильность съ Вашей стороны будетъ настоящимъ благомъ для повиновенія и поставитъ Васъ выѣ упрековъ, такъ какъ Вы должны полагаться на мнѣніе того, кто ихъ видѣлъ въ дѣлѣ на полѣ битвы; пусть Ваша доброта относительно тѣхъ, которыхъ Вы удостоиваете публично своей благосклонностью, будетъ лишена фамильярности, которая есть настоящее зло. Въ томъ положеніи, въ которомъ Вы находитесь, дорогой Александръ, надо, чтобы Вы проводили различіе при оцѣнѣ поступковъ отличившагося старика или молодого человѣка, т. е. если Вы отнесетесь къ нимъ одинаково, то старикъ не будетъ чувствовать себя польщеннымъ, и его усердіе ослабнѣетъ. Будьте добры и привѣтливы съ войсками; одно ласковое слово, сказанное во-время, воспламеняетъ мужество. Не будьте, ради Бога, требовательны къ мелочамъ, на которыя обращаютъ вниманіе въ гарнизонѣ, но которыя утомляютъ солдата и внушаютъ ему отвращеніе. Наконецъ, дорогой

Александръ, такъ какъ Вы говорили, что не хотите командовать, то Вы избѣгнете, къ счастью, необходимости наказывать. Это надо предоставить исключительно Бенигсену, а Вы, дорогой Александръ, будете имѣть удовольствіе награждать и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, прощать.

Для Васъ очень также важно, дорогой Александръ, не выказывать никакого предпочтенія Прусскимъ солдатамъ, офицерамъ и генераламъ; если они исполняютъ свою обязанность, тѣмъ лучше для ихъ чести, тѣмъ лучше для общаго дѣла; но, мой дорогой другъ, Вы вооружите противъ себя всѣхъ, если можно будетъ замѣтить или даже только подозрѣвать (а наша нація имѣетъ много такта), что Вы предпочитаете ихъ войска и офицеровъ своимъ. Это оскорбитъ національное самолюбіе, и это не простится, дорогой Александръ. Чтобы избѣгнуть возможности подобнаго осужденія, надо воздерживаться отъ сравненія обоихъ войскъ.

Мнѣ остается еще, обсуждая этотъ вопросъ, остановить Ваше вниманіе на томъ, что Вы должны заботиться о самосохраненіи, дорогой и многολюбимый Александръ; къ несчастію, Вамъ уже пришлось однажды, при прискорбныхъ обстоятельствахъ, выказать личную доблесть; Ваша нація это знаетъ и, отдавая справедливость Вашему мужеству, жестоко порицаетъ Васъ за то, что Вы рисковали ея благополучіемъ, подвергая себя опасности. Вашъ долгъ Монарха настойчиво запрещаетъ Вамъ подобное повтореніе, и Вы совершите преступленіе противъ Государства, Вашей семьи и матери, если нарушите это запрещеніе. Не увеличивайте безпокойства, которое терзаетъ мое сердце, и обѣщайте мнѣ свято заботиться о своей безопасности.

Я перехожу, наконецъ, къ третьему вопросу о которомъ я хотѣла говорить съ Вами; онъ касается Вашихъ политическихъ дѣйствій во время Вашего пребыванія въ арміи. Вы догадываетесь, что я хочу говорить про Пруссію.

Дорогой Александръ, я не перестану Вамъ повторять, что пристрастіе Вашего Дѣда къ Берлинскому двору стало его гибелью, привязанность Вашего Отца къ этому же двору была для него пагубна, а Ваша, дорогой Александръ, была въ достаточной мѣрѣ неудачна до сихъ поръ. Я не хочу перечислять прошлые недочеты Берлинскаго двора относительно насъ, буду лишь очень просить Васъ поступать такъ, чтобы никто не могъ обвинить Васъ въ томъ, что Вы жертвуете ему интересами и славой Вашей страны. Ясно, что взялись за оружіе, чтобы помочь Пруссіи и спасти ее, но не менѣе ясно и то, что вслѣдствіе этого мы видимъ наши окраины въ опасности, а Васъ вынужденнымъ просить у націи значительной помощи, несслыханной въ лѣтописяхъ Россіи. Этимъ Вы какъ бы зондировали Вашихъ подданныхъ, и никогда еще нація не высказывала болѣе прекраснаго и величественнаго характера. Общее мнѣніе было выражено самымъ трогательнымъ и удовлетворяющимъ Васъ образомъ, дорогой Александръ.

(Пропускъ въ письмѣ).

Возстановленіе Пруссіи является второстепеннымъ вопросомъ для дѣла; такимъ образомъ, всѣ ожидаютъ, что переговоры о мирѣ будутъ вестись согласно этому правилу, т. е. что онъ будетъ заключенъ на выгодныхъ, славныхъ и по-

четныхъ для насъ условіяхъ, а возстановленіе Пруссіи будетъ являться только какъ второстепенная выгода. Вотъ, дорогой и хорошій Александръ, мой взглядъ (и я думаю, что онъ справедливъ) на общія ожиданія. Поэтому надо, чтобы своими дѣйствіями въ политикѣ Вы убѣдили націю, что поступаете только въ интересахъ ея славы и ея спокойствія, что Прусское вліяніе не существуетъ, что Вы оказываете ей только покровительство и поддержку, что Вы заключите миръ не тогда, когда этого захочетъ Пруссія, но когда это захотите Вы и когда Вы найдете, что миръ будетъ славенъ и необходимъ для Вашего Государства.

Вотъ, мой дорогой другъ (вѣрите въ этомъ опытности и сердцу Вашей матери) главный пунктъ, на который Вы должны обратить вниманіе, чтобы избѣжать справедливыхъ упрековъ Вашихъ современниковъ и потомства. Я сознаюсь, что это разсужденіе побуждаетъ меня высказать одно желаніе, надъ которымъ я очень прошу Васъ подумать. Если бы на самомъ дѣлѣ переговоры о мирѣ начались во время Вашего пребыванія въ арміи, то я считала бы очень важнымъ для Васъ вызвать къ себѣ нѣкоторыхъ министровъ, чтобы посоветоваться съ ними и внушить, такимъ образомъ, націи довѣріе къ этимъ переговорамъ. Если Вы пренебрежете этой предосторожностью, дорогой Александръ, то послѣдствія будутъ самыя плачевныя, и ничто не оградитъ Васъ отъ упрековъ во вліяніи Берлинскаго двора.

Вотъ, мой хорошій другъ, что я излагаю поспѣшно сегодня вечеромъ на бумагѣ; я надѣялась съ Вами говорить, но Ваши занятія не позволяютъ мнѣ сдѣлать это, потому я пишу Вамъ, и пусть чувство нѣжности, которое диктовало мнѣ эти мысли, заставитъ Васъ разобраться въ нихъ и обратить на нихъ вниманіе.

III.

Ce Jeudi, 23 Mai 1807.

J'ai reçu à mon réveil votre lettre du 17, cher Alexandre, et vous en remercie. Mais, mon bon Ami, la nouvelle que vous m'y donnez que *Danzig doit capituler, parce que la garnison n'a plus de charge de canon* m'a décomposée, je vous l'avoue. Quel sera le sort de cette malheureuse ville, de cette belle et valeureuse garnison? Je vous avoue, cher Alexandre, que, comme vous me dites dans le courant de votre lettre que Mr. de Bennigsen allait se porter en avant, mais qu'il trouverait Bonaparte renforcé des 28.000 hommes qui avaient fait le siège, je crains que la reddition de Danzig n'ait déjà eu lieu, et que c'est par ménagement que vous ne me l'énoncez pas clairement. Moi qui suis femme, et, par conséquent, totalement ignare en tactique, je m'afflige profondément de la perte de cette place, que j'ai supposée un point bien intéressant sous le rapport militaire et pour les facilités qu'il donnait par son port d'approvisionner l'armée. Enfin, Dieu veuille détourner de nous les suites fâcheuses que cette prise peut avoir pour vous et bénir les opérations que Bennigsen va entreprendre! Ainsi soit-il!

Je m'occuperai dès demain d'organiser la bâtisse nécessaire à l'Institut des Orphelines d'après le mode que je vous ai proposé et que vous avez approuvé; j'espère que tout pourra être terminé avant l'automne. J'en viens à l'article du logement de notre digne Lamsdorf, et je dois vous remarquer en premier lieu qu'il y a erreur si vous supposez, comme vous me le dites, que l'appartement de l'Archiduc entrerait dans mon projet d'appartement pour Lamsdorf; il restait parfaitement intact, et il ne s'agissait que du simple pavillon où les cartes avaient été, et où mon Olimpe occupait quelques chambres. Ensuite permettez-moi d'oser vous dire encore, cher Alexandre, qu'à 63 ans il y a une terrible différence à descendre et monter un escalier froid, à passer en voiture avant les 8 heures du matin, ou à traverser de plain-pied un corridor de moins de 10 toises de long pour passer ensuite par les appartements bien chauffés de feu votre Père et des miens pour se rendre chez vos frères. Tel aurait été le cas de l'appartement que je vous avais demandé pour Mr. de Lamsdorf, mais dès ce que vous ne voulez pas, la chose tombe d'elle-même. Mais j'ose vous demander, cher Alexandre, de vouloir faire donner vos ordres pour trouver un logement pour Lamsdorf, parce qu'il lui est impossible de rester dans la maison qu'il habite: il s'y trouve et il y est trop mal, et, au pied de la lettre, il n'a pas une chambre qui ne soit remplie de ses enfants, jusqu'à l'antichambre; avec cela, la maison est parfaitement dégradée, tous ceux qui vont chez Lamsdorf pourront vous l'attester, et pour que vous et le C-te Tolstoï en soyez persuadés, j'ai ordonné à Lanskoï d'en faire l'inspection, et il en rendra compte au C-te Tolstoï. L'année passée déjà, Lamsdorf m'avait parlé de l'état de son appartement, j'avais l'espoir de le voir loger ici; cet hiver, il m'a répété la même chose, et, sa maison se dégradant de plus en plus, j'ai eu l'idée éphémère, en voyant l'appartement où mon frère Alexandre avait demeuré, de vous faire cette proposition, parce que, d'une façon ou l'autre, il ne peut rester où il se trouve: un valet de chambre est mieux logé que ne l'est ce digne homme, et en vérité, sous tout les rapports, il mérite nos plus grands égards, et toute votre reconnaissance, car il se voue à sa place avec un zèle méritoire et peu commun. Certainement, cher Alexandre, votre idée serait parfaite de le loger au-dessus de vos frères, mais Mr. de Soltikof n'avait que trois enfants, et Lamsdorf en a encore sept ou huit en bas âge; avec cela, Soltikof était défrayé de tout et faisait bombance aux frais de la Cour sans autre soin que de se mettre à table: ce ne serait pas le cas de Mr. de Lamsdorf, qui, tenant ménage, doit avoir de la place pour ces détails. Vous dites qu'on pourrait placer les d-ll'es d'honneur où avaient été les femmes de chambre d'Alexandrine, d'Hélène, de Marie, et que le mal est que toutes les femmes de chambre

occupent trois fois plus qu'elles n'occupaient avant. J'ai demandé à la générale Lieven des détails sur les chambres des femmes de mes trois filles, et les recevrai demain, par lesquels vous verrez qu'une grande et la plus grande partie de ces appartements ont été rendus au C-te Tolstoï. Je suis fâchée de vous avoir embarrassé un instant, cher Alexandre, avec la proposition de mon projet et n'y pense plus, mais je vous prie de donner vos ordres pour loger Mr. de Lamsdorf. Pardonnez-moi de vous ennuyer de ces détails: si Dieu m'eût conservé mon Epoux, et à mes Enfants leur Père, ce serait lui qui aurait soigné tout ce qui intéresse leur éducation: présentement, je ne puis que m'adresser à vous, cher Alexandre, qui devez remplir la place de père pour vos frères et, par conséquent, vous intéresser à tout ce qui peut contribuer à les voir devenir des sujets distingués, et de bons serviteurs de l'Etat et de vous. Ils réussiront s'ils ont le bonheur d'être conduits jusqu'à la fin de leur éducation par Lamsdorf: ainsi il faut tâcher de conserver ce digne homme. Bonsoir, cher Alexandre, je Vous embrasse tendrement.

Переводъ.

III.

23 Мая 1807 г. Четвергъ.

Я получила, какъ только проснулась, Ваше письмо отъ 17. дорогой Александръ, и благодарю Васъ за него. Но, мой хорошій другъ, я должна Вамъ сознаться, что меня очень разстроило извѣстiе о томъ, что „Данцигъ долженъ сдаться на капитуляцію, такъ какъ въ гарнизонѣ нѣтъ больше запаса пороха“. Какова будетъ судьба этого несчастнаго города? Этого прекраснаго и доблестнаго гарнизона? Мнѣ кажется, дорогой Александръ, основываясь на томъ, что Вы мнѣ пишете, что Бенигсенъ долженъ былъ двинуться впередъ, но что Бонапартъ получилъ въ это время подкрѣпленіе въ 28000 человекъ и осадилъ городъ, что сдача Данцига уже совершилась и что Вы не говорите мнѣ это, пади меня. Хотя, какъ женщина, я совершенно несвѣдуща въ тактикѣ, но тѣмъ не менѣе я глубоко огорчена потерей этой крѣпости, которую я считала очень важнымъ пунктомъ въ военномъ отношеніи, а также влѣдствіе удобства подвоза провіанта для арміи.

Да отвратитъ Господь отъ Васъ печальныя послѣдствія этой потери и да благословитъ Онъ дальнѣйшія дѣйствія Бенигсена. Да будетъ такъ!

Съ завтрашняго дня я займусь устройствомъ необходимаго помѣщенія для сиротскаго института, согласно плану, который я Вамъ представила и который Вы одобрили. Я думаю, что все можетъ быть кончено къ осени.

Теперь я перехожу къ вопросу о помѣщеніи для нашего уважаемаго Ламсдорфа, дорогой Александръ, и я должна Вамъ замѣтить прежде всего, что Вы ошибаетесь, если предполагаете, что при устройствѣ квартиры Ламсдорфу я хотѣла воспользоваться апартаментами Эрцгерцога. Они остались неприкосновенны, и дѣло касалось лишь простаго флигеля, гдѣ помѣщались раньше придворные и гдѣ мой Олимпъ занималъ нѣсколько комнатъ. Затѣмъ, по-

звольте мнѣ Вамъ сказать еще, дорогой Александръ, что для человека въ 63 года есть огромная разница, между тѣмъ чтобы спускаться и подниматься по холодной лѣстницѣ, выѣзжая притомъ раньше восьми часовъ утра, или тѣмъ, чтобы проходить по ровному корридору менѣе 10 сажень длины и затѣмъ черезъ хорошо топленные апартаменты Вашего покойнаго Батюшки и мои, чтобы попасть къ Вашимъ братьямъ. Таково было бы то помѣщеніе, которое я просила у Васъ для Ламедорфа; но разъ Вы этого не хотите, то вопросъ падаетъ самъ собой. Однако я рѣшаюсь просить Васъ, дорогой Александръ, приказать найти помѣщеніе для Ламедорфа, потому что онъ не можетъ оставаться болѣе въ томъ домѣ, гдѣ онъ живетъ; ему тамъ очень неудобно, и у него буквально нѣтъ ни одной комнаты, не исключая и передней, которая не была бы занята его дѣтьми. Къ тому же самъ домъ пришелъ въ полный упадокъ; это Вамъ могутъ подтвердить всѣ тѣ, которые бывають у Ламедорфа и, чтобы убѣдить въ этомъ Васъ и графа Толстого, я приказала Ланскому произвести осмотръ дома и представить объ этомъ отчетъ графу. Еще въ прошломъ году Ламедорфъ говорилъ мнѣ о плохомъ состояніи своего помѣщенія, и я надѣялась, что онъ поселится здѣсь; этой зимой онъ повторилъ тоже самое и такъ какъ его домъ все болѣе и болѣе разрушается, мнѣ пришла бѣлая мысль при видѣ тѣхъ апартаментовъ, въ которыхъ жилъ мой братъ Александръ, попросить Васъ устроить его здѣсь, такъ какъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставаться тамъ, гдѣ онъ живетъ теперь. Камердинеръ устроенъ лучше, чѣмъ этотъ достойный человекъ, а на самомъ дѣлѣ, онъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ нашего самаго большого уваженія и Вашей благодарности, такъ какъ онъ отдаетъ всего себя Вамъ съ необыкновеннымъ и рѣдкимъ рвеніемъ.

Конечно, дорогой Александръ, Ваша мысль помѣстить Ламедорфа надъ Вашими братьями была бы прекрасна; но Салтыковъ имѣлъ только трое дѣтей, а у Ламедорфа ихъ семь или восемь малолѣтнихъ. Кромѣ того Салтыковъ былъ избавленъ ото всѣхъ расходовъ и былъ отъ двора, тогда какъ Ламедорфъ, который самъ ведетъ хозяйство, долженъ имѣть для этого достаточно помѣщенія. Вы говорите, что можно было бы помѣстить фрейлинь туда, гдѣ раньше были служанки Александры, Елены и Маріи и что все зло въ томъ, что служанки занимають теперь въ три раза больше мѣста, чѣмъ раньше. Я просила генеральшу Ливенъ дать мнѣ свѣдѣнія о комнатахъ, занимаемыхъ горничными моихъ трехъ дочерей; получу ихъ завтра, и Вы тогда увидите, что большая часть этого помѣщенія отдана графу Толстому.

Мнѣ очень жаль, дорогой Александръ, что я обезпokoила Васъ своимъ предложеніемъ, но я уже болѣе о немъ не думаю. И Васъ прошу, все таки, приказать устроить Ламедорфа. Извините, что я надoбдаю Вамъ этими подробностями; если бы Господь сохранилъ мнѣ моего Супруга, а моимъ дѣтямъ ихъ отца, то это былъ бы онъ, который заботился бы обо всемъ, что касается ихъ воспитанія. Теперь же я могу обращаться только къ Вамъ, дорогой Александръ, который долженъ замѣнить отца своимъ братьямъ и интересоваться всѣмъ тѣмъ, что можетъ помочь имъ стать вѣрными подданными и хорошими слу-

гами Государству и Вамъ. Это и будетъ, если ихъ воспитаніе доведется до конца Ламсдорфомъ, поэтому надо стараться сохранить этого достойнаго человѣка.

До свиданія, дорогой Александръ, нѣжно обнимаю Васъ.

IV.

Ce Vendredi, 24 Mai.

Bonjour, cher et bon Alexandre, enfin nous avons une journée d'été, aussi comptons-nous nous établir demain, s'il plaît à Dieu, au Palais Taurique y passer notre été, mais, comme tous les chemins mènent à Rome, si le temps est beau demain, j'irai dîner à Pawlovsk, pour venir coucher à la Tauride. On me prêche l'exercice, car, depuis ma douleur du dos, je suis du plus au moins incommodée des hémorroïdes, qui se portent tantôt à la tête, tantôt au dos, et me tourmentent assez: j'espère que l'exercice me chassera ces vilains petits maux. Lanskoï vient dans ce moment me rendre compte de la visite qu'il a faite de la maison de Lamsdorf; en honnête homme, il en rendra compte à Tolstoï, il m'a dit, en ces termes: le général y demeure comme on se trouve sur un vaisseau, entassés les uns sur les autres, et avec cela la maison est en ruine. Vous voyez donc, cher et bon Alexandre, que vos ordres sont nécessaires pour lui faire changer de logement. Je n'ai rien de bien intéressant à vous dire d'ici, nous allons monter à cheval à Catrinenhof, j'y vais pour faire plaisir à Catau qui le désire. Mes pensées n'ont que vous pour objet; je tâche de comprendre mille choses que je ne comprends pas, c'est-à-dire de me les expliquer, mais je n'y réussis pas: il faut attendre votre retour. Toute la ville en parle, mais vous, vous, cher Alexandre, ne m'en dites rien: ainsi qu'en croire? Dieu veuille réaliser cette attente générale, et ce voeu de mon cœur! Alexandre, je suis triste et inquiète, je ne sais pas aimer froidement, ni penser tranquillement à mon Enfant dans les circonstances actuelles. Que la Providence veille sur vous, sur la Russie, et nous accorde succès et bonheur! Adieu, mon bon cher Ami. Maman vous embrasse de ses deux bras et vous aime tendrement.

Marie.

Переводъ.

IV.

24 Мая, Пятница.

Здравствуйте, дорогой и хорошій Александръ,

Сегодня наконецъ у насъ лѣтній день, поэтому мы рассчитываемъ переселиться завтра, если это будетъ угодно Богу, въ Таврической дворецъ, чтобы провести тамъ лѣто, а такъ какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ, то если завтра будетъ хорошая погода, я поѣду обѣдать въ Павловскъ и вернусь ночевать въ Таврической дворецъ. Мнѣ прописано движеніе, такъ какъ съ тѣхъ поръ,

какъ у меня стала болѣть спина, меня болѣе или менѣе беспокоитъ геморрой, который бросается то въ голову, то въ спину, что причиняетъ мнѣ мученія. Я надѣюсь, что движеніе прогонитъ эти недомоганія.

Ланской только что приходилъ сдѣлать мнѣ отчетъ въ своемъ осмотрѣ дома Ламсдорфа; онъ, какъ честный человѣкъ, представить этотъ отчетъ Толстому. Онъ мнѣ сказалъ, что семья генерала живетъ тамъ, какъ на кораблѣ, сбившись въ одну кучу, и домъ къ тому же совершенно разрушенъ.

Вы видите, дорогой Александръ, что Вамъ необходимо приказать перемѣнить ему квартиру.

Я не могу сообщить Вамъ ничего интереснаго про нашу здѣшнюю жизнь. Скоро мы будемъ ѣздить верхомъ въ Екатерингофъ. Я поѣду туда, чтобы доставить удовольствіе Като, которая этого хочетъ.

Всѣ мои мысли заняты Вами. Я стараюсь понять, т. е. объяснить себѣ тысячу вещей, которыхъ я не понимаю, но это мнѣ не удастся. Надо подождать Вашего возвращенія. Весь городъ говоритъ о немъ, но Вы, дорогой Александръ, Вы ничего не говорите мнѣ. Чему-же вѣрить? Да оправдаетъ Господь общія ожиданія и желанія моего сердца!

Александръ, я грустна и безпокойна, я не умѣю любить холодно и думать спокойно о моемъ ребенкѣ при существующихъ обстоятельствахъ. Пусть Провидѣніе сохранитъ Васъ и Россію и дастъ намъ успѣхъ и счастье.

Прощайте, мой хорошій, дорогой другъ. Ваша мать обнимаетъ Васъ обѣими руками и любитъ Васъ нѣжно.

Марія.

V.

Au Palais Taurique, ce Samedi 25 Mai 1807.

Nous voici établis depuis dîner ici, cher et bon Alexandre. Dieu veuille que nous vous y voyons bientôt des nôtres, et alors nous serons toutes heureuses. Je vous avais dit hier, cher Alexandre, que je prendrais la route de Pawlovsk pour venir ici, mais Creighton en a décidé autrement: il n'a pas consenti à cette course, parce qu'il a craint que mon mal de dos, qui n'est pas entièrement passé, pourrait redevenir plus fort si je m'échauffais, les hémorroïdes me tracassant encore. J'ai senti la justesse de cette remarque, et je n'ai pas voulu risquer pour une fantaisie de souffrir plusieurs jours. Avant de venir ici, j'ai été à la Forteresse, cher et bon Alexandre, demander aux pieds du cercueil de votre bon Père qu'il vous bénisse, et j'ai supplié l'Être Suprême d'exaucer les bénédictions de votre Père. Le temps nous a favorisés aujourd'hui; il a fait très chaud et très beau, la verdure pousse beaucoup, mais cependant il n'y a encore que les bouleaux de verts. J'ai reçu hier soir, mon bon Ami, votre lettre du 19 et je ne puis assez vous exprimer ma vive sensibilité sur la manière tendre et remplie de délicatesse dont vous vous exprimez pour moi au sujet du projet de mariage de

notre Catiche. Veuillez l'Être Suprême diriger la chose d'après sa Sainte volonté et pour le bonheur de Catau! C'est lui, et lui seul, que mon cœur désire et que l'espérance de la savoir contente et satisfaite le base, cher et bon Alexandre, sur le caractère loyal et honnête de l'Empereur: il ne faut que des qualités de cœur aux époux de mes filles pour qu'elles soient heureuses. Est-il possible d'être plus nul, plus dépourvu, entre nous soit dit, de bon sens, de tout moyen quelconque que le Pr. de Weimar? Eh bien! il a bon cœur, il est honnête: Marie est heureuse avec lui, et l'aime tendrement. Hélène aimait le Pr. de Mecklembourg, qui n'est rien moins qu'aimable, parce qu'il était bon. Enfin il n'y avait qu'Alexandrine qui avait le bonheur de réunir dans son époux l'homme essentiel et le meilleur caractère. En vérité, cher Alexandre, vos sœurs ont des principes si sûrs, un si grand fonds de religion, d'amour de leurs devoirs, qu'elles baseront toujours leur jugement sur leurs époux, sur les qualités essentielles du caractère et leur feront grâce de ceux qui ne portent que sur l'agrément. Ce n'est qu'après le plus sévère examen des sentiments de Catherine que je vous ai écrit, cher Alexandre: si je ne les avais pas trouvés très prononcés pour cet établissement après que nous en avons analysé les deux faces, jamais je ne vous en aurais articulé un mot. Faites une réflexion bien importante, cher Alexandre, et puis jugez Maman, et l'effort qu'elle a dû faire sur elle-même pour mettre en train cette affaire. Le bonheur, l'agrément, la consolation de mes jours tient à la présence de Catiche; elle est mon Enfant, mon Amie, ma compagne, le charme de mes jours: tout mon bonheur personnel croule lorsqu'elle s'éloigne, et cependant, parce qu'elle croit trouver le sien dans cet établissement, que je l'espère de même, je m'oublie, je m'abasourdis sur la blessure profonde que je fais à mon cœur, et ne pense qu'à Catau.

Votre réflexion, cher Alexandre, sur la nécessité de sonder l'Archevêque avant de faire remettre ma lettre est des plus sages et juste, mais je ne pourrai me permettre cette démarche avant que vous me la dictiez. J'ai écrit aujourd'hui à l'Archevêque de main propre la lettre dont voici la copie; j'ai cru mieux faire d'écrire que de mettre un troisième encore dans la confidence, et puis nous aurons noir sur blanc son opinion. Il m'a fait dire que demain matin je recevrais sa réponse: mais il est impossible qu'il puisse faire des difficultés, les exemples que je lui cite sont trop frappants, et puis d'ailleurs je me rappelle que feu l'Archevêque Gabriel disait qu'il y a une loi, un édit de Pierre I qui dit que les mêmes observances pour les particuliers, en fait de mariage, ne sauraient être observées pour les familles des têtes couronnées. L'Archevêque Gabriel n'avait pas trouvé de difficulté au mariage d'une des petites avec son Cousin Germain, le Pr. Electoral de Würtemberg: même il avait poussé

les facilités si loin qu'il avait dit, lors du projet de mariage en Suède, qu'Alexandrine, quoique restant de notre religion, pourrait cependant aussi communier à la luthérienne avec le Roi; mais voilà à quoi et feu l'Empereur et moi n'avons jamais voulu consentir. Voyons ce que l'Archevêque Ambroise me répondra demain.

Je commence à croire à la perte de Danzig, cher Alexandre; toute la ville en parle: les négociants doivent en avoir reçu la nouvelle de Memel et de Königsberg. J'avoue que j'en suis très affligée. Que sera devenu le beau corps de nos troupes commandé par le Pr. Tscherbатов, et quels auront été les articles de la capitulation? Cher et bon Alexandre, vous me dites que *les devoirs dont vous avez été abreuvé* vous ont empêché de me parler de nos avantages partiels; savez-vous que ces mots soulignés par moi m'ont fait un mal affreux! Que ne puis-je alléger vos peines, que ne puis-je les partager et porter dans votre âme les consolations de l'amour maternel et de la plus vive tendresse! Bonsoir, cher et bon Alexandre, que Dieu vous bénisse comme vous l'êtes par moi!

Переводъ.

V.

Въ Таврическомъ дворцѣ, 25 Мая 1807 года, Суббота.

Мы переѣхали сюда послѣ обѣда, дорогой и хорошій Александръ. Дай Богъ, чтобы мы поскорѣ увидѣли Васъ съ нами, и тогда мы все будемъ счастливы. Я Вамъ писала вчера, дорогой Александръ, что я поѣду сюда через Павловскъ, но Крейтонъ рѣшилъ иначе. Онъ не согласился на эту поѣзду, потому что онъ боялся, что мои боли въ спинѣ, которыя не совсѣмъ еще прошли, сдѣлаются сильнѣе, если я разгорячусь, такъ какъ геморой все еще меня мучаетъ. Я поняла справедливость этого замѣчанія и не захотѣла изъ-за фантазій подвергать себя риску и мучиться нѣсколько дней.

Прежде чѣмъ пріѣхать сюда, я была въ крѣпости, дорогой и хорошій Александръ, и просила у гроба Вашего Отца, чтобы онъ благословилъ Васъ; я умоляла также Всевышняго, чтобы Онъ услышалъ отцовскія молитвы.

Сегодня намъ погода благоприятствовала: было очень тепло и хорошо. Зеленъ распускается быстро, но пока еще одиѣ только березы покрыты листьями.

Я получила вчера вечеромъ Ваше письмо, мой хорошій другъ, и я Вамъ очень признательна за ту нѣжность и деликатность, съ которой Вы выражаетесь по поводу проектовъ о бракѣ нашей Катюши. Да устроитъ все Всевышній по Своей святой волѣ и на счастье Като.

Мое сердце желаетъ только одного ея счастья, и я основываю свою надежду видѣть ее довольной и удовлетворенной, дорогой Александръ, на прямотѣ и честности характера Императора. Чтобы мои дочери были счастливы, надо только, чтобы ихъ супруги имѣли сердечныя качества. Можно-ли быть болѣе ничтожнымъ, болѣе лишеннымъ здраваго смысла и способностей, говоря между нами, чѣмъ принцъ Веймарскій? Но у него доброе сердце, онъ

честень, и Марія счастлива съ нимъ и нѣжно любитъ его. Елена любила Мекленбургскаго, который былъ вовсе не любезень, но добръ; одна только Александра имѣла счастье соединить въ своемъ супругѣ надежнаго человѣка и отличный характеръ.

На самомъ дѣлѣ, дорогой Александръ, Ваши сестры имѣютъ такіе твердые принципы, такую глубокую основу вѣры и любви къ своимъ обязанностямъ, что онѣ всегда будутъ руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ о супругахъ главными качествами ихъ характеровъ и извинять имъ отсутствіе другихъ достоинствъ.

Я Вамъ написала про это, дорогой Александръ, только послѣ очень строгой провѣрки чувствъ Екатерины. Если бы я нашла ихъ недостаточно сильными для ея вступленія въ бракъ и не взвѣсила бы всѣ положенія, я никогда не заикнулась бы Вамъ объ этомъ. Подумайте серьезно надъ этимъ, дорогій Александръ, и судите потомъ Вашу мать и тѣ усилія, которыя она должна была сдѣлать надъ собой, чтобы дать ходъ этому дѣлу. Счастье, радость и спокойствіе моей жизни зависятъ отъ присутствія Като. Она мое дитя, мой другъ, моя подруга, прелесть моихъ дней; мое личное счастье рухнетъ, если она уйдетъ отъ меня, но т. к. она думаетъ, что найдетъ свое счастье въ этомъ бракѣ и такъ какъ я надѣюсь тоже на это, то я забываю себя, ту глубокую рану, которую я наносу своему сердцу, и думаю только о Като.

Ваше размышленіе, дорогій Александръ, о необходимости узнать мнѣніе архіепископа, прежде чѣмъ отправить мое письмо, очень справедливо и умно, но я не могу рѣшиться на этотъ поступокъ безъ Вашего руководства. Я написала сегодня собственноручно архіепископу письмо, копію съ котораго посылаю Вамъ. Я предпочла написать, чѣмъ вмѣшиваться въ это дѣло третье лицо, и потомъ мы будемъ такимъ образомъ имѣть его мнѣніе, написанное чернымъ по бѣлому. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что я получу его отвѣтъ завтра утромъ. Невозможно, чтобы онъ сдѣлалъ какія-нибудь затрудненія; примѣры, которые я привожу ему, слишкомъ значительны и, къ тому же, я помню, что покойный архіепископъ Гавріиль говорилъ, что есть одинъ законъ Петра I, въ которомъ сказано, что уставы о бракѣ для частныхъ лицъ не примѣняются къ коронованнымъ особамъ. Архіепископъ Гавріиль не сдѣлалъ никакихъ затрудненій во время брака одной изъ моихъ дѣвочекъ съ ея двоюроднымъ братомъ курфюрстомъ Вюртембергскимъ. Онъ даже былъ такъ снисходителенъ, что сказалъ при заключеніи брака въ Швеціи, что Александра можетъ, не мѣняя своей религіи, причащаться по лютеранскому обряду съ королемъ. Но на это ни умершій Императоръ, ни я никогда не хотѣли согласиться. Посмотримъ, что отвѣтитъ мнѣ завтра Архіепископъ Амвросій.

Я начинаю вѣрить въ потерю Данцига, дорогій Александръ. Весь городъ говоритъ объ этомъ. Негоціанты получили это извѣстіе изъ Мемеля и Кенигсберга. Я сознаюсь, что я этимъ очень огорчена. Чтò стало съ нашимъ отрядомъ подъ командою князя Щербатова? И какія условія капитуляціи? Дорогой и добрый Александръ, Вы говорите мнѣ, „что дѣла, которыми Вы были

завалены“, помѣшали Вамъ говорить мнѣ о нашихъ частныхъ выгодахъ. Знаете-ли Вы, что Ваши слова, подчеркнутыя мною, причинили мнѣ большую боль?

Почему я не могу облегчить Ваши труды и успокоить Вашу душу материнской любовью и нѣжностью? До свиданія, дорогой и хорошій Александръ, да благословить Васъ Богъ, какъ я благословляю Васъ.

VI.

Ce 26 Mai, Dimanche.

Je viens de me promener avec Catiche, mais le soleil est si poignant qu'il est impossible de faire une bonne promenade, car l'ombre nous manque. C'est pendant les apprêts de la promenade que j'ai reçu la réponse de l'Archevêque, que je joins ici en original, cher et bon Alexandre. Ainsi la conscience est à l'aise de ce côté, et Dieu seul décidera de la chose selon sa bonté et sa sagesse, sans que je me permette de pénétrer ses vues, ni sans que je me permette de même de vœux trop ardents. Que faites-vous, mon bon Ami? Quelles sont vos dispositions? Avez-vous lieu d'être plus content, êtes-vous inquiet ou rassuré, voilà les pensées dominantes du cœur de Maman, car mon Alexandre est tout, tout pour moi. Adieu, cher Enfant, je vous aime et vous embrasse tendrement.

Marie.

Переводъ.

VI.

26 Мая, Воскресенье.

Я только что гуляла съ Катинь, но солнце такое жгучее, что невозможно много гулять, потому что нѣтъ тѣни. Во время приготовленій къ этой прогулкѣ я получила отвѣтъ архіепископа, который я прилагаю въ оригиналѣ, дорогой и хорошій Александръ. Съ этой стороны совѣтъ можетъ быть спокойна. Одинъ Господь рѣшить все по Своей добротѣ и разуму, и я не позволю себѣ проникать въ Его намѣренія и высказывать слишкомъ горячія желанія.

Что дѣлаете Вы, мой хорошій другъ? Какіе Ваши планы? Имѣете-ли Вы основанія быть болѣе довольнымъ; волнуетесь-ли Вы или успокоились? Вотъ главные вопросы, занимающіе сердце Вашей матери, потому что мой Александръ все для нея.

До свиданія, дорогое дитя, я Васъ люблю и нѣжно цѣлую.

Марія.

*

Извиняемся въ томъ, что не всѣ эти письма переведены съ должною тщательностію. Вспоминается намъ и двустишіе Пушкина: Доселѣ гордый нашъ языкъ къ почтовой прозѣ не привыкъ. П. Б.

Изъ письма Ф. Ф. Вигеля къ М. Е. Вигель¹⁾.

Милая сестрица Марѳа Ефимовна.

У меня здѣсь времени какъ-то ни на что не достаетъ: ко множеству стараго знакомства присоединилось еще много новаго, такъ что едва успѣваю я выѣзжать по приглашеніямъ. Иной сказалъ бы, что мнѣ житье здѣсь да и только; но съ моею хворостью и слабостью одинъ Богъ знаетъ, чего мнѣ это стоитъ. Впрочемъ, можетъ быть, это меня и поддерживаетъ, и я не совсѣмъ опустился и облѣнился. Вотъ таки третьяго дня былъ я на великолѣнномъ балѣ у графа Закревскаго: что дѣлать! онъ, говорятъ, не любитъ, когда его приглашеніями не хотятъ пользоваться, а между тѣмъ онъ ко мнѣ такъ добръ.

Много посѣщаю я старухъ, напоминающихъ мнѣ старые амуръ: наприм., княжна Наталья Юрьевна Салтыкова, въ которую я слылъ влюбленнымъ тому сорокъ пять лѣтъ назадъ; она была тогда во всемъ блескѣ славы и красоты и теперь еще, въ 70 почти лѣтъ, кажется лѣтъ пятидесяти и въ совершенной только зрѣлости. Мы все говоримъ о быломъ, о прошедшемъ; она увѣряетъ меня, будто изъ молодыхъ она мало видѣла столь красивыхъ, какъ я былъ; я увѣряю ее, что красивѣе ея я не видѣлъ тогда женщины, и это взаимно пріятно. Меня останавливало посѣтить ее то, что сынъ ея женился на Лужиной, племянницѣ Ховриной; но мы встрѣтились, объяснились, и я нашелъ, что не только она²⁾ и невѣстка ея раздѣляютъ мои чувства къ этой педанткѣ, которая мучила ребячество княгиньки. Она умѣла теперь выжить се изъ дома отца, и сама (Салтыкова) съ мужемъ у него³⁾ поселилась. Еще навѣщаю я одну старуху, но уже весьма опустившуюся, граф. Софью Ив. Сологубъ. Положеніе ея не завидное. Необыкновенный умъ ея не ослабѣлъ, но нѣтъ уже той веселости, которая прежде оживляла разговоры наши. Чтобы развеселиться, вижуся я нерѣдко съ двумя молодыми, еще красивыми, женщинами, Алекс. Васил. Кирѣевой и извѣстной графиней Растопчиной; я говорю, молодыми, въ сравненіи, хотя имъ подъ сорокъ лѣтъ: обѣ меня жалуютъ и напрашиваютъ меня посѣщать. Съ Четвертинскимъ и его многочисленнымъ семействомъ живу я, право, какъ съ родными. Мнѣ очень весело бываетъ со знакомымъ вамъ, вѣчно веселымъ, княземъ Владимиромъ Голицынымъ и его милой женой; но онъ, бѣдняжка, очень боленъ. Я обѣдалъ у него наканунѣ почти того дни, когда у него открылся карбункулъ: ему дѣлали операцію, и

¹⁾ Рожденной Чемесовой.—²⁾ Кто это? П. Б.—³⁾ Т. е. въ Харьковѣ, у престарѣлаго графа Юрія Александровича Головкина. П. Б.

вотъ болѣе недѣли, что онъ не выходитъ изъ опасности. Знаете ли вы, что ваши Горсткины здѣсь въ большой модѣ и никакъ не тоскуютъ о Пензѣ? На дняхъ какъ-то я у нихъ обѣдалъ; дочь ихъ, не красавица, но миленькая. Литвинова въ пріязни и часто посѣщаетъ Лидію Нессельроде, дочь Закревскаго; она ко мнѣ такъ добра, что передъ отъѣздомъ въ Пензу хочетъ посѣтить меня вмѣстѣ съ Лизаветою Осиповной. Если я, горемычный, ищу веселыя лица, зато почитаю долгомъ посѣщать скорбныхъ и страждущихъ непецѣлимыми болѣзнями, какъ на примѣръ вдову Мих. Ник. Загоскина, а еще чаще бѣдную нашу Софью Дмитр., у которой братъ Артемій вотъ третій мѣсяцъ между жизнью и смертью. Хотѣлось бы чаще видѣть милостивца моего и доброхота Алексѣя Петр. Ермолова, но въ десять дней едва могу улучшить нѣсколько часовъ, чтобы съ нимъ побесѣдовать. Онъ всегда мнѣ радъ, никуда почти не выѣзжаетъ; хворость и его постигла, тѣломъ онъ опустился, но свѣтлый умъ его никакъ не потемнѣлъ. Въ такомъ же положеніи и еще хуже находится бывший министръ графъ Уваровъ; его я вижу еще рѣже. Отраднѣе мнѣ бываетъ также не столько съ Сергѣемъ Павловичемъ, какъ съ Анной Евграф. Шяповыми. Называть ли мнѣ вамъ Соймоновыхъ, Писемскаго, Ник. Вас. Сушкова, княг. Черкасскую? Если я пріпневолываю себя ѣздить на ихъ званые вечера, то оттого, что меня убѣдительно приглашаютъ; а если сіе дѣлаютъ, то, вѣроятно, благоволятъ ко мнѣ. Черезъ Понедѣльникъ или два бываю я у новаго вельможи барона Боде. Если бы вы знали, какъ это скучно. Всѣ играютъ въ карты, зато никто не курить. Подъ бокомъ у меня сосѣдка или скорѣе хозяйка дома, гдѣ живу, кн. Алекс. Павл. Голицына, урожденная гр. Кутайсова. Что это за милая, почтенная женщина; тутъ я отдыхаю, стоитъ до нея сдѣлать нѣсколько шаговъ, и я имѣю позволеніе всегда быть въ сюртукѣ. На дняхъ въ большомъ домѣ ея поселилось богатое, почтенное и любезное семейство кн. Львова, женатаго на сестрѣ новаго военнаго министра Долгорукаго; по сосѣдству и туда меня усиленно приглашаютъ. Не знаю, какъ мнѣ управиться со временемъ, около сорока домовъ: пожалѣйте обо мнѣ! Прочитайте это письмо Елисавет. Филипповнѣ, къ которой отчасти оно адресуется. Ей будетъ пріятно; вы знаете, какъ она меня любитъ и въ разсѣянной жизни видитъ великое удовольствіе, чего я совсѣмъ не вижу. Какъ подумаешь, какой контрастъ для меня между нынѣшней и прошлогодней зимою! Вашъ братъ и другъ Ф. Вигель.

Москва, 27 Января 1853.

(Сообщилъ П. А. Вигель-Панчундзевъ).

Изъ Записной книжки „Русскаго Архива“.

12 Апрѣля 1889 года.

Въ Одессѣ дожилъ вѣкъ свой преемникъ князя Воронцова на тамошнемъ генераль-губернаторствѣ, *графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ*. Его долговѣчность дошла до того, что въ газетахъ появился некрологъ его съ подробнымъ изложеніемъ служебнаго поприща. Графъ прочелъ свой некрологъ, сдѣлалъ нѣкоторыя поправки и жилъ потомъ еще нѣсколько лѣтъ.

Графъ Александръ Григорьевичъ принадлежалъ къ числу немногихъ людей, которымъ любо казаться хуже, нежели они на самомъ дѣлѣ. Въ Одессѣ онъ никому не подавалъ руки; будучи председателемъ тамошняго Общества Исторіи и Древностей, онъ не снималъ шапки въ засѣданіяхъ. Въ Городской Думѣ сживалъ съ нимъ рядомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, какой-то простолудинъ, и попросилъ однажды у него позволенія понюхать табаку изъ его открытой табакерки. Графъ, отсыпавъ ему на ладонь табаку, сказалъ: „бери, а табакерку не погань грязными пальцами“. По изданію „Архива Князя Воронцова“ пріѣхавъ въ Одессу, я пользовался вниманіемъ графа до того, что онъ однажды пожалъ мнѣ руку. Это разгласилось, и городской голова Г. Г. Маразли говорилъ мнѣ: представьте, онъ и министрамъ не подаетъ руки, и кто-то изъ Петербургской знати, удостоившись его рукопожатія, заказалъ себѣ особую перчатку и хвасталъ ею въ Одессѣ. Рѣзко оборвать собесѣдника было ему за обычай, доброту же сердца своего онъ любилъ скрывать. Покойный Н. У. Палимеевъ, долго служившій въ Одессѣ во время его генераль-губернаторства, передавалъ мнѣ черты его щедрой, непоказной благотворительности.

Три брата графы Строгановы дожили до глубокой старости. Ежегодно съѣзжались они на минеральныхъ водахъ въ Теплицѣ, одинъ изъ Одессы, другой (Сергій) изъ Петербурга и третій (Алексій, наиболѣе даровитый изъ нихъ, бывшій посланникомъ въ Лиссабонѣ) изъ Парижа. Свидѣвшись, они складывали числа лѣтъ своихъ, и выходило слишкомъ 250. У нихъ было еще два брата, Валентинъ, умершій юношею, и Николай, который однажды во дворцѣ прибилъ камерлакея, и за то, по заявленію отца своего, былъ сосланъ въ Пензенскую деревню, гдѣ и кончилъ дни свои. Отецъ ихъ, скончавшійся тоже въ глубокой старости, знаменитый дипломатъ и опекунъ дѣтей А. С. Пушкина, получилъ Европейскую извѣстность и въ поляхъ Цитерейскихъ: вдову, мать Донъ-Жуана, похвалявшуюся передъ сыномъ своею добродѣтелью, Байронъ заставляетъ сказать, что и графу Строганову не удалось соблазнить ее.

Однимъ изъ плодовъ любви его была *Идалия Григорьевна Полетика* (говорять, отъ Гречанки). Она жила съ нимъ въ Одессѣ въ домѣ его на приморскомъ бульварѣ, и однажды, когда я спускался отъ него къ выходной двери, слуга спросилъ меня на лѣстницѣ: Развѣ къ *сестрѣ* не зайдете? Я только видѣлъ ее, но не зналъ: ей было достаточно, что я печаталъ о Пушкинѣ, чтобы не желать моего знакомства. Она ненавидѣла Пушкина. Нрава она рѣзкаго или чтò Французы называютъ *acariâtre*. Мужъ ея нѣкогда служилъ въ кавалергардахъ. Это былъ наглець. Во время Польскаго похода 1831 года онъ живилъ на счетъ графа Д. Н. Шереметева и даже завладѣвалъ его вещами и самою походною палаткою. Приятелемъ ему былъ кавалергардъ, убійца Пушкина, Дантесъ. Пушкинъ же часто бывалъ въ обществѣ кавалергардовъ, и Т. В. Шлыкова, вспоминая Пушкина, говаривала, что въ театрѣ встрѣчала она его постоянно съ кавалергардами. Покойная княгиня В. Ѳ. Вяземская обвиняла Идалию Григорьевну Полетику въ томъ, что она сводила Дантеса съ Натальей Николаевной, которая съ ужасомъ рассказывала княгинѣ Вяземской, что однажды она нарочно оставила ее у себя вдвоемъ съ Дантесомъ, и что ее спасла вбѣжавшая въ комнату дѣвочка, дочь Полетики.

Смѣшно и для г-жи Полетики позорно, что нынѣ, въ глубокой старости, она не стыдится клясть Пушкина. Она говоритъ, что ее оскорбляетъ воздвигаемая въ Одессѣ статуя Пушкина, что она намѣрена поѣхать и плюнуть на него, что это былъ извергъ и т. д. Елена Григорьевна Шереметева, недавно навѣстившая въ Одессѣ престарѣлаго дѣда своего графа А. Г. Строганова, любя и хорошо зная поэзію Пушкина, была изумлена этими отзывами. Полетика заявляетъ большую нѣжность къ памяти Натальи Николаевны. Она рассказываетъ, что однажды онѣ ѣхали въ каретѣ и напротивъ сидѣлъ Пушкинъ. Онъ позволилъ себѣ взять ее за ногу. Наталья Николаевна пришла въ ужасъ, и потомъ, по ея настоянію, Пушкинъ просилъ прощенія у нея. Есть поводъ думать, что Пушкинъ, зная свойства г-жи Полетики, оскорблялъ ее и что она, изъ чувства мести, была сочинительницею анонимныхъ писемъ, изъ за которыхъ произошелъ роковой поединокъ.

Графъ А. Г. Строгановъ, вторя сестрѣ (которая отчасти имъ командуетъ), отзывается о Пушкинѣ полупрезрительно, какъ о какомъ-то рнемошлетѣ. Онъ говоритъ, что послѣ поединка онъ ѣздилъ въ домъ раненаго Пушкина, но увидалъ тамъ такіа разбойническія лица и такую сволочь, что предупреждалъ отца своего не ѣздить туда. Этотъ отецъ былъ двоюроднымъ братомъ тещѣ Пушкина, Натальѣ Ивановнѣ, которая, вопреки своему вѣнбрачному происхожденію, была фрейлиною высочайшаго двора. Вдова его дяди, Наталья Кирилловна Загряжская, не такъ относилась къ Пушкину.

Рядъ дальнѣйшихъ писемъ касается брака Екатерины Павловны со вторымъ сыномъ Ольденбургскаго герцога, принцемъ Георгомъ, ея двоюроднымъ братомъ. Самъ герцогъ и другой его сынъ Августъ, люди достойные всякаго уваженія, пріѣхали тогда въ Россію и конечно затрудняли Государя въ его сношеніяхъ съ Наполеономъ.

Въ Твери Великая Княгиня умѣла создать себѣ цѣлый дворъ, куда приглашала изъ Москвы графа Раstopчина и Карамзина. Она была хороша собою, отлично по тому времени образована, умомъ, пожалуй, превосходила своихъ братьевъ и конечно имѣла большое вліяніе на Государя, которое особенно высказалось въ 1812 году и послѣ взятія Москвы, когда она писала брату, что если бы ему пришлось отступить предъ Наполеономъ даже до Казани, то мира заключать онъ не долженъ.

Исполнено важнѣйшаго исторіографическаго значенія большое самооправдательное письмо Государя 1812 года; безъ этого письма теперь уже нельзя писать исторію того времени. Тогда же, по ея настойчивымъ просьбамъ, Государь, несмотря на множество обязательныхъ занятій, долженъ былъ разбирать бумаги, оставшіяся послѣ князя Багратиона. Словно кропотливый библиографъ нынѣшнихъ дней, Александръ Павловичъ неоднократно корпѣлъ надъ этими бумагами, привезенными къ нему изъ села Спмы, гдѣ скончался князь Багратионъ, и тщетно отыскивалъ въ нихъ переписку сестры своей съ покойнымъ княземъ, относящуюся къ тому времени, когда князь ѣхалъ изъ Петербурга командовать Дунайскою арміею послѣ умершаго князя Прозоровскаго. Въ чемъ заключалась эта переписка, остается неизвѣстнымъ. Не въ связи ли съ нею показаніе Коленкура о замыслѣ устранить Александра

Павловича отъ престола (чего, можетъ быть, онъ и самъ тогда желалъ?) Не было ли тутъ чего похожаго на 1757-й годъ, т. е. на сношенія великой княжны Екатерины Алексѣевны съ фельдмаршаломъ Апраксинимъ?

Овдовѣвъ, Великая Княгиня начала свои странствованія по Европѣ, и въ Россію возвратилась лишь на короткое время, для второго своего брака съ другимъ своимъ двоюроднымъ братомъ, сыномъ Зельмиры, Вильгельмомъ, который наслѣдовалъ отцу своему королю Виртембергскому, и принцесса Ольденбургская, имѣя много жениховъ, достигла своего, т. е. стала королевою. Этому браку, кажется, не сочувствовали ни мать, ни державный братъ. Въ особенности любопытна переписка за нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія Екатерины Павловны въ Англіи. Тамъ она поссорилась съ принцемъ-регентомъ и содѣйствовала къ полной охладѣ между нимъ и пріѣхавшимъ въ Англію Александромъ Павловичемъ, что сопровождалось тяжелыми для Россіи послѣдствіями, такъ какъ принцъ-регентъ съ Людовикомъ XVIII и Меттернихомъ составили тайный союзъ противъ Россіи и мы избавились отъ новыхъ жертвъ Русской крови только бѣгствомъ Наполеона съ острова Эльбы и новымъ водареніемъ его во Франціи. Въ перепискѣ къ концу уже слышится оступдѣ Государя въ угомонной сестрѣ и воспоминается отзывъ ея бабки о томъ, что ей вездѣ будетъ тѣсно.

Въ концѣ книги напечатана большая выдержка изъ Записокъ княгини Дарьи Христофоровны Ливенъ о пребываніи Александра Павловича и сестры его въ Англіи. Записка эта необыкновенно любопытна по содержанию, изложенію и по самому слогу своему.

П. Б.

РУССКІЙ АРХИВЪ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять р., для чужихъ краевъ— двѣнадцать р.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“: въ **Петербургѣ** (Невскій, 40) въ **Москвѣ** (уголь Неглиннаго проѣзда и Кузнецкаго Моста, д. Шориной) въ **Харьковѣ** (Николаевская пл. № 4 и Екатеринославская ул., д. Иванова. № 1) въ **Одессѣ** (Дерибасовская ул., № 33, уг. Преображенской) въ **Саратовѣ** (Б. Московская, Пассажъ 1) въ **Ростовѣ на-Дону** (Садовая ул., № 96) и въ **Парижѣ** (бульваръ Св. Магдалины).

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются:

Прежнія годовыя изданія и отдѣльныя книжки по цѣнѣ пониженной.

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюна Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона. Цѣна 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомянова. Съ примѣчаніями. Цѣна 30 к.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеньевъ.**

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

2.

Стр.

177. Могила полковника Сливцова (въ Варшавѣ). Сообщилъ **И. Г. Попруженно**.
182. Изъ студенческихъ воспоминаній **А. Н. Аванасьева**.
189. Дневникъ **М. Н. Похвиснева**. 1853 и 1870 годы.
216. Изъ Записокъ сенатора **К. Н. Лебедева**. 1861-й годъ.
235. Къ исторіи Еврейства. **Н. С. Граве**.
297. Стихи Верещагина на обрученіе императора Петра Второго съ княжною **М. А. Меншиковой**. 1727. Сообщилъ **И. П. Мордвиновъ**.
301. Графъ **П. П. Шереметевъ** и князь Багратионъ. Сообщилъ **графъ С. Д. Шереметевъ**.
302. Изъ архива **П. П. Новосильцова**. О князѣ **А. Контракузинѣ**. Сообщилъ **И. Г. Попруженно**.
303. Самооправданіе императора **Александра Павловича**.
309. Письмо **Екатерины Великой** къ графу **П. П. Салтыкову** объ **Александрѣ Павловичѣ**.
310. **Ө. В. Чижовъ**. Къ столѣтію его памяти. **П. Б.**
313. Очеркъ исторіи раскрепощенія помещичьихъ крестьянъ. **А. П. К.**
319. Изъ Записокъ книжки «Русскаго Архива».

Внутри обложки: О перенесѣннхъ императора **Николая Павловича** съ цесаревичемъ **Константиномъ Павловичемъ**.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

**Переписка Императора
Николая Павловича съ Вели-
кимъ Княземъ Цесаревичемъ
Константиномъ Павловичемъ.**
Томъ I. 1825—1829. Спб. 1910 г.
Больш. 8-ка, 4 нн. и 398 стр. съ
азбучнымъ указателемъ.

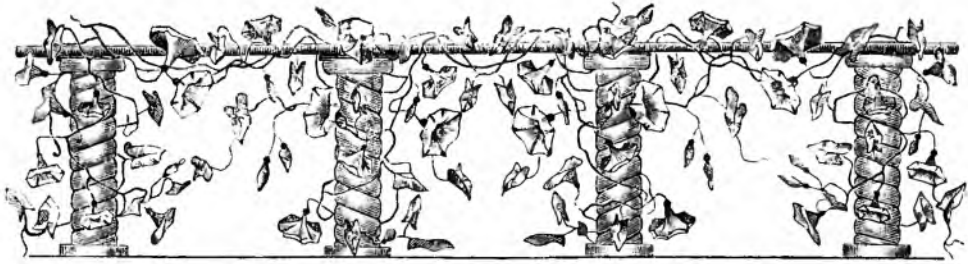
Эта книга составляетъ 131-й томъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Изданіемъ ея завѣдывалъ членъ этого Общества, достопочтенный Д. Ѳ. Кобеко. Она имѣетъ особенную важность для Русской исторіи. Это какъ бы автобіографія Николая Павловича не только личная, но и государственная, а Цесаревичъ Константинъ является намъ совершенно въ новомъ свѣтѣ. Его политическія убѣжденія доселѣ были намъ извѣстны только по его письмамъ къ маркизѣ Кюбьеръ („Русскій Архивъ“ 1870 года, и по запискѣ, которую онъ послалъ старшему своему брату („Русскій Архивъ“ 1910, III, 12); теперь онъ является во всей полнотѣ своихъ государственныхъ понятій, и притомъ къ великой своей выгодѣ. До сихъ поръ его знали только по его чудачествамъ и по пристрастію къ Полякамъ; то и другое уже не проявляется въ письмахъ его къ державному брату.

Читая эту переписку, надо помнить о большой разницѣ писавшихъ, изъ которыхъ одинъ былъ на семнадцать лѣтъ старше другого. Близости между ними быть не могло. Одинъ не совѣмъ степенно провелъ свою молодость и успокоился лишь въ послѣднее десятилѣтіе жизни, вкушая семейное счастье со своею второю супругою; другой пользовался этимъ счастьемъ спозаранку. Читаніемъ его писемъ къ брату внушается къ нему сочувствіе.

Книга могла бы значительно уменьшиться въ своемъ объемѣ, если бы опущены были долгія начала и оконча-

нія писемъ, состоящія исключительно въ повтореніи однихъ и тѣхъ же привѣтствій и дружескихъ пожеланій. По письмамъ, не говоря уже о ихъ прекрасномъ Французскомъ языкѣ, Цесаревичъ является, пожалуй, разумнѣе брата; но за то письма Николая Павловича отличаются большею простотою и искренностію. Жизнь умудрила Цесаревича, тогда какъ Николай Павловичъ былъ тогда опытенъ по преимуществу въ выправкѣ солдатъ и права былъ откровеннаго. Покойная А. О. Смирнова передавала намъ, какъ министръ двора князь П. М. Волконскій, объясняя и оправдывая двуличіе Александра Павловича, говорилъ про его преемника: *celui-ci est d'une indiscretion impardonnable pour un particulier et presque criminelle pour un souverain**). Поляки, разумѣется, пытались поселить между братьями разномысліе, но это имъ не удалось. Николай Павловичъ по отношенію къ нимъ вовсе не имѣлъ предубѣжденій и былъ прямымъ и вѣрнымъ конституціи царемъ Польскимъ. Онъ заботился и о томъ, чтобы наслѣдникъ его Александръ Николаевичъ выучился по-польски и для этого просилъ брата найти ему для опредѣленія къ сыну солдата-Поляка, неумѣшаго вовсе говорить по-русски. Александръ Николаевичъ еще отрокомъ уже зналъ Польскій языкъ. Для него напечатанъ былъ въ трехъ томахъ отлично составленный Шмитомъ, Польско-русскій словарь, нынѣ сдѣлавшійся большою книжною рѣдкостью. Не знаемъ, состоялось ли назначеніе къ нему вѣскога Фовицкаго, о которомъ писалъ Государю В. А. Жуковскій и который былъ учителемъ Цесаревичева сына Павла. Жуковскій писалъ, что нужно, чтобы надъ небомъ,

*) Откровенность, несправляемая въ лицѣ частномъ и почти преступная въ государѣ.

МОГИЛА ПОЛКОВНИКА СЛИВИЦКАГО.

реди могилъ Русскаго некрополя въ Варшавѣ возвышается надгробный памятникъ полковника генеральнаго штаба Юлія Валентиновича Сливцакаго. „прославившагося (какъ выразился графъ Чернышевъ въ письмѣ къ князю Паскевичу) подвигомъ примѣрной неустрашимости при заженіи 8 Августа 1831 года Прагскаго моста“.

Въ дѣлахъ бывшаго управленія генераль-квартирмейстера дѣйствующей арміи имѣется любопытная переписка (дѣло № 45, 1835—1837 гг.) о погребеніи полковника Сливцакаго и о сооруженіи ему памятника.

Письмо военнаго министра, графа Чернышева къ князю Паскевичу отъ 13 Января 1835 г. № 324.*)

Милостивый государь князь Иванъ Федоровичъ! Государь Императоръ, принявъ съ особымъ прискорбіемъ полученное изъ Парижа извѣстіе о кончинѣ полковника генеральнаго штаба Сливцакаго, прославившагося подвигомъ примѣрной неустрашимости при заженіи 8 Августа 1831 года Прагскаго моста, высочайше повелѣтъ соизволилъ: тѣло его перевезти въ Варшаву, предавъ оное землѣ въ строящемся тамъ мостовомъ прикрытіи, со всѣми почестями присвоенными генералу, наименовать сіе укрѣпленіе въ память геройскаго его подвига *Фортъ Сливцакимъ*.

Высочайшую волю сію сообщая вашей свѣтлости и присовокупля къ сему, что о перевезеніи тѣла полковника Сливцакаго изъ Парижа въ Варшаву нынѣ же сдѣланы надлежащія распоряженія, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, почтить меня

*) На письмѣ помѣтка: „Получено 22 Января 1835 г.“ и резолюція: „Предписать г.-л. Дену къ исполненію и о послѣдующемъ сообщить г. военному министру“. Ген.-лейт. Денъ былъ тогда командиромъ западнаго инженернаго округа.

увѣдомленіемъ, для доклада Государю Императору, какъ о мѣстѣ, которое для погребенія полковника Сливцакаго въ Варшавскомъ мостовомъ укрѣпленіи назначить изволите, такъ и о прочихъ распоряженіяхъ, какія по сему предмету вамъ угодно будетъ сдѣлать.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга графъ А. Чернышевъ.

Въ отвѣтъ на это письмо, князь Паскевичъ, отъ 4 Апрѣля 1835 г. за № 495, сообщилъ графу Чернышеву о своихъ предположеніяхъ о мѣстѣ для погребенія полковника Сливцакаго и препроводилъ планъ строившагося въ это время въ Варшавѣ предмостнаго укрѣпленія, чертежа памятника Сливцкому и проектъ подписей на немъ.

Графъ Чернышевъ, отъ 10 Іюня того же года за № 4024, увѣдомилъ князь Паскевича, что „Его Величество, разсмотрѣвъ всѣ сія чертежи и проекты, соизволилъ изъявить высочайшее согласіе на погребеніе тѣла полковника Сливцакаго на мѣстѣ, избранномъ вашею свѣтлостью и назначенномъ на планѣ мостоваго прикрытія Александровской Цитадели. Что же касается до проекта памятника надъ могилою Сливцакаго, то Его Величество изволилъ поручить архитектору Брюлову составить по указаніямъ Его Величества новый проектъ, который и удостоился высочайшаго утвержденія.

Вмѣстѣ съ симъ графъ Чернышевъ сообщалъ, что „Его Величеству угодно, дабы на сему памятникѣ была начертана надпись при сему прилагаемая“.

На одной сторонѣ памятника:

„По повелѣнію Его Величества
Императора Николая I“.

На другой сторонѣ:

„Здѣсь
погребено тѣло
полковника генеральнаго штаба
Юлія Валентиновича
Сливцакаго,

отличившагося храбростію въ войнѣ противъ Польскихъ мятежниковъ и ознаменовавшаго себя геройскимъ подвигомъ при зажженіи Прагскаго моста на Вислѣ 8 Августа 1831 года“.

На третьей сторонѣ:

„Родился въ Москвѣ.
Скончался въ Парижѣ 17 Декабря 1834 года
36-ти лѣтъ отъ рожденія“.

На четвертой сторонѣ украшенія (арматура).

Смертные останки полковника Сливницкаго странствовали, однако же, почти цѣлый годъ, пока не нашли вѣчнаго упокоенія въ предназначенномъ для нихъ мѣстѣ.

Какъ видно изъ докладной записки завѣдывавшаго дипломатическою канцеляріею при князѣ Паскевичѣ, кол. сов. Гильфердинга начальнику Главнаго Штаба дѣйств. арміи кн. Горчакову, отъ 15 (27) Апрѣля 1835 года, Императорско-Россійскій повѣренный въ дѣлахъ во Франціи донесъ генераль-фельдмаршалу, что „подполковникъ Сливницкій, присланный въ Парижъ для сопровожденія въ Варшаву тѣла покойнаго брата его, прибылъ туда уже по отправленіи онаго, а по приключившейся съ нимъ болѣзни не можетъ еще выѣхать обратно въ Варшаву. Желая однако присутствовать при погребеніи тѣла брата, онъ проситъ, черезъ посредство посольства нашего, отложить сей обрядъ до пріѣзда его сюда. Его свѣтлости, заканчивая Гильфердингъ, угодно было приказать о просьбѣ подполковника Сливницкаго довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, для имѣнія оной въ виду во время прибытія въ Варшаву тѣла полковника Сливницкаго“.

Въ дѣлѣ имѣются свѣдѣнія о томъ, что смертные останки Сливницкаго были отправлены изъ Парижа до Штеттина моремъ, а затѣмъ, по распоряженію мѣстнаго Россійскаго генеральнаго консула Маурера, прямо въ Варшаву сухимъ путемъ. Это взялъ на себя Штеттинскій „фурманъ“ Гутшмитъ за сто Прусскихъ талеровъ.

Въ Штеттинѣ, при высадкѣ съ корабля гроба и освидѣтельствованіи тѣла, генеральный консулъ Мауреръ долженъ былъ израсходовать 42 Прусскихъ талера, 7 зильбергрошей и 6 пфенниговъ.

Прахъ Сливницкаго былъ доставленъ въ Варшаву уже осенью, хотя вначалѣ ожидался къ 18 Июля. Тогда именно было предложено Варшавскому военному губернатору, ген.-ад. Панкратьеву распорядиться, чтобы „тотчасъ по привозѣ тѣла въ Варшаву, оно было помѣщено въ одной изъ здѣшнихъ церквей, впредъ до распоряженія о торжественномъ погребеніи его“. Между прочимъ, одновременно съ погребеніемъ предполагалось совершить и „заложеніе монумента“. 7-го же Ноября 1835 г. за № 3236 кн. Горчаковъ писалъ ген.-ад. Панкратьеву, что „г. генераль-фельдмаршалу угодно, дабы при погребеніи полковника Сливницкаго находились и Варшавскіе католическіе епископы, если сіе здѣсь въ обыкновеніи, съ тѣмъ, чтобы о томъ, будутъ ли присутствовать упомянутые епископы при таковомъ погребеніи или нѣтъ, было доложено его свѣтлости“.

Копія всеподданнѣйшаго донесенія князя Паскевича ¹⁾.

На основаніи высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли совершено здѣсь 23-го минувшаго Ноября погребеніе полковника генеральнаго штаба Словицкаго, съ почестями, присвоенными генеральскому чину, а 26 числа того же мѣсяца торжественно освященъ въ Александровской Цитадели храмъ во имя св. Благовѣрнаго (князя)²⁾ Александра Невскаго.

Первая изъ сихъ церемоній происходила на Прагскомъ предмѣстіи, гдѣ тѣло покойнаго Словицкаго было отпѣто въ парафіальномъ костелѣ по католическому обряду: сначала монашествующимъ и бѣлымъ духовенствомъ, а потомъ епископомъ-коадьюторомъ Плоцкимъ, Павловскимъ, въ присутствіи всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. При семъ случаѣ каноникъ костела св. Александра, Фальковскій произнесъ приличное надгробное слово. По окончаніи богослуженія гробъ былъ вынесенъ штабъ и оберъ-офицерами генеральнаго штаба и встрѣченъ на площади военною почестію. Оттуда тѣло было сопровождаемо баталіономъ Могилевскаго пѣхотнаго полка и 3-мя орудіями болѣе двухъ верстъ за Галензовскую заставу къ форту Словицкому, гдѣ гробъ при залпахъ артиллеріи и ружейнаго огня опущенъ въ приготовленный склепъ. Множество людей обоего пола присутствовали при этомъ погребеніи.

„Освященіе храма во имя св. Благовѣрнаго (князя) Александра Невскаго исполнено было 26 Ноября съ двойнымъ торжествомъ, по случаю годичнаго въ сей день праздника кавалеровъ военнаго ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія. Для сего въ 10 часовъ утра, на площади предъ новою церковью собранъ былъ народъ изъ наличныхъ въ Варшавѣ кавалеровъ св. Георгія; въ строю находилось: 5 генераловъ, 10 штабъ-офицеровъ, 25 оберъ-офицеровъ и 140 человекъ нижнихъ чиновъ отъ всѣхъ войскъ Варшавскаго гарнизона и нестроевыхъ здѣшнихъ командъ. Всѣмъ парадомъ командовалъ начальникъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ Гилланшмидтъ. До совершенія литургіи преосвященный епископъ Варшавскій Антоній съ соборомъ освятилъ установленнымъ порядкомъ новый храмъ. Въ половинѣ 12 часа началась литургія, а по окончаніи ея молебенъ Св. Великому-ченику и Побѣдоносцу Георгію. Затѣмъ кавалерійскій парадъ былъ проведенъ съ музыкою въ нарочно очищенную въ Александровскихъ казармахъ залу, гдѣ для нижнихъ чиновъ, украшенныхъ знаками отли-

¹⁾ Даты нѣтъ. Копія засвидѣтельствована гвардіи полковникомъ Ушаковымъ 9 Декабря 1835 г.

²⁾ Наша вставка въ этомъ и другомъ мѣстѣ.

чія военнаго ордена, былъ приготовленъ обѣдъ, во время котораго провозглашено здравіе Вашего Императорскаго Величества и играла полковая музыка военные марши.

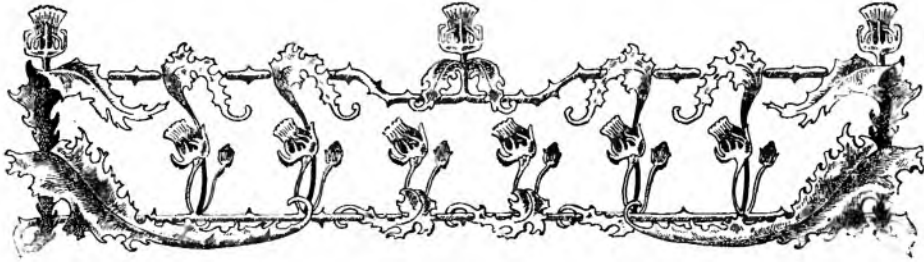
По смѣтѣ Польскаго Банка, сооруженіе памятника Сквицкому должно было обойтись въ 57000 Польскихъ золотыхъ. Князь Паскевичъ желалъ, чтобы памятникъ былъ поставленъ къ 1-му Ноября 1839 года и торопилъ строителей. Между тѣмъ главный директоръ, предсѣдательствующій въ правительственной комисіи финансовъ и казначейства, тайный совѣтникъ Фурманъ писалъ князю М. Д. Горчакову 23 Октября (4 Ноября) 1836 г. № 2015, что заказанный на горныхъ заводахъ Польскаго Банка „памятникъ полковнику Сквицкому оконченъ и всѣ части онаго двѣ недѣли уже какъ свезены на предназначенное мѣсто; но поставить таковой нельзя, потому что инженерное вѣдомство не приготовило еще фундамента, на которомъ онъ долженъ быть поставленъ, а наступившая зима едва ли не воспрепятствуетъ окончанію сей работы“.

По поводу сообщенія т. с. Фурмана были, по приказанію кн. Паскевича, затребованы свѣдѣнія отъ командира Западнаго Инженерскаго округа, ген.-лейт. Дена по вопросу о томъ, „когда именно (по его мнѣнію) можно будетъ окончить сказанный фундаментъ и поставить памятникъ“. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ Деномъ (рапортъ на имя нач. Главнаго Штаба дѣйств. арміи кн. Горчакова отъ 6 Ноября 1836 г. № 2789) видно, что фундаментъ подъ памятникъ былъ приготовленъ еще въ прошломъ году, но что „для постановки памятника оказалось потомъ необходимымъ устроить подъ оный еще ступени и цоколи, къ каковой работѣ хотя и приступлено инженернымъ вѣдомствомъ въ половинѣ Октября (1836 г.), однакоже наступившее холодное время допустило только свести сводъ подъ ступени; сіи же послѣднія остались неоконченными. Впрочемъ (прибавляетъ г.-л. Денъ), хотя бы и можно было установить памятникъ на этомъ сводѣ, сдѣлавъ ступени впоследствии, но какъ производившаяся въ сырую погоду кладка свода не просохла и известковый ея растворъ не могъ окрѣпнуть, то и нельзя ручаться за ихъ прочность; а потому надежнѣе было бы отложить установленіе памятника до будущей (1837 г.) весны“.

Основываясь на этомъ докладѣ, князь Паскевичъ приказалъ: „поставить памятникъ весною 1837 года“.

Къ счастью „въ началѣ Декабря 1836 года (какъ доносилъ Денъ) наступила теплая погода и позволила произвести всѣ пригготовительныя работы для установленія памятника“. Памятникъ, тѣмъ не менѣе, удалось установить только въ Юлѣ 1837 года, 24 Юля онъ былъ принятъ въ инженерное вѣдомство.

И. Г. Попруженко.

Изъ студенческихъ воспоминаній А. Н. Аванасьева.

Александръ Николаевичъ Аванасьевъ (род. 1827—1871) снискалъ себѣ почетную извѣстность, какъ отличный знатокъ простонародной Русской словесности и Славянской мифологіи. Онъ былъ нашимъ старшимъ сослуживцемъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, подъ начальствомъ князя М. А. Оболенскаго, который обильно пользовался трудами его для своихъ статей и изданій. Въ 1861 году Аванасьевъ позволилъ политическому преступнику Кельсіеву переночевать у него на казенной его квартирѣ и за это былъ немедленно уволенъ отъ службы. К. Т. Солдатенковъ благодѣтельно поддержалъ Аванасьева, которому иначе жить было нечѣмъ. Его автобіографія, до поступленія въ Московскій Университетъ, напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года. П. Б.

*

На второмъ курсѣ мы слушали еще: Русскую Исторію—Соловьева и Всеобщую Исторію среднихъ вѣковъ профессора Грановскаго.

Крыловъ поссорился съ своею женою, урожденною Коршъ; на сестрѣ ея женатъ и Кавелинъ. Семейство Евг. Коршъ (брата) было въ дружескихъ отношеніяхъ съ Грановскимъ, Рѣдкинымъ и Кавелинымъ. Кто виноватъ, Крыловъ или его жена, сказать трудно; кажется, и тотъ и другая; но дѣло дошло до ручной расправы, и супруги разошлись. Въ бѣдствующей супругѣ приняли участіе сейчасъ названныя мною: тутъ припомнили и дурныя слухи о Крыловѣ, и его грубое обращеніе съ студентами въ Университетѣ, и всѣ (Рѣдкинъ, Грановскій, Кавелинъ и Коршъ, бывший тогда редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“) обратились къ графу Строганову (это было, помнится, въ 1847 г.) съ жалобами на Крылова и его недостойное поведеніе и рѣшительно объявили, что они оставятъ Университетъ, если не оставитъ его Крыловъ. Графъ, хотя и самъ не совсѣмъ былъ доволенъ Крыловымъ, не могъ согласиться на подобную протестацію. Рѣдкинъ, Кавелинъ и Крыловъ прекратили лекціи: первые потому, что думали оставить Университетъ, а послѣдній вслѣдствіе общаго шума, надѣлан-

наго всей этой исторіей, что и продолжалось около трехъ мѣсяцевъ. Но потомъ они принуждены были продолжать свои чтенія, не отзываясь ни болѣзнію, ни другими предлогами. Молва объ всемъ этомъ ходила, и по Москвѣ, и между студентами. Когда, послѣ долгаго отсутствія, Кавелинъ и Рѣдкинъ начали свои лекціи, то студенты встрѣтили ихъ аплодисментами. Въ это время аплодисменты были строго воспрещаемы. Рѣдкинъ, напуганный всѣми толками, сталъ въ гордую чиновничью позу и сухо объявилъ, что аплодисментовъ не нужно. По этому поводу нашъ IV-й курсъ послалъ къ нему депутатомъ одного студента сказать отъ лица юристовъ, что онъ *подлецъ*, что и было сказано. Какъ теперь помню, какъ взбѣсился Рѣдкинъ. Онъ при мнѣ прѣзжалъ къ Кавелину посоветоваться съ нимъ по этому поводу; но тотъ объявилъ ему, что онъ самъ виноватъ, принявшись за полицейскія увѣщанія и что съ своей стороны онъ уже передалъ студентамъ, что ихъ сочувствіе ему дорого и онъ благодаритъ ихъ за встрѣчу. Платонъ Степаповичъ (Нахимовъ) боялся, чтобъ первая лекція Крылова не была нарушена чѣмъ нибудь ему непріятнымъ и потому самъ съ двумя субъ-инспекторами сопровождалъ его въ аудиторію; субъ-инспектора просидѣли все время лекціи. Крыловъ явился худой и блѣдный, точно послѣ болѣзни. Все прошло тихо. Вскорѣ за тѣмъ Кавелинъ, Рѣдкинъ и Коршъ*) оставили Университетъ и перешли на службу въ Петербургъ. Случилось какъ-то странно: Грановскій не вышелъ въ отставку и продолжаетъ до сегодня принадлежать къ Московскому Университету.

Рѣдкинъ имѣетъ славное мѣсто съ огромнымъ жалованьемъ и деревню въ Полтавской губ., но уже мечтаетъ о звѣздѣ и жалуется на какую-то небывалую бѣдность. По причинѣ этихъ жалобъ, о немъ ходитъ по Петербургу много смѣшныхъ анекдотовъ. Разъ за большимъ обѣдомъ онъ распространился на тему: „а нужда, дѣти!“ Коршъ, у котораго дѣйствительно нѣтъ никакого состоянія, сказалъ: „Бѣдный Петръ Григорьевичъ! Видно, придется мнѣ дать ему взаймы.“

Кафедра Русской исторіи послѣ Погодина оставалась не занята. При моемъ переходѣ на II-ой курсъ, началъ читать въ первый разъ свои лекціи Соловьевъ, воспитанникъ Московскаго же Университета. И онъ, и Кавелинъ, и Калачовъ были нѣкогда слушателями Погодина, который потому и послѣ трактовалъ ихъ, какъ своихъ учениковъ, позволяя себѣ не совсемъ учтивыя выходки (см. Москвит. 1849 г. № 1).

*) Евгений Коршъ былъ не профессоромъ, а бібліотекаремъ Университета. П. Б.

На счетъ графа Строганова¹⁾ Соловьевъ ѣздилъ за границу до поступленія въ Московскій университетъ. Онъ блистательно началъ свое ученое поприще. Лекціи его отличались, и свѣжестью взгляда, и фактической полнотою; онъ далъ смыслъ всей этой безурядицѣ княжескихъ распрей и, хотя уже не впервые, но съ особенною наглядностью объяснилъ родственныя (родовыя) и вмѣстѣ политическія отношенія княжеской фамиліи. Все, имъ прочитанное намъ, составило его диссертацию на степень доктора („Объ отношеніяхъ между князьями Рюрикова дома“). На слѣдующіе годы, все, что прочитано было намъ, онъ излагалъ вкратцѣ: а съ особенною подробностію читалъ исторію послѣдующаго времени и потомъ напечаталъ эти лекціи въ „Современникѣ“, подъ названіемъ: „Обзоръ событій Русской исторіи“. Именно съ его статей вошло въ моду выраженіе „родовой бытъ“²⁾, начались усиленные о немъ толки и споры, особенно съ Славянофилами, хотѣвшими видѣть въ Славянской исторіи только общинное устройство. Споры эти и увлеченія той и другой стороны занесены въ разныхъ журналахъ. На послѣднихъ трудахъ Соловьева (особенно первый томъ его Исторіи и статья въ „Отечественныхъ Запискахъ“ о Карамзинѣ и о географическихъ свѣдѣніяхъ иностранцевъ о Россіи) видна поспѣшность, и отъ этого въ нихъ много поверхностнаго. Послѣдняя статья есть чистый переводъ отрывковъ изъ разныхъ иностранныхъ писателей о Россіи, сшитыхъ на живую нитку. Соловьевъ самолюбивъ до излішка; съ какою-то странною гордостью увѣряетъ онъ, что критикъ на себя большею частію не читаетъ. Еще не было примѣра и, вѣроятно, не будетъ, чтобы онъ сознался въ самой очевидной ошибкѣ и ради этой ложной щепительности готовъ на всѣ возможныя натяжки (см. хоть напр. примѣчаніе къ V-му тому Исторіи его, о вѣрѣ въ родъ и рожаницѣ). И для чего? Его ученая репутациа такъ прочна, что подобное признаніе нисколько бы ея не

¹⁾ Не Сергія Григорьевича, а его брата Александра, при единственномъ сынѣ котораго, графѣ Григоріѣ Александровичѣ, С. М. Соловьевъ былъ наставникомъ и преподавателемъ. П. Б.

²⁾ Ходили тогда стихи:

Какъ схватился за бытъ,
Онъ за бытъ родовой,
Такъ не знаетъ какъ бытъ
Онъ съ своей головой.

Въ особенности ратовалъ противъ родового быта товарищъ С. М. Соловьева К. С. Аксаковъ. Сергіѣ Михайловичъ въ то время очень часто бывалъ и у А. С. Хомякова. Указывали С. М. Соловьеву еще на одну ошибку. Мало знакомый съ простонародною рѣчью, онъ не зналъ, что слово *жить* значитъ иногда *бытъ* или *бывать*, и въ его изложеніи выходило, что думные люди *живутъ у Царя на верху*, т. е. въ его собственныхъ покояхъ, тогда какъ это значило только, что они тамъ бывають. П. Б.

уронило, а ошибаться—errare humanum est. Почему бы не поправить указанной ему Бляевымъ (въ „Москвитянинѣ“) ошибки, что Половцы шли на наши полки густою массою, какъ боръ, лѣсъ (аки борове), а не какъ свиньи, какъ угодно было Соловьеву.

Грановскій—любимый и наиболѣе извѣстный профессоръ Московскаго Университета. Надѣленный отъ природы счастливою наружностью и несомнѣннымъ талантомъ, онъ остроуменъ, любезенъ, и обладаетъ умѣньемъ излагать свои рассказы въ оживленныхъ и картинныхъ представленихъ; слогъ его мастерской, и въ лекціяхъ, и въ статьяхъ: въ немъ изящная простота соединяется съ задушевностью и теплотою чувства: по убѣжденіямъ—человѣкъ либеральный, но съ тактомъ и умомъ. Онъ много читаетъ, имѣетъ прекрасную библіотеку, въ обществѣ весьма приятенъ и вообще, какъ человѣкъ чрезвычайно образованный, умѣетъ себя держать. Какъ профессоръ онъ заслуживаетъ полное уваженіе; на лекціи его собиралось всегда много студентовъ съ разныхъ факультетовъ: публичныя лекціи, читанныя имъ три раза (одинъ разъ—сравнительный курсъ исторіи Франціи и Англіи) посѣщались Москвитчанами съ особеннымъ удовольствіемъ и доставили профессору большую извѣстность. Но необходимо прибавить, что Грановскій страшно лѣнивъ и неусидчивъ для строгихъ ученыхъ работъ: все, что онъ написалъ, заключается въ двухъ небольшихъ диссертацихъ и въ нѣсколькихъ журнальныхъ статьяхъ (въ „Библіотекѣ для Чтенія“, „Современникѣ“, „Архивѣ“ Калачева и Альманахѣ „Комета“), которыя, конечно, немного внесли въ область науки, уже прекрасно разработанной иностранными учеными. Онъ только мастерски, если захочетъ, пользуется ихъ трудами. Вообще профессоровъ нельзя сравнивать съ Нѣмецкими, этими благородными тружениками науки. Грановскій пристрастенъ къ карточной игрѣ (наслѣдовалъ эту страсть отъ своего родителя) и потому вечера проводитъ за зеленымъ сукномъ, подвизуясь въ ералашъ, крестики и палки. Въ клубѣ онъ игралъ по большой и не разъ много проигрывалъ; любитъ онъ жизнь вести разсѣянную, въ разсѣздахъ по городу; знакомствъ у него много, а дома его ожидаютъ очень многіе, и студенты, и не студенты. Если прибавить къ этому дружескія обѣды, попойки и всегдашній долгій послѣобѣденный сонъ, то, конечно, для ученой работы времени не останется. Сколько стоило ухищреній, чтобы заставить его написать эту небольшую и весьма поверхностную статью, которая напечатана въ Альманахѣ „Комета“; тутъ были пущены въ ходъ, и дружескія, и родственныя усилія. Время уходитъ преимущественно въ пустой болтовнѣ, въ передачѣ невѣрныхъ слуховъ и еще въ менѣе вѣрныхъ пророчествахъ по поводу политическихъ событій. Какъ человѣкъ, умѣющій жить въ свѣтѣ, онъ не всегда

открыто идетъ противъ чужаго мнѣнія и готовъ ради дружбы и знакомства поддержать своимъ голосомъ то, что въ другое время самъ же осмѣялъ бы. Вообще, искренности и откровенности въ немъ немного. Что хотите предложите, Грановскій схватится, по видимому, съ жаромъ и, конечно, дѣло никогда не будетъ сдѣлано. Попросите его за кого-нибудь, и онъ тотчасъ надастъ обѣщаній хлопотать объ этомъ человѣкѣ, сыскать ему мѣсто или работу (иногда эти обѣщанія даетъ и безъ всякой вашей просьбы) и, будьте увѣрены, что обѣщаній своихъ не исполнитъ, даже не попытается исполнить. Отъ этой распушенности въ жизни его прекрасное лицо обрюзгло, животь начинаетъ не въ мѣру выдаваться впередъ. Лѣтомъ онъ проводитъ жизнь гдѣнибудь на дачѣ или въ деревнѣ у своихъ пріятелей и тоже мало или почти ничего не дѣлаетъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ ему отъ министерства поручено составить учебникъ по Всеобщей Исторіи, трудъ, представляющій ему большія матеріальныя выгоды; въ цензурномъ отношеніи обѣщана ему снисходительность. Но учебникъ мало подвигается впередъ и будетъ ли приведенъ къ концу, сомнительно. Лекціями Грановскій довольно часто манкировалъ и манкируетъ, сваливая свой грѣхъ на какую-то болѣзнь. Когда я былъ на второмъ курсѣ, случилось, что онъ прочиталъ намъ одну и ту же лекцію три раза сряду, потому что промежутки между этими тремя разами явленія его въ университетской аудиторіи были весьма продолжительны, и онъ успѣвалъ забыть, что читалъ въ предъидущій разъ. Подъ конецъ онъ такъ часто манкировалъ, что мы, не видя возможнаго окончанія его курса и думая о приближающихся экзаменахъ, а съ другой стороны и недовольные постояннымъ пропускомъ лекцій, рѣшались перестать остальное время приходить на его лекціи. Какъ нарочно тогда-то и явился Грановскій и, не найдя никого въ аудиторіи, сильно оскорбился и въ слѣдующій за тѣмъ разъ, явившись въ нашу аудиторію, сдѣлалъ намъ упрекъ, что ничѣмъ не заслужилъ такого невниманія и тѣмъ закончилъ свои лекціи. Въ своемъ кружкѣ и въ отношеніи къ журналистамъ онъ сѣумѣлъ себя такъ поставить, что все ему покланяется, все за нимъ ухаживаетъ, все трубитъ его славу. Студенты во время моего университетскаго воспитанія очень любили его за его доступность, снисходительность на экзаменахъ (иногда уже совершенно излишнюю) и за мастерское изложеніе лекцій *).

*) Все это вѣрно и не упущено въ превосходной біографіи Грановскаго, написанной А. В. Станкевичемъ, и однако свѣтлый образъ Грановскаго безмѣрно дорогъ тѣмъ, кто его зналъ или его слушалъ. Читая его письма, изданныя тѣмъ же его біографомъ, невозможно не полюбить Тимофея Николаевича. Это былъ и ученый профессоръ, и художникъ. П. Б.

Эта любовь особенно обнаружилась на диспутъ Грановскаго на степень магистра. Имъ была написана диссертация, потомъ напечатанная въ Сборникѣ историческихъ и статическихъ свѣдѣній о Россіи (изданіе Валуева), о древнихъ городахъ: „Волинъ, Юмбургъ и Винета“. Профессоръ Славянскихъ нарѣчій О. М. Бодяскій загодя уже пророчилъ Грановскому побіеніе на диспутъ; трудомъ его онъ былъ очень недоволенъ. Когда бывали въ Университетѣ диспуты по предметамъ исторіи и другимъ общенитереснымъ, то въ залѣ собирались студенты со всѣхъ факультетовъ: являлись и окончившіе курсъ кандидаты и дѣйствит. студенты; приходило много постороннихъ лицъ, между ними бывало и нѣсколько дамъ. Но никогда, можетъ быть, не былъ такъ полною залъ, какъ въ этотъ разъ: просто, залъ былъ биткомъ набитъ, студенты наполняли даже хоры; на заднихъ мѣстахъ они повлѣзали на скамьи и столы, чтобы лучше видѣть и слышать. Когда явился диспутантъ, его встрѣтили долговременными и единодушными аплодисментами. (Аплодисменты вошли въ обычай въ Университетѣ, кажется, съ началомъ публичныхъ лекцій, на которыхъ публика Шевырева и Грановскаго встрѣчала и провожала рукоплесканіями). Начался диспутъ. Бодяскій, высказывая свои опроверженія съ свойственными ему грубыми и вовсе не свѣтскими замашками, заключивъ свой приговоръ этими словами: „диссертация ваша такъ недостаточна и такъ составлена плохо, что я бы отъ студенческаго сочиненія потребовалъ больше“. Въ эту минуту раздалось въ залѣ общее шипѣнье. Въ послѣдующемъ спорѣ, когда спорящіе разгорячились и Шевыревъ сцѣпился съ Рѣдкинымъ по поводу философическихъ идей Августина (какъ это философическія идеи попали въ споръ, не знаю), всякое горячее слово Шевырева и Бодяскаго было освистывасмо: а противникамъ ихъ посылались громкіе аплодисменты. Бодяскій и Шевыревъ нѣсколько разъ обращались къ студентамъ съ словами: „это не театр!“ но за эти слова поплатились еще болѣе. Свистъ и шипѣнье положительно не давали имъ ничего высказать. По окончаніи диспута, студенты проводили Грановскаго до его экипажа съ восторженными криками.

Исторія эта надѣлала много шума и дошла въ Петербургъ. Графъ Строгановъ былъ на диспутѣ и выдержалъ себя съ отличнымъ равнодушіемъ; онъ даже ни разу не оглянулся на студенческія скамьи. Платонъ Степановичъ, съ умоляющимъ видомъ, упрасивалъ студентовъ шипѣть потише. На другой день графъ Строгановъ потребовалъ къ себѣ депутатовъ отъ всѣхъ факультетовъ, сдѣлалъ, въ лицѣ ихъ, выговоръ всѣмъ факультетамъ, представляя, какія худыя могутъ выйти изъ этого послѣдствія, и какъ правительство дурно смотритъ на подобныя протестаціи, и за тѣмъ отпустилъ. Болѣе ничего и не было. А чѣмъ бы

могла разыграться эта исторія при другомъ попечителѣ, страшно и подумать! Послѣ министръ Уваровъ завелъ было съ нимъ рѣчь объ этомъ происшествіи, давая замѣтить, что онъ распустилъ студентовъ ввѣреннаго ему Университета; но графъ съ достоинствомъ отвѣчалъ ему: „я самъ былъ на диспутѣ!“ Тогда же аплодисменты въ Университетѣ были запрещены, а на диспуты стали допускаться студенты двухъ высшихъ курсовъ, III-го и IV-го. Впослѣдствіи уже, при Пазимовѣ, желающіе быть на диспутѣ, должны были записывать свои имена въ Университетскомъ Правленіи и получать оттуда билеты за подписью ректора.

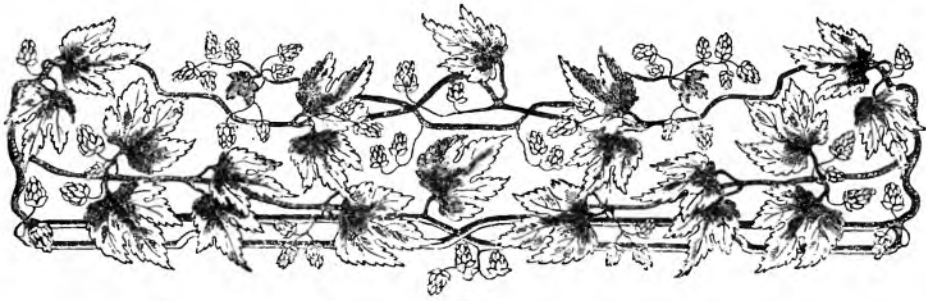
Жалованье духовенству въ древней Руси.

Духовенство на Руси съ древнихъ временъ содержалось добротными даваніями прихожанъ; но было бы ошибочно думать, что эти даванія были единственнымъ источникомъ продовольствія для духовнаго сословія. Есть указанія на то, что „церковные люди“, особенно священники (попы), пользовались и отъ казны денежнымъ жалованіемъ. Вотъ что говорится въ одной челобитной XVII вѣка, хранящейся въ Уфимскомъ архивѣ.

Царю Государю Великому Князю Алексію Михайловичу всея великія малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу бьетъ челомъ нищій его Великаго Государя богомолецъ Уфимской Свято-троицкій попъ Іванище Стефановъ. Въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ служилъ у той Троицы Живоначальной попъ Стефанъ Ивановъ. Тому Стефану давано было изъ твоей Великаго Государя казны ружное и денежное твоего Великаго Государя жалованье на годъ по три рубли, да хлѣба житнаго по три четверти. Потомъ же попъ Стефанъ овдовѣлъ и пострихся. По благословенію великаго господина Лаврентія, митрополита Казанскаго, по силѣ состоявшаго указа на Уфѣ у Троицы Живоначальной велѣно служить мнѣ твоему цареву богомольцу. Смилуйся, государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня твоего богомольца твоимъ Великаго Государя жалованіемъ, денежнымъ и хлѣбнымъ обладомъ, который окладъ былъ тому попу Стефану даванъ. Царь Государь, смилуйся, пожалуй. На сей челобитной попъ Іванище Стефановъ руку приложилъ.

М. Поповъ.

ДНЕВНИКЪ М. Н. ПОХВИСНЕВА ¹⁾.

1853 годъ. Январь—Февраль.

8 Февраля (1853) Воскресенье.

Въ послѣдней книжкѣ *Мѣсячанина* помѣщены преинтересныя Записки С. П. Жихарева, бывшаго сенатора; онъ началъ писать свой дневникъ еще будучи студентомъ и продолжалъ почти всю свою жизнь. Пока помѣщенъ дневникъ Студента, за которымъ послѣдуетъ Дневникъ Чиновника. Эти современные мемуары писаны бойкимъ, остроумнымъ перомъ, просто, безъ лишнихъ претензій, и эта-то безыскусственность составляетъ ихъ прелесть. Вѣроятно въ послѣднее время ils étaient retouchés²⁾, потому что языкъ намъ современный. Ихъ купилъ М. П. Погодинъ и, говорятъ, за безцѣнокъ. Жихареву ѣсть нечего, и онъ радехонекъ былъ хотя что нибудь за нихъ выручить.

Чтеніе этихъ мемуаровъ соблазнило и меня вести свой дневникъ. Я уже не разъ въ жизни моей принимался за этотъ трудъ, но всегда бросалъ его по недостатку терпѣнія и постоянства. Попытаюсь снова; авось послѣднія мои занятія по службѣ поприучили меня къ большому постоянству и настойчивости. Право, нехудо отдавать себѣ отчетъ на бумагѣ въ томъ что дѣлаешь, мыслишь и чувствуешь; эти бѣглыя замѣтки могутъ пригодиться, если не для себя, такъ для другихъ и во всякомъ случаѣ въ послѣдствіи не лишены будутъ занимательности, а между тѣмъ и для пишущаго это полезно какъ упражненіе въ языкѣ. И такъ съ Богомъ, начнемъ!

Не мѣшаетъ оглянуться назадъ и начать съ начала новаго года, благо, что еще съ 1 Января немного ушло времени.

¹⁾ Михаилъ Николаевичъ Похвисневъ, позднѣе начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, род. въ 1813 г. † 4 Ноября 1882 года. П. Б.

²⁾ Они были подправлены. Записки Студента въ новомъ изданіи появились въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 и 1891 годовъ. П. Б.

Декабрь и начало Января я былъ много озабоченъ служебными дѣлами. Не обошлось, какъ слѣдуетъ, безъ огорченій. Въ началѣ зимы попечитель нашъ¹⁾ представилъ меня на вакансію ценсора здѣшняго Ценсурнаго Комитета (на мѣсто князя Львова, отставленнаго за пропускъ Записокъ Охотника Тургенева). Я долго не рѣшался принять предложеніе попечителя; но значительное содержаніе, сопряженное съ этою должностію, заставило меня согласиться. Чтò дѣлать! Это, быть можетъ, не совершенно похвально, но при моихъ средствахъ къ жизни очень понятно. Дѣйствительно, при нынѣшнихъ требованіяхъ и строгости правительства *il faut penser à deux fois*²⁾ прежде чѣмъ рѣшиться принять такую должностъ. Хорошо еще, что въ Москвѣ мало печатается, и есть надежда, что и того меньше будетъ печататься.

Пока представленіе обо мнѣ было въ ходу, попечитель получилъ увѣдомленіе частнымъ письмомъ отъ министра, что Государю не угодно изъявить предварительнаго согласія на опредѣленіе полковника Аверкіева (*beau-frère* Вл. И. Назимову) помощникомъ попечителя Моск. Учебн. Округа. Князь Гагаринъ (флигель-адъютантъ, служащій на Кавказѣ) самъ отказался, а потому теперь поле свободное. Влад. Ивановичъ, любя меня и помня сдѣланное мнѣ имъ самимъ предложеніе, безъ всякаго съ моей стороны искательства, снова предложилъ мнѣ занять это мѣсто. Я разумѣется не заставилъ себя упрашивать. Попечитель самъ заѣзжалъ ко мнѣ два раза въ одинъ день и, не заставъ меня дома, приказалъ по возвращеніи моемъ тотчасъ къ нему пріѣхать. Я отыскался дома около 4 часовъ и, не обѣдая, поскакалъ къ нему. — „Напишите поскорѣе отъ моего имени письмо къ министру, только поубѣдительнѣе и поскорѣе, для того чтобы меня не забросали просьбами“. Я расцѣловалъ его, но только замѣтилъ, что мнѣ весьма легко могутъ отказать, потому что я уже представленъ въ ценсоры. На другой день письмо покатилося по чугункѣ въ Питеръ.

Отвѣтъ министра не заставилъ себя дожидаться. Черезъ недѣлю получено письмо отъ князя Шихматова съ полнымъ и рѣшительнымъ отказомъ. Министръ пишетъ, что не можетъ принять на себя ходатайство о моемъ назначеніи, потому что при нынѣшнемъ возвышеніи ректорскихъ мѣстъ подчинить огромный округъ съ университетомъ надворному совѣтнику было бы неудобно и не могло бы сопровождаться благопріятными послѣдствіями: что, при всей довѣренности попечителя, я не могу еще имѣть достаточной опытности, что я въ теченіи двухъ лѣтъ представляюсь на четвертое мѣсто, что для меня слишкомъ много по-

¹⁾ Владимиръ Ивановичъ Назимовъ, у котораго М. Н. Похвисневъ былъ правителемъ канцеляріи. П. Б.

²⁾ Надобно дважды подумать.

ступить прямо, такъ сказать, изъ правителя канцеляріи въ помощники попечителя, что я еще не успѣлъ заслужить уваженія и извѣстности въ обществѣ и въ заключеніе *pour dorer la pilule*¹⁾, что я могу впрочемъ надѣяться въ послѣдствіи на полученіе этого мѣста, если служба моя будетъ того заслуживать. Однимъ словомъ, обработали славно! Источены были всѣ доводы, чтобы отказать; но что болѣе всего меня опечалило, такъ это тонъ самаго письма. Видно, меня дурно разумѣютъ въ Министерствѣ и вѣроятно считаютъ за какого-нибудь пройдоху, искателя мѣстъ, тогда какъ въ этомъ дѣлѣ *initiative*²⁾ принадлежитъ самому попечителю! Вѣроятно меня успѣли обнести и представить какъ интригана, оттого что я пользуюсь довѣренностью попечителя. Благодаря Богу, совѣсть моя спокойна: я до сихъ поръ не употреблялъ во зло довѣренности, которою меня жалуешь благороднѣйшій Владимиръ Ивановичъ. Напротивъ, видить Богъ, я употреблялъ всѣ мои усилія, дѣлалъ все что могъ для пользы службы и моего несравненнаго начальника. Но вѣдь давно извѣстна истина—никакой успѣхъ не прощается людьми. Я, подобно многимъ другимъ, испытываю это на себѣ. Меня оскорбилъ не столько отказъ, сколько неуважительный обо мнѣ отзывъ министра. Я полагалъ, что службою своею, хотя и непродолжительною, я заслужилъ лучшее о себѣ мнѣніе. Надѣюсь, что кто вблизи видѣлъ мои дѣйствія, тотъ будетъ другихъ обо мнѣ мыслей. Мнѣ ставятъ въ вину, что я будто имѣю вліяніе на округъ; есть даже люди, которые трезвонятъ по Москвѣ, что будто бы я ворочаю округомъ. Но пусть эти судьи чужихъ дѣлъ, въ которыхъ сами ничего не смыслятъ, докажутъ, что я имѣлъ дурное вліяніе на дѣла, что я обманывалъ, продавалъ своего начальника, какъ дѣлаютъ эти же самые клеветники. Но къ чему оправданія? Время лучше всего оправдаетъ меня.

Письмо министра получено было въ день бала у Н. Г. Рюмина, у котораго долженъ былъ быть и попечитель. Я не послалъ къ нему письма, чтобы не огорчить его передъ баломъ, а самъ поѣхалъ къ Рюминымъ, чтобы предварительно сообщить ему содержаніе письма. Когда попечитель вышелъ изъ за картъ въ концѣ вечера и подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ „не получено ли чего новаго“, я передалъ ему отъ слова до слова содержаніе письма. Онъ, казалось, былъ пораженъ еще больше меня. Усѣвшись въ углу гостиной, мы долго разсуждали и приискивали причины, побудившія министра отказать ему. Подозрѣваетъ, не повредили ли мнѣ здѣшнія власти, которыя, сколько судить можно, не

1) Чтобы позолотить пилюлю.

2) Починъ.

очень благоволятъ ко мнѣ. Разстроенный уѣхалъ Назимовъ съ бала. На другой день я отвезъ ему письмо. Рѣшено было отвѣчать министру въ мою защиту. Я, не надѣясь на успѣхъ и находя защиту эту бесполезною, просилъ уволить меня отъ сочиненія отвѣта. Попечитель настаивалъ и передалъ мнѣ въ подробности, въ какомъ видѣ долженъ былъ быть написанъ отвѣтъ его. Я долженъ былъ повиноваться. Въ письмѣ своемъ попечитель выражалъ сожалѣніе о томъ, что достойный и полезный чиновникъ устраняется министромъ, что я не искалъ этого мѣста, но что этого желалъ онъ самъ, дабы имѣть во мнѣ настоящаго себѣ, а не по одному только имени. помощника, что я пользуюсь полнымъ уваженіемъ всѣхъ меня знающихъ, что неоднократно были примѣры назначенія въ эту должность людей не выше меня чиномъ и моложе лѣтами: указывалъ на князя Щербатова и Батюшкова, наконецъ въ заключеніе присовокупилъ, что онъ останется при прежнемъ обо мнѣ мнѣніи и только сожалѣеть, что это мнѣніе не раздѣляетъ съ нимъ министръ. Конечно такое письмо не должно было склонить министра, извѣстнаго если не твердостью характера, такъ упрямствомъ. Черезъ недѣлю опять полученъ былъ отвѣтъ. Министръ опровергалъ приведенные попечителемъ примѣры, говоря, что Щербатовъ назначенъ былъ самимъ Государемъ, вѣроятно, за заслуги отца, а Батюшковъ поступилъ въ помощники изъ вице-губернаторовъ и притомъ въ округъ (Виленскій), гдѣ нѣтъ Универ-та и всего только четыре губерніи, и въ заключеніе съ нѣкоторою колкостью замѣтилъ, что онъ охотно всѣ эти примѣры относитъ на ближайшее усмотрѣніе его прев-ва. Послѣ такого положительнаго отказа, надо было и мнѣ отложить свои надежды.

Попечитель, боясь, чтобы ему не навязали помощника мимо его, рѣшился, въ дополненіе къ ходатайству обо мнѣ, рекомендовать еще двухъ: Тверскаго директора гимназій ген.-маіора Извъкова. чело-вѣка уже немолодаго и небойкаго, но за то чиновнаго, и еще директора 3 Московской гимназій камеръ-юнкера кол. совѣтн. Зиновьева. Онъ спросилъ моего мнѣнія. Огорченный отказомъ министра, я равнодушно отвѣчалъ: какъ угодно вашему п-ву. хотя мысленно подумалъ, что Зиновьевъ, будучи въ одномъ со мною чинѣ (я уже произведенъ въ кол. совѣтники), имѣеть не больше меня правъ на это мѣсто. Но такъ какъ этого хотѣлось Владимиру Ивановичу, то я не сталъ возражать противъ этой комбинаціи, тѣмъ болѣе что для меня теперь все равно, кто бы ни былъ помощникомъ. Вновь написано было письмо къ министру, въ которомъ, въ дополненіе къ прежнему ходатайству, рекомендуются Извъковъ и Зиновьевъ, предоставляя ему выборъ изъ трехъ кандидатовъ. Между тѣмъ попечитель просилъ меня никому не

говорить объ этомъ и держать въ тайнѣ, съ тѣмъ, что и онъ не скажетъ никому.

Недѣли двѣ спустя, уже послышались толки въ Москвѣ о томъ, что въ помощники представленъ Зиновьевъ; вскорѣ заговорилъ весь Универ-тъ и всѣ которые занимаются чужими дѣлами. Я передалъ объ этихъ слухахъ Назимову, показывая мое изумленіе, какимъ образомъ могли въ Москвѣ узнать этотъ секретъ. Попечитель увѣрилъ меня, что министръ самъ передалъ объ этомъ брату Зиновьева (наставнику при дѣтяхъ Наслѣдника). Я, разумѣется, объяснилъ себѣ это дѣло самымъ простымъ образомъ: Владимиръ Ивановичъ вѣроятно самъ предложилъ Зиновьеву; иначе и быть не могло. Зиновьевъ тотчасъ написалъ къ брату. Подняли на ноги Сергѣя Михайловича Голицына (черезъ Трубецкихъ, родню жены Зиновьева), забѣжали къ графу Загребскому, хотя послѣдній, какъ говорятъ, имѣлъ въ виду своего кандидата (полковника Корнилова). вмѣстѣ съ Зиновьевымъ принялся хлопотать молодой князь Шихматовъ (племянникъ министра, служащій чиновникъ особыхъ порученій при нашемъ попечителѣ) о полученіи мѣста директора 3 гимназіи, которое должно очиститься по назначеніи Зиновьева помощникомъ. На мѣсто Шихматова въ свою очередь сталъ проситься Лисянскій (морякъ, пріѣхавшій изъ Чернаго моря искать гражд. службы и введенный въ домъ попечителя товарищемъ своимъ Шихматовымъ). Полетѣли письма въ Петербургъ, Зиновьевъ поскакалъ самъ хлопотать. Однимъ словомъ, заварилась каша. Все это обрушилось на министра, который, какъ ни упрямился, но окруженный и терзаемый родственниками, долженъ былъ наконецъ сдаться и изъявить согласіе на перемѣщеніе племянника своего директоромъ 3 гимназіи. Съ этимъ связана была участь и Зиновьева, который, благодаря просьбамъ своихъ родныхъ и вмѣстѣ родственнымъ побужденіямъ министра, долженъ получить мѣсто помощника. Теперь посмотримъ, какія права его на мѣсто. Еще нѣтъ года какъ онъ поступилъ на службу и откуда поступилъ? Изъ смотрителей Орловской арестантской роты! Правда, онъ кончилъ курсъ университетскій и человѣкъ не безъ образованія, но весьма обыкновенный, и едва ли не моложе меня лѣтами. За то у него другія достоинства, которыя цѣнятся дороже всѣхъ нашихъ дарованій—у него братъ служить при Дворѣ, и онъ самъ женатъ на Трубецкой! Удивительно одно: тѣже причины, которыя препятствовали мнѣ получить мѣсто помощника, а именно недостаточность чина и служебной опытности, въ отношеніи къ Зиновьеву не считаются препятствіями. Это своего рода логика, свойственная князю Шихматову. Стану ли я обвинять въ этомъ благороднѣйшаго Владимира Ивановича? И имѣю ли я на это хотя малѣйшее право? Онъ искренно желалъ имѣть

меня своимъ сотрудникомъ: но когда ходатайство его было безуспѣшно, весьма понятно, что ухватился за перваго порядочнаго человѣка изъ людей ему извѣстныхъ, для того чтобы не навязали ему другаго кандидата. Если можно во всей этой несчастной исторіи винить кого, такъ это самого министра, этого ханжу, безкровное, бездушное и вмѣстѣ съ тѣмъ упрямое существо, какъ всѣ ограниченные люди. Отказавъ человѣку подь предлогомъ недостаточнаго чина и молодости и между тѣмъ согласился на назначеніе другаго, совершенно равнаго въ правахъ съ первымъ, единственно для того, чтобы дать мѣстечко *родному человѣчку!* Гдѣ же это безпристрастіе, правота, которыя должны бы быть свойственны такому богомолу, каковъ князь Шихматовъ?

Когда разошлись слухи о назначеніи Зиновьева, я не могъ скрыть моего неудовольствія и высказать самому попечителю. Онъ уговаривалъ меня не огорчаться, а главное не показывать огорченія. „Быть можетъ, это къ лучшему“, говорилъ онъ. Конечно, если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, такъ нечего и огорчаться. Если суждены мнѣ дальнѣйшіе успѣхи по службѣ, такъ они придутъ сами собою. Всѣ эти неудачи порядочно взводновали мою желчь и, какъ я ни владѣю собою, однакоже не могъ скрыть моего огорченія. Между тѣмъ въ концѣ Декабря пришло утвержденіе меня въ должности ценсора.

Въ день Новаго года былъ по обычаю съ поздравленіемъ у графа Закревскаго. Графъ, подойдя ко мнѣ, спросилъ, вступилъ ли я въ должность и посовѣтовалъ при новыхъ занятіяхъ *смотреть въ оба!* Я поблагодарилъ его за предостереженіе, хотя и выраженное вовсе нелюбезнымъ образомъ. На Святкахъ получилъ попечитель частное уведомленіе отъ статсъ-секретаря Буткова о наградахъ, вышедшихъ по нашему округу. Меня въ этомъ числѣ нѣтъ, хотя попечитель представилъ меня къ Аннѣ на шею и неоднократно просилъ за меня министра. Между тѣмъ произвели въ дѣйств. статскіе совѣтники Жидка Геймана, даже помимо попечителя, который представлялъ его только къ коронѣ на Анну. Вотъ какъ умѣютъ обдѣлывать дѣлишки! Это взорвало Назимова. Меня же эта неудача, послѣ недавняго пораженія, мало огорчила. Видно, прямымъ путемъ ничего не выиграешь. Жаль только, что двухлѣтняя служба моя при лицѣ попечителя въ званіи правителя канцеляріи и инспектора казенныхъ училищъ осталась безъ всякаго вниманія со стороны министерства, а могу смѣло сказать, что трудовъ было немало!

Министръ спохватился и написалъ къ Назимову письмо, въ которомъ изъявляетъ сожалѣніе, что онъ не могъ доставить мнѣ въ нынѣшнемъ году награды, потому что награду *enp* просилъ долженъ былъ, будто бы по усиленному ходатайству самого Владимира Ивановича.

предоставить на этотъ разъ Демидову (попечителю Демидовскаго Лицея, произведенному изъ отставныхъ штабсъ-ротмистровъ въ статскіе совѣтники), просить Влад. Ив-ча этимъ не огорчаться и увѣрять, что на будущій годъ онъ будетъ ходатайствовать о награжденіи Похвиснева. Спасибо и за это!

Послѣ Крещенія я присягалъ на полученный чинъ и на новую должность. Января—вступилъ въ исправленіе обязанностей ценсора. На первый разъ достались мнѣ двѣ рукописи на разсмотрѣніе: повѣсть г. Угренькова *Яковъ Петровичъ и О причинахъ бѣдности помѣщичьихъ крестьянъ*, произведеніе какого-то 3 гильдія купца Извольскаго. И ту и другую возвратилъ я безъ одобренія. Затѣмъ переданы мнѣ на разсмотрѣніе рукописи: трехтомное *собраніе стихотвореній г. Лихачева* (сенатскаго регистратора)—бездарный наборъ рѣмъ и пустыхъ мыслей, надъ которымъ совѣстно тратить время, и автору, и бѣдному ценсору. Еще *Юридическій Сборникъ*, составленный изъ статей Казанскихъ профессоровъ и молодыхъ ученыхъ, трудъ весьма дѣльный, судя по началу. Затѣмъ одобрена мною къ печатанію рукопись медицинскаго содержанія: *О тупочныхъ прыжкахъ*, предварительно разсмотрѣнная здѣшнимъ медицинскимъ факультетомъ. Сверхъ того мнѣ поручено цензурованіе неофициальной части *Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*. Редакторъ г. Родиславскій былъ у меня, и я сговорился съ нимъ чтобы Вѣдомости (выходившія по Субботамъ) присылались ко мнѣ на просмотръ въ корректурныхъ листахъ не позднѣе Четверга вечеромъ.

Между тѣмъ, сверхъ занятій по ценсурѣ, попечитель взвалилъ на меня составленіе годоваго отчета по округу „Я поклонюсь вамъ за это въ пожжи“, сказалъ Владимиръ Ивановичъ, и я разумѣется не смѣлъ отказаться отъ этого порученія, хотя оно и очень обременительно. Теперь я заваленъ работою. По канцеляріи также встрѣчаются занятія. Новый правитель канцеляріи Полуденскій часто совѣщается со мною о дѣлахъ, и я всемъ служу чѣмъ могу. Дай Богъ только побольше здоровья: оно мнѣ частенько измѣняетъ.

25 Января былъ большой балъ у графа Закревскаго, куда и я былъ приглашенъ. Балъ былъ блестящій, гостей человекъ, говорятъ, до 800. Встрѣтилъ Владимирскихъ знакомыхъ: Щербачева съ женою и красира Ламанова.

3 Февраля былъ раутъ у Сергѣя Павловича Шипова по случаю именинъ жены его. На раутѣ былъ цвѣтъ не молодежи, а чиновниковъ и сановниковъ. Графъ Закревскій холодно кивнулъ мнѣ головою. Трудно быть менѣе ко мнѣ благосклонну. И за что такое ко мнѣ неблаговоленіе или непривѣтливость? Рѣшительно не понимаю. Графъ любитъ слушать сплетни. Вѣроятно меня представили ему не въ

настоящемъ видѣ мои друзья, и изъ нихъ первый бывший во Владимирѣ губернаторомъ Донауровъ, пустѣйшій и подлѣйшій человекъ, первостепенный пустомеля, дурными обо мнѣ отзывами дѣлающій мнѣ честь. Графъ Закревскій неоднократно говорилъ, что я ненадежный человекъ для службы, что я только думаю о чужихъ краяхъ. Какъ ему знать объ этомъ? Эти мысли конечно внушены ему никѣмъ другимъ, какъ доброжелателемъ моимъ Донауровымъ. Петръ Михайл. не простилъ мнѣ того презрѣнія, которое я имѣлъ случай ему показывать за всѣ его гадости. Жаль только, что почтенные люди, каковъ графъ Арсеній Андреевичъ, разумѣють меня не такъ, какъ слѣдовало.

На раутѣ у Шиповыхъ Ѡ. Н. Глинка по просьбѣ сенатора Семёнова познакомилъ меня съ нимъ. Это умный, образованный человекъ, хотя немного резонеръ и доктринеръ. Онъ былъ губернаторомъ въ Вильнѣ и Минскѣ, женатъ на сестрѣ композитора Львова и извѣстенъ еще тѣмъ, что, кажется, вводилъ въ дѣйствіе инвентари по Минской губерніи. Онъ началъ мнѣ рассказывать длинную исторію о томъ, что Русскія начала не вовсе исчезли въ бывшемъ Литовскомъ краю, но нетерпѣливою супругою былъ увезенъ съ бала, не кончивъ своей рѣчи. Надо къ нему ѣхать. Передъ ужиномъ я заговорился съ м-те Бутурлиной (рожд. княжной Щербатовой) и былъ прерванъ человекомъ, пришедшимъ сказать, что меня дожидается *супруга*. Это была сестра Людмила, которая, уѣзжая съ раута, ждала меня въ передней. И м-те Бутурлина много этому смѣялись.

Теперь у насъ гостятъ: братъ Аркадій, пріѣхавшій въ отпускъ изъ Сибири, ожидающій проѣзда своего начальника генераль-губернатора Н. Н. Муравьева, и братъ Сергѣй, котораго батюшка отпустилъ къ намъ, не рѣшась по болѣзни самъ пріѣхать къ намъ.

Въ Москвѣ теперь много говорятъ объ арестѣ Павлова Н. Ф., извѣстнаго литератора и картежнаго игрока. Его засадили, какъ говорятъ, по просьбѣ жены, урожденной Королины Янишь, извѣстной Московской литературщицы, несноснѣйшей изъ женщинъ по своимъ притязаніямъ на умъ и поэтическія дарованія. Эта *Сафо* жаловалась, что мужъ своею игрою и мотовствомъ разоряетъ семейство. Бѣднаго мужа, безъ всякой причины, арестовали, сдѣлали у него домашній обыскъ, нашли запрещенныя книги, нашли это несчастное письмо Блинскаго къ Гоголю, и немудрено, что это послѣднее открытіе будетъ самымъ тяжкимъ обвиненіемъ. По поводу этой исторіи острякъ Соболевскій, который извѣстенъ своими стихотвореніями а прогос, сказалъ слѣдующее четверостишіе:

И куда ни взглянешь,
Все любовь—могила,
Мужа мамзель Янишь
Въ яму засадила!

Нынче утромъ ѣздилъ съ С. П. Полуденскимъ къ имениннику, общему нашему пріятелю Ѡ. С. Офросимову. У него нашли толпу тетушокъ, дядюшекъ, кузинъ, собравшихся на рождественный завтракъ. Тутъ меня познакомили съ m-me Зонтагъ, авторомъ многихъ прекрасныхъ дѣтскихъ книгъ. Она сестра А. П. Елагиной. Здѣсь же я встрѣтилъ товарища моего дѣтства В. А. Елагина.

Сестра уѣхала съ братьями и съ Бахъ во Французскій театръ, а я остался дома, чтобы приступить и заняться моимъ дневникомъ. Плодомъ нынѣшняго вечера была настоящая. *первая тетрадь* моего журнала. Le commencement de mon journal est tant soit peu retrospectif. Maintenant j'ai rattrapé du temps qui s'est écoulé dès le commencement de l'an. Впередъ постараюсь идти въ уровень съ временемъ.

Февраль и Мартъ мѣсяцы были богаты происшествіями всякаго рода. Впередѣ и прежде всего—исторія Политковскаго. Рѣшительно этотъ господинъ модный левъ настоящаго сезона и до сихъ поръ продолжаетъ занимать общее вниманіе цѣлой Россіи, хотя самъ онъ преспокойно лежитъ въ могилѣ. Кто изъ жителей С.-П.-бурга не зналъ Александра Гавриловича Политковскаго: въ продолженіи 17 лѣтъ онъ занималъ мѣсто директора канцеляріи Комитета 18 Августа и удивлялъ Петербургскихъ жителей своею роскошною жизнью, своими обѣдами на славу, такъ что его прозвали нашимъ Монтекристо. Всѣ дивились, откуда бралъ этотъ человекъ средства. Теперь эта тайна разгадана. Онъ жилъ на счетъ инвалиднаго капитала, ввѣреннаго его храненію. Со смертію его не досчитались милліона ста тысячъ рубл. серебромъ. Давно уже носились слухи о подозрительности его богатства, но онъ умѣлъ всегда эти невыгодные слухи обратить въ свою же пользу. Рассказываютъ, что однажды онъ самъ сдѣлалъ на себя доносъ, въ которомъ было указано на недостатокъ денегъ въ Комитетѣ и даже обозначены были номера билетовъ кредит. установленій, которые будто бы размѣнены самимъ директоромъ. Вслѣдствіе этого доноса произведена была повѣрка суммъ, кажется, дежурнымъ генераломъ Игнатьевымъ, и все оказалось въ цѣлости. Политковскій притворился обиженнымъ и въ утѣшеніе за внесенную на него клевету былъ утѣшенъ чиномъ тайнаго совѣтника. Обезопасивъ себя такимъ образомъ отъ всякихъ доносовъ, онъ съ тѣхъ поръ преспокойно грабилъ кассу инвалидовъ и даже, говорятъ, самъ говаривалъ въ шутку, что онъ живетъ на счетъ инвалидовъ. Вотъ что называется утонченное мошенничество. До сего времени въ исторіи Русской администраціи не было примѣра подобной наглости, такого цинизма въ пользованіи казенною собственностію. И гдѣ же все это творилось?—въ Петербургѣ, на гла-

захъ у правительства! По моему мнѣнію въ допущеніи этого грабительства больше всѣхъ виноваты военное министерство и тайная полиція—Чернышевъ и Орловъ должны отвѣчать Государю. Теперь наряженъ судъ надъ генералами, засѣдавшими въ этомъ Комитетѣ. Всѣ знаютъ, что они непричастны этимъ злоупотребленіямъ, всѣ жалѣютъ о нихъ и всѣ соглашаются однакоже, что законъ не можетъ не карать такихъ безпорядковъ. Есть надежда, что участь ихъ будетъ облегчена милосердіемъ Государя, особенно послѣ того, какъ богачъ Яковлевъ пожертвовалъ миллионъ рублей сер. въ распоряженіе Государя, прося его употребить эту сумму по влеченію его сердца. Говорятъ, что деньги эти будутъ обращены на пополненіе расхищенной суммы. Такимъ образомъ, если члены Комитета и подвергнутся наказанію, то семейства ихъ по крайней мѣрѣ будутъ избавлены отъ денежныхъ взысканій и спасены отъ разоренія. Эта исторія глубоко огорчила Государя и надѣлала шуму въ цѣлой Россіи. Правительство принимаетъ мѣры осторожности; говорятъ, отъ всѣхъ вѣдомствъ будутъ всюду разсланы чиновники для внезапнаго свидѣтельства казенныхъ суммъ. Къ несчастію, въ послѣднее время подобныя случаи повторяются очень часто. Они указываютъ на общій упадокъ нравственности въ служащемъ сословіи. Роскошь и чрезмѣрное развитіе матеріальной жизни тому причиною.

29 Марта. Былъ у обѣдни въ Университетской церкви, всѣ наши власти были тамъ съ своими семействами: попечитель, его помощникъ, ректоръ. Въ церкви встрѣтилъ стараго знакомаго по Владимиру Д. А. Смирнова, прежде служившаго по выборамъ, а теперь женатаго человека и помѣщика. Онъ заходитъ ко мнѣ, рассказываетъ мнѣ о Владимирскомъ житьѣ-бытьѣ, о старыхъ нашихъ знакомыхъ, которыхъ немного уже тамъ осталось, такъ часто мѣняется населеніе нашихъ губернскихъ городовъ. Новаго губернатора (Анненкова) не видно и не слышно! *Notre empire va de pire en pire.* сказалъ мнѣ Смирновъ, говоря о Владимирѣ. Благодарить за доставленіе мѣста родственнику его Михайлову, который радехонекъ освободиться изъ подъ вліянія криваго Соханскаго, метившаго ему будто бы за то, что Михайловъ не женился на его дочери. На дняхъ получилъ я благодарственное за Михайлова письмо отъ А. Г. Лихачева. А я благодарю Бога, что имѣлъ случай сдѣлать доброе дѣло. Для меня нѣтъ выше удовольствія, какъ радовать и утѣшать другихъ.

Утромъ былъ у Полуденскихъ, Иванова, кн. Урусова и Кирѣевскихъ. Благодарилъ княгиню Е. Петровну за рекомендательное письмо о Туманскомъ къ сестрѣ ея графинѣ Толстой, женѣ Калужскаго губернатора. Душевно буду радъ, если графиня успеетъ черезъ мужа своего

(во всемъ ее слушающаго) доставить мѣсто молодому Туманскому. Этимъ я ужогу и тетущкѣ Глафирѣ Ивановнѣ, которая писала ко мнѣ и просила похлопотать за него. Много говорятъ о Турецкихъ дѣлахъ и о миссиі Меншикова въ Константинополь. Все еще носятя слухи о войнѣ, хотя журналы и увѣряютъ que tout s'arrangera paisiblement. Судя по нашимъ военнымъ приготовленіямъ и по дѣйствіямъ нашего посольства, должно предполагать, что съ Турціею хотятъ покончить. Давно бы пора! И теперь самое удобное для того время: Австрія съ нами заодно, Франція врядъ ли посмѣетъ противиться, новый императоръ ея еще самъ непочтенъ на своемъ мѣстѣ. Главный предметъ теперешняго неудовольствія Государя нашего къ Турціи—поведеніе ея въ спорѣ о Святыхъ мѣстахъ и уступки, сдѣланныя ею въ пользу католиковъ. Для насъ важно нравственное вліяніе наше на Востока, а это вліяніе неминуемо ослабнетъ, если мы уступимъ въ этомъ дѣлѣ католикамъ. Всѣ наши единовѣрцы, живущіе въ предѣлахъ Турецкой имперіи, издавна почитаютъ Россійскаго императора покровителемъ православной церкви на Востока. Понятно, почему мы горячо вступились за наши права. Въ послѣднее время политика наша въ отношеніи къ Турціи была не совсемъ удачна. Мнѣ рассказывали, что когда въ прошломъ году былъ посланъ въ Константинополь князь Радзивиль съ письмомъ Государя къ Султану о выдачѣ Венгерскихъ бѣглецовъ, Турецкій кабинетъ подъ разными предлогами долго уклонялся отъ отвѣта. Радзивиль, потерявъ терпѣніе, назначилъ день отъѣзда, приказалъ топить пароходъ, наконецъ перешелъ на него, и только тогда доставленъ ему былъ отвѣтъ, но не отъ Султана, какъ бы слѣдовало, а отъ Дивана. Послѣ такого оскорбленія нашъ посланникъ Титовъ почелъ себя обязаннымъ прекратить всѣ сношенія съ Турецкимъ правительствомъ, о чемъ и донесъ Нессельроде, въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкцій. Въ этомъ неопредѣленномъ и непріятномъ положеніи оставался Титовъ довольно долгое время; отвѣта изъ Спб. не было, между тѣмъ никто изъ Русскихъ служащихъ при посольствѣ не могъ показаться на улицѣ, а Англійской посланникъ серъ Стратфордъ-Редклиффъ всякой день заѣзжалъ къ Титову осведомляться о его здоровьѣ. Наконецъ былъ полученъ отвѣтъ Нессельроде. Что же писалъ министръ? *Monsieur l'ambassadeur, je dois vous dire que vous avez agi avec trop de précipitation: il ne fallait pas briser les vitres. Tâchez de vous arranger à l'amiable.* Послѣ этого вліяніе Титова пошатнулось крѣпко, и онъ вскорѣ оставилъ постъ свой. Винить Титова нельзя, его не поддерживали. Изъ всего этого надо заключить, что важнѣйшіе политическіе посты не слѣдуетъ ввѣрять людямъ безъ кредита и голоса, вполне зависящимъ отъ министра иностр. дѣлъ. Посольство Менши-

кова должно снова возстановить наше вліяніе въ Константинополь. Онъ при самомъ началѣ далъ славный урокъ Турецкому правительству. Посмотримъ, чѣмъ все это кончится. Въ Англійи и особенно во Франціи крѣпко перепугались, но теперь поуспокоились. Между тѣмъ у насъ собираются безсрочные, двигаются на Югъ войска, на дняхъ прибыли сюда чиновники для закупки лошадей. Все это предвѣщаетъ немирный исходъ. Въ Петербургѣ не велѣно говорить о походѣ, молодой Строгановъ проболтался было молодымъ Великимъ Князьемъ, а они полюбопытствовали спросить объ этомъ у Государя. Говорятъ, за это имъ досталось. Быть можетъ, давнишнее предсказаніе сбудется, и Константинополь, завоеванный въ 1453 году невѣрными, будетъ ровно черезъ 400 лѣтъ снова въ рукахъ христіанъ.

Мы живемъ подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ холеры. Прибытіе этой незванной гостии въ Москву уже объявлено официально въ газетахъ. Въ послѣднее время холерные случаи сдѣлались чаще и чаще. Да хранигъ насъ Богъ отъ этого бѣдствія! Между тѣмъ, несмотря на холеру, общественная жизнь продолжается попрежнему. На дняхъ былъ концертъ м-ме Віардо. Я ее слышалъ въ первый разъ и долженъ сознаться, что это замѣчательнѣйшая пѣвица. Какъ выразительно пропѣла она нѣсколько Испанскихъ и Русскихъ романсовъ и одну мазурку Шопена. Она особенно удивляетъ своими нижними нотами.

Третьяго дня вечеромъ профессоръ Грановскій читалъ у попечителя отрывокъ изъ приготовляемаго имъ, по порученію нашего министерства, учебника Всеобщей Исторіи. Написано прекраснымъ, одушевленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ простымъ языкомъ. Жаль, если дѣнь помѣшаетъ Грановскому окончить этотъ трудъ. Изъ слушателей, кромѣ попечителя, было только двое: Сергѣй Полуденскій и я.

Послѣ чтенія Владимиръ Ивановичъ разсказалъ намъ про Преображенскаго офицера, одного изъ Гатчинскихъ любимцевъ и теперь доживающаго свой вѣкъ въ Калужской деревнѣ. Онъ былъ призванъ ночью къ Павлу и получилъ приказаніе отвезти важную бумагу къ коменданту крѣпости. „Онъ тебѣ скажетъ, что ты долженъ, а когда исполнишь—пріѣзжай сказать мнѣ“. Не зная содержанія бумаги, офицеръ отправился въ крѣпость, разбудилъ коменданта. Прочтя бумагу, послѣдній повелъ его въ Алексѣевскій рavelлинъ, къ неизвѣстному лицу, тамъ заключенному, взялъ его, посадилъ въ сани и приказалъ ѣхать на Неву; тамъ дали ему приготовиться къ смертной казни и опустили въ прорубь. Затѣмъ комендантъ приказалъ присланному отправиться къ Государю и доложить, что приказаніе его исполнено. Кто былъ этотъ несчастный, неизвѣстно.

По нашей ценсурѣ самая свѣжая новость: запрещеніе по высочайшему повелѣнію 2-го тома Сборника, издаваемого Ив. Аксаковымъ, съ воспрещеніемъ ему быть редакторомъ какого бы то ни было изданія. Въмѣстѣ съ тѣмъ пятерымъ изъ литераторовъ, участвовавшихъ въ изданіи Моск. Сборника: Ив. Кирѣевскому, Хомякову, двумъ Аксаковымъ и князю Черкасскому, объявлено черезъ ген.-губернатора съ подписками, что если они пожелаютъ печатать свои сочиненія, то должны представлять оныя не въ Ценсурный Комитетъ, а прямо въ Главное Управление Ценсуры. Я полагаю, что эта послѣдняя мѣра излишняя: это значить придавать слишкомъ много важности этимъ господамъ. Между тѣмъ Аксаковы не унимаются; недавно отецъ Аксаковъ представилъ въ Цenz. Комитетъ прошеніе о дозволеніи издавать ему Охотничій Сборникъ и представилъ огромную программу этого изданія. Они, кажется, хотятъ нарочно раздражить правительство. Попечитель рѣшился самъ отказать ему, не представляя, какъ бы слѣдовало, на разрѣшеніе Главнаго Упр. Ценсуры. Этимъ, можетъ быть, ихъ же оберегаютъ. Но они, пожалуй, будутъ жаловаться.

Какой вздоръ приходится мнѣ читать по моей обязанности! Недавно порученъ моему разсмотрѣнію поступившій въ цензуру переводъ романа Поля Феваля *Comte Barbleu*. Въ доказательство, какъ искусно сдѣланъ переводъ, приведу одинъ примѣръ; въ подлинникѣ сказано: le 4 Juin 1749 fut le jour de clôture des états de Bretagne. Порусски переведено: 4 Юня 1749 былъ день основанія Бретанскаго королевства. Не правда ли это очень мило? За то я съ досады намѣренъ порядкомъ перекрестить эту рукопись!

Я нынче вечеромъ одинъ дома. Сестра Людмила уѣхала съ м-ше Шиповою къ Сушковымъ*). Нынче первый весенній день. У насъ зима продолжалась ровно полгода, а именно съ 1 Октября. Хорошъ климатъ! Послѣ того какъ не желать, чтобы сердце Россіи передвинулось когда нибудь изъ болотъ Ингерманландіи хогь на берега Днѣпра, если не на берега Босфора?

1-го Апрѣля. Эпидемія въ городѣ усиливается, morbus crescit! Говорятъ, что въ отдѣленіяхъ, особо устроенныхъ при больницахъ, уже нѣтъ мѣста для помѣщенія больныхъ, и понадобилось устройство

*) Сушковы, Николай Васильевичъ и супруга его Дарья Ивановна, сестра поэта Тютчева, жили въ теченіи многихъ лѣтъ у Старога Пимена, въ домѣ Малютина (нынѣ Викторсона). Къ нимъ особенно привлекала племянница хозяйки Екатерина Федоровна Тютчева, дѣвушка необыкновенная по уму, красотѣ, возвышеннымъ чувствамъ и образованности (она знала чуть не наизусть весь кругъ церковный, читая ежедневно въ слухъ для большой своей бабушки книги богослужебныя, и въ тоже время перечла всѣ сочиненія Гёте). П. Б.

особыхъ временныхъ больницъ. До сихъ поръ бюлетеней о ходѣ болѣзни не публикуется, и я вполне одобряю эту мѣру. Зачѣмъ ежедневно пугать публику сообщеніемъ ей возрастающей цифры больныхъ? Впечатлѣніе, производимое этими извѣстіями, самое непріятное. Достаточно, если объ этомъ будутъ знать тѣ, кому слѣдуетъ знать, т. е. власти и медики. Жаль только, что въ минуты опасности не всѣ врачи обладаютъ должнымъ мужествомъ. Одинъ изъ главныхъ медиковъ, Оверъ, обязанный медицинѣ всею своею фортуною, малодушно заперся у себя дома, сказавшись больнымъ. Онъ изъ числа немногихъ врачей, признающихъ холеру заразительною.

Градоначальникъ нашъ, Закревскій, боленъ и, говорятъ, боленъ серьезно. Впрочемъ ему теперь лучше. На дняхъ ожидали въ Москву пріѣзда Великой Княгини Александры Іосифовны и герцогини Мекленбургской (сестры нашей императрицы); но теперь, по случаю появленія здѣсь холеры, пріѣздъ этотъ отмѣненъ. Въ замѣнъ принцессъ, поговариваютъ о пріѣздѣ сюда Наслѣдника.

Турецкій вопросъ все еще ничѣмъ не разрѣшился. Ожидаютъ курьера отъ Меньшикова съ окончательными извѣстіями. Восточныя дѣла такъ заинтересовали меня, что я на дняхъ принялся просматривать давно забытыя книги, чтобы освежить въ памяти заглохшія свѣдѣнія мои о судьбахъ Царьграда и въ особенности родной нашей матери—Восточной Греческой Церкви, томящейся подъ игомъ Мусульманъ. Съ жадностью читаю я теперь Путешествіе къ Св. мѣсамъ Муравьева. Сочиненіе это, кромѣ увлекательнаго изложенія, интересуется въ особенности свѣдѣніями, которыя оно сообщаетъ о бѣдственномъ положеніи Греческой церкви на Востокѣ. Нельзя равнодушно, безъ досады, читать начало книги, гдѣ описывается конецъ послѣдней Турецкой кампаніи въ 1829 году, и условія Андрианопольскаго мира. Мы были только въ 12 часахъ отъ Царьграда: послѣдній часъ Оттоманскаго владычества въ Европѣ готовъ былъ пробить: назначеніе, указанное намъ Провидѣніемъ, готово было исполниться—и чтоже? По чувству какого-то великодушія и смиренія, для меня непонятному, арміи наши остановились и заключили миръ, не позаботясь даже обезопасить будущность нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ! Говорятъ, что въ это время мы были не довольно сильны, армія наша истощена болѣзнями—все это правда; но и то правда, что мы были такъ грозны, что могли бы предписать всѣ возможные условія, и Турція навѣрное приняла бы ихъ. Видно, что судьбы войны этой были въ рукахъ не гениальнаго человѣка. Дибичъ не былъ истинно Русскимъ вождемъ, ни по душѣ, ни по воспитанію, ни по вѣрѣ. А наши дипломаты (дѣйствовавшіе подъ вліяніемъ другого Нѣмца, Нес-

сельроде). изъ угожденія иностраннымъ державамъ и по мелочнымъ интересамъ консервативной политики. были неспособны понять своего назначенія. И какъ легко было тогда достигнуть всего того, чего домогаемся мы теперь. Впрочемъ оставимъ наши разсужденія—пути Провидѣнія неисповѣдимы! Можетъ быть, нашему отечеству суждено теперь совершить подвигъ освобожденія Христіанъ изъ подъ ига Ислама еще съ большею славою, нежели сколько это было возможно двадцать лѣтъ тому назадъ. Отраднѣе бытъ современникомъ такого всемірнаго событія и еще отраднѣе бытъ въ немъ участникомъ. Мысль объ этомъ меня безпрестанно занимаетъ¹⁾.

Вчера утро провелъ я у попечителя. Онъ познакомилъ меня съ Алексѣемъ Ник. Бахметевымъ (гофмаршаломъ), котораго я зналъ прежде по репутаціи какъ благороднѣйшаго и образованнаго человѣка. Бахметевъ, чрезвычайно живой и подвижной человѣкъ, наружностію настоящей джентельменъ, чистенькой, чопорный, благообразный²⁾. Онъ много говорилъ о любимомъ своемъ предметѣ, о торговлѣ и промышленности. (У него самого огромныя дѣла—заводы винокуренный и хрустальный). Нападалъ онъ на поклонниковъ свободной торговли, такъ называемыхъ *либр-эшижистовъ* или *free-traders*, жаловался, что съ чужаго голоса и къ намъ проникаютъ эти идеи, которыя, къ сожалѣнію, олицетворились даже въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ государственныхъ людей, напр. въ Тенгоборекѣ, успѣвшемъ уже надѣлать немало вреда послѣднимъ тарифомъ³⁾. Я вполнѣ согласенъ съ Бахметевымъ. Только близорукіе или враги отечества могутъ проповѣдывать у насъ о свободной торговлѣ. Наше спасеніе въ развитіи собственныхъ промышленныхъ силъ и въ огражденіи ихъ до времени отъ иностраннаго соимѣстничества, а

¹⁾ Графъ С. Г. Строгановъ разсказывалъ намъ, что осенью 1829 года онъ, побывавъ въ Москвѣ, представлялся Государю и на его вопросъ о томъ, что толкують Москвичи, отвѣчалъ, что старики твердятъ: при матушкѣ Екатеринѣ взяли бы мы Царьградъ. Государь пріосащлся и сказалъ: Je suis heureux qu'avec cette catin je n'ai de souci que mon profit! Николая Павловича воспитали въ ненависти къ гениальной его бабкѣ, про которую, дѣйствительно, надо сказать, что „дадеса сѣ пакостникъ плоти, ангель сатанинъ“, но которая некупила передъ современниками и потомствомъ личныя прегрѣшенія беззавѣтною и плодотворною преданностію благу Россіи. П. Б.

²⁾ Пріятель А. С. Хомякова, А. Н. Бахметевъ, въ наступившее вскорѣ новое царствованіе, заступилъ мѣсто В. И. Назимова, но къ сожалѣнію прожилъ недолго. Послѣ него, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, управлялъ Московскимъ учебнымъ округомъ гр. А. С. Уваровъ, и при немъ уразднено помѣщеніе казенныхъ студентовъ въ старомъ зданіи Университета, гдѣ жилось такъ хорошо, въ полномъ обезпеченіи, съ устраненіемъ всякой заботы о квартирѣ, пропитаніи и одеждѣ. Это было сдѣлано вслѣдствіе злоупотребленій казначея. По народнои поговоркѣ: осердясъ на вши, шубу въ печь! П. Б.

³⁾ Полякъ Тенгоборскій—виновникъ введенія рубля вмѣсто мелкой разнѣрной единицы, что такъ усилило въ Россіи дороговизну. П. Б.

не въ подчиненіи нашей еще слабой промышленности вліянію болѣе развитыхъ народовъ. Ошибка приверженцевъ свободной торговли состоитъ въ томъ, что они дѣлятъ всѣхъ жителей государства на какіе-то два враждебные стана: производителей и потребителей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ каждый членъ общества есть вмѣстѣ и производитель и потребитель. Хорошо Англіи провозглашать свободную торговлю, когда ея промышленная производительность развилась въ такой степени и достигла такого совершенства, что ей уже неопасно чужое совмѣстничество и что она нуждается только въ одномъ сбытѣ. Да и сама Англія своими громадными промышленными успѣхами обязана только строгой запретительной системѣ. *Voilà le mot de l'énigme**), котораго не хотятъ понимать либр-эшанжисты. Между прочимъ я узналъ отъ Бахметева весьма интересную новость: въ бытность въ Петербургѣ онъ выхлопоталъ черезъ министра финансовъ привиллегію для Великороссійскихъ винокуренныхъ заводчиковъ вывозить беспошлинно въ чужіе края хлѣбный спиртъ. Это значитъ усилить заграничный отпускъ нашего хлѣба въ сокращенномъ видѣ. Отъ этого разрѣшенія можно ожидать большія выгоды и для нашей хлѣбной торговли. Бахметевъ уже подрядился въ настоящую навигацію поставить значительное число ведеръ спирта въ Триестъ. Главное надо, чтобы заводчики умѣли поддерживать довѣріе къ нимъ иностранцевъ, отпуская имъ хорошо очищенный спиртъ. Вѣроятно Малороссійскіе и Бѣлорусскіе заводчики, узнавъ объ этомъ разрѣшеніи, спохватятся и будутъ помогать, чтобы и имъ было представлено тоже право. Если имъ это удастся, то они разумѣется и дешевизною и количествомъ задавятъ Великороссійскихъ заводчиковъ. Поэтому-то Бахметевъ серьезно просилъ насъ не говорить о томъ Каинисту, какъ будто такое дѣло можетъ долго оставаться неизвѣстнымъ!

Вчера вечеромъ былъ въ концертѣ Благород. Собранія. Віардо, не смотря на то, что она еще не совсемъ оправилась отъ болѣзни, принимала въ немъ участіе. Съ какимъ одушевленіемъ и выразительностью пропѣла она Русскій романсъ Дорогомыжскаго: „Я все еще его, безумная, люблю“.

Нынче у меня обѣдали Смирновъ, Владимирскій гость, и Сергій Полуденскій: они оба товарищи по Университету. Смирновъ все еще попрежнему пишетъ и говоритъ объ эстетической критикѣ. 12 прошедшаго Января, въ Тагьянинъ день, онъ устроилъ во Владимирѣ обѣдъ изъ проживающихъ тамъ воспитанниковъ Моск. Унив-та. Такіе же обѣды были въ Одессѣ и еще гдѣ-то. Погодинъ обрадовался этимъ демонстраціямъ и отхваталъ объ этомъ въ своемъ Москвитянинѣ.

*) Вотъ въ чемъ разгадка. П. Б.

5 Апрѣля. Былъ у обѣдни въ Университетской церкви. По окончаніи литургіи служили молебень съ колѣнопреклоненіемъ объ избавленіи отъ посѣтившей нашъ городъ эпидеміи. Изъ церкви заѣхалъ ко мнѣ попечитель, передалъ мнѣ, для исполненія въ канцеляріи, бумагу отъ гр. Закревскаго съ требованіемъ молодыхъ врачей и студентовъ медиц. факультета въ устроенныя для заболѣвающихъ холерою больницы. Потомъ читалъ статью кн. Львова объ экзаменахъ въ Землед. Школѣ, предназначаемую въ Моск. Вѣдомости. Исправивъ и исключивъ нѣкоторыя мѣста въ этой статьѣ, онъ поручилъ мнѣ доставить ее къ цензору Сибгиреву, который затруднялся ея пропускомъ безъ разрѣшенія попечителя. Я спрашивалъ Влад. Ивановича, доволенъ ли онъ движеніемъ дѣлъ въ канцеляріи при настоящемъ правителѣ. „Полуденскій человекъ очень хорошій и умный, но видно не привыкъ еще къ этому роду службы; дѣла идутъ очень медленно, и нельзя похвалить редакцію бумагъ“. Я спросилъ объ этомъ попечителя, потому что дѣйствительно слышалъ, что дѣла канцеляріи залеживаются и что Полуденскій, къ сожалѣнію, не умѣетъ своихъ подчиненныхъ заставить заниматься. Притомъ онъ не довольно хорошо владѣетъ перомъ, а потому слишкомъ снисходителенъ въ редакціи бумагъ, которая вообще въ нашей канцеляріи не отличается особенною чистотою и правильностью языка. Въ бытность мою правителемъ канцеляріи я не пропускалъ почти ни одной бумаги безъ исправленій. Да и вообще Полуденскій—милый, благородный, умный, для настоящей своей должности какъ-то вялъ и нерасторопенъ, притомъ слишкомъ мягокъ съ своими подчиненными. Строгость въ начальникѣ особенно необходима для того, чтобы заставить заниматься чиновниковъ: иначе все заснетъ и распухнется. Говорю это не въ похвалу себѣ (у меня много другихъ недостатковъ); но, повѣривъ себя хорошенько, я всетаки долженъ сознаться, что я рожденъ для этого рода службы и имѣю способность, если не всегда самъ работать, то другихъ одушевлять къ работѣ.

Утромъ заѣзжалъ къ А. Ант. Засѣцкой. Андрея Дмит. не видалъ; мы съ нимъ въ послѣднее время какъ-то рѣдко видаемся; онъ смотритъ букую, и я понимаю, чьему влиянію онъ подчинился. Въ Москвѣ Вѣра Алексѣевна съ мужемъ своимъ Рубіо. Имя Вѣры, когда-то волновавшее меня, теперь произносится мною равнодушно. Давно, давнымъ давно погасло во мнѣ чувство привязанности къ этой женщинѣ, наполнявшей собою первые годы моей молодости, и ничего кромѣ горькаго сознанія въ слабости и непрочности всѣхъ нашихъ привязанностей не осталось въ сердцѣ моемъ отъ прежней страсти. Я пылко любилъ ее, любилъ долго, но не умѣлъ составить ни ея, ни собственнаго счастья. По свойственной ли мнѣ, вслѣдствіе болѣзни, нерѣшительности, по недо-

статку ли средствъ къ жизни, или потому что я еще не былъ готовъ къ жизни самостоятельной, независимой, я далъ этому чувству охладѣть, а потомъ, когда обстоятельства насъ разлучили, когда я уѣхалъ за границу и, возвратясь, вступилъ на службу во Владимиръ, прежняя привязанность совершенно угасла. Таковъ мущина, и врядъ ли кто изъ насъ можетъ похвалиться постоянствомъ сердечныхъ чувствованій. Не такъ любила меня эта женщина. Когда она увидала, что ей уже нечего больше ожидать отъ меня, она бросила все, отечество, родныхъ, и уѣхала въ чужіе края. Тамъ она предалась изученію любимаго ея искусства—музыки, давала уроки, чтобы имѣть средства къ существованію, вѣроятно терпѣла много лишеній, и наконецъ вышла замужъ за артиста-живописца Рубіо. Я поступилъ конечно дурно; но не по расчету, а просто по слабости человѣческой. Я не хитрилъ, не притворствовалъ, и когда чувство мое остыло, самъ объ этомъ высказалъ Вѣрѣ, скорбя и негодуя на себя. Кажется, съ 1841 года мы не видались. Теперь В. А. съ мужемъ въ Москвѣ. Я избѣгаю свиданія съ нею. Мнѣ какъ-то неловко, непріятно было бы съ нею встрѣтиться. Она вѣроятно тѣхъ же мыслей. Между тѣмъ она мнѣ еще не простила. Разговаривая съ моимъ пріятелемъ Засѣцкимъ, она сказала, что я потому будто бы избѣгаю встрѣчи съ нею, что чувствую свою вину: *знаетъ кошка чье мясо съѣла!* Ей бы не слѣдовало говорить такъ постороннему, особенно если она счастлива и довольна своимъ настоящимъ положеніемъ. Я былъ уже готовъ отвѣчать ей черезъ Засѣцкаго съ нѣкоторою колкостью, но воздержался и, обдумавъ хорошенько, простилъ ей эту выходку, внушенную Богомъ знаетъ какимъ чувствомъ. Оправдываться я не люблю, потому что не люблю хитрить и притворяться. Повѣряя себя, я нисколько не чувствую себя виновнымъ въ отношеніи къ ней: чувствомъ любви нельзя управлять по произволу. Не упрекать, а пожалѣть обо мнѣ слѣдовало бы: я самъ оттолкнулъ отъ себя счастье, которое было такъ возможно, и теперь влачу въ одиночествѣ свое грустное существованіе. Послѣ этой любви были еще вспышки чувства, но уже нібого не могъ я полюбить вновь, какъ любилъ Вѣру Алексѣвну.

Заѣзжалъ къ Шиповымъ. Уговорился съ Сергѣемъ Павловичемъ ѣхать завтрешнимъ утромъ къ Чадаеву. Вечеромъ съ сестрою у Гежелинскихъ, къ которымъ давно собирался. Слухи о войнѣ съ Турціею опять возобновились: войска двигаются. Получено приказаніе двинуть на подкрѣпленіе южныхъ корпусовъ одну дивизію изъ здѣшняго корпуса. Старикъ Гежелинскій, быть можетъ не безъ основанія, говоритъ, что Меньшикову не слѣдовало бы фанфаронить такъ и ругаться надъ чужимъ правительствомъ. Надо сначала выгнать хозяина, а потомъ уже распорядиться его домомъ.

6 Апрѣля. Утромъ у меня братья Полуденскіе и Филимоновъ. Сергѣй Полуденскій рассказываетъ, что получены частныя извѣстія о прїѣздѣ въ Константинополь сэра Стратфорда-Редклифа, который наглымъ и грубымъ обращеніемъ съ Меншиковымъ отмстилъ ему за обиду, нанесенную Туркамъ. Англійскій и Франц. флоты уже въ Архипелагѣ. Если это все правда, то дѣла на Востокъ могутъ разыграться не совсѣмъ выгоднымъ для насъ образомъ. Если мы уже рѣшились дѣйствовать наступательно, то вмѣсто всякихъ бравадъ слѣдовало бы явиться въ Босфоръ съ флотомъ и, опираясь на силу, требовать удовлетворенія. Теперь дѣла могутъ принять другой оборотъ, дорогое время упущено.

Былъ на утрѣ у Чадаева¹⁾, Московскаго умника, который когда-то былъ признанъ безумнымъ. У него встрѣтилъ Шипова, генерала Менда, бывшаго съ Муравьевымъ въ Константинополь въ 1833 году, говорун-поэта Хомякова, предшественника моего, князя Львова съ сыномъ студентомъ, князя Черкаскаго и еще какого-то князя. Мендъ много говорилъ о Константинополѣ, о возможности овладѣть этимъ городомъ *par un coup de main*²⁾, о положеніи Босфора, о послѣдней Турецкой кампаніи, когда 20 тыс. Болгаръ послѣдовали за нашею арміею въ Россію и опять въ послѣдствіи бѣжали въ Турцію: такъ хорошо распорядились ихъ водвореніемъ. Хомяковъ рассказываетъ чудеса объ излѣченіи холеры дегтемъ съ коноплянымъ масломъ (пополамъ того и другаго въ рюмкѣ). Всякой холерный припадокъ, если его захватить при началѣ, можно потушить какъ свѣчку. Предохранительнымъ средствомъ отъ холеры, при разстройствѣ желудка и даже при начальномъ обнаруженіи болѣзни, онъ почитаетъ простое хлѣбное вино съ уксусомъ (пріемъ—рюмка вина смѣшаннаго наполовину съ уксусомъ). Болѣзнъ въ эти два дня нѣсколько поуменишилась, заболѣвающихъ меньше. Нѣсколько дней тому назадъ заболѣвало до 120 челов. въ сутки, теперь не болѣе 80 чел. Число выздоравливающихъ больше чѣмъ наполовину.

Вечеромъ у меня Смирновъ. Въ 10-мъ часу ѣду къ попечителю, у котораго назначено чтеніе Грановскимъ его учебника Исторіи. Читаетъ объ Исторіи Китая. Хорошо написано; но видно, что наскоро и что Грановскій еще не обработалъ окончательно труда своего. Остаюсь у Назимова до 2 часу ночи: Влад. Ив. читаетъ велухъ статью Жеребцова о двухъ современныхъ вопросахъ Полит. Экономіи, напечатанныхъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1849 годъ и которую просятъ его перепе-

¹⁾ У П. Я. Чадаева въ теченіи многихъ лѣтъ собирались по Понедѣльникамъ, позднимъ утромъ. Онъ жилъ и умеръ на Новой Басманной, въ глубинѣ двора, въ домѣ Прохоровыхъ. П. Б.

²⁾ Захватомъ.

чатать вновь въ Московск. Вѣдомостяхъ. При нынѣшнихъ ценсурныхъ строгостяхъ нельзя и думать напечатать ее цѣлкомъ. Въ ней говорится о свободной торговлѣ и коммунизмѣ, хотя послѣдній и замаскированъ именемъ общинности; говорится дѣльно и основательно. До такой степени боязливости дошли мы, что нынче открыто говорить, даже и въ самомъ благонамѣренномъ духѣ, о современныхъ вопросахъ, занимающихъ мыслящихъ людей, считается чуть не преступленіемъ.

7 Апрѣля. Утромъ былъ въ Гражд. Палатѣ по дѣлу. Мертваго спрашиваетъ меня, правда ли, что Зиновьевъ имѣлъ непріятную исторію съ однимъ гимназистомъ, который едва было его не ударилъ. Я ничего не слыхалъ объ этомъ. Вечеромъ у насъ Смирновъ, К... (величайшій лгунъ) и молодой Бахъ; играемъ въ лото. Я замѣчаю, что К... не совсѣмъ чисто играетъ, оттого всегда въ выигрышѣ.

8 Апрѣля. Утромъ у меня Лисянской въ мундирѣ, пріѣхавшій отъ попечителя, къ которому назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій на мѣсто Шихматова, заступающаго Зиновьева въ званіи директора 3-й Гимназіи. Малой очень умный и образованный. Онъ только недавно оставилъ Черноморскій флотъ, гдѣ съ особеннымъ отличіемъ служилъ при штабѣ.

Былъ у попечителя; читаетъ мнѣ черновое дополнительное отношеніе къ министру по дѣлу Яминскаго. Нашъ министръ совсѣмъ оцупился отъ болѣзни, отъ которой врядъ ли оправится. Онъ ѣдетъ въ чужіе края, ему уже и приготовленъ домъ въ Висбаденѣ. Ожидали пріѣзда сюда Наслѣдника, но теперь получено извѣстіе, что Его Высочество не будетъ. Забѣжаю къ А. П. Ермолову. Онъ молодцомъ; жаль только, что онъ сидитъ сиднемъ на одномъ мѣстѣ. Онъ очень любезенъ со мною. Говоритъ о Восточныхъ дѣлахъ; основательно замѣчаетъ, что если бы у Порты были умные министры, то имъ слѣдовало бы отвѣчать на требованія иностранныхъ посланниковъ касательно Св. Мѣсть: такъ какъ церковный вопросъ касается васъ, а не Турціи, такъ не угодно ли вамъ трактовать объ этомъ между собою, а меня оставить въ покоѣ? Алекс. Петровичъ, съ свойственнымъ ему особымъ даромъ слова, рассказываетъ анекдоты объ одномъ Полякѣ, игрокѣ-шутерѣ, кажется по фамиліи Хоткевичѣ, котораго онъ когда-то знавалъ въ Кіевѣ. Этотъ господинъ служилъ когда-то во Франціи, бѣжалъ оттуда и перешелъ къ намъ въ Россію; онъ говаривалъ: „я служилъ многимъ королямъ, и мало было оттого проку; но съ тѣхъ поръ какъ я служу бубновому и трефовому королямъ, я увидѣлъ свѣтъ“. Онъ однажды подалъ просьбу къ Государю на какую-то Польскую дѣвицу знатной фамиліи, что она тайно вывозитъ за границу подданныхъ Вашего Величества (т. е. ѣздитъ родить въ Австрію).

1870 годъ *).

1 Января. Вздить съ поздравленіемъ къ Наслѣднику, Константину Николаевичу, Еленѣ Павловнѣ, герц. Мекленбургскому, къ министру и къ другимъ сановникамъ. Вездѣ, разумѣется, не принимаютъ кромѣ Валуевыхъ и у нѣкоторыхъ дамъ: м-ше Баратынской, Полторацкой, графини Толстой, княжны Львовой, Лабинцовой и Марианне Назимовой. У княжны Львовой познакомился съ м-ше Голохвастовой (фрейлиной Екатерины Михайловны), дочерью нашего цензора. Она сообщила мнѣ, что съ Тютчевымъ будто бы ударъ. У Баратынской засталъ м-ше Делянову, которая говоритъ, что она видѣла Тютчева наканунѣ, что у него просто дѣлаются головокруженія, но что это не мѣшаетъ ему выѣзжать. Валуевы озабочены болѣзнью сына, 14 лѣтняго мальчика, который вытянулся почти въ ростъ. Видъ его очень нехорошій. Я слышалъ, что боятся, чтобы у мальчика не развилась чахотка. Петръ Александровичъ жалуется на катарръ, желтъ и скучень. Разговоръ, разумѣется, о прессѣ, о нашей коммисіи, которая пока почти ничего не дѣлаетъ. У графини Александры Андреевны Толстой (la gouvernante) знакомясь съ ген.-адютантомъ Б. А. Перовскимъ. Она рекомендуетъ меня какъ стариннаго своего Царскосельскаго кавалера. Обѣдаютъ у насъ м-ше Бахъ и Аркадій.

2 Января. На торжествен. обрядѣ присяги по случаю совершеннолѣтія Великаго Князя Алексѣя Александровича. Сначала Вел. Князь присягалъ въ церкви (въ Зимнемъ дворцѣ), а затѣмъ въ тронной залѣ, держа съ рукою за знамя. По окончаніи церемоніи поздравленія. Во время разѣзда Государь сходитъ съ лѣстницы уже въ пальто и идетъ гулять.

6 Января утромъ въ 8 часовъ, по распоряженію предсѣдателя ценз. комитета, приостановленъ выпускъ 5-го № Судебнаго Вѣстника, по поводу помѣщенной въ немъ передовой статьи, направленной противъ существованія III Отдѣленія, *„этой таинственной власти, пребывающей у Цѣпнаго моста“*, которую авторъ статьи приравниваетъ къ опричнинѣ, шенгунамъ, тайной канцеляріи и подобнымъ учрежденіямъ. Хотя статья написана въ умѣренномъ, сдержанномъ тонѣ, тѣмъ не менѣе ее нельзя было допустить до выпуска, такъ какъ появленіе ея произвело бы скандалъ и скомпрометировало бы въ конецъ Собственную Канцелярію Государя, дѣйствующую не на основаніи закона, а по личнымъ его указаніямъ и безъ того въ обществѣ ненавистную.

*) Въ этомъ году М. И. Похвисневъ былъ уже начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. П. Б.

Я одобрилъ распоряженіе цензора и поѣхалъ сообщить о томъ министру. Тимашевъ во дворцѣ на Юрдани. Бду къ обѣднѣ въ Почтамтскую церковь, оттуда опять къ Тимашеву, который между тѣмъ возвратился. Онъ встрѣчаетъ меня вопросомъ: „Вы, вѣроятно пріѣхали по поводу Московскихъ Вѣдомостей? Послѣднія статьи ихъ не могутъ быть терпимы. Пора положить конецъ подобнымъ выходкамъ“. Я объяснилъ ему, что причиною моего посѣщенія не Москов. Вѣдомости, а болѣе крупный случай. Даю ему статью для прочтенія, между тѣмъ и весьма кстати заѣзжаетъ графъ П. А. Шуваловъ прямо изъ дворца. Онъ говоритъ, что онъ уже слышалъ объ арестѣ Судебн. Вѣстника, но самой статьи не читалъ. Онъ возмущенъ статьями Москов. Вѣдомостей и повидимому мало интересуется Судеб. Вѣстникомъ. Министръ читаетъ ему статью изъ послѣдней газеты противъ III Отдѣленія. Il fait bonne mine au mauvais jeu и по наружности сохраняетъ полное спокойствіе и достоинство и что удивительно,—его больше беспокоятъ Москов. Вѣдомости. Проситъ меня прочесть вслухъ передовую статью послѣдняго № Моск. Вѣд. (№ 3), которой я еще не читалъ. Рѣшено дать предостереженіе. Министръ поручаетъ мнѣ собрать на завтра Совѣтъ, прибавивъ къ тому, что онъ надѣется, что рѣшеніе состоится единогласно. Что-же касается до Судеб. Вѣстника, то условлено, что Шуваловъ сегодня же доведетъ объ этой статьѣ до свѣдѣнія Государя и спроситъ его рѣшенія, о чемъ тотчасъ дастъ знать министру, самый же номеръ пока удержать подъ арестомъ. Министръ объясняетъ, что Главное Управленіе, задержавъ выпускъ №, обязано или возбудить судебное преслѣдованіе или освободить № изъ подъ ареста, а потому проситъ графа ускорить разрѣшеніемъ этого дѣла. Я бду домой посылаю за правителемъ дѣлъ и приказываю собрать на завтра Совѣтъ, а между тѣмъ изготovitъ проэктъ предостереженія Москов. Вѣдомостямъ. Вечеромъ пишу записку къ Э. П. Еленеву (члену Совѣта, наблюдающему за Москов. Вѣдомостями) и предупреждаю его, что главнымъ предметомъ завтрашняго засѣданія будетъ обсужденіе передовыхъ статей этой газеты (№№ 2 и 3) и что министръ полагаетъ необходимымъ положить предѣлъ непопозволительнымъ выходкамъ Московской газеты.

7 Января. Въ 12 часовъ засѣданіе Совѣта Главн. Управленія по дѣламъ печати. Первое слово я предоставилъ члену Совѣта Еленеву, наблюдающему за Моск. Вѣдомостями. Онъ прочелъ изготвленное имъ письменное заявленіе, которое я, обратясь къ моему сосѣду Толстому, назвалъ не обвиненіемъ, а панегирикомъ Моск. Вѣдомостей. Въ мгнѣніи Еленева, весьма хорошо написанномъ, хотя и говорится наряду съ крупными достоинствами и о крупныхъ недостаткахъ газеты Каткова, тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ членъ Совѣта находитъ неудобнымъ

давать ей предостереженіе: по его мнѣнію это было бы политическою ошибкою, такъ какъ послѣдствіемъ предостереженія, зная послѣдовательность и твердость правилъ редакторовъ, было бы прекращеніе ими изданія газеты, что весьма вредно отозвалось бы на нашей журналистикѣ: мы лишились бы патріотическаго органа и остались бы съ Курочкиными и Антоновыми. Въ виду сдѣланнаго мною г. Еленеву предупрежденія о твердомъ намѣреніи министра относительно Моск. Вѣдомостей, я не могъ не удивиться такому категорическому заявленію въ пользу этого изданія со стороны члена Совѣта. Повидимому Еленевъ надѣется поколебать и парализовать своимъ мнѣніемъ рѣшимость министра. Къ его мнѣнію, разумѣется, пристали членъ Сов. Каменскій, страстный поклонникъ Каткова, *quand-même* *), и Веселаго, всегда уклончивый и прислушивающійся къ общественному голосу и особенно къ голосу маленькихъ дворовъ (онъ преподаватель Вел. Кн. Алексія Александр. и по случаю совершеннолѣтія Вел. Князя получилъ Анненскую ленту); Петровъ высказался двусмысленно. Стремоуховъ, всегда вотировавшій Стремоуховъ, на этотъ разъ былъ мнѣнія противнаго, находя послѣднія статьи менѣе рѣзкими и потому не заслуживающими карательной мѣры, Толстой тоже. Лазаревскій (вѣроятно подъ впечатлѣніемъ статей Петербургскихъ журналовъ, враждебныхъ Каткову) далъ рѣшительный голосъ въ пользу предостереженія. Вакаръ тоже. Видя колебаніе нѣкоторыхъ изъ членовъ, видимо боявшихся наложить руку на Каткова, я предложилъ обсудить послѣднія статьи по совокупности съ прежними, которыя принимались къ свѣдѣнію и счету и записывались въ наши журналы какъ матеріалъ на случай принятія карательной мѣры; при такой постановкѣ вопроса, къ мнѣнію о необходимости предостереженія присоединился Толстой. Фуксъ, пришедшій позже, далъ рѣшительное мнѣніе за предостереженіе. Я положительно высказался за предостереженіе и при этомъ привелъ всѣ доводы въ пользу моего мнѣнія, основаннаго на искреннемъ убѣжденіи, что, въ виду высшей степени рѣзкихъ и оскорбительныхъ для правительства выходовъ Моск. Вѣдомостей, нельзя оставить ихъ безъ взысканія; иначе пришлось бы навсегда отказаться отъ всякаго контроля надъ этою газетою и прямо сознаться въ нашемъ безсиліи; что, представляя въ послѣднихъ статьяхъ своихъ правительственную дѣятельность въ самомъ мрачномъ видѣ, редакція способствуетъ къ распространенію въ обществѣ неосновательныхъ опасеній и тѣмъ возбуждаетъ недовѣріе къ правительству; что, несмотря на всѣ свои патріотическія побужденія, Моск. Вѣдомости настойчиво присваиваютъ себѣ право порицать несогласныя

*) Во чтобы ни стало.

съ ихъ воззрѣніями правительственныя дѣйствія и распоряженія, истолковывая ихъ въ смыслѣ крайне оскорбительномъ для нѣкоторыхъ изъ государственныхъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ верховной власти, и такимъ образомъ вносятъ въ наши общественныя отношенія и сужденія ту смуту и ту рознь, на которыя сами постоянно сѣтуютъ; что, наконецъ, подобныя явленія въ печати, несогласныя съ духомъ дѣйствующихъ о ней постановленій, не могутъ быть терпимы безъ прямого ущерба достоинству и значенію правительственной власти (все мои доводы съ значительными, впрочемъ, сокращеніями, сдѣланными министромъ, вошли въ текстъ предостереженія). Такимъ образомъ составилось большинство противъ Москов. Вѣдомостей (6 противъ 5), и я не считалъ уже нужнымъ настаивать на привлеченіи новыхъ голосовъ, хотя склонить Петрова и Стремоухова не представляло большой трудности*).

Получилъ записку отъ министра, приглашавшаго меня пріѣхать къ нему вечеромъ, такъ какъ у него должны были собраться шесть жандармовъ и министръ юстиціи по поводу дѣла о Судебномъ Вѣстникѣ.

Вечеромъ у министра. Онъ удивляется, что въ такомъ важномъ и притомъ ясномъ дѣлѣ, какъ дѣло Московскихъ Вѣдомостей, могло состояться разногласіе. Я возразилъ, что, будучи увѣренъ въ большинство, я не считалъ уже нужнымъ оказывать особое давленіе на мнѣнія членовъ. Онъ спросилъ имена членовъ, давшихъ голоса противъ предостереженія. Сообщаетъ мнѣ, что у Государя было небольшое совѣщаніе по дѣлу Судебн. Вѣстника, на которомъ графъ Паленъ высказался въ пользу судебного преслѣдованія этой газеты, что конечно, немало удивило и министра, и меня. Отдать подъ судъ за статью противъ III Отдѣленія значило бы отдать его на пропятіе и нанести смертельный ударъ, coup de grâce, этому учрежденію, которое пользуется такимъ нерасположеніемъ въ обществѣ. Я прямо это высказалъ, и министръ вполнѣ

*) Князь П. А. Вяземскій написалъ тогда доселѣ неизданное стихотвореніе, которое начиналось такъ:

Цѣтъ, Хлестаковъ еще не умеръ!
 Вамъ стоить заглянуть въ любой
 „Московскихъ Вѣдомостей“ номеръ,
 И онъ очутится живой.
 Все также хлещетъ самохвальствомъ...
 За пани-брата и съ начальствомъ,
 И самъ начальство всѣхъ начальствъ...

За тѣмъ Катковъ въ передовой статьѣ выразился, что его дѣятельность даже тревожитъ сонъ придворныхъ стихотворцевъ. П. Б.

со мною согласился. Приѣзжаютъ сначала графъ Паленъ, а потомъ графъ Шуваловъ. Сужденіе идетъ о Судебномъ Вѣстникѣ. Паленъ заявляетъ, что по совѣщанію съ своими юристами онъ полагаетъ возможнымъ возбудить противъ редакторовъ Судебнаго Вѣстника судебное преслѣдованіе. Я внутренно этому удивляюсь и могу объяснить себѣ такое мнѣніе, что онъ, какъ министръ юстиціи, не могъ высказаться иначе, какъ въ пользу принятія мѣры, указанной закономъ. Впрочемъ, пожалуй юристы дали такое мнѣніе съ цѣлью привлечь на гласный судъ такое соблазнительное дѣло, какъ памфлетъ противъ III Отдѣленія. Министръ и я выразили, конечно, мнѣніе противное. Шуваловъ большею частію молчалъ. Я предложилъ разрѣшить мнѣ войти въ аккомодацию съ редакторами, которые уже заявляли предсѣдателю Ценз. Комитета, что они не прочь выпустить номеръ съ исключеніемъ передовой статьи, подавшей поводъ къ аресту, если это только можно сдѣлать безъ особеннаго ихъ униженія. Паленъ и министръ находили эту мѣру самою удобною. Шуваловъ не высказывался, замѣтивъ только: „они еще хотятъ предлагать свои условія“. Ожидаютъ приѣзда князя Урусова (стать-секретаря), который хотѣлъ приѣхать изъ какого-то комитета послѣ 10 часовъ. Въ ожиданіи его позвали директора канцеляріи Макова для совѣщанія по дѣлу объ устройствѣ полиціи. Я не считъ приличнымъ оставаться долѣе и, передавъ министру проэктъ предостереженія Моск. Вѣдомостямъ, о которыхъ особенно заботится Шуваловъ, спрашивавшій у меня, когда будетъ отослано предостереженіе въ Москву, уѣхалъ. На крыльцѣ встрѣтился съ Урусовымъ, который мимоходомъ сказалъ мнѣ *qu'il serait bon de donner l'avertissement à Катковъ**).

8 Января. Утромъ въ 11 часовъ по приглашенію у министра, который только что приѣхалъ отъ Государя. Онъ возилъ къ Государю редактированный имъ окончательно проэктъ предостереженія Москов. Вѣдомостямъ. Передастъ его для отправленія сегодня же въ Москву, по моему совѣту телеграфируетъ шифромъ къ князю Долгорукову, предупреждая его о посылаемомъ предостереженіи. Насчетъ Судебн. Вѣстника рѣшено такъ: оставить номеръ подъ арестомъ, если они не будутъ просить о выпускѣ его съ исключеніемъ передовой статьи, судебного же преслѣдованія не возбуждать и въ случаѣ жалобы редакторовъ за задержку номера безъ отдачи подъ судъ, то предъявить высочайшее о томъ повелѣніе.

Отъ министра ѣду въ Главное Управленіе для распоряженій объ

*) Было бы хорошо дать предостереженіе Каткову.

отсылкѣ бумагъ въ Москву. Пишу конфиденціально къ Росковшенко¹⁾, прося его принять все зависящія отъ него мѣры для удовлетворительнаго исполненія по дѣлу Каткова и для устраненія нежелательныхъ въ семь случаевъ затрудненій и усложненій. Выражаю мое удивленіе, что отъ комитета до сихъ поръ нѣтъ донесенія о передовыхъ статьяхъ Моск. Вѣдомостей, подавшихъ поводъ къ карательной мѣрѣ.

Вечеръ дома утомленный и физически и еще болѣе нравственно. Сестра на вечерѣ у m-me Баратынской.

9 Января. День кончины матушки. Ѣздили съ сестрою на Троицкое подворье служить панихиду. Приглашенъ вечеромъ къ графинѣ Блудовой на засѣданіе Кирилло-Мефодіевскаго Братства. Ёду въ 8 часовъ, застаю графиню и кружокъ дамъ, слушающихъ чтеніе П. В. Анненковымъ послѣдней ярой статьи Москов. Вѣдомостей, въ которой Катковъ поставилъ на одну доску и Бакунина, и Печаева, и Петербургскіе журналы, и вѣдомство печати, и Министерство Внутр. Дѣлъ. Вотъ, подумалъ я, кстати читать и восхищаться статьями Моск. Вѣдомостей въ ту самую минуту, когда въ Москвѣ имъ объявляютъ предостереженіе, которое завтра прочтутъ и въ Правительственномъ Вѣстникѣ. *Je fais bonne mine au mauvais jeu*²⁾. Но чтобы подготовить умы къ громовому извѣстію о предостереженіи Каткову, я, по окончаніи чтенія, когда графиня была внѣ себя отъ удовольствія, скромно ей замѣтилъ, что подобныя статьи, въ которыхъ говорится о существующемъ на берегахъ Невы ржондѣ и о томъ, что все дурныя партіи и дурные журналы солидарны съ вѣдомствомъ печати и съ Мин-вомъ Внут. Дѣлъ, могутъ наконецъ подвести редакторовъ Москов. Вѣдомостей подъ отвѣтъ. Антонина Дмитріевна возразила: „Что-же вы сдѣлаете? Не дадите ли имъ предостереженіе?“—А хоть бы и такъ, отвѣчалъ я.—„Да это будетъ величайшая глупость!“ воскликнула графиня. Мнѣ не оставалось болѣе какъ расхохотаться.

На засѣданіи участвовали Е. Н. Карамзина, графиня Шереметева³⁾, княгиня Долгорукова, m-me Шеншина, Ѡ. П. Корниловъ, П. В. Анненковъ, скучнѣйшій сенаторъ Рѣмеръ и еще нѣсколько мушкетъ и дамъ. По окончаніи чтенія бумагъ, счетовъ и смѣты, внеся на расходы по братству 15 р., я потихоньку уѣзжаю въ Итал. оперу.

¹⁾ Предсѣдатель Московскаго Цензурнаго Комитета, Иванъ Васильевичъ Росковшенко (переводчикъ съ Англійскаго, Шекспировскаго „Ремсо и Юлія“), какъ частный человѣкъ достойный полнаго уваженія; но какъ цензоръ, совсѣмъ не то, что Федоръ Павловичъ Еленевъ, П. Б.

²⁾ Здѣсь и выше не умѣемъ перевести это французское выраженіе. П. Б.

³⁾ Мачиха графа Сергія Дмитріевича, П. Б.

10 Января Суббота. Сегодня напечатано въ Правит. Вѣстникѣ предостереженіе Москов. Вѣдомостямъ.

11 Января Воскресенье. Получилъ депешу отъ Росковшенка съ увѣдомленіемъ, что предостереженіе сегодня въ Моск. Вѣдом. напечатано и что редакторы въ передовой статьѣ этого же №, сознаваясь въ своей винѣ, остаются при изданіи. Кто бы могъ подумать, что Катковъ приметъ публично покаяніе? Это что-то въ высшей степени своеобразно, чему плохо вѣрится. Ёду къ министру, не застаю его; онъ уѣхалъ на желѣз. дорогу встрѣчать привезенное изъ-за-границы тѣло м-ме Нарышкиной (жены Эмануила), съ которою онъ былъ очень друженъ. Оставляю ему Московскую депешу.

12 Января Понедѣльникъ. Получаю приглашеніе на обѣдъ сегодня въ 6 часовъ къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Обѣдали en petit comité¹⁾: Великая Княгиня, м-ме Баратынская, сенаторъ Бревенъ и я. Она благодаритъ меня за мои хлопоты въ Мин-вѣ о скорѣйшемъ разрѣшеніи продажи изданной, sous ses auspices²⁾ за границу, книги: Крестьянское дѣло въ Россіи, въ царствованіе Александра II, составилъ Скребицкій. Книга эта почти 1¹/₂ года лежала въ Земскомъ отдѣлѣ. По моему настоянію дѣло двинулось (по всеподд. докладу министра состоялось разрѣшеніе Государя на выпускъ книги). За обѣдомъ разговоръ о Катковѣ, о Герценѣ, объ арестаціи Судебнаго Вѣстника. Великая Княгиня всеѣмъ интересуется. Подарила мнѣ экземпляръ книги Скребицкаго. Послѣ обѣда разговоръ о Западномъ краѣ, о бывшихъ тамъ генералъ-губернаторахъ. Je les ai vus tous passer devant moi³⁾, сказала она⁴⁾.

(Съ дозволенія П. Н. Щукина извлечено изъ IX книги его Сборника).

¹⁾ Въ небольшомъ числѣ.

²⁾ Подъ ея покровительствомъ.

³⁾ Ихъ всеѣхъ видала я передъ собою.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ Записокъ Похвиснева не имѣемъ. Сколько намъ извѣстно, онъ умеръ холостикомъ. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

1861-й годъ.

(Октябрь—Декабрь).

Студентскій шумъ не утихаеть. Борзо разгорается Польскій Царство объявлено на военномъ положеніи. Прокламацію намѣстника читать грустно. Униженіе власти и противодѣйствіе правительству дошли до крайности. Говорятъ, намѣстника и генералъ-губернатора прибили на улицѣ, и послѣдній болѣвъ, Герштенцвейгъ умираеть. Толпа осаждаетъ города, и войско посреди народа едва въ состояніи сохранить себя отъ нападений. Оно въ осадѣ. Массы постоянно на улицахъ, обижаютъ полицію, смѣются запретамъ, вызываютъ новыя сборища. Особенно дѣятельны женщины и ксенезы. Церкви обратились въ скопища. Молитвы замѣнены гимнами возстанія. Теперь костелы закрыты, и всякій домъ сдѣлается каюедрою крамольнаго священника. Нѣтъ сомнѣнія, что мы много дѣлали ошибокъ при управленіи Царствомъ (Паскевичъ, князь Горчаковъ); несомнѣнно, что мы и теперь ихъ дѣлаемъ. Чтò можетъ придумать графъ Ламбертъ, человекъ совершенно неопытный, хотя онъ католикъ, иностраннаго прозванія и любитель женщинъ? Но я объясняю себѣ возстаніе Польши тѣмъ же пробужденіемъ духа народности, который такъ сильно вездѣ предъявляетъ права свои, и слабостію характера Государя, отражающейя на вѣсхъ дѣлахъ его. А потомъ—и это главное—неурядицы происходятъ отъ неустройства нашего правительства, которое доселѣ сохраняетъ учрежденіе и формы двореккой конторы, тогда какъ общество давно уже измѣнилось и жизнь бродить, и заговорили въ массахъ. Пора! Пора!

Я сказать не могу, какъ озабочень я моею ревизіей. Генералъ Муравьевъ дѣлаеть изъ нея все чтò только можно сдѣлать „сквернаго“.

*) См. 12-й выпускъ „Русскаго Архива“ 1910 года.

ненавистнаго для меня и для личнаго состава Владимирскаго управленія, чтобы тамъ возопили на мое донесеніе. „Уволить, упразднить, инвизировать“. вотъ его слова, а по моему вина всему—онъ.

Я сказать не могу, какой оборотъ примутъ мои отношенія съ министромъ. По прочтеніи моего отчета о лѣсномъ управленіи, онъ послалъ во Владимиръ генерала барона Штакельберга, вице-инспектора Симонова и слѣдственную комиссію, угрожая всѣхъ предать суду. Рапортъ мой весь перечертилъ своими размахистыми отмѣтками. Директору Невѣровскому онъ сдѣлалъ такой пріемъ, что угодливый подчиненный для сохраненія достоинства не отвѣчалъ ни слова. Слушая мой докладъ, онъ трясся и заикался, и разрѣшенія состояли въ томъ, что то передать одному, то другому, то третьему. Онъ отобралъ отъ меня всѣ дѣла, даже дѣло о Каспійскомъ рыболовствѣ. Избѣгая разговора объ отчетѣ, онъ однако два раза повторилъ: „но все что написано надобно доказать“. Точно, изъ ревизора я дѣлаюсь обвинителемъ. Жалкое существо! Жалкое именно по своему ослѣпленію: онъ полагалъ, что у него все въ порядкѣ. Я войны не хочу. Я хочу, чтобы мнѣ не запрещали, въ дѣлѣ государственномъ, говорить правду, даже не всю правду, но безъ лжи. Но если пойдутъ далеко, я пойду далеко. У меня есть семейство. Митя и Тата, но я согрѣю ихъ отъ холода у груди моей и буду голоденъ, но ихъ накормлю. Есть предѣлъ терпимости. Есть подлость не только въ снисхожденіи, но и въ недостаткѣ доброй воли. Какое это управленіе! Однѣмъ не перемѣнишь; но развѣ, это оправданіе? Досаднѣе всего то, что всѣ директоры на меня обрысались. Наименѣе кажется, Невѣровскій; но онъ отъ рѣчей министра, сказанныхъ разумѣется на первыхъ порахъ, считаетъ себя оскорбленнымъ. Предупрежденіе: далеко идти не надо. Я пойду дальше*). Этакъ людямъ скоро дышать будетъ нельзя. Слова не смѣй сказать. Запуганы мы какъ рабы. Пусть будетъ что будетъ. Я рѣшился.

Студенты сговорились съечь матрикулы, согласиться, но въ стѣнахъ и за стѣнами продолжать оппозицію; дождаться Государя и подать просьбу. Канцелярїи министерствъ и Сената выразили сочувствіе и

*) Я буду слѣдить за развитіемъ строгихъ распоряженій и уже теперь не могу не протестовать, что по двумъ главнѣйшимъ безпорядкамъ посылаются причастныя лица: по учету земель и плановому—Штакельбергъ, а онъ-то и писалъ запутанныя инструкціи и повѣрилъ представленіи Палаты, а по лѣсной части Симоновъ, который въ концѣ 1860 г. ревизовалъ Владимирское управленіе и пошелъ въ порядкѣ. Бар. Штакельбергъ не поѣхалъ, а возвратился изъ Москвы сюда для полученія наставленій. Онъ отправился во Владимиръ на двое сутокъ и подтверждаетъ мои донесенія объ учетѣ земель и лѣсовъ, но находитъ, что нужно усилить средства только канцелярскія. Министръ приказалъ сдѣлать губернскому лѣсничему выговоръ и лишить его добавочнаго содержанія. Потомъ онъ отмѣнилъ послѣднее, а на другой день отмѣнилъ и выговоръ.

сдѣлали подписки, предполагая поднести адресъ Государю. Въ Сенатѣ оберъ-секр. Стасовъ собралъ подписки 50 человекъ и, что всѣми порицается, подписка на бѣломъ листѣ. Топильскій однако не могъ захватить ихъ; онѣ были изорваны. Стасовъ посаженъ въ бастилію. Въ деп. мин. юстиціи хлопоталъ редакторъ Арсеньевъ. Онъ уволенъ отъ службы или исключенъ. Но эти аресты и продолжительность замѣшательства только распространяють вразуму и непримѣтно связываютъ ее съ побочными и сторонними.

Важнѣе дѣла въ Царствѣ. Туда вызываютъ Лидерса. Ламбертъ занемогъ, отказался и даже уѣхалъ уже. Герштенцвейгъ умираетъ. Временно дѣло замкнули Сухозанетомъ. Несостоятельность правительства въ явѣ, вочію, осязательна. Западные губерніи (собственно города) слѣдуютъ за Царствомъ. Экіе плоды пожинаемъ мы послѣ мудрыхъ сѣятелей! А какъ хороши были эти сѣятели, исторія попенууетъ ихъ. Говорятъ даже, что вмѣсто Назимова назначается генераль-майоръ Зеленый.

Еще важнѣе дѣла внутреннія. Крѣпостной вопросъ готовъ разыграться, какъ не думали великіе двигатели. Не соглашался на условія (всегда выгодныя) уставныхъ грамотъ, крестьяне ждуть срока, срока полной свободы и усвоенія земли. Несомнѣнно то, что правительство сгибается подъ тяжестью поднятыхъ вопросовъ, и всякій авторитетъ парализованъ слабостію и непослѣдовательностію Государя.

Обѣдалъ у меня „заточенный, одичалый“ Гавр. Степ. Батеньковъ, воскресшій отъ 20-лѣтней смерти въ Петропавловской крѣпости. Декабристъ этотъ едва ли не единственный дѣловой человекъ изъ дѣятелей того времени. Онъ встрѣтился со Сперанскимъ въ 1820 г. въ Тобольскѣ и съ того времени находился при немъ и занимался Сибирскими учрежденіями. Какъ всѣ декабристы, на мои глаза онъ не отвѣчаетъ ожиданіямъ. Въ дѣльности его много угловатого. „одичалаго“. Есть какая-то притязательность, желаніе рельефности, несоединимыя съ серьезнымъ и скромнымъ его видомъ. Говоря о современной эпохѣ, онъ съ какимъ-то самодовольствіемъ отвѣчалъ мнѣ: „мы уже прошли подобную эпоху еще болѣе смѣлую и шумную. Императоръ Александръ, въ 1803 г., провозгласилъ типографіи вольными фабриками, и цензуры не существовало“. Когда Величко сдѣланъ правителемъ дѣлъ Сибирскаго Комитета? спросилъ я. „Послѣ моей смерти“, отвѣчалъ онъ самымъ натуральнымъ образомъ. Батеньковъ живетъ съ адмираломъ Матюшкинымъ, съ которымъ познакомился въ 1820 г. въ Иркутскѣ. Я немного могъ узнать отъ него о Сперанскомъ и о событіяхъ 14 Декабря. Онъ молчаливъ (будешь!), а деликатность не позволяетъ любопытства. Особенно хотѣлось мнѣ знать о настоящемъ значеніи заговора

1811 г.¹⁾ и объ участіи Сперанскаго въ дѣлѣ 1825. Сперанскій—суда по книгѣ Корфа—не удостоивалъ Батенькова особеннымъ отзывомъ, говоря, что въ Сибири онъ былъ „одинъ съ Цейеромъ“. Сперанскій и въ Петербургѣ имѣлъ при себѣ Батенькова, какъ другихъ чиновниковъ²⁾.

Вотъ Прусскій король и короновался, и возложилъ на себя „Божію милостію“ корону, учредилъ орденъ „королевской короны“, произнесъ нѣсколько рѣчей о священности монарха. Вѣрно, все это начали забывать, если Вильгельмъ I счелъ нужнымъ объ этомъ напомнить и иллюминировать свои понятія средневѣковымъ церемоніаломъ въ старинной королевской крѣпости. Въ добрый часъ! Да будетъ это къ добру! Но мы не совсемъ понимаемъ всѣ эти старые лѣса при возводимомъ новомъ зданіи. Эти понятія уже въ 1840 г. и въ томъ же Кёнигсбергѣ отдались едва слышнымъ отголоскомъ и едва ли не успили стремленій, такъ мало заслуживающихъ „Божію милость“ и такъ противуположныхъ священной королевской коронѣ. Листъ *Staatsanzeiger* а 22 Октябрю, сію минуту мною полученный, содержитъ цѣлый лексиконъ герцога, графовъ, фрейгеровъ, дворянъ и кавалеровъ всѣхъ степеней, но въ этомъ спискѣ принуждены были и въ исчисленіи именъ принять порядокъ алфавитный. По историческому Божьему праву (при всей Его милости) не было никакой возможности составить этотъ списокъ. Матеріальное препятствіе знаменательно, и въ нашъ матеріальный вѣкъ это обстоятельство требовало бы уваженія болѣе знаменательнаго, нежели всѣ эти фразы, рассчитанныя на вѣроятіе лѣтописей и исторіографовъ. Лѣтописей уже нѣтъ, онѣ упразднились съ монастырями, а исторіографы не находятъ матеріаловъ, вида, что явленія, событія принадлежатъ не лицамъ, а массамъ. Прусскіе короли очень любятъ говорить, особенно потому что имъ мало дѣлать. Внутреннія Нѣмецкія разбирательства не удовлетворяютъ новую великую державу, которой бы хотѣлось играть роль и въ Ломбардіи, и въ Скандинавіи, и въ Крыму. Но, говоря много, короли немного сказали, и изъ всѣхъ рѣчей цокойнаго и нынѣшняго королей право, наука, общественность выжмутъ намѣки, громкія фразы и пошлыя сентенціи.

¹⁾ Объ этомъ заговорѣ для устраненія Александра Павловича имѣются доселѣ въ печати лишь темные слухи. П. Б.

²⁾ Это не вѣрно: Гаврила Степановичъ жилъ въ Петербургѣ у Сперанскаго. Въ Москвѣ, въ 50-хъ годахъ, я встрѣтился съ нимъ у А. П. Елагинной, съ мужемъ которой онъ былъ однополчаниномъ и закадычнымъ другомъ. Батеньковъ сказывалъ, что единственную дочь свою Сперанскій сажалъ на хлѣбъ и на воду и заиралъ, понуждая къ браку съ родственникомъ графа Кочубея Фроловымъ-Багрѣвымъ: такъ сильна была у гениальнаго кутейника жажда знатности. П. Б.

Либералы этого не простятъ. Все это не спасетъ Пруссію отъ разливающагося демократизма и то, что она считаетъ своею цѣлю—Нѣмецкая имперія—ускорить это разлитіе, т. е. избравъ императора, учредить республику. Вѣкъ не признаетъ ни „Божіей милости“ безъ особыхъ заслугъ, ни наслѣдственности въ этой милости, по одному праву представленія. Вѣкъ хочетъ быть и убѣдился, что если этимъ можно питаться, то нельзя быть сыту. Строить лѣса для возведенія органическаго зданія государства немислимо и невыносимо: организмъ растетъ самъ собою, а лѣса отстаютъ: будучи же надстраиваемы, падаютъ. Такія манифестаціи только раздражаютъ мнѣнія.

Письмо 10 Октября о Кларендонѣ. Замѣчательная, полная искреннихъ чувствъ удовольствія исторія эта продолжается. Но какъ сильно воображеніе этой головки и какъ далеко идетъ увлеченіе сердца. Колѣни, мольбы, слезы, отчаяніе, а она и не замѣчаетъ, что съ письмомъ 20 Августа перемѣна совершилась, и для Кларендона наступили другіе помыслы. Онъ требуетъ *supériorité intellectuelle*. Сердцу больно слышать такія просьбы и жалобы, но поворотъ былъ необходимъ. *J'aime les positions franches, et je suis profondément persuadé qu'il n'y a du bonheur que dans les voies communes.* Плачь и ропщи: твое счастье для меня выше твоего горя. Горе стихнетъ, привычка вернетъ свое, и ты оставишь мысль, которую лелѣешь и отталкиваешь, которая невозможна съ твоимъ счастьемъ и которая ставитъ обоихъ въ положеніе ложное и предосудительное. Не думай, чтобы это дорого стоило тебѣ одной. Ты живѣе чувствуешь, за то скорѣе и примѣнишься къ другому положенію. Довольно. Да. Но отчего это раздражающее письмо читалъ онъ десять разъ? Нравилось ему смотрѣть на это плачущее сердце, на эту поникшую голову и слушать крики: „сжальтесь, не покидайте, единственное мое счастье—ваша дружба, безъ нея я жить не могу, простите меня, пощадите меня, я не виновата, но прошу прощенія“. Что, развѣ это льститъ самолюбію? Или слова эти откликаются тѣмъ же чувствомъ въ собственномъ сердцѣ? Или изученіе страсти имѣетъ свое увлеченіе? Не знаю. Знаю, только, что онъ начиналъ три, пять писемъ, два дня былъ задумчивъ и оставался въ уединеніи, на третій совершилъ аутодафе и остался при своемъ. Я не думаю, чтобы это было жестокосердіе или твердость. Скорѣе это можно объяснить любовью, любовью благородною. Она готова на жертвы*).

Михайловъ и Костомаровъ, за распространеніе возмутительныхъ воззваній, какъ государственные преступники, преданы суду Прав.

*) Что это такое, недоумѣваемъ. Кларендонъ въ старинной Англій былъ поклонникомъ королевской власти. П. Б.

Сената. Сего дня былъ собранъ весь Сенатъ и прочитаны какъ повелѣніе, такъ и приложенныя къ дѣлу прокламаціи. Последнее чтеніе, вовсе неумѣстное и подлежащее вѣдѣнію только того суда, гдѣ будетъ дѣло, придумано для назиданія Адлерберговъ и Муравьевыхъ. Имена этихъ господъ, расточителей казны, упоминаются безпрестанно, и сенаторы, рассказывавшіе мнѣ о впечатлѣніи при этомъ чтеніи, прибавляютъ о Михайловѣ „не ошибся“. Вотъ нравственность нашего правительства въ высшихъ его представителяхъ.

Государь очень недоволенъ студентами. Онъ возвращается, и въ Москвѣ и Петербургѣ приняты мѣры, чтобы тревожная молодежь не обезпокоила усталаго Монарха. Какъ въ Москвѣ, такъ и здѣсь дѣло дошло до схватокъ, и изъ студентовъ многіе изувѣчены. Полиція говоритъ двое (Лебедевъ и Посыпкинъ), слухъ говоритъ 14. Государь вызвалъ къ себѣ (на дорогу?) Чевкина и Шувалова (жандарма), чтобы узнать положеніе и подробности дѣла.

Петербургъ чрезвычайно взволнованъ, и студентская исторія, перешедшая частію и въ народъ, служитъ только предлогомъ возгласовъ, вызываемыхъ безпокойными вѣстями изъ деревень. Шереметевъ читалъ мнѣ письма сына, который, празднуя медовый мѣсяцъ съ красавицей Софьей Петрово-Солововой, распоряжается имѣніями и не знаетъ что дѣлать съ упрямотомъ крестьянъ, лишаящимъ богатыхъ владѣльцевъ необходимыхъ для жизни доходовъ, такъ что мать и отецъ, пробывъ два года въ чужихъ краяхъ, выпрашиваютъ у Буткова изъ Совѣта жалованья за это время. Должно знать, что Шереметевъ, со времени назначенія 17 Апрѣля 1857 г., ни разу не былъ въ Совѣтѣ, куда посаженъ изъ министровъ съ придачею чина 2 класса. Жалованье его 7500 р.

Изъ всѣхъ страстей сребролюбіе есть самое сильное и самое распространенное. Нельзя безъ отвращенія смотрѣть на эти голодающіе въ пресыщеніи аветиты. До безстыдства, до наглости! А что въ Царствѣ, Вильнѣ и Кіевѣ? Если не скажешь съ сенаторами „не ошибся“, то конечно пожелаешь, чтобы Государь подумалъ объ этомъ и выпкь. Я не вижу другаго исхода, какъ дарованіе конституціи. Она создастъ единство и укрѣпитъ правительство. Опираясь на палату, правительство найдетъ законность, будетъ дѣйствовать увѣрениѣ и располагать средствами, какихъ теперь не имѣть. Бываютъ времена, когда и могучій произволъ не достаточенъ, какъ бываютъ обстоятельства, когда безсильна законность. Полицейское, ненародное и дворское правительство такъ давно и заносчиво распоряжается націей, что пора ему подумать и обдуматься. Своекорыстіе и личность (что все равно) мелки. тѣсны и узки не только для Россіи, но и для Саксоніи. Только при понятіи

о всѣхъ интересахъ и объ интересахъ всѣхъ власть получаетъ надлежащее значеніе. Министры съ этимъ не согласны, но государи должны согласиться, если они не желаютъ сдѣлаться смѣнными и премѣнными какъ министры.

18-го. въ Середу, я получилъ въ 4 часа телеграмъ, что семья моя выѣзжаетъ изъ Орла въ 11 часовъ. Съ того времени я слѣжу ихъ мысленно и до настоящей минуты. 23, не имѣю никакихъ извѣстій. Съ дѣтьми ѣзда медленна, но какъ же не написать изъ Туль? Вездѣ телеграфы. Въ Туль моя Варя. Ручкой подать. Не знаю, чему приписать эту медленность и это молчаніе!

Пріѣхали сегодня. Все благополучно. Митя и Тата прекрасны какъ ангелы.

Вышелъ № 3 „Великоросса“ и при немъ адресъ Государю. Адресъ написанъ съ достоинствомъ и въ существѣ предлагаетъ уступку Польнѣ и дарованіе конституціи. Я думаю, судя по общественному говору, что это общее мнѣніе, и что содержаніе, тонъ и форма адреса не оскорбляютъ ни величества, ни правды. Но я не согласенъ на указываемый способъ: собрать депутатовъ. Этотъ способъ оторветъ насъ отъ дурнаго, правда, но привычнаго историческаго хода, окончательно броситъ насъ на путь назойливыхъ требованій и кончится переворотомъ и бѣдствіями. Этотъ путь и по существу дѣла не представляетъ никакихъ ручательствъ успѣха; ибо, по губернскимъ крестьянскимъ комитетамъ мы видѣли, что мѣстные депутаты совершенно чужды объема интересовъ государственныхъ. По моему мнѣнію надобно разсмотрѣть причины настоящаго порядка и обсудить ихъ въ установленномъ порядкѣ. Причины эти: недостатокъ, безпорядки и злоупотребленія управленій. Ихъ надобно предать суду. Порядокъ этотъ: Верховный Судъ, Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ. Но сборъ этихъ инвалидовъ далеко не отвѣчаетъ задачѣ. Его надобно усилить назначеніемъ новыхъ членовъ, и ему необходимо дать самостоятельность уничтоженіемъ вліянія канцелярій. Эта *épuration* крайне нужна и доставитъ правительству людей умныхъ, опытныхъ въ дѣлахъ государственныхъ и самостоятельнаго мнѣнія. Я опасуюсь, что и политическій вопросъ рѣшится какъ крестьянскій и, будучи рѣшаемъ послѣ крестьянскаго, я боюсь, чтобы рѣшеніе не началось мщеніемъ: дворянство дышетъ ненавистью къ Государю и династїи. Оно, раззоренное, уже забываетъ, что преданіе, наследственность, династїя суть религія порядка, и что безъ нихъ произволь, произволь толпы не связывается даже формальностію и инстанціями и громко запоетъ: „я пойду, пойду косить“.

„Великороссъ“ № 3 такъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, что откровенно высказываетъ планъ и способъ своихъ дѣйствій въ 1863 г. Я не думаю,

чтобы онъ оказывалъ услугу такимъ разглашеніемъ своей собственной партіи, и сомнѣваюсь, чтобы дѣло ея было такъ вѣрно, чтобы твердость порядка не выдержала напора неорганизованныхъ полчищъ. Порядокъ доселѣ подмывается неспособностію правителей и несообразностію учреждений. Только при нихъ возможна такая свобода, такая дерзость пропаганды.

Прочелъ „Тысяцелѣтіе Россіи“ профес. Павлова, напечатанное въ календарѣ 1862 г. Сочинитель имѣеть знаменитость по гоненіямъ за либерализмъ. Статья эта, конечно демократическая, не дала бы и не прибавила бы этой знаменитости. Предполагая быть современнымъ выраженіемъ науки послѣ (лестно упомянутыхъ) разнородныхъ изысканій, статья выразила, кажется, только мысль о системѣ федеративности и централизаціи, а въ изложеніи и оцѣнкѣ фактовъ далеко не представляетъ ничего новаго, содержа напротивъ много неточнаго и неправильнаго, и вообще не далеко отходя отъ направленія и изложенія Кайдановской школы,—другой краски. Не понимаю, почему сочиненіе это удостоилось обнародованія во Всероссійской ручной книгѣ. Для чтенія она длинна, для поученія пуста.

По высочайшему (миѣніе Госуд. Совѣта) повелѣнію 22 Марта 1860 г., дабы возвысить духъ арміи, отмѣнена отдача въ солдаты лицъ, осуждаемыхъ за пороки, проступки и преступленія (кромѣ несовершеннолѣтнихъ изъ высшихъ сословій) и приказано согласить съ этимъ постановленіемъ прочія статьи Свода Законовъ, опредѣляющія отдачу въ солдаты за дурное поведеніе, проступки, нераденіе къ должности и хозяйству и незбраніе жизни, распорядительнымъ порядкомъ т. е. по приговорамъ обществъ, Евреевъ и колонистовъ, и по распоряженіямъ палатъ, правленій и конторъ. Предполагая воспользоваться этимъ случаемъ, я представляю докладъ и склоняю заключеніе къ тому, чтобы совѣмъ отмѣнить право управленія распоряжаться такимъ крѣпостнымъ порядкомъ, а ограничить его исключеніемъ, лишеніемъ преимуществъ *ad hoc*. Не знаю, удастся-ли миѣ. Генераль Муравьевъ исповѣдуетъ право силы и дискреціонной власти. Вообще я постоянно замѣчаю, что миѣ *проводить* мои намѣренія никогда не удается. Впрочемъ законодательство наше здѣсь такъ грубо, что и съ такимъ генераломъ время наше можетъ рассчитывать на смягченіе.

Послѣ чтенія моего во время уединенной жизни въ Бремболѣ (въ 2 верстахъ отъ Переяслава) я говѣлъ съ веригамц, у Николы Столпника, и бесѣдовалъ съ отцами архимандритами Θεодоромъ (ссылнымъ за „Православіе и современность“), съ Нифонтомъ и архіепископами (Іустиномъ, здоровымъ и прямымъ Византійцемъ, и Павломъ, извѣстнымъ по своей карьерѣ).

Мнѣ всегда нравилось положеніе, которое, со времени Наполеоноваго демократизма, взяла себѣ наука во Франціи, т. е. академіи и институты. Она стала теченію поперекъ. У насъ они, Академія и профессора, становятся по вѣтру. А между тѣмъ и философія, и богословіе требуютъ внимательнаго и благороднаго изученія. И наука и религія падаютъ. Сблизясь, соединясь съ жизнью, наука запутывается въ положительныхъ выводахъ повтореніемъ случайностей и теоретическимъ осуществленіемъ возможности.

Если судить о нашихъ официальныхъ и полуофициальныхъ преобразовательныхъ работахъ (о контролѣ, подъ руководствомъ ст.-секр. Татаринова, о земскихъ банкахъ Безобразова и Шля, о податяхъ Гундобина и др.), то часть преобразованій очень далека: такъ они многословны, пустопорожни и поверхностны.

Я сей часъ кончилъ докладъ о земскихъ повинностяхъ. Существеннаго въ немъ то, что государственныя повинности слѣдуетъ перенести въ общую роспись, а сословныя отдѣлить, предоставивъ разсмотрѣніе ихъ тому присутствію, которое *будетъ* образовано. И весь многословный докладъ составленъ по указамъ Полнаго Собранія. Дѣло въ томъ, что, по примѣру Франціи, намъ давно бы слѣдовало (какъ и заявлено въ 1811 году) снять главнѣйшія повинности (не однѣ государственныя) на государство. Дѣло въ томъ, что главнѣйшую повинность (дороги и мосты) надобно выкупить. Теперь, это пустая трата денегъ. Ихъ собираютъ, крадутъ или употребляютъ дурно. Болѣе ста лѣтъ производятся эти сборы, а ни дорогъ, ни мостовъ нѣтъ. Капитализируйте этотъ расходъ, вы давно имѣли бы шоссе и мосты каменные, не безпокая земства ни сборами, ни нарядами. Я видѣлъ эти мосты и дороги.

Конечно, безъ мѣстныхъ сборовъ не обойдешься; но надобно: 1, чтобы они были непременно смѣтные, никогда произвольные или чрезвычайные; 2, чтобы они, соединяясь съ выгодами, разлагались по мѣрѣ выгодъ уравнительно и входили удобно; 3, чтобы составленіе смѣтъ принадлежало мѣстнымъ учрежденіямъ, а раскладка не зависѣла ни отъ душъ, ни отъ сословій; и 4, чтобы контроль и гласность не были пустыми словами. Здѣсь болѣе нежели гдѣ нибудь бессмысленна эта круговая порука, *contrainte solidaire*, которая напоминаетъ дикое населеніе и юность администраціи.

У насъ, въ казенномъ управленіи, денежные сборы чрезвычайно разнообразны и очень велики. Разнообразіе, множество это въ рукахъ какого нибудь генерала Муравьева даетъ такую свободу непримѣтно возвышать ихъ, что при обзорѣнн мною Владимирскихъ управленій крестьяне, во многихъ мѣстностяхъ, жаловались на тягость податей.

Въ Заколѣсной волости (Мележковскаго уѣзда) жаловались на несообразность оброчной подати при дурномъ качествѣ земель, истощеніи лѣсовъ и упадкѣ промысловъ. Въ Багратионовской волости (Муромск.) представляли, что они несутъ тяготу больше, нежели при помѣщичьемъ управленіи, и сборы постоянно возвышаются. За трончныя стойки вносили они по 35 к., а въ 1861 г. (по предписанію о однообразномъ сборѣ) 50 к. Въ Сергіевской волости (Гороховск.) объясняли, что не смотря на сокращеніе управленія (сельская инстанція), общественный сборъ не уменьшился, а увеличился; а въ Алексинской волости (Ковровск.) единогласно роптали на высокую и незаконную оцѣнку промысловъ. 4500 крестьянъ (офени) съ 1856 г. отказываются отъ составленія раскладочныхъ приговоровъ, протестуя этимъ противъ незаконности налога. Въ Елизаровской волости (Переславск.) и въ Кудыкинѣ (Покровск.) жаловались вообще на отяготительность сборовъ по недостатку земель. Вообще подати, сборы (повторяю) очень велики, и я привожу здѣсь жалобы тѣхъ волостей, гдѣ масса народа единогласно роптала на нихъ. Круглымъ числомъ приходится на душу, на человѣка—8 р. Для большой семьи это тяжело. Я говорю и утверждаю, что сборы, все, податныя, общественныя, земскія и даже мірскія, должны быть приведены въ единообразіе, съ совершенною отмѣною повинностей натуральныхъ и сборовъ сверхземѣтныхъ и безземѣтныхъ.

Университетскія исторіи пріутихли, но не прекратились. Предсѣдателемъ комиссіи о Петербургскихъ студентахъ назначень, по имени, т. е. Николай Пуцинъ, носящій декабристское имя и рѣшительно неспособный на дѣло и въ дѣлахъ вообще не свѣдущій. Профессора лучшіе выходятъ въ отставку: Костомаровъ, Кавелинъ, Стасюлевичъ, Спасовичъ, любимцы студентовъ. Другіе приготовляются выйти. Лекціи существуютъ по имени, какъ и открытіе университета. Въ Москвѣ новый профессоръ Борисъ Чичеринъ читалъ на дняхъ вступительную лекцію о государственномъ правѣ, дѣлающую много шуму и тамъ и здѣсь. Чичеринъ очень бойко и съ блескомъ началъ свое поприще „Областными Учрежденіями“, гдѣ критика доходила до осмѣянія. Книга написана умно, остро и широко, но носитъ печать односторонней полемики, закрывающей научную сторону. Смѣлый изслѣдователь поблудмался и подался назадъ. Онъ издалъ мелкія свои статьи и въ пространномъ предисловіи выразился консерваторомъ. Еще болѣе это направленіе развито въ письмѣ къ Герцену, напечатанному въ Колоколѣ. И за то и за другое досталось молодому ученому. Онъ замолкъ. Болѣе смѣлости и требовательности видно въ настоящей его лекціи, но профессоръ неоднократно старается отдѣлить изученіе отъ увлеченій, чтеніе отъ говора, среду университетскую отъ виѣшней жизни и въ

заклученіи. послѣ обращенія къ Грановскому. приглашаетъ слушателей не предаваться шумнымъ манифестациямъ. Какъ отзовется молодежь на эту лекцію и удержитъ-ли Московское начальство свой университетъ въ должныхъ предѣлахъ послѣ того, какъ студентовъ, по тщеславному объявленію полиціи, народъ самъ собою ловилъ и вязалъ на площади, гдѣ найдены кинжалы и палки, и послѣ того какъ Петербургскій генераль-губернаторъ увольняется (я думаю—нѣтъ). Развѣ начальство уступитъ по привычкѣ и по безсилію. Привычка отъ необходимости и ложнаго правила—*claritudo obsequiis protegenda*. Безсиліе—отъ того, что, не желая дѣйствовать мѣрами à la Nicolas, начальство въ обществахъ и корпораціяхъ встрѣчаетъ противодѣйствіе. Генераль Милютинъ могъ разбить гр. Путятина въ Совѣтѣ Министровъ, но не могъ избѣжать пораженія въ своихъ военныхъ судахъ. Артиллеристы Энгельгардтъ, Богдановичъ, Семевскій и Странденъ, преданные суду, не признаны виновными, такъ какъ почтенный комендантъ, генераль Зальца, донося о присутствіи этихъ офицеровъ въ толпѣ и неповиновеніи ими внушеніямъ его, не представилъ законныхъ свидѣтелей. Извольте видѣть, старику не вѣрять, а онъ въ суматохѣ и забылъ, что будутъ смуты и что для судебного изобличенія, въ случаѣ нарушенія, нужны классическіе свидѣтели. Замѣчательно, что и старикъ Зальца и полицмейстеръ Злотницкій, на вопросъ суда, отказались отъ своихъ обвиненій, разъяснивъ, что они въ одномъ могли ошибиться, имъ такъ показалось, а въ другомъ—что они не приказывали, а совѣтовали. Умно.

Сдѣлавъ важныя уступки 24 Ноября 1860 г. народному представительству, Наполеонъ 10 Ноября этого года дѣлаетъ новую уступку. Онъ отказывается отъ права разрѣшать дополнительные и чрезвычайныя расходы. Если прошлогодняя уступка была вызвана возраставшимъ преобладаніемъ народной партіи въ Италіи. то нынѣшняя едва-ли не служить сознаніемъ запутанности финансовъ, въ которыхъ безотчетныя назначенія требовали обузданія тѣмъ болѣе необходимаго, что ничто такъ не извинительно, какъ увлеченіе въ расходахъ полезныхъ. Эткихъ кредитовъ императоръ позволялъ себѣ до 250 милліоновъ въ годъ. Можетъ быть, онъ увлекался далѣе необходимаго и за предѣлы полезнаго. Бюджетъ росъ. Свобода расходовъ пугала своихъ и чужихъ. Бюджетъ всегда представлялся съ излишкомъ въ приходѣ и завершался съ значительнымъ превышеніемъ расхода. Несмотря на богатство страны. постепенное возрастаніе цифры грозило недостаткомъ. Наполеонъ, по совѣщаніи съ банкиромъ своимъ Фульдомъ, рѣшился на уступку, чтобы наконецъ уравнять приходъ съ расходомъ, ибо онъ увѣренъ, что подкупъ его партіи равняется желаемой твердости его династіи. Но обуздать себя трудно, даже въ расходахъ бесполезныхъ. Ми-

нистры, отказываясь отъ кредитовъ дополнительныхъ и чрезвычайныхъ, думаютъ установить болѣе солидарности съ законодательнымъ собраніемъ, въ обновленномъ его видѣ, но они не отказываются отъ полезныхъ расходовъ и надѣются на зачеты и перечисленія однихъ статей бюджета въ другія—*les virements*. Изъ дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредиты пожалуй сдѣлаются постоянными. Чѣмъ шире будетъ предусмотрительность, тѣмъ свободнѣе дѣйствіе правительства. Мы не сомнѣваемся только въ одномъ: и при этой неискренней реформѣ отчетность выиграетъ въ своевременности. Что же касается до вліянія этой мѣры на уменьшеніе вооруженій другихъ державъ, то мы въ этомъ сомнѣваемся.

Что еще принесутъ намъ торжество Итальянское, движеніе Славянъ и упорство національ-ферейна въ Германіи? Еще новыя нарушенія правъ народныхъ, правъ церкви и установленнаго порядка? Или покажутся начатки новаго созиданія новыхъ правъ, церкви и порядка, съ которыми если не примирятся, то войдутъ въ сдѣлку все эти голодные аппетиты, дичающіе инстинкты и избалованныя потворствомъ самолюбія, честолюбія и сребролюбія,—все возможные любія, кромѣ любви христіанской?

Разбираю я дѣло о Печерско-Обскомъ краѣ, гдѣ подвизались пытливые слѣдователи Латкинъ, Крузенштернъ и Боровскій. Еще въ 1859 г. я желалъ содѣйствовать предпріятію Крузенштерна, хотя оно было и плохо усвоено, и мало обдуманно, и неопредѣленно очертано. Лѣса тамъ не только ничего не приносятъ, но гибнуть, горять, валяются и гніютъ. А ихъ тамъ до 20 мил. десятинъ и лучшаго качества. Край совершенно пустынный, неизвѣстный и безъ рукъ и капиталовъ. Министръ согласился: онъ податливъ вообще на смѣлыя предпріятія. Но въ Госуд. Совѣтъ явился бывший у насъ директоромъ Заблоцкій; къ нему присталъ одобрившій въ М-вѣ Финансовъ проэктъ Крузенштерна д. т. с. Бронъ, и Совѣтъ, который всегда радъ побить Муравьева, отвергнувъ представленіе. Я не защищаю Крузенштерна: онъ человекъ непрактическій, много зависѣлъ отъ Нѣмца Газе, самъ мало занимается и слишкомъ довѣряетъ одной возможности; но, повторяю, всякое предпріятіе въ безвѣстномъ, отдаленномъ, пустынномъ краѣ есть шагъ въ наукѣ, промышленности и управленіи. Я почти былъ увѣренъ, что предложеніе не исполнится и въ опредѣленный срокъ привиллегія рухнетъ: но шагъ былъ бы сдѣланъ. Теперь Крузенштернъ представилъ другой проэктъ, обрѣзанный, сокращенный, и прежнихъ цѣлей нѣтъ и въ помину. Г. Заблоцкій можетъ порадоваться.

Тагъ у насъ прекрасныя, важныя предпріятія обусловливаются личными вліяніями, и ихъ не чужды лучшіе люди, къ которымъ.

конечно, должно приписать Андр. Парѣ. Заблоцкаго-Десятовскаго, озлобленнаго гоненіями Муравьева.

Изъ Польши нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и о событіяхъ Варшавскихъ не говоритъ ничего наша гласность. Рассказываютъ, что Лидеръ объявилъ жителямъ о повелѣніи бомбардировать городъ, если смуты будутъ продолжаться. За то гласность наша много говоритъ о Польской національности, особенно Московскій Славянофилъ „День“. Гласность уступаетъ Западныя губерніи до Кіева и Смоленска. Въ странномъ—что бы не сказать безсмысленномъ—находимся мы положеніи. Правительство говоритъ и дѣлаетъ одно, а общество говоритъ другое. Только и остается, чтобы оно начало дѣлать, что говоритъ, и при значеніи современныхъ понятій о народѣ и народности, приступило къ преобразованію этого правительства въ учрежденіе народное. Сила вещей этого требуетъ, и это будетъ. Партія многочисленна, понятія сильны. логика идей, подкрѣпляемая гласностію, увлекательна, а въ стремленіи и стремительности вѣка недостатка нѣтъ.

Баронъ Петръ Мейендорфъ, занимающійся съ гр. Путятинымъ пересмотромъ ценсурнаго устава и университетскаго положенія, обратился ко мнѣ за совѣтомъ. Какъ ни внезапно было это требованіе, и далъ почтенному, отлично умному и образованно ученому посланнику отвѣты довольно категорическіе:

1. Уставъ in corpore не измѣнять. Поправить, дополнить, но въ смыслѣ преимущественно регламентаціи, а не ограниченія.

2. Собраніямъ вышнихъ ученыхъ учрежденій и съ согласія членамъ ихъ дозволить печатаніе безъ ценсуры.

3. Изучить дѣла главнаго управленія и двухъ комитетовъ и преподать ценсорамъ инструкцію. Камъ мѣра распорядительная, инструкція эта, по мѣрѣ опыта, могла быть возобновлена, уясняема и измѣняема.

4. Въ ценсурѣ книгъ ученыхъ предоставить большую свободу. Сочиненіе свыше 15 листовъ можетъ быть напечатано безъ ценсуры, но съ предьявленіемъ до выпуска за 5 дней въ ценсуру.

5. Оградить личность, добрую вѣру и уважительную тайну независимо отъ отвѣтственности ценсора, отвѣтственностію редактора и автора.

6. Мѣры взысканія развить, назначивъ мѣру наказанія мягче, штрафъ въ размѣрахъ и преимущественно денежную.

7. Что касается университетовъ, то нынѣ существующіе образовывать, въ настоящемъ ихъ составѣ, за немногими измѣненіями, въ высшія училища (въ родѣ бывшихъ университетскихъ пансіоновъ и нынѣшнихъ лицеевъ), а факультеты образовывать въ мѣстностяхъ болѣе удобныхъ для исключительныхъ ученыхъ занятій, а не въ столицахъ,

гдѣ усиленная общественность невольно сообщаетъ многочисленному собранію молодежи свои развлечения, тревоги и требованія. Я имѣю при этомъ другіе виды *).

Я не думаю, чтобы эти предположенія не были существенно полезны, и ценсурѣ, и наукѣ, и порядку.

Насильно сдержанная, особенно грубо, нагло и порывисто (1825, 1830, 1848 г.г.) зануздываемая, нація пробуждается къ возстанію, къ обвиненію и начинаетъ мстить. Мщеніе она еще до сихъ поръ выражаетъ обличеніемъ, осмѣяніемъ и клеветами мелкими. Состояніе не нормальное и исполненное недобрыми ожиданіями. Правительство бросается въ преобразованія также грубо, нагло и порывисто, и какъ бы предчувствуетъ свое банкротство. Нація требуетъ самоуправленія и, не находя нужныхъ элементовъ, согласныхъ съ Европейскими требованіями, готова сознаться въ своей несостоятельности.

Мнѣ бы хотѣлось взять положеніе посредствующее.

Я это обдумываю и въ „думкѣ“ моей, до усталости, прихожу къ крайностямъ: или возстановить во всей цѣлости полицейскій порядокъ Николая, умѣривъ его безличностію, т. е. подробнѣйшей регламентаціей, или установить на широкихъ размѣрахъ гласное управленіе, основанное на выборномъ началѣ. Переходную мѣру я думаю найти въ общемъ собраніи Совѣта и Сената, съ принятіемъ мѣръ къ ихъ улучшенію (épuration). Для этого достаточно уничтожить канцелярію. Ничтожные люди уйдутъ: для замѣщенія ихъ лучшими можно принять условія не рѣзкія, но дѣйствительныя.

Студенты еще подъ арестомъ. Три коммисіи: здѣсь, въ Кронштадтѣ, въ Москвѣ представили свои заключенія и по разсмотрѣніи ихъ въ особомъ комитетѣ, гр. Панинъ возилъ докладъ къ Государю 28 Ноября. Приказано доложить въ Совѣтъ Министровъ сего дня, и при самомъ докладѣ пришло извѣстіе, что 30 студентовъ засѣли въ зданіи, читаютъ какія-то прокламаціи и грозятъ пустить пулю въ лобъ, кто захочетъ нарушить ихъ засѣданія. Помощники проректора растерялись. Да. Но

*) Виды эти заключаются въ томъ, чтобы выше университетовъ учредить академіи: юридическую, въ Европейской половинѣ, напр. въ Грузинѣ, и академіи естественныхъ наукъ (и математическихъ) въ восточной половинѣ, гдѣ нибудь близъ Волги, гдѣ наука Русской природы найдетъ богатое поле, и для всѣхъ царствъ природы, и для всѣхъ головъ математическаго склада. Филологическій факультетъ можно соединить съ Академіей Наукъ. Это улучшить университеты, низвести ихъ, при недостаточномъ уровнѣ высшихъ занятій и преподаванія, на степень высшихъ училищъ, и парализируетъ лицей и Училище Правовѣднія. Последнее положительно вредно. За нимъ оставалось бы учредить въ университетахъ приготовительный курсъ и уничтожить 7 классовъ гимназій, отдѣливъ отъ нихъ 1 и 2 классы и давъ имъ характеръ преимущественно школь реальныхъ.

не придумано и не приготовлено-ли все это для устрашенія? Министры наши играютъ дѣломъ. Я увѣренъ, что они напутаютъ. Не такъ повели дѣло съ начала, не такъ ведутъ и теперь. Молодежь легко обуздать путемъ законности. Исключительныя мѣры обличаютъ безсиліе законнаго порядка и уполномочиваютъ оппозицію. Изъ министровъ на сторонѣ молодыхъ людей—военный, Милютинъ. Я на той сторонѣ, что пора дѣло это кончить, и давно, давно слѣдовало уменьшить его размѣръ.

Я назначенъ членомъ комисіи объ улучшеніи системы податей. Это едва-ли не важнѣйшая задача послѣ вопроса о крѣпостномъ правѣ. Дѣло мнѣ не неизвѣстное, и польза моего въ немъ участія, думаю, будетъ та, что поспѣшность и радикальность задуманныхъ преобразованій найдутъ во мнѣ по крайней мѣрѣ немолчаливаго одобрителя. Составъ комисіи и ходъ работъ ея напоминаютъ редакціонныя засѣданія Ростовцова. Общее направленіе и особенная дѣятельность принадлежатъ молодому экономисту Тернеру, Соловьеву и Безобразову. Предсѣдатель Гагемейстеръ не слышенъ. Членовъ множество. Вызываютъ еще экспертовъ изъ губерній, отъ земства и городовъ.

Я едва успѣлъ ознакомиться съ существомъ работъ комисіи изъ напечатанныхъ въ газетахъ записокъ ея и изъ небольшой брошюры Тернера о общихъ основаніяхъ. Все это коротенько, скоренько и очень поверхностно. Вообще нельзя похвалиться систематикою и послѣдовательностію приемовъ въ занятіяхъ комисіи. Отсутствіе хорошаго распорядителя чувствуется даже тѣми, которые распоряжаются. Нужно бы назначить довѣренное лицо съ авторитетомъ положенія и знанія дѣла, напр. Гурьева (боленъ), бар. Мейендорфа (старъ), Бахтина, пожалуй—Бобринскаго, Мальцова—когонибудь, но не директоровъ министерства. Дѣло съ приглашенными экспертами уже выходитъ изъ круга финансоваго управленія. Да и работы должны идти иначе. Теперь о земскихъ повинностяхъ пишетъ Соловьевъ, а управляющій ими, Прутченко, даже не бываетъ въ собраніяхъ; о соляномъ доходѣ соображаетъ Гирсъ, а управляющій горною частію Геригросъ не присутствовалъ и при совѣщаніяхъ. Такъ дѣло не ведутъ, и такъ оно не пойдетъ.

Кажется принята система Киселева—переложить подати съ душъ на доходы. На доходы отъ земли и промыслы. Промыслы въ 1859 г. Муравьевъ называлъ усадьбою. Наша комиссія называетъ ихъ дворомъ. Распорядителями у насъ, и Гагемейстеръ, и Рейтернъ, и Заблоцкій и, Бутовскій, и Соловьевъ. Но я ни въ одномъ не вижу элементовъ хозяина дѣла. Я, я желаю немногаго: во первыхъ—отмѣны круговой поруки, во вторыхъ отмѣны или значительнаго сокращенія промысловой—усадебной или подворной подати съ крестьянъ, и наконецъ—уменьшенія расходовъ.

По среди вѣхъ этихъ событій, при которыхъ, и министръ, и министры готовы ожидать и ожидаютъ, какъ адвокатъ кн. Долгорукова въ процессъ съ памятью Русскаго *лорда*, переворота въ Россіи à la 1789 г., ничтожно думать о единицѣ, о личности. Но я объ ней думаю. Извиняюсь. „Дурень думкой богатѣть“, говоритъ Малороссъ. Положимъ, это дурно. Но дурень, господа, „о Господи“ виновать. Онъ виновать не передъ собою, а передъ тѣми, которые зависятъ отъ моей службѣ. Я очень, глубоко разсердилъ министра моимъ донесеніемъ о Владимирскомъ управленіи. Сегодня, при докладѣ дѣла о Шеферѣ (дѣйствіи министерства по отдачѣ ему Горы-Горецкаго хутора наивно непредусмотрительны), онъ прямо выразился, что я изыскиваю случаи выставить ошибки управленія и что вся моя ревизія имѣеть это направленіе, поставляя себѣ цѣлю задѣвать личности.

Можетъ быть, донесенія мои (ихъ, записокъ, 9-ть) имѣють цвѣтъ или желчь мщенія, но не личнаго. На столько личностей меня бы не хватило. Я золь на вѣхъ, на все управленіе. Оно невѣжественно, оно недобросовѣстно, оно своекорыстно. Опредѣленіе лицъ по родству и протекціи, распоряженія, дѣлаемая исключительно для выставки заслугъ предъ государствомъ, безъ всякой пользы, даже съ вредомъ для народа, и всевозможное извлеченіе выгодъ личныхъ то мѣстами, то орденами, но всего болѣе деньгами и землями,—вотъ управленіе генерала Муравьева. Оно отражается въ губернскомъ управляющемъ, въ окружномъ начальникѣ и въ волостномъ писарѣ. Я не скрылъ этого. Я не скрывалъ и служа въ М-вѣ Юстиціи, когда представилъ, въ 1846 г., донесеніе о шести губерніяхъ и въ 1851 г. о положеніи 6-го д-та Сената. Я уже съ того времени удивляюсь, какъ я не въ крѣпости. Отправляясь на ревизію и посылая изъ Владимира донесеніе 25 Іюля, я зналъ, что не служу угожденію. Я высказался вполне, рѣшительно, представляя записку „объ учрежденіяхъ и личномъ составѣ Владимирскаго управленія“. Можно дѣлать все невозбранно, но—въ этомъ убѣдитесь—небезнаказанно. Тогда бы не было ни правды, ни Бога. Онъ же есть правда. За праваго—Богъ. Мы посмотримъ, чѣмъ рѣшится эта распря. Я не вѣрю случайности, и не поклонникъ успѣху. Думаю и исповѣдаю, что есть Богъ.

Въ средѣ опасеній за уменьшеніе производительности и за неминуемый финансовый кризисъ и даже при немалыхъ страхахъ въ ожиданіи буйства, грабежа и самой рѣзни, общее вниманіе деморализуется до такой степени, что не только смѣны министровъ (особенно просвѣщенія, изъ нихъ трое посажены въ Совѣтъ и каждый знаменуетъ побѣду надъ правительствомъ) остаются какъ бы незамѣченными, не только оглашенія скадаловъ случайныхъ не возмущаютъ сословную стыдли-

вость, но и односторонняя хроника мировыхъ крестьянскихъ учреждений и открывающіеся дворянскіе выборы какъ будто не имѣютъ того интереса, котораго отъ нихъ ожидали. Самыя существенныя условія дворянскаго быта измѣнились. Остается ждать его изнуренія, по истощеніи проживаемыхъ запасовъ, и его безсильныхъ напряженій, всегда малообдуманыхъ и неувѣренныхъ. Кромѣ дворянства, незавидно положеніе и дворовыхъ. Исхода событій должно ожидать отъ этихъ классовъ. Къ нимъ присоединятся другіе, ибо довольныхъ нѣтъ ни одного. Не довольны даже дармоѣды, сановитые чиновники, потому что щедрость банкротствующей казны ихъ не успокоиваетъ, а званіе ихъ, давно сдѣлавшееся предметомъ посмѣянія, готово сдѣлаться посмѣшищемъ толпы, угнетеніе которой накопило массу мстительной желчи. Выдвинутое демократическое начало рветъ слабыя нити ошеломленныхъ правителей, и ни нынѣшніе суды и полиція, ни воинскія команды не сдержатъ этой постоянно возрастающей массы. Самая конституція, отъ которой правительство можетъ ожидать силы, только дастъ дѣлу видъ законности, не устрани беспорядковъ. Самая Николаевская энергія только на время отдалить ихъ явленіе и ближайшія послѣдствія. Предвѣстники этихъ беспорядковъ уже показались. Четыре мѣсяца правительство возится съ студентами. Ему достаточно выразить какіе нибудь слухи, чтобы общество и журналы выразили и стали развивать другіе. Анархія въ ценсурѣ, возстаніе національностей, соревнованіе, зависть сословій, смѣлость, дерзость общественнаго говора и особенно выразительность молодаго поколѣнія не находятъ въ нашихъ правителяхъ ничего кромѣ манифестацій, обѣщаній и полумѣръ, при которыхъ анархія все растетъ, завоевываетъ шагъ за шагомъ поле битвы, и съ каждымъ шагомъ становится шире, сильнѣе и требовательнѣе.

Много толковъ производить процессъ князя Семена Воронцова и князя Петра Долгорукова по поводу статьи *Courrier du Dimanche* о попыткѣ на подкупъ послѣдняго или о поддѣлкѣ *заметки* фельдмаршаломъ княземъ Воронцовымъ для вынужденія Долгорукова поддѣлать генеалогію Воронцовыхъ, „не имѣющихъ ничего общаго съ древними Воронцовыми“. Адвокаты Матѣе и Маріе не скупятся въ обвиненіяхъ и часто очень фамилярныхъ объясненіяхъ о Русскихъ князьяхъ и о Россіи и ея порядкахъ. По мнѣнію моему, Долгоруковъ виноватъ. Политическихъ козней автору „Правды о Россіи“ въ процессѣ, срамящемъ насъ, никакихъ нѣтъ. Что-то скажутъ прокуроръ и суды?

Новый министръ, П. А. Валуевъ задумалъ издавать отъ министерства ежедневную газету „Сѣверная Почта“, газету официальную, политическую и литературную. Я не одобряю программы, она обѣщаетъ болтливость. Органъ правительства есть циркуляръ, а все, что

сверхъ того, выходить изъ сферы его вѣдомства и служить для него чаще затрудненіемъ, нежели орудіемъ вліянія. Особенно это должно сказать о насъ и особенно въ настоящее время, когда нужны не слова, а дѣло, и когда самыя распоряженія правительства встрѣчаютъ открытую оппозицію, иногда весьма смѣлую и дѣйствительную. „Сѣверную Почту“ заключаютъ. Я такъ думаю. Валуевъ всегда слишкомъ много придавалъ значенія виѣшнему, рѣчи, слову.

Дѣло моей ревизіи проясняется. Сегодня сдѣлались извѣстны данныя награды. Министръ разсыпалъ деньги, земли и чины. Я не получилъ ничего. Трое изъ директоровъ извинялись передъ мною, одинъ— даже письменно. Я это предугадывалъ, и скупость такого щедрого раздавателя меня нисколько не тронула. Я это зналъ, отъѣзжая на ревизію и, въ Октябрѣ, объяснившись съ женою, я представилъ отчетъ и ожидалъ не награды, но открытой немилости, въ которой я надѣялся не на одинъ духъ времени ослабшаго правительства, но и на всегдашнюю мою опору—на правду. Содѣйствіе общей пользы мнѣ стои́тъ пріятнѣе, нежели личное удовольствіе. Въ запискѣ моей „объ учрежденіяхъ и личномъ составѣ управленія“ я высказала генералу Муравьеву столько прямыхъ истинъ, что вопросъ объ отношеніяхъ моихъ былъ рѣшенъ окончательно. Интересы мои были въ сторонѣ. Теперь меня озабочиваетъ другое: въ интересахъ правды и порядочнаго управленія не пошелъ-ли я далѣе дѣйствительнаго и должнаго? Можетъ быть. Увлеченіе здѣсь тѣмъ легче, что основаніямъ моей критики нечуждо личное отвращеніе отъ этой своекорыстной личности, которая представляется тѣмъ еще преступнѣе, что, при огромныхъ познаніяхъ и способностяхъ, онъ могъ бы, особенно въ настоящее время, принести большую пользу. Какъ быть! Постараемся выдержать.

Мы продолжаемъ пошаливать: четвертый министръ просвѣщенія и на этотъ разъ наименѣе свойственный и наименѣе приготовленный. Головинъ, стасъ-секретарь и личный секретарь Вел. Кн. Константина. Обращеніе къ партіи Константина показываетъ большое безлюдіе. Общее убѣжденіе молодежи то, что и Головинъ не усидитъ. Она желаетъ Пирогова. Головинъ пользуется большимъ довѣріемъ Вел. Князя и проводилъ его либеральныя идеи въ управленіи. Гр. Путятинъ не нашелъ симпатіи ни въ комъ и не имѣлъ ни къ чему. Головинъ долженъ будетъ удариться въ либерализмъ. Въ управленіи этого недостаточно. Головинну нужно пріобрѣсти имя и авторитетъ. Все это должно имѣть до назначенія; иначе назначеніе будетъ шалость, капризъ, опрометчивость. Но сдѣлайте и Пирогова, будетъ тоже. Дѣло въ томъ, что нужно дать конституцію. Школьники—задиришки шумятъ (и особенно послѣ крѣпостнаго сдѣнія), потому что знаютъ, увѣрены, что за ними идетъ

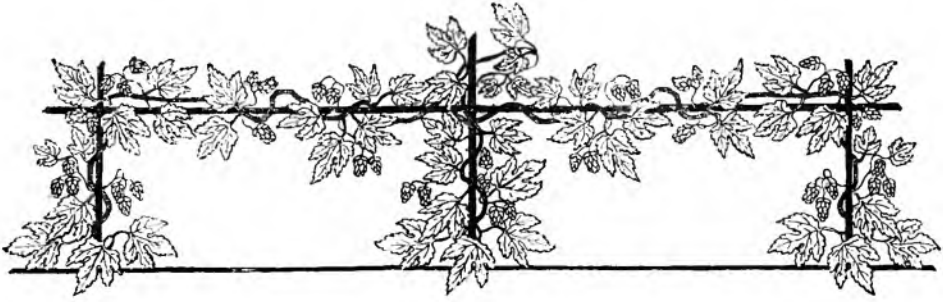
цѣлая, плотная партія. Всѣ смѣлы, потому что Государь не имѣетъ характера, а нравственно чувствуютъ за собою пушокъ на рыльцѣ и потому чужды энергій.

Процессъ Долгорукова кончился. Онъ признанъ виновнымъ. И такъ доказано, что князья Воронцовы не древніе Воронцовы и что древній Долгоруковъ нанимался сдѣлать ихъ древними. Стоило для этого таскаться въ Парижъ и раскладывать на весь свѣтъ наши мелкія притязанія и наши грубыя мерзости?

Кончился этотъ вольный, размашистый и въ особенности переходный 1861 годъ. Онъ будетъ памятенъ, онъ будетъ эпохою по отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи. Онъ знаменателенъ и для Европы по Гарибальдійскимъ вліяніямъ. Онъ замѣчателенъ и въ Азіи вторженіемъ въ Китай и въ Америкѣ расторженіемъ великаго союза Сѣверныхъ Штатовъ. Доктрины прежнія, въ теченіи его, развивались и утверждались. Идея національностей водворяется и расширяется все далѣе и глубже. Она не только требуетъ географическихъ измѣненій, но хочетъ завоевать и возвратитъ самоуправленіе, довольствуясь сдѣлками съ началами династическими и съ централизаціей. Она на этомъ не остановится. Республиканскія формы не составляютъ секретной цѣли. Она давитъ право, администрацію, податъ и самую науку. Отъ *suffrage universel* до *Volksrecht* и *Wissenschaft*, она демократизируетъ все.

(Продолженіе будетъ).

Къ исторіи еврейства. *)

XII.

Размноженіе Евреевъ адвокатовъ, врачей, аптекарей, дрогистовъ и актеровъ внѣ черты еврейской осѣдлости. Ихъ вредная профессиональная дѣятельность и участіе въ революціонномъ движеніи въ 1905 г. въ Россіи. Участіе въ немъ же Евреевъ студентовъ и учащихся въ консерваторіяхъ.

ще болѣе издателей и сотрудниковъ газетъ размножились въ губерніяхъ внѣ черты еврейской осѣдлости Евреи другихъ интеллигентныхъ профессій, какъ то: адвокаты, врачи, дантисты, дрогисты и актеры. Вытѣсняя Русскихъ изъ этихъ профессій, Евреи вообще отличаются недобросовѣстнымъ исполненіемъ сопряженныхъ съ ними обязанностей и спекулятивнымъ-еврейскимъ-характеромъ своей дѣятельности. Въ общихъ профессиональныхъ собраніяхъ они уже оказываютъ господствующее вліяніе, а съ началомъ революціоннаго движенія въ Россіи, воспользовавшись своимъ общественнымъ положеніемъ, принимали въ немъ важное, руководящее участіе. Для доказательства этого приведемъ наиболѣе характерные факты.

Евреи-адвокаты.

Въ 1899 г., въ округѣ Кіевской судебной палаты числилось 130 помощниковъ присяж. повѣренныхъ (изъ нихъ 60 Евреевъ) и нѣсколько десятковъ присяж. повѣренныхъ (изъ нихъ 12 Евреевъ). Большинство помощниковъ присяж. повѣренныхъ Евреевъ имѣетъ прекрасную практику, обходя существующія правила пріемомъ передовѣрія на непосредственное веденіе дѣла кому нибудь изъ числа присяж. повѣренныхъ или ихъ помощниковъ, имѣющихъ свидѣтельства на право

*) См. выше, стр. 63-я.

веденія дѣль. Эти подставные адвокаты, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ изъ Евреевъ, перешедшихъ въ христіанство. Изъ числа кievскихъ присяж. повѣренныхъ Евреевъ, нѣкоторые состоятъ въ качествѣ юрисконсультовъ у еврейскихъ богачей, получая двадцати тысячные оклады въ годъ. Они проникаютъ въ аристократическія гостинныя и постоянныя посѣтители дворянскаго клуба ³⁰²).

Среди кievскихъ адвокатовъ-Евреевъ, рѣдкій не состоитъ (негласно, конечно) комиссіонеромъ по продажѣ имѣній и домовъ, строительныхъ матеріаловъ, пріисканію денегъ, учету и перучету векселей.

Въ округѣ С. Петербургской судебной палаты, въ 1900 г., болѣе половины помощниковъ присяж. повѣренныхъ числилось изъ Евреевъ, благодаря тому, что поступленіе ихъ въ эту корпорацію неограничено. Комиссія помощниковъ присяж. повѣренныхъ состояла на половину изъ Евреевъ съ предѣвателемъ Евреемъ. Какъ видно, изъ отчета совѣта присяж. повѣренныхъ за 1899 г., помощники присяж. повѣренныхъ не присутствовали въ консультаціи, учрежденной при мировомъ съѣздѣ для общаго люда; не вели безплатныя уголовныя защиты преимущественно въ выѣздныхъ сессіяхъ окружнаго суда, а вели ихъ кандидаты на судебныя должности ³⁰³). Удручающее впечатлѣніе о низкомъ уровнѣ адвокатской нравственности даетъ отчетъ того же совѣта за 1902 г., представляя цѣлый обвинительный актъ противъ столичной присяжной адвокатуры, въ которой вліятельную, растлѣвающую роль играютъ Евреи. Въ теченіи года возбуждено въ совѣтѣ 295 дисциплинарныхъ дѣлъ противъ присяж. повѣренныхъ и ихъ помощниковъ (всѣхъ около 1000 чел.), то есть почти третья часть всѣхъ была привлечена къ суду. Большинство преступленій денежнаго свойства: присвоеніе денегъ кліента, отказъ въ дачѣ отчета въ полученныхъ на веденіе дѣла деньгахъ и т. п. Но были и такіе проступки, которымъ есть очень определенное названіе въ Уголовномъ Уложеніи. Одинъ присяж. повѣренный (вѣроятно Еврей) взялся быть комиссіонеромъ по продажѣ мѣха и получилъ его для продажи. Собственникъ мѣха не могъ получить ни мѣха обратно, ни денегъ за него. А когда пригрозилъ судомъ, то получилъ отъ него ломбардную квитанцію на заложенный мѣхъ. Удивительно, что подобныя дѣла разрѣшаются дисциплинарнымъ судомъ и наказываются выговоромъ... ³⁰⁴).

Насколько неискоренимы порочныя племенные черты характера даже у Евреевъ съ университетскимъ образованіемъ, перешедшихъ въ

³⁰²) Новое Время 1899 г. № 8534 и 1909 г. № 11921.

³⁰³) Новое Время 1900 г. № 8688.

³⁰⁴) Родная Рѣчь 1903 г., № 17; Новое Время 1909 г. №№ 11917 и 11920 и 1910 г. № 12202.

христіанство и занимающихъ высшія корпоративныя и общественныя должности, доказываетъ карьера выдающагося адвоката Пергамента. Принятый въ составъ адвокатуры одесскаго округа, онъ вскорѣ былъ избранъ почетнымъ старшиной, и по сформированіи совѣта первымъ председателемъ послѣдняго. Долгое время онъ состоялъ членомъ одесской городской думы. Во время революціоннаго движенія онъ участвовалъ въ союзѣ адвокатовъ и въ союзѣ союзовъ. Какъ адвокатъ, онъ выступалъ почти по всемъ политическимъ процессамъ, слушавшимся въ Одессѣ. Передъ вѣнчаніемъ на Русской—дочери одесскаго профессора Соколовскаго Пергаментъ въ 1895 г. перешелъ въ Православіе. Во 2-й и 3-й Гос. Думахъ онъ былъ представителемъ отъ г. Одессы и виднѣйшимъ членомъ кадетской партіи и ея центрального комитета. Но рядъ почетныхъ должностей, которыя онъ занималъ, не измѣнили его еврейскаго характера и, изъ выгоды, онъ совершилъ преступленіе. Въ маѣ 1909 г. противъ него начато было судебное преслѣдованіе по обвиненію въ пособничествѣ къ побѣгу за границу мошенницы Ольги Штейнъ, въ чемъ также обвинялся адвокатъ Еврей Аронсонъ, имѣвшій 27 дисциплинарныхъ производствъ. Чтобы избѣжать наказанія за это преступленіе, Пергаментъ отравился морфіемъ. Такъ какъ онъ кончилъ свою жизнь самоубійствомъ, не былъ ни разу у исповѣди и причастія послѣ перехода въ Православіе 14 лѣтъ, то митрополитъ Антоній отказалъ представителямъ кадетской партіи въ разрѣшеніи похоронить его въ Александро-Невской лаврѣ; но вѣлѣдствіе заявленія Н. А. Хомякова П. А. Столыпину о томъ, что отказъ въ погребеніи Пергамента можетъ вызвать въ Гос. Думѣ большія осложненія и переговоры Столыпина съ митрополитомъ, послѣдній разрѣшилъ похоронить его на Смоленскомъ кладбищѣ.

При похоронахъ Пергамента, Евреи устроили триумфальное шествіе. Торжественно двигалась толпа въ нѣсколько тысячъ, множество учащейся молодежи. Шли партіи Госуд. Думы: кадетская, трудовиковъ, социаль-демократовъ, мусульманская, польское „коло“ и представители октябристовъ. Обращали вниманіе вѣнки съ демонстративными надписями: „Стойкому депутату—борцу, погибшему въ тяжелыхъ тискахъ безвременья“ (отъ трудовиковъ). „Жертвѣ правительственной мести“ (отъ думскихъ социаль-демократовъ). „Потушенному темными силами свѣточу—хрустальному О. Я. Пергаменту“ (отъ Евреевъ).

Въ Январѣ 1905 г., послѣ событія 9-го Января въ Петербургѣ, присяж. повѣренные округа С. Петербургской судебной палаты *забастовали, удрученные этимъ событіемъ* настолько, что не могли работать на пользу общества. На циркуляръ совѣта присяж. повѣренныхъ, порицавшій откладываніе дѣлъ подъ предлогомъ забастовки, общее со-

браніе ихъ отвѣтило единогласной отмѣной его и большинствомъ 62 членовъ противъ 57 выразило сожалѣніе совѣту за циркуляръ. Подъ чьимъ вліяніемъ состоялась забастовка присяж. повѣренныхъ, объяснено въ „Нов. Врем.“ лицомъ, очевидно хорошо знакомымъ съ ихъ положеніемъ. Въ общемъ количествѣ 866 челов., присяж. повѣренныхъ 390 и ихъ помощниковъ 476. въ составѣ которыхъ болѣе 200 Евреевъ. не имѣющихъ практики. Это, однако, не затрудняетъ ихъ и они съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе заполняютъ сословіе, отлично приспособившись къ своему повидимому безвыходному положенію. Они занялись антрепризой юридическихъ дѣлъ, основали свои негласныя конторы, обзавелись цѣлой агентурой по добыванію дѣлъ, веденіе которыхъ по праву передовѣрія передаютъ дѣеспособнымъ товарищамъ по сословію на извѣстныхъ процентахъ и, такимъ образомъ коммисіонерствуя, получаютъ хорошія деньги, оказываютъ вліяніе на этихъ товарищей и несомнѣнно побудили ихъ къ забастовкѣ ³⁰⁵).

Московскіе адвокаты въ нарушеніи закона не отстали отъ петербургскихъ. Послѣ того же событія 9 Января, обходя все засѣданія Московской судебной палаты и окружнаго суда, депутаты одной изъ группъ помощниковъ присяж. повѣренныхъ, Евреевъ, заявляли председателювавшимъ, что они просятъ судебныя учрежденія совершенно прекратить свою дѣятельность впредь до окончанія гражданской войны. Такое нелѣпое требованіе, конечно, не было принято, хотя гражданскимъ отдѣленіемъ палаты и суда пришлось отложить разсмотрѣніе нѣкоторыхъ дѣлъ, по которымъ адвокаты обѣихъ сторонъ отказывались защищать, потому что „чувствовали себя взволнованными“. Въ тотъ же день, группа, болѣею частію Евреевъ, присяж. повѣренныхъ и помощниковъ ихъ хотѣла прервать занятія и въ московскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ. Ссылаясь на то, что „взволнованы“ событіями, они просили председательствующаго въ гражданскомъ отдѣленіи отложить разсмотрѣніе дѣлъ. Послѣ его отказа въ этомъ, они обратились съ подобной же просьбой къ непремѣнному члену въ распорядительномъ отдѣленіи, который также отказалъ въ ней. Дѣйствующая при мировомъ съѣздѣ консультація помощниковъ присяж. повѣренныхъ Евреевъ, объявила, что въ теченіи двухъ дней не будетъ давать совѣтовъ. ³⁰⁶)

Въ томъ же 1905 году 3-го Марта, въ Московскую Думу поступили отъ консультаціи помощниковъ присяж. повѣренныхъ и отъ педагогическаго общества заявленія о необходимости организаціи городской милиціи.

³⁰⁵) Новое Время 1905 г. № 10,384 и 10,387.

³⁰⁶) День 1905 г. № 14.

9) Марта, въ Петербургѣ, общее собраніе присяж. повѣренныхъ Петербургской судебной палаты, обсудивъ вопросы, вытекающіе изъ Высочайшаго указа Правительствующему Сенату и Высочайшаго рескрипта Министру внутреннихъ дѣлъ отъ 18 Февраля 1905 г., нашло необходимымъ: 1) чтобы къ участию въ трудахъ особаго совѣщанія подъ предѣдательствомъ Министра внутреннихъ дѣлъ были привлечены и выборные адвокатуры и 2) чтобы *единственною и настоятельною задачею особаго совѣщанія* была выработка избирательнаго закона для выборовъ въ *учредительное собраніе на основаніи всеобщаго избирательнаго права безъ различія національности и религіи путемъ равной, прямой и тайной подачи голосовъ*. Въ члены комиссіи для разработки предполагаемыхъ законовъ выбрано четыре Еврея и трое Русскихъ³⁰⁷⁾.

13-го Марта, въ Москвѣ, состоялось собраніе присяж. повѣренныхъ округа Московской судебной палаты, на которомъ былъ возбужденъ вопросъ о *равноправіи Евреевъ* и большинствомъ голосовъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, не смотря на основательную рѣчь о вредѣ этого знатока еврейскаго вопроса присяж. повѣреннаго Шмакова, который, между прочимъ, сказалъ, что петербургскіе присяж. повѣренные, избравшіе Евреевъ въ депутаты совѣщанія, сильно погрѣшили передъ русскимъ народомъ. Собраніе помощниковъ присяж. повѣренныхъ въ Москвѣ 14 Марта также постановило предоставить Евреямъ равноправіе³⁰⁸⁾.

Въ Маѣ, въ Москвѣ же образовался „Союзъ Союзовъ“, въ который, въ числѣ 14-ти профессиональныхъ союзовъ, вошелъ союзъ адвокатовъ. Этотъ самозванный „Всероссійскій союзъ адвокатовъ“, подъ предѣдательствомъ Еврея Винавера, собиравшійся въ Москвѣ, но изъ помѣщенія совѣта присяж. повѣренныхъ удаленный полиціею, состоялъ изъ 13 христіанъ и 32 Евреевъ. Въ большинствѣ случаевъ учредителями союзовъ были лица не русскаго происхожденія и „Союзъ союзовъ“ превратился въ „союзъ равноправія Евреевъ“. Союзъ адвокатовъ былъ признанъ администраціей революціоннымъ, такъ какъ за участіе въ немъ помощникъ присяж. повѣреннаго Еврей Пересъ въ Юнѣ былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Тогда болѣе 100 помощниковъ присяж. повѣренныхъ Евреевъ заявили жандарскому управленію о своей принадлежности къ союзу адвокатовъ, требуя и ихъ привлечь къ законной отвѣтственности съ Пересомъ³⁰⁹⁾.

³⁰⁷⁾ Новое Время 1905 г. № 10415 и 10421.

³⁰⁸⁾ Московскій Листокъ 1905 г. № 74; Новое Время 1905 г. № 10425 и 10426.

³⁰⁹⁾ День 1905 г. № 148 и 171; Изъ книги „Свобода и еврейство“ А. Шмакова, газ. „Славянинъ“ 1907 г. № 13.

20 Сентября собраніе присяж. повѣренныхъ въ Москвѣ приняло рядъ резолюцій, которыя постановило представить министру юстиціи черезъ совѣтъ присяж. повѣренныхъ. Слословіе выразило въ нихъ протестъ противъ примѣненія какихъ бы то ни было мѣръ въ порядкѣ усиленной охраны или жандармскаго дознанія. Оно требовало немедленной отмѣны всѣхъ мѣръ, принятыхъ по отношенію къ товарищамъ, какъ въ порядкѣ административномъ, такъ и въ порядкѣ жандармскаго дознанія. Собраніе также высказалось противъ примѣненія смертной казни. 19 Октября 1905 г. въ зданіи судебныхъ установленій въ Москвѣ, состоялся митингъ адвокатовъ, который внесъ въ Московскую городскую думу слѣдующее *требованіе*, выражающее невѣжество и наглость ихъ руководителей—Евреевъ.

„Принимая во вниманіе.

1) „Что поученіе, прочитанное 16 Октября съ московскихъ каедръ, содержитъ въ себѣ непристойныя ругательства по отношенію къ революціонерамъ („обманщики“, „злodeи“ и т. п.), возмутительную клевету на социаль-демократовъ, социаль-революціонеровъ, анархистовъ и забастовщиковъ“ („Защити ее, т. е. Россію, отъ безумна брата, лиши его возможности вредить ей, исполняй то, что отъ тебя потребуютъ слуги Царевы и скажутъ тебѣ пастыри церкви“).

2) „Что поученіе является возмутительнымъ съ любой человѣческой точки зрѣнія“.

3) „Что виновный въ такихъ призывахъ подлежитъ согласно каноническимъ правиламъ запрещенію священнодѣйствовать“.

4) „Что митрополитъ Владимиръ, предписавшій обязательное во всѣхъ церквахъ прочтеніе упомянутаго поученія, долженъ понести за него отвѣтственность, независимо отвѣтственности автора“.

„Собраніе постановило *потребовать*, чтобы московская городская дума настояла передъ церковнымъ и свѣтскимъ правительствомъ на немедленномъ отрѣшеніи митрополита Владимира отъ московской митрополіи и преданіи его суду согласно каноническимъ правиламъ“. Еще болѣе рѣзко московскихъ адвокатовъ высказало порицаніе мѣрамъ правительства для прекращенія мятежа общее собраніе присяж. повѣренныхъ округа Петербургской судебной палаты 29 Января 1906 г. Оно приняло слѣдующую резолюцію: 1) Разстрѣлы и другіе способы лишенія жизни, примѣняемые нынѣ военнымъ судомъ и такъ называемыми „карательными экспедиціями“, представляютъ собою не наказаніе виновныхъ, а *преступленія со стороны органовъ правительства*. 2) Общее собраніе возлагаетъ на особо избранную изъ своей среды комиссію обязательность собирать матеріалы о практикуемыхъ нынѣ органами правительства убійствахъ, истязаніяхъ и истребленіи иму-

щества съ тѣмъ, чтобы все эти собранные матеріалы были представлены впоследствии на судъ свободно избранныхъ народныхъ представителей. Въ комиссію изъ 10 присяжныхъ повѣренныхъ было выбрано три Еврея³⁰⁾.

Все приведенные факты о забастовкахъ и революціонныхъ союзахъ и постановленіяхъ адвокатовъ Петербургскаго и Московскаго судебныхъ округовъ, послѣ событія 9 Января 1905 г., доказываютъ господствующее вліяніе въ нихъ Евреевъ. Въ этихъ выраженіяхъ сочувствія бунтовщикамъ и порицанія правительству за мѣры противъ нихъ и въ революціонныхъ требованіяхъ, въ подготовкѣ къ революціи и въ военной поддержкѣ ея, Евреи участвовали съ адвокатами-либералами изъ христіанъ; но съ развитіемъ революціоннаго движенія, нѣкоторые Евреи адвокаты уже приняли въ немъ явное, дѣятельное участіе. Такъ 18 Марта 1905 г., въ Саратовѣ, въ городскомъ театрѣ состоялась лекція о холерѣ, привлекая до 2,000 челов. По окончаніи лекціи Еврей: прис. повѣренный Куперникъ и частный повѣренный Кальмановичъ просили полиціймейстера разрѣшить произнести рѣчь о холерѣ и *злотъ дня*. Полиціймейстеръ по распоряженію губернатора не разрѣшилъ. Тогда въ театрѣ поднялся страшный шумъ, стали кричать „долой полицію“. Были вызваны двѣ роты, чтобы очистить театръ. До появленія ихъ, изъ ложъ и галерен бросались прокламаціи, произносились революціонныя рѣчи. Затѣмъ толпа вышла изъ театра и двинулась по Александровской улицѣ съ пѣніемъ „марсельезы“ по русски. Войско преградило путь толпѣ, изъ которой было произведено 5 выстрѣловъ изъ револьверовъ. Въ толпѣ арестовано 39 демонстрантовъ. Два лица, произносившія рѣчи въ театрѣ, арестованы на квартирѣ³¹⁾. Такимъ образомъ поводъ къ этой демонстраціи дали Еврей-адвокаты, и несомнѣнно при ихъ главномъ участіи она была и устроена. Въ статьѣ „Южно-русская республика“, напечатанной въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1907 г., № 3, С. Орлицкій, описывая, какъ очевидецъ, революціонное движеніе въ Одессѣ за недѣлю до безпорядковъ въ ней 14 и 15 Іюня 1905 г. и самые безпорядки, говоритъ, что на должность президента этой республики предназначался Евреями адвокатъ Еврей Пергаментъ. Въ Іюль онъ былъ высланъ въ г. Пермь на все время военнаго положенія въ Одесскомъ уѣздѣ³²⁾.

Главными виновниками революціонныхъ безпорядковъ въ Кіевѣ 18 Октября 1905 г., которые вызвали еврейскій погромъ, были Еврей

³⁰⁾ Новое Время 1905 г. № 10617 и 1906 г. № 10735: „Голосъ Москвы“ 1909 г. Ноябрь.

³¹⁾ Новое Время 1905 г. № 10431.

³²⁾ День 1905 г. № 190.

Шлихтеръ и адвокатъ Ратнеръ, какъ это удостовѣрено при слушаніи дѣла о погромѣ въ Кіевской судебной палатѣ въ Январѣ 1908 г.³¹³). За попытку прекратить занятія въ судѣ, въ дни октябрьской забастовки, 19 присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ были привлечены къ суду. Кіевская судебная палата обвинила ихъ въ оскорбленіи суда и приговорила четырехъ присяжнымъ повѣренныхъ: Брейтермана, Руткевича, Слущаго и Чекерулькуша (какъ видно, Евреевъ и Поляковъ) къ исключенію изъ сословія, а остальныхъ—къ воспрещенію практики на шесть мѣсяцевъ.

Въ Ноябрь 1905 г., въ Москвѣ, были арестованы и заключены въ тюрьму Евреи: адвокатъ Сталь, писатель Танъ и агрономъ Тесленко, руководители революціоннаго крестьянскаго съѣзда. Дѣло объ этомъ съѣздѣ и крестьянскомъ союзѣ началось слушаніемъ въ Московской судебной палатѣ въ Февралѣ 1908 г.³¹⁴). Состоявшимся 29 Марта 1910 г. приговоромъ этой палаты присяж. повѣр. Левицкій, агрономъ Тесленко и писатель Танъ (Богоразъ) приговорены къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ съ зачетомъ, Тесленко трехъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, а Левицкому—шести мѣсяцевъ.

20 Января 1906 г., въ Москвѣ, было предъявлено обвиненіе въ пропагандѣ вооруженнаго возстанія присяжн. повѣренному Еврею Мандельштаму. 27 Января 1906 г. онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы, и ему предложено покинуть Москву³¹⁵). По сообщенію газетъ, въ квартирѣ Мандельштама, въ Москвѣ, на Малой Бронной ул., въ домѣ Еврея Гиршъ, былъ главный штабъ мятежниковъ, во время декабрьскаго мятежа 1905 г.

Евреи-врачи и дантисты.

Изъ городовъ, находящихся внѣ черты еврейской осѣдлости, особенно размножились Еврей врачи и дантисты въ *Кіевѣ*, гдѣ въ 1900 г. изъ 550 врачей 120 было Евреевъ и случается, что докторъ Еврей открываетъ на чужое имя банкирскую контору и цѣлые дни проводитъ въ ней; изъ 100 же зубныхъ врачей, Евреевъ—болѣе половины. Съ 1901 г. Кіевъ сталъ почти монопольнымъ поставщикомъ дантистовъ изъ Евреевъ. Это разоблачили польскія, варшавскія газеты, сообщившія, что въ 1901 г. изъ Варшавы направилось значительное число лицъ, преимущественно Евреевъ, въ Кіевъ для сдачи экзамена на

³¹³) Новое Время 1908 г. № 11439 и 1907 г. № 11206.

³¹⁴) День 1905 г. №№ 301, 302 и 307; Новое Время 1908 г. № 11455 и 1910 г. № 12230.

³¹⁵) Новое Время 1906 г. №№ 10724 и 10732.

звание дантиста, по сдачѣ котораго они немедленно возвращаются въ Варшаву. Путешествія эти объясняются тѣмъ, что только въ Кіевскомъ университетѣ экзамены на дантиста производятся не комиссіей, а однимъ профессоромъ и притомъ довольно снисходительно. Благодаря этому, число сдавшихъ экзаменъ въ Кіевскомъ университетѣ доходитъ ежегодно до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ университетахъ и Военно-Медицинской академіи, вмѣстѣ взятыхъ, сдаетъ его ежегодно 60—80 дантистовъ³¹⁶). Такъ, въ теченіи трехъ лѣтъ (1902—1904 гг.) въ Кіевѣ замѣчался наплывъ лицъ, ищущихъ званіе дантиста и зубного врача. (Существовали три школы, подготовляющія дантистовъ. Въ 1903 г. медицинскимъ факультетомъ университета былъ выданъ 291 дипломъ на званіе дантиста и 63—выдано на званіе зубного врача. Среди нихъ едва набиралось 10 христіанъ, остальные были Евреи и Еврейки, которымъ эти дипломы нужны, чтобы жить внѣ черты осѣдлости и въ Кіевѣ безъ необходимости выбирать свидѣтельство 1-й гильдіи и платить за него до 1000 р. Къ концу 1904 г. подверглось испытаніямъ до 450 лицъ; въ числѣ ихъ было едва 20 христіанъ, остальные Евреи. Чрезмѣрный наплывъ Евреевъ въ Кіевѣ за добываніемъ свидѣтельствъ на званіе дантиста, побудилъ ихъ единоплеменниковъ заняться торговлей подложными свидѣтельствами на это званіе. Въ 1903 г., въ Кіевѣ были обнаружены Еврей-агенты, занимавшіеся распространеніемъ среди Евреевъ подложныхъ свидѣтельствъ о предварительномъ испытаніи на званіе дантиста при университетахъ и врачебныхъ управахъ: Смоленской, Одесской, Минской и Ковенской. Мошенническая операція велась въ широкихъ размѣрахъ. Агенты шайки продавали подложныя свидѣтельства по высокой цѣнѣ и разбѣзжали по многимъ городамъ. Обнаружено также, что нѣкоторые дантисты выдавали свидѣтельства лицамъ непрактиковавшимъ³¹⁷). Нѣсколько лѣтъ назадъ министерство внутреннихъ дѣлъ, съ цѣлью отмѣнить званіе дантиста и создать зубныхъ врачей, прошедшихъ зубо-врачебное искусство въ специальныхъ школахъ, издало особый циркуляръ, которымъ запрещалось дантистамъ принимать къ себѣ учениковъ. Для тѣхъ же учениковъ, которые уже работали у нихъ, министерство установило срокъ держанія экзаменовъ при университетѣ. Самый экзаменъ обуславливался представленіемъ свидѣтельства отъ дантиста. Въ 1909 г. истекалъ послѣдній срокъ экзамена, и на этой-то почвѣ во многихъ городахъ Россіи разыгралось новое мошенническое предпріятіе Евреевъ. По сообщенію „Кіевлянина“ установлено, что въ Кіевѣ, Смо-

³¹⁶) Новое Время 1900 г. № 8831, 1901 г. № 8999 и 1909 г. № 11921.

³¹⁷) Новое Время 1904 г. № 10312, 1906 г. № 10922, 1909 г. № 12082 и 1910 г. № 12249.

ленскѣ и многихъ городахъ Западнаго края зубные врачи выдавали подложныя свидѣтельства лицамъ, не состоявшимъ у нихъ практикантами. Купивъ такое свидѣтельство, Еврей представлялъ его въ университетъ, отъ котораго получалъ дипломъ на званіе дантиста и сопряженное съ нимъ право повсемѣтнаго жительства. Поселившись затѣмъ въ любомъ мѣстѣ, такой „дантистъ“ занимался торговлей, комисіонерствомъ или веденіемъ дѣла какого нибудь увеселительнаго заведенія, напр. въ Кіевѣ.

Производящееся судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ Московскаго окружнаго суда Вальтановскимъ обширное слѣдствіе о подложныхъ дантистскихъ свидѣтельствахъ уже привело къ слѣдующимъ результатамъ.

Послѣ обнаруженія первыхъ подложныхъ свидѣтельствъ въ Кіевѣ и Смоленскѣ, въ разныхъ уголкахъ Россіи находили новыхъ и новыхъ самозванныхъ „дантистовъ“. Наибольшее количество подложныхъ свидѣтельствъ и дипломовъ падаетъ на Кіевскій и Харьковскій университеты. Обнаружено уже нѣсколько сотъ дипломовъ, сфабрикованныхъ отъ имени этихъ университетовъ. Подложныя свидѣтельства о прохожденіи „дантистами“ ученическаго курса у зубныхъ врачей почти все фабриковались въ Смоленскѣ. Слѣдствіе обнимаетъ нѣсколько тысячъ страницъ. Оно ведется во всѣхъ уголкахъ Россіи, гдѣ только проживали мнимые „дантисты“. Въ Астрахани, Архангельскѣ, Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Владивостокѣ, Кутаисѣ—всюду допрашиваются по этому дѣлу привлеченные къ отвѣтственности лица и свидѣтели. И съ каждымъ днемъ дѣло разрастается, обнаруживаются все новыя подложныя свидѣтельства. Пока допрошено свыше 200 дантистовъ. Предстоитъ допросить еще столько же, если не больше. Такимъ образомъ *обвиняемыхъ по дѣлу будетъ не менше 400*. Кромѣ дантистовъ, въ качествѣ обвиняемыхъ будутъ фигурировать служащіе и врачи Смоленскаго врачебнаго отдѣленія, между прочимъ Смоленскій уѣздный врачъ Рутковскій.

Другой городъ, въ которомъ быстро размножаются врачи-Евреи, это — *Харьковъ*. Въ немъ въ 1901 г. практикующихъ врачей числилось 372 („Медицинскій Указатель“ 1901 г.), изъ нихъ Евреевъ 101 или 27 проц., тогда какъ въ 1892 г. было Евреевъ 19 проц. Зубныхъ врачей въ 1901 г. числилось 42; изъ нихъ 31 Еврей или 74 проц. Въ 1905 г. изъ 300 врачей почти половина уже состояла изъ Евреевъ: Русскихъ числилось не болѣе 100 челов., да и тѣ, по словамъ корреспондента „Дня“, въ кабаль у Евреевъ. Въ одной больницѣ, въ Іюнь 1905 г., русскій врачъ П. гордо заявилъ: „Я 12 лѣтъ въ церкви не былъ! Что наша вѣра? она никуда не годна!“ Больница переполнена

докторам-Евреями и сидѣлками Еврейками. Врачъ И. — прибавляетъ корреспондентъ — нарочно громко говорить, иначе Евреи выживутъ его изъ больницы ³¹⁸).

Особенно полюбили и переполнили Еврей-врачи Новгородскую губернію. Въ 1903 г., изъ 35 практиковавшихъ врачей въ *Новгородъ* и его уѣздѣ числилось 9 Евреевъ, въ *Новгородъ* — два дантиста и оба Евреи. Въ г. *Старой Русы* — одна дантистка Еврейка. Въ г. *Крестцы* — изъ двухъ врачей — одинъ Еврей, а въ его уѣздѣ три врача Еврея. Въ г. *Валдаи* изъ двухъ врачей одинъ Еврей. Въ г. *Тихвинъ* врачей три Еврея, да въ его уѣздѣ еще два. Въ городахъ *Череповицъ* и *Кириловъ* съ ихъ уѣздами по пяти врачей-Евреевъ въ каждомъ.

Въ г. *Таганрогъ*, области Войска Донского, врачи почти исключительно Евреи ³²⁰).

Въ городахъ Ярославль, Нижнемъ-Новгородъ, Смоленскъ и Астрахани также размножились Еврей-врачи и дантисты, такъ что въ недалекомъ будущемъ они могутъ захватить въ нихъ и въ другихъ городахъ внѣ черты еврейской осѣдлости, удобныхъ для ихъ размноженія, всю врачебную и зубо-врачебную практику, какъ они давно захватили ее, напримѣръ, въ Вильнѣ ³²¹).

Въ Москвѣ и Петербургѣ, кромѣ большого числа Евреевъ-врачей, много развелось Евреевъ-дантистовъ. Долгое время закрытый доступъ Евреямъ-врачамъ на городскую службу въ Петербургѣ, въ 1905 г., къ сожалѣнію, открытъ. Въ соединенномъ засѣданіи городской управы и председателей исполнительныхъ коммисій вопросъ этотъ балотировался 7 Сентября 1905 г. и рѣшенъ для Евреевъ въ благопріятномъ смыслѣ ³²²).

Какъ же исполняютъ свои обязанности Еврей-врачи, размножаясь и постепенно захватывая практику у врачей-христіанъ въ городахъ и земствѣ, которое, щеголяя крайнимъ либерализмомъ, любезно, во множествѣ приняло ихъ на службу? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы можемъ значительнымъ числомъ записанныхъ нами фактовъ, доказывающихъ, что Еврей-врачи, преслѣдуя исключительно наживу и племенные интересы, вообще недобросовѣстно исполняютъ свои обязанности и даже совершаютъ уголовныя преступленія, не бывалыя въ дѣятельности врачей-христіанъ въ Россіи. На службѣ въ земствѣ, Еврей-врачи широко воспользовались его покровительствомъ революціонному движенію,

³¹⁸) Новое Время 1902 г., № 9392 и День 1905 г. № 171.

³²⁰) Новое Время 1899 г. № 8533.

³²¹) Новое Время 1901 г. № 9079, 1902 г. № 9583, 1905 г. № 10405 и 1906 г. № 10922; Русское Слово 1900 г. № 343.

³²²) Новое Время 1905 г. № 10604.

были усердными подстрекателями и руководителями въ этомъ движеніи и способствовали его распространенію.

Изъ многихъ фактовъ о профессиональной дѣятельности Евреевъ-врачей приведемъ слѣдующіе.

Къ какому преступному отношенію къ служебнымъ и профессиональнымъ обязанностямъ Евреевъ-врачей ведетъ господствующее ихъ положеніе въ Харьковѣ и охрана ими интересовъ кагала, объясняетъ рассказанный П. Глѣбовымъ въ „Харьк. Вѣдом.“ случай насилія двухъ Евреевъ-торговцевъ въ Харьковѣ надъ дѣвушкой, своей покупательницей.

2 Мая 1908 г. въ редакцію „Харьк. Вѣдом.“ явилась молодая дѣвушка Е. Дубровина съ г. Н—мъ и сообщила о слѣдующемъ случаѣ. Около 12 час. дня она пришла въ лавку Еврея М. Аграновича на Благовѣщенскомъ базарѣ купить кофточку. Въ лавкѣ находились два его сына, Эскель и Куликовъ. Они схватили Е. Д., затащили ее въ темный уголь за одеждой, и сыновья Аграновича изнасиловали. Предварительно Евреи опустили шторы въ лавкѣ и поставили на стражѣ Эскеля. Къ счастью, скрыть свое преступное дѣло Евреямъ не удалось.

Случайно проходившій мимо г. Н—ъ замѣтилъ, что въ лавкѣ Аграновича творится что-то недоброе. Вскорѣ изъ лавки вышла потрясенная дѣвушка и съ плачемъ рассказала Н—у о случившемся. Н—ъ потребовалъ составленія протокола. Поднялся весь базарный кагалъ; со всѣхъ угловъ базара набѣжали Евреи и взяли подъ защиту своихъ единоплеменниковъ. Однако Н. добился того, что протоколъ былъ составленъ. Когда Н—ъ отправился вмѣстѣ съ дѣвушкой въ *медицинское общество*, чтобы тамъ установить фактъ изнасилованія, ихъ принялъ врачъ-Еврей. Когда этотъ врачъ узналъ, что Е. Д. изнасилована его единоплеменниками, онъ холодно и безучастно сказалъ: „Это не наше дѣло“ и категорически отказался освидѣтельствовать дѣвушку. Г. Н—ъ направился тогда *въ лечебницу Краснаго Креста*. По волѣ судьбы онъ наткнулся тамъ опять на Еврея-врача. Этотъ врачъ показалъ себя еще лучше: онъ выступилъ добровольнымъ адвокатомъ Аграновичей и очень усердно убѣждалъ Е. Д. оставить дѣло. „Охота вамъ возиться съ судомъ и терять время?“ говорилъ врачъ-Еврей.

Въ третьемъ университетскомъ городѣ—въ Казани, Евреи-врачи также заняли господствующее положеніе, захвативъ совершенно врачебное дѣло, и проявили вредныя, племенные черты характера. Нѣтъ ни одной больницы, которая не имѣла бы въ составѣ своемъ врачей-Евреевъ или выкрестовъ. Выдающіеся профессора, переходя на службу въ Казань, должны брать въ ассистенты въ свои клиники Евреевъ.

Если они этого не сдѣлають, то никогда не получать доходной практики: ихъ существованіе будутъ замалчивать, не станутъ приглашать на консиліумы; въ аптекахъ, громадное большинство которыхъ содержится Евреями, будутъ перевирать ихъ адреса и приѣмные часы; еврейскія газеты станутъ о нихъ сообщать всевозможныя небылицы такого свойства, что пациенты побоятся идти къ нимъ. Самое важное, однако, то, что единственная частная лечебница, гдѣ профессора могутъ производить операціи за плату, содержится Евреемъ, который, конечно, всегда устроитъ такъ, что профессору-не-юдофилу выгодная операція не достанется.

По словамъ корреспондента „Новаго Времени“, одесскіе врачи, изъ числа разжирѣвшихъ Евреевъ, очень безсердечны: у нихъ утвержденная, непреклонная такса, о которой предупредительно докладываетъ пациентамъ прислуга. Дѣянія Еврея-доктора въ еврейской больницѣ въ Одессѣ и отношенія къ подчиненному ему женскому персоналу (фельдшерницамъ, массажисткамъ, дантисткамъ) были предметомъ мѣстнаго больничнаго административнаго разслѣдованія послѣ скандала съ дантисткой, которая передала во всеуслышаніе, что она „спаслась отъ позора бѣгствомъ“. Разслѣдованіе повело къ устраненію врача отъ должности ³²³).

Въ 1903 г., въ еврейско-жаргонной газ. „Der Jud“ была напечатана „Исповѣдь пациента Еврея“, въ которой говорится, что въ Варшавѣ существуетъ синдикатъ Евреевъ-врачей, выработавшій для своихъ членовъ особую инструкцію съ цѣлью увеличенія числа пациентовъ. Какимъ образомъ эта цѣль достигается, объясняютъ, между прочимъ, слѣдующіе параграфы инструкціи:

§ 1. „Всякій членъ синдиката обязанъ прилагать всеѣ усилія, чтобы имѣть какъ больше пациентовъ; тѣхъ, какіе есть, держаться крѣпко, новыхъ стараться приобрѣтать всеѣми силами, добромъ и зломъ, чтобы имѣть возможность протезировать своихъ товарищей“.

§ 23. „Больныхъ и окружающихъ илѣ держать въ страхъ, раздувая опасность. Изъ насморка дѣлать воспаленіе, изъ лихорадки—горячку и тифъ, изъ пустой ангины—крупъ, а еще лучше дифтеритъ и приласить специалиста изъ синдиката для помощи. Если покажется изъ носа кровь, говорить, что это полипъ и отправлять больного къ специалисту-товарищу для прижиганій“ ³²⁴).

³²³) Новое Время 1902 г. № 9451 и 1908 г. №№ 11548 и 11588.

³²⁴) Правила преувеличивать болѣзнь пациента, чтобы излеченіемъ ея себя рекламировать, держатся вообще всеѣ Евреи-врачи.

§ 24. „Когда семья и больной достаточно испуганы, приниматься за правильное лечение и прилагать всё старанія. чтобы вылечить болѣзнь“³²⁵).

Донскимъ областнымъ врачевнымъ инспекторомъ въ 1902 г. былъ объявленъ строгій выговоръ врачамъ, завѣдывающимъ больницами на фабрикахъ Асмолова и Кушнерева въ г. Ростовѣ-на-Дону Печискому и Моргуліесу (несомнѣнно Еврею) за равнодушіе къ долгу службы и врачевному достоинству, лѣность и малую попечительность о больныхъ. Отсутствіе больныхъ въ больницахъ на этихъ фабрикахъ въ теченіе двухъ лѣтъ ставится главнымъ образомъ въ вину врачамъ: они сознательно способствовали направленію больныхъ рабочихъ въ городскую больницу вмѣсто того, чтобы удержать ихъ на фабрикахъ и даже отказывались отъ подачи помощи тамъ, гдѣ они могли бы пользоваться лично³²⁶). Разумѣется, они такъ недобросовѣстно относились къ своимъ обязанностямъ съ цѣлью избавить фабрикантовъ отъ расхода на леченіе ихъ рабочихъ.

Въ Саратовѣ, для борьбы съ дѣтскою смертностью, городское управленіе отпускало ежегодно субсидію въ 2,000 р. на приготовленіе пастеризованнаго молока для дѣтей. Обращали вниманіе на неумѣлость докторовъ въ приготовленіи этого молока; но завѣдующій этимъ дѣломъ врачъ-Еврей Бруханскій, когда ему указывали на осадокъ грязи въ молокѣ, говорилъ, что это такой ужъ сахаръ³²⁷).

Въ 1907 г., въ Севастополѣ, вслѣдствіе высылки въ отдаленныя губерніи части врачей мѣстной городской больницы, медицинскій персоналъ демонстративно вышелъ въ отставку. Попытка поставить больницу въ критическое положеніе оказалась тщетною; ушедшіе врачи были временно замѣщены морскими; сдѣланъ вызовъ новыхъ. Уходъ служащихъ только облегчилъ задачу власти: больница, гдѣ преобладали Евреи, давно нуждалась въ обновленіи врачевнаго состава.

Въ 1901 г. Московскій окружный судъ призналъ виновнымъ врача Еврея Шатуновскаго въ неправильномъ врачеваніи, обманѣ и въ продажѣ веществъ, якобы воспрещенныхъ, а на самомъ дѣлѣ дозволенныхъ въ обращеніи и приговорилъ его къ лишенію всѣхъ правъ и преимуществъ, заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ и лишенію права врачевной практики до выдержанія имъ новаго испытанія въ его познаніяхъ. Дозволеніе суда Шатуновскому вновь пріобрѣсти права на леченіе, сдать вновь экзаменъ, врачъ Акимовъ въ письмѣ, напеча-

³²⁵) Новое Время 1903 г. № 9675.

³²⁶) Новое Время 1902 г. № 9589.

³²⁷) День 1905 г., № 174; Новое Время 1907 г., № 11255.

танномъ въ журналѣ „Врачъ“ (1901 г. № 24), нашелъ неправильнымъ, такъ какъ невозможно, чтобы Шатуновскій, послѣ шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія, сдѣлался нравственнымъ и могъ съ честью исполнять обязанности врача. Состоявшимся въ 1901 г. приказомъ Московскаго оберъ-полиціймейстера лекарю Шатуновскому воспрещено житье въ теченіе 2-хъ лѣтъ въ Москвѣ и Московской губерніи, на основаніи 48, 49 и 51 ст. Улож. о наказ.³²⁸).

Въ Іюль 1905 г. Московская сыскная полиція раскрыла важное преступленіе, заключающееся въ томъ, что въ Москвѣ одинъ докторъ медицины, Еврей производилъ искусственные выкидыши у женщинъ, нежелающихъ имѣть дѣтей, и составилъ этими преступными операціями большое состояніе, приобрѣтя нѣсколько домовъ. Преступленіе раскрыто по жалобѣ одного лица, у котораго беременная жена умерла въ ужасныхъ мученіяхъ отъ операціи, сдѣланной этимъ докторомъ, чтобы произвести выкидышъ³²⁹).

Всѣ эти факты мы считаемъ достаточными для характеристики профессиональной дѣятельности врачей Евреевъ, тѣмъ болѣе, что подобные же факты нами приведены въ статьѣ „Къ исторіи еврейства“ (Русскій Архивъ 1893 г. т. II, стр. 387 и 388); они объясняются дурными племенными чертами характера Евреевъ, которыя не измѣняются въ хорошую сторону высшее, университетское образованіе. Нѣкто „Medicus“, въ одной изъ варшавскихъ газетъ, выступилъ съ грозною филиппикой противъ врачей-Евреевъ, находя, что они игнорируютъ самыя элементарныя требованія товарищеской и элементарной этики. Ему вторитъ другой „Medicus“ въ „Новороссійск. Телегр.“, приводя факты изъ одесской практики. Университетская скамья не облагораживаетъ Еврея. Студенты Русскіе толкуютъ о служеніи родинѣ и обществу; у студента же Еврея, на какомъ бы факультетѣ онъ ни былъ, на самомъ первомъ планѣ стоитъ „карьера“, деньги и затѣмъ уже служба. Она на второмъ планѣ и при томъ только, какъ средство сдѣлать карьеру. Идеализаціи нѣтъ и слѣда. На всемъ мышленіи лежитъ грубый отпечатокъ самой матеріалистической прозы. Поэтому неудивительно, что проникнутый такими взглядами Еврей-врачъ, вступая въ жизнь и начиная практиковать, съ первыхъ же шаговъ ведетъ себя такъ, что отъ него принуждены отстраняться его коллеги, врачи-христіане³³⁰).

³²⁸) Русское Слово 1901 г. №№ 123, 124 и 170; Новости Дня 1901 г. № 6615.

³²⁹) День 1905 г., № 196.

³³⁰) Сынъ Отечества 1896 г., № 185.

Распространенію революціоннаго движенія Еврей-врачи способствовали вездѣ, гдѣ представлялся къ тому случай и особенно на службѣхъ у земства, главнымъ образомъ, въ средѣ земскихъ служащихъ, такъ называемаго третьяго элемента—полуинтеллигентнаго пролетаріата—принимавшаго дѣятельное участіе въ революціи.

Такъ, напримѣръ, въ Костромѣ, революціонный комитетъ сначала велъ революціонную пропаганду среди рабочихъ и учащейся молодежи. Въ Ноябрь 1905 г. рабочіе и горожане стали враждебно относиться къ агитаторамъ, между которыми были и Еврей, гнать и выдавать ихъ полиціи. Тогда костромскіе революціонеры перенесли свою дѣятельность въ уѣздную и деревенскую среду, воспользовавшись для этого устроенными крамольнымъ губернскимъ земствомъ „врачебно-продовольственными пунктами“.

Земство устраивало эти пункты яко-бы „на случай холеры“, но на самомъ дѣлѣ инныя цѣли преслѣдовались ими. Руководительство всеѣмъ этимъ дѣломъ сразу попало въ руки земскаго врача Еврея Френкеля³³¹⁾, и вскорѣ на всеѣхъ „пунктахъ“ появились, въ качествѣ завѣдующихъ сотрудниковъ, бунтари, и работа закипѣла. Френкель и его сподвижники—еврей-бунтари—собирали крестьянъ и подстрекали ихъ къ бунтамъ. Завѣдующіе пунктами и ихъ сотрудники стали собирать крестьянъ въ особыя кружки и вести рѣчи объ ихъ малоземельи, о необходимости отобрать землю у частныхъ владѣльцевъ и передать крестьянамъ, подстрекали народъ противъ власти, восхваляли республику... Вся эта пропаганда велась открыто въ нѣсколькихъ сосѣднихъ уѣздахъ: Юрьевоцкомъ, Макарьевскомъ, Кологривскомъ и друг.

Юрьевоцкій исправникъ г. Хомутовъ первый обратилъ вниманіе на опасность такой пропаганды и принялъ мѣры къ установленію наблюденія за дѣятельностью пунктовъ; но завѣдующіе ими, чувствуя поддержку свыше изъ Костромы, отказались впускать въ чайную и читальню чиновъ полиціи. Обо всемъ этомъ г. Хомутовъ донесъ губернатору, къ которому обратилось также мѣстное купечество съ ходатайствомъ о закрытіи „пунктовъ“, какъ очаговъ революціонной пропаганды³³²⁾.

Въ Апрель 1905 г., по распоряженію администраціи, былъ арестованъ на двѣ недѣли зубной врачъ-Еврей Львовичъ за допущеніе разсматриванія политическихъ вопросовъ на частномъ совѣщаніи изъ

³³¹⁾ Френкель былъ душой кадетскаго дѣла въ Костромѣ. Онъ подвергался наказаніямъ за революціонную агитацію съ 1890 г. „Правда о кадетахъ“. Брошюра Н. П. Васильева. Спб. 1907 г. стр. 63.

³³²⁾ День 1905 г., № 317.

служащих земства, врачей, студентов и поселянъ въ г. Камышинѣ, Саратовской губерніи, на которомъ онъ былъ председателемъ³³³).

Въ г. Кременчугѣ, Полтавской губер., 26 Октября 1905 г., Еврей-врачи: ординаторъ губернской земской больницы Шарый, городской санитарный Лихтенштейнъ, какъ политически неблагонадежные, приказомъ временнаго генераль-губернатора, были отрѣшены отъ занимаемыхъ ими должностей³³⁴).

Въ Декабрѣ 1905 г., въ Бронницкомъ уѣздѣ, Московской губерніи, земскій врачъ Еврей назвался въ гости къ одной учительницѣ въ село, около желѣзной дороги. Въ назначенный день онъ пріѣхалъ къ ней съ многими неизвѣстными ей лицами и устроилъ митингъ въ школѣ, гдѣ они завѣсили трауромъ портретъ Государя, и произносили революціонныя рѣчи. Узнавъ объ этомъ, крестьяне пришли въ школу съ цѣлью разогнать митингъ, но и врачъ и другіе агитаторы скрылись. Въ результатѣ учительница, служившая безпорочно 20 лѣтъ, была уволена отъ должности, а Еврей-врачъ, который ее обманулъ, остался безнаказаннымъ. Это рассказала намъ одна учительница въ Бронницкомъ уѣздѣ.

Въ томъ же мѣсяцѣ были арестованы: земскій врачъ Еврей Дорфъ, завѣдывавшій лечебницею въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губ., за революціонную пропаганду и принимавшій дѣятельное участіе въ закрытомъ администраціей пироговскомъ холерномъ сѣздѣ, на которомъ онъ произносилъ революціонныя рѣчи, и въ Москвѣ—весь новый составъ бюро почтово-телеграфнаго союза и почтово-телеграфнаго делегатскаго сѣзда и врачъ Еврей Столкиндъ, у котораго иногда собирались почтово-телеграфные чиновники и который читалъ на митингахъ лекцію о паразитахъ двуногихъ и многоногихъ³³⁵).

Въ одномъ изъ важныхъ центровъ революціоннаго движенія въ чертѣ еврейской осѣдлости, въ г. Гомелѣ, Могилевской губерніи, Еврей-врачи руководятъ множествомъ участвующихъ въ немъ Евреевъ-интеллигентовъ, которые крайне враждебно относятся къ Русскимъ и ведутъ себя вызывающимъ образомъ. Изъ Гомеля рассылаются во всѣ концы Западнаго края прокламаціи³³⁶).

Болѣе преступную революціонную пропаганду вели запасные Еврей-врачи на Востокѣ среди нижнихъ чинновъ. Корреспондентъ „Нов. Врем.“, сообщая о произведенномъ въ Владивостокѣ погромѣ 30 и 31

³³³) Новое Время 1905 г. № 10464.

³³⁴) Новое Время 1905 г., № 10643.

³³⁵) Новое Время 1905 г. № 10675 и 1906 г. № 10704; День 1905 г. № 120.

³³⁶) Новое Время 1904 г. № 10313.

Октября 1905 г. пьяными запасными нижними чинами, объясняетъ причину его бездѣйствіемъ власти и революціонной пропагандой среди нихъ. По словамъ корреспондента задолго до беспорядковъ *ревностно агитировали противъ войны запасные врачи-Евреи*. Всѣ они часто посѣщали политическую ссыльную, присланную изъ Шлиссельбурга. Она была убита 12 Января 1906 г., когда шла во главѣ политической манифестаціи³³⁷⁾.

Какъ извѣстно, ужасное избіеніе озлобленнымъ народомъ революціонеровъ въ Томскѣ 20 Октября 1905 г. и еврейскій погромъ были вызваны революціонерами, которыми руководили мѣстный врачъ Еврей Броннеръ и вообще Евреи. Броннеръ предѣдательствовалъ на большинствѣ митинговъ. 19 Октября на митингѣ состоялись выборы революціоннаго самоуправленія, и избранными оказались въ большинствѣ Евреи. Это сильно возбудило народъ; въ немъ началось глухое броженіе. На улицахъ собирались толпы и толковали, что не желаютъ, чтобы ими управляли жидаы. 20 Октября сформированная революціонерами городская милиція стрѣляла въ проходившую мимо нея толпу, которая осадила зданіе желѣзно-дорожнаго управленія, куда скрылись милиціонеры. и подожгла его. Зданіе сгорѣло; въ немъ погибло болѣе 100 челов., потому что спасавшихся толпа избивала. 21 Октября произошло еврейскій погромъ³³⁸⁾.

Приведенные нами факты объясняютъ характеръ участія Евреевъ-врачей въ революціонномъ движеніи, а насколько значительное число ихъ участвовало въ немъ, можно приблизительно опредѣлить, основываясь на рѣчи профессора Рейна, предѣдателя бюро пироговскаго съѣзда, произнесенной при открытіи съѣзда 25 Апрѣля 1907 г. въ Москвѣ. Онъ сказалъ въ ней, между прочимъ, что „болѣе 1500 лицъ медицинскаго персонала, отдали дань „свободамъ“—были изъяты администраціей и высланы“³³⁹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что по крайней мѣрѣ половина этихъ лицъ принадлежитъ къ еврейскому племени.

Евреи аптекаря и дрогисты.

Размноженіе Евреевъ-аптекарей и дрогистовъ внѣ черты еврейской осѣдлости идетъ съ удивительной быстротой, и вѣроятно въ недалекомъ будущемъ всѣ аптеки и аптекарскіе магазины окажутся въ ихъ рукахъ. Отъ этого пострадаетъ не только множество аптекарей и аптекарскихъ учениковъ-христіанъ, которые лишатся заработковъ или будутъ вынуж-

³³⁷⁾ Новое Время 1906 г. № 10767.

³³⁸⁾ Новое Время 1905 г. № 10651.

³³⁹⁾ Русское Слово 1907 г. № 95.

дены поступить на тяжелую службу къ аптекарямъ-Евреямъ, но и христіанское населеніе, какъ доказываетъ веденіе аптекарскаго дѣла Евреями. Не смотря на надзоръ за правильнымъ веденіемъ этого дѣла врачебными управами и строгія правила аптекарскаго устава. Евреи аптекаря и дрогисты, преслѣдуя наживу и интересы своихъ единоплеменниковъ, не стѣсняются недобросовѣстно приготовить и даже поддѣлывать лекарства и спекулировать аптеками.

По словамъ сотрудника „Московскаго Листка“, въ *Москву*, въ 1905 г. едва ли не девять десятыхъ аптекъ принадлежало Евреямъ и множество служащихъ въ нихъ фармацевтовъ—Еврей³⁴⁰).

Въ *Харьковѣ* въ 1902 г., всѣхъ аптекарскихъ магазиновъ было 32 (въ 1892 г.—было 10); изъ нихъ 19 принадлежали Евреямъ. Изъ 23 аптекъ—еврейскихъ 11³⁴¹).

Въ *Смоленскѣ*, въ 1905 г., изъ 4 аптекъ, 2 принадлежали Евреямъ, а аптекарскіе магазины всѣ—Евреямъ³⁴²).

Въ *Кіевѣ*, въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка возникло около сотни аптекарскихъ магазиновъ, владѣльцы которыхъ—Евреи. Многіе изъ этихъ магазиновъ тайныя аптеки, приготовляющія лекарства по рецептамъ. Менѣе состоятельные классы населенія предпочитаютъ передавать рецепты врачей дрогистамъ, такъ какъ послѣдніе приготовляютъ лекарства по таксъ значительно ниже аптечной. Борьба съ этими самозванными фармацевтами крайне трудна, потому что юркіе Евреи никакихъ рецептовъ не пишутъ, и данный имъ рецептъ врача возвращаютъ заказчику³⁴³).

Особенно много еврейскихъ аптекъ было въ Новгородской губерніи въ 1903 г. Въ *Новгородѣ* изъ двухъ аптекъ—одна еврейская, а въ его уѣздѣ изъ пяти аптекъ—три еврейскихъ. Аптеки въ посадѣ *Малая Вишеря* и въ городахъ *Валдай* и *Тихвинѣ* по одной аптекѣ въ каждомъ, принадлежали Евреямъ. Въ г. *Боровичахъ* только двѣ аптеки, и обѣ содержали Еврей³⁴⁴).

Вообще Еврей-фармацевты настолько размножились, что заняли уже вліятельное положеніе въ „Россійскомъ фармацевтическомъ обществѣ“, которое своимъ „постановленіемъ“ отказалось почтить память умершаго 20 Января 1907 г. знаменитаго химика Д. И. Менделѣева. По поводу этого постановленія общества, газ. „Русское Знамя“ говоритъ: „Рѣдко кому не безызвѣстно, что совѣтъ „Россійскаго фарма-

³⁴⁰) Московскій Листокъ 1905 г., № 96.

³⁴¹) Новое Время 1901 г., № 9392.

³⁴²) Новое Время 1905 г., № 10464.

³⁴³) Новое Время 1905 г., № 10465.

³⁴⁴) Новое Время 1903 г., № 9811.

цевтического общества³⁴⁵, по преобладающему въ немъ числу Евреевъ, въ правѣ называться „Иудейскимъ фармацевтическимъ обществомъ“, и вотъ эти-то потомки „Искаріота“ задались цѣлью омрачить свѣтлую память великаго русскаго ученаго. Удивительны и возмутительны подобныя наглія вторженія Евреевъ почти во всѣ русскія дѣла³⁴⁵).

О недобросовѣстности Евреевъ-аптекарей и дрогистовъ въ составленіи лекарствъ, поддѣлкѣ и продажѣ медицинскихъ средствъ въ огромномъ количествѣ и спекуляціи ихъ аптеками приведемъ слѣдующія сообщенія печати.

Въ 1897 г., въ *Петербургѣ*, аптекарь Еврей Сегаль въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составлялъ не только лекарства, но и всевозможныя косметики, причемъ его аптека давно обращала вниманіе небрежнымъ приготовленіемъ лекарствъ. Врачи, имѣющіе хорошую практику, постоянно совѣтывали своимъ пациентамъ не брать лекарства въ ней. Задолжавши 100,000 р. и тайкомъ продавъ аптеку на векселя, Сегаль скрылся за границу³⁴⁶). Г. Клубинскій въ газ. „Свѣтъ“, (1905 г.) замѣтивъ, что въ аптекарскомъ дѣлѣ требуется точность и опрятность, а еврейскіе фармацевты небрежны и грязны, сообщилъ, что въ Петербургѣ, въ Коломенской части, гдѣ живетъ особенно много Евреевъ, есть недалеко другъ отъ друга двѣ аптеки, одна въ христіанскихъ, другая—въ еврейскихъ рукахъ. Евреи обращаются съ заказами въ первую болѣе отдаленную отъ нихъ, чѣмъ вторая, объясняя это тѣмъ, что въ ихъ аптекахъ готовятъ лекарства не такъ чисто³⁴⁷).

Въ Ноябрь 1909 г., магистръ фармаціи Несмѣловъ, въ собраніи союза Михаила Архангела въ Петербургѣ, сдѣлалъ чрезвычайно интересный докладъ, въ которомъ изложилъ „современное состояніе аптеки и упадокъ ея подъ вліяніемъ еврейскаго засилья“.

„Не удивляйтесь—говоритъ онъ—аптеки въ нашихъ городахъ сосредоточены въ рукахъ фальсификаторовъ міра—Евреевъ“.

Теперь въ Петербургѣ всѣ аптеки въ рукахъ Евреевъ, и если гдѣ хозяева—не Евреи, тамъ Евреи—провизоры. У фармацевтовъ не-Евреевъ нѣтъ капиталовъ для покупки привилегій, т. е. мѣсть, которыя объединеннымъ еврействомъ продаются дорого: отъ 5 до 30 тысячъ, и нѣтъ кагала, который бы далъ эту сумму Русскому займы, да и все равно, Русскій прогоритъ, ибо не можетъ такъ мошенничать. По закону аптекарскіе ученики пользуются правомъ жительства въ Россіи, и вотъ сюда устремилась еврейская молодежь. Въ каждой аптекѣ

³⁴⁵) Новое Время 1907 г., № 11,091.

³⁴⁶) Сынъ Отечества 1897 г., № 44.

³⁴⁷) Новое Время 1905 г., №№ 11690, 11704 и 11738; 1909 г., №№ 12096, 12109 и 12137; 1910 г., №№ 12164 и 12239.

тѣма учениковъ Евреевъ. Правительство попробовало ограничить право каждаго провизора имѣть только двоихъ учениковъ, тогда аптеки стали приписывать къ себѣ провизоровъ, а съ ними и учениковъ. Дошло до того, что прямо печатаются въ изданіяхъ объявленія: „Вакансія для приписки учениковъ“. И вотъ въ рукахъ полуграмотныхъ еврейскихъ учениковъ, приготовляющихъ лекарство, находится жизнь населенія. Въ аптекахъ затѣмъ заводится экономія: то не доложатъ вещества, то замѣнятъ одно другимъ. Евреи у насъ монополисты въ ихъ рукахъ аптеки, фармацевтическая пресса, фабрикація галеновыхъ препаратовъ, всѣ посредническія конторы. Они удобныхъ ближайшихъ властей подкупаютъ, неудобныхъ отстраняютъ. Когда въ Ригѣ хотѣли принять мѣры къ уничтоженію учениковъ въ аптекахъ, Евреи подняли „гвалтъ“, что ихъ притѣсняютъ. Въ Петербургѣ, когда приступили было къ ревизіямъ аптекъ, прямо посыпались угрозы со стороны Евреевъ. Да они и въ медицинскомъ совѣтѣ имѣютъ представительство—одинъ провизоръ отъ Петербурга, а другой—отъ всѣхъ аптекъ, а въ медицинскомъ совѣтѣ—главный тормазъ аптечной реформы. Тамъ отстояли учениковъ, тамъ хотятъ ввести институтъ техникувъ. Существуетъ ревизія. Но вѣдь это мифъ. Ибо при медицинскомъ инспекторѣ на ревизію ѣдетъ фармацевтъ; онъ въ 7-мъ классѣ, но безъ права голоса. Во первыхъ, онъ своихъ не выдастъ, а во вторыхъ, какое-же его значеніе? И вотъ доказательство бесполезности такихъ ревизій. Не ревизія, не медицинскія власти, а случайно полицейскій надзоръ открылъ въ Одессѣ колоссальную, мошенническую фабрику Евреевъ-братьевъ Хамитовъ, торговавшихъ на сотни тысячъ и снабжавшихъ своими фальсификатами всѣ аптеки Юга. Всѣ заграничные составы поддѣлывались: средство противъ алкоголизма—смѣсь соды съ кислотой, стоитъ 3 коп., а берутъ 2 руб., спролинъ, ксилоформъ—все поддѣлки. А Евреи еще хлопчуть о поднятіи аптекарской таксы. Для Русскихъ, которые не могутъ вмѣсто лекарства давать кирпичъ, аптеку невозможно держать: она лопнетъ, а Евреи благоденствуютъ. Въ управляющіе земскими аптеками тоже проникли Евреи, только въ одномъ военномъ вѣдомствѣ сосредоточенъ еще цвѣтъ русской фармаціи.

Снаружи наши частныя аптеки имѣютъ блестящій, щегольской видъ, а лабораторныя комнаты, въ которыхъ грязные еврейскіе ученики приготовляютъ лекарства, тѣснота и мерзость.

Данными изъ ревизіи докладчикъ иллюстрировалъ фальсификаціи: кокаина, хлораль-гидрата, муравьиного спирта и проч.

„Можно ли оставить дѣло въ такомъ состояніи и предоставлять Евреямъ отравлять милліонное населеніе?“

„Нельзя! Но какъ же бороться? Докладчикъ останавливается на мысли ходатайствовать передъ Высочайшею властью о производствѣ сенаторской ревизіи аптекъ, хотя бы одного извѣстнаго района. Это уже настолько сильно подѣйствовало бы, что надолго очистило бы аптекарскую атмосферу. Затѣмъ надо ввести постоянный фактическій контроль надъ аптеками. Проектъ его уже выработанъ“ *).

Докладъ г. Несмѣлова подтверждается произведенною въ декабрѣ 1909 г. по распоряженію петербургскаго градоначальника столичнымъ врачебнымъ инспекторомъ Сулимою ревизіею петербургскихъ аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ и полицейскими разслѣдованіями. Ревизіею Сулимы было установлено, что въ 35 аптекахъ, принадлежащихъ Евреямъ, 101 аптекарскій помощникъ и 54 ученика, хотя и приписаны къ этимъ аптекамъ, но вовсе не занимаются фармацевтической практикой, а занимаются разными дѣлами, не имѣющими ничего общаго съ работой въ аптекахъ. Число провизоровъ не соответствуетъ надобности въ нихъ по размѣрамъ оборотовъ въ этихъ аптекахъ, изъ чего можно заключить, что провизоры приписаны фиктивно для права принимать къ аптекѣ возможно большее число учениковъ. Въ большинствѣ аптекарскихъ магазиновъ оказалась незаконная торговля сложными фармацевтическими лекарствами, которыя отпускались не только по рецептамъ лицъ, не имѣющихъ права заниматься врачебной практикой, но также и по рецептамъ врачей. Относительно же доброкачественности лекарственныхъ веществъ случается, что въ аптекарскихъ магазинахъ отпускаются для внутренняго употребленія лекарства низшаго достоинства, а изъ новѣйшихъ средствъ иногда болѣе дорогія замѣняются дешевыми. Борьба съ злоупотребленіями въ аптекарскихъ магазинахъ затрудняется тѣмъ, что трудно констатировать непосредственное

*) Сенаторская ревизія аптекъ, которая можетъ открыть разныя злоупотребленія въ аптекахъ Евреевъ и повести къ привлеченію виновныхъ къ судебной отвѣтственности, своимъ устрашающимъ вліяніемъ вѣроятно побудитъ ихъ временно оставить злоупотребленія, но только временно. Что же касается проекта контроля надъ аптеками, то успѣхъ его зависитъ отъ практичности правилъ и добросовѣстности исполненія ихъ лицами, которыя будутъ обязаны контролировать аптеки. При удивительной изобрѣтательности Евреевъ на обходы всякихъ законовъ, они навѣрно будутъ обходить и новыя правила контроля, злоупотребляя при отпускѣ лекарствъ. Потому, для охраны населенія отъ вредныхъ для здоровья еврейскихъ поддѣльныхъ и недоброкачественныхъ лекарствъ, намъ кажется, самой дѣйствительной мѣрой было бы установленіе извѣстнаго процента еврейскихъ аптекъ и воспрещеніе открытія ихъ въ городахъ и поселеніяхъ, гдѣ можетъ быть по одной аптекѣ, о чемъ нами сказано въ статьѣ „Очеркъ мѣръ противъ вредности Евреевъ“ (Наблюдатель 1898 г., № 2, стр. 201). Добросовѣстная конкуренція аптекарей-христіанъ побудила бы добросовѣстнѣе вести аптечное дѣло и Евреевъ.

нарушеніе ими правилъ торговли, т. е. самый фактъ отпуска лекарствъ покупателямъ.

Вслѣдствіе полученныхъ полиціей свѣдѣній о распространеніи владельцемъ аптекарскаго магазина въ Петербургѣ, провизоромъ Евреемъ Венгеровымъ запрещенныхъ лекарственныхъ средствъ и различныхъ поддѣлокъ, фабрикуемыхъ различными фирмами Западнаго края, въ декабрь 1909 г. ею былъ произведенъ въ магазинѣ обыскъ. Этотъ обыскъ обнаружилъ, что главнымъ пунктомъ операций магазина являлась укромная квартира въ одномъ изъ домовъ Сапернаго переулка. Въ ней изготовлялись различные медикаменты, которые упаковывались въ красивыя коробки и бутылки и разсылались небольшими посылками въ 2—3 руб. частнымъ лицамъ въ провинцію. Посылки посылались наложнымъ платежемъ въ томъ расчетѣ, что едва ли кто откажется уплатить незначительную сумму на посылку изъ Петербурга. При разборкѣ документовъ выяснилось, что аферисты-фармацевты фабриковали „муку Шпль“, невѣдомую врачебному управленію, и радикальныя противувенерическія средства и распространяли ихъ черезъ агентовъ. Въ фабрикаціи этихъ лекарствъ участвовали невѣжественные аптекарскіе ученики, фельдшера и т. п.

Въ Ноябрьѣ того же года, по заявленіямъ нѣкоторыхъ русскихъ и заграничныхъ фирмъ, полиція обнаружила, что сбытомъ поддѣльныхъ препаратовъ занимаются въ Петербургѣ держатели конторы аптекарскихъ товаровъ Лебедевъ и вдова аптекарскаго помощника Еврейка Пладирмахеръ. Произведеннымъ у нихъ обыскомъ найдены разные препараты. Пладирмахеръ показала, что приобрѣла поддѣльный товаръ въ Петербургѣ отъ провизора Гекеля, пріѣзжавшаго изъ Одессы.

Въ Одессѣ, еще въ 1908 г., полиціей обнаружена фабрика Евреевъ братьевъ Хамитовъ, въ которой поддѣлывались патентованныя медицинскія средства, преимущественно заграничныхъ фирмъ, и минеральныя воды на сотни тысячъ рублей. Поддѣлка такихъ средствъ Евреями также обнаружена въ Двинскѣ, Брестѣ-Литовскомъ, Бердичевѣ и въ другихъ мѣстахъ черты еврейской осѣдлости. Поддѣльныя медицинскія средства и минеральныя воды продавались преимущественно въ еврейскихъ аптекарскихъ магазинахъ.

Одинъ провизоръ намъ говорилъ, что въ *Москвѣ* съ переходомъ аптеки отъ христіанина къ Еврею отпускъ лекарствъ въ ней значительно, почти на половину, уменьшается.

Въ Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1901 г. было напечатано, что въ нѣкоторыхъ аптекахъ Могилевской губерн., содержащихъ Евреями, лекарства отпускаются по двумъ таксамъ: для

христіанъ — по нормальной — а для Евреевъ на десять процентовъ дешевле ³⁴⁸).

Частая перепродажа аптекъ особенно практиковалась Евреями въ Одессѣ. Черезъ руки одного Еврея-аптекаря въ Одессѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, прошли все одесскія аптеки ³⁴⁹).

На спекуляцію аптеками было обращено вниманіе медицинскимъ департаментомъ въ 1897 г. и имъ предполагалось установить правило: не выдавать разрѣшеній на открытіе новыхъ аптекъ тѣмъ изъ лицъ, которыя, получивъ разрѣшеніе два раза на открытіе аптеки, продавали это право ³⁵⁰).

По примѣру своихъ единоплеменниковъ-врачей, Еврей-фармацевты также приняли участіе въ революціонномъ движеніи, а фармацевтъ по образованію Гершуни, въ качествѣ организатора всѣхъ террористическихъ актовъ, былъ однимъ изъ первенствующихъ Евреевъ-главарей революціонной организаціи.

Гершуни съ молодыхъ лѣтъ увлекся революціоннымъ движеніемъ, въ которомъ принялъ активное участіе, сначала организуя рабочіе кружки, а затѣмъ выступилъ вдохновителемъ цѣлаго ряда политическихъ преступленій. Настойчивый, скрытный до болѣзненности, одаренный громадною силою воли, онъ быстро овладѣвалъ часто неустановившимися молодыми людьми, съ которыми дѣлалъ что хотѣлъ и которые превращались въ его послушное орудіе. Многіе, не безъ основанія, называли его „демономъ-искусителемъ“. Особенно ловко и быстро завладѣвалъ онъ рабочими, которые словно въ состояніи гипноза безропотно слѣдовали его приказаніямъ. Такъ, случайно встрѣтившись въ Харьковѣ, въ саду, съ рабочимъ Качурою, послѣ нѣсколькихъ свиданій, онъ уговорилъ его стрѣлять въ губернатора князя Оболенскаго. Онъ организуетъ убійство Сипягина и, познакомившись съ появившимъ въ революціонную среду простодушнымъ офицеромъ Григорьевымъ, подчиняетъ его себѣ и уговариваетъ убить Побѣдоносцева. Когда въ день похоронъ Сипягина, Григорьевъ отказался совершить это преступленіе, Гершуни укоряетъ его и даетъ ему вина. Григорьевъ даетъ слово убить Побѣдоносцева и съ револьверомъ, заряженнымъ отравленными пулями, идетъ на Невскій, гдѣ проходитъ похоронная процессія съ тѣломъ Сипягина, видитъ Побѣдоносцева; но имъ овладѣваетъ чисто-физическая слабость; онъ не въ силахъ взять револьвера, ему стало жалко старика, и онъ бѣжитъ домой, гдѣ съ нимъ происходитъ истерическій припадокъ.

³⁴⁸) Новое Время 1901 г. № 9014.

³⁴⁹) Родная Рѣчь 1903 г., № 10.

³⁵⁰) Сынъ Отечества 1897 г., № 319.

Гершунн былъ на Невскомъ рядомъ съ Григорьевымъ, на Исакіевской площади во время убійства Сипягина, въ Уфѣ во время убійства губернатора Богдановича, сидѣлъ въ саду Тиволи въ Харьковѣ во время покушенія Качуры. Гершунн это дѣлалъ, какъ дѣлаютъ и другіе главаря революціонныхъ организацій, которые, чтобы укрѣпить волю лица исполняющаго терористическій актъ, всегда сами находятся на мѣстѣ преступленія.

Послѣ ареста, Григорьевъ выдалъ Гершунн, который въ 1902 г. былъ арестованъ на маленькой стациіи близъ Кіева.

Убійство Плеве, по общему плану было разработано тѣмъ же Гершунн, но его арестовали до развязки, и онъ узналъ объ убійствѣ уже въ Петропавловской крѣпости. Приговоренный къ смертной казни и помитованный, онъ былъ сосланъ въ Сибирь, въ каторжную Акатуевскую тюрьму, изъ которой 15 октября 1906 г. былъ вывезенъ въ водовозной бочкѣ при помощи „товарищей“ и жителей окрестныхъ селеній, и черезъ Японію бѣжалъ въ Америку. Оттуда Гершунн перѣѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ за послѣднее время принималъ живое участіе въ революціонномъ движеніи, и его разрушительная, преступная проповѣдь раздавалась въ 1908 г. на одномъ изъ съѣздовъ представителей партіи социалистовъ-революціонеровъ. Въ мартъ того же года онъ умеръ.

Въ Петербургѣ, 9 Сентября 1905 г., въ 10 часовъ вечера, толпа забастовавшихъ служащихъ петербургскихъ аптекъ проходила по Гороховой улицѣ съ цѣлью прекращать занятія въ аптекахъ. Войдя въ аптеку Пеля, она угрозами насилія прекратила занятія. Вблизи аптеки Линковской, она была встрѣчена полицейскимъ нарядомъ, предложившимъ ей разойтись. Требованіе это не было исполнено, вслѣдствіе чего участвовавшіе въ демонстративномъ шествіи были задержаны и отправлены въ ближайшую часть. Задержано 51 челов., изъ нихъ 45 Евреевъ. Черезъ нѣсколько дней, петербургскій градоначальникъ сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ изъ столицы всѣхъ аптекарскихъ учениковъ-Евреевъ, которые прекратили работу въ аптекахъ³⁵¹).

Въ Москвѣ, въ Октябрѣ 1905 г. забаставали въ аптекахъ фармацевты, подъ влияніемъ Евреевъ, и даже въ аптекѣ Феррейна, гдѣ служащіе, воплѣть довольные своимъ положеніемъ, оставили работу только, чтобы выразить свою солидарность забастовщикамъ на политической почвѣ. Въ Москвѣ же, въ Декабрѣ 1905 г., градоначальникъ подвергъ

³⁵¹) Новое Время 1908 г. № 11490, 1906 г. № 10992, 1909 г. №№ 11805, 11811, 11813 и 11826; 1905 г. № 10600; День 1905 г. № 254.

трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ провизора Израіля Саковича за подстрекательство къ забастовкѣ въ аптекѣ Габриловича ³⁵²).

Изъ сообщенія департамента полиціи о происшедшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ 9 и 10 Іюля 1905 г. противоправительственныхъ безпорядкахъ оказывается, что 10 Іюля многіе демонстранты были избиты тысячною толпою изъ торговцевъ, подрядчиковъ, извозчиковъ и рабочихъ. Во время безпорядковъ убитъ одинъ человекъ — содержатель аптеки Еврей Гейнце, который руководилъ демонстрантами и первый началъ стрѣлять въ толпу ³⁵³).

Въ Кіевѣ, въ Январѣ 1909 г., въ одномъ изъ аптекарскихъ складовъ и находящейся при немъ квартирѣ, обнаружено 58 пироксилиновыхъ патронеъ, заряженный револьверъ и 50 патроновъ. Вслѣдствіе этого арестованъ завѣдывавшій складомъ Еврей, проживавшій въ квартирѣ ³⁵⁴).

Насколько тяжело положеніе фармацевтовъ-христіанъ на службѣ у аптекарей-Евреевъ можно заключить по слѣдующему факту: въ г. Таганрогѣ Еврей-аптекарь уволилъ помощника провизора-христіанина, служившаго исправно, за то, что онъ постоянно читалъ „Таганрогскій Вѣстникъ“, который въ еврействѣ усматривалъ одно изъ великихъ міровыхъ золъ ³⁵⁵).

Еврей-актеры, учащіеся въ консерваторіяхъ и студенты.

Еврей уже давно захватили въ свои руки все театральное дѣло въ чертѣ ихъ осѣдлости и усердно и настойчиво стремятся захватить его и внѣ ея ³⁵⁶). Для этого и полученія диплома, дающаго право на повсемѣстное жительство, они переполняютъ Петербургскую и Московскую консерваторіи ³⁵⁷) и черезъ своихъ добродушныхъ товарищей по театру — русскихъ актеровъ — достигли того, что „Русское театральное общество“ постановило ходатайствовать о проживаніи Евреевъ-актеровъ повсемѣстно въ Россіи. Вопросъ объ этомъ былъ возбужденъ на проходившемъ въ Мартѣ 1901 г. въ Москвѣ съѣздѣ артистовъ. Противъ рѣшенія его въ положительномъ смыслѣ горячо высказалась извѣстная драматиче-

³⁵²) День 1905 г., № 271. Новое Время 1904 г. № 10704.

³⁵³) Новое Время 1905 г., № 10549.

³⁵⁴) Новое Время 1906 г. № 10745.

³⁵⁵) Новое Время 1906 г. № 10704.

³⁵⁶) По свидѣніямъ, напечатаннымъ въ „Новомъ Времени“, оказывается, что уже въ 1893 г. считалось Евреевъ: болѣе половины оперныхъ пѣвцовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, 7 актеровъ въ императорскомъ театрѣ въ Москвѣ, болѣе 120 актеровъ и актрисъ въ провинціи и 17 антрепенеровъ въ столицахъ и провинціи. Теперь эти цифры, конечно, много увеличились. Новое Время 1893 г. № 6090.

³⁵⁷) „Русское музыкальное общество“ статья Иванова. Новое Время 1908 г. № 11485.

ская актриса Стрепетова. Она объяснила, что подь именемъ актеровъ нахлынетъ въ губерніи внѣ черты еврейской осѣдлости множество *темныхъ еврейскихъ дѣльцовъ* и заполнить сцены. *Еврей, за малыми исключеніями, зло русской сцены: онъ испортилъ русскій языкъ актера, внесъ рознь въ актерскую среду и вытѣсняетъ со сцены русскаго актера.* Можно дать право проживанія повсемѣстно только талантливымъ актерамъ-Евреямъ, а не самозванцамъ. Послѣ шумныхъ преній, продолжавшихся нѣсколько дней, на общемъ собраніи членовъ „Русскаго театральнаго общества“, большинствомъ голосовъ, было рѣшено ходатайствовать о свободномъ проживаніи повсемѣстно въ Россіи членовъ союза сценическихъ дѣателей іудейскаго вѣроисповѣданія³⁵⁸).

По словамъ композитора и музыкальнаго критика М. Иванова „число оперныхъ сценъ у насъ за послѣднія 10—15 лѣтъ уменьшилось на треть, а пожалуй на половину, между тѣмъ оперетка процвѣтаетъ“. Причины этого печальнаго явленія небрежное отношеніе пѣвцовъ къ искусству и „еврейское гешефтмахерство, завладѣвшее нашими сценами“.

Въ 1909 г. корреспондентъ „Новаго Времени“ изъ Москвы сообщилъ, что изъ 100 театровъ 82—въ рукахъ Евреевъ-режисеровъ: они же содержатели бѣуетовъ, вѣшалогъ и продавцы программъ; вербуютъ дѣвушекъ въ дома терпимости подь театральнымъ флагомъ. Объ этомъ возмутительномъ гешефтмахерствѣ подробно рассказываетъ З. Воронцова (вѣроятнo псевдонимъ) въ присланной г. М. Меньшикову книгѣ „Записки пѣвицы изъ шантана“. Въ ней она, между прочимъ говоритъ: „Одни изъ хоровъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ кафе-шантанъ или садъ, выходятъ на сцену и поютъ только для видимости, чтобы показать своихъ женщинъ,—главная же ихъ работа не на сценѣ, а въ кабинетахъ и между ресторанный публикой. Музыка тутъ только предлогъ: все дѣло въ томъ, чтобы воодушевить мужчинъ къ вутежу и нарачивать бѣуетные счета, а также собирать доходъ хозяина хора за позволеніе посидѣть съ гостями и за пѣсни въ кабинетѣ“. Содержатели хоровъ почти сплошь Евреи и Еврейки, широко распространяющіе развратъ въ Россіи, такъ какъ „все шантанные хоры въ сущности перекочевывающія по садамъ публичныя заведенія“.

Подь вліяніемъ Евреевъ, учащіяся въ Петербургской и Московской консерваторіяхъ, устройствомъ забастовокъ и безпорядковъ въ началѣ 1905 г., выразили сочувствіе и поддержку революціонному движенію.

³⁵⁸) Новое Время 1901 г. № 8998 и 8999, 1908 г. № 11713 и 11726, 1909 г. № 11859.

Начиная съ 7 Февраля 1905 г. цѣлую недѣлю происходили волненія учащихся въ Петербургской консерваторіи. Немалая часть послѣднихъ, не отдавая себѣ отчета въ положеніи, которое занимаетъ консерваторія среди другихъ учебныхъ заведеній, ни въ значеніи ея въ жизни страны, порѣшила примкнуть къ общей забастовкѣ. Такихъ лицъ оказалось около 450, преимущественно женщинъ, особенно волновавшихся на сходкахъ. Дирекція петербургскаго отдѣленія Музыкальнаго Общества, въ своемъ засѣданіи 13 Февраля, рѣшила не закрывать консерваторіи и продолжать въ ней занятія; лицъ же забастовавшихъ не считать вышедшими, давши имъ мѣсяць на размышленіе: слѣдуетъ ли вернуться къ занятіямъ или настаивать на своей забастовкѣ, такъ какъ въ консерваторіи насчитывалось до 50% Евреевъ, и увольненіе вынудило бы ихъ вернуться на родину. Не смотря на такое снисходительное рѣшеніе дирекціи, 17 Марта, въ 11 час. утра, у зданія консерваторіи стали собираться учащіеся. Человѣкъ 60 Евреевъ тѣсно сомкнутою толпой прошли въ зданіе консерваторіи и удалили изъ нея учащихся на площадь. Здѣсь ихъ окружила конница изъ двора казанскаго участка и отвела въ участокъ. По дорогѣ къ нимъ примкнули еще Евреи, такъ что въ Казанской части оказалось до 150 консерваторскихъ Евреевъ. Толпа этихъ Евреевъ, чтобы препятствовать занятіямъ, ворвалась черезъ входныя двери зала въ коридоръ 2-го этажа консерваторіи, сломавъ двѣ двери, разбила стекла въ дверяхъ и окнахъ нѣкоторыхъ классовъ и разлила зловонную жидкость. Безчинствовавшіе были удалены изъ зданія консерваторіи³⁵⁹).

Несмотря на то, что консерваторія частное заведеніе, ея ученики добились себѣ автономіи на ряду съ другими высшими правительственными школами. Собственно автономію получили только профессора, а ученики захватили ее себѣ, не имѣя на нее ни малѣйшаго права. Автономіей учащіеся, подъ руководствомъ Евреевъ, наполняющихъ консерваторію на половину, воспользовались по своему: завели радикальный совѣтъ старость, стали устраивать митинги и сходки. Начальство консерваторіи растерялось и уступало всѣмъ требованіямъ агитаторовъ. Въ дни общихъ беспорядковъ консерваторію пришлось закрыть. 1907 годъ прошелъ тихо, но агитація велась въ тихомолку. Одинъ изъ бывшихъ учениковъ Еврей Видорчикъ, волторнистъ по профессіи, снова поступилъ въ консерваторію для изученія пѣнія, хотя у него не было никакого голоса. Встрѣтивъ себѣ поддержку, Видорчикъ одновременно опредѣлился чѣмъ-то въ родѣ секретаря въ антрепризу г. Дракуди. Такимъ образомъ у него была возможность подъ благовидными

³⁵⁹) Новое Время 1905 г. № 10398 и 1908 г. № 11468; День 1905 г. № 78.

предлогами свободно гулять въ классахъ консерваторіи и въ театральномъ ея помѣщеніи. Въ театрѣ онъ устроилъ складъ динамита и, когда динамитъ въ Ноябрь былъ обнаруженъ, Видорчикъ скрылся за границу. Но слѣды этого агитатора въ консерваторіи остались: при произведенныхъ обыскахъ въ библіотекѣ нашлись тюки нелегальной литературы съ надписями „даръ отъ Видорчика“. Когда эти факты обнаружилась, предсѣдатель Совѣта Министровъ обратился съ требованіемъ въ консерваторію положить конецъ подобному положенію вещей, угрожая въ противномъ случаѣ закрыть ее.

Въ Московской консерваторіи, въ первыхъ числахъ Марта 1905 г. также произошла забастовка учащихся по причинѣ отказа директора въ ихъ прошеніи, въ которомъ былъ изложенъ рядъ требованій одинаковыхъ съ требованіями учащихся въ Петербургской консерваторіи, и главное о томъ, чтобы Евреи принимались въ консерваторію безъ процентнаго ограниченія, какъ это практикуется въ Петербургской консерваторіи ³⁶⁰).

Въ университетахъ всѣ революціонныя начинанія принадлежать Евреямъ и Еврейкамъ, какъ въ одинъ голосъ заявили редактору газ. „День“ многіе студенты и курсистки въ Москвѣ. Раздача прокламацій, заговоры противъ профессоровъ и т. д.—все это дѣло ихъ ³⁶¹).

Это заявленіе подтверждается главнымъ участіемъ Евреевъ-студентовъ въ университетскихъ беспорядкахъ съ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, особенно ярко выразившимся во время революціоннаго движенія, за которое мы и приведемъ наболѣе важные факты и вообще объ участіи въ революціи Евреевъ-студентовъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

Изъ дѣла о бывшихъ ректорѣ Запчевскомъ и проректорѣ Васьковскомъ Новороссійскаго университета, производившагося въ Сенатѣ въ Февраль 1909 г., между прочимъ, оказывается, что еще съ осени 1905 г., въ университетѣ образовалась третья организація—Коалиціонный Совѣтъ студентовъ, затѣмъ измѣнившійся въ центральный органъ изъ 20 членовъ, въ числѣ которыхъ находилось 11 Евреевъ. Ихъ имена были извѣстны: они укрывались за различными кличками. Центральный органъ, своею властью, то открывалъ, то закрывалъ университетъ, руководилъ забастовками, кормилъ, лечилъ, снабжалъ революціонеровъ оружіемъ, устраивалъ грандіозные митинги босяковъ, рабочихъ, мелкихъ служащихъ, мастеровыхъ, гимназистовъ, солдатъ, матросовъ и др. На

³⁶⁰) День 1905 г. №№ 59 и 63.

³⁶¹) День 1905 г. № 67; Новое Время 1908 г. № 11429 и 1909 г. №№ 11831, 11834, 11838 и 11841.

юридическомъ факультетѣ образовалось особое бюро изъ непринадлежавшихъ къ университету присяжныхъ повѣренныхъ-Евреевъ, собиравшихъ свѣдѣнія о погромахъ. Они дѣйствовали совершенно свободно, занимая университетскія помѣщенія.

Въ обвинительной рѣчи оберъ-прокуроръ, сенаторъ Равскій, въ слѣдующихъ словахъ охарактеризовалъ беспорядки въ университеты въ 1905 г.: „Судебное слѣдствіе раскрываетъ передъ нами мрачную картину. Университетъ превратился изъ храма науки въ партійный клубъ, какой-то притонъ, *идь подготовлялось вооруженное востаніе, куда свозились трупы убитыхъ, идь держали хулигановъ и рабителей.* Полное извращеніе внутренней жизни университета было на лицо. Организации студенчества достигли широкаго распространенія и, опираясь на большинство совѣта, онѣ получили возможность развить свою дѣятельность до крайнихъ предѣловъ“.

Постановленіемъ уголовного кассационнаго департамента Сената, Занчевскій и Васьковскій признаны виновными въ преступленіяхъ по должности и приговорены: первый къ исключенію со службы съ послѣдствіями и второй—къ отрѣшенію отъ должности.

Оконченная членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія Ульяновымъ, въ Январѣ 1908 г. ревизія Казанскаго университета обнаружила, что въ немъ съ 1905 г. происходили противоправительственные беспорядки, которые повели къ торжеству анархій, благодаря революціонной дѣятельности студентовъ-Евреевъ и Кавказцевъ, лѣвой партіи профессоровъ, руководимой пятью профессорами-Евреями.

Въ обширной докладной запискѣ, поданной г. Ульянову правыми студентами, говорится, что владыками и вершителями судьбы Казанскаго университета являются: 1) группа профессоровъ, принадлежащихъ къ лѣвымъ политическимъ партіямъ, располагающимъ въ свѣтѣ большинствомъ голосовъ и 2) революціонныя организациі студенчества, открыто существующія подъ наименованіемъ: социаль-революціонной, социаль-демократической. „*Бунда*“ и другими т. п. названіями.

Революціонное настроеніе студентовъ создано искусственно при ближайшемъ участіи лѣвой профессуры, помогавшей имъ открытой агитаціей или слишкомъ замѣтнымъ покровительствомъ революціоннымъ организаціямъ въ привлеченіи новыхъ членовъ партіи.

Лѣвымъ организаціямъ разрѣшались сходки, на которыхъ вырабатывались революціонные планы борьбы съ правительствомъ и рѣшался вопросъ о закрытіи университетовъ. Другой видъ помощи, которую оказываетъ лѣвымъ организаціямъ студентовъ профессура—это матеріальная помощь: принадлежащіе къ этимъ организаціямъ студенты освобождаются отъ платы за ученіе, получаютъ степендіи и т. п. Со-

вокушностью этихъ мѣръ любая профессура поддерживаетъ академическую анархію и въ результатѣ въ университетѣ *создалось господство революціонно-жидовскихъ элементовъ*, съ которыми ни правая профессура, ни правое студенчество не въ силахъ бороться, будучи въ меньшинствѣ.

Революціонное студенчество, *руководимое Евреями и Кавказцами* и поддержанное лѣвой профессурой, подъ вліяніемъ профессора, крещенаго *Еврея Зейлиера*, бойкотировало трехъ правыхъ профессоровъ. Лѣвая профессура мало-помалу выживаетъ изъ университета правыхъ профессоровъ, замѣняя ихъ жидовскими ставленниками: тоже самое угрожаетъ и правымъ студентамъ, положеніе которыхъ вопіющее.

Въ заключеніе записки, студенты отъ имени праваго студенчества просятъ г. Ульянова обезпечить ихъ правое положеніе въ университетѣ, какъ равноправныхъ членовъ академической корпораціи *и вырвать университетъ изъ рукъ еврейской смуты, изъ подъ власти жидовскаго кагала*.

Въ 1905 г., въ Кіевѣ, въ университетѣ произошли большіе и продолжительные противопровительственные безпорядки, въ которыхъ главными подстрекателями и руководителями были Евреи-студенты и вообще Евреи и Еврейки. Такъ на студенческой сходкѣ, происходившей 7 Сентября въ зданіи университета находились, кромѣ студентовъ, постороннія лица преимущественно Евреи и Еврейки; говорились политическія рѣчи, пропѣли вѣчную память жертвамъ житомирскаго погрома. Для того, чтобы проникнуть въ торжественный залъ, толпа разломала запертыя дубовыя двери. Говорили, что сходкой распоряжался „Бундъ“ (еврейское революціонное общество), можетъ быть, по соглашенію съ другими организаціями. На сходкѣ въ большомъ залѣ университета 23 Сентября были не только студенты, но и много постороннихъ лицъ, преимущественно Евреевъ. Всего набралось до 5,000 челов., въ томъ числѣ 500 женщинъ. Произошелъ страшный безпорядокъ, шумъ и крикъ. Многіе студенты настаивали на необходимости занятій; противники кричали: „Бей! Долой черносотенцевъ!“ Произошла безобразная свалка, были пущены въ ходъ палки и стулья³⁶²).

По случаю убійства выстрѣлами изъ толпы Еврейки, во время похоронъ 10 Октября въ Кіевѣ присяжи, повѣреннаго Еврея Куперника, 20 Октября, въ 11 час. утра въ зданіи университета собралось около 1000 челов., преимущественно Евреевъ, студенты составляли меньшинство. Ректоръ безуспѣшно просилъ ихъ разойтись. Около двухъ час. толпа отправилась въ анатомическій театръ, гдѣ находился трупъ убитой Еврейки. Увидѣвъ усиленные наряды полиціи, толпа отправи-

³⁶²) Новое Время 1905 г. № 10,611 и 10602.

лась въ народный театръ, но полиція и роты пѣхоты не допустили ея. Тогда она направилась въ университетъ и проникла въ торжественный залъ, гдѣ устроила митингъ. Собралось болѣе 4,000 челов., преимущественно Евреевъ. Говорилось много рѣчей по поводу убитой Еврейки. 8 Октября, въ университетѣ состоялось еврейское собраніе изъ 2,000 Евреевъ и Евреекъ и незначительнаго числа студентовъ, на которомъ шли пренія о положеніи Евреевъ въ Россіи. Собраніе продолжалось съ часу дня до девяти часовъ вечера³⁶³).

27 Ноября 1908 г. въ Ригѣ, военнымъ судомъ было окончено дѣло о комитетѣ рижской социаль-демократической партіи, арестованномъ во время конференціи, обсуждавшей какой-то планъ совместно съ делегатами либавскимъ и митавскимъ социалистическихъ организацій и мѣстныхъ отдѣленій „Бунда“, при чемъ представитель послѣдняго студентъ политехникума Еврей Исаакъ Гольдштейнъ успѣлъ скрыться; но остальнымъ это не удалось. Всѣ обвиняемые, проживавшіе по подложнымъ паспортамъ, приговорены къ каторгѣ на разные сроки, а Кулешъ (на квартирѣ котораго происходила конференція) съ женою—къ поселенію въ Сибирь.

Въ Декабрѣ того же года бывшій студентъ политехникума въ Ригѣ Еврей Гилерсонъ, за распространеніе бундетскихъ прокламацій и завѣдываніе отдѣленіемъ „Бунда“, приговоренъ военнымъ судомъ къ шестилѣтней каторгѣ, а студентъ фрейбургскаго университета Еврей Элькинъ, за принадлежность къ организаціи „Бунда“, приговоренъ Спб. судебной палатой къ заключенію въ крѣпости на 2 года съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

Во время существованія 1-й Государственной Думы, Еврей-студенты принимали важное участіе въ возбужденіи аграрныхъ безпорядковъ членами Думы-трудовиками.

Н. П. Васильевъ, въ брошюрѣ „Что такое трудовики?“ (Спб. 1907 г. стр. 67 и 68), правдиво описывая ту революціонную роль, которую играла въ 1-й Государственной Думѣ группа „трудовиковъ“ (состоявшихъ изъ озлобленнаго, полунтelligентнаго пролетаріата), о ихъ поѣздкахъ на мѣста для агитаціи, по порученію комитета группы, говорить, между прочимъ, слѣдующее:

„Возвращаясь къ вопросу объ этихъ поѣздкахъ трудовиковъ на родину, отмѣтилъ двѣ характерныя черты: 1) *всякій депутатъ пздилъ и дѣйствовалъ въ сопровожденіи двухъ-трехъ студентовъ-Евреевъ* и 2) *уѣзжая, каждый депутатъ оставлялъ послѣ себя революціонную организацію*. Эти черты любопытны. Они показываютъ, что въ большинствѣ

³⁶³) Новое Время 1905 г. № 10628 и 19636.

случаевъ. собственно депутаты. играли лишь служебную роль и что за кулисами трудовой группы дѣйствовали совѣтъ не тѣ силы. которыя были на виду. Судя по тому, что *вездѣ фигурировали непременно Евреи*, легко понять, что это были за силы и въ чемъ тутъ дѣло³⁶⁴.

„Какъ не обратить вниманіе на то, что трудовая группа, состоявшая исключительно изъ людей, у которыхъ никогда за душой не было ни одного мѣднаго гроша, находила средства для изданія своихъ газетъ, для напечатанія всякаго рода книгъ, брошюръ, воззваній, для этихъ поѣздокъ депутатовъ на родину?“

XIII.

Быстрое размноженіе Евреевъ купцовъ 1-й гильдіи и подъ видомъ ремесленниковъ въ Кіевѣ. Захватъ ими торговли, промысловъ и городскихъ предпріятій. Вредныя слѣдствія этого для христіанскаго населенія города. Особенно вредная для государства покупка Евреями большого количества лѣсовъ въ Смоленской и Псковской губерціяхъ. Размноженіе Евреевъ купцовъ и подъ видомъ ремесленниковъ и захватъ ими вполне или въ значительней части многихъ отраслей торговли и промысловъ въ городахъ внѣ черты еврейской осѣлости: Смоленскѣ, Вязьмѣ, Псковѣ, Великихъ-Лукахъ, Торонцѣ, Орлѣ, Ельцѣ, Дугѣ, Петербургѣ, Кронштадтѣ, Рыбинскѣ, Ярославѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Самарѣ, Саратовѣ, Царицынѣ, Астрахани, Тулѣ, Харьковѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Калугѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Таганрогѣ, Ялтѣ, Алуштѣ, Севастополѣ, Москвѣ, Баку, Новороссійскѣ, Ташкентѣ, Самаркандѣ, Иркутскѣ, Верхнеудинскѣ и Читѣ. Вредная дѣятельность Евреевъ въ Забайкальской области. Захватъ ими рыбной ловли въ устьяхъ Амура отъ русскихъ рыбаковъ.

Окруженный со всѣхъ сторонъ чертою еврейской осѣлости. *Кіевъ* съ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка находится въ осадѣ Евреевъ, которые энергично и настойчиво стараются проникнуть въ него для поселенія или временнаго пребыванія всякими законными способами и теперь превратили Кіевъ въ важный центръ еврейской торговли и промышленности и мѣстожительство еврейской денежной аристократіи, скучившей въ лучшей части города—Липкахъ много домовъ, до 1863 г. фигурировавшихъ въ роли захудалыхъ кабатчиковъ, содержателей постоянныхъ дворовъ. Послѣ крестьянской реформы 1861 г. и польскаго возстанія, Евреи набросились на аренды имѣній, и многіе изъ нихъ хозяйничали такъ успѣшно, что сдѣлались капиталистами³⁶⁴, немало также извлекли пользы Евреи при учрежденіи различнаго рода акціонерныхъ предпріятій. Большая часть ихъ въ рукахъ Евреевъ.

До семидесятыхъ годовъ Евреи жили только на Подолѣ и окраинахъ Кіева, въ девяностыхъ же годахъ они расселились по всему го-

³⁶⁴) Новое Время 1896 г. № 7485; и 1897 г. № 7658.

роду. Большой наплывъ Евреевъ въ Кіевъ начался послѣ закона 3 Мая 1882 г.; по официальнымъ свѣдѣніямъ ихъ уже числилось въ немъ 25.000. Но кромѣ этого числа постоянно проживающихъ Евреевъ, въ Кіевъ ежедневно пріѣзжало изъ подгородныхъ сель Деміевки и Никольской слободки еще около 25,000 Евреевъ: факторовъ, коммисіонеровъ, служащихъ въ конторахъ, биржевыхъ зайцевъ, различнаго рода агентовъ и т. п. Въ томъ же году въ Кіевѣ считалось: 375 купцовъ 1-й гильдіи: изъ нихъ христіанъ только 11; Евреевъ же 363 и 1 Каранмъ. Купцовъ 2-й гильдіи: христіанъ 278, Евреевъ 52 и Каранмъ 1. Въ числѣ первогильдейскихъ купцовъ-Евреевъ есть не мало лицъ, которыя никакого отношенія къ торговли не имѣютъ. Болѣе крупные факторы, коммисіонеры, частные повѣренные и т. п. дѣльцы платятъ 1-ю гильдію и преспокойно проживаютъ въ Кіевѣ, пользуясь всѣми удобствами большого города ³⁶⁵). Въ 1904 г. купцовъ 1-й гильдіи въ Кіевѣ считалось 411, въ томъ числѣ уже 394 Евреевъ.

Переселяясь въ Кіевъ, главнымъ образомъ, черезъ покунку свидѣтельствъ 1-й гильдіи, дающихъ право проживать въ немъ главѣ семейства съ членами его, прислугой и приказчиками, Евреи практикуютъ еще слѣдующіе способы для проживанія: черезъ добываніе свидѣтельствъ на ремесла, которыя они плохо знаютъ или вовсе не знаютъ, поступленіе лакеями къ единовѣрцамъ купцамъ 1-й гильдіи и докторамъ, при чемъ нѣкоторые изъ такихъ фиктивныхъ лакеевъ занимаютъ квартиры въ 1.000 р., опредѣленіе сына или дочери въ учебное заведеніе въ Кіевѣ, дающее право проживать въ немъ всей семьѣ ученика или ученицы ³⁶⁶). Почти полвѣка полиція борется съ наплывомъ въ Кіевъ Евреевъ-фиктивныхъ ремесленниковъ, постоянно изобличая и высылая ихъ десятками и сотнями: но до сихъ поръ не могла его уменьшить, чтò доказывается высылкою въ 1903 г. до 3000 такихъ ремесленниковъ ³⁶⁷).

Отъ чрезмѣрнаго наплыва Евреевъ, Кіевъ уже въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка принимаетъ характеръ еврейскаго города, въ которомъ Еврей-капиталисты захватили въ свои руки городскія предиріятія: газовое освѣщеніе, водопроводъ, городскую желѣзную дорогу, канализацію и электрическое освѣщеніе, акціонерные банки, банкнотскія конторы и почти всю крупную торговлю, сахаромъ, хлѣбомъ, льсомъ, мукой, керосиномъ и другими предметами; въ русскихъ рукахъ осталось только большая часть мелкой торговли ³⁶⁸).

³⁶⁵) Новое Время 1898 г. № 8015.

³⁶⁶) Новое Время 1904 г. № 10.007, 1900 г. № 8860 и 1897 г. № 7819.

³⁶⁷) Новое Время 1900 г. № 8633 и Родная Рѣчь 1903 г. № 34.

³⁶⁸) Новое Время 1897 г. №№ 7601, 7628 и 7775; 1898, 1904 г. № 10136, 1907 г. № 11341 и 1908 г. №№ 11575 и 11604.

Усиленное покровительство сахарной промышленности привело къ полному подчиненію Евреямъ сахарнаго рынка, русскихъ сахарозаводчиковъ и производителей свеклы-землевладѣльцевъ. Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ еврейскій родъ Бродскихъ занялъ господствующее положеніе на русскихъ сахарномъ рынкѣ, и на немъ укрѣпились Евреи: Зайцы, Марголины, Гальперины и другіе Евреи.

Монополизировавъ многія отрасли торговли и городского хозяйства, богатые Евреи обзавелись собственными рептильными газетами и состоящими въ услуженіяхъ у нихъ людьми разныхъ ранговъ: чиновниками и отставными генералами, чрезъ посредничество которыхъ они имѣютъ доступъ въ правительственныя учрежденія. Обособляясь въ замкнутый кругъ, они заносчиво и презрительно смотрятъ на Русскихъ съ высоты занятыхъ ими позицій и съ интеллигентными Евреями въ 1906 г. открыли специально—Еврейскій клубъ „Конкордія“.

Въ Кіевѣ часто бывають съѣзды богатыхъ Евреевъ и ихъ повѣренныхъ, и здѣсь составляются планы укрѣпленія и распространенія еврейской власти въ Россіи.

Особенно переполняется Евреями центральная часть Кіева днемъ. На Крещатикѣ въ 50-ти шагахъ отъ официальной биржи, регистрирующей только сдѣлки, не могуція ускользнуть отъ регистраціи, близъ ресторана Семадени, находится неофициальная еврейская биржа, гдѣ съ 10 час. утра до 4 пополудни скопляется нѣсколько сотъ Евреевъ разныхъ званій и состояній: представителей еврейской денежной аристократіи, посредниковъ, коммиссіонеровъ, биржевыхъ зайцевъ и т. п. Вся эта толпа Евреевъ находится въ постоянномъ оживленіи, кричитъ во все горло, жестикულიруетъ и толкуетъ о куртажахъ, процентахъ. Тутъ на открытомъ воздухѣ заключаются разнаго рода сдѣлки по продажѣ и покупкѣ процентныхъ бумагъ, сахара, отдачи въ аренду имѣній, купли-продажи домовъ, скупкѣ будущаго хлѣба и другія. Вслѣдствіе личныхъ счетовъ между Евреями нерѣдко бывають драки кулаками и палками. Вкладывающіе свои сбереженія въ банкирскія конторы изъ 7—8 процентовъ часто платятся за это: въ 1897 и 1898 годахъ оказались несостоятельными конторы Евреевъ Гальперина и Вейнбаума, въ 1899 г. контора Эпштейна. Злополучнымъ кліентамъ первыхъ двухъ конторъ, по текущимъ счетамъ, пришлось получить по 10 коп. за рубль³⁶⁹).

Кромѣ вытѣсненія Русскихъ и вообще христіанъ изъ занятій торговли, промышленности, врачебной практикой и адвокатурой, Евреи оказываютъ вредное вліяніе на городское управленіе, хозяйственно и благосостояніе жителей. Владѣя большою частью городскихъ предпріятій,

³⁶⁹) Новое Время 1899 г. № 8464 и 1902 г. № 9363.

Евреи постарались создать въ городской думѣ цѣлыя группы жидовствующихъ гласныхъ, которые всегда руководятся желаніями еврейскихъ крезовъ³⁷⁰⁾ и воротилъ и защищаютъ ихъ выгоды. Когда случайно какой либо изъ такихъ главарей появляется въ думѣ, то ему оказывается почетъ какъ сановнику³⁷¹⁾. Въ 1900 г. Еврей-продавцы дровъ устроили стачку и подняли цѣну съ 28—30 руб. до 35 руб. за сажень, воспользовавшись покровительствомъ городского управленія, которое дало имъ возможность захватить лучшія мѣста близъ гавани Днѣпра и устроить на нихъ склады. По обычаю своихъ единовѣрцевъ, Еврей-торговцы несомнѣнно принимаютъ большое участіе въ фальсификаціи продуктовъ первой необходимости, обнаруженной кievской городской санитарной станціей. Изслѣдовавъ въ 1900 г., какъ и въ прежніе годы, пробы этихъ продуктовъ, она нашла, что почти все они фальсифицированы. Такъ изъ 228 пробъ цѣльнаго молока 60 оказались фальсифицированными. Изъ 51 пробы коровьяго масла 31 оказалась негодною къ употребленію³⁷²⁾.

Кіевъ представляетъ одно изъ важныхъ мѣстъ Россіи, въ которыхъ производится Евреями торговля „живымъ товаромъ“. Десятки Евреевъ („зухтеровъ“) разыскиваютъ въ немъ женщинъ и поставляютъ ихъ въ публичные дома. Въ 1900 г. корреспондентъ „Новаго Времени“ жаловался, что по вечерамъ Еврей-зухтеры и сутенёры, специально разыскивающіе „живой товаръ“, въ сопровожденіи своихъ дамъ рыщутъ по городу и производятъ скандалы³⁷³⁾.

Смежныя съ чертою еврейской осѣдлости *Смоленская, Псковская и Орловская* губерніи, съ семидесятихъ годовъ прошлаго вѣка подверг-

³⁷⁰⁾ Въ 1900 г. въ „Кіевлянинѣ“ были помѣщены слѣдующія свѣдѣнія объ участіи двухъ такихъ крезовъ братьевъ Лазаря и Льва Бродскихъ въ сахарной промышленности и ихъ состояніи. Они владѣли тогда 16 заводами—3-мя песочно-рафинадными и 13 свекло-сахарными. Основной капиталъ предпріятія одиннадцать мил. руб. Цѣнность вырабатываемаго ежегодно сахарнаго песка 14.472,000 р., а рафинада 27.500,000 р. Земли имѣли 34,796 десят., въ числѣ которой 17,842 дес. лѣса. Арендовали 31,615 дес. Годовой расходъ жалованья по 16 заводамъ: 416 служащимъ 371,000 р., 236 мастерскимъ 88,000 р. и 26,817 рабочимъ 1,058.000 р. (Новое Время № 8828). Въ 1904 г. Лазарь Бродскій умеръ: состояніе его опредѣляютъ въ 30—40 мил. руб. (Новое Время 1904 г. № 10283).

Рядомъ съ Львомъ Бродскимъ стоитъ миллионеръ Давидъ Марголинъ (недавно служившій конторщикомъ въ пароходной компаніи), владѣлецъ пароходовъ на Днѣпрѣ, городскихъ трамваевъ и другихъ предпріятій (Новое Время 1905 г. № 10459). Въ городской думѣ у него въ 1897 г. была сильная партія гласныхъ „марголинцевъ“, защищавшая его выгоды. (Новое Время 1897 г. № 7667).

³⁷¹⁾ Новое Время 1898 г. № 7898 и 1901 г. № 9101.

³⁷²⁾ Новое Время 1900 г. №№ 8712 и 8817.

³⁷³⁾ Новое Время 1899 г. № 8472 и 1900 г. № 8660.

лись сильному нашествію Евреевъ, при чемъ, въ первыхъ двухъ они скупили большое количество земли и во всѣхъ этихъ губерніяхъ, во многихъ городахъ уже захватили торговлю и промыслы.

Изъ крайне печальнаго разсказа г. Энгельгардта о скупкѣ земель и захватѣ Евреями важныхъ отраслей торговли въ *Смоленской губерніи*, напечатаннаго въ „Новомъ Времени“, оказывается, что послѣ 19 Февраля 1861 г. помѣщики забросили свои хозяйства, вслѣдствіе чего громадное пространство ихъ земель заросло разнымъ лѣсомъ, который они въ семидесятыхъ годахъ начали дешево продавать при посредствѣ Евреевъ, получившихъ большія выгоды и нажившихъ капиталы. Въ послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка за продажей помѣщичьихъ лѣсовъ послѣдовала распродажа помѣщичьихъ земель, значительная часть которыхъ и была куплена Евреями. Въ правительственномъ сообщеніи, количество всѣхъ земель, находящихся во владѣніи Евреевъ въ 1903 г., купленныхъ ими у помѣщиковъ, купцовъ и мѣщанъ, было показано въ 360,000 десят., что составляетъ одну пятую часть всѣхъ частныхъ владѣній въ Смоленской губер. ³⁷⁴). Скупали земли преимущественно Еврей-кушцы, но покупали ихъ также и Еврей-мѣщане слѣдующимъ обходомъ закона. Нѣсколько изъ нихъ складывались и покупали имѣніе на имя одного Еврея-кушца 1-й гильдіи; затѣмъ они раздѣляли его между собою пропорціонально внесеннымъ деньгамъ и вырубали свои участки. Ихъ недоразумѣнія и ссоры разбирались раввиномъ, не казеннымъ ³⁷⁵). Купивъ имѣніе, преимущественно лѣсное, на сплавной рѣкѣ, Еврей сейчасъ же закрывалъ въ немъ хозяйство, распродавалъ скотъ, инвентарь, лишнія постройки. Всѣ сельскохозяйственные заработки для мѣстныхъ крестьянъ прекращались. Рубка и сплавъ лѣса—вотъ все чѣмъ занимался Еврей. Самъ владѣлецъ въ имѣніи не жилъ, онъ пребывалъ въ Витебскѣ, Вильнѣ, Либавѣ, Ригѣ, въ портовыхъ городахъ, завѣдуя главной продажей лѣса за границу. Въ имѣніи онъ сажалъ приказчика; къ нему, въ качествѣ служащихъ, приписывалась цѣлая орава жидковъ. Въ имѣніи и въ деревняхъ открывались кабаки, и начиналась широкая дѣятельность спаванія, эксплуатаціи и развращенія народа. Крестьянъ опутывали всевозможными долговыми обязательствами, вводили въ кабалу, и вся еврейская орава сосала и хитила что только могла. Сознывая опасность для края еврейскаго землевладѣнія, земцы Порѣцкаго уѣзда вошли въ губернское земство съ мотивированнымъ предложеніемъ ходатайствовать о воспрещеніи Евреямъ скупать земли

³⁷⁴) Новое Время 1903 г. № 9849.

³⁷⁵) Новое Время 1897 г. № 7681.

въ губерніи ³⁷⁶). Такая опасность грозила не только Смоленской губерніи, а всей Россіи, потому что Смоленское плоскогорье дает истоки тремъ морямъ: *Балтійскому* — рѣки Обша и Межа, притоки Западной Двины, *Черному* — Днѣпръ съ Десною и Сожью и *Каспійскому* — Угра. Обезлѣшеніе верховій этихъ рѣкъ отъ хищнической рубки лѣса Евреями не можетъ не отразиться на ихъ обмѣленіи ³⁷⁷). Въ виду вреда скупки Евреями земель въ Смоленской, Пековской и Новгородской губерніяхъ, какъ мы сказали въ главѣ X-й, и состоялся законъ 10 Мая 1903 г., не дозволяющій Евреямъ приобрѣтеніе недвижимостей внѣ городскихъ поселеній въ губерніяхъ, не входящихъ въ черту еврейской осѣдлости.

Одновременно съ покупкою земель. Евреи захватили отрасли торговли, которыми занимались русскіе купцы и мѣщане: торговлю хлѣбомъ, пенькой, льнянымъ семенемъ и т. д. Средній русскій купецъ попалъ въ подчиненное положеніе къ Еврею-банкиру, потому что государственный банкъ не учтетъ векселя такого купца безъ подписи Еврея-банкира, получающаго съ него за подпись изрядный процентъ ³⁷⁸).

Въ *Смоленскѣ* торговля и промышленность постепенно были захвачены отъ Русскихъ Евреями и Поляками. Все три банкирскія конторы въ немъ еврейскія. Галантерейные магазины также Евреевъ. Самыя большія типографія и библіотека отъ Русскихъ перешли къ Евреямъ. Ремесленники изъ нихъ всякаго рода. Мужскіе и женскіе портные переселили Русскихъ. Въ мѣстной газетѣ „Днѣпровскій Вѣстникъ“ уже завелся Еврей съ секретаремъ во главѣ. По близости отъ церкви Божьей Матери, на древней стѣнѣ, Еврей въ одномъ домѣ устроили синагогу. По субботахъ, когда многіе магазины закрыты, Смоленскъ походить на города черты еврейской осѣдлости ³⁷⁹).

Подъ видомъ ремесленниковъ, Евреи расселились по уѣзднымъ городамъ и станціямъ желѣзныхъ дорогъ Смоленской губерніи. Сколько нибудь значительная станція напоминаетъ Витебскую или Могилевскую губерніи, какъ тамъ такъ и здѣсь кипитъ Еврей. Починокъ въ Ельнинскомъ уѣздѣ обратился въ цѣлый еврейскій поселокъ, а Рославльскій вокзалъ, во время отхода и прихода поѣздовъ, представляетъ какую-то еврейскую биржу. Особенно много наѣхало въ *г. Вязьму* фиктивныхъ ремесленниковъ-Евреевъ, превратившихся въ содержателей

³⁷⁶) Въ ней уже появились Еврей землевладѣльцы дворяне, которые начали хлопотать о припискѣ ихъ къ мѣстному дворянству: но закономъ 28 Мая 1900 г. это было воспрещено.

³⁷⁷) Новое Время 1899 г. № 8489.

³⁷⁸) Новое Время 1903 г. № 9819, 9825 и 9826.

³⁷⁹) Новое Время 1899 г. № 8488, 1905 г. № 10465.

магазинноѣ на лучшей Московской улицѣ. Изъ нихъ появились торговцы льномъ, даже домовладѣльцы и землевладѣльцы. Въ Вязьмѣ начали создаваться кварталы съ чисто-еврейскимъ населеніемъ и обычными еврейскими промыслами. Въ 1892 г. 123 домовладѣльца подали въ городскую управу прошеніе о выселеніи изъ Вязьмы незаконно проживающихъ въ ней Евреевъ, но оно осталось безъ послѣдствій³⁸⁰).

Въ Псковской губерніи, какъ и въ Смоленской, покупка Евреями преимущественно лѣсныхъ имѣній началась въ семидесятыхъ годахъ, въ двухъ самыхъ лѣсныхъ уѣздахъ: Холмскомъ и Торопецкомъ, когда лѣсъ въ этихъ уѣздахъ можно было пріобрѣтать по одному рублю за десятину. Въ 1903 г. имъ принадлежало, на правѣ полной собственности, въ первомъ—48,000 дес., во второмъ—123,000 дес., во всей же губерніи—194,000 дес. Еще ранѣе покупокъ Евреями имѣній въ Холмскомъ и Торопецкомъ уѣздахъ, въ Псковской губерніи ощущался недостатокъ земли, и избытокъ населенія уходилъ въ эти уѣзды; послѣ же пріобрѣтенія Евреями большого количества земель крестьянамъ приходится переселяться въ Сибирь³⁸¹).

Въ уѣздахъ: Великолуцкомъ, Торопецкомъ и Холмскомъ въ 1903 г. находилось 103 еврейскихъ имѣнія, въ которыхъ часто нѣтъ самаго разбогатѣвшаго владѣльца, живущаго въ другомъ мѣстѣ, а размножаются и живутъ его родственники, довѣренные, управляющіе и другіе по свидѣтельствамъ: кушца 1-й гильдіи, приказчика, ремесленника. Все что въ купленномъ имѣніи не представляло собой въ какомъ бы то ни было видѣ лѣса, хотя бы самой ничтожной лѣсной поросли, пахотныя земли, луга, выгонъ, Евреемъ-помѣщикомъ сдавалось въ аренду или распродавалось по клочкамъ, также распродавались скотъ и лишнія постройки. Отъ такого рода ликвидаціи имѣнія, Еврей покрывалъ обыкновенно ту цѣну, по которой его покупалъ. Въ послѣднія 30 лѣтъ прошлаго вѣка, въ означенныхъ уѣздахъ, посредствомъ такой ликвидаціи, Еврею-помѣщику случалось выручать сумму бо́льшую заплаченной за все имѣніе³⁸²).

Поселившіеся въ имѣніяхъ родственники и служащіе ихъ владѣльцевъ расходились по Псковской губерніи для осмотра и скупки лѣсовъ, значительно вздорожавшихъ въ концѣ девятистыхъ годовъ прошлаго вѣка и въ первые годы настоящаго отъ большой рубки ихъ и проведенія желѣзныхъ дорогъ. Последнее обстоятельство побудило Евреевъ скупать въ городахъ *Великіе Луки* и *Торопецъ* дома, тѣмъ

³⁸⁰) Новое Время 1899 г. № 8488 и 1900 г., № 8600.

³⁸¹) Новое Время 1902 г. № 9424 и 1903 г. 9804.

³⁸²) Новое Время 1903 г. №№ 9806, 9807.

болѣе, что въ ихъ уѣздахъ инженеры отдали имъ разные подряды при постройкѣ Бологое-Сѣдлецкой желѣзной дороги. Въ первомъ городкѣ и его уѣздѣ Евреи уже захватили торговлю³⁸³⁾.

Въ *Псковѣ* торговля и разные промыслы захвачены отъ Русскихъ Нѣмцами, Поляками и болѣе всего Евреями. По субботамъ закрывается цѣлый рядъ магазиновъ. Уже въ 1899 г. появилась въ Псковѣ еврейская ссудная касса Гришмана, который бралъ съ закладчиковъ за ссуды по 1 коп. съ рубля въ мѣсяцъ и по 3 коп. съ рубля за храненіе, всего 48 процентовъ въ годъ³⁸⁴⁾.

Въ *Новгородской* губерніи Евреи скупили лѣсныхъ имѣній гораздо меньше сравнительно съ Смоленской и Псковской—всего къ 1903 г. 43,000 дес., потому что она до сооруженія сѣверной желѣзной дороги не представляла тѣхъ выгодъ, которыя влекли ихъ къ скупкѣ лѣсовъ въ послѣднихъ двухъ губерніяхъ. Единственнымъ во всей Новгородской губерніи, удобнымъ для скупки лѣсныхъ дачъ, былъ прорѣзанный судоходной рѣкою Полой и ея сплавными притоками Демьянскій уѣздъ; его-то Евреи и облюбовали. Во главѣ Евреевъ-землевладѣльцевъ стоитъ Виленкинъ, которому сдаются всѣ казенные подряды въ губерніи; онъ выполняетъ ихъ черезъ цѣлое полчище Евреевъ, снующихъ по ней³⁸⁵⁾.

Въ *Орловской* губерніи Евреи стремились съ семидесятыхъ годовъ поселиться въ двухъ важныхъ городахъ по хлѣбной торговлѣ: *Ельцѣ* и *Орлѣ*.

До 1870 г., до проведенія мѣстной сѣти желѣзныхъ дорогъ, въ *Ельцѣ* Евреевъ совсѣмъ не было; это былъ исключительно русскій православный городъ, хлѣботорговый, хлѣбопромышленный. Теперь внѣшній видъ его рѣзко измѣнился: главная торговая улица пестритъ еврейскими вывѣсками, потому что болѣе половины магазиновъ и лавокъ уже перешли въ еврейскія руки, какъ и многія отрасли ремесль.

Сначала появился въ Ельцѣ хлѣбный покупатель—Еврей, работающій при помощи банковъ и дисконтерскихъ конторъ, безъ собственнаго капитала, и въ короткое время выжилъ всѣ крупныя русскія фирмы. Такимъ фирмамъ нужно дѣлать большіе расходы по производству торговли, а Еврей не дѣлаетъ никакихъ. Живетъ онъ первое время гдѣ нибудь въ кагалномъ углу, платя за свою квартиру и содержаніе по 10—15 руб. въ мѣсяцъ, не выбирая торговыхъ докумен-

³⁸³⁾ Новое Время 1903 г. № 9809.

³⁸⁴⁾ Новое Время 1896 г. № 7211 и 1903 г. № 9983.

³⁸⁵⁾ Новое Время 1903 г., № 9811.

товъ и не неся никакихъ повинностей: ни торговыхъ, ни городскихъ, ни земскихъ. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ конкуренція съ Евреями невозможна, и они захватили хлѣбную торговлю. Вслѣдъ за Евреями-покупателями появились: Еврей-пріемщики товаровъ, Еврей-коммиссіонеры, Еврей-маклера, а за ними—и ихъ семьи. Теперь Евреями заняты не только городъ, но и всѣ промежуточные торговыя станціи желѣзн. дорогъ. Въ 1907 г. цѣлая группа евреевъ производила крупную торговлю хлѣбомъ, не имѣя у себя складовъ, а потому не выбирала торговыхъ документовъ. Мѣстный податной инспекторъ не выдаетъ имъ торговыхъ документовъ, потому что они въ Ельцѣ проживать не могутъ, а полиція объясняетъ, что получить ихъ они дѣйствительно не имѣютъ права, но проживать могутъ по силѣ циркуляра № 7397, впредь до особаго распоряженія. По частному подсчету, въ 1903 г. Евреевъ уже находилось въ Ельцѣ 5,000 душъ обоюго пола³⁸⁶).

Наплывъ Евреевъ въ восьмидесятыхъ годахъ въ Орелъ повелъ къ тому же результату, какъ и въ Ельцѣ: изъ чисто-русскаго города онъ дѣлается болѣе и болѣе еврейскимъ. Всего въ 20 лѣтъ Евреи разорили всѣхъ мѣстныхъ хлѣботорговцевъ и способствовали обѣдненію коренного населенія. На помощь имъ всегда и во всѣхъ случаяхъ приходитъ еврейскій банкъ Полякова. Купивъ дешево хлѣбъ у помѣщика, нуждающагося въ деньгахъ для уплаты процентовъ за заложное имѣніе, Еврей тотчасъ же отправляютъ его въ Ригу, Ревель, берутъ изъ Поляковскаго банка любезно выдаваемую ссуду и снова на нее дѣлаютъ покупку. Такимъ путемъ даже мелкіе Евреи *дѣлаютъ весьма крупныя обороты совсѣмъ безъ денегъ*. У русскихъ купцовъ кредита или совсѣмъ нѣтъ или уже крайне ограниченъ въ Государственномъ Банкѣ. Кромѣ Евреевъ, занимающихся хлѣбной торговлей, въ Орлѣ много открылось еврейскихъ магазиновъ и появилось еврейскихъ коммиссіонеровъ, предлагающихъ купить и продать всевозможные предметы, и фиктивныхъ ремесленниковъ. Орелъ также представляетъ центръ для множества еврейскихъ дѣльцовъ, разсѣянныхъ по станціямъ желѣзныхъ дорогъ Орловской губерніи и занимающихся скупкою и отправкою продуктовъ въ разныя мѣстности Россіи и за границу. На нѣкоторыхъ улицахъ города еврейскіе „гешетмахеры“ образовали своего рода биржи, гдѣ Еврей. стоя группами, обсуждаютъ положеніе хлѣбныхъ дѣлъ и назначаютъ цѣны для закупокъ зерновыхъ продуктовъ. Наконецъ, Еврей уже пріобрѣли многіе дома на имя Русскихъ³⁸⁷).

Въ *Петербургской* губерніи Еврей переполнили *г. Лузу*, подъ видомъ ремесленниковъ и захватили почти всю торговлю въ этомъ городѣ.

³⁸⁶) Новое Время 1903 г. № 9815 и 1907 г. № 11408.

³⁸⁷) Новое Время 1901 г. № 8931 и № 8978.

Есть улицы почти сплошь заселенныя Евреями, напримѣръ, Гдовская. На главной улицѣ, Успенской тоже немало еврейскихъ магазиновъ. Евреи ведутъ значительную торговлю лѣсомъ, который они скупаютъ въ Лужскомъ уѣздѣ. При этомъ, для принужденія лѣсовладѣльцевъ продавать имъ лѣсъ, Евреи изобрѣли возмутительное мошенничество: они заражаютъ его вредными насѣкомыми. короѣдомъ или шелкопрядомъ.

По наблюденіямъ сотрудника газ. „Свѣтъ“ (сдѣланнымъ въ 1901 г. надъ хищническимъ истребленіемъ Евреями лѣса въ окрестностяхъ Луги), чтобы заставить владѣльца продать лѣсъ на срубъ, они въ намѣченномъ хвойномъ лѣсу на два-три дерева, раннею весной, пускаютъ жуковъ-короѣдовъ, а въ лиственномъ лѣсу—гусеницъ непарнаго шелкопряда. Иногда насѣкомыя привозятся съ этою цѣлью издалека, выписанныя самимъ патрономъ фирмы. Въ продолженіе весны и лѣта, шелкопрядъ или короѣдъ сдѣлаютъ свое дѣло: намѣченныя деревья окажутся съ обглоданными листьями или корою; спасеніе для остального лѣса возможное, но сомнительное, да, къ тому же, пріютившійся близъ этого лѣса сосѣдъ-еврейчикъ, часто владѣлецъ 2-3 десятинъ всего, начинаетъ „гвалтъ“, говоря, что сосѣдство съ лѣсомъ, гдѣ поселились эти вредныя насѣкомыя, опасно для его лѣсного участка. Вызываются эксперты, удостовѣряющіе присутствіе короѣда или шелкопряда. Кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ, Евреи изыскиваютъ такія лѣсныя пространства, которыя смежны съ казенными лѣсами. Въ виду охраненія казеннаго имущества, предлагается владѣльцу зараженнаго участка свести его лѣсъ возможно скорѣе. Самымъ удобнымъ покупателемъ въ этомъ случаѣ является крупная еврейская фирма: у нея платежъ наличными деньгами и большія средства для вырубкі лѣса ³⁸⁸).

Евреи ухитрились поселиться въ значительномъ числѣ даже въ *Кронштадтѣ*, гдѣ, какъ въ важной крѣпости, слѣдовало воспретить имъ временное пребываніе, и захватить въ немъ нѣкоторые выгодные промыслы. Такъ „штуровыя конторы“, доставляющія на суда рабочихъ для нагрузки и разгрузки, принадлежавшія Русскимъ и Нѣмцамъ, въ 1898 г. соединились въ рукахъ еврейской фирмы „Мордоховичъ и Комп.“, дающей ей возможность безъ конкуренціи назначать цѣны рабочимъ, которыхъ въ лѣтнее время бываетъ отъ шести до семи тысячъ ³⁸⁹).

Въ *Петербурѣ*, въ 1897 г., уже насчитывалось до 2,000 еврейскихъ домовъ. Лавки Гостиннаго двора, въ 1903 на половину принадлежали Евреямъ. Въ вывозной торговлѣ хлѣбными товарами и льнянымъ се-

³⁸⁸) Новое Время 1899 г. № 8457 и 1901 г. № 9276.

³⁸⁹) Новое Время 1898 г. № 7864.

менемъ изъ Петербургскаго порта Евреи принимаютъ значительное участіе. Въ навигацію 1901 г. эти товары были вывезены: русскими фирмами 31⁰/₁₀₀ всего количества, иностранными—40⁰/₁₀₀ и еврейскими—29⁰/₁₀₀. при чемъ одна еврейская фирма вывезла 1.152,004 четверт., около ¹/₆ всего вывоза. Эта фирма раскинула сѣтъ коммиссіонеровъ къ самымъ центральнымъ мѣстностямъ, тяготеющимъ къ Петербургскому порту. Въ 1904 г. Русскій генеральный консулъ въ Санъ-Франциско обратился въ Петербургскую городскую думу съ заявленіемъ, что петербургскія фирмы отправляютъ засоренный хлѣбъ въ Калифорнію. Не можетъ быть сомнѣнія, что такой хлѣбъ отправляется преимущественно, если не исключительно, Евреями, по примѣру ихъ единоплеменниковъ въ чертъ осѣдлости ³⁹⁰).

Какъ Евреи заняли господствующее положеніе въ хлѣбной торговлѣ въ Петербургѣ, подробно объясняетъ Ф. Русскій въ статьѣ „Еврейское нашествіе на русскій хлѣбъ“, напечатанной въ „Новомъ Времени“ 1909 г. № 11854. Въ ней онъ, между прочимъ, говоритъ: „До открытія въ 1896 г. Калашниковской биржи, всѣ хлѣбныя сдѣлки въ Петербургѣ совершались по трактирамъ въ районѣ Калашниковской пристани, отчего хлѣботорговцы терпѣли много убытковъ, такъ какъ ни котировки цѣнъ, ни свѣдѣній о запасахъ, спросѣ, предложеніи, экспертизѣ въ трактирахъ-биржахъ не было. Поэтому главной заботой перваго биржеваго комитета было уничтожить трактирную торговлю хлѣбомъ и сосредоточить ее исключительно въ стѣнахъ биржи. Это стараніе имѣло успѣхъ: трактиры закрылись, настроеніе биржи подъ вліяніемъ усиленнаго спроса установилось доброе и крѣпкое. Заговорили о крупныхъ барышахъ многихъ хлѣботорговцевъ. „Гешефтмахерство“ насторожилось и, убѣдившись, что отъ русскаго хлѣба можно имѣть хорошую прибыль, тотчасъ же поползло на Калашниковскую пристань. Сперва Евреи подбирались къ хлѣбнымъ торговцамъ въ качествѣ управляющихъ и посредниковъ для экспортныхъ операцій, затѣмъ начали открывать самостоятельныя торговли, а при нихъ завели кадры еврейской агентуры, особенно важной и необходимой при спекулятивномъ веденіи дѣла. Видя въ колуарахъ хлѣбной биржи снующее еврейство, наши Титы Титовичи только самодовольно посмѣивались, не предвидя, что это предвѣстникъ скорога захвата русскаго хлѣбнаго дѣла“.

„Теперь, черезъ 13 лѣтъ существованія биржи, положеніе русскихъ хлѣботорговцевъ сильно пошатнулось на хлѣбномъ рынкѣ. Трактиры-биржи воскресли и работаютъ съ бѣльшей интенсивностью, чѣмъ 10

³⁹⁰) Журн. Наблюдатель 1897 г., № 9, Родная Рѣчь 1903 г., № 16, Новое Время 1901 г. № 9246 и 1904 г. № 19,004.

лѣтъ назадъ. Одинъ изъ нихъ, наиримѣръ, дѣлаетъ въ день оборотовъ съ хлѣбомъ до 500 тыс. р. Въ этихъ импровизированныхъ биржахъ оперируютъ по преимуществу не имбюціе собственной хлѣбной торговли, а пока только гастролирующіе Еврей-доктора, дантисты, инженеры, ученые дѣсоводы, мыловары, портные. Завѣтная мечта каждого изъ нихъ—попасть въ колуары биржи, куда нембюцимъ собственной торговли входъ воспрещенъ. Но Еврей, не смотря на свое безправіе, все-таки проникли на биржу, начавъ въ ней обрабатывать свои дѣлшки, какъ у себя дома“.

„Прошло не болѣе двухъ лѣтъ послѣ этого вторженія, русскіе торговцы получили уже отъ Евреевъ нѣсколько спекулятивныхъ оплеухъ, отбросившихъ ихъ на задній планъ биржи. Калашниковцы тогда только очнулись и поняли, что спекулятивная работа трактирныхъ биржъ и Евреевъ (членовъ биржи) подрываетъ ихъ дѣла въ корнѣ. Чтобы прекратить это еврейское наступленіе, русскіе купцы подали общему собранію 17 Декабря 1908 г. заявленіе: „Мы, нижеподписавшіеся члены Калашниковской биржи, покорнѣйше просимъ биржевой комитетъ, чтобы лица, берущія билеты на право посѣщенія биржи въ 1909 г., обязательно представляли промысловыя свидѣтельства и довѣренныхъ, посящающихъ отъ нихъ биржу“. Общее собраніе это предложеніе приняло единогласно. Еврей не смугились этимъ, потому что трактиры прекрасно замѣняютъ биржу. Чтѣ касается разныхъ свѣдѣній и выгодныхъ кліентовъ, то для доставки ихъ достаточно полноправныхъ членовъ изъ „своихъ“. Помимо убытковъ, приносимыхъ биржѣ трактирными спекуляціями, несетъ ихъ и казна, потому что трактирные биржевики-Еврей ведутъ свои дѣла безъ торговыхъ документовъ. Кроме того, они своими обманными спекуляціями дискредитируютъ русское хлѣбное дѣло“.

„Фактически уже теперь $\frac{2}{3}$ нашего экспорта въ еврейскихъ рукахъ. Число русскихъ булочныхъ ежегодно сокращается; наприм. громадное булочное дѣло Филипова, послѣ смерти владѣльца, перешло въ администрацію, во главѣ которой теперь стоитъ Еврей Мальнбергъ; поставщики Еврей, а рабочіе, конечно, Русскіе. Единственный журналъ по хлѣбнымъ вопросамъ „Хлѣбное дѣло“ издается Евреемъ Чернякомъ. Едва-ли русскимъ хлѣботорговцамъ удастся оградить русское хлѣбное дѣло отъ еврейскаго порабоженія, если они будутъ продолжать только нять и брюзжать. Средство борьбы заключается въ нихъ самихъ: они должны объединиться на почвѣ активнаго препятствія еврейскому нашествію, не соблазняясь перспективами алчности и не ожидая какой либо поддержки. Иначе ранѣе 10 лѣтъ русское хлѣбное дѣло станеть еврейскимъ“.

Въ 1903 г., городское управленіе предположило все распродажи допускать только въ городской аукціонной камерѣ для прекращенія недобросовѣстной торговли Евреевъ, особенно мебельщиковъ, снимающихъ квартиры, меблирующихъ ихъ и затѣмъ публикующихъ о продажѣ мебели за отъѣздомъ. Торговой депутаціи вмѣняется въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы еврейскіе магазины не маскировались вывѣсками, какъ, напримѣръ, вмѣсто еврейской фамиліи „Столичный торговый домъ“, который публика легко смѣшиваетъ со столичномъ аукціоннымъ заломъ ³⁹¹).

Съ конца девяностыхъ годовъ въ Петербургѣ замѣчается упадокъ портняжнаго ремесла, вслѣдствіе открытія множества магазиновъ готоваго платья (большею частью Евреями) дѣйствующихъ развращающимъ образомъ на портныхъ, такъ какъ работа отъ нихъ для магазиновъ не требуется хорошая, лишь бы была дешевая ³⁹²).

Въ большихъ торговыхъ городахъ на *Волгѣ: Рыбинскѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Самарѣ, Саратовѣ, Царицынѣ* и *Астрахани* Евреи постепенно размножаются и захватили нѣкоторые важные предметы торговли.

Въ Іюль 1909 г., изъ *Рыбинска* Л. Оборинъ сообщилъ въ „Новое Время“ (№ 11951) слѣдующее: „Одна изъ самыхъ старинныхъ хлѣбныхъ биржъ Поволжья—Рыбинская около ста лѣтъ назадъ носила всегда въ торговлѣ отпечатокъ чисто-русской самобытности. Торговля хлѣбомъ производилась кореннымъ русскимъ купечествомъ, вышедшимъ изъ крестьянъ. Купцы пріѣзжали сюда съ своими караванами съ береговъ Волги, Камы и Бѣлой. Но за послѣдніе годы характеръ биржи сталъ рѣзко мѣняться, она стала кишѣть скупщиками хлѣба Евреями. Особенно наплывъ ихъ великъ въ 1909 г., когда дороговизна хлѣба напоминаетъ собою неурожайные годы и когда скупщикамъ-Евреямъ нечего стало дѣлать на линіяхъ желѣзн. дорогъ, гдѣ дѣятельность ихъ особенно ярко и хищнически выдѣляется. Нынѣ они цѣлымъ кагаломъ нагрянули на Рыбинскъ. Въ періодъ нынѣшней горячки ихъ привозили для скупки хлѣба буквально цѣлыми вагонами. И на русской искони биржѣ они приобрѣли извѣстное вліяніе, заняли извѣстное положеніе, стали дѣлать настроеніе въ переходѣ и въ повышеніи цѣнъ. Теперь на Рыбинской биржѣ еврейскія фирмы считаются десятками. Съ вліяніемъ ихъ приходится считаться. Подъ ихъ вліяніемъ на происшедшихъ выборахъ, были выбраны въ биржевые маклеры нужные имъ лица, благодаря разрозненности и отсутствію на выборахъ многихъ изъ

³⁹¹) Новое Время 1903 г. № 9924.

³⁹²) Новое Время 1901 г. № 9045.

русскихъ купцовъ. Впрочемъ, такъ какъ выборы происходили вопреки биржевого устава, въ воскресенье, и на нихъ присутствовали лица, не имѣвшія права участвовать въ выборахъ, то нѣкоторые изъ биржевого купчества послали министру торговли и промышленности протестъ противъ несправильнаго избранія маклеровъ³⁹³.

Въ *Ярославль* въ 1900 г. уже было много Евреевъ, занимавшихся подъ видомъ ремесленниковъ торговлей и коммисіонерствомъ и захватившихъ мелочную торговлю. Среди купцовъ преобладаютъ держатели магазиновъ и лавокъ съ готовымъ платьемъ, гдѣ скупаются всякаго рода старье, а между ремесленниками—часовыхъ дѣлъ мастера и подмастерья. За исключеніемъ 2—3-хъ часовыхъ магазиновъ, всѣ остальные въ рукахъ Евреевъ. Имъ же принадлежатъ аптеки и аптекарскіе магазины, портняжныя и другія ремесленныя заведенія. Зубные врачи почти всѣ Евреи и многіе адвокаты. Евреи постепенно забираютъ дровяную и мясную торговлю. Одна изъ лучшихъ улицъ, Васильевская сдѣлалась въ буквальномъ смыслѣ еврейскимъ проспектомъ, и ее уже называютъ „жидовской“³⁹³).

Въ *Костромѣ*, по словамъ корресподента „Новаго Времени“ кн. М. Шаховскаго, въ 1899 г., изъ 40,000 жителей, считалось 1.300 Евреевъ. На лучшей улицѣ города, Русиновой, находится почти цѣлый кварталъ построекъ такъ называемый „Старый Дворъ“, нижній этажъ котораго занятъ еврейскими магазинами. Евреи имѣютъ спягогу въ „Старомъ Дворѣ“ и моленную на Никольской улицѣ. Ихъ можно встрѣтить вездѣ: на станціи желѣзной дороги, на переправѣ, на толкучемъ рынкѣ, гдѣ они завоевали господствующую роль, торгуя старымъ платьемъ, желѣзомъ, разнымъ сборнымъ товаромъ и въ качествѣ коммисіонеровъ, предлагающихъ отыскать квартиру, найти прислугу и другія самыя разнообразныя услуги³⁹⁴).

Въ *Нижегемъ-Новгородѣ* еще въ 1886 г., по просьбѣ ярмарочнаго купчества, была учреждена спеціальная коммиссія для провѣрки правъ значительнаго числа незаконно торгующихъ на ярмаркѣ Евреевъ, и съ того времени, ежегодно учреждавшаяся коммиссія хотя и много уменьшила число ихъ съ пяти шести тысячъ до одной тысячи³⁹⁵), но все-таки постоянно высылала ихъ съ ярмарки десятками и сотнями. Въ 1901 г. собраніе ярмарочныхъ уполномоченныхъ рѣшило упразднить коммиссію вслѣдствіе медленнаго разсмотрѣнія ею правъ Евреевъ на проживаніе на ярмаркѣ и поручить ей обязанности полицейскому упра-

³⁹³) Новое Времи 1900 г. № 8761, 1902 г. № 9583 и 1908 г. № 11740.

³⁹⁴) Новое Времи 1899 г. № 8476.

³⁹⁵) Къ исторіи еврейства. Русскій Архивъ 1893 г. т. II, стр. 548.

вленію, какъ исполняющему ихъ скорѣе. Въ самомъ городѣ въ 1897 г. считалось 2,377 Евреевъ; въ послѣдніе годы число ихъ продолжало увеличиваться. Въ 1905 г. на главной улицѣ, Большой Покровкѣ, появилось много еврейскихъ лавокъ и магазиновъ. Также размножились въ городѣ Евреи-врачи, дантисты и аптекаря; образовалась цѣлая еврейская колонія, которая отличается сплоченностью и стремленіемъ занять господствующее положеніе въ доступныхъ общественныхъ кружкахъ и даже руководить общественнымъ мѣнѣемъ. Для достиженія этихъ цѣлей Евреи съ каждымъ годомъ усиливаются количественно въ всесловномъ клубѣ, благодаря разрозненности членовъ не-Евреевъ и ихъ равнодушію къ вопросамъ, стоящимъ выше парт. и, при обсужденіи болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ, всегда составляютъ большинство, рѣшая дѣла въ желательномъ для нихъ направленіи. Господствующее положеніе Евреевъ въ клубѣ доказывается подборомъ газетъ и журналовъ, выписываемыхъ для клубной читальни. Изъ независимыхъ изданій русскаго направленія выписывается только „Новое Время“, въ виду его популярности; но за то получаютъ все еврейскія и еврействующія изданія. Подъ влияніемъ еврейскихъ угрозъ скандала антрепренеръ театра долженъ былъ отказаться отъ постановки въ театрѣ пьесы Доннэ „Возвращеніе изъ Іерусалима“, и Евреи торжествовали³⁹⁶).

Въ *Казани* большинство открывающихся въ послѣднее время торговыхъ предпріятій принадлежитъ Евреямъ, которые вытѣсняють Татаръ, недавно еще безраздѣльно властвовавшихъ на казанскомъ рынкѣ. Вопреки законамъ, по праздникамъ Евреи торгуютъ, составляя большую конкуренцію христіанамъ. Еврейскія торговля фирмы, черезъ множество своихъ довѣренныхъ и агентовъ, закидываютъ свои сѣти по всему Поволжью и Прикамью. Особенно сильно это отзывается на пароходномъ дѣлѣ, зависящемъ отъ нефти, которою распоряжаются Евреи, пролотившіе уже не одну пароходную фирму.

Еще сильнѣе обнаруживается еврейское нашествіе среди представителей такъ называемыхъ интеллигентныхъ профессій. Прежде всего Евреи захватили въ свои руки мѣстную печать, гдѣ распоряжаются почти безъ всякаго стѣненія. О господствующемъ положеніи въ Казани Евреевъ-врачей, мы сказали въ главѣ XII-й.

Чрезмѣрный наплывъ Евреевъ, болѣею частью фиктивныхъ ремесленниковъ, и вытѣсненіе ими русскихъ ремесленниковъ побудили послѣднихъ обратиться къ полиціймейстеру о защитѣ ихъ противъ Евреевъ.

³⁹⁶) Русское Слово 1901 г. № 224, Новое Время 1905 г. № 10405; 1908 №№ 11588 и 11679.

Евреи было заповолнили дачныя мѣста близъ Казани и вытѣснили русскихъ дачниковъ: но по провѣркѣ уѣзднымъ псправникомъ, сотни важныхъ Евреевъ должны были вернуться въ городъ, а тысячи ихъ гостей—въ черту осѣдлости.

Въ *Самарѣ*, вмѣстѣ съ ростомъ города и увеличеніемъ населенія, чрезвычайно возрастаетъ инородческій элементъ: нѣмецкій и еврейскій. Въ рукахъ Нѣмцевъ и Евреевъ сосредоточены многія промышленныя предпріятія. Эти дѣльцы пріобрѣли большое вліяніе на комерческую и общественную жизнь города. Замѣчательно, что большинство мѣстныхъ Евреевъ носятъ русскія фамилія: Ивановъ, Сидоровъ, Платоновъ и т. д. Это объясняется отчасти переходомъ самарскихъ Евреевъ въ Православіе: крестными отцами ихъ являются Русскіе, имѣющіе съ ними дѣловыя связи и покровительствующіе имъ³⁹⁷).

До 1909 г. самарскій зерновой хлѣбъ въ смыслѣ его очистки пользовался хорошей репутаціей. Но въ 1909 г. съ началомъ осенней кампаніи на самарскій рынокъ нахлынули Евреи, и вотъ, благодаря имъ, несмотря на замѣчательное качество зерна, хлѣбъ сталъ поступать на рынокъ крайне засореннымъ. Со многихъ станцій Самаро-Златоустовской и Оренбургской желѣзныхъ дорогъ поступали ежедневныя свѣдѣнія, что Евреи-аферисты усиленно скупаютъ у мукомоловъ, куколь, подсѣвъ и т. п. дрянъ, которыми они сдобриваютъ высокую по наливу и сушкѣ пшеницу. На нѣкоторыхъ станціяхъ подмѣшивали рожь, чечевицу и песокъ. Далѣе, Евреи, при содѣйствіи разныхъ агентовъ дороги, подмѣниваютъ марки хлѣба, чѣмъ и замаскировываютъ настоящихъ мошенниковъ. Благодаря этому, на документахъ значится извѣстный хорошо зарекомендовавшій себя въ торговлѣ русскій отпавитель и его хлѣбъ. Такимъ образомъ роняются достоинство хлѣба и цѣны на него.

Въ *Саратовѣ* множество Евреевъ, подъ видомъ ремесленниковъ, занимаются скупкою хлѣба и комиссіонерствомъ. Во всѣхъ уѣздахъ они имѣютъ корреспондентовъ и, когда настаетъ горячее время продажи хлѣба, переполняютъ все вагоны желѣзной дороги. Всю хлѣбную торговлю въ губерніи захватили они и частью богатые Нѣмцы-колонисты. По словамъ бывшихъ на съѣздѣ въ Петербургѣ, въ Ноябрь 1903 г., представителей биржевыхъ комитетовъ, лицъ близко знакомыхъ съ положеніемъ хлѣбной торговли на Волгѣ, торговля эта на всемъ пространствѣ волжскаго бассейна теперь окончательно попала въ руки французскаго Еврея Дрейфуса. Всею русскіе торговцы вытѣснены и замѣнены пригавчиками, агентами и комиссіонерами этой еврейской

³⁹⁷) Новое Время 1902 г. № 9507 и 1910 г. № 12190.

фирмы, производящей свои операціи дешевымъ иностраннымъ капиталомъ, вслѣдствіе чего никакая конкуренція съ ней немыслима ³⁹⁶).

Въ послѣдніе годы замѣчалось большое нашествіе въ Саратовъ Евреевъ и эмсаровъ заграничныхъ еврейскихъ фирмъ, оперирующихъ подъ различными наименованіями: агентовъ, коммисіонеровъ и т. п., которые основали въ немъ „штабъ-квартиру“. Въ короткій срокъ они успѣли поставить въ зависимость отъ себя хлѣбное, мукомольное и маслособойное дѣла; захватили нефтяное дѣло и уже пріобрѣли порядочную буксирную и транспортную флотилію на Волгѣ, численный составъ которой съ каждымъ годомъ увеличивается путемъ перехода въ еврейскія руки заложенныхъ и перезаложенныхъ пароходовъ.

На саратовской биржѣ Евреи заняли настолько вліятельное положеніе, что подъ натискомъ ихъ кагала палъ биржевой комитетъ прежняго состава, который не проявлялъ особой предупредительности по отношенію къ Евреямъ. Такого положенія Евреи достигли слѣдующимъ способомъ: нѣсколько Евреевъ составляютъ компанію, выправляютъ торговые права первой купеческой гильдіи на имя одного изъ членовъ компаніи, который выдаетъ довѣренности своимъ товарищамъ, а эти послѣдніе выправляютъ приказчицы свидѣтельства перваго класса. По уставу Саратовской биржи всѣ они имѣютъ право быть дѣйствительными членами биржевого общества и записываются таковыми. Кроме того, вся компанія пріобрѣтаетъ право проживанія внѣ черты еврейской осѣдлости.

Благодаря тому, что въ Саратовскую школу фельдшерницъ проникли въ преподаватели врач-Евреи, безъ вѣдома земства и города, былъ измѣненъ ея уставъ. Въ новомъ уставѣ всѣ ограниченія относительно Евреевъ были удалены, и это повело къ заполненію ея прибывшими со всѣхъ концовъ Россіи Еврейками, такъ что въ 1908 г., въ школѣ ихъ оказалось 78% и только 22% Русскихъ. При этомъ обнаружилось, что многія Еврейки только числятся въ школѣ много лѣтъ, но совсѣмъ въ ней не учатся, чтобы получить право жительства себѣ и своимъ родственникамъ внѣ черты еврейской осѣдлости.

Саратовское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ ограниченіи пріема Евреевъ въ среднія учебныя заведенія и въ частности въ школу фельдшерницъ, а если ходатайство не будетъ удовлетворено—отказать школѣ въ субсидіи.

Въ томъ же году, произведенною по распоряженію Губернскаго Правленія провѣркою знаній ремесла Евреевъ-ремесленниковъ, прожи-

³⁹⁶) Новое Время 1901 г. № 9115 и 1903 г. № 9959 и 1908 г. №№ 11483, 11526 и 11604.

вающихъ въ Саратовѣ, оказалось, что большинство Евреевъ-ремесленниковъ, имѣющихъ свидѣтельства на званіе мастера, на самомъ дѣлѣ ремесла своего не знаютъ.

Въ корреспонденціи жителя г. Царицына въ „Новое Время“ разказана очень печальная и поучительная исторія захвата Евреями въ немъ торговли и промысловъ. По его разказу, со времени соединенія Царицына желѣзными дорогами съ промышленными пунктами Россіи, онъ сталъ транзитнымъ узломъ не только русскихъ, но и заграничныхъ рынковъ. Евреи прежде всего обратили свое вниманіе на Царицынъ, какъ на золотое мѣсто. Сначала они ухватились за керосиновое и нефтяное дѣло и вскорѣ имъ завладѣли. Потомъ взялись за рыбный рынокъ, и онъ перешелъ въ ихъ руки. Велѣдъ затѣмъ они появились въ видѣ скупщиковъ хлѣба, попутно захвативъ ремесленные дѣла; открыли разные магазины, гдѣ продается все, начиная съ ювелирныхъ издѣлій и кончая хлѣбнымъ зерномъ. Коммисіонное дѣло очутилось въ ихъ рукахъ. Наконецъ они захватываютъ и послѣдній рынокъ—льеной. Въ результатѣ городъ сдѣлался въ полномъ смыслѣ Бердичевымъ на Волгѣ. Однако, Евреи завоевали городъ постепенно, а русскіе купцы зѣвали, не спохватились во время. Предусмотрительные люди указывали на нашествіе Евреевъ; правительство тоже обратило на это серьезное вниманіе, почему одинъ изъ губернаторовъ, пріѣзжавшій въ Царицынъ для ознакомленія на мѣстѣ, указывалъ рыбопромышленникамъ на угрожавшую имъ конкуренцію; но близорукіе торговцы и домовладѣльцы сами хлопотали передъ нимъ, чтобы Евреевъ, не имѣющихъ права постоянного жительства въ городѣ, не выселяли и оставили временно подъ видомъ какихъ-то неоконченныхъ съ ними расчетовъ. Такъ они и остались. Теперь хотя и наступилъ моментъ раскаянія, да поздно. Завоевывая торговые рынки, Евреи держали себя смиренно: въ общественной жизни и дѣятельности не проявляли себя ничѣмъ выдающимся, въ особенности боялись задѣвать религіозныя чувства Русскихъ. Но какъ только постигли Россію несчастія, они сразу объявились хозяевами противоправительственнаго и противорусскаго положенія. Со свойственной имъ наглостью, Евреи перестали церемониться съ хозяевами страны: стали издѣваться надъ властью, надъ религіей и вообще надъ всѣмъ, чтѣ дорого русскому чувству. Къ позору и несчастію Русскихъ, они нашли дѣятельныхъ и надежныхъ союзниковъ въ средѣ учащихъ, учащихся, интеллигенціи, приказчиковъ, рабочихъ и вообще въ бездомномъ словѣ общества. Мало того, Панургово стадо послѣдователей оказалось слѣпымъ орудіемъ и пушечнымъ мясомъ въ рукахъ „Бунда“. Не взирая на то, что населеніе города превышаетъ 70—80 тысячъ, а Евреевъ въ немъ не больше 2—3-хъ тысячъ, они были главными беза-

пеляціонными командирами въ организаціи выборовъ въ Государ. Думу. Подъ ихъ командой были, кромѣ всѣхъ Евреевъ, нотаріусъ, помощники присяж. повѣренныхъ, доктора, приказчики, студенты, газеты, служащіе въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, рабочіе и друг. Съ помощью такой команды, проведены крайніе лѣвые выборщики. Тѣмъ же порядкомъ и по той же указкѣ проведены лѣвые гласные и въ городскую думу. Но вънецъ еврейскаго плѣненія положенъ выборомъ въ городскіе головы лѣкаря Филлимонова, покорнаго слуги и защитника ихъ. Нужно было видѣть восторгъ Евреевъ и Евреекъ, на половину заполнявшихъ залъ думы, чтобы судить о ихъ радости. Финаль же завершился въ зданіи общественнаго собранія, куда сопровождала желаннаго избранника еврейская публика. Тамъ былъ вечеръ, устроенный Евреями въ пользу рабочихъ. Въ залѣ театра подняли избранника ожидавшіе Евреи и торжественно носили на рукахъ съ такой демонстраціей, которая вызвала вмѣшательство полиціи³⁹⁹).

Въ *Астрахани и Астраханской губерніи*, въ 1899 г. стали замѣчаться громадный наплывъ Евреевъ, большею частью не имѣющихъ права жительства. Мѣстные рыбопромышленники, какъ и въ Царицынѣ, по своей недалковидности, ходатайствовали о разрѣшеніи нѣкоторымъ Евреямъ жительства въ Астраханской губ., въ виду, будто бы, пользы ихъ въ посолкѣ рыбы и отысканія для мѣстной рыбы новыхъ рынковъ. Ходатайство это было удовлетворено. Между тѣмъ, такое простодушное отношеніе къ Евреямъ повело къ тому, что уже въ 1900 г. въ Астрахани Евреи размножились и съ Армянами захватили въ свои руки все: они владѣльцы лучшихъ магазиновъ на лучшей Московской улицѣ, лавокъ, разныхъ торгово-промышленныхъ заведеній, мастерскихъ: они адвокаты, врачи, дантисты и провизоры. Русскому человѣку дѣлать нечего. Кромѣ Армянъ и Евреевъ, въ городѣ 20,000 татаръ малокультурныхъ и обособленныхъ. Ростовщичествомъ промышляютъ главнымъ образомъ Евреи, живущіе въ городѣ подъ именемъ часовщиковъ, портныхъ и другихъ ремесленниковъ. Ростовщики эти, выдавая ссуды подъ ручные залогі, дѣйствуютъ съ такою осторожностью, что не привлекаются къ ответственности⁴⁰⁰).

Лѣтомъ 1905 г. укладчики астраханскихъ рыбныхъ промысловъ обращались къ астраханскому губернатору съ жалобой на то, что ихъ вытѣсняютъ съ промысловъ укладчики-Евреи и тѣмъ лишаютъ ихъ возможности зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Укладчиками на промыслахъ называются спеціальныя рабочіе, наблюдающіе за рѣзкой рыбы

³⁹⁹) Новое Время 1907 г. № 11136.

⁴⁰⁰) Новое Время 1899 г. № 8122 и Русское Слово 1900 г. № 343.

и за укладкой уже посоленной рыбы въ бочки. Вотъ на эту-то, повидимому, совѣсьмъ незавидную должность устремились Евреи цѣлыми сотнями. Но дѣло здѣсь совѣсьмъ не въ укладкѣ. За послѣдніе годы Евреи взяли астраханскій рыбный промыселъ въ кабалу. *Девять десятыхъ приморскихъ промысловъ фактически принадлежатъ Евреямъ. Добрая половина рѣчныхъ промысловъ также находится во владѣніи Евреевъ.* Охотно снабжая рыбопромышленниковъ деньгами, Евреи обезпечиваютъ долги закладными и запродажными записями и такъ какъ рыболовное дѣло сопряжено съ рискомъ и, принося въ одинъ годъ большіе барыши, въ другой можетъ принести большіе убытки, то рыбопромышленники, не имѣя опредѣленнаго дохода, хронически не выходятъ изъ вѣчной задолженности; почти всякую минуту, любого изъ нихъ Еврей-владѣлецъ можетъ выгнать изъ промысла.

Недовольство такимъ положеніемъ въ Астрахани растетъ съ каждымъ годомъ. Было засѣданіе комиссіи по этому вопросу; но мѣстное рыболовное управленіе стало на сторону Евреевъ, потому что Евреи, будто-бы, приносятъ пользу промыслу, открывая для него новые рынки и улучшая технику посола. Неправильность этого взгляда объясняется тѣмъ, что, открывъ сбытъ мелкой рыбы, они вызвали появленіе противозаконныхъ мелкоячейныхъ неводовъ, которыми вылавливается молодежь, недостигающая нормальнаго роста, и что посолъ рыбы Евреи не улучшили, а ухудшили, черезъ введеніе прессовъ, которыми рыба придавливается въ бочкахъ и изъ нея выжимаются питательные соки.

Единственный выходъ рыбопромышленниковъ изъ кабалы Евреевъ— это открытіе для нихъ кредита Государственнымъ банкомъ.

Когда, въ 1909 г., еврейскихъ торговцевъ и ихъ довѣренныхъ стали выдворять съ астраханскихъ рыбныхъ промысловъ, они обратились съ ходатайствомъ къ предѣдателю Совѣта Министровъ объ отъѣзѣ этой мѣры, такъ какъ весь Юго-Западный край требуетъ рыбный товаръ еврейской уборки и выселеніе ихъ погубитъ этотъ промыселъ. Ходатайство ихъ было удовлетворено.

Помимо Астраханской губерніи, Евреи уже заплонили весь западный берегъ Каспійскаго моря. На восточномъ берегу ихъ нѣтъ только потому, что туда имъ доступъ совершенно закрытъ¹⁰¹⁾.

Изъ городовъ въ центрѣ Россіи, большому нашествію Евреевъ, захвату ими торговли и вредному посредничеству подверглись: *Тула, Харьковъ, Курскъ, Воронежъ, и Калуга.*

Въ *Тулу* много наѣхало Евреевъ въ 1891 г., послѣ выселенія ихъ изъ Москвы и Московской губерніи, и въ слѣдующіе годы, такъ что

¹⁰¹⁾ Новое Время 1905 г. № 10,630 и 1909 г. №№ 12109 и 12113.

въ 1903 г. ихъ уже считалось до 20% всего населенія. Ихъ привлекала въ Тулу возможность широкаго посредничества, вслѣдствіе промышленнаго характера города. Они поселились въ изобиліи по его предмѣстьямъ, въ которыхъ живутъ кустари, и не смотря на то, что въ Туль есть посредническая контора, между кустаремъ и потребителемъ, усердно занялись поставкою заведеніямъ самоварнаго производства, отъ кустарей-штучниковъ, составныхъ частей самоваровъ. Одинъ самоварный дѣятель, на замѣчаніе корреспондента „Новаго Времени“ о странности этого явленія, отвѣтилъ, что Еврей необходимый посредникъ по поставкѣ и сбыту издѣлій. Также роль принадлежитъ Евреямъ и въ производствѣ гармоній. Постепенно они проникли на оружейный и патронный заводы въ качествѣ посредниковъ по доставкѣ разнаго матеріала и занялись торговлею скотомъ. На главной, Кіевской, улицѣ они открыли много часовыхъ магазиновъ и мастерскихъ серебряныхъ и золотыхъ издѣлій⁴⁰²).

Въ *Харьковѣ* также начался чрезмѣрный наплывъ Евреевъ съ девяностыхъ годовъ. Въ немъ въ 1892 г. ихъ числилось 7,000, а на 1 Января 1901 г. уже было 13,000 обою пола. Цѣлыя улицы, Николаевская, Мѣщанская, и цѣлые кварталы въ различныхъ частяхъ города сплошь заселились Евреями. На время пяти ярмарокъ, Евреямъ-купцамъ разрѣшается пріѣздъ въ Харьковъ на 10 дней: но они ухитряются проживать почти цѣлый годъ. Кромѣ того много Евреевъ вѣчно снующихъ по прилегающимъ къ Харькову желѣзнымъ дорогамъ, причемъ Харьковъ—это конспиративная квартира для разныхъ „гешефтовъ“. Дѣятельность Евреевъ угнетаетъ экономическую жизнь города. Они преимущественно занимаются противозаконной торговлею: продаютъ необандероленный табакъ и папиросы, торгуютъ краденными вещами на Благовѣщенскомъ базарѣ, откуда многіе изъ нихъ были выселены административнымъ порядкомъ. Имѣя магазины съ готовымъ платьемъ и разными галантерейными товарами, Евреи, главнымъ образомъ, занимаются коммисіонерствомъ по продажѣ хлѣба, мелкаго скота и недвижимыхъ имуществъ, особенно имѣній въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Для уловленія покупателей и продавцовъ, Евреи составляютъ цѣлыя кагалы. Въ 1900 г., одинъ изъ крупныхъ мѣстныхъ Евреевъ Шкафъ, имѣвшій банкирскую контору, обанкротился и скрылся въ Берлинъ. Пассивъ конторы доходилъ до 2.500,000 р.⁴⁰³).

Въ 1909 г. на послѣднюю Покровскую ярмарку въ Харьковъ наѣхала масса безпаспортныхъ Евреевъ. Мѣстная полиція 300 Евреевъ

⁴⁰²) Новое Время 1898 г. № 7300 и 1903 г. № 9698.

⁴⁰³) Новое Время 1900 г. № 8636, 1902 г. №№ 9392 и 9567, 1909 г. №№ 11970 и 12113 и 1910 г. № 12154.

предложила выѣхать. Евреи взволновались. Торгующимъ въ Харьковѣ русскимъ торговымъ фирмамъ они прямо заявили, что если они не выхлопочутъ имъ разрѣшенія жить въ Харьковѣ, то они переведутъ Харьковскія ярмарки въ другое мѣсто—въ черту осѣдности и торгующія русскія фирмы въ Харьковѣ обратились въ мѣстный биржевой комитетъ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы заинтересованнымъ въ прїѣздѣ на Харьковскую покровскую ярмарку Евреямъ не ставили препятствія, иначе Харьковская торговля упадетъ и, даже болѣе того, Евреи въ чертѣ осѣдности устроятъ собственную ярмарку. Мѣстный биржевой комитетъ, соглашаясь съ доводами русскихъ торговцевъ, постановилъ: Евреямъ необходимо разрѣшить свободное проживаниеъ не только на Крещенскую ярмарку, на которую они имѣютъ право, но и на ярмарки: Проводскую, Троицкую, Успенскую и Покровскую.

Такимъ образомъ, Евреи о расширеніи черты осѣдности уже не просятъ, а угрожаютъ и запугиваютъ.

Ходатайство Харьковскаго биржевого комитета о безпрепятственномъ допущеніи Евреевъ на Харьковскія ярмарки находится на разсмотрѣніи Совѣта Министровъ.

Въ существующее въ Харьковѣ гимнастическое общество „Сокль“, преслѣдующее цѣль славянскаго объединенія, въ которое должны входить лица Славянскаго происхожденія, постепенно вошли Евреи, составивъ четвертую часть членовъ. Вслѣдствіе вызывающаго ихъ поведенія, было выражено требованіе объ исключеніи Евреевъ; но совѣтъ — изъ нѣсколькихъ членовъ-юдофиловъ — не рѣшился на эту мѣру и рекомендовалъ членамъ своими средствами „вытѣснить Евреевъ изъ общества“.

Въ *Курскѣ* Еврей-торговцы уже въ 1887 г. вели настолько значительную торговлю хлѣбомъ, что основали свою биржу на курскомъ городскомъ вокзалѣ и у европейской гостиницы. Тамъ они стоятъ группами по десяткамъ человекъ и совершаютъ торговыя операціи. Къ вечеру каждаго дня на биржѣ извѣстны цѣны на всѣ хлѣбные продукты, стоящіе въ этотъ день въ Харьковѣ, Орлѣ, Воронежѣ и на всѣхъ ближайшихъ къ Курску желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Въ условленныхъ мѣстахъ вагоновъ, Еврей-коммиссіонеры кладутъ клочки бумаги, на которыхъ условленными знаками отмѣчаютъ цѣны на тѣ или другіе хлѣба, и у кого имѣется потребность въ закупкѣ и по какимъ цѣнамъ. Сверхъ того подробные хлѣбные бюллетени доставляются на биржу еврейскими „почталонами“. Эти лица подъ различными наименованіями, комерческихъ агентовъ, субагентовъ, привлекателей къ желѣзнымъ дорогамъ грузовъ и т. п., добиваются у желѣзно-дорожныхъ управленій бесплатныхъ годовыхъ билетовъ и затѣмъ провозятъ без-

платно всю корреспонденцію мѣстныхъ Евреевъ, а также провозятъ образцы хлѣбовъ и исполняютъ всевозможныя биржевыя порученія. Существованіе биржи вызвало расширеніе дѣятельности мѣстныхъ банковъ, которые снабжаютъ Евреевъ деньгами для ихъ торговли. Къ участию въ биржевыхъ операціяхъ не допускаются русскіе купцы. Всѣ биржевыя свѣдѣнія тщательно охраняются, потому что на ихъ незнаніи Евреи, по выраженію корреспондента „Новаго Времени“, „ловятъ рыбку въ мутной водѣ“⁴⁰⁴).

По важности торговли въ Курскѣ, такъ какъ грузооборотъ обращающихся въ немъ товаровъ достигаетъ до 13 милл. пудовъ на сумму отъ 8 до 9 милл. рубл., а сдѣлки совершаются по трактирамъ и на улицѣ, въ 1903 г. въ городскую думу былъ представленъ проектъ объ учрежденіи биржи, на который дума и согласилась съ тѣмъ, чтобы Евреи не допускались на биржу. Въ 1904 г. проектъ устава биржи, одобренный думой, былъ утвержденъ правительствомъ; но она не открылась вслѣдствіе бойкота мѣстныхъ купцовъ-Евреевъ, недовольныхъ тѣмъ, что, по уставу, лица нехристіанскаго исповѣданія не допускаются въ составъ биржевого комитета, и по равнодушію и неподвижности русскихъ мѣстныхъ хлѣботорговцевъ. Въ 1905 г. было удовлетворено ходатайство городской думы объ измѣненіи устава биржи въ смыслѣ допущенія въ составъ биржевого комитета одной трети нехристіанъ. Потому открытіе биржи ожидалось въ скоромъ времени⁴⁰⁵).

Какъ въ Харьковѣ, такая же печальная зависимость успѣха русской торговли и промышленности отъ участія Евреевъ на ярмаркахъ, обнаружилась и въ Курскѣ.

Въ 1909 г. мѣстная администрація рѣшила принять мѣры, чтобы воспрепятствовать пріѣзду Евреевъ на предстоящую въ Курскѣ ярмарку. Рѣшеніе администраціи встревожило русскій торговый и промышленный классы. Отсутствіе Евреевъ на ярмаркѣ, по ихъ мнѣнію, могло повести къ застою въ торговлѣ и во всякомъ случаѣ нанести большой матеріальный ущербъ не только мелкимъ торговцамъ, но и крупнымъ. Въ виду этого курское купечество обратилось съ просьбой къ городскому головѣ исходатайствовать у губернатора допущеніе на ярмарку Евреевъ-торговцевъ, какъ это было раньше. На просьбу губернаторъ отвѣтилъ сперва рѣшительнымъ отказомъ. Убѣждая губернатора допустить Евреевъ, городской голова указалъ, что, въ случаѣ отклоненія просьбы, возможно, что не состоится и ярмарка. Послѣ долгихъ пере-

⁴⁰⁴) Новое Время 1902 г. № 9592.

⁴⁰⁵) Новое Время 1903 г. № 9668, 1905 г. №№ 10456 и 10591 и 1909 г. № 11932

говоромъ, губернаторъ телеграфировалъ министру о допущеніи Евреевъ на ярмарку.

Въ *Воронежъ*, въ 1902 г. проживало до 2,800 Евреевъ, большую частью фиктивныхъ ремесленниковъ, занимавшихся коммисіонерствомъ и торговлей. Въ открытой въ Воронежъ хлѣбной биржѣ большинство хлѣбныхъ дѣльцовъ-Еврей, захватившіе всю хлѣбную торговлю на желѣзныхъ дорогахъ Воронежъ-Ростовъ и Воронежъ-Балашовъ. По словамъ русскаго купца, они всѣмъ орудуютъ, а русскимъ купцамъ осталось только не ссориться съ ними, иначе нельзя ничего не купить и не продать. Также значительна торговля Евреевъ галантерейнымъ и мануфактурнымъ товаромъ и особенно готовымъ платьемъ. Все это продается дешево, но составляетъ „гниль и заваль“⁴⁰⁶).

Въ *Калугѣ* наплывъ Евреевъ въ 1896 г. былъ такъ значителенъ, что тамъ оказались улицы, напримѣръ, Облужская, сплошь населенная Евреями. Даже на лучшей, Никитской, улицѣ одна сторона занималась еврейскими магазинами. Нѣкоторыя выгодныя предпріятія: торговля бани, гостиницы, фотографіи захватываются Евреями и Нѣмцами⁴⁰⁷).

Изъ другихъ городовъ Европейской Россіи, внѣ черты еврейской осѣдлости, размноженіе Евреевъ и постепенный захватъ ими торговли и промышленности замѣчается: въ *Ревель*, *Риль*, особенно въ *Таишропъ*, *Либавь*, *Ялтѣ*, *Алуштѣ* и даже въ *Севастополѣ*⁴⁰⁸).

Въ Декабрѣ 1906 г. владѣльцы имѣній и дачъ Алушты обратились къ главноначальствующему Ялты, прося ходатайствовать передъ Государемъ объ изыятіи Алушты изъ черты еврейской осѣдлости, о выселеніи изъ нея всѣхъ водворившихся въ ней Евреевъ и о запрещеніи имъ пріѣзжать въ Алушту въ лѣтнее время.

Алуштинцы, въ своемъ ходатайствѣ, ссылаются на слѣдующіе вредные результаты жителства Евреевъ въ Алуштѣ:

1) Еврей внесли въ среду мѣстнаго, мирнаго, трезваго и трудолюбиваго татарскаго населенія отрицательныя взгляды на трудъ, порядокъ, законность, честь и справедливость.

2) Совершенное презрѣніе Евреевъ къ физическому труду развращающе дѣйствуетъ на населеніе.

3) Еврей эксплуатируютъ трудъ мѣстнаго населенія и, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ его въ деньгахъ въ весеннее и лѣтнее время для обработки своихъ виноградниковъ и садовъ, даютъ ему

⁴⁰⁶) Новое Время 1902 г. № 9611.

⁴⁰⁷) Новое Время 1896 г. № 7377.

⁴⁰⁸) Новое Время 1897 г., № 7587; 1899 г. №№ 8533, 8440 и 8322; 1900 г. № 8828; 1902 г. № 9194; 1903 г. № 9985; 1904 г. № 9997 и 1909 г. №№ 12121 и 12122; Сынъ Отечества 1898 г. № 96.

деньги въ ссуду подъ залогъ за высокіе и незаконные проценты, чѣмъ совершенно разоряютъ населеніе.

4) Евреи производятъ тайную продажу вина и водки и всякими способами спаиваютъ мѣстное населеніе и пришлый рабочій людъ.

5) Своею незаконною торговлею Евреи подрываютъ всякаго рода торговлю въ ущербъ какъ мѣстныхъ торговцевъ, такъ равно и покупателей.

6) Присутствіе Евреевъ въ Алуштѣ, какъ людей некультурныхъ и нечистоплотныхъ, заставляетъ многихъ отказываться отъ жительства въ Алуштѣ и ѣхать въ болѣе культурныя мѣста.

Въ Севастополѣ въ 1899 г. Евреевъ и Караимовъ уже было 8, 6% всего населенія, хотя проживаніе Евреевъ въ Севастополѣ, какъ въ важной крѣпости, всегда признавалось крайне опаснымъ для государства, что и доказали ужасныя событія на Югѣ Россіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, въ которыхъ главными виновниками, какъ и во всемъ революціонномъ движеніи, были Евреи.

Послѣ выселенія изъ *Москвы* въ 1891 г. Евреевъ, фиктивныхъ ремесленниковъ⁴⁰⁹⁾, въ ней стало постепенно увеличиваться число Евреевъ купцовъ 1-й гильдіи и, какъ мы сказали въ главахъ XI и XII, Евреевъ-издателей и соотрудниковъ газетъ, адвокатовъ, врачей, дантистовъ и фармацевтовъ. Еще въ 1889 г. въ Москвѣ была установлена норма допустимаго количества Евреевъ купцовъ 1-й гильдіи въ 33% общаго числа купцовъ 1-й гильдіи. Не смотря на это и состоявшееся въ 1899 г. Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ объ условіяхъ водворенія Евреевъ купцовъ 1-й гильдіи и выборки ими купеческихъ свидѣтельствъ въ Москвѣ и въ городахъ Московской губерніи⁴¹⁰⁾, которымъ по пункту 1-му имъ предоставлено водворяться и выбирать торговые свидѣтельства по Москвѣ и городамъ Московской губерніи не иначе какъ съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія министра финансовъ, по соглашенію съ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, число Евреевъ купцовъ 1-й гильдіи постепенно возросло и къ концу 1907 г. достигло 66%. Московская купеческая управа признала необходимымъ принять какія нибудь мѣры, чтобы наряду съ уменьшеніемъ числа купцовъ 1-й гильдіи христіанъ не возрастало число купцовъ Евреевъ, такъ какъ если ростъ ихъ пойдетъ въ той же пропорціи, то скоро въ Москвѣ вся первая гильдія будетъ состоять изъ однихъ Евреевъ⁴¹¹⁾.

⁴⁰⁹⁾ Болѣе 30,000 человекъ, такъ какъ въ 1889 г. по частнымъ свѣдѣніямъ ихъ считалось не менѣе 35,000. (Новое Время 1889 г. № 4711).

⁴¹⁰⁾ Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 1899 г. № 33.

⁴¹¹⁾ Новое Время 1908 г. № 11440 и 1910 г. №№ 12246 и 12271.

Въ порядкѣ Высочайшаго повелѣнія, 22 Августа 1909 г., въ Москвѣ разрѣшено оставить на жительство 191 Еврея, купцовъ 1-й гильдіи, приписанныхъ къ городамъ, находящимся внѣ черты еврейской осѣдлости, и членовъ ихъ семействъ. Списокъ опубликуется въ „Вѣдомостяхъ Московскаго градоначальства“, причѣмъ Евреямъ, не включеннымъ въ списокъ, данъ мѣсячный срокъ для доказательства ихъ правъ на оставленіе на жительство въ Москвѣ.

Большинство московскихъ купцовъ-Евреевъ торгуетъ мануфактурными и галантерейными товарами и ювелирными издѣліями (самыми удобными для полученія контрабанднымъ путемъ). Оптовая торговля ягодами и грибами захвачена въ Москвѣ Евреемъ Бѣлоусовымъ, и съ 1909 г. монополизована Евреями оптовая торговля фруктами. Что касается кредитнаго и страховаго дѣла, то оно въ Москвѣ, какъ и вездѣ, преимущественно въ еврейскихъ рукахъ. Кромѣ зарегистрированныхъ купеческою управою 165 первогильдейскихъ купцовъ-Евреевъ, въ Москвѣ ведутъ крупныя торгово-промышленныя дѣла иностранные Евреи, которые не числятся въ Московскомъ купечествѣ.

Особенно расплодилось и разбогатѣло въ Москвѣ потомство *Соломона Лазаревича Полюкова*⁴¹²). Въ 1900 г. восемь наличныхъ потомковъ его: Лазарь и Яковъ Соломоновичи, Михаилъ и Исаакъ Лазаревичи, Даниилъ Самуиловичъ и Лазарь, Самуилъ и Борисъ Яковлевичи, имѣли въ своихъ рукахъ: 6 банковъ комерческаго кредита съ основнымъ капиталомъ въ 31½ мил. руб., 3 банка земельного кредита въ 13¼ мил. руб., страховое общество съ капиталомъ въ 1 мил. руб., желѣзнодорожное общество съ капиталомъ въ 5.462,500 р., 1 парашодное общество съ капиталомъ въ 5 мил. р. и 4 промышленныхъ общества съ капиталомъ въ 4½ мил. руб. Всего 16 обществъ съ капиталомъ въ 60.712,500 рубл. Большая часть этихъ дѣлъ находилась въ Москвѣ, гдѣ, кромѣ того, имъ принадлежало много домовъ⁴¹³).

Въ Азіатской Россіи, въ важныхъ торгово-промышленныхъ городахъ Евреи также размножаются и захватываютъ торговлю и промышленность.

⁴¹²) Во время генераль-губернаторства кн. Долгорукова въ Москвѣ съ 1865 г., по 1891 г., еврейская партія во главѣ съ С. Полюковымъ пользовалась покровительствомъ его канцеляріи, благодаря которому началось настоящее переселеніе Евреевъ въ Москву. У Полюкова въ услуженіи состояло свыше 900 поваровъ, въ каждомъ оркестрѣ увеселительныхъ заведеній числилось до 1,000 музыкантовъ, а въ дѣйствительности играли десятокъ—другой жалкихъ оборванцевъ. Полюковъ вопреки закона выстроилъ въ Москвѣ синагогу. (Новое Время 1905 г. № 10465).

⁴¹³) Новое Время 1900 г. № 8811.

Въ *Баку* въ 1886 г. Ротшильдъ за полціны скупилъ акціи „Батумскаго нефтепромышленнаго и торговаго общества“ (Палашковскаго) и закабалилъ путемъ коммисіонныхъ договоровъ многихъ бакинскихъ керосиновыхъ заводчиковъ. Ему принадлежала въ 1901 г. уже двадцатая часть (33 мил. пудовыхъ) всей нефтяной добычи въ Баку. Изъ 71 мил. пуд. вывоза нефтяныхъ продуктовъ, на долю его приходилось 22 мил. пуд. За Ротшильдомъ потянулись въ Баку цѣлыя вереницы Евреевъ. Не смотря на изданный въ 1892 законъ, запрещающій Евреямъ, не имѣющимъ права жительства внѣ черты осѣлости, пріобрѣтеніе въ собственность нефтяныхъ земель, пользованіе ими, поиски и полученіе отводовъ по заявкамъ на добычу нефти и управленіе нефтяными землями въ Кавказскомъ краѣ⁴¹⁴), въ Баку начали возникать еврейскія нефтепромышленныя фирмы. Въ 1901 г. уже было 25 еврейскихъ фирмъ изъ 160. Кромѣ того Евреи участвуютъ въ нефтяной промышленности въ компаніи съ Армянами. Въ числѣ служащихъ на нефтяныхъ промыслахъ находилось въ 1901 г. 120 Евреевъ, которые занимали лучшія мѣста по администраціи, въ конторахъ и т. п. Всѣхъ Евреевъ, большею частью фиктивныхъ ремесленниковъ, въ Баку, въ 1901 г. считалось до 10,000, хотя въ 1900 и 1901 годахъ было выслано до 400 еврейскихъ семействъ⁴¹⁵).

Въ 1908 г. русскихъ рабочихъ на нефтяныхъ промыслахъ уменьшилось до 8 процентовъ вслѣдствіе увольненія ихъ владѣльцами промысловъ, Армянами и Евреями, захватившими промыслы отъ Русскихъ. Русскіе интеллигенты не находятъ себѣ работы. Въ то время какъ студенты-Евреи спеціальныхъ учеб. заведеній, пріѣзжающіе въ Баку на практику, находятся въ хорошихъ условіяхъ на предпріятіяхъ своихъ соплеменниковъ, незначительная часть русскихъ студентовъ наталкивается на полное нежеланіе со стороны администраціи нефтепромышленныхъ фирмъ знакомить ихъ съ веденіемъ промысловыхъ и заводскихъ дѣлъ. 35% морскихъ рыбныхъ промысловъ перешли къ Евреямъ. Оптовая торговля захвачена преимущественно ими.

Въ *Туркестанскомъ краѣ* змѣчается большой наплывъ Евреевъ подъ видомъ приказчиковъ и ремесленниковъ, захватывающихъ все прибыльное въ свои руки. Едва-ли не двѣ трети хлопковой промышленности эксплуатируется Евреями. Фирмы Познанскихъ, Оссера, Шло-сберга и другихъ съ успѣхомъ оперируетъ въ краѣ, наводняя его своими служащими Евреями. Кромѣ крупныхъ фирмъ имѣется множество Евреевъ-спекулянтовъ. Придерживаясь, какъ вездѣ, кагальной

⁴¹⁴) Уставъ горн., ст. 547, примѣч. 1. По продол. 1895 г.

⁴¹⁵) Новое Время 1901 г. №№ 8966 и 9216, 1908 г. № 11767 и 1909 г. № 11906.

системы, Евреи вытѣсниють Русскихъ и дошли уже до того, что желаютъ господствовать въ общественномъ мѣннн края.

Въ *Ташкентѣ*, въ городскомъ управленіи, насчитывается всего шесть Евреевъ, но всякое дѣло относительно крупныхъ подрядовъ и концесій неизмѣнно рѣшается въ пользу израильскаго племени. Во главѣ еврейской группы стоитъ Рейеръ-юристъ. Какъ гласному, отъ котораго у города нѣтъ секретовъ, Рейеру удается быть вездѣ, гдѣ это въ интересахъ его племени. Вся печать въ краѣ уже сплошь еврейская. Врачи, за исключеніемъ немногихъ, казенныхъ, все Евреи. О томъ, какъ Евреи поработаютъ и разоряютъ туземцевъ производителей хлопка, корреспондентъ „Новаго Времени“ сообщаетъ изъ Ташкента, между прочимъ, слѣдующее: „Послѣдніе, при неурожаѣ хлопка, нуждаются въ авансахъ, которые въ началѣ хлопководства и выдавались добросовѣстно фабрикантами, даже слагавшими съ нихъ долги. Но, когда на смѣну солидныхъ, работающихъ за свой счетъ фирмъ, явились заводчики-коммиссіонеры, большею частью Евреи, принявшіе на себя роль посредниковъ при раздачѣ авансовъ, то они стали систематически поработать и разорять производителей хлопка. Получая отъ фирмъ крупныя суммы подъ хлопокъ, Евреи раздаютъ эти деньги мелкимъ плантаторамъ, по мелочамъ, за двойные и болѣе проценты и на вполнѣ гарантирующихъ возвратъ аванса процентовъ и неустойки условіяхъ. Съ того времени хлопковое дѣло съ другими отраслями промышленности Туркестана быстро захватывается Евреями. Вопросъ о разореніи плантаторовъ и скупкѣ за безцѣногъ ихъ земель Евреями и ихъ подставными лицами сдѣлался чрезвычайно острымъ. Попавшаго въ авансовую петлю туземца Евреи выпускаютъ не иначе, какъ окончательно его разоривъ, отнявъ землю“.

Въ *Самаркандѣ* большая, лучшая центральная часть его вся почти принадлежитъ Евреямъ; мануфактурная торговля—вся въ ихъ рукахъ. Въ общественной библіотекѣ они возбудили вопросъ, чтобы не выписывали „Новое Время“. Мѣстная газета „Самаркандъ“ совсѣмъ объевреилась въ послѣднее время. Отдѣленіе Русско-Китайскаго банка, вмѣсто того, чтобы облегчить кредитъ русскимъ предпринимателямъ, допускаетъ произволъ: сначала оно имъ кредиты открываетъ, а потомъ, безъ всякой уважительной причины, закрываетъ, вообще дѣйствуетъ противъ русскихъ интересовъ⁴¹⁶).

Въ *Сибири*, въ городахъ: *Омскѣ*, *Томскѣ*, *Иркутскѣ* и *Читѣ* нашествіе Евреевъ увеличилось въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка. Послѣ русско-японской войны Евреи покинули Харбинъ и расселились

⁴¹⁶) Новое Время 1905 г. №№ 10451 и 10491 и 1908 г. №№ 11744 и 11761.

по Владивостоку, Хабаровску и по всѣмъ главнымъ поселкамъ Уссурийскаго края.

Въ *Иркутскъ* они захватываютъ торговлю и ремесла и проникли на службу въ правительственныя учрежденія черезъ переходъ въ христіанство⁴¹⁷⁾.

Въ *Читъ*, изъ 60 лавокъ на базарѣ въ 1896 г. было 38 еврейскихъ⁴¹⁸⁾.

Въ *Верхнеудинскъ* поселившіеся въ значительномъ числѣ Евреи захватили всю мелочную торговлю. Изъ крупныхъ торговцевъ остался только одинъ Русскій. Евреи въ городѣ большіе домо-и лавко-владѣльцы, содержатели аптеки и аптекарскаго магазина, перевоза черезъ р. Селенгу и арендаторы моста черезъ р. Уду; подрядчики по доставкѣ для войскъ мяса и прочихъ припасовъ и т. д. Городской врачъ и городская акушерка изъ Евреевъ.

Торгуя въ *Забайкальской области* лодзинскими товарами, Евреи вытѣсняють московскіе. На пріискахъ они занимаются спаиваніемъ рабочихъ, покупкою краденаго золота (за что многіе изъ изъ нихъ сидѣли въ тюрьмѣ), спаиваніемъ инородцевъ и обмѣномъ у нихъ на бездѣлушки дорогихъ мѣховъ⁴¹⁹⁾.

Въ 1903 г. ссыльные Евреи захватили въ устьяхъ Амура рыбную ловлю, оттѣснивъ отъ этого промысла русскихъ рыбаковъ и засолничковъ, по отсутствію у нихъ сплоченности и недостатку оборотныхъ капиталовъ, которые даются Евреямъ ихъ единовѣрцами и Русско-Китайскимъ банкомъ. На еврейскихъ рыбалкахъ въ устьяхъ Амура уловъ кѣты былъ громаднѣй, а гилякское населеніе отъ *Хабаровска* до *Николаевска* осталось безъ рыбы⁴²⁰⁾.

Соединеніе *Новороссійска* желѣзнодорожнымъ путемъ со всѣмъ Сѣвернымъ Кавказомъ и приволжскими губерніями направило сюда большія количества зерновыхъ продуктовъ для вывоза за границу. Къ сожалѣнію, весь хлѣбный вывозъ за границу и почти всю закупку хлѣбныхъ продуктовъ захватили Евреи и затѣмъ инородческія и иностранныя фирмы. Еще недавно операціи по скупкѣ ихъ были почти исключительно въ рукахъ мѣстныхъ русскихъ предпринимателей, но теперь оперируютъ по всему Сѣверному Кавказу Евреи, благодаря энергичной поддержкѣ ихъ еврейскими банками. Последніе открывали всякому еврейчику, хотя бы у него не было гроша, широкій кредитъ, что да-

⁴¹⁷⁾ Новое Время 1896 г. № 7256 и 1909 г. № 11811.

⁴¹⁸⁾ Сынъ Отечества 1896 г. № 325 и Новое Время 1909 г. № 11784.

⁴¹⁹⁾ Новое Время 1897 г. № 7656 и 1900 г. № 8661.

⁴²⁰⁾ Новое Время 1903 г. № 9936.

вало ему возможность производить закупку любыхъ количествъ хлѣба, не имѣя ни копѣйки. Заручившись помощью банка, онъ покупалъ хлѣбъ съ условіемъ погрузки его въ вагонъ продавцомъ, и по представленіи накладной, на которую онъ накладывалъ платежъ на экспортную фирму, банкъ ему немедленно выплачивалъ всю сумму накладной по предъявленіи, и такимъ образомъ еврейчикъ, не затративъ самъ ни копѣйки, но заставивъ продавца затратить на погрузку, получалъ не только сумму, необходимую для оплаты, но и барышъ. Вслѣдствіе такого кредита, удешевленнаго до послѣднихъ предѣловъ, Еврей-скупщики могутъ платить копѣйку-другую продавцамъ на пудъ больше противъ Русскихъ и потому быстро захватили всю торговлю хлѣбомъ. Русскимъ же комерсантамъ, крупнымъ и мелкимъ, банки открываютъ ограниченный кредитъ и только при наличности недвижимаго имущества или внесенія залога процентными бумагами, и притомъ выплачиваютъ только часть суммы накладной и съ достаточно продолжительной задержкой. Это объясняетъ, почему совершенно неимущіе Евреи могли одержать побѣду надъ имущими, вполне опытными и хорошо ведущими торговлю Русскими. Само собой разумѣется, что и крупныя еврейскія фирмы помогаютъ своимъ, покупая у нихъ хлѣбъ по преимуществу и по нѣсколько повышенной цѣнѣ.

Кубанская область официально находится внѣ черты еврейской осѣдлости, но Евреи нашли очень простой способъ обходить законъ: они не нанимаютъ квартиръ, а живутъ по гостинницамъ и номерамъ, разъѣзжая по области. Такимъ образомъ, въ то время, какъ статистика показываетъ только нѣсколько тысячъ проживающихъ въ области Евреевъ, ихъ на самомъ дѣлѣ проживаетъ тысячъ двадцать пять: ими захвачены всѣ виды скупной торговли. Нѣкоторую конкуренцію имъ оказываютъ еще армавирскіе Армяне, имѣющіе къ ихъ услугамъ свой банкъ и отчасти государственный (Новое Время 1910 г. № 12262).

(Продолженіе будетъ).

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ВТОРОМУ.

На обрученіе его съ княжною Меншиковою 25 Мая 1727 г.

Среди разысканных мною бумагъ академика Я. И. Берендикова оказался любопытный литературный памятникъ начала XVIII в.: поздравительные стихи *Ивана Верещина*, написанные имъ отъ имени Академіи Наукъ по поводу обрученія императора Петра II-го съ княжною Меншиковою. Стихи писаны на листъ съ водяными знаками. Это черновикъ; въ воспроизводимомъ здѣсь текстѣ отмѣчаются поправки подлинника. Это дастъ читателю возможность уяснить себѣ, какъ шла работа стихотворца надъ своимъ твореніемъ.

Поздравительное упражненіе Верещина, если сравнивать его съ сатирами Кантемира или виршиами Магницкаго, далеко не блещетъ достоинствами. Впрочемъ необработанность можетъ объясняться тѣмъ, что стихи предназначались, судя по нѣкоторымъ отмѣткамъ въ подлинникѣ, къ переводу на Латинскій языкъ.

Какъ превозносятся въ этихъ стихахъ „пріятнолюбезный тестъ“ Меншиковъ, какія великія надежды возлагаются на Марію и Наталію и какъ въ сущности умаляется личность императора-мальчика!

Цѣнно это поздравленіе и потому, что оно является однимъ изъ первыхъ „трудовъ“ нашей Академіи Наукъ. Вотъ какъ работала она до Ломоносова.

Державнѣйшему Императору

Петру Второму

на благополучный день обрученія своего.

1.

Небо омрачается,
а Петрово слнце ясно.
Провалился темнота.
чаяніе бо не напрасно.
Слава Перваго Петра
на Горахъ алмазныхъ стоитъ,
а тую уже всегда
внукъ его всю вновь устроитъ.

2.

Русе! ¹⁾ Счастіе твое
 врагамъ всякимъ ненавистно ²⁾.
 виждь ты перворождіе
 радости твоеи ³⁾ корыстно.
 второй Петръ возшедъ на Тронъ,
 по желанію ⁴⁾ воцарится,
 отъ высокихъ всѣхъ персонъ
 со свѣтлѣйшею дружится.

3.

Императрица Новая
 здѣшная есть ⁵⁾, вамъ ужъ сулила.
 в сердце вся вамъ добрая
 Постоянно заключила ⁶⁾.
 Ново счастіе настаеть.
 Ты отца ея узнаешь
 свѣтомъ ты ⁷⁾ называешь
 онъ тебе пожалуетъ ⁸⁾.

4.

Срдце коронованное
 в княжескомъ Гербѣ отъ всѣхъ зримо ⁹⁾
 Се! по вышше взятое

¹⁾ Первоначально стояло: Росія. Зачеркнуто и переправлено: Земле. Вновь зачеркнуто и сверху замѣнено приводимою крайне рѣдкою формою.

²⁾ Написано въ выноскѣ вмѣсто зачеркнутой строки: враги ревнуй глядять.

³⁾ Далѣе вычеркнуто слово: опять.

⁴⁾ Первоначально въ строкѣ было написано: его настѣдѣе.—Слова эти подчеркнуты прерывистой чертой и въ выноскѣ, рядомъ со строкой, передѣланы: всѣмъ во обще бго; это зачеркнуто и замѣнено: всѣмъ во бго.

⁵⁾ Это слово вставлено надъ строкой.

⁶⁾ Въ текстѣ стояло: намѣрила; зачеркнуто и замѣнено въ выноскѣ: обѣщала; слова зачеркнуто и замѣнено приводимымъ словомъ.

⁷⁾ Первоначально стояло: и помощникомъ. Зачеркнуто и надъ строкой надписано: и свѣтомъ ево. Подчеркнуто и въ выноскѣ исправлено: свѣтомъ ты.

⁸⁾ Въ данной строфѣ, обращенной, по смыслу стихотворенія, къ Петру II, отецъ невѣсты, Александръ Даниловичъ Меншиковъ, именуется „Свѣтомъ“, который чѣмъ-то „пожалуетъ“ жениха. Чуется возвеличеніе временщика, унижительное для особы Императора.

⁹⁾ Исправлено изъ слова: видимо,

кому ¹⁰⁾ оно не любимо? ¹¹⁾
 Петръ то сердце принималъ
 заключа въ свою Корону,
 да оно покоевалъ
 на Багряномъ црекомъ Трону.

5.

Бже! ублажи союзъ
 превысоко обрученныхъ
 отвори же всякой Трусъ,
 удовлетвори поданныхъ.
 Слыши все желаніе
 что срдчно мы просили,
 дабы новообрученные
 Счастливо и царски жили.

Подъ текстомъ стихотворенія, написаннаго въ два столбца, значится: в 25 Мая 1727. и помѣтка: *Его Имп. Вел. всеподданнѣйшая Академія*. Далѣе, на внутренней сторонѣ листа, во всю его длину, помѣщено слѣдующее стихотвореніе (или переводъ съ Латинскаго, или матеріалъ для перевода на Латинскій).

Его Императорскому Величеству
 Петру второму
 Августу Императору и Самодержцу
 всероссійскому
 въ день обрученія его
 Академія Петербургская.

Не исходными Бѣдами обстоима Еуропа
 Со ужасомъ предвидитъ
 Мятежи, убійства, *запалены пожары* и прочіе жестокіе Марсовы дѣла,
 Желаетъ же мира и Союзовъ.
 Союзовъ никакими жалобами не разрушимы
 Народамъ: Воннамъ вѣчной миръ и покой
 Сотворили бы.

¹⁰⁾ Послѣ этого было вставлено зачеркнутое потомъ слово: будетъ.

¹¹⁾ Данная строка взята изъ выноски, замѣняющей первоначальный зачеркнутый текстъ: высоты достойно.

Обаче же державы къ вырокамъ Бжественнымъ привѣшены
 Похотьніемъ Своимъ похищаются въ неубѣжную войну.
 Такимъ временямъ Бгъ Тебя, о Преславной Петра Великаго чадо!
 Даль, чтобы ты Силенъ Былъ воже уклонити Народовъ
 Воже одолать неутолимыхъ, возвратитъ златыя вѣки воже пребывать
 миру.

Того ради маяніемъ Бжественнымъ в Серце твое вдается добродѣтель
истииннаго Блгородія

І во умъ премудрость частица пренебеснаго аера.
 Нынѣ уже радостенъ да фіевые вѣтви Вираешь дѣдовские.
 Дѣть тебѣ есть *впредь* храбрость показать великими дѣлы.
 Огненная сила Петрова и во всякихъ случаяхъ *искусное* мужество
 Въ тебѣ великомъ внукѣ зажигаемое,
 Настаетъ да возвращается,
 Благодать Екатеринова паки оживаетъ в тебѣ,
 Въ единомъ тебѣ приклады великихъ *родителей* возвращаются.
 Доброта твоя Благоумію знаменатель
 Наталія¹⁾ мудростію пособить і къ великимъ дѣламъ возбудить.
 Марія²⁾ воззоветъ либо на воинские дѣла, или напаче къ правленію
 мира

Нежели *у тебя* Себѣ спросить удовольвія.
 Слава *долнихъ* Предковъ твоихъ опредѣлила тебя желанію иному.
 Свѣдѣишій Кизь, пріятнолюбезной твой Тестъ
 Давшій намъ покровителя и Благодѣтеля³⁾
 Того-же желаетъ.

Симъ потрудишся, дѣйствуешь и содѣлаешь.
 Отсель уже думаешь на великне Тріумфы.
 Отнынѣ возвратишь Свѣту примиреніе, Народамъ же Спасеніе.
 А мы Тебя либо ратиборца, или Миротворца
 Униженны Вознесемъ, Благодарны воспоемъ
 Твоя Преславная дѣла.

Подъ стихотвореніемъ подпись: Иванъ Верещагинъ. Внизу нѣ-
 сколько замѣтокъ, переводъ нѣкоторыхъ Русскихъ выраженій (напр.
нампріла, по насльдію, давшій намъ благодѣтеля) на Латинскій языкъ.

Сообщилъ И. П. Мордвиновъ.

Тихвинъ.

¹⁾ Сестра императора, великая княжна Наталія Алексѣевна.

²⁾ Невѣста Государя княжна Марія Александровна Меншикова.

³⁾ Передѣлано изъ первоначальнаго текста: *Паки давшій намъ Протектора, на-
 укамъ всемірнаго Защитника.*

ГРАФЪ Н. П. ШЕРЕМЕТЕВЪ И КНЯЗЬ П. И. БАГРАТІОНЪ.

1.

Графъ Н. П. Шереметевъ князю П. И. Багратіону.

Милостивый государь мой князь Петръ Ивановичъ.

Съ совершеннымъ сожалѣніемъ вижу себя принужденнымъ лишиться чести и пріятнаго приглашенія вашего сіятельства, но къ крайнему прискорбію, при выходѣ вчера съ Эрмитажа, простудилъ глазъ, котораго опухоль принуждаетъ повсечасно прикладывать примочку. Не примите здѣсь сказанное за обыкновенную отговорку: я истинно старался всегда пользоваться вашимъ ко мнѣ благорасположеніемъ и не упустилъ бы и сей пріятной для меня вечеръ провести вмѣстѣ съ вами, но одна самая невозможность, препятствуя мнѣ въ томъ, съ сердечнымъ сожалѣніемъ удерживаетъ меня дома. При первомъ же выѣздѣ пріѣду я самъ повторить искренное почтеніе и преданность, съ которыми неизмѣнно остаюсь всегда, милостивый государь мой, вашего сіятельства и пр. Гр. Николай Шереметевъ.

Октября 31 дня 1802 года.

2.

Князь Багратіонъ графу Н. П. Шереметеву.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Отправившійся изъ города Або отъ парламента депутатомъ господинъ Ребиндеръ просилъ меня представить его вашему сіятельству; но я, почитая васъ съ дѣтства моего, пріемлю себѣ за совершенное благополучіе имѣть случай засвидѣтельствовать вашему сіятельству мое глубочайшее почтеніе и просить, чтобы вы милостію своею не оставили его, яко новопріобрѣтенныхъ людей. Онъ увидитъ у васъ въ домѣ то, чего никогда не видалъ и не увидитъ. Прошу вашего сіятельства, почтенной милостивецъ, его и накормить.

Пребывая всегда съ истиннымъ высокопочтаніемъ и совершенною преданностію вашего сіятельства милостиваго государя „всепокорной слуга Кн. Петръ Багратіонъ“.

Або.

Сентября 2 дня 1808-го года.

Сообщено графомъ **С. Д. Шереметевымъ.**

ИЗЪ АРХИВА Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВА.

О невпускѣ князя Александра Кантакузина въ Царство Польское.

Дѣло № 342 (по описи № 598) о невпускѣ въ Царство Польское князя Александра Кантакузина. Съ 9 (21) Февраля 1822 года. На трехъ листахъ.

Рапортъ дежурнаго генерала Главнаго Штаба Цесаревича. г.-м. Кривцова Н. Н. Новосильцову, отъ 8 Февраля 1822 г. № 566.

Его Императорское Высочество Цесаревичъ изволилъ извѣститься, что въ городѣ Дрезденѣ, въ Саксоніи, проживаетъ теперь князь Александръ Кантакузинъ, возвратившійся изъ Греціи, которой имѣетъ намѣреніе пріѣхать въ городъ Варшаву и здѣсь остаться для жительства до нѣкотораго времени; а какъ находящійся въ Дрезденѣ же Россійскій посланникъ г-нъ д. т. с. Ханыковъ объявилъ ему, князю Кантакузину, Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, что въѣздъ ему въ предѣлы Россіи запрещенъ; то посему Его Высочество Цесаревичъ повелѣтъ мнѣ изволилъ предписать козачей кордонной стражѣ, въ Царствѣ Польскомъ по границѣ расположенной, дабы усугублено было бдительное смотрѣніе о невпускѣ помянутаго князя Кантакузина въ Царство Польское, и увѣдомить о томъ чрезъ кого слѣдуетъ гражданское начальство въ Царствѣ Польскомъ и таможенной Россійской части, на вѣншей границѣ сего Царства находящейся, о учиненіи съ ихъ стороны должнаго по вышеизъясненному предмету распоряженія.

Къ приведенію въ точное исполненіе таковаго Его Императорскаго Высочества Цесаревича повелѣнія, я предложилъ командирамъ козачьихъ полковъ, по границѣ въ Царствѣ Польскомъ расположенныхъ, и увѣдомилъ г-на бригаднаго генерала Коссецкаго для доклада г-ну намѣстнику Царства Польскаго*), о семъ имѣю честь доложить вашему превосходительству, всепокорнѣйше прося о повелѣніи вашему кому слѣдуетъ на щетъ предписанія Россійскимъ таможникамъ, въ Царствѣ Польскомъ находящимся, о непропускѣ въ оное помянутаго князя Кантакузина.

Какъ видно изъ отзыва Н. Н. Новосильцова на имя г. м. Кривцова, тогоже дня, за №№ 84 и 85, повелѣніе Цесаревича было исполнено „безъ замедленія“.

Сообщилъ И. Г. Попруженко.

*) Т. е. Н. Н. Новосильцову. П. Б.

Самооправданіе императора Александра Павловича въ письмѣ къ великой княгинѣ Екаторинѣ Павловнѣ.

18 Сентября 1812 г.

Вотъ вамъ, дорогой другъ, мой обстоятельный отвѣтъ, который и долженъ вамъ дать.

Печему дивиться, когда на человѣка, постигнутаго несчастіемъ, нападаютъ и его терзаютъ. Я никогда не обманывалъ себя на этотъ счетъ и зналъ, что со мною поступать такъ же, чуть судьба перестанетъ мнѣ благопріятствовать. Мнѣ суждено, быть можетъ, лишиться даже друзей, на которыхъ больше всего я рассчитывалъ. Все это, по несчастію, въ порядкѣ вещей въ здѣшнемъ мірѣ!

Мнѣ всегда претило, а особенно при несчастіи, утомлять кого бы то ни было подробностями о себѣ самомъ; но, по моей къ вамъ искренней привязанности, я дѣлаю надъ собою усиліе и изложу вамъ дѣла въ томъ видѣ, какъ они мнѣ представляются.

Что лучшаго, какъ руководиться своими убѣжденіями? Имъ только и слѣдовалъ я, назначая Барклая главнокомандующимъ 1-ой арміи, по его заслугамъ въ прошлыя войны съ Французами и Шведами. Я убѣжденъ, что онъ превосходитъ Багратіона въ знаніяхъ. Грубыя ошибки, сдѣланныя симъ послѣднимъ и бывшія отчасти причиною нашихъ неудачъ, только подкрѣпили меня въ этомъ убѣжденіи, при которомъ, меньше чѣмъ когда либо, я могъ считать его способнымъ быть во главѣ обѣихъ армій, соединенныхъ подъ Смоленскомъ. Хотя я и не вынесъ большаго удовольренія изъ немногаго выказаннаго въ мое присутствіе Барклаемъ, но все же считаю его менѣ несвѣдующимъ въ стратегіи, чѣмъ Багратіонъ, который ничего въ ней не смыслить.

Слухъ, дошедшій и до васъ, будто мой адъютантъ Кутузовъ доставилъ мнѣ очень сильныя представленія отъ генераловъ арміи, совершенно ложень. Кутузовъ просто привезъ мнѣ отчетъ о дѣлахъ, происходившихъ подъ Витебскомъ, на мой же собственный вопросъ онъ отвѣчалъ, что въ арміи считаютъ Багратиона и Барклая одинаково неспособными распорядиться такимъ большимъ войскомъ, а что всѣмъ желателенъ Петръ Паленъ. Не говоря уже объ его *вроломномъ* и *безирравствениомъ* характерѣ и *преступленіяхъ*, вспомните только, что онъ близъ 18—20 лѣтъ, какъ не видѣлъ непріятеля и былъ только бригаднымъ генераломъ, когда въ послѣдній разъ участвовалъ въ сраженіи. Какъ-же я могъ положиться на такого человѣка, и чѣмъ онъ выказалъ свои воинскія дарованія или доблести?

Въ Петербургѣ я нашелъ всѣхъ за назначеніе главнокомандующимъ старика Кутузова: это было единодушное желаніе.

Такимъ какъ знаю Кутузова, я противился сначала его назначенію: но, когда Ростовчинъ, въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 5-го Августа, извѣтилъ меня, что и въ Москвѣ всѣ за Кутузова, не считая Барклая и Багратиона годными для главнаго начальства, и когда, какъ нарочно, Барклай дѣлалъ глупость за глупостью подъ Смоленскомъ, мнѣ не оставалось ничего другаго какъ сдаться на общее желаніе, и я назначилъ Кутузова. И въ настоящую минуту я думаю, что при обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, мнѣ нельзя было не выбрать изъ трехъ, одинаково не подходящихъ въ главнокомандующіе, генераловъ того, за котораго были всѣ.

Перейду теперь къ предмету, касающемуся меня гораздо ближе: къ моей личной чести. Признаюсь, что дотрогиваться до этой струны мнѣ еще тяжель, и что по крайней мѣрѣ въ вашихъ глазахъ я считалъ ее безупречною. Мнѣ не вѣрится даже, что вы говорите въ вашемъ письмѣ о той личной храбрости, которую умѣеть проявлять каждый солдатъ и въ которой я не вижу никакой заслуги. Впрочемъ, если я доведенъ до униженія останавливаться на этомъ, то скажу вамъ, что гренадеры Малорусскаго и Кіевскаго полковъ могутъ засвидѣтельствовать вамъ, что я не хуже всякаго другаго спокойно выдерживаю огонь непріятеля. Но, повторяю, мнѣ не вѣрится, чтобы рѣчь шла о подобной храбрости, и я полагаю, что вы говорите о храбрости духа: ей можно придать цѣну, когда призванъ къ чему нибудь болѣе выдающемуся. Останься я при арміи, можетъ быть, мнѣ удалось-бы убѣдигъ васъ, что я не обдѣленъ и такимъ мужествомъ. Но вотъ чего я не могу понять. Вы писали Георгію *) въ Вильну о желаніи вашемъ, чтобы

*) Т. е. принцу Ольденбургскому, своему сыну. П. Б.

я уѣхалъ изъ арміи: вы писали ко мнѣ въ письмѣ, которое привезъ Вельяшевъ: „Ради Бога, не принимайте рѣшенія лично командовать арміей, такъ какъ, не теряя времени, нуженъ главнокомандующій, къ которому войско имѣло бы довѣріе, а вы, въ этомъ отношеніи, не можете вселить никакого; кромѣ того, неудачи, понесенныя вами, были бы непоправимымъ зломъ, по чувству, которое онѣ вызвали бы“. Послѣ того, какъ рѣшено положительно, что я не могу *вселять никакого довѣрія*, не понимаю, говорю я, что хотите вы сказать мнѣ въ вашемъ послѣднемъ письмѣ: *Спасите вашу затронутую честь! Ваше присутствіе можетъ вернуть вамъ умы*. Подразумѣваете-ли вы подѣ этимъ мое нахожденіе при арміи? И какимъ образомъ согласить эти два совѣта, одинъ другому столь противоположные?

Послѣ того, что я пожертвовалъ для пользы моимъ самолюбіемъ, оставивъ армію, гдѣ, полагали, что я приношу вредъ, снимая съ генераловъ всякую отвѣтственность, не внушаю войску никакого довѣрія, и, поставленными мнѣ въ вину пораженіями дѣлаю ихъ болѣе прискорбными, чѣмъ тѣ, которыя зачли бы за генералами: судите, дорогой другъ, какъ мнѣ должно быть мучительно слышать, что моя честь подвергается нападкамъ. Вѣдь я поступилъ, какъ того желали: я же только и желалъ что быть съ арміей, и до назначенія Кутузова, я твердо рѣшилъ вернуться къ ней, отказался же отъ этого лишь послѣ, отчасти, по воспоминанію что произошло въ Аустерлицѣ отъ живаго характера Кутузова, отчасти по вашимъ собственнымъ совѣтамъ и многихъ другихъ одного съ вами мнѣнія.

Если вы спрашиваете, почему я не поѣхалъ въ Москву, скажу въ отвѣтъ, что я не говорилъ никому на счетъ этой поѣздки, и никому ничего не общалъ. Растопчинъ, въ своихъ письмахъ, очень просилъ меня пріѣхать въ Москву: но писалъ онъ объ этомъ до отступленія отъ Смоленска, слѣдовательно во время моей поѣздки въ Финляндію, когда я не могъ этого сдѣлать. А затѣмъ, въ письмѣ отъ 14-го Августа, напротивъ, онъ пишетъ: „Теперь, Ваше Величество, переходу къ самому важному, т. е. къ вашему прибытію сюда. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ваше присутствіе возбудитъ еще больше восторженности, но, если до вашего пріѣзда дѣла не будутъ къ нашей выгодѣ, общая тревога только увеличится отъ вашего присутствія; и такъ какъ вамъ, ни въ какомъ случаѣ, нельзя рисковать собою, то лучше будетъ, если вы рѣшитесь отложить вашъ отъѣздъ изъ Петербурга до полученія какихъ нибудь извѣстій, которыя измѣнятъ къ лучшему настоящее положеніе дѣлъ“.

Разберемте же, могъ-ли я поѣхать въ Москву? Какъ разъ было установлено очевидно, что я собою приношу арміи больше вреда чѣмъ

пользы, приличествовало-ли мнѣ быть тамъ, куда стягивалась армія, отступивъ отъ Смоленска? Для меня недопустима была мысль, что Москва будетъ оставлена такимъ недостойнымъ образомъ; но я долженъ былъ, однако, допустить эту возможность послѣ одного или двухъ проигранныхъ сраженій. Каково было бы мнѣ въ Москвѣ, и не за тѣмъ-ли бы я пріѣхалъ туда, чтобъ, вмѣстѣ съ другими, собрать пожитки и убраться изъ нея?

Посмотрите еще, по расчету времени, могъ-ли я поспѣть туда въ-время, или нѣтъ? Я выѣхалъ въ Финляндію тотчасъ по возвращеніи Бенцинга, чтобъ быть тамъ къ условленному дню. Въ Або я провелъ съ наследнымъ принцемъ только три дня. Вы согласитесь, что это не особенно много. Въ Петербургъ я вернулся съ 21-го на 22-ое. Предположивъ, что я выѣхалъ-бы на другой-же день, я прибылъ-бы въ Москву только 26-го: слѣдовательно, я не имѣлъ бы даже возможности остановить гибельное отступление, сдѣланное въ ночь сраженія и погубившее все. Судите, чѣмъ бы я былъ тогда въ Москвѣ? Не сдѣлали-бы меня одного ответственнымъ за все событія, происшедшія отъ этого отступления, разъ что я былъ такъ близко, (и это было бы справедливо), а, между тѣмъ, могъ-ли я помѣшать случившемуся, когда пренебрегли воспользоваться побѣдою*) и потеряли благоприятныя минуты? И бы, значить, пріѣхалъ для того только, чтобъ на мнѣ легла тяжесть позора, до котораго довели другіе?

Напротивъ, мое намѣреніе было воспользоваться первой минутой дѣйствительнаго преимущества нашей арміи надъ непріятельской, (которая бы тогда отступила), чтобъ, дѣйствительно, пріѣхать въ Москву. Даже послѣ извѣстія о битвѣ 26-го я выѣхалъ бы тотчасъ, не напиши мнѣ Кутузовъ, въ томъ же рапортѣ, что онъ рѣшилъ отступить на шесть верстъ, чтобъ дать отдыхъ войскамъ. Эти роковыя шесть верстъ, отравившія мнѣ довольство побѣдою, вынудили меня подождать слѣдующаго рапорта; изъ него я увидѣлъ ясно только одни бѣдствія. Вотъ точное изложеніе обстоятельствъ, дорогой другъ. Къ этому я дамъ вамъ и другія свѣдѣнія, которыя, можетъ быть, поразятъ васъ.

Нынѣшней весной, передъ моимъ отъѣздомъ въ Вильну, я былъ предупрежденъ изъ надежнаго источника, что непрестанный трудъ секретныхъ агентовъ Наполеона долженъ былъ быть направленъ къ подрыванію, всевозможными способами, народнаго довѣрія къ правительству, чтобы тѣмъ поставить его въ прямое противорѣчіе съ народомъ; что Наполеонъ, для достиженія этой цѣли, рѣшилъ, если я буду

*) Въ Петербургскихъ церквахъ отслужены были благодарственные молебны за эту побѣду, а Кутузову назначена стотысячная *тычная* пенсія, которую и донынѣ пользуются его потомки (сынъ же графа Ростопчина умеръ чуть не въ нищенствѣ). П. Б.

при арміи, приписывать мнѣ всё могущія случиться потери и выстав-
лять меня честолюбцемъ, пожертвовавшимъ безопасностію государства,
лишивъ болѣе опытныхъ полководцевъ возможности одерживать побѣды
надъ врагомъ, и что, напротивъ, если меня не будетъ съ арміей, то
отнести это къ недостатку храбрости моей. Но это еще не все; по
этимъ же самымъ свѣдѣніямъ, адскій этотъ замыселъ имѣлъ цѣлью
вселить раздоръ въ нашей семьѣ. Не удивитесь-ли вы, когда я вамъ
скажу, что дней за 8 за 10 до моего отъѣзда, меня предупредили, что
именно съ васъ и начнутъ дѣйствовать, употребивъ всё усилія, чтобъ
выставить меня въ вашихъ глазахъ въ самыхъ невыгодныхъ краскахъ?
Ваша ко мнѣ дружба, отрывавшая вамъ постоянно мое сердце и всё
мои помыслы, оставила меня совершенно спокойнымъ, и я не придавъ
этому никакого значенія. Точно также хотѣли и на мнѣ сдѣлать
попытку вселить во мнѣ нѣкоторое безпокойство относительно васъ,
но вскорѣ же убѣдились, что это будетъ напрасная трата времени.
Чтобъ уснѣть въ этихъ адскихъ каверзахъ, люди совершенно къ нимъ
непричастные*). но напуганные тѣмъ что могло дойти до ихъ слуха,
должны были сдѣлаться (того не сознавая и думая выказать даже свое
усердіе), эхомъ этихъ толковъ, распространенныхъ первоначально
агентами Наполеона, чтобъ этимъ путемъ толки дошли, наконецъ, и
до насъ, а дѣйствительные ихъ выдумщики остались скрытыми. Время,
въ которое особенно всё эти пружины предполагалось пустить въ ходъ,
приваравливалось къ занятію непріятелемъ одной или обѣихъ столицъ.
Здѣсь, въ Петербургѣ я ежедневно имѣю случай убѣждаться, какъ
точны были предупрежденія, полученныя мною весною, а ваше послѣд-
нее письмо немало способствуетъ въ доказательствѣ сему. Пока я пер-
вый согласенъ признать, что, при нашихъ несчастныхъ теперь обстоя-
тельствахъ, подобные подвохи находятъ всевозможные способы къ
достиженію успѣха, а распространители такого рода толковъ имѣютъ,
естественно, много послѣдователей.

Что до меня касается, единственно за что я могу ручаться, это,
что мое сердце, всё мои намѣренія и мое рвеніе будутъ клониться къ
тому, что, по моему убѣжденію, можетъ служить на благо и на пользу
отечеству. Относительно таланта, можетъ, у меня его недостаточно;
но вѣдь таланты не пріобрѣтаются, они—даръ природы. Чтобъ быть
справедливымъ, долженъ признать, что ничего нѣтъ удивительнаго въ
моихъ неудачахъ, когда я не имѣю хорошихъ помощниковъ, терплю
недостатокъ въ дѣятеляхъ по всемъ частямъ, призванъ вести такую
громадную машину, въ такое ужасное время и противъ врага адски

*) Въ числѣ ихъ были и Архаровы, дочь которыхъ, А. И. Васильчикова, переда-
вала намъ въ 1850 году про эти толки. П. Б.

вѣроломнаго, но и высоко талантливаго, котораго поддерживаютъ соединенныя силы всей Европы и множество даровитыхъ людей, образовавшихся за 20 лѣтъ войнъ и революцій. Вспомните, какъ часто въ нашихъ съ вами бесѣдахъ мы предвидѣли эти неудачи, допускали даже возможность потерять обѣ столицы, и что единственнымъ средствомъ противъ бѣдствій этого жестокаго времени мы признали *твердость*. И далеко отъ того, чтобъ упасть духомъ подъ гнетомъ сыплющихся на меня ударовъ. Напротивъ, болѣе чѣмъ когда либо, я рѣшилъ упорствовать въ борьбѣ, и къ этой цѣли направлены все мои заботы.

Признаюсь вамъ откровенно, что мнѣ гораздо менѣе тяжело, когда меня не понимаетъ народная толпа или множество людей мало меня знающихъ или даже вовсе незнающихъ, нежели когда это непониманіе я вижу въ тѣхъ немногихъ лицахъ, которымъ я посвятилъ все мои привязанности. Но, клянусь вамъ Богомъ, если подобное горе присоединится къ всему, что я теперь переношу, я не стану обвинять этихъ людей, а отнесу это къ обычной участи людей несчастныхъ, которыхъ все покидаютъ. Простите, добрый мой другъ, что такъ утомилъ ваше терпѣніе и длиннымъ моимъ посланіемъ, и временемъ, на него употребленнымъ, имѣя его очень мало въ моемъ распоряженіи, при моихъ ежедневныхъ работахъ.

Теперь, я долженъ дать вамъ отчетъ о второстепенныхъ предметахъ. Мнѣ не удалось добиться отъ Матушки Екатерининскую ленту для книгини Волконской: она и сама писала вамъ объ этомъ, и я нашелъ, что она недоступна къ этому предложенію. Что касается Гагарина*), мнѣ положительно невозможно его повысить, такъ какъ ему пришлось бы обогнать Салтыковыхъ и многихъ другихъ сенаторовъ, имѣющихъ передъ нимъ старшинство. Вообще, въ дни такихъ важныхъ событій, мнѣ кажется, нужно приостановиться наградами, давая ихъ только тѣмъ, которые проливаютъ кровь свою за отечество.

По привычкѣ писать вамъ обоимъ вмѣстѣ, скажу вамъ, дорогой Георгій, что, въ настоящую минуту, вы мнѣ гораздо болѣе полезны во главѣ вашихъ трехъ губерній и въ вѣдомствѣ путей сообщеній нежели въ главной квартирѣ. Въ такое время, когда непріятель всевозможными средствами хочетъ привести въ разстройство внутреннія дѣла, никакія средства не будутъ лишними, чтобъ помѣшать ему въ этомъ и поддер-

*) Бывшій въ 1812 году Тверскимъ губернаторомъ, князь Гагаринъ, женившійся позднѣе на актрисѣ Семеновѣ. Это родной дѣдъ философа Николая Федоровича Федорова, необыкновеннаго человѣка нашихъ дней. П. Г.

жать порядокъ. Никогда ваше генераль-губернаторство надъ этими тремя губерніями не было такъ важно. Нашъ единственный способъ сообщенія съ прочими частями Имперіи проходитъ теперь черезъ Ярославль: половина Москвы въ немъ, да и много еще другихъ уважительныхъ причинъ. Если вы мнѣ поддержите порядокъ и спокойствіе въ трехъ вашихъ губерніяхъ, вы сдѣлаете этимъ величайшую пользу и мнѣ, и государству.

И такъ я кончаю, призывая васъ обоихъ къ стойкости и твердости. Вы такъ часто присовѣтовали мнѣ ихъ, что, теперь именно, для васъ самихъ случай выказать ихъ; и вѣрьте, что противъ внутреннихъ смуть гораздо больше нужно и той и другой, чѣмъ противъ врага.

(Переведено съ Французскаго изъ перенески Александра Павловича съ Екатериной Павловной, изданія Великаго Кнзя Николая Михайловича).

Письмо императрицы Екатерины къ графу Н. И. Салтыкову.

Объ Александрѣ Павловичѣ.

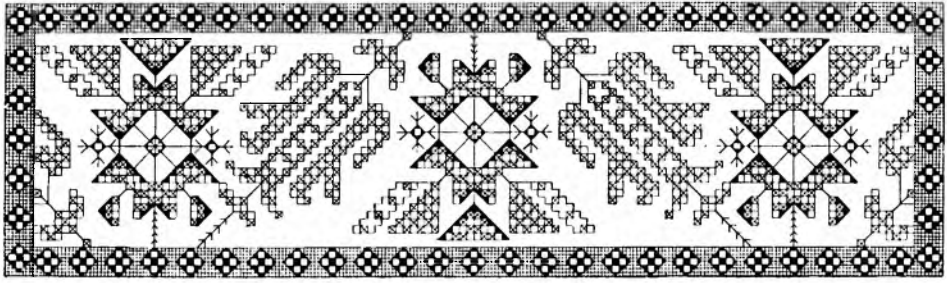
Говорилъ мнѣ князь Потемкинъ, съ безпримѣрными похвалами о Великихъ Князяхъ, паче же о Александрѣ Павловичѣ, и со слезами на глазахъ, называя его ангеломъ, воплощеннымъ для блаженства Имперіи, сказалъ *que c'est le Prince de son coeur**) и что видитъ въ немъ величайшую надежду; что скромность и modestia въ немъ чрезвычайная; однимъ словомъ, онъ такъ къ нему страстенъ сталъ, какъ я и вы. Сіе вамъ нарочно пишу, чтобы вы сему радовались, что онъ всѣхъ людей сердца пріобрѣтаетъ. Въ Пятницу они оба, прійдя ко мнѣ, къ нему пойдутъ на кадильную пробу.

Вотъ вамъ плоды вашихъ трудовъ.

Сообщено Н. К. Шильдеромъ.

*) Т. е. это владыка его сердца,

Ө. В. ЧИЖОВЪ.

ЖЪ СТОЛЪТІЮ ЕГО ПАМЯТИ.

27 Февраля 1911 года наступать второе столѣтіе со дня рожденія Феодора Васильевича Чижова. Имя его мало извѣстно нынѣшнему поколѣнію, а между тѣмъ оно вполне достойно вѣчной исторической благодарной памяти Русскихъ людей.

Не себѣ единому трудихся,
Но всемъ ищущимъ наказанія.
Не забудь друга въ души твоей,
Не даде порока на славу твою.

Эти изреченія Священнаго Писанія начертаны на могильномъ камнѣ Чижова въ Московскомъ Данпловомъ монастырѣ, близъ могилъ Хомякова, Языкова, Гоголя, князя В. А. Черкаскаго. Изреченія эти выбраны И. С. Аксаковымъ, какъ онъ самъ намъ сказывалъ. Въ нихъ выражены главныя черты нрава и дѣятельности этого необыкновеннаго человѣка. И дѣйствительно. Чижовъ всю жизнь неустанно работалъ не лично только для себя: блага просвѣщенія и жизненнаго довольства постоянно были руководящею цѣлью его дѣятельности. Подъ именемъ „ищущихъ наказанія“ И. С. Аксаковъ, конечно, разумѣлъ тѣхъ богатыхъ людей, которыхъ Чижовъ направлялъ на общепользныя предпріятія. Мы знаемъ, какъ никогда не забывалъ онъ друзей своихъ, и въ числѣ ихъ назовемъ: профессора Печерина, къ которому Чижовъ уже въ старости не полѣнился съѣздить въ Ирландію (гдѣ тотъ жилъ, обратившись къ вѣроисповѣданію своей матери-католички), Мицкевича во время пребыванія его въ Парижѣ, живописца А. А. Иванова, которому Чижовъ выхлопоталъ пособіе и тѣмъ далъ возможность окон-

чить знаменитую картину: Явленіе Христа; Н. М. Языкова, Гоголя, изданіемъ сочиненій котораго занимался Чижовъ; А. С. Хомякова, семью Аксаковыхъ, Етагиныхъ, Свербеевыхъ.

Ѡ. В. Чижовъ былъ сыномъ скромнаго Костромскаго учителя и внукомъ священника. По матери принадлежалъ онъ къ дворянству, и родной дядя его былъ босвой генералъ Ивановъ, пользовавшійся расположеніемъ Великаго Князя Михаила Павловича. Мать была женщина властная, отецъ вроткій, скромный: въ пользу трехъ сестеръ своихъ Чижовъ отказался отъ наслѣдства послѣ родителей.

Въ Петербургскомъ Университетѣ занималъ Чижовъ одну изъ математическихъ кафедръ, и вообще занятія точными науками были ему любви. Еще студентомъ, давая уроки, сблизился онъ съ внукомъ Екатерины Великой, графомъ А. А. Бобринскимъ, когда тотъ строилъ первую Русскую желѣзную дорогу до Царскаго Села. Графъ Бобринскій женатъ былъ на дочери генералъ-губернатора графа Самойлова, и у нихъ въ домѣ Чижовъ познакомился съ Жуковскимъ и съ лучшими представителями тогдашняго Петербургскаго общества. Тамъ же можетъ быть, узнала его и вдова Малороссійскаго богача Галаганъ и пригласила его въ наставники къ своему сыну. Съ ними Чижовъ провелъ не одинъ годъ въ чужихъ краяхъ. Оставшись тамъ одинъ, онъ долго жилъ въ Венеціи, получилъ доступъ въ тамошніе архивы и много занимался судьбою знаменитой республики: оттуда проѣхалъ онъ въ Далмацію, завелъ сношенія съ Славянами, доставлялъ пересылаемыя къ нему изъ Москвы богослужебныя книги и церковную утварь въ городъ Поло, чѣмъ возбудилъ подозрѣніе Австрійскаго правительства, по настоянію котораго задержанъ на Русской границѣ и отвезенъ въ страшное тогда Третье Отдѣленіе Государевой канцеляріи: но Николай Павловичъ въ личной бесѣдѣ съ Чижовымъ выразилъ согласіе свое съ его убѣждениями. Ему отведенъ былъ для жительства хуторъ подъ Кіевомъ, гдѣ еще со временъ Екатерины заведено было шелководство. Живучи тамъ, Чижовъ близко познакомился съ лучшими людьми Малороссіи и особенно съ семейю Маркевичъ: тамъ воспитывалась его крестница, госпожа Трифановская, которая унаслѣдовала его домъ въ Москвѣ на Кудринской Садовой *).

Въ царствованіе Николая Павловича, Чижовъ переселился въ Москву, и тутъ начался рядъ его общепользныхъ трудовъ. Онъ учредилъ Общество Взаимнаго Московскаго Купеческаго Кредита, вмѣстѣ

*) Въ этомъ домѣ Чижовъ и скончался 14 Мая 1877 г.

съ барономъ Дельвигомъ провель желѣзную дорогу къ Троице-Сергію, оттуда къ Ярославлю, къ Костромѣ, къ Вологдѣ, продолженную потомъ по его внушенію, С. П. Мамонтовымъ, до Архангельска. Кромѣ того Чижову же Россія обязана проведеніемъ желѣзнаго пути отъ Москвы до Курска. И все это дѣлалось безъ шума и на средства первоначально самыя скромныя, но Чижовъ (согласно четвертому изреченію на его могилѣ) умѣлъ вселять къ себѣ довѣріе какъ со-трудникамъ, такъ и правительственнымъ лицамъ, и вкладчики, отдава-шіе ему въ распоряженіе свои деньги, всѣ получили ихъ назадъ съ лихвою. Силою своей воли и непоколебимой настойчивости онъ скло-нялъ министровъ финансовъ и путей сообщенія въ пользу своихъ представленій. Пяти городамъ его родной Костромской губерніи завѣ-щаль онъ милліоны на желѣзнодорожныя училища, а самъ неизмѣнно чуждался роскоши въ жизни.

Благодаря ему, студеное море связано сплошнымъ желѣзнымъ путемъ съ нашею теплою окраиною.

Къ нему можно отнести четверостишіе князя П. А. Вяземскаго про крестнаго его отца, Американца графа Ө. П. Толстого:

Ты, коего душа есть пламень,
А умъ холодный эгонстъ;
Подъ бурей рока—твердый камень
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ.

Россія не забудеть заслугъ Ө. В. Чижова, а душеприкащикамъ его Василію Дмитріевичу Полѣнову и Саввѣ Ивановичу Мамонтову (сыновьямъ его друзей) предлежитъ озаботиться изданіемъ въ свѣтъ со-чиненій Θεодора Васильевича. Ихъ выйдеть нѣсколько томовъ по исторіи изящныхъ искусствъ и по предметамъ торговли и промыш-ленности. Въ „Русскомъ Архивѣ“ помѣщено нѣсколько статей и со-общеній Чижова. Вѣчная, благодарная ему память. П. Б.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ РАСКРѢПОЩЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Въ Московскомъ государствѣ все населеніе жило для „государева и земскаго дѣла“, несло государственное „тягло“, т. е. платило подати и исполняло различныя государственныя повинности.

Ограниченіе вольности крестьянъ („христіанъ“), составлявшихъ вмѣстѣ съ „посадскими“ (городекими жителями) сословіе собственно „тяглыхъ людей“, обыкновенно связываютъ съ такъ называемой „помѣстной системою“, состоявшею въ вознагражденіи „служилыхъ людей“, несшихъ военную службу, „помѣстями“, и развившеюся при переходѣ удѣльнаго быта въ государственный. Ограниченіе вольности относилось и къ такъ называемымъ „черносошнымъ“ крестьянамъ, жившимъ на земляхъ „государевыхъ“, и вызывалось стремленіемъ народа къ переселеніямъ, къ „бродяжничеству“, чему благопріятствовало малолюдство населенія, обширность Русской земли и ея физическія условія, равнинность, рѣчныя системы и т. п. Вызванное государственною необходимостью ограниченіе это совершалось въ интересахъ не однихъ только владѣльцевъ помѣстій („помѣщиковъ“), но и самихъ крестьянскихъ общинъ, которымъ приходилось платить подати и за бѣглыхъ крестьянъ.

Указъ 1597 г. царя Θεодора Іоанновича, установившій пятилѣтній срокъ для розыска и возврата бѣглыхъ крестьянъ, за которымъ послѣдовали новыя ограниченія крестьянской вольности (стѣпенія такъ называемыхъ „отказа“, „вывоза“, „закладничества“) обыкновенно считается началомъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ („крѣпокъ землѣ“) или крѣпостного права, продолжавшагося на Руси около 2 $\frac{1}{2}$ вѣковъ. Различаютъ три періода въ исторіи крѣпостного права. Отъ начала прикрѣпленія до Соборнаго Уложенія 1649 г. отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ опредѣляютъ какъ „лично-договорное обязательство“, крестьяне являются какъ бы свободными арендаторами земли. Со времени Уложенія, когда были отмѣнены „урочныя лѣта“ для возврата

бѣглыхъ („вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день“), отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ становятся „потомственной или наследственной государственною повинностью“. Первая „ревизія“ 1718 г., при Петрѣ Великомъ, введшая „подушную подать“ (вмѣсто прежней „посошной“ и „подворной“), которая по чисто-фискальнымъ соображеніямъ была распространена и на „холоповъ“, повела къ существенному измѣненію положенія крестьянъ. При первыхъ преемникахъ Петра В. по закону лично свободные „государевы тяглые люди“ въ жизни, на дѣлѣ, постепенно превращаются въ „податное холопетво“, становятся какъ бы подданными своихъ господъ. „Крѣпостное право“, хотя оно было скорѣе „неузаконеннымъ фактомъ, чѣмъ правомъ“, достигаетъ своего высшаго развитія, а со времени указа о „вольности дворянства“ или „шляхетства“ (указъ Петра III-го 18 Февраля 1762 г.) лишается своего историческаго оправданія, является уже историческою несправедливостью, общественнымъ противорѣчіемъ. Съ этого же времени возникаетъ и протестъ противъ крѣпостнаго права. Сложность и трудность вопроса потребовали на разрѣшеніе его около ста лѣтъ.

Первымъ и главнымъ противникомъ крѣпостнаго права (или „рабства“, какъ его стали называть) былъ просвѣщеннѣйшій челоѣкъ тогдашней Россіи, авторъ знаменитаго „Наказа“, императрица Екатерина Великая. Ей принадлежитъ честь первой постановки такъ называемаго крестьянскаго вопроса (депутатъ Коробѣинъ въ Комиссіи объ Уложеніи, Вольное Экономическое Общество, „экономическіе“ крестьяне). Но несочувствіе дворянства („гвардейства“), Пугачевщина, крайности Французскаго якобинизма измѣнили намѣренія и самое отношеніе Императрицы къ вопросу (судьба А. П. Радицева). Указъ императора Павла Петровича 5 Апрѣля 1797 г. (черезъ 200 лѣтъ послѣ начала прикрѣпленія) о трехдневной работѣ крестьянъ помѣщикамъ является первымъ шагомъ правительства къ опредѣленію сущности крѣпостнаго права. Дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы съновьями императора Павла въ первой половинѣ XIX в. „Дней Александровыхъ прекрасное начало“ ознаменовано дѣятельностью такъ наз. „интимнаго комитета“ („комитетъ общественнаго спасенія“), занимавшагося, между прочимъ, и крестьянскимъ вопросомъ. Уже тогда М. М. Сперанскому все населеніе Россіи представлялось граждански свободнымъ, „право земельной собственности“ распространялось на всѣ свободныя состоянія (законъ 12 Дек. 1801 г.), а законъ о „свободныхъ хлѣбопашцахъ“ (20 Февраля 1803 г.) уже намѣчалъ два главныхъ условія раскрѣпощенія: добровольное соглашеніе сторонъ, т. е. крестьянъ и помѣщиковъ, и обязательное надѣленіе крестьянъ землею. Въ 1816—1819 годахъ освобождены крестьяне трехъ Прибалтійскихъ губерній, но безъ земли.

Противъ крѣпостного права началось движеніе и въ обществѣ. Юный Пушкинъ съ тоскою ждалъ увидѣть „народъ неугнетенный и рабство, падшее по манію царя“. Къ концу царствованія Александра Павловича образовались тайныя общества, въ программу которыхъ входила и отмѣна крѣпостного права. Общества эти обнаружались въ возстаніи „Декабристовъ“ уже въ началѣ слѣдующаго царствованія.

Раскрѣпощеніе помѣщичьихъ крестьянъ съ землею было завѣтною мыслию Николая Павловича, при чемъ, во избѣжаніе волненій и потрясеній, крестьяне должны были быть освобождаемы постепенно. Въ такомъ направленіи въ царствованіе императора Николая Павловича работала „секретный комитетъ“ при V-мъ отдѣленіи Собствен. Е. И. В. Канцеляріи. Тогда же была опредѣлена сущность крѣпостного права, какъ права *не на личность* крестьянина, а только на *часть его труда* (Записка гр. М. М. Сперанскаго 1836 г.). Выраженіемъ этихъ взглядовъ императора былъ законъ объ „обязанныхъ крестьянахъ“ (2 Апр. 1842 г.), введеніе „инвентарныхъ положеній“ въ юго-западныхъ губерціяхъ (1839—1847 г.г.), а устройство быта „государственныхъ“ крестьянъ (Министерство Государственныхъ Имуществъ 1837 г.) гр. П. Д. Киселевымъ („начальникомъ штаба по крестьянской части“, какъ называли его императоръ), должно было послужить образцомъ для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Правительственныя мѣры имѣли мало практическаго значенія: „свободныхъ хлѣбопашцевъ“ въ царствованіе Александра I было всего около 47 т., а въ 1855 г. около 117 т.; въ разрядъ „обязанныхъ“ крестьянъ („оброчныхъ“) перешло только около 25 т. Между тѣмъ крѣпостное право, такъ сказать, изжило себя, стало явленіемъ вреднымъ въ отношеніи экономическомъ, государственномъ, общественномъ и нравственномъ. Къ концу царствованія Николая Павловича болѣе половины дворянскихъ имѣній было въ „опекѣ“, въ залогъ (на сумму болѣе полумилліарда рублей). Отъ времени до времени поднимались крестьянскія волненія (въ 1848 г. было 64 крестьянскихъ бунтовъ, въ 1852 г. — 44). Общество сороковыхъ годовъ, Славянофилы (А. С. Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, Аксаковы, Ю. Ф. Самаринъ) и западники (В. Г. Бѣлинскій, Т. Н. Грановскій, А. И. Герценъ) одинаково отрицательно относились къ крѣпостному праву. А. С. Хомяковъ, между прочимъ, такъ изображалъ тогдашнюю Россію: „Въ судахъ черна неправдой черной и игомъ рабства клеѣмена“... Самъ Николай Павловичъ смотрѣлъ на крѣпостное право, какъ на общественное зло: „нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибель-

мысль" говорилъ онъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Преобладаніе задачъ внѣшней политики, какъ и въ предыдущее царствованіе, смуты 1825, 1830 и 1848 годовъ, начавшаяся затѣмъ Восточная война препятствовала Николаю Павловичу привести въ исполненіе завѣтныя его мысли. „Служи Россіи! Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжелое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое... Провидѣніе судило иначе“, говорилъ умеравшій императоръ (18 Февр. 1855 г.) Александру Николаевичу.

Воспитанникъ В. А. Жуковскаго, ознакомившійся съ Русскимъ народомъ, гордившійся называть Россію своимъ отечествомъ, 37 лѣтъ отъ роду, императоръ Александръ Николаевичъ поставилъ себѣ задачей: „при помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея *внутреннее благоустройство*. Правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности“... (изъ манифеста 19 Марта 1856 г.). При пріемѣ дворянскихъ депутатовъ въ Москвѣ государь прямо заявилъ о своемъ намѣреніи освободить крестьянъ: „лучше (говорилъ онъ) отмѣнить крѣпостное право *сверху*, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу“. Въ слѣдующемъ 1857 г. была произведена перепись, которая показала, что въ Россіи 104 тысячи помѣщиковъ владѣютъ около 23 милліонами обоюго пола душъ крѣпостныхъ и дворовыхъ, что составляло почти половину Русскаго населенія, около трети всего населенія тогдашней Россіи. Въ томъ же 1857 г. возобновляется прерванная дѣятельность „секретнаго комитета“ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ комитетъ стали поступать проекты и записки, въ которыхъ обнаружались два главныхъ направленія: первое—сохранить старый порядокъ и оградить права землевладѣльцевъ, второе—освободить крестьянъ съ наилучшими для нихъ условіями. Въ послѣднемъ направленіи высказались великій князь Константинъ Николаевичъ, великая княгиня Елена Павловна, любимецъ государя ген.-ад. Я. И. Ростовцевъ, къ дѣлу привлечены были также Н. А. Милютинъ, кн. В. А. Черкасскій, Ю. Ѳ. Самаринъ и др.

Рескриптъ 20 Ноября 1857 г. на имя Виленскаго военнаго губернатора В. И. Назимова, призывавшій дворянство Литовскихъ губерній изыскать мѣры для улучшенія быта крестьянъ, впервые открыто поставилъ крестьянскую реформу на очередь. На этотъ призывъ Государя откликнулось дворянство С.-Петербургской, Нижегородской, Орловской и другихъ губерній, въ которыхъ образовалось 46 дворянскихъ комитетовъ въ составѣ 1336 членовъ. Въ 1858 г. секретный комитетъ переименованъ въ „Главный Комитетъ“, состоявшій

изъ 12 лицъ подъ предсѣдательствомъ самого Государя. Въ 1859 г. учрежденъ Редакціонный Комитетъ (подъ предсѣдательствомъ Я. П. Ростовцева, а съ 1860 г. гр. В. Н. Панина, котораго считали „крѣпостникомъ“) и при немъ 4 редакціонныя комиссіи съ участіемъ чиновниковъ и вызванныхъ въ Петербургъ дворянскихъ комитетовъ, выработавъ проектъ „Положенія“ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, поступившій затѣмъ въ Главный Комитетъ, а оттуда въ Государственный Совѣтъ.

Въ основаніе проекта „Положенія“ были положены начала, выработанныя въ предыдущее царствованіе. Крѣпостное право отмѣнялось навсегда и безъ всякаго выкупа, земля признавалась собственностью помѣщиковъ, которые обязаны были выдѣлить крестьянамъ за плату усадебный и полевой надѣлъ (размѣръ надѣловъ былъ принятъ различный, смотря по полосамъ, отъ 1 до 12 дес.) и въ этомъ смыслѣ въ теченіе не позже 2 лѣтъ заключить съ крестьянами такъ называемую „уставную грамоту“ при посредствѣ особыхъ „мировыхъ посредниковъ“. Для выкупа крестьянами своихъ надѣловъ была произведена „выкупная операція“: правительство давало ссуду въ размѣръ около миллиарда рублей (886 мил. р.), изъ которой и уплачивало помѣщикамъ за землю, а такъ наз. „выкупные платежи“ крестьянъ разсрочивало на 49 лѣтъ, по уплатѣ которыхъ крестьяне изъ „временно-обязанныхъ“ становились „крестьянами-собственниками“. Образцомъ устройства крестьянскихъ обществъ было принято устройство быта государственныхъ крестьянъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

26 Января 1861 г. засѣданіе Государственнаго Совѣта было открыто самимъ Императоромъ, который, между прочимъ, сказалъ: „На освобожденіе крестьянъ есть моя прямая воля... Право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть можетъ его уничтожить. Этого я желаю, требую и повелѣваю... Вы должны помнить, что въ Россіи издаеть законы самодержавная власть“. Слова эти какъ бы свидѣлствуютъ о нѣкоторомъ сопротивленіи дѣлу освобожденія въ Государственномъ Совѣтѣ, но уже 19 Февраля 1861 г. было утверждено „Положеніе“ и подписанъ манифестъ, написанный Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ и оканчивающійся словами: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ—залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“. 5-го Марта красный звонъ возвѣстилъ обнародованіе манифеста въ обѣихъ столицахъ. Въ церквахъ съ амвона читали „благую вѣсть“ собравшемуся народу, и „дни Великаго поста превращались въ дни Свѣтлаго праздника... многіе христосовались“. Въ Петербургѣ у манежа Государь самъ прочелъ на-

роду манифестъ о волѣ. Когда Государь, возвращаясь съ развода, подъѣхалъ къ Царскому лугу, гдѣ происходило народное гуляніе, то, по свидѣтельству современника, „толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое „ура“, отъ котораго, казалось, земля затряслась. Никакое перо не въ состояніи описать того восторга, съ которымъ народъ привѣтствовалъ своего Царя-Освободителя“. Особо посланные флигель-адъютанты разнесли вѣсть о волѣ по всей Россіи, и эта вѣсть въ общемъ была принята спокойно.

Такъ въ теченіе трехъ съ небольшимъ лѣтъ „безъ смуты и борьбы, по манію царя и человека“ (А. Яхонтовъ) совершилось освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, продолжившейся близъ 2½ вѣковъ. Реформа оказалась болѣе легкой, чѣмъ предполагали, именно благодаря предшествовавшей подготовкѣ ея.

Освобожденіе крестьянъ, хотя и совершившееся спокойно, по существу своему было настоящимъ общественнымъ переворотомъ, послѣ котораго Россія переходитъ на новый историческій путь. Въ экономическомъ отношеніи это былъ переходъ отъ натурального хозяйства къ промышленному денежному хозяйству. Съ освобожденія крестьянъ въ Русской исторіи начинается новая эпоха, такъ называемая эпоха великихъ реформъ. Какъ логическое послѣдствіе реформы 19 Февраля является отмѣна тѣлесныхъ наказаній (23 Апр. 1863 г.), земство, гласный судъ (1864), всеобщая воинская повинность (1874) и т. д. Такой переходъ отъ вѣками сложившагося уклада жизни къ новому порядку не могъ совершиться совсѣмъ безболѣзненно, быстро и, можно сказать, не закончился еще и сейчасъ, черезъ 50 лѣтъ. Особенно въ первое время освобожденіе крестьянъ нѣсколько болѣзненно отозвалось на обѣихъ сторонахъ. „Порвалась (какъ говорилъ современный поэтъ) цѣпь великая, порвалась и ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“: началось дворянское и крестьянское „оскуднѣніе“. Но уже въ первое десятилѣтіе послѣ реформы въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ перешло болѣе половины бывшихъ крѣпостныхъ. Положеніе 19 Февраля было распространено и на казенныхъ (государственныхъ и удѣльныхъ) крестьянъ, и къ началу слѣдующаго царствованія во владѣніи крестьянъ находилась уже треть всей пахатной земли. Въ 1882 г. отмѣнена подушная подать и учрежденъ Крестьянскій банкъ. съ 1 Января 1907 г. крестьяне освобождены отъ выкупныхъ платежей, а по закону 9 Ноября они получили право свободнаго выхода изъ общины.

А. П. К.

Елисаветградъ.

Изъ Записной Книжки „Русскаго Архива“.

Разъ въ Алупкѣ князь С. М. Воронцовъ спросилъ меня, замѣчаю ли я какую-либо торопливость прислуги у него въ домѣ и работъ въ саду.—Нисколько, отвѣчалъ я.—Ихъ у меня до 60-ти человѣкъ, и всякій точно знаетъ что ему дѣлать. Въ этомъ я подражаю покойному моему батюшкѣ. Однажды, на походѣ въ горахъ онъ уволилъ отъ службы ординарца, который нѣсколько лѣтъ сряду при немъ находился. Недоумѣвали, за что-про что, и когда спросили о томъ князя, онъ отвѣчалъ: „Я послалъ его съ приказаніемъ, и онъ опрометью поскакалъ исполнять его, что смутило окружающихъ меня: ближайшіе подумали, не имѣло ли мое распоряженіе какого либо особеннаго значенія. Ординарецъ оскорбилъ меня; ибо какой же я главнокомандующій, коль скоро не умѣю распорядиться временемъ“.

Покойный Государь Александръ Александровичъ, когда я ему представлялся по возвращеніи его съ Кавказа, изволилъ сказать мнѣ про князя М. С. Воронцова. „Тамъ, куда ни обернешь, вездѣ память этого необыкновеннаго человѣка“. Въ Одессѣ и въ Тифлисѣ воздвигнуты ему памятники, оба на добровольныя приношенія, безъ правительственной и семейной поддержки. Тифлисскаго памятника я не видалъ, но въ Одессѣ вокругъ него такъ высоко поднялись акаціи, что заслонили его отъ проходящихъ и проезжающихъ. По моему указанію городской голова Григорій Григорьевичъ Маразли озаботился этимъ: по теперь, говорятъ, акаціи снова переросли памятникъ.

На Кавказъ М. С. Воронцовъ пріѣхалъ съ титуломъ графесимъ, который былъ данъ Елисаветою Петровною еще его дѣду-дядѣ Михаилу Ларіоновичу, дѣду Роману и дѣду-дядѣ Ивану Ларіоновичамъ. Николай Павловичъ пожаловалъ М. С. Воронцова княземъ, но въ графствѣ было ему больше почета, такъ какъ на Кавказѣ князей много;

тогда прибавленъ ему титулъ свѣтлѣйшаго, въ отличіе отъ другихъ Кавказскихъ князей.

*

Передъ тѣмъ какъ жениться на графинѣ Елсаветѣ Ксаверьевнѣ Браницкой (православной по матери своей), графъ Михаилъ Семеновичъ писалъ другу своего отца графу Растопчину, что если ему придется занять какую-либо значительную государственную должность, то ни одинъ Полякъ не получитъ при немъ служебнаго значенія. Въ Одессѣ оно такъ и было, но въ Тифлисѣ большое вліяніе на устарѣвшаго намѣстника возымѣлъ докторъ, учившійся въ іезуитской школѣ, который лечилъ ему глаза. Зрѣніе князя до того ослабѣло, что, съ позволенія Государя, подписывала бумаги его княгиня. Уже при немъ Поляки вили себѣ гнѣздо на Кавказѣ.

Передъ возвращеніемъ изъ Франціи въ Россію нашихъ войскъ, которыя оставались тамъ до 1817 года, ихъ командиръ графъ Воронцовъ уплатилъ изъ собственныхъ средствъ ихъ долги и для того продалъ данное ему его теткою, княгинею Дашковой, большое Могилевское имѣніе, а самъ очутился въ долгахъ (отецъ его еще былъ живъ). Богатое приданое жены развязало ему руки. Онъ женился на ней (старше его возрастомъ) въ Апрѣлѣ 1819 года. Посаженымъ отцомъ былъ Веллингтонъ; изъ Лондона пріѣхалъ престарѣлый графъ Семень Романовичъ. Объ этомъ бракосочетаніи печаталось во Французскихъ и Англійскихъ газетахъ. И тутъ же, этою же весною, въ Парижѣ у генералъ-адъютанта В. С. Трубецкого рождается дѣвочка (по матери внучка Еврейки, канатной танцовщицы), которой предназначалось судьбою разорить Воронцовское богатство.

*

Шутка про министерство графа Д. А. Толстого:

Уразумивъ сумбуръ Россійскихъ дѣлъ,
Толстой все справить захотѣлъ
И взялъ въ помощники правленья своего
Занку, Плева, Дурново.
Но и при нихъ Россія не толстѣетъ,
А занкается, плюется и дурнѣетъ.

простертымъ надъ двумя подвластными народами, воздвигалась свѣтлая радуга примиренія. Этой же мечты держался до конца дней своихъ и Государь, который тому, кого каралъ онъ явно, почти всегда творилъ милость втихомолку, начиная съ Рылѣва (супруга котораго уже 15 Декабря 1825 года получила денежное вспоможеніе).

Книга начинается перепискою, касающеюся отказа царствовать, а затѣмъ переходитъ къ изложенію подробностей о злоумышленникахъ Петербургскихъ, Кіевскихъ и Польскихъ. Дѣло о сихъ послѣднихъ тянулось нѣсколько лѣтъ, почти до коронованія Николая Павловича вѣнцомъ царя Польскаго. Вспоминается намъ рассказъ графа Сергія Григорьевича Строганова, который въ домѣ своей тещи часто встрѣчался съ княземъ Адамомъ Чарторійскимъ. Государь въ Варшавѣ, въ 1829 году, съ улыбкою сообщилъ графу Строганову, что онъ назначилъ князя Адама оберъ-камергеромъ; это было вовсе не по нутру честолюбцу, котораго Польскіе эмигранты, когда онъ проживалъ въ Парижѣ, считали и называли королемъ Польши.

По желанію Цесаревича, Государь посылалъ ему въ Варшаву подлинную рукопись Записокъ Екатерины. Константинъ Павловичъ вспоминалъ про свою бабу; нѣкогда отучала его отъ игры въ солдаты и вмѣсто нихъ предлагала забавляться дворцовыми трубочистами, которые однажды по ея приказанію выстроились для него въ дворцовомъ коридорѣ. Онъ упоминаетъ также, какъ она ему мыла голову по допесенію генераль-прокурора графа Самойлова, но не сказываетъ, за что именно. Онъ поручаетъ брату доставить ему нѣкоторыя ея вещи и разыскать тотъ ручной туалетъ, съ которымъ она ѣздила въ Крымъ; но оба брата, конечно подъ вліяніемъ своей матери, не

дорожили памятью Великой Екатерины, а Константинъ въ одномъ изъ писемъ осуждаетъ ее за раздѣлъ Польши, не вѣдая, что Екатерина участвовала въ ономъ по крайней необходимости и подъ вліяніемъ Старога Ирода, какъ она называла Фридриха Великаго.

Николай Павловичъ подробно описалъ брату послѣдніе дни и кончину ихъ матери (получивъ донесеніе о болѣзни ея и торопясь въ Петербургъ изъ подъ осады Варны, онъ едва не погибъ на морскомъ переѣздѣ) и сообщаетъ о томъ, что по ея завѣщанію преданы огню поденныя автобіографическія записки ея. Въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ семидесятыхъ годахъ, довелось намъ видѣть небольшой опечатанный сундучекъ на подставкѣ, на которомъ означено княземъ П. М. Волконскимъ, что покойная императрица приказала снять печати черезъ пятьдесятъ лѣтъ по ея кончинѣ. По минованіи этого срока спрашивалъ я графа А. В. Адлерберга, что находилось въ этой скрипѣ. Къ удивленію любопытствующихъ, оказалось, что тутъ разная, не имѣющая значенія, мелочь, сувениры, слезуэты и пр., которые государыня сберегала для себя на память. Константинъ Павловичъ пріѣзжалъ на ея похороны. Княжна В. П. Репнина передавала намъ, что на дежурствѣ при тѣлѣ государыни, въ такъ называемомъ *costrum doloris*, она и другія фрейлины весело переговаривались и шумѣли. Внезпно вошелъ Государь и сказалъ: „Ну, теперь я знаю, что покойница не была любима. Прикажу скорѣе похоронить ее“.

Въ концѣ книги на нѣсколькихъ страницахъ письмо Цесаревича о поѣздкѣ его съ Эмскихъ водъ въ Бельгію къ сестрѣ Аннѣ Павловнѣ, тогда еще принцессѣ Оранской, съ любопытными подробностями о характерѣ и семейныхъ отношеніяхъ ея. П. В.

РУССКІЙ АРХИВЪ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять р. для чужихъ краевъ— двѣнадцать р.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ерма- лаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и въ книжныхъ мага- зинахъ „Новаго Времени“: Въ Петербургѣ (Невскій, 40) въ Москвѣ (уголъ Неглиннаго проезда и Кузнецкаго Моста, д. Шоринной) въ Харь- ковѣ (Николаевская пл. № 4 и Екатеринославская ул., д. Иванова. № 1) въ Одессѣ (Дерибасовская ул., № 33, уг. Преображенской) въ Саратовѣ (Б. Московская, Пассаажъ 1) въ Ростовѣ на-Дону (Садовая ул., № 96) и въ Парижѣ (бульваръ Св. Магдалины).

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
прежнія полныя годовыя его изданія и отдѣльныя книжки Русскаго Архива
по цѣнѣ пониженной.

*

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона. Цѣна 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомякова. Съ примѣчаніями. Цѣна 30 к.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Вартеневъ.**

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

3.

Стр.

321. Старообритческое сказаніе о патриархѣ Никонѣ, написанное настоятелемъ Выгорьскаго общежительства **Андреемъ Діонисіевичемъ**.
369. Письма къ И. П. Березникову: **Н. Н. Мурзаневича**, **И. Шульгина**, князя **М. А. Оболенскаго**, **М. Т. Наченовскаго** и **А. А. Кунина**.
375. Изъ Записокъ сенатора **В. Н. Лебедева**. 1862 годъ («Сѣверная Почта», Дѣло князя **А. В. Кочубея**, —Профессоръ **Павловъ**, —**В. А. Шереметевъ**, —Супруги **Образковы**, —**Катковъ** о **Герценѣ**—Газета «Голосъ», —Графъ **В. П. Панинъ**).
723. Къ исторіи Еврейства. (Бундъ.—Вооруженные мигрежи и подавленіе ихъ). **Н. С. Граве**.
443. Изъ прошедшихъ судебъ Туркестана (фрагментъ о вачетѣ на **М. Г. Черниевъ**) **А. М. Черняевой**.
463. Къ живописанію епископа Порфирія Успенскаго. Изъ писемъ его къ разнымъ лицамъ. Сообщено **А. А. Титовымъ**.
483. Письма князя **А. Н. Голицына** къ **А. Ф. Лабзину**.
487. Письма **А. С. Хомянова** къ **К. А. Коссовичу**.
493. О стихотвореніи Пушкина «Примѣты». **Н. О. Лернера**.
495. Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива».

Внутри обложки: О раскрышеніи помещичьихъ крестьянъ.—Труды **П. Ф. Павловскаго**.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

**Протоіерей І. П. КРЕЧЕ-
ТОВИЧЪ. Объявленіе воли въ
г. Саратовѣ и Саратовской гу-
берніи (по даннымъ архива
Саратовской Духовной Кон-
систоріи).** Саратовъ, типографія Со-
юза печатнаго дѣла Братства Святаго
Креста. 1911 г. 16-о, 24 стр., цѣна
5 коп.

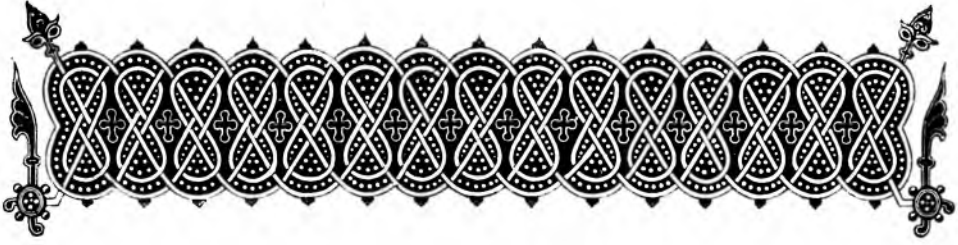
Цѣль этой брошюры выражается
словами ея: „обычное дѣло наблюдае-
мое и въ наши дни; лишь призракъ
грядущихъ волненій встаетъ передъ
властью, она обращаетъ свои взоры
къ духовенству, съ которымъ во всякое
другое время мало церемонятся“. Власть
имѣла и право, и обязанность опасаться
грядущихъ волненій, особенно въ Са-
ратовскомъ краю, гдѣ еще живы пре-
данія не только Пугачевщины, но и
Булавинскаго бунта, гдѣ были нена-
дежны не только послѣдователи раз-
ныхъ сектъ, но и Нѣмцы-колонисты.
За нѣсколько дней до объявленія воли
помѣщичьимъ крестьянамъ, Саратов-
ской губернаторъ Алексѣй Дмитриевичъ
Игнатьевъ просилъ тамошняго еписко-
па Евенмія о томъ, чтобы духовенство
внушало паствѣ о необходимости спо-
койствія. О томъ же самомъ писалъ
епископу и оберъ-прокуроръ Святѣй-
шаго Синода графъ Александръ Петро-
вичъ Толстой; въ письмахъ того и
другого слышится кака-то тревога,
письма же архипастыря уклончивы и,
можно сказать, претительны. Духовен-
ство подняло вопросъ, можетъ ли оно
разрѣшать браки раскрѣпощенныхъ
крестьянъ безъ дозволенія ихъ помѣ-
щиковъ. Завязалась отвратительная
переписка, и правительство узнало,
что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духовныя
лица захотѣли быть не миротворцами,
а судьями, и поэтому приказано было,
чтобы все штатное и заштатное духо-
венство предъявляло въ консисторію
подписки съ рукоприкладствомъ, что
ему извѣстны высочайшіе по этому

дѣлу указы. Тѣмъ самымъ оно, по
выраженію протоіерея Юсіафа Крече-
товича „запечатало уста свои и въ даль-
нѣйшей своей дѣятельности молчані-
емъ привѣтствовало объявленіе воли
крѣпостныхъ людей“.

*

Мы уже имѣли случай сказать,
что Императоръ Александръ Николае-
вичъ въ раскрѣпощеніи помѣщичьихъ
крестьянъ дѣйствовалъ не самостоя-
тельно и не по своему личному почи-
ну, а по завѣщанію, подобно тому,
какъ И. С. Аксаковъ (воспитанникъ
Училища Правовѣдѣнія) исполнялъ
лишь то, что ему было завѣщано люби-
мымъ его старшимъ братомъ. У двери
отходившаго въ вѣчность Николая Пав-
ловича, въ 3-мъ часу пополудни 19
Февраля 1855 года, стояли два его ге-
нераль-адъютанта А. Ѳ. Орловъ и П. Д.
Киселевъ, когда двери открылись и
вышедшій изъ нихъ Александръ Ни-
колаевичъ, объявивъ о кончинѣ отца,
сказалъ имъ обоимъ: послѣднее его
распоряженіе было о помѣщичьихъ
крестьянахъ. Передаютъ, что у поход-
ной кровати, на которой Николай Пав-
ловичъ скончался въ Зимнемъ дворцѣ
(въ нижней комнатѣ угла, выходяща-
го къ Адмиралтейству и на Неву),
предсмертнымъ словамъ его внимали
оба старшіе сына (два младшіе были
въ Крыму на войнѣ) и что онъ взялъ
съ великаго князя Константина Ни-
колаевича слово помогать въ дѣлахъ
правительственныхъ старшему своему
брату. Этимъ объясняется послѣдую-
щая дѣятельность даровитаго, вчина-
тельнаго, норфиророднаго Константина
Николаевича, связаннаго съ братомъ
крѣпкою дружбою.

Празднуя нынѣ полстолѣтіе со дня
великаго Русскаго дѣла, подобаетъ по-
читать благодарственно и память того
государя, который во все дни своего
державства неуклонно готовилъ Россію
къ великой перемѣнѣ въ жизни и быту

СТАРОБРЯДЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ О ПАТРИАРХѢ НИКОНѢ.

ИСТОРИЯ О БЫВШЕМЪ БОГООТСТУПНИКѢ ПАТРИАРХѢ НИКОНѢ,
искоренителѣ древняго благочестія и всѣхъ свято-отеческихъ
уставовъ и преданій, списанная блаженныя памяти Андреемъ
Діонисіевичемъ, виновіархомъ и настоятелемъ Выгорѣцкаго
общинножителства, великаго сотрудника по святыхъ преда-
ніяхъ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1909 г. (кн. 9-я) напечатано Житіе Никона по рукописи Іоанна Шумерина. Теперь мы предлагаемъ тоже житіе составленное старообрядцемъ.

Самое лучшее изслѣдованіе подобнаго рода житій Никона въ разныхъ редакціяхъ сдѣлать В. П. Перетцъ, въ его историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ¹⁾. По его замѣчанію, изъ обзора содержанія рассказовъ о патриархѣ Никонѣ становится очевиднымъ, что первоначально они ходили въ особыхъ тетрадяхъ, и лишь позднѣе были объединены въ сказанія и повѣстяхъ или вошли въ составъ такихъ обличительныхъ историческихъ сочиненій, какъ „Житіе инока Корнилія“. Кромѣ библиографическаго обзора подобнаго рода житій Никона, г. Перетцъ дѣлаетъ обширную выдержку о Никонѣ изъ житія Корнилія по рукописи Императорской Публичной Библіотеки, а также приводит и повѣсть о Димитріи, едва не удавленномъ бѣсами.

Наша рукопись иного состава. Она разнится съ тою, которою пользовался преосвященный Никаноръ, архіепископъ Одесскій, помѣстившій въ извлеченіи житіе Никона въ „Запискахъ Александра Б.“²⁾. „Это раскольническое сочиненіе, пишетъ преосвященный Никаноръ, въ отношеніи къ лицу Никона и его трудамъ довольно несправедливое, въ историческомъ же отношеніи замѣчательно съ одной стороны тѣмъ, что представляетъ собой попытку обнять въ цѣлости всю исторію жизни патриарха Никона и, значить, всю исторію рѣшительнаго отпаденія раскола отъ православія; съ другой стороны тѣмъ, что оно переполнено искаженіемъ событій“. Далѣе преосвященный Никаноръ указываетъ на историческія противо-

¹⁾ Слухи и толки о патриархѣ Никонѣ въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII в.в. СПб. 1900 г. ²⁾ СПб. 1861 г.

рѣчія. Въ повѣсти говорится, будто Никонъ родился въ 1613 г. въ веси Вельдемановѣ, но Шушерину же онъ родился въ 1605 г. въ селѣ Вельяминовѣ*); по повѣсти Никонъ постригся въ Москвѣ на нѣкоемъ подворьѣ отъ нѣкоего скитающагося священноинока, на дѣлѣ же онъ постриженъ преподобнымъ Елеазаромъ въ Анзерскомъ скиту. Говоря о посланіи Никона къ Паисію по вопросу о книжномъ исправленіи, сочинитель повѣсти называетъ Паисія патриархомъ Александрійскимъ, тогда какъ Никонъ писалъ къ Паисію патриарху Константинопольскому и т. д. Затѣмъ пресвященный Никаноръ заключаетъ, что въ повѣсти всякое дѣйствіе патриарха Никона, какъ бы оно ни было благородно и благопамѣренно, изображается какъ злой умыселъ.

Нѣсколько другого состава повѣсть о Никонѣ находится въ Имп. Публичной Библіотекѣ въ Богдановскомъ сборникѣ № 27 и въ Погодинскомъ. Последняя, по заключенію А. О. Бычкова, написана неизвѣстнымъ старообрядцемъ.

Въ обстоятельномъ трудѣ П. С. Смирнова: „Внутренніе вопросы въ расколѣ XVII в.“ относительно повѣсти о Никонѣ указывается на ея важность въ другомъ отношеніи, именно, что въ ней находится нѣсколько указаній на то, какимъ путемъ раскольники истолковывали въ лицѣ Никона „чрезвычайный сосудъ сатаны“. Разсказъ о предсказаніи Никону „волхва“ передается сочинителемъ повѣсти довольно кратко, хотя суть этого событія взята изъ повѣствованія клирика Иоанна Шушерина. Разсказъ о видѣніи строителемъ Анзерской пустыни Елеазаромъ змѣя, обвинянаго вокругъ шеи Никона, во время чтенія имъ за службой Евангелія, есть искаженіе разсказа, записаннаго въ житіи Елеазара, гдѣ говорится, что стронтель видѣлъ на Никонѣ омофоръ.

О видѣніи старцемъ Симеономъ пестраго змѣя и о предреченіи Иерусалимскаго патриарха Теофана, будто бы предсказавшаго „перемѣщеніе церковныхъ чиновъ“ въ Россіи, передается въ житіи инока Корнилія, напечатанномъ въ Исторіи Выговской пустыни. Въ Матеріалахъ для исторіи раскола (III, 209) Н. И. Субботинымъ помѣщено сказаніе о „богоотметникѣ Никонѣ“, и оно, очевидно, изъ того же лагеря, какъ и печатаемое нами житіе Никона, хотя совершенно другого состава.

Въ заключеніи долженъ упомянуть еще объ одной рѣдкой рукописи, находящейся въ архивѣ Св. Синода, хотя и не раскольнической, но вовсе не похожей и на житіе, составленное Шушеринимъ. Выше поименованная рукопись, № 3886, обстоятельно изслѣдованная А. И. Никольскимъ въ II т. его Описанія (стр. 660), имѣетъ запись, что это житіе Никона написано по повелѣнію архимандрита Лаврентія въ 1710 году.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій, Ноября 21-го 1910 г.

Помѣщаемъ это сказаніе, какъ произведеніе старообрядческой словесности (очевидно, подновленное), для исторіи же въ немъ цѣнны только несомнѣнныя черты понятій XVII вѣка. П. Б.

*) Архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ) говорилъ намъ, что предкомъ Никона былъ Ливонецъ, Вельдеманъ, плѣнникъ Иоанна Грознаго, который поселилъ его въ Книгининскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ. По матери Никонъ былъ Морявинъ. Въ лицѣ его, судя по сохранившимся портретамъ, дѣйствительно есть что-то иноземное. П. Б.

Никонъ родился 1613 года Маія въ 21 день въ предѣлахъ Нижняго Нова града, въ селѣ Вельдемановѣ или Курмышовѣ, отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ его Мина былъ росту великаго и сильный. А мать Никона была Маріамія. Родилъ Маріамія младенца паче мѣры большого и зѣло пострадала въ его рожденіи. Егда же родился сей дѣтищъ, прииде къ Минѣ въ домъ Мордовскій шаманъ, язычникъ, знающій волшебное ремество. Минѣ же шаманъ сей и ранѣе былъ другомъ, а потому и пожелалъ видѣть шаманъ новорожденнаго дѣтища, обѣщая ему сказать его преднее. И егда же Маріамія открыла шаману дѣтища, тогда шаманъ сталъ читать по-мордовски какое-то волшебное призываніе, посмотрѣлъ на дѣтища и затрепеталъ, опустился на колѣни и глагола: „Будеть онъ царь не царь, а выше царей и князей, и бояръ, и будетъ онъ и богатъ, и нищъ, и построятъ онъ или города, или монастыри. И будутъ туда прѣвзжати и цари, и бояре, и князи. Будутъ за него молитися, и будутъ на него злобствовать, и его проклинять. Занеже царь и великій духъ его снискалъ, и землю онъ прославить, гдѣ родился и гдѣ будетъ погребенъ“. И съ этими словами шаманъ сорва со своего ожерелія златицу, кладя младенцу въ пелены, рече: „Пусть сіе злато умаститъ тебѣ дорогу, какою уговолавъ тебѣ самъ великій духъ“. Родителей же дѣтища сія восторженность шаманова привела въ великое смущеніе и боязнь. Рече Мина шаману: „Мы люди грѣшныя и не имѣемъ никакихъ добродѣтелей, и живемъ въ бѣдности. Къ чему ты возвѣщаеши странная нашему дѣтищу?“ и не повѣривша шаману. Затѣмъ родители призвана священника, крестина дѣтища и нарекоша имя ему Никита.

По прошествіи жъ двухъ или трехъ лѣтъ, померла Маріамія, а Мина взя себѣ другую жену, мачиху Никитѣ. И по времени мачиха стала не любить Никиту за его непослушаніе. И взяла Никиту на воспитаніе нѣкая вдова Ксенія, сродница Минѣ, которая и воспитала его и научила грамотѣ. И Никита наслѣдовалъ возрастъ своего отца, сталъ зѣло мощнымъ юношей. Затѣмъ поступаетъ Никита во служеніе къ приходскому своему священнику Василію, которому сталъ Никита помогать въ его церковной службѣ. По нѣкоемъ же времени видитъ священникъ Никиту зѣло и непристойно ухаживающимъ за его дочерію Парасковіей и запрещаетъ своей дщери видѣтися съ Никитою. Но Никита нрава крутого и не терпѣвшій никакого противорѣчія, и чрезъ сіе убѣгаетъ Никита изъ дому священника и направляется въ монастырь Макарія Желтоводскаго, гдѣ по просьбѣ его и пріять бысть въ послуженіе. И какъ умѣющимъ грамотѣ и обладающимъ звучнымъ гла-

сомъ, и по времени, допущенъ въ число клириковъ. И нѣкогда случися Никитѣ идти въ другій монастырь съ двумя клириками и случися на пути обнощевати у нѣкоего Татарина, ремесствомъ колдуна, подобнаго прежде описанному шаману. Такожде и сему умѣвшему предсказывать будущее, волхвуй скверною своею бѣсовскою книгою и палицею, Татаринъ предсказалъ Никитѣ быть государемъ великимъ. Но Никита хотя и не повѣрилъ словамъ Татарина, но крѣпко запала сія мысль въ его настойчивомъ характерѣ.

Не по многому же времени умре отецъ Никиты Мина. И возвратися Никита изъ монастыря въ домъ родительскій и женися на преждепомянутой дочери попа Парасковіи. И пріискалъ себѣ мѣсто въ поппы близъ своей родины. Жили они на поповствѣ нѣсколько лѣтъ, и было трое дѣтей, и всѣ векорѣ послѣ рожденія умирали. По у Никиты жъ въ душѣ глубоко вкоренилась тайная мысль со дня предсказанія ему волхва-татарина, а также и предсказанія Мордовскаго волхва-шамана, переданныя Никитѣ родителемъ его Миною; и на этихъ бѣсовскихъ предсказаніяхъ давно вкоренились въ сердцѣ Никиты: самолюбіе, гордость, властолюбіе и какое бы то ни было новое законодательство, и презирать все и все существующее ни во что. Но какъ достигнуть власти, былъ завсегдашній его вопросъ съ самимъ собою: выйдти ли изъ духовнаго званія и прославиться въ ратномъ дѣлѣ, и достигнуть какой-либо власти? Или принять иночество и чрезъ сіе получить въ духовныхъ чинахъ возвышеніе и достигнуть власти? И послѣднее Никитѣ представлялось удобнѣйшимъ и осуществительнымъ, что исповѣда жевъ своей Парасковіи. И хотя Парасковія и просила Никиту оставить сіе намѣреніе, какъ сумнительное и могущее не осуществитися, и просила не повинути ее сиротою, но Никита же объявилъ ей твердое, неуклонное свое намѣреніе. Упросилъ Никита и жену принять и ей мнишескій чинъ, обѣщая ей дать большую часть злата, пріобрѣтеннаго на поповскомъ служеніи и отъ продажи имѣнія, чрезъ то бы могла быть въ монастырѣ извѣстною, а свое бы происхожденіе отъ всѣхъ скрывала и имѣла бы тщаніе предъ людьми быть любо подвижницею, любо предсказательницею, и старатися всею мощію быть извѣстною знатымъ боярынямъ и служащимъ при дворѣ царевомъ, да негли могла бы въ будущемъ быть помощницею къ возвышенію его Никиты. При разлукѣ же, сказавъ Никита, что они разлучаются для пріобрѣтенія почестей и славы, да не туне будетъ славное объ немъ предсказаніе, облече Никита свою жену въ черныя ризы, повелѣлъ ей поступить въ женскій Алексіевскій монастырь града Москвы, свое же обл-

явилъ ей намѣреніе, что ему необходимо нужно начать съ Соловецкія обители.

И тако разсташася живіи будущіи мниси. Парасковія принята бысть въ Алексіевскій монастырь, а Никита въ градъ Москвѣ, на нѣкоемъ подворіи пріять мнишескій образъ съ наименованіемъ Никона отъ нѣкоего скитающагося инока. И тако новоначальный мнихъ Никонъ поиде въ Великій Новъ-градъ, да тамо обрѣтетъ путниковъ во отокъ Бѣлаго моря, въ глаголемый Соловецкій монастырь. И тако по нѣколициѣмъ времени чрезъ Новъ-градъ направляется Никонъ ко граду Архангельскому, а изъ града Архангельска въ числѣ богомольцевъ отправляется на кораблѣ въ Соловецкій монастырь. По прибытіи въ монастырь встрѣтился Никонъ съ Соловецкимъ старцемъ Парменомъ, который и пригласилъ Никона обночевать въ его келію; старецъ же Пармень, какъ много лѣтъ живущій въ Соловахъ и добръ вѣдущій всѣ монастырскіе обычаи и уставы, и что клиръ Соловецкій полонъ и всѣ церковныя уставы опасно вѣдущій. И услыша Никонъ отъ Пармена, что есть на островѣ и скитъ Анзерскій, игумень каковаго есть старецъ Еліазаръ, и клириками сей скитъ бѣденъ. Глагола Пармень Никону, что въ Анзерскомъ скиту съ радостію примутъ. Никонъ же сему радъ бысть зѣло. И приде Никонъ въ Анзерскій скитъ, и по просьбѣ его принять былъ старцемъ Еліазаромъ, и по нѣколициѣмъ времени допущенъ бысть Никонъ къ числу клириковъ. По малѣ же времени нача Никонъ старцу Еліазару глаголати о построеніи новаго храма на Анзороголгоѣской горѣ, и нача просити Еліазара идти съ нимъ въ Москву для сбора на построеніе новаго храма. А самую же вещью желаніе видѣтися съ своею женою и съ нею имѣть совѣщаніе о заранѣ задуманномъ своемъ намѣреніи. Старецъ Еліазаръ, не зная коварнаго умысла Никона, поиде съ нимъ въ Москву для сбора пожертвованій на сооружеіе храма. Въ Москвѣ же Никонъ часто отлучался отъ Еліазара и имѣлъ тайныя совѣщанія съ своею женою Парасковіей, переименованною во инокиню Патапію. И собраша старецъ Еліазаръ съ Никonomъ до пяти сотъ рублей и возвратишася оба обратно въ Анзерскій скитъ. Съ сего времени нача Никонъ самовольно входитъ въ хозяйственныя управленія скитскими дѣлами, яко бы пріобрѣтохъ на сіе нѣкую власть за участіе въ сборѣ пожертвованій. По нѣколициѣмъ же времени нача нѣчто измѣнять и въ церковной службѣ, и съ старшими клириками нача спиратися, и нача приводити старца Еліазара въ немалое сомнѣніе.

И нѣкогда Еліазару во время божественной службы, егда же Никону чтущу божественную литургію, видѣ Еліазаръ около вми Никона

змія черна и зъло велика оплетшася, и вельми ужасеся. И глаголаше отай братіи, о какова смутителя и мятежника Россія въ себѣ питаетъ: сей убо смутить тоя предѣлы и многихъ трясеній и бѣдъ наполнить. И прирече: аще бы кто убилъ сего чернеца, то умолилъ изъ за того Бога. И съ сего времени начаша Едіазаръ и вси братія не любити Никона и не допускати его до чтенія и пѣнія въ божественной службѣ.

Никонъ же, видя къ себѣ неуваженіе игумена и всей братіи, предпринимаетъ намѣреніе бѣжати отсюду въ Кожеозерскую обитель, еже есть въ Каргопольскихъ предѣлѣхъ, въ каковой обители проживаетъ протопопъ Прокопій, родной братъ Никонова тестя, попа Василія. И вскорѣ Никону преставися удобный случай. Стали снаряжать изъ Анзерской обители ладію для рыбной ловли на острова и на берегъ устья рѣки Онеги. И сталъ Никонъ проситися взяти и его на рыбную ловитву, но рыболовы его не принимаху, яко не умѣеть молчати, а любить начальствовати и повредить рыболовному дѣлу. Никонъ же нача унижатися и обѣщаяся быть молчаливымъ и послушнымъ. И тако взяша Никона на рыбный промыселъ и приплыша къ островамъ Онеги и выѣхаша съ большей ладіи на малыхъ ладейцахъ на берегъ, и ту поставиша шатерь и ловиша рыбу два дни, и наловиша довольно, солиша рыбу въ боченки и возиша на большую ладію, стоящую въ морѣ. По уборкѣ же рыбы сталъ Никонъ уговаривати старшаго рыболова Порфирія выпить пѣннаго по окончаніи добраго улова. И тако по настоянію Никона напишася вси допьяна, и наста ночь, уснуша вси крѣпкимъ сномъ. Никонъ же хотя былъ и пьянъ, но бодретвенно исполнялъ свое задуманное злое намѣреніе. Егда же увидѣлъ всѣхъ товарищей уснувшихъ крѣпкимъ сномъ, тихо взя нужное и спусти съ берегу тихо обѣ ладейцы: во едину сѣдѣ, а другую привяза. И тако увезъ обѣ ладейцы съ острова, безжалостно оставя на пустынномъ островѣ своихъ собратовъ спящихъ, не знающихъ про злое коварство Никона (и привяза къ большей ладіи малыя ладейцы): якорь же ладейный ранѣе рыболовы добываху со дна моря тремя и четырьми челоувѣками. Никонъ же, обладавшій великою силою, единъ извлече якорь со дна моря. И направи парусы, поплы отъ своихъ собратовъ, и увозя съ собою всю рыбную добычу и ладейцы, дабы не въ чемъ было постигнуть его. И тако отплы отъ рыбаковъ на дальнее разстояніе, вплы въ устіе Онеги рѣки и доплы до нѣкихъ селеній, приста къ берегу и остави рыбу и ладіи, и поиде никѣмъ же ведомъ въ Каргопольскіе предѣлы, и достиже Кожеозерскія обители; и принять бысть своимъ дядею, протопопомъ Прокопиемъ. И проси протопопъ игумена Никодима, дабы Никонъ вчиненъ былъ въ число клириковъ, еже и бысть.

Упомяну же здѣ: бывшая Никона жена Парасковія, во инокиняхъ Наталія, своею неусыпною хитростію и притворнымъ постничествомъ и воздержаніемъ, чрезъ знатныхъ людей, вѣдома бываетъ къ царскому двору, царицѣ и царевнамъ. Одной же царевнѣ Татіянѣ Михайловнѣ, оставшейся незамужнею, открыла свою тайну, сказа про Никона, про его мужество и про его якобы великое знаніе, и про его предсказанія. И сотвори царевну Татіану Михайловну своею тайною подругою и ходатайницею своихъ преднамѣреній. И егда услыша Никона пребывающа въ Кожеозерской обители, отправляется инокня Наталія, якобы за сборомъ подаянія, съ другою своею подручницею, а самую же вещь для потайнаго свиданія съ Никономъ и для объясненія ему успѣховъ и совѣщанія съ нимъ. По выходѣ же изъ града Москвы направляются черницы въ Каргопольскіе предѣлы и достигша Кожеозерскія обители, гдѣ и имѣла инокня Наталія многократное тайное свиданіе, и имѣли продолжительныя совѣщанія о своихъ злонамѣреніяхъ тайныхъ. И паки обратшася къ Москвѣ мниміи сборщицы подаяній на монастырскую обитель.

По прибытіи въ Москву, приде инокня Наталія въ теремъ къ царевнѣ Татіянѣ Михайловнѣ и совѣтоване съ нею наединѣ о возвеличеніи Никона. По прошествіи же нѣкотораго времени преставися игумень Кожеозерскаго монастыря Никодимъ. И Божіимъ попущеніемъ. приспѣ время къ возвеличенію Никона, будущаго искоренителя святоотеческихъ уставовъ и древняго благочестія. Избранна Никона Кожеозерскимъ игуменомъ, чрезъ неусыпное домогательство самого Никона. Услыша же сіе, инокня Наталія и царевна Татіана Михайловна начаша юному царю Алексѣю Михайловичу и царицѣ Маріи Ильинишнѣ часто глаголати про Кожеозерскаго игумена Никона, яко издавна слышать отъ многихъ, яко и сама старица Наталія сподобилася видѣти такого мужественнаго, громогласнаго, сановитаго, величественнаго, поучительнаго, распорядительнаго, книжнаго писанія рѣдкостнаго вѣдателя, паче же рещи, якобы всѣмъ дѣламъ искусна и свѣдуща. И тако крадоводящи. сотвориша юному царю и царицѣ любити заочно хищнаго звѣря, волка, яко кроткаго агнца. Тако всегда всезлобный врагъ рода человѣческаго прельщаетъ сердца мудрыхъ, великомошныхъ и незлобивыхъ мужей злоковарною женскою лестію и сотворяетъ падати съ высоты величія къ безславію, и приводитъ отъ благочестія къ нечестію.

Вскорѣ послѣ сего вышепомянутыя жены, старица Наталія и царевна Татіана Михайловна, упроща князя Юрія Сицкаго завести

тяжебное дѣло съ Кожеозерскою обителію о вотчинныхъ земляхъ, которая завѣщала Юріевъ отецъ Кожеозерской обители; и тако Юрій нача дѣло о невужной ему вотчинѣ. И вызывается по сему дѣлу Никонъ въ Москву, якобы ходатаемъ за обитель. По прибытіи же въ Москву Никона на подворіе Кожеозерское, и тогда же на то же подворіе явилась странница-инокиня, сказавшаяся на подворіи изъ какого-то отдаленнаго монастыря, съ глубоко закрытымъ своимъ лицомъ и въ плохомъ одѣяніи, и просила у Никона дать ей на подворіи уединенную келію. Никонъ и приказалъ ей дать келію. Это была его жена Парасковія, инока Наталія. И тако въ эту келію тайно сходилися Никонъ, Татіяна Михайловна и жена Никона. И вскорѣ устроиша сіи жены служити Никону въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи юнаго царя Алексія Михайловича. И плѣнился юное сердце царево Никоновою наружностію, величественнымъ видомъ, сановитостію и громкимъ гласомъ, и колыми паче ходатайствомъ о Никонѣ нѣкѣихъ лицъ, по устроенію тайному жены Никона и царицы Татіаны Михайловны. И тако сотвориша юнаго царя ходатаемъ у патріарха Іосифа о возвышеніи Никона архимандритомъ въ Спасовъ монастырь на Новое, града Москвы. И царь поручаетъ Никону принимать прошенія къ его царскому величеству отъ обиженныхъ и являтися царю каждую Пятницу, и сіе исполняя, прославился предъ народомъ, яко истинный пастырь и отецъ обидимыхъ. Дивитижеся сему достойно, яко таковой скверный сосудъ на толь высокія степени восходити начинаше: понеже убо и первѣе не святіи прозорливіи мужи, но волшебницы Татарове, сѣдящимъ въ нихъ пытливыхъ діавольскихъ духовъ надхненныя, нарекли его быти великимъ государемъ. Потомъ преподобный Елеазаръ Анзерскій въ служеніи литургіи не голубя на немъ сѣдѣца видѣ, яко же древлѣ Флавіанъ-патріархъ на Іоанновѣ главѣ Златоустаго, но змія черна страшна и велика около выи его обвившася, хотящія ли впредь быти добродѣтели его къ такому великому его сану ждущія.

По нѣкоемъ же времени оставляетъ Новгородскій престоль митрополитъ старецъ Леонія, за старостію лѣтъ и слѣпотою, и удаляется въ Спасовъ монастырь на Хутынѣ въ 1639 году. И на его мѣсто назначается Никонъ, который и спѣшилъ вскорѣ заняти митрополитскій престоль. Пожелалъ видѣти своего предшественника, старца Леонію на Хутынѣ, пришедъ въ его келію, просяше благословенія. „Кто ты, откуда и како нарицаешься?“ спросилъ его Леонія, понеже глазами не видалъ. „Азъ емь, владыко, Никонъ, митрополитъ Новгородскій“, отвѣща Никонъ. Воздохнувъ Леонія вельми, отъ всея души, рече: „Прииде время, яко и Никонъ въ митрополитахъ“, и прирече:

„воли Божіей оставляемъ о насъ полезная предусмотрѣти“. А когда же Аѳонія былъ близокъ къ концу, то заповѣдалъ близкимъ своимъ призвати другаго архіерея для погребенія тѣла его, а не Никона, зане же Никонъ врагъ Божій есть, прирече Аѳоній. Тако сіе событіе утверждаетъ старецъ Корнилій, бывший келейникомъ митрополита Аѳоніи и перешедшій въ келейники къ Никону.

И тако Никонъ, поупущеніемъ Божиимъ, сѣде на престолѣ премудрости Божіи, обладаемъ же властолюбіемъ, надхненною діаволомъ гордостію, нача умышляти, еже бы что необычное святому уставу и новое вводити. Нача древнее церковное пѣніе презирати и нача необычное новое пѣніе, многоуугубляемое партесное вводити. Слыша о семъ святѣйшій патриархъ Московскій Іосифъ, воспрещаше о томъ Никону накрѣпко. Но обаче Никонъ помогаемъ бываетъ самодержцемъ и духовникомъ его Благовѣщенскаго собора протопопомъ Стефаномъ Вонифатіевымъ, и того ради небрежаше патриархову запрещенію. Засимъ умысли вскорѣ Никонъ: повелѣ написать образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, имѣющу въ нѣдрахъ младенца всего совершенна. Послѣ бывшаго митрополита Аѳоніи келейникъ Корнилій служаше Никону. Случися приидти изъ Соловецкаго монастыря черному діакону Пимену. Глаголетъ Пименъ Корнилію: „Что ты вѣдаешь, Корнилій: Никонъ митрополитъ—антихристъ“. — „Бѣснуешися, тако глаголеши“, отвѣща ему на сіе Корнилій. „Идемъ въ церковь и видимъ, како людей благословляетъ“. И идоша и видѣша извѣстно, яко по новому, а не якоже прежніи святителие благословляли, но нѣзаконно странно, растопыря пальцы. Ужасень бысть сему необычному видѣнію и убѣжа отъ служенія Никону Корнилій.

И тако правящу нѣколко лѣтъ Никону Новгородскою митрополіею и вводящу новыя уставы.

Въ 1646 году, по указу цареву, Никонъ съ княземъ Иваномъ Никитичемъ Хованскимъ ѣдетъ за мощьми святого Филиппа митрополита въ Соловецкій монастырь: и посѣщая тамъ Никонъ темницы, гдѣ увидаль Никона сосланный патриархомъ Іосифомъ за разныя ереси Арсеній Грекъ. Рече Никону: „святѣйшій патриархъ Никонъ, благослови, всяко соблазнился еси о мнѣ“. — „О, человекъ, азъ емь не патриархъ, но митрополитъ Новгородскій“, рече Никонъ. Арсеній же, продолжая его называти патриархомъ, и глаголя: „Всгорѣ будещи возведенъ на патриаршій престолъ великія Россіи: воспомяни мене во славу твою и

изведи отъ мрачныя сея темницы“.— „Аще сіе сбудется“. отвѣща ему Никонъ, „то исполнено будетъ прошеніе твое“.

Егда же былъ Никонъ въ Соловкахъ, въ то время на Москвѣ умеръ патріархъ Іосифъ, и погребоша его съ великою честію въ Успенскомъ соборѣ. И бысть царь вельми опечаленъ о лишеніи патріарха, и сталъ совѣтоватися съ дворомъ и боярами. И прииде въ теремъ къ сестрѣ своей царевнѣ Татіянѣ Михайловнѣ, всегда считая ея мудрою, безъ ея же совѣту ничто же начинаше. И прося ея совѣту объ избраніи патріарха; царевна же стала совѣтъ давати, яко достоинъ такового сана митрополитъ Новгородскій Никонъ, и совѣтова царевна государю сходить къ великой подвижницѣ, схимницѣ Наталіи, въ Алексіевскій монастырь. Рече, якобы та чрезъ великіе ея подвижническіе труды имѣеть даръ отъ Бога прорицати будущая и не укажетъ ли она болѣе достойнаго мужа ко пріятію сего великаго сана. Поблагодарн царь сестру свою за совѣтъ и поѣха въ Алексіевскій монастырь. Взойдя царь въ келію мнимыя подвижницы Наталіи, которая удостоила царя благословеніемъ и просила его сѣсть. „Я къ тебѣ за совѣтомъ, мати Наталія“, сказалъ царь: „умеръ у насъ патріархъ“. — „Слышала я грѣшная и молилася за упокой души святителя“, сказала старица. „Ты у насъ пророчица и великая подвижница; Святой Духъ тебѣ откроеть, кому быти у насъ патріархомъ. Прорцы, великая мати“, сказалъ царь. Старица же немного помолчала и рече: „Дай, прежде помолюся Богу: если Онъ сподобитъ меня, и быть можетъ, я и нареку имя будущему патріарху великія Россіи, и тогда будетъ онъ Богомъ избранный“. И старица предъ иконою пала ницъ, и стала что-то невнятное царю читать, и поднявшись, якобы вдохновенно воскликнула: „Идетъ изъ дальней сѣверной страны подвижникъ великій, идетъ онъ среди лѣсовъ, блатъ и степей. Не имѣеть онъ покою ни днемъ, ни ноцію; окруженъ онъ великой стражей. А съ нимъ великій святитель почиваетъ въ гробу, и несетъ подвижникъ на раменахъ своихъ этого святителя. Имя почившаго: святитель и чудотворецъ, митрополитъ Филиппъ. И вижу я: вотъ святой Филиппъ изъ гроба возстаетъ въ свѣтломъ сіяніи и благословляетъ несущаго его великаго святителя“. — „Какъ имя тому святителю?“ съ трепетомъ спросилъ царь. „Имя нарекъ святой Филиппъ тому подвижнику Никонъ“, и съ этими словами старица якобы въ изнеможеніи падаетъ на полъ.

И тако ослѣпленъ бысть самодержецъ женскимъ хитрымъ злоковарствомъ и лестию, и принимаетъ намѣреніе возвеличить Никона въ

санъ патриаршій. Вскорѣ послѣ сего съ великою честію срътоша мощи святителя Филиппа. Такожде царь, синклитъ и духовенство срътоша митрополита Никона съ подобающею честію, и Никонъ ѣдетъ почити съ путнаго труда въ Спасовъ монастырь, гдѣ ранѣе бысть архимандритомъ. И чрезъ два дня царь собираетъ къ себѣ въ полату боярь и духовенство и объявляетъ имъ свое намѣреніе возвести Никона въ санъ патриаршій, и проситъ ихъ идти съ нимъ въ Спасскій монастырь битъ челомъ Никону. И тако поѣхаша въ Спасскій монастырь царь, синклитъ, и духовенство, и бояре, а Никону уже было тайно извѣщено о склоненіи царя къ возвеличенію его въ патриаршій санъ. И прія Никонъ царя и боярь съ радостію. Рече царь къ Никону: „Мы съ истерпѣніемъ ждали тебя, пресвѣтлый владыко: церковь наша осиротѣла, погребли мы патриарха Юсифа; вмѣсто него буди нашимъ наставникомъ, отцомъ и великимъ патриархомъ всея Россіи“. И съ сими словами царь, духовенство и бояре поднялись съ мѣсть и низко поклонились Никону. Такожде и Никонъ поклонился царю и боярамъ. Рече Никонъ: „Я, рабъ Божій и царя, не чувствую въ себѣ столько силъ, чтобы сдѣлаться патриархомъ. И аще бы азъ и рѣшился на пріятіе сего сана, то не иначе подъ симъ условіемъ, чтобы безъ всякаго съ чьей-либо стороны вмѣшательства и мнѣ бы одному предоставлено было устройство церкви, по наитію Святаго Духа, каковое получу при посвященіи въ патриархи“. Глагола царь на сіи слова Никону: „Я и все мы предстоящій здѣсь по пріятію тобою сана перечить тебѣ ни въ чемъ не будемъ: я порукою за себя и за всѣхъ предстоящихъ сановитыхъ людей“. И паки поклонилася вси Никону. Никонъ же зѣло радостный рече царю: „Видно, на то воля Божія; не смѣю ослушатися божественнаго промысла. Да будетъ тако. Принимаю на себя бремя патриаршаго святительства“. Тогда обнялъ царь Никона и облобыза его. Радостный Никонъ цѣлова всѣхъ боярь и духовенство, пришедшихъ къ нему.

И тако 24 Юля Никонъ былъ возведенъ на патриаршій престолъ. И тако по седми тысяцахъ лѣтѣхъ прикрываетъ свои звѣриные острые погги овція кротости кожею и входитъ во Всероссійское христіанское стадо. И по малѣ времени вспомянувъ Никонъ лжепророка своего изъ Соловецка Лавриннова по обѣщанію своему, и спустити повелѣ не яко отъ темницы узника, но яко видѣннаго тайновидцемъ исходящаго изъ бездны на поправіе Православія звѣря, его же вземъ устрои на печатномъ дворѣ справщикомъ. Какъ сей Арсеній надхненъ Латынскаго отступленія ядомъ, бысть богоотступнаго звѣря Никона подобнаравное ему во всякой новолюбительной лжи и дерзости любимое чадо: и

умыслиша между собою ввести въ православную Россійскую церковь вѣсь Латинскіе обычаи и уставы.

И поиде Никонъ къ царю Алексію Михайловичу, хотѣя всеконечнѣ окрасти цареву незлобивое сердце. Приде къ царю и рече: „Владыко царю. Отъ многихъ на Словенскія книги укоризненные словеса, якобы съ Греческими и съ Россійскими древними харатейными книгами не согласуются“. И много глагола хулы на древнія книги и на вѣсь церковныя святые уставы. Егда сіе злонамѣреніе лестію предъ царемъ излагаше, въ тую ночь нѣкій добродѣтельный старецъ Чудова монастыря, именовъ Симіонъ, видѣ сонное видѣніе сицево: якобы великій пестрый и страшный змій, который обогнувшись около стѣнъ царскихъ палатъ, главу и хоботъ имѣя внутри полаты, и шепталь во ухо царю. И отъ сего страшнаго видѣнія возбудися старецъ, и нача въ себѣ размышляти, что се хочетъ быти. И со ужасомъ нача тайно подругомъ своимъ повѣдати, и познаша, яко въ ту ночь Никонъ проси о препечатаніи книгъ и о премѣненіи святоотеческихъ церковныхъ уставовъ и обычаевъ. Царь же Алексій Михайловичъ не знаяше въ Никонѣ крыющагося душетѣльнаго и смертоноснаго яда, изрыгающаго всеконечныя хулы на святую церковь, и не знаяше злоковарнаго хитроплетенія Никоновы жены, мнимыя подвижницы и предеказательницы старицы Паталин.

Егда же царь выслуша Никоново намѣреніе и прошеніе о исправленіи святыхъ книгъ, яко бы неправильныхъ и растлѣнныхъ, рече царь къ патріарху: „Великій нашъ государь, святѣйшій патріархъ! Ты нашъ Богомъ избранный и нашъ отецъ: какъ ты и святители рѣшите, на то и я буду согласенъ. Собери весь синклитъ и тогда избличи вѣсь неправды. А нынѣ я тебѣ даю совѣтъ: обратися ты по сему великому дѣлу къ великой подвижницѣ, старицѣ инокицѣ Паталин. Она наша пророчица, дастъ тебѣ благій отвѣтъ по внушенію Святаго Духа“. Рече Никонъ: „Давно азъ слышу о сей святой и великой подвижницѣ, но до сего времени не сподобился ее видѣти; и слышахъ отъ многихъ, что сія великая подвижница никого не принимаетъ, ни бояръ, ни святителей“. Рече царь: „Азъ вѣдаю; но ты поиди отъ моего имени, и она приметъ, святѣйшій нашъ отецъ. Эта великая подвижница, по смерти патріарха Юсифа, нарекла по вдохновенію и твое патріаршее имя, егда азъ о семъ просилъ ея святыню. А ты, егда къ ней приидеши, глаголи ей, что Богъ ея молитвами възыскалъ тебя и проси ея молиться за мене съ царицею“. Патріархъ

благословилъ царя. И поѣха на утріе въ Алексіевскій монастырь на неблагій совѣтъ ко мнимои подвижницѣ. Пріѣха въ монастырь и объяви намѣреніе игуменіи. Игуменія же поведе Никона ко лживой предсказательницѣ. Патриархъ былъ въ богатомъ облаченіи: на клобукъ его сіялъ драгоценный алмазный крестъ и двѣ панагіи, осыпанныя драгоценными каменіями, на груди. И тако вошли въ келію къ старницѣ Наталіи, которой былъ видъ лица чуждъ подвижничеству и постничеству, но весель. И свиданіе ихъ было, якобы никогда же видѣшася, и другъ другу преподаша своя благословія. Патриархъ передалъ ей, какой у него былъ совѣтъ съ царемъ, и какая настоятъ нужда въ исправленіи церковныхъ книгъ, и какія онъ намѣренъ сдѣлать исправленія, и рече, яко царь на сіе присла его испросити ея благословія. Инокія, помолча довольно, рече къ патриарху: „Святѣйшій отець, патриархъ, истинно ты говоришь: намъ нужно возвратитися къ Евангельской истинѣ, и тогда мы будемъ вновь православными. Дѣлай, что Святый Духъ говоритъ, но на полпути не останавливайся: ты бо патриархъ, и никто тебѣ противитися не можетъ... И я даю свое благословіе“. Тогда рече патриархъ ко игуменіи: „Изыди, дщи моя, изъ келіи, азъ бо имѣю нужду бесѣдовать съ сею подвижницею Наталіею на единѣ“. И тако игуменія остави сего хищнаго волка съ хитрою волчицею, мужа съ женою, якобы для духовнаго совѣщанія.

По семь ѣдетъ Никонъ изъ сего монастыря въ царскія палаты и глаголетъ царю: „Быль я у великія подвижницы, и она зѣло похвалила мое намѣреніе и вдохновенно сказала: „воистину необходимо сіе исправленіе книгъ и уставовъ“, и сказала, что тогда мы вновь будемъ православными. И ни на какія препятствія смотрѣть не совѣтовала и дала на сіе дѣло свое благословіе“. И тако сотвори Никонъ царя повинна своему всезлобному намѣренію. Рече царь: „Я знаю сію великую подвижницу, и она всегда говоритъ по вдохновенію ей отъ Бога. Даю тебѣ мое соизволеніе и повелѣніе на сіе необходимое дѣло“, и даде Никону соизволеніе собрати соборъ, синклитъ и духовенство.

И тако Никонъ получи отъ царя власть растлѣвати святыя богодуховенныя книги и все святыя древнецерковныя уставы и обычаи. И собираетъ Россійскій соборъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ, въ Грановитой Палатѣ, въ присутствіи царя, синклита и всего духовенства. И предлагаетъ Никонъ собору исправить все святыя церковныя книги, якобы неправильныя и растлѣнныя, и настоятельно требуетъ соборъ ему, какъ главѣ Всероссійской церкви, повиноватися во всемъ. И иные по

невѣдѣнію Священнаго Писанія, инѣи прельстившеся миролюбіемъ свѣта сего, не восхотѣша лишитися своихъ сановъ и почестей, инѣи же убояшася прещенія мукъ и заточенія грознаго властара-патріарха Никона, понеже бо видяще и государя-царя поддерживающа руку патріарха. И тако повинуюся мало не весь соборъ всезлобному и пребеззаконному вождю патріарху Никону; останася токмо малое избранное стадо, вѣдущее опасно божественное писаніе: протопопъ соборный Аввакумъ Петровичъ*), протопопъ Даніиль, соборный священникъ Лазарь, соборный священникъ Никита, священно-инокъ Капитонъ, діаконъ Ѳеодоръ, старцы Авраамій и Исаія, архимандритъ Спиридонъ Потемкинъ, епископъ Коломенскій Павелъ. Сіи мужественно сташа, поборяюще по древнемъ благочестіи, обличающе Никонovo нововводное мудрованіе, не убояшася ниже прещенія, ниже мукъ и ниже темничнаго заключенія. Мужественно сташа, яко столпи непоколебиміи. И по окончаніи сего собора повелѣ Никонъ всемъ подписоватися подъ его начертанное соизволеніе, глаголя: „Нечего вамъ сомнѣватися. а совѣтую всемъ моему соизволенію повиноватися и подписатися“. И тако начаша вси подписоватися къ его всезлобному начинанію. И егда же дойде чреда до Павла, епископа Коломенскаго, онъ же вземъ нача писати на хартіи: „Аще кто отъ обычныхъ преданій святыхъ каволическія вѣры чтѣ отъиметь, или приложитъ, или инако развратитъ. анаѳема таковой да будетъ“. И симъ подписаніемъ, яко острымъ оружіемъ, Никона прободе. Никонъ же отъ ярости не возможе стерпѣти: аки лютой звѣрь, ухвати Павла, нача немилостивно своими руками священнаго Павла бити вельми. Елико не соизволиша покоритися нечестивому соизволенію патріарха, глаголю жъ Павла, епископа Коломенскаго, протопоповъ и священниковъ посадиша въ темницу, въ Спасовъ каменный монастырь.

Послѣди же Павла, епископа Коломенскаго, призва Никонъ предъ себе и много увѣщавъ приняти новыя уставы; доблій же Павелъ неустрашенно обличаше Никона отступникомъ и ругателемъ святыхъ древлецерковныхъ уставовъ. Никонъ же, не могій терпѣти обличеній Павловыхъ, и развирѣпѣ на Павла, аки дивій вепрь: повелѣ Павла облачити въ епископскія одежды и, не усрамяся великаго сана святительскаго, самовольно и беззаконно нача своими руками сдирати съ Павла святительскія ризы, и сня съ него мантию, и предаде его слу-

*) Сохранилось нѣсколько писемъ царя Алексѣя Михайловича къ протопопу Аввакуму. Ихъ давалъ мнѣ читать въ Государственномъ Архивѣ покойный хранитель онаго П. А. Губбенегъ. П. Б.

гамъ на лютое бѣненіе, и посла на заточеніе въ Хутынской монастырь: и постѣжде превезоша священнаго Павла въ Пустозерскъ, и тамо сожгоша въ срубъ за древнее благочестіе.

По малѣ же времени послѣ бывшаго богопротивнаго собора, добродѣтельный старецъ, именованъ Корнилій, въ Чудовѣ монастырѣ видѣ во едину ноцъ во снѣ, яко бы быти ему во Успенскомъ соборѣ и видѣ двухъ челоувѣкъ прѣицхся между собою: единъ бѣ благообразный, а другій темнообразный и зѣло мрачный: благообразный, имѣя въ рукахъ трисоставный крестъ, а темнообразный, имѣя въ рукахъ двучастный крестъ, крыжъ Латинскій. Глагола благообразный къ темнообразному: „Сей есть истинный крестъ Христовъ“. Глагола темнообразный къ благообразному. „Приспѣ время сего двучастнаго почитати, а не онаго“. И тако имъ много прѣицхся о семъ, и темнообразный благообразнаго одолѣ. И тако возбудившуся старцу отъ сна, и поиде Корнилій къ заутренѣ въ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, и услышавъ тамъ спорившихъ, одинъ рече: „пой по новому“, другой рече: „не поемъ по новому, но по старому; како научихомся, тако и поемъ, а по новому не поемъ и не умѣемъ“. И рече первый: „Какъ нибудь пой, токмо по новому, а не по старому“. И долго имъ прѣицхся, одолѣша новолюбцы.

Въ тотъ день за литургіей были розданы просѣиры съ четвероконечнымъ крестомъ. И многіе просѣиры сіи принесоша на трапезу, показующе другъ другу со ужасомъ, и ясти не стали. И многіе пересташа ходити въ церковь, и стали молитися по келіямъ и въ домахъ, начаша смѣлѣе толковати о значеніи 666, числа звѣрина и о пришествіи Антихриста.

Надлежитъ же здѣ слово вспоманути о женской коварной лести и хитрооплетеніи, чрезъ которую достигнувъ Никонъ патриаршескаго сана, чрезъ свою пронырливую и хитрую жену и чрезъ царевну Татіану Михайловну, которая всеестрастно плѣнися Никономъ, бывшимъ еще Новоспаскаго монастыря архимандритомъ, и все свои хитрости женскія и тщаніе имѣла къ его возвеличенію. И егда же онъ возведенъ на патриаршій престолъ и зная, что чрезъ ея тайное ходатайство, и нача ее часто посѣщати; но неприлично бѣ патриарху входити часто въ ея женскій теремъ. Царевна же Татіана Михайловна отказалась отъ жениховъ и замужества и пожелала поселитися въ женскій Алексіевскій монастырь. Патриархъ совѣтова царю отпустить сестру

свою въ монастырь. И самъ патріархъ руководить построєніемъ для царевны зданія. И отстрои сіе зданіе тако, чтобы былъ входъ и въѣздъ извнѣ, а не чрезъ общіе врата монастырскіе, и кругомъ зданія обсадиша древеснымъ садомъ. Когда же устроиша палаты, самъ Никонъ освяти. И переѣха царевна жити въ новыя сіи палаты, и нача Никонъ часто днемъ ѣздити, а ноцію иѣшь тайно ходити въ простомъ одѣяніи.

Когда же царь Алексій Михайловичъ увхалъ изъ Москвы воевати въ Польшу съ многочисленнымъ своимъ воинствомъ, остави же вѣдати всеми царскимъ дѣлами патріарха Никона и блюсти ему царицу съ дѣтми, и весь царскій домъ, и именоватися Никону во отсутствіи великимъ государемъ. И случившейся въ то время въ Москвѣ моровой язвѣ, уведомляетъ о семъ Никонъ царя. И царь приписываетъ Никону, приказываетъ блюсти столицу князьямъ Пронскому и Хилкову, а ему бы патріарху съ царицею и со всемъ царскимъ домомъ выѣхати немедленно въ безопаснѣйшія мѣста. И Никонъ, изготовивъ подводы и забравъ царскую семью и весь дворъ со слугами, и своихъ дяковъ, и писцовъ, и своего печатника, ссыльнаго чернца Арсенія Грека и еретика, о коемъ писаша вселенскій патріархъ еще Московскому патріарху Іосифу и царю Алексію Михайловичу, что Арсеній есть еретькъ и въ жидовство обрѣзанъ, и вѣрѣ христіанской конечный врагъ и отступникъ, и во многихъ мѣстѣхъ и градѣхъ вѣру христіанскую искашилъ, по своему еретическому умышленію, за каковыи вини Арсеній и сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь, откуда Никонъ самовольно и вывелъ такового звѣря, подобна себѣ.

И тако Никонъ выѣха изъ Москвы съ царскимъ дворомъ и со многою прислугою великимъ караваномъ и направишася къ Калязину. На пятый день остановишася въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ вотчинѣ боярина Боборыкина, на возвышенномъ мѣстѣ. И когда устанавливали шатры, царскія сестры, Никонъ и Арсеній Грекъ пошли осматривать окрестности. Въ одномъ мѣстѣ Арсеній остановившися и рече восторженно: „Какъ сія мѣстность напоминаетъ Іерусалимъ. Вотъ сія рѣка (Истра) точно Іорданъ: вонъ тѣ горы на Западъ точно Фаворъ и Ермонъ; а вотъ ручей, текуцій у подножія горъ, подобенъ Кедрону; а та мѣстность, аки долина Іосафатова, а тѣ дерева и мѣстность подобны Геѳсиманин; тутъ не достаетъ токмо храма Воскресенія, и это былъ бы вторый Іерусалимъ“. Глагола царевна Татіана Никону: „Чтоъ помышляеши о семъ мѣстѣ?“ Рече патріархъ: „Азь давно имѣю намѣреніе построити Новый Іерусалимъ и приискавалъ я

мѣстности на краю свѣта, въ Соловкахъ: но подобной прекрасной мѣстности нигдѣ я не встрѣчалъ. Буду просить государя-царя, дабы далъ мнѣ соизволеніе и помощь на сооруженіе будущаго Новаго Іерусалима⁶. Рече царица Татіана патриарху: „Аще есть у тебе такое намѣреніе, то и я дамъ помощь на сооруженіе храма, и упрошу брата-царя; онъ меня всегда слушаетъ; надѣюсь, и въ этомъ дѣлѣ послушаетъ⁶. Рече патриархъ: „Великая царица, для меня всегда бываютъ твои рѣчи закономъ, а мое желаніе и намѣреніе есть неотлагательное; оно будетъ къ возвеличенію всего Россійскаго государства, понеже всѣ нынѣ восточныя патриаршіе престолы подъ нечестивою властію, а когда у насъ будетъ Новый Іерусалимъ, тогда и патриаршій Россійскій престоль будетъ первый вселенскій престоль, а патриархъ будетъ именоватися Іерусалимскимъ и первымъ судіею вселенскимъ⁶. На сіи рѣчи Арсеній Грекъ рече: „Аминь. Да будетъ тако⁶, и громко прогорланиша съ Никономъ какую-то духовную пѣснь. И по семь пондоиа въ готовые шатры.

И тако Никонъ съ царскимъ дворомъ преѣзжая съ мѣста на мѣсто нѣсколько мѣсяцевъ, а когда возвѣстиша царю, что морь въ Москвѣ прекратися, и тогда по царскому указу Никонъ со дворомъ пріѣха въ Москву. А по взятіи Смоленска пріѣха и царь въ Москву въ Февралѣ мѣсяцѣ, и срѣтоша его въ Москвѣ, яко побѣдителя съ великою честію. И царь возблагодари Никона за сохраненіе двора царица. По семъ нача Никонъ часто бесѣдовати съ царемъ о своемъ намѣреніи построи Новый Іерусалимъ, якобы къ возвеличенію всего Россійскаго государства, и его царскаго величества, и патриаршаго престола. Также и царица Татіана Михайловна нача часто просити брата-царя, рече, яко патриарху на сіе великое дѣло есть вдохновеніе свыше. И тако прельстиша тишайшаго государя, и сотвориша его соизволяюща и повелителя сему своеумышленному гордостному дѣлу. И тако дождашася весны. Отдасть царь Алексій Михайловичъ свое повелѣніе синклиту и князьямъ, и бояромъ, и всѣмъ знатымъ людямъ, и всему населенію Москвы, и приказываетъ и призываетъ ихъ въ назначенный день быти съ нимъ на освященіи мѣста, и начати сооруженія Новаго Іерусалима. Также и патриархъ отдасть свое приказаніе по всему духовенству быти на мѣстѣ начатія постройки Новаго Іерусалима.

И тако впредь до назначеннаго дня пниі дня за два, пниі за три, пниі пѣшіе, пниі на конѣхъ, и тако многое множество народа всякаго

чина и званія и пола, и сташа надъ рѣкою Цетрою обширнымъ станомъ. Егдаже прѣѣха царь съ царицею, патриархъ съ духовенствомъ сръбтоша царя крестнымъ ходомъ. Народное множество падаетъ предъ царемъ ницъ, патриархъ благословляетъ царя и цѣлуется съ нимъ. Рече патриархъ царю: „Великій государь! Да будетъ приходъ твой на сіе мѣсто, гдѣ сподобитъ мя Господь Богъ воздвигнуть обитель и храмъ Воскресенія Христова, великимъ знаменіемъ. Цари Россійскіе во вѣки будутъ посѣщать сей храмъ. И чтобы благодать Царя царствующицхъ на нихъ снизошла и спасла ихъ отъ враговъ. Я и все Россійское духовенство привѣтствуемъ и благословляемъ тебя. Теперь грядемъ на мѣсто, идѣже полагаемъ соорудить храмъ и обитель. Помолимся Господу силъ и освятимъ сіе мѣсто, и назовемъ его „Новый Іерусалимъ“. И съ сими словами Никонъ двинулся впередъ съ крестомъ, а за нимъ царь и народъ, и запѣли: „Тебе Бога хвалимъ“. Мѣстность была прекрасная, всюду разставлены были шатры, и между ними возвышались царскій и патриаршій шатры. Готовились трапезы для царя, бояръ, духовенства и всего народа. Отслужилъ Никонъ на рѣкѣ Петрѣ молебень, освятилъ воду, и набраша воды въ сосуды, и патриархъ поиде и нача кропяти все мѣста, гдѣ назначалъ сооруженія. А на томъ же мѣстѣ, гдѣ намѣренъ былъ заложити храмъ Воскресенія, были уже выкопаны рвы и приготовлены камни и гривны. Остановился Никонъ на семь мѣстѣ, нача служити другій молебень и водоосвященіе. Послѣди же сего царь положи въ ровъ первый камень и гривну, тоже сотвори Никонъ, и клирицы запѣша: „Тебе Бога хвалимъ“ и тропарь кресту. По семь приложишася ко кресту; по семь патриархъ снѣ свѣтительское облаченіе, поведе къ обѣдненнымъ столамъ.

За обѣдомъ царь обратися къ Никону и рече: „Великій государь, святѣйшій отецъ и богомолецъ нашъ! Повѣдай намъ, почему ты нарекъ мѣсто сіе „Новымъ Іерусалимъ?“ Нача Никонъ глаголати заранѣе приготовленныя рѣчи, на письмѣ, Грекомъ Арсеніемъ. Снѣ рече: „Великому и благовѣрному государю моему и предстоящимъ боярямъ, и окольнічимъ, и думнымъ властямъ, не безвѣдомо да есть, яко церковь восточная и святыи градъ Іерусалимъ въ полону у Турецкаго султана. Патриархи восточные, Антіохійскій, Александрійскій, Іерусалимскій и Цариградскій, все находятся въ полону Турскомъ. Не можетъ быть по этой вещи и церковной свободы нашимъ путешествующимъ богомольцамъ ко Гробу Господню, чинятъ тамъ всякія неправды. Вдохновилъ мя Святыи Духъ соорудити на семь мѣстѣ храмъ Воскресенія по образу и по подобію храма Іерусалимскаго, да имѣютъ благочестивые

и вѣрующіе мѣсто безопаснаго поклоненія. А святая восточная церковь со своими блаженными патриархами да имѣють убѣжище и приютъ на случай Турскаго гоненія. Латинство тѣмъ и сильно, что папа въ Римѣ независимъ и единъ на Западѣ; а наша Грековосточная церковь тѣмъ и слаба, что она разрознена на многія патриаршества. Молю Господа силъ, да соединитъ Онъ въ грядущемъ всю восточную церковь въ семь Новомъ Іерусалимѣ. Безъ того не можетъ быть единенія и всѣхъ Славянскихъ народовъ, указанныхъ преподобнымъ Нестеромъ. Мы съ тобой, великій государь, положили первый камень этому единенію, и нынѣ присоединяются къ моему патриаршеству Кіевская митрополія и епископство Галицкое и къ твоему царству; но стонуть еще подъ игомъ Турокъ и Нѣмцевъ иные православные народы: Болгары, Сербы, Словенцы, Моравы, Герцеговинцы, Босняки и Черногорцы. Всѣ они придутъ подъ твою, государь, высокую руку и подъ мое патриаршее вѣдѣніе и благословеніе. Тогда и мѣсто сіе будетъ, какъ пребываніе ихъ патриарха, сдѣлается для нихъ Новымъ Іерусалимомъ. Вотъ почему и и нарекъ сіе мѣсто „Новымъ Іерусалимомъ“. Сіи рѣчи патриарховы царю Алексію Михайловичу зѣло полюбилися, но боярамъ многимъ не полюбился.

Егда же скончана трапеза, патриархъ поведе царя и всѣхъ бояръ и именитыхъ людей на мѣсто сооруженія, и нача показовати, гдѣ и чтѣ будетъ сооружатися. Царь остася всѣмъ доволенъ и тутъ же пожертвова на сооруженіе храма, обители и содержаніе множество сель бывшего Коломенскаго епископства; и весь синклитъ, бояре и стольники стали жертвовать, такожде купцы и именитые граждане, и наклаша много сребра и злата и много отписана вотчинъ и имѣній.

Вскорѣ Никоиъ со своимъ клеветомъ, богоотступникомъ Арсениемъ заняшеса построеніемъ. Хотя князья и бояре вси, въ подражаніе царю, сдѣлаша великія пожертвованія, но была зѣло недовольны Никоновымъ своеумышленнымъ, неблагомъ построенію. Тутъ же послѣ Никоновыхъ рѣчей и пожертвованій многіе отдѣлишася и говориша между собою: „Вишь, куда нашъ Никоиъ залетаеть, хочетъ сдѣлаться всемірнымъ и новымъ папою: восточныя патриаршества утвержены вселенскимъ соборомъ, а онъ, какъ папа, хочетъ утвердиться самъ собою. Это латынство, еретичество. Еще Вѣлая и Малая Русь не наша, а онъ метнулъ уже въ Галицію, да и Нѣмцевъ, и Турецкаго султана полонилъ. Блажной онъ, а не блаженный“. Рече бояринъ Стрѣшневъ: „Ну ужъ и пошъ Берендей“ (многіе такъ звали Никона),

Никита негодяй задавъ намъ таску, заставилъ раскошелиться и царя и бояръ. Царь-то ничего бы, а вотъ бояре-то, унеси ты мое горе, словно полныи объѣлись. Князь Трубецкой какой скаредъ, и тотъ вотчину пожертвовалъ, и Одоевскій, Урусовъ, Лыковъ, Ромодановскій, Шереметевъ. Какія все сдѣлали большія пожертвованія!“— „А ты что далъ?“ прервалъ Стрѣшнева Алмазь. „Я, я“, тяжело вздохнувъ: „Лучшую подмосковную вотчину отдалъ. Кто нынѣ можетъ Никону противное глаголати? Чего онъ сегодня нагородилъ, а царь-то и ротъ раскрылъ, и уши развѣсилъ, точно ему самъ Іоаннъ Златоустъ съ амвона глаголетъ. А Никонъ чему подобно плететь? Патриархи-де всеъ ничего не стоятъ, а вотъ-де папа: тотъ и хорошъ, и уменъ. И сіе-де мѣсто будетъ Новый Римъ, и онъ-де Никонъ будетъ новый папа“.

И тако Никонъ собра многіе мастера и множество рабочихъ, и навозиша множество строительныхъ матеріаловъ, быстро нача соиздати Новый Іерусалимъ. Егда же истощи многія сокровища на построеніе, пріѣхъ Никонъ къ царю требовати царской казны на окончаніе строенія. Царь посади Никона за трапезу. По окончаніи трапезы, нача Никонъ просити у царя сребра. Рече царь: „Подожди мало; нынѣ казна моя вся истощена на веденіе ратнаго дѣла“. Но Никонъ, не терпящій никакихъ противорѣчій, нача царю дерзости глаголати, рече: „Аще не прикажешу, царю, дати ми нужное сребро, то азъ отряхну прахъ моихъ ногъ и даю слово никогда не ясти въ сей трапезной“. И тако уѣхъ Никонъ отъ царя недовольный отказомъ. А царь остаея недовольный дерзостью Никона.

И поселися Никонъ жити при Новомъ Іерусалимѣ, въ поставленной имъ высокой башнѣ, названной скитомъ. Нѣкогда пріѣзжаетъ къ Никону его совѣтникъ изъ Чудова монастыря, архимандритъ Павелъ. Рече Павелъ Никону: „Надъ тобою, великій патриархъ, царскій родственникъ, бояринъ Стрѣшневъ, кощунствуетъ; въ приуствѣіи многихъ бояръ заставилъ свою собаку подражать, какъ патриархъ молится треперстно, и какъ благословляетъ народъ пятиперстно, и патриаршее благословеніе уподоблялъ псеьему“. Никонъ отъ гнѣва страшно воскликъ, рече архимандриту: „Поѣзжай скоро въ Москву и объяви, что завтра въ Успенскомъ соборѣ будетъ соборнѣ патриаршее служеніе, и сіе возвѣстити царю и бояромъ“. И на второй день царь съ царицей и дѣтьми, и вси бояре, и множество всякаго народа собрашася въ Успенскій соборъ. Тутъ же пришелъ и бояринъ Симеонъ Стрѣшневъ.

Явился въ соборъ и патриархъ, но былъ онъ весьма блѣденъ и суровъ. Началась служба, и на томъ мѣстѣ, гдѣ провозглашается: „Изыдите оглашенные“, патриархъ вышелъ на амвонъ и нача глаголати негодованіе великое на боярина Стрѣшнева, и что онъ, по своей архипастырской обязанности, не можетъ его оставить безнаказаннымъ и потому предасть его проклятію. Когда патриархъ изрекъ сіи рѣчи, протодьяконъ, выйдя посреди церкви, торжественно предалъ боярина Симеона Стрѣшнева проклятію, а любимецъ патриарха, князь Вяземскій, подошелъ къ Стрѣшневу и велѣлъ ему, какъ оглашенному, выйдти изъ церкви. Послѣ того служба начала продолжатися. Царь и царица, и вси бояре пришли въ великое смущеніе, понеже злобный Никонъ, и самосудный и коварный, не убоился ни царя, ни царицы. Царь на Никона зѣло остался гнѣвенъ. А Никонъ нача гордиться, яко бы никакой власти надъ собой онъ признавать не будетъ. Но векорѣ Никонъ услыше, яко бояре совѣтують царю удалити Никона съ патриаршаго престола, и царь сего не отрицаетъ. Убоился сего Никонъ, проситъ Татіану Михайловну, царевну, утолитъ царевъ гнѣвъ противъ него. Татіана же Михайловна призва къ себѣ брата-царя, проситъ на Никона не гнѣватися. „Какъ же, сестрица, на него не гнѣватися? Сдѣлалъ онъ такое великое смущеніе самосудомъ, безъ моего совѣту: меня считаетъ ни во что, всему нашему царскому дому сдѣлалъ онъ позоръ“. Рече царевна: „Да какъ же, братецъ, коли дядюшка Семень дѣлаетъ надъ святѣйшимъ такую издѣвку, ставить его на одну доску съ своею собакой“. Рече царь: „Сестрица моя, Татіана Михайловна, нашего своеговольнаго богомольца не одинъ Стрѣшневъ тако именуетъ: протопопъ Аввакумъ въ своихъ ко мнѣ челобитныхъ именуетъ его и пеомъ, и волкомъ, и звѣремъ за премѣненіе нашихъ отеческихъ, древнихъ святыхъ книгъ и уставовъ“. Рече царевна: „Неужели и ты, братецъ, сумнѣваешься въ добрыхъ намѣреніяхъ нашего святѣйшаго?“ Рече царь: „Скажу тебѣ, сестрица, правду: не токмо сумнѣваюся, но и зѣло самъ себя осуждаю. Не слѣдовало бы мнѣ давать Никону такого своеволія на истребленіе всѣхъ древнихъ уставовъ и на введеніе новыхъ; но онъ, не видя отъ мене никакого противорѣчія, и до сего времени стремится искоренять всѣ древніе обычаи. Этакъ онъ и меня, и весь мой домъ скоро проклинеть. Новый свой Иерусалимъ уже именуетъ и Новымъ Римомъ и хочетъ себя нарещи новымъ папою. Нужно, сестрица, пока время есть и пока злое его намѣреніе не осуществится, и пока онъ не заберетъ въ свои желѣзныя руки и духовной и свѣтской власти, тогда ему излишній будетъ существованіе и дома Романовыхъ. Посему и тебѣ, сестрица, совѣтую не дѣлать поблажки Никону: а я имѣю твердое намѣреніе ограничить своеволіе патриарху“.

Царевна паде ниць предъ брата-царя, со слезами прося простить Никона; но царь поиде изъ терема, остави сестру плачущу.

Послѣ сего Татьяна Михайловна передала, хотя быти можетъ и не всѣ, рѣчи брата-царя Никону и повѣдала негодование царево. И нача Никонъ умышляти, како бы примиритися съ царемъ, и узна Никонъ, яко вскорѣ ѣдетъ въ Москву въ гости царевичъ Грузинскій Теймуразъ, и будетъ его чествовать царь; и необходимо царь долженъ будетъ пригласить патріарха при царевичѣ за трапезу. И нача Никонъ приготавливати для встрѣчи и торжества, приготавлилися и въ патріаршихъ палатахъ и въ Успенскомъ соборѣ. Рече своимъ приближеннымъ Никонъ, яко стрѣтимъ первѣе царевича въ Успенскомъ соборѣ п, по совершеніи мною молебна, царь поведетъ царевича и мене за трапезу въ царскія палаты, а потомъ и я приглашу въ свои патріаршія палаты царевича и царя и представляю имъ свою трапезу. И мняше, яко съ царемъ улажу и примирюся, и сотворю попрежнему послушна себѣ.

Въ тоже время въ царскихъ палатахъ былъ иной совѣтъ. Царь призва къ себѣ въ палаты боярина Богдана Матвѣевича Хитрово. рече: „Дня черезъ два пріѣдетъ къ намъ гость Грузинскій царевичъ, и нужно учинить подобающую торжественную встрѣчу; и я возлагаю сіе, Богданъ Матвѣевичъ, на твое распоряженіе. Но дѣло есть иное: патріархъ готовится тоже ко встрѣчѣ царевича и хочетъ его первѣе въ Успенскій соборъ принять и ему тамъ сказать своеумышленную похвальную рѣчь, а потомъ торжественно идти съ царевичемъ въ мои палаты. А у меня патріархъ недавно отряхаль прахъ отъ своихъ ногъ не быти въ моей столовой. Да, пожалуй, онъ при видѣ Стрѣшнева учинить и еще какую нелѣпость и которая можетъ быти вѣдома во многихъ государствахъ. А ты, Богданъ Матвѣевичъ, оборудуй такъ, чтобы нашъ строптивый богомолецъ остался въ своемъ углу. Отъ моей столовой онъ самъ отказался, ну и пуцай; онъ осерчаетъ, я знаю, да люди, говорятъ, на сердитыхъ коняхъ воду возять, ну и онъ повезетъ, а царской столовой ему не видать, да и повымъ напою на бывать“. Рече Богданъ: „Я, государь, слышалъ, что нашъ патріархъ хочетъ учествовать царевича и хочетъ къ своему титулу прибавить „и Грузинскій“. Рече царь: „Я знаю: у него губа не дура: что день, то и титуль. Но, кажется, его мнѣніе разсыплется въ прахъ, и вмѣсто мечтательнаго всемірнаго папы быть ему простымъ мнихомъ Никономъ. И ты, Богданъ, встрѣть царевича подь Москвою, у Краснаго крыльца встрѣтятъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ и Илья Даниловичъ Милославскій, въ сѣняхъ—Семень

Лукичъ Стрѣшневъ, а въ передней—я. Такъ и запиши все въ разрядъ. Царевичъ-то ѣдетъ не къ патриарху на богомодіе, а ко мнѣ въ гости; ну и ведите прямо ко мнѣ въ палаты“.

И тако отпусти боярина. Наступи день встрѣчи царевича. Возвѣстиша Никону, что царевичъ приближается къ Москвѣ. Приказа Никонъ ударити сборъ въ Успенскій соборъ, и со всей Москвы стало съѣзжаться духовенство съ пѣвчими: скоро прибылъ туда и самъ Никонъ со всеѣмъ своимъ обширнымъ дворомъ, и облачился въ свои драгоценныя ризы: златотканныя, убраны драгоценными каменіями и вѣсили шесть пудовъ, и надѣлъ свою митру. И былъ въ семь облаченийъ величественъ и гордъ, и тщеславенъ. И возвѣстиша Никону, яко приближается царевичъ. И Никонъ со всеѣмъ духовенствомъ, предшествуемый архидіакономъ съ крестомъ, идетъ въ церковную паперть, чтобы встрѣтить тамъ царевича. Площадь была залита народомъ. И видитъ Никонъ, что царевича поѣздъ, направляемый боярами, ѣдетъ прямо къ царскимъ палатамъ и не сворачиваетъ къ собору. Никонъ посылаетъ князя Вяземскаго направить поѣздъ къ Успенскому собору. Князь стремится наперерѣзъ и начинаетъ сворачивать ѣдущихъ къ собору. Стрѣшневъ къ Хитрово: „бей его и позоръ; онъ и дядю моего вывелъ изъ церкви“. Хитрово имѣлъ въ рукахъ палицу для очищенія народа, поднялъ ее и ударилъ князя. „Не дерись. Богданъ, я посланъ патриархомъ; ведите царевича въ церковь“. Рече Богданъ: „Экъ чваннишься, патриаршій человекъ! Да я тебя! Прочь!“ Съ этими словами онъ ударилъ князя палкой по лбу. Съ окровавленнымъ лицомъ князь поѣжалъ обратно въ соборъ. Никонъ повялъ свое уничиженіе, разоблачился, распусти духовенство и уѣха въ свою палату; и по горячности своей немедля написалъ царю жалобу, посла царю съ однимъ изъ своихъ бояръ. Царь отвѣчалъ, обѣщая учинить сыскъ и общался съ нимъ видѣтися лично. И такъ Никонъ прождалъ много недѣль. Царь къ нему не являлся, къ себѣ его не приглашалъ, и никакого сыску царь не учинилъ, и боярина Хитрово, прибывшій Никонова слугу, всегда находится первый у царя. И такъ Никонъ дожидается праздника Божія Матери 8 Іюля Казанской Пресвятѣй Богородицѣ, гдѣ царь непременно долженъ быть, и онъ, патриархъ, будетъ въ Казанскомъ соборѣ служить, и пойдетъ съ царемъ крестнымъ ходомъ, и тогда учинить съ нимъ примиреніе. Но и тутъ мечты Никона не сбылись: царь въ соборъ и участвовать при крестномъ ходѣ не пріѣхалъ. А патриархъ по древнему обычаю долженъ былъ идти къ царю съ поздравленіемъ, но Никонъ по своей гордости этого не сдѣлалъ и тѣмъ древній обычай нарушилъ, и тѣмъ царя прогнѣвилъ,

И царь созва къ себѣ боярь, предложилъ имъ вопросъ, какъ унять строптивость Никона, чтобы онъ не именовался и не писался великимъ государемъ. „Я ему это наименованіе давалъ только на время, когда я находился на ратномъ дѣлѣ и ему бы тогда именоватися тако во отсутствіи моемъ. А онъ и донынѣ тако пишется въ своихъ бумагахъ и меня не слушаетъ“. И разсудиша послати къ патріарху въ палаты князя Юрія Ромодановскаго съ царскимъ повелѣніемъ, чтобы впредь патріарху не именоватися и не писатися великимъ государемъ. И тако явился къ Никону Ромодановскій и объяви сіе повелѣніе царево. И Никонъ, это приказаніе услыша, затрепеталъ отъ гнѣва, рече: „Да развѣ я тако именуюсь не со изволенія царева?“ Прервалъ его князь: „Соизволеніе то на время, а нынѣ государь у насъ одинъ—царь Алексій Михайловичъ; а ты впредь не пишишь и не гнѣви царя“. Съ этими словами князь удалился. По удаленіи князя, Никонъ громко зашумѣлъ: „Онъ воспрещаетъ мнѣ именоватися государемъ, то пуцай онъ меня этимъ и не почитаетъ. Но какъ патріарха онъ меня долженъ почитать, къ тому же я патріархъ не токмо Великія, но и Малыя и Бѣлыя Руси. А эти страны, пока иѣтъ мира, еще считаются за Польской короной; могу я отказаться отъ Московскаго патріаршества, но я останусь патріархомъ Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ. Пойду въ соборъ и сложу съ себя Московское патріаршество“. И съ великимъ негодованіемъ за свое уничтоженіе и за обиды пойдѣ въ соборъ служить обѣдню 10-го Іюля, въ день пренесенія ризы Господней въ Москву. Нача служить и послѣ причащенія повелѣлъ ключарю изъ церкви никого не выпускать: будетъ-де народу патріаршее поученіе. Пропѣли: „Буди имя Господне“: вышелъ патріархъ на амвонъ во всемъ облаченіи, нача глаголати взволнованнымъ гласомъ: „Дѣннѣ я былъ васъ учить и отъ дѣни я обрастовѣлъ, и вы все отъ меня окрестовѣли. За исправленіе мною иконъ по Греческимъ образцамъ называли вы меня иконоборцемъ, за исправленіе и препечатаніе мною книгъ называли вы меня еретикомъ. Я вамъ дѣлалъ поученіе, что я исправляю по совѣту вселенскихъ патріарховъ, а вы въ окаменѣниіи сердець своихъ хотѣли меня каменіемъ побить. И все сіе дѣлается ради моихъ грѣховъ. Отъ сего времени я вамъ больше не патріархъ: если же помыслию быть патріархомъ, то буду я анаѣема“. И нача снимать съ себя святительскія ризы, надѣлъ мнишеское платье.

Между симъ государю донесли, что патріархъ изрекъ на себя анаѣему и удаляется съ престола патріаршаго. Посылаетъ царь въ соборъ князя Алексія Трубецкаго, рече: „Иди, скажи Никону, почему онъ оставляетъ престоль, никѣмъ не гонимъ“. Трубецкой сѣвши въ

соборъ, просить благословенія патриаршаго. „Прошло мое благословеніе“, сказалъ Никонъ: „недостойнъ я быть въ патриархахъ“. Рече Трубецкой: „Царь тебя не гонитъ, и ты объясни царю, почему оставляешь престолъ“. Подавая Никонъ малое письмоцо: „Отнеси, князь, сіе государю и проси царское величество дать миѣ келію“. Князь удался, передалъ царю письмо и рѣчи Никона. Но царь письма Никонова не принялъ, говоря: „Отнеси, княже, письмо обратно Никону и скажи отъ моего имени, чтобы патриаршества не оставлять“, что князь и передалъ Никону. Никонъ злобно сказалъ: „Царь и письма моего не хочетъ читать, и я своего слова не перемѣню; да и давно у меня есть обѣщаніе патриархомъ не быть“. Сказавъ сіе Никонъ, поклонился боярину и вышелъ изъ церкви. Пойде пѣшъ, понеже народъ ѣхати не пусти. Но и Спасскіе ворота оказалисьъ запертыми, и Никонъ съѣлъ въ углубленіи врата. Но врата скоро приказано было отпереть и пропустить Никона. И поиде Никонъ на свое Новоіерусалимское подворіе, и тщетно тамъ ожидать отъ царя какого-либо сожалѣнія и извѣстія, но, увы, никто объ немъ не сожалѣлъ, и никто ему ничего не писалъ. И въ великомъ смущеніи и негодованіи поѣхалъ въ свой Новый Іерусалимъ.

На третій день послѣ отъѣзда Никона царь послалъ къ нему боярина Трубецкого, который спросилъ Никона, почему онъ такъ скоро покинулъ Москву, безъ совѣта государя и не подавъ ему благословенія и его семейству: никого не оставилъ вмѣсто себя блюсти патриаршій престолъ. Рече Никонъ съ кротостію: „Скажи великому государю, царицѣ и дѣтемъ царевымъ, чтобы меня простили, и я имъ мое благословеніе посылаю, и ихъ прощаю, и кто будетъ патриархомъ, того благословляю. А поѣхалъ я скоро изъ Москвы, постигла меня болѣзнь, а впередъ я патриархомъ быть не хочу, а если захочу, то будь я анаѣма“.

Спустя нѣсколько дней, приказалъ царь арестовать все оставшее въ патриаршихъ палатахъ Никонovo имѣніе и все бумаги Никона: найдены были и письма къ Никону царя, царицы и царевень. Все цѣбныя вещи и все описанныя вотчины Новому Іерусалиму государь приказалъ отнести въ государеву казну, и приказалъ быть у Нового Іерусалима стражѣ и никого съ Москвы не пущать.

По удаленіи Никона царь приказалъ блюсти патриаршій престолъ Крутицкому митрополиту Питириму. Пришелъ праздникъ Вербное Во-

скресеіе. и царь разрѣшилъ Питириму, на мѣсто патріарха, хожденіе на ослати. во образъ шествія Христа во Іерусалимъ. Никонъ, услыша это, написа царю укорительное письмо, что кромѣ патріарха никто не можетъ дѣлать хожденія на ослати. Поэтому царь и бояре послали къ Никону думнаго дворянина Елизарова и дьяка Алмаза, чтобы возвратить Никону, какъ своевольно съ клятвою отказавшемуся отъ патріаршества, впредь не вступаться ни въ какія распоряженія и ничего не писать и не судить.

По прїѣздѣ къ Никону Елизаровъ нача ему выговаривать: „Ты-де отказался отъ патріаршества и писать тебѣ о Крутицкомъ митрополитѣ не довелось“. Рече Никонъ: „Престоль я оставилъ волей, но имени патріаршескаго я не отрицаю, а только не хочу называться Московскимъ“. Рече Елизаровъ: „Впредь ты царю никакихъ распоряженій не пиши. Ты патріаршество оставилъ“. Съ гнѣвомъ Никонъ рече: „Я волею оставилъ свою паству, а поученіе объ истинѣ не оставилъ и впредь о исправленіи духовныхъ дѣлъ молчать не буду“. Сими словесы закончилъ Никонъ съ посланнымъ бесѣду. Елизаровъ и дьякъ Алмазъ объявиша царю и бояромъ, что у Никона мнѣніе такое, что хотя будетъ и новый патріархъ избранъ, и тогда Никонъ оставляетъ за собой право высшаго наблюденія церковію и молчать не хочетъ. Черезъ сіе и усовѣтоваша царь и бояре лишитъ Никона архіерейскаго сана.

Но исполненіе сего намѣренія осуществитися вскорѣ не могло, по случаю ратнаго дѣла въ 1670 г. Въ Малороссіи князя Алексія Никитича Трубецкаго Крымскій ханъ Калга и Малороссійскій гетманъ Выговскій разбили на-голову. Подегло при рѣкѣ Сосновкѣ нашего войска около тридцати тысяць, и ханъ съ гетманомъ грозили Москвѣ. А какъ Никонъ ранѣе возвѣщаль, что онъ оставляетъ только Московское патріаршество, и онъ остается патріархомъ Малороссіи и Бѣлоруссіи: поэтому царь и бояре его весьма подозрѣвали, чтобы не уѣхалъ онъ тайно въ Малороссію и не утвердилъ бы тамъ своего новаго патріаршата или папскаго престола, или же не сдѣлалъ бы сношенія съ Выговскимъ, чтобы взять Новый Іерусалимъ, и его подъ видомъ плѣнника увезти въ Малороссію, и окончательно Никонъ смутитъ Русскую церковь. Поэтому царь и бояре послали къ Никону боярина единаго съ вѣжливымъ предложеніемъ: просить его на совѣтъ, не пожелаетъ ли онъ возвратитися на патріаршій престоль или избрать на мѣсто себя кого въ преемники. У Никона вспыхнула прежняя гордость и возоб-

новились мечты примириться съ царемъ и быть снова патриархомъ Россіи. Никоиъ радостный наскорѣ собрался и поѣхалъ въ Москву, пріѣхалъ на свое Новоіерусалимское подворье. Но царица и царевны стали зѣло докучать государю, чтобы принялъ царь Никона въ палаты, гдѣ бы онѣ подучили отъ него благословеніе. Царь нехотя, но согласился принять Никона въ свои палаты.

Послали къ Никону дьяка Алмаза сказать, якобы царь приглашаетъ патриарха въ свои палаты. Пріѣха Никоиъ къ царю, гдѣ ожидали его царица и царевны: прежній гордый Никоиъ былъ кротокъ, обходительный и ласковъ; преподать всему царскому дому свое благословеніе и сказать, что онѣ неуспѣшно молился за весь царскій домъ въ Новомъ Іерусалимѣ. Но Никона мечты не сбылись: царь не предлагалъ Никону ѣхать въ патриаршія палаты и оставаться патриархомъ. Бесѣда кончилась, и патриарху предложили пока пребывать въ Новоіерусалимскомъ подворіи, куда и свезли. Писалъ Никоиъ къ царю прислать ему святительское облаченіе, но на это ему ничего не отвѣтили. И чтобы Никоиъ не дѣлалъ въ народѣ крамолы, царь далъ приказъ отправить Никона въ его Крестный монастырь на Бѣлое море и держать подъ стражей, куда и свезоша Никона*).

По прошествіи же нѣкотораго времени, когда Крымскій ханъ удалился изъ Россіи, было Никону разрѣшено возвратиться въ свой Новый Іерусалимъ. И Никоиъ узнаетъ, что царь и боярская дума изыскивають средства, како бы Никона лишить патриаршаго сана. А когда же Никоиъ по своей гордости сталъ не покоряться Государю и въ горячности отрекся отъ патриаршаго престола и уѣхалъ въ Новый Іерусалимъ, и когда въ патриаршихъ палатахъ имѣніе Никоново и дарственные земли Новому Іерусалиму были отписаны въ государеву казну, тогда онѣ Никоиъ по совѣту съ Татьяной Михайловной, пронырливую свою жену, инокиню Наталію (даша ей довольно злата) посла въ Малороссію и Бѣлороссію склонять вельможъ и духовенство на учрежденіе въ Кіевѣ новаго патриаршества. И инокиня Наталія уѣхала тогда въ Малороссію, и въ теченіе этого времени хитрая сія жена имѣла все свое стараніе и домогательства къ принятію Никона. Жила у гетмана Богдана Хмельницкаго и сумѣла своею пронырливостью уговорить гетмана и все панство и духовенство къ принятію Никона патриарха и къ возведенію его на Кіевскій новый патриаршій престолъ.

*) См. Челобитныя Никону съ его рѣшеніями въ „Р. Архивѣ“ 1891 (I, 289). П. Б.

И все сіе время инокиня Наталія жила у гетмана Хмельницкаго, который при ней и померъ. А теперь прѣехала отъ Юрія Хмельницкаго съ тайными послами увезти Никона тайно изъ Новаго Іерусалима.

Явилась она къ Никону и объявила ему, что вся Малороссія ждетъ Никона и приметъ съ великою честію, какъ патріарха, и дастъ ему въ руки все распоряженія странною. Хотя Никонъ съ нетерпѣніемъ сего ожидалъ, но нѣсколько призадумался, сказалъ: „Нужно посовѣтоваться съ царевною Татьяной Михайловной“. Наталія сказала: „Я сейчасъ къ царевнѣ ѣду и надѣюсь, что и она съ нами согласна будетъ бѣжать въ прекрасную Малороссію“. Обрадованный Никонъ поцѣловалъ свою жену и сказалъ: „Поѣзжай, моя сотрудница, скорѣе, и какой будетъ совѣтъ царевны, мнѣ немедленно повѣдайте“. И сія хитрая жена наскоро прѣехала въ Москву, явилась прямо въ теремъ къ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ. Та неслыханно ей обрадовалась и упрекала ее, что долго не шлетъ вѣсти. И сказала про Московскія дѣла, что царь и боярская дума рѣшили Никона низложить, а потомъ куда-нибудь сослать въ заточеніе, и спросила, какого мнѣнія Малороссія объ Никонѣ. Наталія сказала, что вся Малороссія Никона ждетъ-не дождется и приметъ его съ великою честію, какъ великаго патріарха, и желаетъ провозгласить его новымъ папою; что на-дняхъ ѣдутъ сюда изъ Конотона семь козаковъ на добрыхъ конѣхъ, и у нихъ есть охранные листы; прѣдутъ они на этихъ дняхъ въ Новый Іерусалимъ, подъ видомъ поступить въ монастырь, и Никона, подъ видомъ казака, верхомъ умчатъ въ Малороссію, только бы это скрыть, хотя дна на три, отъ царя и бояръ, чтобы не догнали Никона. Татьяна Михайловна сему весьма обрадовалась и спросила у Наталіи, какъ Никонъ принялъ это извѣстіе? Наталія сказала, что Никонъ рѣшится на это не можетъ безъ твоего, великая царевна, соизволенія. Царевна вскочила съ мѣста, сказала: „Безъ моего... я, я сейчасъ же ѣду къ Никону“... Инокиня сказала: „Великая царевна, какъ ты выѣдешь? Тебя могутъ замѣтить и, сохрани Боже, узнаютъ, что ты поѣхала въ Новый Іерусалимъ“. Царевна сказала: „Я сама знаю, что за мной и Никонѣмъ много глазъ, но и я умѣю себя хранить. Есть у меня, хранится не одно, одѣяніе мнишеское черное монастырскихъ послушницъ. Я вмѣстѣ съ своей вѣрной слугою одѣнемся во мнишеское одѣяніе и прикроемъ часть своихъ лицъ, и тако выйдемъ, и никто насъ не замѣтитъ. А ты, мать Наталія, останься въ моихъ палатахъ, а кто ко мнѣ придетъ, ты всемъ скажешь, что я нахожусь нездорова и принимать никого не хочу“. — „Нѣтъ, царевна“, сказала Наталія: „я тебя одной не пузду, а я съ тобой поѣду кучеромъ. Тамъ тоже есть стража. Никонъ сказалъ: „ежели

царевна поѣдетъ. то ѣхали бы вмѣстѣ“, и Никонъ показалъ мнѣ тайныя пути, гдѣ можемъ пройти ночью. никѣмъ незамѣченъ“. (Царевна отворотилась отъ Наталіи и сказала: „Эти тайныя пути мнѣ, матушка, тоже извѣстны“). Потомъ сказала царевна: „Это будетъ и лучше, ѣдемъ вмѣстѣ“. и царевна сдѣлала распоряженіе съ прислугою. И вскорѣ изъ терема выходили двѣ инокини, никѣмъ не узнаваемы, а потомъ уже ѣхали на могучихъ конѣхъ; и чрезъ нѣсколько часовъ спутницы были подлѣ Нового Іерусалима. Время было полночь. Наталія остановила лошадей, рассказала царевнѣ, якобы незнаемую узкую дорожку, велѣла идти прямо подъ Маврійскій дубъ, а сама осталась съ конями. Приходитъ царевна къ дубу. видитъ въ темнотѣ ночи сидящаго великаго человѣка.

Сидя Никонъ подъ дубомъ и видитъ приближающагося къ нему человѣка, и узнаетъ прекрасную царевну Татьяну Михайловну, въ черномъ мншескомъ платіи: встаетъ и беретъ въ объятія царевну. говоритъ: „Жаль тебя, прекрасная царевна, какъ бы не узнали твоего отъѣзда, кругомъ за мной слѣдятъ ниши и сыщики“.— „Не бойся. святѣйшій, сѣстры мои скроютъ мой отъѣздъ. Я пріѣхала сюда съ мамой-Натей; она осталась у коней; мы по дорогѣ сказывали, что ѣдемъ Богу молитися въ Макарьевскій монастырь“. И сѣдше на бесѣду подъ дубомъ, царевна говоритъ: „Я слышала отъ мамы-Нати, что тебя въ Кіевъ приглашаютъ въ патріархи, я и пріѣхала тебя просить; бѣжи туда скорѣе, а то здѣсь тебя соборомъ низложатъ, а потомъ сошлютъ въ заточеніе, а то и пытки зададутъ. А тамъ въ Кіевѣ ты будешь въ почетѣ и въ могуществовѣ, да и друзья твои пріѣдутъ туда“.— „Да, кто жь послѣдуетъ за изгнанникомъ?“— „Кто? А мама-Натя и я?“ сказала царевна. „Да какъ же это?“— „А такъ: убѣгу, и убѣгу, и слѣдъ простынетъ. Ни одна застава не задержитъ меня; одѣнусь въ мужскую одежду и проберусь“.— „Великая царевна! Чтѣ говоришь: ты, сестра царя-самодержца, и послѣдуешь за мною, опозореннымъ бѣглецомъ!“ Рече царевна: „Поѣзжай немедля въ Кіевъ, ты тамъ будешь въ могуществовѣ и славѣ. И будутъ трепетать отъ тебя все твои враги, да и царь жестоко спобается. Умоляю тебя, не медли, бѣжи“. Никонъ обнялъ царевну и поцѣловалъ, сказалъ: „Бду, ѣду, царевна прекрасная, перестань плакать: выѣду изавтре ночью, нынѣ ночи темныя“. Рече царевна: „Такъ ты, святѣйшій, даешь мнѣ вѣрное слово, что поѣдешь?“— „Даю, даю“. сказалъ Никонъ: „а ты, царевна, пріѣдешь туда?“— „Отъ меня слова нечего брать, я найду тебя, хотя на краю свѣта; лишь бы тебѣ благополучно удалось уѣхать въ Кіевъ“. И тако царевна и Никонъ

въ надеждѣ разсташася. И царевну мама-Натя проводила въ Москву, такъ царевна звала инокиню Наталію.

Назавтрея Никонъ объявилъ своимъ домочадцамъ, въ великой тайнѣ, что въ слѣдующую ночь онъ выѣдетъ въ путь съ ними на седьми казацкихъ лошадахъ верхами, и чтобы монастырской братіи еіе не было извѣстно. „А поѣдете со мной: Ольшевскій, Денисовъ, Кузьма-кузнецъ и Михайло, а Жидамъ и слесарю не повѣдайте. А коней у насъ казачьихъ семь, а насъ шестеро, то на седьмую положимъ выюкъ съ моими одеждами“. Дождался ночи. Никонъ сбросилъ съ себя подрясникъ и рясу, волосы на головѣ перевязалъ, надѣлъ большую казачью шапку и все казачье платье, сдѣлался неузнаваемъ, казачьимъ атаманомъ. Лошадей по одиночкѣ вывели за ограду, и сами бережно вышли, сѣли на коней и помчались. Впереди поѣхалъ самъ Никонъ.

На другой день говорили два Жиды, Гершко и Моршко. „Заспались сегодня всѣ“, сказалъ Гершко. — „Какое заспались“, уемѣхнулся Моршко: „они всѣ тю-тю. Проснулся я ночью, и вижу—вышелъ и самъ патріархъ, какъ разбойникъ, въ казачьемъ, сабля и пистолеть у пояса, и самъ-шестой, всѣ казаками“. „Ой, вей, миръ“, завопилъ Гершко: „получать я по десять карбованцевъ въ мѣсяцъ: я былъ шишомъ за патріархомъ, а его проспалъ, и не знаю, куда уѣхалъ: што штану робить?“— „И я бувъ тоже шишомъ архимандрита Павла. Поѣдемъ скорѣе, возвѣстимъ въ Москвѣ великому государю, что Никонъ тю-тю“. И скоро поѣхаша Жидове и возвѣсташа царю, что Никонъ тайно выѣхалъ на казацкихъ конѣхъ, въ казацкой одеждѣ и вооруженъ.

Царь приказалъ Жидамъ молчать и ѣхать обратно, а самъ послалъ за окольничимъ бояриномъ Богданомъ и приказалъ ему немедленно отправиться со стрѣльцами въ погоню за Никономъ, да и еще двумъ боярамъ приказалъ ѣхать, и всѣмъ по разнымъ путямъ. И Богданъ скоро палъ на слѣды Никона, и взялъ его въ одной деревнѣ на ночлегѣ, осадилъ стрѣльцами домъ. И Никонъ просилъ боярина пустить его до Кіева: но, бояринъ, по указу государеву, привезъ Никона обратно въ Новый Іерусалимъ и усидилъ надъ нимъ стражу.

И Никонъ окончательно на царя и на бояръ разсвирѣпѣлъ, за то, что отнялъ царь жалованныя для Іерусалима вотчины, сталъ въ своемъ Іерусалимѣ на ектеніяхъ вмѣсто молитвъ за царя читать слѣ-

дуюція слова изъ псалмовъ Давида. сице: „да будутъ дніе его мали, да будутъ сынове его сыры и жена его вдова, и приложитъ Господь злославнымъ земли“⁴, что донесено было царю. И царь собралъ соборъ, духовенство и боярь, и рѣшили послать къ Никону Газскаго митрополита Паисія Лигарида, Грека, Юасафа архимандрита, князя Одоевского. Стрѣшневъ и Алмаза Иванова сыскать сіе дѣло и допросить самаго Никона. Послы явились къ Никону, но Никонъ митрополита Паисія обозвалъ воромъ, нехристью и смутительной собакою и прочихъ вѣхъ обозвалъ Иидами, якобы пришедшими на Христа. А на допросахъ монастырской братіи, которые показали, что Никонъ говорилъ тако на ектеніяхъ, а другіе, любители Никона, скрыли. И послы остались въ гостинномъ дворѣ для допроса на завтрая остальной братіи. Никонъ, убоися, яко его возмуть подъ стражу, собралъ своихъ домоладцевъ и объявилъ, что на завтрая никого отъ пословъ къ патриарху въ покои не впускать, а кто придетъ или спроситъ, говорить вѣмъ, что патриархъ боленъ. И Никонъ ночью взя съ собою двухъ своихъ слугъ, Поляка Ольшевскаго и Нѣмца Далматова, мужественныхъ, и всѣ одѣлись въ крестьянское платье и тайно ночью вышли изъ монастыря. Никонъ и еще возымѣлъ намѣреніе бѣжать въ Кіевъ. Взяша съ собою, скривша подъ одежды, мечи и пистолеты. Слѣдившіе за Никонъ узнали тоя же ночи, еще до свѣту. Еврей Морико побѣжалъ въ гостинную, разбудилъ пословъ, заревѣлъ князю Одоевскому: „патриархъ тю-тю, бѣжавъ“⁵. Одоевскій, Стрѣшневъ, Алмазь въ однихъ рубахахъ, святители въ однихъ подрясникахъ побѣжали къ скиту, тамъ никого не было; стали допрашивать вѣхъ въ монастырѣ, и никто не знаетъ.

Тогда сказали князь Одоевскій къ Стрѣшневу: „Возьми стрѣльцовъ и побѣжай на Кіевскій путь, а мы съ Алмазомъ и со стрѣльцами поѣдемъ на Смоленскій. Нужно догнать бѣглеца“. И тутъ же поѣхали. Стрѣшневъ выѣхалъ въ село въ 15 верстахъ, принадлежащее боярину Сытину, и тутъ же узналъ, что Никонъ скрывается въ одномъ домѣ. Стрѣшневъ остановился у боярина Сытина: Никона не рѣшили взять днемъ, понеже было стрѣльцовъ при немъ мало, и боялся, что Никонъ кликнетъ по селу, и сельчане не возстали бы за Никона, а рѣшили взять Никона на пути, когда выйдетъ изъ села, и поставили тайную стражу къ тому дому, гдѣ скрився Никонъ. Наступила слѣдующая ночь. Никонъ со спутниками вышелъ и отправился въ путь. Стража объявила Стрѣшневу, и онъ поѣхалъ езади, скриваясь отъ Никона. Когда на довольномъ разстояніи отъ села, Стрѣшневъ сталъ нагонять Никона, то Никонъ замѣтилъ и бросился съ товарищами

въ сторону съ дороги. Стрѣшневъ вскричалъ: „Стой, не уйдешь!“ и тутъ же налетѣли на нихъ стрѣльцы. Товарищи Никона вооружились мечами. Ольшевскій кричитъ: „Не подъѣзжайте близко, всѣхъ изрублю! Альбо то можно, за патріархомъ погоня?“ Стрѣшневъ сказалъ Никону: „Я по указу государеву“. — „Лжешь, щенокъ, не можетъ быть никакого указа“. У Стрѣшнева былъ тотъ указъ, съ которымъ ѣздилъ въ первую погоню за Никономъ, и подъ тотъ указъ царь подписался. Никонъ посмотрѣлъ и закричалъ: „Покоя мнѣ не даютъ! Да вы всѣ хуже Иудовъ, хуже Продоваго гоненія: тамъ Христа гоняли изъ града въ градъ, но не преслѣдовали. Хочу уйдти отъ зла, вы меня измаяли: хочу уйдти въ Кіевъ, оставилъ вамъ все, уношу одно свое грѣшное тѣло, и того вамъ жаль. Отпустите меня изъ вашего смрада и вашего зла. Я съ вами обратно не поѣду“. Стрѣшневъ сказалъ: „Если не послушаешься, по указу царя, возьму силою“. — „Убью“, кричалъ Ольшевскій. Но Никонъ запретилъ своимъ слугамъ дѣйствовать оружіемъ. Стрѣшневу сказалъ: „Поглядимъ, какъ у тебя станетъ дерзновенія брать силой патріарха“. Стрѣшневъ вскричалъ стрѣльцамъ: „бери, бери!“ Стрѣльцы схватили Никона, потащили и посадили въ коляску, и Стрѣшневъ хотѣлъ къ нему сѣсть, но Никонъ вскричалъ: „Не смѣй къ патріарху садиться, выброшу какъ щенка“. Также и Никоновыхъ слугъ взяли и привезли обратно въ Новый Иерусалимъ.

Одоевскій и Алмазь узнали о поимкѣ Никона, вернулись въ Новый Иерусалимъ. И послы остались на нѣсколько дней, и въ воскресный день Никонъ служилъ въ придѣлѣ Распятія Христова, читалъ кресту Евангеліе, гдѣ говорится: „Продъ и Пилать явишася въ судъ, и быша архіереи Анна и Каіафа“. И Никонъ толковалъ сіе событіе народу и примѣнялъ его къ своимъ гоненіямъ, рече: „есть и на меня такіе же мучители Продъ и Пилать, Анна и Каіафа“. А при отъѣздѣ послы Никонъ сказалъ: „Вы желаете вселенскаго собора, я этого не боюсь. А на соборѣ я не только васъ, но и самого Государя отлучу отъ христіанства; уже у меня и грамота заготовлена“. На это послы сказали: „Ты самъ еретикъ. Почему ты прислалъ Паисію выписку изъ Сирдійскаго собора, гдѣ похваляется папа?“ Рече Никонъ: „Почему папу за добраго и не почитать? Тамъ верховные апостолы Петръ и Павель, и папа ихній слуга“. — „Но вѣдь папу на соборахъ проклинаемъ“, сказали послы. Рече Никонъ: „Мало ли кто кого не за правду проклинаеть?“ Затѣмъ спросили Никона послы: „Зачѣмъ ты ввелъ въ міръ великій соблазнъ и церковное смущеніе: напечаталъ три служебника въ разныя времена, и во всѣхъ трехъ великія несогласія, чѣмъ окончательно развратилъ и смутилъ всю церковь“. Никонъ сказалъ:

„Я перемѣнять не самъ собой, а по свидѣтельству вселенскихъ патріарховъ“.

Затѣмъ послы уѣхали въ Москву, передали все случившееся при нихъ государю, и царь окончательно рѣшился призвать вселенскихъ патріарховъ и низложить гордеца, лишить святительскаго сана. И тогда же посла царь челобитную восточнымъ патріархомъ, прося ихъ прибыти въ Москву, для весьма нужныхъ дѣлъ.

Спусти послѣ сего нѣсколько времени, въ ночь на 14 Декабря, во время утрени, подъѣхало къ Московской заставѣ нѣсколько саней. „Кто ѣдетъ?“ спросили сторожа.—„Власти Саввинскаго монастыря“, были отвѣтъ, и ѣдущіе направились въ Кремль. Въ Успенскомъ соборѣ шла заутреня; служилъ Ростовскій митрополитъ Іона. Читалась каѳизма. Отворяется дверь собора, входитъ толпа мниховъ, за ними несутъ крестъ, а за крестомъ идетъ гордо патріархъ. „Перестань читать“, повелительно произнесъ Никонъ къ чтецу пвودیакону. Никоновы мнихи запѣли: „Испода эти деспота“ и „Достойно есть“. Подозвалъ Никонъ къ себѣ подъ благословеніе митрополита, а за нимъ пошло все духовенство. „Поди“, сказалъ Никонъ митрополиту: „возвѣсти великому государю о моемъ прѣздѣ“. Митрополитъ пошелъ съ ключаремъ Іовомъ. Они нашли царя у заутрени въ церкви святой Евдокіи. „Въ соборную церковь прѣхалъ патріархъ Никонъ и сталъ на патріаршемъ мѣстѣ и послалъ меня возвѣстити тебѣ царю“, сказалъ Іона. Царь отправился во дворецъ и наскорѣ приказалъ собраться бояромъ и духовнымъ лицамъ. Было еще до розсвѣта. Всѣ наскорѣ собрались и недоумѣвали, что съ Никономъ дѣлать. Царь велѣлъ бояромъ идти въ соборъ и сказать Никону, чтобы немедленно ѣхать обратно въ Новый Іерусалимъ. Бояре пришли въ соборъ, сказали Никону: „Ты оставилъ патріаршій престолъ самовольно, съ клятвой, обѣщался впредь патріархомъ не быть, уѣхалъ жить въ монастырь, и объ этомъ у государя написано ко вселенскимъ патріархамъ. А ты теперь для чего въ Москву прѣхалъ и въ соборную церковь вошелъ безъ совѣта освященнаго собора? Поиди обратно въ монастырь: это тебѣ государевъ указъ“. Рече Никонъ: „Сшелъ я съ престола никѣмъ негонимъ, а нынѣ и пришелъ обратно для того, чтобы учинить мръ: и суда вселенскихъ патріарховъ я не бѣгаю“. И тутъ Никонъ передалъ боярамъ письмо: „Отнесите сейчасъ государю письмо“. Послали государю. И отъ государя возвратились съ отвѣтомъ и объявили Никону, что великій государь приказалъ тебѣ объявить прежнее: чтобы ты шелъ назадъ въ

Новый Иерусалимъ и письмо твое взять. Никонъ рече: „Не пойду безъ отвѣту на письмо“.

Между тѣмъ государь раскрылъ письмо Никона и далъ дяку Алмазу читать. Читаетъ письмо: „Слышу молву великую о патриаршемъ престолѣ; одни такъ, другіе иначе, каждый, чтò хочетъ говорить. Слыша это, удалился я 14 Ноября въ пустыню въ монастыря на молитву и постъ, дабы извѣстилъ Господь Богъ, чему подобаетъ быти. Молился я довольно Господу Богу со слезами, и не было мнѣ извѣщенія“. „Еще бы такому крамольнику отъ Господа извѣщеніе! Съ ума онъ спятилъ!“ сказала Паисій. — „Читай дальше, очень любовательно“, сказала царь. Читаетъ: „Съ 14 Декабря уязвился я любовію Божіею больше прежняго, приложилъ молитву къ молитвѣ, слезы къ слезамъ, бѣніе ко бѣнію, постъ къ посту; и постился даже до 13 дней, не ѣлъ, не пилъ и не спалъ, лежалъ на ребрахъ и утомившись сидѣлъ съ часъ въ сутки. Однажды сѣвши сведень я былъ въ самый малый сонъ. И вижу: стою въ Успенскомъ соборѣ, свѣтъ сіяетъ большой, но изъ живыхъ людей нѣтъ никого: стоятъ одни усопшіе святители и священники, по сторонамъ, гдѣ гробы митрополиты и патриаршіе. И вотъ одинъ святолюбный мужъ обходитъ всѣхъ другихъ съ хартією и киноварницею въ рукахъ, и всѣ подписываются. И я спросилъ у него, чтò они такое подписываютъ? Тотъ отвѣчалъ: „о твоёмъ пришествіи на святительскій престолъ“. Я спросилъ паки: „а ты подписался ли?“ И онъ отвѣчалъ: „Подписался“, и показалъ мнѣ свою подпись: смиренный Іона, Божіею милостію митрополитъ. Я пошелъ на свое мѣсто и вижу, на немъ стоятъ святители; я испугался, но Іона сказалъ мнѣ: „Не ужасайся, брате, такова воля Божія; възиди на престолъ свой и паси словесныя Христовы овцы“. Ей, ей такое мнѣ видѣніе было, Господь свидѣтель о семъ. Обрѣтаюсь днесь въ соборной церкви Святыя Богородицы, исповѣдая Вашему Царскому Величеству, понеже отхожденія своего вину исполнилъ. Чтò задумалъ, то и сотворилъ. И нынѣ пришедъ видѣть пресвѣтлое твое лице и поклонится пресвятой славы царствія твоего. Взавши причину отъ Святаго Евангелія, гдѣ написано: „вы, рече, възидите въ праздникъ сей, яко время Мое не исполнися, егда же въздоша братія Его въ праздникъ, тогда и Самъ възде не явѣ, но яко отай“. И паки по писанію, рече Павелъ къ Варнавѣ: „Возвращающееся посѣтнихъ братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихъ же возвѣстихомъ слово Божіе, яко суть“. Также и мы пришли, како суть у васъ государей и у всѣхъ сущихъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ. Придохъ азъ въ кротости и смиреніи. Хочеша ли самого Христа приняти? Азъ

твоему царствію явлю. Како Господу свидѣтельствующу: приѣмлай вась, Мене приѣмлетъ, и слушаай вась. Мене слушаетъ. Во имя Господне приими мя, и дому отверзи двери, да мзда твоя не умалится. Сіе написахъ азъ твоему царскому величеству не отъ себя что либо, не корчемствовахъ словомъ Божиимъ, но отъ чистоты, яко отъ Бога, и не отъ прелести діаволи, ниже лестію, но яко Предвидящаго сердца наша. Аминь⁴. „Чистый корчемникъ, свитоша, наглець, сравнилъ себя со Христомъ! Да его казнить за это!⁴ со всѣхъ сторонъ слышались разные голоса. Царь недоумѣвалъ, что съ крамольникомъ сотворить. Рѣшили послать къ Никону митрополита Павла, объявить Никону, чтобы немедленно выѣзжалъ изъ собора въ свой Новый Іерусалимъ.

Павель придя рече Никону: „Письмо твое царю донесено: царь и бояре письмо твое слушали, а ты, патриархъ, не медля побѣжай въ твой Новый Іерусалимъ⁴. Никонъ ни слова не сказалъ, взялъ посохъ Петра митрополита и пошелъ къ дверямъ. „Оставь посохъ⁴, крикнули ему бояре. „Отнимите еплю⁴, отвѣчалъ злобно Никонъ и вышелъ изъ церкви. Сталъ садиться въ сани, потряхивая ногами, говоря громко: „Идѣже аще не приѣмлютъ вась, пеходя изъ града того и прахъ прилѣпшій къ ногамъ вашимъ отрясето⁴. „Мы прахъ подметемъ⁴, крикнулъ бояринъ Матѣевъ. Время еще до разсвѣта утромъ, и ярко была видна комета съ хвостомъ. Никонъ указалъ на комету и сказалъ: „Да размететъ вась всѣхъ Господь сею метлою, яже явися на дни многи⁴, и сани помчали лжепророка, и стрѣльны поѣхали за нимъ для надзора.

И водворивша Никона паки въ его Іерусалимъ, когда получено было въ Москвѣ, что восточнии патриархи, по просьбѣ царя, уже на пути въ Россію и ѣдутъ по дѣлу для производства суда надъ Никомъ. А такъ какъ многіе ревнители по древнемъ благочестіи стали открыто говорить, что Никона нужно низложить за истребленіе древняго благочестія; но какъ оказалось, что все уже Россійское духовенство давно приняло новое Никоповское ученіе, и многіе изъ вышшаго духовенства разставлены на духовное правленіе не за добродѣтельное и воздержное житіе, а за любимое принятіе Никоновыхъ книгъ и новыхъ обычаевъ; а Никонъ же на дѣлѣ обвиняется царемъ и боярствомъ не за введеніе еретическихъ обычаевъ и за уничтоженіе святыхъ книгъ и нововводныхъ ересей, а за интриги съ царемъ и за неподобныя сношенія съ царскимъ семействомъ и за самолюбивую гордость. Поэтому царь и духовенство стали толковать, какъ поступить со мнимыми раскольниками. Царь, призвавъ нѣкоторыхъ бояръ и духовныхъ, рече: „Раскольники требуютъ низложенія Никона за вве-

деніе ересей: вотъ намъ предстоитъ вопросъ: вернуться ли къ старо-печатнымъ книгамъ и веѣмъ древнимъ церковнымъ порядкамъ? Десять лѣтъ тому назадъ соборъ рѣшилъ, что Никоновскія книги есть настоящія и книга Скрижалъ, написанная Никономъ, тоже настоящая, потому что она составлена во обличеніе Россійскаго старовѣрства. И мы веѣ тогда къ этому были согласны и подписались. Да книги веѣ до-Никоновскія печатныя и письменныя тогда же были сожжены, и пепель ихъ тогда развѣявъ, и все по тогдашнему нашему согласію. Поэтому и думать нечего о старыхъ книгахъ: а потому, до низложенія Никона, намъ необходимо увѣять старовѣрцовъ, дабы они послѣ не завопили, что Никонъ низложенъ по ихнему за ереси. И васъ прошу, духовные пастыри, соберитесь безъ моей и боярской власти и осудите раскольниковъ за непокореніе церкви. Знаете сами: если намъ вернуться къ старымъ книгамъ и законамъ, то веѣ мы будемъ опорочены и осмѣяны, и веѣ мы по древнимъ законамъ будемъ подлежать низложенію; сами обдумайте, можетъ быть расколо-учители и правы. Тогда веѣ мы куда годимся?^{а *})

И вотъ, по приказанію государя, съѣхалось духовенство, собрался соборъ. На соборѣ были поставлены слѣдующіе вопросы. 1) Вопросъ: Признавать ли православными патріарховъ Греческихъ, несмотря на то, что они живутъ подъ властію султана Турецкаго? И этотъ вопросъ скоро рѣшили и признали патріарховъ православными; да и нельзя не признать, потому что патріархи ѣдутъ по требованію судить Русскую путаницу. 2) Вопросъ: Признавать ли православными Греческія книги, по которымъ Никонъ управлялъ Россійскія? И утвердительно признали. Да не признать имъ было нельзя, потому что они же сами подписались, сожгли святыя книги, за то и саны получили. 3) Вопросъ: Признавать ли православнымъ Московскій соборъ 1654 года, осудившій старыя книги сожечи и новыя ввести, и веѣ новые законы принять? И тогда страдалецъ, протопопъ Аввакумъ, явился на соборъ и выступилъ на среду собора со святою древнею книгою, и обличилъ суемудренный соборъ, задалъ вопросъ лицемѣрнымъ судіямъ: Признаютъ ли они веѣхъ Россійскихъ святыхъ угодниковъ и чудотворцевъ отъ князя Владимира и до отступника Никона спасшихся и нетлѣнными тѣлесами просіявшихъ? Этимъ вопросомъ, какъ громомъ, поразили весь еретичествоующихъ сонмъ, но ниже уцѣломудри пришедшихъ на поправленіе истины, и сбыется на немъ Соломони Премудрости изрѣченіе: „обличи премудраго и премудрѣ будетъ, не обличай злыхъ да не возненавидятъ тебе“.

*) Можетъ быть, въ это время царь Алексѣй Михайловичъ обращался къ Аввакуму съ письмами, которые показывалъ мнѣ въ Государственномъ Архивѣ покойный Губбенетъ (вѣрный стражъ исторіографическихъ сокровищъ). П. Б.

И тако святый страдалецъ Аввакумъ великую мозоль пріять. Воспретина Аввакуму святія книги чести на соборѣ и осудина всѣхъ непокорившихся нечестію Никонѣ: лишитъ священныхъ сановъ и остригчи имъ бѣрады, и сослатъ въ заточеніе, а за двуперстное знаменіе отсѣченіе правыхъ рукъ; а за обличеніе Никоніанскихъ ересей отрѣзаніе языковъ, и прочія измыслиша небывалыя казни.

И между тѣмъ услышаша, что восточніи патріархи находятся въ пути и приближаются къ Москвѣ. И исполнися пророкованный 1666 годъ. И вызванные на сужденіе кореня горести, любоначальнаго возмутителя. Никона патріарха, Еллінетіи патріарси: Писсій Александрійскій и Макарій Антиохійскій. при встрѣчѣ Россійскимъ государемъ Алексіемъ Михайловичемъ привѣтствованы такими государевыми рѣчами: „Васъ, благочестіѣ, яко самихъ святыхъ верховныхъ апостолъ, пріемлемъ; любезнѣ, яко ангеловъ Божіихъ, объемлемъ. О, святая и пречестная двоице! Чтѣ васъ наречемъ: херувимы ли, яко на васъ почилъ есть Христось: серафимы ли, яко непрестанно прославяете Его?“ Сія-то двоица съ сущими съ ними сослужебниками, воспріятая за верховныхъ апостоловъ, увѣрованная за ангеловъ Божіихъ, были дѣйствующими органами собора и судьбы святонаслѣдственнаго православія. Они осушествляли главенство, были душею собора 1666 года, происходившаго въ нѣколицихъ засѣданіяхъ, до законодательнаго приговора 13 Мая 1666 года, запечатлѣвшаго предѣлы новопреданнаго, съ осужденіемъ всѣхъ послѣдователей древнаго благочестія.

Къ преждереченному возвратимся, егда царь и бояре встрѣтиша прибывшихъ патріарховъ и назначиша время суда надъ Никономъ. Послаша за нимъ Кіевскаго блюстителя митрополичьей каѳедры, епископа Меѳодія, и двухъ архимандритовъ, которые объявили Никону, что онъ долженъ идти на соборъ смиреннымъ обычаемъ, то-есть царь и бояре желаютъ, чтобы ты явился на соборъ не какъ патріархъ, а какъ простой мнихъ. Но Никонъ сіе принялъ съ презрѣніемъ и посланнымъ отвѣтствовалъ, что онъ унижить своего сана не желаетъ, и сказалъ, что это будетъ въ посрамленіе Россійской церкви предъ Греческими невольниками султана.

И тако собрашася въ столовой палатѣ при церкви Благовѣщенія въ Кремлѣ. Царь и восточніи патріарси сѣли на свои мѣста, такожде и вси свидѣтели по дѣлу Никона, бояре, окольнічій, думные и дяки сѣдоша на свои мѣста. Егда же приведоша патріарха Никона въ палату, и не видя Никонъ себѣ сѣдалища, зѣло оскорбися и небрежно

и гордо поклонися восточнымъ патриархомъ и царю. Рече Никонъ: „Я мѣста себѣ гдѣ съестъ съ собою не принесъ. Пришелъ я узнать, для чего вселенскіе патриарси меня звали?“ гнѣвно спросилъ Никонъ. Глаголя царь патриархомъ: „Отъ начала Московскаго государства соборной апостольской церкви такого безчестія не бывало, какое учинилъ бывший патриархъ Никонъ. Для своихъ прихотей, самовольно, безъ моего повелѣнія и безъ соборнаго совѣта, церковь оставилъ, патриаршества отрекся и учинилъ многіе смуты и мятежи, и церковь вдовствуетъ девятый годъ. Допросите его, для чего сіе учинилъ?“ И патриархи обратилсѣ съ симъ вопросомъ къ Никону. Рече Никонъ: „Имѣете ли вы согласіе съ Константинопольскимъ и Иерусалимскимъ патриархами меня судить, и безъ ихъ совѣта я вамъ отвѣчать не буду, потому я имѣю хиротонію отъ Константинопольскаго патриарха“. Патриархи указаша ему свитки, содержащіе согласіе названныхъ патриарховъ. Глаголя Никонъ: „Бью челомъ великому государю и патриархамъ выслать изъ собора моихъ недруговъ: Питирима, митрополита Новгородскаго, и Павла Крутицкаго; они хотѣли меня отравить и удавить“. Но Никону въ семь отказали. Глаголаша патриархи Никону: „Чесо ради отречеся патриаршества?“ Рече Никонъ: „Удалихся отъ царскаго гнѣва“. Глаголя царь: „Посылалъ азъ къ Никону князя Юрія Ромодановскаго съ тѣмъ, чтобы Никонъ не писался и не назывался великимъ государемъ, понеже ранѣе его бывшіе патриарси не именовашася“. Глаголя Ромодановскій: „Кромѣ велѣнія царева азъ Никону ничто же не глаголахъ“. Рекоша патриархи: „Какія тебѣ отъ великаго государя были обиды?“ Рече Никонъ: „Никакихъ обидъ не бывало. Но когда царь не сталъ ходить въ церковь, то я патриаршество и оставилъ“. Рекоша патриархи ко архіереамъ: „Какія обиды были Никону отъ царя?“ Рекоша архіереи: „Никакихъ обидъ не было“. Рече Никонъ: „Я объ обидѣ не говорю, а говорю о государевѣ гнѣвѣ. И прежніе патриархи отъ гнѣва царскаго бѣжали: Аванасій Александрійскій, Григорій Богословъ“. Рекоша патриархи: „Другіе патриархи оставляли престоль, да не тако, якоже ты отрелся, что впредь не быть тебѣ патриархомъ, то анаѣема будешь“. Рече Никонъ: „Азъ тако не глаголахъ, а я говорилъ, что иду за свое недостоинство“. Рекоша патриархи: „Когда ты ставиша въ священный чинъ, тогда глаголалъ достоинъ, а когда тебѣ сдѣлалъ царь замѣзаніе о твоей несправедливости, тогда сталъ недостоинъ“. Рече Никонъ: „Это на меня выдумали“. Рече царь: „Никонъ писалъ на меня въ грамотахъ своихъ *) святѣйшимъ патриархамъ многіа безчестія и укоризны, а я на него ни малаго без-

*) Эти грамоты доселѣ не обнаружены. Покойный протоіерей М. С. Боголюбскій передавалъ мнѣ, что списки съ нихъ хранятся въ Троицкой лаврѣ. П. Б.

честія и укоризны не писалъ. Допросите его: вею ли онъ истину, безо всякаго прилога, писалъ, за церковные ли догматы онъ стоялъ: Іоасафа патриархомъ святѣйшимъ и братомъ себѣ почитаетъ ли, и церковныя движимыя и недвижимыя продавалъ ли? Рече Никонъ: „Въ грамотахъ писалъ, за церковные догматы стоялъ, Іоасафа за патриарха почитаю, а вещи церковныя продавалъ, за то винюся и прошу прощенья, а грамоты моей патриарху Діонисію не вели читать“. Рече царь: „Не хотѣлъ ты слушатися и шумѣлъ, самъ виноватъ, куда читаетъ“. И приказана читать грамоту думному дяку. И дочитывается до сего: „посланъ я въ Соловецкій монастырь за мощьми Филиппа митрополита, котораго мучилъ царь Иванъ несправедно“. Рече царь: „Для чего такое безчестіе и укоризну царю Ивану Васильевичу написалъ, а о себѣ угаилъ, какъ ты извергъ безъ собора Павла, епископа Коломенскаго, ободралъ съ него святительскія одежды и сослалъ на заточеніе. Допросите его: по какимъ правиламъ онъ это дѣлалъ“. Рече Никонъ: „По какимъ правиламъ я его извергъ и сослалъ, того не помню; есть о немъ на патриаршемъ дворѣ дѣло“. Рече митрополитъ Павелъ: „На патриаршемъ дворѣ дѣла нѣтъ и не бывало, а Никонъ извергъ Павла за правое дѣло“. И Никонъ на сіи обличенія отвѣтити ничего не могъ. И думный дякъ дочитывается до сего: „Царь началъ вступаться въ патриаршія дѣла“. Рече царь: „Допросите его, въ какія патриаршія дѣла я вступаюсь“. Рече Никонъ: „Чтѣ я писалъ, того не помню“. Думный дякъ читаетъ: „Оставилъ патриаршество черезъ государевъ гнѣвъ“. Рече царь: „Допросите, какой отъ меня ему былъ гнѣвъ и обида“. Рече Никонъ: „На боярина Хитрово не даль обороны“. Рекоша патриархи: „Аще бы и правда, что бояринъ билъ твоего человѣка, но подобало бы тебѣ терпѣть, бить челомъ государю, а не сердиться“. Рекоша архіереи: „Когда Никонъ снималъ панагію и ризы въ Успенскомъ соборѣ, то говорилъ: аще помыелю въ патриархи, анаѳема да буду; панагію и посохъ оставилъ, взялъ клюку, а про государевъ гнѣвъ ничто же рече. Поѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, за нимъ повезли его люди много сундуковъ съ имѣніемъ, да къ нему жъ отослано изъ патриаршей казны 2,000 рублевъ“. Никонъ не могъ на сіе никакого отвѣту дати. Рече царь: „Когда Никонъ былъ на патриаршествѣ, то перевелъ изъ Твери архіепископа Лаврентія въ Казань и другихъ многихъ съ мѣста къ мѣсту переводилъ“. Рече Никонъ: „Я это дѣлалъ не по правиламъ, но невѣдѣнію“. Рече митрополитъ Питиримъ: „Ты и самъ на Новгородскую митрополию возведенъ на мѣсто живаго митрополита Аѳонія“. Рече Никонъ: „Аѳонія былъ безъ ума: чтобъ и тебѣ также обезумѣть!“ Думный дякъ читаетъ: „Отъ сего беззаконнаго собора не стало на Руси соединенія

съ восточными церквами, и отъ благословенія твоего патріарха (Царяграда) отлучилсь, отъ Римскихъ костеловъ начатокъ пріяли волями своими“. Рече царь: „Поэтому Никонъ насъ считаетъ всѣхъ еретиками, и аще бы дошло то письмо до вселенскихъ патріарховъ, то всѣмъ намъ быть бы подъ клятвою, и отъ этого его ложнаго письма надобно всѣмъ намъ очиститися“. Рекоша патріархи: „чѣмъ Русь отъ соборной церкви отлучилась?“ Рече Никонъ: „Газскій митрополитъ Паисій долго на Москвѣ жилъ, перевелъ Питирима изъ одной митрополіи въ другую и другихъ архіереовъ съ мѣста на мѣсто переводилъ, а я самаго его митрополитомъ не считаю, у него ставленной грамоты нѣтъ“. Рече царь: „Никонъ проклялъ боярина Стрѣшнева безвинно“. Никонъ рече царю: „Богъ тебя будетъ судить; я узналъ на избраніи своемъ, что ты будешь ко мнѣ добръ шесть лѣтъ, а потомъ буду я возненавиденъ и мученъ“. Рече царь: „Допросите его, какъ это онъ узналъ на избраніи своемъ?“ Рекоша патріархи: „Какъ это ты узналъ?“ На сіе Никонъ не далъ никакого отвѣта. Рече архіепископъ Рязанскій Пларіонъ: „Никонъ говорилъ, что видѣлъ звѣзду метлою, и оттого будетъ Московскому государству погибель; пусть скажетъ, отъ какого духа онъ это увѣдалъ“. Рече Никонъ: „И въ прежнее время такіа знаменія бывали, и на Москвѣ это сбудется. Господь пророчествовалъ на горѣ Елеонской о разореніи Іерусалима за 40 лѣтъ“.

Въ первый день сямъ и оконченъ былъ судъ надъ Никономъ до слѣдующаго дня, и Никона увезли въ Архангельское подворіе.

5-го Декабря, пакы собору всему собрану бывшу, явился и Никонъ, лицомъ блѣденъ и суровъ. Рече патріархъ Паисій къ Никону: „Ты отрекся отъ патріаршаго престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины“. Рече Никонъ: „Я ушелъ отъ гнѣва государева“. Рече патріархъ Паисій: „Кто тебѣ велѣлъ писаться патріархомъ Новаго Іерусалима?“ Никонъ рече: „Не писался и не говаривалъ“. Архіепископъ Пларіонъ Рязанскій глаголетъ: „онъ мнѣ писалъ“, и показываетъ письмо Никоново. Рече Никонъ: „Рука моя: видно, я описался. Слышала я отъ Грековъ, что на Антиохійскомъ и Александрійскомъ престолахъ иныя патріархи сидятъ; чтобъ государь призвалъ свидѣтельствовать: пусть патріархи положить Евангеліе“. Патріархи рекоша: „Мы патріархи петинные и не отрекались отъ престоловъ своихъ, развѣ Турки безъ насъ что сдѣлали. Но если кто дерзнулъ на наши престолы безнаказанно, по принужденію султана, тотъ не патріархъ, а прелюбодѣй. А Святому Евангелію быть не для чего, не подобаетъ Евангеліемъ клятися“. Никонъ рече: „Отъ сего часа свидѣтельствую Богомъ, что не буду предъ патріархами говорить, пока Константинопольскій и

Іерусалимскій сюда будутъ“. Рече архіепископъ Іларіонъ Рязанскій: „Какъ ты не боишься суда Божія, вселенскихъ патріарховъ безчестишь?“ Рекоша патріархи къ собору: „Скажите про отрицаніе Никоново съ клятвою“. Питиримъ Новгородскій, Іоасафъ Тверскій рекоша: „Никонъ отрекся и говорилъ: если буду патріархъ, то анаѳема буду“. Рече Никонъ: „Я назадъ не поворачиваюсь и не говорю, что мнѣ быть на престолѣ патріаршескомъ, а кто по мнѣ будетъ патріархъ, тотъ будетъ анаѳема. Такъ я и писалъ государю, что безъ моего совѣта не поставятъ другаго патріарха. Я о престолѣ ничего не говорю, а какъ изволятъ государь и патріархи“. Патріархи прочитали правила по-гречески и велѣша чести Іларіону Рязанскому по-русски. Іларіонъ читаетъ: „аще кто покинетъ престолъ волею, безъ навѣтовъ, тому впредь не быть на престолѣ“. Рече Никонъ: „Сіи правила не апостольскія. и не вселенскихъ соборовъ и не помѣстныхъ: я этихъ правилъ не принимаю и не внимаю“. Рече митрополитъ Павель: „сіи правила приняты церковію“. Рече Никонъ: „Ихъ въ Русской Кормчей нѣтъ. а Греческія правила не прямыя, ихъ патріархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики. А я не отрекался отъ престола, это на меня нагали“. Рекоша патріархи: „Греческія правила прямыя“. Рече архіепископъ Тверской Іоасафъ: „Когда онъ отрекался съ клятвою отъ престола патріаршескаго, то мы его молили, чтобы онъ не покидалъ престола: но онъ говорилъ, что разъ отрекся, и больше не патріархъ. а если возвратится, то будетъ анаѳема“. Глагола бояринъ Алмазь Ивановъ: „Никонъ писалъ государю, что ему не подобаетъ возвратитися на престолъ, яко псу на свои блевотины“. Никонъ рече: „Того не писалъ. Не только меня, но и Златоуста изгнали неправедно“. Обратился къ царю съ негодованіемъ: „Когда на Москвѣ учинился бунтъ, то и ты, государь, самъ неправду свидѣтельствовалъ, а я испугавшись только пошелъ отъ твоего гнѣва“. Рече царь: „Непристойныя рѣчи, безчестя меня, говоришь; никто на меня бунтомъ не приходилъ, а приходили земскіе люди, и то не на меня приходили, а бить челомъ объ обидахъ“. Голоса отъ собора: „Какъ ты не боишься Бога, непристойныя рѣчи говоришь, великаго государя безчестишь!“ Рекоша патріархи: „Для чего ты клобукъ черный съ херувимами носишь и двѣ панагіи?“ Рече Никонъ: „Ношу черный клобукъ по примѣру Греческихъ патріарховъ: херувимы ношу по примѣру Московскихъ патріарховъ, которые носили ихъ на бѣломъ клобукѣ. Съ одною панагією съ патріаршества сошелъ, а другая крестъ—въ помощь себѣ ношу“. Рекоша архіереи: „Когда отъ патріаршества отрекся, то бѣлаго клобука съ собою не взялъ, а взялъ простой мншескій, а нынѣ носишь съ херувимами“. Рече Антиохійскій патріархъ: „здѣ ли что Антиохійскій

патріархъ не судія вселенскій?« Никонъ рече: „Тамъ себѣ и сяди. Въ Александріи и Антиохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ: Александрійскій живеть гдѣ-то въ Египтѣ, а Антиохійскій въ Дамаскѣ“. Рекоша патріархи: „Когда благословили вселенствіе патріархи Іова, митрополита Московскаго, на патріаршество, въ то время гдѣ они жили?“ Рече Никонъ: „Я въ то время не великъ былъ“. Патріархи рекоша: „слушай правила святыхъ“. Рече Никонъ: „Греческія правила не прямыя, печатали ихъ еретики“. Рекоша патріархи: „Приложи руку, что нашъ Помоканонъ еретическій и скажи, какія въ немъ ереси?“ Никонъ рече: „Это дѣло не мое“. Рекоша патріархи: „Скажи, сколько епископовъ судятъ епископа, и сколько патріарха?“ Никонъ рече: „Епископа судятъ 12 епископовъ, а патріарха—вся вселенная“. Рекоша патріархи: „Почему ты одинъ Павла, епископа Коломенскаго, низвергъ не по правиламъ?“ Никонъ на сіе никакого отвѣта не даде. Рече царь: „Вѣриши ли вѣмъ вселенскимъ патріархамъ? Они подписались своими руками, что Антиохійскій и Александрійскій пришли по ихъ согласію въ Москву.“ Рече Никонъ: „Рукъ ихъ не знаю“. Рече Антиохійскій патріархъ: „Это истинныя руки патріаршескія“. Никонъ рече съ грубостію: „Широкъ ты здѣсь: какъ-то ты отвѣтъ дашь предъ Константинопольскимъ патріархомъ?“ Голоса отъ собора: „Какъ ты Бога не боишься, великаго государя безчестнишь и вселенскихъ патріарховъ, всю истину въ ложь ставишь“. Патріархи рекоша: „Отберите у Никона крестъ, который предъ нимъ носятъ: ни одинъ патріархъ этого не дѣлаетъ, а это есть Латинскій обычай. И отсѣлъ ты, Никонъ, не будешь патріархъ, и священная да не дѣйствуети, а будешь яко простой мнихъ“. Симъ и окончися судъ надъ Никономъ. И свезоша Никона на Архангельское подворіе до объявленія ему законнаго низложенія. И судиѣ розыдошася.

И 8-го Декабра пакы собирается весь прежде бывшій соборъ, во главѣ царя и патріарховъ. И написана грамота по правиламъ о низложеніи Никона, и вси судиѣ и свидѣтели подписанася. Никона же того дня не позываша.

И пакы собирается весь преждереченный соборъ въ церкви Чудова монастыря. Патріархи и вси архіереи были въ саккосахъ, и вси ста на своихъ мѣстахъ. Приведенъ былъ Никонъ: видъ его былъ гордый и гнѣвный. Бояринъ Алмазь Ивановъ и одинъ изъ Грековъ начаша читать вышеску изъ соборнаго дѣянія по-гречески и по-русски. По окончаніи чтенія патріархи поидоша къ царскимъ вратамъ, при-

зваша къ себѣ Никона и начаша ему читати обвинительное соборное изложеніе содѣянныхъ имъ винъ, за которыя низвергается сана. Сице начаша: „Проклиналъ Россійскихъ архіереевъ въ Недѣлю Православія мимо правилъ и суда: покинутіемъ престола заставилъ церковь вдовствовать восемь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ; ругался двоимъ архіереямъ: одного называлъ Авною, другаго Каіафою; изъ двоихъ бояръ одного называлъ Продомъ, а другаго Пилатомъ: когда былъ призванъ на соборъ по обычаю церковному, то пришелъ не смиреннымъ обычаемъ, и не переставалъ порицать патріарховъ, говоря, что они не владѣютъ древними престолами, но скитаются внѣ своихъ епархій, судъ ихъ уничтожалъ и все правила среднихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по вселенскомъ, всячески отвергъ: Номоканонъ назвалъ книгою еретическою, потому что напечатана въ странахъ западныхъ: въ письмахъ къ патріархамъ православнѣйшаго государя обвинялъ въ латынствѣ, называлъ мучителемъ, неправеднымъ, уподоблялъ его Іеровоаму и Осін, говорилъ, что синклитъ и Всероссійская церковь приклонилась къ Латынскимъ догматомъ; по порицающей стадо ему врученное, не пастырь, а наемникъ; архіерея одинъ самъ собою низвергъ: по низложеніи Павла, епископа Коломенскаго, мантию снялъ и предалъ его на лютое бѣеніе, и безчестно приказалъ казнить огнесожженіемъ; отца своего духовнаго повелѣлъ безъ милости бить, и патріархи сами язвы его видѣли; живя въ Воскресенскомъ монастырѣ, многихъ людей, иноковъ и бѣльцовъ, наказывалъ не духовно, не кротостію за преступленія, но мучилъ мірскими казнями: кнутомъ, палицами, иныхъ на пыткѣ жегъ“.

Когда же чтеніе окончилось, Александрійскій патріархъ снялъ съ Никона клобукъ, и надѣли на него простой мнишескій, и сказали: „Впредь патріархомъ не называйся и не пишися, а называйся простымъ мнихомъ Никономъ; въ монастырѣ живи тихо, безмятежно и о своихъ согрѣшеніяхъ моли всемилостиваго Бога“.— „Знаю“, воскликнулъ Никонъ: „и безъ вашего поученія, какъ жить! А что вы клобукъ и панагію съ меня сняли, то жемчугъ съ нихъ раздѣлите по себѣ, достанется вамъ жемчугу золотниковъ по пяти или по шести да золотыхъ по десяти. Вы есте просяки и грабители, а не пастыри, и пришли есте не на пользу, но лестию и похлебствомъ жестокоправныхъ чловѣкъ сердца похитити, и именовъ патріаршества точію, а не дѣломъ нраву ихъ разрѣшеніе учините. И тѣмъ несытую вашу, сребролюбивую и аду подобную гортань напозлите“. И патріархъ Пампій не стерпѣлъ сего оскорбленія: посохомъ своимъ сшибъ съ Никоновой головы клобукъ на землю, и много другъ друга укоряюще и поносяще. Затѣмъ Никонъ закричалъ: „Зачѣмъ вы дѣйствуете какъ воры, въ мона-

стырской церкви, въ отсутствіи народа? Поставленъ я въ патріархи при всенародномъ множествѣ. Ведите меня въ ту церковь, гдѣ я принялъ пастырскій жезлъ“. На сіе Никону патріархи отвѣтила: „Все равно, въ какой было произнесено опредѣленіе собора, лишь бы оно было по совѣту царя и архіереевъ“. По семъ взяна Никона подъ стражу и повезоша изъ Чудова монастыря въ простыхъ саняхъ на земскій дворъ, и ждаты указа повелѣша.

Черезъ нѣсколько дней осудила Никона сослать въ Терапонтовъ монастырь въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, куда и свезоша подъ стражей; и тамъ Никонъ жилъ близъ монастыря, на острову, длиною въ 20, а шириною въ 5 сажень. Никонъ тутъ водрузилъ четырехконечный крестъ съ надписаніемъ, что крестъ поставленъ патріархомъ Никонъ, бывшимъ въ заточеніи. И бывший при Никонѣ тамъ мнихъ Іона, искусный рѣзчикъ, рассказывалъ стрѣльцкому головѣ Шепелеву и письменно заведѣтельствовавъ, что Никонъ къ тому кресту ѣздилъ, бесѣдовалъ съ діаволомъ, который являлся ему въ образѣ змія; и Никонъ обнималъ его и цѣловалъ, и спрашивалъ, что объ немъ говорить въ народѣ.

Обо всемъ этомъ голова Шепелевъ донесъ царю. И Ѳедоръ Алексѣевичъ послалъ туда Тульскаго архимандрита Павла и дворянина Ивана Желябовскаго*). И на основаніи показаній ихъ Никонъ переведенъ въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь. По нѣколицѣхъ же лѣтѣхъ, по просьбѣ царицы Наталіи Кирилловны, разрѣши царь Никону возвратиться въ Новый Іерусалимъ. Но Никонъ на пути, не доѣзжая Ярославля, умеръ 18 Августа противъ Спасскаго монастыря, на рѣкѣ Котросли, и откуда перевезенъ былъ въ Новый Іерусалимъ, гдѣ и погребенъ въ церкви называемой „Темница“.

*

Отъ таковыя глубины темнаго ада да избавить насъ Христосъ Богъ нашъ, и да утвердитъ въ древлецерковныхъ законахъ и обычаяхъ, и въ сохраненіи заповѣдей Божіихъ до конца жизни наша пребывать, и во оставленіи грѣховъ и чистое покаяніе Ему, Всещедрому Владыцѣ, принести, и вѣчныхъ благъ получить.

Одинъ писатель Никоновой исторіи, Иванъ Шустеринъ, пишетъ еще: „Зри въ тья времена, егда Никону превращающу все древлецерковныя

*) Объ этомъ не сказано въ Запискахъ Желябузскаго въ 9-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1910 г. П. Б.

уставы на новыя. нѣкій поселянинъ Дмитрій. съ Волги, откуда быть и самъ Никонъ родомъ, разсказывалъ слѣдующее: „Изловившу ми осетра великаго, повезъ я его къ Москвѣ въ даръ отцу патріарху Никону: другъ онъ мнѣ былъ прежде. Патріархъ обрадовался мнѣ, благословилъ и велѣлъ быть неотступно при себѣ въ палатѣ; напоивъ меня питіями съ удовольствіемъ, онъ велѣлъ мнѣ спать близь себя, въ другой каморѣ. Проснувшись ночью, я сквозь малую скважину въ двери, видѣлъ Никона въ большой палатѣ, отъ многихъ бѣсовъ почитаема. Они его любезно лобызали и посадили на престолъ и величали его царемъ; кланялись ему и говорили: „Воистину любезный ты другъ есть и большій братъ нашъ, яко ты намъ поможе крестъ Маріина Сына изгнати, низложить и преодолѣти. Точію се неладно сотвори: чесо ради присно чловѣка пустилъ еси къ себѣ спати: слышитъ бо вся наша дѣйства; иди и удави его, да не повѣсть сего“. Рече Никонъ бѣсамъ: „Другъ ми есть достойный и сосѣдъ ближній, упився спитъ“. Паки рекоша бѣсен: „Иди и удави“. Отвѣща Никонъ: „Азь иду и искушу его“. И приде ко мнѣ, нача будити меня, но азь претворихся, будто сплю. Тогда Никонъ нача стрекотати плкою пяты ногъ моихъ. И я едва крѣпихся, но говорихъ: „Я другу моему, отцу Никону, объявлю“, и опять начахъ храпѣть и спать. И Никонъ ушелъ отъ меня, и затѣмъ ушелъ онъ въ соборъ. Отъ видѣннаго ужаса мнѣ не спитца, и я пошелъ въ патріаршую ложницу и увидѣлъ у постели ступни чернаго бархата. Посмотрѣвъ внутрь ихъ, замѣтилъ стельки добраго сукна и, ощутивши въ нихъ что-то, подпоролъ и къ великому моему ужасу увидахъ въ одной стелькѣ былъ образъ Пресвятыя Богородицы, а въ другой крестъ трисоставный, изъ тонкаго сребра. Когда вернулся Никонъ и спрашивалъ меня, чѣмъ я видѣлъ, и я отвѣчалъ: „Ничего не помню, владыко. Токмо пяты болятъ, опохмелиться хотять“, Никонъ нача смѣяться, и опохмеливъ меня довольно, благословилъ и отпустилъ къ дому“.

Другій повѣствователь, келейникъ Никона, старецъ Андреянъ, повѣствуетъ еще: „Азь быхъ келейникомъ патріарха Никона. Единожды усмотрѣхъ азь въ патріаршихъ сапогахъ на стелькахъ изображеніе: на одной стелькѣ трисоставный крестъ Христовъ, а на другой образъ Пресвятыя Богородицы“. Далѣе повѣствуетъ Андреянъ: „Возненавидѣхъ азь за сіе патріарха и многожды нача ему пререковати, и онъ многожды бихъ мя; но азь не престая обличахъ патріарха. Онъ же вельми на мя разъярився, повелѣ оковати позѣ мои желѣзы тяжкими и оловомъ залити, и заточити въ Палеостровскій монастырь, на Онегѣ озерѣ“.

Нѣкогда бывший во служеніи у патріарха Никона іподіакоуъ Ѳеодоръ повѣствуетъ еще: „Единожды мнѣ, правящу патріаршую

постелю, и усмотрѣхъ подъ патриаршею постелею образъ Распятія Христова. Ужасохся и бѣжахъ отъ патриарха⁴. Послѣди же сей Θεодоръ сожженъ былъ съ протопопомъ Аввакумомъ въ Пустозерскѣ.

Мнихъ нѣкій, именемъ Наанаилъ, родомъ Кіевлянинъ, бывшій уставщикомъ у патриарха Никона, повѣствуетъ сице: „Единожды глагола ми патриархъ: „при святомъ крещеніи, во отреченіи сатаны не подобасть на него плевати, ибо не знаючи у насъ то творять“. Азь же начахъ съ нимъ претися, что подобаеть. И послѣ долгихъ пререканій азь сказахъ: „Азь плюю и на того, кто и за сатану стоитъ“. За сіе вельми разевирѣпѣ на мя Никонъ и повелѣ мя бити плетьми и затѣмъ сосла мя въ заточеніе, въ его новыи Крестный монастырь на Вѣлое море⁴.

Егда же патриархъ Никонъ напечата свои новыя растлѣнныя служебники и вси церковныя книги, по своему злодыхательному на святыя уставы коварству, приказа новыя книги по всѣмъ церквамъ и епархіямъ развозити и по нимъ служити, а святыя богодухновенныя древнія книги повсюду повелѣлъ накрѣпко обирати и привозити къ Москвѣ и всенародно на Лобномъ мѣстѣ, яко непотребный плевелъ, казни предавати, сирѣчь сжигати.

Егда Никону бывшу патриархомъ и отнюдь не взираше на святоотеческое древнее преданіе и святое писаніе, а повсюду разсылаше приказанія, чтобы нигдѣ не служили по старопечатнымъ книгамъ, причастіе бы вездѣ производили по новому уставу. А кто не восхощетъ принимать новаго причастія, таковыхъ приказоваше приводити и причащати силою; предписываше кляпы во уста влатати и причастіе тако вливати, а не покоряющихся въ заточеніе ссылати и казнити.

Въ Недѣлю Православія въ Успенскомъ соборѣ при участіи трехъ патриарховъ: Московскаго, Антиохійскаго и Сербскаго и пяти архіереевъ Русскихъ, и множества народа, и архимандритовъ, и игуменовъ, и прочаго духовенства, и храмъ былъ переполненъ молящимися, въ числѣ которыхъ находился и самъ царь, когда литургія окончилась вмѣстѣ съ обрядомъ православія, пронеходившимъ тотчасъ послѣ трисвятаго, патриархъ Никонъ, сопровождаемый духовенствомъ, вышелъ на амвонъ, гдѣ уже приготовленъ былъ аналой. Одинъ изъ дьяконовъ открылъ предъ патриархомъ книгу бесѣды, въ которой онъ началъ читать соотвѣтствующую дню бесѣду. Прочитавъ ее, послалъ людей своихъ за иконами,

которыя были изъ домовъ жителей отобранны и отъ знатныхъ сановниковъ, и принесли къ патриарху. Въ отсутствіе царя Никонъ приказалъ, чтобъ царь не видалъ, своимъ служителямъ выкололъ глаза у собранныхъ иконъ, и въ такомъ видѣ носить по городу и объявляя царскій приказъ, угрожавшій строгимъ наказаніемъ, кто впредь осмѣлится писать подобныя иконы. Москвитяне весьма привержены къ иконамъ (говорить исторія митрополита Макарія), какъ бы онѣ ни были написаны. увидя это, пришли въ сильное негодованіе и говорили, что патриархъ тяжело погрѣшилъ, осѣлая его бранью—иконоборцемъ. Затѣмъ оба патриарха передали анаѳемѣ и церковному отлученію всѣхъ, кто впредь будетъ писать иконы или держать въ домѣ подобныя иконы. причемъ Никонъ бралъ одну за другою подносимыя ему иконы и каждую, показывая народу, бросалъ на желѣзный полъ съ такою силою, что иконы разбивались, и повелѣлъ ихъ сжечь. Тогда царь, слушавшій въ смренномъ молчаніи проповѣдь Никона, тихимъ голосомъ сказалъ ему: „Нѣтъ, батюшка, не вели ихъ сжигати, а лучше прикажи зарыть въ землю.“ Каждый разъ, когда Никонъ бралъ въ руки какую-либо изъ иконъ, онъ приговаривалъ: эта икона взята изъ дому вельможи, сына такого-то, людей знатныхъ: онъ хотѣлъ ихъ пристыдить всенародно, чтобы и другіе не слѣдовали ихъ примѣру.

Мученіе за двуперстное сложеніе и молитву Ісусову княгини Евдокіи Урусовой и Θεодосіи Морозовой.

И ждущимъ имъ гостей общанныхъ, и се во второй часъ ноци Іоакимъ, архимандритъ Чудова монастыря, вииде въ постельну къ Θεодосіи дерзко, и видѣвъ ю возлежащу, и понуди ю возстати. И рече ей: „какъ крестнишия и молитву Ісусову глаголеши?“ Она же сложа двуперстно, по древнему преданію святыхъ отецъ, и отверже уста своя глаголя: „Господи Ісусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ“. Таже пришедшій съ Іоакимомъ думный Иларіонъ Ивановъ спросялъ Евдокію: „какъ знаменуешися?“ Она же такожде показа два перета и глагола, Господа Ісуса Христа Сыномъ Божиимъ величаючи, рече: „еще вѣрую“. Такожде и слугъ ихъ вопрошиша: Ксенію и Анну. Тако и сіи не отвергошася и неповѣдаша два переты. А Θεодосіи и Евдокіи возложивша на позѣ желѣза конская и вринуша въ темницу. Постѣжде взяша ихъ и ведоша во вселенскую палату, идѣже собрашася Павелъ, митрополитъ Крутицкій, Іоакимъ, архимандритъ Чудовскій, и думные. Нача вопрошати митрополитъ Θεодосію: „Приобщаешися ли по тѣмъ служебникамъ, по коимъ царь приобщается?“ Она же мужественно отвѣща: „Не причащуся, понеже Никонъ врагъ Божій, служебники наполни ересью“.

Такожде и Евдокія отвѣща. И сняша оковы съ ногъ, и возложиша на выи ихъ. Онѣ же знаменаша и цѣловаша цѣпи. И повезоша въ два часа ноци на ямской дворъ на мученіе. Князь Волынской предъ мученіемъ нача боярыню уговаривать: „Покорись хоть обманно: ходи въ церковь, не молись тамъ, сдѣлай только видъ, что покоряешься; когда будешь креститься, отнеси три перста, а крестись двумя“. Боярыня отвѣщала: „Не лгала я и лгать не буду, обманывать не стану“. Подняли княгиню на дыбы. Мучитель закричалъ: „цокорянешися ли?“ — „Нѣтъ“, отвѣщала княгиня и въ вывернутыхъ изъ суставовъ рукахъ показала два перста, крестное знаменіе. И послѣ онаго бша немилостивно по всему тѣлу плетми и палиша огнемъ. И такожде мучиша и боярыню. И сняша ихъ съ дыбы, и бросиша въ темницу, а по семъ отвезоша въ Боровекъ, и посадиша въ яму, гдѣ голодною смертію святін страстоперницы за святое Христово крестное знаменіе животь свой скончаша голодною смертію.

*

Мало занимавшисъ Русскою исторіею XVII вѣка, не можемъ вполне оцѣнить это сказаніе, написанное какъ занимательная повѣсть; но для насъ очевидно, что это произведеніе времени позднѣйшаго: не такъ писали царь Алексѣй Михайловичъ, наши посланцы къ чужимъ дворамъ, протопопъ Аввакумъ въ своихъ посланіяхъ и автобіографіи. Тутъ уже мало простоты и своеобразнаго изящества, а встрѣчаются часто подновленія въ слогѣ. Жаль, что напечатанное здѣсь „Сказаніе“ распространено между грамотными старообрядцами, которые только въ этомъ видѣ знаютъ великаго дѣятеля Русской исторической жизни. П. Б.

ПИСЬМА КЪ Я. И. БЕРЕДНИКОВУ.

1. Н. Н. Мурзакевича.

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Используясь даннымъ вами позволеніемъ писать къ вамъ, я съ удовольствіемъ берусь за перо, чтобы сказать нѣсколько словъ о моемъ многотрудномъ странствованіи.

По отъѣздѣ изъ С.П.Бурга я прямо отправился въ Новгородъ. Въ немъ замѣтилъ нѣсколько церквей отличныхъ отъ другихъ своими особенными формами, и, по мнѣнію моему, близкими къ Западной архитектурѣ. Вѣроятно это сближеніе произошло отъ того, что онѣ были строимы иностранцами, или подъ ихъ надзоромъ. Мстиславовой грамоты не видѣлъ. О. Фотій не соблаговолилъ меня принять. Въ Юрьевѣ монастырѣ соборная церковь обратила мое вниманіе: это боковая башня, быть можетъ, встарь служившая колокольнею или казнохранилищемъ. Подобную вѣжу круглую замѣтилъ и въ Антоньевѣ монастырѣ. Спасскій Черниговскій соборъ имѣетъ такую-же круглую башню, къ коей въ позднѣйшее время для симметріи пристроили правую. Такое сближеніе архитекторовъ на Сѣверѣ и Югѣ любопытно. Въ Знаменскомъ монастырѣ замѣтилъ икону храмовую и подъ ней прекрасное изображеніе осады Новгорода Суздальцами. Работа однакожь не современная происшествію. Софійскій соборъ, искаженный давними пристройками, нынѣ еще болѣе портится новѣйшими передѣлками.

Изъ Новгорода, по причинѣ дурныхъ дорогъ, я не поѣхалъ во Псковъ, а повернулъ на Москву. Изъ нея посѣтилъ Троицкую Лавру, Александровъ и Переяславъ. Въ лаврѣ замѣтилъ харатейныя Евангелія въ современныхъ окладахъ Симеона Иоанновича Гордаго и Василія Дмитровича, да его-же св. чашу. Тамъ же видѣлъ кафтанъ Грознаго, портреты достопамятнаго архимандрита Діонисія и цари Иоанна Алексѣевича.

Въ Александровой Слободѣ замѣтилъ нѣсколько любопытныхъ иконъ, портретъ царевны Маргариты Алексѣевны, сестры Осодора, Иоанна и Петра, и наконецъ южныя соборныя двери—драгоценнѣйшее произведеніе Русскаго мастерства. Эти двери по бронзовому полю исписаны золотомъ и изображаютъ Господскіе праздники и нѣкоторыя библейскія исторіи и народныя притчи.

Изяществомъ далеко превосходятъ двери Успенскаго и Благовѣщенскаго Московскихъ соборовъ; а къ большому ихъ достоинству имѣютъ и надписи, которыхъ часть здѣсь помѣщаю: к лѣтѣ 7250 мѣсѣ индикѣ лѣтѣ дѣ исписаниа двери сина по-келѣ...мѣ вѣснѣваго архіеппа но...одесского влннѣна. при князи благовѣрѣ иванѣ данилови.. при посадничьствѣ дѣдрокѣ данилови при чхисацькомѣ вѣрам...

Между надписями есть изображеніе самого Василія, молящагося Господу. Подъ иконою Богоматери находится 13 строчная молитва, гдѣ тотъ-же архіепископъ Василій поручаетъ себя заступленію Пресвятой. Очевидно, что эти двери въ Александрову пустынь занесены Іоанномъ Грознымъ. Странное дѣло! Многіе Москвитяне, какъ они говорятъ, многіе видѣли эту драгоценность: но мнѣ заѣзжему изъ Одессы пришлось первому писать объ нихъ. Коль скоро будетъ готовъ рисунокъ, я съ описаніемъ дверей пришлю въ С.П.Бургъ.

Въ Переславѣ любопытна соборная церковь Долгорукаго Юрья, а въ ней гробницы Дмитрія Александровича, сына Невскаго, Іоанна Дмитровича и третьяго неизвѣстнаго. Замѣтилъ также церковь Петра Митрополита, имѣющую особенную форму.

Возвратясь въ Москву, спѣшу выѣхать въ Кіевъ, пока еще дороги спосны. На дорогѣ къ Переяславлю встрѣтили меня дождь, снѣгъ, морозъ и опять грязь.

Видѣлся съ М. Т. Каченовскимъ, уважающимъ васъ, но съ П. М. Строевымъ еще не успѣлъ.

Любопытно знать дѣйствія Археографической Коммисіи. Если способности мои въ чемъ либо могутъ быть полезными, то я готовъ предложить ихъ Коммисіи въ званіи корреспондента.

Препоручая себя вашему доброму расположенію, съ совершеннымъ почтеніемъ навсегда честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Николай Мурзакевичъ.

Москва. 1837. Октября 11.

Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ (род. 1806 г.) извѣстный археологъ. Его Записки въ „Русской Старинѣ“ 1887—1889 г.г. О Васильевскихъ вратахъ онъ писалъ въ статьѣ: „О царскихъ воротахъ въ Троицкомъ соборѣ въ Александровѣ“ (Русскій Историческій Сборникъ 1838 г. кн. 2, т. I). Мурзакевичъ скончался въ Одессѣ въ Октябрѣ 1883 г.

2. И. Шульгина.

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе и указать, гдѣ мнѣ что нибудь прочесть о нынѣшнихъ развалинахъ Старой Ладogi. Еще большею обязанъ бы благодарностию, еслибы приняли на себя трудъ хоть на этой же самой запискѣ черкнуть, какія ваши собственныя свѣдѣнія и заключенія объ этомъ мѣстѣ. У меня изъ monkъ чтеній сохранилось объ этомъ мѣстѣ только одно воспоминаніе, что нынѣшнія развалины Старой Ладogi относится къ XII вѣку: но желательно и нужно бы было знать что либо пообстоятельнѣе объ этомъ. Относясь къ вамъ съ этою покорнѣйшею просьбою, я увѣренъ, что, во первыхъ, вы не

откажете мнѣ въ вашихъ указаніяхъ: во вторыхъ, что если вы скажете, что не имѣете объ этомъ мѣстѣ никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній, то можно заранѣе поручиться, что уже никто ихъ не имѣеть.

Извините, что безпокою васъ такими вопросами, и примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и истинной преданности, съ которыми имѣю честь пребыть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою И. Шульгинъ.

6 Мая 1838 г.

3. Князя М. А. Оболенскаго.

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Крайне сожалѣю, что не могъ къ вамъ до сихъ поръ писать. Причина этому эпидемическая болѣзнь (кровоавый поносъ) существующая въ Москвѣ, отъ которой гибнетъ множество дѣтей. Возвратившись изъ С.-Петербурга, мы нашли наше семейство въ траурѣ: у брата жены моей, въ продолженіи одной недѣли, умерли три ребенка, у сестры дочь. Это такъ поразило жену мою и меня, что мы немедленно рѣшились, для спасенія малютки нашей, ѣхать въ деревню. Болѣзнь эта оказываетъ дѣйствіе свое также и надъ большими: Павелъ Михайловичъ Строевъ былъ боленъ оною въ продолженіи пяти дней и очень похудѣлъ, теперь однакоже ему лучше; я видѣлся съ нимъ въ нынѣшній Четвергъ.

Манускриптъ, въ которомъ находится лѣтопись Нестора и его продолжателей, хранится въ библиотекѣ Главнаго Московскаго Архива: въ описи, составленной Павломъ Михайловичемъ Строевымъ. Этотъ манускриптъ собственно-ручно обозначенъ имъ такъ: № 3. Рукопись въ листъ, на 540 листахъ, конца XV вѣка, содержитъ *Хронографъ Всмирный* до времени императора Константина, въ 279 главахъ. Съ л. 481 слѣдуетъ 280-я глава подъ заглавіемъ: Лѣтописецъ Русскихъ Царей; оканчивается 6722-мъ или 1214-мъ годомъ. Постарайтесь, почтеннѣйшій Яковъ Ивановичъ, вытребовать нашу рукопись; я увѣренъ, что вы встрѣтите въ ней много удачныхъ вариантовъ.

Вчерашній день по тяжелой почтѣ я отправилъ къ вамъ 30 актовъ, предназначаемыхъ мною къ помѣщенію въ собраніе издаваемое Археографическою Коммисією.

Жена моя вамъ кланяется (она еще въ деревнѣ); прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе вашей супругѣ и быть увѣреннымъ въ душевномъ моемъ къ вамъ почтеніи, съ каковымъ честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ и усерднымъ слугою к. Михаилъ Оболенскій.

Москва. 12 Августа 1839 г.

Кн. Михаилъ Андреевичъ Оболенскій, начальникъ Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, издатель историческихъ памятниковъ. Среди тогдашнихъ ученыхъ авторитетомъ не пользовался. Строевъ называлъ нѣкоторые его труды „шарлатанскими“ и писалъ Березникову: „Его сѣятельство, между нами буди сказано, интриганъ перваго сорта“ (24 Декабря 1848 г.).

4. М. Т. Каченовскаго.

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Тотъ С. М. Строевъ, съ которымъ вы отправили ко мнѣ обязательное письмо ваше, теперь тѣлѣтъ въ могилѣ. Онъ скончался на прошедшей недѣлѣ. Боже милосердый!. Получивъ письмо черезъ сенатскаго курьера, посланное братомъ его Николаемъ, я съ часу на часъ ожидать увидѣться съ нимъ, какъ вдругъ слышу отъ постороннихъ людей, что Сергѣя схоронили! Не вѣрю: ѣду въ Сенатъ къ брату и узнаю горькую истину! *Кормчей* однакожь я не получалъ. Ник. Михайловичъ обѣщалъ поискать между вещами, принадлежавшими покойному.

У васъ совершаются великія дѣла! Злость, лживость, клевета и невѣжество награждаются вмѣстѣ съ подвигомъ полезнаго трудолюбія. Не думаю впрочемъ, чтобы торжество расчетливыхъ старовѣровъ было продолжительно. Не тѣ времена: теперь уже многіе смекаютъ. Не знаю, чѣмъ встрѣтитъ меня ожидаемый здѣсь нашъ М.*). Онъ былъ всегда ко мнѣ благосклоненъ и добръ; не одинъ разъ заохочивалъ меня продолжать трактатъ о „Русской Правдѣ“ и осведомлялся, скоро ли кончу. Онъ у меня давно печатается; остановка-же произошла не столько отъ робости передъ крикунами, сколько отъ недосуговъ, по причинѣ другихъ занятій, многочисленныхъ и разнообразныхъ. Впрочемъ, въ нѣсколько лѣтъ молчанія, я имѣлъ возможность ближе всмотрѣться въ предметъ и собрать многое, принадлежащее къ дѣлу. Изданія вашей Коммисіи тоже мнѣ очень пригодятся.

Еслибъ я и не получилъ *Кормчей*, то все таки покорнѣйше прошу васъ сказать мое усерднѣйшее почтеніе и благодарность доброхотному мнѣ, благодородному В. Г. Анастасевичу, за такое прекрасное одолженіе.

Теперь пока прощайте. Слѣшу на экзамены, которые у насъ длятся черезъ весь Май и, между нами будь сказано, ужасно надоѣли. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Каченовскій.

28 Мая, 1840. Москва.

Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, ректоръ Моск. университета, основатель скептической школы Русской исторіи (1775—1842). Анастасевичъ Василій Григорьевичъ, переводчикъ, антикварій и библиографъ (1775—1845), въ 1839 г. напечаталъ въ ограниченномъ числѣ экз. второе изданіе (дополненное) „Обозрѣнія кормчей книги“ Розенкамнфа. Очевидно, книга эта была послана въ подарокъ Каченовскому съ Сергѣемъ Михайловичемъ Строевымъ († 19 Мая 1839 г.), который былъ любимымъ ученикомъ Каченовскаго и любимцемъ же Бередникова.

*) Митрополитъ (Филаретъ). Н. М.—Это М. не означаетъ ли скорѣе министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова? П. Б.

5. А. А. Кунига.

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Зная ваше доброе расположеніе ко мнѣ, я осмѣливаюсь, почтеннѣйшій Яковъ Ивановичъ, обратиться къ вамъ съ просьбою. Я отдаю въ этой недѣлѣ первые листы своего сочиненія въ типографію. Пока ихъ набираютъ, мнѣ очень хотѣлось вполне объяснить одно спорное мѣсто въ древней Русской Исторіи, что рѣшительно невозможно безъ вашего содѣйствія. Дѣло идетъ объ имени Дромітай, которой¹⁾ Греки, именно Симеонъ Логофетъ старшій, давали Руси. Узнавши, что находится въ Москвѣ два списка Слав. перевода Симеона Логофета, я обратился въ Московскую Синодальную Библіотеку, изъ которой мнѣ дали знать, что списки отданы въ Археографическую Коммисію. Теперь мнѣ остается одно средство добиться переведеннаго мѣста, т. е. обратиться къ вамъ. Поэтому позвольте мнѣ изложить вамъ вкратцѣ мое мнѣніе объ этомъ мѣстѣ, которое вы, какъ ближе знакомый съ Слав. источниками Нестора, одобрите или совершенно опровергните.

Сим. Логоф., современникъ Олега (хотя его обыкновенно смѣшиваютъ съ Симеономъ Лог., жившимъ въ II-мъ вѣкѣ), упоминаетъ о Дромітахъ въ двухъ мѣстахъ. Въ первомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Русскіе получили имя свое отъ одного храбраго вождя, которому они подчинились во время бѣдствія, и что они Фряжскаго рода. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Руссы, которые и Дромітами называются и принадлежатъ къ Фряжскому племени²⁾, приплыли въ Константинополь на 10000 лодьяхъ. Последнее мѣсто, слово въ слово выписанное такъ называемымъ продолжателемъ (Script. pler Theoph. ed. Par. p. 262) Византійской исторіи и проч., вошло, кажется, въ Несторовую лѣтопись. Но какимъ путемъ? Я пока не получу отъ васъ отвѣта, предполагаю, что Несторъ заимствовалъ его изъ Болгарскаго продолжателя Георгія Амартола, а тотъ изъ Греческаго Симеона, или, что вѣроятнѣе, изъ Слав. перевода.

Мнѣ очень желательно было бы имѣть и выше приведенныя мѣста въ Сим. Лог. въ Слав. переводѣ, чтобы узнать, какъ ихъ понимали Болгарскіе Славяне. Судя по выпискѣ изъ Георгія Амартолы, мнѣ впрочемъ извѣстной только по „Оборонѣ Нест. лѣтоп.“ изд. Бутковымъ (стр. 125 и 345), Слав. переводчикъ Симеона Логоф. не держался точно смыслу Греч. подлинниковъ; если вѣрить слуху, то слова „отъ рода Варяжска“ не находятся въ Сербскихъ спискахъ Георгія Амартолы. Вообще, говорятъ, слово „Варягъ“ ни разу не встрѣчается въ послѣднихъ.

Я, кажется, посредствомъ филологическихъ изслѣдованій добился того, что Греки хотѣли сказать словомъ „Дромітай“; но такъ какъ есть возможность узнать объ томъ и мнѣніе древнихъ Болгаръ, бывшихъ такъ близко къ Болга-

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

²⁾ Такъ въ подлинникѣ.

рамъ *), то было бы очень неразумительно оставить ихъ безъ вниманія. Поэтому я прошу васъ, почтеннѣйшій Яковъ Ивановичъ, доставить мнѣ:

1) Славянскій переводъ вышеозначенныхъ двухъ мѣстъ, такъ какъ они есть въ обѣихъ, вѣроятно, не разногласныхъ спискахъ. Если-бы вы еще были такъ добры, что прибавили еще три слѣдующія строчки изъ перевода втораго мѣста, то, вѣроятно, я могъ бы еще болѣе подтвердить свое мнѣніе, что не Симеонъ Лог., какъ полагаютъ, а неизвѣстный продолжатель заимствовалъ свое извѣстіе о Дромітахъ.

2) Тоже самое мѣсто о Дромітахъ или Скедіяхъ изъ Георг. Амарт., чтобы я могъ узнать, какъ у него переведены Дромітай и Фряги, внесено-ли выраженіе „отъ рода Варяжс.“ Русскимъ писцомъ или иѣтъ, и находятся ли оно въ большей части списковъ Несторовой Лѣтописи.

3) Прошу васъ высказать ваше мнѣніе, заимствовалъ ли Несторъ свое мѣсто о 10000 лодьяхъ просто изъ Болгарск. Георг. Ам.

Само собою разумѣется, что за услугу, которую вы окажете этимъ Русской Исторіи, я не только лично буду благодарить васъ, но и въ своемъ сочиненіи. Мнѣ очень пріятно было бы, еслибы вы могли мнѣ сообщить ваше мнѣніе съ выписками въ началѣ этой недели, чтобы поскорѣе отдать главу о Дром. въ типографію. Списокъ именъ пословъ Игоревыхъ мнѣ еще не такъ нуженъ; впрочемъ я постарался покуда ихъ разобрать по руководству сравнительной филологіи.

Честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Куникъ.

Аристъ Аристовичъ Куникъ, проф. Русской исторіи, академикъ въ 1844 г. замѣнившій Круга; съ 1849 г. редакторъ актовъ на иностранныхъ языкахъ при Археограф. Ком. Въ 1844 выпустилъ сочиненіе: Die Berufung der Schwedischen Rodsen, къ которому, очевидно, относится и настоящее письмо.

Сообщилъ И. П. Мордвиновъ.

*) Такъ въ подлинникѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

1862-й годъ.

Шривилегіи, исключительности, монополіи почти нѣтъ мѣста, и перепуганныя, онѣ разсыпаются въ искательствахъ (*obsequiis protegenda*). Грубѣютъ мысль и идеалы, выходя въ плотные слои народа и, разливаясь въ этихъ полудикихъ натурахъ, возвышаютъ ихъ, и понижаютъ натуры выснія, нивелируя уровень, ломая учрежденія и личности, выработывая гражданина и человека.

Два явленія особенно тяжко отозвались на народахъ: задолжаніе правительствъ и вздорожаніе цѣнностей. Исключая Англій и Пруссій, гдѣ откровенный парламентаризмъ спасаетъ отъ увлеченій, и не говоря объ Австріи и Италіи, изъ которыхъ одна не сложилась, а другая разлагается, мы упомянемъ о Франціи и Россіи. Задолжаніе ихъ приближаетъ къ банкротству, и правительства обѣихъ державъ, можетъ быть, поздно обратились къ обществу. Во Франціи, по докладу Фульда, измѣнены и расположеніе, и разсмотрѣніе бюджета. Въ виду Ноябрьскаго декрета уступка не велика, но уступка есть. Тамъ нація и природа богаты, и государство поправится. У насъ совѣмъ другое. У насъ—страшно сказать—нѣтъ денежной единицы. Императоръ Николай, начавъ войну не по средствамъ, велъ ее на бумагѣ. Бумага говорила ему о составѣ арміи и распорядительности командующихъ, бумага платила продовольствіе и жалованье. Эта бумажная система вытѣснила дѣйствительную и съ того времени царствуетъ безвозвратно. 1861-й годъ ее ослабилъ, и это его заслуга. Мы серьезно думаемъ о кредитѣ, мы только въ крайности обращаемся къ займамъ, 1861-й годъ убѣдилъ, что вышній

*) см. выше стр. 216.

заемъ для насъ невозможенъ, а внутренній роняетъ курсъ и увеличиваетъ дороговизну. Остается пожелать, чтобы мы убѣдились въ необходимости отчета, гласности и учета. Мы чрезвычайно расточительны и непроеводительны, а между тѣмъ думаемъ о возвышеніи податей.

Крѣпостной вопросъ еще вполне не выразился. Онъ грозитъ обнищаніемъ, и съ 1861 года оно уже началось, хотя прежніе запасы еще даютъ роздыхъ. Едва-ли когда нибудь общество бывало въ такомъ открытомъ разладѣ съ правительствомъ. Три мѣсяца высшая власть возилась со студентами, трехъ министровъ просвѣщенія видѣлъ одинъ годъ. Участіе общества къ студентамъ выразилось повсемѣстно. Публицистика отъ обличеній и личностей возвысилась до вводныхъ статей, которыя въ прямыхъ и довольно смѣлыхъ выраженіяхъ развиваютъ мысли о конституціи. Смѣлость этихъ статей въ „Сѣверной Пчелѣ“, иногда и въ „Инвалидѣ“, но особенно въ „Днѣ“ Аксакова доходитъ до дерзости. Должно однако замѣтить, что съ окончаніемъ крѣпостного вопроса статьи прежнихъ доктринъ, возстановлявшихъ сословіе противъ сословія, почти прекратились. Точно это дѣлаемо по системѣ. Уменьшилась лихорадка обществъ и журналовъ. Цѣна на хлѣбъ, противъ 1854 г. (1 к. фунтъ) удвоилась и даже утроилась (2¹/₂ к.).

У насъ теперь очень много говорятъ и пишутъ о реформахъ въ правосудіи. Дѣйствительно, безъ нихъ все другія улучшенія не полны и едва-ли даже состоятельны. Но не далеко-ли идти наши требованія? Не хотимъ ли завоеваніемъ гарантій ослабить силу правительства, отъ котораго много терпѣли, и дать поприще талантамъ и краснорѣчію, которые были сдвлены произволомъ? Я думаю, что, ища огражденій въ гласности и адвокатахъ, мы только переносимъ, перемѣняемъ одну зависимость на другую. Эта госпожа гласность и эти господа адвокаты дѣлаются новыми могуществами, которыя не чужды произвола, но которыя стѣдятъ очень дорого. Они любятъ деньги. Процессъ князей Воронцова и Долгорукаго былъ обставленъ всеми атрибутами зрѣлища, и адвокаты и прокуроръ потратили краснорѣчія на десятки тысячъ франковъ, а современный ему процессъ шайки между Самброй и Мозелемъ прошелъ смиренхонько, безъ всякихъ краснорѣчій, но кончился осужденіемъ десяти человекъ на смертную казнь.

Я не отвергаю важности этихъ огражденій, но думаю только, что отъ нихъ ожидаютъ болѣе нежели они даютъ и что не здѣсь должно искать кореннаго улучшенія. Гарантія эти важны въ социальномъ отношеніи. Завоеватели сдѣлались законодателями, установили свои суды, свою полицію, свои батальоны, крѣпостные и тюремные замки. Эти-то завоевательныя правительства были что-то враждебное массѣ народа, а между тѣмъ надобно было постоянно, навсегда и покойно оставаться

въ средѣ этого народа. Начало зла—въ отчужденіи права отъ жизни, въ мудреномъ пониманіи и толкованіи этого права. Дѣло въ томъ, что житейская мудрость, законодательство, сдѣлались ученою мудростію и для народа недоступны. Существо улучшенія въ упрощеніи правосудія, упрощеніи правовѣдѣнія и законодательства. Мы выбрали другой путь: мы ищемъ улучшенія въ обширной регламентаціи, въ развитіи положительнаго законодательства, въ изысканіи и заимствованіи лучшихъ ся теорій изъ Англіи, Франціи и Германіи, и въ учрежденіи факультетовъ, училищъ и гимназическихъ классовъ права и законовѣдѣнія, т. е. мы ищемъ улучшенія въ умноженіи и усиленіи тѣхъ причинъ, которыя наиболѣе тому препятствуютъ.

Право и законовѣдѣніе существуютъ для народа и какъ бы ни были обширны и усилены орудія ихъ распространенія и усвоенія, адепты ихъ всѣхъ родовъ, считая и искусныхъ и не искусныхъ, всегда составляютъ 1 на 10,000 народа; ибо массѣ они всегда останутся недоступны, потому что масса эта все свое время отдаетъ труду и нуждѣ, при которыхъ юридическое воспитаніе невозможно. Мы очень озабочены судами губерній, судами милліона войска и 20 т. флота, это прекрасно, это достохвально; а знаете-ли вы, что 40. болѣе. 60 милліоновъ народа, въ самыхъ насущныхъ своихъ нуждахъ, въ повседневныхъ требованіяхъ не имѣютъ суда и расправляются или въ кабакахъ, сдѣлками чрезъ общую попойку, или на основаніи кулачнаго права. Чтò значить ваша морская капля наряда въ виду этихъ несудныхъ милліоновъ всего народа? И все это въ Россіи не туземно, всѣ эти Французскія и Нѣмецкія теоріи и формулы, протоколы, ревизіи, кассации и апелляціи *). Но мы имѣемъ и увѣнчиваемъ превосходныя сочиненія „Объ уликахъ“ по Нѣмецкимъ учебникамъ и „Освобожденіе крестьянъ“ въ какомъ-то Голштинскомъ уголкѣ Германіи, а порядочнаго изслѣдованія о судопроизводствѣ Русскомъ до-Петровской реформы мы не имѣемъ, не вызываемъ и вѣрно не желаемъ.

Къ упрощенію правосудія, по мнѣнію моему, ведутъ слѣдующія, встарь намъ нечуждыя, начала: 1, избирательность личнаго состава; 2, соединеніе разныхъ судей при совокупности подсудностей; 3, возможная устность; 4, широкая власть въ выборѣ наказаній—штрафы, арестъ, тѣлесныя наказанія, и 5, своего рода гласность общаго начала. Все это, конечно, въ самомъ несовершенномъ состояніи. Все это, подъ вліяніемъ другаго общаго начала: судья кормился судомъ. Если-бы эти на-

*) Замѣчательно, что лучшія мнѣнія, данныя о (Французскомъ) проэктѣ морскаго суда (г. Глѣбова), даны не юристами, напр. Буцковскимъ, воспитавшимся въ инженерномъ училищѣ, Громеки, изъ военно-учебныхъ заведеній.

чала постепенно и постоянно вырабатывались, мы имѣли бы, можетъ быть, судопроизводство менѣе неудовлетворительное и во всякомъ случаѣ имѣли бы менѣе нужды и привычки мѣнять его и при всякихъ перемѣнахъ обращаться къ образцамъ иноземнымъ.

Предположеніе капитала Крузенштерна о разработкѣ Печерско-обскаго края, вслѣдствіе нерасположенія Государственнаго Совѣта, не принято и, по обыкновенію, затянулось. Ему вѣрно предложить нныя условія, и на основаніи ихъ онъ, т. е. Нелидовъ и Латкинъ, его товарищи, измѣнили прежній планъ и ограничились одними торговыми видами. Ихъ прежній планъ имѣлъ цѣлю водвореніе и развитіе населенія и промышленности въ этомъ пустынномъ краѣ, заведеніе тамъ техники, введеніе общежитія и учрежденій управленія, путей сообщенія, плаванія и безопасности. Теперь они просятъ 360 т. деревъ, отъ 8 до 30 арш., въ теченіе 12 лѣтъ, по уменьшенной платѣ и только въ Печерскомъ краѣ. Я не могъ согласиться при этомъ на то, что такъ прежде отстаивалъ: на предоставленіе имъ *исключительности* рубки. Крузенштернъ заслуживаетъ поощренія. Гласные отзывы (Ж. М. Госуд. Им. Декабрь) приписываютъ ему честь открытія Печорскихъ устьевъ, Болванской гавани для иностранныхъ кораблей и первой продажи Печорскаго лѣса. Онъ изучилъ и изслѣдовалъ край, какъ аматёръ и ученый. Онъ сдѣлалъ затраты и положилъ много труда. Но во 1-хъ, затраты не такъ велики и о цифрѣ ихъ нѣтъ рѣчи; во 2-хъ, ему уже два раза предоставлялась рубка безденежно; въ 3-хъ, ему и нынѣ предоставляется рубка по уменьшенной цѣнѣ противъ таксы уже пониженной Палатою; въ 4-хъ, ему извѣстна мѣстность, и ему принадлежитъ сподручность мѣстныхъ способовъ, и въ 5-хъ, должно полагать, что онъ дѣйствовалъ по указаніямъ и при содѣйствіи „иностраниаго агентства“, которое зафрахтовывало корабли для нагрузки Печорскаго лѣса въ Болванской гавани. Это выставяетъ новый предпріятель, Сальковъ, предлагающій совершать операціи по Печорѣ и Оби на общихъ условіяхъ и съ платою всей цѣны по таксѣ.

По этимъ соображеніямъ я отступился отъ прежняго мнѣнія и, не давая товариществу права исключительности, полагаю однако предоставить ему рубку по уменьшеннымъ цѣнамъ палатской таксы. Я согласенъ, что исключительность въ дикомъ Печерскомъ краѣ, въ продолженіи 12 лѣтъ, не составила бы монополіи и не думаю, чтобы вызовъ Салькова представлялъ опасеніе относительное, но полагаю, что Крузенштернъ, получивъ что могъ, не имѣетъ права на исключительность, предполагая дѣйствовать въ однихъ коммерческихъ видахъ товарищества,

А вотъ и указъ о возвышеніи податей*). Какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня, члена комиссіи объ улучшеніи системы податей, гдѣ я заявилъ письменно, что и существующія подати, въ соединеніи съ разными сборами и поборами, не легки для народа: онъ просить убавки. Тяжесть подати явствуется уже и изъ того, что въ поступленіи ея всегда оказывается недоимка—этакъ милліоновъ въ 240 франковъ, и что подать, по выраженію мѣстныхъ начальствъ, „выбивается“. Ни круговая Татарская порука, ни Муравьевскій Татарскій способъ взысканія, не помогаютъ. А мы увеличиваемъ подать, исчисляемъ, публикуемъ огромный листъ во всѣхъ газетахъ. Какое впечатлѣніе произведетъ это на массу публики? Не стѣснить-ли это законныя сдѣлки не любящія дорогого штемпеля? Не спутаеги-ли это оклады и безъ того запутанные? Если справедлива пословица: не бойся суда, а бойся судьи, то не менѣе справедливо и то, что и при нетяжкихъ сборахъ тяжелъ сборщикъ. Да и много-ли выиграетъ казна отъ этого возвышенія? Говорить, 7 милл. Я думаю, гораздо болѣе; но и большая цифра, что это значить? Поправить-ли она наше денежное разстройство? На какія-такія государственныя нужды недостаеги вамъ денегъ? Неужели расточительность не должна остановиться у крайнихъ предѣловъ? Или возвышеніе ваше не велико—къ чему же вы тревожили народъ? Или оно велико,—тогда на что вы рассчитываете? Есть мнѣніе, что настоящій указъ устраняетъ подать на имущества землевладѣльцевъ (земли и усадьбы) помѣщиковъ; но на чемъ же это мнѣніе основывается?

Нашъ молодой финансистъ Ламанскій разослалъ записку о мѣрахъ къ устройству денежной системы (курса и монетной единицы). Надобно бы составить записку о мѣрахъ водворенія у насъ здраваго смысла. Непримирима татарщина съ европеизмомъ. Безъ послѣдняго мы бы давно исчезли или распались какъ многія, подобныя намъ Азіатскія монархіи. Прежде насъ соединяла вѣра, теперь централизація.

Новый министръ просвѣщенія, Головиннъ дѣйствуетъ въ самомъ либеральномъ духѣ. Онъ предполагаетъ дать преподаванію и печати широкую свободу, дозволивъ публичное чтеніе вездѣ и всѣмъ и ограничивъ сочинителей и издателей репрессивною цензурою. Все это прекрасно, но видна какая-то канцелярская замашка въ этихъ широкихъ мѣрахъ. Свободу чтенія онъ основываетъ на правилахъ 1841 г., а свободу печати на отсутствіи цензуры предупредительной даже въ

*) Дѣло это началось и кончено въ Комитетѣ Финансовъ, гдѣ дѣльцами великій князь Константинъ и ст.-секр. его Рейтернъ. Оттуда оно внесено въ общее собраніе Совѣта, гдѣ писанъ и самый указъ.

Австріи. Конечно. Но все это примѣнимо при иныхъ формахъ; при нашихъ учрежденіяхъ свобода преподаванія и печати есть явный водорывъ порядка и власти. Вообще мы потеряли и хозяйственный, и правительственный порядокъ и финансовую, и политическую единицу. Отъ деспотизма единоличнаго мы готовы перейти къ деспотизму вселичному и думаемъ о возможности ихъ совмѣстности.

Не совсѣмъ основательно оставляемъ мы безъ всякаго вниманія (сколько мнѣ впрочемъ извѣстно) учрежденіе папою Пиемъ IX восточной пропаганды. Это учрежденіе совершенно новое, хотя ему и дается видъ прежняго, старой конгрегации. Въ настоящее время, при религіозномъ равнодушіи, при безсиліи правительственнаго начѣла и особенно при возрастающемъ свободномъ распространеніи идей, знаній и мнѣній, партія Гагарина-Печерина и проч. можетъ имѣть такое же вліяніе, какъ и Лондонская партія Герцена, а у насъ религіозное движеніе возможно, нежели гдѣ нибудь, какъ по низости уровня нашего вообще нравственнаго развитія, такъ въ особенности и по безжизненности нашихъ Византійскихъ ученій, при господствѣ которыхъ гр. Толстому, кн. Урусову и другимъ отцамъ церкви не сидится, и отъ так. наз. „*Православнаго Обзорнія*“ богослововъ Московской церкви. Булла папы 6 Января встрѣчена и огласилась въ Петербургѣ безъ всякаго впечатлѣнія.

Записка Евген. Даманскаго „Причины разстройства денежной кредитной системы и средства къ ея восстановленію“ ходитъ по рукамъ и возбуждаетъ толки. Если наша финансовая мудрость прежде состояла въ томъ, чтобы возвышать подати и налоги, печатать ассигнаціи и занимать, то теперь она начинаетъ проявляться пугаломъ банкротства, упадкомъ курса, лишеніемъ кредита. Чиновники министерства только и трубятъ о томъ, что мы пропали. Немудрено, что курсъ не поднимается и займы невозможны. Правительство не оглашаетъ бюджета (который оглашается уже и въ Турціи), а только пишетъ и печатаетъ записки о предстоящемъ кризисѣ, банкротствѣ. Поневогѣ повѣришь: За чѣмъ бы ему лгать на свой счетъ! А между тѣмъ если оно не лжетъ, то несомнѣнно, весьма преувеличиваетъ опасность, и зловѣщія глашатаи находятъ въ этомъ свою пользу.

Мѣры, предлагаемая Евг. Даманскимъ, существенно заключаются въ томъ: 1) чтобы прекратить выпускъ бумажныхъ денегъ, объявивъ объ этомъ торжественнымъ манифестомъ, 2) открыть обмѣнъ кредитныхъ билетовъ въ опредѣленные сроки и 3). равновѣсіе денежнаго рынка возложить на государственный банкъ, сдѣлавъ его общественнымъ и освободивъ отъ всякой зависимости и вліянія отъ финансоваго управленія.

Мнѣ кажется, что гг. Гагемейстеры и Ламанскіе увеличивают кризисъ. Дороговизна вещей доказываетъ, что деньги дешевы, а дешевы онѣ отъ непомернаго выпуска кредитныхъ билетовъ. Но причину безденежья, остановку въ движеніи сдѣлокъ, торговли и вообще рынка должно искать въ событіяхъ, какихъ не видывалъ свѣтъ и къ которымъ Россія не была приготовлена: общія реформы и въ ряду ихъ колоссальное крѣпостное дѣло и непомерное развитіе акціонерныхъ компаній. Первое стращаетъ кредитъ неопредѣленными ожиданіями, второе собрало деньги и бросило ихъ въ народъ. Капиталы демократизовались. Трудъ и все вздорожало. Производительность измѣнила направленіе, а при единовременности и срочности требованій на трудъ, онъ не только вздорожалъ, но и часто тратился и ошибался. По мнѣнію моему лучшей, если не единственный способъ исправленія нашихъ затрудненій, это экономія и постепенное изъятіе билетовъ до равновѣсія съ монетою, а потомъ, конечно, обузданіе правительства отъ увлеченій въ выпускѣ билетовъ замѣною ихъ билетами отвѣтственнаго банка.

„Сверная Почта“ Валуева, возбуждившая большія ожиданія первымъ номеромъ, не отвѣчаетъ этимъ ожиданіямъ, и я остаюсь при томъ мнѣніи, что она представитъ въ будущемъ еще болѣе поводовъ къ толкамъ и даже затрудненія для правительства. Въ литературномъ отношеніи она слаба, въ политическомъ безцвѣтна, а въ правительственномъ скучна. Канцелярскіе столбцы о спискахъ и о сокращеніи переписки едва ли и въ канцеляріяхъ найдутъ читателей. Двѣ статьи обратили вниманіе: о крестьянахъ Владимира Ржевскаго, о значеніи дворянства и о толкахъ его собраній, самаго Валуева. Современная печать и господствующія мнѣнія не удостоятъ ихъ сочувствія. Да и едвали здѣсь не болѣе словъ, нежели системы, не болѣе бѣглыхъ воззрѣній, нежели опредѣленныхъ, остановившихся убѣжденій. Замѣчательны постѣдующія статьи въ № 10 *о дворянствѣ*. Это отвѣтъ на 13 № „Дня“ Аксакова, который за эту статью о самоуничтоженіи дворянства подвергся было запрещенію, но Головинъ его отстоялъ. Статью въ № 18 о мировыхъ посредникахъ подписалъ К.; здѣсь такой укоръ журналамъ („навѣрное примуть сторону той же толпы“), что можно вызвать ихъ ополченія. „Сверная Почта“ разовьетъ у насъ партіи. Въ статьяхъ ея, по вліянію эпохи, много личнаго.

А вотъ и бюджетъ нашъ обнародованъ. Онъ изъ 19 № „Сверни. Почты“ перепечатанъ во всѣхъ газетахъ, и за распродажею всѣхъ экземпляровъ 19 № министръ распорядился напечатать таблицу эту отдѣльно по 5 к., чтобы удовлетворить напору любопытства и любознательности. Фактъ замѣчательный. Послѣ напечатанія таблицы на 1861 г. въ „Колоколѣ“ въ Лондонѣ, обнародованіе таблицы на 1862 г. не представляетъ,

по крайней мѣрѣ для насъ, никакого интереса. Но обнародованіе важно какъ огласка, какъ шагъ, и конечно, и независимо отъ контрольных преобразованій, къ улучшенію по крайней мѣрѣ формы, въ настоящемъ видѣ до крайности грубой. Но что же обнародовано? Страница, заключающая въ себѣ голый перечень. Столько мы знали и изъ Нѣмецкихъ и Французскихъ сборниковъ и даже изъ Готсбага Альманаха.

Существенное дѣло въ томъ, что и при усиліяхъ къ поощренію дѣятельности въ народѣ и при возвышенныхъ (30 Декабря) податяхъ, посреди мира, расходъ въ 310 м. р. не покрывается усиленнымъ приходомъ на 14,757,899 р., $72\frac{1}{4}$, и они отнесены къ „чрезвычайнымъ суммамъ изъ послѣдняго $4\frac{1}{4}$ займа“. Положеніе незавидное! Цифра расхода, 310,619,739 р. огромна; но ей можно вѣрить. Израсходуютъ и болѣе! Но я нахожу, что цифра прихода, 295,861,339 р. $27\frac{1}{4}$ к., еще огромнѣе, и сомнительно, чтобы она вошла сполна. Предусматриваемая недоимка въ сборахъ на 4 м. р. учетверится, если не удесятерится. По статьямъ: подушной подати 28 м., оброчной 25 м., питейной пошлины, 124 м., таможенной, 32 м., актовой и патентной, 17 м. р. нельзя не ожидать значительныхъ недоборовъ; ибо при дороговизнѣ, упадкѣ курса, общемъ стѣсненіи, и продажи, и купли, и всякія сдѣлки сократятся, а сборъ прямыхъ налоговъ у насъ всегда требовалъ особыхъ понужденій. Понужденія эти теперь слабы, и при безсиліи полиціи, общей и сельской, диктаторская власть посредниковъ едва ли наляжетъ на крестьянъ, поблажкою которымъ она теперь преобладаетъ.

Нужна экономія по крайней мѣрѣ на deficit. Въ платежѣ долговъ, 54 м., кажется, экономія невозможна. По вѣдомству двора, до 8 м. р., сокращеній ожидать нечего. Но по военному вѣдомству крупная цифра 132 м. р. несомнѣнно можетъ сократиться. Одинъ флотъ стоитъ болѣе $20\frac{1}{2}$ м. р., и по его же требованію номинальная плата тремъ обществамъ доходить до болѣе 2 м. р. Министерство Финансовъ съ своими операціями требуетъ 26,732,217 р., а пенсіи возросли за 13 м. р. Министерство Имуществъ стоитъ $2\frac{1}{2}$ м. р., гарантіи желѣзныхъ дорогъ $5\frac{3}{4}$ м. р. Какъ тутъ не найти экономіи!

Правительство сдѣлало прекрасно, обнародовать табель; но оно поступило очень неловко, обнародовать ее въ такомъ грубомъ видѣ, и въ этомъ-то грубомъ видѣ обнародовало, не пересмотрѣвъ ее хорошенько. Если оглашеніе сдѣлано для возстановленія заграничнаго кредита, то еще болѣе важный кредитъ внутренній отъ того не укрѣпится, а подкрѣпится ему нужно, и возвышеніе податей ведетъ не къ этой цѣли.

Пріятно жить въ эпоху подобныхъ преобразованій; но еще было бы пріятнѣе находить разумность и осмотрительность въ начинаніяхъ и сочувствіе, даже безъ особеннаго успѣха, къ мѣропріятіямъ.

Возвышеніе податей и обнаруженіе бюджета завершаютъ финансовый циклъ нашъ стараго порядка, и онъ требуетъ смѣны. Старый Княжевичъ оставляетъ министерство. И пора! Оно имѣло самую незавидную репутацію. Это мѣсто открытыхъ взятокъ и явныхъ взяточниковъ. Молодой человекъ, ст. секр. Рейтеръ принимаетъ управление*). Надобно ожидать преобразованій если не отъ него, то отъ вліянія великаго князя Константина. Я не думаю, чтобы преобразованія эти удалось, поспѣшность предположеній не обѣщаетъ рочательства; но они приведутъ къ лучшему, ибо измѣнять настоящей составъ, введутъ гласность и приблизятъ кризисъ, который развяжетъ узелъ. Онъ душитъ.

Не думаю однако, чтобы это поправило наше финансовое положеніе. Рейтеръ ни прежде, ни теперь не отличался ни способностями, ни званіемъ. Ему особенно не доставало характера. Онъ никогда не имѣлъ положенія ни въ администраціи, ни въ свѣтъ, ни въ литературѣ; онъ ничѣмъ не заявилъ себя. Онъ вышелъ и держится великимъ княземъ. Занимался бумагами старика Нессельроде, завѣдывать эмеритурою флота и обрабатывать положеніе 30 Декабря о возвышеніи податей и штемпельнаго сбора.

Дворянскія собранія, съ утратою политическаго значенія дворянства, получили огромное значеніе общественное, и пренія ихъ, болѣе нежели когда нибудь беспорядочныя, смѣлыя и неумѣренныя, распространяютъ въ обществѣ идеи гласности, представительства и конституціи. Другого толка я въ нихъ не вижу, ибо предложенные имъ министрами вопросы о банкахъ, о земскихъ повинностяхъ, о выборной службѣ, о выкупѣ, не подвинулись и не могли подвинуться посреди этихъ одностороннихъ, законныхъ толковъ, въ которыхъ отражаются оскорбленіе, полуобразованность и безтактность сословія, переставшаго существовать даже именовательно. Дворянство дѣлается служивымъ сословіемъ, не болѣе. Какъ бы ни поддерживалъ его Валуевъ („Съверн. Почта“ № 7 и 10), Павловъ и Чичеринъ („Наше Время“, Январь), по мысль Славянофиловъ-демократовъ („День“, № 13 и друг.), Асакова, Красевскаго („Спбр. Вѣдом.“) Усова, („Съверная Пчела“), въ основаніи остается непровергнутою. Правительство можетъ сдѣлать изъ него чтѣ

*) Все убѣждены, что здѣсь была питрига. Толкая всюду своихъ, великій князь довелъ Рейтерна въ самое непродолжительное время до статьи-секретарства и помѣстивъ членомъ совѣта министерства финансовъ, приготавливая въ министры. Княжевичъ сопоставилъ ему скромнаго Гагемейстера, увидивъ минуту сдѣлать и его ст.-секретаремъ. Въ Комитетѣ финансовъ вел. князь и Нессельроде забраковали Гагемейстера, назначивъ туда Рейтерна, а во время поѣздки въ Англію и Вѣну обвинили Гагемейстера въ нескромныхъ отношеній и стади его въ Сенатъ.

хочетъ, какъ дѣлаетъ оно города и даже столицы; но это значеніе будетъ основано не на природѣ и порядкѣ вещей, а на временныхъ соображеніяхъ политики, которыя завтра могутъ измѣниться и измѣнятся.

Корифеемъ Московскаго и Петербургскаго собраній былъ, въ дворянскомъ смыслѣ, д. с. с. Николай Безобразовъ. Онъ имѣлъ бы въ средѣ своей еще болѣе успѣха, если бы не былъ сыномъ стараго сенатора Александра Михайловича Безобразова и племянникомъ князя Орлова, да еще и зятемъ Сухозанета—лицъ, къ которымъ общественное мнѣніе всегда относилось съ явнымъ пренебреженіемъ. Осмѣянный въ Петербургскомъ общественномъ управленіи (отъ котораго онъ не хотѣлъ принять домовый данной, полагая, что это относится къ людямъ „средняго рода“), осмѣянный въ литературѣ за его брошюры, изданныя въ Берлинѣ, Безобразовъ уже самою личностію своею доказываетъ, что, съ отмѣною крѣпостнаго права, дворянство, дворъ, дворянъ и весь старій помѣщичій, дворскій порядокъ отжили свое время, и такіе защитники, какъ Безобразовъ, гр. Орловъ-Давыдовъ, графъ Вас. Бобринскій, Николай Жеребцовъ и tutti quanti его не поддержать.

Компанія эта желаетъ немногаго: междуусобной войны. Они желали бы пересмотрѣть положеніе 19 Февраля на основаніи Дворянской Грамоты, въ которой ни слова не упоминается о крѣпостномъ правѣ. Да кто же оспариваетъ прочіе пункты грамоты?

Прочелъ я Дармштадтскій процессъ о типографчикѣ Якоби, судимомъ за отравленіе жены. Отравка не подлежитъ сомнѣнію. Слѣдовательно (это слѣдовательно очень смѣло) Якоби виноватъ. Присяжные осудили, и судъ приговорилъ его къ смертной казни. Отвратительно, легкомысленно и глупо было поведеніе Якоби послѣ смерти жены, и при безусловномъ заключеніи медицинской науки виновность его не могла подлежать сомнѣнію; но я не рѣшился бы подвергнуть его смертной казни. Смерть есть предѣлъ человѣческаго наказанія, а въ виновности Якоби есть мѣсто сомнѣнію, а въ преступности его есть мѣсто градаціи.

Сенаторъ Веймарнъ, генераль Кривцовъ и бар. А. Искуль, акціонеры разныхъ страховыхъ обществъ, спрашивали меня, не соглашусь ли я принять на себя званіе юрисконсульта обществъ по дѣламъ, въ которыхъ интересы ихъ сталкиваются съ полицейскими и судебными мѣстами. Отъ чего нѣтъ? Они сообщили мнѣ отчеты и нѣкоторыя дѣла обществъ, предполагая выбрать меня, если есть акціи, ревизоромъ. Это и разговоры съ ними дало мнѣ нѣкоторое, поверхностное, понятіе о внутреннемъ, канцелярскомъ ходѣ дѣлъ нашихъ Петербургскихъ обществъ, и это понятіе убѣждаетъ меня въ томъ, то здѣсь гнѣздятся самое явное равнодушіе къ интересамъ акціонеровъ, незнаніе дѣла директорами, про-

изволь сановниковъ и своекорыстіе управляющихъ и агентовъ. Я отлагаю выразиться опредѣленнѣе до ближайшаго ознакомленія съ дѣлами, но опредѣленно думаю, что если нельзя слишкомъ увеличить дивидентъ, всегда довольно удовлетворительный, то весьма можно уменьшить страхъ и страховку лучшею оцѣнкою, лучшимъ употребленіемъ городскихъ и казенныхъ вычетовъ и строгимъ преслѣдованіемъ поджоговъ. Для такой цѣли и при моей свободѣ я готовъ принять обязанность почти безмездно. Игра стоитъ свѣчь. Но не думаю, что я былъ бы persona grata для распорядителей и для полка ихъ исполнителей, пожирающихъ едва ли не все проценты основныхъ капиталовъ. Такъ велики расходы и такъ дорого департаментное учрежденіе управленій!

Я изучилъ взаимное страхованіе крестьянъ, которое желаютъ распространить и на города, въ 1857 г. и въ прошломъ году во Владимирской губерніи. Я находилъ, въ 1857 г., что премія въ $\frac{3}{4}\%$ недостаточна. Ее возвысили до 1%. Во Владимирѣ я нашелъ, что и этого мало. Казна понесла убытка въ одинъ годъ 2 м. р., но это не отъ недостатка цифры, а отъ безопасности и явныхъ подлоговъ въ оцѣнкѣ убытковъ*). И лучшее нежели наше управленіе государственныхъ имуществъ не приведетъ къ другимъ результатамъ. Казна самый дурной управитель и блюститель интересовъ. Изъ двухъ золь въ выборѣ юридическихъ личностей остается выбрать менѣе злое: общество, общество на акціяхъ. Сеть застрахованія можетъ обнять всю имперію, и я думаю, что дѣло пойдетъ лучше теперешняго.

Дѣло въ томъ, что пожары—наша хроническая болѣзнь.¹ Россія горитъ ежегодно, 10,000 пожаровъ въ годъ можно принять нормою, и на каждый пожаръ по 5 домовъ. Число пожаровъ можно уменьшить: уменьшать образованность и уменьшеніе лѣсовъ, такъ дешево расхищаемыхъ; но уменьшеніе объема пожаровъ должно быть при лучшемъ управленіи застрахованія, т. е. при лучшей распланировкѣ селеній и городовъ, сдѣлавшейся оброчною статью мѣстныхъ распорядителей, и при лучшемъ устройствѣ пожарныхъ учреждений, содержаніе которыхъ стоить во всякомъ случаѣ дороже прибыли отъ премій взаимнаго страхованія. Конечно общинное владѣніе землею у насъ ведетъ къ тому, что и взаимное страхованіе селеній и городовъ должно принадлежать вѣдомству казенному, но повторяю: изъ двухъ золь надобно выбирать наименьшее. Акціонерное общество лучше казеннаго управленія. Я бы

*) Въ частныхъ пяти обществахъ прибыль (конечно при высшей преміи) далеко превосходитъ расходы. По всемъ обществамъ по 1860 г. поступило премій 41,885,460 р. 10 к., а заплачено пожарныхъ убытковъ 23,451,459 р. 96 к. Роздано дивиденда 11,475,714 р. 28 $\frac{1}{2}$ к. См. подробности въ № 38 „Сѣв. Почты“ 16 февраля 1862 г. Еще болѣе подробное обозрѣніе въ той же „Сѣв. Почтѣ“ 27 февраля № 44.

даже рѣшился отдать страховой сборъ съ торговъ на откупъ, постановивъ условіемъ соревнованія процентъ премій, во всякомъ случаѣ, для жилыхъ и холодныхъ зданій, не выше 1⁰/₀. Операціямъ дать всевозможную гласность не одну періодическую, но современную, ежедневную, даже ежедневную, если день стоить дорого *).

Нельзя не замѣтить, что демократическая партія въ Европѣ вообще притихла. Кошута, Мадзини, Гюго, Ледрю-Ролленъ, даже Гарибальди почти не слышно. Вліяніе „Колокола“ Герцена и въ Петербургѣ едва замѣтно. Но это потому, что уступки, мирно имъ сдѣланныя и дѣлаемые, такъ велики, что едва ли и болѣе значительныя достижения, при бунтахъ и жертвахъ, могли быть завоеваны въ такое короткое время, и особенно потому, что демократія чувствуетъ, сознаетъ свою силу и сильная своимъ правомъ или quasi правомъ, спокойно ожидаетъ послѣдствій. И она дождется. Дождется прежде соглашенія Нѣмецкихъ правительствъ. Они и журналы много шумятъ, но мало дѣлаютъ.

По просьбѣ управляющаго Министерствомъ Юстиціи Замятина я теперь разбираю дѣло по обвиненію дворецкаго, Австрійца Зальцмана, въ причиненіи ему въ грудь пистолетомъ раны княземъ Львомъ Кочубеемъ. Оно рѣшено въ 5-мъ департаментѣ и по прошенію Кочубея пересмотрено въ общемъ собраніи. Дѣло важное, и сенаторы разблнсь

*) Въ 30 и 31 №№ „Сѣверной Почты“ помѣщена любопытная статья „объ общественныхъ пожарныхъ командахъ“, въ которой значатся слѣдующія числа: Страховая премія составляетъ отъ 1 р. 50 к. до 4 р. 80 к. (съ 1000 р. оцѣнки) съ каменныхъ и отъ 5 до 9 р. съ деревянныхъ строеній. Съ 1847 г. установленъ сборъ съ застрахованныхъ имуществъ по $\frac{3}{10}^0$ или 75 к. съ тысячи и въ круглыхъ цифрахъ этого сбора поступило: въ 1847 г. 75 т. р., въ 1848—167 т., въ 1849—173, въ 1840—193, въ 1851—199, въ 1851—212, въ 1853—225, въ 1854—229, въ 1855—236, въ 1856—251, въ 1857—275, въ 1858—345, въ 1859—427, въ 1860 въ 1861 . Всего по 1 Января 1860 г. поступило 2.706.460 р. и изъ нихъ израсходовано 1,415,130 р. и находилось въ остаткѣ—1.291,330 р. Расходовалась эта сумма на пожарную и полицейскую части сперва тѣхъ городовъ, въ которыхъ собиралась, а въ 1850 г. сумма сбора распредѣлялась вообще между городами, начиная преимущественно съ губернскихъ и торговыхъ. Но замѣчательно, что $\frac{2}{3}$ страхового имущества доставляли двѣ столицы и Одесса, гдѣ пожарная часть содержится на счетъ города, и нѣкоторые уѣзды (въ Московск. губерніи въ 1858 г. застраховано на 3.550.000 р.) давали болѣе чѣмъ города, а пользоваться сборомъ не могли. На эти деньги устроена пожарная часть въ 54 городахъ и содержится въ 33. Средняя цифра одновременнаго пособія городу составила 9,360 р., а ежегоднаго около 3.500 р.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, уменьшивъ страховой сборъ, предполагаетъ, отмѣнивъ его совершенно, предоставить пожарную часть обществамъ, по примѣру Осташкова, Либавы, Митава и др. Остзейскихъ городовъ. Я въ этомъ сомнѣваюсь. Маленькій Осташковъ не примѣръ, и тамъ это дѣло ведется семействомъ Савинныхъ, а мѣщане наши ничего не имѣютъ общаго съ бюргерами и автономіей Остзейцевъ.

на три группы: 10 человекъ признають обвиненіе вымышленнымъ и совершенно освобождаютъ Кочубея отъ дѣла. 9 человекъ соглашаются съ рѣшеніемъ департамента, который не подвергаетъ Кочубея отвѣтственности по недостатку доказательствъ, и передаетъ Богоявленскаго, его повѣреннаго, суду за ложный извѣтъ на Зальцмана въ причиненіи раны самимъ имъ для обвиненія Кочубея. 8 человекъ находятъ невозможнымъ, по нарушенію законовъ слѣдователями, постановить рѣшительное заключеніе, которое изъ обвиненій правдоподобно. Судопроизводство этого дѣла представляетъ все недостатки нашего уголовного процесса, и сенаторы противорѣчатъ другъ другу на каждомъ шагу, находя одни, что это такъ, а другіе, что это не такъ. Смѣшеніе старыхъ понятій съ новыми (инструкція судебнымъ слѣдователямъ, 1860 г.). Вѣрованіе въ обрядность и проявленіе необходимости въ нравственныхъ убѣжденіяхъ. Событіе заключается въ томъ, что Зальцманъ 13 Юня 1853 г. явился въ часть съ дымящеюся на груди (возлѣ сердца) раной и объявилъ, что въ него выстрѣлилъ князь Левъ Кочубей. Кочубей, его управляющій и все люди объявили, что Зальцманъ съ Кочубеемъ не видался и что онъ, на площадкѣ лѣстницы, нанесъ себѣ рану самъ. Слѣдствіе производилось съ преклонностію къ Кочубею, и обвинитель сдѣлался не только отвѣтчикомъ, но и подвергнутъ аресту, а обвиняемый даже не спрошенъ обстоятельно, не былъ на очныхъ ставкахъ и самое дѣло поручить вести управляющему своему Богоявленскому. Этотъ Богоявленскій такъ тянулъ и путалъ дѣло, что оно едва рѣшено въ 1858 г. и теперь пересматривается. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что рана есть, рана, по удостовѣренію (которое не дѣлаетъ чести судебной медицинѣ отсутствіемъ точности) медиковъ, въ числѣ которыхъ и Буяльскій, и особенно по отзыву знаменитаго хирурга Пирогова, весьма важна и опасна, будучи на 8 ребрѣ, глубиною въ 1¹/₄ дюйма. Не могъ же человекъ нанести себѣ такую рану для обвиненія въ томъ другаго! Да и рана имѣетъ направленіе отъ правой стороны къ лѣвой; развѣ Зальцманъ дѣйствуетъ лѣвшой? Но и Зальцманъ не внушаетъ къ себѣ довѣрія. Пройдоха этотъ назывался Австрійскимъ лейтенантомъ, не бывъ никогда въ службѣ, основывая ее на актахъ, которые будто бы посланы въ Нанси. Ничего этого не подтвердилось. Самая претензія въ неуплатѣ ему Кочубеемъ 875 р. не имѣетъ точнаго основанія и опровергается формальными росписками. Замятнинъ просилъ меня разсмотрѣть это дѣло, потому что оно очень громко, и конечно рѣшеніе обнародуется въ „Колоколѣ“ Герцена. Онъ уже и теперь называетъ Кочубея не иначе, какъ *стрѣлокъ*.

Не понимаю дѣйствій Кочубея и Богоявленскаго, если они правы, но рѣшительно выражусь по изученіи дѣла. Одною однако не могу не

замѣтитъ: въ продолженіи всего дѣла Зальцманъ ни разу не далъ показанія, котораго бы потомъ не дополнилъ или не измѣнилъ. Ему вѣрять нельзя. А съ другой стороны, повѣренный князя Кочубея, чиновникъ Богоявленскій дѣласть все, чтобы замедлить и запутать дѣло, и подаваемые имъ кляузныя извѣты принимаются судами и Сенатомъ и волочатъ дѣло до 1859 года. Теперь его можно разсматривать покойно; Зальцманъ въ Парижѣ, Кочубей въ Диканькѣ. прошло восемь лѣтъ.

*

Крамоза всюду, инстинктивная, добросовѣстная и безсовѣстная. 20 Февраля принцъ, братъ Наполеона, наговорилъ столько вызывающихъ дерзостей, столько непоследовательностей, что рѣчь его назвали знаменемъ младшей линіи противъ старшей. Здѣсь полезнаго только то, что императоръ не будетъ въ отвѣтъ за журнальныя увлеченія своего родственника.

Жалки пренія Французскаго Сената. Оробѣвшіе и униженные ораторы парламента не въ состояніи возвысить свободнаго голоса, не въ силахъ подняться надъ мелочными расчетами партій, живущихъ одной памятью и изоцряются въ восхваленіяхъ императора, который, чувствуя напоръ, готовъ бы выразить удовольствіе, если бы поднести ему и менѣе рабскій адресъ. Незавидное положеніе государственнаго смысла между дерзостію и подобострастіемъ.

Этого не видно ни въ Германіи, ни у насъ. И въ Германіи и (сколько можно) у насъ демократическое направленіе выражается яснѣе, мощнѣе и шире. Такъ вопросъ о дворянствѣ, возбужденный въ Москвѣ,—гдѣ „День“ приглашалъ его къ самоуничтоженію à l'instar de 4 Août, а „Наше Время“ придавало ему мнимые элементы, органъ правительства „Сѣверная Почта“ объявилъ о самоуничтоженіи и неизмѣннѣ политическаго значенія, что „не таковъ взглядъ на это правительство“. А теперь, 17 Февраля, „СПбргскія Вѣдомости“, въ ст. 1-й выражаютъ категорически, что и на основаніи мнѣнія Б. Чичерина (въ „Нашемъ Времени“) дворянство, какъ сословіе, не существуетъ, и существованіе его было бы только препятствіемъ развитію стройнаго порядка. Эту статью приписываютъ внушенію в. князя Константина и перу Головинна. Хорошо. Но за чѣмъ же правительство тутъ? И кто же его опровергнетъ? Другое правительство?

Журналъ „День“ такъ и называется на запрещеніе. Вообще печать такъ мало сдержана и спокойна, что, узнавъ объ этомъ изъ Парижа (*Revue de deux Mondes**), Русскіе князья и княгини въ зимнемъ дворцѣ

*) Книжка 15 Января 1862. *La Russie sous l'emp. Alexandre II par Charles de Masade*. Статья обстоятельная, справедливая и безъ увлеченій. Для насъ новаго въ ней ничего нѣтъ. Сочинитель недостаточно выразилъ слабость правительства и не объявилъ

повторяютъ: *voilà ce qu'on écrit chez nous!* А между тѣмъ, въ настоящее время желательнѣе бы было поменѣе поводовъ раздраженія, ибо и безъ нихъ крестьянская вольность принимаетъ такой оборотъ, что можно отчаяваться въ способностяхъ нашихъ влиятельныхъ министровъ устроить дѣло, какъ желали и предполагали. Работы идутъ дурно, доходы уменьшились, порядокъ покоится на уступкахъ мировыхъ посредниковъ и дворянство—или *soit disant telle*—едва свѣдало по счетамъ, что оно обобрано. должно узнать, что оно уничтожено. Немудрено, что оно начинаетъ крамольничать и въ адресахъ собраний выражаетъ желанія, которыя, будучи непріятны правительству, весьма можетъ статься, что вредны будутъ и дворянству.

Сегодня привезли и посажены въ крѣпость Бакунины съ преданіемъ суду Сената, мировые посредники (братья Лондонскаго агитатора) и 12 др. Тверскихъ дворянъ за какое-то буйное постановленіе, и слѣдствие о немъ возложено на госуд. контролера Анненкова, при которомъ посланы оберъ-прокуроръ Семеновъ и секретари Сената.

*

Сегодня на литературномъ вечерѣ въ пользу недостаточныхъ литераторовъ (за кулисами, говорятъ, ссыльно-каторжнаго Михайлова), поэтъ Некрасовъ читалъ свое стихотвореніе и стихи своего друга (Михайлова), а профессоръ Павловъ—„Тысячелѣтіе Россіи“. Чтеніе Павлова исключительно было рассчитано на эффектъ и на самопожертвованіе. Я очень сомнѣваюсь въ учености г. Павлова и потому понимаю, что онъ гоняется за популярностію и при непрочности ея у насъ переходитъ отъ одного неуспѣха къ другому. Говорятъ, что онъ уже арестованъ и ссылается въ Усть-Сысольскъ: поспѣшность и крайность въ обычаяхъ нашего слабаго правительства. Изгнаніе развило Костомарова, изгнаніе будетъ полезно и Павлову. Если здѣсь умѣстно сказать, что цѣль не оправдываетъ средствъ, то нельзя не сказать и того, что Павловъ достигъ желаемого. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ онъ имѣть въ виду, рѣшаясь говорить рѣзко, дерзко, слушателямъ, между которыми по крайней мѣрѣ половина, т. е. 1000, ожидали услышать чтеніе литературное или ученое? Въ наше время подобныя явленія не рѣдкость. Но правительству не должно забывать, что въ наше время желаютъ законности и что Николаевскія ссылки и заключенія изъ частныхъ случаевъ выро-

причинъ этой слабости. Правительство Николая зазналось и сдѣлало великую ошибку: оно, не приготовясь, бросилось въ войну и постыдно проиграло восточное дѣло. Отъ осрамленной дерзости и постыднаго пораженія оно бросилось въ уступки: ослабило дисциплину (цензуру), издало манифестъ 26 Августа и рескрипты 20 Ноября 1857 (19 Февраля 1861). Избравъ столько путей, оно естественно не можетъ идти по всѣмъ и остановилось въ раздумьѣ, а событія идутъ, толкая и сбивая его,

стають въ общія, такъ что я вовсе не удивлюсь, если за Тверскихъ посредниковъ заступится все Тверское дворянство, а за Павлова всѣ Петербургскіе литераторы. Начнутъ манифестаціи, протесты.

Правительство, и очень давно, озабочено составленіемъ цензурнаго устава. Головининъ и Валуевъ предполагають ввести цензуру репрессивную. Едва-ли они знаютъ что предполагають. Репрессія или произволъ (если хотите ей дать въ основаніе законность) есть невозможность. Правительство предоставило литературѣ и журналистамъ свободу преждевременно. Ему слѣдовало сперва организовать управленіе, внести въ него сперва элементъ гласности и независимости, потомъ открыть дорогу гласности частной. Оно сдѣлало на оборотъ и вошло теперь въ такое безвыходное положеніе, что исходъ возможенъ только предоставленіемъ конституціи или безпрестанными смутами. Да и надобно бы подумать объ организаціи гласности. Это—сила, которая безъ организаціи дѣйствуетъ или бесплодно или разрушительно. Здѣсь необходима дисциплина, необходимо сосредоточеніе, необходимо управленіе, т. е. самоуправленіе, совѣтъ гласныхъ отъ науки, литературы, журналистики, книгопродавцевъ и типографій. Цензъ ввести здѣсь не трудно: условія осязательны. Я написалъ объ этомъ князю Д. Оболенскому, который въ переговорахъ съ Головининымъ*).

*

Внутреннія и внѣшнія дѣла развертываются все шире и напористѣе. Гарибальди началъ свои триумфальные объѣзды и организацію народныхъ стрѣлковъ, а Русскіе мужички и дворяне продолжаютъ свои притязанія. Въ имѣніи Пушкина, с. Безднѣ, опять бунтуютъ. Бунтуютъ, говорятъ, вездѣ, гдѣ генералы усмиряли въ лѣтс 1861 года. Бунтуютъ всѣ. Правительства безпрестанно мѣняются, династіи запасаются удѣлами. Доселѣ власть спасалась уступками и незапною строгостію. Плохой признакъ. Демократія отличается требовательностію и постоянствомъ цѣлей. У насъ она пріобрѣтаетъ сильнаго заступника въ лицѣ великаго князя Константина, который *de facto* первый министръ и по болѣзни Блудова начальникъ законодательства. Онъ сажаетъ министровъ, своихъ статсъ-секретарей; онъ предѣдатель всѣхъ комитетовъ и совѣтовъ, и

*) Я читалъ печатную записку чиновника М. В. Д. Влад. Фукса о цензурѣ, составленную по актамъ и съ проектомъ новаго устава въ смыслѣ карательной или репрессивной системы. Записка очень поверхностна, а могла бы быть чрезвычайно любопытна, если бы извлеченіе представило факты и тѣ усилія, съ которыми боролась и пробивалась наша бѣдная литература. Любопытна и замѣчательна записка (въ приложеніи) литераторовъ. Должно полагать, что ее писали Краевскій и Кавелинъ. Они требуютъ исключительной ответственности редакторовъ и приводятъ забавные факты, особенно о цензорахъ специальныхъ.

въ народѣ и въ большой публикѣ онъ настоящій правитель государства. Тѣ, которые видѣли въ немъ Орлеанскую линію, должны немного разувѣриться; ибо, неся бремя правленія, онъ несетъ и отвѣтственность. Путь либеральныхъ реформъ, имъ избранный и проводимый, заслуживаетъ признательности; но дѣло въ томъ, что я здѣсь вижу болѣе игру, интересъ личности, нежели живое сознаніе права и справедливости. Онъ, по отцу, преданъ идеѣ внѣшняго порядка, законности исключительной. При малѣйшемъ противорѣчій онъ оборветъ, какъ умѣютъ и могутъ обрывать только Европейскіе, изощренные деспоты; при малѣйшей неудачѣ онъ способенъ на реакцію, если при этомъ личность князя не утрачивается. Да, если будетъ конституція, то, конечно, онъ готовъ разыграть и Орлеана.

Гласность наша еще продолжается. Головнинъ сдѣлалъ еще шагъ—отмѣну особенныхъ цензоровъ разныхъ вѣдомствъ. Министерство иностранное, снимая съ себя отвѣтственность солидарности, тѣмъ представляетъ журналистамъ всякую свободу, и наши политическія статьи конечно ею пользуются. Я понимаю свободу теорій въ политикѣ, даже въ администраціи, въ наукахъ и идеалахъ. Правительство обновляется и подняло преобразование общественнаго быта народа; но я не понимаю свободы скандала и цинизма, которыхъ выраженіемъ служить журналъ „Современникъ“ и во главѣ его Чернышевскій. Не то чтобы эгоизмъ и интересъ денежный въ глазахъ моихъ не были достаточнымъ основаніемъ къ объясненію того или другого скандала, искаженія, брани и ругательства. Сенковскій давно пріучилъ насъ къ этому, и Аскоченскіе и Старчевскіе и „Искры“ и „Гудки“ и проч. и проч. меня нисколько не удивляютъ. Меня занимаютъ увѣренность, смѣлость, дерзость личная, индивидуальная, себя именующая, какого нибудь Чернышевскаго, который не обинуясь катаетъ и валяетъ, приписывая себѣ и степень значенія, и долю вліянія на литературу, на общество, на государство. Стало быть, партія сильна, если возможна такая увѣренность. Такая же увѣренность проявляется и въ Славянофильской партіи „Дня“, которая отъ доктрины социалистовъ отличается тѣмъ, что собственно не имѣетъ никакой доктрины. Всему виною анархія.

Я прочелъ „Отцы и Дѣти“ Тургенева. Прекрасный, мягкій умиряющій талантъ видѣнъ въ новомъ романѣ во всемъ блескѣ. Но едва-ли правильно выражены и отцы съ ихъ принципами и дѣти съ ихъ принципами. И отцы и дѣти выставлены пустоватые и глуповатые. Особенная угловатость Евгенія Базарова и кой-какія выходки автора заставляютъ думать, что цѣль его представить въ смѣшномъ видѣ молодое поколѣніе, готовое все отрицать и ломать, одержимое лихорадочною жаждою дѣла. Но краски переложены, и Базаровъ не только не вну-

шаетъ ни любви, ни ненависти, которую онъ породилъ въ Англоманѣ Кирсановѣ, но возбуждаетъ негодование, отвращеніе къ пошлостямъ, дикости и цинизму его, такъ что, допуская возможность овладѣнія имъ прекрасной натурой Аркадія и высокимъ характеромъ Одинцовой,—спрашиваешь: ужь вѣроятнѣе-ли этотъ типъ? Не пересолили-ли плохой любитель эмансипаціи портреты его, Ситникова, Кукшиной и ея Гедельбергскихъ студентовъ. Симпатичны старики Базаровы и Катя. Особенно хороша мать, допытываясь у мужа о болѣзни сына: „да чтѣ съ нимъ?“ Граціозна и Катя, думая про себя, что Аркадій будетъ у ея ножекъ. Отдѣлка романа мастерская; но нельзя не замѣтить, что отецъ Кирсановъ иногда сдается на Манилова, а дуэль Англомана—на Ал. Дюма.

Графъ Толстой, рекомендовавшій гр. Панину Топильскаго, рекомендовалъ ему въ 1856 г. и молодого своего сотрудника по ополченію, правовѣда Н. Суцова. Онъ находилъ, что у него самая „консервативная логика“. Назначенный въ правители канцеляріи, Суцовъ сталъ твердо дѣйствовать ловко и пріобрѣлъ такое вліяніе, что товарищъ министра, не исполнивъ обѣщанія о какомъ-то назначеніи, отозвался: „чтѣ жь мнѣ дѣлать, Суцовъ не хочетъ“. Суцовъ женился на дочери генерала Козлова, родственницѣ Зиновьевыхъ и нашелъ себѣ опору у Креза и при дворѣ. Онъ жилъ роскошно и получилъ значеніе не только въ министерствѣ, но и на дворянскихъ собраніяхъ и въ Обществѣ пароходства и торговли. Я его совершенно не знаю и слышалъ только ропотъ и жалобы на его пристрастныя и произвольныя дѣйствія отъ прежнихъ сотоварищей оберъ-прокуроровъ. Сегодня или вчера гр. Панинъ приказалъ ему оставить министерство. До сіятельнаго графа дошли свѣдѣнія о какомъ-то предосудительномъ поступкѣ Суцова въ Одесской конторѣ Общества, напоминающемъ поступокъ К. М. Полторацкаго въ Ярославскомъ приказѣ (того самаго Полторацкаго, котораго имѣніе оцѣненное въ 2 т. р., продавалось на удовлетвореніе долговъ его въ 200 т. р.). Я ему не удивляюсь: своекорыстіе, воровство, захваты, все это въ наше время на дневной очереди. Я не удивляюсь и тому, что мошенничаютъ правовѣды. Молодежь эта совершенно не выдержана и скоро, не находя средствъ къ удовлетворенію непохѣрно возбужденныхъ притязаній, бросается на смѣлыя и не совѣмъ законныя предпріятія. Такъ поступилъ Байковъ „увлекшійся въ каску общества „Сельскій хозяинъ“, такъ кн. Оболенскій въ Волжской дорогѣ, такъ подъ руководствомъ Анненкова (еще государственнаго контролера!) поступили фонъ-Дервизъ и Жакелень въ Саратовской дорогѣ, такъ поступили вѣроятно Гаспарини и Суцовъ по пароходству и торговлѣ. Я этому не удивляюсь, ибо понимаю; но я удивляюсь, какъ гр. Панинъ остается

при прежней, замкнутой своей системѣ, тогда какъ несостоятельность ея обнаруживается на каждомъ шагѣ, передъ его глазами.

Говорятъ, Филаретъ Московскій, оканчивая восьмой десятокъ, удаляется на покой, чтобы исключительно посвятить себя молитвѣ за спасеніе Россіи. Въ прошломъ году, замѣтивъ матеріалистическое ученіе въ „Современникѣ“, въ 9 книгѣ „Свѣточа“ „Петръ I, какъ юмористъ“, гдѣ „литература вдругъ оскорбляетъ, и религію, и нравственность, и царскій домъ...“ и въ „Сѣверной Пчелѣ“ № 256, гдѣ сочинитель находитъ, что „въ точныхъ словахъ Христа Спасителя нѣтъ логичности мысли“, знаменитый іерархъ нашель и предписалъ Московской церкви: „понеже умножились грѣхи наши и наипаче требуется покаянная и умиленная молитва“, почаще читать извѣстную молитву „о еже милостиву и благоувѣтливу быти благому и челоувѣколюбивому Богу нашему, отвратити всякій гнѣвъ на ны движимый и избавити насъ отъ належащаго и праведнаго Своего прещенія и помиловати насъ“. Объясненіе это напечатано въ Январской книжкѣ „Душеполезнаго Чтенія“.

А вотъ въ Дуэ и процессъ „мошенника“ Миресъ. Я буду слѣдить его. Это одинъ изъ обыкновенныхъ и тѣмъ болѣе замѣчательныхъ симптомовъ вѣка, который, и съ правомъ гласности, вопить о правѣ огражденія болѣе дѣйствительнаго. Хорошо огражденіе, допускающее такое наглое мошенничество. И странное дѣло, мошенничество это можетъ найти, находить и найдеть, если не оправданіе, то снисхожденіе, соглашеніе, сдѣлку съ совѣстью, съ убѣжденіями, съ правдой. Дѣло въ томъ, что дѣйствующее право уступаетъ новому, а это новое не организовано, не опредѣлено, не положительно. Но надобно же уважать дѣйствующее. а Дуэ его попираетъ, смѣшивая залогъ, довѣріе съ отчужденіемъ и оправдывая мошенничество приѣмами (будто) обычая *).

Нѣтъ вѣроятности, нѣтъ неправдоподобія, которому бы не вѣрили. Старѣющій графъ Блудовъ уходитъ. Предѣдателемъ дѣлается в. князь Константинъ, и съ нимъ, по выраженію двора и помѣщиковъ, восходитъ партія красныхъ, готовая на самыя крайнія преобразованія. И представительность, и равноправіе передъ закономъ, и гласность. Все разрабатывается теперь и все будетъ готово къ празднованію тысячелѣтія 26 Августа. Смотри на дѣло рационально, едва-ли и можно ожидать положительной пользы частныхъ улучшеній. Но есть-ли элементы для этихъ учреждений? Главный нашъ недостатокъ—бѣдность и необразованность третьяго сословія. Правда, оно увеличивается и довольно

*) Я надѣлся, думать, но не ожидать, что министръ юстиціи вступитъ и перенесетъ дѣло, въ видахъ закона и нравственности, въ кассационный судъ. Онъ перенесъ. См. его предписаніе и реквизицію Дюпель, полную сарказмовъ, въ Іюньскихъ номерахъ журналовъ.

быстро; правда, въ средѣ его есть молодежь развитая, просвѣщенная. но все это во первыхъ такъ мало, что едва достаточно для столицъ, и во вторыхъ все не сословіе, ибо не имѣеть ни постоянства, ни преданія, и потому такъ шатко, такъ мало освоено съ практическою жизнью и съ государствомъ. что отъ вліянія этого класса (или лучше этого поколѣнія) можно ожидать всякихъ увлеченій, даже проказъ. Молодость и новыя личности любятъ оригинальничать и геніальничать. Молодая гласность и литература наша служатъ тому доказательствомъ. Онѣ пробавляются скандаломъ и цинизмомъ. Тоже вѣрно и въ учащемся юношествѣ, въ которомъ шалости принимаютъ отвратительный видъ, какъ напр. въ 11-й гимназій, гдѣ ученики осквернили алтарь, забравшись на престолъ съ папиросами. Главный недостатокъ нашихъ преобразованій незрѣлость, непослѣдовательность и отрывочность. За примѣрами ходить не далеко. Я не буду говорить ни о крѣпостномъ правѣ, ни о тарифѣ 1857 г. Я сойду пониже, къ дѣламъ болѣе спеціальнымъ. Въ 1860 г. учреждены судебныя слѣдователи, въ 1861 г. полицейскіе судьи для политическихъ манифестацій. Не надобно было дара пророчества, чтобы предсказать не только ихъ безуспѣшность въ ожидаемой степени ихъ пользы, но даже запутанность. Я это говорилъ и указывалъ Стояновскому и Гауеру. И чтѣ же? Корпусъ слѣдователей далеко не оправдываетъ возложеннаго на нихъ довѣрія. Я видѣлъ ихъ и дѣла ихъ во Владимирской губерніи. Циркуляръ Московской палаты доказываетъ, что тамъ (да не только тамъ) превратно толкуется сила присяжныхъ показаній. Но теперь Государственная Канцелярія идетъ далѣе: она въ существѣ измѣняетъ положеніе 1860 г. и изъедеетъ слѣдователей изъ состава и зависимости судовъ. Полицейскіе суды такъ начали хозяйничать, что генераль-губернаторъ кн. Васильчиковъ циркулярно огласилъ, что они осуждаютъ и заочно и безъ доказательствъ.

Въ этихъ видахъ назначеніе великаго князя Константина нельзя не назвать важнымъ событіемъ. если онъ установитъ единство и послѣдовательность. Этого можно ожидать. Окруженный *своими* министрами: Головиннымъ, Рейтерномъ, Оболенскимъ, Мансуровымъ, Милютиннымъ и проч., онъ можетъ дать единство—по крайней мѣрѣ—воззрѣніямъ.

По городу ходятъ самыя дикіе слухи. На улицахъ, въ полкѣхъ и въ самомъ Зимнемъ дворцѣ подкидываютъ „Великоросса“ съ самымъ возмутительнымъ воззваніемъ противъ династіи, правительства и дворянства. Государь у заутрени былъ грустенъ и мраченъ. Обѣщаютъ новыхъ воззваній къ купечеству о возвышеніи цѣнъ и къ крестьянству о прекращеніи работъ. Принимаютъ мѣры, чтобы и вино дорожало. Рассказываютъ, что Штиглицу удалось заключить заемъ по 7^о, но съ тѣмъ, чтобы, подобно Турціи, мы признали право надзора за его упо-

требленіемъ. О добродушіи Государя, о его охотахъ и оргіяхъ обращаются сотни анекдотовъ. Говорятъ, открытъ „Великороссъ“. Статьи „Акціонера“, „Дня“, „Современника“ въ усь не дуютъ власти. Разговоры не обращаютъ вниманія даже на присутствіе лицъ. Иностранные памфлеты и пасквили ходятъ невозбранно. Воззванія „къ офицерамъ“ разсланы по городу, подкинуты въ Зимнемъ дворцѣ, въ Свѣтлую заутреню.

Сегодня, 9 Апрѣля, умеръ Шереметевъ, Василій Александровичъ, д. т. с., членъ Государственнаго Совѣта, бывшій товарищъ министра юстиціи и министръ государственныхъ имуществъ. Дамъ себѣ отчетъ о немъ. Онъ имѣлъ вліяніе на мое служебное поприще. Онъ родился въ концѣ прошлаго столѣтія, кажется въ 1793 г., учился дома и поступилъ въ лейбъ-гусары, когда ими командовалъ Левашевъ. Назначенный въ адъютанты къ гр. Петру Александр. Толстому, онъ дослужился до штабсъ-ротмистра и вышелъ въ отставку, женился на богатой фрейлинѣ Юліи Шереметевой и сталъ хозяйничать. Крѣпостной хозяинъ онъ былъ образцовый. Мценскій предводитель дворянства, онъ скоро былъ выбранъ въ губернскіе, успѣлъ проѣздомъ Государя Николая принять и угостить его и Марью Николаевну блестящимъ баломъ и назначенъ губернаторомъ въ Харьковъ, потомъ въ Черниговъ, потомъ въ Петербургъ и изъ губернаторовъ (когда онъ не ладилъ съ министромъ Перовскимъ, т. е. съ директоромъ Оржевскимъ и боялся сумашедшаго генераль-губернатора Кавелина), графъ Панинъ выбралъ его себѣ въ товарищи. Это было въ Маѣ 1843 г., и отсюда мое съ нимъ знакомство. Все дальнѣйшее записано въ этихъ тетрадяхъ. Рѣшительный ударъ нанесенъ этому человѣку и необширнаго ума, и очень ограниченнаго образованія. Положеніемъ 19 Февраля 1861 г. Это его давило постоянно. Смерть жены 14 Января еще болѣе усилила это давленіе, а холодность сыновей оставляла его въ какомъ-то безпомощномъ состояніи. При немъ жила одна бѣдная Орловская дворяночка и собиралась сего дня уѣхать по желѣзной дорогѣ. Прощаясь съ ней, онъ расплакался, съ нимъ сдѣлался ударъ, и онъ не перенесъ его. Болѣзни и уединеніе его мучили. Въ себѣ самомъ, кромѣ чтенія новостей въ газетахъ, онъ не имѣлъ никакого ресурса. Незапность нашихъ преобразованій дѣлаетъ многихъ пережившими свое время. Русскій баринъ, Шереметевъ былъ ему живымъ противорѣчіемъ. Онъ же былъ такъ честенъ и благороденъ, что не скрывалъ своихъ убѣжденій, не приноравливался къ господствующимъ и не думалъ о реакціи. Практическій смыслъ его, при началѣ войны въ 1853 г., видѣлъ ея послѣдствія, раздробленіе имперіи. Въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ ожидалъ грабежей и убійствъ въ народныхъ смутахъ. Онъ меня „любилъ и уважалъ“, особенно послѣднее время. Миръ праху твоему, честный человѣкъ: Да будетъ Богъ милостивъ къ страдалцу!

Вотъ и заемъ заключенъ по 94 за 100, и по 5⁰/₀ съ условіемъ, въ теченіе 20 лѣтъ, не погашать и не уменьшать. Дѣло сдѣлалъ Штиглицъ съ Ротшильдомъ (получающимъ за комиссію 2¹/₄%), и всѣ признають его выгоднымъ для обѣихъ сторонъ: для Европейскихъ капиталистовъ, которымъ Американскія событія закрыли многія помѣщенія, и для Россіи, въ которой монетная единица подверглась измѣненіямъ, влекущимъ значительныя утраты во всѣхъ внѣшнихъ сдѣлкахъ. Едва-ли это такъ. 20 лѣтнее обязательство выбираеть Ротшильдамъ (изъ 15-ти ф. стерл. они взяли 5 на себя) весь капиталъ, а по 5⁰/₀ на 94 такой огромный процентъ для западныхъ дѣлъ, производимыхъ на раціональныхъ основаніяхъ, что капиталисты могутъ болѣе нежели равнодушно смотрѣть на Американскія междоусобія. Заемъ выгоденъ былъ бы и для насъ, но едва-ли въ настоящихъ обстоятельствахъ. Всѣ эти 90 или 91³/₄ мил. уйдуть въ чужіе края, оставя у насъ только 5 мил. въ бюджетъ ежегодной уплаты. Монетная единица опять упадетъ, и капиталисты готовы будутъ ссудить намъ новую сотню. Дѣло въ томъ, что намъ угрожаютъ, и уменьшеніе производительности, и еще большее, противъ настоящаго, уменьшеніе отпуска. Нашъ вольный трудъ съ Европейскимъ соперничать не можетъ, а недостатокъ путей сообщенія еще болѣе увеличиваетъ цѣнность, такъ что, кромѣ собственнаго употребленія, едва-ли какъ не въ убытокъ обработка земли нашей. О мануфактурахъ, безъ сильнаго покровительства, и говорить нечего. Наши фабрики должны забиться въ Шую и въ Иваново, чтобы спастись отъ контрабанды и рассчитывать на надбавку цѣны за перевозку. Вообще, по моему мнѣнію, пересмотръ тарифа 1857 г. и проложеніе пути къ Одесскому и др. Черноморскимъ портамъ—требованіе первой необходимости.

Государь бѣлъ на охотѣ въ Лисинѣ. Онъ пріѣхалъ во Вторникъ на почъ и, поужинавъ, отправился на зарѣ и убилъ—торжество охотниковъ!—двухъ глухарей. Потомъ спалъ до часу и, вставъ и подкрѣпившись, охотился въ звѣринцѣ, гдѣ убилъ четырехъ кабановъ и четырехъ оленей. Онъ остался очень доволенъ поѣздкою и благодарилъ министра Зеленаго, обѣщавшись: „пріѣду къ тебѣ со всей семьей“. Вотъ нашъ Государь и зеленые министры.

Такъ дѣлу идти нельзя. Придется, пожалуй, призвать Варяговъ.

А между тѣмъ дѣла влияют важныя, неволью возбуждаются вопросы объемистые. Финансы *de jure* преобразованы. Бюджетъ обнародованъ. Выпускъ ассигнацій предоставленъ банку. Установленъ размѣнъ и устанавлиается монетная единица. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ кокетничаетъ и либеральничаетъ, желая угодить и дворю, и великому князю, теперь всемогущему. Министерство Юстиціи передается

этому же князю. Преобразования судебныя въ большомъ ходу и совершаются въ смыслъ учрежденій Французскихъ. Я просилъ дозволенія представить мои замѣчанія и, изготовивъ ихъ на дняхъ, отсылаю къ предѣдателю департамента законовъ, князю П. П. Гагарину. Слѣдующая работа это должна показать, какъ недостаточны источники и матеріалы нашихъ законодательныхъ работъ и какъ мало элементовъ въ нашемъ обществѣ для усвоенія ему учрежденій Европейскихъ. Послалъ 3 Мая, и записка напечатана.

*

Вотъ и мои уѣхали. Я сейчасъ проводилъ. Экая пустота! Экое оставленіе! Точно отъ меня уѣжали, какъ отъ зачумленнаго. Ребичество: слезы такъ и льются. И странное дѣло: у меня вертятся въ глазахъ только дѣти. Приѣхали въ Москву—письмо. Еще день проводятъ тамъ. Выѣзжаютъ въ Воскресенье. У Таты моей глазки красны. Пишутъ оба.

Получилъ письмо изъ Тулы. Все благополучно. 12 Мая въ Орѣлѣ.

Ходятъ темные слухи. Въ Варшавѣ разстрѣлены 4 офицера, подговаривавшіе солдатъ не препятствовать народу. На телеграфной линіи разстрѣянъ офицеръ Александровъ, не такъ и (умышленно не такъ) передавшій депешу въ Варшаву. Въ Петербургѣ пойманъ подстрекатель, склонявшій кавалергарда къ подкидыванію и распространенію прокламацій. Князь Бяргинскій произвелъ рядового въ унтеръ-офицеры и далъ сто рублей. Генераль Бутурлинъ (онъ самъ мнѣ это передалъ) послалъ ему еще 100. Арестовано множество. А между тѣмъ прокламаціи продолжаются, и источника ихъ не находятъ.

Читалъ *les Misérables* Вик. Гюго. Соціальный романъ, ратующій за несчастія, порождаемая бѣдностію, зависимостію женщины и невѣжествомъ въ дѣтствѣ. Первая часть—списокъ Миріель и каторжный Вальжанъ—добрый и злой духъ, написана хорошо, съ увлеченіями и антитезами à la Hugo, съ идеализаціей сущности, доходящей до невѣроятнаго. Вторая часть—Фантина и Мадленъ,—поэтъ испарился, ослабѣлъ; это приторно, должно, растянуто, вяло, особенно плохи главы, гдѣ Фантина борется съ бѣдностію изъ любви къ Козеттѣ, и Вальжанъ, М. Мадленъ торгуется съ собою: допустить или не допустить погнѣбнуть обвиненнаго подъ его именемъ. Да, но когда я прочелъ (насилу прочелъ IV—V, съ ихъ прескучными эпизодами), то мною овладѣло такое отвращеніе, такое презрѣніе къ романтической наглости, особенно послѣ мелодрамы Вальжана въ гробъ и на кладбищѣ, что я никакими силами, физически, матеріально не могъ заставить себя взяться снова за книгу, и V и VI (*Marius*) томы, можетъ быть лучшіе, остались и остаются неразрѣзанными. Въѣкъ просить другихъ изображеній, и спешившія плодovitости страницъ самая худшая.

*

Аресты, суды, подметанья, раздраженья, продолжаются и все сильнѣе и сильнѣе. Я не вижу тутъ ничего Русскаго и думаю, что все это Польское. Есть люди, которые видятъ въ этомъ Константина Орлеанскаго. Но дѣйствительно дерзость подметчиковъ загадочна безъ сильнаго систематическаго покровительства. Константинъ прибрѣлъ огромное вліяніе и какъ ни поддѣлываются къ этой личности Панины и Валуевы, но онъ не остановится дать имъ преемниковъ изъ своей, морской партіи. Онъ никогда не повѣритъ ихъ искренности. Либерализмъ впрочемъ такъ далеко зашелъ и такъ напористо дѣйствуетъ, что я удивляюсь, какъ до сихъ поръ не выработается оппозиція, реакція въ партіяхъ дворскихъ, которыя ужъ очень присмирѣли. Поговариваютъ о преобразованіи главнаго управленія въ Польшѣ. Эта работа маркиза Віелопольскаго. Поговариваютъ о назначеніи намѣстникомъ Царства великаго князя Константина (прежде говорили о Михаилѣ). Для этого формируется цѣлое министерство, вызванъ Николай Милютинъ. Да; но если это есть благовидное удаленіе, то не дорого-ли оно обойдется?

Въ Комитетѣ финансовъ разсудили и положили: возвысить подушную подать на 25%. Это составитъ до 6 м. р. Въ время! Два основанія, кажется, служили этому возвышенію: *во первыхъ* ожидаемый deficit въ 1863 г. оттого: *а*, что сборъ 130 м. р. съ виннаго акциза подлежитъ сомнѣнію; что таможенные сборы уже и теперь противъ 1861 г. оглашаютъ недоборы (по 15 Мая) до 1 м. р., и *б*, что вообще предвидятъ болѣе расходовъ, напр. теперь удовлетворяются отъ казны мировыя учрежденія и т. п., нежели прихода. *Во вторыхъ*, весьма выгодныя заработки народа отъ многихъ общественныхъ предпріятій. Железныя дороги давали крестьянину до 80 к. сер. въ день. Все это прекрасно. Но желаю, чтобы правительство всегда выслушивало такое „Но“—но, *во первыхъ*, въ время-ли вы увеличиваете налоги? Они такъ недавно увеличены. *Во вторыхъ*, система податей пересматривается, и увеличеніе подати, особенно подушной, рѣшительно отвергаемой теоріями, по крайней мѣрѣ, непослѣдовательно. *Въ третьихъ*, ожидаемый deficit не есть-ли послѣдствіе невѣрныхъ расчетовъ? Указаніе на винный акцизъ и таможенные сборы это подтверждаетъ. *Въ четвертыхъ*, обнаруживающійся deficit не лучше-ли покрыть сокращеніемъ расходовъ? Они такъ велики, такъ разнообразны и такъ непроизводительны. Не мѣшало бы назначить *enquête parlementaire* для изслѣдованія расходовъ на управленіе. Огромнымъ окладамъ, sineкурамъ конца нѣтъ. Деньги сорятся, земли раздаются, а народъ видитъ только увеличеніе налоговъ. Это къ добру не приведетъ. Я понимаю новаго министра: онъ рѣшился установить монетную единицу и сдѣлать заемъ, а обезпечить заемъ (5 м. р.) рѣшается

новымъ возвышеніемъ подати. Такъ управляться легко, но нелегко государству. *Въ пятьхъ*, расчетъ на заработки надобно понизить и понизить значительно. Брошенные предпріятелями капиталы съ 1856 г. разошлись, и фонды ихъ оскудѣли. Нынче заработки далеко не такъ повсемѣстны и прибыльны какъ въ прежніе годы. Конечно подати у насъ, сравнительно, не велики, но народъ бѣденъ, производительность слаба, капиталовъ нѣтъ.

Я не знаю, чему удивляться. Анархія все растетъ и усиливается, и чѣмъ смѣлѣе враги, тѣмъ слабѣе дѣйствіе правительства. Уже оберъ-полиціймейстеръ „обратилъ вниманіе“ полиція на распространеніе прокламацій; теперь обращаетъ на эти прокламаціи и министръ внутреннихъ дѣлъ, составивъ правила для типографій. А между тѣмъ прокламаціи продолжаютъ, аресты продолжаютъ, опасенія и страхи обнимаютъ весь слои общества. Къ прокламаціямъ присоединяются теперь подметныя письма. Общуютъ жечь, указываютъ на мѣстность, и мѣстность эта горитъ, и весь городъ на ногахъ. Сей часъ горитъ вся Фонтанка отъ Чернышева до Семеновскаго моста, М-во Внут. Дѣлъ, Апраксинъ, Щукинъ и Толкучій рынки, Пажескій корпусъ, Загородный проспектъ. Надъ городомъ огненное небо, все улицы полны дымомъ и пепломъ. Вся набережная, вся Фонтанка завалены, все сгнѣсать, обгуть, скачутъ. Ктѣ это, чтѣ это?*)

Такая же анархія и въ экономическомъ быту государства. Сгорѣли три рынка, но вѣдь такой пожаръ составляетъ разстройство на 50 милліоновъ! А застой въ торговлѣ, внутренней и вишней, поразителенъ. Никто не сомнѣвается въ поджогахъ. Одни говорятъ, студенты, другіе—отпущенные дворовые, третьи—эмиссары по соглашенію съ Поляками. Я не вѣрю ни первому, ни второму, ни третьему. Можетъ быть, систематическое дѣйствіе въ прокламаціяхъ и въ подметныхъ письмахъ, но не въ поджогахъ. Оробѣвшія власти видятъ, слѣпо слѣдуя толпѣ, поджигателей. Я приписываю это анархія, непосредственной свободѣ и слабости въ огражденіи порядка. Все разнуздалось. Заботливости мало, ответственности также, энергіи—никакой. Оберъ-полиціймейстеръ объявляетъ: „обращаю вниманіе полиціи, что по улицамъ курятъ“. Законъ не дѣйствуетъ, потому что у власти руки опустились.

Анархія (и это важнѣе прочаго) въ литературѣ и журналистикѣ. Все газеты, кромѣ „Сѣверной Почты“, самаго яркаго демократизма. „День“ не упускаетъ случая и неразборчивъ въ выраженіяхъ, осмѣи-

*) Въ это время, по мысли В. А. Кокорева, все бумажное въ Волжско-Камскомъ Банкѣ производилось вдвойнѣ. На случай пожара, банковыя книги отсылались ежедневно на храненіе въ Петропавловскую крѣпость, а списки произведенныхъ дѣлъ оставались въ Банкѣ П. Б.

ваетъ „официальность“ и правительственныя распоряженія; „Акціонеръ“ называетъ тарифъ 1857 „дѣтски составленнымъ и нерѣдко съ отсутствіемъ здраваго смысла“; Чернышевскій въ „Современникѣ“ доказываетъ, что „университетскія правила“ Августа 1861 г. составлены исключительно съ цѣлью отнять у большей части студентовъ (бѣдныхъ) возможность учиться.

Если мы поднимемся выше, то и въ министерствахъ и въ совѣтахъ усмотримъ тоже анархическое разложіе, спѣшность, смѣшеніе, противорѣчіе, переступленія, увлеченія минуты, ненаходчивость. Посредственность, громадность и сложность сплетеній крѣпостного вопроса ошеломили всѣхъ, и общее исканіе выхода перепутало пути и цѣли.

И это такъ въ Петербургѣ. Какъ такая анархія отдается въ государствѣ, гдѣ такъ натянута централизація и такъ мало извѣстна самостоятельность? Если насъ чтѣ спасетъ, то это малолюдность, бездорожье и грубое невѣжество народа, хотя эти огражденія могутъ послужить и нашей гибели.

Какая незрѣлость въ нашихъ государственныхъ людяхъ! Вотъ проектъ Валугева о подоходномъ налогѣ. Дѣло въ томъ, что, воспользовавшись застоємъ капиталовъ въ Европѣ, мы сдѣлали заемъ, и на уплату процентовъ непремѣнно нужно $5\frac{1}{2}$ милл., а бюджетъ съ изъяномъ, и ему угрожаетъ большой недоборъ въ винномъ акцизѣ и въ таможенномъ сборѣ. Рейтернъ, въ поныхахъ, предложилъ увелічить подушный сборъ (23 милл.) на 25%. Валугевъ, платя дань господствующему духу, въ цвѣтистой рѣчи, всегда притязательной и порядочно педантской, выставилъ, взамятъ подушной, подоходную подать, такъ какъ народъ и безъ того платитъ много, а зажиточные классы платятъ мало или ничего. Валугевъ думалъ уничтожить молодого министра и стать въ краю угла. Уголь этотъ—либерализмъ, а края его—демократія. Предположеніе Рейтерна я нахожу не совѣмъ искреннимъ, но по крайней мѣрѣ определеннымъ. 25% обезпечать долгъ. Предложеніе Валугева и не искренно, и не определено. Выведенный партією дворянскою, онъ не могъ и по личнымъ убѣжденіямъ стать на сторону демократіи и, будучи распорядителемъ земства, онъ не могъ не знать, что слово „доходъ“ въ Англіи 1862 г. есть понятіе болѣе нежели относительное.

Да, но съ чего же берется подать, наша, всякая подать какъ не съ „дохода“? Ужь не съ капитала-ли? Можетъ быть. Но тогда не считывайте ни на благосостояніе, ни на производительность.

Если бы управлять финансами страны было такъ легко, что „вотъ прибавлю 25%“ или „вотъ вамъ подоходная подать, я набросалъ ее сегодня послѣ обѣда; ее слѣдуетъ развить“: тогда не нужно бы было

ни науки, ни опыта. Изъ всѣхъ классовъ Валуевъ насчитываетъ дохода: землевладѣльцы по 450 р. и купцовъ по 1000 р. 76 мил., собственность горожанъ—17,500,000 р. государств. фондовъ 22,500,000 р. т. е. 45 миллион., капиталовъ разныхъ акцій 8 м., служебныхъ окладовъ 12 м. р. Всего 193,800,000 р. дохода, а считая податной процентъ въ 2¹/₂, сборъ составитъ въ годъ 4,800,000 р. Изъ всѣхъ этихъ классовъ едвали который похвалится доходомъ, особенно если онъ будетъ показываемъ на слово. *Землевладѣльцы* въ самомъ затруднительномъ положеніи и могутъ по доброй совѣсти отозваться: незнаніемъ и даже немѣнѣемъ дохода. Измѣненіе хозяйства грозитъ уменьшеніемъ производительности и уступкою конкуренціи другихъ странъ въ торговлѣ вишней. *Купечество*—да оно подавлено общимъ застоємъ въ торговлѣ, банкротствами. Американскою войною и тарифомъ 1857 г. Это главная цифра (76 м.) проэкта Валуева, и она, независимо отъ замѣченныхъ затрудненій, относится къ сословію, отъ котораго не только цифру дохода, но и цѣну купли нельзя взять на вѣру. *Горожане*—городскія имущества—считаются только въ цифрѣ 17 м., правда; но доходность этихъ имуществъ, можно сказать, исключительно принадлежит столицамъ, да развѣ Одессѣ, Ригѣ и еще двумъ-тремъ городамъ. Я думаю однако, что односторонность свѣдѣній здѣсь не подлежитъ сомнѣнію. Домоводство сдѣлалось важною статью спекуляцій, и во многихъ городахъ губернскихъ, напр. Вильнѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Казани и др. доходы съ домовъ должны быть значительны. *Фабрики и заводы* хотя считаются въ доходѣ на 7,800,000 р., но такъ какъ они въ томъ же положеніи какъ землевладѣльцы и купцы, то и на нихъ рассчитывать нечего. Надобно послушать „Акціонера“, чтобы отказаться отъ фабричнаго дохода. *Государственные фонды*: но большая ихъ часть освобождена отъ налога по привилегіямъ. Акціонерныя общества (Главное Общ. жел. дор. освобождено) едвали дадутъ ожидаемые 3 м. Общества наши щеголяютъ дефицитами, расхищеніями и ликвидацией. Лучше другихъ идутъ страховыя, но отягощать ихъ новымъ налогомъ значило бы увеличивать процентъ страха, который и теперь препятствуетъ желаемому распространенію страховки. Каждый годъ ¹/₇ Россіи горитъ. Наконецъ, служебные оклады. Говорить объ увеличеніи окладовъ, а не объ уменьшеніи ихъ вычетомъ налога. Это такъ, особенно въ настоящее время, когда жизнь все дорожаетъ, а valuta 10¹/₂% менѣе нарицательной. Но должно замѣтить, что въ послѣдніе годы пожалованья окладныя, арендныя, долговыя, пенсіонныя, щедротныя, земельныя и др., такъ значительны, что не мѣшаетъ исполнить то, что я сказалъ выше, говоря о росписи.

*

Вотъ передо мною аллокуція Пія IX и адресъ кардиналовъ, патріарховъ и епископовъ его святѣйшеству. Это акты обвиненія вѣка, и объ нихъ стоитъ поговорить.

И такъ вотъ чѣмъ кончился вселенскій сборъ Ватиканскій, съѣхавшійся для канонизаціи Японскихъ мучениковъ. Я не буду разбирать того, что говорятъ враги папства: но если папа и его кардиналы, патріархи и епископы не нашли сказать ничего болѣе того, что они сказали: то вѣку поучиться у нихъ нечему. Все это говорено было прежде и лучше и громче. И прежде говорилось это съ авторитетомъ смиренія, котораго нѣтъ ни въ аллокуціи Пія, ни въ адресъ Маншеу. Плакать на водахъ Вавилонскихъ теперь не время. Теперь время положительнаго вопроса: съ признаніемъ необходимости временной, свѣтской власти для духовной независимости папы можно-ли признать совмѣстною эту власть съ требованіями и желаніями народа, ей подчиняемаго? Положительно нѣтъ. Папа былъ орудіемъ Австріи или Франціи и безъ ихъ войскъ не могъ никогда быть независимымъ. Кардиналы и епископы говорятъ объ анархіи въ мысляхъ и дѣйствіяхъ народовъ и правительствъ. Правда; но не содѣйствовало ли духовенство этой анархіи? И не верхъ-ли анархіи этотъ адресъ духовенства, увѣряющій именемъ всѣхъ католиковъ-христіанъ въ своей преданности временной монархіи папы, которая грозитъ пролитіемъ крови? Кардиналы и епископы забыли, что они граждане государствъ и подчинены законнымъ правительствамъ, которыя дозволяли имъ ѣхать въ Римъ (и даже на казенный счетъ) вовсе не для политическихъ манифестацій и которыя вовсе не раздѣляютъ убѣжденій ихъ о свѣтскомъ положеніи папы. Бѣдствія католицизма велики. Нельзя понять, какъ можетъ быть устроенъ глава церкви, но и событіе Итальянское не менѣе велико, не столько по своему объему, сколько по своимъ основаніямъ. Это—продолженіе и знаменательнѣйшее развитіе начала народной воли, которая хочетъ господствовать *de facto* и *de jure*. Папство гнется передъ силою и подписываетъ конкордаты 1809 г.; но это же папство, и уже черезъ 50 лѣтъ, подписываетъ конкордаты Австрійскій, при которомъ уже Вѣна становится вторымъ городомъ папской короны. Святые учрежденія такъ не дѣйствуютъ.

Я все еще не могу дать себѣ отчетъ о нашихъ Петербургскихъ смутахъ и пожарахъ. Слышу и вижу строгости. Намекаютъ на связь пожаровъ съ Лондонскою пропагандою. Возводятъ ее въ систему. Клеймятъ литераторовъ, и особенно ихъ клубъ (шахматный) и ихъ общество (пособія бѣднымъ литераторамъ) и ихъ сходы въ кабинетъ библіотеки Серно-Соловьевича и въ политико-экономическихъ комитетахъ. Москва отличается преданностію. Тамъ „Современная Лѣтопись“ и „Наше время“, Катковъ и Павловъ, помѣстили архи-правительственныя статьи о связи поджоговъ

съ пропагандой. Я вовсе этого не вижу, хотя могу доводить вести отъ пожара до Великоросса, отъ Великоросса до—до Бакунина или Герцена. Дѣло (самое грустное дѣло) въ томъ, что реакція началась и только и слышишь „то запрещается, то закрывается“, а по словамъ Павлова, съ 1857 года только и слышалось „отмѣнить, открыть, освободить“. А еще болѣе то, что литература, школы, даже книжныя лавки играютъ въ этомъ болѣе нежели двумысленную роль и легко могутъ вызвать самыя произвольныя мѣры со стороны гг. Вадуевыхъ, Головинныхъ и друг., которые „корчатъ либераловъ“. Реакція такая вовсе не страшна—она идетъ противъ меньшинства и малаго и незрѣлаго и неплотнаго и несильнаго характеромъ, но она печальна. нежеласма тѣмъ, что, захватывая какихъ нибудь Безобразовыхъ (Влад.), Чернышевскихъ, Соловьевичей, она захватываетъ и широкій путь распространенія знаній, который—въ время или не въ время—началъ пролагаться и прививаться къ мыслямъ.

Вотъ была передрыга! Перепуганная пожарами и подъ впечатлѣнiемъ моихъ тоскующихъ писемъ, жена, не дождавшись отвѣта по телеграфу (онъ поломался), прискакала ко мнѣ. Сдѣлать 1000 верстъ ничего не значило этому высоко благородному, прекрасному сердцу. 14 Июля, едва проснувшись, я увидѣлъ ее въ моей спальнѣ и пораженъ былъ чрезвычайно. Какъ ни неоснователенъ былъ этотъ поступокъ, это былъ подвигъ и въ основанiи его лежало такое высокое чувство, которое обезоруживаетъ даже Тацитовское оскорбленiе достоинства неотплатимымъ благодѣянiемъ. Я всегда буду помнить и цѣнить эту геройскую поѣздку.

*

Мы выѣхали 17 Июня, а 19 были въ Орлѣ и 20 поутру съ дѣтьми. Въ деревнѣ я занимался бюджетами Англiи, Францiи и Пруссiи (по Чернячу) и Прусскимъ цензурнымъ закономъ 1853 г. 4-го оставилъ Рябники и 8-го, пробывъ болѣе сутокъ въ Калугѣ и Москвѣ, воротился въ Петербургъ.

Меня поразила поѣздка жены. Я не могъ понять, какъ она могла рѣшиться оставить дѣтей, особенно Митю. Тата еще ребенокъ. Мишѣ 8-ой годъ, и деликатная болѣзненная эта организація страдала все время отсутствiя матери, къ которой дѣти такъ привязаны. Своенравный ребенокъ этотъ все время былъ веселъ, любезенъ и необыкновенно послушенъ. Все это замѣтили, все этимъ восхищались и радовались. Я думалъ и думаю иначе. Его давило отсутствiе матери, и безъ нея, чувствуя себя оставленнымъ, безсильнымъ, онъ покорился и смирился. На другой день нашего прiѣзда ребенокъ, въ разсужденiяхъ съ матерью, высказалъ ту мысль, „что когда дѣти нехороши, Богъ дѣлаетъ ихъ больными, и это

огорчаетъ рара и шаман; а когда дѣти не исправляются, Богъ беретъ у нихъ шаман⁴.

Прекрасные мои ангелы дѣйствительно прекрасны. Въ нихъ много благородства, самолюбія даже слишкомъ. Всѣ ихъ любятъ, и всѣ ими заняты. Для нихъ крѣпостное право нисколько не измѣнилось, и они (это очень жаль, и я постоянно указывалъ на это губернантикѣ) растутъ въ барскихъ привычкахъ. А барство, боярство проходитъ. Прошло невозвратно.

Когда я посмотрѣлъ поближе на нашъ барскій домъ*), я едва узналъ его. Все расходится, разшивается, разрушается. Прислуга, столь многочисленная когда-то, пошла искать лучшаго. Лучшіе люди оставляютъ, прииская лучшее положеніе. Оставшіеся небрежны, корыстны и беззаботны. Обираютъ домъ: въ домъ, въ саду, въ кладовой, и за всѣмъ надобно наблюдать подозрительно, мелочно, раздражительно. На многое смотришь сквозь пальцы; не знаешь, какъ замѣтить, какъ взыскать, какъ приказать. Работы полевая идутъ лучше прошлаго года, но все таки плохо, и въ сношеніяхъ и отношеніяхъ столько непривычнаго, натянутого, что мирнись съ ущербомъ, лишь бы избѣжать этихъ сношеній. Поэтому личный надзоръ и тягостенъ, и бесполезенъ. Въ домъ все падаетъ отъ буфета до подвала. Но ложное положеніе дворянства, барщиннаго, безъ власти—еще неглавное. Дворянство раззорится. Непостепенность перехода и недостатокъ средствъ и самыхъ элементовъ для новаго порядка хозяйства уменьшаютъ и размѣръ посѣвовъ и сѣвооборотъ. Нужны деньги, а ихъ нѣтъ. Надежда на выкупъ, за который честь и слава Валуеву, и нуженъ кредитъ подъ свободныя земли, за который еще никому спасибо нѣтъ. Спасибо слѣдовало бы сказать порядку, но и порядка-то нѣтъ. Оставивъ Петербургъ послѣ пожаровъ, я въ деревнѣ слышалъ отголоски выстрѣловъ въ намѣстниковъ Царства: генерала Лидерса, великаго князя Константина. Ни то, ни другое покушеніе не вызвало особыхъ мѣръ, и это молчаніе, оградившееся увѣреніемъ, что все дастся, чтѣ предположено, имѣть видъ уступки, которая будетъ не послѣдняя. Приѣхавъ я узналъ, что не найдено ни одного поджигателя, но что реакція Валуева-Головина не только запретила „День“ (Аксакову) съ передачею его Ю. Самарину, „Современникъ“ и „Русское Слово“, но, употребивъ председателя слѣдственной комисіи Жданова, реакція эта опрокинулась и на борзописцевъ: Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и Писарева. Ихъ арестовали и бумаги опечатали.

*) Касторъ Никифоровичъ говоритъ про домъ своего тестя Александра Дмитриевича Бобарыкина, въ Волховскомъ уѣздѣ, Орловской г. П. Б.

Гвардейское начальство все переменено. Въмѣсто Плаутина великій князь Николай; вмѣсто графа Баранова—графъ Бревернъ-де-ла-Гарди. Правила Валуева о типографіяхъ и книжныхъ лавкахъ и здѣсь, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, привели къ сомнѣніямъ и затрудненіямъ. Въ Нижній, по случаю стеченія ярмарочнаго народа, посылается, въ видѣ временнаго ген.-губернатора, строгій и горячій генераль Лауницъ, съ широкими правами. Я не совсѣмъ понимаю: кому честь и слава за такое положеніе государства? А не было печали, да черти накачали.

Все это время я почти исключительно занятъ соглашеніемъ супруговъ Обрѣзковыхъ: Михаила (сына Дмитрія, „что аршинъ проглотилъ“, женатаго на Натальѣ Васильевнѣ Шереметевой, и Варвары, дочери Дмитрія Коробьина, женатаго на сестрѣ Бутурлина „рыжаго“). Они ссорятся, грызутся и дерутся давно, съ 1845 г., со дня брака. У него большое имѣніе (5 т. душъ и 25 т. десятинъ), но въ большемъ разстройствѣ: у нея 500 т. серебромъ, и всѣ на лицо. Это главная причина раздора. Потомъ своеобразныя привычки, потомъ Русское великосвѣтское воспитаніе, потомъ свѣтъ. Характеры. Нужды мужа и расчетливость жены. Она мнѣ рекомендована Юліей Васильевной Шереметевой, теперь умершей, и я какъ бы исполняю ея завѣщаніе. Мнѣ чрезвычайно тяжело съ Апрѣля мѣсяца быть ихъ посредникомъ. и едва ли я успѣю. Примирить ихъ рѣшительно невозможно: согласить ихъ на условія приличнаго развѣзда? Мужу хочется денегъ (у жены 24 т. дохода), а женѣ не хочется давать ихъ. Онъ тиранитъ и вымогаетъ, она отвѣчаетъ тѣмъ же. Ругательства непочемъ. Часто драки. Можно представить себѣ положеніе дѣтей, изъ которыхъ Дмитрію 16 лѣтъ. Хороша будущность! 25 Іюля вечеромъ, послѣ безконечныхъ толковъ и переговоровъ, десять разъ переходя изъ кабинета въ кабинетъ, мнѣ удалось согласить ихъ на предложенныя условія, и въ 12 часовъ ночи они сошлись, поцѣловались и обѣщали забыть прошедшее. Я глубоко былъ тронутъ. Защищая жену, я долженъ однако отдать справедливость мужу. Дай Богъ, чтобы это было, если не навсегда, то на долго. Какія ужасныя сцены видѣлъ я, при расчетахъ. 16 Августа. Это я едва объяснить себѣ могу. 16 Авг. Четвергъ.

*

Въ *Revue de deux Mondes* (15 Іюня) помѣщена вторая статья Мазада о Россіи, въ томъ же духѣ какъ и первая, написанная безъ увлеченія, съ знаніемъ дѣла и благонамѣренностію. Рѣчь идетъ объ управленіи, о министерствѣ и министрахъ. Имъ достается порядочно, и за дѣло. Особенно досталось Муравьеву и Валуеву. Валуевъ, кромѣ представительности, отмѣчается синтетическимъ воззрѣніемъ, даромъ слова и легкостію пера. Все это, въ соединеніи съ разнообразными свѣдѣніями,

выдвигаетъ его далеко изъ ряда его товарищей. Но у него есть недостатокъ—это пристрастіе къ Остзейскимъ учрежденіямъ, гдѣ очень вѣрятъ буквѣ, слову, считая его тождественнымъ съ дѣломъ. Это—притязательное краснорѣчіе, весьма хорошее при Нѣмецкихъ совѣщаніяхъ. Эта англоманія, не думающая о многихъ и любящая ширину и высоту. Головинъ и Валуевъ много способствовали, своими неопытными распоряженіями, вызову тѣхъ затрудненій, въ которыхъ находится государство. Валуевъ, зная крамолу дворянства, придумалъ предложить его собраніямъ 5 п. п., которые могли только служить поводомъ къ выраженію убѣжденій, изложенныхъ въ постановленіяхъ Тверскаго дворянства и 13-ти его представителей, предводителей и посредниковъ. Валуевъ же оффиціально политическихъ и литературныхъ заявленій въ „Сѣверн. Почтѣ“ проложилъ пошире путь къ тѣмъ выходкамъ газетъ и журналовъ, которыя вынудили министерство къ строгостямъ, похожимъ на реакцію и возбуждающимъ неудовольствіе. Головинъ сдѣлалъ почти тоже. Найдя университетъ закрытымъ, онъ хотѣлъ помолодечки смять этотъ вопросъ и открытъ (публичныя залы) университетъ общій, т. е. крамолу въ стѣнахъ университета перевелъ на улицу. Какъ Валуевъ, такъ и Головинъ выборомъ и назначеніемъ лицъ заслуживаютъ тотъ упрекъ, что они ищутъ опоры въ партіяхъ и котеріяхъ, а польза дѣла для нихъ немного болѣе удачнаго фарса.

Прочель я 4 выпуска „Свободнаго Слова“ Московскаго кандидата правъ въ Берлинѣ Леонида Блюмера (брата Петербургской авантюристки, содержащейся въ крѣпости и Ферд. Шнейдера, книгопродавца, повидимому исключительно посвящающаго себя изданію Русскихъ книгъ). Это четвертый заграничный журналъ Русскій. Онъ задуманъ серьезно, но не серьезно исполняется. И поспѣшно, и молодо, и незрѣло. Онъ серьезнѣе „Колокола“ и „Будущности“ (Правдиваго), но мелокъ, коротокъ, бѣденъ, слабъ, тощъ. Едва-ли ему и пожить долго. На вторыхъ же страницахъ онъ оставилъ тонъ программы своей и ругается какъ „Колоколъ“, не имѣя ни его авторитета, ни его энергіи, какъ „Будущность“, не владѣя анекдотическими ея запасами. По замашкамъ едется, что молодой редакторъ можетъ быть хорошимъ публицистомъ. Программа и пріемы его обнаруживаютъ человѣка гуманнаго, способнаго отказаться отъ крайностей и увлеченій, которыя такъ рѣзки въ Герценѣ, Долгоруковѣ и Огаревѣ. Наши выходцы были и могутъ быть полезны, но при настоящемъ положеніи они должны быть не столько радикальны, сколько просвѣщенны.

Кстати о Герценѣ. Имя его разрѣшено, упоминается, повторяется въ литературѣ. Первое дозволеніе дано Шадо-Феротти (баронъ Фирксъ), написавшему *Lettres à m. Herzen*, по поводу будто бы бывшаго покушенія

на жизнь Герцена. Во второй разъ упомянуто это имя при перепечатаніи рѣчи, сказанной Герценомъ въ 1837 г. въ Вятской библіотекѣ. Теперь оно упомянуто въ грозной, ѣдкой статьѣ Каткова („Русскій Вѣстникъ“ Юнь): „Замѣтка для издателей Колокола“. Есть въ этой статьѣ что-то лишнее, мстѣщее, злорадостно глумящееся. Она, и послѣ тоже несладенкихъ статей „Колокола“ (1 и 2 Юня, листъ 137) производитъ непріятное, тяжелое впечатлѣніе. Перебирая дѣятельность Герцена и особенно обличительную газету его (съ 1 Юля 1857 г.), не можешь отказать ему ни въ прямотѣ, ни въ постоянствѣ, ни въ безкорыстіи, ни наконецъ въ напряженной, обширной дѣятельности. Самая энергія, типичность рѣчи его имѣетъ даже высокое литературное достоинство. Катковъ, какъ правительственный публицистъ, не только не отдаетъ ему никакой справедливости, но видитъ въ немъ человѣка нечестнаго, который рискуетъ, увѣренный въ безопасности, топить другихъ, легкомысленно потчуя ихъ апофеозами, и готовъ пожертвовать своей личности благомъ народа. Онъ представляетъ его фразеромъ, шутомъ, который кривляется, ломается, привередничаетъ или „претендуетъ на уваженіе за то только, что онъ не нарушилъ крайней юридической нормы нравственности“, или видитъ въ немъ „старую блудницу, которая вышла плясать передъ публикой“. Намекнувъ въ „Современной Лѣтописи“ *„мы хорошо знаемъ что это за люди“*, Катковъ такъ оканчиваетъ филиппику свою въ „Вѣстникѣ“: „Издатели „Колокола“ спрашиваютъ насъ, какіе они люди? Мы сказали. Честными ни въ какомъ случаѣ назвать ихъ нельзя. Отъ безчестья имъ одна отговорка—помѣшательство“. Это уже не упреки Чичерина въ „Колоколѣ“ 1858, листъ 29*).

Легонько, грубенько и мелочно. Герценъ не замедлитъ отвѣчать самъ и съумѣетъ насказать эпитетовъ не хуже Каткова. Онъ уже отвѣчалъ Чичерину въ 1860 г. на упреки менѣе ругательные. Не вчера съ началъ свое агитаторство Герценъ, и развѣ только личный недоброжелатель согласится съ Катковымъ, что „доживъ до сѣдыхъ волосъ, Герценъ не далъ себѣ отчета и не имѣетъ сознанія о самомъ себѣ“. Въ Юль 1857 г. онъ писалъ о своемъ „Колоколѣ“:

Звучитъ, раскачиваясь, звонъ.	И крѣпко на ноги не стаетъ.
И онъ гудѣть не перестаетъ.	И непорывисто-смѣла—
Пока, спугнувъ почные сны,	Начнетъ торжественно и стройно,
Изъ колыбельной тишины	Съ сознаньемъ доблести спокойной,
Россія бодро не воспрянетъ.	Звонить во всѣ колокола.

*) Но иногда и у Каткова встрѣчаются тождественныя съ Чичеринымъ обвиненія. Такъ послѣдній относитъ напряженность и измѣнчивость дѣйствій къ истеричнѣю, къ темпераменту Герцена, который предпочитаетъ быстро перегорать, истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. „Источайтесь, таковъ вашъ темпераментъ; его не пережмишь. Но позвольте думать, что это не служитъ ни къ пользѣ Россіи, ни къ достоинству журнала, и что во всякомъ случаѣ нечего этимъ вѣдичаться“.

Съ того времени онъ началъ открытую, систематическую войну съ Русскимъ правительствомъ за цензуру, за крѣпостное право, за тѣлесныя наказанія и за всѣ тѣ злоупотребленія управленія, которыми переполнены листы, книги и брошюры его. И чтѣ же? Звона этого слушали, его боялись, ему повиновались. Правительство исполнило его программу: цензура, крѣпость, плети отмѣнены. Но куда мы пришли? Это вина не Герцена. Правительство сочло возможнымъ сдѣлать второй шагъ прежде перваго. Оно вступило въ революціонный путь и зацуталось. Герценъ въ чемъ тутъ виноватъ? Оно вынуждено обратиться къ реакціи. А развѣ Герценъ не бичуетъ его за это? Ненадобно быть несправедливу даже къ личному врагу и не забывать продолжительную дѣятельность подъ вліяніемъ впечатлѣнія дневныхъ событій. Каткову не повѣрять; скажутъ, что онъ, какъ Н. Ф. Павловъ, подкупленъ, и молодежь прилѣпится къ Герцену сильнѣе и плотнѣе. Реакція очень ошибается, если думаетъ опираться на такія статьи*).

Отнынѣ партія Герцена въ обществѣ и въ литературѣ дѣлается могуществомъ, признаннымъ правительствомъ, какъ это признавала молодежь давно: Б. Чичеринъ въ 1858 (вы сила, вы могущество въ Россіи) и даже Катковъ въ настоящей статьѣ. Остается разрѣшить „Колоколъ“. Мы играть любимъ. Но играли это? Замѣчательно однако, что въ „Колоколѣ“ участвовали бойкіе школьники, обиженные и недовольные чиновники; но мнѣ неизвѣстно, чтобы въ немъ была хотя одна статья нашихъ аристократовъ науки, администраціи и общества. Щедо-Феротти увѣряетъ, что „Колокола“ порадочные люди не читаютъ. Это несправедливо. Его читаютъ дворъ, министры и многіе, правда, морщась.

„Сѣвер. Пчела“ порицаетъ статью Каткова, смотри № 62 1862 г. и листъ 7 Августа и 3 Смотри также „Санктбур. Вѣдом.“ и „Сынъ Отечества“ №№ 17 Августа.

*

Три-четыре покушенія въ Варшавѣ въ наше время, обильное такими покушеніями, не производятъ особеннаго впечатлѣнія. Повсе-

*) Катковъ въ сущности повторяетъ то, чтѣ написала о Герценѣ графиня Радоуцкая, сказавъ между прочимъ;

*Легко бѣжать съ мильономъ на чужбину
И клеветой оттуда насъ громить,
Ложь съ истиной метать на половину.
Чтобъ нищихъ духомъ съ толку сбить.
Чужую жизнь легко переначить,
И ближняго не трудно очернить,
Толпы трескучимъ словомъ одурачить
И даже на ходули взгромоздить.*

мѣстное и частое нарушение порядка, народныя манифестаціи, уклончивость полиціи и слабое прещеніе уголовного суда доказываютъ несостоятельность существующаго порядка, который попирають и счастливые агитаторы Гарибальди. Кошутъ, Мирославскій и несчастныя жертвы фанатизма Орсини, Ярошинскій, въ Баденѣ, въ Греціи и на Пиринейскомъ полуостровѣ. Есть какое-то внутреннее сознаніе слабости въ представителяхъ и защитникахъ существующаго порядка. Это даетъ смѣлость противникамъ. Отъ уступокъ къ уступкамъ, слабость однихъ и требовательность другихъ дошли до того, что Царству Польскому недостаетъ почти одного своего войска, чтобы получить, безъ шумныхъ палатъ, отдѣльное, національное правленіе. Еще въ Мартѣ Джонъ-Россель объявилъ парламенту, что вѣроятно Петербургское правительство послушается совѣтовъ маркиза Велопольскаго. Въ началѣ Мая министръ Валуевъ сдѣлалъ „Виленскому Курьеру“ замѣчаніе за это оглашеніе, а въ срединѣ Мая совѣты Велопольскаго начали приводиться въ исполненіе и исполняются въ широкихъ размѣрахъ, несмотря на выстрѣлы въ Лидерса, князя-намѣстника и гражданскаго правителя. Маркизь Велопольскій человекъ замѣчательный и вмѣстѣ съ митрополитомъ Феліцкимъ принадлежитъ правительственной партіи, партіи сильной Русскими штыками и слабой противъ національныхъ патріотовъ, демократа Мирославскаго и аристократа Андрея Замойскаго. Великій князь хотѣлъ соединить, совокупить вѣхъ партій. Но этого сдѣлать рѣшительно нельзя безъ деспотизма, который несомненно, или конституціи, которая преждевременна. Онъ и Велопольскій думали найти это примиреніе въ двухъ вопросахъ: въ національности, въ учрежденіяхъ народнаго просвѣщенія и въ очиншеваніи крестьянскихъ земель, вопросы либеральныя и въ настоящую минуту способные возбудить признательность благомыслящаго населенія. Но не на долго. Въ недалекомъ времени либеральныя установленія обратятся (по крайней мѣрѣ большинство) къ національной демократической партіи. Будущность (и будущность не-отдаленная) принадлежитъ ей. Не менѣе успѣшно и едва ли не болѣе практично дѣйствіе аристократической партіи графа Замойскаго. Она обратилась къ интересамъ матеріальнымъ, къ земледѣлію и къ путямъ сообщенія. Учрежденныя общества даютъ этой партіи значеніе замкнутой корпорации, и значеніе это весьма сильно въ странѣ, гдѣ право собственности не ослабляется общиннымъ владѣніемъ. Во взаимодействіи этихъ партій вращается великій князь Константинъ, собственно, какъ военный начальникъ. Онъ бы непрочъ искать, по-петербургски, популярности въ толпѣ и въ народѣ, либеральными выходками въ Варшавѣ и энергическими, какъ въ Россіи, мѣрами очиншеванія; но Варшавская толпа, кромѣ штыковъ, уважаетъ только Мирославскихъ и не вѣрится

либеральнымъ аллюрамъ Высочества. Въ этой толпѣ бродятъ Кебель, Ремишъ, подмастерье Ярошинскій, Рыль, Іоанъ Ржонца и вѣроятно другіе. Что же касается очиншеванія, то оно никогда по-російски идти не можетъ уже и потому, что классъ дворянства тамъ имѣетъ болѣе самостоятельности, и народъ не способенъ ни къ какой инициативѣ. Ему нужны имена, и онъ ихъ возьметъ изъ національныхъ и преимущественно изъ Мирославскихъ.

Я не думаю, чтобы вся эта молодежь (22, 19 и 20 лѣтъ) были продажные бравы и скорѣе готовы полагать, что національное Польское общество, не чуждое и нашимъ пожарамъ и прокламаціямъ, идетъ въ Варшавѣ на плаху изъ національнаго фанатизма по выпадающему жребію. Ярошинскій повѣшенъ 8 Августа.

Читаю *Mémoires de Canler, ancien chef du service de sûreté*, любопытная книга о Французской полиціи съ 1820-хъ по 1850-й годы. Канлеръ очевидно мастеръ своего дѣла и, кромѣ нѣкоторыхъ прикрасъ и самовосхваленій, пишетъ правдиво. Эта правдивость подкрѣпляется фактами событій, времени, мѣста и самыхъ именъ. Порочность Парижскихъ преступниковъ и горожанъ меня не удивляетъ. Она отвратительна во многихъ видахъ, дѣлаясь ремесломъ и облекаясь, такъ сказать, въ терпимыя, какъ бы законныя, формы. Меня удивляетъ недостойное значеніе полиціи, которую правительства то употребляютъ для провокацій, то начальствующія лица на свои частныя нужды и дѣлишки, то сами полицейскіе чины для наживы и личныхъ видовъ. Я не знаю, обязаны-ли полицейскіе чиновники присяжною тайною; во всякомъ случаѣ жалко то общество, въ которомъ книги Канлера проходятъ безъ обвиненій, безъ оправданій и даже безъ возраженій. Успѣхъ сочиненія обѣщаетъ много подобныхъ публикацій и, какъ говоритъ Гёте, если все „выходитъ на солнце“, то гласность, затруднительная, безстыдная должна способствовать, усиливая черноту и преступность, уменьшать ея численность.

Краевскій основываетъ новую газету „Голосъ“. Порница, что „со всѣхъ сторонъ раздались голоса о несостоятельности существующаго, что мы принялись съ особеннымъ рвеніемъ отрицать старое, предаваясь этому занятію съ какимъ-то наслажденіемъ, съ любовью, и часто для слова, для красивой фразы, глумились надъ понятіями, принципами и учрежденіями, которыхъ замѣнить намъ пока нечѣмъ“, редакторъ, и злелужный редакторъ (24 года „Отечественныя Записки“ и 10 лѣтъ „С.-Петербург. Вѣдомости“) сознается, что всякое умѣренное слово, малѣйшій намекъ на осторожность клеветили мы названіемъ реакціонизма и отсталости, и, наоборотъ, всякое слово, всякій даже бредъ людей, пользующихся титуломъ передовыхъ, приветствовали жаркими рукопле-

сваніями, онъ, заслуженный редакторъ, сознается и въ томъ, что „теперь у насъ вся почва взрыта: если же что и уцѣлѣло фактически, то уничтожено нравственно... Отвергнуто такъ много, созидать приходится столько, что никакимъ глазомъ не окинешь размѣровъ той силы, которая потребна на сооруженіе“... Онъ привѣтствуетъ наступившую эпоху „согласнаго дѣйствія сверху и снизу“, и „водворенію и упроченію этого согласія“ будетъ посвящена новая газета“. Странное дѣло! Ник. Павловъ, говорятъ (и писали), получаетъ субсидію въ 25 т. р. за направление „Нашего Времени“; Катковъ, говорятъ, получилъ 15 т. р. за статью противъ Герцена*), удостоившуюся особаго покровительства Головинна, ну, а эта программа à la Булгаринъ что стѣдить?

Но печатное сознаніе журналиста замѣчательно. Оно конечно не мѣшаетъ радикализму ни „Петерб. Вѣдомостей“, ни „Современной хроникѣ“, „Отечественныхъ Записокъ“, и вѣроятно не повредитъ ему и въ новой газетѣ, ибо онъ прибыленъ, а прибыль душа промышленности; но тѣмъ не менѣе, изъ прибыли или по невыгодѣ, сознаніе заслуженнаго журналиста замѣчательно и поучительно.

*

Какія грустныя мысли овладѣли мною въ эту минуту, когда я подумалъ о себѣ, о тебѣ, Митя, и о тебѣ, о моя милая Тата! Точно насъ ожидаетъ печальная участь посреди этихъ ликованій народности, демократіи и рационализма. Я оставляю старую квартиру, гдѣ, въ тѣнотѣ, мы жили такъ счастливо, чтобы жить пошире.

Вотъ и опять поѣздка въ деревню, свидѣтельство разрушающагося помѣщичьяго быта. Дворянъ распустилась и разбродится, старые, малые и калѣки еще жмутся подъ общимъ кровомъ. Сады пустѣютъ, и въ нихъ встрѣчаешь гуляющихъ и скотину, для запрета которымъ полиціи нѣтъ, а нѣтъ и достаточной охраны. Но меня поразило и равнодушіе правительства къ положенію помѣщиковъ. Тогда какъ прежде правительство, по случайнымъ событіямъ, широко прощало взысканіе и недоимки, теперь оно, въ лицѣ бойкихъ губернаторовъ, налегло на нихъ и взыскиваетъ съ такими изощреніями (опека, продажа скота и даже высылка изъ имѣнія), какія и при процвѣтаніи крѣпостного права представлялись разорительными. А между тѣмъ, при недостаткѣ капиталовъ и дохода, правительство съ 1859 г. закрыло поземельный кредитъ, предоставляя (это похоже на насмѣшку) открыть его въ частныхъ рукахъ. Еще бы оно удовольствовалось указаніемъ дякону молиться о нищенствующимъ дворянамъ вмѣстѣ съ путешествующими и болящими. Это вынудило меня обратиться къ министру Валуеву и подать ему

*) Это вполнѣ несправедливо, М. Н. Катковъ никогда не получалъ пособій ни отъ правительства, ни отъ Евреевъ. П. Б.

три записки: о недоимкахъ, о порядкѣ ихъ взыскація и объ открытіи кредита подъ земли, остающіяся за надѣломъ крестьянъ.

Я встрѣтилъ въ Валуевѣ большую готовность, положительное обѣщаніе и получилъ даже благодарность за сообщеніе моихъ наблюдений. Я этому вѣрю, но вѣрю единственно потому, что хочется вѣрить, а хочется потому, что перстами моими осязаль эти вопіющія нужды.

Оставляя это, должно сказать, что крестьянское дѣло идетъ хорошо, и готовность, съ которою оно исполняется, дѣлаетъ честь и народу, и сословію, и правительству. Надобно ожидать затрудненій при разверсткѣ земель. Не торопись правительство въ 1857 и 1861 годахъ, оно достигло бы цѣли, не разстроивъ помѣщиковъ, не прибѣгая къ революціонно-диктаторскимъ мѣрамъ и не опасаясь на каждомъ шагу то бунтовъ, то злоупотребленій. Дворянство фрондируетъ на сѣздахъ и собраніяхъ и тѣшитъ себя адресами, заугольнымъ либеральничаньемъ и легкими обѣщаніями жертвы, когда жертвовать нечего. Податная часть идетъ исправно. Сборы бездоимочно и вообще идутъ свободно; кажется, съ переборомъ. Но крайней мѣрѣ дѣйствительные сборы превзошли ожиданіе поступленія. Это объясняется массою бумажныхъ денегъ, легкостью заработка при бывшихъ обширныхъ и расточительныхъ предпріятіяхъ и частію желаніемъ быть исправными въ первый годъ вольности. Иначе будетъ, думаю я, при развитіи обязательнаго надѣла.

*

Всѣ ожидали 8 Сентября (праздникъ тысячелѣтія) милостиваго манифеста. Его не было. Не было и обнародованія общихъ преобразованій, котораго тоже ожидали. Вышелъ только указъ для Польши, о прекращеніи дѣлъ по конфискаціямъ. Пора, давно пора. Польша смотреть не то уже косо, но прямо, во всѣ глаза, и требуетъ—давай да давай! И ей дадутъ. Дворянство въ Царствѣ и Западныхъ губерніяхъ, потерявъ крѣпостное право, имѣетъ теперь (цѣлью) только приобрѣтать. Нельзя же ему оставаться въ бездѣйствіи и ничтожествѣ, наровнѣ со всякимъ землевладѣльцемъ, бывшимъ его крестьяниномъ. Дворянство западное требуетъ присоединенія къ Царству, и дворянство Польское собирается на совѣщаніяхъ у графа Андрея Замойскаго и требуетъ возвращенія правъ, гарантированныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ. Нельзя не сказать о двусмысленной роли князя-намѣтника. Онъ всегда любилъ искать популярности и теперь въ затруднительномъ положеніи, болѣе нежели когда нибудь. Говорять, что всѣ эти совѣщанія дѣлаются подъ его покровительствомъ, которое дается Андрею Замойскому, чтобы избавиться отъ всеокужившей Лазенки опеки маркиза Велопольскаго. „Мнѣ всегда пріятно узнать желанія страны и исполнить ихъ, если того требуетъ большинство, и это требованіе не противорѣчитъ общимъ дѣламъ Имперіи“.

Эти слова намѣстника способны вызвать манифестаціи въ огромныхъ размѣрахъ. Великій князь помиловаль, дозволивъ возвращеніе сотнямъ, тысячамъ; но онъ не знаетъ, что прощенные не прощаютъ.

*

Не понимаю Гарибальди. Онъ шель на Францію. Съ кѣмъ, съ чѣмъ? Кошутъ и Клапка его опровергаютъ. Министерство признаетъ возмутителемъ. Въ Сициліи и въ Неаполѣ законность порядка не нарушена. Здѣсь должно быть недоразумѣніе. Или министерство обмануло Гарибальди, попуская его дѣйствія, чтобы принудить Францію выдти изъ неопредѣленнаго и неподвижнаго положенія въ Римѣ; или Гарибальди обманулся, думая увлечь за собою министерство.

Положеніе новаго королевства самое ложное. Оно не смѣетъ ни отказаться отъ своей программы, ни исполнить ее; а Франція, опредѣленно и энергически выразясь противъ этой программы, признала и заставила Россію и Пруссію признать Итальянское королевство—безъ Рима. Но въ порядкѣ-ли вещей Флоренціи, Милану и Неаполю признать первенство Турина? Не выросли ли эти отдѣльно развившіяся мѣстности изъ тѣхъ годовъ, когда сліянiе возможно? Не обратится-ли Италіи къ федеративной системѣ Наполеона? Не переходное-ли это положеніе къ федеративной республикѣ?

Жаль Гарибальди. Онъ осрамленъ, осмѣянъ, раненъ, въ плѣну, и много если не совсемъ потерялъ силу обаянія.

*

Введеніе казенной, вольной, вмѣсто откупа, продажи хлѣбнаго вина сопровождается опасливыми, предусмотрительными (чтобы не сказать насильственными противъ откупщиковъ) мѣрами. Чтобы они не залили 1863 годъ, имъ не хотять отпускать сверхнормальной пропорціи. Эта казенная продажа породила уже томы положеній и циркуляровъ и полчища чиновниковъ. Одно это не рекомендуетъ мѣры. Откупная цифра выберется безъ затрудненія, ибо пьютъ много, и съ удешевленіемъ нельзя же ожидать воздержанія. То несомнѣнно, что, отстраняя частную производительность подъ предлогомъ монополіи и злоупотребленій, правительство заявляетъ свою несостоятельность въ предупрежденіи и преслѣдованіи злоупотребленій и принимается хозяйничать. Я не сомнѣваюсь, что мы опять придемъ къ откупамъ.

А вотъ преобразованія судебной части. Обнародованіе ихъ произвело громадное впечатлѣніе, праздникъ, говоръ на улицахъ. И все эти колоссальныя реформы дѣлаетъ бывшій молчаливый наслѣдникъ, Александръ II-й!

Der König Karl am Steuer saß
Und hat kein Wort gesprochen,

Er lenkt das Schiff in rechten Maasß
 Bis sich der Sturm gebrochen.

Реформа колоссальная. Роскошь. Расточительность. Конституція. Кромѣ гласности, присяжныхъ, повѣренныхъ и несмѣняемости, здѣсь замѣчательно нововведеніе, которое особенно важно, потому что можетъ приняться. Это мировые судьи и ихъ сѣзды, другими словами: *судъ по совѣсти*. Законодатель совершенно отдѣлилъ его отъ окружныхъ судовъ и палатъ и отъ кассациі. Я не думаю, чтобы законодатели понимали все пространство, всю важность такого обширнаго суда по совѣсти, въ государствѣ, гдѣ едва не повсюду существовали военные комиссіи, полицейскія расправы, сокращенные земскіе порядки, — въ государствѣ, гдѣ совѣсть не выработалась ни контролемъ общественнаго мнѣнія, ни духомъ корпорацій, ни юридическими обычаями.

Я опасуюсь въ періодъ наклонности къ уступкамъ одного: наобѣщаютъ болѣе нежели исполнять, болѣе нежели могутъ исполнить и дадутъ право и поводъ роптать, упрекать и требовать *).

Программа, утвержденная 28 Сентября, вовсе и не подлежала обнародованію. Можно было заявить о ней въ общихъ словахъ, въ одномъ изъ официальныхъ журналовъ, потомъ развить въ подробномъ положеніи и начать примѣнять не постепенно по мѣстностямъ, а постепенно развивая институтъ гласности, несмѣняемости, адвокатуры и присяжныхъ. Къ постепенному развитію мирового правосудія есть и пунктъ отправления: мировые посредники. По мѣрѣ ихъ освобожденія отъ крестьянскаго дѣла, они могли бы постепенно принимать въ свое вѣдѣніе гражданскія тяжбы, разбирательства найма, части маклерскую и нотариальную. Я почти увѣренъ, что правительство и вызоветъ и встрѣтитъ препятствія, которыя мало по малу выростутъ въ столкновенія и борьбу.

Я послалъ Валуеву записку о ценсурѣ въ Пруссіи 1840 годовъ. гдѣ описываю тогдашнія обстоятельства, мнѣ лично и подробно извѣстныя. по сношеніямъ съ Гитцигомъ, бывшимъ президентомъ оберъ-цензуригерихта. Я склоняю и убѣждаю на свободу печати и на цензуру

*) Императоръ Александръ Николаевичъ говорилъ съ митрополитомъ Филаретомъ объ измѣненіи судебного дѣла. „Вотъ и другое преобразование готовится, сказалъ онъ. Митрополитъ молчалъ. Я уже получил проектъ судебныхъ уставовъ.—Митрополитъ молчалъ.—Что же, владыка, не отвѣчаетесь? спросилъ Государь. Вѣдь это будетъ судъ не по мертвой буквѣ закона, а по человѣческой совѣсти.—Тогда Филаретъ, указывая на находившуюся въ комнатѣ икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, сказалъ: Римское правительство, Пилать, готово было освободить Его, но судъ народной совѣсти возложилъ на Него терновый вѣнецъ. Объ этой бесѣдѣ знали немногіе, конечно, со словъ Государя; Филаретъ же не такой былъ человѣкъ, чтобы огласить ее. (Слышано отъ В. А. Кокорева). П. В.

исполнительную, дѣйствующую или общимъ судебнымъ порядкомъ, если преслѣдуется преступленіе или проступокъ, наказуемые по Уложенію, или чрезъ совѣтъ, который дѣлаетъ предупрежденія и запрещаетъ изданіе, дѣйствуя въ послѣднемъ случаѣ по всѣмъ формамъ учрежденія судебного. Чтобы избавить писателей отъ стѣсненія отъ издателей и типографій, какъ это описываетъ Прудонъ въ послѣдней книгѣ своей (*De la propriété littéraire*), я полагаю дозволить авторамъ, издателямъ и типографіямъ выбирать себѣ ценсоровъ изъ лицъ правительству извѣстныхъ и принимающихъ въ управленіи извѣстную степень участія, напр. старшіе учителя, совѣтники коллегій. Министры наши такъ заняты, что едва ли Валуевъ найдетъ время прочесть эту записку.

Меня въ нашихъ реформахъ поражаетъ одно: какъ онѣ легко дѣлаются и даются. Впрочемъ, можетъ быть, это такъ кажется вдали отъ правительственной дѣятельности, какъ нахожусь я. Но тѣмъ не менѣе легковѣріе, съ которымъ наши государственные люди принимаютъ отвѣтственность за введеніе общихъ положеній, для меня во крайней мѣрѣ, поразительно. Крестыанское дѣло, такъ спѣшно развязанное, совершалось подъ вліяніемъ либерализма Ростовцова, окруженнаго исполнителями самаго демократическаго цвѣта, „краснаго“, какъ говоритъ старая партія. Это Милютинъ, Самаринъ, кн. Черкасскій, Соловьевъ, Семеновъ и др. Дворянство было погребено „за разъ“. Оно едва опомнилось, переходъ былъ сдѣланъ незапно. Оно закрамольничало. Надобно было не гладить его противъ шерсти. Ланской уволенъ, а съ нимъ и Милютинъ. Выжившій изъ ума Блудовъ уступилъ мѣсто князю Гагарину, въ М-вѣ Внутр. Дѣлъ партія Шуваловыхъ нашла Валуева. Начались уступки. Въ порывѣ негодованія, дворянскія собранія требовали обязательнаго выкупа. Валуевъ его выработалъ. Соединившись съ гр. Панинымъ и кн. Долгорукимъ, Валуевъ рѣшился и земскую (полицейскую и хозяйственную) власть передать дворянству. Кн. Гагаринъ задумалъ тоже о мѣстной власти судебной: мировые учрежденія. Они поставили началомъ назначеніе по выбору, а цензомъ (основаніе выбора и избранія) исключительно поземельная собственность.

Я думаю, и обязательный выкупъ, и значеніе поземельной собственности не приведутъ къ желаемой цѣли. Англійскія уновленія у насъ не имѣютъ элементовъ. Мы сложились изъ демократіи и чиновничества. Мы и мировыхъ посредниковъ не могли учредить, не давъ имъ чина и жалованья. У насъ предводители дворянства просятъ жалованья. Я понимаю представительство, налоги, ревизію по поземельной собственности, и то неисключительно, но чтобы она же была условіемъ отправленія власти и исполнительной и судной; для этого нуженъ особый классъ, котораго у насъ нѣтъ.

*

Наконецъ-то я догналъ время, прочелъ накопившіеся листы и книги. Экая давка событій, экой напоръ демократіи, эдакое ослѣпленіе исключительныхъ убѣжденій! Если мы привыкли къ своекорыстнымъ видамъ Англій, одинаково помогающей и *statu quo* въ Турціи, и революціи въ Италіи, если мы привыкли ничему не вѣрить въ дѣйствіяхъ Наполеона, который дѣйствительно очень можетъ быть затрудненъ что выкинуть бы новенькаго, дабы терпѣливѣе держать въ цѣпи ведетовъ благородную націю, счастливая ея и демокритизаціей налога, отмѣною дополнительныхъ кредитовъ, свободою слова въ Сенатѣ и Палатѣ, успѣхами оружія въ Кохинхинѣ и Мексикѣ; если мы привыкли къ этому, ибо созерцаемъ давно: то едва ли скоро привыкнемъ къ тому, что дѣлается въ Италіи, Турціи и Германіи. Въ Италіи дѣйствуетъ право патріотовъ. Изъ гроба вынули какую-то куклу и кричатъ: Италія воскресла, воистину воскресла! Патріоты вербуютъ полки, Туринское правительство съ ними въ сдѣлкѣ, попускаетъ, поощряетъ, помогаетъ имъ; патріоты недовольны этою куклою и говорятъ: „ей надобно сердце, мы пойдемъ на Римъ“. Министерство отвѣчаетъ; правда, но въ Римѣ Наполеонъ „вѣрнѣйшій сынъ церкви. Мы туда пустить васъ не можемъ. вы насъ компрометируете, и не драться же намъ съ тѣмъ, кто насъ облагодѣтельствовалъ“? И за тѣмъ что же предлагаетъ Ратаци? „Если вы пойдете въ Морею или Герцеговину (чортъ васъ возьми, ступайте куда хотите, только отъ насъ подальше), то мы готовы помочь вамъ“. Да, но что же это за государство, что это за право, что это за правильное правительство?

Франція и Англія желаютъ поддерживать *statu quo* въ Турціи и Греціи, а Россія, напротивъ, требуетъ революціи. Посылаютъ ноты, летѣютъ своего Гарибальди. Панславизмъ (Славянскій Комитетъ, Русскія посланія братьевъ къ Турецкимъ Славянамъ) Сербамъ, открываетъ официальную подписку въ пользу Черногорцевъ, настаиваетъ на вмѣшательствѣ Европы, говоритъ, что Турція нарушаетъ трактатъ Парижскій. что она хочетъ задавить Сербію и Черногорію. Кн. Горчаковъ въ Лондонѣ Лобановъ въ Портѣ пишутъ нота за нотой. Журналы наши, особенно „День“ и *Journal de S't-Petersbourg*, разсыпаются въ протестахъ, а Омеръ-паша занявъ Черную Гору, и Джонъ Россель отвѣчаетъ: если Черная Гора независимое государство, мы и никто не мѣшаетъ ей воевать и защищаться; если она Турецкая подданная, никто не можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла государства. Дж. Россель такъ любитъ *statu quo* въ Греціи, съ которой по соудству другая Сицилія, ожидающая другаго Гарибальди, что готовъ прославлять и правительство Оттона Баварскаго. Династіи этой не уцѣлѣть. У нея нѣтъ ни корней, ни симпатій, ни поддержки. Правительство должно быть національно.

Въ Германіи, Пруссіи и Австріи дали конституціи и не хотятъ исполнять ихъ. Поколѣніе конституціонныхъ государей еще не народилось у Нѣмцевъ. Столкновеніе палаты и короля въ Пруссіи важно тѣмъ, что Европа вѣрила Прусской конституціи и что оппозиція съ обѣихъ сторонъ ведется *систематически*. Новый президентъ Бисмаркъ-Шёнгаузенъ не примиритъ раздора. Онъ не пользуется довѣріемъ и весьма одностороненъ. Какъ въ Австріи, такъ и въ Пруссіи правительства теперь не уступятъ, чтобы потомъ уступить болѣе. Есть же, наконецъ, право обоюдное признанное. Два раза король повѣрилъ свои виды новыми выборами, и все таки упорно стоитъ за свой *личный* проэктъ военной организаціи. Личность короля, по конституціи, внѣ всякаго вопроса, и самое вмѣшательство ея есть преданіе.

*

Подольское дворянство составило, подписало и прислало адресъ, въ которомъ, прося объ административномъ присоединеніи къ Царству Польскому, обращаетъ вниманіе Государя на бѣдственное положеніе края, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни школъ, ни порядочнаго управленія. Предводители этого дворянства преданы суду во 2 отдѣленіи 5 департамента Сената. Я понимаю эту крамолу дворянства. Нигдѣ крѣпостное право не имѣло такой числительности какъ въ Подоліи. Уничтоживъ связь дворянства съ земствомъ, правительство усилило тѣмъ всегда ненавистный, особенно въ Западныхъ губерніяхъ, элементъ чиновничества, чиновничества Русскаго. Чтѣ терять дворянству?

По моему мнѣнію правительство напрасно полагается на судебное прещеніе. Судъ у насъ, и особенно Петербургскій Сенатъ, не пользуется довѣріемъ и не имѣетъ никакого вліянія. Онъ и въ дѣлахъ негораздъ. Онъ уже напуталъ по дѣлу Тверскихъ дворянъ. Онъ напутаетъ и здѣсь. Крамоль дворянскихъ надобно было ожидать. Правительство дѣйствуетъ очень непослѣдовательно. Уничтоживъ крѣпостныхъ владѣльцевъ, оно оставляетъ собранія, избираемая по крѣпостному ценсу. Но и удерживая собранія въ этомъ положеніи, правительству слѣдовало, по опыту и внутреннихъ губерній, и Могилевской, озаботиться предупрежденіемъ подобныхъ манифестацій, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи формальной законности ихъ. Въ настоящее время надобно ожидать подобныхъ выходовъ вездѣ.

Всѣ газеты и журналы все еще полны восхищеніемъ нашихъ судебныхъ реформъ. Подлинно восхищеніемъ. Государь даетъ льготы и права съ роскошью, расточительно, невозбранно. Но восхищеніе это не совсѣмъ обдуманно. Прославляютъ реформы какъ заимствованія Французскія, добытыя опытомъ и жертвами многихъ поколѣній. Въ „Сѣверной Почтѣ“ 14 Октября напечатана моя маленькая „Нелишняя замѣтка“.

въ которой я обращаю вниманіе на одну сторону реформы, едва замѣчаемую газетами, это—судъ по совѣти. нѣчто въ родъ courts of equity Англій. Правда, канцелярскіе суды не внушаютъ особеннаго довѣрія въ умахъ серьезныхъ, но осуществленіе Кантовскаго „права безъ принужденія“ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ изученія, особенно при полномъ развалѣ мудренаго ученаго права и канцелярскаго суда.

Едва-ли не одно изъ самыхъ практическихъ преобразованій: положеніе о порядкѣ составленія смѣтъ, утвержденное 22 Мая 1862 г. Правила объ этомъ, изложенныя въ счетномъ уставѣ, весьма недостаточны и дополнялись практикою, которая, въ этомъ должно сознаться, развилась рачіонально, особенно въ военныхъ министерствахъ. И не въ этихъ правилахъ заключается реформа 1862 г. Достоинство ея въ единствѣ смѣтъ, требующемъ единства кассъ. Это мѣра радикальная и приведетъ къ добру. У министровъ столько было смѣтъ, сколько они хотѣли имѣть. Министерство Имуществъ составляло: а) общую смѣту, б) смѣту общественнаго сбора (болѣе 5 м. р.), в) смѣту лѣсную (около милліона), г) смѣту хозяйственную (тоже) и д) частныя смѣты по разнымъ случаямъ. Теперь надобно составлять одну. Теперь расходовать по особымъ смѣтамъ и изъ особыхъ капиталовъ не будетъ. Это много способствуетъ стройности и единству, но, можетъ быть, это будетъ имѣть вліяніе менѣе благопріятное, на развитіе частей управленія. Общая касса небережлива, способна поглотить все и напротивъ скупа и отрѣзываетъ даже нужные расходы, когда сама въ нуждѣ, а они почти всегда въ нуждѣ. Развивающемуся управленію нужна свобода средствъ, даже для опытовъ и ошибокъ, безъ которыхъ ручательство успѣха ограничивается рутиною, бюрократизмомъ. Конечно расточители, какъ генер. Муравьевъ, и скопщики, какъ графъ Киселевъ, требуютъ обузданія, но можно обуздывать не стѣняя, гласностію дѣйствій, употребленіемъ остатковъ, подчиненіемъ дѣйствій общей ревизіи.

Мы, въ Министерствѣ Имуществъ, заняты теперь составленіемъ и разсмотрѣніемъ смѣтъ по департаментамъ, и сего дня было у меня засѣданіе для лѣсной смѣты на 1863 г. Она, на мой взглядъ, представляется далеко не въ выгодномъ свѣтѣ. Доходовъ изчислено 3,300,000 р., расходовать 1,700,000 р. Чистаго дохода—1,551,463 р. $17\frac{3}{4}$ к. И такъ содержаніе обходится въ 53% и даже въ 56%, если принять въ соображеніе, что лѣсныя отдѣленія палатъ содержатся на счетъ общественнаго сбора, и даже болѣе 56%, если оцѣнить сервитуду, по которой министерство беретъ въ годъ день лѣсныхъ работъ съ 2 дунгъ (около 5 м., дней, которые предположено выкупить за 500 т. р.).

Я не думаю, чтобы гдѣ нибудь лѣса доставляли такъ мало дохода, и управленіе ими стоило такъ дорого. Я соображалъ эту часть бюджета

съ цифрами Прусскими и Французскими и а priori пришелъ къ тому убѣжденію, составившемуся во мнѣ при ревизіи дѣловой части въ губерніяхъ, что управленіе это въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи.

Графъ Панинъ оставилъ Министерство Юстиціи послѣ 24 лѣтняго управленія. Это событіе почти Европейское. потому что въ Россіи и въ Европѣ онъ имѣлъ, и справедливо, незавидную славу. Его считали врагомъ всякихъ преобразованій, безпрекословнымъ слугою двора и пристрастнымъ служителемъ правосудія для себя равныхъ. А помню я, съ какими одушевленными надеждами встрѣчено было его назначеніе въ 1839 г., какъ легко ему было постепенно работать надъ улучшеніемъ суда и занять положеніе, къ которому призывали и его имя, и его состояніе, и его замѣчательный даръ слова и выдержаннаго порядка речей. Было время, когда онъ могъ сдѣлаться главою партіи. Это 1850 годъ, когда императоръ около 10 лѣтъ держалъ его въ немилости, и въ 1860 г. когда новый императоръ назначилъ его распорядителемъ крестьянскаго дѣла. Николаю онъ отвѣчалъ терпѣливою покорностію, Александру—самую гнѣбую угодливостію. И это его потеряло. Потеряло навсегда. Выбитый изъ колеи новыми реформами, онъ безпрестанно впадалъ въ противорѣчія, то управляя дѣлами и людьми какъ пашалыкомъ, то выставаясь либераломъ донельзя. Уже въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ не разъ въ день мѣнялъ свои воззрѣнія, такъ что спѣшливый президентъ комитета спросилъ его: „какого же вы мнѣнія?“ Дворянство смотрѣло на него какъ на предателя. Чиновный людъ, какъ на угодника. Процессы студентовъ и Тверскихъ посредниковъ еще болѣе уронили его. Онъ окончательно упалъ съ окончаніемъ общихъ основаній судебной реформы, въ которой онъ отстаивалъ Сенатъ (безъ гласности) и право царской санкции по дѣламъ привилегированнымъ. Все работы переданы государ. секретарю Буткову, и графъ Панинъ обязанъ былъ исполнять только его требованія. Онъ не догнулъся, выпрямился и ушелъ. Онъ давно бы ушелъ, ибо новое царствованіе въ немъ не нуждалось, и положеніе его между новыми товарищами было невыносимо: но ему помогло одно обстоятельство, сдѣлавшее въ свое время довольно шуму. По плану великаго князя Константина министромъ юстиціи долженъ былъ быть статсъ-секретарь кн. Оболенскій. Кандидатъ этотъ сдѣлалъ двѣ глупости: онъ осмѣялъ проэктъ графа Блудова, предложивъ ввести у насъ Польское судоустройство. Онъ напечаталъ у Герцена біографію гр. Панина, и въ этой біографіи, описывая недостатки министра, очень сильно наперъ на его преданность не только государю и царскому семейству, но и всѣмъ, кто болѣе или менѣе близокъ къ ней. Такой недостатокъ конечно не могъ быть основаніемъ удаленія, и гр. Панинъ, оставаясь на своемъ посту, приготовилъ себѣ преемника—сенатора Замяткина, и вышелъ изъ министер-

ства, когда положеніе его сдѣлалось не только ложнымъ, но и унижительнымъ. Думаютъ, что настоящимъ министромъ будетъ Бутковъ *).

Увольненіе гр. Панина есть торжество новаго поколѣнія и новыхъ началъ. Время переворотовъ ѣсть и стираетъ людей. Гр. Панинъ старъ, чтобы дождаться возрожденія, ему за 60 лѣтъ. Онъ не оставляетъ никакой партіи и не услышитъ никакого, ни ѣдкаго сожалѣнія; напротивъ всѣ радуются и—чего добраго—готовы выразить удовольствіе, и выразили бы его, если бы былъ приличный поводъ, т. е. если бы преемникомъ былъ не Замятинъ, а лицо, пользующееся довѣріемъ общественнаго мнѣнія.

Сегодня я былъ у него и записался. Служба въ министерствѣ, при немъ, составляетъ лучшую часть моей служебной дѣятельности. Я много обязанъ его брату, графу Александру; много обязанъ и ему.

Вотъ уже нѣсколько разъ собирались мы въ отдѣленіи Географическаго Общества для назначенія медали за лучшее сочиненіе по части Статистики. Мы были вынуждены принять къ соисканію 8 или 9 описаній губерній офицерами генеральнаго штаба. И только. Я предложилъ переводъ „Статистики Кольба“ съ прибавленіями г. Корсака и „Крѣпостное населеніе“ г. Тройницкаго. Такъ бѣдны мы учеными трудами. Трудами мы бѣдны вообще. Легче выработывать, переводя готовые начала, общія положенія. Отчего это? Глаеность есть, источники доступны, читателей не недостаетъ, польза несомнѣнна. Здѣсь двѣ причины: недостатокъ постоянного труда отъ недостатка требованій (что ни говорили бы газеты о пробудившейся жаждѣ знаній и дѣловомъ направленіи умовъ) и *второе*, удобство мелкихъ вознагражденій за статьи и статейки. Только правительство можетъ издавать въ убытокъ. Славянофилы народъ безкорыстный и въ приглашеніяхъ „Дня“ и Безсонова жалуются на равнодушіе къ изученію народнаго духа и старины Русской. Только правительство и имѣетъ работниковъ, ибо всѣ эти офицеры генеральнаго штаба и г. Тройницкій работали на службѣ и безъ того не написали и не издали бы своихъ сочиненій. Я полагаю бы, отъ Географическаго Общества назначать задачи и выдавать цѣнные преміи. Если для этого недостаточны средства общества, помѣщающагося теперь въ казенномъ домѣ, то надобно бы пересмотрѣть бюджетъ его. Авось бы нашлись средства.

Дѣйствія и машинъ, и обществъ зависятъ отъ мастеровъ. Я не имѣю никакого довѣрія къ нашимъ мастерамъ, какъ настоящій фактотумъ Владимиръ Безобразовъ и его патронъ Ѡ. П. Литке. Партія, съ 1861 г.

*) Графъ В. Н. Панинъ уѣхалъ тогда въ свою великолѣпную Гаспру, на южномъ берегу Крыма. Помню, въ Алушкѣ, князь С. М. Воронцовъ сказывалъ мнѣ, что государь Александръ Николаевичъ отозвался ему о графѣ Панинѣ: „Не могу не дорожить имъ: онъ мнѣ пожертвовалъ своими убѣжденіями“. Память о 35 лѣтней оналѣ отца должна была тяготѣть надъ этимъ воспитанникомъ великаго Гѣте. П. Б.

выбрала председательствующимъ отдѣленія статистики Евгенія Ламаискаго, который вовсе не статистикъ и не имѣетъ времени быть въ засѣданіяхъ, а онъ выбралъ себѣ въ помощники какого-то г. Артемьева. И хотять, чтобы дѣло шло! Теперь же и не тѣмъ заняты.

Грядущій порядокъ все болѣе выглядываетъ и знаменуется. Онъ знаменуется преимущественно запутанностію отъ борьбы стараго съ новымъ, преданія съ рационализмомъ, династическаго съ народнымъ, нравственнаго съ матеріальнымъ. Со времени побѣды правильной, регулируемой революціи 2 Декабря 1851 г. надъ анархической, Европа изъ судорожнаго состоянія перешла въ оробѣвшее, разслабленное и не имѣетъ ни одного дня покоя. Куда бы ни вмѣшался этотъ регуляторъ въ традиціонныя-ли сношенія Востока или въ анархическія волненія Италіи, онъ ничего не развязываетъ и все запутываетъ. Едва призналъ онъ Европейскую самостоятельность Турціи, какъ готовъ протестовать противъ этой самостоятельности по дѣламъ христіанъ. Едва покрылъ онъ своимъ покровительствомъ самыя наглыя нарушенія международнаго права Туринскимъ правительствомъ, какъ пишетъ ноту про обузданіе Гарибальди, а послѣ побѣды его окончательно даетъ знать, что Римъ никогда не можетъ быть принадлежностію Итальянскаго королевства. А Италія, имъ же вспомошествоваемая, четвертый годъ только и думаетъ и говоритъ что о Римѣ. Онъ намѣренъ было впутаться и въ дѣла Америки; но, при всемъ подобострастіи, ни Англія, ни Россія не рѣшились отвѣчать на этотъ вызовъ. И вижу въ правительствѣ Наполеона какую-то усталость, какое-то затрудненіе, въ которомъ изворотливость принимаетъ размѣры государственнаго дѣла, а великая политика значеніе ловкой удачи.

Управление юстиціею ввѣрено Д. П. Замятнину. Никто не хотѣлъ видѣть въ этомъ окончательнаго назначенія. Говорили, что въ министры готовится В. П. Бутковъ, у котораго сосредоточены все работы по судебной реформѣ. Выборъ товарища дѣлаетъ назначеніе Замятнина окончательнымъ. Н. П. Стояновскій, молодой человекъ, пользующійся отличною репутаціей, имѣющій дѣловую опытность и слѣдящій за наукою. Онъ вышелъ изъ Училища Правовѣдѣнія въ 1842 г. 10 классомъ. Вскорѣ потомъ, служа въ Сенатѣ, сдѣлался преподавателемъ въ училищѣ уголовнаго судопроизводства и издалъ книгу для руководства, нѣчто въ родѣ компіляціи изъ разныхъ томовъ Свода. Хотя еще въ училищѣ онъ былъ въ связи съ Топильскимъ и гр. Панинымъ, но репутація его началась, когда онъ сдѣлался оберъ-секретаремъ общаго собранія, мастерски обрабатывая дѣла и излагая мнѣнія. Изъ оберъ-прокуроровъ онъ перешелъ въ Госуд. Совѣтъ и оттуда назначенъ теперь товарищемъ министра. Это новое усиленіе партіи лицензовъ-право-

вѣдovъ, которые подали другъ другу руки и составили замкнутый кружокъ, моя рука руку, таща по товарищески своихъ и останавливая другихъ. Камарадерія въ полномъ развалѣ. Головиннѣ тащить Рейтерна, Николаи и Оболенскаго. Рейтернѣ докладываетъ о прибавкѣ жалованья, даетъ назначеніе Гирсу, опредѣляетъ лицензовъ и правовѣдовъ, въ Казань, въ Одессу. Наименѣе замѣчалъ я этой камарадеріи въ Стояновскомъ. Впрочемъ въ юстиціи кромѣ правовѣдовъ уже никому служить было невозможно. Теперь директоръ и вице-директоръ правовѣды. Состояніе университетскихъ не улучшится.

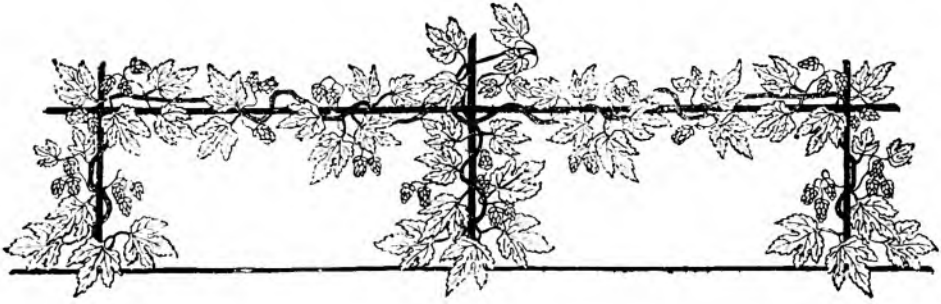
Я продолжаю болѣть моею болѣзнію: я почти ничего не дѣлаю, а что и дѣлаю, то механически, по привычкѣ. А между тѣмъ у меня стеклись дѣла: 1, по Совѣту смѣты и Оберлендскіе дрова, 2, по Географическому Обществу—разборъ сочиненій и просить согласія на выборъ въ ревизоры и 3, особенно по податной комисіи, гдѣ вопросъ о сахарѣ, съ призваніемъ заводчиковъ, получилъ такое живое значеніе, что невольно увлекаетъ и меня. Желалъ бы участвовать и въ судебныхъ комисіяхъ, да не ожидаю пользы. Не понимаю, отчего у меня апатія и лѣнь. Какая-то боязнь, неувѣренность, подозрительность. А жаль! Въ эти эпохи проэктovъ и реформъ нужна энергія. Да энергія слаба, и потому смѣшна. При ускоренномъ ходѣ на крутомъ склонѣ остановиться и остановить трудно, хотя Гизо все-таки правъ, что *ce n'est pas le mal qui est fort, c'est le bien qui est faible*. Постараюсь дать отчетъ, что я могъ, могу и смогу сдѣлать хорошаго. Странное дѣлю! Говоря „хорошаго“, я почти придаю ему столько пользы и истины, сколько върво необходимости оппозиціи для пользы дѣла. Это еще сила, но уже второстепенная, и ей торжествовать трудно.

*

Наблюдательный и вдумчивый Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ въ рѣзкихъ чертахъ изобразилъ состояніе Россіи, наступившее вслѣдъ за раскрѣпощеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ. Живучи въ Петербургѣ, онъ знаетъ много такого, что не оглашалось въ печати и не распространялось. Москва тоже съ недоумѣніемъ и негодованіемъ относилась къ Петербургскимъ мѣрамъ и содѣяніямъ. М. Н. Катковъ въ передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ мѣтко и художественно изобразилъ добродушнаго, толстогубаго Отелло и коварнаго Яго съ тонкими чертами лица. Марціалъ нашихъ дней, С. А. Соболевскій, не придавая большого значенія толкамъ и нареканіямъ, ограничился шуточнымъ четверостишіемъ:

Wir leiden alle an dem Eptien,
Und Nichts kann uns erheutern,
Nängt man nicht auf den Konstantin
Mit Götovnin und Meutern

Конечно, это сообщено было лишь немногимъ. П. Б.

Къ исторіи еврейства.*)

XIV.

Признаніе Евреевъ въ возбужденіи революціи въ Россіи преимущественно ими. Подтвержденіе этого всѣмъ ходомъ революціи. Устройство въ 1885 г., въ Вильнѣ Евреями общества „Бундъ“ съ цѣлью испроверженія государственнаго строя Россіи. Организациа „Бунда“. Устройство имъ русскаго погрома въ г. Гомель 28 Августа 1903 г. Цифры убитыхъ и раненыхъ высшихъ и низшихъ представителей власти, земледѣльцевъ, фабрикантовъ и другихъ лицъ большею частью отъ руки Евреевъ съ Февраля 1905 г. по Май 1906 г. Устройство „Бундомъ“ и другими революціонными еврейскими партіями забастовокъ рабочихъ, нападеній на полицію и войска и вообще противоправительственныхъ безпорядковъ, послѣ событій 9 Января 1905 г. въ Петербургѣ, съ Февраля по 15 Августа 1905 г. въ городахъ: Бѣлостоки, Вобруйскѣ, Двинскѣ, Минскѣ губерн., Кіевѣ, Поневѣжѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Черкаскахъ, Бердичевѣ, Полтавѣ, Житомирѣ, Кишиневѣ, Керчи, Симферополѣ и Одесѣ. Распространеніе прокламацій въ деревняхъ и возбужденіе крестьянъ къ аграрнымъ безпорядкамъ Евреями въ губерніяхъ черты ихъ осѣлости. Устройство еврейскими и польскими революціонными партіями нападеній на войска и полицію, забастовокъ рабочихъ и противоправительственныхъ безпорядковъ въ городахъ Варшавѣ, Лодзѣ и Сѣдлецѣ.

Въ главахъ XI и XII мы привели факты объ участіи въ революціонномъ движеніи въ Россіи въ 1905 г. еврейской интеллигенціи. теперь сдѣлаемъ краткій очеркъ участія въ немъ вообще Евреевъ въ Россіи.

По признанію самихъ Евреевъ, революцію въ Россіи возбудили и поддерживаютъ главнымъ образомъ они¹²¹⁾. Это признаніе, сдѣланное Евреями, чтобы указать правительству и русскому народу на свою силу, вполне подтверждается всѣмъ ходомъ революціи, хотя многое въ ней еще не раскрыто правительствомъ и печатью и требуетъ обширнаго изслѣдованія; но и то, что извѣстно, доказываетъ, что Евреи

*) См. выше, стр. 235.

¹²¹⁾ Новое Время 1909 г., № 10722, „Маленькое письмо“ А. С. Суворина.

были въ революціи главными подстрекателями, руководителями и жертвователями для ея распространенія и поддержанія⁴²²). Предсѣдатель Совѣта Министровъ Столыпинъ, въ произнесенной имъ, въ Февралѣ 1909 г., въ Государственной Думѣ, рѣчи, по поводу запроса о провокаторствѣ Еврея Азефа, на основаніи данныхъ департамента полиціи, между прочимъ объяснилъ, что „къ 1902 г. относится первое знакомство Азефа съ Евреями *Гершуни, Гоцемъ и Викторомъ Черновымъ. Это люди революціоннаго центра. Первые двое играли главнѣйшую роль въ революціи—Гоць въ качествѣ инструктора, а Гершуни—въ качествѣ организатора всѣхъ террористическихъ актовъ*“.

Начавшій, 9 Января 1905 г., открытое революціонное движеніе въ Россіи Еврей Гапонъ, въ бесѣдѣ съ П. М. въ Петербургѣ, въ началѣ 3-й забастовки, передъ отъѣздомъ за границу, сказалъ: „Послѣ 9 Января я бросился въ революцію съ глубокой вѣрой, что тамъ найду удовлетвореніе на всѣ мои запросы“... Онъ пріѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ состоялось первое свиданіе съ генераломъ отъ революціи и другими революціонерами, при недовѣрїи къ нему. „Мнѣ какъ-то стало обиднымъ, что *всѣ эти генералы-Евреи* съ типичными семитическими лицами“. *Евреи являлись главными дѣятелями и инспираторами движенія*“. Потому, размышляя о своей революціонной дѣятельности, Гапонъ говорилъ себѣ: „Все это движеніе инородческое, искусственно прививаемое русскому народу“ и проч. Революціонное движеніе не могло бы такъ быстро и повсемѣстно распространиться въ Россіи, если бы внѣ черты еврейской осѣдлости повсемѣстно не расселились Евреи интеллигенты, купцы и множество фиктивныхъ ремесленниковъ, представлявшіе вездѣ подстрекателей, руководителей, агентовъ по поставкѣ оружія и снарядовъ, террористовъ и боевиковъ революціи. Если не всегда

⁴²²) „Deutschland und die grosse Politik anno 1905“ профес. Шимана. Историческій Вѣстникъ 1909 г., № 5, стр. 508—509. Новое Время 1908 г. № 11777. Въ 1907 г. въ журналѣ министерства юстиціи опубликована статистика государственныхъ преступленій, точными цифрами подтверждающая мнѣніе о томъ, что русская революція совершалась главнымъ образомъ Евреями и вообще инородцами.

Слѣдующія данныя журналъ, между прочимъ, сообщаетъ о преступности за трехлѣтній періодъ 1901—1904 гг. однимъ только Евреямъ.

Составляя едва 25-ю часть населенія Имперіи, Евреи въ то же время даютъ почти третью часть *всѣхъ государственныхъ преступниковъ*.

Среди православныхъ Русскихъ одинъ политическій преступникъ на 23,000 челов., среди же русскихъ Евреевъ одинъ политическій преступникъ приходится на 2,600 чел.

Такимъ образомъ Евреевъ-революціонеровъ было въ девять разъ больше, чѣмъ Русскихъ, когда еще революціонеры старались скрыть свою роль въ революціи, съ успѣхомъ же ея въ 1905 и 1906 гг. они дѣйствовали открыто, и число ихъ, конечно, много увеличилось.

Новое Время 1907 года № 11110.

по мысли Евреевъ, то при ихъ энергическомъ руководствѣ и матеріальной поддержкѣ устраивались мятежи и забастовки, такъ какъ они мятежники по своей природѣ, а система стачекъ и бойкотированія ими успѣшно примѣняется съ древнихъ вѣковъ для захвата въ свои руки у не-евреевъ торговли и промышленности.

Участвуя черезъ многихъ своихъ единоплеменниковъ во всѣхъ русскихъ революціонныхъ обществахъ съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, Евреи до начала восьмидесятыхъ годовъ не имѣли своего революціоннаго общества съ спеціальною цѣлью испроверженія существующаго государственнаго строя въ Россіи. Въ 1885 г., въ Вильнѣ, какъ видно изъ „Очерка развитія социаль-демократіи въ Россіи“ В. Акимова (Махновца), опытнаго и посвященнаго во всѣ партійныя дѣла социаль-демократа, былъ основанъ кружокъ Евреевъ съ революціонными цѣлями: распространять въ массѣ населенія идеи социализма путемъ пропаганды и *вести непосредственно борьбу съ абсолютизмомъ путемъ террора*. Этотъ кружокъ собралъ группу молодыхъ Евреевъ *изъ готовившихся въ равнины и воспиталъ кадръ инструкторовъ всероссійской революціи*. Последніе положили начало первой въ Вильнѣ социаль-демократической организаціи, устроили кружки самообразованія изъ гимназистовъ, реалистовъ и гимназистокъ и вели пропаганду между еврейскими рабочими. Это былъ подготовительный періодъ съ 1885 г. до 1892 г. У спротагандированныхъ рабочихъ явилась мысль устроить кассы взаимопомощи и стачечной борьбы. Эти кассы стали создаваться *при синагогахъ*. Въ періодъ времени съ 1892 г. по 1895 г. устроилась сложная сътъ примитивныхъ боевыхъ организацій, въ формѣ стачечныхъ кассъ рабочихъ, руководимой тайной для нихъ организаціей революціонеровъ. Съ 1895 г. социаль-демократическія организаціи начали распространяться на многіе города, а Вильна являлась центромъ. Съ 1897 г. начались публичныя манифестаціи въ Вильнѣ, и уже 1 Мая 1899 г. было поднято красное знамя, пропѣта „Марсельеза“, раздавались крики „Долой самодержавіе“! Осенью 1897 г. былъ основанъ „Всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Литвѣ и Польшѣ Бундъ“. Въ № 3 „Вѣстника Бунда“, о цѣли этого общества сказано: „организованный еврейскій пролетаріатъ „Бундъ“, представляя прочную организованную силу, съ успѣхомъ руководить социалистической борьбою въ Россіи“⁴²³).

Въ теченіе 15 лѣтъ, говоритъ А. Акимовъ, въ Литвѣ и Польшѣ развивалось социаль-демократическое еврейское рабочее движеніе, формы

⁴²³) О цѣли „Бунда“ разрушить существующій государственный строй въ Россіи для осуществленія равноправія Евреевъ приведены свидѣнія въ статьѣ кн. Шаховского „Смутное Время въ Харьковѣ“. Историческій Вѣстникъ 1907 г., № 2, стр. 526.

и проявленія котораго имѣли все время очень много общаго съ движеніемъ въ остальной Россіи, но всегда опережали его на нѣсколько лѣтъ. И такъ „Бундъ“ все время шель во главѣ всеероссійской революціи. Въ различныхъ концахъ района дѣятельности „Бунда“ устриваются многочисленныя собранія. На нихъ обсуждаются всѣ главнѣйшія событія политической и общественной жизни Россіи, а также внутренней жизни „Бунда“. Высшимъ органомъ „Бунда“ являются сѣзды. Съ 1897 г. по 1903 г. ихъ было пять. Сѣзды созывается центральнымъ комитетомъ, избираетъ тайною подачей голосовъ трехъ членовъ этого комитета, изъ которыхъ открыто объявляютъ только одного, двое остаются въ тайной конспираціи. Есть еще мѣстные комитеты, которые дѣйствуютъ совершенно автономно въ предѣлахъ своей мѣстности и руководствуются инструкціями сѣздовъ. Мѣстныхъ комитетовъ у „Бунда“ было въ 1905 г. 14 въ важнѣйшихъ городахъ черты осѣдлости и Царства Польскаго и много подготовлено комитетовъ въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ⁴²⁴).

Дополняемъ это описаніе устройства и дѣятельности „Бунда“ данными изъ виленской газеты „Мар. Вѣсти.“ „Подготавлиаясь къ освободительному движенію, „Бундъ“ мобилизоваль цѣлыя толпы еврейской молодежи подъ видомъ самообороны, для производства фактической революціи. Кадры вербовались по городамъ и мѣстечкамъ Северо-и Юго-Западнаго края изъ отбросовъ, неспособныхъ къ какой нибудь производительной работѣ. Сюда попали жулики, воры, карманники и мошенники всевозможныхъ профессій“.

Поступивъ въ распоряженіе „Бунда“, они разбивались на отряды, снабжались огнестрѣльнымъ оружіемъ, ножами, кинжалами и т. п.: обучались владѣть этимъ оружіемъ и распределялись по извѣстнымъ пунктамъ. Въ газетахъ сообщалось объ упражненіи въ стрѣльбѣ этихъ бандъ въ Гомелѣ, Бѣлостоѣ, Кишиневѣ, Одессѣ и другихъ городахъ. Потомъ, вскорѣ стали очень часто повторяться убійства полицейскихъ чиновъ, офицеровъ, жандармовъ и другихъ должностныхъ лицъ, показавшія, что „Бундъ“ приступилъ къ дѣлу...

На всѣхъ почти улицахъ Вильны приходилось встрѣчать цѣлыя толпы этихъ воиновъ, одѣтыхъ по одной общей формѣ: наглухо застегнутая черная рубаха, темнаго цвѣта поджакъ и такія же брюки, на головѣ мягкая черная шляпа или картузь съ козырькомъ и въ рукахъ—неизбѣжно—палка или тросточка. Лица наглые, взглядъ бѣгающій. Толпятся на перекресткахъ, на тротуарахъ, шепчутся, о чемъ-то спо-

⁴²⁴) Статя М. Энгельгардта „Еврейскіе источники русской социаль-демократіи“. Новое Время 1905 г., № 10685.

рять, сходятся и вновь разсыпаются; кого-то поджидаютъ, передаютъ приказанія и наблюденія; иногда толпами спѣшать по утрамъ за городъ. Вечеромъ толпятся до поздней ночи подъ воротами домовъ на улицахъ Нѣмецкой, Завальной, Рудницкой и другихъ. Очевидно всѣ ихъ дѣйствія подчинены кому-то, кто-то распоряжается всѣмъ этимъ сбродомъ. Но распоряжаться мало: нужно прокормить его, дать ему пристанище... а для этого нужны немалыя деньги... Многіе изъ виленскихъ обывателей-Евреевъ, вольно или невольно, были данниками „Бунда“ и вносили свою лепту на поддержаніе общеврейскаго дѣла. Списки такихъ обывателей хранились въ штабъ-квартирѣ „Бунда“⁴²⁵).

Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ комитетовъ „Бунда“ находится въ г. Гомель: въ немъ постоянно печатаются прокламаціи, которыя рассылаются во всѣ концы Западнаго края: еврейское населеніе поголовно вооружилось и произвело первое большое побойще Русскихъ. Несомнѣнно по распоряженію „Бунда“, 29 Августа 1903 г. вооруженная толпа Евреевъ напала на Русскихъ, била и увѣчила преимущественно находившихся на базарѣ крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, бросала камнями и стрѣляла въ полицію, нападала и на одиноко шедшихъ офицеровъ и солдатъ и убила двухъ крестьянъ. Этотъ учиненный Евреями „русскій погромъ“ не могъ конечно не вызвать озлобленія среди русскаго населенія города. 1-го Сентября, рабочіе расположенныхъ на краю города желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ произвели еврейскій погромъ⁴²⁶).

Въ Юльѣ 1906 г. состоялся первый съѣздъ представителей „Бунда“ отъ польскаго края. Въ съѣздѣ, по сообщенію варшавскихъ газетъ, принимало участіе 17 делегатовъ отъ болѣе значительныхъ городовъ. На совѣщаніяхъ, продолжавшихся четыре дня, было выяснено, что „Бундъ“ имѣетъ свои отдѣленія въ 80 городахъ и мѣстечкахъ Царства Польскаго, насчитывая до 40,000 приверженцевъ изъ числа еврейской учащейся молодежи и еврейскихъ рабочихъ. По даннымъ же „Бунда“, въ Сентябрь 1906 г. число его членовъ въ Царствѣ Польскомъ опредѣлялось въ 25,000 челов., а въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ черты осѣдлости 58.535 челов. и за границей 355, всего 83,890 челов.⁴²⁷).

Въ 1903 г. въ чертѣ еврейской осѣдлости образовалась другая революціонная партія—Евреевъ-анархистовъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ цѣляхъ ознакомленія части своихъ служащихъ съ исторіей русскаго революціоннаго движенія, издало (въ 1909 г.) очеркъ анархистскаго движенія въ Россіи. „Рус. Са.“

⁴²⁵) Новое Время 1907 г., № 11288.

⁴²⁶) Новое Время 1904 г. №№ 10313 и 10316; 1905 г. № 10407.

⁴²⁷) Новое Время 1906 г. №№ 10932 и 10977; 1909 г. № 12141.

коротко передасть содержаніе очерка. Оказывается, что анархизмъ введенъ и распространенъ въ Россіи Евреями. Евреи являлись идеологами русскаго анархизма, Евреи же первые примѣняли его на практикѣ.

Провозвѣстникомъ анархическихъ идей въ Россіи былъ Еврей Когановичъ (кличко—Зайдель), пріѣхавшій въ Бѣлостокъ изъ Лондона въ 1903 г. Около него и народилась группа анархистовъ-коммунистовъ, занимавшаяся грабежами и убійствами. Группа эта просуществовала около года. Въ 1904 г. Когановичъ былъ арестованъ. Въ 1904 г. въ Россію прибываетъ новая группа анархистовъ, расселяющаяся для пропаганды своихъ идей въ центрахъ Западнаго и Юго-Западнаго края, а также на Кавказѣ. Эти анархисты, исповѣдуя общее всѣмъ анархистамъ ученіе о разрушеніи государства, отличаются отъ сторонниковъ Зайделя тѣмъ, что признавали только „экспроприаціи“ въ казенныхъ учрежденіяхъ, но не у частныхъ лицъ. Отъ нихъ откололся Иуда Гросманъ, редакторъ второстепеннаго лондонскаго изданія „Черное Знамя“. Онъ дѣйствовалъ на Югѣ, преимущественно въ Одессѣ, вербуя себѣ сторонниковъ среди рабочихъ, примыкавшихъ къ социаль-демократической партіи. Позднѣ перейдя изъ Одессы въ Екатеринославъ, онъ организовалъ тамъ изданіе газеты „Черное Знамя“. „Хлѣбовольцы“, другая группа анархистовъ, подъ лидерствомъ „Хаима Лондонскаго“, вступили въ ожесточенную борьбу съ „чернознаменцами“ и объявили ихъ еретиками. Гросманъ переселяется въ Вильну—главный центръ „хлѣбовольцевъ“ и какъ искусный полемистъ приводитъ въ порядокъ разстроившіеся было, подъ вліяніемъ агитаціи „хлѣбовольцевъ“, ряды „чернознаменцевъ“.

Въ 1905 г., въ Бѣлостокѣ, состоялась конференція анархистовъ, вызванная возможностью установленія въ Россіи конституціоннаго строя. На ней образовались двѣ группы.

Первая группа скоро разсѣялась, такъ какъ руководитель ея Стриге погибъ отъ взрыва бомбы въ Парижѣ во время подготовленія на убійство миліонера Мендельсона. Вторая группа также потерпѣла неудачу: большинство ея членовъ было арестовано. Уцѣлѣвшіе избрали ареной своей дѣятельности три района: Польшу, Кавказъ, Югъ.

Въ 1904 г. и въ началѣ 1905 г. дѣйствовала еще „рабочая группа анархистовъ-коммунистовъ“. Ея вожаками были также Евреи. Послѣ разгрома группа снова оправилась и подъ руководствомъ Копеля Эрдвлевскаго проявила себя цѣлымъ рядомъ террористическихъ актовъ. Въ 1906 г. они взорвали одесское жандармское управленіе и выработывали планъ взрыва одесской биржи. На ряду съ этой группой дѣйствовали еще слѣдующія анархистскія организаціи: „Свободная коммуна“, „Черный Соколъ“ и „организація анархистовъ-индивидуалистовъ“.

Въ томъ же 1906 г. прибывшій изъ-заграницы анархистъ Янкель Кириловскій организовалъ „южно-русскую группу анархистовъ-синдикалистовъ“, устроившую рядъ крупныхъ экспроприаций и террористическихъ актовъ. Кириловскій объединилъ различныя анархистскія организаціи.

Кіевъ въ анархистскомъ движеніи занялъ видное мѣсто. Караказъ, Городецкій, Овсей, Таратута и извѣстный уже Гуда Гросманъ были въ немъ главными дѣятелями анархизма.

Затѣмъ появляются два вожака—Сандомірскій и редакторъ „Буревѣстника“ „Невзоровъ“ (Тышъ). Кіевъ былъ намѣченъ, какъ транспортный центръ для развозки литературы и оружія, а также какъ центральный пунктъ анархистскихъ конференцій. Одесса, Кіевъ, Вильна—это главнѣйшіе центры анархистовъ. Но есть еще цѣлый рядъ городовъ, гдѣ существовали организаціи. Въ этомъ ряду идутъ Рига, Либавъ, Митава, Туккумъ, Юрьевъ, Бердичевъ, Черкасы, Бѣлая Церковь, Николаевъ, Херсонъ, Ростовъ-на-Дону, Симферополь и проч. Мало распространены идеи анархизма въ Поволжьѣ, на Уралѣ и совсѣмъ слабо—въ Сибири и Средней Азій, т. е. тамъ, гдѣ еврейскій элементъ живетъ въ незначительномъ числѣ.

Въ первой половинѣ 1907 г., въ Варшавѣ образовалось тайное сообщество, поставившее себѣ цѣлью убійство германскаго императора Вильгельма II. Это убійство должно было поднять дѣятельность анархистовъ всего міра. Въ Шарлотенбургѣ съ этою цѣлью поселились 4 анархиста, нашедшіе поддержку и содѣйствіе у нѣмецкаго анархиста Ватерлоса. На конференціи въ Вильнѣ было рѣшено также, что на помощь поселившимся въ Шарлотенбургѣ поѣдутъ Лейбеле Бѣлостокскій или „сумасшедшій“ и Мейткъ Бѣлостокскій. Однако по дорогѣ въ Бѣлостоку „Мейткъ“ былъ убитъ, а „Лейбеле“ арестованъ.

Располагая многочисленной арміей членовъ „Бунда“, руководители его, въ союзѣ съ Евреями-анархистами и польскими революціонными партіями широко развили свою дѣятельность въ теченіе 1905 г. въ губерніяхъ, черты осѣдлости и въ Царствѣ Польскомъ. Въ немъ дѣйствовали анархисты и три партіи: „Бундъ“, „Соціалъ-демократія Польши и Литвы“ и „Польская социалистическая партія“. Первые двѣ партіи состояли исключительно изъ Евреевъ; три четверти послѣдней также состояли изъ Евреевъ и только одна четверть состояла изъ Поляковъ⁴²⁸). Усилія агитаторовъ были направлены къ тому чтобы вызвать въ мѣст-

⁴²⁸) Эта партія издаетъ въ Краковѣ на деньги, получаемыя изъ Берлина отъ международного социалистическаго комитета два періодическихъ органа „Разсвѣтъ“ и „Впередъ“. Сотрудники этихъ изданій поголовно Евреи. Еврейскія партіи организовали забастовки на фабрикахъ въ Варшавѣ и въ другихъ городахъ Цар. Польскаго. Новое Время 1905 г. № 10399.

ной экономической и политической жизни замѣшательство, что достигалось съ одной стороны цѣлымъ рядомъ покушеній на лицъ какъ высшей, такъ и низшей администраціи, а съ другой—попытками вызвать всеобщую забастовку на фабрикахъ, заводахъ и въ ремесленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ крупныхъ промышленныхъ центровъ въ Варшавѣ, Лодзи и въ другихъ городахъ западныхъ губерній черты еврейской осѣдлости⁴²⁹⁾.

Какъ велико число убитыхъ и раненыхъ болѣе или менѣе тяжело представителей власти, землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и друг. лицъ съ Февраля 1905 г. по Май 1906 г. видно изъ слѣдующихъ цифръ, напечатанныхъ въ „Практич. Врачъ“:

Ген.-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальн.	34
Полиціймейсторовъ и ихъ помощниковъ	38
Исправниковъ, приставовъ и околоточныхъ.	204
Городовыхъ	209
Урядниковъ и стражниковъ	184
Офицеровъ охраннаго отдѣленія и жандармскихъ	17
Нижнихъ жандармскихъ чиповъ.	51
Агентовъ охранной полиціи.	56
Армейскихъ офицеровъ	61
Нижнихъ чиновъ арміи.	164
Чиновниковъ гражданскаго вѣдомства.	178
Духовныхъ лицъ.	31
Сельскихъ властей.	20
Землевладѣльцевъ	49
Фабрикантовъ и высшихъ служащихъ.	64
Банкировъ и крупныхъ торговцевъ	64

Итого 1,421 челов.⁴³⁰⁾

Большая часть этихъ лицъ пострадала въ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости и Царства Польскаго отъ рукъ Евреевъ. Особенно пострадала полиція въ г. Вѣлостокѣ, изъ состава которой въ теченіе 11 мѣсяцевъ съ 21 Юня 1905 г. по 1 Юня 1906 г. было убито и ранено 25 челов., въ томъ числѣ ранены бомбами 2 полиціймestера и 1 убитъ⁴³¹⁾.

Энергичная дѣятельность „Бунда“ и другихъ революціонныхъ еврейскихъ и польскихъ партій по устройству забастовокъ, нападеній

⁴²⁹⁾ Новое Время 1905 г. № 10519. Сообщение департамента полиціи.

⁴³⁰⁾ Новое Время 1906 г. № 10955.

⁴³¹⁾ Официальный документъ, представленный сенатору Фришу, произволившему разслѣдованіе о еврейскомъ погромѣ въ Вѣлостокѣ 1 и 2 Юня 1906 г. Новое Время 1906 г. № 10865.

на поліцію и войска и противоправительственныхъ безпорядковъ началась въ 1905 г. послѣ забастовки фабричныхъ рабочихъ и извѣстнаго шествія ихъ 9 Января въ Петербургѣ на дворцовую площадь подъ предводительствомъ предсѣдателя общества рабочихъ Еврея священника Гапона, изъ откровеній котораго оказывается, что это шествіе, устроенное имъ, было предверіемъ къ готовившейся революціи⁴³²).

Дѣйствительно революціонное движеніе петербургскихъ рабочихъ послужило сигналомъ для устройства забастовокъ рабочихъ и всякихъ противоправительственныхъ безпорядковъ въ Россіи, особенно въ губерніяхъ черты еврейской осѣлости и въ Царствѣ Польскомъ.

Послѣ петербургскихъ событій бѣлостокскій комитетъ „Бунда“ выпустилъ воззваніе, приглашавшее рабочихъ путемъ забастовки и демонстраціи выразить сочувствіе и солидарность петербургскимъ товарищамъ. Евреи, составляющіе изъ 12.000 общаго числа рабочихъ 80%⁰, прекратили на день—на два работы, христіане же почти не оставляли работъ, не смотря на насилія со стороны рабочихъ Евреевъ. Тогда „Бундъ“ склонилъ существующую въ Бѣлостоцкѣ „Польскую социаль-демократическую партію“ повліять на христіанъ, что бы тѣ приняли участіе въ забастовкѣ. Польская партія изъявила согласіе и въ Бѣлостоцкѣ съ утра 17 Февраля 1905 г. началась общія забастовка рабочихъ до 12,000 челов. У забастовщиковъ за городомъ было нѣсколько сходовъ, на которыхъ пріѣхавшіе делегаты изъ Варшавы и другихъ городовъ говорили политическія рѣчи. Было принято нѣсколько предложенныхъ „Бундомъ“ резолюцій: земскій соборъ, демократическая республика, восьмичасовой рабочій день, увеличеніе платы на 20%⁰ и другія. Результаты забастовки не оправдали ожиданій „Бунда“. Благодаря принятымъ мѣрамъ полиціей и войсками и благоразумію рабочихъ-христіанъ, буддистамъ не удалось устроить ни одной политической демонстраціи. Многіе Евреи вооружились револьверами новѣйшихъ системъ, а отчасти самодѣльнымъ оружіемъ⁴³³). При помощи того или другого оружія, Евреи, руководимые „Бундомъ“, въ Мартѣ, держали въ страхѣ рабочихъ, которые были бы не прочь взяться за работы, и стрѣляли въ полицію и казачьи разъѣзды⁴³⁴).

⁴³²) Новое Время 1909 г. № 10713 и 1907 г. № 11074 „Deutschland und die grosse Politik anno 1905“ профес. Шмана. Историческій Вѣстникъ 1906 г. № 5, стр. 585—588.

⁴³³) Оно носилось обыкновенно за голенищемъ или въ боковомъ карманѣ пальто: это короткая палка съ прикрѣпленнымъ къ ней на спиральной пружинѣ свинцовымъ шаромъ не менѣе 3-хъ фунтовъ. Такимъ кистенемъ легко проломить голову. Новое Время 1905 г. № 10413.

⁴³⁴) Новое Время 1905 г. №№ 10408, 10413 и 10421.

30 Юля толпа Евреевъ стала наступать на стоявшаго на своемъ посту на Суражской улицѣ рядового, который, защищаясь, выстрѣломъ изъ ружья ранилъ одного Еврея. Въ явившуюся роту при офицерѣ была брошена бомба, ранившая трехъ рядовыхъ, и тотчасъ изъ оконъ изъ за гребней крышъ и проходныхъ дворовъ началась стрѣльба изъ револьверовъ въ воинскіе патрули. Такая стрѣльба велась Евреями и на другихъ улицахъ, причѣмъ выстрѣлы были направлены на постовыхъ городскихъ и на стоящихъ рядомъ съ ними, для охраны, часовыхъ. Рота и часовые принуждены были, въ свою очередь, открыть огонь по направленію откуда производились выстрѣлы. Въ результатъ оказалось убитыхъ и умершихъ отъ ранъ 35 челов. (31 Еврей и 4 христіанина) и раненыхъ 25 челов. (22 Еврея и 3 христіанина)⁴³⁵).

Въ г. *Бобруйскъ* союзъ отдѣленія „Бунда“ съ польской революціонной партіей, имѣя главу, судъ и даже начальника штаба, въ Февралѣ 1905 г. печаталъ и разбрасывалъ, а иногда и высылалъ въ письмахъ прокламаціи. Какъ только получилось въ Бобруйскѣ извѣстіе о забастовкѣ рабочихъ въ Петербургѣ, депутаціи стали ходить по заводамъ и магазинамъ, требуя прекращенія работы и торговли. Въ одномъ магазинѣ „судьи“ разбирали жалобу выгнаннаго хозяиномъ приказчика и приговорили хозяина къ уплатѣ приказчику 100 р. за оскорбленіе и 12 р. судебныхъ издержекъ въ свою пользу. Хозяинъ было заупрямился, но, когда ему пригрозили, уплатилъ 115 р. Въ Мартѣ вооруженные Евреи открыто упражнялись въ стрѣльбѣ на лагерномъ полѣ, такъ что военное начальство для прекращенія стрѣльбы назначило патрули, потому что Евреи угрожали стрѣлять въ охраняющихъ лагерь солдатъ. Цѣлую недѣлю толпы Евреевъ ходили по городу и стрѣляли на воздухъ съ криками „Да здравствуетъ Японія!“ Изъ толпы Евреевъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ въ казачій разъѣздъ⁴³⁶).

Въ г. *Двинскъ*, въ Мартѣ, Евреями были устроены, въ продолженіе пяти дней, общая забастовка и беспорядки: они ходили съ флагами, разбрасывали противоправительственныя прокламаціи и ранили четырехъ полицейскихъ чиновниковъ. Грозныя прокламаціи старообрядцевъ, которыхъ въ Двинскѣ насчитывается до 10.000, удержали Евреевъ отъ дальнѣйшихъ беспорядковъ лучше, чѣмъ военныя мѣры⁴³⁷).

Въ *Минскъ губерніи*, 23 Апрелья, въ Александровскомъ скверѣ собралась тысячная толпа Евреевъ, занявшаяся стрѣльбою изъ револьверовъ.

⁴³⁵) Сообщение департамента полиціи. Новое Время 1905 г. № 10579.

⁴³⁶) Новое Время 1905 г. №№ 10394 и 10411.

⁴³⁷) Новое Время 1905 г. № 10459.

Нарядъ полиціи былъ встрѣченъ выстрѣлами и градомъ камней; при этомъ оказался серьезно раненымъ двумя пулями надзиратель Кондратовичъ. Вызвали казаковъ и драгунъ. Въ результатъ много серьезно раненыхъ и избитыхъ нагайками. 26 Мая, Еврей, профессиональный воръ, выхватилъ кошелекъ у одного изъ нѣсколькихъ солдатъ, бывшихъ на базарѣ. Солдаты погнались за воромъ и отняли кошелекъ. Этотъ случай привлекъ толпу Евреевъ. Въ солдатъ полетѣли камни, раздались выстрѣлы. Прибывшая полиція водворила порядокъ. Спустя нѣкоторое время, во дворѣ еврейской синагоги собралось около 1.000 Евреевъ, которымъ извѣстный имъ подъ именемъ „начальника дивизіи“, агитаторъ произнесъ рѣчь о необходимости возмездія. Вся толпа съ криками и выстрѣлами бросилась на Соборную площадь, черезъ которую въ этотъ моментъ проходила команда нижнихъ чиновъ въ казарму. Толпа Евреевъ пересѣкла путь командѣ, стала бросать въ солдатъ камнями и стрѣлять. Солдаты были безъ ружей и защищались камнями. Къ Евреямъ подоспѣли новыя толпы, такъ что ихъ собралось отъ 5 до 6 тысячъ. Полиція, въ цѣли защиты, произвела нѣсколько выстрѣловъ изъ револьверовъ. Прибывшіе вскорѣ казаки и драгуны разсѣяли толпу, не прибѣгая къ оружію. Seriously ранены приставъ, городской и солдатъ. Со стороны Евреевъ ранено 6⁴³⁸).

Въ *Ковнѣ*, 23 Апрѣля, вечеромъ, толпа Евреевъ произвела безпорядокъ, сопровождавшійся возгласами и револьверными выстрѣлами⁴³⁹).

Въ г. *Поневляжѣ*, Ковенской губерніи, 27 Іюня, въ 11 часовъ вечера, толпа Евреевъ до 400 челов. произвела безпорядки противъ казначейства, сопровождавшіеся нападеніемъ на полицію и битьемъ стеколъ. По прибытіи воинской команды толпа разбѣжалась⁴⁴⁰).

Въ *Вильнѣ*, 24 Мая, около полицейскаго дома, толпа Евреевъ напала на городского. Ему нанесли 4 раны въ голову тупымъ оружіемъ. Зачинщики были арестованы. Въ Іюнь произошелъ переполохъ въ большой синагогѣ. Передъ чтеніемъ одной молитвы, на возвышеніе возшелъ какой-то неизвѣстный и просилъ публику выслушать рѣчь, которую онъ произнесетъ. Въ это время по всей синагогѣ полетѣли прокламаціи. Соблюдающіе приличіе Евреи бросились сейчасъ же вонъ изъ синагоги; нѣкоторые даже прыгали изъ оконъ; болѣе смѣлые бросились избивать бунтовщиковъ. Началась страшная паника. Возлѣ

⁴³⁸) Новое Время 1905 г. № 10471 и 10504.

⁴³⁹) Новое Время 1905 г. № 10468.

⁴⁴⁰) Новое Время 1905 г. № 10,529.

синагоги собралась большая толпа, которая спокойно пошла по Минской улицѣ⁴⁴¹⁾.

Въ деревняхъ Сѣверо-Западнаго края Евреи повсюду разжигали воображеніе крестьянъ несбыточными проектами чернаго передѣла на основаніи золотой грамоты и эта агитація была одною изъ главныхъ причинъ аграрнаго движенія между крестьянами⁴⁴²⁾.

Въ юго-западныхъ губерніяхъ противоправительственные безпорядки, устроенные Евреями, особенно въ Одессѣ, имѣли очень опасный характеръ для государства.

Въ *Кіевѣ*, 13 Іюня, въ 9^{1/2} час. вечера, на площади передъ гостиннымъ дворомъ, толпа еврейской молодежи пыталась устроить политическую демонстрацію. Одинъ Еврей обратился съ рѣчью къ собравшимся, но полиція разсѣяла ихъ, арестовавъ 5 челов. 21 Іюня, въ часъ дня, на станцію желѣзн. дороги „Кіевъ-первый“ была собрана партія запасныхъ къ отправкѣ въ г. Черкасы. Среди нихъ явились постороннія лица, преимущественно Евреи, возбуждавшія запасныхъ оказать противодѣйствіе начальству и стали раздавать и разбрасывать прокламаціи. Запасные были крайне раздражены поведеніемъ подстрекателей и стали ихъ беспощадно бить. Вызванъ былъ отрядъ солдатъ, водворившій порядокъ. Трехъ подстрекателей Евреевъ страшно избитыхъ отвезли въ больницу; при нихъ нашли прокламаціи; у одного Еврея отобранъ запасный револьверъ. Также были избиты три подстрекателя Русскихъ и одна акушерка-Еврейка. Всѣ были арестованы. Въ концѣ Іюля и въ Августѣ, въ разныхъ мѣстахъ Кіева, еврейская интеллигентная молодежь стала собираться толпами отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ и вела себя вызывающе съ явнымъ намѣреніемъ производить уличные безпорядки, чтобы вмѣшалась полиція. Въ скверѣ около Владимирскаго собора 28 Іюля толпа Евреевъ человекъ въ 150 избивала случайно проходившихъ частнаго повѣреннаго и чиновника, которые спаслись бѣгствомъ. Въ дачныхъ мѣстностяхъ за городомъ: въ Бояркѣ и Святошинѣ Евреи упражнялись въ стрѣльбѣ изъ револьверовъ. Сборища Евреевъ устраивались „Бундомъ“, который дѣлалъ опыты мобилизаціи своихъ силъ. На мѣстѣ сборищъ находили прокламаціи „Бунда“⁴⁴³⁾.

Въ г. *Черкасахъ*, Кіевской губерніи, Евреи уже давно вели себя съ невѣроятной наглостью; каждую субботу собирались въ городскомъ лѣсу, гдѣ произносились возмутительныя рѣчи. Мало того, Евреи толпами ходили по городу съ красными флагами и, стрѣляя изъ револьверовъ,

⁴⁴¹⁾ День 1905 г. № 141 и 150.

⁴⁴²⁾ Новое Время 1905 г. № 10483.

⁴⁴³⁾ День 1905 г. № 161 и Новое Время 1905 г. № 10526 и 10587.

кричали: „Долой Россію!“ „Да здравуетъ Микадо!“ „Да здравствуетъ Японія!“ Населеніе, наконецъ, вышло изъ терпѣнія и въ Іюль, во время пребыванія запасныхъ въ Черкасахъ, произошелъ еврейскій погромъ. Крестьяне били Евреевъ, приговаривая: „Вотъ тебѣ за то, что тебѣ не нужно Бѣлаго Царя!“ „Вотъ тебѣ за то, что не хочешь идти на войну и ѣдешь въ Америку!“ „Вотъ тебѣ, за да здравствуетъ Микадо!“ Прибывшими драгунами безпорядки были прекращены. Евреи ободрились и смѣялись надъ христіанами: „Вотъ погодите! пока солдаты здѣсь стоятъ, мы вооружимся, а какъ только уйдутъ—перебьемъ васъ всѣхъ.“⁴⁴⁴).

Въ г. *Бердичевъ*, Кіевской губерніи, 30 Августа полиціей обнаруженъ тайный складъ оружія. Отобрано много револьверовъ и специально приготовленныхъ пикъ. На сходкѣ въ синагогѣ арестовано 67 человекъ и найдена масса революціонныхъ изданій. Вожаками являются выходцы изъ западныхъ губерній⁴⁴⁵).

Въ *Житомирѣ*, 19 Іюля, толпа Евреевъ и Евреекъ, по распоряженію „Бунда“ напала на тюрьму. Военное начальство распорядилось послать противъ бунтовщиковъ отрядъ солдатъ. При видѣ ихъ Евреи попрятались по сосѣднимъ домамъ и открыли по солдатамъ стрѣльбу изъ револьверовъ. Солдаты тоже стали стрѣлять, и Евреи тотчасъ разбѣжались. Изъ нихъ одинъ былъ убитъ и 4 ранены. Одного городского ранили; изъ солдатъ же никто не пострадалъ. Порядокъ въ городѣ былъ водворенъ. Нападеніе Евреевъ на тюрьму объясняется тѣмъ, что они хотѣли освободить изъ нея Сидорчука, убитшаго пристава Куярова. Евреи наняли Сидорчука совершить это преступленіе, такъ какъ Куяровъ былъ очень хорошій человекъ, а потому ненавидимъ Евреями⁴⁴⁶).

Въ *Кишиневѣ* общая забастовка по подстрекательству Евреевъ не удалась; бастовали шесть дней только извозчики. Евреи ходили по русскимъ магазинамъ и уговаривали приказчиковъ забастовать; но они заявили, что не желаютъ этого и насилій не потерпятъ. Сдерживающей уздой для кишиневскихъ Евреевъ служилъ патріотическій кружокъ рабочихъ. Эти борцы смѣло являлись на всякой сходкѣ, на всякомъ сборищѣ, безъ оружія, и Евреи разбѣжались. Однако, 22 Августа, толпа Евреевъ, около 5,000 челов., демонстративно сопровождавшая гробъ убитой грабителями Еврейки, устроила демонстрацію. Былъ выкинутъ флагъ, произносились рѣчи, стрѣляли въ русскую толпу. Возмущенные русскіе рабочіе и крестьяне бросились на демонстрантовъ; произошла

⁴⁴⁴) День 1905 г. № 193.

⁴⁴⁵) Новое Время 1905 г. № 10596.

⁴⁴⁶) День 1905 г. № 217.

свалка; Евреи выпустили до 400 револьверныхъ выстрѣловъ. Вызван- ные войска разежали толпу. Раненыхъ оказалось 55 и жандармскій унтеръ-офицеръ⁴⁴⁷).

Въ г. *Керчь*, Таврической губери., въ Маѣ и Іюнѣ 1905 г., Евреи шумной толпой являлись въ засѣданіе городской думы, кричали и гово- рили революціонныя рѣчи. 27 Іюля еврейская толпа опять безобразни- чала въ думѣ. Постѣ, до 200 Евреевъ съ красными флагами, передъ которыми заставляли снимать шапки, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣ- сень и криками, отправилась на бульваръ. Человѣкъ 20 солдатъ, безъ всякаго оружія, бросились на манифестантовъ и разогнали ихъ, при- чемъ Евреи стрѣляли въ солдатъ изъ револьверовъ. 31 Іюля въ еврей- скихъ домахъ были выбиты стекла. 1 Августа Еврей изъ револьвера застрѣлилъ русскую женщину. Собралась толпа и разгромила нѣсколько лавокъ. Тотчасъ выступила еврейская самооборона, стрѣлявшая въ войска. Солдаты, безъ приказанія офицера, дали залпъ, которымъ было убито 3 челов. и ранено 10. У всѣхъ у нихъ нашли револьверы и ножи. Тѣмъ безпорядки и кончились⁴⁴⁸).

Въ *Симферополь*, 19 Августа, во время засѣданія думы, Евреи устроили дикую противоправительственную манифестацію. Въ этотъ день было назначено экстренное засѣданіе для разсмотрѣнія петиціи, поданной Евреями объ устройствѣ самообороны, въ видѣ городской милиціи. Въ залъ засѣданій и помѣщеніе канцеляріи собралось нѣсколько сотъ Евреевъ и Евреекъ, преимущественно подростковъ. Засѣданіе на- чалось чтеніемъ манифеста объ учрежденіи Государственной Думы, по окончаніи котораго нестовавшие Евреи всакивали на стулья и выкри- кивали противоправительственныя воззванія, разбрасывая прокламаціи отъ имени „Крымскаго союза російской соціалъ-демократической пар- тіи“. Городской голова закрылъ засѣданіе и послать за полиціей. Мани- фестанты, обрубавъ гласныхъ, разошлись по улицамъ города⁴⁴⁹).

Въ *Полтавѣ*, 1, 3 и 4 Сентября, на улицахъ собиралась толпа Евреевъ отъ 400 до 500 челов. и вела себя вызывающимъ образомъ. 4 Сентября она кричала: „Долой полицію!“ „Мы сами будемъ управ- ляться!“ Одинъ Еврей ударилъ дубиной околоточнаго. Прибывшіе казаки очистили улицы отъ демонстрантовъ⁴⁵⁰).

Населеніе *Одессы* пережило ужасные дни съ 13 по 16 Іюня. По распоряженію „Бунда“, 13 Іюня должны были начаться повсемѣстно

⁴⁴⁷) День 1905 г. №№ 129 и 172, Новое Время 1905 г. № 10587.

⁴⁴⁸) Новое Время 1905 г. № 10576.

⁴⁴⁹) Новое Время 1905 г. № 10590.

⁴⁵⁰) Новое Время 1905 г. № 10600.

рабочіе беспорядки. Первые волненія произошли на заводѣ земледѣльческихъ орудій Гена, для прекращенія которыхъ казакамъ пришлось стрѣлять, причемъ двое рабочихъ было убито и одинъ раненъ. Наканунѣ были арестованы 32 Еврея делегатовъ „Бунда“, на обязанности которыхъ и лежало произвести повсемѣтную забастовку въ городѣ, ринуться съ толпою въ населенные кварталы, разграбить арсеналы, оружейные магазины, банки и казначейство и организовать правильную борьбу съ властями. Благодаря аресту главарей, беспорядки не приняли характера полной анархіи и пугачевщины, но всетаки въ теченіе дня по городу расхаживали толпы рабочихъ и въ разныхъ мѣстахъ то начинались, то прекращались беспорядки, сопровождавшіеся въ нѣкоторыхъ случаяхъ насильственнымъ прекращеніемъ работъ на фабрикахъ, устройствомъ загражденій на улицахъ, опрокидываніемъ вагоновъ конки и выстрѣлами въ чиновъ полиціи, которые и вынуждены были отвѣчать тѣмъ же. При этомъ было ранено 5 городскихъ. 14 Іюня подстрѣленъ полицейскій надзиратель, тяжело раненъ и городской. На соборной площади убиты городской и анархистъ брошенной имъ бомбой. Около 8 час. вечера того же числа къ Одессѣ подошелъ броненосецъ князь Потемкинъ Таврическій, и ночью распространились слухи, что онъ пришелъ безъ офицеровъ съ командою въ 900 челов., что дорогою произошелъ на немъ бунтъ изъ за того, что старшій офицеръ убилъ матроса, заживнаго о дурной пицѣ, что взбунтовавшіеся матросы тогда же убили большую часть офицеровъ, а остальныхъ связанныхъ держать въ заперти. Слухи оказались вѣрными. Утромъ, 15 Іюня, вся Одесса хлынула на „Новый моль“, гдѣ на берегу лежалъ трупъ свезеннаго съ броненосца матроса съ возмутительной прокламаціей на груди. Въ разныхъ концахъ обширной пристани разные ораторы и изъ членовъ „Бунда“ произносили возмутительныя рѣчи, приглашая народъ къ грабежу, поджогамъ и вооруженному сопротивленію. Эти рѣчи и общая растерянность повели къ тому, что уже къ вечеру толпа бросилась разграблять все достояніе богатаго порта. Все безъ разбора сдѣлалось жертвою грабежа: склады, пакгаузы, пароходы и квартиры служащихъ. Съ наступленіемъ ночи все набережныя четырехъ обширныхъ бассейновъ сдѣлалось жертвою пламени. Двадцать тысячъ человѣкъ остались безъ дѣла, убытки нечислялись въ 50 мил. рублей.

Въ планы анархистовъ входила цѣль вести пьяную и обезумѣвшую отъ вина толпу для грабежа съ факелами въ рукахъ въ городъ, чтобы и тутъ предать все огню и разграбленію. Но городъ уцѣлѣлъ: все подъемы съ моря были заняты войсками, которыя встрѣтили залпами изъ ружей и пулеметовъ пытавшихся проникнуть въ городъ, причемъ цифра убитыхъ и раненыхъ грабителей превысила нѣсколько сотъ чело-

вѣкъ. Кромѣ того, ихъ погибло немало во время пожара. Грабители были разсѣяны, и къ утру 16 Юня въ городѣ водворилась тишина⁴⁵¹).

Корреспондентъ „Новаго Времени“, о положеніи Одессы послѣ разгрома, между прочимъ, сообщилъ, что христіанское населеніе сильно возбуждено противъ Евреевъ за широкое участіе ихъ въ послѣднихъ смутахъ. На основаніи своихъ непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью въ Одессѣ и въ другихъ городахъ Юга, онъ долженъ сказать, „что самая скверная роль стѣнія вражды и ненависти ко всему русскому принадлежитъ передовому, болѣе состоятельному еврейству—еврейской финансовой аристократіи“. Прологомъ къ разгрому одесскаго порта служили многолюдныя сходки революціонеровъ. Все подготовлялось и вырабатывалось при участіи разныхъ видныхъ интеллигентныхъ Евреевъ. Выстрѣлы въ солдатъ производились изъ богатыхъ еврейскихъ домовъ. Большинство задержанныхъ за стрѣльбу въ войска и полицію съ оружіемъ были Евреи. Приходъ броненосца „кн. Потемкинъ-Таврической“ ожидался и во время стоянки посѣщался одесскими революціонерами, которые участвовали въ совѣщаніи взбунтовавшейся команды. Последнимъ погромомъ Одесса обязана революціонерамъ, черни и бездѣйствію и растерянности властей. Важное участіе еврейской финансовой аристократіи въ одесскихъ смутахъ доказывается наложеніемъ генералъ-губернаторомъ денежныхъ штрафовъ на многихъ видныхъ ея представителей, владѣльцевъ домовъ, за храненіе взрывчатыхъ снарядовъ⁴⁵²).

Какъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, такъ и въ юго-западныхъ распространялись по селамъ и деревнямъ прокламаціи Евреями, ввозившими ихъ и изъ за границы. Въ Апрѣлѣ 1905 г., въ одномъ изъ пограничныхъ уѣздовъ, было задержано 14 пудовъ прокламацій, привезенныхъ изъ за границы. Также преимущественно Евреи-агитаторы возбуждали крестьянъ къ аграрнымъ беспорядкамъ по мнѣнію генералъ-адъютанта графа А. П. Игнатъева, производившаго изслѣдованіе причинъ ихъ въ Херсонской губерніи, по высочайшему повелѣнію⁴⁵³).

Планъ польской революціонной партіи и „Бунда“ вызвать всеобщую забастовку на фабрикахъ и заводахъ, въ ремесленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ и беспорядки, чтобы показать населенію безсиліе

⁴⁵¹) Правительство сообщеніе о событіяхъ въ Одессѣ. День 1905 г. №№ 168 и 169. Новое Время 1905 г. № 10534.

⁴⁵²) Новое Время 1905 г. №№ 10535, 10555 и 10565.

⁴⁵³) Новое Время 1905 г. №№ 10455 и 10574.

власти, съ особенной настойчивостью осуществлялся въ Царствѣ Польскомъ въ Варшавѣ, Лодзѣ и Сѣдлецѣ.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ перваго полугодія 1905 г. частная забастовка на варшавскихъ фабрикахъ почти не прекращалась, постепенно захватывая все большее число фабричныхъ заведеній и въ уѣздѣ и распространяясь на разные виды промышленности и торговой дѣятельности варшавскаго населенія. Для достиженія поставленной себѣ цѣли революціонеры г. Варшавы изобрѣтали всяческіе поводы для производства уличныхъ беспорядковъ и демонстрацій, сопровождавшихся столкновеніемъ съ военными командами и не стѣснялись прибѣгать къ систематическому насилию и террору для привлеченія на свою сторону рабочихъ и ремесленниковъ, не желающихъ примкнуть къ стачечному движенію. Хроника ежедневной жизни г. Варшавы за Май, Іюнь и Іюль мѣсяцы была полна случаевъ вооруженнаго нападенія не только на полицейскихъ чиновъ и воинскіе патрули, но и на обывателей, причемъ убійства, пораненія, покушенія на личную и имущественную безопасность жителей происходили почти ежедневно⁴⁵⁴).

Мы приведемъ извѣстія о болѣе важныхъ беспорядкахъ, въ которыхъ участвовали Евреи.

20 Марта у слѣдственной тюрьмы на Дикой улицѣ собралась толпа Евреевъ болѣе 1000 челов. по случаю выноса тѣла умершаго арестанта Еврея. На требованіе проходившаго патруля разойтись, изъ толпы послѣдовали выстрѣлы, не причинившіе вреда. Тогда патруль сталъ стрѣлять, причемъ двое изъ толпы были убиты и пятеро ранены⁴⁵⁵).

13 Іюня въ еврейскихъ кварталахъ было тревожно, собирались толпы, разсѣваемые войсковыми патрулями. Въ Лешнѣ былъ опрокинутъ вагонъ трамвая. На нѣкоторыхъ улицахъ закрылись лавки. На Малой улицѣ рабочіе и Евреи устроили барикаду и оказали сопротивленіе подошедшему патрулю. Пришлось стрѣлять, причемъ было ранено до 20 челов.⁴⁵⁶).

Для выраженія сочувствія пострадавшимъ 30 Іюля, въ Бѣлостоцѣ, варшавскія революціонныя партіи, въ цѣломъ рядѣ прокламацій, пригласили рабочихъ устроить 5 Августа всеобщую забастовку. На это

⁴⁵⁴) Сообщение департамента полиціи. Новое Время 1905 г. № 10579.

⁴⁵⁵) Новое Время 1905 г. № 10433.

⁴⁵⁶) Новое Время 1905 г. № 10517.

приглашеніе рабочіе отвѣчали забастовкой на фабрикахъ въ назначенное въ прокламаціяхъ число. 8 Августа безпорядки стали проявляться въ острой формѣ. Толпа рабочихъ съ фабрикъ, челов. въ 500, на станціи „Прага“ прекратила работы въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ. Пасажирскій поѣздъ, слѣдовавшій изъ Новогеоргіевска, былъ остановленъ на стан. „Прага“ и не допущенъ въ Варшаву. Тоже произошло на станціи Варшавско-Брестской желѣз. дороги. Въ виду всѣхъ этихъ безпорядковъ, по ходатайству генераль-губернатора, Варшава и Варшавскій уѣздъ объявлены на военномъ положеніи⁴⁵⁷).

Еще важнѣе безпорядки революціонеры, преимущественно Евреи, устроили въ *Лодзь*, въ теченіе трехъ дней съ 7 по 10 Іюня. Столкновеніе толпы съ войсками во время демонстраціи 5 Іюня дало поводъ 7 Іюня къ устройству грандіознаго шествія во время похоронъ убитыхъ. Толпа численностью отъ двадцати до тридцати тысячъ несла около 14 красныхъ флаговъ съ революціонными надписями и пѣла революціонныя пѣсни. По донесеніямъ мѣстныхъ властей, хотя похороны были устроены по христіанскому обряду, *флаги несли исключительно Евреи и ими же были агитаторы, произносившіе рѣчи*, а революціонныя надписи на флагахъ были на еврейскомъ языкѣ. Въ этотъ день столкновенія съ войсками не послѣдовало. Недовольные, повидимому, мирнымъ исходомъ демонстраціи „Польская соціалстетическая партія“ и „Бундъ“, въ разбрасываемыхъ по городу прокламаціяхъ, призывали всѣхъ наличныхъ рабочихъ на 9 Іюня къ устройству грандіозной манифестаціи. Въ надеждѣ, однако, захватить администрацію не подготовленной къ событіямъ, демонстрація была устроена наканунѣ назначеннаго въ прокламаціяхъ дня. Вечеромъ 8 Іюня былъ пущенъ по городу слухъ объ имѣющихъ произойти тогда же похоронахъ двухъ Евреевъ, будто бы умершихъ въ еврейской больницѣ Познанскаго отъ ранъ, полученныхъ 5 Іюня при столкновеніи съ войсками. Больничная администрація заявила собравшимся, что никто изъ Евреевъ въ больницѣ не умираетъ, но агитаторами былъ тутъ же на мѣстѣ измышленъ новый слухъ, что полиція спрятала трупы умершихъ Евреевъ, скрытно похоронивъ ихъ на католическомъ кладбищѣ. Десятитысячная толпа двинулась на главную улицу города Петровскую, пѣла революціонныя пѣсни, несла красные и черные флаги съ польскими и еврейскими надписями. Навстрѣчу манифестантамъ, преграждая имъ дорогу, выѣхалъ разъѣздъ казаковъ. Требованіе разойтись не было исполнено

⁴⁵⁷) Сообщение департамента полиціи. Новое Время 1905 г. № 10579.

демонстрантами, и изъ толпы было выпущено въ казаковъ нѣсколько выстрѣловъ. Разѣздъ остановился, передніе ряды казаковъ спѣшились и открыли огонь. Толпа разбѣжалась, оставивъ на мѣстѣ 12 человекъ убитыми и 18 ранеными, причемъ многіе пострадавшіе были задавлены самой толпой. Утромъ и днемъ слѣдующаго 9 Іюня все было совершенно тихо. Однако, вечеромъ, въ разныхъ частяхъ города раздавались выстрѣлы, направленные въ проходившихъ по улицамъ солдатъ, офицеровъ, чиновъ полиціи и вообще чиновниковъ: толпа опрокидывала газовые фонари, срывала телефонныя проволоки, поджигала казенныя винныя лавки, пользуясь наступающей темнотой и воздвигала въ разныхъ мѣстахъ города барикады. Начиная съ утра 10 Іюня, движеніе стало принимать все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Изъ оконъ, балконовъ и съ крышъ домовъ, преимущественно еврейскихъ кварталовъ, началась стрѣльба по всѣмъ направлѣніямъ. Одновременно въ разныхъ частяхъ города вооруженные и организованные бунтовщики отбирали у крестьянъ возы, рубили телеграфныя столбы, разбивали мостовыя и тротуары. Въ то же время продолжался погромъ и поджогъ винныхъ лавокъ. Стрѣльба по всему городу продолжалась до трехъ часовъ ночи. Въ войскахъ ранены одинъ офицеръ и трое нижнихъ чиновъ: въ полиціи убито два городскихъ и нѣсколько человекъ изъ нихъ ранено. Беспорядки въ Лодзѣ сопровождались также убійствомъ и грабежомъ частныхъ лицъ. Убытокъ отъ разграбленія и уничтоженія имущества революціонерами исчислялся въ 100,000 руб. На слѣдующій день 11 Іюня порядокъ въ городѣ былъ восстановленъ⁴⁵⁸).

Въ *Стдленцѣ*, прокламаціи на еврейскомъ и польскомъ языкахъ (нѣкоторыя—были на русскомъ—за подписью Гапона) уведомляли обывателей, что 1 Мая (нов. ст.) будутъ беспорядки. Дѣйствительно работы были всюду прекращены. Съ утра по городу ходили по лавкамъ агитаторы съ требованіемъ прекратить торговлю. Къ 10 часамъ все было закрыто. На улицахъ виднѣлись усиленные патрули, противъ магистрата толпились группы Евреевъ, расходившіяся по первому требованію войскъ или полиціи. Съ наступленіемъ темноты число группъ увеличивалось, по временамъ раздавались крики „ура“. Вблизи тюрьмы, одна изъ группъ хотѣла напасть на стражника. Въ началѣ 10-го часа вечера изъ окна чердачнаго помѣщенія на Варшавской улицѣ былъ произведенъ револьверный выстрѣлъ, не причинившій, однако, никому вреда. Тотчасъ туда были посланы нижніе чины, захватившіе около 10 Евреевъ. Къ 12 часамъ ночи, благодаря дѣйствию

⁴⁵⁸) Офиціальное сообщеніе. День 1905 г. № 173.

драгунъ и полиціи, группы были разогнаны. 5 Мая толпою Евреевъ, на улицѣ были тяжело ранены револьверами и ножами двое рядовыхъ, изъ которыхъ одинъ тутъ же умеръ, а другой остался въ безсознательномъ состояніи. Въ ночь съ 13 на 14 Мая въ 2½ верстахъ отъ Сѣдльца, въ деревнѣ Игань собралась сходка до 1,000 человекъ преимущественно Евреевъ. Прибывшіе драгуны разеѣяли сходку и арестовали до 100 челов. Въ 12 час. дня у тюрьмы собралась толпа Евреевъ и шумно требовала освобожденія арестованныхъ. Прибывшими драгунами и пѣхотой толпа была разогнана.

10 Августа началась общая забастовка. Лавки были закрыты, по городу прекратилось движеніе, такъ какъ забастовали даже извозчики: проходили только воинскія части. На вновь строившейся желѣзной дорогѣ группы Евреевъ бродили по полотну и уговаривали рабочихъ, а въ большинствѣ случаевъ прямо приказывали имъ бросить работу, обѣщая, что они получаютъ заработную плату. Рабочіе безмолвно повиновались. Поводомъ для ихъ забастовки Евреи выставляли преимущества, которыя, будто бы, имѣютъ русскіе рабочіе. Къ вечеру наружное спокойствіе въ городѣ установилось. На другой день нѣкоторыя лавки открылись, а рабочіе на желѣз. дорогѣ принялись за работу⁴⁵⁹⁾.

(Окончаніе будетъ).

⁴⁵⁹⁾ Новое Время 1905 г. №№ 10464, 10484, 10492 и 10581.

ИЗЪ ПРОШЕДШИХЪ СУДЕБЪ ТУРКЕСТАНА.

Правда о начетѣ на М. Г. Черняева.

Въ бумагахъ покойнаго отца моего, Михаила Григорьевича Черняева, сохранилась автографическая замѣтка слѣдующаго содержания: „Генераль-адъютантъ К. П. Кауфманъ, недовольный моею статьей помѣщенной въ „Русскомъ Мирѣ“, сдѣлалъ на меня начетъ чрезъ десять лѣтъ по завоеваніи мною края, обошедшемся государству всего 235 т. рублей и въ которомъ онъ Кауфманъ былъ генераль-губернаторомъ съ царской обстановкой. Полиція пришла ко мнѣ въ редакцію „Русскаго Мира“ взыскивать съ меня эти деньги, но благодаря $\Theta.$ $\Theta.$ Трепову (бывшему тогда градоначальникомъ) все обошлось благополучно. Начетъ былъ въ 4800 р. Мнѣ предложено было приставомъ, отъ имени $\Theta.$ $\Theta.$ Трепова, написать возраженіе для отправки въ Ташкентъ, чтобы выиграть время. Но взысканіе продолжалось, и только благодаря Александру III, бывшему тогда Наслѣдникомъ, сказавшему начальнику штаба, графу Гейдену: „оставьте эту мерзость противъ Черняева“, было прекращено. Слова эти лично сообщены мнѣ графомъ Гейденомъ“.

„На запросъ командующаго Туркестанскими войсками, не поступало-ли отъ меня на покрытіе насчитаннаго на меня долга въ 3931 р. 9¼ к. какихъ либо суммъ, имѣю честь отвѣтить, что 8 Апрѣля настоящаго года истекаетъ ровно десять лѣтъ со дня оставленія мною Туркестана, и потому я ничего не могу припомнить, какъ въ отношеніи образованія этого начета, такъ и относительно его погашенія. Я помню хорошо только одно, что мнѣ не съ чѣмъ было выѣхать изъ покореннаго мною края и что теперь, кромѣ выслуженной за 35 лѣтъ пенсіи, у меня ничего не имѣется.

„Эту-то пенсію я могу предложить правительству на погашеніе насчитаннаго на мнѣ долга и затѣмъ сохранить себѣ въ утѣшеніе неоспоримое право считать, что покореніе къ подножію Русскаго престола обширнаго и богатаго края сдѣлано не только дешево, но и на собственный счетъ“.

„Не могу не указать при этомъ, что всемъ въ краѣ извѣстны (а слѣдовательно и его начальствующимъ) какъ размѣръ моего содержанія въ то время (5 т. р.), такъ и мой образъ жизни. То и другое свидѣтельствуя, что деньги, которыя по истеченіи десяти лѣтъ съ меня готовы теперь взыскать, истрачены не на мои личныя потребности. Сохраняемая до сихъ поръ, гдѣ я жилъ, землянка, вблизи воздвигнутаго послѣ для генераль-губернатора дворца, служитъ нагляднымъ тому доказательствомъ. Въ заключеніе не могу не сказать также, что и для формальностей есть предѣлы, переходить которые безнравственно“.

Эта собственноручная замѣтка М. Г. имѣетъ значеніе историческое по дѣлу о начетѣ, подтверждаемое документально подлиннымъ дѣломъ Контрольной Оренбургской Палаты. Коментаріи къ приведенному отзыву, посланному въ Ташкентъ моимъ отцомъ въ 1876, были имъ написаны поздноѣ, и этимъ объясняется ошибочное выраженіе „сдѣлалъ начетъ“ вмѣсто долженствующаго стоять: „воспользовался сдѣланнымъ на меня начетомъ“, но дѣло отъ этого несколько не измѣняется.

Въ Январѣ 1875 г. Михаилъ Григорьевичъ состоялъ въ распоряженіи генераль-адъютанта Коцебу, по званію командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, но проживалъ въ то время въ Петербургѣ, редактируя газету „Русскій Міръ“, хотя официальнымъ редакторомъ ея въ то время подписывался Николай Стромилловъ, а издателемъ Цня Похитоновъ. Что главнымъ участникомъ и дѣятелемъ въ редакціи этой газеты былъ прославившійся на поляхъ Средней Азии, покоритель Ташкента, всемъ въ Петербургѣ было извѣстно, а 20 Іюня того же 1875 года „Русскій Міръ“ подписываетъ уже какъ редакторъ М. Черняевъ, напечатать передовую статью отъ редакціи говоря, что „принимая въ непосредственное свое вѣдѣніе редакцію „Русскаго Міра“, находимъ не лишнимъ довести до свѣдѣнія читателей, что въ своей дальнѣйшей дѣятельности *мы будемъ слѣдовать тому же направленію, которому слѣдовали до сихъ поръ*“).

20 Іюня 1875 года М. Г. Черняевъ высочайшимъ приказомъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада и таковымъ же приказомъ опредѣленъ

*) Курсивъ мой А. Ч.

вновь на службу съ зачисленіемъ по Генеральному Штабу. Съ первыхъ номеровъ „Русскаго Мира“ въ немъ появились статьи и замѣтки касающіяся Туркестана, а въ № 28. отъ 30 Января того же 1875 г., въ немъ напечатана передовая статья слѣдующаго содержания.

„Не смотря на упорно повторявшіеся слухи о печальномъ положеніи дѣлъ нашихъ на Средне-Азіатскихъ окраинахъ, мы воздерживались говорить о Туркестанѣ, не желая дать той части Англійской печати, которая враждебно относится къ распространенію нашему въ Средней-Азій, повода отрицать предназначенную намъ миссію въ этой части свѣта и возбуждать противу насъ общественное мнѣніе страны, истолковывая дѣла нашихъ завоеваній здѣсь, въ превратномъ смыслѣ. Но теперь, когда правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ опубликовало официальную депешу секретаря своего посольства въ Петербургѣ о положеніи дѣлъ въ Средней-Азій, мы полагаемъ, что дальнѣйшее молчаніе о фактахъ, о которыхъ говорятъ и въ старомъ, и въ новомъ свѣтѣ, было бы съ нашей стороны неумѣстнымъ. Вотъ почему, получивъ изданный Американскимъ правительствомъ официальный сборникъ донесеній отъ его дипломатическихъ агентовъ (Красная Книга), мы рѣшились въ настоящемъ номерѣ напечатать въ переводѣ депешу изъ Петербурга отъ 7-го Марта 1874 года. Авторъ депеши посѣтилъ центральную Азію, какъ путешественникъ, вовсе не имѣя въ виду какой либо политической дѣли; но занимаемое имъ официальное положеніе въ Петербургѣ при посольствѣ дало ему возможность ознакомиться съ положеніемъ тамошнихъ дѣлъ и собрать данныя, какъ собственно о Русскомъ Туркестанѣ, такъ и о независимыхъ ханствахъ Средней Азій“.

„Въ депешѣ мистера Скайлера весьма искусно сгруппированы и освѣщены нѣкоторые факты, о которыхъ давно доходили до насъ слухи. Говоря объ умѣньи Русскихъ уживаться съ покоренными племенами, онъ въ тоже время живо рисуетъ картину самой беззастѣнливой эксплуатаціи ихъ Русскими чиновниками, но при всемъ этомъ отдаетъ Россіи предпочтеніе передъ Англійей“.

„Въ виду мнѣнія о положеніи нашемъ въ Туркестанѣ, высказаннаго гражданиномъ дружественной намъ страны, заинтересованной нашими успѣхами въ Азій, мы придаемъ весьма важное значеніе рѣшенію, какое приметъ правительство относительно новаго проекта „Положенія объ управленіи областями Туркестанскаго края“, представленнаго генералъ-губернаторомъ“.

„На окраинахъ всегда много воспламеняющагося матерьяла, и все что дѣлаемъ тамъ невинно или своевременно не сдѣлаемъ того, чего требуютъ наши интересы, приноситъ госуларству положительный и трудно поправимый впоследствіи вредъ; потому что тамъ находятся на лицѣ прямо враждебныя намъ силы, готовыя во всякое время воспользоваться каждою нашею ошибкою и постараться обратить ее во вредъ Россіи“.

„Успѣхи двухъ мятежей въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ, вспыхнувшихъ въ тридцатыхъ и шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, безъ сомнѣнія были вызваны и подготовлены ошибочною системою управленія

этими окраинами. Тоже самое мы видимъ и въ Сибири, гдѣ опытъ реформъ, введшихся въ 1822 г., также вызвалъ смуты. Мы не говоримъ уже о причинахъ недавнихъ безпорядковъ между Киргизами Оренбургской степи, потому что эти причины еще свѣжи въ памяти каждаго. Дикари не умѣли понять насильно навязываемыхъ имъ благодѣяній, и одни изъ нихъ бѣжали въ Хивинскія владѣнія, другіе заплатились жизнью, а степь осталась до того разоренною, что едва ли въ 25 лѣтъ достигнетъ прежняго своего благосостоянія“.

„Эти историческіе примѣры нашихъ ошибокъ на окраинахъ и печальныи отъ того послѣдствія небезполезно вспомнить теперь въ виду новаго проекта „Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ“ и тѣмъ болѣе потому еще, что со времени завоеванія мѣстности, составляющей Туркестанское генераль-губернаторство, прошло всего девять лѣтъ, въ продолженіи которыхъ Ташкентская администрація увозитъ изъ Петербурга одинъ за другимъ отвергнутые проекты свои и черезъ годъ привозитъ новый, въ которомъ безъ объясненія причинъ совершенно измѣнены и взглядъ и направленіе администраціи“.

„Торговья сношенія, издавна существовавшія между Русскими и туземцами Туркестанской области, постепенно подготовляли почву для сближенія съ нами. Этимъ объясняется необыкновенно быстрый успѣхъ покоренія Туркестана съ самымъ ничтожнымъ количествомъ войска. Занятіе каждаго новаго пункта подготовлялось самими жителями, сознавшими необходимость водворенія безопасности, которой не могло дать имъ ихъ прежнее варварское, Коканское правительство и которой туземцы ожидали отъ Русской власти“.

„Политическій тактъ и благоразуміе мѣстной Русской администраціи должны были бы подсказать ей, что необходимо поддержать такое благоприятное расположеніе туземцевъ къ Русскимъ властямъ, и тѣмъ болѣе ей легко было это сдѣлать, что торный путь къ этому былъ проложенъ въ самомъ началѣ занятія края*), нѣкоторыми своевременными мѣрами. Онѣ заключались въ томъ, что было принято за руководящее начало: не ставить Русскія власти во главѣ туземной администраціи, а въ сторонѣ отъ нея, какъ вышій контроль за управляющими и защиту для управляемыхъ“.

„Даже при сборѣ податей была сохранена за Русской властью роль защитника угнетенныхъ. Сами туземныя власти производили сборъ, а Русскіе чиновники, управлявшіе населеніемъ, не принимали въ сборѣ непосредственнаго участія. Такимъ образомъ, удаленные отъ всякихъ соблазновъ къ наживѣ и возможности притѣсненія туземныхъ жителей ради своекорыстныхъ цѣлей, Русскіе чиновники тогдашняго времени, въ глазахъ населенія были ничто иное какъ его защитники, и народъ смѣло обращался къ нимъ съ жалобами на притѣсненія и злоупотребленія своихъ туземныхъ властей и сборщиковъ“.

„Къ числу этихъ мѣръ, безъ сомнѣнія возвышавшихъ значеніе и авторитетъ Русскихъ въ средѣ населенія Туркестанскаго края, слѣдуетъ отнести также оставленіе въ прежней силѣ туземнаго гласнаго суда. По рядомъ съ

*) То есть авторомъ этой статьи, М. Г. Черняевымъ.

нимъ постановленъ былъ такой же Русскій, безъ всякаго допущенія излишнихъ противу туземнаго суда формальностей. Каждому изъ жителей предоставлено было на выборъ пользоваться тѣмъ или другимъ судомъ. Чтò касается выборнаго начала, то въ завоеванномъ краѣ признано было неудобнымъ установить его въ полной силѣ. Общества могли просить того или другого лица для управленія ими, но за Русскою властью сохранено было право утверждать избраннаго или назначать по своему выбору. Мѣра эта была необходима для того, чтобы власть не попадала въ руки людей непріязненныхъ Русскому правительству и чтобы въ случаѣ какого нибудь общаго неудовольствія не очутиться съ глазу на глазъ съ силою враждебною Русской администраціи“.

„Очевидно, что подобная система управленія вела къ возвышенію авторитета Русской власти, которая въ глазахъ туземнаго населенія была только защитой порядка и спокойствія, а не представлялась наѣздомъ разныхъ лицъ проголодавшихся у себя дома, Русскихъ цивилизаторовъ, стремившихся въ Туркестанскій край, какъ въ обѣтованную землю“.

„Система эта не требовала вовсе такого усиленія штатовъ, какое мы видимъ въ настоящее время и увидѣли бы еще больше, если бы былъ утвержденъ проектъ новаго положенія. Эта система не требовала вовсе тѣхъ огромныхъ, но совершенно непроизводительныхъ затратъ, которыя по расчету, сдѣланному комиссіей (учрежденной при Министерствѣ Финансовъ, для разсмотрѣнія этого новаго проекта) дошли до громаднаго размѣра восьми милліоновъ въ годъ, а въ пятилѣтній періодъ существованія Туркестанскаго генераль-губернаторства, съ 1868 по 1872 годъ включительно, израсходовано 29.497.414 руб. сер., тогда какъ доходовъ въ краѣ поступило только 10.588.450 р. Слѣдовательно составившійся дефицитъ въ 19-ть милліоновъ покрывался изъ ресурсовъ государственнаго казначейства“.

Съ учрежденіемъ генераль-губернаторства въ Туркестанскомъ краѣ, какъ свидѣтельствуетъ журналъ комиссіи, въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1868 по 1872 г. включительно, доходы края уменьшились, тогда какъ расходы на него, постоянно и значительно возрастаая, превзошли въ 1872 г. доходы болѣе чѣмъ въ 3½ раза. Цифры, приводимыя комиссіей, извлечены ею изъ свѣдѣній Туркестанской Казенной Палаты и слѣдовательно не подлежатъ никакому сомнѣнію.

„Такія щедрія и непроизводительныя затраты, дѣлаемыя на счетъ средствъ государственнаго казначейства Туркестанскою администраціей на содержаніе тамъ двухъ многочисленныхъ армій (одной пишущей, другой стрѣляющей), едва ли оправдываются настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Средней-Азій“.

„Намъ могутъ возразить, что содержаніе многочисленной Русской администраціи въ Туркестанскомъ краѣ необходимо въ видахъ его объединенія съ Россіей; но, по свидѣтельству мистера Скайлера, оно уже повело къ совершенно противоположнымъ результатамъ, т. е. къ неудовольству Русскими порядками и полному разьединенію“.

„Требовать, чтобы Киргизы и Сарты Туркестана управлялись одинаково съ подмосковными жителями—значить насиловать природу вещей. Населеніе

Закавказскаго края было гораздо болѣе подготовлено къ принятію нашей гражданской администраціи, а между тѣмъ, присоединенное въ 1801 г., оно только чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ окончательно получило обще-государственныя учрежденія".

„Если же, въ оправданіе щедрыхъ милліонныхъ затратъ казенныхъ денегъ, намъ возразятъ, что на Востокъ для обаянія Русской власти необходима особенно блестящая обстановка, чтобы морально дѣйствовать на умы Азіатцевъ, то мы напомнимъ защитникамъ этого принципа въ Туркестанѣ первые годы занятія этой области, когда нравственное значеніе Русской власти, при ея бѣдной тогдашней обстановкѣ, было нисколько не слабѣе, если еще не сильнѣе, настоящаго, когда на поддержаніе его тратятся милліоны изъ податныхъ денегъ Русскаго народа".

Этимъ оканчивается передовая статья „Русскаго Міра". и затѣмъ въ томъ же номерѣ газеты печатается депеша¹⁾ мистера Скайлера, секретаря Американскаго посольства, рисующаго яркую и любопытную картину устройства Туркестанскаго края.

„Сыръ, я посѣтилъ центральную Азію", пишетъ мистеръ Скайлеръ маршалу Джуэль. „не имѣя никакой политической цѣли, по причинѣ занимаемаго мною официальнаго положенія. Меня всюду встрѣчало радушиное гостепріимство, и я имѣлъ возможность собрать нѣкоторыя небезынтересныя для правительства данныя".

„Генераль Кауфманъ прибылъ въ Ташкентъ въ 1867 г., и новыя положенія или вѣрнѣе проекты еще не утверждены Императоромъ. Новый проектъ, составленный зимою того же года, былъ одинаково отвергнутъ совѣтомъ Имперіи".

„Въ силу этого, Туркестанскій округъ находился на неопредѣленномъ положеніи съ начала 1871 г., хотя администрація постоянно держалась на правленія, указаннаго первымъ, имѣвшимъ легальную силу, проектомъ".

„Въ общихъ чертахъ проектъ состоитъ въ слѣдующемъ. Генераль-губернаторъ края, онъ же и главнокомандующій войсками, занимаетъ почти такой-же постъ, какъ генераль-губернаторы другихъ мѣстностей Имперіи, но онъ *кроме того имѣетъ власть въ случаѣ нужды примѣнять данныя инструкции или допустить какое либо исключеніе*²⁾. Онъ имѣетъ также полномочіе на дипломатическіе переговоры съ сосѣдними государствами. Подъ его начальствомъ состоятъ два губернатора, Сыръ-Дарьинскій и Семирѣченскій".

„Уѣздное начальство удалено, такъ сказать, отъ глазъ и контроля центральной администраціи. По назначеніи на должность оно вскорѣ вступаетъ на путь Азіатскихъ порядковъ, злоупотребляетъ своею властію, считая себя почти внѣ всякой ответственности. Поразительный тому примѣръ мы видимъ въ дѣлѣ

¹⁾ Депеша помѣчена: С.-Петербургъ: 7 Марта 1871 г.

²⁾ То есть имѣть особія полномочія, что весьма знаменательно при настоящемъ изслѣдованіи дѣлъ о начерт. А. Ч.

управленія Кураминскимъ уѣздомъ, наиболѣе плодороднымъ и гуще населеннымъ изъ всего округа. Уѣздъ этотъ граничитъ съ Ташкентскимъ, но не включенъ въ него. Начальникъ Кураминскаго уѣзда собралъ въ одинъ годъ девяносто тысячъ рублей разными незаконными налогами и всѣ ихъ прожилъ, кромѣ другихъ казенныхъ денегъ. Онъ былъ, однако, миляхъ въ пяти отъ дома генераль-губернатора, и всѣмъ было извѣстно, что онъ живетъ открыто, даетъ балы и ужины, однимъ словомъ живетъ такъ, какъ невозможно жить на одно жалованье въ 2,400 рублей“.

„Въ числѣ разныхъ нововведеній были открыты сберегательныя кассы, но послѣдовавшимъ распоряженіемъ генераль-губернатора деньги эти рѣшено обратить на административныя нужды уѣзда. Фондъ, состоявшій приблизительно изъ 22,000 р., исчезъ совершенно и неизвѣстно куда, а въ отчетѣ объ этой суммѣ упоминается только отдѣлка дома мѣстнаго уѣзднаго начальника. Деньги выжимаются у туземцевъ во всякое время и подъ всякими предлогами. Такъ напримѣръ вполнѣ нелегальнымъ образомъ запрещено кому бы то ни было переѣзжать Сыръ-Дарью въ какомъ бы то ни было мѣстѣ кромѣ указанныхъ, подъ угрозой ссылки въ Сибирь. А указанные мѣста находились на землѣ пріятелей уѣзднаго начальника. Когда же это дѣло слишкомъ огласилось, губернаторъ обратилъ на него вниманіе и удалилъ этого начальника изъ уѣзда, но вмѣсто всякаго взысканія онъ перевелъ его въ другую мѣстность, на томъ основаніи, что считаетъ его за весьма „полезнаго офицера“.

„Начальникъ Перовскаго уѣзда былъ смѣненъ за взятки и разнаго рода вымогательства, но переведенъ оттуда въ Ауліэта, а отсюда опять удаленъ за нелегальное требованіе отъ туземцевъ денегъ, будто бы на заготовку верблюдовъ для Хивинской экспедиціи“.

„Такимъ образомъ многіе были удалены за нечестныя ихъ дѣйствія по службѣ, но ихъ немедленно назначали на другія мѣста. Съ другой стороны, если кто либо пытался извѣстить публику о настоящемъ положеніи дѣла, его немедленно постигала кара: такъ начальникъ Уратюбскаго уѣзда былъ смѣненъ и высланъ изъ округа за отправку писемъ въ Петербургъ съ заявленіемъ о томъ, что нерасположеніе къ Русскимъ и безпорядки въ Ходжентѣ возникли вслѣдствіе чрезмѣрнаго повышенія налоговъ, сравнительно съ тѣмъ, что было обѣщано Русскими вначалѣ, а не вслѣдствіе предписанія прививать туземцамъ оспу, какъ увѣряли“.

„Подобныхъ примѣровъ множество. Когда генераль-губернатору представляютъ письменныя доказательства виновности служащихъ лицъ, то онъ обыкновенно рветъ бумагу не прочитавъ ее. „Я хорошо знаю этого человѣка“, говоритъ онъ, „и такъ убѣжденъ въ его честности, что не считаю такихъ вещей возможными“.

„Бываютъ случаи не только противозаконные сами по себѣ, но и влекущіе за собою чрезвычайно важныя послѣдствія. Совершаются они не только изъ желанія личной наживы, сколько ради цѣли выказать усердіе по службѣ или въ видахъ интриги“.

„Замѣчательнѣйшій случай бывшій въ прошломъ году. Русскій поручикъ Эмманъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ значительныя суммы казенныхъ денегъ, донесъ о похищеніи ихъ Киргизами. Ближайшіе къ мѣсту происшествія Киргизы были арестованы, и послѣ долгаго допроса нѣкоторые изъ нихъ сознались въ преступленіи, хотя деньги у нихъ не были найдены. Пока происходилъ допросъ, Эмманъ застрѣлился, оставивъ письмо, въ которомъ заявлялъ, что онъ не тотъ честный офицеръ, которымъ его считали, что онъ самъ прокутилъ казенныя деньги и сослался на Киргизовъ, чтобы выгородить себя. Киргизамъ естественно была возвращена свобода, но при этомъ возникъ вопросъ, почему же они въ этомъ случаѣ сознались. По изслѣдованіи оказалось, что офицеръ, производившій допросъ въ Вѣрномъ, баронъ Гревеницъ, вынуждалъ у нихъ сознание пыткой, что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ Русскимъ законодательствомъ и дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ на вліяніе Русскаго элемента среди Киргизовъ“.

„Неподалеку отъ Копала былъ такой случай. Мѣстный уѣздный начальникъ, справедливо ненавидимый туземцами за свои вымогательства, однажды былъ найденъ избитымъ, израненнымъ и ограбленнымъ. Въ этомъ преступленіи обвиняли до шести или девяти Киргизовъ, и въ ихъ числѣ обвинялся Тезекъ, служавшій въ чинѣ маіора въ Русской арміи, личность вполне уважаемая Киргизскими старшинами“.

„При открытіи Хивинской экспедиціи, понадобилось 14,000 верблюдовъ, т. е. 14⁰ о всего количества верблюдовъ имѣвшихся въ округѣ, и было условлено, что за каждаго павшаго верблюда правительство уплатитъ 50 р. Каждый уѣздъ обязался выставить соответствующее количество верблюдовъ“.

„Трудности экспедиціи были такъ велики, что почти всѣ верблюды пали. слѣдовательно правительству слѣдовало выплатить 700,000 рублей. Одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ, полагая, что представился какъ разъ подходящій случай доказать свое усердіе администраціи, а также и усердіе со стороны уѣзда, заявилъ подвластному своему населенію, что правительство никогда имъ не заплатитъ за верблюдовъ, и что было бы гораздо лучше подарить ихъ. Онъ столько потратилъ на это краснорѣчія, что туземцы согласились. Примѣру этого начальника послѣдовали другіе, въ большей части уѣздовъ, а въ результатѣ оказалось у туземцевъ убѣжденіе, что правительство просто украло у нихъ верблюдовъ и если бы со временемъ потребовалось на другую экспедицію еще верблюдовъ, то можно ожидать весьма сильное неудовольствіе“.

Сдѣлавъ дословныя выписки изъ депеши мистера Скайлера, напечатанной М. Г. Черняевымъ въ № 28 „Русскаго Мира“, касавшіяся преимущественно критики внутренняго управленія Туркестанскаго края въ 70 годахъ прошлаго столѣтія, перейдемъ ко второй части его депеши, появившейся на страницахъ той же газеты (№ 31), въ которой изложены преимущественно военныя событія того времени въ краѣ. Къ этой депешѣ, за подписью редакціи, т. е. лично М. Г. Черяева,

присоединены длинныя и весьма интересныя примѣчанія, подробно и въ качествѣ, разумѣется, лица компетентнаго. комментируюція изложеніе Американскаго военнаго агента.

„Въ 1869 г. Хивинцы взбунтовали Киргизовъ“, пишетъ мистеръ Скайлеръ въ № 31 Русскаго Міра *). „Русскіе порѣшили, что такому положенію дѣлъ надобно положить конецъ. Однако нѣсколько лѣтъ прошло въ переговорахъ съ ханомъ о возвращеніи Русскихъ плѣнныхъ, въ небольшихъ экспедиціяхъ и рекогносцировкахъ степей со стороны Каспійскаго моря, отъ устья Сыръ-Дарьи, на Сѣверъ отъ Бухары и до Кизилкушской степи. Полагали, что осенью полковникъ Марковъ, командовавшій экспедиціей, которая отправилась отъ Красноводска до Каспійскаго моря, дойдетъ до Хивы и вѣроятно овладѣетъ ею; но онъ по неосторожности потерялъ много верблюдовъ и вернулся съ ноль-пути. Тогда рѣшено было снарядить полную экспедицію противъ хана. Генералъ Кауфманъ предположилъ сначала организовать два отряда или двѣ экспедиціи: одна изъ Кавказскихъ войскъ вышла бы изъ Красноводска прямо на Хиву, другая подъ его личнымъ начальствомъ направилась бы на Хиву изъ Ташкента, и обѣ экспедиціи сошлись бы въ Хивѣ“.

„Генералъ Крыжановскій, бывшій въ то время въ Петербургѣ, разъяснилъ правительству всю опасность такого плана. Онъ увѣрялъ, что если еще одна экспедиція не выйдетъ изъ Оренбурга, то Киргизская степь будетъ открыта, и Хивинцы, при содѣйствіи друзей своихъ Туркменовъ, кинутся на большой торговый трактъ ведущій къ Ташкенту и займутъ даже Уралъ и Оренбургскую

*) Почтенный авторъ, какъ видно, не имѣлъ возможности ознакомиться съ настоящими причинами Киргизскаго бунта 1869 г. Не Хивинцы взбунтовали Киргизъ, ихъ взбунтовало введеніе новаго положенія, составленнаго подъ руководствомъ военнаго министерства, либеральныя и гуманныя стремленія котораго постигали всегда неудачи. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Въмѣсто признательности со стороны населенія за введеніе гуманнаго и либеральнаго положенія, населеніе отвѣтило ему бунтомъ. Когда для усмиренія его были посланы казачьи отряды, то застигнутые Киргизы сваливали вину на отдаленныхъ Хивинцевъ, а чиновники охотно принимали эти оправданія, чтобы прикрыть ошибки своего начальства. Такимъ образомъ составилось мнѣніе о подстрекательствѣ Хивинцевъ въ Петербургѣ, тогда какъ имъ вовсе не до вѣшнихъ предпріятій, такъ какъ они у себя дома едва отбиваются отъ Туркменъ. Нельзя при этомъ не упомянуть о слѣдующемъ фактѣ: пока у насъ мирно въ стѣняхъ, спокойно, то и сосѣди наши спокойны; какъ только мы возбудимъ неудовольствіе нашихъ Киргизовъ, то непременно виноватыми оказываются кто либо изъ сосѣдей. Мы вовсе не думаемъ высказываться противъ занятія Хивы, которая намъ давно необходима, хотя не можемъ согласиться, чтобы для покоренія ея нужно было двигать войска съ трехъ концовъ Россіи, гратить милліоны и выбирать изъ всѣхъ существующихъ путей самыя непроходимыя. Объясняя причины Киргизскаго бунта, мы хотѣли только указать на настоящую причину этого грустнаго дѣла, съ которымъ будемъ имѣть случай познакомиться нашихъ читателей подробно. Ред. (Русскаго Міра).

губернію¹⁾. Генераль Кауфманъ противъ воли согласился выслать Оренбургскія войска, подъ начальствомъ генерала Веревкина, къ Западному берегу Аральскаго моря и отправилъ еще отрядъ изъ Казалинска для встрѣчи его собственной экспедиціи на Аму-Дарьѣ. Такъ какъ надѣялись, что всѣ эти экспедиціи сойдутся въ одно время подъ Хивой, то и предполагали, что генералу Кауфману легко будетъ овладѣть ею“.

„Затѣмъ послѣдовали нѣкоторыя перемѣны въ распоряженіяхъ: за недостаткомъ верблюдовъ Каспійская экспедиція была раздѣлена на два отряда: одинъ подъ командою полковника Ломакина выступилъ изъ Александровскаго форта; другой, подъ начальствомъ полковника Маркозова, изъ Чикишлара, близъ устья Атрека“.

„Экспедиція Маркозова, благодаря поспѣшности, съ какою онъ шелъ, желая прійти первымъ и взять Хиву до прибытія другихъ экспедицій, совершенно не удалась²⁾, такъ какъ отрядъ страдалъ невыносимо отъ недостатка воды и отъ жары. Полковникъ Маркозовъ принужденъ былъ вернуться, зарывъ свою пушку въ песокъ и побросавъ ружья, которыя были ему потомъ принесены Киргизами“.

„Экспедиція Маркозова однако оказала нѣкоторую услугу, уже тѣмъ самымъ, что задержала Туркменъ³⁾. Экспедиція, вышедшая изъ Казалинска, съ которой отправился великій князь Николай Константиновичъ, снѣшила пристать къ экспедиціи генерала Кауфмана, но видя, что послѣдній подвигается не такъ скоро, какъ ожидалось, повернула влѣво и встрѣтила Кауфмана подъ Аригтанъ-бель-Кудукомъ“.

„Экспедиція генерала Кауфмана вышла изъ Джизака 26 Марта, встрѣтила неблагоприятную погоду и когда около 1-го Мая пришла въ Калату, то остановилась недѣли на двѣ собраться съ силами. Затѣмъ она пошла на Аму-Дарью, къ Учъ-Угачу, черезъ пустыню совершенно ей неизвѣстную. Переходъ этотъ около тысячи миль представлялъ трудности выше всякаго описанія. Палящій зной и жажда томили войска, всѣ почти верблюды пали, офицеры и солдаты побросали въ степи большую часть своего багажа и лагерныхъ принадлежностей. Генераль Кауфманъ доходилъ до отчаянія, и было время, что онъ ожидалъ гибели всей своей экспедиціи среди несквозъ. Когда она добралась до Аму-Дарьи, дѣла ея пошли лучше; отсюда войска направились правымъ берегомъ

¹⁾ Мы никакъ не можемъ раздѣлить такихъ оригинальныхъ стратегическихъ соображеній генерала Крыжановскаго, если дѣйствительно они были высказаны, и изъ уваженія къ нему не считаемъ удобнымъ возражать на нихъ. (Ред. Русскаго Мира).

²⁾ Эта скачка съ пренитствіями лучше всего доказываетъ сознаніе самихъ участниковъ, что не было никакой необходимости сосредоточивать то количество войскъ, которое было назначено для овладѣнія ничтожною Хивой. (Ред. Русскаго Мира).

³⁾ Не можемъ согласиться съ этимъ заключеніемъ. Такая неудача ни въ какомъ случаѣ не могла быть полезною даже и тогда, если бы овладѣніе Хивой требовало съ этой стороны диверсіи. (Ред. Русскаго Мира).

до Шурукана. имѣли двѣ небольшія стычки съ Туркменами, отразили ихъ, перешли черезъ рѣку, взяли Газарашъ, другія мѣстечки, и успѣхъ былъ обезпеченъ. Тѣмъ временемъ экспедиція генерала Веревкина подвигалась, почти безъ всякаго затрудненія, западнымъ берегомъ Аральскаго моря къ Кунграду. Здѣсь къ ней присоединился отрядъ подъ начальствомъ полковника Ломакина. Соединенные отряды отразили нѣсколько мелкихъ нападеній со стороны Туркменъ и подошли къ самой Хивѣ, не имѣя никакихъ извѣстій о генералѣ Кауфманѣ; а такъ какъ городъ открылъ сильный огонь, то генералъ Верекинъ и взялъ приступомъ ворота“.

„Ханъ между прочимъ отправилъ гонцовъ на встрѣчу генералу Кауфману, съ извѣщеніемъ о намѣреніи сдачи ему города. Тогда установилось сообщеніе между генераломъ Кауфманомъ и Верекинымъ, и послѣдній получилъ предписаніе прекратить огонь, потому что городъ намѣренъ сдаться. Генералъ Верекинъ исполнилъ приказаніе, но такъ какъ огонь со стороны города не прекращался, то горсть людей взяла приступомъ и цитадель. Едва только они успѣли это сдѣлать, какъ пронеслась вѣсть, что генералъ Кауфманъ уже вступать въ капитулированнй городъ черезъ другую заставу. Самъ ханъ успѣлъ бѣжать, и братъ его, извлеченный изъ тюрьмы, сдѣлался ханомъ. Къ хану немедленно были отправлены послы; онъ вернулся возстановленный въ своихъ правахъ, но съ условіемъ подчиненія совѣту или дивану изъ $\frac{2}{3}$ Русскихъ“.

„Результатъ Хивинской экспедиціи по истинѣ любопытенъ, такъ какъ имъ ясно доказано, что войска изъ Ташкента и съ Каспійскаго моря двинуты почти напрасно. На встрѣчу генералу Кауфману черезъ Аму-Дарью не тронулся ни одинъ отрядъ: до такой степени всѣ были убѣждены, что генералъ погибъ въ пескахъ со своимъ войскомъ. Единственное сопротивленіе, въ извѣстной степени сильное, встрѣтилъ генералъ Верекинъ, противъ котораго была выслана вся Хивинская армія, за исключеніемъ небольшого отряда, охранявшаго переправу черезъ Аму-Дарью подъ Шуруканомъ“.

„Вышло такъ, что Оренбургская экспедиція, высланная единственно въ видахъ огражденія стени отъ набѣга Туркменъ, одна только нашла самую лучшую дорогу, на которой почти не встрѣтила препятствій, отразила неприятельское нападеніе, прибыла благополучно и овладѣла городомъ. Если-бы въ свое время принять былъ совѣтъ Оренбургскаго генералъ-губернатора*)“.

*) Можно утвердительно сказать, что не одинъ генералъ-губернаторъ Оренбургскій сознавалъ всю безполезность сосредоточивать столько войска противъ Хивы. Мы уже довольно ознакомились съ Азіатцами, чтобы знать имъ настоящую цѣну. Дѣло въ томъ, что каждое изъ трехъ сосѣднихъ вѣдомствъ желало оставить за собою славу взятія Хивы и такъ было увѣрено въ успѣхъ этого нетруднаго военнаго предпріятія, что всѣ стремленія заключались въ томъ, чтобы обогнать другъ друга. То что случилось подъ Хивою, лучше всего подтверждаетъ справедливость нами сказаннаго: въ то время когда городъ сдается одному генералу, другой спѣшитъ съ противоположнаго конца, зрѣлище

то не было бы надобности ни въ какой другой экспедиціи, и Хива была бы взята безъ труда, безъ шума, безъ всякихъ дипломатическихъ неурядностей, какія затѣмъ послѣдовали“.

Контрибуція въ 2,200,000 р. была наложена на хана съ разсрочкою на 20 лѣтъ. Хива понесла должное наказаніе, слѣдовательно цѣль экспедиціи была достигнута и, согласно обѣщанію, данному Англіи, Русскія войска должны были удалиться“.

„Контрибуція наложена была и на Туркменъ въ видѣ кары за оказанное противодѣйствіе. Можетъ быть, было бы разумнѣе обойти фактъ молчаніемъ, потому что Туркмены, будучи номинально подданными хана, состояли у него на службѣ и естественно должны были выступить противъ Оренбургской экспедиціи. Когда же они понесли пораженіе, то не далѣе какъ черезъ мѣсяць были съ Русскими въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, и небольшія экспедиціи, отправляемыя съ политическими и иными цѣлями, проводили дни и ночи въ Туркменскихъ лагеряхъ, пользуясь совершенной безопасностью. По словамъ офицеровъ Оренбургскаго отряда, составившихъ себѣ о Туркменахъ весьма выгодное мнѣніе, они стали бы соблюдать въ точности всѣ условія заключеннаго мира; но надобно же было дать какую нибудь роль и Ташкентскому отряду, чтобы и на его долю выпала часть наградъ и почестей за подвигъ, вся слава котораго приписывалась единственно Оренбургско-Кавказской экспедиціи“.

„Поэтому, наложивъ контрибуцію на Туркменъ, генераль Кауфманъ призвалъ къ себѣ старѣйшинъ Юмудскаго племени и объявилъ, чтобы въ двѣ недѣли была уплачена часть этой суммы, а остальное уплатится въ разсрочку: въ видѣ же обезпеченія, что въ указанный срокъ будетъ внесенъ ими первый взносъ, генераль оставилъ у себя нѣсколькихъ заложниковъ. Но вмѣсто того, чтобы дождаться истеченія означенныхъ двухъ недѣль, онъ вслѣдъ за тѣмъ выслалъ отрядъ подъ командою генерала Головачева, чтобы обезпечить за собою первую уплату. Генераль Головачевъ тотчасъ же напалъ на Туркменскія селенія и лагерь, сжегъ ихъ дома, уничтожилъ запасы, однимъ словомъ, произвелъ совершенное опустошеніе среди Туркменъ.

Туркмены естественно озлобились на такую продѣлку и жаловались Оренбургскимъ отрядамъ, которыхъ встрѣчали на обратномъ пути ихъ. Они говорили, что если-бы не генераль Кауфманъ, съ которымъ они теперь состоятъ въ дружбѣ, то они непременно напали бы на отрядъ Головачева и его отрядъ перерѣзали бы *).

не только на войнѣ, но и во всякомъ другомъ случаѣ по истинѣ рѣдкое—брать силою то, что вамъ даютъ добровольно. Хивинская экспедиція, съ военной точки зрѣнія, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія и можетъ только служить новымъ доказательствомъ неоцѣненныхъ свойствъ Русскаго солдата. (Ред. Русскаго Міра).

*) Авторъ, обвиняя генерала Головачева, очевидно не имѣлъ документовъ по этому печальному дѣлу, поставившему Туркменъ съ перваго прикосновенія въ непримиримо-враждебныя къ намъ отношенія. Генераль Головачевъ дѣйствовалъ не по собственному

„Наконецъ подъ Уллiali Туркмены дѣйствительно напали на лагерь генерала Головачева и привели его въ сильную тревогу, но Русскіе одержали верхъ, и Туркмены отступили. Послѣ этого Юмуды, покинувъ мѣстность, ушли въ степь, разумѣется раздраженные, готовые вредить Русскимъ при первомъ удобномъ случаѣ и вовсе не намѣреваясь соблюдать миръ. что тамъ бы ни было подписано“.

„Нападеніе на Туркменъ по словамъ генерала Крыжановскаго (Оренбургскаго генераль-губернатора) было произведено далеко некстати и должно серьезно отозваться для насъ въ будущемъ. „Мы этимъ самымъ приготовили себѣ на много лѣтъ впередъ, говорилъ онъ, постоянныя экспедиціи противъ Туркменъ. Это будетъ для насъ вторымъ Кавказомъ, и въ концѣ концовъ мы будемъ вынуждены завоевать Мервъ, что немедленно усложнитъ наши отношенія съ Англійей“.

Этимъ мы заканчиваемъ наши многочисленныя выписки изъ статьи Американскаго военнаго агента съ примѣчаніями къ нимъ редакціи Русскаго Мира, т. е. М. Г. Черняева. И то и другое, разумѣется, не могло пройти незамѣченнымъ, не могло не обратить на себя общественнаго вниманія, привлеченнаго въ то время къ только что присоединенному къ Россіи краю. Прочтена была депеша Скайлера на страницахъ Русскаго Мира и Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ К. П. Кауфманомъ, бывшимъ въ то время въ Петербургѣ, гдѣ онъ провелъ зиму, оставивъ въ Ташкентѣ своимъ замѣстителемъ генераль-лейтенанта Колпаковскаго.

Въ № 25 Туркестанскихъ Вѣдомостей (1875 г. 24 Іюня) напечатанъ слѣдующій приказъ генераль-адъютанта Кауфмана. „Гор. Каза-

усмотрѣнію, а исполнилъ предписанія генераль-адъютанта Кауфмана отъ 6-го Іюля 1873 г. за № 1167, въ которомъ сказано: *если ваше превосходительство усмотрите, что Юмуды не занимаются сборомъ денегъ, а собираются съ цѣлью дать войскамъ отпоръ, а можетъ быть и откочевать, то я предлагаю вамъ тотчасъ же двинуться въ кочевья Юмудовъ, расположенныя по Калаватскому арыку и его развѣтвленіямы и передать эти кочевья Юмудовъ и семьи ихъ полному и совершенному разоренію и истребленію, а имущество ихъ, стада и прочее конфискованію* (Курсивъ Русскаго Мира). Эта жестокость, надолго вырвыная пропасть между нами и Туркменами, тѣмъ прискорбнѣе, что не оправдывалась даже необходимостью, заставляющею иногда слабѣйшаго прибѣгать къ безчеловѣчнымъ мѣрамъ противъ сильнаго для собственнаго спасенія. Мы были гораздо сильнѣе туземцевъ и всѣмъ обезпечены. Все дѣло состояло въ полученіи отъ Юмудовъ въ краткій срокъ сначала 100 т. рубл., а потомъ 200 т. рубл., всего 300 т. рубл. въ теченіи 15 дней. Мы полагаемъ, что если бы Туркмены и желали повиноваться, то едва-ли они имѣли возможность исполнить требованіе генерала Кауфмина въ такой короткій срокъ. Богатство кочевниковъ не въ деньгахъ, а въ стадахъ. (Ред. „Русскаго Мира“).

линскъ¹⁾). Прибывъ 22-го сего Мая въ высочайше мнѣ ввѣренное генераль-губернаторство, я вступилъ въ непосредственное управленіе Туркестанскимъ краемъ²⁾, а 27-го Іюня, то есть около мѣсяца спустя, генераль Головачевъ, губернаторъ Сыръ-Дарьинской области, жившій въ Ташкентѣ, гдѣ находился въ то время и его непосредственный начальникъ, только что пріѣхавшій, подписываетъ и отправляетъ въ Варшаву къ мѣсту фиктивного служенія Михаила Григорьевича Черныяева слѣдующую бумагу, ложно, какъ мы это увидимъ далѣе, приписывая свое дѣйствіе требованію Оренбургской Контрольной Палаты:

„Туркестанскій Военный Округъ. Штабъ войскъ Сыръ-Дарьинской области. Отдѣл. хоз. 27 Іюня 1875 г. № 583 (751) г. Ташкентъ. Начальнику штаба войскъ Варшавскаго военнаго округа“.

„Оренбургская Контрольная Палата, ревизуя отчетность въ деньгахъ бывше отпущенныхъ въ 1864 и 1865 г.г. на экспедиціонныя надобности для войскъ Туркестанской области, нашла, что въ остаточную сумму къ 1866 году числится долга за г. м. Черныяевымъ 3,931 р. $\frac{1}{4}$ коп., поему оная Палата *проситъ распоряженія моего*²⁾ о пополненіи этого долга. По справкѣ въ дѣлахъ Штаба войскъ бывшей Туркестанской области оказывается, что по долговой вѣдомости Штаба къ 11 Апрѣля 1866 г. числилось долга за г. м. Черныяевымъ 7,163 р. $\frac{3}{4}$ коп. На пополненіе этого долга поступило: 1) Согласно предписанію военнаго губернатора области отъ 29 Декабря 1866 г. за № 7874, причитавшихся г. м. Черныяеву въ квартирное довольствіе, съ 1-го Апрѣля 1865 г. по 1-е Января 1866 г. 642 р. 84 $\frac{3}{4}$ коп. 2) По предписанію его же, отъ 22 Января 1867 г. за № 816, причитавшихся г. м. Черныяеву натуральныхъ и денежныхъ раціоновъ за Іюль мѣсяць 1865 г.—131 р. 47 к.

3) По предписанію его-же отъ 22 Февраля за № 1904, слѣдовавшіе съ 1-го Января по 1-е Мая 1864 г. на отопленіе и освѣщеніе—120 р.

4) Зачтенныя ликвидационною комиссіею полковника Быкова,

а) деньги того же наименованія, какъ въ 3-мъ пунктѣ, слѣдовавшія за Сентябрь мѣсяць 1865 г. 13 р. 47 $\frac{1}{2}$ к., б) содержаніе за Сентябрьскую треть 1865 г.—1161 р. 80 к., в) по требовательной вѣдомости подъ литерой Г., чинамъ военно-народнаго управленія за 1866 г.—666 р. 66 $\frac{1}{4}$ к. г) По требовательной вѣдомости Штаба за № 1870 отъ 1865 г. 495 р. 66 коп.“

„Всего поступило въ разное время на пополненіе долга 3,231 р. 91 $\frac{1}{2}$ к. Затѣмъ остается еще неуплаченными 3,931 р. 9 $\frac{1}{4}$ коп.“

¹⁾ Казалинскъ отстоитъ отъ Ташкента 814 верстъ, а потому генераль Кауфманъ прибылъ въ послѣдній вѣроятно въ первыхъ числахъ Іюня. А. Ч.

²⁾ Контрольная Палата, какъ оказывается изъ отношенія въ канцелярію Госуд. Контроля № 1819 отъ 3-го Іюня 1878 г., не обращалась въ 1875 г. съ требованіемъ къ генералу Головачеву, а въ 1872 г. препроводила дѣла въ Интендантство, а это послѣднее послало все дѣло 14-го Авг. 1872 г. Туркестанскому генераль-губернатору, Кауфману. А. Ч.

„Сообщая объ этомъ вашему сіятельству, я имѣю честь просить предложить г. м. Черняеву указать: не поступали ли отъ него, а если поступали, то когда и куда именно, деньги на пополненіе сказаннаго долга, а въ противномъ случаѣ просить его о пополненіи долга 3,931 р. 9¼ к. При этомъ при-совокупляю, что деньги на пополненіе долга должны быть сданы въ доходъ главнаго интендантскаго управленія смѣты § 7, ст. 3. О послѣдующемъ имѣю честь просить ваше сіятельство сообщить мнѣ съ приложеніемъ квитанціи въ сдачѣ денегъ, если таковыя по ходу дѣла окажется необходимымъ сдать“.

„Подлинное подписалъ командующій войсками генераль-лейтенантъ Головачевъ. скрѣпилъ начальникъ штаба, генеральнаго штаба полковникъ Фериде“.

Мы оставляемъ на разсмотрѣніе читателей разрѣшить вопросъ, возможно ли допустить предположеніе, что генераль Головачевъ, правая рука генерала Кауфмана, могъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать помимо и безъ вѣдома своего начальства, поднимая такое дѣло противъ покорителя Ташкента, обратившее на себя разумѣется вниманіе не только на мѣстѣ въ Туркестанскомъ краѣ, но и въ Петербургѣ *).

Варшавская администрація вѣроятно или совсѣмъ не обратила вниманія на требованіе Туркестанской или дѣйствовала слишкомъ для нея медленно, и потому изъ Туркестанскаго военнаго округа исходитъ новая бумага по начету, но направляется она уже къ С.-Петербургскому градоначальнику.

„Туркестанскій военный округъ. Штабъ войскъ Сыръ-Дарьинской области отдѣл. хозяйственное. 19 Ноября 1875 г. № 10184—1804. Г. Ташкентъ“.

„Прилагая при семъ отношеніе командующаго войсками области отъ 27 Іюня за № 5851 (то есть помѣщенное выше), имѣю честь просить ваше превосходительство предложить отставному генераль-маіору Черняеву, проживающему по Большой Морской, въ домѣ Жако, доставить объясненіе на изложенное въ № 5851 или квитанцію въ сдачѣ денегъ. О послѣдующемъ имѣю честь сообщить. Подписалъ временно командующій войсками, полковникъ Чемерзинъ и скрѣпилъ за отсутствіемъ начальника штаба, завѣдывающій дѣлами онаго старшій адъютантъ поручикъ Н.“

Получена была эта бумага въ Петербургѣ, какъ помѣчено то въ дѣлѣ Контрольной Оренбургской Палаты, 15 Дек. 1875 г., и вскорѣ послѣ этого Петербургская полиція и пришла взыскивать деньги съ

* Замѣтимъ при этомъ, что уже въ 1872 г. расходъ по Туркестанскому краю доходилъ до 7,528,627 р., давая дефицитъ государству въ 5,507,341 р. (смотри № 28 Русск. Міра за 1875 г.). Замѣтимъ еще, что 15 Іюня, то есть за нѣсколько дней до послышки генерала-Головачевымъ въ Варшаву требованія о взысканіи съ М. Г. Черняева 3,931 р. 9¼ к. потраченныхъ имъ на завоеваніе края, генераль Кауфманъ утвердилъ временный штабъ ярмарочнаго комитета въ 8,200 р. (Смотри № 28 Турк. Вѣдом. за 1875 г.) А. Ч.

Михаила Григорьевича въ редакцію Русскаго Мира, о чемъ опъ упоминаетъ въ своей замѣткѣ, помѣщенной въ началѣ нашей статьи.

По предложенію *Θ. Θ. Трепова*, чтобы выиграть время, Михаиломъ Григорьевичемъ тогда и было написано письмо, тоже находящееся въ его замѣткѣ, приведенное нами и помѣченное 21 Январемъ 1876 г. Письмо это, какъ значится въ дѣлѣ Контрольной Палаты, принято было *околоточнымъ надзирателемъ Орловымъ*.

Начальствующіе Туркестана не оставляли дѣла взысканія съ Михаила Григорьевича даже и тогда, когда ихъ вниманіе должно было сосредоточиться на предпринятомъ въ то время походѣ противъ Кокана. Въ вознагражденіе за участіе въ этомъ походѣ, поздней осенью 1875 г., генераль Головачевъ былъ представленъ генераломъ Кауфманомъ къ ордену Бѣлаго Орла, а въ Декабрѣ мѣсяцѣ онъ снова сдалъ управленіе края генералу Колпаковскому и уѣхалъ въ Петербургъ.

Несмотря на негодующее, краснорѣчивое письмо Михаила Григорьевича отъ 21 Января 1876 г., никто въ Ташкентѣ не обратилъ на него никакого вниманія. Съ М. Г., числившагося въ то время по Генеральному Штабу и получавшему 1961 р. 40 к. и добавочныхъ по 200 р. въ годъ, начали производиться вычеты по взысканію, и только по истеченіи двухъ лѣтъ генераль Кауфманъ рѣшается обратиться къ военному министру съ слѣдующимъ рапортомъ:

„Туркестанскій военный округъ. Окружной Штабъ. Отд. Хозяйств. 30 Янв. 1878 г. № 802. г. Ташкентъ. О сложеніи съ отставнаго генераль-маіора Черныева долга въ 3,931 р. 9¹/₄ коп. Оренбургская Контрольная Палата, ревзвзя отчетность въ деньгахъ, отпущенныхъ въ 1864—1865 годахъ на экспедиціонныя надобности для войскъ Туркестанской области, нашла, что въ остаточной суммѣ къ 1866 г. числится долгу за генераль-маіоромъ Черныевымъ 3,931 р. 9¹/₄ коп. и потому просить распоряженія*) о пополненіи этого долга. По справкѣ въ дѣлахъ Штаба войскъ, бывшей Туркестанской области, оказывается, что по долговой вѣдомости Штаба къ 11 Апрѣля 1866 г. числилось за генераль-маіоромъ Черныевымъ 7,163 р. 3¹/₄ коп., на пополненіе которыхъ поступило въ разное время 3,231 р. 91¹/₂ коп. и затѣмъ остается еще неуплаченныхъ 3,931 р. 9¹/₄ коп. Въ виду этого командующій войсками Сыръ-Дарьинской области 27 Юня 1875 г. за № 5851 просилъ начальника Штаба Варшавскаго

*) Здѣсь вторично сваливается инициаторство этого дѣла съ болыной головы на здоровую при подписи генерала Кауфмана. Оренбургская Контрольная Палата отослала это дѣло въ Оренбургское Интенданство 20-го Мая 1872 г. за № 1300, которое въ свою очередь препроводило его 14-го Авг. 1872 г. за № 10872 Туркестанскому генераль-губернатору Кауфману, и съ тѣхъ поръ требованій о пополненіи начета не предъявляла, что и усматривается въ помѣщаемомъ ниже отношеніи Оренб. Казенной Палаты въ канцелярію Госуд. Контроля отъ 3 Юня 1878 г. А. Ч.

военнаго округа потребовать отъ генераль-маіора Черняева указанія, не поступало ли отъ него денегъ на пополненіе означеннаго долга и въ утвердительномъ случаѣ съ присовокупленіемъ, когда и куда именно сданы, а въ противномъ случаѣ предложить ему пополнить означенный долгъ. На означенное требованіе генераль-маіоръ Черняевъ, въ надписи при семъ представляемой, отозвался, что такъ какъ со времени оставленія имъ Туркестанскаго края прошло уже десять лѣтъ, то онъ не можетъ ничего припомнить, какъ въ отношеніи образованія этого долга, такъ и относительно его погашенія⁴.

„Представляя при семъ переписку по означенному предмету, я, въ виду того, что начеть Контроля послѣдоваль спустя почти десять лѣтъ и по закрытіи ликвидационной комиссіи, приводившей въ ясность финансовыя обороты Туркестанской области за время генераль-маіора Черняева, имѣю честь просить вашего ходатайства о сложеніи съ него означеннаго начета. Подлинный подписалъ командующій войсками генераль-адъютантъ Фонъ Кауфманъ I-ый. Скрѣпилъ и. д. Начальника Штаба. Генеральнаго Штаба генераль-маіоръ Мозель.

„Съ подлиннымъ вѣрно: И. д. помощника ревизора Поповъ“.

Въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ генераль Кауфманъ оставлялъ безъ всякаго вниманія письмо Михаила Григорьевича, и вышеприведенный рапортъ былъ имъ написанъ очевидно подъ давленіемъ словъ Государя Александра III-го, бывшаго тогда Наслѣдникомъ, сказавшаго начальнику главнаго штаба графу Гейдену: „оставьте эту мерзость противъ Черняева“.

Въ рапортѣ своемъ генераль Кауфманъ ссылается, какъ и генераль Головачевъ, на требованіе Оренбургской Контрольной Палаты о пополненіи, числящагося за Михаиломъ Григорьевичемъ долга, которая по словамъ обоихъ генераловъ „просила распоряженія о пополненіи этого долга“.

На основаніи этихъ словъ и главнымъ образомъ на энергій, проявленной Ташкентской администраціей, обратившейся даже къ полицейскому воздѣйствію, можно было бы предположить, что Оренбургская Контрольная Палата только что предъявила настойчивое требованіе о пополненіи этого долга, тогда какъ все это злополучное дѣло было препровождено Оренбургскимъ интенданствомъ Туркестанскому генераль-губернатору Кауфману 14 Августа 1872 г., то есть за три года до взыскаія съ М. Г. Черняева и съ тѣхъ поръ имъ не затрогивалось. Когда же возникло дѣло о сложеніи начета, управляющій этой Палаты, Листовскій засвидѣтельствовалъ, что Контрольная Палата не только не рѣшается настаивать на пополненіе долга, но считаетъ, въ виду заслугъ Михаила Григорьевича, вполне справедливымъ взятіе его на счетъ казны¹). Прося о сложеніи начета, генераль Кауфманъ

¹) Смори ниже отношеніе Листовскаго.

мотивируетъ свое ходатайство тѣмъ, что начеть контроля послѣдовалъ спустя почти десять лѣтъ и по закрытіи ликвидационной комиссіи.

Послѣ сего завязывается по этому дѣлу переписка между Туркестанскимъ военнымъ округомъ, Военнымъ Министерствомъ, Государственнымъ Контролемъ и Оренбургской Контрольной Палатой, получившей наконецъ изъ окружного штаба Туркестанскаго военного округа 19 Сент. 1878 г. за № 8254 увѣдомленіе о сложеніи начета съ генераль-маіора Черняева.

Но Военный Совѣтъ, обсуждая это дѣло, мотивировалъ сложеніе начета *не давностью и закрытіемъ ликвидационной комиссіи, а „услугами оказанными генераль-маіоромъ Черняевымъ при завоеваніи города Ташкента“* *). Управляющій же Оренбургской Контрольной Палаты, Листовскій въ своемъ отношеніи въ канцелярію Государственного Контроля отъ 3-го Іюня 1878 г. за № 1819, тономъ полнымъ укоризны къ виновниковенію этого дѣла, освѣщаетъ его въ совершенно неожиданномъ для Ташкентской администраціи свѣтъ.

„На отношеніе канцеляріи (пишетъ онъ) отъ 11 Марта сего года за № 1905 по вопросу о начетѣ на генераль-маіора Черняева, Контрольная Палата, съ возвращеніемъ приложений, имѣетъ честь увѣдомить. Первоначальный долгъ генераль-маіора Черняева въ казну, образовавшійся во время степной экспедиціи 1864—1866 гг., считался въ 7163 р. $\frac{3}{4}$ к. въ числѣ коихъ заключались не одиѣ суммы, позаимствованныя Черняевымъ для себя, но и высланныя по его лишь распоряженію за другихъ лицъ, или же не дозаписанныхъ въ книгахъ и т. п.“

„За зачетомъ же въ отношеніе означенной суммы слѣдовавшихъ г. Черняеву разныхъ полученій окончательный долгъ его казнѣ опредѣлился въ 3931 р. $\frac{9}{4}$ коп. Сія послѣдняя сумма была опредѣлена особою комиссіею подъ предсѣдательствомъ полковника Быкова, высочайше утвержденною для приведенія въ ясность денежныхъ оборотовъ по Туркестанской области за время завоеванія этого края генераломъ Черняевымъ“.

„Составленный означенною Комиссіею за 1864—1866 годы отчетъ съ приложениями и пояснительными записками изъ окружного штаба Оренбургскаго военного округа переданъ былъ въ 1868 г. въ мѣстное окружное интенданство, а изъ сего послѣдняго въ Контрольную Палату“.

„Усмотрѣвъ изъ сихъ документовъ, что на разныхъ воинскихъ частяхъ и лицахъ (въ томъ числѣ и на генераль-маіора Черняева) числится долговъ, слѣдующихъ къ поступленію въ суммы военного вѣдомства, до 77831 р. $\frac{90}{4}$ коп., Контрольная Палата копію съ составленной комиссіею вѣдомости о сихъ дѣлахъ передала при отношеніи 20 Мая 1872 г. за № 1300 въ Оренбургское Интендантское Управление для соответственнаго распоряженія о пополненіи сихъ суммъ.“

*) Смотри отзывъ Главнаго Штаба отъ 19 Августа 1879 г. за № 273.

Вслѣдствіе сего Интендантство, имѣя въ виду, что лица, на коихъ числятся долги, служатъ въ Туркестанскомъ военномъ округѣ, *14-го Августа 1872 г. за № 10187, препроводило сію переписку къ Туркестанскому генералъ-губернатору, а сей послѣдній, какъ можно предположить, передалъ въ штабъ Сыръ-Дарьинской области, отъ коего и послѣдовало отношеніе начальнику штаба войскъ Варшавскаго военного округа отъ 27 Юня 1875 г. за № 5851, на которое данъ отзывъ генераломъ-майоромъ Черняевымъ 21 Января 1876 г. *)*

„Такимъ образомъ по ходу настоящей переписки нельзя согласиться съ заявленіемъ генералъ-адъютанта фонъ Кауфмана, въ рапортѣ его г. военному министру за № 802, что начеть контроля послѣдоваль спустя почти десять лѣтъ, а слѣдовательно и примѣнить къ сему случаю статью 369 общ. счет. уст. о давности, освобождающей отчетныя лица отъ отвѣтственности, было бы неправильно. Равнымъ образомъ не усматривается и другихъ законныхъ основаній къ сложенію сего начета“.

Но, приходя къ такому заключенію, Палата не можетъ не остановить вниманія на тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ были сдѣланы генераломъ Черняевымъ означенныя выше позаймствованія и которыя *очень ясно* изображены въ запискѣ къ отчету за 1864 г. и 1865 года упомянутой Комиссіи. Онѣ заключаются въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ. Для соединенія бывшей Сыръ-Дарьинской линіи съ Западною Сибирью предположено было въ 1864 г., чтобы генералъ-Черняевъ (отъ Вѣрнаго) перешелъ рѣку Чу и овладѣлъ Коканскимъ укрѣпленіемъ Ауліата. Этотъ планъ и служилъ основаніемъ къ опредѣленію количества войскъ и потребныхъ на военную экспедицію расходовъ. Между тѣмъ Черняевымъ кромѣ сего укрѣпленія взяты были: г. Чемкентъ, укрѣпленіе Ниязбекъ, Чиназъ, г. Ташкентъ и другія мѣстности. Такимъ образомъ покоренъ былъ обширный край, что очевидно должно было потребовать непредвидѣнные при первоначальныхъ смѣтныхъ предположеніяхъ, расходы на сооруженіе укрѣпленій, помѣщеніе для гарнизоновъ, устройство и содержаніе лазаретовъ, образованіе мѣстныхъ управленій, устройство магазиновъ, этаповъ, почтъ, на продовольствіе гарнизоновъ и другія экспедиціонныя надобности и экстраординарныя потребности неизбѣжныя во вновь завоеванномъ краѣ“.

При этомъ войска въ новый край постоянно прибывали, вызывая тѣмъ новые расходы. Но куда ни обращался генералъ-майоръ Черняевъ о высылкѣ денегъ, онъ или вовсе не получалъ ихъ, или же получалъ въ такомъ недостаточномъ количествѣ, что не только не представлялось возможности къ какимъ либо заготовленіямъ на будущее, но даже покрывать уже сдѣланныя затраты изъ разныхъ источниковъ. Въ этомъ положеніи генералъ Черняевъ вынужденъ былъ, очевидно силою самихъ обстоятельствъ, обращаться къ позаймствованіямъ изъ разныхъ суммъ и на свое содержаніе, изъ коего по его собственному заявленію (донесеніе отъ 24 и 28 Февраля 1865 г. № 619 и 882) командуя-

*) Курсивъ мой. А. Ч.

щему войсками Западной Сибири онъ выдавалъ на прокормленіе „бѣдствующимъ семействамъ нижнихъ чиновъ“.

„При такихъ затрудненіяхъ, неожиданное овладѣніе столь обширнымъ краемъ въ Средней Азіи составляетъ такую заслугу генераль-маіора Черняева, что *Контрольная Палата не только не рѣшается настаивать на взысканіи съ него* оставшихся за нимъ въ долгу 3931 р. 9¹/₄ коп., но считаетъ съ своей стороны вполне справедливымъ ходатайствовать о принятіи сей суммы на счетъ казны“.

Подписалъ: управляющій Палатою Листовскій.

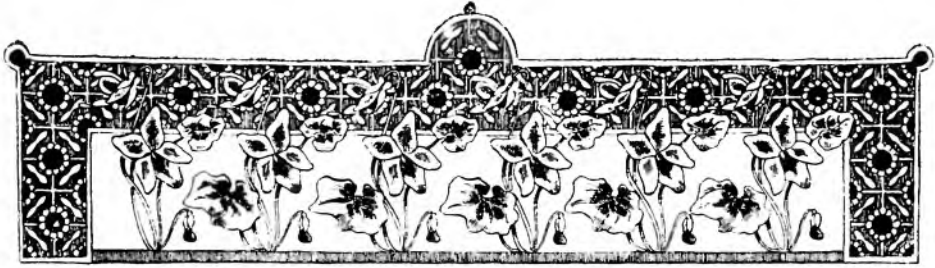
Вѣрно: и. д. помощникъ ревизора Поповъ.

Какіе бы ни были комментаріи къ вышеприведенному интересному документу, хранящемуся въ архивахъ Оренбургской Контрольной Палаты, они намъ кажутся излишни. Краснорѣчивый рапортъ управляющаго Палатой*) не только освѣщаетъ истину въ дѣлѣ о начетѣ относительно безпощаднаго преслѣдованія Ташкентской администраціей, при многомилліонномъ бюджетѣ края, находившагося въ отставкѣ съ небольшою пенсіей покорителя Ташкента, но рапортъ этотъ крупными штрихами обрисовываетъ картину завоеванія этой обширной и богатой области, сдѣланнаго по истинѣ на мѣдныхъ деньгахъ, въ совершенно исключительно-тяжкихъ матеріальныхъ тискахъ.

Антонина Черняева.

*) Это былъ недавно скончавшійся достопочтенный Николай Степановичъ Листовскій (братъ Ивана Степановича, котораго статьи и сообщенія помещались въ „Русскомъ Архивѣ“). П. Б.

КЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЮ ЕПИСКОПА ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО.

Итъ у меня перуновъ, но есть адамантово
перо. Пишу имъ на челахъ ихъ. Цѣлую тебя,
перо мое. Письмена твои неизгладимы во
вѣки вѣковъ. „Книга Бытія моего“ III. 106.

Въ Октябрѣ прошлаго года Императорской Академіей Наукъ изданы два тома „Матеріаловъ для біографіи епископа Порфирія Успенскаго“. I-й томъ заключаетъ оффиціальныя документы, II-й—переписку преосвященнаго Порфирія преимущественно по дѣламъ Востока.

Этими матеріалами, какъ говорится въ предисловіи, значительно пополняется автобіографія Порфирія, такъ какъ его „Книга Бытія моего“ не была дневникомъ, а составлялась позже описанныхъ въ ней событій, въ нее Порфирій вносилъ отрывки изъ своихъ Записокъ и отчетовъ, а также и письма, отбросивъ изъ нихъ личныя обращенія. Издаваемые теперь Академіей бумаги важны не только для біографіи Порфирія, но проливаютъ немало свѣта и на исторію его времени, въ особенности на Восточный вопросъ и на положеніе Православія въ Палестинѣ.

Большинство матеріаловъ, помѣщенныхъ во второй половинѣ перваго тома, относится къ описанію событій, предшествующихъ осужденію нашего патріарха Никона; оно составлено Газскимъ ерхіепископомъ Папсіемъ, очевидцемъ и участникомъ въ нихъ, и хранится въ патріаршей бібліотекѣ въ Каирѣ. Первый томъ заканчивается оффиціальными отчетами за 1851 и слѣдующіе годы съ изложеніемъ дѣловыхъ, ученыхъ и художественныхъ занятій преосвященнаго Порфирія. Второй томъ содержитъ въ себѣ переписку Порфирія съ 1840 по 1884 г., и съ нею мы познакоимъ читателей „Русскаго Архива“.

Въ Мартѣ 1841 г. Порфирій былъ въ Петербургъ. Въ своихъ письмахъ въ Одессу къ протоіерею Михаилу Карповичу Павловскому онъ вспоминаетъ Москву, въ которой былъ проѣздомъ и прожилъ недѣлю. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ сдѣлалъ примѣчаніе, записанное имъ для памяти.

1) Когда я рассказалъ ему (митрополиту Филарету), какъ Одесскому архіепископу удалось помирить Сперанскаго и Магницкаго въ бытность Государя Императора въ Одессѣ въ 1837 году, тогда владыка высказалъ свое мнѣніе о нихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Сперанскій и Магницкій чуть было не ввергли въ пропасть наше отечество. Они издумали ввести у насъ конституціонное правленіе и уже предложили покойному Государю для подписи свое постановленіе, которымъ ограничивалась власть самодержавная; но, къ счастью, духъ Русскій одолѣлъ ихъ, и постановленіе разобрано“.

2) Говорилъ я митрополиту о недавно вышедшей въ свѣтъ книгѣ Шмида (*Kritische Geschichte der neugriechischen und der russischen Kirche*. 1840), въ которой сочинитель обвиняетъ всѣхъ нашихъ митрополитовъ, начиная съ Амвросія, въ наклонности къ лютеранству, и примолвилъ: „Шмидъ въ томъ же обвиняетъ и васъ, владыка святой, основываясь на вашихъ богословскихъ урокахъ и извѣстной программѣ вашей“. На это отвѣчалъ мнѣ Филаретъ: „Мы прокладывали дорогу, и если индѣ вели ее косвенно, то уклоненіе наше извинительно, ибо человѣку свойственно ошибаться. Но вамъ теперь надобно идти путемъ прямымъ и избѣгать всякихъ уклоненій отъ него“.

3) „Когда я повѣдалъ ему, что пишу сочиненіе о томъ, какъ духовникъ долженъ исповѣдывать кающихся, и желаю напечатать свое твореніе, тогда онъ сказалъ мнѣ вотъ что: „Нѣкто ранѣе васъ написалъ подобное сочиненіе основательно и полно, но митрополиту Серафиму не угодно было согласиться на печатаніе онаго“. Я призадумался, но не посмѣлъ спросить о причинѣ несогласія реченнаго владыки“.

Въ своемъ письмѣ къ Московскому митрополиту Филарету изъ Вѣны отъ 15 Октября 1841 года. Порфирій, гворя о заграничныхъ новостяхъ, пишетъ о смерти Карловицкаго митрополита Станкевича. Преосвященный сообщаетъ и слухи, что избраніе новаго митрополита продолжится года два. „Сербскіе христіане говорили мнѣ, что выборъ падеть или на Темешварскаго епископа Пантелеймона Живковича, или на Бачкаго Георгія Хранислава, или на Вершацкаго Юсіофа Райичича, или на Офенскаго Платона Аѳанацковича. Сей послѣдній болѣе прочихъ

любимъ и уважаемъ. Дѣло не обойдется безъ происковъ между самими епископами. Къ сожалѣнію, этимъ они унижаютъ себя въ глазахъ папистовъ. Нынѣшнимъ же лѣтомъ скончался архимандритъ генераль-викарій Далматинской епархіи. И эта епархія остается безъ пастыря и, быть можетъ, надолго останется сиротою. Австрійцы обыкновенно медлятъ выборомъ и утвержденіемъ епископовъ на праздныя каѳедры. Цѣль такой политики ихъ очевидна: паству безъ пастыря удобнѣе совратить въ унию. Карлштадтскій епископъ Евгеній Іоанновичъ, встрѣтившись съ однимъ Русскимъ путешественникомъ въ Триестѣ, говорилъ ему, что православные епископы Венгерскіе намѣрены просить Фердинанда, чтобы онъ позволилъ имъ купить въ Россіи церковныя книги, ибо въ Австрійи онѣ весьма дороги и не всѣ печатаются. Если это удастся имъ, то нашей церкви предстоитъ случай оказать великое благодѣяніе единовѣрцамъ. Галиція, населенная большею частію Русинами, вся совращена въ унию. Въ Львовской униатской семинаріи не преподають ни Греческаго языка, ни свѣдѣній о священныхъ преданіяхъ и обрядахъ Восточной церкви; посему воспитанники ея, поступающія на священническія мѣста, слабо поддерживаютъ обряды сей церкви. Во многихъ храмахъ уже нѣтъ иконостасовъ, и въ богослуженіи замѣтно рабское подражаніе папистамъ. Но въ нѣкоторыхъ униатскихъ воспитанникахъ Вѣнскаго университета, которые слушаютъ богословскіе уроки у папистовъ, горитъ желаніе возстановить и поддержать обрядовую сторону Восточной церкви во всей ея полнотѣ и чистотѣ. По окончаніи ученія они рѣшаются издавать журналъ въ родѣ нашего „Воскреснаго Чтенія“ на Галицкомъ нарѣчій. Состоя въ сношеніяхъ со мною, они высказываютъ сильную приверженность къ Россіи, недобротство къ униіи и желаніе возстановить въ Галиціи древнее православіе. Очень хочется имъ достать полныя изданія нашего „Воскреснаго Чтенія“, для заимствованія изъ него необходимыхъ свѣдѣній о церковности и для подражанія въ изданіи собственнаго журнала. Богъ вѣсть, удастся ли имъ это доброе дѣло. Есть открытое гоненіе на Славянскую словесность въ Австрійи. Вотъ тому доказательство. Въ одной Венгерской гимназіи или лицѣѣ, въ Лѣвгау, составилось литературное общество молодыхъ Славянъ, которые подъ руководствомъ профессора Михаила Главачека занимались разработкою своего матерьяго языка. Ихъ лучшіе труды явились печатно. Это явленіе не понравилось тѣмъ гордымъ и мечтательнымъ Венгерцамъ, которые нынѣ думаютъ, желаютъ и стараются, такъ сказать, овенгеризировать всѣхъ Славянъ. Нѣкто графъ Карлъ Зай, генераль-инспекторъ Евангелическихъ церквей и школъ Аугсбургскаго исповѣданія въ Венгріи, въ 1840 году 24 Ноября, напечаталъ грозную филиппику противъ нихъ. Изливъ въ ней свою

желчь на Россію, онъ, между прочимъ, сказалъ, что Славянскій языкъ не есть языкъ свободы и протестантизма, напротивъ, онъ, какъ разрушительный элементъ, препятствуетъ ихъ развитію. и что ежели оставить безъ вниманія слияніе Славянъ съ Венгерцами и дать просторъ ихъ родной словесности, то надобно будетъ проститься съ Европейскимъ образованіемъ, свободою и Карпатскими горами; ибо Славяне сольются съ Русскими. Послѣ сего онъ воскликнулъ: „Свобода или кнутъ. Выбирайте!“ Но кто-то подъ именемъ нотаріуса Царя Велье написалъ и напечаталъ въ Лейпцигѣ основательную и остроумную критику на книжку Зая. Критикъ между прочимъ говоритъ: гораздо лучше предпочесть сѣверный кнутъ, нежели ту свободу, которая запрещаетъ говорить матернимъ языкомъ. Этотъ шумъ, эти угрозы и споры доказываютъ, въ какомъ горькомъ состояніи находятся наши братья Славяне. Ихъ православные архіереи не занимаютъ почетнаго мѣста на Венгерскихъ сеймахъ: они сидятъ за спинами папскихъ и униатскихъ епископовъ. Этого мало: имъ даже запрещаютъ говорить материнскимъ языкомъ; имъ угрожаютъ сѣвернымъ кнутомъ: имъ вмѣняютъ въ преступленіе сродство ихъ съ Русскими. Они стоятъ между тремя огнями: приверженцы Западной церкви принуждаютъ ихъ къ униі, Нѣмцы стараются освоить ихъ, Венгерцы усиливаются преобразовать по своему. Могутъ-ли далѣе простираться страхъ и ненависть ихъ къ Россіи и ко всему Славянскому народонаселенію? Бѣдные Славяне такъ напуганы, что не смѣютъ открыто изъявлять своей любви къ намъ, такъ наприм., они держатъ въ потаенныхъ мѣстахъ портретъ нашего Государя, смотря на него, какъ на святыню. Они вопіютъ къ Богу, какъ птенцы врановы, лишенные матери и пищи. Они вопіютъ къ Богу, какъ путники, заблудившіеся въ знойной и безводной пустынѣ. Они вопіютъ къ Богу, какъ мореходцы, потерпѣвшіе кораблекрушеніе подлѣ дикаго острова. Они вопіютъ къ Богу, какъ потомки Іакова, осужденные на горькое рабство и лишенные права свободно жрети Господу. Фарисеи, Саддукеи, воины во гробъ заключаютъ ихъ вѣрованія, преданія, языкъ и приставляютъ къ нему огромный и тяжелый камень. Кто отвалитъ сей камень отъ двери гроба? Воскреснетъ ли южное и западное славянство?“...

Въ концѣ письма къ священнику Знаменской СПБ. церкви Іакову Предтеченскому, отъ 2-го Марта 1842 г., преосвященный Порфирій присовокупляетъ такія слова, которыя чрезъ полвѣка онъ могъ бы отнести и къ своей родинѣ, въ то время и не думавшей объ этомъ. „Полный властелинъ времени, я не употребляю его во зло; оно все проходитъ у меня среди уметвенныхъ занятій. Я снова учусь многому

и особенно воскрешаю въ памяти минувшія всенародныя событія, приобщаюсь мудрости философовъ и изучаю великихъ подвижниковъ и свидѣтелей церкви Христовой. Въ міръ умственнымъ находишь болѣе утѣшенія, нежели въ обществѣ человѣческомъ. Это общество за рубежомъ Россіи чахнетъ и страждетъ предсмертными припадками. Величайшая опасность состоитъ не въ военномъ потрясеніи городовъ и весей и даже не во взаимной ненависти правителей и народовъ; нѣтъ, другой ядъ угрожаетъ разрушеніемъ жизни общественной. Основы, на которыхъ покоилась эта жизнь, т. е. вѣра, добрые нравы, уваженіе къ закону, отвращеніе отъ лжи и клятвопреступленію, покорность необходимости, вѣрованіе въ побѣду добра надъ зломъ и отвага дѣйствовать сообразно съ этимъ вѣрованіемъ, все эти основы падаютъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣютъ той крѣпости, какую имѣли прежде. Чѣмъ свободнѣе народы, тѣмъ обшириѣе строятся для нихъ больницы и остроги. На храмахъ Божіихъ видны не священныя надписи, а вывѣски съ приказами: „Здѣсь строго воспрещается пакостить или вводить собакъ“. Юношество погрязло въ чувственности самой смрадной и вредной. Нищета обременяетъ государства. Фабричная промышленность убиваетъ поколѣнія въ самомъ раннемъ возрастѣ; такъ, по статистическимъ вычисленіямъ, во Франціи изъ 10 тысячъ фабричныхъ молодыхъ людей годятся въ солдаты лишь нѣсколько десятковъ, отъ 70 до 100; все прочіе или изувѣчены, или хилы, или крайне развратны. Написанная мною картина отвратительна, но вѣрна. Оставимъ ее въ глубокой тѣни“.

16 Декабря 1844 года умеръ Иерусалимскій патриархъ Аѳанасій. По поводу его смерти преосвященный Порфирій писалъ А. С. Стурдзѣ: „О смерти Иерусалимскаго патриарха вы, безъ сомнѣнія, извѣщены. Я несъ тѣло его на раменахъ своихъ и молилъ Бога, да утѣшитъ Онъ бурю, собравшуюся надъ древнимъ престоломъ апостольскимъ. Эта буря сорвала митру съ головы пр. Іерооѳея. Онъ виноватъ тѣмъ, что жилъ въ Россіи. Не быть ему патриархомъ. Это уже рѣшено. Въ Иерусалимъ будутъ избирать другого владыку. Не знаю, на кого падетъ жребій. Есть тамъ митрополиты, архіепископы и другіе духовные сановники, но людей мало. Достойнѣе всехъ митрополитъ Вилеємскій, но его не любятъ за горячность и строгость нравовъ. Жалуюсь вамъ на Константинопольскій синодъ. Это собраніе какихъ-то образовъ безъ лицъ, какихъ-то душъ безъ страха Божія, какихъ-то тварей, пресмыкающихся у ногъ обезьянскихъ бусурмановъ. Слава Богу, что у нашей миссіи есть палица, которая разгоняетъ всехъ этихъ крохотокъ. Но въ кулакъ-то трубятъ они сильно и исподтишка-то кусаютъ. Да воз-

дасть имъ Господь по дѣламъ ихъ! Хотѣли они свергнуть съ престола Антіохійскаго и Цареградскаго патріарховъ, но не удалось“.

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Стурдзѣ отъ 19 Декабря, уже изъ Петербурга, Порфирій писалъ: „Вполнѣ раздѣляю съ вами крушеніе духа, которое происходитъ въ потаенномъ чловѣкѣ при вѣрномъ взглядѣ на настоящія событія въ мірѣ духовномъ, учебномъ и гражданскомъ. Можно ли не страдать духомъ, узнавъ, что въ Петербургской семинаріи военному досмотрщику за домомъ и прислугою дано жалованье, превышающее оклады о. ректора? Можно ли не сѣтовать, слыша, что подобнаго Марса скоро опредѣлятъ и въ Академію? Можно ли не сокрушаться, вѣдая о награжденіи одного діакона Китайской миссіи орденомъ св. Анны, послѣ того какъ здѣшній викарій Іустинъ возражалъ, что діакона нельзя равнять съ священникомъ, потому что по Кормчей книгѣ онъ не долженъ даже сидѣть въ присутствіи его? Эй, діаконы! кричите громче, надеживая грудь; за то васъ пожалуютъ въ кавалеры. А что сказать о лакомствѣ нашихъ архіереевъ до денегъ? Они присвояютъ себѣ лучшіе и богатые монастыри и дѣлаются пастырями ихъ, забывая, что по чину и обычаю православныхъ церквей и для поддержанія вѣры монастыри должны быть даже независимы отъ нихъ и подчиняться нѣкоторые лаврамъ, а иные Св. Синоду. Таковы были чинъ и обычай и въ Россіи. Къ чему же можетъ повести нарушеніе ихъ? Предположимъ, что архіерен задумаютъ и согласятся съ кѣмъ-нибудь вводить протестантское ученіе въ церковь Россійскую: кто же преречетъ имъ и вразумитъ народъ, когда и монастыри, эти оплоты вѣры народной, будутъ въ рукахъ архіереевъ?“

„Я оканчиваю отчетъ о церкви Сирійской: но, кажется, вотьще труждаюсь. Ибо, когда я пріѣхалъ съ Востока, жаркій и свѣтлый, здѣсь меня обдали такимъ холодомъ равнодушія и такимъ мракомъ невѣдѣнія, что я изумился и затаилъ горе въ моемъ сердцѣ, которое расширилось было такъ, что вмѣщало въ себѣ весь Востокъ, освѣчивая его радужными лучами знанія, вѣры и любви. Повѣрите ли вы, что, когда я явился къ одному изъ предержавшихъ, то онъ вмѣсто того, чтобы спрашивать меня о состояніи церкви православной на Востоцѣ, сначала долго говорилъ мнѣ объ Одесскомъ мужскомъ монастырѣ, потомъ объ архимандритѣ Пгнатіи Брянчаниновѣ и наконецъ задалъ мнѣ вопросъ: какъ зовутъ патріарха Іерусалимскаго? Увы! Мы живемъ въ вѣкѣ тупости и ледяной холодности ко всему истинному, доброму, прекрасному и высокому. А со мною поступаютъ, какъ съ отребіемъ. Помѣстили меня съ послушникомъ въ келью одной, тѣсной, сырой, устроенной надъ погребомъ, изъ котораго проникаетъ удушаю-

щій меня воздухъ. Отъ сего при непрерывныхъ занятіяхъ я такъ ослабѣлъ, что едва брожу по кельѣ. Сердце мое поражено болью. Мнѣ угрожаетъ смерть. Кромѣ сего, вотъ уже осьмой мѣсяць оканчивается, а мнѣ не даютъ ни копѣйки жалованья, забывъ, что я проѣхалъ на свой счетъ отъ Эгейскаго моря до Балтійскаго. Прошу денегъ, говоря: подожди. А мнѣ не на что купить лѣкарства и обуви. Я потерялъ здоровье и терпѣніе и иногда впадаю въ уныніе. Впрочемъ, не подумайте, что здѣсь недовольны моею побѣдкою на Востокъ. О. нѣтъ! Меня же спрашивали: какая награда была бы мнѣ пріятна? И я, какъ живая рыбка на горячей сковородѣ, вертѣлся, вертѣлся и сказалъ, что всякая награда ваша будетъ мнѣ пріятна“.

„По прямотѣ души моей я сегодня просилъ викарнаго Наѳанаила доложить митрополиту (и уже доложено), что если я въ тягость начальству, то пусть оно отправитъ меня на Синай или въ Нитрійскую пустыню, ибо тамъ я найду спокойный пріютъ и насущный хлѣбъ: если же я нуженъ церкви Божіей, то пусть не поступають со мною такъ жестоко. Не знаю, къ чему приведетъ сія прямота и, можетъ быть, грубость моя. Ожидаю грозы. Но человѣческая гроза не такъ страшна, какъ тѣ молніи Божіи, кои едва не испепелили меня на Ливанѣ. Монаху нечего терять на землѣ: да и наказаній нѣтъ для него здѣсь. Ибо и тюремная келья будетъ для него монастыремъ“.

Въ Апрѣлѣ 1847 года Порфирій написалъ А. Θ. Киріакову*): „Удивительная судьба православной церкви! Она постепенно умалается и ослабѣваетъ. Вычтите изъ 45 милліоновъ Русскихъ, раскольниковъ, еретиковъ и невѣрующихъ, что вы получите въ итогъ? А сокращеніе приходовъ въ Россіи затѣяно, кажется, съ тою цѣлью, чтобы и остальные православные обратились, не знаю, въ кого и во что. Церковь, которая имѣетъ многочисленныхъ архіереевъ и священниковъ, подобна многоочитому херувиму. Чего она не увидитъ? Какое зло духовное укроется отъ нея? Какая тьма духовная не будетъ примѣчена ею? А когда она не многоочита, тогда тьма и мракъ располагаются сюду и сюду, густѣють въ дѣбряхъ и захоlustяхъ и покрываютъ горы и доли. Поберегите писмо мое въ тайнѣ лица вашего“.

Въ письмѣ изъ Іерусалима архіепископу Иннокентію Борисову читаемъ: „Въ Палестинѣ все спокойно. Патріархъ нашъ живеть (по здѣшнему) великолѣпно. Во время священнослуженія его въ предверіи храма стоитъ почетная стража изъ Турецкихъ солдатъ для предупрежденія смятеній. Всѣ здѣшніе монастыри православные обновлены или

*) Инспекторъ Московской духовной семинаріи.

перестроены. Поклонникамъ изъ всѣхъ племенъ покойно въ нихъ, кромѣ Русскихъ, которыхъ смиреніе не подѣ стаетъ высокому понятію Востока о Россіи и увлажается сыростью и духотою, отправляющею нныхъ на кладбище. Протестантская кирка съ пристроивающимся къ ней помѣщеніемъ для Англійскаго консула уже покрывается. Не могу смотрѣть на нее безъ особаго волненія души, обуреваемой многими помыслами. Почему нѣтъ въ Иерусалимѣ Русскаго златоглаваго храма и пноческаго терема? Куполь надъ ротондою гроба Господня вѣтшаетъ. свинцовая крыша его съ южной стороны полуоблѣзла и скатилась на карнизъ. Между этимъ куполомъ и близнецомъ его находится гаремъ мусульманскій. Это униженіе, поруганіе, пограніе единственной на землѣ святыни видитъ мое око ежечасно изъ оконъ моей кельи. Сердце мое надрывается, разсудокъ мой волнуется, память моя вызываетъ изъ гробовъ всѣхъ крестоносцевъ, душа моя любитъ пламенемъ ихъ вѣры. Ахъ, для чего не уложить въ ихъ гробы холодность къ вѣрѣ и философію нашего вѣка? Гаремъ надъ Гробомъ Господнимъ! Внемлите, святители церкви Россійской, и рыдайте. Гаремъ надъ Гробомъ Господнимъ! Слышите, всѣ боящіеся Бога, и плачьте. Гаремъ надъ Гробомъ Господнимъ! Жены и дѣвы Россіи, приидите хоть вы истощить его до основаній земли“.

„Замѣтно, писалъ Порфирій въ 1854 году (во время войны) директору Азіатскаго департамента Любимову, какое-то оцѣненіе въ нынѣшнихъ духовныхъ владыкахъ. Не говорю о шумныхъ дѣлахъ папы и клеветы его Валерги: нашъ Цареградскій патріархъ Анѳимъ рехнулся съ ума, когда просилъ султана взять его со всѣмъ синодомъ въ Адрианополь въ слѣдующую весну, дабы молитвами своими помогать ему въ бранныхъ предпріятіяхъ его. Эгого поступокъ архіепископа новаго Рима, равно какъ и увѣщаніе его къ христіанамъ способствовать войскамъ Турецкимъ, причинили жестокою болью всѣмъ сердцамъ. Вездѣ гласно говорятъ, что онъ перешелъ за черту своего долга, и упрекаютъ его за вмѣшательство въ дѣла нецерковныя, не желая видѣть въ немъ и тѣни сходства съ архіепископомъ Рима древняго“.

„Въ Турціи вообще спокойно. Причины тому, со стороны правительства бдительный приемотръ за вспышками страстей мусульманъ, а со стороны народа тайное убѣжденіе въ томъ, что предстательство Россіи за христіанъ Греческой вѣры, унижаемыхъ предъ католиками и протестантами, справедливо. Впрочемъ, какъ всякое правило имѣетъ свои исключенія, такъ при общемъ спокойствіи бывають частыя тревоги. Слышно, что чернь въ Алеппѣ и Дамаскѣ злословить христіанъ и при случаѣ сопровождаетъ свои ругательства побоями. А въ

Албаніи христіане рѣжутъ мусульманъ. Въ Стамбулѣ же схвачено нѣсколько тысячъ чалмоносцевъ духовнаго званія, и всѣ утоплены въ разныхъ мѣстахъ. Догадываюсь, что они казнены такимъ образомъ за мятежное недовольство по случаю согласія Порты мириться съ нами на послѣднихъ условіяхъ Вѣнскихъ. О шумномъ преніи Турецкихъ сановниковъ въ диванѣ послѣ Синопской битвы, преніи, которое началось упреками султанскаго зятя Халиля Решиду за накликаніе бури и Решиды Халилю за объявленіе войны, а кончилось остервененіемъ, дошедшимъ до того, что совѣтники падишаха бросали другъ въ друга чубуки, подушки и стулья; объ этомъ преніи, безъ сомнѣнія, вамъ извѣстно“.

„Въ Іерусалимѣ по фирману изъ Порты (сообщаетъ въ одномъ изъ писемъ Порфирій) закладены окна въ надхрамномъ гаремѣ, изъ которыхъ мусульманки смотрѣли въ ротонду Гроба Господня. Это исполнено въ 26-й день прошлаго мѣсяца Марта, не смотря на просьбы хозяина гарема Абдаллы отсрочить скорбь его женъ на нѣсколько дней по случаю свадьбы его дочери. Желѣзныя рѣшетки изъ оконъ вынуты, и прозоры наполнены камнями съ извѣстію. Сіе распоряженіе Порты походить на прикрытіе зловонной раны тряпичкою безъ излѣченія оной, ибо имъ отнюдь не избавлена христіанская святыня отъ гаремнаго оскверненія. Поруганіе ея осталось. Помнитея, министръ иностранныхъ дѣлъ Али-паша обѣщалъ повѣренному въ дѣлахъ нашихъ г. Озерову уничтожить помянутый гаремъ при починкѣ купола надъ Гробомъ Господнимъ. Но, видно, обѣщаніе его забыто, или оно было не искренно. Вѣрь послѣ этого слову Турокъ! Я не думаю, что у нихъ есть задняя мысль мало-по-малу вытѣснить Абдаллу съ крыши Святогробскаго храма и угодить христіанамъ. Такой мысли они не могутъ почерпнуть въ равнодушіи и презрѣніи своемъ къ христіанству. Посему ихъ надобно понудить мечомъ и договоромъ у жерла пушки, очистить Гробъ Господень отъ такого оскверненія, которое нестерпимо для сердца христіанина, и въ прилежащей къ нему древней патріархіи Латинской (нынѣ мечеть) учредить общественную больницу. Когда это сбудется, тогда исторія церкви скажетъ: „Русское воинство въ 1854 г. пролило драгоцѣнную кровь свою за невѣсту Христову и возвратило ей гробъ Его, очистивъ оный отъ скверны Агарянской“. Я, смиренный труженикъ у сего Гроба, прошу и молю всѣхъ, иже во власти суть, подумать среди побѣдъ и послѣ оныхъ о полномъ торжествѣ православія въ Іерусалимѣ и успособить вѣковѣчное ликованіе и веселіе Сіона и чадъ его“.

Въ письмѣ отъ 25 Апрѣля Порфирій заявлялъ Любимову, что срокъ пребыванія его въ Іерусалимѣ кончится 5-го Мая. „Долѣе оставаться здѣсь мы не можемъ: ибо Австрійское консульство по настоянію Порты уже не приметъ насъ подъ свое покровительство по истеченіи сказаннаго срока, да и нѣкоторые изъ здѣшнихъ эфендіевъ начали поговаривать громко, будто мы соглядатаи настоящихъ событій въ Турціи, и будто къ намъ приплетаются Греки и Армяне въ чаяніи разныхъ выгодъ въ будущемъ. Поводомъ къ такому говору послужило, между прочимъ, мое посѣщеніе отцовъ Пеласгова и Гайканскаго рода (и ихъ ко мнѣ) въ дни свѣтлые. посѣщеніе единое и единственное со времени настоящей войны между Россією и Турцією. Это обстоятельство показываетъ, что насъ надзирають здѣсь не друзья наши. Надобно же избавить ихъ отъ всякихъ подозрѣній и отдалить тѣмъ, набрасываемую нашимъ присутвіемъ на монастыри Греческій и Армянскій. Всему есть свое время и свой конецъ. Правда, грустно оставить возлюбленныхъ святыни христіанскія и прервать благотворное вліяніе на единовѣрцевъ нашихъ въ св. землѣ и ученія разысканія о христіанскомъ Востокѣ; но должно покориться грознымъ обстоятельствамъ и видѣть въ нихъ волю Божію. Прерывается священнослуженіе наше у Гроба Господня предъ лицемъ всѣхъ племенъ христіанскихъ: на время ли, навсегда ли, не знаю, и мы возвращаемся въ богоспасаемое отечество указаннымъ намъ путемъ. Послушаніе высшей воли увлекаетъ насъ подъ сѣнь родныхъ алтарей“.

Въ Августѣ 1858 г. Порфирій писалъ оберъ-прокурору графу А. П. Толстому: „Послѣдній монастырскій послушникъ въ богоспасаемомъ отечествѣ моемъ имѣетъ свою должность и свой уголокъ, въ которомъ онъ живетъ безмятежно. Одинъ я не знаю, гдѣ приклонить голову свою, и не имѣю никакой должности. Въ послѣднемъ дѣлѣ объ отправленіи меня на Востокъ нѣтъ ни слова о моей будущности, тогда какъ упомянуто о правахъ посланнаго со мною семинариста. При отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга всѣ благословляющіе благословляли меня въ путь; но ни одинъ изъ нихъ не промолвилъ, что о мнѣ подумаютъ во время пребыванія моего на Востокѣ. Такое положеніе мое нестерпимо тѣмъ болѣе, что я очень долго вѣрою и правдою служилъ Государю, отечеству и церкви и трудился на Востокѣ не по своей воли и не безуспѣшно. Напоминаю вамъ о горькой участи моей и покорнѣйше прошу васъ учинить совѣщаніе о мнѣ, съ кѣмъ слѣдуетъ, и увѣдомить меня, гдѣ я могу приклонить голову мою по исполненіи даннаго мнѣ порученія на Востокѣ, и будетъ ли дана мнѣ должность? Ваше добродушное и справедливое участіе во мнѣ упрочить и расширить

мою дѣятельность, направляемую уясненною вѣрою, высшими началами православія и пламенною любовію къ престолу и отечеству. А молчаніе ваше намекаетъ мнѣ на то, что нѣтъ ни малѣйшей нужды ни въ дарованіяхъ и познаніяхъ моихъ, ни въ опытности моей, ни въ томъ огнѣ, который горитъ въ моей душѣ, и тогда я воспользуюсь тѣмъ единственнымъ малымъ правомъ отрясти прахъ отъ ногъ и нескать убѣжища тамъ, гдѣ можно найти миръ душевный“.

Затѣмъ въ Декабрѣ Порфирій посылаетъ графу Толстому другое письмо. „Отвѣтивъ на мое письмо, вы утѣшили меня, но не успокоили, и я снова прошу васъ содѣйствовать совершенному успокоенію моему окончаніемъ двухъ послѣднихъ дѣлъ о мнѣ въ Св. Синодѣ. Въ одномъ дѣлѣ изъяснено, что Государь Императоръ благоволилъ пожаловать мнѣ за особые труды и заслуги пожизненную пенсію изъ государственнаго казначейства и повелѣлъ производить мнѣ жалованье изъ суммъ духовно-учебнаго управленія при Св. Синодѣ до опредѣленія меня къ должности; но я только получаю пенсію и жалованье, а къ должности не опредѣленъ и ожидаю ее давно. Въ другомъ дѣлѣ изложено постановленіе Св. Синода объ отправленіи меня на Востокъ срокомъ на одинъ годъ, но не указано мѣсто, куда я долженъ возвратиться по исполненіи данныхъ мнѣ порученій: и я не знаю, гдѣ пріютиться съ бібліотекою моею, которую разрѣшено мнѣ вывезти изъ Іерусалима. Итакъ, благоволите, ваше сіятельство, *motu proprio*, ускорить рѣшеніе этихъ двухъ дѣлъ, каково бы оно ни было, и тѣмъ успокоить меня. Благодушно ожидаю развязки просьбы моей. Признаетъ ли меня Св. Синодъ способнымъ и достойнымъ продолжать священнослуженіе или не признаетъ; намѣренъ ли онъ расширить кругъ моей дѣятельности для духовной пользы какъ моей, такъ и общей, или не намѣренъ: предпишетъ ли онъ священно-архимандриту Александро-Невской лавры дать мнѣ на время приличное и удобное помѣщеніе въ ней, или не предпишетъ: это все равно для меня, уважающаго законныя приговоры духовнаго начальства, лишь бы обнаружилось мнѣніе его о мнѣ, и я зналъ бы, какъ мнѣ надлежитъ впредь жить и дѣйствовать въ дому Божиемъ, т. е. въ церкви. Ожидая законнаго рѣшенія моей участи и немедленнаго извѣщенія о немъ, безъ котораго я буду поставленъ въ невозможное затрудненіе по возвращеніи изъ Іерусалима съ книгами моими, коими пользовалась наша первая духовная миссія тамъ въ теченіе шести лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ. Искреннее участіе ваше въ судьбѣ моей, выраженное въ письмѣ вашемъ ко мнѣ, вызываетъ совершенную благодарность мою вамъ и полную откровенность. Благодарю васъ и свободно высказываю тѣ помыслы и

желанія мои, кои угодно вамъ принять къ соображенію при сужденіи о моей будущности .

„По возвращеніи изъ Іерусалима въ Петербургъ въ концѣ 1854 г. я помышлялъ не о покоѣ въ Крыму, а о томъ, чтобы снова дѣйствовать въ Св. Градѣ на прежнемъ поприщѣ моемъ, и это помышленіе было питаемо надеждою на меня прежняго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Это министерство перемѣнилось, а новый движитель дѣлъ его *) лично сказалъ мнѣ, что не избралъ меня начальникомъ нашей второй миссіи въ Іерусалимѣ, потому что я (будто бы) не убѣжденъ въ правотѣ Россійской церкви и потому не могу представлять ее на Востокѣ. Такъ сказано слишкомъ много, опрометчиво и обидно. Однако невинность моя не требовала и не искала защиты противъ такой несправедливости. Я пересталъ думать объ Іерусалимѣ и въ ожиданіи должности, которую повелѣно было дать мнѣ, занялся печатаніемъ нѣкоторыхъ сочиненій своихъ: кончилъ это дѣло, ждалъ обѣщаннаго помянутымъ министерствомъ пособія при изданіи этихъ сочиненій и, не получивъ его, увѣрился, что трудно мнѣ, при забывчивости меценатовъ моихъ, передать соотечественникамъ моимъ все плоды 29-лѣтнихъ ученыхъ занятій моихъ, охладѣть къ этимъ занятіямъ и помышлялъ лишь о томъ, какъ бы служить въ дому Божіемъ, говорить умамъ и сердцамъ и усовершенствоваться въ искусствѣ изъ искусствъ, т. е. въ управленіи душъ по уставу царствія Божія. Но мнѣ надлежало знать, каково воззрѣніе на меня духовнаго начальства. Для сего я по житейскому благоразумію прикрылъ эти помышленія свои такими намеками въ разговорахъ, какими искусно вывѣдываются людскія предубѣжденія, недоразумѣнія и истинныя мнѣнія, и говорилъ инымъ изъ предержащихъ, что я желаю успокоиться въ Крыму отъ суеты и дѣлъ житейскихъ, а другимъ, что дѣятельность есть потребность души моей, а покой—насліе стремленіямъ ея. Мнѣ отвѣчали молчаніемъ. Наконецъ обнаружилась воля Божія. Мнѣ суждено было еще разъ посѣтить Востокъ и поискать тамъ духовныхъ сокровищъ. Я ищу ихъ. Но мнѣ должно возвратиться съ ними въ отечество. Гдѣ же тамъ пріютъ мой? Гдѣ рабочая хранина моя? И какое значеніе мое въ іерархіи? Какой будетъ союзъ моихъ способностей и моей опытности съ современными потребностями той церкви, къ которой я принадлежу и въ правотѣ которой убѣжденъ основательно? Кто упрочитъ этотъ союзъ?“

„Вы пишете мнѣ, что вамъ весьма желательно содѣйствовать совершенному успокоенію моему насчетъ будущаго поприща моего, но для сего предварительно нужно знать, чего бы самъ я пожелалъ. Изъ-

*) Т. е. князь А. М. Горчаковъ. Ш. Б.

явленіе собственныхъ желаній при выборѣ новаго поприща есть дѣло самое щекотливое и затруднительное. особенно, когда боишься себя-любія и не знаешь воли Божіей; и я рѣшаюсь открыться вамъ только потому, что искренность мою вызываетъ ваше добродушіе“.

„Я желаю, чтобы меня не посылали на служеніе въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, потому что я уже выучился смотрѣть тамъ на церковныя дѣла съ двухъ точекъ зрѣнія, съ религіозной и политической, и предоставляю другимъ понять эту задачу. Я желаю, чтобы мнѣ не давали покоя, потому что боюсь бездѣйствія, люблю трудиться и спасеніе свое поставляю наипаче въ исполненіи многочисленныхъ обязанностей въ отношеніи къ ближнимъ моимъ. Я желаю трудиться въ дому Божіемъ, т. е. въ церкви Христовой, говорить умамъ и сердцамъ, искоренять ереси и расколы, приобретать Христу души и усовершенствоваться въ искусствѣ изъ искусствъ, т. е. въ управленіи этихъ душъ по уставу царствія Божія, сознавая въ себѣ даръ слова, вѣруя въ единую церковь, любя славу Христову и подчиняясь дѣйствіямъ Духа Божія, раздѣляющаго благодатныя дарованія каждому по мѣрѣ вѣры, т. е. по измѣренію стремленій души къ Богу и къ созданію тѣла Христова, которая есть церковь“.

„Я желаю, чтобы по возвращеніи моемъ въ С.-Петербургъ въ Александро-Невской лаврѣ не говорили мнѣ по прежнему: вамъ нѣтъ здѣсь мѣста, ступайте, куда хотите; напротивъ, чтобы показали уваженіе не ко мнѣ, а къ высшему начальству, призвавшему меня въ столицу по видамъ своимъ, и чтобы помѣстили меня въ опрятныхъ и просторныхъ покояхъ подлѣ дома митрополита или въ другомъ удобнѣйшемъ для меня отдѣленіи Лавры“. „Довольно! Сущность этого письма заключается въ трехъ глаголахъ: прошу, ожидаю, желаю“.

„Я прошу кончить два послѣднія дѣла обо мнѣ въ Св. Синодѣ, ожидаю немедленнаго извѣщенія объ окончаніи ихъ и желаю получить мѣсто и трудиться въ дому Божіемъ“.

Лыбопытно письмо Порфирія къ фрейлинѣ Е. П. Эйлеръ отъ 21 Марта 1859 г.

„О Шотландцѣ Юмѣ, который всѣхъ васъ сводитъ съ ума, я думаю вотъ что. Онъ не посредникъ между мірами видимымъ и невидимымъ и не живетъ среди духовъ злыхъ или добрыхъ: нѣтъ, онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ необыкновенный выродокъ, въ которомъ гораздо больше струй электромагнетизма, нежели сколько имѣетъ ихъ каждый правильно рожденный человѣкъ. Я не видалъ его, но угадываю, что у него нервы очень слабы отъ того, что истощены непрерывнымъ токомъ

этихъ усиленныхъ струй. Слабость нервовъ и малая узловатость ихъ въ мозгу его причиною тому, что онъ живетъ какъ двойникъ, т. е. грезить, воображаетъ, обдумываетъ что-нибудь и видитъ свои собственныя грезы и образы, подслушиваетъ свои думы и разговариваетъ самъ съ собою, а ему и глупенькимъ зъвакамъ кажется, что съ ними говорятъ духи или люди. Подобное раздвоеніе бываетъ въ горькихъ пьяницахъ и въ глупыхъ монахахъ, которые истощаютъ себя неумѣренными бдѣніями и постами. Сквозь слабые нервы Юма проторгается излишекъ теллюрическаго тока электромагнитнаго и, сочетаваясь съ такимъ же токомъ въ тѣхъ любопытныхъ, которые видятъ въ немъ пророка или потѣшника, производятъ сжатіе въ ихъ рукахъ или щекотаніе, смотря по разности ихъ тѣлосложеній, и движетъ столю. Ибо въ этомъ токѣ много силы. Онъ поднимаетъ насъ на вершины Олимпа, Синая, Аэона. Когда пузырьчки его лопаются въ воздухѣ, тогда бываетъ громъ. Если бы этотъ токъ въ Юмѣ былъ еще сильнѣе, то можно было бы видѣть вылетающую изъ него молнію и слышать трескъ въ гостинной, гдѣ собраны зъваки. Юмъ—электромагнитная машина грѣшно любопытныхъ душъ“.

„Что касается до отвѣтовъ на вопросы посредствомъ чтенія азбуки и складыванія тѣхъ буквъ, кои отстукиваетъ Юмовъ столю, то и эти Шотландскія затѣи—не продѣлка духовъ и не великая тайна. Вотъ ея изъясненіе. Душа человѣческая, одаренная разумомъ, волею и могуществомъ, имѣетъ прозрачную оболочку въ родѣ сіянія (auréole), составленную изъ нетлѣнныхъ сущностей общей жизни, кои мы называемъ эфиромъ, электричествомъ, магнетизмомъ, и посредствомъ этой животрепещущей въ нервахъ оболочки дѣйствуетъ на свое тѣло и на другія тѣла и души и принимаетъ воздѣйствія отъ нихъ. Чѣмъ болѣе она занята и напряжена любопытствомъ, гаданіемъ, вниманіемъ, созерцаніемъ или страстностію: тѣмъ чувствительнѣе и воспріимчивѣе становится оболочка ея, и тѣмъ сильнѣе бываютъ воздѣйствія ея на другія сущности. Въ такомъ состояніи души всеъ внезапно, напр., барабанный бой, похороны, вѣтникъ съ пучкомъ цвѣтовъ, производятъ въ оболочкѣ ея дрожаніе, а въ ней самой непріятное или пріятное чувство; а безъ внезапностей сама душа, находясь въ томъ же состояніи, уравниваетъ и успокаиваетъ соприсносущную ей въ нервахъ оболочку, какъ орелъ свои крылья, дабы сосредоточиться въ себѣ самой для лучшаго и связнаго произведенія мыслей, или колеблетъ и волнуетъ ее, когда хочетъ или когда вызывается воздѣйствовать на подобныя души или на вещественныя тѣла. Поэтому любопытство ея изощряетъ зорь, гнѣвъ напрягаетъ кулаки, любовь и страхъ разрѣ-

шамоть вѣмоту (я разумѣю вѣмого сына царя Креза, который началъ говорить, защищая жизнь своего отца); поэтому слово умное, красное, мѣткое прекращаетъ мятежъ толпы или устремляетъ полки навстрѣчу смерти и т. п. Такова сила души и животрепещущаго орудія ея! Послѣ сего вообразите сходку семи или восьми фрейлинь, которыхъ души крѣпко заняты любопытными или сердечными вопросами, а нервы напряжены, взволнованы токомъ общежизненныхъ сущностей: вообразите ихъ у Шотландскихъ ногъ Юма, этого электромагнитнаго автомата, который дѣйствительно никого не обманываетъ, будучи невольнымъ протокомъ этихъ же самыхъ сущностей; представьте себѣ сочетаніе столькихъ струй электромагнитныхъ, произведенное силою столькихъ воли: припомните, что земля вмѣстѣ съ солнцемъ нынѣ проходитъ такія пространства неба, въ которыхъ она прежде не была, и, следовательно, теллурическая сила ея дѣйствуетъ въ насъ не такъ, какъ въ предкахъ нашихъ, утончая наши тѣла и приготовляя ихъ къ одухотворенію: наконецъ, сознайте, что все мы задаемъ себѣ вопросы о такихъ предметахъ, которые не выходятъ изъ круга нашего мышленія и вѣдѣнія, и что почти въ каждомъ вопросѣ заключается и отвѣтъ его; вообразите, представьте, припомните и сознайте все это, и вы поймете воздѣйствіе Юма на фрейлинь и диковинную игру его съ ними на вопросы и отвѣты подъ стукъ деревяннаго столика. Кто щекочетъ ихъ? Лѣшій? да вѣдь онъ живетъ въ лѣсу, а не въ столицѣ. Кто пожимаетъ ихъ нѣжныя ручки? Ангель хранитель? Архангелъ Михаилъ? Да этого не скажетъ и безмысленный столикъ Юма, а если бы сказать, то не повторять фрейлины, зная, что ангелы посылаются на служеніе хотящимъ наследовать спасеніе, а не усадьбу дѣда или тетки, о смерти которыхъ спрашивается дерево. Ихъ щекочетъ и пожимаетъ вліяніе Юмова электромагнетизма, подобно тому, какъ извѣстныя состоянія атмосферы повышаютъ или понижаютъ ртуть, ослабляютъ или подкрѣпляютъ слабонервныхъ. Но почему воздѣйствія этого Шотландца такъ разны? Потому что у фрейлинь не одинаковы нервы и не одинаковъ токъ въ нихъ животрепещущихъ сущностей. А какія и чьи силы колеблютъ столикъ? Силы воли и магнитныхъ токовъ Юма и совопросницъ. Отчего же столикъ стучитъ при произношеніи именно тѣхъ буквъ, изъ которыхъ слагается отвѣтъ на вопросъ? Вотъ отчего. Та душа, которая задаетъ себѣ вопросъ, сама себѣ тайкомъ и отвѣчаетъ вѣрно или гадательно и, напередъ зная отвѣтъ, сама тайкомъ волнуется при произношеніи нужныхъ ей буквъ и силою осмысленной воли и токомъ своего магнетизма невидимо колеблетъ сообща намагнетизированный столикъ, колеблетъ его непременно въ минуты произношенія этихъ буквъ. Но правда ли то, что кто спрашиваетъ Юмовъ столикъ,

тотъ самъ себѣ и отвѣчаетъ вѣрно, или гадательно? Такую правду я узналъ собственнымъ опытомъ. Однажды въ Иерусалимѣ (предъ отъѣздомъ въ Россію во время послѣдней войны нашей) захотѣлось мнѣ уяснить себѣ тайну движенія столовъ и отвѣтовъ ихъ. Я позвалъ въ горницу студентовъ и домочадцевъ своихъ и велѣлъ имъ положить руки на круглый столъ, какъ слѣдовало, а самъ сталъ поодаль отъ нихъ и устремилъ на этотъ столъ все вниманіе свое. Нашъ общій электромагнетизмъ проникъ и пропиталъ его. Столъ тронулся, началъ вертѣться и вертѣтъ молодцовъ моихъ. Тогда мнѣ стало страшно. Однако я не оробѣлъ и сурово сказалъ столу: стой и скажи, сколько мнѣ лѣтъ отъ роду. Столъ остановился подъ руками молодцовъ, приподнялъ ножку и мѣрно отстукалъ 49 разъ. Точно, мнѣ тогда было 49 лѣтъ. Я тотчасъ понялъ, что душа моя, знавшая лѣта моей жизни, силою воли своей взволновала и какъ бы осмыслила соприносущный ей магнитный токъ и этимъ токомъ приподняла ножку стола 49 разъ. Итакъ, на дѣлѣ оказалось, что я самъ себя спросилъ, самъ себѣ и отвѣтилъ, только необыкновеннымъ новымъ способомъ, посредствомъ намагнетизированнаго дерева. Послѣ этого вопроса предложенъ былъ мною другой: возвращаюсь ли я въ Иерусалимъ и послѣ сколькихъ лѣтъ? Столъ отстукалъ три раза, потому что самъ я сильно желалъ возвратиться въ Св. Градъ и предполагалъ, что война и путешествіе мое въ Россію и обратно продлятся не долѣе трехъ лѣтъ. Однако, впоследствии оказалось, что отвѣтъ стола былъ невѣренъ, потому что невѣрно было предположеніе души моей. Вотъ чтѣ я дѣлалъ и испыталъ! А чтѣ было со мною, то дѣлается и съ другими. Всѣ души у Юмова стола отвѣчаютъ сами себѣ и убѣждаютъ или обольщаютъ сами себя. Никакихъ посредниковъ между ними нѣтъ. Хотите ли повѣрить чтѣ? Пусть кто-нибудь въ присутствіи Юма предложитъ слѣдующій вопросъ: какъ зовутъ игуменовъ Метеорскихъ монастырей? Будьте увѣрены, что послѣ этого вопроса столъ его станетъ втупикъ, хотя бы сто разъ прочитали азбуку, или напишеть ложные отвѣты, потому что никто ничего не знаетъ про эти монастыри и не вѣдаетъ именъ настоятелей ихъ; не вѣдаю и я, ѣдущій туда. Ничья душа не можетъ дѣльно отвѣчать на то, чего не знаетъ и о чемъ не думаетъ и не гадаеть. Никакой Юмъ не скажетъ вѣрно: сколько овецъ и козъ родилось нынче въ Синайской долинѣ Ель-Лябуэ, кто теперь старостою въ Виелеемѣ Іудейскомъ, чтѣ происходитъ на южномъ полюсѣ въ тѣ часы, когда у насъ блистаетъ сѣверное сіяніе, какой Евагріій писалъ ту физику, которую я читалъ въ Иверскомъ монастырѣ на Аѳонѣ и проч. А если кто съ помощію стола станетъ отвѣчать на такіе вопросы, то отвѣты будутъ невѣрны, ложны, въ родѣ тѣхъ словъ, кои порожд-

дасть душа въ насмѣшку надъ своими же мечтами или страстями. Наоборотъ, дадутся вѣрные или приблизительные къ правдѣ отвѣты на такіе, напримѣръ, вопросы: выздоровѣетъ ли Эдитта? Выйдетъ ли замужъ Сталь (фрейлина) и когда именно? Смѣнять ли госпожу Бакулину? Любить ли меня такой-то графъ? Прилично ли Царю устроить кузницу подлѣ тронной залы? Пристойно ли Великой Княгинѣ напускать въ свой дворецъ башмачницъ, пряхъ и швей? Не заразятся ли отъ нихъ чесоткою чистенькія фрейлины? На такіе и подобныя вопросы душа сумѣетъ кое-какъ отвѣчать, осмысливъ свой магнитный токъ. Когда возразятъ вамъ, что столъ Юма пишетъ такія слова, какихъ не зналъ совопросникъ, отвѣчайте, что эти слова были извѣстны ему изъ книгъ или изъ разговоровъ, но давно забыты, а теперь воскрешены памятью, которая на страшномъ судѣ Христовомъ дасть отчетъ за всякое праздное слово“.

„Итакъ, не совѣтую вамъ ѣздить туда, гдѣ бываетъ Юмъ. Лучше пусть пожметъ вашу руку Мапа Фредериксъ, пусть пощекочетъ васъ горничная дѣвушка или женихъ передъ свадьбою. А самой спрашивать Юмовъ столъ кое о чемъ полуизвѣстномъ или сердечномъ, и самой же отвѣчать съ помощію своей же магнитной сущности, значило бы дурачить себя саму и ловить свои грезы или думы, добро бы въ своемъ теремѣ, а то подъ столомъ нездороваго Шотландца. И что за охота заражаться болѣзнію его, т. е. насильственнымъ раздвоеніемъ души? Не для заразы этой и не для любопытства надлежало бы всѣмъ вамъ призывать Юма въ чертоги, а для того, чтобы врачевать его. Но кто изъ васъ силенъ подать ему здравіе?... Не теряйте же времени, ловя грезы или думы свои подъ столомъ Юма: а лучше употребите его, усѣвшись за письменный столъ свой и отвѣтивъ мнѣ на это посланіе“.

Въ письмѣ изъ Константинополя къ Б. П. Мансурову (27 Февраля 1860 г.) Порфирій между прочимъ пишетъ. „Если бы отъ меня зависѣлъ выборъ мѣста подъ нашу страннопріимную келью на Аѳонѣ, то я поставилъ бы ее непременно близъ Платійской бухты въ выше-сказанномъ углу, наперекоръ всѣмъ сторонникамъ Руссика, не знающимъ напряженнаго состоянія этого двуличнаго манастиря и не предвидящимъ плохой будущности его. Руссикъ не можетъ и не долженъ быть ни пароходною конторою, ни складочною клѣткою Карейскихъ торгашей, ни сборнымъ мѣстомъ святогорцевъ и поклонниковъ, желающихъ отъѣзжать съ Аѳона и пріѣзжать туда на нашихъ пароходахъ: не можетъ, потому что не имѣетъ ни заводи удобной для нагрузки и выгрузки вещей, ни пристани безопасной для посадки и

высадки людей; не долженъ по слѣдующимъ причинамъ: пароходы, бросая якорь у Руссика въ часы богослуженія, нарушаютъ молитвенное настроеніе монаховъ, а во всякое другое время возбуждаютъ въ нихъ бесполезное любопытство и производятъ суету; когда же отплываютъ оттуда ночью, тогда ворота обители не запираются долго по захоженіи солнца, а это противно святогорскому уставу. Кромѣ сего Руссику причиняется немалый ущербъ установленіемъ нашего пароходнаго сообщенія съ нимъ. Мостовая дорога его, ведущая въ Карею, портится вьючными животными, Карейскіе торгаши иногда не являются къ пристани его за своими товарами и за переноску ихъ въ монастырскія кѣлти не платятъ денегъ монастырскимъ служкамъ. Монахи изъ разныхъ обителей Аѳонскихъ, архіереи и игумены съ прислугою своею, поклонники и разные пришельцы, по прїѣздѣ въ Руссикъ, а наипаче предъ отъѣздомъ на нашихъ пароходахъ, остаются тамъ нѣсколько дней, ожидая нашихъ царовъ или выжидая дурную погоду, и ѣдятъ и пьютъ даромъ. Случаются бури, въ кои наши пароходы завозятъ магометанъ вмѣсто Каваллы въ Руссикъ и тутъ покидаютъ ихъ, предоставляя ему утлять ихъ гнѣвъ и голодь. Наконецъ, Греческіе иноки, живущіе въ этой обители, смотря на наши пароходы неблагопріятно, а отношенія ихъ къ Русской братіи такъ непріязненны и опасны, что я почитаю долгомъ раскрыть ихъ вамъ для предупрежденія чьего-либо поздняго раскаянія въ назначеніи якорной стоянки нашихъ пароходовъ у Руссика“.

„Наши купцы въ куколяхъ и мантияхъ своимъ золотомъ обаяли слабого игумена Герасима до того, что онъ сдѣлался ихъ покорнѣйшимъ слугою и потворщикомъ всѣмъ ихъ прихотямъ“.

„Этимъ недовольны почти всѣ собратія ихъ изъ Грековъ. Они жалуются на потворство Русскимъ, на ослабленіе строгихъ правилъ общежитія ради этихъ пришельцевъ и опасаются, какъ бы обитель ихъ изъ общежительной не сдѣлалась своежительною. Русскимъ инокамъ вздумалось написать домашній уставъ, совершенно уравнивающій ихъ съ Греками во всѣхъ отношеніяхъ, что и справедливо. Но въ этомъ уставѣ сказано, что игумень Руссика можетъ быть и не изъ Грековъ. Такое постановленіе смутило чернецовъ Пеласгова рода. Они вообразили, что Русскіе со временемъ изгонять ихъ изъ киновій, избравши игумена сперва изъ Болгаръ, а потомъ уже изъ своихъ. А когда геронда Герасимъ дѣйствительно началъ высылать изъ нея недовольныхъ старцевъ, которыми она славилась, тогда къ смущенію присоединились страхъ, ропоть подозрѣнія. На Греческой половинѣ начали поговаривать, что духовникъ Русской братіи Иеронимъ, подкупивъ распоряди-

теля пароходнаго общества г. Новосельскаго, призвалъ наши пароходы въ пристань Руссика съ тѣмъ, чтобы застращать ими сосельниковъ своихъ Грековъ и исполнить свой замыселъ объ изгнаніи ихъ изъ обители. Когда же эти пароходы вмѣсто выгодъ нанесли Руссику ущербы, обративъ его въ даровую харчевню и въ безпокойный базаръ, тогда Греческое братство начало роптать, такъ что Іеронимъ испугался и принужденъ былъ упрашивать нашихъ моряковъ, чтобы они заходили въ пристань сосѣдней Дафны. Такое тревожное положеніе Руссика продолжалось до полученія вашего письма. Оно пришло ко мнѣ очень къстати. Когда я по поводу его началъ извѣстные переговоры съ Хиландаромъ, тогда смущенные и ропщущіе братія почувствовали, что ихъ подозрѣнія касательно нашего пароходнаго сообщенія съ ихъ обителью несправедливы и, почувствовавъ это, успокоились и чрезъ духовника своего благодарили васъ и меня за вниманіе къ нравственному и хозяйственному благосостоянію ихъ киновіи и къ безмятежности всего АѦона. Переговоры мои съ Хиландаромъ, къ сожалѣнію, не кончились успѣшно. Я принужденъ былъ уѣхать съ АѦона. Предъ отъѣздомъ моимъ Греческое братство чрезъ почетныхъ старцевъ своихъ вполне обнаружило мнѣ напряженное и опасное состояніе этой киновіи. Оказалось, что она должна 500.000 піастровъ, и Русскіе духовники, Іеронимъ и Макарій, отсрочиваютъ уплату сего огромнаго долга, дабы стращать имъ сосельниковъ своихъ Грековъ и такъ держать ихъ въ зависмости отъ себя (въ этомъ признался мнѣ самъ Іеронимъ). Оказалось, что вся милостыня, которая посылается изъ Россіи, иждивается на содержаніе Русскихъ же монаховъ, и что монастырю не велика прибыль отъ этихъ пришельцевъ. Оказалось, что они нестрого соблюдаютъ правила общежитія, одѣваясь пышно, распивая чап, уклоняясь отъ общей трапезы и погуливая за воротами обители. (Все это правда). Но всего огорчительнѣе для ихъ собратій Грековъ непомѣрное властолюбіе духовника Іеронима, по которому онъ никогда никого изъ нихъ не приглашаетъ на совѣтъ, въ противность домашнему уставу, имъ же самимъ написанному, и высылаетъ изъ обители лучшихъ сподвижниковъ, несмотря ни на дарованія, ни на заслуги ихъ, дабы они не ограничивали его самообольщенія. (Это правда). Это огорченіе усиливается подозрѣніемъ касательно изгнанія Грековъ изъ Руссика, скорбію о нравственномъ и хозяйственномъ разстройствѣ его отъ нашего пароходнаго сообщенія съ нимъ и безнадежностію уплаты огромнаго долга монастырскаго. Высказавъ мнѣ все это и кое-что другое, помянутые старцы заключили бесѣду со мною замѣчательно-непріятными намеками на равнодушіе нашего правительства къ Русской братіи, на гнилые костыли, на кои она опирается (разумѣются два-три покровителя въ

Петербургу) и на право Руссика, построеннаго княземъ Каллимахомъ, просить Цареградскаго патріарха объ ограниченіи самовластия этой братіи и даже объ удаленіи ея изъ монастыря, въ который она принята на постой и на хлѣбъ по милости“.

„При такомъ напряженномъ и опасномъ состояніи Руссика благо-разумно ли указать нашимъ пароходамъ якорную стоянку въ неудобной заводи его, и не лучше ли назначить ее въ Стеллярійскомъ углу Аюна у Платійской бухты и въ водахъ Франколимено,—это рѣшить представляю вашему превосходительству“.

Слѣдующія письма Порфирія, писанныя во время пребыванія его въ Россіи и помѣщенные въ этомъ же томѣ, уже не представляютъ той живости, которою наполнены его письма съ Востока.

Въ указанное время Порфирій занятъ былъ усиленною подготовкою своихъ произведеній и ученыхъ изслѣдованій къ печати, а потому въ послѣднихъ письмахъ не чувствуется той силы „адамантова пера“, которая нерѣдко такъ глубоко огорчала нашихъ и Греческихъ владыкъ. Удары этой силы дѣйствовали быстро и вѣрно; раны, нанесенныя ею, часто оказывались неизлѣчимыми и болѣли всю жизнь. Ея уколы проникали глубоко въ самое сердце и не забывались никогда. Противъ этой силы, всепроникающей силы, не въ состояніи было помочь ничто: ни смиренно-лукавствіе, ни воскресія святительскихъ мантий, ни монашеское облаченіе, ни высота сана, ни виѣшняя святость...

Андрей Титовъ.

Ростовъ-Великій, 1911 Января 27.

ПИСЬМА КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА КЪ А. О. ЛАБЗИНУ.

Въ дополненіе къ тѣмъ цѣннымъ матеріаламъ о Лабзинѣ¹⁾, которыя опубликованы были въ разное время на страницахъ „Рускаго Архива“ (1892 г., кн. III; 1895 г., кн. III; 1908., кн. II, прилож.) сообщаемъ еще четыре письма къ нему его покровителя и единомышленника, князя Александра Николаевича Голицына. Изъ нихъ первое и второе писаны тогда, когда князь Голицынъ былъ еще оберъ-прокуроромъ Св. Синода и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, а остальные, когда онъ занималъ и должность министра народнаго просвѣщенія. Письма эти сохранились въ бумагахъ Лабзина, изъ которыхъ мы надѣемся въ ближайшемъ будущемъ опубликовать еще нѣкоторые другіе матеріалы по исторіи мистическихъ увлеченій въ эпоху императора Александра I-го.

Б. Модзалевскій.

31 Января 1911 г.

1.

4-го Декабря (1814 г.). Пятница.

Приношу мою благодарность вашему превосходительству за доставленіе мнѣ трудовъ вашихъ, прошу и въпредъ²⁾ меня не забывать. Прилагаю здѣсь несколько экземпляровъ Беседы³⁾, а говоренное у

¹⁾ О Лабзинѣ см. нашу брошюру: „А. О. Лабзинъ“, С.-Пб. 1904, статью „Изъ архива Н. Е. Великопольскаго“ („Русск. Стар.“ 1901 г., № 6, 7 и 8) и „Воспоминанія А. Е. Лабзиной“, С.-Пб. 1903.

²⁾ Сохранено правописаніе подписчиковъ.

³⁾ Въротно „Беседа изъ Псалма LXXXIII, по освященіи храма Пресвятыя Богородицы, въ память явленія вселенныя иконы Ея Казанскія, устроеннаго въ домѣ графа В. П. Кочубея, говоренная архимандритомъ Филаретомъ, 13 Ноября 1814 г.“, С.-Пб. 1814. Это домъ на Фонтанкѣ, гдѣ долго помѣщалось страшное III-е Отдѣленіе Государевой Канцеляріи. Митрополитъ Филаретъ былъ позднѣе противникомъ мистической дѣятельности Лабзина.

меня слово еще не вышло из печати, а когда выдетъ,—то не примину вамъ доставить немѣдленно несколько экземпляровъ.

Возвращаю къ вамъ письмо Симоновскаго архимандрита¹⁾ изъ коего сдѣлавъ записку, отдалъ Дмитрію Александровичу Гурьеву²⁾ справиться, что дадутъ изъ Кабинета за вещи, и тогда васъ увѣдомлю, чтобъ вы ему написали о присылкѣ оныхъ. Жалѣю, что отецъ Герасимъ желаетъ на покой; я ему и прежде, когда онъ того же желалъ, всегда говорилъ, что мы здѣсь не для покоя наружнаго, а для брани съ плотію и міромъ. Покой же внутренній не отнимается должностями на насъ возлагаемыми,—то не худо ему совѣтовать, чтобъ онъ, пока силы есть, работалъ для Господа. Бывъ начальникомъ монастыря изъ послушанія и посвяти себя на спасеніе братіи его, онъ гораздо болѣе сдѣласть и для своего собственнаго спасенія, чѣмъ въ приватной жизни, куда онъ давно просится. Предъ пришествіемъ Французовъ я съ нимъ имѣлъ переписку по сему предмету, и онъ послушался, остался и былъ чрезвычайно полезенъ въ 1812-й и слѣдующій годъ для восстановленія всего въ Москвѣ разореннаго по духовной части, и самъ потерпѣлъ много нуждъ и страданіевъ отъ Французовъ, что, можетъ, ему также къ чему-нибудь да послужило.

Вамъ угодно съ мною видѣться, но въ нынѣшнѣе Воскресенье у меня въ церкви не буду слушать обѣдни, а въ Дворцѣ; такъ прошу въ то Воскресенье чрезъ недѣлю отъ нынѣшняго, я вамъ очень радъ буду.

2.

(13-го Апрѣля 1816). Четвергъ (С.-Пб.).

Поздравляя васъ, милостивый государь мой Александръ Фёдоровичъ, съ великимъ праздникомъ нашего спасенія, прошу прислать мнѣ то, что не достаётъ къ бумагамъ о Сіонскомъ Вѣстникѣ, у меня находящихся³⁾. Предложеніе Ценсурному Комитету съ замѣчаніями у меня

¹⁾ Архимандритомъ Московскаго Симонова монастыря былъ въ это время Герасимъ Князевъ (съ 15-го Февраля 1810 г.; умеръ 6-го Юня 1829 г., на 78 г., погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ („Московскій Некрополь“, т. I, стр. 264).

²⁾ Министръ финансовъ 1809—1823 г. съ 12-го Декабря 1819 г. графъ.

³⁾ Рѣчь идетъ о запрещеніи (по представленію оберъ-прокурора князя А. П. Голицына) „Сіонскаго Вѣстника“ въ 1806 г. и о возобновленіи его въ 1817 г., по ходатайству того-же князя. Первая книжка возобновленнаго журнала, въ числѣ подписчиковъ коего стояли уже имп. Александръ I, великіе князья и высшіе духовные

есть и чтобъ впредь былъ оной осторожнѣе; но нѣтъ той бумаги, которую запрещается журналъ, сама ли Цензура сдѣлала какое постановленіе, или послѣдовала потомъ высочайшая воля. Мнѣ нужно имѣть копію.

Сегодня у насъ Комитетъ библейской¹⁾, но на островъ²⁾ не послали повѣстокъ за рѣкою³⁾; ежели же бы, паче чаянія, по усердію вашему вы вздумали прибѣхать, то оной начнется по обыкновенію въ 11 часовъ.

3.

18-го Августа (1817 г.).

Царское Село.

По послѣднему моему разговору съ вашимъ превосходительствомъ я обѣщала вамъ дать знать, какое представленіе сдѣлаетъ объ васъ Алексѣй Николаевичъ⁴⁾, и получивъ оное сегодня, поспѣшаю сообщить вамъ: что онъ, отдавая вамъ всю справедливость въ наплѣстнѣйшихъ выраженіяхъ, но находитъ по новымъ его предположеніямъ, что должность вице-президента не будетъ существовать и что она была установлена для г-на Баженова⁵⁾, но что при президентѣ, желающемъ дѣлать свою должность, вице-президентская совѣсьмъ будетъ ничтожна. Почему и представляетъ васъ къ чину тайнаго совѣтника, званію сенатора, при оставленіи членомъ Адмиралтейскаго Департамента съ сохраненіемъ всѣхъ, нынѣ получаемыхъ вами окладовъ и съ присо-

и свѣтскіе сапожники, вышла уже въ Апрѣлѣ 1817 года. Перешку по поводу запрещенія „Сіонскаго Вѣстника“ въ 1807 г. по возобновленіи его въ 1817 г. см. въ статьѣ Н. О. Дубровина „Наши мистики-сектанты“ („Русск. Стар.“ 1894 г. т. 82, Ноябрь, стр. 76—91, и Дек., стр. 119—126, и въ „Русск. Арх.“ 1908 г. кн. II, прилож., стр. 31—45).

¹⁾ Т. е. Комитетъ Библейскаго Общества, въ которомъ князь Голицынъ представлялъ, а Лабзинъ былъ однимъ изъ директоровъ.

²⁾ А. О. Лабзинъ жилъ на Васильевскомъ Островѣ, въ зданіи Академіи Художествъ.

³⁾ Нева вскрылась въ 1816 году 11-го Апрѣля.

⁴⁾ А. Н. Оленинъ, незадолго предъ тѣмъ (21 Апрѣля 1817 г.) назначенный президентомъ Имп. Академіи Художествъ, состоявшей тогда въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

⁵⁾ Ни чина тайнаго совѣтника, ни званія сенатора Лабзинъ, однако, не получилъ а вмѣсто того, 12-го Января 1818 г., состоялось его назначеніе вице-президентомъ Академіи Художествъ, при чемъ онъ остался членомъ Адмиралтейскаго Департамента.

вокупленіемъ сенаторскаго жалованья¹⁾. Онъ присовокупляетъ, что ежели-бы онъ желалъ оставить существованіе вице-президентскаго мѣста, то онъ не могъ иначе-бы представить и желалъ-бы васъ конечно. Прошу меня увѣдомить о вашемъ расположеніи на вышеписанное, чтобъ я могъ при докладѣ Государю поставить въ виду ваше письмо.

P. S. Не замѣдлите отвѣтомъ, пожалуста, чтобъ я могъ такъ (?) доложить.

4.

26 Сентября (1817 г.), Воскресенье.

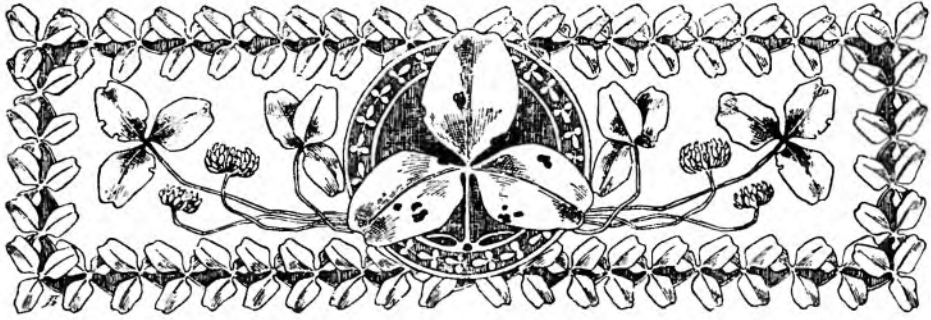
Ежели вамъ можно во Вторникъ, въ десять часовъ утра, ко мнѣ приѣхать, мнѣ-бы хотѣлось съ вами поговорить и просгиться передъ моимъ въ Москву отъѣздомъ²⁾.

На оборотѣ: Его превосходительству Александру Фодоровичу Лабзину въ собственные руки.

¹⁾ Архитекторъ. 1-й вице-президентъ Имп. Академіи Художествъ (р. 1737, ум. въ 1799 г.). Послѣ смерти графа А. С. Строганова (1811 г.) Академія не имѣла президента вплоть до назначенія А. Н. Оленина, а управлялась вице-президентомъ Петромъ Петровичемъ Чекалевскимъ; послѣ его смерти, послѣдовавшей 7-го Мая 1817 г., Лабзинъ, бывшій конференцъ-секретаремъ Академіи, хотѣлъ занять его мѣсто.

²⁾ Князь Голицынъ ѣхалъ въ Москву за имп. Александромъ (см. „Русск. Арх.“ 1902 г., кн. III, стр. 332—333), который прожилъ въ Москвѣ до 21-го Февраля 1818 г. Князь Голицынъ, послѣ увольненія графа Разумовскаго (10 Авг. 1816 г.) исполнявшій должность министра народнаго просвѣщенія, 24-го Октября 1817 г. былъ назначенъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; по отзыву современника, князь Голицынъ „влѣзъ тогда по уши въ мистицизмъ“ (Шильдеръ, Имп. Александръ I, т. IV, стр. 10).

ПИСЬМА А. С. ХОМЯКОВА КЪ К. А. КОССОВИЧУ *).

1.

Любезный Каетанъ Андреевичъ.

Очень весело слышать, что баронъ Корфъ такъ благоволитъ къ книжному просвѣщенію въ Москвѣ. Что же касается до совѣтовъ, какъ бы привести его добрыя намѣренія въ исполненіе, я весьма плохой совѣтникъ, потому что мало знакомъ съ тѣми средствами, которыя можетъ доставить Москва. Отъ Погодина ждать пожертвованій нельзя: онъ положилъ на свое собраніе большую часть своихъ денегъ, денегъ трудовыхъ. Пожертваніе съ его стороны было бы нецѣпостью и несправедливостью по отношенію къ его многолюдному семейству. Иное дѣло—собраніе Царскаго, милліонера, много нажившаго отъ казны въ подрядахъ и справедливо разсерженнаго поведеніемъ сына, единственнаго наслѣдника. Тутъ успѣхъ возможенъ. Главное дѣло въ томъ, что Москва непременно пожертвуетъ на Библиотеку Публичную и пожертвуетъ немало, но количество пожертвованій зависить отъ того, какъ будетъ оно предложено. Средство получать добротныя даванія у насъ извѣстно, но оно годно только для маленькихъ дѣлишекъ и не будетъ соответствовать важности предпріятія истинно-значительнаго. Надобно, чтобы пожертваніе шло не отъ одного уваженія къ начальству, какъ обыкновенно, но отъ истиннаго сочувствія съ дѣломъ. Пусть проектъ будетъ сперва сдѣланъ совершенно извѣстнымъ; пусть планъ заведенія, отношенія его къ обществу и способы пользоваться имъ (т. е. всѣ

*) Любезно сообщены въ „Русскій Архивъ“ сыномъ Алексѣя Степановича, Николаемъ Алексѣевичемъ Хомяковымъ, а ему передалъ ихъ Григорій Владимировичъ Гутонъ, членъ Государственной Думы отъ Уфимской губерніи. П. Б.

правила для входа, чтенія, полученія книгъ и т. д.) будутъ обнародованы; пусть сословія пожертвовавшія избираютъ отъ себя членовъ или директоровъ, составляющихъ Совѣтъ Библіотеки, отъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, и тогда откройте подписку, и можно ручаться за огромный результатъ. Вотъ мое мнѣніе. Книги пожертвованныя, если онѣ приняты, должны носить на ярлыкъ имя жертвователя и т. д. Надобно побѣдить общую недовѣрчивость, а это можно сдѣлать только посредствомъ большой откровенности и прямоты. Кто знаетъ Москву, тотъ повѣритъ, что этотъ путь всѣхъ удобнѣе и вѣрнѣе: другія средства дадутъ только мелкіе и крайне неудовлетворительные результаты⁶.

Посылаю вамъ модельчикъ машины; не знаю, поймете ли его? Прилагаю и краткое описаніе ея дѣйствія. Модель сдѣланъ дома изъ картона, но все же можно понять. У меня сегодня боль во лбу, поэтому кончаю письмо. Прощайте, будьте здоровы.

Вашъ А. Хомяковъ.

Сперва вообразите, что паръ вышелъ въ отверстіе стаканчика, который, какъ видите, прикрѣпленъ къ верхней крышѣ. Теперь приподнимите верхнюю крышу. Поверните одинъ изъ тѣхъ столбиковъ, которые находятся въ крыльяхъ такъ, чтобы онъ прикоснулся плотно къ внутреннему стаканчику. Паръ изъ верхняго неподвижнаго стаканчика проникаетъ во внутренній подвижной; изъ него онъ выходитъ черезъ боковой верхній прорѣзъ, находится сжатымъ между столбикомъ и поршнемъ и слѣдовательно гонитъ поршень. Въ это время другой столбикъ поворачивается посредствомъ той полукруглой доски, которая, какъ видите, придѣлана къ оси такъ, чтобы онъ пропускалъ мимо себя поршень; но какъ скоро поршень прошелъ, этотъ столбикъ, посредствомъ любой силы, пружины, гири, пара или воздуха, поворачивается снова такъ, что становится въ то положеніе, въ которое вы сперва привели другой столбикъ. Паръ продолжаетъ идти, поршень двигаться и стаканъ вертѣться вмѣстѣ съ осью. Одни только стаканчики поочередно, то прислоняются къ подвижному стаканчику, то отодвигаются отъ него, и машина идетъ всегда съ равной силой и равнымъ

*) К. А. Коссовичъ состоялъ въ это время (1850) редакторомъ ученыхъ работъ при Императорской Публичной библіотекѣ, директоръ которой баронъ (позднѣе графъ) М. А. Корфъ прискивалъ средства для устройства таковой же въ Москвѣ. Письмо Хомякова писано передъ отъѣздомъ Коссовича въ Лондонъ на всемірную выставку. Алексѣй Стенановичъ далъ ему средства (5 р.) съѣздить туда и поручилъ ему выставить изобрѣтенную имъ машину пароваго круговращательнаго движенія. П. Б.

приливомъ пара, чего нѣтъ ни въ одной машинѣ паровой и что составляетъ разницу огромную.

Лишній паръ, сдѣлавъ свое дѣло, уходитъ черезъ отверстіе въ нижнемъ стаканчикѣ.

2.

Весело мнѣ получать ваши письма. любезный Кастанъ Андреевичъ. Весело видѣть, что вамъ хорошо и привольно. Серьезному труженнику непременно по сердцу серьезная Англія. Оксфордъ кажется маленькимъ обломкомъ рая. Этого испытать не можетъ праздный шатала, котораго только и могутъ веселить Парижскія кофейни, да бульвары, да театры. Ему и въ голову не приходитъ, съ какимъ глубокимъ душевнымъ наслажденіемъ можно смотрѣть на этотъ тѣпестый паркъ и на задумчивый Коллегій Оксфорда. Для меня это почти лучшее воспоминаніе моего путешествія. Конечно, жизнь Англійская очень формальна и, такъ сказать, фрачна; но подъ фраккомъ за то такъ часто удается найти человѣка съ теплымъ сердцемъ и живымъ умомъ, что я забывалъ въ Англіи о привольи халата. И вы свыкнетесь легко съ мелкой неприятностью Англійской формальности.

Очень благодарю васъ за присылку книги о патентахъ, но полагаю, что не нужно будетъ еще тратиться къ полученію привилегіи на Францію и Бельгію, покуда хоть какой нибудь добрый отзывъ не успитъ надеждъ на успѣхъ. Меня не конфузятъ отзывы Каменева*). Гавріилъ Павловичъ не можетъ вѣрить успѣху, да я и самъ не могу ему вѣрить по той простой причинѣ, что, имѣя на эту машину столькихъ столь опытныхъ и талантливыхъ соперниковъ, я не могу надѣяться на побѣду; по съ другой стороны очевидно, что у меня отстранены многіе и едва ли не всѣ недостатки прежнихъ проѣктовъ, что сила у меня выходитъ постоянная и равномерная, а возраженій важныхъ я еще не слыхалъ. Следовательно и терять надежду я не долженъ. *Главное же дѣло:* получить привилегію *не на машину только,* которую можно упростить и усовершенствовать, *а на систему,* т. е. *на изобрѣтеніе притока пара черезъ движущееся отверстіе съ постояннымъ произведеніемъ пустоты.* Вотъ гдѣ вся сила, и я совершенно убѣжденъ, что если задача разрѣшима, то она разрѣшится только при такомъ условіи. Сообщите Гавріилу Павловичу, когда его увидите, во первыхъ, то, что для поворачиванія запорокъ я предлагаю употреблять упругость воздуха, во вторыхъ, что я выдумалъ машину совсѣмъ безъ

*) Нашего правительственнаго агента въ Англіи. П. Б.

запорокъ, но только съ двойнымъ цилиндромъ, котораго прилагаю рисунокъ. Надѣюсь, что онъ найдетъ ее остроумною. Оно похоже на Кокренову, но не имѣетъ ни одного изъ недостатковъ его машины; но всетаки она основана на той же системѣ, на которую прошу патента. Быть можетъ, что Гавріиль Павловичъ помирится съ моею машиною.

Изъ Лондона пишете вы мнѣ про мою статью. Думаю, что вы не случайно вспомнили объ ней. Хотя въ ней не говорено почти объ Англіи, хотя предлагаемый мною планъ не похожъ на Англійскій университетъ; но характеръ, кажется мнѣ, очень похожимъ на общій характеръ Англійскаго воспитанія, именно на строгое и сосредоточенное развитіе мысли, которое лежитъ въ основѣ этихъ островитянъ, которыхъ нельзя не любить и не уважать, не смотря на то, что въ общей политикѣ міра много великихъ грѣховъ на ихъ душахъ.

Мало по малу подаю впередъ мою Семирамиду, т. е. историческій сводъ. Много пути впереди, а сочувствія, укрѣпляющаго труженниковъ, мало. У насъ здѣсь давали ширь Иордану и Айвазовскому, и Погдинъ сказалъ рѣчь недурно. Читаются также публичныя лекціи нѣсколькими профессорами, иннигретъ изъ рубленныхъ наукъ. Но и то лучше, чѣмъ ничего.

Гильфердингъ трудится много и кланяется вамъ. Кланяются все знакомые, Аксаковъ, Свербеевъ, Шевыревъ и др. Будьте здоровы, любезный Каетанъ Андреевичъ. Вашъ А. Хомяковъ.

Марта 27 дня (1851). Москва.

Жена васъ благодаритъ за поклонъ, и все мы поздравляемъ васъ съ наступающимъ праздникомъ. Христосъ Воскресе! Да и мы живемъ духомъ.

3.

Не знаю какъ васъ благодарить, любезный Каетанъ Андреевичъ, за все ваши хлопоты. Едва ногою ступили на землю Угличанъ (иначе Англію), вы уже только и возитесь съ моею машиною въ то время, какъ столько любопытнаго и новаго призываетъ по праву ваше вниманіе. Благодарю отъ души.

Бѣдный Приттенъ! Какъ мнѣ жаль его! Послѣ долгихъ страданій достигъ цѣли и—погибъ! Жаль для него самого, жаль для васъ. онъ могъ быть вамъ полезнымъ; жаль для филологіи, такъ какъ въ Англіи онъ едвали не одинъ изъ филологовъ зналъ Русскій и отчасти Славян-

скій языки. Нѣтъ ли надежды, что это не сумасшествіе, а бѣлая горячка? Если узнаете, увѣдомьте. Судьба Приттена, хотя мы и мало были знакомы, очень меня за сердце забрала.

Я очень радъ, что въ Кремерѣ и Каменскомъ вы нашли людей такихъ благодусныхъ и готовыхъ на одолженіе. Русскіе не всегда склонны къ тому, чтобы другъ другу помогать, и тѣмъ веселѣе встрѣтить людей съ лучшими качествами. Я убѣжденъ, что Каменскій правъ и что машина моя совершенно разнится ото всѣхъ другихъ, придуманныхъ съ тою же цѣлью; вѣроятно, вы уже теперь этому имѣете подтвержденіе даже и отъ адвоката, который сказалъ, что уже есть такая машина. Пожалуйста, при полученіи привилегіи обратите вниманіе особенное на то, что въ послѣдней статьѣ я прошу привилегіи не столько на машину, сколько на систему машины, а именно на то, что у меня *отверстія для входа и выхода пара движутся вмѣстѣ съ поршнемъ и производятъ постоянно ровный напоръ пара и постоянную пустоту*. Этимъ система моя разнится отъ всѣхъ и даже отъ машинъ, устроенныхъ на манеръ Barker's Mill, въ которыхъ притокъ движущей силы постояненъ, но нѣтъ произведенія постоянной пустоты. Важно именно эта система, ибо сама машина можетъ быть часто измѣнена, смотря по обстоятельствамъ. Что-то Богъ дастъ успѣха? Впрочемъ, не смотря на эмпиризмъ Англичанъ, ихъ сильные фабриканты по части желѣзныхъ издѣлій могутъ оцѣнить хорошій механизмъ и напередъ угадать вѣроятность успѣха. Если дѣло пойдетъ на ладъ и модель на заказъ, я вамъ сообщу довольно затѣйливую выдумку мою для запиранія или поворачиванія запорокъ посредствомъ сжатого воздуха. Это очень полезно для пароходовъ, а особенно для локомотивовъ, въ которыхъ особенно нужны экономія мѣста, простота и уютность всего устройства. Но покуда довольно объ этомъ.

Я за васъ счастливъ. Какъ вамъ должно быть хорошо и привольно въ этой ученой, серьезной, дѣятельной и живой Англій. И какъ эпоха интересна! Засѣданіе Парламента, борьба Министерства уже шатающагося, воздвиженіе стекляннаго всемірнаго дворца, папская смута, и за всею этою волнующеюся поверхностью тихое, медленное и разумное движеніе мысли ученой, богословской, нравственной, твердость обычая, любовь къ преданію и порядку, жизнь во всемъ ея разумномъ благородствѣ, ручающаяся за успѣхъ и тишину, конечно, думаю я, полюбите вы въ Англій. Этого не сказалъ бы я ни о какой другой землѣ въ Европѣ. Наслаждайтесь и пользуйтесь ею.

Здѣсь изъ Питера прошелъ слухъ, что Пальмеръ перешелъ къ Папистамъ. Я этому не повѣрилъ и изъ вашего письма заключаю, что я былъ правъ; иначе Евгений Ивановичъ вамъ сказалъ бы. Какъ искренно люблю я этого почтеннаго представителя Русскаго духовенства! Скажите ему мое почтеніе и почтеніе жены моей. Часто вспоминаемъ мы объ немъ, и память его соединена для насъ съ памятью объ Англии, которая насъ свела и которую мы тѣмъ сильнѣе полюбили, что видѣли, какъ онъ ее любитъ. Если успѣю, то напишу на дняхъ письмо къ Пальмеру о Папеконъ вопросъ въ связи съ Горамскимъ вопросомъ.

Порадуйтесь, любезный Каганъ Андреевичъ; не даромъ съется доброе: тихо, тихо, а всетаки вырастаетъ. Здѣсь Санскритологія все подвигается, если не какъ спеціальность, то какъ коренное ученіе въ филологіи, и часто, часто повторяется ваше имя въ разговорахъ съ хорошими студентами. Конечно, немного такихъ, которые бы этимъ дѣльно занимались, но прежде не было никого. Я убѣжденъ, что Москва со временемъ будетъ однимъ изъ центровъ филологіи, и мы можемъ съ удовольствіемъ сказать, что въ этомъ дѣлѣ мы остались не безъ вліянія. Опять скажу съ Валувевымъ: „Доброе не пропадаетъ“. Микуцкій готовитъ новые два свода корней Эллино-Латинскихъ съ Санскритскими и Славяно-Германскихъ съ тѣмъ же. Дай Богъ этому труженнику средствъ, твердости и здоровья. Славный человекъ, и хорошо, что онъ сдружился съ Гильфердингомъ.

Я живу по всегдашнему, т. е. въ тихомъ, веселомъ мірѣ семьи и мысли. Съ жизнью Московскою соприкасаюсь много и слишкомъ много: пусто и безсмысленно въ общемъ, но за то такой явный характеръ дѣтства, что сердиться нельзя. Недавно публика расплакалась, провожая плясунью Фанни-Ельснеръ. Чтò прикажете дѣлать съ нею? Жаль только одного, что направленіе-то здѣсь не Англійское, а Французское и что дѣтство переходитъ не въ разумное и свѣтлое отрочество, а въ гнилую и безирравенную молодость. Ну да что объ этомъ? Дѣло Исторіи, а не мое. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы. Жена вамъ кланяется, друзья также. Вашъ А. Хомяковъ.

О СТИХОТВОРЕНИИ ПУШКИНА „ПРИМЪТЫ“.

Хронологическая замѣтка.

Извѣстная пьеса „Примѣты“ („Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны“...) въ которой Пушкинъ съ прелестнымъ равнодушіемъ разсказываетъ о своемъ суевѣрїи, помѣщается (начиная съ легкой руки П. В. Анненкова съ 1855 г.) во всѣхъ собранїяхъ подь 1829 г. Впервые она появилась въ изданномъ Н. М. Коншинымъ и барономъ Е. О. Розеномъ альманахѣ „Поденъжникъ“ на 1829 г., стр. 139, безъ даты, а затѣмъ вошла въ III-ью часть „Стихотворенїй Александра Пушкина“, стр. 205—206. Въ этомъ изданїи самъ Пушкинъ помѣстилъ, годъ за годомъ, стихотворенїя, создавшїяся въ 1819—1831 г., а также десять стихотворенїй внесъ въ рубрику „Разныхъ годовъ“; изъ нихъ девять относится къ 1822, 1824, 1827 и 1828 годамъ, а послѣднимъ помѣщены „Примѣты“.

Это положенїе пьесы нѣсколько озадачиваетъ: если она принадлежитъ къ 1829 г., то почему Пушкинъ не помѣстилъ ее среди произведенїй 1829 года, а включилъ въ рубрику „Разныхъ годовъ“, гдѣ собраны стихотворенїя предшествующихъ лѣтъ? Датируя „Примѣты“ 1829 годамъ, Анненковъ (см. его изданїе сочиненїй Пушкина, II, 496) заявилъ, что хотя „изданїе 1832 года не указало года сочиненїя пьесы, но за то тетради Пушкина опредѣляютъ его съ достовѣрностію“. И не видѣвъ автографа, на который ссылается Анненковъ (о немъ упоминаетъ Ефремовъ въ примѣчанїяхъ ко всѣмъ тремъ своимъ изданїямъ сочиненїй Пушкина), мы можемъ рѣшить, что пьеса была написана не въ 1829 г., а раньше.

Если бы даже она была написана въ 1829 г., то уже никакъ не позднѣ Января, такъ какъ альманахъ, въ которомъ она появилась, дозволенъ цензурой 9 Февраля, а представленъ въ цензуру, конечно, раньше. Однако, есть еще одно соображенїе, показывающее, что „Примѣты“ были написаны не въ Январѣ. А. П. Кернъ въ своихъ воспо-

минашяхъ („Библиот. для Чит.“ 1859 г., т. 154; сборн. Л. П. Майкова „Пушкинъ“, СПб., 1899, стр. 240—243, 251—252) разсказываетъ, что Пушкинъ написалъ это стихотвореніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ *Іюль* или *Іюль* 1825 г. Пушкинъ читалъ „Цыганъ“ своимъ Тригорскимъ друзьямъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Кернъ вспомнила объ этомъ чтеніи какъ разъ въ *этотъ самый день*, и въ *тотъ же день* поэтъ прислалъ ей*) экземпляръ „Цыганъ“ а „нѣсколько дней спустя“ пріѣхалъ самъ и при ней „написалъ на какой-то запискѣ“ занимающее насъ стихотвореніе. „Въ это время“—говоритъ Кернъ—„онъ очень усердно ухаживалъ за одною особой, къ которой были написаны стихи: „Городъ пышный, городъ бѣдный“... и „Предъ ней, задумавшись, стою“... (т. е. „Ты и Вы“). Объ эти пьесы, посвященныя Олениной, написаны въ 1828 году, и, значить, „это время“, когда были написаны „Примѣты“,—1828-й годъ; а такъ какъ онѣ были написаны *черезъ нѣсколько дней* послѣ того дня (а не года), въ который Пушкинъ читалъ, въ 1825 г., въ Тригорскомъ своихъ „Цыганъ“, то стало быть „Примѣты“ должны быть отнесены къ Іюню или, вѣрнѣе, къ Іюлю 1828 года.

Н. Лернеръ.

Изъ Записной Книжки „Русскаго Архива“.

Извѣстный Московскій прокуроръ по уголовнымъ дѣламъ Петръ Наркисовичъ Оболенскій нынѣ владѣеть Бѣлкинымъ, Боровскаго у. Калужской губ., нѣкогда прекраснымъ помѣстьемъ графа Д. П. Бутурлина (двоюроднаго брата князю М. С. Воронцову). Обнинскому оно досталось отъ матери, рожденной Кавецкой. Кавецкому же (котораго прекрасный портретъ писанъ Тропининымъ) графъ Бутурлинъ-сынъ поручилъ свои имѣнія, которыми, при крѣпостномъ правѣ, онъ не могъ владѣть изъ Италіи (гдѣ сдѣлался католикомъ), и Бѣлино, равно какъ и Воронежское имѣніе, досталось Кавецкому, вѣроятно тоже католику, какъ и его зять Наркизъ Антоновичъ, Записки котораго напечатаны въ XI-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1891 года. Петръ Наркисовичъ тоже католикъ.

Остатки Бутурлинской знаменитой библиотекы сохраняются въ Бѣлкинѣ (родинѣ знаменитаго врача Пиноземцева).

Нѣкто Гольцъ, городничій въ Боровскѣ, послѣ 1812 г., имѣлъ много дочерей, овдовѣлъ, женился вторично и отдалъ одну изъ дочерей на

*) Тогда жившей въ Петербургѣ. П. Б.

воспитаніе къ Бутурлинымъ. Она вышла за Кавецкаго (брата предыдущаго) и произвела на свѣтъ Лидію Павловну, супругу своего двоюроднаго брата П. Н. Обнинскаго (стало, они троюродные).

Сестра автора Записокъ, Апполина Антоновна, была матерью Владимира Иполитовича Дорогобужина, Костромскаго губернатора.

*

На А. А. Фета.

Подъ старость ключъ украсилъ фалды Фета;
Вполнѣ заслуженъ имъ такой почетъ.
Имѣеть важный смыслъ награда эта:
Кто безъ ключа стихи его пойметъ?

П. А. Козловъ.

Вспоминается отзывъ К. С. Аксакова о стихахъ Фета, что ихъ можно читать и сверху внизъ, и снизу вверхъ: все выдетъ какъ будто смыслъ. П. Б.

*

Нѣкто г-нъ И. Г. К. изъ Омска прислалъ въ нашу Записную Книжку слѣдующее.

По Западной Сибири проѣзжало одно высокое лицо. Въ то время въ Омскѣ степнымъ генераль-губернаторомъ былъ покойный баронъ М. А. Таубе. Уже и тогда это былъ высокій, убѣленный сѣдинами, представительный старикъ. Вотъ и рассказываютъ, что передъ пріѣздомъ въ Омскъ высокаго путешественника, баронъ Таубе послалъ тогдашнему епископу Тобольскому и Сибирскому Іустину (также убѣленному сѣдинами старцу) телеграмму съ приказаніемъ сопровождать высокаго гостя по его маршруту изъ Томска черезъ Тобольскъ въ Омскъ. Архіерея такое начальническое приказаніе лица, которому онъ совершенно не былъ подвѣдомственъ, возмутило, и о неумѣстности этого распоряженія онъ послалъ сообщеніе въ Синодъ, который также призналъ это распоряженіе роняющимъ достоинство архіерея. Поддержанный Синодомъ, преосвященный Іустинъ сопровождалъ рѣдкаго гостя Сибири только до города Тары (на рѣкѣ Иртышѣ, между Тобольскомъ и Омскомъ), гдѣ, съ милостиваго разрѣшенія его, принявшаго въ данномъ случаѣ сторону обиженнаго архіерея, откланялся и вернулся къ себѣ въ Тобольскъ, не побывавъ въ Омскѣ.

Генераль-губернатору была поставлена на видъ неумѣстность его распоряженія въ отношеніи неподвластнаго ему епископа. И вскорѣ послѣ того, баронъ Таубе посѣдилъ въ Тобольскѣ, чтобы лично принести извиненіе обиженному архіерею.

Скромно подѣхалъ гордый генераль къ архіерейскому дому, чтобы принести владыкѣ искреннее покаяніе, чего, повидимому, требовала и высшая власть; еще того скромнѣе генераль позвонилъ. Вышедшаго на звонокъ

служку генераль также скромно попросилъ доложить о себѣ владыкѣ. Но сего послѣдняго обуяла нехристіанская гордыня: онъ велѣлъ передать генералу, что епископъ боленъ и принять его высокопревосходительство не можетъ, и приказалъ заложить своихъ лошадей въ экипажъ.

И въ то время, когда баронъ Таубе возвращается къ себѣ на квартиру, Тобольскъ огласился колокольнымъ звономъ, означавшимъ, (какъ тутъ-же объявили генераль-губернатору) что архіерей выѣхалъ изъ своей квартиры въ свою обычную прогулку въ ближайшій къ Тобольску живописный Абалякскій женскій монастырь. Обо всемъ этомъ баронъ Таубе донесъ въ Петербургъ, и на это донесеніе послѣдовало незамедлительно распоряженіе объ увольненіи пресвященнаго Іустина на покой.

Баронъ Таубе послѣ того еще долго управлялъ степнымъ генераль-губернаторствомъ и съ этой должности былъ переведенъ въ Государственный Совѣтъ за полную преклонностью лѣтъ. И. Г. К.

*

Покойный князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шахматовъ (съ которымъ я встрѣчался у Н. М. Смирнова) разсказывалъ при мнѣ, что, будучи юношей, ѣздилъ онъ въ Юрьевъ монастырь навѣстить постригагося въ немъ дядю своего, который принялъ имя Анникиты. Нѣкогда Анникита и Фотій служили оба въ Морскомъ корпусѣ, Фотій законоучителемъ, а кн. Шахматовъ, извѣстный подъ именемъ *Безлаюльшио* (такъ какъ въ стихахъ его почти не было глагольныхъ рифмъ), преподавателемъ Русской словесности. Монахъ-дядя повелъ юношу къ своему архимандриту. У Фотія сидѣли двѣ монахини, которыхъ онъ усовѣщивалъ, чтобы онѣ слушались свою игуменію; но тѣ продолжали разсказывать про нее разныя разности. Фотій крикнулъ: „Аникита, подай хлѣба!“ Когда хлѣбъ былъ принесенъ, Фотій взялъ лопотъ, харкнулъ на него и кинулъ подъ диванъ, на которомъ сидѣлъ. Прошло нѣсколько времени. „Аникита, пользай, достань оттуда хлѣбъ!“ Аникита согнулся, и когда держалъ лопотъ въ рукахъ, Фотій сказалъ ему: „съѣшь!“ и бывший князь долженъ былъ исполнить приказаніе архимандрита. „Такъ вотъ какъ надо слушаться“, обратился Фотій къ монахинямъ и прогналъ ихъ отъ себя. П. В.

многих миллионъ своихъ подданныхъ. Въ неоднократныхъ, негласныхъ совѣщаніяхъ по этому дѣлу, продолжавшихся съ 1826 года до наступленія второй Восточной войны, вѣнукъ Екатерины Великой настаивалъ, вопреки мнѣнію другихъ членовъ и самого Наслѣдника, на раскрѣщеніи не иначе, какъ съ землею, а не такъ, какъ въ краю Прибалтійскомъ.

Колебанія императора Александра Николаевича высказаны въ статьѣ О. П. Еленева въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886 г. (II, 357), а бывший министръ внутреннихъ дѣлъ А. Г. Тимашевъ въ статьѣ своей, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887 г. (II, 59), открыто приписываетъ дѣло раскрѣщенія императору Николаю Павловичу.

И такъ вѣчная признательность Русскихъ людей не только Александру Николаевичу, но и его родителю, а также самимъ бывшимъ помѣщикамъ и крестьянамъ ихъ (которыхъ историкъ Токвилль угодилъ Тихому океану).

П. В.

И. Ф. ПАВЛОВСКІЙ. Кременчугскіе старообрядцы и обращеніе ихъ въ единовѣріе. Полтава, 1910 г., 8-ка, 45 стр.—

1) Планъ военного воспитанія при Александрѣ Первомъ и пожертвованіе Полтавскаго дворянства. 2) Магистратскіе крестьяне города Полтавы. 3) Малороссійскіе казачьи полки въ борьбѣ съ Поляками въ 1831 году. 4) О мѣрахъ къ пресѣченію дворянъ уклоняться отъ выборной службы. 5) Изъ Записокъ генераль-маіора Липранди о нѣкоторыхъ уѣздахъ Полтавской губерніи въ 1840 г. 6) Родословная Поповыхъ.

Неумомимый Полтавскій историкъ-архивистъ продолжаетъ выдавать въ свѣтъ изысканія свои, равно полезныя, какъ специалистамъ, такъ и всякому, не равнодушному къ отечественной стариѣ. Выписанныя заглавія послѣд-

нихъ трудовъ И. Ф. Павловскаго уже говорить объ ихъ сущности. Необходимо добавить, что, сочувствуя плану военного воспитанія, охотно откликнулось на правительственный призывъ Роменское дворянство, предводимое В. Г. Полетикую (сыномъ Екатерининскаго дѣятеля). Онъ умеръ въ 1845 г. 80-лѣтнимъ старцемъ. Магистратскіе крестьяне г. Полтавы существовали съ 1718 до 1785 г., когда Потемкинъ отобралъ ихъ на „укомплектованіе Полтавскаго полка въ воинскіе поселенія“. Малороссійскихъ казаковъ впервые призвали на службу въ 1812 г., а затѣмъ кн. Н. Г. Репнинъ, въ 1831 г., усмирять Поляковъ. Казаковъ послали въ Минскъ, но проявить дѣятельность они не успѣли.—Причиною уклоненія южно-Русскихъ дворянъ отъ выборной службы было отсутствіе наградъ.—Генераль-маіоръ Липранди былъ командированъ, въ 1840 г., въ Полтавскую губернію министромъ внутренн. дѣлъ гр. А. Г. Строгановымъ вслѣдствіе того, что нѣкоторые помѣщики мало заботились о прокормленіи своихъ крестьянъ. Напримѣръ, у Попова, уѣзднаго предводителя и владѣльца богатой Рѣшетилочки, крѣпостные питались бардою съ примѣсью половы. Этотъ Александръ Васильевичъ Поповъ (род. 1790 † 1850)—сынъ статсъ-секретаря Екатерины II Василія Степановича Попова (1745—1822), „добраго и великаго пана“. Полтавскихъ Поповыхъ родъ—происхожденія Польскаго: въ 1022 году при Болеславѣ Храбромъ упоминается дворянинъ *Побожъ-Поповскій*. Впослѣдствіи, на службѣ въ Россіи, „Побожъ“ отпадаетъ, а „Поповскій“ переходитъ въ *Поповъ*. Женатому на Жадовской Степану Алексѣевичу Попову въ 1785 г. было пожаловано Россійское дворянство. Другая вѣтвь этого рода приписана къ Таврическому дворянству.

Павель Россіевъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять р., для чужихъ краевъ—двѣнадцать р.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“: Въ Петербургѣ (Невскій, 40) въ Москвѣ (уголъ Неглиннаго проѣзда и Кузнецкаго Моста, д. Шориной) въ Харьковѣ (Николаевская пл. № 4 и Екатеринославская ул., д. Иванова, № 1) въ Одессѣ (Дерибасовская ул., № 33, уг. Преображенской) въ Саратовѣ (Б. Московская, Пассажъ 1) въ Ростовѣ на-Дону (Садовая ул., № 96) и въ Парижѣ (бульваръ Св. Магдалины).

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
прежнія полныя годовыя его изданія и отдѣльныя книжки Русскаго Архива
по цѣнѣ пониженной.

*

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюна Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона. Цѣна 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомякова. Съ примѣчаніями. Цѣна 30 к.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

СОРОБЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

4.

Стр.

497. Святое дѣло. А. П. К.
507. Изъ записной книжки графа Дмитрія Николаевича Шереметева. Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ.
508. Пугачевцы въ Пензенскихъ и Тамбовскихъ вотчинахъ. А. Шишкина.
524. Финаль Польскаго мѣтежа 1830—1831 годовъ. Сообщилъ И. Г. Полруженно.
527. Генералъ А. А. Едлинскій. Безсмертнаго.
529. Духовное завѣщаніе А. С. Стурдзы.
535. Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева.
567. Къ исторіи Еврейства. Н. С. Граве.
601. Нѣчто о Григоріи Савичѣ Сковородѣ. Сообщено В. С. Арсеньевымъ.
635. Андрей Юродивый. Перечиска Воронежскаго епископа Антонія съ княземъ А. Н. Голицынымъ. Сообщена А. А. Титовымъ.
640. Некрологъ. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.
641. О посланіи Пушкина къ А. Ф. Закревской. Н. О. Лернера.
643. Письма М. П. Погодина къ М. П. Щенкину.
648. Дополненія, поправки, замѣтки.
653. Изъ рассказовъ о Петрѣ Великомъ, записанныхъ Я. Штелинымъ.

Внутри обложки: Общ. изданіи Научнаго Слова: «Дѣтели реформы».
В. Б.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯНЪ. Дѣятели реформы. М. Изданіе Научнаго Слова. 1911. 8-ка, XXXII и 342 стр., съ портретомъ Александра II-го и его сотрудниковъ.

Книга эта—сборникъ статей о дѣятеляхъ раскрѣпощенія крестьянъ. Составители его „сочли умѣстнымъ воздать добровольную дань исторической благодарности дѣятелямъ нашего прошлаго и напомнить читателямъ не только о дѣлѣ великомъ, но и о тѣхъ, кто его совершилъ“. Мало того: настоящій сборникъ отдаетъ должную дань главному виновнику раскрѣпощенія крестьянъ—Николаю Павловичу, безпристрастно отмѣчая, по скольку Александръ II является „орудіемъ общаго и сверхличнаго дѣла“. Г. А. Кизеветтеръ повѣствуетъ, что въ кабинетѣ Николая Павловича было собрано много бумагъ по этому вопросу, и, указывая на нихъ, онъ говорилъ иногда: „здѣсь я собралъ все необходимое для того процесса, который веду съ вѣковыми зломъ народнаго рабства“. „Крѣпостное право,—сказалъ Императоръ,—есть величайшее зло, но прикоснуться къ нему теперь же было бы зломъ еще болѣе опаснымъ“, тогда какъ „будучи наслѣдникомъ, Александръ Николаевичъ вовсе не обнаруживалъ освободительныхъ стремленій и даже не разъ проявилъ какъ будто опредѣленно-отрицательное отношеніе къ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Однажды онъ отказался передать отцу своему представленный ему проектъ подготовительныхъ мѣръ къ раскрѣпощенію крестьянъ. Одинъ изъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, въ которомъ участвовалъ Александръ Николаевичъ, высказался противъ предоставленія крѣпостнымъ крестьянамъ выкупаться на волю при продажѣ съ аукціона имѣній, въ которыхъ они поселены“. Милютинъ и Кавелина тревожила мысль „о томъ, что со смертью Николая Павловича погас-

нутъ послѣднія надежды на приближеніе отмѣны крѣпостнаго права“. Статья А. А. Корнилова „Основныя теченія правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы“—сжатый пересказъ его „Очерковъ по исторіи общественаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“ (СПб., 1905 г.). Рядъ статей о дѣятеляхъ раскрѣпощенія крестьянъ открывается увлекательной характеристикой графа П. Д. Киселева, которую блестяще написалъ Ю. В. Готье. Не восхваляя дѣятельности Киселева (за которую А. С. Хомяковъ желалъ ему „ни дна ни покрывки“, а князь Меншиковъ совѣтовалъ послать его на Кавказъ разорять Шамиля, какъ разорилъ онъ крестьянъ государственныхъ имуществъ), Ю. В. Готье изображаетъ его самыми привлекательными чертами. „Николай I-й цѣнилъ въ Киселевѣ умъ и энергію, которыми императоръ не былъ избалованъ вкругъ себя, и приблизилъ его къ себѣ за то, что чуть ли не съ нимъ однимъ онъ могъ говорить откровенно о крестьянскомъ вопросѣ.“ „Министръ Бибииковъ палъ жертвою личной антипатіи Александра: Клейнмихель—въ угоду обществу мѣшину; очень возможно, что новый государь также не забылъ и своихъ разногласій съ Киселевымъ въ крестьянскихъ негласныхъ комитетахъ, гдѣ Наслѣдникъ престола, въ качествѣ оплота крѣпостниковъ, почти всегда держался противоположныхъ съ Киселевымъ взглядовъ“. Профессоръ Любавскій изображаетъ участіе въ дѣлѣ раскрѣпощенія великаго князя Константина Николаевича.

Великая княгиня Елена Павловна предстаетъ предъ читателемъ, какъ женщина честолюбивая и властная въ изображеніи С. Бахрушина, собравшаго много любопытныхъ о ней отзывовъ. Но онъ преувеличилъ ея значеніе въ дѣлѣ раскрѣпощенія, и въ ложномъ

СВЯТОЕ ДѢЛО.

„Вамъ извѣстно, какъ святое дѣло это близко моему сердцу. Увѣренъ, что и вы считаете его святымъ. У меня двѣ цѣли или, лучше сказать, одна—благо государства“... (изъ рѣчи императора Александра II дворянскимъ депутатамъ, 21 Февраля 1860 г.). „Да перейдутъ въ потомство имена вѣрныхъ мѣ въ этомъ дѣлѣ сподвижниковъ“... (изъ рескрипта министру внутреннихъ дѣлъ, 17 Апрѣля 1861 г.).

Въ самый день своего вступленія на престолъ императоръ Александръ Николаевичъ высказалъ пожеланіе: „да исполняются чрезъ насъ постоянныя желанія и виды августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ: Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и незабвеннаго нашего родителя“ (манифестъ 19 Февраля 1855 г.). Въ тотъ же день новый Государь въ своемъ обращеніи къ Петербургскому дворянству, между прочимъ, выразилъ увѣренность, что „дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова настоящимъ благороднымъ сословіемъ, въ началѣ добра“. Въ этомъ же году министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ С. С. Ланской, сторонникъ улучшенія быта крестьянъ*). Въ слѣдующемъ году, по поводу заключенія Парижскаго мира, въ манифестѣ выражена уже болѣе опредѣленная политическая программа новаго царствованія: „при помощи Небснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство. Правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея: да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности“ (19 Марта 1856 г.). 30 Марта, на пріемѣ дворянскихъ депутатовъ въ Москвѣ, Государь прямо заявилъ о своемъ

*) Сергій Степановичъ Ланской былъ однимъ изъ датусовъ Массонскихъ собраній еще при Александрѣ Павловичѣ и растратилъ на то большое состояніе. По душѣ это былъ благороднѣйшій, добрѣйшій человекъ, но ума несамостоятельнаго, вполне горожанинъ, незнакомый съ нуждою деревни. П. Б.

намѣреніи освободить крестьянъ: „Я не скажу вамъ, чтобы я былъ совершенно противъ этого: мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что со временемъ это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнѣнія со мною; слѣдовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло выше, нежели снизу“. 7 Апрѣля министръ вн. д. С. С. Ланской представилъ всеподданнѣйшій докладъ „о постепенномъ стремленіи къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ“ вмѣстѣ съ историческою запискою товарища своего А. П. Левшина. Было рѣшено возобновить прерванную дѣятельность „секретнаго“ комитета (такихъ комитетовъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ было шесть подъ именемъ Негласнаго Комитета).

3 Января 1857 г. произошло открытіе Негласнаго Комитета, состоявшаго изъ 12 лицъ подъ предсѣдательствомъ князя А. Ѳ. Орлова. Въ комитетъ поступили проекты и записки, болѣе ста, въ томъ числѣ проф. К. Д. Кавелина, Ю. Ѳ. Самарина, А. П. Кошелева, стоявшихъ за освобожденіе крестьянъ съ землею и за самоуправляющуюся общину. Для разсмотрѣнія проектовъ комитета избрана была комиссія въ трехъ лицахъ: князя П. П. Гагарина, бар. М. А. Корфа и Я. П. Ростовцова. Въ Іюль въ комитетъ былъ назначенъ братъ Государя, великій князь Константинъ Николаевичъ, „le plus libéral et le plus éclairé prince de l'Empire“ (Леруа-Больё). Вокругъ него ютилась „могучая кучка“ горячихъ сторонниковъ крестьянскаго преобразования, которымъ дѣятельно покровительствовала и великая княгиня Елена Павловна, владѣтельница обширнаго помѣстья въ Малороссіи. Въ трехъ засѣданіяхъ (14, 17 и 18 Августа) Негласный Комитетъ постановилъ улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ произвести съ должною осторожностію и постепенностію, раздѣливъ исполненіе этого дѣла на три періода: собраніе подготовительнаго матеріала, составленіе проекта положенія и затѣмъ уже окончательное устройство крестьянъ... Между тѣмъ, лѣтомъ этого года Государь въ бесѣдѣ съ графомъ П. Д. Киселевымъ въ Киссингенѣ замѣтилъ: „Крестьянскій вопросъ меня постоянно занимаетъ. Надо довести его до конца. Я болѣе чѣмъ когда-либо рѣшился и никого не имѣю, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ“...

Въ Ноябрь въ Петербургъ прибылъ Виленскій военный губернаторъ В. И. Назимовъ и привезъ адресъ дворянъ трехъ Литовскихъ губерній, въ которомъ они просили разрѣшить имъ обсудить мѣры для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. На это прошеніе Литовскихъ дворянъ послѣдовалъ рескриптъ 20 Ноября 1857 г. на имя Виленскаго губернатора, въ которомъ были указаны главныя основанія „освобожденія“ крестьянъ: личная свобода крестьянъ, сохраненіе за помѣщиками права собственности на землю и надѣленіе

крестьянъ землю, „дабы (по выраженію Государя) не сдѣлать изъ крестьянъ людей бѣздомныхъ и потому вредныхъ какъ для помѣщиковъ, такъ и для государства“. Рескриптъ этотъ (вопреки первоначальному намѣренію хранить его въ тайнѣ) въ одну ночь былъ отпечатанъ и уже 24 Ноября разосланъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства остальныхъ губерній вмѣстѣ съ пояснительнымъ циркуляромъ С. С. Ланского. Крестьянская реформа впервые открыто была поставлена на очередь („ты побѣдилъ Галилеянинъ!“ замѣтилъ по этому поводу въ Лондонѣ А. Н. Герценъ). Тогда же подобный рескриптъ получило и Петербургское дворянство въ отвѣтъ на свое болѣе раннее ходатайство о введеніи такъ называемыхъ „инвентарныхъ“ правилъ. 5 Декабря Виленскій и Петербургскій рескрипты были обнародованы, и такимъ образомъ къ дѣлу впервые привлечено общественное мнѣніе, „великая сила нашего времени“, по выраженію великаго князя Константина Николаевича. По этому поводу въ Москвѣ, 28 Декабря, состоялся банкетъ 180 участниковъ (въ томъ числѣ были М. П. Погодинъ и М. П. Катковъ), на которомъ былъ провозглашенъ, то есть въ честь „Царя-Освободителя“ *). На царскій призывъ первымъ откликнулось Нижегородское дворянство, вторымъ Московское (7 Января 1857 г.). Съ Марта по Октябрь 1858 г. отозвались остальные губерніи (Херсонская—28-я), и къ концу года надъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса трудились 44 губернскихъ комитета и 2 комиссіи.

8 Января 1858 г. Негласный Комитетъ переименованъ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, секретаремъ котораго былъ назначенъ П. П. Семеновъ. Въ обсужденіи вопроса стала принимать участіе и повременная печать, часть которой стояла за личное владѣніе крестьянъ („Экономическій Указатель“), а другая часть—за общинное владѣніе („Современникъ“, въ которомъ помѣщалъ свои статьи К. Д. Кавелинъ, скоро навлекшій на себя строгія цензурныя мѣры). Въ продолженіе первой половины 1858 г. направленіе крестьянскаго дѣла измѣнилось въ смыслѣ охранительномъ. Въ Главномъ Комитетѣ начались колебанія. „Проектъ плана работъ по устройству крестьянскаго быта“, составленный управлявшимъ земскимъ отдѣломъ мнн. вн. д. Я. А. Соловьевымъ, не получилъ утвержденія. На случай крестьянскихъ волненій возникъ проектъ объ учрежденіи генералъ-губернаторовъ съ особыми полномочіями. Докладъ С. С. Ланского противъ этого проекта вызвалъ неодобреніе Государя.

*) Этотъ обѣдъ былъ устроенъ В. А. Кокоревымъ, въ домѣ его (нынѣ М. О. Морозовой) у Троицы на Хохловкѣ. Хозяинъ, обходя обѣдавшихъ гостей, нагнулся ко мнѣ и шепнулъ на ухо: великое дѣло, но за нимъ должно пойти еще болѣе. —Что же? спросилъ я.—Освобожденіе отъ чиновничества. П. Б.

Первое путешествіе Государя по внутреннимъ губерніямъ Россіи, продолжавшееся болѣе мѣсяца (въ Іюнь и Августъ 1858 г.), дало сильный толчокъ дѣлу. Между прочимъ въ Твери (11 Августа) Государь впервые высказалъ мысль о вызовѣ дворянскихъ уполномоченныхъ въ Петербургъ. По возвращеніи изъ путешествія, Государь, лично убѣдившійся въ полномъ спокойствіи населенія, милостиво замѣтилъ С. С. Ланскому: „мы съ тобою начали крестьянское дѣло и пойдѣмъ до конца рука объ руку“... Вскорѣ возвратился изъ заграничнаго отпуска любимецъ Государя ген.-ад. Я. П. Ростовцовъ*), который, изучая крестьянскій вопросъ, пришелъ къ твердому убѣжденію (какъ и С. С. Ланской) въ необходимости для улучшенія быта крестьянъ выкупа земли и устройства самоуправляющейся крестьянской общины („міръ“) съ круговою порукою, которая должна была замѣнить патріархальную власть помѣщика. Эти мысли вполне раздѣлялъ и Государь. Между тѣмъ къ концу 1858 г. представили свои труды Нижегородскій, Петербургскій и Симбирскій губернскіе комитеты. Для разсмотрѣнія этихъ трудовъ и составленія проекта „Положенія“ о крестьянахъ рѣшено было образовать Редакціонныя Комиссіи, въ которыя должны были войти и „эксперты“ изъ дворянъ. Предсѣдательство въ этихъ комиссіяхъ предложено было Я. П. Ростовцову (Высоч. приказъ 4 Февраля 1859 г.), который высочайшее повелѣніе принялъ (14 Февр.) „не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ (къ Государю), со страхомъ (передъ Россіей) и чувствомъ долга“... Однимъ изъ главныхъ дѣятелей Редакціонныхъ Комиссій былъ Н. А. Милютинъ (племянникъ графа П. Д. Киселева), назначенный товарищемъ министра вн. д., „наша Эгерія“, какъ его называлъ Я. П. Ростовцовъ, „гражданинъ-кузнецъ“. Къ дѣлу составленія проекта „Положенія“ приглашены были также Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій, Н. П. Семеновъ и П. П. Семеновъ—последній въ качествѣ дѣлопроизводителя комиссій.

4 Марта 1859 г., послѣ приѣма у Государя, произошло первое засѣданіе Редакціонныхъ Комиссій, слившихся въ одну комиссію. Выработана программа занятій, приступлено къ составленію Положенія о крестьянахъ. Между тѣмъ къ Іюлю этого года закончены работы большинства Губернскихъ Комитетовъ (44 изъ 48), представившихъ по два мнѣнія—большинство противъ и меньшинство за проектъ крестьянской реформы. Въ концѣ Августа въ Петербургъ стали съѣзжаться дворянскіе депутаты („эксперты“) отъ 21 губерній, такъ наз.

*) Изъ Елецкихъ купцовъ, незнакомый съ деревнею и съ крестьянскимъ бытомъ. П. Б.

депутаты перваго призыва. Произошло первое разногласіе между Редакціонною Комиссіей и экспертами, предлагавшими уничтожить барщину черезъ три года, крестьянъ „отпустить на оброкъ“, безъ всякаго земельнаго надѣла, т. е. дать крестьянамъ, какъ тогда говорили, „птичью свободу“ или „волчью волю“ (графы П. П. Шуваловъ и В. Н. Панинъ). 3 Сентября противъ проекта „Положенія“ заявили протестъ 32 депутата съ графомъ П. П. Шуваловымъ во главѣ, въ отвѣтъ на который Я. И. Ростовцевъ предложилъ „не касаться общихъ положеній“. 4 Сентября состоялся приемъ депутатовъ у Государя, который обратился къ нимъ, между прочимъ, съ слѣдующими словами: „...Я призвалъ васъ для содѣйствія дѣлу, равно интересному для меня и для васъ, и успѣха которому, я вполне увѣренъ, вы столько же желаете, сколько и я. Съ нимъ связано будущее благо Россіи... Я считалъ себя первымъ дворяниномъ, когда былъ еще Наслѣдникомъ, я гордился этимъ, и теперь я не перестаю считать себя въ вашемъ сословіи... Я знаю, вы сами убѣждены, господа, что дѣло не можетъ окончиться безъ жертвованій; но я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны... Я желаю, чтобы великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ“...

Но и послѣ царскаго приѣма между комиссіями и дворянскими депутатами, стоявшими на различныхъ точкахъ зрѣнія (государственное и гражданское право) разногласія продолжались. Сами депутаты раздѣлились на три группы, изъ которыхъ каждая представила свой отдѣльный адресъ (адресы 18-ти, 5-ти и Симбирскаго депутата Шидловскаго). Послѣдовали замѣчанія и внушенія депутатамъ... Между тѣмъ Государь отправился во второе путешествіе по Южной и Западной Россіи, гдѣ онъ производилъ военные смотры, ученія, маневры. По возвращеніи Государя въ Петербургъ, 21 Октября 1859 г. Я. И. Ростовцовъ сдѣлалъ докладъ о трудахъ Редакціонной Комиссіи, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „главная цѣль Комиссіи—спасать Россію, и какъ средство для достиженія этой цѣли—освободить крестьянина дѣйствительно, т. е. съ надлежащимъ улучшеніемъ его быта на основаніи высочайшей вашей воли... Комиссіи желали отъ всей души уравнивать интересы крестьянъ съ интересами помѣщиковъ. Если онѣ равновѣсія этого доселѣ еще не достигли, если и есть, дѣйствительно, въ пныхъ правахъ нѣкоторый перевѣсъ на сторонѣ крестьянъ, то это происходитъ... главное, оттого... что наклонять вѣсы потомъ отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ, будетъ много охотниковъ и много силы, а наоборотъ—иначе; такъ что быть крестьянъ

могъ бы не улучшить, а ухудшиться“. Мысли эти вполне раздѣлялъ и Государь. Векоръ Я. И. Ростовцовъ заболѣлъ. Государь нѣсколько разъ навѣщалъ своего друга, послѣдними словами котораго были: „Государь, не бойтесь“... († 6 Февраля 1860 г.).

11 Февраля 1860 г. предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій былъ назначенъ графъ В. Н. Панинъ, который, хотя и не вполне раздѣлялъ основы Положенія, но по чувству долга передъ Государемъ старался не противодействовать мнѣнію большинства въ Комиссіи. 21 Февраля Государь принималъ депутатовъ второго призыва (24 депутата), въ рѣчи къ которымъ въ другихъ выраженіяхъ повторилъ сказанное депутатамъ перваго призыва (4 Сент. 1859 г.): „...Вамъ извѣстно, какъ святое дѣло это близко моему сердцу. Увѣренъ, что и вы считаете его святымъ. У меня двѣ цѣли, или лучше сказать одна—благо государства. Я убѣжденъ, что въ этомъ самомъ заключается и ваша цѣль. Я хочу, чтобы улучшение быта крестьянъ было не на словахъ, а на дѣлѣ, и чтобы переворотъ совершился безъ потрясеній. Но для этого безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ вашей стороны обойтись невозможно. Я желаю, чтобы эти жертвованія были сколь возможно менѣе тягостны и обременительны для дворянъ“... 10 Октября 1860 г. были закрыты Редакціонныя Комиссіи, которыя закончили свою работу, продолжавшуюся 1 годъ и 7 мѣсяцевъ. На пріемъ членовъ закрывшихся комиссій, 1 Ноября, Государь, между прочимъ, сказалъ: „Работа ваша была огромная. Конечно, всякій человѣческій трудъ долженъ имѣть свои несовершенства... но во всякомъ случаѣ вамъ принадлежитъ честь перваго труда, и Россія вамъ будетъ благодарна“... Великій Князь Константинъ Николаевичъ такъ отзывался о трудахъ Комиссій: „Это памятникъ, который вѣчно послужитъ величайшею честью для Комиссій, каково бы ни было мнѣніе о нихъ“.

Выработанные Редакціонными Комиссіями проекты Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости (20 пунктовъ) внесены въ Главный Комитетъ, предсѣдателемъ котораго, за болѣзнію князя А. Ѳ. Орлова, назначенъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Главный Комитетъ имѣлъ болѣе 40 засѣданій, продолжавшихся по 6—7 часовъ. За проектъ „Положенія“ въ цѣломъ высказались только три члена: С. С. Ланской, графъ Д. Н. Блудовъ и К. В. Чевкинъ: съ поправками—М. Н. Муравьевъ, князь В. А. Долгорукой и А. М. Княжевичъ; остальные члены комитета высказались противъ проекта (князь П. П. Гагаринъ предлагалъ уменьшить надѣлы до четверти нормальнаго; такъ назыв. „Гагаринскіе“, „нищенскіе“ или „сиротскіе“ надѣлы). Присоединеніе

графовъ В. Н. Панпна и В. Ѳ. Адлерберга дало большинство сторонникамъ „Положенія“.

26 Января 1861 г. происходило послѣднее засѣданіе Главнаго Комитета и Совѣта Министровъ (соединенное засѣданіе) подъ предѣтельствомъ Государя, который въ рѣчи своей, между проч., замѣтилъ, что, допустивъ полную свободу мнѣній, онъ уже „не допустить никакихъ отмѣнъ, отлагательствъ и проволочекъ“ и хочетъ, чтобы дѣло было окончено къ 15 Февраля: „Этого я желаю, требую и повелѣваю“. Обращаясь по преимуществу къ министрамъ, Государь затѣмъ сказалъ: „Вы должны помнить, что въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть“. Въ заключеніе Государь замѣтилъ, что сословіе крестьянъ должно образовать „одно цѣлое, какимъ и было прежде“. 28 Января 1861 г. Положеніе разсмотрѣно въ общемъ собраніи Гос. Совѣта, который Государь открылъ импровизированною рѣчью. Указавъ въ началѣ своей рѣчи, что дѣло объ освобожденіи крестьянъ онъ считаетъ „жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества“, что „всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства“, Государь замѣтилъ: „я не могу не удивляться и не радоваться, я увѣренъ, что и вы все тоже радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое высказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ“. Напомнивъ (какъ и въ рѣчахъ дворянскимъ депутатамъ), что „приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства“, что „это преобразование не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ жертвованій съ ихъ стороны“, Государь заявляетъ, что „основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ—и улучшеніе не на словахъ только и не на бумагахъ, а на самомъ дѣлѣ“. Бросивъ взглядъ на исторію происхожденія и постепеннаго ограниченія крѣпостного права, Государь сказалъ: „Право это установлено самодержавною властью и только самодержавная власть можетъ его уничтожить, а на это есть моя прямая воля... Покойный мой родитель постоянно былъ занятъ мыслию объ освобожденіи крестьянъ... Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за границею, гдѣ преобразование совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ“... Замѣтивъ, наконецъ, что онъ въ правѣ требовать, чтобы члены Г. Совѣта „дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники“, облеченные его довѣріемъ, Государь закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали и не скрываю ихъ и

теперь; но, твердо уповаю на милость Божию и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества“. „Эта рѣчь, замѣчаетъ современникъ, поставила Государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ Совѣта. Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ приобрѣлъ себѣ безсмертіе“.

19 Февраля 1861 г., въ 6-й годъ своего царствованія, историческимъ гусинымъ перомъ (хранится въ Московскомъ Историческомъ музеѣ) Александръ Николаевичъ утвердилъ „Положеніе“ и подписалъ манифестъ, въ окончательной редакціи составленный Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ и оканчивающійся памятными словами: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ—залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“. Проектъ манифеста и указа Сенату, за болѣзнію председателя Г. Совѣта, былъ отвезенъ въ Зимній дворецъ государственнымъ секретаремъ В. А. Бутковымъ: но Государь въ эту торжественную минуту пожелалъ остаться одинъ, безъ постороннихъ свидѣтелей. Наканунѣ онъ молился надъ гробницею родителя своего, а 6 Февраля посѣтилъ могилу Я. П. Ростовцова въ годовщину его кончины.

5 Марта, въ такъ назыв. „прощеное Воскресеніе“, когда на литургіи читается Апостоль: „Ночь убо преjde, а день приближися. Отложимъ убо дѣла темныя и облечемся въ оружіе свѣта“ (Римл. XIII, 12), красный звонъ возвѣстилъ обнародованіе манифеста въ обѣихъ столицахъ. Въ церквахъ съ амвона читали „благую вѣсть“, и „дни Великаго поста превращались въ дни Свѣтлаго праздника... многіе христосовались“. Въ Петербургѣ у Михайловскаго манежа Государь самъ прочелъ народу манифестъ о волѣ („сегодня лучшій день моей жизни“, сказалъ Государь, дочери своей Маріи Александровнѣ). Когда Государь, возвращаясь съ развода, подъѣзжалъ къ Царицыному лугу, гдѣ происходило народное гуляніе, то, по свидѣтельству современника, „толпа вдругъ заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое „ура“, отъ котораго, казалось, земля затряслась. Никакое перо не въ состояніи описать того восторга, съ которымъ народъ привѣтствовалъ своего Царя-Освободителя“. Недѣлю спустя, около 20 т. крестьянъ и фабричныхъ у Зимняго дворца поднесли хлѣбъ-соль Государю, который встрѣтилъ ихъ словами: „Здравствуйте, дѣти!“ Петербургская городская дума поднесла Государю благодарственный адресъ. 21 Мая, во время пребыванія Государя въ Москвѣ, около 10 т. крестьянъ тоже поднесли хлѣбъ-соль. Особо назначенные генераль-майоры и флигель-адъютанты государевой свиты

съ 7 Марта по 2 Апрѣля разнесли вѣсть о волѣ по всей Россіи (7 Марта манифестъ обнародованъ во Владимирѣ и Рязани. 13-го въ Екатеринославѣ, 19-го въ Архангельскѣ и Херсонѣ. 2 Апр. въ Кишиневѣ), и эта вѣсть въ общемъ была принята спокойно. Крестьяне служили благодарственные молебны, ставили свѣчи за Царя-Освободителя, жертвовали на сооруженіе иконъ, придѣловъ во имя св. Александра Невскаго. Отмѣчено было также сокращеніе употребленія вина въ эти дни.

17 Апрѣля, въ день своего рожденія, Государь учредилъ медаль въ память освобожденія крестьянъ, съ собственнымъ изображеніемъ и надписью на оборотѣ: „Благодарю“ и объявилъ монаршее благоволеніе предсѣдателямъ и членамъ губернскихъ Комитетовъ, выразивъ при этомъ пожеланіе: „да перейдутъ въ потомство имена вѣрныхъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ сподвижниковъ“... Потомство Я. И. Ростовцова было возведено въ наслѣдственное графское достоинство. Главный Комитетъ для устройства сельскаго состоянія просуществовалъ до 1882 г. „Положеніе“ было введено въ Польшу (1864 г., главные дѣятели— Н. А. Милютинъ, Ю. О. Самаринъ и князь В. А. Черкасскій), постепенно распространено на крестьянъ государевыхъ, дворцовыхъ, удѣльныхъ и государственныхъ (1866 г.), а также на „царанъ“ въ Бессарабіи (1867 г.), улучшено положеніе крестьянъ Прибалтійскаго края; крѣпостное право постепенно упразднялось въ губерніяхъ Закавказья.

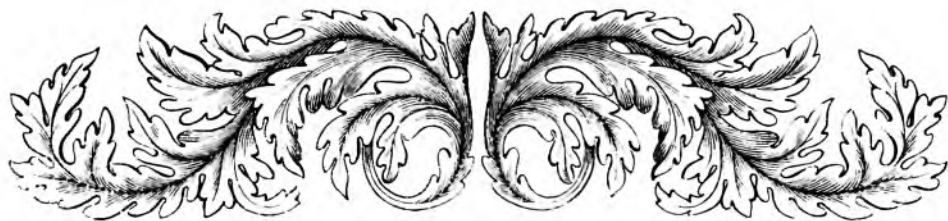
Такъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, „безъ смуты и борьбы, по манію царя и чловѣка“, совершилось освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, продолжавшейся близъ 2¹/₂ вѣковъ. (По 10-й ревизіи 1858—1860 г. въ Россіи на 104 т. помѣщиковъ было около 23 мил. крѣпостныхъ и дворовыхъ крестьянъ).

Появленіе новаго класса населенія, „крестьянъ-собственниковъ“ совершенно видоизмѣнило характеръ землевладѣнія и сельскаго хозяйства въ Россіи. Съ освобожденіемъ крестьянъ въ Русской исторіи начинается новая эпоха, такъ называемая эпоха великихъ реформъ.

Великое, святѣе дѣло совершилось. Никому не знать и не счесть, сколько крестныхъ знаменій положено за Государя милліонами освобожденныхъ людей, сколько теплыхъ молитвъ вознесено къ Богу, сколько горячихъ радостныхъ слезъ оросило Русскую землю. Наименованіе Освободителя въ благодарной памяти народной, связанное съ именемъ Александра II, будетъ навсегда краснорѣчиво-простымъ свидѣтельствомъ того, что прочувствовано Русскимъ сердцемъ“ (изъ адреса Государственнаго Совѣта, 18 Февраля 1880 г.).

А. П. К.

Изъ Записной Книжки графа Дмитрія Николаевича Шереметева.

Марта 5-го (1861 г.) была Божественная Литургія ¹⁾, читанъ былъ Высочайшій манифестъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ; вслѣдъ за сямъ было благодарственное Господу Богу молебствіе, съ чтеніемъ благодарственной молитвы съ колѣнопреклоненіемъ и съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому.

30-го я отправился въ Царское Село, и крестьяне, которые благодарили Государя за оказанную имъ Государемъ милость освобожденіемъ изъ крѣпостной зависимости. При поднесеніи крестьянами Государю вызолоченнаго блюда съ хлѣбомъ-солью, Государь изволилъ имъ сказать: „Мнѣ Богъ помогъ совершить давно предпринятое мною дѣло. и вотъ оно рѣшено. Я думаю и вы довольны; любите помѣщика, у него вамъ было хорошо. Вы поняли все, что сказано мною“. Тоже Государь сказалъ и въ саду собраннымъ крестьянамъ, а мнѣ сказалъ, когда всѣ крестьяне пали на колѣни: „Je crois que cela doit vous faire plaisir!“ ²⁾ и изволилъ дать мнѣ два раза руку. Я поцѣловалъ въ плечо и въ руку, и Государь Императоръ поцѣловалъ меня въ голову.

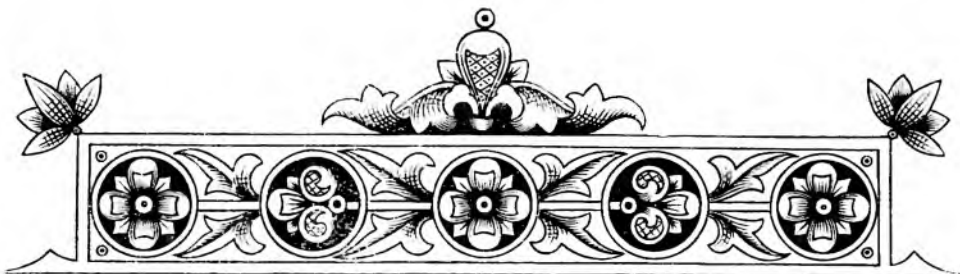
10-го Мая. Было благодарственное молебствіе въ галереѣ ³⁾, въ собраніи всѣхъ крестьянъ въ проявленіе благодарности Государю Императору за освобожденіе отъ крѣпостной зависимости; молебенъ былъ съ колѣнопреклоненіемъ и съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, и по просьбѣ крестьянъ было провозглашено многолѣтіе и мнѣ съ семьею.

(Сообщено грифомъ С. Д. Шереметевымъ).

¹⁾ Въ домової церкви Св. Великомученицы Варвары, что на Фонтанкѣ.

²⁾ Я думаю, что это должно быть вамъ пріятно.

³⁾ Фонтанка, 34.

Пугачевцы въ Пензенскихъ и Тамбовскихъ вотчинахъ.

Среди многочисленныхъ волненій крестьянъ, бывшихъ въ царствованіе Екатерины II-й, ни одинъ періодъ ея правленія не былъ такъ богатъ этими волненіями, какъ время съ 1763 по 1769 г. Причину этого, обыкновенно, находятъ въ появленіи цѣлаго ряда указовъ, изданныхъ правительственною властью, и въ принятіи цѣлаго ряда мѣръ, содѣйствовавшихъ возбужденію волненій, хотя, сами по себѣ, принятія мѣры преслѣдовали совсѣмъ другія цѣли. Одною изъ такихъ мѣръ, послужившихъ, такъ сказать, началомъ всѣхъ послѣдующихъ волненій, безусловно можно считать манифестъ 18-го Февраля 1762 года: Петръ III, какъ извѣстно, ознаменовалъ, свое короткое царствованіе изданіемъ этого манифеста, который освобождалъ дворянъ отъ обязательной службы государству.

Народъ объяснялъ себѣ крѣпостную зависимость отъ господъ тѣмъ, что онъ отданъ государствомъ на служеніе барину, пока баринъ несетъ царскую службу. Разъ служба прекращается, прекращается и его зависимость. Если господинъ не служить Государю, тѣмъ самымъ онъ получаетъ возможность и способъ озаботиться лично о своемъ благосостояніи. На сколько увѣренность въ правотѣ этой идеи была велика, видно изъ того, что, не смотря на то, что не прошло еще и полугода со времени изданія этого манифеста, какъ правительство вынуждено было объявить крестьянамъ, что они по прежнему должны служить помѣщикамъ и быть въ полномъ ихъ повиновеніи. Конечно, едва ли это подтвержденіе могло разувѣрить крестьянъ въ правотѣ ихъ мысли, тѣмъ болѣе, что, находясь, надъ гнетомъ помѣщичьей власти, они ясно видѣли, какъ рядомъ съ ними жили дворцовые и казенные крестьяне. Вспомнимъ еще о ходившемъ въ то время слухѣ, что созывается какая-то коммиссія для составленія новыхъ законовъ при участіи депутатовъ отъ крестьянъ, при которыхъ будутъ рассмотрѣны кресть-

янскія нужды, что несомѣнно заставляло крѣпостныя сердца вѣрить въ наступленіе скорого лучшаго будущаго.

Но время шло. Протекали года, приходили новые слухи: извѣстія радостиѣ одно другого, то-и-дѣло, доносились до населеній господскихъ вотчинъ. Уже шли толки о томъ, что рѣшено окончательно отобрать землю отъ помѣщиковъ, которые отличаются особой жестокостью съ своими крѣпостными, или обременяютъ ихъ невыносимыми оброками, или занимаются продажей людей по ярмаркамъ, въ раздробь, какъ скотъ, отторгая сына отъ отца, дочь отъ матери. Говорилось рѣшительно, что Государыня приказала не требовать съ крестьянъ болѣе одного дня барщины для помѣщика; говорили даже, что совѣмъ отберутъ крестьянъ отъ господъ, однимъ словомъ, скоро наступитъ желанный день, конецъ помѣщичьей власти.

Правда ли, или неправда была во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ, тѣмъ не менѣе они радостно волновали мужицкія сердца; все питало надежду, а время, между тѣмъ, шло, дѣло не подвигалось впередъ, только угнетеніе сильнѣе чувствовалось со стороны помѣщиковъ, что и разрѣшилось потомъ взрывомъ въ 1774 году, пугачевщиной.

Пугачевъ отлично учелъ это настроеніе, или, вѣрнѣе, наученъ былъ въ раскольничьихъ скитахъ, чѣмъ затронулъ самыя чувствительныя струны крѣпостничества, обѣщая однимъ пожаловать древнимъ крестомъ и бороною, другихъ рѣками, морями и землями, а посессионныхъ крестьянъ, какъ обремененныхъ заводскими работами, обѣщаніемъ, что этотъ народъ „яко Израильяне, отъ ига рабства будетъ избавленъ“

31-го Іюля 1774 года, т. е., на другой день по выступленіи изъ Саранска, Пугачевъ издалъ манифестъ гласившій такъ: „Жалуемъ симъ именнымъ указомъ съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣхъ находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподанными рабами собственной нашей коронѣ: награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвой, головами и бородами, вольностью и свободой, не требуя рекрутскихъ наборовъ“... Манифестъ оканчивался такъ: „Кои прежде были дворяне въ своихъ помѣстіяхъ и вотчинахъ, оныхъ противниковъ нашей власти и возмутителей имперіи, и разорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать, и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ вами, крестьянами“.

Несомѣнно, всѣ обстоятельства того времени убѣждали крестьянъ вѣрить и думать, что Пугачевъ дѣйствительно царь, дѣйствительно

императоръ Петръ III и манифестъ его царскій: а если это такъ, то нельзя слушаться его царской воли. Да и какъ было не вѣрить? Припомнимъ его рѣчь, съ которой онъ обратился въ Саратовѣ къ народу, начавъ ее словами: „Я вамъ законный императоръ!“...

А въ манифестѣ ясно была выражена эта воля: „всѣхъ дворянъ, оныхъ возмутителей и разорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать“. Слѣдовательно, кому была охота сдѣлаться ослушникомъ царскаго велѣнія и претерпѣть за это тягчайшія кары?

Вотъ почему крестьяне считали своею обязанностью ловить всѣхъ помѣщиковъ и представлять ихъ на судъ главарямъ разбойничьихъ шаекъ.

Въ самомъ же дѣлѣ, относились ли крѣпостные крестьяне въ эту эпоху съ кровожадностью или съ особой лютостью къ своимъ помѣщикамъ? Намъ, кажется, нѣтъ. Правда, они принимали участіе въ волненіяхъ, сопровождавшихся грабежомъ помѣщичьяго имущества, чтобы лишить ихъ возможности вернуться въ свои гнѣзда, но не въ убійствахъ: развѣ въ наличности оказывалась какая нибудь особенная жестокость барина по отношенію къ крѣпостнымъ, заставлявшая поднять на него руку. Если же указываютъ на великое число погибшихъ въ пугачевщину дворянъ и приказныхъ, то мы не должны забывать, что виновниками въ этомъ, въ подавляющихъ случаяхъ, были Калмыки, казаки и каторжники, выпущенные изъ остроговъ, предводительствовавшіе шайками, но не сами крестьяне.

Это лучше всего можно видѣть въ движеніи пугачевщины, не въ общемъ ея теченіи, какъ обыкновенно трактуется она въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ, а въ томъ, какъ движеніе протекало въ отдѣльныхъ имѣніяхъ и вотчинахъ. То, что происходило въ отдѣльной вотчинѣ или деревнѣ и даетъ въ общемъ ту картину, какъ это движеніе было въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ.

Въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе крайне малаго количества матеріаловъ, которые выясняли бы намъ, чтò происходило въ каждомъ помѣстьи, въ каждой вотчинѣ, большую цѣнность имѣютъ дѣла, въ коихъ потерпѣвшіе помѣщики, описывая подробно разгромъ своихъ вотчинъ, просятъ пособія у правительства о возмѣщеніи понесенныхъ ими убытковъ. Всѣ эти дѣла имѣютъ обыкновенно такой заголовокъ: „о разграбленіи имѣній во время происшедшаго замѣшательства отъ воровскихъ злодѣйскихъ Пугачева шаекъ“. Но нужно сказать, что въ 1774 году уѣзды Темниковскій, Шацкій, Тамбовскій, Верхнеломовскій, Инсарскій и др., находящиеся нынѣ въ губерніяхъ Пензенской и

Тамбовской, принадлежали къ Воронежской и находились въ вѣдѣніи Воронежскаго губернатора. По этому дѣла по поводу разграбленія и требованія пособій сосредоточивались въ Воронежѣ. Вотъ почему архивъ Воронежской Казенной Палаты хранить въ себѣ множество дѣлъ, относящихся къ этому періоду ¹⁾.

Высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ 31 Марта 1775 года, повелѣвалось „учредить въ трехъ губерніяхъ Московскому Дворянскому Банку три экспедиціи. въ томъ числѣ одну въ Нижнемъ-Новгородѣ“. изъ коей и предписывалось „раздавать взаимобразно на вспоможеніе и поправленіе жителямъ Нижегородской и Воронежской губерній, единственно только тѣмъ, которыхъ недвижимыя имѣнія и пожитки граблены и разорены во время и по причинѣ возмущенія въ 1774 году“.

Кромѣ того Правительствующій Сенатъ увѣдомилъ 28 Мая 1775 г. Воронежскаго губернатора генераль-поручика и кавалера Шетнева, что по указу Ея Императорскаго Величества, „Правительствующій Сенатъ приказалъ ему г. губернатору предписать“, чтобы онъ, „какъ наискорѣе по своей губерніи собралъ и сообщилъ вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія о разоренныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ, въ коихъ объявлено было бы, сколько въ вотчинахъ по свѣдѣнію ревизіи мужска пола душъ состоятъ, за кѣмъ послѣднимъ состояло и къ кому пришло въ наслѣдство; также равномерно показать фабрики и заводы, а гдѣ есть у кого и городскіе дворы, кто надъ оными имѣніями смотрѣніе имѣетъ, и о заводахъ и фабрикахъ, что на каждомъ заводѣ по какому денежному обращенію во всякомъ году до Пугачевского разоренія было“.

Къ Воронежскому губернатору стали поступать прошенія, какъ о займѣ денегъ изъ Нижегородскаго банка, такъ и донесенія изъ провинціальныхъ канцелярій о количествѣ разграбленныхъ имѣній съ подробными описаніями: какимъ порядкомъ и какъ происходило расхищеніе и кѣмъ таковое совершалось. Эти донесенія такъ подробны, такъ показанія лицъ въ нихъ живы, что, выбравъ нѣкоторыя изъ нихъ именно изъ дѣлъ провинціальныхъ канцелярій Керенской, Инсарской и другихъ, мы приведемъ для большей ясности подлинныя выписи.

Вотъ, напримѣръ, полковникъ Родіонъ Васильевичъ Кошелевъ ²⁾ доноситъ

„Въ Шацкомъ уѣздѣ, въ Залѣскомъ стану, на р. Воронѣ, имѣется вотчина моя село Петровское-Кошелево тожь, съ дер. Диневою, въ

¹⁾ Перетаны въ архивъ Воронежскаго Губернскаго Музея.

²⁾ Не упомянуть въ родословіи Кошелевыхъ у Руммеля, П. Б.

конхъ записано мужскаго поля 301 душа“. „Въ ней имѣется конскій, скотный и овчарный заводы. для котораго скота немалое строеніе состоитъ, отстоящее отъ вышесказаннаго села верстахъ въ семи: хуторъ. также и пчель до 200 ульевъ, и немалое число разнаго хлѣба“. „Да на р. Воронѣ мельница, имѣющая въ себѣ для дѣланія крупчатки и молотья оржаной муки 8 поставовъ жернововъ, 3 толчен и двѣ сукновалки, да фабрику суконную, состоящую въ 2-хъ станахъ и принадлежащихъ къ тому инструментахъ, на которыхъ ткались сукна для обиходу Московскаго моего дому; и при всемъ томъ по собственной моей экономіи къ тамошнему моему прикащику Ивану Александрову по вся годы въ прибавокъ къ тамошнимъ доходамъ изъ Москвы и другихъ моихъ вотчинъ собираемая оброчныя съ крестьянъ деньги посылались и чрезъ надежныхъ нарочныхъ переводились на покупку въ тамошнихъ мѣстахъ хлѣба, для постановленія водяною комуникаціею въ крѣпость Св. Дмитрія и продажи разнымъ людямъ, о которыхъ моихъ поставкахъ извѣстно и Воронежской губернской канцеляріи; также для покупки на фабрикѣ шерсти и проч. припасовъ и рогатаго скота, что частію извѣстно и Тамбовской провинціальной канцеляріи, о количествѣ отправленныхъ ко мнѣ въ Москву отъ онаго прикащика повсягодно покупаемыхъ означенныхъ припасовъ. на которыя для провозу до Москвы получаемы были отъ той канцеляріи указные билеты“. „А въ прошломъ 1774 году въ Августѣ мѣсяцѣ, наѣхавшею злодѣйскою партіею помянутый прикащикъ Иванъ Александровъ, въ состоящемъ въ томъ селѣ моемъ домѣ, былъ высѣченъ плетями, которые и хотѣли было лишить его жизни, точію онъ бѣгствомъ отъ того освободился. И при томъ въ домѣ моемъ переломали и перебили всякой мебели немалое число. Онаго года въ томъ же Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ въ разныхъ числахъ наѣзжали злодѣйскія партіи въ означенное село въ немаломъ числѣ людей и разорили въ домѣ моемъ все: и покои, въ конхъ печи разломали, окна и двери, и бывшіе въ нихъ комоды, столы, стулья и всякія мебельныя вещи все изрубили, переломали и сожгли посуду безъ остатка“. „Всякія же, бывшія у него прикащика хлѣбныя, денежныя прихода-расходныя книги и на вотчинныя дачи, бывшія въ томъ селѣ, выписи и всякія вотчинныя дѣла и платежныя квитанціи, все пометали въ огонь, а нѣкоторыя изодрали“. „Бывшія при томъ Александровѣ наличныя деньги, собранныя имъ за проданный мною хлѣбъ и пересланныя мною на разныя покупки, разною монетою 3690 рубл. и его прикащиковъ и другихъ дворовыхъ, живущихъ въ томъ селѣ, собственныя деньги и пожитки, что они у себя имѣли, забравъ, увезли съ собой; также и скоть, имѣющіеся на выше-рѣченномъ хуторѣ, забравъ, отогнали. Съ коннаго моего завода стоя-

лыхъ жеребцовъ, заводскихъ кобылицъ и мереновъ домашняго моего заводу и покупныхъ 70 лошадей и рогатаго Калмыцкаго и Черкаскаго скота коровъ и кладеныхъ быковъ отогнали 120: да барановъ и овецъ, побивъ, поѣли и отогнали 269. Состоящую въ томъ селѣ суконную фабрику, имѣющую въ себѣ два стана и къ нимъ принадлежащіе прядильные инструменты, изломали и изрубили, и основу на станахъ основанную и заготовленную впредь для снованія и тканья суконъ шерстяную до 60-ти пудовъ и непряденую до 120-ти пудовъ сожгли совсѣмъ. Также и на вышерѣченной мельницѣ, состоящей при ономъ селѣ на р. Воронѣ, по возмущеніи и приведеніи въ самоволіе и непослушаніе крестьянъ присланнаго Великолуцкаго полку господина маіора Перцова командою наказаны, въ коемъ своеволіи они были болѣе мѣсяца, и отъ несмотрѣнія ихъ плотину разорвало, и мельничныя инструменты изломало, и мельница стояла болѣе 5-ти мѣсяцевъ безъ всякаго дѣйствія“.

„Тѣми же набѣгающими злодѣйскими партіями и при нихъ бывшими лошадьми урожаемаго на той десятинѣ моей пашни овса и разнаго хлѣба потравили и потоптали по 30-ти десятинѣ. А при всемъ томъ, что въ томъ моемъ селѣ злодѣйскими партіями разорено и возмущеніе крестьянъ причинено, увѣдавъ, въ близости живущіе около того моего села Тамбовскаго уѣзда села Уварова, Чуева и Моисеева, однодворцы, ясашные и дворцовые крестьяне, согласясь, изъ имѣющихся въ дачахъ моихъ по р. Воронѣ блюденнаго дубоваго лѣсу множественное число строевыхъ деревъ вырубил и въ дома своя перевезли, которые и привели лѣсъ къ опустошенію“.

„И того же году въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ въ разныхъ числахъ, отъ служителя моего Алексѣя Гурьянова, какъ о разореніи и грабежѣ тѣми злодѣйскими партіями въ вышеписанномъ селѣ моемъ Петровскомъ и въ возмущеніи крестьянъ, такъ и въ порубкѣ означенными обывателями лѣсу въ Тамбовской провинціальной канцеляріи явочныя челобитныя и обрѣтающемуся въ г. Тамбовѣ Великолуцкаго пѣхотнаго полка полковнику Бибикову доношенія поданы. Да въ вотчинѣ моей Борисоглѣбскаго уѣзда, селѣ Петровскомъ-Мерлино тожъ, въ коемъ по показанной третей ревизіи спискамъ мужска пола 48 душъ, кои находятся у меня на оброкѣ и въ тѣхъ же Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ въ разныхъ числахъ злодѣйскими партіями, часто чрезъ оное село проѣзжавшими, отогнано крестьянскихъ рабочихъ лошадей, рогатаго скота и мелкаго немалое число: также на десятинахъ неубраннаго хлѣба бывшими отъ нихъ лошадьми потравили и погоптали, а у нѣкоторыхъ крестьянъ дома и пожитки ихъ разграбили, почему

крестьяне тѣ пришли въ разореніе. почему я положеннаго на нихъ оброку, какъ за прошлый, такъ и за нынѣшній 1775 годъ, получить не могу“.

„Также въ Керенскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ моей въ селахъ Никольскомъ, Камаевѣ и деревнѣ Ольшанкѣ, въ коихъ по даннымъ по ревизіи спискамъ за покойной теткой моею, покойнаго оберъ-гофмаршала и кавалера Дмитрія Андреевича Шепелева, женою вдовою Дарьскою Пвановною написано мужска пола 982 души. въ прошломъ въ 1774 году въ Іюнь, Іюль и Августъ мѣсяцахъ. злодѣйскія партіи часто проѣзжали чрезъ означенныя села и хать не грабили, а только крестьянъ привели въ возмущеніе и велѣли бывшаго тамъ прикащика Теофана Карпова съ женою содержать подъ карауломъ впредь для повѣшенія, обѣщавъ имъ за то, якобы будутъ они за государемъ: по которому тѣхъ злодѣевъ обѣщанію, крестьяне прикащика сковавъ, содержали его подъ карауломъ, о чемъ Керенская воеводская канцелярія извѣстна: ибо реченый прикащикъ, спасая жизнь свою, бывшаго тогда воеводскаго товарища, который нынѣ воеводою, Ивана Афиногеновича Паренаго, просилъ о взятіи его въ городъ изъ подъ караула, по коей его просьбѣ изъ города Керенска, для взятія его въ городъ, присланъ былъ сержантъ, почему крестьяне съ тѣмъ сержантомъ его Карпова отпустили. гдѣ онъ и находился до Октября мѣсяца. И отъ того Іюня мѣсяца даже до Октября крестьяне были въ своеволіи и непослушаніи, отчего они, какъ господской, такъ и свой хлѣбъ не убирали, чѣмъ и пришли въ крайнее разореніе. а я лишился урожайнаго въ томъ году хлѣба и принужденъ выдавать для пропитанія ихъ на покупку хлѣба деньги, да и впредь до урожая принужденъ тожь дѣлать, чѣмъ причинены мнѣ немалые убытки“.

„И всѣмъ вышеписаннымъ грабежемъ и разломаніемъ въ Шацкой моей вотчинѣ дому, фабрики, мельницы, отгонѣ скота, потоптаніемъ на десятинахъ какъ въ оной, такъ и въ Борисоглѣбской вотчинѣ хлѣба и возмущеніемъ крестьянъ, причинили мнѣ, людямъ и крестьянамъ моимъ крайнее разореніе; словомъ сказать, всѣми вотчинами обладавъ, во всякихъ работахъ, въ уборкѣ урожаяемаго хлѣба, а паче посѣва въ нынѣшнемъ году ржи учинили великое помѣшательство и упущеніе времени и до того довели, что собственную мою десятинную пашню и немалое число крестьянской земли засѣвали въ самую глубокую осень, такъ что, отъ наступившей стужи, во многихъ мѣстахъ даже и всходовъ не оказалось. слѣдовательно въ настоящемъ лѣтѣ и урожаю ожидать не можно, какъ нынѣ я всю зиму крестьянъ моихъ хлѣбомъ кормилъ и впредь неминуемо до урожая кормить долженъ. И такъ до-

нынѣ сей бывшій неисчислимый убытокъ приведетъ мои вотчины въ самое истощеніе, а впредъ на поправленіе дому моему, фабрики, мельницы и на возстановленіе дома моего, моей экономіи, и на поправленіе крестьянъ и на покупку для пропитанія ихъ хлѣба потребна немалая сумма; да и по Высочайшему Ея Императорскому Величеству матернему о всѣхъ таковыхъ претерпѣвшихъ отъ тѣхъ злодѣевъ убытки сожалѣнію, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, для поправленія таковыхъ соизволила указать снабдить заимообразно немалую суммою и для раздачи учредить въ разныхъ губерніяхъ государственныя банки, въ коихъ потерпѣвшія вотчины разорены, владѣльцамъ для полученія въ займъ повелѣно явиться со свидѣтельствами господъ губернаторовъ, у коихъ такіе владѣльцы тѣми деревнями въ вѣдѣніи состоятъ. И по той самой причинѣ на сей случай прошу ваше превосходительство сіе мое прошеніе принять и о всемъ вышеписанномъ, что столь вотчины мои претерпѣли разореніе и что въ нихъ подлинно то число душъ крестьянъ на лицѣ есть, въ силу состоявшагося сего 1775 года 31 дня Марта высочайшаго Ея Императорскаго Величества указу къ полученію изъ Нижегородскаго банка по числу душъ заимообразно суммы для объявленія въ сей банкъ дать мнѣ надлежащее свидѣтельство и отдать оное повѣренному моему, служителю моему Ивану Лебедеву⁶.

Посланный изъ Борисоглѣбска для производства дознанія подпоручикъ Вагилевъ прибавляетъ:

„Въ подтвержденіе вышезложеннаго въ Петровскомъ-Мерлино тожъ, помимо указанныхъ разграбленій имѣлось озеро еще заорное съ саженой рыбой, да на р. Тволжанкѣ два запора съ такой же рыбой, кои хранились до зимняго времени; но рыба вся изъ тѣхъ запоровъ злодѣями выпущена, которой по примѣру продажи въ 1772, въ 1773 годахъ было на 172 рубля⁶.“

Вслѣдъ за этимъ, жена генераль-маіора князя Алексѣя Никитича Волконскаго, княгиня Маргарита Родіоновна пишетъ:

„Въ Керенскомъ уѣздѣ, въ Подлѣскомъ стану, на р. Хопрѣ, вотчина моя село Перевѣсно-Трехсвятительское тожъ. Въ ней, по минувшей ревизіи, за покойною теткой моею, покойнаго оберъ-гофмаршала и кавалера Дмитрія Андреевича Шепелева женою вдовою Дарьей Ивановной написано мужска пола 38 душъ, да изъ Можайскихъ мужа моего деревень послѣ ревизіи переведено 148 дворовъ, а всего 528 душъ. Въ ней имѣла я конскій, скотный, овчарный и пчелиный заводы и немалое число десятинной пашни намолоченаго хлѣба и при всемъ томъ

по собственной моей экономіи и тамошнему моему прикащику Петру Типякову по всягодно въ прибавокъ къ тамошнимъ доходамъ изъ Москвы и другихъ моихъ вотчинъ собираемья съ крестьянъ оброчныя деньги посылала и чрезъ надежныхъ персонъ переводила немалое число на покупку въ тамошнихъ мѣстахъ для провоза въ Москву рыбы, рогатаго скота и лошадей. что частію извѣстно и Керенской заводской канцеляріи о количествѣ отправляемой ко мнѣ отъ него Типякова по всягодно покупной шерсти, на которую для провозу до Москвы получаемы были отъ оной канцеляріи указные билеты“.

Керенской воеводской канцеляріи посланный для разслѣдованія оберъ-офицеръ поручикъ Болотовъ донесъ, что въ вотчинѣ госпожи генеральши Маргреты Родіоновой княгини Волконской, жены генераль-маіора Алексѣя Никитича Волконскаго, въ селѣ Перевѣсинѣ-Трехсвятительское тожъ, на р. Хопрѣ, произошло слѣдующее.

Въ 1774 году, пріѣхавшими злодѣйскими партіями въ рѣченную вотчину прикащикъ Петръ Типяковъ съ женою Авдотьей Пвановой, да земскій Семень Червышевъ изъ дому госпожи увезены въ вотчину Государственной Коллегіи Экономіи село Вертуновку, гдѣ оными злодѣями и повѣшены. Да въ бытность въ той вотчинѣ злодѣйскими партіями убиты дворовый человекъ Иванъ Степановъ, да крестьянинъ Козьма Ѳедоровъ. Во время того возмутительнаго времени и пріѣзда показанныхъ злодѣевъ всѣ письма и платежныя квитанціи тѣми злодѣями пометаны въ огонь, а прочія изодраны. А по пересѣченіи того минувшаго бунта и замѣшательства, по прибытіи въ вотчину Сибирскаго карабинернаго полка маіора Колычева, за оный бунтъ оказавшіеся къ тому по важности участія крестьяне Еремей Алексѣевъ повѣшенъ, да Степанъ Константиновъ казненъ и тѣла коихъ положены были на колесо, а болѣе оныхъ другихъ еще таковой смертью казнено не было.

Пріѣзжавшими въ тоѣ вотчину злодѣйскими партіями въ домъ госпожи покои разорили и сняли верхи; а внутри печи поломали, окна, двери и въ нихъ комоды, и столы, и стулья, и зеркала изрубили. Да разграбленъ въ томъ господскомъ домѣ ларецъ упомянутаго крестьянина Типякова съ наличными госпожи его деньгами, а также собираемья за проданный хлѣбъ и пересланныя ему на разныя покупки золотою и серебряною монетою денегъ 3000 рубл.; да у показаннаго прикащика Типякова разграблено пожитковъ да денегъ, коихъ у него было довольно количество, забравъ, увезли съ собою на 1250 рубл.“

Наиболѣе яркую картину этой удивительной эпохи общей разрухи и разоренія представляетъ челобитная вдовы статскаго совѣтника Дубенскаго, поданная ею чрезъ ея человѣка Тимофѣя Брызгалова.

„Явившеюся партіей домъ мой со все́мъ имуществомъ разграбленъ. но о семъ разграбленіи я была не вѣдома. Я съ семействомъ находилась въ Москвѣ, а какъ въ домъ свой пріѣхала, поразсмотрѣла и увидѣла: кладовая моя-то вся разбита, въ которой состояли сундуки, какъ съ серебряной, такъ и со всякой посудой, мѣдной, оловяной, фарфоровой и хрустальной, также съ платьемъ и бѣльемъ пограблены комоды, и зеркала краснаго дерева все́ перебиты и переломаны, чему прилагаю реестръ. Серебра, чайниковъ, подносовъ, полоскательныхъ чашекъ, ложекъ и старинныхъ кружекъ съ позолотою, вѣсомъ 2 пуда 12 фунтовъ на 1840 рубл.; мѣдной посуды кастрюлей, котловъ, горшковъ, чайниковъ, чашекъ, 35 пудовъ на 350 рубл.; оловянной всякой посуды 15 пуд. на 150 рубл.; фарфоровой и хрустальной посуды на 120 рубл.; платья бальныя и всякіе приборы, какъ-то: кружева, ленты на 1540 р.; мебель краснаго дерева, орѣховой столовой, комодовъ и зеркалъ перебито и переломано на 340 рубл. Два жеребца стоялыхъ 300 рубл., а одинъ въ 250 рубл. и другихъ“.

Перечисливъ за тѣмъ прочее имущество, подвергшееся разгрому, Тимофѣй Брызгаловъ доноситъ:

„А Сентября 10-го дня, по пріѣздѣ въ село Воловое злодѣевъ, живущая въ домѣ госпожи моей вдова умершаго прикащика Трофима Антонова Агаея объявила, что было 12 человѣкъ. Изъ той злодѣйской толпы воровъ не знаетъ откуда были три человѣка, а девять человѣкъ были Керенскаго уѣзда, близъ состоящей госпожи моей вотчины села Невѣшкина ясашные крестьяне Василій Романовъ, Илья Хрусталева и др. съ товарищи, которые, какъ и злодѣи, были съ однимъ тесакомъ, тремя рогатинами и съ разными дреколями и, войдя въ домъ госпожи моей, изъ оконъ стекла повышибали, а равно изрубилъ сундуки и побрали и поклади въ роспуски. Изъ оныхъ злодѣевъ на жеребцахъ два человѣка верхами поѣхали, а пожитки повезли въ то село Невѣшкино въ дома свои; той госпожи моей вотчины взяли оставшуюся ѣхавшимъ и боявшимся той злодѣйской толпы отставнымъ маіоромъ Алексѣемъ Ивановичемъ Баженовымъ за усталю лошадь, мерина темносѣраго. И я просилъ послать въ село Невѣшкино за означенными злодѣями ясашными крестьянами кого надлежитъ изъ пограбленныхъ пожитковъ взять и провезть въ Керенскую воеводскую канцелярію, гдѣ учинить съ ними злодѣями по силѣ указовъ, а пожитки отдать мнѣ для отдачѣ госпожѣ моей въ село Архангельское Князь-

Ларионово тожь. А въ числѣ тѣхъ пожитковъ: кофта зеленая и такой же капоть—15 руб.; кофта къ камзолу красная: три чепца женскихъ разныхъ матерій. а одинъ съ серебряной сѣткой 2 р. 50 коп.; двѣ рубахи съ манжетами. у одной кисейныя. другая батистовая: шапка круглая малиновая. кисти шелковыя 1 р. 20 коп., и хоть грабители въ Керенской воеводской канцеляріи были сысканы и сказывали, что они якобы при грабежѣ сказанной злодѣйской толпы находились понятими. однако тѣмъ злодѣямъ помогали, за что изъ тѣхъ пожитковъ нѣкоторое число себѣ взяли. а есауломъ былъ Ѳедька Малаховъ“.

Крестьяне, растаскивая цѣнныя вещи, какъ серебряную, вызолоченую посуду вѣсомъ въ 2 пуда 12 фунтовъ, увозя жеребцовъ, по тогдашнему времени, высокой цѣны, какъ 250 рубл. лошадь, не брезговали и такими вещами, какъ кружевыя ленты, бальныя платья, шелковыя кисточки, женскіе чепцы съ сѣтками, т. е. вещи, которыя не представляли въ глазахъ ихъ стоимости. Но въ этомъ видится явное желаніе разорить помѣщичьи дома „безъ остатка“, лишить возможности владѣльцевъ не только возобновить, но и вернуться въ ихъ насиженныя мѣста, полагая, въ простотѣ души, что, неимѣніе средствъ у господъ возобновить все по старому заставитъ правительство отписать ихъ отъ помѣщиковъ въ казенныя крестьяне.

Эта главнѣйшая цѣль ихъ выясняется особенно изъ доношенія тайнаго совѣтника Государственной Вотчины Коллегіи президента и кавалера Лунина.

„Увѣдомляю, пишетъ онъ, что сего 1774 года Августа 20 дня въ Шацкомъ уѣздѣ, въ деревняхъ моихъ: селѣ Никольскомъ, Инжавино тожь и Кругломъ, въ Земляной и Маломъ-Лопатинѣ во многолюдствѣ партіи пріѣзжали злодѣя Пугачева, въ коихъ партіяхъ находились однодворцы и прочихъ сосѣднихъ селъ и деревень крестьяне на домъ помѣщичій, такъ что все, чтѣ въ немъ какихъ пожитковъ ни было, и суконную фабрику, и состоящій въ ономъ селѣ съ деревнями во жеребцахъ, кобылахъ и меренахъ немалой суммы коннаго завода разграбили и разорили и чтѣ съ собой какія пожитки взять не могли, то били и изломали, равно какъ прикащиковы пожитки и деньги: также у нѣкоторыхъ крестьянъ того села деньги пограбили“.

„Прикащикъ же Иванъ Ильинъ жизнь свою спасъ изъ тѣхъ деревень бѣгствомъ, а отецъ его бурмистръ Илья Даниловъ, правящій всѣми тѣми деревнями, злодѣями повѣшенъ: и многихъ конюховъ силою въ свою злодѣйскую партію побрала, и оставшіеся крестьяне безъ управленія пришли въ возмущеніе и непослушаніе и распутную жизнь“.

Повѣренный же Лунина, служитель его, крестьянинъ Михаилъ Буховцевъ добавляетъ.

„1774 года въ Августѣ мѣсяцѣ въ бытность въ томъ селѣ Инжавинѣ злодѣйской Пугачева партіи, причинено господину его крайнее разореніе, а крестьяне его пришли отъ того въ возмущеніе и непослушаніе и содержали прикащика за карауломъ, а бурмистра Илью Данилова въ желѣзахъ и передали его злодѣйской партіи, который отъ злодѣевъ и повѣшенъ. Я просилъ въ показанное село о посылкѣ команды для приведенія крестьянъ въ повиновеніе и для наказанія плетми, и по учиненіи резолюціи въ оное село Инжавино для изслѣдованія былъ посланъ поручикъ Ѳедотъ Мосякинъ съ командою, которымъ присланнымъ въ здѣшнюю канцелярію съ приложеніемъ оныхъ крестьянъ допросовъ рапортомъ представилъ, что въ томъ селѣ крестьяне слѣдованы, и оказались главными зачинщиками староста Степанъ Андреевъ, крестьяне Василій Куракинъ, Тимофѣй Смолинъ, Аванасъ Ефремовъ, Емельянъ Лукьяновъ, и изъ нихъ староста бѣжалъ, а прочіе содержатся подъ карауломъ, и требовалъ, что повелѣно будетъ чинить въ резолюцію?“

„А допросомъ оныя крестьяне показали въ 1774 году. Въ минувшемъ Августѣ мѣсяцѣ, а какого именно числа показать не знаютъ, что пришли отъ Пугачева злодѣйской партіи, что она въ окружныхъ селеніяхъ разъѣздъ имѣла и чинила всякія убійства и разоренія, домамъ и всякимъ пожиткамъ грабленіе, почему, по приказу его, старосты Степана Андреева, былъ собранъ сходъ, на коемъ они находились, и разсуждали на ономъ, что тѣ злодѣи по пріѣздѣ въ жительство требуютъ дворянъ, прикащиковъ, старостъ, и они, убоясь по тому слуху тѣхъ злодѣевъ, по повелѣнію онаго старосты Степана Андреева, согласились своего бурмистра Илью Данилова не для преданія и повѣшенія въ руки злодѣямъ предать, а для того, что ему въ господскомъ домѣ все было приказано и отъ разныхъ хороминъ ключи у себя имѣлъ, о которыхъ-де онъ тѣмъ злодѣямъ могъ соответствовать, коего и содержали подъ карауломъ одинъ день, а по задержаніи означеннаго бурмистра имѣли они, какъ и прочіе господина крестьяне, кромѣ отлучки нѣкоторыхъ въ сіе время въ Москвѣ, совѣщаніе“.

„Все были согласны, и въ тотъ же день наѣхалъ въ село съ командою маіоръ Колычевъ и изъ подъ караула показаннаго бурмистра освободить приказалъ, а потомъ вскорѣ пріѣхала въ ихъ селеніе въ множественномъ числѣ злодѣйская партія, которая была вся вооружена и ружьями и дротиками и, поймавъ означеннаго бурмистра Илью Данилова, въ селѣ били его немилостиво: а потомъ паки наѣхала черезъ

три дня вторая Пугачевская шайка числомъ человекъ ста въ двухъ или болѣе и того бурмистра взяли въ домѣ господскомъ, повѣсили. И по учиненіи резолюціи поручику Мосягину посланъ указъ и повелѣно тѣхъ крестьянъ по волѣ господина наказать плетми и чтобы они были въ должномъ послушаніи къ скрѣпленію подтвержденія подписками⁶.

Между тѣмъ, влѣдствіе безпорядковъ и необсѣмененія полей въ Пензенской и Тамбовской губ., наступилъ голодъ. Дороговизна хлѣба достигла до цѣны небывалой. Современники утверждаютъ, что цѣна на рожь доходила отъ 10 до 14 рублей за четверть. Помѣщики оставались безъ хлѣба, и взять его было не откуда, такъ какъ подвозъ шелъ исключительно съ Юга. Какой хлѣбъ и былъ высѣянъ, и тотъ влѣдствіе наступившихъ внезапно холодовъ не могъ взойти, а между тѣмъ крестьяне потребовали хлѣба на прокормленіе. Такой же баснословной цѣны достигъ овесъ и ячмень, такъ что скотъ также голодалъ, ибо кромѣ сѣна въ запасахъ по экономіямъ ничего не было. Нужда въ деньгахъ достигла крайняя, что и побудило Лунина обратиться къ Воронежскому губернатору Шетневу съ письмомъ объ ускореніи дѣла.

Лунина обратился и къ усмирителю края графу Петру Ивановичу Панину. Изъ отвѣтнаго письма Шетнева къ графу Панину видно, что просьба Лунина была удовлетворена послѣ ряда затрудненій.

Но если съ затрудненіями удалось Лунину добыть кредитъ по 40 рубл. на душу, то въ какомъ же положеніи должны были находиться мелкіе помѣщики при добываніи средствъ, при той страшной дороговизнѣ, для прокормленія крестьянъ? Положеніе вотчинниковъ было прямо бѣдственное...

На первый взглядъ не можетъ не казаться страннымъ, почему призжавшіе въ вотчины бунтовщики въ такомъ маломъ количествѣ (человекъ пять или даже въ числѣ трехъ), вооруженные дротиками, палашами, т. е. самымъ первобытнымъ оружіемъ, могли приводить въ паническій ужасъ чуть не все населеніе. Крестьяне не препятствуютъ имъ являться, не принимаютъ мѣръ самообороны, не защищаютъ добро ни свое, ни барское, а безпрекословно подчиняются всемъ ихъ распоряженіямъ и безпрекословно исполняютъ все приказанія. Только наиболѣе стойкими являются бурмистры, прикащики и прочія лица, которымъ ввѣрена охрана барскаго имущества, которые и погибаютъ или истязуются на глазахъ всѣхъ присутствующихъ, при полной безучастности къ ихъ положенію. Въ этомъ отношеніи цѣнны показанія свидѣтелей при допросахъ, производившихся въ судахъ провинціаль-

ныхъ канцелярій, изъ которыхъ видится, что сами крестьяне въ большинствѣ случаевъ приглашали заправить Пугачевскихъ шаегъ прибыть въ ихъ поселенія. Въ дѣлѣ о возмущеніи крестьянъ въ Тамбовскомъ уѣздѣ поручика Егора Сатина есть любопытныя подробности по этому поводу. Вотъ какъ доноситъ Сатинъ: „Въ деревнѣ Вязовкѣ, его же Сатина крестьянинъ Анкиндинъ Зимнинъ между прочимъ показалъ, что 1774 года Августа 22-го дня прѣзжали въ Вязовку невѣдомые люди, называвшіеся казаками, пять человекъ, да крестьяне деревни Вязовки помѣщика Митрофана Сатина со старосты со крестьянскими и прикащика Досѣкина били плетми и вѣли тѣ казаки его повѣсить, котораго они и повѣсили на воротахъ; а въ домѣ господскомъ названными казаками и помѣщиковъ Егора и Митрофана Сатиныхъ крестьяне пожитки и посуду серебряную, оловяную и мѣдную, платье и что только ни было побрали и, запрягну лошадей и положивъ тѣ пожитки, поѣхали въ с. Уварово къ однодворцу Ивану Дикину на хуторъ. почему однодворецъ Дикинъ винился, что въ деревню Аѳанасьевку злодѣями вообще съ крестьянами помѣщиковъ Сатиныхъ и иныхъ хуторовъ, незнаемые чьи пожитки въ сундукахъ и безъ сундуковъ привезены были, но отъ него увезены незнаемо куда. Помѣщика Сатина крестьянинъ Ѳедоръ Губинъ и села Русавца бывший во время замѣшательства у злодѣевъ въ подводчикахъ Мартынъ Копыловъ и Степанъ Тыртовъ между прочимъ показали, что бывшіе въ ономъ селѣ злодѣи, называемые казаками, въ числѣ шести человекъ, были въ селѣ Ржавцѣ и поѣхали въ село Вязовку, и съ ними по наряду десятскаго они были въ подводчикахъ. А въ селѣ Вязовкѣ показанные злодѣи, вѣхавъ въ домъ помѣщика Сатина, поймали прикащика Ефима Никитина, били и, отдавъ подѣ караулъ, сами вошедъ въ хоромы, пожитки грабили и, вынося изъ хоромъ, клали на собственыя подводы, а нѣкоторые давали ему Сатина крестьянину, а сколько и какихъ пожитковъ пограбили, не знаетъ; и въ тотъ день, потребовавъ отъ того же помѣщика Сатина крестьянскія подводы, незнамо куда уѣхали. А также Губинъ показалъ, что бывшими злодѣйскими людьми всему злодѣйству и грабежу господскихъ пожитковъ были онаго же Сатина крестьяне и иные злодѣи, присоединясь, во всемъ имъ повиновались и во первыхъ, связавши прикащика, ходили въ домъ господскій, а оттуда пришли въ множественномъ числѣ и онаго Сатина крестьянъ стали спрашивать о господскихъ пожиткахъ, гдѣ онѣ зарыты въ землѣ, и они сказали, гдѣ онѣ зарыты и до мѣста довели и которыя пожитки вырыты и на воза покладены, чему и подводы съ проводниками отъ оныхъ крестьянъ даны были, и съ ними поѣхали въ деревню Аѳанасьевку, въ домъ Аѳанасія Сатина; а сколько у него пожитковъ и по какой цѣнѣ пограблено, не знаютъ“.

Состоящій подъ слѣдствіемъ села Уварова однодворецъ Степанъ Дикинъ показалъ, что во время замѣшательства злодѣи изъ деревни Аѳанасьевки пріѣзжали къ нему на хуторъ и взяли его Дикина въ деревню Коробьино, а по пріѣздѣ въ оную деревню вѣхали въ помѣщика Коробьина крестьянскій дворъ и оставили его, Дикина, на томъ дворѣ у лошадей, а сами пошли въ господскій Коробьина домъ и были тамъ часа съ два и что въ ономъ дѣлали, не видали, а только они, называемые казаки, изъ того господскаго дома Дикина привезли съ собою, наваливъ въ томъ же домѣ на телегу, запряженую мериномъ бурымъ, двѣ кадшки меду: казаки и онъ, Дикинъ, сѣвши на лошадей, поѣхали въ деревню Мордышевку и по пріѣздѣ вѣхали прямо на господскій дворъ помѣщика Мордышева, но его, Мордышева, въ домѣ не застали, а застали прикащика и били его плетми и, взявъ съ него денегъ, въ одномъ мѣшкѣ мѣдныхъ, по видимому рублевъ съ десять, и прикащикъ злодѣямъ ни въ чемъ не признался, но за злодѣями послѣдовалъ. Пріѣзжавшіе же въ ту деревню злодѣйской шайки шесть человекъ, кои прикащика били плетми и въ домѣ господскомъ пожитки грабили. Той деревни староста со крестьяны поимки погони не чинили. И по малости той злодѣйской шайки, а по множеству въ той деревнѣ крестьянъ, почему поимку не чинили, за то оному старостѣ со крестьяны, яко послѣдователямъ, учинено наказаніе плетми.

Староста Андрей Болдинъ и братъ его Никита показали, что они въ бывшемъ замѣшательствѣ, согласясь съ прочими для позыва въ то село злодѣевъ нарочнаго посылали, куда ѣздили и Андрей Болдинъ, почему злодѣи въ то село и пріѣхали и какъ самъ Болдинъ, такъ и однодворцы Демьянъ Степановъ съ товарищи показали, что злодѣи по всеѣмъ домамъ господскимъ ходили, пожитки грабили и сколько чего пограбили, того не знаютъ.

Нигдѣ не видно, чтобы помѣщики и ихъ довѣренныя, какъ-то бурмистры, прикащики, старосты были убиваемы своими крестьянами. Все эти убійства совершались, какъ видно изъ допросовъ, казаками, каторжниками изъ остроговъ, вообще всеѣмъ тѣмъ сбродомъ, который не принадлежалъ не только къ мѣстному населенію, а поживлялся на счетъ другихъ безразлично, гдѣ бы ни пришлось пожитьяся. Мѣстное крестьянство старалось только о грабежахъ, т. е., о нанесеніи матеріальныхъ убытковъ владѣльцамъ, чтобы лишить ихъ возможности вернуться обратно въ свои помѣстья, чтобы имѣть чрезъ то возможность быть приписанными къ разряду государственныхъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи не щадились даже вотчины такихъ владѣльцевъ, которыхъ не было уже въ живыхъ, а помѣстья принадлежали мало-

лѣтнимъ сиротамъ, находившимся въ опеку или ближайшихъ родственниковъ, или опекаемымъ правительственною властію. Такъ Воронежскому губернатору Шетневу писано изъ Сената: „Что касается сиротъ, оставшихся послѣ несчастнаго по минувшему бунту приключенія въ невозрастномъ состояніи, то доставить свѣдѣнія, хорошаго ли состоянія тѣ люди, которые сиротъ имѣютъ въ призрѣніи. Можно ли имъ поручить принять деньги, поелику высочайшая Ея Императорскаго Величества милость и на сихъ бѣдныхъ сиротъ простирается и ни на что постороннее кромѣ поправленія сиротскихъ деревень употреблены быть не могли: буде же на нынѣшнихъ ихъ опекуновъ положиться не можно, то стараться вообще съ господиномъ благородныхъ дворянъ предводителемъ найти надежнаго и способнаго опекуна, или изъ постороннихъ таковыхъ, кто принялъ бы на себя великодушное призрѣніе сиротъ и поправленіе ихъ деревень упросить, ибо они непремѣнно за сіе получать не отъ самихъ сиротъ по возрастѣ ихъ благодареніе, но высочайшей апробаціи удостоиться могутъ, и кто таковое порученіе приметъ, то взять отъ таковыхъ обязательство“.

Что отвѣчали „благородныхъ дворянъ предводители“, въ дѣлахъ не видно. Имѣется только одинъ отвѣтъ Инсарскаго предводителя дворянства, капитана артиллеріи Машкова. Онъ писалъ:

„Многія имѣнія дворянъ находятся безъ призрѣнія, а изъ живущихъ въ уѣздѣ дворянъ въ опекуны ко онымъ сиротамъ опредѣлить и удостоить некого, потому что все находятся въ отлучкахъ по разоренію своему по другимъ деревнямъ. Состоитъ только на лицѣ подполковникъ Семень Тѣнишевъ, который имѣетъ здоровье слабое и частые припадки, почему ту комиссію принять на себя не желаетъ; а прапорщикъ князь Еникеевъ отъ роду имѣетъ 20-ть лѣтъ, почему по молодости лѣтъ сиротскаго имѣнія ему препоручить весьма ненадеженъ“.

Надо думать, что отвѣты и другихъ предводителей дворянства были въ этомъ же родѣ. Да и что было отвѣчать лучшаго, когда въ челѣ помѣстныхъ дворянъ находились лица, которыя, прикрываясь Пугачевскими шайками, сами грабили помѣстья своихъ же дворянъ-сосѣдей, какъ видно изъ дѣла секундъ-маіора Левашена?

„1774 г., Августа 4 дня, пріѣхала въ Керенской у. въ с. Никольское Макарово тожь (гдѣ я имѣю собственныхъ своихъ крестьянъ) подъ именемъ извѣстнаго злодѣя и государственнаго бунтовщика Пугачева партія, въ которой былъ бунтовщикомъ и грабителемъ Нижне-Дамовскаго уѣзда, села Уварова, отставной прапорщикъ Николай Никитинъ сынъ Чевкинъ, который, пришелъ въ домъ мой, у оставшихся крестьянъ выпрашивалъ: „что-де гдѣ вашъ господинъ?“ На что отъ оныхъ

было отвѣтствовано, что уѣхалъ въ другую деревню, при чемъ оный прапорщикъ Чевкинъ приговаривалъ, что если бы онъ меня засталъ, то сталъ бы меня мучить мучительно и жилы изъ меня тянуть. Однако за тѣмъ, оная злодѣйская партія имѣющіеся въ домъ моемъ всякіе пожитки разграбила и сверхъ сего еще, нашедъ въ домъ моемъ сундучекъ со всякими крѣпостями и платежными подушными и рекрутскими квитанціями, безъ остатку передрала, а также на землю онаго села Макарова выписъ и крѣпости передрали и крестьянъ моихъ всякіе пожитки грабили, а чему пограблено, тому реестръ: три жеребца, масла коровьяго 2 пуда, куръ Индѣйскихъ и Русскихъ и гусей съѣдено на 6 руб., сѣна 40 возовъ и т. д.“

При такомъ составѣ дворянства, гдѣ было, дѣйствительно, искать хорошихъ опекуновъ?...

Вообще растерянность помѣстнаго дворянства была ужасающая: все брошено, все расплзлось въ разныя стороны, и единственнымъ свѣтлымъ лучемъ, среди грозныхъ тучъ, робко свѣтитъ подвигъ маіора артиллеріи Николая Степановича Буженинова, Темниковскаго уѣзда. Его повѣренный слуга Никифоръ Фадѣевъ доноситъ:

„Сего 1774 года. Сентября 3-го дня, господинъ мой, при нынѣшней отъ вступленія въ Шацкую провинцію извѣстнаго государственнаго злодѣя и измѣнника Пугачева разбойническихъ партій опасности, прибылъ для защищенія Шацкой провинціи съ людьми своими и находился неотлучно и отдалъ одного изъ людей своихъ въ учрежденную къ поимкѣ злодѣевъ въ отправленную партію Сергѣя Фадѣева, гдѣ оный и нынѣ еще находится. Сверхъ же того, самопроизвольно реченный господинъ мой по усердію своему, войдя въ осмотрѣніе находящихся въ оной Шацкой провинціи пушекъ, которыя отъ давняго неупотребленія лафетами и прочими къ тому принадлежностями совѣмъ были опущены, и за тѣмъ пять пушекъ во всемъ исправилъ и деревянную работу своими еще мастеровыми людьми сдѣлалъ къ оборонѣ города Шацка способными, къ чему приложилъ неусыпное стараніе: при томъ еще господинъ мой, употребилъ и на нужды по малоимѣнію въ Шацкой провинціи казеннаго пороха нѣсколько и своего собственнаго, и по указу Его Императорскаго Величества изъ той Шацкой провинціальной канцеляріи въ ономъ господину моему данъ аттестатъ, который предъявляю и прошу доношеніе и списокъ аттестата куда надлежитъ представить“. Подлинный аттестатъ подписали: Полковникъ Данило Ловатинъ, надворный совѣтникъ князь Никита Мещерскій, секретарь Федоръ Лукинъ, регистраторъ Егоръ Паренаго.

А. Шишкинъ.

ФИНАЛЬ ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА 1830—1831 ГОДОВЪ.

„Что изъ всего этого выдетъ? спрашивали другъ друга благомыслящіе Поляки. И въ отвѣтъ раздавалось: „А вотъ что: теперь революція и изгнаніе Русскихъ изъ Варшавы, а затѣмъ будетъ война съ Россіей, исходъ которой каждый изъ насъ можетъ заранѣе предвидѣть. Въ концѣ же концовъ насъ ожидаетъ утрата нашихъ свободъ“¹⁾.

Но еще раньше, въ 1818 году, графъ Остерманъ, на одномъ изъ смотровъ въ Варшавѣ, на вопросъ Паскевича, по поводу того, что тогда дѣлалось въ Варшавѣ и „что изъ того будетъ?“ отвѣчалъ: „А вотъ что будетъ. Черезъ десять лѣтъ ты со своею дивизіей будешь Варшаву штурмомъ брать“²⁾.

Такъ и случилось. . . .

Вступивъ, затѣмъ, по усмиреніи мятежа, въ Варшаву, князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій первымъ дѣломъ, далъ такое предложеніе военному губернатору Варшавы, графу Витту (отъ 14 Сентября 1831 г. за № 148)³⁾: „Предлагаю вашему сіятельству, по мѣрѣ способовъ и обстоятельствъ, привести въ исполненіе слѣдующіе пункты: 1-ое, укрѣпленія Варшавы срыть жителями, по непремѣнному наряду; 2-ое, приказать отыскать въ Варшавѣ всѣ Польскіе знамена и штандарты бывшей Польской арміи, равно шпагу или шарфъ Костюшки и представить все сіе ко мнѣ; 3-е, пушки, взятія въ Варнѣ въ 1828 году и государемъ императоромъ дарованныя, приказать собрать изъ церквей и забрать всѣ Турецкія знамена, и все сіе перевезть посредствомъ порожнихъ транспортовъ, идущихъ обратно, въ Брестъ; 4-ое, отыскать и прислать ко мнѣ всѣ мундиры покойнаго государя императора, равно всѣ вещи собственно ему принадлежащія; 5-ое, школу піористовъ, подъ предлогомъ постройки цитадели, приказать закрыть и монаховъ сего ордена имѣть подъ присмотромъ самымъ строгимъ“.

¹⁾ Wspomnienia generała Klemensa Kolaczkowskiego. Księga IV (ob 29 Listopada do końca Lipca 1831 r.) W Krakowie, 1901, str. 7.

²⁾ Кн. Щербатовъ. Генер.-фельдмаршалъ Паскевичъ, т. I, стр. 330.

³⁾ Дѣло № 16 (372). 1831 г., по гражданскому отдѣленію управленія Варшавскаго военнаго губернатора (по описи канцеляріи наместника Ц. П. № 524). „Объ отпривленіи въ Москву королевскаго трона и знаменъ Польскихъ войскъ“. Начато 14 Сентября 1831 г., окончено 13 Февраля 1832 г., на 78 листахъ.

Графъ Виттъ, въ тотъ же день (т. е. 14 Сентября), предложилъ Варшавскому коменданту, ген. маіору, барону Корфу принять соотвѣтствующія мѣры къ исполненію приказанія кн. Паскевича. При этомъ рекомендовалось розыски знаменъ, штандартовъ и прочаго произвести въ присутствіи двухъ чиновниковъ, по назначенію президента г. Варшавы, плацъ-маіора и плацъ-адъютанта. „Само собою разумѣется, прибавлялъ графъ Виттъ, въ предложеніи за № 73, что сіе должно быть приведено въ исполненіе съ должнымъ благоговѣніемъ къ святости церквей“.

Одновременно съ этимъ, графомъ Виттомъ было предписано президенту Варшавы наряжать ежедневно, съ 16 числа (Сентября) не менѣе 500 человекъ Варшавскихъ обывателей для срытія Варшавскихъ укрѣпленій.

Розыскъ знаменъ и другихъ военныхъ реликвій Польской арміи велся плацъ-маіоромъ Стахѣевымъ (впослѣдствіи командовавшимъ 7-мъ кавалерійскимъ округомъ Новороссійскаго военного поселенія). Въ Варшавскомъ арсеналѣ было найдено 18 штандартовъ Польскихъ кавалерійскихъ полковъ (8—конно-егерскихъ, 2-й конной гвардіи и 8—уланскихъ), 28 знаменъ Польскихъ пѣхотныхъ полковъ (8—егерскихъ, 1—баталіона саперовъ, 1 (изорванное)—гвардейскихъ гренадеровъ и 18—пѣхотныхъ), 2 знамени короля Саксонскаго, 1—2-го пѣхотнаго Крюковецкаго полка (Герцогства Варшавскаго (1811 г.), 2 Французскихъ штандарта, знамя, данное Наполеономъ Польской шляхтѣ, знамя, данное Французскою республикою 7-му баталліону 1-го Польскаго легіона знамя, данное тою же республикою баталліону Польской артиллеріи, знамя повстанцевъ Краковскаго и Сандомирскаго воеводства и, наконецъ, восемь квартирмистерскихъ знаковъ Польскихъ гвардейскихъ гренадеръ. Въ кафедральномъ соборѣ св. Яна было найдено Турецкое знамя, взятое Яномъ Собѣскимъ подъ Вѣною. Это знамя, однакоже, было оставлено въ соборѣ, также какъ и другое Турецкое знамя и три бунчука, присланные изъ Варны.

Найденные знамена и штандарты, а также флаги королевскаго замка, мундиры императора Александра I и всѣ вещи, принадлежавшія къ собственному кабинету этого государя, были, въ концѣ того же Сентября, отправлены въ Петербургъ съ фельдъегеремъ Линдстремомъ, въ пяти тюкахъ.

Въ Москву были отправлены, „ковчегъ съ покойницей конституціей“¹⁾ какъ выразился императоръ Николай. Туда же, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, были отправлены два королевскихъ трона и четыре флага королевскаго замка. Транспортъ съ тронами состоялъ изъ одиннадцати ящиковъ разной величины, нагруженныхъ на семи подводахъ, принадлежавшихъ Варшавскому купцу Федуду Ковалеву. Охрана транспорта была поручена Черниговскаго конно-егерскаго полка поручику Ладыгину и жандармамъ, сдавшимъ эти предметы 15 Января 1832 года въ Оружейную Палату.

Шпаги или шарфа Костюшки не было найдено²⁾. Турецкія пушки (во-

¹⁾ Кн. Щербатовъ, т. IV, стр. 188.

²⁾ У Корзона (Kosciuszko. Biografia z dokumentow wysnuta, przez Tadeusza Korzона. Kraków—Warszawa, 1906, стр. 501 і 545) имѣются указанія, что Костюшко, уми-

семь), пожалованныя императоромъ Николаемъ Варшавѣ, были отправлены въ Брестъ-Литовскъ, а оттуда въ Петербургъ. *)

Въ дѣлахъ управления Варшавскаго военнаго губернатора находимъ еще слѣдующую переписку. Въ Январѣ 1832 года высочайше повелѣно было, чтобы знамена и ключи Турецкихъ крѣпостей, кои въ продолженіи кампаніи 1828 и 1829 годовъ препровождены въ Варшаву и хранились въ Россійской военной церкви, были отправлены въ Петербургъ". По этому поводу новый Варшавскій комендантъ, ген.-маіоръ Пенхержевскій, въ рапортѣ на имя графа Витта, отъ 23 того же Января за № 561, сообщалъ, что онъ обращался къ смотрителю Королевскаго замка и Лазенокъ съ вопросомъ о томъ, „гдѣ дѣвались знамена и ключи Турецкихъ крѣпостей, хранившіеся въ Россійской военной церкви“, и въ отвѣтъ на это получилъ отъ „Коммиссіи, имѣвшей надзоръ за казенными строеніями“, увѣдомленіе, что „по силѣ предписанія революціоннаго правленія отъ 5 Сентября прошлаго (т. е. 1831) года, взяты были презумомъ коммиссіи Циховскимъ изъ Россійской церкви два желѣзные ключа города Адрианополя и крѣпости Силистріи, а также одинъ бунчукъ и 16 знаменъ Турецкихъ, отъ коихъ древки остались и охраняются въ замкѣ“.

Изъ дальнѣйшаго разслѣдованія этого дѣла оказалось, что всѣ эти трофеи „Циховскій передалъ, подъ росписку, бывшему прежде членомъ Муниципальнаго Совѣта, а потомъ оберъ-секретаремъ революціоннаго правительства, Плихтѣ, который теперь находится за границей“.

Сообщилъ Н. Г. Попруженко.

рая († 15 Окт. 1817 г.), просилъ вложить съ нимъ въ гробъ и шпагу (szabło). Тамъ же говорится о саблѣ, принадлежавшей Яну Собѣскому. Осыпанная драгоцѣнными камнями, она была прислана въ Лоретто изъ подѣ Вѣны (z pod Wiednia), вмѣстѣ съ большимъ Турецкимъ знаменемъ. Это знамя находилось потомъ въ главной квартирѣ Польскихъ легіоновъ, а сабля была поднесена Польскими офицерами Костюшкоу. Последній завѣщалъ возвратить ее Польскому народу, какъ воспоминаніе о Янѣ Собѣскомъ.

*) Въ статьѣ Н. К. Шильдера: „Императоръ Николай I-ый и восточный вопросъ“. („Русская Старина“ 1901 г., Январь) упоминается о 12 орудіяхъ, взятыхъ въ 1828 году подѣ Варною и пожалованныхъ Николаемъ Павловичемъ Варшавѣ. Государь предполагалъ изъ этихъ орудій воздвигнуть въ Варшавѣ памятникъ Польскому королю Владиславу. „достойный героя и въ честь Россійскихъ войскъ, отмѣтившихъ побѣдою за. его паденіе“ (подѣ тою же Варною). „Да сблизятся Поляки и Русскіе все болѣе другъ съ другомъ. Вотъ въ чемъ цѣль всѣхъ желаній и стремленій моего разума“, писалъ, между прочимъ, Государь цесаревичу Константину Павловичу при пожалованіи Варшавѣ этихъ орудій. Здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что Польская армія, по желанію цесаревича, не принимала участія въ походѣ 1828 года. Князь Щербатовъ (Ген.-фельдмаршалъ Паскевичъ, т. IV, стр. 188) тоже упоминаетъ о 12 орудіяхъ и, говоря о дальнѣйшей судьбѣ ихъ (послѣ мятежа), сообщаетъ, что „Государь Императоръ указалъ соизволить, дабы оныя впродъ и навсегда сохранялись при гвардейскомъ корпусѣ яко при старѣйшемъ изъ Всероссійскихъ войскъ, занявъ мѣсто между трофеями, поставленными въ Преображенскомъ соборѣ“.

ГЕНЕРАЛЬ А. А. ІЕДЛИНСКІЙ ¹⁾.

Въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка Іедлинскій былъ на Кавказскихъ водахъ, *курсоваль*,—какъ принято называть на Кавказѣ пребываніе на водахъ, поэтично описаннаго еще Лермонтовымъ, Елисаветинскаго источника. Іедлинскій былъ уже генераломъ, и по странной модѣ, весьма на Кавказѣ распространенной даже въ недавнее еще время ²⁾, былъ одѣтъ въ невообразимо грязную и рваную черкеску, само собой разумѣется безъ эполетъ, совершенно неопредѣленнаго цвѣта, но конечно, газыри на черкескѣ, а особенно оружіе, на немъ были верхомъ щегольства и богатства. На скамейку, на коей возсѣдалъ Іедлинскій подсѣло очень высокопоставленное лицо изъ Петербурга д. тайный совѣтникъ М. Буквально весь Кавказъ зналъ Іедлинскаго, и потому все, проходившіе мимо него офицеры, юнкера, составлявшіе главный контингентъ тогдашней курсовой публики, почтительно отдавали ему честь, на что Іедлинскій обращалъ совѣмъ мало вниманія и лишь изрѣдка въ отвѣтъ подымалъ два пальца къ своей папахѣ. На М., конечно, не смотря на его Олимпійскую вышность, никто вниманія не обращалъ. Онъ сидѣлъ, сидѣлъ и наконецъ не вытерпѣлъ и обратился къ Іедлинскому съ вопросомъ: отчего это вамъ такъ усиленно все честь отдають? А это? спросилъ Іедлинскій.—Да на васъ совѣмъ не видать отличій, присвоенныхъ лицамъ, занимающимъ высокое положеніе въ военной іерархіи.—А вы, вѣрно, изъ Россіи? спросилъ въ свою очередь Іедлинскій.—Да.—О не мудрено, что вы удивляетесь-о-то у васъ въ Россіи генераловъ привыкли по ногамъ узнавать-о-то; у насъ же на Кавказѣ ихъ по головамъ знаютъ, заключилъ Іедлинскій, показывая на свою бѣлую папаху, каковыя въ то время были присвоены генераламъ на Кавказѣ. Послѣ Крымской войны у насъ, какъ извѣстно, чтобы не отстать отъ побѣдителей-Французовъ дали войскамъ Кэпи: а генераламъ красныя шаровары.

Однажды „погибельный Кавказъ“ посетилъ весьма высокопоставленное лицо. Обычный трактъ слѣдованія такихъ особъ лежалъ какъ разъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ стоялъ полкъ, коимъ въ то время командовалъ Іедлинскій. Злой языкъ его (хотя и говорится, что острый языкъ

¹⁾ Записано со словъ стараго Кавказца Кисловодскаго старожила (участника осады аула Салты въ 1847 году), оставшаго полковника Д. О. Аглинцева, скончавшагося въ Кисловодскѣ въ глубокой старости въ концѣ прошлаго 1910 года.

²⁾ Я лично знавалъ въ 80-хъ годахъ свитскаго генерала князя В., который свои новыя черкески отдавалъ носить своему казаку-драбанту и надѣвалъ ихъ на себя лишь тогда, когда они дѣлались чуть ли не рубищемъ. Въ 90-хъ годахъ продѣлывать это, же Кубанецъ полковникъ князь М. А. Д.-К. Но зато что за шапки у нихъ были! У перваго цѣной въ нѣсколько тысячъ рублей.

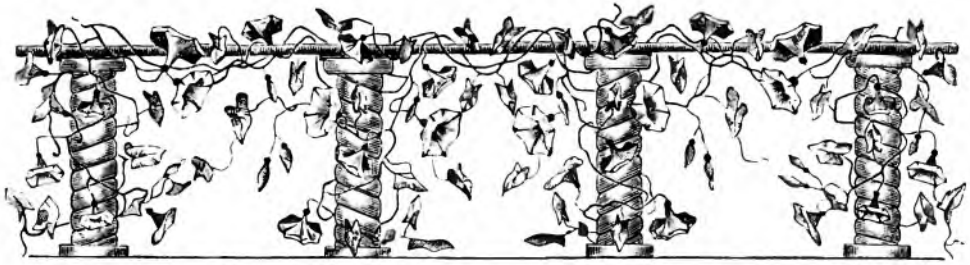
дарованіе, а длинный—наказаніе) всетаки Едлинскаго тутъ и наказаль. Пріятели его, (а мало ли ихъ испытало на своей персонѣ остроту языка его?) составляль маршрутъ пути слѣдованія для проѣзжающей особы, и полкъ Едлинскаго былъ обойденъ. Узнавъ такую немплость, Едлинскій поскакаль въ штабъ; тамъ ему авторитетно (на-то и штабъ) сообщили, что, по точнымъ свѣдѣніямъ, въ семь штабъ имѣющимся, большая партія абрековъ собирается учинить нападеніе на отрядъ Едлинскаго, и по этому болѣе чѣмъ очевидно, что подвергать опасности высокое лицо, по меньшей мѣрѣ, неудобно. Пропѣли (сказать прямо) какъ соловьи и радовались, что напакостили Едлинскому. Онъ все это выслушалъ хладнокровно. Зналъ онъ отлично, что никакой партіи нѣтъ, „on viendra moudre à notre moulin“, сказалъ онъ на прощаньи и отъѣхаль къ полку. Между тѣмъ время шло, ожидаемая особа пріѣхала и слѣдовала, такъ сказать, со всѣми онѣрами по назначенному штабомъ пути. Но лишь только она приблизилась къ тому мѣсту, недалеко отъ коего, всего верстахъ въ 10, стояль полкъ Едлинскаго, вдругъ со стороны расположенія послѣдняго, загорѣлась жаркая перестрѣлка, сопровождаемая усиленнымъ пушечнымъ гуломъ, однимъ словомъ бой во всей формѣ. Особа встревожилась, поскакали офицеры узнавать, въ чемъ дѣло. Едлинскій доносиль, что громадная партія абрековъ учинила неожиданное нападеніе на вѣренннй ему отрядъ, но блистательно отбита, и ходатайствовалъ о награжденіи отличившихся въ его полку.

Потребовали самаго Едлинскаго; онъ явился. Штабъ поинтересовался узнать, откуда такъ неожиданно появилась въ такомъ мѣстѣ и такая большая партія абрековъ? На это Едлинскій преехидно отвѣтилъ: „О-то-это та самая партія, которая, по точнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ въ штабъ, воспренятствовала слѣдованію особы по району, занимаемому вѣреннымъ мнѣ полкомъ“. Штабные языки прикусили, крѣико про себя выругались, а награды за дѣло вышли, что и требовалось доказать.

Однажды, во времена князя А. И. Барятинскаго, Едлинскій былъ командированъ куда-то на Кубань. Какъ и полагається, всякое положенное по закону на командировку путевое довольствіе, какъ то прогонныя, суточные, подъемныя, онъ получилъ и тутъ же въ Тифлисѣ ихъ и оставилъ. Едлинскій кое-какъ выѣхаль по Военно-Грузинской дорогѣ, по добравшись до перевала, тамъ и застряль. Командировка была срочная. Въ Тифлисѣ вскорѣ узнали о пребываніи Едлинскаго на перевалѣ, и сейчасъ же поскакаль фельдегерь узнать, отчего онъ не ѣдетъ дальше? Отвѣтъ былъ таковъ: я получилъ на командировку лишь подъемныя, я и поднялся на горы: а чтобы спуститься съ горъ, мнѣ необходимы спускныя. Дали... (Конечно не спускныя, а вторыя подъемныя).

Безсмертный.

Февраль 1911 г. Арзамаскій уѣздъ.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ А. С. СТУРДЗЫ.¹⁾

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Находясь, по воли и милости Божіей, въ совершенномъ присутствіи духа и въ здоровомъ состояніи умственныхъ моихъ способностей, я, нижеподписавшійся, вмѣняю себя въ долгъ, яко рабъ Господень и приставникъ вѣранныхъ мнѣ десницею Его земныхъ благъ, на случай полунощного пришествія Жениха души моей, т. е. смерти нечаянной и скоропостижной, нынѣ же учинить духовное завѣщаніе, которое своеручно излагаю, скрѣпивъ подписью моею и упрошенныхъ мною свидѣтелей.

1-е) Заповѣдую супругѣ, дочери и зятю моему блюсти себя отъ соблазновъ міра и хранить въ сердцахъ своихъ даръ Христовъ въ залогъ вѣчнаго спасенія—Святую Православную Вѣру, являемую въ людяхъ любви, смиренія и покаянія. Въ теченіи года послѣ исхода моего заповѣдаю имъ и прошу не упускать ни единого изъ установленныхъ Церковью поминовеній, молитвъ и священдѣйствій по убогой и грѣшной душѣ моей. Тако Господь нашъ имъ душевно и тѣлесно да поможетъ! Поручаю въ особенности дочери моей Маріи и чадамъ ея неписи присно о поминовеніи по временамъ прежде почившихъ рабъ Христовыхъ, прародителей и родителей нашихъ, братій моихъ и сестеръ и сродниковъ, наставниковъ и благодѣтелей и друзей, по прилагаемому у сего именному списку²⁾, не забывая при томъ и подаванія милостыни за преставшихся, таковыми бо жертвами благоуханія умилостивительной жертвы крестной Икупителя нашего Иисуса Христа разливаются повсюду, соединя Церковь воинствующую съ Церковію торжествующею—на небесахъ.

2-е) Все мое имущество движимое и недвижимое, родовое и благопріобрѣтенное, какое окажется въ наличности послѣ смерти моей, отказываю и завѣщаваю родной дочери моей Маріи Александровнѣ, по мужу княгинѣ Гагаринной, съ тѣмъ, чтобы она исполнила все подобающее за упокой души моей, уплатила долги мои и такъ же все написанное мною въ сей духовной неук-

¹⁾ Точная копія этого завѣщанія сообщена намъ внукомъ А. С. Стурдзы, докторомъ *Владимиромъ Николаевичемъ Бильскимъ* (женатымъ на внучкѣ Стурдзы *Маріи Евгеніевнѣ*, рожденной княжнѣ *Гагаринной*), за что приносимъ ему нашу сердечную благодарность. *Левъ Мацневичъ*.

²⁾ Этого списка у насъ не имѣется. П. В.

льно выполнила. да почиють на ней и дѣтяхъ ея благословеніе мое и матернее купно съ благословеніями прародителей нашихъ. Аминь!

3-іе) Имущество мое состоитъ въ слѣдующемъ. Шесть тысячъ десятинъ земли незаселенной въ Тамбовской губерніи, въ уѣздахъ Тамбовскомъ и Усманскомъ, приносящее годового чистаго дохода восемь тысячъ пять сотъ рублей: помѣстье Окны, Херсонской губерніи въ Ананьевскомъ уѣздѣ лежащее, которое уже дано мною дочери моей въ приданое при вступленіи ея въ супружество; домъ въ Одессѣ на Екатерининской улицѣ, подаренный мною въ 1828 году женѣ моей Елисаветѣ Федоровой, урожденной Гувеландъ, ее же прошу домъ сей по смерти оставить въ собственность нашей дочери; хуторъ на городской землѣ Одесской въ 60 десятинъ, съ домами и садами на немъ¹⁾; Бессарабской области въ Хотинскомъ уѣздѣ вотчины Каплевка и Дарабаны, приносящія въ годъ дохода двѣ тысячи рублей серебромъ; наконецъ, доставшія мнѣ въ наслѣдство послѣ смерти родной сестры моей графини Роксандры Скарлатовны Эдлингъ, урожденной Стурдзы, имѣнія: Манзырь, Бессарабской области въ Бендерскомъ уѣздѣ, состоящее изъ шестнадцати тысячъ десятинъ земли, да кромѣ сего прикупленный мною смежный съ Манзыремъ участокъ въ три тысячи десятинъ подъ названіемъ Уреса, сверхъ имѣнія Манзырь; наслѣдованные мною отъ сестры моей графини Эдлингъ въ Одессѣ два каменные дома смежные между собою, одинъ угловой одноэтажный, другой рядомъ съ нимъ 3-хъ этажный съ флигелемъ и службами, въ коемъ помѣщается Новороссійская Гостинница. На вышеизложенномъ имуществѣ сестры моей при кончинѣ ея лежало долговъ казенныхъ и частныхъ не менѣе ста тридцати пяти тысячъ рублей серебромъ. Съ Божіею помощію весь этотъ долгъ я уплатилъ, а изъ доходовъ Манзыря кромѣ того, по обѣту и послѣдней волѣ усопшей рабы Роксандры, выстроена мною при ея могилѣ кладбищная Воскресенская церковь, вѣреннаѣ, по распоряженію Св. Синода, попечительству моему и моихъ наслѣдниковъ²⁾. Въ настоящее время, по обстоятельствамъ и нуждамъ Манзырской экономіи, вновь нажилъ я долговъ до 35000 рублей серебромъ.

4-ое) Все вышеизчисленное имущество мое родовое и благопріобрѣтенное по смерти моей завѣщаю моей единственной дочери и наслѣдницѣ съ исходящимъ отъ нея потомствомъ, но съ слѣдующими токмо ограниченіями.

¹⁾ Этотъ хуторъ А. С. Стурдза называлъ „Пріютъ“ Это было его любимое жилище.

²⁾ Церковь эта освящена 4-го Августа 1846 года тогдашнимъ архіепископомъ Херсонскимъ *Гаврииломъ Романовымъ*. Освященіе это, а равно и устройство самой Церкви, описаны А. С. Стурдзою въ изданномъ имъ, въ память сестры своей Роксандры, сборникѣ, подъ заглавіемъ: „День памяти графини Роксандры Скарлатовны Эдлингъ, урожденной Стурдзы“, Одесса 1848 г. Въ этомъ сборникѣ помѣщены и рисунокъ церкви. При этой церкви нашли себѣ послѣ вѣчное упокоеніе и самъ А. С. Стурдза, и жена его, и дочь его, приснопамятная княгиня *Марія Александровна Гагарина*, и мужъ ея князь *Евгеній Григорьевичъ Гагаринъ* и скончавшіяся дѣти ихъ (князь *Григорій Евгеневичъ Гагаринъ Стурдза*, князь *Юрій Евгеневичъ Гагаринъ*) и внуки ихъ. Церковь эта вблизи Одессы, на такъ называемомъ *Среднемъ Фонтанѣ*. Л. М.

А.) Тамбовскія земли мои, домъ нами занимаемый въ Одессѣ и хуторъ остаются во владѣніи и распоряженіи жены моей на пожизненномъ правѣ. Заповѣдую дочери нашей и зятю и дѣтямъ ихъ, въ чемъ бы то ни было, не стѣснять права жены моей на пожизненное владѣніе вышеозначеннымъ имуществомъ, не требовать у нея въ доходахъ отчета или вмѣшиваться прямо или косвенно въ ея дѣла, права и пожизненныя распоряженія; напротивъ, подтверждаю имъ Именемъ, еже есть паче всякаго имене, благоговѣть предъ матерью, помогать ей во всемъ и отъ всей души повиноваться благимъ ея совѣтамъ. Тако Господь душевно и тѣлесно имъ да поможетъ! В.) Поелику я, по волѣ Божіей, наслѣдствовалъ все движимое и недвижимое имущество родной сестры моей графини Роксандры Скарлатовны, по мужу Эдлингъ, послѣ ея смерти, приключившейся въ Одессѣ 16 Января 1844 года: то я, благоговѣя къ желанію возлюбленной сестры моей, которая во всю жизнь была мнѣ опорой и нѣжнѣйшею матерью, употребилъ всѣ старанія, дабы изъ благопріобрѣтеннаго и благоустроеннаго покойницею имѣнія, мѣстечка Манзырь, составить заповѣдное имѣніе или маіоратъ на законномъ основаніи. Учрежденіе сіе состоялось, по силѣ Высочайшаго Его Императорскаго Величества указа Правительствующему Сенату, 1848 года Марта въ 31-й день, съ коего при настоящемъ завѣщаніи моемъ прилагается копія. Заповѣдное имѣніе Манзырь передаю дочери и зятю моему, съ тѣмъ, чтобы оно перешло къ старшему ихъ сыну, а моему внуку князю Григорію Евгеньевичу Гагарину-Стурдзѣ и его потомству, по точной силѣ учредительнаго указа. Остальное же имущество сестры да будетъ безусловною собственностію вышереченной дочери моей Маріи, на равнѣ съ отцовскимъ моимъ состояніемъ.

5-е) Принимая въ соображеніе, что указомъ 31 Марта 1848 года внуку моему князю Григорію Гагарину-Стурдзѣ предоставлено право вступить во владѣніе маіоратомъ по достиженіи имъ законнаго совершеннолѣтія, не всегда ручающагося въ зрѣломъ благоразуміи хозяина, заповѣдую внуку моему Григорію не вступать въ завѣдываніе и управленіе маіоратомъ до тѣхъ поръ, пока не удостоится онъ принять на то соизволеніе родителей. Надѣюсь на внука моего крѣпко, что онъ завѣтъ мой свято сохранитъ и исполнитъ. Тако Господь нашъ Іисусъ Христосъ душевно и тѣлесно ему да поможетъ, а дочери моей и зятю моему отечески совѣтую не передавать внуку моему Григорію Манзырскаго имѣнія въ распоряженіе его ранѣе двадцатипятилѣтняго возраста.

6-е) Жена моя Елисавета Стурдза, урожденная Гуфеландъ *), привнесла въ домъ нашъ приданаго разновременно и отцовскаго наслѣдства всего восемнадцать тысячъ талеровъ Прусскихъ. Изъ этой суммы 30000 рублей ассигнаціями заимообразно даны были ею сестрѣ моей графинѣ Эдлингъ, 15000 рубл. ассигнаціями также заимообразно даны дочери нашей. Затѣмъ недостающее количество денегъ, исчисливъ всю сумму по курсу монеть, есть долгъ на имѣніи моемъ лежащій, и буде жена моя изъ сей родовой собственности часть или

*) Дочь знаменитаго врача. П. Б.

же цѣлое пожелаетъ завѣщать родственникамъ своимъ, въ Германіи проживающимъ, то дочь и зять мой обязаны сіе распоряженіе матери свято исполнить.

7-е) Ежели я при жизни моей не успѣю исполнить на самомъ дѣлѣ слѣдующія распоряженія, то заповѣдую дочери и зятю моему нижеизложенную волю мою привести немедленно въ исполненіе. Одесской Богодѣльницѣ Сердобольныхъ Сестеръ, мною предначертанной и основанной, завѣщаю я пять тысячъ рублей серебромъ съ тѣмъ, чтобы эти деньги употреблены были Комитетомъ безостановочно на покупку недвижимости, приносящей вѣрный доходъ въ самомъ городѣ Одессѣ. Сверхъ сего заповѣдую наследникамъ моимъ въ память сестры моей графини Эдлингъ содержать изъ доходовъ Манзырскаго маіората двухъ воспитанницъ сиротъ, одну духовнаго званія въ Одесскомъ Михайловскомъ женскомъ монастырѣ, а другую сироту изъ податного состоянія въ Одесскомъ Домѣ Призрѣнія Сиротъ вѣдомства Женскаго Благотворительнаго Общества. Равнымъ образомъ назначаю въ одновременную награду камердинеру моему Пантелею Васильковану пять сотъ рублей, буде онъ останется до самой смерти моей.

8-е) Я желаю, чтобы моя бібліотека, изъ 3000 томовъ приблизительно состоящая и Греко-Латинскими книгами богатая, притодилась со временемъ внукамъ моимъ. Но ежели, по направленію и духу нынѣшняго вѣка, они въ классической писменности древней останутся мало свѣдущими: то, дабы сіи сокровища древней словесности, исторіи и богословія не пребывали вѣчно подъ спудомъ, не принося никому пользы, приказываю я древнихъ классиковъ, а въ особенности богослововъ, изданія отобрать отдать въ Молдавію Ясской Сокольской Духовной Семинаріи, моими стараніями преобразованной ¹⁾; а если ея не будетъ, то Херсонской и Кишиневской Духовнымъ Семинаріямъ, сколько возможно будетъ по ровной части ²⁾.

9-е) Сочиненія мои на разныхъ языкахъ, начатія и оставшіяся въ рукописи, завѣщаю дочери моей Маріи и дѣтямъ ея, какъ памятникъ умственного бытія моего въ сей юдоли плача. Изъ нихъ тѣ, коихъ содержаніе духовно и назидательно, въ особенности *Ευχεριστικόν* или „Ручную книгу Православнаго Христіанина“, а также „Письма о должностяхъ священнаго сана“, поручаю дочери моей и зятю моему издать снова при содѣйствіи просвѣщенной духовной особы; твореніе же юности моей, *Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Église Orthodoxe* не иначе перепечатать, какъ съ примѣчаніями

¹⁾ Ясская Духовная Семинарія (въ Молдавіи) называлась *Сокольскою* потому, что она была основана въ *Сокольскомъ монастырѣ*, въ предмѣстьи г. Яссы. А. С. Стурдза, при жизни своей, очень интересовался этою семинаріей и много помогалъ ей матеріально и морально. См. объ этомъ въ книгѣ архіепа. *Дрепсія Стадницкаго*: „Исследования и монографіи по исторіи Молдавской церкви“ СПб., 1904 г., стр. 409—414-я. Л. М.

²⁾ Большая часть драгоценной бібліотеки Стурдзы передана дочерью его въ Одесскую (прежде называлась *Херсонскою*) Дух. Семинарію и составляетъ ея украшеніе, на равнѣ съ бібліотекою знаменитаго архіепа. Херсонскаго *Николая Борисова*. Л. М.

и дополненіями опытнаго богослова ¹⁾; и наконецъ рукопись. Отрывокъ изъ исторіи XIX столѣтія издать въ свѣтъ, когда время усыпить личныя противъ автора предубѣжденія.

Прошу дочь мою, по колику обстоятельства ей позволять, заботиться объ истинномъ благѣ крестныхъ чадъ моихъ, и тѣмъ загладить вину моихъ прижизненныхъ упущеній въ отношеніи къ нимъ. Они суть: Павелъ Кленда, Дмитрій Манесси, Николай Калигари, Марія Палеологъ, Ксенія и Варвара Павловскія и младшая Елена, дочери общаго нашего друга и духовнаго отца ²⁾. Александръ Судцо, Леонидъ Хорватъ и Евгенія Ганъ. Кромѣ сихъ именъ есть у меня крестникъ Александръ Марокниъ, котораго, за 40-лѣтнюю службу отца его родителямъ моимъ, сестрѣ моей и мнѣ, въ особенности дочери моей поручаю, въ чемъ я совершенно полагаюсь на ея вѣру, любовь къ родителямъ и уваженіе ихъ духовнаго родства. Находящемуся при мнѣ секретаремъ Дмитрію Каратиносу, если онъ пробудетъ при мнѣ до самой смерти моей, прошу дочь мою оказать возможное по обстоятельствамъ денежное пособіе, дабы онъ могъ удобнѣе предпринять что-нибудь иное въ жизни. Осиротѣвшихъ и состоящихъ теперь у меня подъ опекою трехъ сестеръ Марію, Елисавету и Елену я не имѣю надобности настоятельно ввѣрять материнскому попеченію о нихъ дочери моей, покровительству втораго ихъ опекуна, зятя моего князя Евгенія Григорьевича Гагарина: ибо дочь моя одну изъ нихъ Елисавету приняла къ себѣ и воспитала съ малолѣтства какъ свою дочь ³⁾, слѣдовательно она и безъ моего напоминанія пенсись о сиротахъ сихъ не перестанетъ.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будетъ, дѣти мои, со всѣми вами присно въ жизни и смерти! Аминь.

Написано и подписано мною въ Одессѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1852-ое, Октября въ 8-й день. Тайный совѣтникъ и кавалеръ Александръ Скарлатовъ сынъ Стурдзы ⁴⁾.

¹⁾ Объ этомъ *твореніи кноти* А. С. Стурдзы мы дадимъ особую замѣтку, при чемъ сообщимъ и *замышленія* къ этому сочиненію, сдѣланныя въ свое время Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Л. М.

²⁾ То есть, извѣстнаго Одесскаго протоіеря *Михаила Карповича Павловскаго*. Л. М.

³⁾ Эта *Елисавета Іоанн*ъ выдана была замужъ за учителя дѣтей дочери Стурдзы Грека *Куржумиса*, въ Юлѣ 1854 г., и уѣхала вмѣстѣ съ нимъ на Юническіе острова.

⁴⁾ Послѣ составленія этого духовнаго завѣщанія А. С. Стурдза прожилъ еще около 2-хъ лѣтъ: онъ скончался 13-го Юня 1854 г. Л. М.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

1863-й годъ.

Нервое Января 1863 г. И еще годъ миновать, и годъ знаменательный. Жизнь кипѣла со всею силою могущественной массы. Демократическое начало подошло къ берегамъ. Его нарушенія (и не при одномъ Аспромонтѣ) проходятъ безнаказанно или наказываются для вида, въ видахъ и подъ видомъ милости и милосердія. Подъ вліяніемъ страха отъ усиленія пролетаріата и павперизма, монархическое начало стало пекать ображеній порядка въ учрежденіяхъ общественныхъ, поручая имъ, подъ условіемъ имущественнаго ценза, самоуправленіе. Отъ мѣстнаго управленія до сосредоточенія его въ общемъ представительствѣ одинъ шагъ. Отъ представительства до столкновения съ правительствомъ—другой. Третій шагъ будетъ поглощеніе правительства и проявленіе болѣе и болѣе республиканскаго порядка. Подкапываемыя въ своемъ авторитетѣ, правительства ищутъ опоры въ силѣ, въ военной силѣ, а чтобы установить, содержать и привязать ее, нужны деньги, а деньги дать представительство. Бюджеты растутъ и отъ займовъ, и отъ налоговъ. Бюджеты военные чрезвычайно несоразмѣрны. Эта виѣшняя опора подмываетъ монархію въ основаніи ихъ.

Лондонская выставка представила свѣту торжество человѣческаго искусства, которое, какъ и наука, предались промышленности, устремились исключительно къ цѣлямъ положительнымъ. Изъ искусствъ, парца искусствъ поэзія унала до „Misérables“ В. Гюго, являющагося здѣсь прежнимъ памфлетѣромъ съ прибавкою устарѣлости и скуки. Наука превращается въ теорію осязательныхъ истинъ и въ самой Гер-

*) См. выше стр. 375.

маніи отдалась на службу партіямъ и днямъ, сводя на своихъ страницахъ дневные листы въ толстые сборники, часто изящные и сподручные всякому при дешевомъ пособіи фотографій и литографій. Во всемъ видно стремленіе къ естественности, къ развязности и свободѣ: въ костюмѣ, въ образѣ жизни, въ общественныхъ удовольствіяхъ, въ вѣрованіяхъ и семейныхъ отношеніяхъ, въ служеніи партій и въ критикѣ авторитетовъ. Тамъ, гдѣ эта свобода не ограничивается установленнымъ общественнымъ бытомъ, мнѣніемъ, тактомъ, привычкою, она переходитъ въ наглость, нахальство, въ цинизмъ. Это говорится не о какихъ нибудь Пончѣ, Шаривари, Кладерадачѣ, Искрѣ, Гудкѣ и т. п. Это говорится не о канканахъ, которые въ „танцъ-классахъ“ нашихъ возмущаютъ даже рыцарей свистковъ и фельетоновъ. Я говорю о наглости въ самыхъ важныхъ отправленияхъ общественнаго и государственнаго организма.

Успіе Італіи есть сдѣленіе нарушеній. Она дерзновенно внесла мечъ надъ главою церкви. Она вѣнчаетъ возмущеніе съ законностію. Она и не знала, что ей скажутъ: не касайся Рима, назначь другихъ министровъ, порѣши съ возмущеніемъ, стрѣлай въ Гарибальди. А разбой не прекращаются, дефицитъ огромный. Владыка Франціи, въ виду усиливающейся демократіи, поступаетъ властію; но поддерживаемый военною силою, онъ даетъ представленія въ Кохинхинѣ и Мексикѣ, возвращая бюджетъ до 2 миллиардовъ и суется надъ примиреніемъ въ Китаѣ, Черногоріи и Америкѣ.

Австрія и Америка служатъ примѣромъ, какъ непрочно рациональныя связи, не укрѣпленныя продолжительнымъ временемъ, и какъ тягучи связи историческія, не смотря на ихъ національность. Америка разрушается, а Австрія стоитъ и хотя, при вынужденной конституціи, сходитъ на второй планъ, но не безъ силы, блеска и достоинства. Различныя условія мѣстностей и народностей связаны узломъ въ Вѣнѣ, двѣ половины Америки распадаются и какъ бы ни распались еще болѣе.

Прекращеніе вывоза хлопчатой бумаги имѣло, въ 1862 г., страшныя послѣдствія. Застой работы и застой капиталовъ. Они—и работа и руки—могли бы ринуться въ другую Америку, занятую теперь внутренними преобразованіями, но неудавшіяся попытки остановили ихъ. 1862 г. показалъ, что употребленіе капиталовъ въ Россіи есть дѣло риска, а водвореніе иностранныхъ работниковъ, безъ старыхъ правъ колонистовъ, есть раззореніе и гибель.

Дѣло въ томъ, что преобразованія наши совершаются такъ быстро, такъ смѣло и такъ малообдуманно, что нарушаютъ самый естественный порядокъ постепенности, самыя основныя права установленнаго по-

рядка. Петербургъ, набравшись Европы, забыть, что онъ въ Россіи, бѣдной, безлюдной и малограмотной. Кредита нѣтъ, трудъ дезорганизованъ, неудовольствіе общее. Прежде думали, что это дѣйствіе Константиновской партіи. Проваль сдѣлало положеніе 19 Февраля. Когда отовсюду раздались жалобы, оробѣвшая виновность бросилась на выкупъ, и выкупается всевозможными уступками: она даетъ бѣольшую свободу журналистикѣ, которой размножилось до 12 ежедневныхъ журналовъ въ Петербургѣ; она вырабатываетъ обязательный выкупъ въ Россіи и повѣрочные инвентари въ Литвѣ; она общаетъ самоуправленіе въ широкихъ размѣрахъ и предначертываетъ судопроизводство, которому бы позавидовали и свободный Англичанинъ, и идеалистъ Нѣмецкій. Она уступаетъ Финляндіи и Польшѣ больше, нежели совмѣстно съ цѣлостію Имперіи. Она терпитъ въ журналистикѣ выходки о національностяхъ несовмѣстныя съ достоинствомъ правильнаго управленія. Она дошла до такихъ прокламацій „Молодой Россіи“, до такихъ школъ коммунизма, до такихъ пожаровъ, наведшихъ ужасъ на цѣлую столицу въ полномъ вооруженіи, что не было сходки, гдѣ бы не разсуждали, какъ бы обезопасить себя отъ золь, независимо отъ правительства, и не было дворянскаго собранія, гдѣ бы не раздавались рѣчи подобныя постановленію Тверскихъ посредниковъ, Подольскаго и Минскаго дворянства. Литва и Польша въ осадномъ положеніи. Правительство отмѣнило откупъ, и имя Государя благословляется въ народѣ. Вытѣснивъ капиталы изъ банковъ и распространивъ ихъ по народу, правительство (особенно послѣ займа Рейтерна) увеличило значительно налоги. Это еще болѣе ослабитъ средства добровольнаго выкупа земель; ибо, и при прежнихъ налогахъ, поступленіе налога и выкупа было болѣе нежели невѣроятно. Выкупныя свидѣтельства и теперь упали до 90% и внутри, въ губерніяхъ, отдаются по 70%. Благостояніе и личность упали также. Мы все дѣлали, теперь придется раздѣлываться.

*

Вотъ и женѣ лучше, и дѣти хороши, а я все также недѣятеленъ, скученъ, апатиченъ. Старѣю. Слѣпну. Лѣнюсь. Точно я не выросъ до новаго порядка, точно я недоволенъ видимыми улучшеніями, точно я готовъ стать въ ряды Николая Безобразова и Петра Бланка. При ослабленіи зрѣнія или подъ этимъ предлогомъ я какъ бы избѣгаю дѣятельности, какъ аматѣръ получаю пакеты изъ Парижа и Лейпцига, а кругомъ дѣйствительность такъ поворачивается, формы наполняются другимъ содержаніемъ, понятія и воззрѣнія такъ обобщаются, а мнѣ и дѣла нѣтъ, точно я застрахованъ по старой описи.

Надобно что нибудь сдѣлать. Постараюсь сдѣлать.

Но дамъ отчетъ въ занятіяхъ служебныхъ. Вотъ чѣмъ я занимался.

Смѣты министерства. Онѣ важны потому, что въ первый разъ составляются послѣ отобранія капиталовъ и по новымъ правиламъ (22 Мая 1862 г.). Это трудъ обширный.

Лѣвоной Д-ть приноситъ	3,305,561 р. 68 к.	требуетъ	1,748,643 р.
1-й Д-ть	4,695,996 р. 17 к.	„	4,066,315 р.
2-й Д-ть	7,437,813 р. 91 к.	„	2,596,170 р.
Д-ть Сел.-Хоз.	66,459 р. 88 к.	„	961,812 р.
Канцелярія ничего не приноситъ, а требуетъ			243,814 р.
Итого 15,505,831 р. 64 к.			9,616,754 р.

Многое могло быть сокращено: директора, у меня собиравшіеся, соглашались. Еще болѣе могло бы быть сокращено безъ ихъ согласія, но остановились на томъ, что пусть сокращаютъ Совѣтъ и контроль. Судя по прочимъ смѣтамъ и зная наше управленіе, я нахожу, что наши смѣты есть неизвинительная роскошь.

Я теперь занятъ изученіемъ смѣтъ по нашимъ министерствамъ сравнительно съ главнѣйшими Европейскими по Чернигу и книгѣ де-Нерья (менѣе дающей, нежели обѣщающей).

Оберландскія дрова—это разборъ привилегій герцоговъ Якова и Петра, даровавшихъ „достаточное“ количество дровъ по 3 талера за сажень. Требуется снять эту сервитуду, которая гнететъ крестьянъ и лѣса, останавливаетъ частную предприимчивость и пахнетъ средними вѣками.

Географическое Общество наше хромаетъ, и конечно теперь не до мирныхъ ученыхъ занятій посреди реформъ и лихорадочной дѣятельности. Выбранный въ ревизоры (по большинству баловъ я предѣдатель), постараюсь указать на слабыя стороны и установить вѣдшій, матеріальный порядокъ, котораго нѣтъ. Къ общему собранію отчетъ не приготовленъ, да едва-ли онъ окончится и въ Февралѣ.

Податная коммисія работаетъ усиленно. Даровавъ свободу, мы очень налегаемъ на подати. Нужны высокіе оклады. Нужно 60 мил. однихъ процентовъ по займамъ. Особенно живо разрабатывался вопросъ о пошлинѣ съ привознаго и акцизѣ съ туземнаго сахара. Здѣсь фискаль столкнулся съ частнымъ интересомъ, а въ этомъ интересѣ сдѣпились рафинёры и заводчики, а въ заводахъ сопоставились огневые и паровые. Для примиренія ихъ я подалъ особое мнѣніе (мотированное бюрократіей) объ отмѣнѣ акциза и пониженіи (на столько, т. е. на 60 к.) пошлины съ пуда: вмѣсто 3 р. установить 2 р. 40 к. Въ глазахъ моихъ свеклосахарное производство есть отрасль сельскаго хозяйства, и стѣсненіе ея отзовется гибелью на богатѣйшихъ областяхъ Имперіи. Думать объ увеличеніи пошлины (дающей уже болѣе 3 т. р.) или акциза

(дающаго 500 т. р.) было бы не слишкомъ рационально, когда въ виду правительства болѣе 23 мил. съ четырехъ губерній, 44 мил. со всѣхъ югозападныхъ свекловичныхъ губерній поступаютъ въ прямая подати и сборы, поступаютъ исправно и даже съ переборомъ смѣтнаго назначенія. И съ другой стороны, несовсѣмъ рационально губить огневые заводы паровыми, при такомъ акцизѣ и при такомъ учетѣ. А они погибнуть. Этого не скрываютъ ни администрація, ни паровые заводчики. Гр. Бобринскій и А. Абаза заявили это откровенно и гласно. Изъ 420 всѣхъ нашихъ заводовъ болѣе половины, почти $\frac{2}{3}$, огневыхъ, которые воздѣлываютъ обширныя посѣвы и употребляютъ до 60 т. рабочихъ въ то время, какъ общія полевая работы прекращаются. Области эти заслуживаютъ особеннаго вниманія и потому, что послѣ Крымской войны сбытъ ихъ сельскихъ произведеній въ большомъ застоѣ, водочный акцизъ возвысился, банкротства въ огромныхъ размѣрахъ, и политическое броженіе вздорожило работы, которымъ предстоить еще рядъ работъ по желѣзнымъ дорогамъ, непременно тамъ ожидаемымъ.

Экое громовое извѣстіе! Въ Польшѣ Варѣоломеева ночь: Русскихъ рѣжутъ, казармы поджигаютъ, желѣзныя дороги срыты, телеграфы повреждены. Государь сегодня объявилъ объ этомъ войску. И какъ будто испугался. Внимемъ въ дѣло. Чтѣ такое?

Пятый день, все тѣже вѣсти, ничего не поймешь. Только и слышишь: возстаніе, только и читаешь: бунтовщики, шайки. Всѣ журналы, даже *le Nord* изъ Парижа (корреспонденція изъ Варшавы отъ 18 6 Января) говорили и говорятъ о сборищахъ, о прокламаціяхъ Центрального Комитета, о посягательствахъ на лица и на селенія; а мы задались милостями и льготами, безпрестанно прощаемъ старыхъ изгнанниковъ, хватаемъ отдѣльныя личности, открываемъ какіе-то листы, публикуя, что нашли на слѣдѣ; огласили тайныя статуты, дѣлаемъ приемы и выходы съ манифестаціями, щеголяемъ публичностію суда, вызываемъ кичливую болтовню адвокатовъ, и вдругъ возстаніе, незаппое, врасплохъ, набатъ, рѣжутъ, жгутъ, Варѣоломеева ночь, Сицилійскія вечерни... Да что же это за правительство? Такъ Польши не удержатъ, а въ такомъ случаѣ нечего отдавать на убой несчастныхъ солдатъ.

Великій Князь Константинъ помѣшался на виѣшней популярности и ложномъ либерализмѣ. Также снѣшность, также путаница. Обуреваемый увовненіями и доведенный льстецами до мечты о своей гениальности, тотъ же безпорядокъ, который введенъ во флотѣ, онъ ввелъ и въ Царство. Чтѣ удалось на пустынныхъ берегахъ приморья и въ полудикомъ населеніи Имперіи, не удалось и не могло удасться въ народѣ Европейскомъ, въ странѣ, переполненной политическими пропсками партій. На роду этому человеку написана неудача. Неудача потому что въ

нѣтъ нѣтъ самоотчужденія отъ преобладанія личности, потому что нѣтъ искренней любви къ правдѣ и закону, а главное потому, что брать Государя дѣйствуетъ безотвѣтно.

Погожу, не проявится-ли что нибудь въ этомъ непонятномъ дѣлѣ. Тѣмъ болѣе непонятномъ, что эмиграція не скрывала своихъ намѣреній, и даже у насъ подземная пресса такъ работала, что земля дрожала.

Полковникъ Петръ Семен. Лебедевъ, бывший профессоръ Академіи и редакторъ „Инвалида“, долженъ былъ оставить эти мѣста не совѣмъ почетно—и принялся за ученые труды и за литературу. Не имѣя точныхъ началъ, г. Лебедевъ не пользовался прочною репутаціею, и многіе называли его военнымъ Булгаринымъ, отдавая впрочемъ справедливость и разнообразнымъ его познаніямъ, конечно неглубокимъ, и дару слова, съ которымъ онъ могъ говорить часъ и часы о всякомъ ничтожномъ предметѣ. Чтобы составить себѣ положеніе, онъ бросился въ либерализмъ, въ оппозицію. Для людей съ неопредѣленными началами середина также свойственна, какъ и крайности. Онъ началъ тѣмъ, что открылъ въ Московскомъ Сенатѣ залу депутатовъ, мастерское произведеніе и монументальное помѣщеніе комисіи 1766 г., отданное начальствомъ на складку провіанта и потомъ для старыхъ дѣлъ. Здѣсь, въ архивахъ и въ топографическомъ депо, г. Лебедевъ отыскалъ матеріалы, разработкою которыхъ онъ и занялся для выраженія своихъ либеральныхъ воззрѣній. Послѣ нѣсколькихъ статей о стрѣлковыхъ батальонахъ (кажется) при Екатеринѣ, онъ напечаталъ въ „Отечест. Запискахъ“ довольно большую статью, вышедшую и отдѣльною книгою: „Графы Никита и Петръ Панины“. Имена эти громки въ нашей исторіи и въ нашемъ обществѣ, и г. Лебедевъ сокрушаетъ этихъ идоловъ съ ревностію фанатика исторической истины. Расшитая и разбитая книга эта замѣчательна не этимъ фанатизмомъ, къ которому современность сдѣлала насъ довольно терпимыми, а замѣчательна она тѣмъ, что ее писалъ профессоръ. Что же написать и чего не написать ученикъ этого профессора, когда самъ учитель личныя воззрѣнія принимаетъ за исходное начало, догадки за доказательства и отрывки и выдержки за акты обвиненія. Замѣчательна книга и тѣмъ, что цензура снизошла къ ней, пропустивъ разсужденія весьма незастѣчивыя и дозволивъ напечатать акты довольно недавней эпохи (1799 г.), акты, полные интереса и заставляющіе читать плохой трудъ съ большимъ увлеченіемъ.

Желалъ бы я звать что думаетъ объ этомъ впускъ гр. В. Н. Панинъ, и неужели фамилія оставитъ распространеніе такого позорнаго сочиненія безъ опроверженія. Я думаю, дѣло критики и литературы, независимо отъ семейныхъ соображеній, указать писателю его мѣсто и возстановить достоинство истины.

Къ усиленнымъ занятіямъ моимъ по службѣ прибавились занятія по Географическому Обществу. Ревизіонная коммисія представляетъ много затрудненій, и я едва-ли буду въ состояніи что нибудь выработать. А выработать есть чтѣ. Какъ всегда и все въ Россіи, Общество имѣло съ начала своего учрежденія эпоху процвѣтанія, дѣятельности напряженной и обширной, сочувствія общаго, покровительства отъ правительства весьма щедраго. Теперь все это прекратилось или прекращается: изъ членовъ одни лѣнятся, а другіе фантазируютъ. Участіе охладѣло. Покровительство устало. Дѣятельность замаялась. Довольно постоянно выдерживаютъ два элемента: Нѣмцы и чиновники. Изъ любителей, преданныхъ изученію, едва-ли не остановишься на Веселовскомъ, Далѣ, Ханьковѣ и Семеновѣ. Если присоединить къ нимъ Данилевскаго и Безобразова, то едва-ли не изчерпанъ будетъ весь запасъ нашихъ туземныхъ изслѣдователей. Я не говорю о Кеппенѣ и Бэрѣ. Они Нѣмцы и работаютъ какъ академики. Я не говорю о Заблоцкомъ, Гр. Павл. Небольсинѣ, Евг. Ламанскомъ, Срезневскомъ: они работали, доколѣ работали, какъ чиновники. Безъ Нѣмцевъ у насъ не было бы ни одной экспедиціи. Гофманъ, Гельмерсенъ, Шварцъ, Раде, Шмидтъ и многіе другіе. Безъ чиновниковъ у насъ не было бы и карты (Россіи), о которой такъ много и уже слишкомъ много восхваленій, вовсе незаслуженныхъ. Двѣ экспедиціи, Шейская и Харасинская произведены Русскими, но онѣ—произведенныя тоже съ помощію Нѣмцевъ—до сихъ поръ не изданы. Лучшее изданіе Общества. Словарь, начатъ и обезпеченъ Кеппеномъ. Я сомнѣваюсь въ счастливомъ его исходѣ, если не будетъ работать Нѣмецъ или не введется чиновничья рутина по найму. Со своей стороны я постараюсь изложить въ донесеніи ревизіонной коммисіи всѣ мною замѣчаемые недостатки: и равнодушіе членовъ, и запущеніе матеріаловъ (о внутренней торговлѣ, объ этнографическихъ описаніяхъ инородцевъ, о памятникахъ языка, о картахъ Ханькова), о недостаткѣ средствъ по невыгодности изданій, о неисполнительности задачъ на преміи, объ отсутствіи порядка матеріальнаго.

Но не должно забывать, что это общество ученое, хотя въ Россіи, и потому не-русское.

Польское дѣло разыгрывается страшнымъ образомъ; но я вижу въ немъ не Польшу, а Европу, не мѣстныя и личныя страсти, а проявленіе того начала, которое давно работаетъ въ вѣдрахъ Европейскаго общества. Демократія, павперизмъ, социализмъ, республика, коммунизмъ, далѣе рационализмъ (называйте, какъ хотите), это рабы и шайки Катилины Римскаго міра. Какъ ни больно сердцу за несчастныя жертвы, какъ ни грустно встрѣчать сочувствіе къ этимъ ужаснымъ сценамъ убійствъ и грабительства, въ нашей журналистикѣ въ убѣжденіи мно-

гихъ, невольно подчиняющихся вліянію доктрины, но мнѣ еще больше тотъ страхъ, который охватываетъ сердце при мысли о нашихъ правителяхъ и о равнодушіи, съ которымъ трактуются судьбы великой Имперіи. Земля чувствуетъ слабого сѣдока и готова стряхнуться. Въ XVIII вѣкѣ господствовали теорія и наука, въ наше время—доктрины и журналистика. Да, міръ идетъ впередъ. Элементы развиваются. И потому (конецъ концовъ) вѣдь надобно же покончить съ Польшею. Съ того времени какъ журналистика начала разбирать и отстаивать Русскую національность въ западныхъ губерніяхъ (и даже „Сѣверная Почта“), я полагаю, что въ общественномъ мнѣніи отдѣленіе Польши уже рѣшено, и вопросъ состоитъ только въ степени отдѣленія или самостоятельности. Рационализмъ, а онъ теперь господинъ, говоритъ, что самостоятельность полная, свое управленіе, свои финансы, свое войско. Далекое-ли и до своей династіи? Тьеръ, въ 1848 г., сказалъ, что „раздѣлъ дѣло дурное, но виданное, а возстановленіе—дѣло прекрасное, но невиданное“. Тьеръ обманывалъ и обманывался, говорятъ панслависты. Великій князь ускоряетъ отдѣленіе. Но исторія такъ легко не раздѣляется. Да и самый вопросъ, удержимъ-ли мы Польшу или нѣтъ, есть уже рѣшеніе дѣла. То уже плохое право, которое требуетъ защиты и доказательствъ.

Много шуму надѣлали: статья Мазата въ *Revue de deux Mondes*. „Deux Polonais de notre temps (Велопольскій и гр. Андр. Замойскій) и статья министра князя Горчакова въ „*Journal de St.-Petersbourg*“. „La légalité nous tue“, всѣми порицаемая. Она напечатана во вчерашнемъ № и вѣрно попадетъ на зубы журналистикѣ, такъ дурно организованной *).

Народъ пьетъ больше нежели исправно. Но увѣренію всѣхъ винъ въ Январѣ продано больше нежели при откупѣ, по крайней мѣрѣ больше нежели рассчитывали и предполагали. Пьяныхъ видишь на каждомъ шагу и—черта замѣчательная—идетъ одинъ, идутъ двое, хвалятъ Царя: „дай Богъ ему подольше пожить, хорошій Государь: съ нимъ народу, какъ у Христа за пазухой, и волю давай, на, поди, и дешевку давай и бить не велить“ и т. п. Я самъ былъ свидѣтелемъ этихъ сценъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ этой волей и съ этой дешевкой гораздо меньше порядка, чистоты и приличія. Обыкновенныя ругательства раздаются среди дня, среди улицы. И избѣгая всякаго столкновенія, всякой тѣсноты, невольно получишь голчекъ отъ расшатавшихся гулякъ и вольныхъ ходаковъ, даже солдатовъ, даже на Невскомъ Проспектѣ, полномъ гене-

*) Перепечатаны обѣ статьи въ *Le Nord* 20 Февр. № 51. по (неосновательное) слову *catholique* въ „С.-Пб. Вѣдомостяхъ“ замѣнено другимъ: *fanatique*.

раловъ и офицеровъ. Особенно затруднительно положеніе женщины. Надобно надѣяться, что съ большею свободою выработается общественное мнѣніе, приличіе, тактъ. Иначе разнузданность дойдетъ до необузданности.

Разсмотрѣніе смѣтъ нашего бюджета идетъ полнымъ разваломъ. Сообщенныя государственнымъ контролеромъ замѣчанія и соображенія министра финансовъ грозятъ огромными сокращеніями. Этого слѣдовало ожидать. Иной цѣли и быть не могло, и огромныя цифры, которыя выставили министры, лишившись капиталовъ экономическихъ, должны были вызвать стремленіе къ сокращеніямъ. Но я думаю, что бюджетная реформа далеко не достигнетъ своей цѣли, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Отобранные капиталы израсходуются скоро, а принятые на ихъ счетъ казначействомъ расходы останутся на немъ постоянно, и тяжесть ихъ скоро будетъ невыносима. Прежде, интересъ вѣдомствъ требовалъ бережливости, и потому кромѣ постоянныхъ источниковъ бережливый министр, какъ графъ Киселевъ, накопилъ капиталы, которыхъ одни проценты давали жизнь цѣлымъ отраслямъ. Теперь источники экономическихъ капиталовъ перешли въ казначейство, а накопленіе ихъ сдѣлалось невозможнымъ. Теоретически реформа права, но практически она гораздо невыгоднѣе и для казначейства и для управленій, и особенно невыгодна тѣмъ, что въ развивающемся организмѣ вводить такія стѣпенія въ свободѣ дѣйствій, при которыхъ остается исцѣплять надежды и огражденій въ одномъ формализмѣ. Онъ вреденъ даже и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ организмъ этотъ окрѣпъ. Татариновъ прельстился точностію счетовъ въ Бельгій и даже ея предварительнымъ контролемъ. Все мы сочувствовали ему, имѣя передъ глазами расточительныхъ распорядителей, какъ Муравьевъ и военные наши правители. Бюджетъ 1863 г. выросъ, по случаю реформы, на 20 милл. р.

Я работаю теперь по бюджету нашего министерства съ моимъ министромъ Зеленымъ и—Боже мой!—какъ ожидать, чтобы дѣла шли хорошо, когда и толкуешь, толкуешь, не втолкуешь этимъ господамъ, что, какъ и гдѣ. Кромѣ того, что въ нихъ нѣтъ никакого знанія, что въ нихъ нѣтъ ни любви, ни прилежанія къ дѣлу, въ нихъ нѣтъ и никакой выдержки. Вся ихъ забота, вся ихъ работа и все ихъ значеніе и могущество, это фавѣрь, минутныя его минуты и ихъ минутныя уловленія. Ну можно-ли служить въ настоящее время при такихъ условіяхъ!

О Подышѣ—ничего. Частныя схватки, мелкія побѣды, безъ жалости къ числу убитыхъ и раненыхъ непріятелей: а между тѣмъ и въ Ковнѣ, и въ Гроднѣ, и въ Вильнѣ, и въ Кіевѣ военное положеніе, а между тѣмъ и Фелинскій предлагаетъ (и принято) и Велопольскій настаиваетъ

(и одобрено); да, но въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же тутъ порядокъ, откровенность и послѣдовательность? Теперь-ли думать о національныхъ требованіяхъ, о гражданскихъ гарантіяхъ и строгой обрядности?

Да, это грустно; но должно сознаться, что для счастья, по нашему строю необходимъ порокъ или такъ называемый порокъ, и что дурень думкой богатѣеть. Да, но матеріализмъ (другими словами, социализмъ) беретъ свое. И возьметъ свое. Онъ ужасенъ, но онъ логиченъ и тѣмъ обольщаетъ умы благородные и чувства великодушныя. Странныя у насъ крайности въ увовленіяхъ: то какой-то Азіатскій деспотизмъ, то Европейскія фантазіи.

Польскія дѣла вступаютъ въ новый періодъ. Въ нихъ вступаетъ дипломатія. Говорятъ, Великій Князь требуетъ конституціи. Говорятъ, и Государь согласенъ. Въ парламентахъ національность и свобода вездѣ встрѣчаютъ сочувствіе, какъ тамъ, гдѣ свобода есть, такъ и тамъ гдѣ ея нѣтъ. Конституція вытѣснитъ Россію изъ Польши. Она вызоветъ конституцію и у насъ. Я все болѣе и болѣе вижу и предвижу раздраженіе умовъ и страстей. Все дѣлается вопросомъ, никому неловко: иной хочетъ, другой ожидаетъ быть большимъ. Воображеніе же у всѣхъ болитъ. Умъ постепенно заражается колебаніями. Убѣжденія шатки и по превратности, и по новости положенія, и по искренней неувѣренности.

Противъ обыкновенія иностранная цензура пропустила (*le Nord. i Mars*) слѣдующую фразу:... *Aux sentimens humanitaires de l'Europe viennent s'en joindre d'autres, auxquels les réclamations en faveur de la Pologne empruntent une valeur toute particulière: ce sont les sentimens unanimes de la nation russe, qui est lasse de se voir insultée chaque jour à l'étranger, de se voir attribuer un caractère opresseur contre lequel protestent tous ses sentimens les plus libéraux et les plus généreux, se s'entendre en fin reprocher un état de choses, dont elle ne peut ni ne veut plus être rendue responsable*."

Если дозволеніе такого протеста и объясненія не есть знаменіе времени и невнимательность, то я не знаю, куда идетъ и придетъ правительство, допустившее настоящее состояніе Царства, за которое нація отказывается раздѣлять съ нимъ отвѣтственность.

Если бы я не удивлялся всѣмъ незрѣлымъ преобразованіямъ нашимъ, то причину этому я бы нашелъ въ понятіяхъ моихъ о нашемъ Государственномъ Совѣтѣ. Дряхлое это учрежденіе, обветшавшая его организація, канцелярская его обстановка до того плохи, несамостоятельны, что оробѣвшее сословіе это неспособно ни къ серьезной оппозиціи, ни къ зрѣлой инициативѣ. Увовленія, самыя смѣлыя, самыя непрактичныя, идутъ и проходятъ скоро и гладко. Несостоятельность

Совѣта особенно явилась при разсмотрѣннй финансовыхъ смѣтъ на 1863 г. по новымъ формамъ. Я говорилъ объ этомъ съ нѣкоторыми членами Совѣта и получилъ то убѣжденіе, что они вовсе не понимаютъ въ чемъ дѣло. Канцелярія дѣлаетъ съ ними что хочетъ. Кажется, преобразование Совѣта должно бы быть сдѣлано прежде всѣхъ преобразованій. Желаю, чтобы ни Россія, ни Государь въ томъ не раскаялись.

Ну наконецъ я покончилъ съ Географическимъ Обществомъ, и на дняхъ мы подпишемъ наше донесеніе Обществу о ревизіи дѣйствій за 1862 годъ.

Главный недостатокъ, который я замѣчаю въ ходѣ дѣлъ Общества, это недостатокъ дѣятельности, энергіи, участія и слабость Русскаго элемента. Работаютъ Дерптскіе ученые за деньги, и только. Лѣнивый не выбирается въ члены. Ихъ дѣйствительныхъ около 500, сотрудниковъ столько же, а работъ нѣтъ. Эти члены и рѣдко ходятъ, совѣмъ не ходятъ и денегъ не платятъ. Выберутъ ихъ въ комиссію, они примутъ выборъ, а къ дѣлу не явятся. Мы, ревизіонная комиссія, собирались три раза, и три раза были только я, Княжевичъ и Пвашинцовъ. Въ каждомъ отчетѣ множество похвалъ и обѣщаній, а расхваленныя предпріятія—этнографическіе матеріалы, памятники языка, инородцы, Мордва, статистическій атласъ, обзорніе внутренней торговли, путешествія Семенова и Ханькова и др.—предпріятія эти не исполняются. Это бездѣйствіе и эта безпечность имѣли губительное вліяніе на общественныя дѣла во всѣхъ отношеніяхъ: въ матеріальномъ—членскіе взносы все уменьшаются. Когда-то они доходили до 4000 р. Сбытъ изданій, доходившій до 3500 р., упадетъ и теперь значится менѣе половины (за исключеніемъ карты, 1862 г.), а библіотека завалена старыми и новыми, особенно роскошными, никому ненужными атласами. О прежнихъ пожертвованіяхъ, при которыхъ обороты доходили до 125 т. р. въ годъ, теперь и помину нѣтъ. Вся надежда на 10 т. р. даваемыхъ правительствомъ. Но что всего грустнѣе, это то, что участіе публики охлаждается замѣтно и постепенно. Когда-то присылались рукописи тысячами, потомъ сотнями, а теперь десятками. Этого мало: и правительство вынуждено смотрѣть на общество подозрительно. Устройвъ политико-экономическій комитетъ и думая о какихъ-то соціальныхъ, этнографо-статистическихъ, бытовыхъ экспедиціяхъ, Общество готово было перенести въ свой комитетъ всѣ текущіе вопросы управленія и политики и задаться программами Рила, чтобы выработать Русскую физиологику. Правительство заставило его закрыть этотъ комитетъ, и онъ закрылся, окончившись комическою страницей отчета, прочитанною секретаремъ, напечатанною въ двухъ доставленныхъ мнѣ оттискахъ, но изъ розданнаго всѣмъ отчета выпущенною. Если Общество пойдетъ такъ, оно выродится и

сдѣлается бесплоднымъ. Это была руководящая моя мысль, и это старался я выразить въ предложеніи о пересмотрѣ устава, въ усиленіи средствъ продажей залежавшихся изданій и въ изданіи сочиненій, которыя давно обѣщаны, на которыя употреблены частныя и казенныя деньги. Я сожалью, что не выразилъ довольно безопасное веденіе дѣлъ матеріальныхъ и довольно мечтательное веденіе дѣлъ ученыхъ. Я боялся и недоверія моихъ сочленовъ, и неудовольствія нынѣ дѣйствующихъ лицъ *). Изъ послѣднихъ всего менѣе отвѣчаютъ своему назначенію: вице-предсѣдатель Литке, не отличающійся гуманностію, и секретарь Безобразовъ, отличающійся гуманною суетливостію. Въ изученіи этого дѣла мнѣ очень много помогли мой сборникъ отчетовъ съ 1847 по 1862 включительно и обзорніе всѣхъ изданій Общества, какія у меня были подъ руками. Сочлены мои конечно не могли такъ вооружиться, и потому аматёръ явился между ними сильнѣйшимъ представителемъ.

Человѣкъ весьма часто и не подозрѣваетъ и не понимаетъ, что онъ есть механическое, произвольное орудіе дѣйствій въ сферѣ самыхъ нравственныхъ и отвлеченныхъ отправленій. Поэтому физическое здоровье, плотность населенія, педагогическую выдержку я считаю существеннѣйшими условіями всякой человѣческой организаціи: семейства, общины и государства.

Изъ Польши нѣтъ ничего опредѣленнаго. Слышны шайки, отряды, прокламаціи тайнаго верховнаго комитета. Шутя и не шутя говорятъ, что Велопольскій не отыщеть этого комитета, по той простой причинѣ, что комитетъ заседаетъ у него и подъ его предсѣдательствомъ. Но вѣдь надобно что нибудь сдѣлать, когда прекратятся эти схватки шаекъ. Дать конституцію? Это будетъ новая война. Отдѣлится отъ Имперіи? Но Царство потребуеетъ границъ по Днѣпръ. И чего хотять Велопольскій и Замойскій, два претендента на первенствующую роль въ Русской Польшѣ? Возстановленія? Оно рѣшительно невозможно. Это значило бы идти назадъ, за 1772 годъ. Исторія не воротится. Прошедшаго не воротить уже и потому, что его нѣтъ. Самые благонамѣренныя виды Государя въ этомъ смыслѣ (какъ ласкаютъ слухъ его Русскіе и Польскіе Славянофилы) были противны благу Россіи, спокойствію Европы и твердости всего Славянскаго міра. Славянофилы это доктринёры. Въ нихъ много тягучести, потому что ихъ ученіе обнимаетъ будущее и потому что неопредѣленное тяни сколько хочешь. Практическое у нихъ то, что принадлежитъ всѣмъ: это уваженіе національности, и только,

*) Особенно жалѣю, что не настоялъ на указаніи двухъ явленій: 1, безуспѣшность въ усвоеніи лучшихъ статистическихъ приѣмовъ и 2, безуспѣшность всѣхъ задачъ Общества. И въ томъ и въ другомъ оно виновато.

уваженіе языка, вѣры и обычаевъ. Мечтать о какой-то конфедерации значитъ вызывать перевороты, народную метительность и войну партій.

Настоящія затрудненія истекають изъ порядка вещей, установленнаго императоромъ Николаемъ. Отмѣнивъ конституцію, онъ 25 лѣтъ угнеталъ и въ глаза осмѣивалъ несчастную націю. Нація замолкла, и лучшіе ея представители или удалились въ свои помѣстья, или эмигрировали. Эмиграція нашла пропаганду: населеніе Царства отказывало правительству во всякомъ содѣйствіи и терпѣло его какъ непріятельское вооруженное занятіе. Эмиграція занялась организаціей и соединилась съ другими ей подобными: она писала, читала лекціи и печатала свои увлеченія, покровительствуемая журналистикою, оппозиціей и симпатіей всѣхъ, къ несчастію націй. Лекціи Мицкевича и курсы военныхъ наукъ Мирославскаго восплаляли національное чувство. Правительство совершенно отворотилось отъ вышнихъ и образованныхъ сословій и заботилось о крестьяннѣ: ему нужно было имѣть за себя массу. Свободная по кодексу Наполеона масса эта была еще крѣпка помѣщику, и правительство привязывало ее къ себѣ обѣщаніемъ свободы, а помѣщиковъ держало устрашеніемъ повторенія Галиціейской рѣзни. И тѣ и другіе молчали. Суегилося и волновалось среднее сословіе, горожане. На него-то особенно начала дѣйствовать эмиграція, земство съ правительствомъ, города съ революціей. Дворянство стояло уединенно. Отъ него отдѣлилось и духовенство. Здѣсь появляются на сценѣ маркизь Велопольскій и гр. Андрей Замойскій. Умеръ Императоръ, умеръ фельдмаршалъ Паскевичъ, и начались счеты и расчеты ихъ непредусмотрительнаго, самоувѣреннаго управленія. Продолжалъ его князь Горчаковъ, ни на что неспособный и полуразвалившійся старецъ. Велопольскій примкнулъ къ правительству, надъ которымъ имѣлъ огромное преимущество: Замойскій организовалъ земское общество, получившее авторитетъ національнаго правительства. Съ нимъ, не оставляя эмиграціи, соединились горожане (Варшавцы). Велопольскій обратился къ крестьянамъ и выработывалъ законъ объ очиншеваніи. Правительству угрожало остаться одному. И духовенство отъ него удалилось. Здѣсь начинаются тѣ событія, которыя совершились передъ нашими глазами. Прежде виновато было военное управленіе, оскорблявшее и народность, и законность; теперь начинается правленіе слабое, желающее искупить вину снисхожденіемъ и льготами. Революція обняла всѣхъ горожанъ. Тайныя прокламаціи, тайная организація комитетовъ и арміи адептовъ. А правительство уступало все болѣе и болѣе. Правители смѣнялись помѣсячно. Лидеръ, Сухозанетъ, графъ Ламбертъ; ни одного порядочнаго имени, на которомъ бы остановилось общественное довѣріе. Земское общество закрылось, и національные потоки сосредоточились въ революціи.

Очиншеваніе обнародовано, Велопольскій и съ нимъ Польская администрація обезсилили и Русскую полицію, и Русское войско. Правительство осталось на мели. Тогда-то начала открыто дѣйствовать революція, и Велопольскій придумалъ двѣ мѣры, чтобы удержать національные потоки отъ соединенія съ нею: онъ изгналъ гр. Замойскаго*), лишивъ земство любимаго своего представителя, и устроилъ рекрутскій наборъ, чрезъ который онъ полагалъ всѣхъ буйныхъ горожанъ изгнать въ отдаленныя мѣста Россіи. Справившись съ правительствомъ, Велопольскій хотѣлъ справиться и съ революціей. Онъ ошибся. Вспыхнулъ бунтъ. Эмиграція имъ воспользовалась и стекается со всѣхъ концовъ Европы. Духовенство перешло къ ней и увлекаетъ за собою дворянство и шляхту. Велопольскій ошибся главнѣйше въ томъ, что считалъ сильнѣйшимъ врагомъ правительство, а не революцію, и ослабивъ его слишкомъ и прежде времени, оставилъ революціи свободное поле, не взвѣсивъ, что нынѣ никакая революція невозможна иначе какъ въ смыслѣ социальномъ. Жалкая роль выпала на долю Россіи и Великаго Князя. И того мнѣнія, что мы уступать не должны. Но я не могу дать себѣ отчета, какимъ образомъ устроитъ Русское правительство послѣ всѣхъ уступокъ и послѣ того какъ управленіе Велопольскаго восторжествуетъ надъ революціей.

*

Дефицитъ оказывается значительный, но непреодолимый. Въ расходахъ большую роль играетъ контрольная реформа о единствѣ кассъ, а въ доходахъ не значатся займы; при томъ же послѣдніе, доходы, показаны въ обратномъ противъ расходовъ содержаніи, т. е. въ уменьшенномъ размѣрѣ. Не показано точно о возвышеніи податей и ожидаеніи возвышенія по многимъ сборамъ.

Вообще, какъ первый опытъ, финансовыя смѣты представляютъ довольно грубый первобытный матеріалъ, въ которомъ ухищрительно вращается ловкій столоначальникъ, доказывая необходимость тѣхъ расходовъ, которые производила широкая рука какого-нибудь Муравьева. Головинна и Великаго Князя-адмирала изъ *своихъ* суммъ, изъ *особенныхъ* капиталовъ, изъ *спеціальныхъ* назначеній. Но не эта любопытная дѣятельность столоначальниковъ занимаетъ меня, сторонняго наблюдателя. Меня занимаетъ, какъ другіе столоначальники, государ. секретарь Бутковъ и его сотрудникъ Заблоцкій, исполненные желчи и личныхъ измѣщеній, обрабатываютъ этихъ, такъ называемыхъ, молодыхъ министровъ и какъ эти министры думаютъ торжествовать, задаваясь гнѣ-

*) К. Н. Лебедевъ не знаетъ, что графъ Замойскій долженъ былъ покинуть Польское Царство по личному приказанію Государя, послѣ того какъ онъ позволилъ себѣ, въ личной бесѣдѣ, въ Петербургѣ, предъявлять Польскія права не только на Кіевъ, но даже и на Одессу, такъ какъ-де Польшѣ нельзя оставаться безъ моря. П. Б.

вомъ на новаго государственнаго контролера (Татаринова) и отыгрываясь фразами и паэосомъ противъ напористыхъ замѣчаній государственной канцеляріи. Дѣло доходить до брани, до ругательствъ. Канцелярія дѣйствительно командуеть Совѣтомъ и министромъ, какъ Краббе (буфонъ), Головиннѣ (рѣдкая даровитость), Зеленый (ничтожество), Мельниковъ и Замятиннѣ (лѣжни) и Валуевъ (красноглаголивый красавецъ). Пенмѣющимъ никакого сочувствія въ средѣ сочленовъ Совѣта, или младенствующимъ старцамъ, или отставленнымъ предшественникамъ, или непризваннымъ вѣвремя преемникамъ, дѣйствительно приходится жутко. Они, и при помощи своихъ дѣльцовъ и литераторовъ, вертятся какъ чѣрти передъ заутреней. Достаточно прочесть объясненія Краббе, Зеленаго, Головинина, Мельникова, чтобы посмѣяться какъ *недоразумнныя* Буткова и Заблоцкаго (или ихъ необнаруженный умыселъ) заставляють плясать по своей дудкѣ людей, вовсе не учившихся пляскамъ. Дѣло въ томъ, что это недоразумѣніе или этотъ умыселъ можетъ обойтись Имперіи очень дорого, и потому-то я записываю эту страницу.

Государственная канцелярія смѣшиваетъ два предмета: себя и смѣты. Себя она считаетъ парламентомъ, смѣты она принимаетъ за отчеты управленія. Дурнаго тутъ ничего нѣтъ, такъ какъ у насъ нѣтъ парламента и нѣтъ отчетовъ, а и то и другое очень нужны: но дурно здѣсь то, что составъ Совѣта вовсе не отвѣчаетъ этому требованію и хотя выборъ статей-секретарей и ихъ помощниковъ дѣласть честь начальству, тѣмъ не менѣе однако, во всѣхъ замѣчаніяхъ и разсужденіяхъ этихъ господъ просвѣчивають то желчь, то натянутость, то упорство и даже метительность. Личность и парламентъ несомѣстны. Это можетъ уронить честь управленія. Пройди смѣта путей сообщенія какъ обставилъ ее Заблоцкій, Мельниковъ потеряеть и послѣдній вѣсъ въ своемъ вѣдомствѣ. Мельниковъ и Рейтернъ, довольные своимъ положеніемъ, помалчивають, думая: пусть себѣ хорохорятся, мы сидимъ и надѣемся посидѣть и усидѣть. Головиннѣ и Зеленый, уже слишкомъ довольные, не спускають, а отгрызываются, думая: если бы мы и оставили мѣста — а мы ихъ не оставимъ — такъ что же? Мы не безъ средствъ. Особенно Головиннѣ. Передъ вступленіемъ въ министерство онъ получилъ акціями пароходства и торговли 100 т. и можетъ рассчитывать на 17 т. р. Получилъ онъ это за труды по преуспѣянію Общества, а оно правительству дивиденда не платить, существуетъ его пособіями и номинальною платою, и акціи его представляютъ 60 к. на рубль. Это все еще ничего. Вступая въ м-во, этотъ господинъ началъ раздавать мѣста, либеральничать и сорить деньгами. Въ мѣстахъ недостатка бы не было, если бы камарадерія не дѣлала выбора затруднительнымъ. Либеральничать онъ могъ свободно въ „С.-Шбургск. Вѣдомостяхъ“ и теперъ въ

„Голосѣ“, не оставляя кольнуть Валуева (къ чести его должно сказать, что лежащихъ, Норова, Ковалевскаго и Путятина, онъ въ *журналахъ* не бьетъ; онъ бьетъ ихъ въ тихомолку, въ объясненіяхъ Государственному Совѣту). Въ деньгахъ недостатка нѣтъ. Онъ выпросилъ кредитъ, по неотложной надобности, въ 500 т. р. Это *вдвое* противъ Муравьева. И тутъ-то начинается, чѣмъ Татариновъ долженъ былъ бы завершить, закончить дѣло. Но я забылъ сказать, что при вступленіи въ м-во безкорыстный Головининъ отказался отъ министерской квартиры, отдавъ ее подъ VI-ю гимназію и тѣмъ взваливъ на казначейство до 20 т. р. расходовъ. Въ замѣнъ *всѣхъ этихъ лишений* Рейтернъ неходатайствовалъ ему Наполеоновское содержаніе, 21 т. р. Хорошо. Но Наполеонъ, покупая талантъ, покупалъ и совѣсть (министры его безотвѣтны); а Головининъ могъ-ли спекулировать на эту статью? Едва-ли. Мы до этого не дошли. Какъ Головининъ сорить деньгами, это видно изъ употребленія чрезвычайныхъ кредитовъ. Въ 1862 г. онъ испросилъ кредитъ въ 56 т. р. на ученія, предпріятія, пособія и предпріятія. Въ 1863 г. онъ внесъ этотъ кредитъ въ смѣту. Но тутъ является контролёръ Татариновъ и просмотрѣлъ счета. Чтò же оказалось? По 8 Декабря израсходовано 51,461 р. 64 к. „на пособія чиновникамъ д-та, канцеляріи и лицамъ, служащимъ при учебныхъ заведеніяхъ, на канцелярскіе расходы и на разные расходы“. Есть конечно и ученія, предпріятія. Такъ эти господа соряютъ государственными деньгами. Невольно скажешь спасибо Валер. Алексѣев. Татаринову за проведенную имъ контрольную реформу, и старику графу Гурьеву, поддержавшему эту реформу. Татариновъ велъ дѣло упорно и ловко. Ему же обязанъ и основательнымъ разборомъ бюджетъ 1863, потому что министръ финансовъ и д-тъ экономіи только повторяютъ его соображенія, прибавляя отъ себя или общія замѣчанія или мѣстные казначейскія свѣдѣнія.

Скоро Дмитрію моему, Митѣ моему, исполнится 8 лѣтъ. Онъ еще на женской половинѣ, у матери и гувернантки. Пора бы ко мнѣ, но боюсь. Покойный Сапа по 5-му году спалъ уже въ моемъ кабинетѣ. Предразсудокъ несчастнаго опыта меня отталкиваетъ. Ребенокъ очень деликатнаго здоровья, и я не прочь укрѣпить въ живомъ его характерѣ элементъ женственности. Сравнительно со мною, развитіе и ученіе его немного поотстали, но они не запущены, и въ свое время (однако не ранѣе года) систематическое образованіе можетъ быть начато свободно. Онъ будетъ подготовленъ. При впечатлительности и раздражительности его, я принялъ безусловнымъ правиломъ дѣйствовать на него мягкостью, любовью, убѣжденіемъ сердца. Я не думаю, чтобы слабость, самолюбіе отца могли идти далѣе. Я долженъ отдать справедливость прекрасному ребенку: онъ отвѣчаетъ любви нашей, и я не знаю, чего нельзя сдѣлать

изъ этого воска, размягченнаго дыханіемъ нашей нѣжной заботливости. Общій любимецъ всѣхъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ, онъ очень далекъ отъ того, чтобы быть баловнемъ, и если иногда покапризится („насупится, похныкаетъ, поплачетъ, покричитъ“—техническіе термины), то развѣ отъ самолюбія, главнѣйшаго недостатка моихъ дѣтей, или забидить сестру, кроткую и благоразумную красавицу Тату, которую онъ любитъ какъ своего двойника. Все это не мѣшаетъ ему быть послушнымъ, исполнительнымъ и любезнымъ. Онъ пишетъ, читаетъ по русски и французски, болтаетъ съ своей Швейцаркой *Olympe Sonner*, играетъ, ловокъ въ мячикъ и воланъ, поетъ до 20 романсовъ, прилежень, любознательнъ и уменъ. Большихъ способностей, глубокости и упорства въ трудѣ я не ожидаю. Мы благодаримъ Бога за дарованіе намъ прекрасныхъ дѣтей, составляющихъ наше счастье.

*

Прусскій король опять придумалъ праздники и установилъ новую медаль: въ воспоминаніе „воззванія къ моему народу 17 Марта 1813 г.“ и постановленія памятника отцу своему, Фридриху Вильгельму III. За обѣдомъ на 2,500 человекъ король говорилъ привѣтствія мертвымъ и живымъ и молилъ Бога, да „сохранить храбрую армію, дабы, обновленная и усиленная, она была готова для новыхъ побѣдъ“. Королю отвѣчалъ фельдмаршалъ Врангель, величая: да здравствуетъ *Unser ritterlicher Kriegsherr, der Vater seines Volks*“. Русская депутація, Русскіе мундиры блистали при церемоніяхъ и на обѣдѣ. И все это Вильгельмъ I-й производитъ въ то время, когда профессора въ камерѣ прижали правительство къ стѣнѣ и систематически рѣжутъ статьи бюджета, когда Польша объята возстаніемъ, и Русско-прусская конвенція вызвала ноту Франціи съ просьбою „не ставить себя и имперіи въ затруднительное положеніе“. Я понимаю эти затѣи, если правительство хочетъ измѣнить конституцію страны; но зачѣмъ же раздражать представительство и Францію? Покойный Фридрихъ Вильгельмъ IV договорился до 1848 года. Вильгельмъ I договорится до Рейна. Наполеону представляется такая счастливая комбинація, что если онъ еще не извелся, трактаты 1815 г. окончательно рушатся: болѣе рациональное распрежденіе государствъ дастъ ему симпатіи въ Европѣ, и неисторическое королевство Прусское останется при своемъ рациональномъ значеніи. Но Наполеонъ пресытился и пожалуй отдастъ дѣло демократіи и социалистамъ—и пошла писать! А матеріалу много.

Революціонное движеніе въ Европѣ далеко не успокоилось и едва ли успокоится. Оно теперь опирается на новое начало народныхъ массъ, выражающееся или въ самоуправномъ установленіи у себя правительства или въ свободномъ вспомошествованіи одной массы самоуправнымъ тре-

бованіямъ другой. Династическое начало окончательно упало, и Прусскія празднества Гогенцолерновъ („еще не созрѣвшихъ для того, чтобы служить украшеніемъ парламента“, какъ въ Англіи) не поднимутъ его даже до той семейной искренности, которая праздновала бракъ принца Уаллійскаго въ Англіи. Значеніе Пруссіи, какъ первостепеннаго государства, есть дѣло случайное и, такъ сказать, личное. Оно основано на униженіи Саксоніи и уничтоженіи Польни. Наполеону III легче нежели дядѣ его поставить Бранденбургскую монархію на свое мѣсто. Но къ чему всё эти перевороты: выиграстъ-ли отъ этого человѣчество? Война—дурное средство. Служеніе личнымъ интересамъ никогда не увѣнчивалось прочнымъ успѣхомъ.

Нѣтъ сомнѣній, что мы идемъ къ конституціи. Хотя бы этого правительство и не хотѣло, мы придемъ къ ней: къ ней ведетъ насъ Польша, ведетъ гласность, ведутъ реформы. И объ этихъ-то реформахъ я хочу поговорить, прочтя проекты земскихъ учрежденій.

У насъ, по западной модѣ, теперь въ ходу мысли о *самоуправленіи*. Англичане не выходятъ изъ моды, *selfgovernment*. Оно нигдѣ не удалось въ той мѣрѣ, какъ дѣйствуетъ въ метрополи и какъ желали бы привить его подражатели и поклонники. Причину неудачи я вижу въ одномъ: въ недостаткѣ публичной жизни, а причину ея отсутствія въ недостаткѣ гласности. Излишняя централизація, слабость либеральныхъ учрежденій и степень образованности—въ глазахъ моихъ причины второстепенныя. Гласность не обусловливается журналистикою. Это органъ ея, но неисключительный. У насъ теперь журналистика въ большомъ ходу, но гласность слаба, а публичной жизни совсѣмъ нѣтъ. Самоуправленіе есть право, возможное и дѣйствительное при извѣстномъ развитіи общества. Прудонъ въ „*La guerre et la paix*“ послѣ всѣхъ прежнихъ увлеченій, доходившихъ до отрицанія власти, до дикаго коммунизма, приходитъ къ разсужденію, послѣ котораго самоуправленіе на долго для Франціи было бы однимъ идеаломъ. „Что сдѣлала бы Англія, цѣлой массой народа, если бы нарушено было право одного лица? Она возстала бы противъ нарушителя“ (Мекбле), другими словами: это то, что *написано* во Франціи 3 (14) Сентября 1789—1791 г. „*la résistance à l'oppression*“. Но, увы, говорить и дѣлать, писать и исполнять, большая разница. Въ Англіи это не написано—и дѣлается, во Франціи написано, узаконено и не исполняется.

Мы теперь говоримъ и пишемъ.

Мы повторяемъ Юсіфа Втораго, но я думаю, что незрѣлыя реформы наши обойдутся еще дороже. Страшно одно, что они могутъ насильственно разыгратъ кровавыми сдѣлками: молодые министры наши гальванизируютъ, раздражаютъ и пытаются Россію.

Вотъ и указъ (1 Марта, обнародованный 10-го) о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ съ 1 Мая 1863 г. въ Литовскихъ губерніяхъ и уѣздахъ. Если правительство вынуждено было принять эту мѣру, чтобы парализировать проски Польскихъ помѣщиковъ, то я опасаюсь за развитіе бунта въ Литвѣ и за уселеніе и безъ того сильной ненависти ея къ Россіи. Если это принято по донесеніямъ Назимова, я сомнѣваюсь въ ихъ справедливости. Во всякомъ случаѣ эта мѣра есть мечъ обоюдоострый, и произвольное законодательство, распоряжающееся такъ собственностію, пожалуй для вида законности, распространится и на насъ. Говорятъ, въ Совѣтѣ было за эту мѣру только четверо: Вадуевъ, Милютинъ, Рейтернъ и Зеленый. Нашъ вѣкъ играетъ и положеніями, и фортуною, и собственностію. Нисходя къ массамъ, правительства ускоряютъ демократизацію. Всего менѣе готова для этого Россія, и всего менѣе нужно это намъ.

Въ Польшу требуются еще войска. Посылаютъ стрѣлковъ. Посылаютъ кирасировъ. Я не сомнѣваюсь, что съ весною партизанство разовьется еще болѣе, и аматёры-республиканцы, социалисты и вся эта армія пролетаріата налетятъ со всѣхъ сторонъ. И немудрено. Франція явно поощряетъ Польскія партіи. Не только принцъ Наполеонъ, но и рѣчь Бильо исполнены симпатій и ожиданій. Французскія дипломатическія ноты присвоили себѣ право ценсорства. Въ Пруссіи они требуютъ отмѣны конвенціи 8 Февраля, Россіи заявляютъ *sans dissimuler la situation pénible, dans laquelle la France se trouverait placée si les espérances d'améliorations que le gouvernement russe avait fait entrevoir ne se réalisaient pas*. Австрія, играя двусмысленную роль, получаетъ одобренія „de s'être gardée de la faute, dans laquelle est tombé le cabinet de Berlin en signant la convention de St. Petersbourg“. Англія предлагаетъ коллективную ноту. Франція такъ мало пожалала ливровъ въ Кохинхинъ и Мексикъ, что при малѣйшемъ успѣхѣ этихъ аматёровъ она милости наши признаетъ слабостію и обѣщаетъ народному волненію опору и содѣйствіе. Бильо и теперь хвалится сочувствіемъ Франціи къ оппозиціи Прусскихъ депутатовъ и отсрочиваетъ вліяніе Франціи на Русскій кабинетъ по случаю радикальныхъ реформъ, предпринятыхъ внутри Александромъ II. Говорятъ, рѣчь Бильо очень понравилась и въ Тюльери, и въ Зимнемъ дворцѣ. Кромѣ рѣчи Лярошжакедена*) мнѣ ни одна не понравилась, ни этого сорванца, принца Наполеона, ни фразистаго Бильо, который не можетъ ничего сказать, не прославляя своего владыку и не порицая всѣ предшествовавшія правительства.

*) Матеріалы для этой рѣчи, имѣющіе характеръ конфиденціальной дипломатіи, доставлены маркизу Николаемъ Милютинымъ отъ его дяди, графа Киселева.

А у насъ, въ Польшѣ, на границѣ, чтѣ! Въ Пековской губерніи запутанность растетъ и развивается. Потрясенные атомы, наполняющіе огромное тѣло, находятся въ постоянномъ движеніи, перемѣщеніи и броженіи и дѣлаютъ все тѣло подвижнымъ, летучимъ, ненадежнымъ. Нерѣшительность на каждомъ шагу и во всемъ. Строгость преслѣдованій и постоянныя помилованія. То назначаютъ гр. Берга, то гр. Сумарокова, то гнетутъ дворянство, то предписываютъ гминамъ и войтамъ исполнять ихъ требованія въ отношеніи крестьянъ, то даютъ указъ 1 Марта, исключительно крестьянской. Такъ дѣло идти не можетъ. Пожалуй, принцъ Наполеонъ и правъ: „это хуже чѣмъ при Николаѣ“.

Министръ—г. Зеленый министр—спрашивалъ меня: какую бы награду желалъ я къ этой Святой, нашему наградному сроку? Конечно землю, тысячи три десятинъ? Конечно аренду въ 1500 р.? Нѣтъ. Я просилъ—слѣдующій чинъ.

Вы упрекаете отца *семейства*, *блднаго* отца семейства въ суетности? Ну, нѣтъ. Суетности тутъ нѣтъ. Я объяснюсь въ послѣдствіи.

Эти денежные и земельныя раздачи я считаю расхищеніемъ государственнаго достоянія и. не участвовавъ въ немъ прежде, я не хочу участвовать и теперь, особенно теперь. Если бы дали не спрося, я бы взялъ; но такъ какъ спросили, то счесть приличнымъ отклониться отъ участія. У меня этихъ инстинктовъ впрочемъ никогда не было.

Польское возстаніе выясняется. Оно поддерживается заграничными симпатіями и внутренними замѣшательствами. Петербургское дворянство представило Государю адресъ преданности, изъявляя готовность на всякія жертвы. Заграничныя симпатіи мы знаемъ съ 1831 г., когда начались онѣ постоянно являться въ адресахъ Французской палаты. Онѣ довольно терпѣливы, какъ показываетъ время, и вѣроятно не потеряли бы терпѣнія и теперь, если бы въ положеніи нашемъ ничего не измѣнилось. А въ положеніи этомъ измѣнилось многое. Послѣ Крымской кампаніи мы „пріѣхали въ Парижъ, чтобы поцѣловать ту самую руку, которая насъ побилъ“ (какъ выразился принцъ Наполеонъ). Мы потеряли курсъ и до сихъ поръ возстановить не можемъ и терпимъ убытки. Мы потеряли рынки и, главное, мы залпомъ, заразъ приступили къ окончательнымъ кореннымъ реформамъ и если не поколебали зданія, то запутали и перепутали внутренній строй его такъ, что и сами не можемъ опредѣлить незапно вызванныхъ и искусственно созданныхъ отношеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не удовлетворя ниоднаго изъ пробужденныхъ инстинктовъ, сдѣлали недовольными всѣхъ, а незапность и крутость перемѣнъ породили оппозицію. Для Польши требуютъ амнистіи и конституціи. И Александръ II-й дастъ, онъ дастъ все, чего бы у него *ни потребовали*: онъ уступитъ всякому представленію, всякому препятствію. Но давая

конституцію Польшѣ, какъ же онъ не дастъ ея Россіи? Незрѣлостію отзываться нельзя. Въ Россіи вводятся учрежденія утонченной образованности. Конституція ихъ скрѣпитъ и освятитъ. Вотъ тутъ начнется настоящая борьба съ правительствомъ и—страшно сказать—начнется опять крѣпостной вопросъ. Освобожденіе крестьянъ сдѣлано, въ юридическомъ отношеніи, съ нарушеніемъ правъ дворянства, и дворянство, составляя большинство и лучшія силы представительства, заставитъ правительство дать ему вознагражденіе на счетъ казначейства.

Дѣло о раздѣлѣ братьевъ Шереметевыхъ (сыновей моего министра) мною, кажется, кончено. Говорю кажется, потому что я этимъ окончаніемъ очень недоволенъ. По требованію одной стороны прибѣгли къ жребію, и этотъ слѣпой господинъ совершенно перепуталъ дѣло, представивъ коренное имѣніе моему клиенту, Василью, который не хозяинъ и хозяиномъ не будетъ. Я уступилъ. Въ интересахъ моего клиента это прекрасно, но въ интересахъ дѣла и семейства это результатъ самый отрицательный. Мнѣ уступать не слѣдовало.

Журналистика захватила и разрабатываетъ Польско-русскій вопросъ, и должно сознаться, она, въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ свободной цензуры, развила замѣтно, особенно подъ перомъ даровитой редакціи „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“. Говорятъ, статсъ-секретарь князь Оболенскій на дняхъ читалъ Государю и Государынѣ статьи Каткова „Русскій вопросъ“ и дополнительныя къ нему въ Вѣдомостяхъ по дѣламъ Польши. Статьи понравились и если онѣ выражаютъ общественное мнѣніе, то верховная власть готова удовлетворить требованію этого мнѣнія. Въ наше неосмотрительное время, власть, расшатанная отъ собственнаго волненія, ищетъ опоры во всемъ: въ щедрости-расточительности, въ реформахъ-незрѣлыхъ преобразованіяхъ, въ милости—амнистіи незаслуженной, въ популярности, нисходящей до нескательства, въ журналистикѣ и даже въ уличной толпѣ и солдатскихъ рядахъ. Какъ попъ, такъ и приходъ: Головинъ, Валуевъ и даже Милютинъ. Бывши въ Москвѣ, Государь удостоилъ особеннаго вниманія журналистовъ, особенно Каткова. Ихъ приглашали на балы во дворецъ, имъ обѣщали всякое поощреніе. И вотъ, подъ вліяніемъ этого обаянія, Катковъ началъ разрабатывать политику; а когда огласилась дерзкая рѣчь принца Наполеона, наговорившаго все что только можно придумать оскорбительнаго, Катковъ дозволилъ себѣ такъ развернуться, что сталъ катать сплеча. Я вѣрю, я знаю, я вижу слабость нашего правительства, и слабыя его мѣры слабость эту еще погоняютъ. Дошли до того, что говорятъ о конституціи, о скорой конституціи, о конституціи демократической. Катковъ выставляетъ примѣръ Австріи и хочетъ, чтобы Царство Польское было въ отношеніи Россіи тоже что

Галиція къ Австріи, Познань къ Пруссіи. За западныя наши области вся Россія встанеть какъ одинъ человѣкъ, не то что въ Крымскую войну, когда народъ, сражаясь за идею, не могъ выказать всей своей силы. Катковъ порицаетъ дарованіе конституціи 1815 г. Мы уже очень расщедрились. Онъ находитъ невозможнымъ, чтобы господствующее племя въ государствѣ пользовалось меньшими правами, чѣмъ племя подвластное. Онъ намекаетъ, что общая конституція сольеть и скрѣпитъ весь организмъ Имперіи въ ядрѣ и составныхъ частяхъ его. Можетъ быть, этому повѣрять. Можетъ быть, это примутъ. Слабость падка на обольщенія, и вѣкъ имъ потворствуетъ. Намъ непременно хочется и колется дойти до того, чтобы мы слышали сперва *on vous trompe, on vous trompe*, а потомъ, когда скажутъ: мы знаемъ, мы узнали—*c'est trop tard, c'est trop tard*. Но въ Московской доктринѣ что ни слово, то ошибка, подражаніе, заимствованіе, *plagiat*. Это сказано много. Едва-ли такъ. Я постараюсь это доказать, я постараюсь показать, что если въ этомъ есть самостоятельность, то самостоятельность не публициста, а народнаго чувства, національнаго сознанія, которое дѣйствительно должно возмутиться и возмущается, читая эти ноты Англійскихъ лордовъ, Французскихъ батаровъ и даже Австрійскихъ сплетниковъ: объ устройствѣ Польши,—Польши, которая никогда не могла устроиться и для которой нѣтъ, немислима другая часть, какъ отдѣльной провинціи великаго Славянскаго, Русскаго государства.

Польское дѣло двигаетъ свободу и волненія мысли, словъ и дѣла все болѣе и болѣе шире, глубже. Замѣчательная свобода печати, требующей то конгресса („С.-Пбр. Вѣдомости“), то общей съ Имперіею конституціи („Голосъ“ и „Моск. Вѣдомости“), то земскаго собора („День“), откровенно порицаетъ порядокъ Варшавскаго управленія, парализирующій усилія самыхъ войскъ „кокетничая“ съ военнымъ положеніемъ. Дворянство и гражданство отовсюду шлютъ адреса: выраженія преданности и готовности на жертвы слышатся въ раскольникахъ, въ селахъ. Въ югозападныхъ губерніяхъ крестьяне формируютъ команды, заставы и объѣзды. Край истощается, гибнетъ. Будущность хуже настоящаго. Раздражительныя ноты Англии, явныя и тайныя дѣйствія пропаганды поддерживаютъ и раздуваютъ возстаніе. Полки наемныхъ демократовъ стекаются отовсюду. Кажется, Польская эмиграція вступила въ соглашеніе съ анархистами. Правительство съ достоинствомъ отвѣчало на ноты, представленныя въ одинъ день (5 Апрѣля) и назначила почти западнаго намѣстника, извѣстнаго своею энергіей Мих. Ник. Муравьева, вѣншателя. Общее мнѣніе такъ раздражено, что одобряетъ это назначеніе. Всѣ желаютъ отозванія великаго князя Константина. безъ чего никогда не откроютъ ни тайнаго правительства, ни типографій

печатающихъ четыре газеты. Настаиваютъ на строгомъ военномъ положеніи, требуютъ возстановленія Русской администраціи.

*

Вотъ конченъ и нашъ бюджетъ на 1863 годъ. Разсмотрѣніе его все вполне легло на реформатора нашего контроля, стат.-секр. Татаринова и по ограниченности сферы его обязанностей и, нерѣшительнаго, еще новаго положенія личнаго. Оно не принесло желанной пользы, а въ Министерствѣ Финансовъ и въ Госуд. Совѣтѣ оно было бѣдно и жалко. Да и что же можетъ Государств. Совѣтъ въ его настоящемъ составѣ и въ настоящемъ учрежденіи? Министръ финансовъ съумѣлъ представить фальшивый déficit и потомъ очень легко изъ него выбраться. Государств. канцелярія дѣлала выборки изъ заключеній Татаринова (А. П. Заблоцкій сдѣланъ статсъ-секретаремъ), департаментъ держался министровъ и толстыя, переполненныя смѣты утверждены почти въ первоначальной цифрѣ. Доходовъ исчислено 318,830,644 р., а расходовъ 334,535,913 р. (съ недоборомъ). 15 милліоновъ недостатка покрываются билетами казначейства, а по моему мнѣнію, они должны бы пасть на акцизы съ вина, табаку и соли. При лучшемъ разсмотрѣніи Совѣтъ могъ бы достигнуть значительнѣйшихъ сокращеній и не только не дѣлать новаго долга, но передать остатокъ на погашеніе старыхъ.

*

Ослабленіе зрѣнія требуетъ, чтобы я посовѣтывался съ знаменитыми окулистами: Грефе, Дондерсъ и Бланше, и я завтра ѣду въ чужіе края. Какъ все можетъ случиться и я могу умереть, то считаю нужнымъ выразить здѣсь мою послѣднюю волю. Жизнь мнѣ очень дорога, потому что я очень счастливъ, и послѣднее слово молитвы моей и послѣдняя воля моя будутъ объ участи моей благородной жены и моихъ ненаглядныхъ Дмитрія и Натальи. Богъ видитъ, какъ я имъ—и этимъ крошкамъ—глубоко признателенъ.

Я не дѣлаю формальнаго завѣщанія, потому что послѣ меня остается жена, которая во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ и замѣнитъ меня. По полученіи извѣстія о моей кончинѣ прошу Леонида помѣстить коротенькую біографическую статью въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, чтобы по этому поводу, въ силу моей послѣдней воли, передать мою глубокую благодарность всѣмъ моимъ роднымъ, друзьямъ, знакомымъ и чужимъ, съ кѣмъ я сталкивался въ жизни, за ихъ любовь, дружбу, одоженія и благосклонность ко мнѣ и просить ихъ объ участіи къ моему семейству.

Я желаю лежать въ Рябинкахъ*) возлѣ батюшки, который мнѣ отдалъ свою любимую дочь. Я желаю лежать въ гробѣ по низшей цѣнѣ

*) Орловской губ. Болховскаго уѣзда. П. В.

таксы. Я дарю церкви картину-копію Іоанна Богослова изъ моего кабинета и билетъ въ 100 рублей въ пользу причта за служеніе молебна 11 Ноября *).

Назначая душеприказчиками моими тайнаго совѣтника Гагемейстера, генераловъ В. А. Обручева, Ев. Ник. Норова, статскихъ совѣтниковъ Ѳ. П. Отто, А. В. Симанскаго и Н. М. Горбунова, а также Е. Н. Горбунову, В. Д. Обрѣзкову и Екат. Александр. графиню Шулембургъ (кого, по завѣщаніи, они изберутъ изъ себя) и прошу ихъ, подумавъ, обсудивъ и помолясь Богу, устроить и обезпечить положеніе моего семейства. Я прошу о милости. Гордыня моя никогда этого не знала. Надо быть очень счастливою, чтобы просить ее мнѣ. Милости, милости. Христа ради! Я прошу у генераль-адъютанта Зеленаго и статсъ-секретаря Рейтерна назначить семейству моему получаемое мною содержаніе, по примѣру другихъ, въ пансіонъ, вычитая изъ него долгъ, числящійся за мною по книгѣ 2-го департамента. Послѣдніе годы я служилъ мало, но гр. Панинъ не откажется засвидѣтельствовать, какъ я служилъ 1840—1856 годы, да генераль Зеленой и о послѣднихъ годахъ не лишитъ семейство отозваться, какъ говорилъ онъ мнѣ лично и докладывалъ Государю Императору. Я всегда служилъ добросовѣтно и безкорыстно. Я этимъ хваюсь.

Долговъ я не имѣю, но могутъ быть недоплаты въ магазинахъ В. Исакова, Вольфа и Шмитцдорфа, портному Оливье и сапожнику Фохту, а также въ магазинахъ Бегрова и Вьюшина. Долгъ казенный долженъ уплачиваться изъ пансіона. Если бы этотъ долгъ и крайность семейства потребовали, то можно продать мою коллекцію официальныхъ тетрадей и проэктовъ и самую библіотеку, но не иначе какъ съ аукціона и съ предварительнымъ оглашеніемъ. Въ библіотекѣ множество книгъ съ моими подробными замѣтками. Я прошу объ этомъ племянника моего Леонида Константиновича и надѣюсь, что онъ исполнитъ дѣло отчетливо. Ихъ сохранить мнѣ. Желаю, чтобы всѣ родные и друзья мои получили изъ вещей моихъ какія нибудь бездѣлки на память. Я буду жить между ними и послѣ смерти.

Второе путешествіе за границу.

Я отправился на пароходѣ 11 Мая въ Любекъ и возвратился въ Петербургъ 20 Іюня въ полночь, посѣтивъ тамъ: Берлинъ (недѣлю), Саксонскую провинцію, Магдебургъ (недѣлю), Парижъ (недѣлю), Нормандію, Руанъ, Фекамъ, Діепшъ (недѣлю) и Лондонъ (шесть дней). Я израсходовалъ 1000 рублей. Я дамъ отчетъ въ моей повѣздкѣ. Теперь я

*) Положить меня въ гробѣ, купленномъ по таксѣ цѣною въ 2 р. 80 к. Но мои служебныя отличія должны участвовать въ церемоніи.

еще убить Лондономъ и ничтожностію моего отечества въ его докахъ и даже въ гостиницахъ Парижа послѣ Парижскаго договора 1856 г. Посѣтивъ Европу черезъ 20 лѣтъ (мое первое путешествіе было въ Іюнь—Октябрь 1842 г.), я вынесъ то старческое убѣжденіе, что матеріализмъ, демократія и корысть все болѣе и болѣе берутъ верхъ, что все средоточится на политикѣ, на палатахъ, что администрація и самый судъ падаютъ и гнутъ на совѣсть, а добросовѣтность умалывается, и что вообще, замѣчая успѣхъ въ количествѣ, я долженъ засвидѣтельствовать объ упадкѣ прогресса въ качествѣ, разумѣется кромѣ матеріальныхъ интересовъ, которые съ парами и желѣзомъ вездѣ приняли колоссальные размѣры. (21 Іюня). Записываю на память.

Все дышетъ войною. Журналы, адреса, разговоры переполнены увѣреніями преданности Государю, грозными вызовами Европѣ и тягостными чувствами нескрываемого униженія Имперіи въ Европейскомъ сеймѣ. Этого мало, что, получивъ ноты, отвѣчали назначеніемъ Муравьева въ Вильну, смѣщеніемъ Польскихъ чиновниковъ и новыми посылками войскъ, нѣтъ, хотять и требуютъ, чтобы всѣ 6-ть предложеній были категорически отвергнуты и отвергнуты такъ, чтобы пеходомъ переговоровъ была война. А между тѣмъ перемѣна министерства, т. е. министрство въ Парижѣ и слухи отъ отставкѣ Дж.-Россея указываютъ, что въ Англіи и Франціи вопросъ о войнѣ далеко не рѣшенное дѣло. Да и едва-ли есть причина, скажу болѣе—поводъ къ войнѣ. Ея не было въ 1831 г. Ея никогда не было. Спорять два государства, изъ которыхъ одно поглощаетъ другое. Международное право не терпитъ никакихъ измѣненій. Трактаты не нарушены. Николай I въ 1832 г. отвѣчалъ на вызовы Запада: „Дѣла Польши суть дѣла внутреннія. Польша есть моя провинція. Польша Вѣнскаго договора уже не существуетъ“. Наши дипломаты, вытертые изъ прежняго положенія и желая занять его снова, не смѣютъ говорить языкомъ Николая, и застрашенные поднятыми національностями и рѣшимостію Наполеоновъ и Гарибальди попрасть всякіе трактаты, согласились поставить Польскій вопросъ въ сферѣ международнаго права, и тутъ начинается путаница. Россія, вызвавшись на обмѣнъ мыслей, считаетъ вопросъ однако внутреннимъ и грозитъ возстаніемъ всѣхъ городовъ и весей на Европу, если бы она вздумала вмѣшаться въ это дѣло. Европа, настаивая на исполненіи Вѣнскаго мира, предлагаетъ однако перемиріе воюющимъ, т. е. обращаетъ дѣло въ вопросъ о самостоятельной національности, а Польша вовсе не думаетъ о Вѣнскихъ статьяхъ и вовсе не согласна на перемиріе въ этомъ смыслѣ, требуя и требуя огнемъ и мечемъ и веревками ни болѣе ни менѣ какъ королевства въ предѣлахъ 1771 г. Къ этому присоединились еще двѣ путаницы: неопредѣленная система управленія Великаго

Князя-намѣстника и провинціальная система Московскихъ политиковъ. Великій Князь стоитъ на томъ, что лучшее управленіе есть просвѣщенная монархія, ограниченная просвѣщеннымъ снисхожденіемъ и искупленіемъ прошедшаго помилованіями, отмѣною конфискацій и широкою автономіею. Это привело къ анархіи и къ военной диктатурѣ. Московскіе политики требуютъ для Царства того же учрежденія, какое Австрія дала Галиціи, Пруссія Познани, т. е. сравнить Царство съ Калугой или Эстляндіей. Славянофилы требуютъ, чтобы спросить самую Польшу, чего она хочетъ. Первые желаютъ конституціи, вторые—земскаго собора. Въ журналѣ „Время“ этотъ роковой вопросъ рѣшается уступкою Польшѣ всѣхъ западныхъ губерній, такъ какъ цивилизація Царства, по изысканіямъ Славянофила Кирѣевскаго, достигла, и давно, высшаго развитія и по всенсторическому закону должна подчинить себѣ развитія менѣе зрѣлыя. Пунктъ тяготѣнія этихъ странъ къ Варшавѣ.

Я, едва пріѣхавшій изъ заграницы, утомленъ этимъ чтеніемъ и оглушенъ этими возгласами, скажу болѣе (пѣю говорю о молодомъ государствѣ) этими криками анархіи.

Всѣ хоромъ трубятъ славу Муравьева за энергію и находчивость его въ подавленіи возстанія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Ему подносятъ адреса, пьютъ и шлутъ тосты. Я не сомнѣвался, что съ назначеніемъ его строгія мѣры, на которыя онъ очень склоненъ и падобъ безразлично и которыя онъ не остановится распространить на виноватыхъ и правыхъ, скоро подавятъ бунтъ; но временное диктаторство только и можетъ имѣть, что отрицательныя послѣдствія, и послѣдствія эти у Муравьева не только отвѣчаютъ минутъ или настоящему, а забираются и въ будущее. Онъ не только сокрушитъ повстанцевъ, но раззоритъ въ конецъ все дворянство. Онъ систематически сроегъ временные притоны на все дворянство. Онъ повѣситъ и разстрѣляетъ зачинщиковъ, участниковъ и попустителей, которые давали совершаться событіямъ, дрожа отъ страха и терпя отъ этихъ событий и лицомъ и животомъ своимъ.

Придетъ время, когда бывшій министръ, дѣйствовавшій подъ исключительнымъ вліяніемъ своего Польскаго департамента (Рудницкій, Кейстутъ—Гедиминъ, Войшкунскій, Кавецкій, Саковичъ, Шакно и др.) дастъ отчетъ, въ какой степени принятыя имъ системы повѣрочной люстраціи и фермъ способствовали тому, что Польскій элементъ сосалъ казенныя имущества, и крестьяне казенные, очень равнодушные къ бунтовщикамъ, мало лежали и къ правительству, которое держало ихъ для Жидовъ и пановъ такъ фискально, что правительство не могло рассчитывать на ихъ сочувствіе.

Мнѣ казалось, и я этого не скрывалъ, что систематическое фискальство въ рукахъ Поляковъ, люстраціонныя и межевыя чины исключительно Поляки—нисколько не соответствуетъ видамъ великой Имперіи, которая должна усвоить себѣ эти губерніи, заключающія въ себѣ элементы преимущественно не-польскіе: Литовскій и Русскій. Мнѣ казалось, что система новой люстраціи и фермъ истощаетъ народъ и ослабляетъ правительство.

Шестаковъ удаленъ отъ мѣста. Надобно выразить ему участіе. Я не охотникъ ни до него, ни до нея, но опельмованіе, и прежде уже чувствительное, теперь такъ гласно, что оставаться въ службѣ было бы подлостью. Великій Князь сдѣлалъ моряковъ деньгожадными и фрондѣрами. Иванъ Шестаковъ тоже мнѣ казался такимъ. Онъ давно говорилъ мнѣ, что его назначаютъ главнымъ командиромъ, вмѣсто Новосильскаго. Его назначили помощникомъ. Теперь и изъ помощниковъ отчислили. Я бы оставилъ службу. Деньгожадность не въ моихъ вкусахъ. И. Шестаковъ не останется.

Я познакомился и все это время видѣлся довольно часто съ молодой Обручевой (Екат. Никол., рожденная Философова), которая, ребенокъ, почти одна одиноконька въ пустомъ Петербургѣ. Мнѣ она очень нравится. Величайшій ея недостатокъ это ея молодость. Едва-ли ей есть 17 лѣтъ. Не знаю почему, сдается мнѣ, что она недолговѣчна („таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ“) и что она и по привычкамъ, и по вкусамъ пошла не на свое мѣсто, хотя семейство, въ которое она вошла, отличается домашними добродѣтелями. Въ этомъ кругу моледа я пріятельница очень похожа на василекъ во ржи.

*

Дипломаты не хотятъ выпустить изъ рукъ Польскаго вопроса. Революція не стихаетъ. Грубые инстинкты доходятъ до одичалости. Какъ на первыя ноты мы отвѣчали назначеніемъ Муравьева, такъ на новыя ноты (гдѣ уже 6 пунктовъ, а есть угроза, могущая превратиться въ ultimatum) мы отвѣчаемъ отъѣздомъ Великаго Князя изъ Варшавы и Муравьевскими тамъ распоряженіями графа Берга. Мы въ нашихъ нотахъ немножко заранортовались и, кажется, редакция ихъ отъ тостовъ и адресовъ немного подгуляла.

Въ самомъ дѣлѣ, точно-ли возстаніе есть одностороннее волненіе демократовъ и социалистовъ, и мы съ нашими арміями и кордонами, не можемъ съ нимъ сладить, или это возстаніе обнимаетъ все классы, и военное подавленіе парализируется страдательнымъ равнодушіемъ. презрѣніемъ къ нимъ всего населенія? Чтò такое за тайное и такое страшное правительство подземныхъ комитетовъ, которое перевѣшиваетъ наши распоряженія, организуетъ, печатаетъ декреты и издаетъ журналы?

Я сомнѣваюсь. Я полагаю, что, и признавая значительную долю вліянія космополитовъ, демократовъ и Палерояльскихъ происковъ, возстаніе должно признать національнымъ, и безуспѣшность его происходить отъ двухъ причинъ: возстаніе, давно задуманное, не созрѣло въ своей организаціи и рано прорвалось, рассчитывая на счастливый поводъ рекрутскаго набора, и во вторыхъ оттого, что крестьянская реформа поохладила приверженность низшаго класса къ гадательной мысли о самостоятельной Польшѣ.

*

Мои пріѣхали. Какъ ты похудѣлъ, мой милый Митя! Дихорадка его замучила, и опять воспаленіе въ головкѣ. Худа и Тага, плоха и мать. Польза кумыса пропала и продолжительное пребываніе въ Саратовскихъ садахъ совершенно не удалось. Но они пріѣхали, слава Богу. Гора съ плечъ!

Обязательный выкупъ Съверо-западныхъ губерній распространень и на юго-западныхъ. Я всегда былъ противъ подчиненія правъ собственности политическимъ соображеніямъ. Колебать все равно, политически или социалистически. Съ указа объ освобожденіи крестьянъ съ землею, земля подъ нами заходила. Развитие и реформы пошли такъ ненормально, ускоренно, революціонно, что надобно быть готову на все, и все готовы на все. Я вовсе не удивлюсь, если обязательный выкупъ будетъ распространень на центральныя и прочія губерніи. Демократизмъ напираетъ сильно и, разъ найдя широкое русло, онъ не останавливается ничѣмъ и ни на чемъ. Онъ затопляетъ все историческія преданія (у насъ же они такъ не сильны) и ведетъ неотступно къ матеріализму. Въ соединеніи съ соціальною собственностію онъ близокъ—онъ ближе нежели думаютъ—къ коммунизму.

Мнѣ присланы 22 сенатскія записки, для обсужденія разногласій сенаторовъ на консультаціи, куда я назначень членомъ. Какое тяжелое впечатлѣніе сдѣлали на меня эти обвѣтшальныя формы судопроизводства, это изложеніе механическое, многословное, это отсутствіе всякихъ выработавшихся въ практикѣ и теоріи юридическихъ началъ, этотъ слогъ, наборъ казенныхъ фразъ земско-судебнаго покроя. И все это терпится, продолжается въ виду, въ присутствіи новыхъ, утвержденныхъ и обнародованныхъ основныхъ положеній судебнаго преобразования. И какая масса, наводненіе частныхъ дѣлъ, продолжающихся годы, предрѣшающихъ существо предмета; они вносятъ въ процессъ кляузничество, канцелярскія уловки и путаницу. Дѣло пятьдесятъ разъ разсматривается, суды про-

творѣчатъ себѣ и въ изворотахъ, по разнымъ инстанціямъ: что вошло въ законную силу, что въ срокъ не обжаловано, что взято на апелляцію. Какую порчу должно вносить въ среду общества такое безобразное судопроизводство! И сколько пищи и взяточничеству и сутягамъ!

Другое тоже неприятное впечатлѣніе произвело на меня и новое поколѣніе судей, съ которыми я разстался съ Ноября 1856 г. По свойству нашихъ судебныхъ формъ, пріучающихъ къ усыпленію энергіи въ обрядности, или по величію современныхъ вопросовъ, отодвигающихъ текущія обязанности на задній планъ, или наконецъ въ виду реформъ суда, торжественно обѣщанныхъ и готовыхъ совершиться, я замѣтилъ такое опрометчивое, ошлоное и равнодушное разсмотрѣніе дѣлъ, что все эти сенаторы и секретари жуютъ и пишутъ, а про себя повторяютъ — „скучно“. Для примѣра укажу на рѣшеніе Сената о Московской комиссіи словеснаго разбирательства. 7-й департаментъ признавалъ ее судебнымъ мѣстомъ, когда дѣло шло о мѣщанахъ Залкиндѣ, Травинѣ и под., но вотъ явилась сенаторша кн. Долгорукова, и общее собраніе рѣшило, что это полицейская инстанція, и такъ запутала подсудность комиссіи, что члены ея встали въ тупикъ. Указъ общ. собранія 9 Октября 1862 г. остановилъ дѣла. Я ничего не говорю о Сенатѣ Московскомъ, всегда надкомъ передъ сенаторшами: но что сказать о явно неправильномъ толкованіи закона, которое прошло чрезъ руки оберъ-секретарей, сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ въ д-тѣ, потомъ въ общемъ собраніи, потомъ юрисконсульта, консультаціи и генералъ-прокурора? *).

И мы, опять консультація, такъ легально рѣшили: пересмотрѣть рѣшеніе съ высочайшаго соизволенія чрезъ Комитетъ Министровъ. Признаюсь, сидѣть мнѣ въ этой компаніи несовсѣмъ ловко. Что значать непрерывно испрашиваемыя гарантіи строителями нашихъ желѣзныхъ дорогъ? Ожиданіе убытковъ не есть-ли постройка на авось? Убыточность построекъ не есть-ли доказательство дурнаго выбора мѣстности и недостатка въ развитіи оборотовъ? Чѣмъ вознаграждается приплата отъ казны, данная въ неопредѣленное или продолжительное время? У насъ все дороги, кромѣ Коломенской, требуютъ приплаты.

*) Замѣченное мною ослабленіе юридическихъ знаній я приписываю одностороннему вліянію *partis*, монополіи правослудовъ. Самонадѣяность и затѣмъ увѣренность и ошлоность чрезвычайны. Мнѣ рассказывалъ оберъ-прокуроръ Семеновъ о продѣлкахъ съ нимъ оберъ-секретаря Фриде и о поддержкѣ, которую онъ, Фриде, нашелъ во всѣхъ товарищахъ и даже въ товарищѣ министра. Онъ говоритъ, что они объѣдутъ и меня. Можетъ быть, но что же въ этомъ хорошаго и какую роль играетъ Замятинъ?

Я не клоню къ тому мнѣнію, что намъ рано строить желѣзныя дороги, но я думаю, что намъ надо ихъ строить по своему. Говоря по своему, я не хочу сказать—согласно съ геніемъ народа. Я хочу сказать: дешевле, кое-какъ, безъ затѣй. Я думаю даже съ г. Герсевановымъ—конныя. У насъ нѣтъ не только хорошихъ, быстрыхъ путей, у насъ осенью и весною нѣтъ никакихъ.

„Русскій Вѣстникъ“ (1863. Май, № 5) доказываетъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что ни въ какой литературѣ не появляется на свѣтъ, относительно, такъ много всякой мерзости. Нигдѣ общественное мнѣніе не находится въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ у насъ, и нигдѣ вслѣдствіе того общественное слово не подвергается такому злоупотребленію. Нигдѣ такъ много не пророчествуютъ, не верхоглядствуютъ, не благовѣствуютъ, какъ у насъ, нигдѣ такъ не празднословятъ, по крайней мѣрѣ нигдѣ все это не является въ такой отчаянной несоразмѣрности съ количествомъ дѣльной мысли, серьезнаго труда и разумаго слова. Нигдѣ, наконецъ, такъ много не толкуютъ о народныхъ началахъ, о почвѣ, о самостоятельности, о заимствованной цивилизаціи, которую слѣдуетъ бросить, о самобытной цивилизаціи, которую должно начать съзнава. Все это признаки дѣйствительно неутѣшительныя“. И въ заключеніи статьи (по поводу статьи „Роковой вопросъ“), г. Катковъ заявляетъ: „Такихъ роковыхъ вопросовъ можно бы набрать бездну изъ всего того, что пишется и говорится у насъ“.

Конечно, это преувеличено. Люди избалованные (какъ г. Катковъ) становятся капризными и требовательными. Это преувеличено. Но, судя по дѣйствіямъ цензуры здѣшней и Московской, часть эта совершенно разлагается и не знаетъ что и какъ дѣлать. Въ этомъ умышленномъ курсѣ, какъ и въ биржевомъ, я вижу нехорошее предвѣстіе. Онъ показываетъ, что постоянства въ погодѣ нѣтъ и что атмосфера заражена.

Я все ничего не дѣлаю и не записываю, а дѣлать идутъ страшными шагами, съ ужасающею стремительностію.

Рѣчь Наполеона. Отмѣна Вѣнскихъ трактатовъ. Паденіе нашего вексельнаго курса и прекращеніе размѣна, смерть Датскаго короля и неминуемая война, основанія которой противорѣчатъ международнымъ актамъ, а предѣлы необозримы. Все такъ задвигалось, что даже Польскій вопросъ сдвинулся на задній планъ. Выдвигаются все больше и гуще народныя массы.

Для меня это понятно. Я вижу новый этапъ, къ которому подходятъ закованные колодки. Они все по немногу сбрасываютъ тяготящія цѣпи и дружбе и веселѣ идутъ на встрѣчу будущему. Демократическое начало, вмѣстѣ съ социализмомъ, напираетъ все сильнѣе и сильнѣе. Оно давитъ власть, организуя и общественное мнѣніе. Оно давитъ собственность, истощая ее налогами и всякими сборами.

Мое сенаторство наклеивается. Замятиницъ обѣщавъ назначить меня сенаторомъ, по—въ Москву. Это измѣняетъ дѣло. Такъ какъ предложеніе мнѣ сдѣлано въ видахъ пользы службы, для пополненія недостатка дѣловыхъ сенаторовъ въ Москвѣ, то я не могъ не изъявить согласія. Но я обдумаю, хотя долженъ сознаться, что въ душѣ я уже рѣшился принять сенаторство даже въ Москвѣ. Мнѣ давно уже не правится духъ личностей Мин. Гоеуд. Имущ., и по живости моего характера я опасаясь столкновенія съ товарищемъ министра, человекомъ скорымъ, избалованнымъ успѣхами и самоувѣреннымъ. Прежде исхода не было, но теперь есть. Я имъ воспользуюсь. На совѣтъ съ сослуживцами, мнѣ совѣтовали подождать, чтобы имѣть время получить аренду или землю. Но для меня эти соображенія второстепенны, и изъ за нихъ я не останавлиюсь. Впрочемъ, обдумаю. Еще обдумаю.

Вотъ кончился и 1863 годъ. Я сенаторъ.

Весь годъ все было въ вопросѣ. Вопросъ Итальянскій висѣлъ надъ головами, всталъ вопросъ Польскій, за нимъ неожиданно—Датскій. Во всѣхъ громко кричить и сильно напираетъ демократія, и не одна туземная, но вообще социальная. Правительства дѣлаютъ уступки за уступками; общественное мнѣніе, обуреваемое смѣлыми теоріями, подается, массы группируются и готовы установить свои банки, свои имущества, свои повременныя сборища, свои наборныя полчища. 1863 г. съ своими вопросами двинулъ этотъ институтъ общественности чрезвычайно сильно и готовъ возвести его въ начало, въ чинъ, въ законный порядокъ. Этому должно было ожидать при дѣйствіи нынѣшнихъ такъ называемыхъ конституцій, которая есть ничто иное какъ арена борьбы индивидуальности съ обществомъ и палата съ правительствомъ, въ которой видны два исхода: или Англія или Франція, т. е. или республика съ монархическими формами или диктатура съ представительными и военными корпусами пассивнаго повиновенія. Я видѣлъ лично, въ какомъ положеніи конституціонная Пруссія, которая мнѣ знакома когда еще была чиновническая.

Движеніе демократическое, выражающееся и въ народныхъ массахъ и въ дробленіи внутреннихъ займовъ и въ измельчаніи знаній, затерю

науку, возводя въ ея чинъ ремесла и искусство, и выдвинуло журналистику, сдѣлавъ ее, какъ органъ общественнаго мнѣнія, силою, властію, умѣньемъ.

И у насъ, въ Россіи, это движеніе сильно. У насъ проявились— и если недовольно опредѣленно и зрѣло, то весьма скоро и весьма запальчиво—свои партіи: партія демократическая, самая сильная, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, съ своими органами: „С.-Пбрг. Вѣдомости“, „День“, „Современникъ“, „Русск. Слово“ и даже „Инвалидъ“ и почти все сатирическія и вообще мелкія изданія. Партія дворянская, тоже весьма сильная съ своими органами: „Московскія Вѣдомости“, „Сѣверная Почта“, „Вѣсть“ и партія чиновническая, самая шаткая, бросающаяся то въ просвѣщенный деспотизмъ, то въ аристократическую республику, съ своими органами: „Голосъ“.

Антагонизмъ Москвы и Петербурга сдѣлался сильнѣе нежели когда нибудь, и „Московскія Вѣдомости“ Каткова, самое вліятельное и весьма распространенное изданіе, едва-ли не сильнѣе „Дня“, топчетъ въ грязь Петербургскіе кружки, системы и порядки. Отгѣнки оппозиціи проявляются болѣе нежели замѣтно, и я вовсе не удивлюсь, если съ открытіемъ земскихъ учрежденій не образовалась въ Москвѣ та открытая національная оппозиція, которой эти учрежденія представляютъ широкое поле дѣйствія. Они же представляютъ тому и многіе поводы, давая преобладающее вліяніе помѣщикамъ и городскимъ купцамъ, рѣшительно не одобряющимъ Петербургскихъ мѣроположеній. Мѣры эти разорили оба класса, и конечно не разореніе внушаетъ и укрѣпляетъ преданность.

У насъ реформы продолжаются. Онѣ сыпятся съ роскошною невиданною и неслыханною. Точно мы отуманены, точно мы виноваты и боимся открытія вины, задариваемъ обвинителей. Реформы эти напоминаютъ тѣ времена Петра I-го, когда на вчерашнихъ бородачей и неуклюжихъ бояръ и думныхъ дьяковъ надѣвали узкіе Нѣмецкіе кафтаны. Кафтаны лопались, бородачи оставались тѣми же Москвитами.

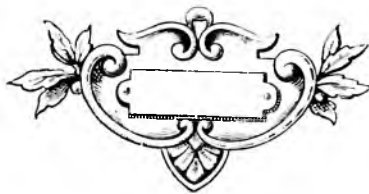
Сущность не въ формахъ и не въ учрежденіяхъ,—хотя сила организаціи очень велика—сущность въ людяхъ. Людей образуетъ время, исторія. Мы еще молоды, слишкомъ широко живемъ. Теперь только началось многое.

*

На меня награды сыплются за наградами. Сдѣлали сенаторомъ, назначили пособіе въ три тысячи рублей, пожалована аренда, по 2 т. р.

на двѣнадцать лѣтъ. А сегодня четвертая: министерство, т. е. министръ, товарищъ его, члены Совѣта, директора и вице-директоры давали мнѣ обѣды. Распорядитель. Н. А. Гернгроссъ, сдѣлалъ его великолѣпнымъ; спичи служили приправою. Я искренно благодаренъ моимъ сослуживцамъ. Благодаря, за тостами, я сказалъ, что имѣлъ подобныхъ два обѣда и понималъ ихъ, а этотъ третій не понимаю и приписываю его одной благосклонности и добротѣ. Тутъ начались спичи. Отвѣчалъ Гернгроссъ: „По праву и по привычкѣ вы занимали у насъ мѣсто какъ бы генераль-прокурора, мѣсто, какъ извѣстно и какъ гласятъ законы, для всѣхъ ненавистное. И мы и дѣла наши не пользовались вашею благосклонностию, и мы и они чувствовали на себѣ и живость и строгость контроля и оцѣнки. Но не смотря на это, на другой день въ тотъ же день, встрѣчаясь съ вами, всегда и всякій былъ радъ этой встрѣчѣ, съ удовольствіемъ жаль руку и всегда съ удовольствіемъ обращаясь за добрымъ совѣтомъ“ и проч. Шульгинъ написалъ стихи, которые оканчиваются, кажется, такъ: „Благодаримъ, благодаримъ, за добрый трудъ, за жизнь межъ нами и за этотъ день“. Вообще одушевление было большое, и мы развѣхались въ 10-мъ часу.

(Продолженіе будетъ).

Къ исторіи еврейства.*)

XV.

Ослабленіе революціоннаго движенія въ Россіи въ Августѣ и Сентябрѣ 1905 г. Участіе Евреевъ въ возбужденіи забастовокъ и безпорядковъ въ концѣ Сентября 1905 г. въ Москвѣ. Вооруженное столкновение казаковъ и полиціи съ 1,000 рабочихъ и буддистовъ въ еврейской школѣ 5 Октября въ Минскѣ губери. Безпорядки въ Кіевѣ, произведенные учащимися и разнымъ сбродомъ. Состоявшіеся 18 Октября одновременно патріотическая манифестація въ городѣ и революціонный митингъ въ городской думѣ подъ предѣлательствомъ Евреевъ-ораторовъ, призывавшихъ къ бунту. Прорывъ Евреемъ портрета Царя въ город. думѣ, оскорбленіе Евреями народнаго чувства, повлекшее еврейскій погромъ 19 и 20 Октября. Стрѣльба Евреевъ въ войска во время погрома. Важные безпорядки, устроенные Евреями и революціонерами съ 13 по 19 Октября въ Одессѣ для захвата власти вооруженнымъ возстаніемъ. Забастовка учащихся подъ вліяніемъ насильнѣе учениковъ-Евреевъ и столкновение учащихся съ полиціей. Подчиненіе городской думы вліянію революціонеровъ и учрежденіе временнаго комитета. Устройство революціонерами барикадъ и бой съ войсками. Революціонныя манифестаціи и требованія комитета. Нападеніе революціонеровъ на гороловыхъ. Патріотическая манифестація, стрѣльба Евреевъ въ манифестантовъ, вызвавшая еврейскій погромъ 19, 20 и 21 Октября. Подготовка Евреями съ 1904 г. революціоннаго движенія въ Харьковѣ. Смута въ Харьковѣ съ 9 по 12 Октября 1905 г. Забастовка рабочихъ 10 Октября, ихъ митингъ съ ораторами-Евреями, манифестаціи и столкновение съ войсками. Учрежденіе городской милиціи съ участіемъ Евреевъ. Столкновение буйствующаго народа 11 Октября съ патріотическими манифестантами и войсками. Устройство революціонерами около университета барикадъ. Сдача революціонеровъ войскамъ. Революціонная проаганда среди нижнихъ чиновъ въ Харьковѣ и возмущеніе части ихъ. Революціонные безпорядки-устроенные Евреями и революціонерами послѣ 17 Октября и вызванные этимъ еврейскіе погромы въ Симферополѣ, Екатеринославѣ, Кишиневѣ и въ другихъ городахъ. Попытка Евреевъ и революціонеровъ разгромить тюрьму въ г. Бѣлостокѣ. Стрѣльба Евреевъ въ патріотическихъ манифестантовъ въ Полтавѣ.

Велѣдствіе объявленія многихъ губерній и городовъ на положеніяхъ военномъ и усиленной охраны и принятія правительствомъ болѣе

*) См. выше, стр. 423.

строгихъ мѣръ для предупрежденія безпорядковъ, революціонное движеніе въ Августѣ и Сентябрѣ 1905 г., въ чертѣ еврейской осѣдлости и вообще въ Россіи, затихло, выражаясь въ незначительныхъ безпорядкахъ, въ убійствахъ представителей власти, преимущественно полиціи, и въ нанесеніи имъ ранъ; съ конца же Сентября, въ Октябрѣ, особенно послѣ изданія манифеста 17 числа, оно вспыхнуло снова.

Начало усиленія революціоннаго движенія было сдѣлано революціонерами въ концѣ Сентября въ Москвѣ, вѣроятно, въ виду малочисленности полиціи и войскъ въ ней и слабости администраціи. Въ Сентябрѣ въ Москву нахлало много Евреевъ изъ Одессы и Армянъ изъ Баку и Тифлиса⁴⁶⁰). Они съ мѣстными бунтовщиками въ концѣ Сентября и явились главными устроителями забастовокъ и безпорядковъ. Подобравъ шайку изъ сбитыхъ ими съ толку молодыхъ рабочихъ, пьяныхъ хулигановъ, эти агитаторы являлись въ различныя заведенія ихъ, прекращали работы. Тамъ, гдѣ рабочіе отказывались исполнять ихъ требованія, они прибѣгали къ угрозамъ и насилию. На одной фабрикѣ бунтовщики обстрѣливали не желающихъ прекратить работу изъ револьверовъ.

Благодаря разнымъ союзамъ въ Москвѣ крамольнаго характера, бунтовщикамъ удалось составить толпу болѣе тысячи человекъ. Тутъ были Евреи, Армяне, мѣстные интеллигенты-крамольники и студенты, многіе изъ которыхъ приходили бунтовать переодѣтые въ одежду рабочихъ. Эта шайка бунтовщиковъ держала нѣсколько дней въ страхѣ всю Москву, лишила многихъ рабочихъ заработка, производила безпорядки и совершала дикія преступленія: многіе солдаты, казаки и полицейскіе были убиты бунтовщиками. Все это произошло отъ попустительства крамолѣ. Полиціи и войскамъ было воспрещено прибѣгать къ оружію при усмиреніи бунтовщиковъ, которые прямо разстрѣливали защитниковъ порядка. Одесскіе Евреи не только сами были вооружены, но и роздали оружіе помогавшимъ имъ бродягамъ⁴⁶¹).

Въ *Минскѣ*, губерн. 5 Октября, въ еврейской школѣ собралось на сходку около 1,000 Евреевъ-рабочихъ и членовъ „Бунда“. Эта толпа обсуждала вопросъ о Государственной Думѣ. Въ помѣщеніе вошли городовые и казаки, которые и разсѣяли ее. Рабочіе отвѣчали

⁴⁶⁰) Въ „Вѣстникѣ Русскаго Собранія“ (1906 г. № 1) напечатано письмо изъ Тифлиса отъ 1809 Русскихъ, въ которомъ опредѣленно отмѣчается существованіе тѣсной связи между Армянами и Евреями въ дѣлѣ революціонной пропаганды и указывается, что представительницы обѣихъ „союзныхъ націй“ были въ значительномъ числѣ командированы не только въ Манчжурію, но даже въ Японію и занимались, смотря по обстоятельствамъ, то шпіонствомъ, то пропагандою.

⁴⁶¹) „День“ 1905 г. № 263.

ударами палокъ, что и вынудило казаковъ прибѣгнуть къ оружію. Въ результатѣ оказалось 100 чел. легко раненыхъ и 20—тяжело. 6 Октября толпы рабочихъ ходили по городу и устроили рядъ демонстрацій въ центрѣ города⁴⁶²).

Въ *Кіевѣ*. 14 Октября, было сильное возбужденіе въ народѣ: на улицахъ скопища народа разгоняли казаки. На нѣкоторыхъ линіяхъ городской желѣзной дороги движеніе прервалось толпами учащихся и разнаго сброда, останавливавшихъ вагоны. Въ университетѣ, начиная съ 9 час. утра, стали собираться въ большомъ числѣ учащіеся высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, приказчики, рабочіе и разный сбродъ. Въ актовомъ залѣ и многихъ аудиторіяхъ, на сборищахъ, говорились рѣчи революціоннаго характера и были слышны крики, шумъ, пѣніе. Собралось болѣе 10,000 чел. Передъ университетомъ войска и казаки разгоняли собравшихся. Въ учебныхъ заведеніяхъ ученики были распущены. Въ нѣкоторыя учебныя заведенія врывались толпы молодежи и заставляли прекратить занятія.

По случаю изданія манифеста 17 Октября, 18 числа состоялись многотысячная патріотическая манифестация и шествіе по улицамъ города духовенства съ образами, національными флагами и пѣніемъ⁴⁶³). Во время этой манифестации, въ залѣ городской думы былъ прорванъ Евреемъ портретъ Государя и состоялся революціонный митингъ, главными участниками котораго были Евреи. Такое оскорбленіе народнаго чувства вызвало еврейскій погромъ 19 и 20 Октября. Только въ концѣ Декабря 1907 г. и въ Январѣ 1908 г., при разбирательствѣ дѣла о немъ въ окружномъ судѣ въ Кіевѣ, выяснилось главное участіе Евреевъ въ подготовлявшемся возстаніи, безпредѣльная наглость поведенія ихъ относительно Русскихъ и стрѣльба въ войска, вызванныя для защиты Евреевъ отъ погромщиковъ. По показаніямъ свидѣтелей, рыжій Еврей въ залѣ думы ударомъ кулака прорвалъ портретъ Государя, увеличилъ дыру руками, вставилъ въ отверстіе голову и неистово кричалъ, что теперь все равны и каждый можетъ быть на этомъ мѣстѣ. Предсѣдателемъ революціоннаго митинга былъ избранъ гласный думы крещеный Еврей Шефтель. Въ произнесенныхъ на митингѣ рѣчахъ, ораторы Евреи: адвокатъ Ратнеръ, служащій въ управленіи юго-западныхъ желѣзн. дорогъ Шлихтеръ и другіе зывали къ вооруженному бунту. Толпа революціонеровъ (большинство Евреевъ) ворвалась въ зданіе военнаго суда и требовала отъ предсѣдателя отправиться на Думскую площадь въ качествѣ депутата. Предсѣдатель генераль Богдановъ отка-

⁴⁶²) Новое Время 1905 г. № 10631.

⁴⁶³) Новое Время 1905 г. № 10638.

заяся. Толпа хотѣла тащить его. Для предупрежденія насилій, кандидатъ на судебныя должности отправился на площадь. Глава революціонеровъ Шлихтеръ объявилъ, что явился депутатъ военнаго суда, учрежденія, вѣшавшаго борцовъ за свободу. Кандидата посадили на лошадь и заставили говорить рѣчь. На площади толпа вела себя нагло: съ головы прогояерея сбили камилавку. Шлихтера же видѣли ѣхавшимъ на конѣ, съ фантастической чалмой на головѣ и съ краснымъ флагомъ въ рукахъ.

Во время еврейскаго погрома изъ оконъ и съ балконовъ еврейскихъ квартиръ, стрѣляли и бросали камнями въ войска, вызванныя для водворенія порядка. Солдатъ убито двое и семеро ранено, также ранено 5 лошадей. Студентъ Еврей Бродскій убилъ двухъ христіанъ и ранилъ помощника пристава. Были случаи загражденія улицы подводами съ цѣлю затруднить движенія войскъ. Капитанъ Ельчаниновъ показалъ, что онъ отстаивалъ цѣлый кварталъ. Одна Еврейка благодарила его за оказанную защиту, однако подписала протестъ противъ дѣйствія войскъ, напечатанный въ еврейскихъ газетахъ. Въ протестѣ войска порицались и обливались помоями.

Въ виду того, что при разбирательствѣ этого дѣла въ судѣ выяснилось участіе многихъ лицъ, въ томъ числѣ Ратнера и Шлихтера, въ подготовлявшемся возстаніи въ Кіевѣ, которыя не были привлечены къ суду, кіевскимъ отдѣломъ русскаго собранія всероссійскихъ союзовъ рабочихъ, отправлена 27 Января 1908 г. Государю всеподданнѣйшее ходатайство повелѣть особо довѣренному лицу образовать слѣдственное производство о дѣйствіяхъ прокуратуры по дѣлу о революціонныхъ безчестіяхъ въ городской думѣ 18 Октября 1905 г. и о привлеченіи виновныхъ въ отвѣтственности⁴⁶⁴).

Болѣе опасныя для государства противоправительственные безпорядки, при главномъ участіи Евреевъ, произошли въ Октябрѣ 1905 г. въ *Одессѣ* и въ *Харьковѣ*.

Возбужденіемъ безпорядковъ въ Одессѣ революціонеры стремились захватить фактически власть и совершить переворотъ вооруженнымъ возстаніемъ. Были организованы вооруженные отряды студентовъ и рабочихъ, намѣчена санитарная организація помощи для сторонниковъ революціи, устроена забастовка аптекъ и врачей. Революція желала прикрыться и авторитетомъ одесской городской думы, отъ имени которой должна была быть выпущена прокламація къ гражданамъ Одессы, начинавшаяся словами: „Наконецъ самодержавіе свалилось въ пропасть“. Не желая подписать и выпустить отъ думы такой прокламаціи, одесскій городской голова Крыжановскій вышелъ въ отставку.

⁴⁶⁴) Новое Время 1907 г. №№ 11407 и 11411 и 1908 г. №№ 11437, 11439 и 11451.

13 Октября забастовали ученики (*преимущественно Евреи*) коммерческихъ училищъ „Императора Николая I“ и Фейга.

14 Октября эти ученики, предводительствуемые агитаторами и студентами, двинулись толпами требовать насильственного закрытія учебныхъ заведеній. Толпа пыталась ворваться на почту, но была разогнана конною стражей. Толпа учениковъ выбила стекла въ Риншельевской гимназіи и потомъ, все увеличиваясь, двинулась на Канатную улицу къ училищу Березиной. Въ толпѣ уже появились красные флаги. На Канатной улицѣ она встрѣтилась съ нарядомъ 20 городскихъ, которые обратились къ ней съ требованіемъ разойтись: но были осыпаны камнями, при чемъ ушиблено четверо городскихъ. Видя это, остальные городовые обнажили шашки и разогнали толпу. Ранеными оказались студенты и три взрослыя дѣвцы. Вѣсть о столкновеніи полиціи съ толпою вызвала крайнее возбужденіе противъ полиціи. Вся городская управа отправилась производить дознаніе на мѣстѣ, а оттуда прибыла къ градоначальнику, прося его принять мѣры къ разслѣдованію происшедшаго. Градоначальникъ согласился произвести разслѣдованіе. Слухи о томъ, что перерѣзаны чуть не всѣ дѣти, продолжали облетать городъ, увеличивая возбужденіе. Дума, подпавшая подъ вліяніе крайнихъ элементовъ среди своихъ служащихъ, сдѣлала 15 Октября рядъ протестующихъ постановленій, между прочимъ, о немедленномъ учрежденіи временнаго городского исполнительнаго комитета, въ который вошли бы представители всѣхъ народныхъ и рабочихъ организацій, а равно и о принятіи немедленно дѣйствительныхъ мѣръ къ учрежденію городской милиціи. Видя такое возбужденіе общества, градоначальникъ распорядился отобрать въ ночь на 16-е число всѣ патроны изъ всѣхъ частныхъ магазиновъ Одессы. Эти патроны были свезены въ полицейскіе участки, и въ силу этой мѣры, на другой день, сторонниками революціи былъ ограбленъ только одинъ оружейный магазинъ (съ выдачей отъ студентовъ росписки): ограбленіе остальныхъ было признано нецѣлесообразнымъ, такъ какъ всѣ патроны были отобраны. Эта мѣра спасла сотни жизней.

16 Октября, около 2-хъ часовъ дня, толпа стала переворачивать вагоны конки и строить баррикады. Ихъ въ городѣ было построено 9 и одна—высотой съ соседними домами. Всѣ баррикады были построены около заранѣе намѣченныхъ пунктовъ, вблизи отъ имѣвшагося подъ рукою строительнаго матеріала, и около каждой баррикады былъ основанъ перевязочный пунктъ, заранѣе намѣченный въ частныхъ квартирахъ. Появились на улицахъ извозчики съ санитарамъ и сестрами, которыя были въ бѣлыхъ хирургическихъ фартукахъ, и даже у извозчиковъ были повязки „Краснаго Креста“ на шляпахъ. Какъ только получилась

вѣсть объ уличныхъ безпорядкахъ. немедленно были вызваны все войска гарнизона, которыя начали дѣйствовать по барикадамъ, причемъ на выстрѣлы отвѣчали огнемъ. Въ этотъ день было задержано войсками и полиціей 212 лицъ и раненыхъ оказалось до 80, а убитыхъ 9 чедов.

17 число прошло тихо. Уличныя толпы совершенно исчезли, но возбужденіе стало принимать все большіе размѣры. При думѣ насильственно образовался временный комитетъ, въ который вошли представители всѣхъ революціонныхъ организацій.

18 Октября, въ день, когда сталъ извѣстенъ манифестъ, онъ вызвалъ весь народъ на улицу, стали формироваться процессіи съ красными флагами. Вскорѣ возбужденіе среди этихъ процессій возросло: огромная толпа собралась у думы на площади, на думѣ взвились красные флаги, а слова: „Боже Царя храни“ на зданіи думы для иллюминаціи были сорваны и поломаны. Въ толпахъ появились всякія надписи на полотнахъ: „Одесская революція“, „Да здравствуетъ свобода“, „Слава погибшимъ бойцамъ“ и во множествѣ распространялись прокламаціи „Кровавый царь“. Видя возбужденное настроеніе толпы, градоначальникъ пригласилъ къ себѣ представителей образовавшагося при думѣ временнаго комитета и просилъ ихъ употребить все ихъ вліяніе на народъ въ цѣляхъ разъясненія началъ великой реформы, дарованной манифестомъ, и успокоенія его. Градоначальникъ получилъ заявленіе о тѣхъ ультимативныхъ требованіяхъ, которыя были выработаны во временномъ комитетѣ. Эти требованія были: возвращеніе войскъ въ казармы, выводъ казаковъ за городъ и уничтоженіе полиціи, съ допущеніемъ торжественныхъ похоронъ жертвъ предыдущихъ дней. Въ случаѣ неисполненія требованія объ уничтоженіи полиціи, было сообщено, что полиція будетъ разоружена „захватнымъ правомъ“. Черезъ два часа послѣ этихъ заявленій начали нападать на отдѣльныхъ городскихъ вооруженныя шайки революціонеровъ. Въ этотъ же день было убито 2, ранено и обезображено 10 и обезоружено 22 городскихъ. Полиція покинула посты и охрана города поддерживалась сильными патрулями. Весь вечеръ на главной улицѣ видны были посты студенческой вооруженной милиціи, которые разсѣивались при прохоженіи полицейскихъ патрулей, а на окраинахъ *еврейскія заставы* никого не пропускали безъ обыска. Этому подвергались рѣшительно все, даже чиновники, объѣзжавшіе городъ и полицейскіе участки ⁴⁶⁵).

⁴⁶⁵) По словамъ очевидца (корреспондента „Новаго Времени“) въ процессіи съ красными флагами 18 Октября *виднос участие принимали Евреи и немного Русскіе*. Когда появились процессіи съ національными флагами, онѣ были встрѣчены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города враждебно: въ нихъ стрѣляли. Ружейные выстрѣлы были про-

День объявленія манифеста прошелъ въ Одессѣ безъ войскъ и полиціи на улицахъ, но не безъ насилій и грубыхъ издѣвательствъ надъ національнымъ русскимъ чувствомъ. Издѣвались надъ царскимъ портретомъ, ругались по адресу Особы Государя, срывали національные флаги, заставляли публику преклоняться передъ красными флагами. Эти выходки процессій съ красными флагами вызвали чувство обиды у русской части населенія, которая на другой день двинулась по городу съ національными флагами, иконами и портретомъ Государя. Народъ двинулся изъ порта, прошелъ въ соборъ, гдѣ на площади отслужилъ молебенъ: потомъ толпа раздѣлилась на нѣсколько партій, но при дальнѣйшемъ движеніи попала подъ выстрѣлы революціонеровъ, *убившихъ изъ зданія редакціи еврейскаго „Южнаго Обозрѣнія“ двухъ христіанъ*, несшихъ портреты. Въ остальныхъ процессіяхъ были брошены бомбы. Эти злодѣянія такъ ожесточили народъ, что онъ съ неудержимою стремительностью бросился на еврейскія лавки и ураганомъ пронесся по различнымъ улицамъ. Повсемѣстно начался погромъ, при чемъ Русскіе, не бывъ вооруженными, понесли значительный уронъ отъ поголовно почти вооруженныхъ Евреевъ и революціонеровъ. Вечеромъ, по свѣдѣніямъ больницы, выяснилось, что Русскихъ раненыхъ было принято до 200, а Евреевъ 70. Войсковые патрули стали спѣшно разсылаться во всѣ стороны: но громилы, при видѣ войскъ, немедленно разсѣивались.

Простой народъ, видя свой уронъ отъ невооруженія, рѣшилъ на другой день „сквитоваться“, и на другой день (20 Октября) и на третій (21-го Октября) войска, которыхъ вообще для Одессы было недостаточно, безустанно боролись и бѣгали по улицамъ, но громилы продолжали разбѣгаться за углы, и городъ, съ котораго была снята цѣпь полицейскихъ постовъ насиліемъ революціонеровъ, оставался во власти грабителей. Движеніе войскъ и полицейскихъ патрулей, слѣдившихъ на мѣсто разгрома, задерживалось постоянными выстрѣлами изъ оконъ многочисленныхъ домовъ. При производствѣ такихъ выстрѣловъ, войска останавливались и отвѣчали выстрѣлами въ окна домовъ, изъ которыхъ стрѣляли. Если бы не стрѣляли изъ оконъ, войска и полиція гораздо скорѣе справились съ грабежомъ и прекратили погромъ.

изведены изъ нѣкоторыхъ *еврейскихъ домовъ*, что тотчасъ озлобило простонародье противъ Евреевъ. Новое Время 1905 г. № 10641.

Въ г. Тирасполь, Херсонской губер. разнеслась вѣсть, что изъ Одессы идетъ поездъ, украшенный красными флагами съ революціонерами, которые разбѣзжаютъ по линіи желѣзной дороги, возвѣщая, что въ Россіи провозглашена республика, что Южный Край уже отдѣлился отъ Россіи и что Евреи выбрали президентомъ „Южно-Русской республики“ одесскаго адвоката Еврея Пергамента. Новое Время 1905 г. № 10657.

На второй день погрома градоначальникъ объявилъ, что если стрельба будетъ продолжаться, то начнетъ дѣйствовать артиллерія и громить дома. Тогда послѣдовали заявленія, что *еврейская самооборона прекратитъ стрельбу* и прекратится появленіе на улицѣ вооруженныхъ студентовъ и вообще лицъ въ студенческой формѣ⁴⁶⁶).

Къ 22-му Октября настало успокоеніе, нарушаемое изрѣдка одиночными выстрѣлами провокаторовъ-революціонеровъ⁴⁶⁷).

Въ статьѣ кн. М. Л. Шаховского „Смутное время въ Харьковѣ“, напечатанной въ „Историческомъ Вѣстникѣ 1907 г. въ №№ 1 и 2, сдѣланъ очеркъ революціоннаго движенія въ Харьковѣ за послѣдніе четыре мѣсяца 1905 г. Согласно нашей задачѣ, мы приведемъ изъ этого очерка факты участія въ немъ Евреевъ, доказывающіе, что преимущественно они возбудили его и руководили имъ.

Въ *Харьковѣ* еще съ 1904 г., нахлынувшіе въ него изъ губернной черты осѣдлости агитаторы-Евреи и въ числѣ ихъ „бундисты“ подготовили фабричныхъ рабочихъ къ революціи, возбуждая ихъ къ активной борьбѣ съ существующимъ государственнымъ строемъ на митингахъ.

Въ 1905 г. Евреи имѣли въ Харьковѣ отдѣленіе „Бунда“ и особый комитетъ „дружинниковъ“. „Сіонисты“, составляя отдѣльную группу, присоединились къ революціонному движенію и доставляли изъ такъ называемаго „шекельнаго сбора“ денежные средства на поддержаніе революціи. Во главѣ мѣстнаго „союза союзовъ организацій“ стоялъ Еврей присяжный повѣренный Рацшъ: предѣвателемъ „федеративнаго совѣта харьковскихъ комитетовъ русскихъ социаль-демократической и революціонной партій“—Еврей Бисекъ, который въ то же время былъ лидеромъ еврейской партіи. Въ началѣ Сентября на сходкѣ Евреевъ въ синагогѣ онъ говорилъ, что существующая ненависть къ Евреямъ въ невѣжественныхъ массахъ поддерживается правительствомъ самодержавія и что необходимо свергнуть это иго, и русскій народъ откроетъ Евреямъ новую эру ихъ жизни. Другой ораторъ сказалъ:

⁴⁶⁶) По поводу октябрьскихъ безпорядковъ въ Одессѣ, корреспондентъ „Times“ сообщилъ, что снабженіе еврейскаго населенія въ Одессѣ оружіемъ началось еще весной, послѣ Пасхи. Доставку оружія приняли на себя „Бундъ“, „Сіонисты“, рабочій и студенческій комитеты. Корреспондентъ получилъ эти свѣдѣнія отъ лицъ, принимавшихъ участіе въ организаціи самообороны. О главныхъ виновникахъ, вызвавшихъ погромъ, онъ высказалъ слѣдующее мнѣніе: „Въ общемъ *пострадали не тѣ, кто несетъ на себѣ отвѣтственность за призваніе къ оружію. Я лично убѣжденъ, что кровопролитіе далеко не приняло бы такихъ ужасныхъ размѣровъ, если бы *богатые еврейскія организаціи не снабдили молодежь оружіемъ**“. Новое Время 1905 г. № 10673.

⁴⁶⁷) Сообщение бывшаго одесскаго градоначальника Нейдгарта. Новое Время 1905 г. № 10654.

„Наша святая обязанность *вооружать русскую революцію и находиться въ ея рядахъ*“.

9 Октября 1905 г. телеграфисты станціи Харьковъ получили приказъ бастовать, что ими и было исполнено немедленно. Они же дали знать на все фабрики и заводы, окружающіе Харьковъ, о началѣ забастовки. 10-го Октября рабочіе всехъ промышленныхъ заведеній стали стекаться толпами къ центру города. По дорогѣ они закрывали магазины и лавки: къ нимъ присоединялись приказчики и хулиганы. Толпы рабочихъ подошли къ Ващенко-Васильевской лавадѣ, гдѣ состоялся митингъ при участіи 15,000 человекъ, митингъ приуспенно возбужденномъ состояніи рабочихъ. *Ораторы-Евреи и инженеры изъ Евреевъ* говорили зажигательныя рѣчи, еще болѣе возбуждая толпу. Митингомъ были постановлены слѣдующія резолюціи требовать: 1) немедленнаго созыва учредительнаго собранія по четырехчленной формулѣ, 2) предоставленія свободы слова, печати, союзовъ и собраній и 3) немедленнаго освобожденія четырехъ делегатовъ отъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, арестованныхъ, будто бы, въ Петербургѣ.

Послѣ митинга произошли противоправительственные манифестаціи рабочихъ и другихъ группъ населенія учащихся, присяжныхъ повѣренныхъ и даже профессоровъ, разграбленіе оружейнаго магазина, стрѣльба въ казаковъ и солдатъ, отвѣтная стрѣльба послѣднихъ и другія столкновенія буйствующаго народа съ войскомъ, въ результатъ чего къ 11 час. вечера въ больницы было доставлено 38 раненныхъ: изъ нихъ 12 солдатъ и казакъ. Губернаторъ, по настоячивымъ домогательствамъ медицинскаго комитета, въ которомъ участвовали и городской голова, разрѣшилъ учрежденіе милиціи. „Комитетъ общественной безопасности“ немедленно ее организовалъ, и 10 Октября съ 4-хъ час. по полудни, по городу начали бродить вооруженные отряды молодежи, *преимущественно Евреевъ*, съ которыми происходили столкновенія войскъ.

11-го Октября, съ ранняго утра, на улицахъ появились толпы буйствовавшего народа, группировавшагося около университетскихъ зданій, старыхъ присутственныхъ мѣстъ, на Николаевской и Павловской площадяхъ. Присутственные мѣста, банки, магазины были закрыты. На Николаевской площади толпу патріотическихъ манифестантовъ революціонеры встрѣтили градомъ камней и выстрѣлами изъ револьверовъ, при чемъ рабочій, несшій портретъ Государя, былъ смертельно раненъ. Затѣмъ революціонеры стрѣляли въ прибывшихъ казаковъ и пѣхотинцевъ. На Павловской площади произошло такое же столкновеніе другой толпы патріотическихъ манифестантовъ.

Въ разныхъ мѣстахъ около университета революціонеры стали устраивать баррикады и заняли соборную колокольню. Военныя власти распорядились оцѣпить войскомъ соборную площадь, территорію вооруженныхъ засадъ. Вслѣдствіе требованія членовъ „комитета общественной безопасности“ о переговорахъ властей съ осажденными, такъ какъ между ними находятся женщины и дѣти, власти согласились на это. Осажденные выговорили у нихъ условія: не обыскивать и не арестовывать ихъ и устроить митингъ. Они вышли изъ засадъ толпою до 1,000 челов. и направились въ предшествіи коменданта г. Харькова на Скобелевскую площадь, гдѣ поджидали ихъ рабочіе и разныя лица отъ освободительнаго движенія. По бокамъ чинно двигавшейся толпы съ кривляніемъ и ужимками не шли, а скакали „буддисты“, то забѣгая впередъ, то врѣзываясь въ толпу съ криками „Да здравствуетъ революція“. Къ шести часамъ вечера баррикады были разобраны.

12 Октября милицію по распоряженію губернатора разоружили. Собранными свѣдѣніями установлено число пострадавшихъ: умершихъ отъ ранъ 17, раненыхъ 176. Евреевъ пострадало 27.

Судебная власть не нашла виновниковъ октябрьскаго мятежа и за отсутствіемъ ихъ прекратила дѣло.

17 и 23 Ноября, въ Харьковѣ, по подстрекательству агитаторовъ произошли манифестаціи незначительной части солдатъ, квартирующихъ въ немъ пѣхотныхъ полковъ. Двѣ роты, предъявившія незаконныя требованія начальству 17-го числа, были имъ успокоены. 23 же Ноября манифестація въ городѣ 200 нижнихъ чиновъ съ ружьями и боевыми патронами во главѣ толпы демонстрантовъ не окончилась кровопролитіемъ только потому, что нижніе чины повиновались увѣщаніямъ командовавшаго отрядомъ для водворенія порядка генерала Нечаева и направились въ казармы. Тогда *Еврей-ораторъ*, чтобы возбудить солдатъ къ неповиновенію, произнесъ рѣчь о значеніи волненій среди войскъ, о необходимости помнить солдатамъ, что они тѣже граждане, что, проливая братскую кровь, они совершаютъ преступленіе и т. д. По словамъ офицеровъ харьковскаго гарнизона, главными распространителями между нижними чинами въ большемъ числѣ прокламацій были вольноопредѣляющіеся *нижніе чины изъ Евреевъ*.

Начиная съ 9 Октября, *Симферополь* былъ терроризированъ забастовщиками и революционерами, творившими насилія надъ всѣми, кто выражалъ какой либо протестъ противъ ихъ притязаній. Въ 9 час. утра 18 Октября былъ обнародованъ манифестъ 17 Октября. На улицахъ появились двѣ группы манифестантовъ. Одна съ красными флагами, на которыхъ красовались надписи: „Да здравствуетъ свобода“, „Да здравствуетъ еврейство, даровавшее Россіи свободу“, пошла по

улицамъ съ пѣніемъ русской марсельезы и громкими криками: „Долой самодержавіе“, „Долой Государя“; другая же съ царскимъ портретомъ и національными флагами шла съ пѣніемъ: „Боже Царя храни“ и „Спаси Господи люди Твоя“. Сначала группы манифестантовъ, встрѣчаясь, расходились мирно; затѣмъ, встрѣтаясь на площади у почтовой конторы, манифестанты начали вырывать другъ у друга флаги и разрывать ихъ. Толпа манифестантовъ съ красными флагами возрасла до громадныхъ размѣровъ и отъ гимназіи двинулась къ тюрьмѣ. Тюремные ворота векоръ были разбиты, и политическіе преступники освобождены и посажены на экипажи, на которыхъ они поѣхали по улицамъ съ громкимъ крикомъ „ура“. За политическими преступниками бросились бѣжать и уголовные арестанты. Всего сбѣжало и пыталось бѣжать свыше 200 арестантовъ.

Разбивъ тюрьму, манифестанты съ красными флагами и революціонными пѣснями направились въ городской садъ и здѣсь устроили митингъ. Между тѣмъ, по Лазаревской улицѣ, прилегающей къ городскому саду, шла патріотическая манифестація съ пѣніемъ народнаго гимна. Когда эта процессія сравнялась съ бульваромъ, къ его рѣшеткѣ *подскочила толпа Евреевъ* и съ крикомъ „Долой самодержавіе“ *открыла огонь залпомъ изъ револьверовъ*, направляя выстрѣлы въ Царскій портретъ, который пулями и пробила. Многіе изъ участниковъ патріотической манифестаціи были ранены, а нѣкоторые убиты. Встрѣченные неожиданными выстрѣлами, они раздѣлились на двѣ группы: одна группа съ портретомъ Государя спѣшила вверхъ по Лазаревской улицѣ къ дому губернатора, а другая—преимущественно чернорабочіе—бросилась на бульваръ. Выхвативъ колья, къ которымъ были привязаны молодыя деревья, оторвавъ доски отъ садовыхъ скамеекъ, разсвирѣпѣвшая толпа кинулась на Евреевъ и, не смотря на револьверные выстрѣлы, стала ихъ избивать. Бойня длилась всего нѣсколько минутъ. Все это произошло съ такой стремительностью, что ни полиція, ни войска не могли оказать никакого содѣйствія въ умиротвореніи разбушевавшейся толпы.

Въ анатомическій полицейскій покой было доставлено 29 труповъ; трое тяжело раненыхъ умерли въ еврейской больницѣ губернскаго земства. Въ первую полицейскую часть были вызваны врачи и сестры милосердія; здѣсь была оказана первоначальная помощь раненымъ, число которыхъ достигло нѣсколькихъ десятковъ; половина раненыхъ были Русскіе, пострадавшіе отъ револьверныхъ пуль.

Еврейскій погромъ вѣроятно и кончился бы, но съ балкона надъ *еврейскимъ магазиномъ* Виторсона на Самирной улицѣ *раздались вы-*

стрѣлы въ толпу. Это послужило поводомъ къ разгрому магазина, отъ котораго въ одну минуту ничего не осталось. Послѣ толпа разгромила еврейскіе магазины на многихъ улицахъ⁴⁶⁸).

Въ *Екатеринославѣ* мѣстная революціонная партія, *опираясь на вооруженную еврейскую молодежь* и небольшую часть распропагандированныхъ рабочихъ, отпраздновала манифестъ 17 Октября усиленнымъ распространеніемъ прокламацій подъ заглавіемъ „Долой самодержавіе“ и открыла рядъ митинговъ съ повтореніемъ того же восклицанія, съ призывами на баррикады, открытыми сборами на пріобрѣтеніе и заготовку оружія, бомбъ и т. п. 19-го Октября, когда была назначена въ городской думѣ панихида по павшимъ Евреямъ, въ думу ворвалась огромная *толпа Евреевъ, разорвали портретъ Государя* и заставила гласныхъ прервать засѣданіе. Еврейско-революціонная демонстрація прошла по всему городу совершенно безпрепятственно. Вечеромъ того же дня забастовавшіе сторожа всѣхъ общественныхъ заведеній и городская прислуга пошли толпою по городу съ пѣніемъ „Боже Царя храни“; революціонная охрана набросилась на нихъ съ палками и револьверами, и они разбѣжались. Ночью городъ остался во власти *вооруженной еврейской самообороны.* На нѣкоторыхъ улицахъ было потушено электричество. Во тьмѣ раздавались выстрѣлы. Число жертвъ народная молва насчитывала десятками. Слухи объ убитыхъ и раненыхъ, разбросанные по городу листки съ революціонными призывами и выкрики противомонархическаго характера—все это глубоко повліяло на настроеніе низшихъ слоевъ населенія, но совсѣмъ не такъ, какъ ожидали революціонеры. Чувство возмущенія надругательствами надъ всѣмъ, во что вѣруеть народъ, росло съ каждымъ часомъ, а когда 21 Октября раздалась выстрѣлы во время богослуженія въ Успенскомъ соборѣ и *началась стрѣльба изъ еврейскихъ домовъ* въ патріотическую процессію у Покровской церкви, казаки отвѣтили залпами въ окна домовъ, изъ которыхъ стрѣляли. Заводскіе рабочіе тотчасъ же разгромили одинъ домъ, съ чего и начался трехдневный неистовый погромъ. 22 Октября изъ *еврейской синагоги* и домовъ была открыта стрѣльба по патріотической процессіи изъ учениковъ низшихъ школъ, къ которымъ присоединилась толпа рабочихъ съ заводовъ, что вызвало полный разгромъ зданій, перешедшій затѣмъ на еврейскіе магазины. Еврейская револьверная оборона не оказывала никакого сопротивленія громадамъ, она ютилась позади толпы и только обыскивала отдѣльно идущихъ грабителей, отнимая награбленное. Народъ былъ до такой степени разъяренъ,

⁴⁶⁸) Новое Время 1905 г. № 10605.

что совершенно утратилъ чувство страха. При первомъ выстрѣлѣ или взрывѣ бомбы, рабочіе бросались въ самыя опасныя мѣста, буквально лѣзли на дула револьверовъ и жестоко избивали трепещущихъ, растерявшихся стрѣлковъ. Ночью начались пожары: и Евреи и Русскіе провели ее во взаимныхъ опасеніяхъ и ожиданіяхъ нападенія, безъ сна. Количество жертвъ съ обѣихъ сторонъ очень значительно. 24 Октября на улицахъ появились усиленные наряды войскъ, и жизнь города стала входить въ обычную колею ⁴⁶⁹).

Въ *Кишиневѣ*. 18 Октября, съ утра, группа *Евреевъ-учениковъ* коммерческаго училища и *ученицы еврейской гимназіи* во главѣ исключенныхъ гимназистовъ-реалистовъ стали ходить по учебнымъ заведеніямъ, требуя прекратить занятія и употребляя химическую жидкость. Къ 12 часамъ всѣ учебныя заведенія закрылись. Около четырехъ часовъ таже толпа учениковъ Евреевъ и всякаго сброда устроила на Нѣмецкой улицѣ митингъ. Представители трехъ группъ: „Бунда“, социалъ-демократовъ и революціонеровъ, носили по улицамъ красный флагъ съ еврейской надписью. Остановить это шествіе никто не рѣшился. 19 Октября патриотическая процессія съ портретомъ Государя направилась въ собору на молебствіе по случаю манифеста. Когда она проходила по главной части Александровской улицы, въ нее посыпались съ крышъ, оконъ и балконовъ *еврейскихъ домовъ* многочисленные выстрѣлы, которыми двое убито и одинъ раненъ. Нежданная нападенія, толпа было рассыпалась; потомъ, вооружившись чѣмъ попало, собралась и бросилась на Евреевъ, но подоспѣвшій эскадронъ драгунъ предупредилъ дальнѣйшее кровопролитіе. Началось молебствіе. Огромная толпа молилась на открытомъ воздухѣ. Къ площади, гдѣ происходило молебствіе, близко подходятъ густыя кусты и алеи бульвара. Вдругъ изъ-за кустовъ затрещали залпы изъ револьверовъ три раза. Это стрѣляла, подкравшись изъ-за кустовъ, *еврейская „черноморская дружина“*, одна изъ мѣстныхъ боевыхъ организацій. Жертвъ не было, но произошла паника. Войска вблизи не оказалось, но нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ бывшими въ нарядѣ городовыми, разогнали нападавшихъ. Молебствіе было прервано. Духовенство удалилось внутрь собора, а множество молившихся бросилось на ближайшую Пушкинскую улицу, гдѣ расположены лучшіе еврейскіе магазины, и въ одну минуту разнесло ихъ около 30. Подоспѣвшія войска прекратили погромъ. 20-го Октября, часа въ 2 пополудни, въ разныхъ частяхъ города, но преимущественно въ его центрѣ на Полицейской площади, загорѣлась силь-

⁴⁶⁹) Новое Время 1905 г. № 10650.

нѣйшая стрѣльба, причѣмъ залпы изъ револьверовъ чередовались съ ружейными залпами и выстрѣлами изъ орудій. Это пѣхота и артиллерія, согласно предупрежденія, сдѣланнаго губернаторомъ, обстрѣливали еврейскіе дома, въ которыхъ *собрались вооруженные Евреи* и съ оконъ и балконовъ верхнихъ этажей засыпали пулями проходящихъ по улицѣ христіанъ и патрулирующіе отряды войска. Войска вовсе не пострадали, благодаря неумѣнью стрѣлять со стороны Евреевъ, которые стрѣляли обыкновенно, не высовываясь изъ оконъ, а только выставивъ изъ нихъ руки съ револьверами. Сильно пострадали христіане вблизи такъ называемой Армянской ограды, за которую спрятались *Евреи и въ теченіе цѣлаго дня били изъ-за нея*. Къ вечеру въ земскую больницу было доставлено 23 христіанъ, убитыхъ изъ револьверовъ, 27 раненыхъ христіанъ, большинство изъ револьверовъ. Въ еврейскую больницу доставлено 21 убитый и 31 раненый⁴⁷⁰⁾.

Въ *Бѣлостокъ*. 18 Октября, по полученіи манифеста 17 Октября, толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ, большею частью Евреевъ, рабочихъ, возбужденная революціонерами, хлынула къ зданію тюрьмы съ цѣлью освободить политическихъ заключенныхъ. Находившіеся у тюрьмы часовые солдаты пробовали было попрідержатъ толпу, но когда часть ея бросилась къ воротамъ и принялась громить ихъ, солдаты сдѣлали по толпѣ три залпа. Выстрѣлами убито 3 и ранено 12. Вплоть до 21 Октября въ городѣ происходили безпрерывно митинги и шествія. Толпа, организованная „Бундомъ“ и другими революціонными партіями, шла съ красными флагами⁴⁷¹⁾.

Въ *Каменецъ-Подольскъ*, 21 Октября, толпа еврейской молодежи съ красными флагами съ надписью „Да здравствуетъ социализмъ“ пошла по улицамъ. На нее набросились возмущенные ея поведеніемъ христіане мѣщане и рабочіе и быстрымъ натискомъ смяли ее. Толпа разсѣялась. Послѣ этого, мѣстами, начался разгромъ еврейскихъ лавокъ: но усиліями полиціи и полка христіанское населеніе было удержано отъ дальнѣйшаго погрома⁴⁷²⁾.

Въ *Полтавѣ*, 21 Октября, толпа патріотическихъ манифестантовъ, отслуживъ молебень на Соборной площади, стала расходиться, и въ это время на главной улицѣ и въ прилегающихъ къ ней переулкахъ былъ произведенъ Евреями рядъ выстрѣловъ въ мирно-проходящія

⁴⁷⁰⁾ Новое Время 1905 г. № 10639, 10640, 10643 и 10644.

⁴⁷¹⁾ Новое Время 1905 г. № 10645.

⁴⁷²⁾ Новое Время 1905 г. № 10639.

отдѣльныя группы манифестантовъ, а также и въ полицію. Это сильно возбудило христіанское населеніе противъ Евреевъ⁴⁷³).

Въ *Феодосіи*, Таврической губ., 19 Октября, въ 11 час. утра толпа Евреевъ съ 4 красными флагами и однимъ чернымъ двинулась по улицамъ. Портовые рабочіе съ портретомъ Государя пошли на встрѣчу. Произошло избіеніе демонстрантовъ. Городекая управа, откуда было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, разгромлена. Вечеромъ манифестанты скрылись въ зданіе думы, которое было подожжено толпою и сгорѣло. Число убитыхъ и раненыхъ значительно⁴⁷⁴).

Кромѣ приведенныхъ важныхъ случаевъ противоправительственныхъ демонстрацій Евреевъ и вызванныхъ этими демонстраціями еврейскихъ погромовъ, послѣдніе произошли послѣ изданія манифеста 17 Октября въ слѣдующихъ городахъ и мѣстечкахъ: мѣс. *Юзовкѣ*, Екатеринославской губ., *Риль*, *Саратовѣ*⁴⁷⁵), *Новозыбковѣ* и *Пльшинѣ*, Черниговской губ., *Рѣчицѣ*, Минской губ., *Ярославѣ*⁴⁷⁶) и по подстрекательству революціонеровъ, воспользовавшихся враждой народа къ Евреямъ, болѣе чѣмъ въ 30 другихъ городахъ, мѣстечкахъ и посадахъ, особенно въ г. Ростовѣ-на-Дону.

⁴⁷³) Новое Время 1905 г. № 10639.

⁴⁷⁴) Новое Время 1905 г. № 10638.

⁴⁷⁵) Новое Время 1908 г. №№ 10639, 10640 и 10642. Въ Саратовѣ, во время манифестаціи по поводу манифеста 17 Октября, адвокатъ Еврей Кальмановичъ былъ тѣмъ ораторомъ, который сказалъ, что отнынѣ не нужно больше церквей и что ихъ слѣдуетъ обратить въ школы и музеи. Кто-то изъ толпы, зная очевидно о еврейскомъ происхожденіи Кальмановича, крикнулъ «чѣмъ церкви въ школы обращать, раньше свою синагогу предложилъ бы!». Слово синагога было подхвачено толпою, которая, постепенно раздражаясь, стала бушевать и, разогнавъ ораторовъ, пошла громить еврейскія лавки и сожгла синагогу. Сороко-тысячную толпу при отсутствіи войскъ удалось успокоить только черезъ два дня. Въ Январѣ 1906 г. Кальмановичъ былъ арестованъ въ Тамбовѣ во время засѣданія суда.

⁴⁷⁶) Новое Время 1905 г. №№ 10640, 10641 и 10647.

XVI.

Причина и цель изданія четырьмя революціонными партіями, въ томъ числѣ „Бундомъ“, „манифеста“ о началѣ 8 Декабря 1905 г. въ Россіи „Великой революціи“. Забастовка въ Москвѣ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ и почтово-телеграфныхъ и рабочихъ фабрикъ и заводовъ Москвы и подмосковныхъ. Подготовка революціонерами и Евреями этихъ рабочихъ къ вооруженному возстанію и вербовка въ боевыя дружины. Вооруженное возстаніе въ Москвѣ съ 9 по 15 Декабря 1905 г. и цель его руководителей. Число мятежниковъ въ дружинахъ и малочисленность войска. Необнаруженіе главныхъ руководителей возстанія слѣдствіемъ. Чрезвычайно снисходительное наказаніе судомъ ничтожнаго числа мятежниковъ сравнительно съ числомъ привлеченныхъ къ суду. Извѣстія печати о руководствѣ Евреевъ московскими мятежниками. Разстрѣліаніе членовъ забастовочнаго комитета (въ томъ числѣ нѣсколькихъ Евреевъ), руководившаго всероссійской желѣзно-дорожной забастовкой. Вооруженное возстаніе въ Харьковѣ 12 Декабря 1905 г. Устройство забастовки 11 Декабря въ Ригѣ Евреемъ Максимомъ. Возбужденіе служащихъ къ забастовкѣ 9 Декабря въ Кіевѣ, въ управленіи Юго-Западныхъ жел. дорогъ Евреемъ-инженеромъ. Нападеніе боевыхъ дружинъ Евреевъ на пассажировъ и нижнихъ чиновъ въ поѣздахъ Полѣсскихъ жел. дорогъ въ Декабрѣ 1905 г. Последніе возбужденные Евреями важные противоправительственные безпорядки въ г. Вѣлостокѣ 1 Юня и въ г. Сѣдлецѣ 26 Августа 1906 г. Выдержки изъ книги Чеха Врба „Революція въ Россіи. Статистическіе и социаль-политическіе этюды“, о главномъ участіи Евреевъ въ революціи въ Россіи. Пожертвованія международнаго еврейства въ помощь революціи. Свѣдѣнія о распространеніи Евреями революціонной литературы въ Россіи.

Матеріальные убытки, причиненные революціей въ Россіи къ 1 Января 1906 г.

Обнаружившіяся въ октябрьскихъ безпорядкахъ растерянность и бездѣйствіе властей и повсемѣстное волненіе народа, а также арестъ въ концѣ Ноября 18 членовъ совѣта депутатовъ петербургскихъ рабочихъ и предсѣдателя совѣта Хрусталева (Еврея Носаря) по обвиненію его въ подстрекательствѣ и руководствѣ почтово-телеграфною забастовкою, что вызвало собраніе рабочихъ депутатовъ и рѣшеніе ихъ призвать къ забастовкѣ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ и требовать немедленнаго освобожденія Хрусталева⁴⁷⁷), побудили руководителей революціи устройствомъ всеобщей забастовки и противоправительственныхъ безпорядковъ произвести смуту во всей Россіи для разрушенія государственнаго строя, низверженія правительства и замѣны его революціоннымъ правленіемъ. Эти задачи были высказаны въ особомъ „манифестѣ“ (напечатанномъ въ еврейскихъ газетахъ „Сѣверномъ Голосѣ“ и „Нашихъ Дняхъ“), которымъ приказано начаться „Великой революціи“ ровно въ полдень 8 Декабря. Арестъ Хрусталева приводится въ немъ, какъ одна изъ причинъ приказанной революціи. „Во всѣхъ заводахъ—сказано, между прочимъ, въ манифестѣ—фабрикахъ, мастерскихъ, во всѣхъ торговыхъ предпріятіяхъ, конторахъ, банкахъ, лавкахъ, скла-

⁴⁷⁷) День 1905 г. № 313.

дахъ, по всемъ путямъ сообщеній самаго Петербурга и соединяющимъ Петербургъ съ остальной Россіей должна быть приостановлена работа“.

„Присоединяйтесь къ намъ, остановимъ производства, остановимъ торговую жизнь, остановимъ сообщеніе по всей странѣ и соединенными усилиями уничтожимъ остатки самодержавія“.

„Начинается не забастовка, а великая всероссійская революція“ говорится въ органѣ революціи, въ объяснительной къ „манифесту“ замѣткѣ. „Бастуя и останавливая всю экономическую жизнь, пролетаріатъ не ждетъ болѣе никакихъ обѣщаній, никакихъ манифестовъ, не удовлетворяется никакими частными перемѣщеніями политическихъ фигуръ правительственнаго персонала. *Онъ не прекращаетъ стачки до тѣхъ поръ, пока всѣ мѣстные власти не сдадутъ своихъ полномочій избранному отъ мѣстнаго населенія органу временно революціоннаго управленія, пока этому народному управленію не будутъ переданы государственное казначейство, военные арсеналы и распоряженіе полицейскими силами* (Крупно въ подлинникѣ).

„Программа ближайшаго революціоннаго періода“, по словамъ того же органа, заключается въ слѣдующемъ: Народное управленіе организуетъ вооруженіе народа. Мѣстные военныя силы присягаютъ новому порядку. Администраторы арестуются для преданія ихъ суду. Армія организуется на началахъ свободнаго управленія солдатъ.

„Манифестъ“ подписанъ четырьмя союзами: 1) Совѣтомъ депутатовъ петербургскихъ рабочихъ, 2) Россійской социаль-демократической рабочей партіей, 3) Партіей социалистовъ-революционероу и 4) *Всеобщимъ еврейскимъ рабочимъ союзомъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи (Бундъ)*⁴⁷⁸⁾.

Этотъ грозный „манифестъ“ не вызвалъ въ Петербургѣ забастовки на фабрикахъ и заводахъ, въ промышленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ и противоправительственныхъ беспорядковъ, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ властями, какъ и въ большей части Россіи; но, къ удивленію всего міра, онъ послужилъ сигналомъ къ забастовкамъ желѣзнодорожныхъ служащихъ московскаго узла желѣзныхъ дорогъ, исключая Николаевской, и почтово-телеграфныхъ, рабочихъ фабрикъ и заводовъ Москвы и подмосковныхъ—и къ вооруженному возстанію преимущественно рабочихъ. Къ этому они подготовлялись давно агитаторами и Евреями при бездѣйствіи московскихъ властей, которымъ владыцы фабрикъ своевременно заявляли о революціонной пропагандѣ между рабочими и ихъ волненіи.

⁴⁷⁸⁾ Новое Время 1905 г. № 10681.

Глава товарищества прохоровской мануфактуры въ Москвѣ Н. И. Прохоровъ о волненіяхъ рабочихъ на этой фабрикѣ и на другихъ фабрикахъ и о бездѣйствіи власти рассказалъ корреспонденту „Новаго Времени“..... между прочимъ, слѣдующее. Октябрьская забастовка продолжалась съ 19 по 23. 24-го, рабочіе, которыхъ на фабрикѣ до 6.000 чел., кромѣ многочисленнаго состава служащихъ, стали на работу, но „съ этого времени мы испытывали прямо-таки враждебное отношеніе. Наши выборные—старосты—изчезли; ихъ мѣста заняли выборные отъ рабочихъ—„депутаты“, и зданіе, гдѣ они собирались, было названо „парламентомъ“. Контролировать сборища рабочихъ на фабрикѣ, куда уже проникли посторонніе элементы (*много было какихъ-то Евреевъ*) правленіе не могло. Въ Ноябрьѣ начались прямыя безчинства. Вдругъ рѣшили учинить расправу съ техникомъ барономъ Майделемъ, который раньше пользовался общимъ уваженіемъ фабричныхъ. Наконецъ, слышимъ, разгромили въ Москвѣ фабрику Кудряшевыхъ. Положеніе становилось все болѣе и болѣе опаснымъ. По этому поводу къ генераль-губернатору Дурново ѣздила депутація отъ фабрикантовъ: но никакихъ воздѣйствій не послѣдовало, и такимъ образомъ администраціи разныхъ московскихъ фабрикъ оставлены буквально на произволь судьбы. Начались убійства на фабрикахъ Морозова, Рябушинскаго и другихъ. Наша администрація была совершенно терроризована. Мы уже фактически не владѣли фабрикой. А въ нашей мѣстности, т. е. въ районѣ Прѣсни событія приняли особенно мрачный характеръ. Ежедневно и ежедневно на улицахъ происходила ружейная и револьверная пальба, случались убійства, драки. Такъ шло до 6 Декабря. Вечеромъ узнаемъ, что на митингъ въ „Акваріумъ“ съ 7 Декабря постановлено начать всеобщую забастовку. Ну, и началась игра“...⁴⁷⁹).

О томъ, какъ революціонеры принуждали бастовать и вербовали рабочихъ подмосковныхъ фабрикъ и заводовъ въ боевыя дружины, подробно объясняется въ напечатанной въ „Новомъ Времени“ корреспонденціи крестьянина-рабочаго одной фабрики подъ Москвой, принужденнаго бунтовщиками участвовать въ забастовкѣ и безпорядкахъ. Онъ говоритъ въ ней, что „подмосковные рабочіе нѣкоторыхъ фабрикъ играли крупную роль въ совершавшихся въ Москвѣ событіяхъ, поподняя собой ряды бойцовъ на московскихъ баррикадахъ, и сложили тамъ свои головы“. Какъ рабочій одной изъ подмосковныхъ фабрикъ, близко сгоявшій къ рабочему движенію, онъ желаетъ познакомить читателей съ тѣми приемами, какіе гг. „освободители“ пускали въ ходъ для привлеченія рабочихъ къ революціонному движенію. Оно началось въ

⁴⁷⁹) Новое Время 1906 г. № 10720.

Москвѣ съ объявленія всеобщей желѣзнодорожной забастовки 7 Декабря. На забастовавшихъ желѣзныхъ дорогахъ и свили себѣ гнѣзда главари революціи, привлекая къ участию въ ней рабочихъ окрестныхъ фабрикъ и заводовъ. Дѣлалось это обыкновенно такъ: составляли поѣздъ на станціи Подмосковной Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор., усаживали въ него человѣкъ 150—200 разнаго бастующаго сброда, изъ нихъ человѣкъ 50 вооруженной „боевой дружины“ и отправляли его на станцію, вблизи которой есть фабрика. 12 Декабря толпа такихъ непрошенныхъ „товарищей“ явилась на фабрику, въ которой онъ былъ рабочимъ, и потребовала прекращенія работъ, грозя въ противномъ случаѣ разгромить фабрику и избить рабочихъ. Эти „товарищи“, угрожая стрѣльбой изъ револьверовъ, принудили ихъ отправиться съ ними на станц. Подмосковную. Здѣсь въ паровозномъ депо они застали до 2.000 желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ и послѣ рѣчей ораторовъ, передъ красной тряпкой, ихъ заставили по-клясться, что они будутъ бороться противъ существующаго управления до конца, а за то, въ случаѣ успѣха, въ которомъ они не сомнѣвались, такъ какъ весь московскій гарнизонъ принялъ ихъ сторону, обѣщали отдать имъ отобранные отъ предпринимателей фабрики и заводы со всѣмъ находящимся въ нихъ имуществомъ.

Такія обѣщанія побудили рабочихъ его фабрики принять участие въ разныхъ грабежахъ и беспорядкахъ: но когда революціонеры предложили имъ вооружиться, составить боевую дружину и идти въ Москву въ помощь „товарищамъ“, то ночью они ушли съ фабрики, ближніе рабочіе домой, а дальніе—разбрелись по окрестнымъ деревнямъ. Узнавши, что коноводы на станц. Подмосковной арестованы, рабочіе возвратились на фабрику и 21 Декабря приступили къ работѣ⁴⁸⁰).

Успѣшная подготовка желѣзнодорожныхъ служащихъ и фабричныхъ рабочихъ къ мятежу въ Москвѣ и другія благоприятныя условія для этого, способствовавшія устройству октябрьскихъ беспорядковъ (бездѣйствіе власти, малочисленность войска и полиціи) несомнѣнно были причинами рѣшенія главарей бунта поднять именно въ ней вооруженное возстаніе для низверженія существующихъ властей и замѣны ихъ революціонными, сдѣлать то, въ чемъ они потерпѣли неудачу въ Одессѣ и Харьковѣ въ Октябрѣ. Начиная съ 9 Декабря, цѣлую недѣлю, до сдачи 15 Декабря мятежниковъ въ зданіяхъ прохоровской мануфактуры Семеновскому полку, громадная, спокойная часть жителей Москвы, въ страхѣ за сохраненіе своей жизни и имущества, видѣла, какъ на ея улицахъ воздвигаются баррикады и происходитъ бой находящихса

⁴⁸⁰) Новое Время 1906 г. № 10741.

на нихъ и въ домахъ мятежниковъ съ войсками. Возстаніе было устроено революціонными стратегами съ замѣчательной обдуманностью: были захвачены все пути сообщенія съ Москвой (кроме Николаевской дороги), избранъ моментъ, когда численность войска въ ней была очень незначительна, да и вѣрность малочисленныхъ военныхъ частей бунтари настойчиво пытались поколебать (наприм. въ Ростовскомъ гренадерскомъ полку), а для ослабленія ихъ силы попытка вооруженнаго возстанія были предприняты въ разныхъ концахъ громадной площади, занимаемой городомъ. Планомѣрно были связаны эти отдѣльные пункты линіями забарикадированныхъ переулковъ, при чемъ революціонеры явно намѣревались, утвердившись на окраинахъ, подвигаться на центръ города. Одновременно дѣлались усиленные попытки захватить единственную, оставшуюся въ рукахъ правительства Николаевскую жел. дорогу, на оборону вокзала которой въ Москвѣ приходилось удѣлять значительную часть малочисленныхъ войскъ. Сосѣдній, напротивъ лежащій, вокзалъ Казанской жел. дороги игралъ роль вспомогательнаго резервнаго пункта. Туда приходили ежедневно поѣзда съ добровольцами смуты, съ ея дружинниками, свободно хозяйничавшими въ плохо защищенной Москвѣ и уѣзжавшими послѣ „работы“ на отдыхъ въ Перово и на другія станціи Московско-Казанской жел. дороги: явились героимашинисты, прославившіеся тѣмъ, что лихо привозили и увозили поѣзда съ дружинниками.

Вообще возстаніе могло привести къ грозному результату для Москвы, если бы не прибылъ изъ Петербурга Семеновскій полкъ, оказавшій помощь не только оружіемъ, но и тѣмъ, что дѣйствія его вдохнули энергію и пробудили распорядительность въ растерявшихся московскихъ властяхъ⁴⁸¹).

Разслѣдованіе событій возстанія выявило нѣсколько характерныхъ подробностей. Революціонеры располагали кадрами дружинъ вооруженныхъ рабочихъ и единомышленниковъ въ числѣ до 20,000 челов., причемъ многіе обладали хорошими маузеровскими винтовками, бьющими на 1.200 шаговъ. Дружинники получали изъ революціоннаго комитета отъ 1 р. 25 к. до 2 р. 50 к., а бастовавшіе рабочіе по 30 коп. въ день. Въ первый моментъ въ распоряженіи властей для подавленія его было только 1,500 штыковъ; уже потомъ, когда прибыли дополнительные силы, отношеніе числа войскъ къ числу мятежниковъ нѣсколько измѣнилось. Кадры дружинниковъ состояли изъ очень молодыхъ людей: самому старшему было не болѣе 23 лѣтъ⁴⁸²).

⁴⁸¹) Новое Время 1906 г. № 11058.

⁴⁸²) Новое Время 1906 г. № 10731.

Къ крайнему прискорбію Русскихъ, любящихъ свое отечество, по винѣ московскихъ административныхъ и судебныхъ властей, ни этимъ разслѣдованіемъ, ни производившимся цѣлый годъ судебнымъ слѣдствіемъ не выяснено самое важное въ возстаніи: изъ кого состоялъ комитетъ или главные руководители возстанія, какъ они устроили, казалось бы, невозможное вооруженное возстаніе въ Москвѣ; откуда и къмъ доставлялись большія деньги, оружіе и боевые припасы для дружинниковъ? Все это не обнаружено судебнымъ слѣдствіемъ, и важное историческое событіе было разбито на рядъ мелкихъ эпизодовъ, едва превосходящихъ мелкія полицейскія происшествія, и руководители вооруженнаго мятежа, во время котораго убито и ранено болѣе 500 челов., остались нераскрытыми и безнаказанными. Въ половинѣ Декабря 1906 г. состоялись два приговора Московской судебнаго палаты по дѣламъ *о сопротивленіи, оказанномъ гражданской и военной власти на Прохоровской мануфактурѣ и въ домѣ частнаго реальнаго училища Фидлера*⁴⁸³). причѣмъ изъ числа подсудимыхъ по первому дѣлу было оправдано 36 челов., а приговорены 9 челов. къ каторгѣ не столько за бунтъ, какъ за убійство чиновъ полиціи, 19-ти остальнымъ—обязано самое широкое снисхожденіе, по второму же приговору 78 оправдано и осуждено 5. Так. образ., по бездарности (а можетъ быть и по нежеланію) московскихъ судебныхъ властей московское вооруженное возстаніе представлено въ ложномъ свѣтѣ, главари его остались не раскрытыми и безнаказанными, а низшихъ участниковъ его обнаружена и безпримѣрно снисходительно наказана ничтожная часть⁴⁸⁴). Между тѣмъ,

⁴⁸³) Такъ опредѣлили московскіе судебные софисты московское возстаніе и бой мятежниковъ съ войсками для разрушенія государственнаго строя Россіи.

⁴⁸⁴) Новое Время 1906 г. № 11.058. При объявленіи приговора по прохоровскому дѣлу, хоромъ оправданныхъ, неоправданныхъ и публикою была провѣта „Русская Марсельеза“. Эта музыкальная демонстрація продолжалась четверть часа.

Въ Январѣ 1906 г. въ „Русскомъ Инвалидѣ“ была помѣщена статья, въ которой обращалось вниманіе на тяжелое положеніе военныхъ частей, призванныхъ къ усмирению вооруженной смуты, по слѣдующимъ причинамъ.

„Судь наша живеть и отправляетъ государственную службу такъ, какъ будто кругомъ ничего особеннаго не происходитъ. Какъ будто революція и возстанія происходятъ въ глубинѣ Африки“.

„Въ то время какъ войска и полиція падаютъ отъ изнеможенія, вслѣдствіе усиленной дѣятельности, судебскіе преспокойно отбываютъ свои каникулы и считаютъ, что имъ положено отправить определенное въ мирное время количество дѣлъ. Какъ и въ привычное время, слѣдствія длятся по мѣсяцамъ, затѣмъ процедура разсмотрѣнія производится не торопясь, по всѣмъ тысяча и одной церемоніямъ нашихъ судебныхъ уставовъ“.

„Судьи, отправляя судъ по совѣсти, оправдываютъ явныхъ преступниковъ, если нѣтъ свидѣтелей. Въ результатѣ, тюрьмы переполняются и виновные въ ниспроверженіи существующаго порядка, просидѣвъ въ тюрьмѣ короткое время, являются въ свою среду

въ печати сообщались извѣстія о томъ, что *генералами въ возстаніи были Евреи*, руководившіе мятежниками, но не пожелавшіе съ ними проливать кровь на баррикадахъ, на которыхъ не было ни одного Еврея⁴⁸³): что у мятежниковъ былъ главный штабъ на Малой Бронной улицѣ, въ домѣ Еврея Гиршъ, въ квартирѣ Еврея присяжн. повѣреннаго Мендельштама, обвиненнаго въ пропагандѣ вооруженнаго возстанія (какъ мы сказали въ гл. XII), но вскорѣ освобожденнаго изъ тюрьмы и высланнаго изъ Москвы.

Къ числу генераловъ возстанія, конечно, принадлежалъ пріятель Гапона Еврей-инженеръ *Рутенбергъ*, который по словамъ Гапона *сыгралъ немаловажную роль въ дни московскаго возстанія, созданнаго исключительно Евреями*.

Не подлежитъ сомнѣнію, что богатые Евреи въ Москвѣ давали деньги на устройство и поддержаніе мятежа, а ихъ агенты, Еврей-спеціалсты по водворенію контрабанды, доставили для дружинниковъ оружіе и боевые припасы при усердномъ содѣйствіи множества высшихъ

мучениками, героями, и съ повымъ озлобленіемъ громятъ слабость правительства, указывая народу свою силу, такъ какъ правительство имъ якобы ничего сдѣлать не смѣеть.

Полиція, при объявленіи военнаго положенія, временными генераль-губернаторами подчиняется разнымъ начальникамъ, но она неохотно исполняетъ ихъ приказанія.

„Благодаря такому отношенію суда и полиціи, войска поставлены въ изолированное положеніе по усмиренію вооруженнаго возстанія, и дѣятельность ихъ не даетъ быстрыхъ результатовъ“.

Указанное въ „Русскомъ Ивалидѣ“ отношеніе суда къ революціонерамъ М. Меньшиковъ въ письмѣ къ ближнимъ „Хромая юстиція“ („Новое Время“ 1910 г. № 12268) объясняетъ такъ: „Освободительное движеніе выдвинуло цѣлую колекцію радикальныхъ прокуроровъ, которые не прочь были громадную предоставленную имъ власть направить на борьбу съ правосудіемъ. На революціонныхъ злодѣевъ такая прокуратура смотритъ сквозь пальцы: противъ нихъ или не возбуждается преслѣдованія, или слѣдствіе умышленно ведется такъ, что улики прячутся, или въ крайнемъ случаѣ обвинительная рѣчь строится по типу оправдательной. Въ результатѣ основной органъ государственности, какъ судъ, оказался почти въ параличѣ, и какъ разъ въ то время, когда услуги его были всего необходимѣе. Нынѣшнему министру юстиціи Н. Г. Щегловитову пришлось употребить большое искусство, чтобы привести государственную машину въ дѣйствіе. При вступленіи въ должность г. Щегловитова, т. е. въ разгаръ революціи, число оправдательныхъ приговоровъ по политическимъ преступленіямъ доходило, какъ говорятъ, до 80 проц., а число обвинительныхъ всего до 20 проц. Теперь же, когда прокуратура и сама магистратура нѣсколько почищены отъ кадетскихъ элементовъ, статистика приняла обратный характеръ: обвинительныхъ приговоровъ получается до 80 проц. и оправдательныхъ до 20 проц.“

⁴⁸³) Новое Время 1905 г. № 10701 и 1908 г. № 11780. Бесѣда съ Гапономъ П. М.—Какъ извѣстно, Гапонъ былъ задушенъ на дачѣ въ Озеркахъ, близъ Петербурга въ Апрельѣ, 1906 г. Въ письмѣ въ газ. „Matin“ Рутенбергъ объяснилъ, что имъ было организовано убійство Гапона за его провакаторство, по рѣшенію центрального комитета. Новое Время 1909 г. № 11842.

и низшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ—Поляковъ, которые съ своими союзниками Евреями были главными виновниками забастовокъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Желѣзнодорожною забастовкою въ связи съ московскимъ возстаніемъ руководилъ забастовочный комитетъ изъ 36 лицъ. Въ послѣдній періодъ возстанія (а можетъ быть и все время) этотъ комитетъ перенесъ свою дѣятельность на станцію Московско-Казанской жел. дороги *Голутвино* (въ 110 вер. отъ Москвы) и оттуда руководилъ „всероссійскою желѣзнодорожною забастовкою“. Войскамъ была дана задача захватить и разстрѣлять этотъ комитетъ, что ими и было исполнено. Въ числѣ 36 разстрѣленныхъ членовъ комитета находилось *нѣсколько Евреевъ* ⁴⁸⁶).

Изъ другихъ важныхъ противоправительственныхъ безпорядковъ, происшедшихъ при участіи Евреевъ или произведенныхъ исключительно ими въ Декабрѣ 1905 г. и въ 1906 г., мы скажемъ о слѣдующихъ.

12 Декабря въ Харьковѣ произошло возстаніе, продолжавшееся три часа: оно было осколкомъ смутныхъ событій въ октябрьскіе дни. Разница состояла въ томъ, что въ качествѣ боевыхъ дружинъ явились группы реалистовъ, гимназистовъ, студентовъ и рабочихъ поголовно съ оружіемъ въ рукахъ. Главная часть бунтовщиковъ забралась въ зданіе завода Гельферихъ-Саде, откуда и начала стрѣльбу по войскамъ. На подмогу къ нимъ былъ посланъ отрядъ „паровозниковъ“, атаковавшихъ войска. Но достаточно было одного залпа изъ пулеметовъ, чтобы дружинники сдались. Въ центрѣ города была также перестрѣлка. Арестовано было свыше 250 чел.: изъ нихъ большая часть учащейся молодежи. Всѣхъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ было 24, раненыхъ 148. На другой день возстановилось спокойствіе.

Вожаки революціонеровъ убѣжденно говорили, что войска стрѣлять не будутъ, что и послужило къ вооруженному возстанію, при

⁴⁸⁶) Новое Время 1906 г. № 10722. Вслѣдствіе переполненія желѣзнодорожной администраціи Поляками, послѣдніе сыграли крупную роль въ развитіи революціоннаго движенія. По словамъ М. Меньшикова, безконечно добрый министръ путей сообщенія князь Хилковъ „старался всѣхъ устроить, всѣмъ помочь, и въ результатѣ огромныя и важныя стратегическія дороги обратились въ польскія колоніи. Невозможку да потихоньку большинство должностей отъ начальственныхъ до самыхъ низшихъ очутились въ польскихъ рукахъ. Сложились революціонныя штабы, и цѣлая армія желѣзно-дорожныхъ служащихъ была распропагандирована до такой степени, что по сигналу главарей грянула общая забастовка. Нигдѣ въ мірѣ не было такого паралича путей, какъ у насъ осенью 1905 г. Нѣкоторые узлы объявили себя республиками. Станціи и подстанціи обратились въ цитадели бунта“.

На фабрикахъ, заводахъ и всевозможныхъ муниципальных предпріятіяхъ техники-Поляки были душой забастовочнаго движенія 1907 г. № 11167 и 1909 № 11855.

удачѣ котораго было рѣшено арестовать всѣ Харьковскія власти и объявить Харьковскую республику. Въ возможность такого пехода такъ вѣрили, что въ найденномъ планѣ при обыскѣ у одного изъ видныхъ „дѣлателей“ революціи нашли распредѣленіе должностей отъ губернатора до управляющихъ разными губернскими учрежденіями. По росписанію *Евреи должны были получить должности управляющаго и директора конторы государственнаго банка*⁴⁸⁷).

Въ Ригѣ 9-го Декабря, прокламаціи социаль-революціонеровъ, призывавшія жителей къ вооруженному возстанію, остались безъ результата. 10 Декабря былъ созванъ митингъ желѣзнодорожниковъ, на которомъ, по обыкновенію, предсѣдательствовалъ извѣстный въ Ригѣ *Еврей Максимъ*, нарочно присланный центральнымъ женеvскимъ комитетомъ для агитаціи и руководства на митингахъ. Только благодаря выдающейся энергіи предсѣдателя и его единомышленниковъ была принята резолюція съ постановленіемъ всеобщей забастовки⁴⁸⁸). 11 Декабря городская жизнь замерла. Нѣкоторые магазины пробовали торговать, но то и дѣло кучки всякаго сброда (*преобладали Евреи*) врывались въ помѣщенія съ требованіемъ немедленнаго закрытія, угрожая въ противномъ случаѣ ножомъ и револьверомъ; иногда для внушенія производилась выстрѣлы въ воздухъ. Въ тотъ же день стало очевиднымъ, что забастовка ни въ обществѣ, ни въ средѣ рабочихъ не встрѣтила сочувствія и что она проводилась насильно. 14 Декабря собрался митингъ желѣзнодорожниковъ и почтовыхъ чиновниковъ въ домѣ латышскаго общества. Къ 11 час. утра домъ этотъ былъ окруженъ войсками. Въ

⁴⁸⁷) Историческій Вѣстникъ 1907 г. № 2, стр. 544 и 545.

⁴⁸⁸) Какъ отнеслись начальники изъ Евреевъ на желѣзныхъ дорогахъ къ возбужденію къ забастовкамъ служащихъ революціонерами, хорошо характеризуетъ телеграмма кievскаго центрального комитета правоваго порядка, напечатанная въ „Новомъ Времени“. Въ ней говорится, что 9 Декабря, въ 2 часа дня, въ управленіи Юго-Западныхъ жел. дорогъ незначительною группою лицъ съ участіемъ постороннихъ элементовъ сдѣлана попытка вызвать всеобщую забастовку служащихъ. Ближайшей причиною забастовки были выставлены требованія немедленно освободить арестованныхъ сослуживцевъ, въ томъ числѣ нѣсколько съ виднымъ служебнымъ положеніемъ, и выдать жалованье звонкой монетой. Высшее желѣзнодорожное начальство проявило крайнюю слабость. Начальникъ дорогъ Хижиняковъ, вмѣсто принятія мѣръ къ недоущевію забастовки въ стѣнкахъ управленія, поспѣшилъ поѣхать хлопотать объ освобожденіи арестованныхъ. *Инженеръ Еврей Абрамсонъ*, въ избѣжаніе яко-бы возможнаго кровопролитія, умолялъ служащихъ прекратить занятія и покинуть управленіе. Нѣсколько сотъ служащихъ, не смотря на это, продолжали работать до установленнаго часа. Комитетъ утверждаетъ, что забастовка не можетъ состояться, если начальники не будутъ бездѣйствовать, а исполнять свой долгъ. По просьбѣ множества служащихъ, комитетъ просилъ немедленно охранить лицъ, желающихъ работать, всѣми мѣрами и средствами. Новое Время 1905 г. № 10683.

отвѣтъ на револьверные выстрѣлы изъ толпы, драгуны произвели залпъ, причемъ никто изъ публики серьезно не пострадалъ. Между тѣмъ, пѣхота арестовала главарей митинга, за исключеніемъ *Максима*, которому удалось убѣжать по крышѣ⁴⁸⁹).

Θ. Чеб-ревъ, въ статьѣ „Въ глубинѣ Россіи“, напечатанной въ „Новомъ Времени“, сообщаетъ, что въ Декабрѣ 1905 г. ему пришлось ѣхать въ Орловско-Витебской жел. дорогѣ, когда московская революція была на пеходѣ. Ближе къ Смоленску и Брянску стали попадаться пассажиры съ Полѣскихъ желѣз. дорогъ. Они передавали о возмутительныхъ продѣлкахъ вооруженныхъ *еврейскихъ дружинъ* изъ мѣстечекъ и городовъ, прилегающихъ къ этимъ дорогамъ. Дружины врываются въ поѣзда, производили обыски у пассажировъ. Въ *Гомель* особенно рьяно *свирѣпствовали еврейская дружина*. Евреи даже останавливали поѣзда съ запасными нижними чинами (невооруженными), издѣвательски обыскивая ихъ и отбирая все, что можно отнести къ тому или иному роду оружія. Производили насилія и надъ регулярными солдатами, когда количество послѣднихъ далеко уступало численности дружинниковъ, нападавшихъ на поѣзда нерѣдко въ количествѣ 500 и болѣе челов. Понятно, почему вражда противъ Евреевъ въ этихъ краяхъ со стороны русскаго населенія чувствовалась особенно остро⁴⁹⁰).

Вѣрность этого мнѣнія Θ. Чеб-рева подтвердилась не далѣе какъ черезъ мѣсяць въ Гомель, гнѣздѣ революціонеровъ-Евреевъ, по словамъ газеты „Минская Рѣчь“. Вооруженныя *тысящныя шайки ихъ* буквально терроризовали не только русское населеніе города, но и населеніе окрестностей.

Убийство въ Гомель, 9 Января 1906 г. помощника пристава Асонова, происходившаго изъ старообрядцевъ мѣстечка Вѣтки (вблизи Гомеля) переполнило чашу терпѣнія, и вотъ во время похоронъ старообрядцы поклялись отомстить за смерть своего единовѣрца революціонерамъ. И дѣйствительно, не успѣлъ народъ разойтись съ кладбища, какъ начался пожаръ, а затѣмъ еврейскій погромъ. Такимъ образомъ гомельскій погромъ дѣло рукъ старообрядцевъ. Никто ихъ не подстрекать: они сдѣлали это сами, мстя за мученическую смерть своего единовѣрца. Гомельское пожарище—это народная месть⁴⁹¹).

Какъ о послѣднихъ попыткахъ Евреевъ-революціонеровъ произвести противоправительственные беспорядки въ большихъ размѣрахъ въ 1906 г., слѣдуетъ сказать о нападении Евреевъ на православную процессію 1-го Іюня 1906 г. въ г. Бѣлостокѣ, повлекшее за собой еврей-

⁴⁸⁹) Новое Время 1905 г. № 10690.

⁴⁹⁰) Новое Время 1906 г. № 10710.

⁴⁹¹) Новое Время 1906 г. № 10725.

скій погромъ, и нападеніи ихъ на войска 26 Августа въ г. Съдлецъ, имѣвшее видъ сраженія съ ними въ еврейскомъ характерѣ.

Въ виду напряженнаго настроенія въ г. Бѣлостокъ, особенно послѣ убійства полиціймистра Деркачева, губернаторъ, имѣя основаніе ожидать безпорядковъ во время религіозныхъ процессій 1 Юня, принялъ, по соглашенію съ военнымъ начальствомъ, всѣ зависяція отъ него мѣры для поддержанія спокойствія. Изъ лагерей были вызваны войска въ количествѣ полутора батальона пѣхоты и нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи, размѣщенные во время процессій въ соответствующихъ пунктахъ въ городѣ. Тѣмъ не менѣе мирный ходъ религіозныхъ торжествъ, какъ православныхъ, такъ и католическихъ, былъ нарушенъ злоумышленниками. Во время шествія по улицамъ процессій, въ которыхъ принимали участіе громадныя толпы народа изъ окрестностей города, *были произведены изъ нѣкоторыхъ еврейскихъ домовъ выстрѣлы. Убиты двое дѣтей несше иконы и три женщины.* На базарной площади въ 50-ти шагахъ отъ одной изъ процессій были брошены *двѣ бомбы*, не причинившія однако вреда. Эти злодѣянія дали оскорбленнымъ въ своихъ религіозныхъ чувствахъ христіанскимъ рабочимъ и крестьянамъ поводъ къ немедленной расправѣ съ нѣкоторыми лицами, выбѣжавшими изъ домовъ, изъ которыхъ были произведены выстрѣлы, а затѣмъ и къ нападенію на другіе еврейскіе дома. Вмѣшательствомъ войскъ и немедленно прибывшаго изъ Гродны губернатора погромъ былъ ограниченъ въ сравнительно незначительныхъ размѣрахъ и прекратился вечеромъ. Утромъ, 2 Юня, безпорядки возобновились съ новой силою. Брошено нѣсколько бомбъ. Полицейское управленіе и полицейскій участокъ обстрѣливали въ теченіе ночи революціонеры, засѣвъ въ противоположныхъ домахъ, но были прогнаны выстрѣлами войскъ, причемъ подожгли означенныя зданія. Дѣйствіе пожарной команды было затруднено безпрестанными взрывами боевыхъ патроновъ, находившихся въ одномъ изъ горѣвшихъ зданій. Изъ состава войскъ въ эту ночь никто не пострадалъ. На слѣдующій день, 3 Юня, гродненскій губернаторъ объѣхалъ городъ и посѣтилъ городскія больницы, какъ христіанскую, такъ и еврейскую, причемъ оказалось въ общей сложности 60 раненыхъ; убитыхъ же насчитывалось около 70. Въ виду введенія военнаго положенія г. Бѣлостокъ съ уѣздомъ переданы были 4 Юня въ вѣдѣніе временнаго генераль-губернатора генераль-лейтен. Бадера⁴⁹²). О стрѣльбѣ революціонеровъ въ ночь 2 Юня, корреспондентъ „Новаго Времени“ сообщилъ, между прочимъ, слѣдующее. „Около 10 час. вечера, по участку, гдѣ находился подковникъ

⁴⁹²) Правительствоныя сообщенія. Новое Время 1906 г. № 10854 и 10858.

и другіе офицеры, былъ открытъ огонь изъ смежнаго сада. Пули летѣли въ открытыя окна. Приставъ Карницкій донесъ, что дружинники заняли садъ реальнаго училища и покинутый заводъ рядомъ съ отдѣленіемъ Государственнаго Банка, въ которомъ находились значительныя суммы денегъ. Подъ выстрѣлами полковникъ Войцеховскій съ 30 солдатами бросился къ заводу, но оттуда уже началась револьверная пальба, и показался огонь пожара. Дружинники не допускали пожарную команду, вызванную для тушенія. Послѣ нѣсколькихъ залповъ, они оставили горѣвшій заводъ, перешли въ бродъ мелкую и узкую рѣчку Бѣлую, и съ другого берега началась пальба пачками изъ браунинговъ. *Евреевъ было до 500 челов.* На Бѣлой было настоящее сраженіе. Въ это время на горѣвшемъ заводѣ произошелъ взрывъ склада патроновъ, оставленнаго дружинниками⁴⁹³).

Въ г. *Сѣдлецъ*, 26 Августа, вечеромъ, революціонеры открыли стрѣльбу по гауптвахтѣ, по караулу при полицейскомъ управленіи и въ разныхъ частяхъ города по патрулямъ. Начальникъ охраны Сѣдльца вызвалъ по тревогѣ войска, окруживъ ими городъ, разсылалъ по городу разъѣзды и приступилъ къ обыску въ тѣхъ домахъ, изъ которыхъ стрѣляли. Въ это время на нѣсколькихъ улицахъ *еврейскаго квартала* былъ открытъ по разъѣздамъ огонь изъ многихъ домовъ, которые тотчасъ же были подвергнуты обстрѣлу залпами, и такая перестрѣлка продолжалась 26 Августа непрерывно. Вслѣдствіе этого и въ виду отказа населенія выдать виновныхъ, по домамъ, изъ которыхъ не прекращалась стрѣльба, былъ открытъ артилерійскій огонь, причемъ орудійными выстрѣлами пробито семь домовъ. Со стороны революціонеровъ убито около 40 челов.; арестовано ихъ до 200 челов. Съ 5 час. дня 28 Августа въ Сѣдлецѣ наступило спокойствіе⁴⁹⁴).

О тѣхъ же событіяхъ въ Сѣдлецѣ въ мѣстномъ правительственномъ органѣ, въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ напечатаны слѣдующія подробности: „26 Августа около 9 часовъ вечера, внезапно, изъ револьверовъ были обстрѣлены нѣсколько солдатскихъ постовъ, послѣ чего началась усиленная стрѣльба по войскамъ. Благодаря распорядительности военныхъ властей и умѣло составленному плану охраны города, всѣ войска, черезъ 15 минутъ послѣ пробитія тревоги, заняли назначенныя имъ мѣста. Встрѣченныя усиленною стрѣльбою революціонеровъ, засѣвшихъ на крышахъ, чердакахъ и даже въ дымовыхъ трубахъ и оставшихся, благодаря ночной темнотѣ, совершенно невидимыми, солдаты начали усиленно обстрѣливать революціонеровъ. Такая перестрѣлка

⁴⁹³) Новое Время 1906 г. № 10859.

⁴⁹⁴) Правительственное сообщеніе, Новое Время 1906 г. № 10945.

продолжалась иногда довольно долго; иногда солдаты, не дождавшись прекращения стрѣльбы изъ домовъ, кидались въ нихъ и брали ихъ какъ бы приступомъ. При этомъ были уничтожены и разгромлены нѣкоторые магазины. Иногда наступало временное затишье, послѣ чего перестрѣлка возобновлялась съ удвоенною силою. Первое время войскъ въ городѣ было немного, на что, повидимому, и рассчитывали революціонеры; но уже на другой день прибыли новыя пѣхотныя части и артилерія изъ г. Бѣлы. Прибывшія войска встрѣчались изъ домовъ градомъ пулъ и немедленно приняли участіе въ подавленіи беспорядковъ. Главныя силы революціонеровъ сосредоточивались въ центральной части города, но были и отдѣльные отряды, дѣйствовавшіе по всему городу.

Насколько можно судить, планъ дѣйствій революціонеровъ былъ вѣроятно таковъ: воспользоваться сравнительною малочисленностью войскъ, бывшихъ въ то время въ городѣ и ночнымъ временемъ, и произвести по всему городу нападеніе на солдатъ, разбросить и раздѣлить воинскія части и, утомивъ ихъ непрерывною стрѣльбою, произвести главными силами нападеніе на присутственныя мѣста, конечно, на казначейство. Но планъ ихъ рушился, благодаря умѣлымъ дѣйствіямъ властей и самоотверженной службѣ воинскихъ частей, изъ которыхъ нѣкоторыя были безъ отдыха въ дѣйствиіи въ продолженіе 48 часовъ. Изъ нижнихъ чиновъ ранено и контужено 5 челов. Такое небольшое количество сравнительно съ громаднымъ числомъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ революціонерами, объясняется тѣмъ, что они стрѣляли, не цѣлясь, такъ какъ боялись показаться въ окнахъ. Громадное большинство ихъ выстрѣловъ было сдѣлано изъ слуховыхъ оконъ, дымовыхъ трубъ и изъ-за заборовъ⁴⁹⁵).

Приведенные нами наиболѣе характерные факты, доказывающіе главное участіе Евреевъ въ революціи въ Россіи, дополняемъ отзывами о томъ же иностранной печати и сообщенными ею свѣдѣніями о большой денежной помощи, оказанной русской революціи международнымъ еврействомъ, о распространеніи Евреями въ Россіи революціонной литературы и о приблизительныхъ убыткахъ революціоннаго движенія въ ней къ 1-му Января 1906 г.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1907 г. № 1, помѣщена статья В. Ш. „Врба. Революція въ Россіи. Статистическіе и соціаль-политическіе этюды“, въ которой В. Ш. передаетъ содержаніе вышедшей подъ этимъ названіемъ книги Чеха Врба, взявшагося познакомить въ ней австрійское общество съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи.

⁴⁹⁵) Новое Время 1906 г. № 10948.

О главномъ участіи въ немъ Евреевъ Ш. приводитъ изъ книги Врбы, между прочимъ, слѣдующее. Профессоръ Гессенскаго университета, экономистъ Бирмеръ, въ публичной лекціи, прочтенной 23 Декабря 1905 г. и посвященной очерку отношеній социаль-демократіи къ рабочимъ союзамъ, между прочимъ, высказался такъ: „Во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ, теченіе которыхъ достаточно изучено, *систематическимъ натравливаніемъ и возбужденіемъ разныхъ общественныхъ классовъ другъ противъ друга занимались интиторы и литераторы еврейскаго происхожденія. И имѣю возможность доказать это документально. Равнымъ образомъ и неутѣшительныя, ужасающія событія, происходящія въ Россіи, рисуются съ этой же точки зрѣнія въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ какой имъ придется въ печати. Пора сказать прямо, что русскіе рабочіе и пролетаріатъ, среди которыхъ насчитывается немало Евреевъ, послѣ продолжительной подземной работы революціонныхъ союзовъ, выступаютъ, *благодаря семитическому вліянію*, въ забвеніи всякихъ границъ и благодаря бѣшенымъ выходкамъ, доведутъ таки дѣло до того, что реакція возьметъ верхъ надъ всѣмъ прочимъ“.*

Заграничные еврейскіе союзы и еврейская печать не скрывали своихъ ликованій по поводу бѣдствій, раздиравшихъ Россію.

Тагъ L' Alliance Israélite радовалась при пораженіяхъ русской арміи въ Манджуріи, провидя отсюда въ грядущемъ улучшеніе положенія для своихъ русскіихъ единовѣрцевъ.

Вѣнская еврейская газета „Der Weg“, въ Ноябрь 1905 г. восклицала: „Революція въ Россіи побѣждаетъ. Пусть же радость и гордость засіяетъ въ вашихъ глазахъ; преисполняйтесь же благоговѣніемъ, тагъ какъ именно ваши мысли и чувства, надежды и стремленія породили великій святой духъ современности“.

„Аугсбургская Почтовая Газета“ (въ № 302 за 1905 г.) говоритъ: „Завѣдомо извѣстно, что Евреи выступаютъ въ качествѣ умственныхъ руководителей русской революціи и особенно въ началѣ движенія *поддерживали имитацию и устно и въ печати*. Нѣсколько времени тому назадъ, когда юдофильскія газеты въ Германіи начали усиленно пропагандировать сборъ пожертвованій въ пользу „жертвъ еврейскихъ погромовъ“, мы предостерегали нѣмецкую публику, что большая часть собранныхъ денегъ послужитъ цѣлямъ революціоннымъ и, какъ оказалось впоследствии, не ошиблись: большая часть собранныхъ денегъ, по свѣдѣніямъ „Kölnische Zeitung“, *поступила въ распоряженіе еврейскаго „Бунда“ и пошла на вооруженіе социаль-революціонныхъ организацій и изотовленіе бомбъ*; а часть этихъ денегъ, предназначавшаяся для революціонной кассы московскаго вооруженнаго возстанія, подверглась конфи-

скаціи одновременно съ арестомъ прибывшихъ изъ Женевы руководителей социаль-демократической партіи“.

Насколько значительна была денежная помощь, оказанная международнымъ еврействомъ русской революціи, можно судить потому, что сборъ пожертвованій, по свѣдѣніямъ „Лондонской еврейской хроники“, доставилъ: въ Германіи 115,000 фунт. стер., въ Англіи 149,341 ф. ст. и въ Америкѣ 240,000 ф. ст., всего 775,776 фун. ст., т. е. *свыше 7,000,000 руб.*

А въ какомъ громадномъ количествѣ *распространялась Евреями въ Россіи и изъ-за границы революціонная литература*, видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній, опубликованныхъ центральнымъ комитетомъ „Бунда“: за 10 мѣсяцевъ 1905 г. имъ распространено 2.000,000 летучихъ листовъ и 8 №№ ежемѣсячника въ количествѣ 30,000 экземпляровъ каждаго номера. Кромѣ того были еще отпечатаны 4 прокламаціи по 120,000 экземпляровъ каждая. Для напечатанія этой литературы комитетъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 5 центральныхъ типографій при составѣ 20—25 рабочихъ въ каждой, содержаніе которыхъ обходилось въ 1,350—1500 руб. ежемѣсячно, не считая прочихъ расходовъ. Въ этихъ же типографіяхъ было напечатано для мѣстныхъ комитетовъ 1.626,225 прокламацій. Кромѣ того по Октябрь 1905 г. изъ-за границы было водворено контрабанднымъ путемъ 266 нуд. 10 ф. революціонной литературы, такъ что на кругъ ввозилось въ Россію ежемѣсячно 214,746 брошюръ и 38,369 періодическихъ листовъ. Если сюда прибавить, что во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ пунктахъ, гдѣ имѣлись бундистскія организаціи, для обслуживанія ихъ заведены и особыя типографіи, гдѣ печаталась масса революціонной литературы, можно себѣ представить, насколько рабочий классъ наводняется нездоровымъ чтеніемъ.

По вычисленію Врбы революціонное движеніе въ Россіи къ 1-му Января 1906 г. дало такіе убытки: А) *Непосредственные*: 1) истребленіе нефтяныхъ промысловъ въ—100 м. руб.; 2) 500 истребленныхъ пожаромъ и разграбленныхъ имѣній—50 мил. руб.; 3) разграбленіе и поврежденія Одесскаго порта—50 мил. руб.; 4) уничтоженіе и разрушеніе промышленныхъ предпріятій—40 мил. руб.; 5) свыше 60 разграбленныхъ и опустошенныхъ городовъ, мѣстечекъ и поселеній, включая сюда Кіевъ, Одессу и Ростовъ-на-Дону (кромѣ Москвы)—60 мил. руб.; 6) матеріальные убытки, понесенные арміей и флотомъ—50 мил. руб. Итого непосредственныхъ убытковъ насчитывается до 350 мил. руб. Б) *Косвенные убытки*: 1) желѣзнодорожныя потери отъ уменьшенія товарнаго движенія—40 мил. руб.; 2) потери на заработной платѣ служащихъ вслѣдствіе стачекъ—200 м. р.; 3) переводъ капиталовъ за

границу эмигрировавшимъ изъ Россіи окончательно—200 мил. р.; 4) убытки, вызванные объявленіями несостоятельности и сокращеніемъ кредитованія въ банкахъ—100 мил. руб.; 5) отвлечение золота за границу влѣдствіе временнаго выселенія за границу русскихъ семействъ 100 мил. р.; 6) отливъ вкладовъ иностранныхъ фирмъ—100 мил. руб. Итого косвенныхъ убытковъ насчитывается 740 мил. руб.

Что касается биржевой цѣнности государственныхъ и промышленныхъ бумагъ, то она уменьшила народное богатство Россіи, по исчисленіямъ свѣдущихъ лицъ, по крайней мѣрѣ на одинъ миллиардъ рублей. Такимъ образомъ въ общемъ финансовый итогъ освободительнаго движенія оцѣнивается свыше двухъ миллиардовъ руб., т. е. превысилъ общую сумму расходовъ, вызванныхъ злосчастною русско-японскою войною⁴⁹⁶).

ХVII.

Общій выводъ. Быстрый захватъ Евреями важныхъ родовъ торговли и промышленности въ нѣкоторыхъ городахъ внѣ черты еврейской осѣлости съ 1893 года по 1907 годъ. Значительная и опасная для государства скупка Евреями лѣсныхъ имѣній. Переполненіе ими нителгентныхъ занятій. Неизмѣнимость вредной дѣятельности Евреевъ съ полученіемъ равноправія, какъ наследственныхъ заговорщиковъ въ нееврейскихъ государствахъ. Особенности условія рѣшенія еврейскаго вопроса въ Россіи.

Прошло только 17 лѣтъ послѣ напечатанія нашей статьи „Къ исторіи еврейства“, въ которой мы, между прочимъ, указали на одинъ изъ результатовъ расширенія правъ Евреевъ императоромъ Александромъ II. на грозящую внутреннимъ губерніямъ опасность захвата торговли и промысловъ Евреями-купцами и переселяющимися въ нихъ, въ большомъ числѣ, подъ видомъ ремесленниковъ, какъ изъ приведенныхъ нами фактовъ за это короткое время такой захватъ чрезвычайно усилился. Во многихъ городахъ, даже въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Царицынѣ, Ельцѣ, Орлѣ, Курскѣ... важные роды торговли захвачены Евреями и постепенно захватываются ими въ другихъ городахъ съ вытѣсненіемъ русскихъ купцовъ и промышленниковъ. Значительная и опасная для государства скупка Евреями лѣсныхъ имѣній въ губерніяхъ Смоленской, Пековской и Новгородской была пріостановлена изданіемъ закона о воспрещеніи имъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія внѣ горо-

⁴⁹⁶) Историческій Вѣстникъ 1907 г. № 1, стр. 307—314. Приблизительное вычисленіе Врбы и нѣкоторыхъ убытковъ, причиненныхъ Россіи революціей, мы находимъ преувеличеннымъ, наприм., онъ опредѣляетъ въ среднемъ стоимость каждаго изъ 500 истребленныхъ пожаромъ и разгромленныхъ имѣній въ 100.000 р., тогда какъ многія изъ нихъ не стоятъ этихъ денегъ; но все таки общій итогъ убытковъ, причиненныхъ революціей, вѣроятно достигаетъ двухъ миллиардовъ рублей.

довъ, въ губерніяхъ, не входящихъ въ черту ихъ осѣлости. вмѣстѣ съ быстрымъ захватомъ торговли и промысловъ, Евреи чрезмѣрно стали переполнять интеллигентныя занятія: появилось много издателей и со-трудниковъ газетъ, врачей, присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, особенно аптекарей, дрогистовъ и актеровъ, которые, вытѣсняя изъ этихъ занятій Русскихъ, въ своей дѣятельности обнаружили недобросовѣстность въ погонѣ за наживой и вообще дурныя черты племенного характера. Наконецъ, расселившись въ значительномъ числѣ по городамъ внутреннихъ губерній и пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, они вмѣстѣ съ соплеменниками приняли главное участіе въ подготовкѣ, распространеніи и поддержкѣ революціи въ Россіи, едва не разрушившей ея государственный строй. Избранные Евреи въ члены 1-й Государственной Думы, въ союзѣ съ революціонными партіями въ ней, оказали сильное вліяніе на революціонную дѣятельность большинства членовъ, которая повела къ ея роспуску. Такимъ образомъ, ожиданіе правительства, что предоставленіе Евреямъ права участія въ Государ. Думѣ наравнѣ съ прочимъ населеніемъ ихъ успокоитъ, не оправдалось. Впрочемъ, оно и не могло оправдаться, такъ какъ распространенное мнѣніе, что Евреи представляютъ сплошную массу, являющуюся „государствомъ въ государствѣ“, которое приведено и въ журналѣ комитета министровъ 3 Мая 1905 г., подтверждается исторіей Евреевъ. Враждебное отношеніе къ нееврейскимъ государствамъ и вредная дѣятельность ихъ не могутъ измѣниться къ лучшему подъ вліяніемъ равноправія, какъ доказалъ столѣтній опытъ пользованія имъ Евреями во Франціи и шестидесятилѣтній—въ Германіи и Австріи, потому что это зависитъ отъ ученія Талмуда, единственнаго въ мірѣ, по находящимся въ немъ законамъ злобы и жестокости къ неевреямъ. Эти законы, опредѣляющіе религію, безнравственную, вредную дѣятельность, бытъ, гражданское и уголовное право Евреевъ, поставили ихъ во всѣхъ государствахъ въ положеніе темныхъ, наслѣдственныхъ заговорщиковъ, не признающихъ для себя, какъ народа избраннаго Богомъ, обязательными иновѣрческіе законы и уклоняющихся отъ ихъ исполненія. Въ Россіи Евреи находятся въ такомъ положеніи со времени присоединенія къ ней областей бывшей Польши: оно постоянно выражается: частыми случаями неповиновенія властямъ и насиліями надъ ними, когда законныя требованія властей для нихъ невыгодны: нападеніями скопомъ на христіанъ въ случаяхъ перехода Евреевъ въ христіанство и ихъ ссоръ съ христіанами, вмѣсто предоставленія поссорившимся разбираться въ судѣ, чтѣ, озлобляя христіанъ и безъ того враждебныхъ къ Евреямъ за ихъ разорительную и жестокую эксплуатацію, ведетъ къ еврейскимъ погромамъ: общимъ уклоненіемъ отъ исполненія воинской повинности

и военной службы въ мирное и военное время; уклоненіемъ отъ уплаты казенныхъ и общественныхъ сборовъ; занятіями (какъ промыслами въ обширныхъ размѣрахъ) конокрадствомъ, ростовщичествомъ, контрабандой, корчемствомъ, обширной внутренней и заграничной торговлей женщинами и другими преступными дѣлами. Этотъ скрытый, хроническій бунтъ Евреевъ выразился въ 1905 г. явнымъ бунтомъ ихъ съ принятіемъ на себя руководства революціей въ Россіи.

Все это мы старались выяснитъ въ нашемъ трудѣ для доказательства вреда равноправія Евреевъ и необходимости расширенія ихъ гражданскихъ правъ на столько, чтобы оно не вредило коренному населенію, на основаніи авторитетныхъ сочиненій по еврейскому вопросу, нашего личнаго знакомства съ бытомъ и дѣятельностью Евреевъ и записей характерныхъ извѣстій и статистическихъ данныхъ о жизни Евреевъ въ Россіи и за границей, сообщенныхъ печатью въ теченіе послѣднихъ 38 лѣтъ.

Намъ остается, въ заключеніе, повторить сказанное нами въ прежней статьѣ объ особенныхъ условіяхъ положенія Россіи, сравнительно съ государствами Западной Европы, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при рѣшеніи въ ней еврейскаго вопроса. Эти условія заключаются: въ многочисленности Евреевъ въ Россіи, въ неудовлетворительномъ положеніи торговли и промышленности и въ непроевѣщенности и чертахъ характера народа, которыя способствуютъ эксплуатаціи его Евреями.

Число еврейскаго населенія въ Россіи до настоящаго времени съ точностью неизвѣстно: но, во всякомъ случаѣ, оно опредѣляется не менѣе какъ въ *шесть мил.* челов., составляющихъ *больше половины* еврейскаго населенія всего земного шара ⁴⁹⁷). На значительное уменьшеніе такой большой цифры русскихъ Евреевъ, черезъ ихъ эмиграцію и слѣдовательно на облегченіе бремени содержанія ихъ (какъ эксплуататоровъ и тупеядцевъ) для коренного населенія, нельзя рассчитывать. Если эмиграція достигнетъ и 100.000 челов. въ годъ, то и въ этомъ случаѣ Россія не будетъ избавлена даже отъ ежегоднаго прироста еврейскаго населенія, превышающаго по статистическимъ свѣдѣніямъ профессора Янсона *въ три раза* ежегодный приростъ не-евреевъ ⁴⁹⁸). Это доказы-

⁴⁹⁷) По свѣдѣніямъ еврейской статистики въ 1905 г. на всемъ земномъ шарѣ считалось *одиннадцать милліоновъ Евреевъ*. День 1905 г. № 87.

⁴⁹⁸) Средній приростъ населенія Россіи по Янсону—1,07. Приростъ же еврейскаго населенія 66 проц. въ 20 лѣтъ составляетъ 3, 3 проц. годового прироста. Поэтому періодъ удвоенія населенія будетъ для Евреевъ менѣе 30 лѣтъ, въ то время какъ для Россіи онъ составляетъ 90-95 лѣтъ, а для всей Европы свыше 150 лѣтъ. Такимъ образомъ въ теченіе того промежутка времени, въ который русское населеніе удвоится, еврейское увеличится болѣе трехъ разъ ($2 \times 2 \times 2$), т. е. въ 8,9 или даже въ 10 разъ. П. Вр. 1890 г. № 5315.

ваютъ вѣрныя данныя о населеніи въ Царствѣ Польскомъ, опубликованныя Варшавскимъ Статистическимъ Комитетомъ, изъ которыхъ видно, что въ 1859 г. въ Царствѣ Польскомъ было до 600,000 Евреевъ, а въ 1890 г. число ихъ возрасло до 1.134.000⁴⁹⁹).

Неудовлетворительность торговли и промышленности въ Россіи, сравнительно съ Западной Европой, какъ извѣстно, зависитъ отъ низкаго уровня образованія торговыхъ и промышленныхъ классовъ населенія и отъ недостатка у нихъ оборотныхъ капиталовъ, солидарности, предприимчивости и умѣренности въ полученіи прибылей, чѣмъ, напротивъ, при соответствующемъ образованіи, отличаются такіе же классы въ Западной Европѣ. Потому если уже и послѣдніе, подъ дружнымъ натискомъ Евреевъ, поддаются въ зависимость отъ нихъ, то русскіе торговцы, фабриканты и ремесленники подвергнутся этой печальной участи еще скорѣе, чѣмъ доказываетъ исторія захвата Евреями торговли и промышленности въ губерніяхъ черты ихъ осѣдлости, въ Царствѣ Польскомъ и захватъ ими хлѣбной торговли во многихъ важныхъ торговыхъ городахъ внутреннихъ губерній.

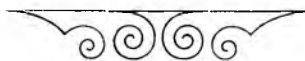
Благопріятныя же для еврейской эксплуатаціи черты характера коренного населенія заключаются въ его мягкосердечіи, склонности къ безпечной, веселой и нетрезвой жизни, въ недостаткѣ бережливости и союзовъ взаимопомощи, которые оказывали бы нравственную и матеріальную поддержку своимъ членамъ.

Эти главныя особенныя условія положенія Россіи еще настоятельно нѣе, чѣмъ въ государствахъ Западной Европы, требуютъ мѣръ для огражденія коренного населенія отъ растлѣвающего вліянія и вредной дѣятельности Евреевъ.

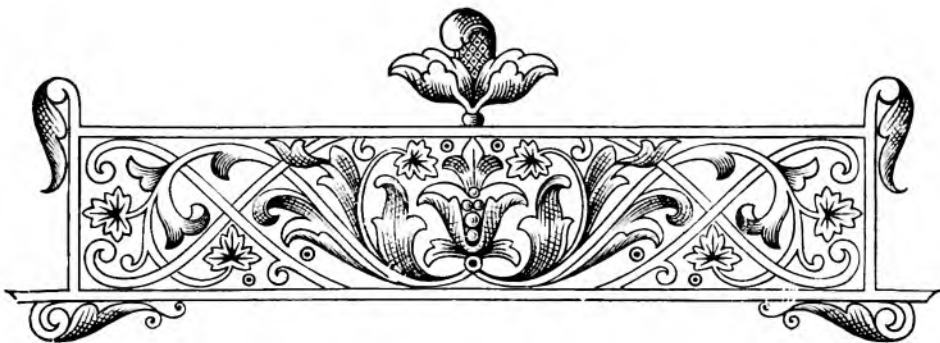
Насколько удовлетворяютъ своей цѣли существующіе ограничительныя законы о Евреяхъ и какія мѣры полезно принять для огражденія населенія Россіи отъ вредности Евреевъ, избавленія христіанскаго населенія черты ихъ осѣдлости отъ еврейскаго экономическаго ига и для привлеченія Евреевъ къ полезному труду, мы высказали наши мысли въ статьѣ „Очеркъ мѣръ противъ вредности Евреевъ“, напечатанной въ журналѣ „Наблюдатель“ 1898 года, №№ 1, 2 и 3.

Н. С. Граве.

7-го Сентября 1910 года.

⁴⁹⁹) Сынъ Отечества 1892 г. № 219.

НѢЧТО О ГРИГОРІѢ САВИЧѢ СКОВОРОДѢ.

Глубокоуважаемый Василій Сергѣевичъ Арсеньевъ, почтившій наше изданіе сообщеніемъ этой статьи, пишетъ намъ: „Посылаю вамъ рукопись у меня сохраненную о Малороссійскомъ философѣ Григоріѣ Саввичѣ Сковородѣ, очень замѣчательную и нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, доселѣ не изданную; эта восторженная біографія, писанная друзьями Сковороды или Звѣрякою, или Ковалевскимъ, не помѣщена въ Харьковскомъ юбилейномъ изданіи. Личность *Россійскаго самостоятельнаго философа* является тутъ ярко. Мы знаемъ, что онъ пользовался уваженіемъ императрицы Екатерины и что она пожелала видѣти его, во время своего путешествія въ Крымъ“.

Приносимъ нашу благодарность маститому хранителю богословско-философскихъ преданій. П. Б.

Во всемъ существующемъ есть нѣчто главное и всеобщее; въ нечленовныхъ ископаемыхъ—земля, въ растительныхъ—вода; въ животныхъ—огонь, въ человѣкѣ—разумъ и такъ далѣе. Каждое бытіе составляетъ особый кругъ или міръ свой съ различіями, дѣлимостями, раздробленіями до неостижимости.

Каждая главность или всеобщность сихъ круговъ имѣетъ надъ собою и въ себѣ главнѣйшее, всемірное, верховное, единое начало: *вся тѣмъ быши.*

Сіе начало, распространяясь, раздѣляясь въ способности, силы, свойства, постепенности, осуществляетъ невидимыя бытія разнообразно; и въ снисхожденіи своемъ сгущаясь, составляетъ въ человѣкѣ мысленность, въ животныхъ чувства, въ растительной области движеніе, въ нечленовныхъ ископаемыхъ существованіе.

Человѣкѣ, то есть воплощенная способность мыслящая, въ семъ началѣ *живетъ, движется и есть.*

Сія главнѣйшая, всемірная, невидимая сила, единая, умъ, жизнь, движеніе, существованіе изливается изъ неостижимости въ явленіе.

изъ вѣчности во всю обширность времени, изъ единства исключительнаго до безпредѣльной множественности, образуя кругъ челоуѣчества. удѣляетъ оному отъ главности своей благороднѣйшее преимущество: свободную волю.

На семь корени, на семь началъ основывается власть правительствъ, держава владыкъ, сила царей, любовь родителей, честь мудрыхъ, слава добродѣтельныхъ. память праведныхъ.

Множественность предполагаетъ различіе, неравенство и несовершенство: свободная воля предполагаетъ выборъ; выборъ—нравственную способность, могущую познать добро, истину, совершенство, любить оное, искать предпочтительно. Отсюда происходитъ подвигъ исканія. Подвижникъ исканія называется—мудрый; дѣло его—добродѣтель.

Персіянинъ и Мидяннинъ, Іудей и Эллинъ, рабъ и свободъ равно участвуютъ въ семь преимуществъ всемірнаго, верховнаго, одинаго начала.

Подвигъ, то есть правильное употребленіе свободной воли, дѣлаетъ раздѣленія, и сей подвигъ въ выборѣ истиннаго, добраго, совершеннаго есть правда, воздающая всякому свое, *полная—полнымъ и тщетная—тщетнымъ*, почему мудрый и праведный есть тоже.

Поставленный между вѣчностью и временемъ, свѣтомъ и тьмою, истинною и ложью, добромъ и зломъ, имѣющій преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящій то въ исполненіе на самомъ дѣлѣ, во всякомъ мѣстѣ, бытій, состояніи, знаніи, степени есть мудрый праведный.

Таковъ есть мужъ, о которомъ здѣсь предлежитъ слово.

Григорій (сынъ Саввы) Сковорода родился въ Малой Россіи, Кіевского намѣстничества, Лубенской округи, въ селѣ Чернухахъ, въ 1722 году. Родители его были изъ простолюдова, отецъ—казака, мать такого же рода: они имѣли состояніе мѣщанское, посредственно достаточное, но честностью, правдивостью, богопочитаніемъ, миролюбивымъ сосѣдствомъ отличались въ своемъ кругѣ.

Сей сынъ ихъ Григорій по седьмому году отъ рожденія примѣтенъ былъ склонностью къ богочтенію, дарованіемъ къ музыкѣ, охотою къ наукамъ, твердостью духа. Въ церкви ходилъ онъ самоохотно на крыльяхъ и пѣвалъ отменно пріятно. Любимое же и всегда твердое имъ пѣніе былъ сей стихъ Іоанна Дамаскина: *образу златому на полѣ Деиръ служиму триє Твои отроци не брегоша безбожнаго велннїа* и пр.

По охотѣ Григорія отецъ отдалъ его въ Кіевское училище, славившееся тогда науками. Григорій скоро превзошелъ сверстниковъ

своихъ успѣхами и похвалами; митрополитъ Кіевскій Самуилъ Миславскій, человѣкъ отличной остроты разума и рѣдкихъ способностей къ наукамъ. будучи тогда соученикомъ его, оставался во всемъ ниже его, Григорія.

Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Дарованія Сквороды къ музыкѣ и отмѣнно пріятный голосъ его подавали случай быть ему выбрану ко двору въ пѣвческую музыку, куда и отправленъ былъ онъ при вступленіи на престолъ Государыни.

Онъ не долго находился тамъ. Императрица скоро предпріяла путешествіе въ Кіевъ и съ нею весь кругъ двора. Скворода прибылъ туда. При обратномъ отбытіи двора въ С.-Петербургъ, получа увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика, остался въ Кіевѣ и снова началъ учиться.

Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, показался ему недостаточнымъ: онъ возжелалъ видѣть чужіе края. Скоро представился поводъ къ сему, и онъ воспользовался имъ всеохотно.

Отъ Двора отправленъ былъ въ Венгрію къ Токайскимъ садамъ генералъ-майоръ Вишневскій*), который для находившейся тамъ Греко-Россійской церкви хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ пѣнію и службѣ. Скворода извѣстенъ знаніемъ музыки, голосомъ, желаніемъ быть въ чужихъ краяхъ, разумѣніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневекому одобрительно и взять имъ въ покровительство.

Путешествуя съ генераломъ Вишневскимъ, имѣлъ онъ случай, съ позволенія его и съ помощью его поѣхать изъ Венгріи въ Вѣну, Офенъ, Пресбургъ и прочія окольныя мѣста, гдѣ любопытствуя по охотѣ своей старался знакомиться наипаче съ людьми, ученостью и знаніями отмѣнно славимыми тогда. Онъ говорилъ весьма исправно и съ особливою чистотою Латинскимъ и Нѣмецкимъ языкомъ и довольно разумѣлъ Эллинскій, почему и способствовался сими доставить себѣ знакомство и пріязнь ученыхъ, а съ ними новыя познанія, каковыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, наполненъ ученостію, свѣдѣніями, знаніями, но съ состояніемъ весьма тѣснымъ. въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ пріятелей и знакомыхъ.

*) См. письма Елисаветы Петровны къ этому Вишневекому (предку свѣтлѣйшей княгини Юрьевской) въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 (вып. 2-й). Токайскіе сады продолжали находиться во владѣніи нашего Двора болѣе ста лѣтъ. Александръ Николаевичъ подарилъ ихъ императору Австрійскому. П. Б.

Какъ и сихъ состояніе не весьма было велико, то искали они случая, какъ бы употребиться ему съ пользою его и общественною. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа.

Сковорода, имѣя основательнѣе и обширнѣе знаніе въ наукахъ, нежели каковы тогда были въ училищахъ провинціальныхъ, написалъ разсужденіе о поэзіи и руководство къ искусству оной образомъ столь новымъ, что епископу показалось страннымъ и несообразнымъ прежнему старинному обычаю. Епископъ приказалъ переимѣнить и преподавать по тогдашнему обыкновенному образу ученія. Сковорода, увѣренъ будучи въ знаніи своемъ и точности дѣла сего, не соглашался оставить написанныя имъ правила для поэзіи, которыя были простѣе и вразумительнѣе для учащихся, да и совсѣмъ новое и точное понятіе давали объ оной. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта образомъ судебнымъ чрезъ Консисторію, для чего онъ не выполнилъ повелѣнія? Сковорода отвѣтствовалъ, что онъ полагаетъ на судъ всѣхъ знатоковъ въ томъ, что разсужденіе его о поэзіи и руководство, написанное имъ, есть правильное и основанное на природѣ сего искусства; притомъ въ объясненіи прибавилъ Латинскую пословицу: *Alia res sceptrum, alia plectrum* (иное дѣло пастырскій жезлъ, иное пастушья свирѣль).

Епископъ, преобратя отвѣтъ сей въ непослушаніе его и ученость его въ гордость и высокоуміе, далъ своеручное повелѣніе на докладъ Консисторіи слѣдующее: не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню. Посему Сковорода выгнанъ былъ изъ училища Переяславскаго не съ честію. Сей былъ первый опытъ твердости его духа.

Недостатки стѣснили его крайне, но нелюбостыжательный нравъ его поддерживалъ въ немъ веселость и бодрость духа.

Онъ перешелъ изъ училища жить къ пріятелю своему, который зналъ цѣну достоинства его, но не зналъ стѣсненія нужды его. Сковорода не смѣлъ просить помощи, а пріятель не вздумалъ спросить его о надобности; и такъ переносилъ онъ нужды, скромно и молчаливо, терпѣливо, безропотно, не имѣя тогда, какъ только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотовый кафтанъ, одни башмаки, одни черныя гарусныя чулки. Нужда обработывала въ немъ сердце полезнѣйше и насыла въ немъ сѣмяна терпѣнія такія, которыхъ плодами угобзила жизнь его, содѣлала его мудрымъ и счастливымъ.

Не въ далекомъ разстояніи имѣлъ жительство Малороссійскій именитый дворянинъ Стефанъ Тамара, которому потребенъ былъ учитель

для сына его. Сковорода одобренъ былъ ему отъ знакомыхъ и приглашенъ имъ въ деревню Казрай, гдѣ и порученъ былъ ему сынъ въ смотрѣніе и науку.

Старикъ Тамара отъ природы имѣлъ великій разумъ и по службѣ, обращаясь съ иноземцами, приобрѣлъ нарочитыя знанія, однако придерживался застарѣлыхъ предубѣжденій, свойственныхъ обыкновеннаго воспитанія людямъ, которые смотрять съ презрѣніемъ на все то, что не одѣто гербами и не расписано родословіями.

Сковорода началъ воздѣлывать сердце молодого воспитанника своего и, разсматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ ращеніи направленіемъ легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ, а не безвременно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію.

Цѣлый годъ продолжалось обращеніе его съ сыномъ, но отецъ никогда не удостоивалъ учителя ни однимъ словомъ разговора, хотя всякій день за столомъ онъ съ воспитанникомъ бывалъ у него. Чувствительно было такое униженіе челоуѣку, имѣвшему въ низкой простотѣ благородное сердце; но Сковорода сносилъ все то и, не смотря на презрѣніе, на униженіе себѣ, исправлялъ должность свою по совѣстной обязанности. Договоръ былъ сдѣланъ на годъ, и онъ хотѣлъ сдержать слово свое.

Въ одно время разговаривая онъ съ воспитанникомъ своимъ и видя любовь его къ себѣ, а посему и обращаясь съ нимъ откровенно и просто, спросилъ его, какъ онъ мыслить о томъ, что говорили? Воспитанникъ на этотъ случай отвѣчалъ неприлично. Сковорода возразилъ ему, что онъ мыслить о семъ, какъ свиная голова. Служители тотчасъ донесли госпожѣ, что учитель называетъ шляхетскаго сына ихъ свиною головою; мать раздосадовала, разжаловалась супругу, требовала мщенія за таковую дерзость. Старикъ Тамара, зная совершенно цѣну учителя, но уступая настоянію жены, отказалъ ему отъ дома и должности и, при отпускѣ его въ первый разъ заговоря съ нимъ, сказалъ ему: прости, государь мой; мнѣ жаль тебя.

Тогда уже судьба начинала приготавливать сердце его къ несправедливостямъ людскимъ, которыя имѣлъ онъ испытать въ продолженіи жизни. Сковорода остался безъ мѣста, безъ пропитанія, безъ одежды, но не безъ надежды.

Убогъ, скуденъ, нуждаясь крайне, пріѣхалъ онъ къ пріятелю своему, одному сотнику Переяславльскому, челоуѣку добродушному и страннoлюбивому. Тутъ нечаянно представился ему случай ѣхать въ

Москву съ калиграфомъ, отправлявшимся въ Московскую Академію проповѣдникомъ, съ которымъ онъ, какъ пріятель его, и поѣхалъ, а оттуда въ Троицкую Сергіеву Лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ многоученный Кириллъ, бывшій послѣ епископомъ Черниговскимъ. Сей, увидя Сковороду, котораго зналъ уже по слуху и нашедъ въ немъ челоуѣка отгмѣнныхъ дарованій и учености, старался уговорить его остаться въ Лаврѣ для пользы училища; но любовь его къ отечественному краю отвлекала его въ Малороссію. Онъ возвратился пакн въ Переяславль, оставя по себѣ въ Лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла.

Духъ его отдалилъ его отъ всякихъ привязанностей и, дѣлая его пришельцемъ, пресельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемірнаго, который, не имѣя родства, стяжаній, угла, гдѣ главу преклонити, сторицею больше вкушаетъ удовольствій простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ несмущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго.

Не успѣлъ пріѣхать онъ въ Переяславль, какъ разумный Тамара поручилъ знакомымъ своимъ уговаривать его, чтобы пакн къ сыну опредѣлился онъ учителемъ. Сковорода не соглашался, зная предразсудки его, а паче домашнихъ его; но пріятель его, будучи упрошенъ отъ Тамары, обманомъ привезъ его въ деревню, къ нему ночью, спящаго.

Старикъ Тамара не былъ уже тотъ гербовой вельможа, но ласковый дворянинъ, который хотѣлъ цѣнить людей по внутреннему достоинству ихъ; онъ обласкалъ его дружески, просилъ быть сыну его другомъ и руководствовать его въ наукахъ. Любовь и откровенное его обхожденіе сильнѣе всего дѣйствовали всегда надъ Сковородою; онъ остался у Тамары, съ сердечнымъ желаніемъ быть полезнымъ, безъ договора, безъ условій.

Уединеніе руководствуетъ къ размышленіямъ. Сковорода, поселясь въ деревнѣ, подчиня доуку нуждъ необходимыхъ попеченію любимаго и возлюбившаго его господина, обезпеча себя искренностію его, предавался любомудрію, т. е. исканію истины.

Часто, въ свободные часы отъ должности своей, удалялся онъ въ поля, рощи, сады для размышленія. Рано поутру заря спутница ему бывала въ прогулкахъ его и дубравы собесѣдниками глумленій *) его. Лѣта, дарованія, душевныя склонности, природныя нужды житейскія звали его попеременно къ принятію какого либо состоянія жизни; суетность и многозаботливость свѣтская представлялись ему моремъ, обуреваемымъ

*) Въ Псалтирѣ глумленіе значитъ размышленіе. П. Б.

безпрестанно волнами житейскими и никогда плывущаго къ пристани душевнаго спокойствія не доставляющимъ; въ монашествѣ, толико удалившемся отъ начала своего, увидѣлъ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей и за немѣніемъ исхода себѣ задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безпечному его нраву.

Не рѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ, чистосердіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостыжанія, всѣ трудности излишества. Таковое самоотверженіе сближало его благоуспѣшно къ союзу мудрости.

Душа человѣческая, повергаясь въ состояніе низшихъ себѣ степеней, погружается въ звѣрскія страсти, предаваясь чувству, собственному скотамъ, принимаетъ на себя свойства и качества ихъ, злобу, ярость, несытость, зависть, хитрость, гордость и прочее; возвышаясь же подвигомъ доброй воли выше скотскихъ влеченій, звѣрскихъ побужденій и безсловесныхъ стремленій, восходитъ на высоту чистоты умовъ, которыхъ стихія есть свѣтъ, разумъ, миръ, гармонія, любовь, блаженство, и отъ оныхъ замѣтуетъ нѣкоторый духъ величественности видѣнія и разумѣнія высшаго, пространнѣйшаго, далечайшаго, яснѣйшаго и превосходнѣйшей святости въ чувствіяхъ, которыми преисполняясь внутренно*), являетъ въ воображеніи состояніе бытія человѣческаго иногда одобрительно, иногда наказательно, увѣщательно, предварительно и указательно.

Сковорода видѣлъ опытъ сего порядка и силы природы въ себѣ самомъ и описываетъ сіе въ оставшихся по немъ запискахъ своихъ тако.

„Въ полночь Ноября 24-го числа 1758 года, въ селѣ Казрай, казалось во снѣ, будто я разсматриваю различныя охоты житія человѣческаго по разнымъ мѣстамъ. Въ одномъ мѣстѣ я былъ, гдѣ *царскіе чертоги, наряды, музыка, плясанія*, гдѣ любящіеся то пѣли, то въ зеркала

*) Сократу часто снился одинъ сонъ; оный казался ему въ различныхъ видахъ, но всегда приказывалъ одно: Сократъ, прилагайся къ музыкѣ и упражняйся въ оной. Сократъ такъ толковалъ сонъ свой: какъ совершеннѣйшая музыка есть философія, то наиболѣе прилежи къ оной. Критонъ, другъ Сократовъ, пришелъ объявить ему, что завтра, по приговору суда, долженъ онъ умереть. Сократъ сказалъ ему: Такъ и быть сему, но не завтра. Мнѣ снился сонъ въ сіе же утро, что женщина необыкновенной красоты явилась ко мнѣ въ бѣлыхъ ризахъ и, назвавъ меня по имени, говорила: черезъ три дня прибудешь ты въ плодоносную твою Пнѣю, что и сбылось.

смотрѣлися, то бѣгали изъ покоя въ покой, снимали маски, садились на богатія постели и прочая. Оттуда повела меня сила къ простому народу, гдѣ такія же дѣйствія, но особеннымъ образомъ и порядкомъ производились. Люди шли по улицѣ съ склянницами въ рукахъ, шума, веселясь, шатаясь, какъ обыкновенно въ черномъ народѣ бываетъ: такъ же и любовныя дѣла сроднымъ себѣ образомъ происходили у нихъ: тугъ, поставя въ одинъ рядъ мужескъ, а въ другой женскъ полъ, разсматривали кто хорошъ, кто на кого похожъ и кому достойнъ быть парюю. Отсюда вшелъ я въ постоялыя дома, гдѣ лошади, упряжь, сѣно, расплаты, споры и прочее слышалъ. Наконецъ сила ввела меня въ храмъ нѣкій, обширный и прекрасный; тутъ, якобы въ день Сошествія Св. Духа, служилъ я литургію съ діакономъ и помню точно, что возглашалъ сіе громко: яко святъ еси Боже нашъ и прочее до конца; при семъ по обоимъ хорамъ пѣто было протяжно: Святыи Боже... самъ же я съ діакономъ, предъ престоломъ до земли кланяясь, чувствовалъ внутренно сладчайшее удовольствіе, котораго изобразить не могу. Однако и тутъ человѣческими пороками осквернено; сребролюбіе съ кошелькомъ таскается и, самага священника не минуя, почти вырываетъ въ складку отъ мясныхъ обѣдовъ, которые въ смежныхъ почти храму комнатахъ отравляемы. были и въ которыя изъ алтаря многія двери находились; во время литургіи духъ шибалъ до самой святой трапезы. Тутъ я видѣлъ слѣдующее ужасное позорище: какъ нѣкоторымъ недоставало къ ястію птичьихъ и звѣрныхъ мясъ, то они одѣтаго въ черную ризу человѣка, имѣвшаго голыя колѣна и убогія сандаліи, убитаго, въ рукахъ держа при огнѣ, колѣна и икры жарили и мясо съ истекающимъ жиромъ, отрѣзывая и отгрызывая, жрали; и сіе дѣлали аки бы нѣкіе служители. Я, не стерпя смрада и свирѣпства сего, отвратилъ очи и вышелъ. Сей сонъ не меньше усладилъ меня, какъ и устрасилъ“ *).

Я пишу жизнь человѣка сего въ Христіанскомъ вѣкѣ, странѣ, народѣ и исповѣданіи, да прочтутъ книгу Христіанства и увидятъ, что человѣку толико не сходно быть прозорливымъ во плоти ангеломъ, богочеловѣкомъ, какъ и звѣремъ, бѣсомъ, идоломъ. Не разумливый да не разумѣваетъ.

Сковорода началъ чувствовать вкусъ въ свободѣ отъ суетностей и пристрастій житейскихъ, въ убогомъ, но безпечальномъ состояніи, въ уединеніи, но безъ разстройки съ самимъ собою. Лжемудрствующее

*) Тацитъ, политикъ-философъ, глубокомысленный писатель, описывая обстоятельно Цецину съ Армоніусомъ, не пропустилъ упомянуть видѣннаго Цециною сна; читай Тацита лѣтопись, гл. 1-я, 65 артикль о Германікусѣ, гл. 11-я, 14 арт.

самолюбіе, сія неукрашенная дщерь свѣтскаго разума, не могла обнять сердце его, величественное свойство мыслящаго бытія. Волю углубилъ онъ со всѣмъ уметвованіемъ ея и желаніями въ ничтожность свою и повергъ себя въ волю Творца, предавшись всецѣло жизни и любви Божіей, дабы промыслъ Его располагалъ имъ яко орудіемъ своимъ, а може хочетъ и якоже хочетъ.

Когда человѣкъ исходитъ изъ круга самомнѣнія, самопроизволенія, самолюбія своего, почитая все то землю пустою, непроходною и безводною, тогда Духъ Святый занимаетъ всѣ чувства его и восстанавливаетъ царствіе Божіе, т. е. возжигаетъ въ немъ способности жизненныя огнемъ любви своея. Тогда высокое познаніе и разумѣніе, по мѣрѣ расположенія внутренняго и внѣшняго, возникаетъ изъ сосредоточія всѣхъ вещей, аки тончайшій, пронизательнѣйшій огонь съ неизяснимымъ удовольствіемъ и поглащается бездною свѣта. Въ такомъ состояніи человѣка чувствіе взираетъ на Духъ Вседержителя съ радостію и поклоненіемъ, и симъ-то образомъ смиренное самоотверженіе человѣческое можетъ созерцать то, чтò есть въ вѣчности и во времени, ибо все, чтò близъ его, все, чтò окрестъ его, все въ немъ есть.

Григорій, исполняяся живыми чувствами истинъ, изображалъ то перомъ въ сочиненіяхъ простыхъ, но сильныхъ. Между прочими написалъ онъ стихи: Оставя, о духъ мой, вскорѣ... Старикъ Тамара, прочтя оныя и узнавъ отъ него, что то была забава его, сказалъ ему: Другъ мой, Богъ благословилъ тебя дарованіемъ духа и слова.

Все время бытности его у Тамары проходило въ обученіи сына его словеснымъ наукамъ и языку, а себя благочестію и самодовольству.

Наконецъ молодому воспитаннику его надлежало поступить въ другой кругъ упражненій, пристойныхъ по свѣту и по роду, а Сквородѣ судьба преуготовила званіе издалече.

Въ Бѣлгородѣ прибылъ на епископскій престолъ Іоасафъ Митневичъ, мужъ, исполненный благосердія, добродѣтелей, ученія. Сему архіерею былъ извѣстенъ по закону искуству и по старой пріязни игумень Гервасій Якубовичъ, находившійся тогда въ Переяславлѣ. Іоасафъ пригласилъ Гервасія раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружественную жизнь. Гервасій пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сквородѣ одобрителнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія. Скворода немедленно пріѣхалъ и по волѣ Іоасафа принялъ должность учителя поэзіи въ Харьковскомъ Коллегіумѣ 1759 года.

Отмѣнный образъ его мыслей, ученія, жизни, скоро обратилъ къ нему вниманіе всего общества тамошняго. Онъ одѣвался пристойно, но просто, пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца, мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію, для сна отдѣлялъ онъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки, вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады: всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словохотенъ, гдѣ не принужденъ говорить; изъ всего выводящій нравоученіе, почитателенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ немущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набоженство безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести.

Годъ протекъ, и онъ, сконча срочное время, пріѣхалъ къ Іоасафу для препровожденія обыкновеннаго въ училищахъ времени отдохновенія. Епископъ, желая удержать его болѣе при училищѣ, поручилъ Гервасію, какъ пріятелю его, чтобы принялъ онъ монашеское состояніе, обѣщая довести его скоро до сана высокаго духовенства. Гервасій началъ совѣтовать Сковородѣ, предлагая желаніе архіерея, благовидность пользы его, предстоящую ему въ семь поприщъ честь, славу, почтеніе и по его мнѣнію счастливую жизнь.

Не таковыя долженствовали быть предложены побужденія для сердца Сковороды. Онъ выслушалъ сіе, возревновалъ по истинѣ и сказалъ Гервасію: Развѣ вы хотите, чтобы я умножилъ число фарисеевъ? Ыште жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте; а Сковорода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, въ малодовольствѣ, воздержанности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы пріобрѣсти все нужнѣйшее, въ отверженности всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самаго въ цѣлости, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой. Гервасій убѣждалъ его милостію архіерея, дружбою своею, пользою церкви; но Сковорода, твердъ духомъ и правилами, возразилъ ему въ отвѣтъ: Благодарствую за милость, за дружбу, за похвалу, я не заслуживаю ничего сего за непослушаніе мое къ вамъ. При семь случаѣ Гервасій, зная недостатки его и думая, что онъ, нуждаясь содержаніемъ и знакомствомъ въ чужой сторонѣ, долженъ будетъ согласиться на предложеніе его, оказалъ ему остуду. Григорій, примѣтя сіе, рѣшился скоро: на третій же день. дождавшись

въ передней выхода его, подошелъ сказать ему всемирнѣйше: прошу вашего высокопреподобія на путь мнѣ благословія. Гервасій, не глядя на него, благословилъ его съ досадою, а Скворода, съ миромъ отошедъ, тотчасъ отправился къ пріятелю своему въ деревню Старицу. въ окрестности Бѣлгорода.

Старица была мѣсто изобильное лѣсами, водотечіями, удоліями, благопріятствующими глубокому уединенію. Скворода, поселясь тамъ, паче всего прилежалъ къ познанію себя и упражнялся въ сочиненіяхъ, относительныхъ къ сему. Въ лишеніяхъ своихъ призывая въ помощь вѣру, не полагалъ оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ, но въ умерщвленіи самопроизволенія духа, т. е. побужденій отъ себялюбія происходящихъ, въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ въ волю всеблагого и всемогущаго Творца, по всѣмъ предпріятіямъ, намѣреніямъ и дѣламъ. Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое, не дерзая господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повиноваться оному во всей смиренности.

Отецъ Гервасій донесъ епископу объ отказѣ Сквороды на предложеніе его и объ отбытіи его. Добродушный Іоасафъ не подосадовалъ, но только сожалѣлъ о немъ. Между тѣмъ Григорій продолжалъ пустынножителство въ Старицѣ.

Нигдѣ столько не обозрѣваетъ себя человѣкъ, какъ въ уединеніи. и не напрасно сказано древнимъ мудрецомъ: уединенный долженъ быть или царь или звѣрь. Преобороть скуку, проклятое исчадіе недовольства, занять умъ и сердце упражненіями, достаточными ублажить ихъ, есть дѣло не иначе*), какъ мудраго, обладающаго собою, царя уединеннаго, священника Божія, понимающаго вездѣсущіе и всеисполненіе духа Господня и поклоняющагося Ему духомъ.

Скворода, провождая тамо дни свои въ бодрости духа, веселости, безпечалии, благонадежности, часто говаривалъ при посѣщающихъ его: О свобода! о наука!

Слухъ о необыкновенной жизни его и назидательномъ собесѣдованіи привлекъ многихъ искателей знакомства его. Онъ, посѣщая нѣкоторыхъ по деревнямъ, вздумалъ навѣстити Харьковъ. Нѣкто изъ познакомившихся съ нимъ и сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, чтобъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его,

*) Надобно имѣть глубокое основаніе разума или совѣтъ онаго лишену быть, чтобъ содержать себя долгое время въ уединеніи. Снести себя, ужиться самому съ собою, смотрѣть на себя спокойнымъ духомъ, быть довольну сердцемъ своимъ, не искать себя внѣ себя, есть дѣло великое и ключъ истиннаго счастья.

молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ. и не оставилъ бы его добрымъ словомъ.

Сковорода пріѣхалъ въ Харьковъ, жилъ у знакомыхъ своихъ нѣсколько уже недѣль: въ одно время. пришедши посѣтить училище и видя тутъ нѣкоторыхъ незнакомыхъ имъ, спросилъ, не находится ли тутъ такой-то племянникъ П. Н. Молодой тотъ человѣкъ случился на то время быть тамъ. и знакомые Сковородѣ сказали, что онъ самый тотъ есть. Сковорода, смотря на него, возлюбилъ его до самой смерти. Послѣ увидѣвъ сей молодой человѣкъ, что случай таковой былъ устроенъ для него перстомъ Божиимъ издалече.

Добрый пастырь Іоасафъ, не теряя изъ виду Сковороды, желая всячески привлечь его паки въ Харьковское училище, извлечь изъ дарованій его пользу, которую онъ чувствовалъ во всей цѣль его, зная, что онъ не любитъ принужденности, пригласилъ его дружески и предложилъ ему должность учителя, какую хочетъ. Довольно было убѣдить Сковороду, чтобъ дать ему только на выборъ дѣло, то или другое. Онъ, имѣя въ виду пользу, намѣреваемую для молодого новаго друга своего, котораго въ сердцѣ уже почиталъ таковымъ (какъ послѣ самъ о семъ изъяснялся), радъ былъ призыву епископа и взялъ предложеніе его всеохотно, съ тѣмъ, чтобы преподавать ему классъ ниже прежняго. синтаксически: сверхъ того взялся обучать Эллинскому языку.

Прибывъ изъ Бѣлграда въ Харьковъ и вступя въ должность, напелъ онъ любимаго своего молодого человѣка, который однако не зналъ и не смѣлъ мыслить, чтобъ могъ быть достойнымъ дружбы его, хотя любилъ и удивлялся философской жизни его и внутренно почиталъ его.

Григорій часто началъ посѣщать его и, по склонности молодого человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговорамъ и правоученію. Открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, какового желалъ онъ, и способности природныя, каковыя любилъ, онъ обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа.

Молодой сей человѣкъ, будучи воспитываемъ до сего полу-учеными школьными учителями, частію монахами (въ чьихъ рукахъ тогда святилица наукъ находилась), которые и положили ему въ голову мнѣнія о вещахъ странныя, часто слыша отъ Сковороды противное тому и не могли согласить въ понятіи своемъ новыхъ правилъ со старыми, видя же на самомъ дѣлѣ жизнь его добродѣтельную, цѣломудрую, примѣрную, сомнѣвался самъ въ себѣ и сожалѣлъ душевно, что такой

добродѣтельный мужъ имѣлъ несогласныя съ учеными мнѣнія и правила, а посему и въ заблужденіяхъ находился.

Всѣ книгочѣи наставники его, да и весь свѣтъ словомъ и дѣломъ внушали ему, что счастье человѣческое состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть всего много, много что пить, много что ѣсть, много во что одѣваться и въ успѣхахъ праздно веселиться. Сковорода одинъ началъ говорить ему, чтобъ быть истинно счастливымъ, то все оное не нужно; что ограниченіе желаній, отверженіе излишествъ, обузданіе прихотствующей воли, трудолюбіе, исполненіе должности, въ которую Промысль Божій поставилъ кого, не за страхъ, но за совѣсть, суть пути къ счастью. Сковорода говорилъ се и жилъ тако.

Велемудрые учили его, что добродѣтель гражданская одна ничто предъ Верховнымъ Существомъ, что Маркъ Аврелій, Сократъ, Платонъ и прочіе, славные съ древности великими дѣлами и сердцемъ люди должны быть счастливы, потому что не имѣли историческаго знанія о вещахъ, случившихся послѣ нихъ. Сковорода утверждалъ, что во всѣхъ оныхъ мужахъ дѣйствовалъ духъ вышній, а посему и недостойны они осужденія, но почтенія и подражанія въ любви, къ истинѣ, и если Богъ есть истина, то они были вѣрные служители Его.

Философы, учившіе молодого человѣка, толковали ему, что къ такому, напримѣръ, жизни состоянію больше и особенно привязано благословеніе Божіе, а къ иному меньше или же и проклятіе; что вѣдѣніе таинствъ и выполненіе обрядовъ тайноводства есть совершенство и высокость человѣка. Сковорода училъ, что всѣ состоянія суть добры, и Богъ, раздѣляя члены общества, никакого не обидѣлъ, проклятіе же налагаетъ Онъ точію на сыновъ противленія, которые, не внявъ себѣ и не послѣдуя знанію природы, вступаютъ въ состояніе по страстямъ, по обманчивымъ видамъ, по прихотямъ и понеже не испытали они въ себѣ склонности врожденной, то и предалъ ихъ Верховный Раздаятель дарованій въ нескусенъ умъ, да творять неподобное и будутъ прокляты, т. е. несчастливы. Сковорода училъ, что совершенство человѣка состоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительны къ слову: Царствіе Божіе есть въ силѣ, т. е. въ дѣлѣ.

Молодой человѣкъ, напоенъ будучи изъ млада предувѣреніями, слушая Сковороду, возчувствовалъ въ себѣ возбужденную борьбу мыслей и не зналъ, чѣмъ рѣшить оную. Прочіе учителя внушали ему отвращеніе къ Сковороде, запрещали имѣть знакомство съ нимъ, слушать разговора его и даже видѣться съ нимъ. Онъ любилъ сердце

его, но дичился разума его; почиталъ жизнь, но не вмѣщалъ въ умъ разсужденія его, уважалъ добродѣтели, но устранился мнѣній его; видѣлъ чистоту нравовъ, но не узнавалъ истины разума его, желалъ быть другомъ, но не ученикомъ его.

Трудно изгладить первыя впечатлѣнія. Сковорода продолжалъ преподавать синтаксисъ и Эллинскій языкъ общественно, а любимаго своего молодого человѣка обучалъ особенно Греческому языку и чтенію древнихъ книгъ, изъ которыхъ любимѣйшіе имъ были слѣдующіе писатели: Плутархъ, Филонъ Іудіанеинъ, Цицеронъ, Горацій, Лукіанъ, Діонисій Ареопагитскій, Оригенъ, Нилъ. Климентъ Александрійскій, Максимъ Исповѣдникъ, а изъ новыхъ, относительныхъ къ симъ; глава же всѣмъ—Библія. Сила, содержаніе и конецъ учебнаго ихъ упражненія было сердце, т. е. основаніе блаженной жизни.

Предпринявъ перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлѣній истины, писывалъ онъ къ нему письма почти ежедневно, дабы, пробудя его къ отвѣтствованію хотя кратко на оныя, пріучать его мыслить, разсуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично.

Предразсудки, возбуждаемые различіемъ мнѣній, не позволяли сумнѣніямъ въ юношѣ искорениться; странное происшествіе истребило оныя до основанія, и сіе такъ описано въ подневныхъ запискахъ сего молодого человѣка.

„1763 года, будучи я занятъ размышленіями о правилахъ, внутреннихъ мнѣ Сковородою и нашедъ въ умѣ моемъ оныя несогласными съ образомъ мыслей прочіихъ, желалъ сердечно, чтобъ кто либо посвятилъ меня въ истинѣ. Въ тайномъ расположеніи находясь и поставя себя въ возможную чистоту сердца, видѣлъ я слѣдующій сонъ*).

„Казалось, что на небѣ отъ одного края до другого по всему пространству онаго были написаны золотыми великими буквами слова. Все небо было голубого цвѣта, и золотыя слова оныя казались не столько снаружи блестящими, но больше внутри сіяли прозрачнымъ свѣтомъ и не совокупно написаны по лицу небснаго пространства, но складами по слогамъ и содержали слѣдующее и точно такимъ образомъ: па-мять-свя-тыхъ-муче-никъ-А-на-ні-я, А-за-рі-я, Ми-са-ила. Изъ сихъ золотыхъ словъ сыпались огненные искры, подобно какъ въ кузницѣ изъ раздуваемыхъ сильно мѣхами угольевъ, и падали стремительно на Григорія С. Сковороду. Онъ стоялъ на землѣ, поднимъ

*) Зри книгу Филона о снахъ и къ Кориню. 2 посл. гл. 12. Іоан. гл. 33. ст. 15, 16.

вверхъ прямо правую руку и лѣвую ногу въ видѣ проповѣдывающаго Іоанна Крестителя, котораго живописцы нѣкоторые въ изображеніяхъ представляютъ въ такомъ расположеніи тѣла и каковымъ Сковорода тутъ же мнѣ вообразился. Я стоялъ близь его, а нѣкоторыя искры изъ падающихъ на него, отскакивая, упали на меня и производили во мнѣ нѣкую легкость, развязность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согрѣяніе и неизъяснимое удовольствіе духа: я въ исполненіи сладчайшаго удовольствія проснулся“.

„По утру, вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе странное почтенному и добродѣтельному старику Троицкому священнику Бор., у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ, подумавши, сказалъ мнѣ съ умиленіемъ: Ахъ молодой человѣкъ, слушайте вы сего мужа: онъ поставленъ вамъ отъ Бога быть руководителемъ и наставникомъ“.

Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія, и съ сего времени я въ продолженіи писанія сего буду называть его другомъ по превосходству *).

Представившіеся въ велелѣпномъ видѣ написанныя на небеси имена трехъ отроковъ были тѣхъ самыхъ, которыхъ исторія изображена въ томъ любимомъ Сковородою Дамаскининомъ стихѣ, который пѣвалъ онъ при всякомъ случаѣ въ молодости своей, по нѣкому машинальному побужденію, какъ о семъ упомянуто въ началѣ сего. Ни Сковорода о любимомъ семъ стихѣ, ни другъ его о видѣнномъ имъ никогда другъ другу не рассказывали и не знали. По прошествіи тридцати одного года, за два мѣсяца до кончины своей, Сковорода, будучи у друга сего въ деревнѣ и пересказывая ему всю жизнь свою, упомянулъ о томъ стихѣ Дамаскиновомъ, что онъ почти всегда имѣлъ его въ устахъ его и, самъ не зная почему, любилъ его паче прочихъ пѣній. Другъ, сіе слыша тогда и привелъ на память видѣнное имъ за 31 годъ назадъ, въ молчаніи удивлялся гармоніи чудесной, которая въ различныя лѣта, въ разныхъ мѣстахъ, то одному въ уста, то другому послѣ въ воображеніе полагала въ возбужденіе сердець ихъ къ выполненію и явленію разума и силы. Исторіи оной, на самомъ дѣлѣ въ жизни ихъ, впрочемъ другъ его никогда ему о семъ видѣнномъ не говорилъ и послѣ.

Ежели по духовному разуму исторіи образъ златый, на полѣ Деирѣ служимый, есть міръ сей: поле Деирово—время: пещь огненная—плоть наша, разжигаемая желаніями, похотѣніями, еусстрастями, пламенемъ, жгущимъ духъ нашъ. Если трие отроцы, не послужившіе

*) Сей самый писатель жизни.

твари и небрегшіе поклониться идолу златому, суть три главнѣйшія способности человѣческія: умъ, воля и дѣяніе, не покоряющіеся духу міра сего, въ злѣ лежащаго. и повреждены огнемъ любострастныхъ плоти. не прохладяясь свыше духомъ святымъ, пѣснословно изображаютъ Дѣву Богоматерь, дѣвственное сердце, непорочность души человѣческой: то огонь, падающій изобильными струями на Григорія Сковороду изъ златовидныхъ имень, написанныхъ на небеси трехъ отроковъ Израильскихъ, есть тайнообразовательное свидѣтельство почивающаго на немъ духа Божія.

Какъ Богъ даетъ дарованіе духа не въ одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающихъ въ состояніе жизни невоврожденной способности. называлъ Сковорода людьми безъ Минервы. Такъ, часто видя робкаго военачальника, грабителя судію, хвастуна богослова, роскошнаго монаха и проч., съ досадою говорилъ: Богъ люди безъ Минервы. Взглянувъ на изображение царствующей въ вѣкъ его Екатерины II, находившееся у друга его въ гостиномъ покоѣ, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою.

Онъ мыслить, что счастье человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ, узнавъ собственную свою способность, по оной употребить себя въ жизни. Такъ, многіе богословы были бы, можетъ быть, лучшими стряпчими по дѣламъ, многіе ученые—разнощиками, многіе судьи—пахарями, военачальники—пастухами, монахи—цѣловальниками и проч.

Отсюда, заключалъ онъ, происходитъ, что одно и тоже самое состояніе жизни одного ублажаетъ, а другого окаяняетъ: одного воинскій чинъ прославляетъ, а другого посрамляетъ: одного царскій вѣнецъ преукрашаетъ благословеніемъ, славою, безсмертіемъ, а другого низвергаетъ во тьму кромѣшную съ проклятіемъ имени его: одного богословіе дѣлаетъ свѣтильникомъ міра, обладателемъ надъ сердцами, славнымъ безъ славы, почтеннымъ безъ почестей, а другого—обманщикомъ, лицемѣромъ, лжецомъ, хвастуномъ, высокоумствующимъ: одного ученіе возвысило до небесъ, а другого низвело до ада: одному судейство доставило имя благодѣтеля, а другому—разбойника; одному начальство въ похвалу и честь, а другому въ хулу и поношеніе: одного монашество осватило, а другого очернило и погубило во вѣки.

Такое правдивое, но для многихъ колкое изъясненіе скоро навлекло ему брань. Ложь, порокъ вооружили на него орудіе свое въ лицахъ многихъ. Но рука Господня была съ нимъ, и онъ превозмогалъ ею все навѣты глупыхъ и злыхъ человѣковъ.

Не довольствуясь бесѣдою о семъ, приглашалъ онъ друга своего въ лѣтнее время прогуливаться поздно вечеромъ за городъ и нечувствительно доводилъ его до кладбища городского; тутъ, ходя въ полночь между могилъ и видимыхъ на песчаномъ мѣстѣ отъ вѣтра разрытыхъ гробовъ, разговаривалъ о безразсудной страшливости людской, возбуждаемой въ воображеніи ихъ отъ усопшихъ тѣлъ: иногда пѣлъ тамъ что либо приличное, благодушествуя; иногда же, удаляся въ близъ лежащую рощу, игралъ на флейтраверсѣ, оставя друга младого между гробовъ одного, якобы для того, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку. Сей, непримѣтно освобождаясь отъ пустыхъ впечатлѣній, мечтательныхъ страховъ, въ спокойствіи сердечномъ внутренно возсылалъ благодареніе Промыслу Божию за ниспосланіе ему мудраго друга и наставника.

Въ 1764 году другъ его вознамѣрился поѣхать въ Кіевъ для любопытства. Сковорода рѣшился сопутствовать ему, куда и отправились они въ Августъ мѣсяцъ.

По пріѣздѣ туда, при обозрѣваніи древностей тамошнихъ, Сковорода былъ ему истолкователемъ исторіи, мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія почивающихъ тамъ усопшихъ святыхъ, но не жизни живого монашества.

Многіе изъ учениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ Печерской лаврѣ, напали на него неотступно, говоря кругомъ: полно бродить по свѣту, пора пристать къ гавани; намъ извѣстны твои таланты, Святая Лавра приметъ тя, аки мати свое чадо, ты будешь столбъ церкви и украшеніе обители. Ахъ, преподобные, возразилъ онъ съ горячностью, я столботворенія собою умножать не хочу, довольно и васъ столбовъ неотесанныхъ во храмъ Божию.

За симъ привѣтствіемъ старцы замолчали, а Сковорода, смотря на нихъ, продолжалъ: Ряса, ряса, коль немногихъ ты опреподобила, коль многихъ окаянетвовала! Міръ ловить людей разными сѣтями, накрывая оныя богатствами, честями, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею, но всѣхъ несчастнѣе сѣть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т. е. счастье свое не сокрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господней.

Монахи перемѣнялись въ лицѣ, слушая сіе; но звонъ позвалъ ихъ, и они поспѣшили на молитву. Одинъ изъ нихъ просилъ Сковороду съ другомъ его на завтра прогуляться за монастырь; согласясь, пошли всѣ трое и сѣли на горѣ, надъ Днѣпромъ. Отецъ Калистратъ (такъ назы-

вался онъ), обнявъ тутъ Сквороду, сказалъ: О мудрый мужъ, я и самъ такъ мыслю, какъ ты вчера говорилъ предъ нашею братіею, но не смѣлъ никогда слѣдовать мыслямъ моимъ; я чувствую, что я не рожденъ къ сему черному наряду, а введенъ въ оный однимъ видомъ благочестія и мучу жизнь мою, могу ли я...? Скворода отвѣтствовалъ: отъ человѣкъ невозможно, отъ Бога же вся возможна суть.

По прошествіи нѣсколькихъ дней надлежало другу его возвратиться во свояси. Скворода, будучи упрошенъ родственникомъ своимъ, соборнымъ Печерскимъ типографомъ Іустиномъ, остался въ Кіевѣ.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ пріѣхалъ изъ Кіева паки въ Харьковъ, Украину предпочитая Малороссію, за воздухъ и воды; рѣки почти все цвѣтутъ въ Малороссіи, отчего и воздухъ имѣетъ гнилость. Онъ обыкновенно называлъ Малороссію матерью, потому что родился тамъ, а Украину теткою, по жительству его въ оной и по любви его къ ней.

Въ Харьковѣ былъ губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ, не имѣвшій учебнаго воспитанія, но одаренъ природнымъ здравымъ разумомъ, любитель наукъ, талантовъ, музыки, въ которой и самъ онъ былъ весьма искусенъ и знающъ. Наслышавъ о Сквородѣ, призвалъ онъ его къ себѣ и, поговоря съ нимъ, сказалъ ему: честной человѣкъ, для чего не возьмешь себѣ никакого извѣстнаго состоянія? Милостивый государь, отвѣтствовалъ Скворода, свѣтъ подобенъ театру. Чтобъ представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, то берутъ роли по способностямъ; дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многому испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ самаго низкаго, простаго, безнечнаго, уединеннаго; я сію ролю выбралъ, взялъ — и доволенъ. Губернаторъ, посмотря на него съ удовольствіемъ, полюбилъ его и сказалъ предстоящимъ: Вотъ умный человѣкъ. Онъ прямо счастливъ; меньше было бы на свѣтѣ дурачествъ и недовольствій, если бы люди такъ мыслили.

Но другъ мой, продолжалъ Щербининъ, отведя его особенно изъ круга, можетъ быть ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ, въ общежитіи полезнымъ, да привычка, мнѣніе, предувѣреніе... Если бы я почувствовалъ сего дня, перервалъ рѣчь Скворода, что могу безъ робости рубить Турокъ, то съ сего дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ приврожденной склонности есть удовольствіе. Песъ бережетъ стадо день и

ночь по врожденной любви и терзаетъ волка по врожденной склонности, не смотря на то, что и самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ; ни конь, ни свинья не едѣлаютъ сего, понеже не имѣютъ природы къ тому; склонность, охота, удовольствіе, природа, сила Божія, Богъ. Есть тоже склонности, есть природы злыя, и сіи суть явленія гнѣва Божія. Сіе напечатлено ощутительно на кругообращеніи дни и ночи, лѣта и зимы, жизни и смерти, вѣчности и времени. Богъ есть Богъ живота или любви*) и Богъ суда или гнѣва. Всѣ твари суть грубые служебные органы свойствъ сихъ Верховнаго Существа. Одинъ человѣкъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну и отчетъ за употребленіе права своего въ себѣ держащее. Отсюда естественно происходитъ понятіе о правосудіи, милосердіи и благодати въ Творцѣ, а когда во Творцѣ, то и въ тваряхъ, наипаче приближенныхъ къ Нему даромъ разума: отсюда власти, правительства, державы, свойства, общества, состоянія, отсюда родители, цари, начальники, воины, судіе, господіе, рабы; но единъ Богъ во всемъ, и вся въ Немъ. Щербининъ въ сладоности послушалъ его и убѣждалъ его ходить къ нему чаще.

Сковорода, держась приличія того лица, которое избралъ онъ представлять на театрѣ жизни, всегда удалялся знатныхъ особъ, великихъ обществъ и чиновныхъ знакомствъ; любилъ быть въ маломъ кругѣ непринужденнаго обращенія, съ людьми откровенными; предпочиталъ сердечное обхожденіе паче всякихъ ласкательныхъ пріемовъ; въ собраніяхъ занималъ всегда послѣднее мѣсто, ниже всѣхъ и неохотно входилъ въ бесѣду съ незнакомыми, кромѣ престолюдиновъ.

Любимое, но не главное, его упражненіе была музыка, которой онъ занимался для забавы и препровождалъ праздное время; онъ сочинилъ духовные концерты, положи нѣкоторыя псалмы на музыку, такъ же и стихи, пѣваемые во время литургіи, которыхъ музыка пренесполнена гармоніи простой, но важной, проникающей, плѣняющей, умиляющей. Онъ имѣлъ особую склонность и вкусъ къ ахроматическому роду музыки. Сверхъ церковной онъ сочинилъ многія пѣсни въ стихахъ и самъ игралъ на скрипкѣ, флейтраверсѣ, бандурѣ и гусяхъ, пріятно и со вкусомъ.

Въ 1766 году, по повелѣнію благополучно царствующей Екатерины II. къ Харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки подъ названіемъ прибавочныхъ классовъ. Между прочимъ назначено было преподавать благородному

*) Ев. Іоанна, гл. 3.

юношеству правила благонравія. Начальство признало способнѣйшимъ къ сему Сковороду и приглашало его. Онъ охотнѣйше принялъ сіе предложеніе и не захотѣлъ брать опредѣленнаго за классъ сей по окладу жалованья, почитая, что удовольствіе, которое находитъ онъ быть въ семъ случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду. По сему поводу написалъ онъ въ то время сочиненіе, извѣстное подъ симъ названіемъ: „Начальная дверь къ Христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи“.

Сочиненіе сіе содержало въ себѣ простыя истины, краткія правила, коренныя познанія должностей, относительныхъ до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали въ ономъ чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движуція сердце къ подобному себѣ концу высокому. Но какъ все то основывалось на познаніи Бога и достойномъ почитаніи Онаго, то епископъ Бѣлградскій, бывшій тогда епархіальнымъ, почитая такое разсужденіе въ устахъ свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществъ своихъ, вознегодовалъ на него съ гоненіемъ, требовалъ книжицу на разсмотрѣніе, нашелъ нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія въ рѣчахъ и образѣ ученія, не соответствующій обыкновенному правилу, почему и препоручилъ своимъ спросить Сковороду, для чего онъ преподавалъ наставленіе Христіанскаго благонравія различнымъ образомъ отъ обыкновеннаго? Сковорода отвѣтствовалъ: дворянство различествуетъ званіемъ и одѣяніемъ отъ черни народнои и монаховъ, для чего же не имѣтъ оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли, продолжалъ онъ въ отвѣтъ, Государя разумъ почитаетъ пастухъ свиной и цѣловальникъ, какъ министръ его, военачальникъ, градоначальникъ? Подобно и дворянству, такія ли прилично мысли имѣтъ о Богѣ, какъ въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ типикахъ? По семъ отвѣтъ все замолчало.

Сковорода, побуждаемъ духомъ, удалился въ глубокое уединеніе. Близъ Харькова есть мѣсто, называемое Гужвинское, принадлежащее помѣщикамъ Земборскимъ, которыхъ любилъ онъ за добродушіе ихъ; оное покрыто угрюмымъ лѣсомъ, въ срединѣ котораго находился пчельникъ съ одной хижиной. Тутъ поселился Григорій, укрываясь отъ молвы житейской и злословій.

Предавшись на свободѣ размышленіямъ и ограждая спокойствіе духа безмолвіемъ, безстрастіемъ, безсуетностію, написалъ онъ тутъ первое сочиненіе свое въ образѣ книги, названной имъ: „Наркисъ или о томъ

познай себя“. Превжнія его до того писанныя малыя сочиненія были только отрывочныя въ стихахъ и прозѣ.

Продолжая тамъ же свое пустынножителство, написалъ онъ другое сочиненіе подъ именемъ: Книга „Аеханъ о познаніи себя самаго“, которое приписалъ¹⁾ другу своему.

Аже мудріе, високоуміе не въ силахъ будучи вредить ему злословіемъ, употребило другое орудіе—клевету. Оно разглашало повсюду, что Скворода оуждаетъ употребленіе мясъ и вина и самъ чуждается оныхъ, а какъ извѣстно, что такое ученіе есть ересь Манихейская, проклятая отъ святыхъ соборовъ, то законословы и дали ему прилагательное имя Манихейскаго ученика; сверхъ того доказывали, что онъ называетъ вредными сами по себѣ золото, серебро, драгоценныя вещи, одежды и проч.; какъ же Богъ ничего вреднаго не сотворилъ, а всѣ тѣ вещи Имъ созданы, то и заключали, что онъ богохульникъ. Притомъ, поелику Скворода удаляется отъ людей, чуждается обществъ, бѣгаетъ состоянія въ общежитіи, скрывается въ лѣса, то и выводили естественнымъ послѣдствіемъ, что онъ не имѣетъ любви къ ближнему, а потому и называли его мизантропомъ, т. е. человѣконенавистникомъ.

Скворода, узнавши о томъ и не желая, чтобы добрыя и простодушныя сердца соблазнились о немъ сими разглашеніями клеветы, явился въ городъ и, нашедъ въ одномъ собраніи приличный случай къ объясненію правилъ своихъ, говорилъ тако²⁾: Было время и теперь бываетъ, что для внутренней моей экономіи воздерживаюсь я отъ мясъ и вина, но потому ли лекаръ оуждаетъ на примѣръ чеснокъ, когда велитъ поудержаться отъ употребленія онаго тому, у котораго вредный жаръ вступилъ въ глаза? Все благосотворено отъ всецѣдраго Творца, но не все всѣмъ всегда бываетъ полезно. Правда, что я совѣтовалъ нѣкоторымъ, дабы они осторожно поступали съ виномъ и мясомъ, а иногда и совсѣмъ отъ него отводилъ ихъ, разсуждая горячую молодость ихъ. Но когда отецъ младолѣтнему сыну вырываетъ изъ рукъ ножъ и не даетъ ему употребленія оружейнаго пороху, самъ однакоже пользуясь оными, то не ясно ли видно, что сынъ еще не можетъ владѣть правильно тѣми вещами и обращать ихъ въ пользу, ради которой онѣ избрѣтены? Вотъ почему приняли меня за Манихейскаго ученика! Не ложно то, что всякій родъ пици и питія есть полезенъ и добръ, но надлежитъ брать въ разсужденіе время, мѣсто, мѣру, особу. Не бѣдственно ли было бы сосущему грудь младенцу дать крѣпкой водки.

¹⁾ Т. е. по пинѣшнему: *посвятилъ*. П. Б.

²⁾ Сіе самое объясненіе описываетъ онъ въ письмѣ къ нѣкоторому другу своему.

или не смѣшно ли работавшему въ потѣ лица весь день на стужѣ дровосѣку подать стаканъ молока въ подкрѣпленіе силъ его? Какъ же несправедливо почли меня за Манихея, такъ и недостойно за человѣконенавистника и ругателя даровъ Божіихъ. Когда Богъ опредѣлилъ мнѣ въ низкомъ лицѣ быть на театрѣ свѣта сего, то должно уже мнѣ и въ нарядѣ, въ одѣяніи, въ поступкахъ и въ обращеніи со степенными, сановными, знаменитыми, почтенными людьми наблюдать благопристойность, уваженіе и всегда помнить мою ничтожность предъ ними; сіе самъ я стараюсь сохранить и прочіимъ совѣтовалъ дѣлать такожде, отчего и попалъ я въ оклеветаніе. Оглагольники мои если бы приписывали мнѣ обыкновенныя слабости или пороки, то сносно было бы мнѣ; но сіи языковредные, представляя меня развращающимъ нравы, дѣлають меня еще душегубителемъ, т. е. еретикомъ и подъ симъ видомъ запрещають, отговаривають, отсовѣтываютъ вступать со мною въ знакомство, въ бесѣду, въ обращеніе. Я говаривалъ молодымъ людямъ совѣтывать со своею природою, чтобы они на позорищѣ жизни могли сохранить благопристойность, приличную искуснымъ дѣйствующимъ лицамъ; а если кто взялъ ролю не совѣмъ сродную ему, то старался бы какъ можно удачнѣе оную представить и поступать безъ соблазновъ, дабы хоть нѣсколько жалобы между людьми и роптаніе передъ Богомъ на состоянія свои уменьшились.

Слушавшіе тутъ другъ на друга взглядывались, и никто ни слова не сказалъ ему на сіе. Сковорода, поклонясь всѣмъ, отправился тогда же въ уединеніе.

Въ Изюмской округѣ Харьковской губерніи имѣли жительство дворяне Сошальскіе, которыхъ братъ меньшей просилъ тутъ же Сковороду пожить у него, предлагая ему покойное пребываніе въ деревнѣ его, гдѣ все по вкусу и охотѣ своей онъ могъ найти, какъ и самого хозяина, ищущаго любви его. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ деревню его Гусинку, полюбилъ мѣсто и хозяевъ и поселился не въ далекомъ разстояніи отъ деревни, въ пасѣкѣ ихъ.

Тишина, безмятежіе, свобода возбудили въ немъ всѣ чувства тѣхъ драгоценныхъ удовольствій, которыя опытомъ извѣстны однимъ мудрымъ и цѣломудреннымъ. Мнози глаголють (такъ писалъ онъ къ другу своему), что дѣлаетъ въ жизни Сковорода? Чѣмъ забавляется? Азъ же въ Господѣ возрадуюся, везвеселюся о Бозѣ, Спасѣ моемъ. Радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни, продолжалъ онъ, есть его главная точка всѣхъ подвиговъ; всѣ дѣла коеяждо жизни сюда текутъ. Суть нѣкіе, аки безъ главной точки живущіе, безъ цѣли, безъ пристани плавающіе. Но о развращенныхъ я не говорю, свое всякому радованіе

милу. Азъ же поглумлюся, позабавлюся въ заповѣдяхъ Вѣчнаго. Все исходитъ въ скуку и омерзѣніе кромѣ сея забавы, и пути ея—пути вѣчны.

Между тѣмъ кругъ жизни друга его доходилъ до той точки, на которой означается двупутіе Геркулесово. Онъ вознамѣрился ѣхать въ столицу для службы; въ 1769 году отправился туда и прибылъ въ Ноябрь.

Свѣтъ представился ему во всей великости своихъ прелестей. Потокъ мыслей покрылъ разумъ его, и бездна желаній отверзлась предъ сердцемъ его. Но пріучась отъ наставника своего Сквороды относиться во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ къ мановенію внутренняго духа, силою его пробудился отъ оболъстительнаго удивленія и три года прожилъ въ столицѣ, всегда хранимъ подъ державою его, соблюлъ душевное спокойствіе.

Въ 1770 году Скворода, согласясь съ Сошальскимъ, поѣхали въ Кіевъ. Родственникъ его Іустинъ былъ начальникомъ Китаевской пустыни, чѣмъ подлѣ Кіева. Скворода поселился у него въ монастырѣ и три мѣсяца провелъ тутъ съ удовольствіемъ. Но вдругъ примѣтилъ въ себѣ *) внутренне движеніе духа непонятное, побуждающее его ѣхать изъ Кіева. Слѣдуя сему, по своему обыкновенію, просилъ онъ Іустина, чтобъ отпустилъ его въ Харьковъ. Сей уговариваетъ его остаться. Григорій непреклонно настоятъ, чтобъ отправить его. Іустинъ заклинаетъ его всею святиною не оставлять его; сей, видя нерасположеніе Іустина къ отпуску его, пошелъ въ Кіевъ къ пріятелямъ попросить, чтобъ отправили его въ Украйну; тѣ удерживаютъ его, онъ отговаривается, что ему духъ настоятельно велитъ удалиться изъ Кіева. Между симъ пошелъ онъ на Подоль, нижній городъ въ Кіевѣ. Пришедъ на гору, откуда сходятъ на Подоль, вдругъ остановясь, почувствовалъ онъ обоняніемъ такой сильный запахъ мертвыхъ труповъ, что перенести не могъ и тотчасъ повернулся домой. Духъ убѣдительно погналъ его изъ города, и онъ съ неудовольствіемъ отца Іустина, но съ благоволеніемъ духа отправился въ путь на другой же день.

Пріѣхавъ черезъ двѣ недѣли въ Ахтырку-городъ, остановился онъ въ монастырѣ у пріятеля своего архимандрита Венедикта. Прекрасное мѣстоположеніе и пріязнь добродушнаго монаха сего успокоили его. Тутъ вдругъ получили извѣстіе, что въ Кіевѣ сказалась моровая язва,

*) Ксенофонтъ и Платонъ описываютъ различныя происшествія, гдѣ Сократовъ духъ предсказывалъ такія вещи, которыхъ не можно истолковать изъ обыкновенныхъ извѣстныхъ, естественныхъ силъ души.

о которой въ бытность его и не слышно было и что городъ запертъ уже. Сердце его дотолѣ почитало Бога аки рабѣ; оттолѣ возлюбило Его аки другъ. и о семъ онъ рассказывалъ другу своему тако.

„Имѣя зажженныя мысли и чувства души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, вставъ рано, пошелъ я въ садъ прогуляться. Первое ощущеніе, которое осязалъ я сердцемъ моимъ, была нѣкая развязность, легкость, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ: вводя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутри себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое, сладчайшее, наполнило душу мою, отъ котораго все внутреннее возгорѣлось огнемъ, и казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, а бѣгать, аки бы носимъ нѣкимъ восхищеніемъ, не чувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто бы весь я состоялъ изъ огненного состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ исчезъ предо мною; одно чувство любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонию во весь составъ мой. Я приниць въ себя, ощутилъ аки сыновнее любви увѣреніе и съ того часа посвятилъ себя на сыновнее повиновеніе духу Божію“.

По прошествіи двадцати четырехъ лѣтъ пересказывалъ онъ сіе другу своему съ особеннымъ чувствованіемъ, давая знать, какъ близъ насъ есть Богъ, коликъ промышляетъ о насъ, хранитъ насъ, якоже кокошь птенцы своя, подъ крылѣ своя собравъ, аще мы точію не удаляемся отъ Него во мрачныя желанія воли нашей растлѣнной.

Поживъ нѣсколько у отца Венедикта, отправился онъ паки въ Гусинку, къ Сошальскимъ, гдѣ и занялся упражненіями сочиненій.

Въ 1772 году въ Февралѣ мѣсяцѣ другъ его поѣхалъ въ чужіе край и, бывъ во Франціи въ разныхъ городахъ, прибылъ въ 1773 году въ Швейцарію въ городъ Лозань.

Между многими умными и учеными людьми, каковыхъ въ Лозанѣ нашелъ онъ, находился тамъ нѣкто Даниэль Мейнгартъ, человекъ отмѣннаго разума природнаго, имѣющій даръ слова, ученость рѣдкую, обширныя познанія, благонравіе философское. Онъ столько былъ похожъ чертами лица, обращеніемъ, образомъ мыслей, даромъ слова на Сковороду, что можно бы почестъ его ближнимъ родственникомъ его. Другъ Сковороды познакомился съ нимъ, и они другъ друга столько полюбили, что Мейнгартъ, имѣя у себя подлѣ Лозана прекрасный

загородный домъ, садъ и величайшую библіотеку, просилъ его располагать онымъ всеѣмъ въ свое удовольствіе, и сей пользовался всегда, какъ и многими свѣдѣніями отъ него.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ и увидясь съ Сквородою въ 1775 г., рассказалъ ему другъ его ту удивительную встрѣчу, по которой онъ нашелъ въ Лозаннѣ похожаго человека на него чертами лица, свойствами, образомъ мыслей и дружбою къ нему. Скворода возлюбилъ его заочно и съ того времени началъ подписывать на письмахъ и сочиненіяхъ своихъ имя свое тако: Григорій варъ (Евр. сынъ) Сава Скворода, Даніилъ Мейнгартъ.

И добрая и худая слава распространилась о немъ во всей Украинѣ, Малороссіи и далѣе; многіе хулили его, нѣкоторые хвалили. все хотѣли видѣть его, можетъ быть, за одну странность и необыкновенный образъ жизни его; немногіе же знали его таковымъ, каковъ онъ въ самой точности былъ внутренно.

По разнымъ обстоятельствамъ живалъ онъ у многихъ. Иногда мѣстоположеніе по вкусу его, иногда же люди по его Минервѣ привлекали его проживать нѣкоторое время, непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ, почитая себя пришельцемъ на землѣ во всемъ разумѣ слова сего.

Полюба Тевяшова. Воронежскаго помѣщика. жилъ у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе: „Икона Алкивіадская“, которое и приписалъ ему въ память признательности своей къ дому сему. Потомъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ у Захаржевскаго ради пріятныхъ положеній природы; жительствовавалъ у Щербинина въ Бабаяхъ, въ Иконовкѣ у Ковалевскаго, у друга своего въ Хотѣтовѣ, въ монастыряхъ Старо-Хотьковскомъ, Харьковскомъ Училищномъ, Ахтырскомъ. Сумскомъ. Святогорскомъ, Сѣннянскомъ и пр. по нѣскольку времени. Иногда жилъ у кого либо изъ нихъ и у другихъ, совершенно не любя ихъ пороковъ, но для того только, дабы чрезъ продолженіе времени обращаясь съ ними, бесѣдуя, разсуждая, нечувствительно привлечь ихъ къ познанію себя, въ любовь къ истинѣ, въ отвращеніе отъ зла и примѣромъ жизни заставить любить добродѣтель. Впрочемъ во всеѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ онъ, избиралъ всегда уединенный уголъ, жилъ просто, одинъ, безъ услуги.

Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его. Новый тамошній начальникъ, услыша о немъ, желалъ видѣть его. Скворода пришелъ къ нему по приглашенію его. Губернаторъ, увидя его въ первый разъ и посмотря на него пристально, спросилъ его: г. Скворода, о чемъ

учить Библия? О человѣческомъ сердцѣ, отвѣтствовалъ онъ; поваренныя ваши книги учать какъ удовольствовать желудокъ, псовыя—какъ звѣрей давить, модныя—какъ наряжаться: Библия учить, какъ облагородствовать человѣческое сердце.

Нѣкто изъ ученыхъ спросилъ его тутъ же: чтѣ есть философія? Главная цѣль жизни человѣческой, отвѣчалъ Скворода. Глава дѣль человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣеть цѣль въ жизни, но не всякъ главную цѣль, т. е. не всякъ занимается главою жизни; иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобъ дать жизнь чреву; иной очамъ, иной волосамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ свой на тотъ конецъ, чтобъ дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ весель, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія.

Изъ Харькова паки отправился онъ въ Гусинку, любимое свое пустынножителство.

Любомудріе, поселясь въ сердцѣ Сквороды, доставляло ему благосостояніе возможное земнородному. Свободенъ отъ узъ всякаго принужденія, суетности, искательствъ, попеченія, находилъ онъ всѣ свои желанія исполненными въ ничтожествѣ оныхъ; занимаясь о сокращеніи нуждъ естественныхъ, а не о распространеніи, вкушалъ онъ удовольствія несравненныя ни съ какими счастливыми.

Когда солнце, возжегши безчисленныя свѣщи на смарагдотканой плащаницѣ, предлагало щедрою рукою чувствамъ его трапезу, тогда онъ принималъ чашу забавъ нерастрченныхъ никакими печалами житейскими, никакими воздыханіями страстными, никакими разсѣяностями суетными и, вкушая радованіе высокимъ умомъ въ полномъ упоеніи благодушества, говаривалъ: благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ.

Когда усталость въ размышленіяхъ заставляла его перемѣнить упражненія свои, тогда онъ приходилъ къ престарѣлому пчелнику, недалеко жителствовавшему въ пчельникѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое, составляя общество, раздѣляли между собою вечера.

Ночь была ему мѣстомъ успокоенія отъ напряженій мысленныхъ, нечувствительно пзнуряющихъ силы тѣлесныя, а легкой и тихій сонъ для воображенія его былъ зрѣлищемъ позорищъ, гармонією природы представляемыхъ.

Полуночное время имѣлъ онъ обычай всегда посвящать на молитву, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ. Тогда онъ, собравъ всѣ чувства и помысленія въ одинъ кругъ внутри себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывалъ оныя къ началу Божію: „Возстаните лѣнныя и всегда низу поникшія ума моего помыслы. Возьмитесь и возвыситесь на гору вѣчности“. Тутъ мгновенно брань открывалась, и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіе вооружалось съ міродержателемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, свойственными брѣнности человѣческой слабостями и всѣми тварями нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить его, возесть на престоль свободы ея и быть подобнымъ Вышнему. Богомысліе вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу его, вездѣущему, всеисполняющему и заставляло его облещись во вся оружія Божія, дабы возмощи ему стати противу козней лжемудрія. Какое бореііе, коліико подвиговъ! Возшумѣша и смятошася; надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борятся въ сердце мудраго, и можетъ ли онъ быть празденъ, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы человѣчеству? Тако за полуночные часы провождалъ онъ въ бранномъ ополченіи противу силъ мрачнаго міра.

Воссіяющее утро облекало его въ свѣтъ побѣды, и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе свое со всею природою.

Сей былъ образъ жизни его. „Ни орю бо, ни сѣю, ни куплю дѣю. ни воинствую, такъ писалъ онъ къ другу своему изъ пустыни, отвергаю же всякую житейскую печаль. Чтò убо дѣю? Се, что, всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе Его; учусь, другъ мой, благодарности: се мое дѣло. Учусь быть довольнымъ о всемъ томъ, чтò отъ Промысла Божія въ жизни мнѣ дано. Неблагодарная воля есть ключъ адскихъ мученій, благодарное сердце есть рай сладостей. Ахъ, другъ мой, поучайся въ благодарности, сядя въ дому, иди путь, засыпая и просыпаясь, приѣмли и обращай все во благо, доволенъ сущимъ, о всемъ приключаемомъ тебѣ, не воздавай безумія Богу и всегда радуешься, о всемъ благодаряще молись“.

Можно было жизнь Сквороды назвать жизнію. Но не таково было тогда состояніе друга его.

Обращеніе въ великомъ свѣтѣ, удаля его мало по малу отъ его самого, заведя въ лестныя вышности, усыпая въ немъ довѣріе ко внутреннему гласу духа, простудя жаръ истиннаго любомудрія, возжгло

въ немъ разумъ внѣшній и возбудило свойства свойственныя сему кругу бытія.

Свѣтъ благопріятствовалъ его своими дарами, наложя на него усыпленіе; далъ ему жену, друзей, пріятелей, благодѣтелей, преданныхъ, знакомыхъ, свойственниковъ, житейскія связи и выгоды; но дары сіи напоены были сокомъ корня ихъ. Онъ увидѣлъ въ счастіи превращеніе, въ друзьяхъ измѣну, въ надеждахъ обманъ, въ утѣхахъ пустоту, въ союзахъ самовидность, въ ближнихъ остуду, въ своихъ—лицепріятіе. Таковы были послѣдствія свѣтскаго круга, въ который попалъ онъ, оставя самъ себя.

Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился онъ къ себѣ самому, собралъ разбѣяныя по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ деревню, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскую своему обуреванію.

Свѣтъ и тамо искажилъ все. Въ глубокомъ уединеніи остался онъ одинъ безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ болѣзни, въ печали, въ безпокойствахъ, безъ всякаго участія, совѣта, помощи, соболѣзнованія. Тогда онъ, возведъ очи свои на позорище свѣта, на кругъ обстоятельствъ своихъ, на заблужденія свои, которыхъ онъ сдѣлался жертвою и, видя, что не на камени основанъ былъ храмъ житейскаго счастія его, въ сердечномъ чувствованіи сожалѣнія, ободряясь добродушіемъ своимъ, воспѣлъ оную, преисполненную истины, пѣснь: „О Иерихонъ проклятый, какъ ты меня обманулъ“ и пр.

Промыслъ Божій воззрѣлъ на него въ развалинахъ бытія его, воздвигнулъ духъ мудраго, сердце друга, и Сковорода семидесяти-трехлѣтній, по девятнадцати-лѣтнемъ несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, не смотря на дальность пути, на чрезвычайную ненастную погоду и на всегдашнее отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село Хотѣтово, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Орла, одинъ раздѣлитъ съ нимъ ничтожество его.

Бодрость духа, веселость нрава, мудрая бесѣда, свободное сердце отъ всякаго рабства свѣту, суетности, пристрастіямъ, торжество благодушія, утвержденное на семидесятилѣтнихъ столбахъ жизни и увѣнчаваемое при исходницахъ вѣка спокойствіемъ вѣчности, возбудили въ другъ его усыпленныя силы разума, воспарили чувства его, устроили волю къ волѣ Вседержителя.

Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ ему, читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и между

чтеніемъ занималъ его разсужденіями, правилами, понятіями, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь не уметованіемъ, но дѣломъ и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея.

Рѣчь доходила тутъ до разныхъ толковъ или сектъ. Всякая секта, говорилъ онъ, пахнетъ собственностью, а гдѣ собственность, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости. Я не знаю Мартинистовъ, продолжалъ онъ, ни разума, ни ученія ихъ; ежели они особничаютъ въ правилахъ и обрядахъ, чтобы казаться мудрыми, то я не хочу знать ихъ; ежели же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобы быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего не для чего бы имъ особничать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты: на ней весь законъ и пророки вѣсятъ; законъ природы, яко самонужнѣйшій для блага человѣческаго, есть всеобщій и запечатлѣнъ на сердцѣ каждаго, данъ всякому существу, даже послѣдней песчинкѣ; благодареніе всеблаженному Богу, что трудное сдѣлалъ не нужнымъ, а нужное нетруднымъ.

Исканіе философскаго камня или превращеніе всѣхъ вещей въ золото и содѣланіе состава изъ оногo, дабы продлить человѣческую жизнь до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, есть остатокъ Египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни человѣческой при всѣхъ мудрованіяхъ своихъ, нашло способъ продолжать существованіе труповъ человѣческихъ, извѣстныхъ у насъ подъ названіемъ мумій. Сія секта, говорилъ онъ, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, не сообразна тѣмъ правиламъ мудрого, о которомъ пишется: поживе въ малѣ, исполни лѣта долга. Сверхъ того она ласкательствуетъ соблазнительно суетности человѣческой, плотоугодію, гордости, зависти, любостыжанію; даетъ въ мысляхъ перевѣсъ тѣнноти, въ сердцѣ поводъ къ саддукейству.

Другъ его доводилъ бесѣду до исторіи Св. Писанія. „Многіе, сказалъ Сковорода, не разумѣютъ меня или, не хотя разумѣть, клеветаютъ, якобы я отвергаю исторію Вѣтхаго и Новаго Завѣта, потому что признаю и исповѣдую въ оной духовный разумъ, чувствую богописанный законъ и уematриваю Суцнаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю симъ исторію, а не разоряю: ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и Св. Писаніе безъ вѣры; вѣра же есть невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то симъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть Исторія, а разумъ и слава сей Исторіи есть духъ вѣдина, дѣло его. Когда я, смотря на прекрасный храмъ, превозношу

похвалами симетрію, пропорцію, великолѣпіе, то, относя сіе къ искусству здателя, къ красотѣ цѣлаго, отвергаю ли, исключая ли кирпичъ, известь, желѣзо, песокъ, воду, каменщиковъ, ваятелей и пр., какъ будто бы ничего того не бывало? Я удивляюся разуму храма, но тѣмъ не отмещу наружности его“.

„Читаю Св. Писаніе съ намѣреніемъ научиться въ немъ богопочтанію, богобоязливости, любви ближняго, повинновенію начальству, покорности ко властямъ предержавшимъ, усовершенію сердца во всѣхъ отношеніяхъ его. Когда я найду, напримѣръ, исторію, что Ааронъ, первосвященникъ, золотого тельца Жидовскаго, сдѣланнаго ими въ небытность его и поклоняемаго отъ нихъ, бросилъ въ огонь и растопилъ, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, помня всегда, что Библія не есть наука химіи, но книга священная, поучающая святости нравовъ человѣка, способнаго внимать ученію ея. Я обучаюсь отъ сея исторіи, что сердце человѣческое не можетъ быть безъ упражненія и что, когда удаляется отъ онаго мысль священная, понятія истинныя, духъ разума, то оное мгновенно повергается въ занятія подлыя, неприличныя высокому роду его и чтить, величаетъ, боготворитъ презрѣнное, ничтожное, суетное. Сей разумъ исторіи назидаетъ меня много больше и споспѣшествуетъ внутреннему моему усовершенствованію, нежели какъ если бы я, узнавши, какъ золото передѣлывать мгновенно изъ всего и все претворять въ оное, занялся хотѣніемъ или упражненіемъ богатиться или химичествовать“.

„Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ по соответствію оныхъ и по единству всеисполненія исполняющаго духа; но для чего же добиваться знать, какъ и когда Моисей раздѣлилъ море жезломъ въ великомъ семъ мірѣ? Въ Исторіи же поучаюсь, какъ бы мнѣ, въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей природы непорочныя и растлѣнныя и провести волю мою непотопленно по пути житейскаго бытія, дабы доставить себѣ въ свое время свободу мыслей, т. е. веселіе духа или такъ называемое счастье въ жизни“.

„Не туда ли воззываютъ насъ оныя слова, часто провозглашаемыя въ храмахъ нашихъ: Премудрость, прѣсти? Что бо есть простое, аще не духъ? Что сложное, что смѣсь, составъ, сотканіе, аще не плоть, исторія, обрядъ, наружность? Сими словами высокими побуждаемся къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго образа служенія, выше буквальнаго смысла, выше историческаго богопочтанія. Распространи разумѣніе словъ сихъ по всему кругу вселенной, по всему лицу бытія

твоего и увидишь невидимую силу Божию, духъ Господень, воскресеніе. Чтò бо есть воскресеніе, аще не простота, очищенная отъ тлѣннаго состава, отъ множественности, отъ раздѣлимости?“

„Но сіи историческіе Христіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, чловѣки духа не имуще, хулять то, чего не разумѣютъ“.

Иногда разговоръ его съ другомъ касался смерти. „Страхъ смерти, говорилъ онъ, нападаетъ на чловѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противъ врага сего не уметвованіями (онѣ всегда недѣйствительны), но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ волѣ Творца. Такой душевный миръ приготавливается издали, тихо, въ тайнѣ сердца растетъ и усиливается чувствіемъ сдѣланнаго добра по способностямъ и отношеніямъ бытія нашего въ кругу, занимаемомъ нами. Сіе чувствіе есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія. Впрочемъ преходитъ образъ міра сего и яко соніе возстающаго уничтожается“.

„Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы, мѣру и числа, дѣла чловѣческія и судъ Божій. Другъ мой, величайшее наказаніе за зло есть—сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобно свѣту огня; зажги огонь, тотчасъ свѣтъ осіаетъ глаза твои; возлюби, восчувствуй охоту къ добродѣтели, тотчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ. Исполни, произведи въ дѣло добродѣтель, любовь: то корень сердца твоего напоится тукомъ блаженства, и какихъ благословенныхъ плодовъ можешь ожидать отъ сего? Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню; погаси огонь, тотчасъ тьма покрыла очи твои. не знаешь, куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей, міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшею частію: се наказаніе уже постигло тебя съ самимъ дѣйствомъ. Да не соблазняютъ тебя казистыя удовольствія развратныхъ. Загляни внутрь ихъ: тутъ огонь мученій не угасаетъ и червь угрызений не усыпаетъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быти безъ Него? Нѣтъ, ахъ, нѣтъ! Богъ есть въ немъ судія его, метитель, терніе его, огонь и жупель, духъ бурень. Духъ и вѣчность есть тоже; по сему разумѣй жпвотъ вѣчный и муку вѣчную“.

Услыша въ окрестности мѣста о прибытіи Сквороды къ другу своему многіе желали видѣть его, и для того нѣкоторые пріѣхали туда. Изъ начальства правленія Орловскаго *) молодой чловѣкъ, подошедъ къ нему, привѣтственно сказалъ: г. Скворода прошу любить меня. Могу ли любить васъ? отвѣчалъ Скворода, я еще не знаю. Другой изъ числа таковыхъ же, желая свести съ нимъ знакомство,

*) Губернскій прокуроръ.

говорить ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ, прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше. Скворода спросилъ его: „Какъ зовутъ васъ?“ — Я называюсь такъ, именемъ и прозваніемъ*) N. N., отвѣчалъ сей. Скворода, остановясь и подумавъ, сказалъ ему: „Имя ваше не скоро ложится на моемъ сердцѣ“.

Простота жизни, высокость познаній, долготнй подвигъ Сквороды въ любомудрїи опытномъ, раздиралъ ризу лицемѣрія высокоумрствующихъ и обнажалъ пустоту ихъ. Они, покрывая зависть свою и наготу сердца листвіемъ сожалѣнія, говорили другимъ: жаль, что Скворода ходитъ около истины и не находитъ ея, въ то время, когда сей увѣнчаемъ уже былъ знаменами истины, а они обвѣшаны знаменіями соблазновъ, гордо и безстыдно являлись въ личинѣ своей.

Старость, осеннее время, непрерывная мокрая погода умножили разстройку въ здоровьѣ его, усилили кашель и расслабленіе. Онъ, проживя у друга своего около трехъ недѣль, просилъ отпустить его въ любимую Украину, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось. Другъ его упрасивалъ остаться у него, зиму провести и вѣкъ свой окончить со временемъ у него въ домѣ. Онъ сказалъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно. Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю по нраву его выбирать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чемъ ѣхать ему, предоставилъ ему для дороги въ случаѣ необходимости нужный запасъ, говоря: возьмите сіе; можетъ быть, въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить. „Ахъ, другъ мой, сказалъ онъ, неужели я еще не приобрѣлъ довѣрія къ Богу, что Промыслъ Его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное во благовременности“. Другъ его замолчалъ съ приношеніемъ своимъ. 1794 года Августа 26 числа отправился онъ въ путь изъ Хотѣтова села въ Украину. При разставанїи, обнимая друга, сказалъ: „Можетъ быть больше я не увижу тебя; прости, помни всегда во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время. Духъ мой призналъ тебя способнѣйшимъ принять истину и любить оную“. Прїѣхавъ въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживъ нѣсколько тутъ ради непрерывныхъ дождей и улуча ведро, отправился онъ далѣе, но не туда, куда намѣревался. Въ концѣ пути своего почувствовалъ онъ побужденіе ѣхать въ то же мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не расположенъ былъ. Слобода Ивановка, помѣщика Ковалевскаго, было то мѣсто пребыванія, гдѣ нѣ-

*) Директоръ Экономїи.

сколько времени жилъ онъ прежде и куда прибылъ окончать теченіе свое. Болѣзни старостию, погодою, усталостию отъ пути приближили его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говаривалъ съ благодушіемъ: Духъ бодръ, но тѣло немощно. Помѣщикъ, видя изнеможеніе его крайнее, предложилъ ему нѣкоторые обряды для приуготовленія къ смерти. Онъ, какъ Павелъ Апостоль, почитая обряды обрѣзанія ненужными для истинно вѣрующихъ, отвѣтствовалъ какъ Павелъ Иудеямъ обрядствующимъ, но представя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовь Христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному и скончался Октября 29 ч. 1794 г. Передъ кончиною завѣщалъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близъ рощи и гумна и слѣдующую сдѣланную имъ себѣ, надпись написать: „Миръ ловилъ меня, но не поймалъ“. Имѣются многія сочиненія его, изъ которыхъ лучшія доставилъ онъ писанныя всѣ рукою своею другу своему и о всѣхъ приложилъ списокъ своею рукою при письмѣ къ другу слѣдующаго содержания.

Число твореній моихъ.

1. Паркись, узнай себя.
2. Симфонія, рѣкъ сохранию пути моя.
3. Симфонія, аще не увѣси.
4. Неграмотный Марко.
5. Алфавитъ міра о природѣ.
6. Разговоръ, Кольцо.
7. Древній міръ.
8. Жена Лотова.
9. Брань Архангела Михаила съ сатаною.
10. Икона Алкивіадская.
11. Бесѣда 1-я. Сіонъ.
12. Бесѣда 2-я. Сіонъ.
13. Бесѣда 3-я. Двое.
14. Діалогъ: душа и нетлѣнный духъ.
15. Благородный Еродій.
16. О Христіанскомъ добронравіи катехизисъ.
17. Асханъ, о познаніи себя.

Переводы.

1. О старости Цицерона. 2. О Божіи правосудіи. 3. О смерти. 4. О храненіи отъ долговъ. 5. О спокойствіи душевномъ. 6. О возжеланіи богатствъ. 7. О уединеніи,	}	Сочиненія Плутарховы. Сидронія.

Кромѣ сочиненій и переводовъ сихъ, многіе на Россійскомъ, Латинскомъ, Эллинскомъ языкѣ находятся письма его, весьма поучительныя. писанныя къ другу и прочимъ, многія стихословія и другія сочиненія, которыхъ собраніе частію хранится у друга его.

Какъ онъ писалъ для своей стороны, то и употреблялъ иногда Малороссійскія нарѣчія и правописаніе, употребляемое въ произношеніи Малороссійскомъ. Онъ любилъ всегда природный языкъ свой и рѣдко принуждалъ себя изъясняться на иностранномъ. Эллинскій предпочиталъ всѣмъ иностраннымъ.

Другъ его написалъ сіе въ память добродѣтелей его, въ благодарность сердцу его, въ честь отечества и славу Бога 1795 года 9 Февраля въ селѣ Хотѣтовѣ.

Надгробная надпись:

Григорію Савичу Сковородѣ въ Бозѣ скончавшемуся 1794 года Октября 29-го дня.

Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ.
Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,
Достигъ на верхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода.

Сей другъ его М. К.

Нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о Сковородѣ читатель можетъ найти въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, изданномъ подъ наблюденіемъ А. А. Половцова. (С.-Пб. 1904). Есть извѣстіе, что Сковорода исходилъ пѣшкомъ Польшу, Германію и Италію. Харьковской профессоръ Д. И. Багалъй собралъ и издалъ въ 1904 году сочиненія Сковороды, въ числѣ которыхъ находимъ нѣсколько не упомянутыхъ въ выше помѣщенномъ ихъ спискѣ. Нашему поколѣнію, дамы Москвичамъ, живо напоминаетъ Сковороду образомъ жизни, ученостью и добродѣтелями Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, статьями о которомъ В. А. Кожевникова заняты многія страницы „Русскаго Архива“. Вопреки уваженію къ святой его памяти и къ негодованію читателей нашихъ статьи эти до сихъ поръ не закончены. Нани личныя воспоминанія о немъ появятся особо. П. Б.

АНДРЕЙ ЮРОДИВЫЙ.

Изъ переписки синодальнаго оберъ-прокурора вн. А. Н. Голицына съ Воронежскимъ епископомъ Антоніемъ Соколовымъ.

Въ началѣ Ноября 1811 года князь Голицынъ получилъ безымянный доносъ, посланный (какъ потомъ оказалось) секретаремъ Мишинымъ, такого содержания.

Изъ въдомствъ Воронежскаго Общественнаго Призрѣнія состоящихъ домовъ: больничнаго или сумасшедшихъ, сего года въ Юль мѣсяцѣ, нѣкто, именемъ Андрей (а иные сказываютъ его Андреюшка) обиталъ въ ономъ мѣстѣ болѣе двадцати лѣтъ; выпущенъ изъ того дома, а по выпускѣ оный, Андрей, въ Августѣ мѣсяцѣ сего жъ года принятъ въ Воронежскій Покровскій дѣвичій монастырь, гдѣ и водворился, будто съ дозволенія г-на епископа, въ келіи монахини Евпраксії, у которой и теперь пребываетъ подъ смотрѣніемъ и наблюденіемъ ея, подъ именованіемъ якобы братъ ея, считающагося донинѣ въ пропащихъ (чего никогда не было), котораго она, монахиня, донинѣ не узнавала, живши въ дѣвичьемъ монастырѣ болѣе двадцати лѣтъ, и въ домахъ больныхъ и сумасшедшихъ бывала въ оныя годы не менѣе, быть можетъ, около сотни кратъ, если не вѣще: ибо означенная монахиня большая охотница таскаться и бродить по сказаннымъ домамъ и поведеніемъ своимъ считается въ числѣ ханжей. Но изъ оной притчи является, что реченная монахиня признала братомъ своимъ Андрея съ выдумкою затѣйною и хитромышленною, заключающеюся въ слѣдующемъ.

Здѣшнія градскія жительки, а паче купческія женщины, нѣкоторыя и окрестныя суетѣрки, считаютъ Андрея юродствующимъ и прорицателемъ, а по тому случаю приходятъ и пріѣзжаютъ къ нему въ довольномъ количествѣ посѣщать и слушать отъ него вранья, кои привозятъ съ собою къ нему какъ изъ съѣстныхъ вещей, такъ и съ напитками разнаго сорта бутылокъ щедро; а монахиня-хозяйка, по принятіи оныхъ, приглашая къ тому и игуменью и припотчивая гостей, а паче оставшими привозными вещами.

Но весьма странно и недоумѣнно, съ какимъ предположеніемъ дозволено въ дѣвичьемъ монастырѣ у монахини въ келіи мужчинѣ жить.

мнится, что тутъ скрытная есть какая то хитрость, ибо какъ пересказываютъ, что къ оной монахинѣ, у которой Андрей обитаетъ въ келіи, пріѣзжаютъ якобы и келейники. Объ оныхъ страннопріимствахъ во градѣ здѣшнемъ многіе узнали и крайне удивляются, и чрезъ то немалый соблазнь простирается.

Статиѣ бы упоминаемому Андрею вѣрно быть въ Воронежскомъ Алексѣевскомъ Акатовѣ монастырѣ, гдѣ имѣются выстроенныя для больныхъ особыя кельи, въ шести покояхъ, и дано еще для больныхъ особое рыболовное озеро, кромѣ даннаго монастырю такового жъ озера.

А сверхъ того, выписная изъ Кіева бывшая въ здѣшнемъ монастырѣ въ послушницахъ Катерина Бехтеева, и высланная по указу Святѣйшаго Синода въ прошломъ 1806-мъ году, явилась въ здѣшнемъ градѣ минушаго Сентября 26-го числа и, бывъ въ дѣвичьемъ монастырѣ, приходила къ игуменѣ, объявляла желаніе свое, чтобъ быть попрежнему въ семь монастырѣ, но игуменья сказала ей, что безъ указу она не можетъ принять.

Г-нъ епископъ призвалъ игуменью и говорилъ ей, чтобъ бѣлицу-купеческую дочь Придорогину, которая съ нею въ Кіевѣ была и вмѣстѣ оттолъ пріѣхала, впустить въ монастырь и дать келіи прежнія Бехтеевой, и у нея бы Бехтеева пребывала, подъ видомъ гостепріимства, и при томъ сказано игуменѣ, что Бехтеева послала отъ себя въ Святѣйшій Синодъ прошеніе отъ 3-го числа сего мѣсяца о дозволеніи быть ей попрежнему въ дѣвичьемъ монастырѣ. Тѣмъ не менѣе ни игуменья, ни монахини ни одна, весьма не согласны на принятіе ея.

Впрочемъ г-на епископа мати прибыла изъ Казани и водворена въ домѣ его въ верхнемъ этажѣ, въ покояхъ, по близости крестовой. Напослѣдокъ Придорогина и Бехтеева при ней въ монастырь вошли и водворились.

Вскорѣ по полученіи этого доноса князь Голицынъ писалъ Воронежскому преосвященному.

Уваженіе, какое имѣю къ вашему преосвященству и нелицемѣрное желаніе вамъ добра побуждаютъ меня довести до свѣдѣнія вашего о слухахъ, сюда дошедшихъ на счетъ нѣкоего Андрея, водвореннаго въ Воронежскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, и буде слухи сіи имѣютъ какое основаніе, то предостеречь васъ, милостивый государь мой.

Говорятъ, что этотъ Андрей, или какъ иначе называютъ Андреюшка, изъ числа сумасшедшихъ, но принять въ монастырь подъ именемъ юродиваго и живетъ въ келіи монахини Евпраксіи, которая, впрочемъ, называетъ его братомъ своимъ, якобы считающимся въ числѣ пропадшихъ. Она пользуется сею выдумкою для того, что народъ по суевѣрію ходитъ къ Андрею ради какихъ-то распросовъ, и Андрей юродивый говоритъ имъ всякія бредни, за что его дарятъ и угощаютъ. Къ симъ слухамъ присовокупляется и то еще, будто подъ предлогомъ хожденія къ монахинѣ Евпраксіи ради Андрея, ходятъ и ради ея мужчины. Я полагаю, что слухи сіи увеличены; не думаю однако, чтобы они были и выдуманы, и для того прошу покорнѣйше ваше преосвященство обратить вниманіе на сіе обстоятельство и пресѣчь въ народѣ соблазнь, могущій произойти оттого, что въ дѣвичьемъ и въ одной келіи съ монахиною прожи-

ваетъ мужчина, о которомъ такіе непріятныя носятся слухи. Ему приличнѣе было бы жить въ мужскомъ монастырѣ, а ежели онъ ни по какимъ правамъ не можетъ быть водворенъ въ ономъ, то предоставить попеченіе о немъ гражданскому правительству. И увѣренъ, что ваше преосвященство примете надлежащія мѣры къ прекращенію сихъ и подобныхъ слуховъ объ Андрѣ. Слышно также, что г-жа Бехтеева, по указу Св. Синода высланная изъ Алексѣевскаго Акатова монастыря на пребываніе въ Кіевъ, самопроизвольно оттуда выѣхавъ, водворилась попрежнему въ Акатовъ монастырѣ, хотя, правда писала она въ Синодъ о дозволеніи ей жить въ ономъ, но до указа синодскаго не слѣдовало ей давать пристанища; да я не думаю, чтобы Св. Синодъ согласился на просьбу ея по той причинѣ, что она нехорошо обходилась въ монастырѣ, и сестры ея недовольны.

Извините, ваше преосвященство, мое чистосердечіе. Единственно въ надеждѣ той, что вы примите мои совѣты во благо и сану вашему, пишу сіе, пользуясь симъ случаемъ возобновить увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими пребываю вашего преосвященства, милостиваго государя моего и ахиастыря

Покорнѣйшій слуга *кн. А. Голицынъ.*

30 Ноября 1811 г.

Преосвященный Антоній отвѣтилъ.

Сіятеильнѣйшій князь, милостивый государь.

Обязательное писаніе вашего сіятельства отъ 30-го Ноября, коимъ, по милостивому вашему ко мнѣ благорасположенію, изволите меня предостерегать въ пресѣченіи дурныхъ слѣдствій отъ слуховъ, достигшихъ до Питера, на счетъ нѣкоего Андреюшки, якобы въ Воронежскомъ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ водвореннаго, и получилъ и, съ душевною благодарностію приемиа благодѣтельную вашу заботливость, осмѣливаюсь не въ защиту себя или монастыря объяснить вашему сіятельству, какое основаніе имѣють тѣ слухи и что въ нихъ находится справедливаго.

Этого Андрея, о которомъ писать изволите, родъ и происхожденіе скрываются подъ узломъ неизвѣстности. Онъ имѣеть отъ рожденія около 70-ти лѣтъ, находится въ состояніи разслабленнаго, безъ языка, безъ движенія. Монахиня Евпраксія, шестидесятисемилѣтняя старица, узнавши, что Андрей отъ нечистоты и отъ ранъ покрытъ вшами и червями, по чувству сердоболія, съ дозволенія игуменіи, однакоже безъ вѣдома моего, взяла на попеченіе свое для омытія его отъ вышесказанныхъ насѣкомыхъ, въ продолженіе одного мѣсяца, истребивъ показанную нечистоту и снабдя Андрея отъ себя чистымъ бѣльемъ, пока возвратила его во-свосяси, т.е. въ больницу, гдѣ онъ водворенъ. Изъ сего моего донесенія благоволите ваше сіятельство видѣть, можетъ ли шестидесятилѣтняя старица имѣть законопреступную связь съ разслабленнымъ, лежащимъ на одрѣ безъ движенія, или могутъ ли, подъ предлогомъ видѣть Андрея, ходить ради ея мужчины, а особенно молодые. Правда, въ прислугѣ у ней находятся двѣ келейницы; но изъ сихъ, при безобразномъ видѣ, одна имѣеть отъ роду 60, а другая 55 лѣтъ. Божусь вашему сіятельству, что здѣсь

не было ни въ народѣ по сему дѣлу соблазна, ни слуховъ предосудительныхъ на счетъ монастыря не носилось, и можетъ ли быть оракуломъ человекъ, ни слова не говорящій? Эти бредни, выдумавъ, написать къ вашему сіятельству человекъ неизвѣстный; а здѣсь извѣстно, что написалъ ихъ нѣкто изъ секретарей, Мишинъ для причины, которую объясню ниже.

Что касается до госпожи Бехтеевой, она по указу Святѣйшаго Синода хотя и выслана изъ здѣшняго Покровскаго монастыря, но ей предоставлено проживаніе свободное во всѣхъ городахъ, гдѣ захочетъ. Изъ Кіева она сюда выѣхала единственно по случаю тамъ бывшаго пожара, гдѣ всей собственности лишилась. На поданную ко мнѣ просьбу ей, чтобы быть попрежнему въ ономъ Покровскомъ монастырѣ, я формально въ томъ ей отказалъ, чѣмъ она и вынуждена была просить себя о томъ милости въ Святѣйшемъ Синодѣ. Бехтеевой сей отъ меня не дано и пристанища, но она съ пріѣзда своего остановилась на время въ монастырской гостинницѣ, что за оградю монастыря. Симъ воспользовалась она потому, что гостинница оная выстроена изъ ея собственнаго лѣса, что въ сей гостинницѣ останавливаются многіе свѣтскіе пріѣзжающіе сюда богомольцы и по своимъ надобностямъ, и что покой оной, когда стоятъ праздны, иногда отдаются въ наемъ по желаніямъ. Что же доноситель пишетъ, якобы сестры госпожею Бехтеевою и донинѣ недовольны, и въ семъ онъ солгалъ; напротивъ, какъ г-жа игуменія съ казначеею, такъ и прочія изъ сестеръ, усердно желая ей быть въ монастырѣ попрежнему, неоднократно употребляли ко мнѣ свои просьбы о томъ, сказывая, что вина Бехтеевой состояла только въ томъ, что она не хотѣла угодить или покориться капризамъ игуменіи и казначеи, кои уже померли; и по дѣлу значитса, что она, Бехтеева, выводится изъ монастыря за ссорами съ игуменью и казначеею. Какого же она, Бехтеева, была поведенія въ Кіевѣ, осмѣливаюсь у сего приложить свидѣтельство руки преосвященнаго митрополита Кіевскаго. Обо всемъ этомъ не въ заступленіе г-жи Бехтеевой пишу вашему сіятельству; для меня все равно: въ мірѣ ли она будетъ жить или испроситъ дозволенія на пребываніе въ монастырѣ попрежнему; въ послѣднемъ случаѣ еще буду и озабоченъ, но для того доношу подробно, дабы вы, милостивый государь, благоволили видѣть, сколь золь и несправедливъ подъячій Мишинъ, безсовѣстно излившій клевету свою, для меня много оскорбительную, предъ вашимъ сіятельствомъ. Человекъ сей потому силель неслыханные слухи и небывалый соблазнъ народный, что онъ самъ свелъ законопреступную связь съ дворовою женщиною, принадлежащею г-жѣ Бехтеевой, которая женка, во всю бытность госпожи своей въ Кіевѣ, находилась по найму у него въ услуженіи. Ослѣпленный страстію, сперва просьбами старался искупить ее за нѣкоторую цѣну, и какъ въ томъ у госпожи не успѣлъ, составилъ несправедливыя просьбы, по коимъ бы женкѣ оной отойти на свободу. Но какъ я, такъ и г. губернаторъ въ томъ отказали, то нынѣ завелъ онъ дѣло по полиціи, клевета всюду на Бехтееву. Вознесенную о водвореніи Андрея и Бехтеевой въ ономъ Покровскомъ монастырѣ несправедливость, думаю, но навѣрно не знаю, подкрѣпить у нѣкотораго члена синодальнаго и дядя

его Мишина, Красильниковъ, негодующій на нынѣшнюю игуменію, якобы за удержаніе нѣкоторыхъ вещей изъ имѣнія покойной сестры его игуменіи Серафимы.

Впрочемъ, г-жа Бехтеева пристанищемъ въ гостинницѣ пользовалась токмо съ прїѣзда своего около недѣли, потомъ она проживаніе имѣла въ Задонскѣ. Нынѣ, по письму нашего сіятельства, подтвердилъ я лично и совсѣмъ отказалъ ей, Бехтеевой, въ томъ пристанищѣ. Не знаю, будетъ ли угодно вашему сіятельству таковая крутость, поелику вы привыкли всѣмъ благодѣтельствовать.

Сіятельнѣйшій князь письмомъ вашимъ благосклоннѣйшимъ благоволили изъяснить ко мнѣ многіе знаки вашего доброжелательства; чистосердечное мое по сему объясненіе прошу принять съ таковою благостію, съ каковою прозорливостію обвыкли вы отличать ложное отъ истины. Доколѣ біеніе сердца моего, всегда вамъ признательнаго, не престанетъ, дотолѣ всякій совѣтъ вашъ одоляюсь принимать не токмо во благо мое, но и во спасеніе.

Повергаю себя и дѣла мои въ ваше милостивое покровительство и всегдашнее благоразсмотрѣніе. Есмь съ глубочайшимъ къ особѣ вашей почитаніемъ и съ совершенною преданностію милостивый государь, нашего сіятельства покорнѣйшій слуга и богомолецъ Антоній, епископъ Воронежскій и Черкасскій.

Очевидно, оберъ-прокуроръ Синода этимъ отвѣтомъ удовлетворился, и болѣе по этому дѣлу никакой переписки не производилось.

Воронежскій архіерей Антоній Соколовъ былъ сначала священникомъ, но овдовѣвъ принялъ монашество въ 1798 году. Черезъ годъ онъ былъ произведенъ въ архимандрита Преображенскаго Казанскаго монастыря; въ 1800 году назначенъ ректоромъ Казанской Академіи; въ 1808 году епископъ Старорусскій, въ 1816 г. епископъ Калужскій, 1819 г. архіепископъ Подольскій. Въ 1821 году онъ уволенъ на покой въ Задонскій монастырь съ пенсіей 2400 рублей, гдѣ и скончался 28 Марта 1827 года.

О немъ, какъ о проповѣдникѣ, упоминается въ „Обзорѣ Русской духовной литературы“ архіепископа Филарета; затѣмъ у Геннади, Венгерова и въ исторіи Казанской Академіи Благовѣщенскаго.

Покровскій монастырь, пріютившій въ своихъ стѣнахъ Андреюшку, находится въ Воронежѣ въ восточной части города; основанъ въ 1623 году собравшимися тутъ 30 монахинями, по благословенію патріарха Филарета. Первоначально онъ находился въ другомъ мѣстѣ, на западной сторонѣ города, но изъ-за какихъ-то неудобствъ, въ 1702 году, по распоряженію тогдашняго епископа св. Митрофана, былъ перенесенъ на настоящее мѣсто, именовавшееся тогда „*терновія поляна*“.

Ростовъ Яросл. 1911. Февр. 23.

Ан. Титовъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Князь А. Н. Голицынъ.

(Род. 11 Апрѣля 1830 г.).

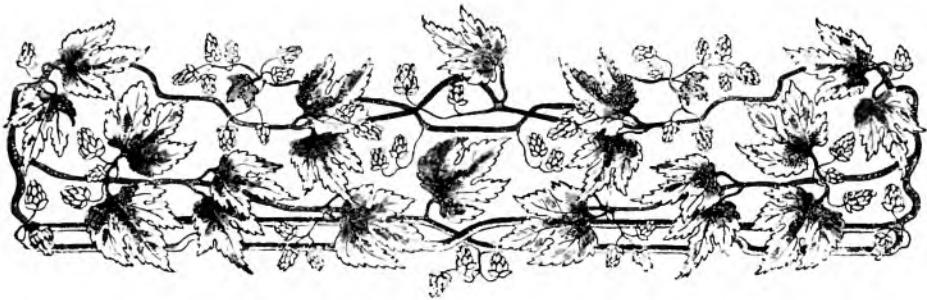
Въ Парижѣ 18 Февраля нынѣшняго года скончался въ маститой старости князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, прямой потомокъ того князя Голицына, который былъ пѣстуномъ Петра Великаго.

Судьба не жаловала князя Александра Николаевича: двадцати лѣтъ отъ роду онъ, будучи единственнымъ сыномъ, лишился своихъ родителей. Его отецъ, кн. Николай Яковлевичъ († 1850), пріятель А. П. Ермолова и участникъ великихъ войнъ съ Наполеономъ (начиная съ Аустерлица) былъ начальникомъ гвардейской кавалерійской дивизіи; мать, княгиня Вѣра Дмитріевна (рожденная тоже Голицына), принадлежала по своему родству съ графинею С. В. Строгоновой къ высшему Петербургскому обществу. Овдовѣвъ, она переѣхала въ Москву, и 7 Апрѣля 1850 года была заколота послушникомъ Донскаго монастыря Зыковымъ. Князь Голицынъ остался сиротою, только-что вступивъ въ юношескій возрастъ, но уже находясь на службѣ въ Царскомъ Селѣ, въ лейбъ-гусарскомъ полку. Тамъ онъ оставался въ продолженіе десяти лѣтъ. Прекрасное образованіе, данное ему родителями, спасло его отъ увлеченій гвардейской молодежи, а сближеніе съ Московскимъ предводителемъ дворянства А. Д. Чертковымъ (на старшей дочери котораго, Елисаветѣ Александровнѣ, онъ женился) дало ему умственную пищу. Чертковъ собиралъ отличную бібліотеку для историческаго изученія Россіи (эта бібліотека сыномъ его Григоріемъ Александровичемъ пожертвована городу Москвѣ и нынѣ помѣщается въ Историческомъ Музеѣ). По примѣру тестя своего, князь А. Н. Голицынъ началъ тоже собирать книги, но исключительно на языкахъ иностранныхъ, такъ-называемая *Rossica*, руководясь мыслью, что, какъ ни пристрастны Европейцы въ сужденіяхъ о нашемъ отечествѣ, но, глядя со стороны, они нерѣдко знаютъ ее съ такихъ сторонъ, изученіе которыхъ для насъ затруднительно. Князь Голицынъ до конца жизни собиралъ такія книги, и главная часть его бібліотеки была имъ пожертвована городу Москвѣ; она (какъ и его портретъ масляными красками) находится также въ Историческомъ Музеѣ.

Послѣ него остались памятныя записки; любопытная часть ихъ помѣщена въ *Русскомъ Архивѣ* (1887 г., вып., 10-й).

Память о бібліографическихъ бесѣдахъ съ княземъ Голицынымъ и о дружественныхъ съ нимъ сношеніяхъ дорога

Петру Бартеневу.

О посланіи Пушкина къ А. В. Закревской.

О знаменитомъ посланіи Пушкина „Когда твои младыя лѣта... Бѣлинскій отозвался, какъ объ одномъ изъ „лучшихъ, задумевнѣйшихъ созданий лирической музы Пушкина“, и въ немъ видѣлъ „слѣдъ важной думы испытаннаго жизнью и глубоко въ нее всмотрѣвшагося таланта“, гдѣ „чувство гуманности доходитъ до какого-то внутренняго просвѣтленія“. Это посланіе во всѣхъ изданіяхъ произведеній Пушкина относится къ А. П. Кернъ. Однако произведенное нами разслѣдованіе исторіи этого стихотворенія показало, что оно посвящено не г-жѣ Кернъ.

Автографъ его неизвѣстенъ. Впервые появилось оно въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г.¹⁾ съ заглавіемъ: „Къ ***“, безъ даты, съ подписью имени и фамиліи поэта, а затѣмъ вошло въ III-ю часть „Стихотвореній Александра Пушкина“²⁾, безъ заглавія. П. А. Ефремовъ въ первомъ своемъ изданіи³⁾, произвольно озаглавилъ стихотвореніе: „Къ А. П. К.“; во второмъ⁴⁾ этихъ инициаловъ нѣтъ (заглавіе: „Къ ****“), а въ третьемъ⁵⁾ оно носитъ опять произвольное заглавіе, но инициалы уже раскрыты: „Къ А. П. Кернъ“. П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ также прямо поставилъ: „Къ А. П. Кернъ“⁶⁾. Между тѣмъ сама Кернъ, какъ видно изъ ея воспоминаній, вовсе не относилась этой пьесы къ себѣ, хотя гордилась вниманіемъ Пушкина и даже простодушно приняла на свой счетъ нѣсколько стиховъ въ 8-й главѣ „Онѣгина“. Будь пьеса посвящена дѣйствительно ей, она не преминула бы рассказать объ этомъ съ тою же откровенностью, съ какою повѣдала о своихъ отношеніяхъ къ А. Г. Родзянко, вызвавшихъ игривое посланіе Пушкина къ нему⁷⁾, при-

¹⁾ № 13, 2 Марта, т. I, стр. 101.

²⁾ 1832 г., стр. 22—23.

³⁾ 1880 г., II, 259.

⁴⁾ 1882 г., II, 234.

⁵⁾ 1903 г., II, 184.

⁶⁾ Литерат. фонда, II, 64; „Просвѣщ.“ II, 97.

⁷⁾ „Ты общалъ о романтизмѣ“...

томъ, какъ рассказываетъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина⁸⁾, лично знавшій ее Ефремовъ, и отъ нея ничего новаго о Пушкинѣ нельзя было услышать, кромѣ уже напечатаннаго.

Такимъ образомъ, ясно, что связывающая съ ея именемъ пьесу традиція основывается единственно на догадкѣ Ефремова, который въ 1880 г. поставилъ надъ стихотвореніемъ инициалы Кернъ; изъ всѣхъ женскихъ именъ такъ или иначе входящихъ въ біографію Пушкина, наиболѣе „подходящихъ“ къ данному стихотворенію, ему показалось имя Кернъ. Догадкѣ Ефремова повезло, и она была принята и Морозовымъ, и Л. Н. Майковымъ⁹⁾, и Б. Л. Модзалевскимъ¹⁰⁾, и В. Соловьевымъ¹¹⁾, и Б. В. Никольскимъ¹²⁾; а Л. Н. Павлицевъ въ своихъ фантастическихъ „Воспоминаніяхъ“ объ А. С. Пушкинѣ¹³⁾, сочинивъ цѣлый рассказъ на эту тему, прямо заявилъ, что Пушкинъ написалъ стихотвореніе подъ вліяніемъ распускавшихся слетень объ А. П. Кернъ.

Что стихи посвящены не Кернъ, видно уже изъ самаго содержанія ихъ. Въ немъ говорится о женщинѣ, которую интересуются „свѣтъ“ и „шумная молва“, которая вращается въ „блестящемъ кругу“ и увлекается „безумными забавами“, т. е. о женщинѣ высокаго общественнаго положенія и притомъ эксцентричной натурѣ. Ничего подобнаго не могъ сказать Пушкинъ про Кернъ, которая никогда не принадлежала къ высшему кругу, нисколько его не занимала собою, и душѣ которой были чужды „безумныя забавы“. Обликъ изображенный Пушкинымъ въ этихъ краткихъ, но рѣзкихъ чертахъ, нисколько не похожъ на Кернъ. Ими рисуется такая оригинальная женская индивидуальность, которую никакъ нельзя не узнать среди женщинъ высшаго круга Пушкинской эпохи.

Само собою напрашивается имя—А. О. Закревской, „портретъ“ которой Пушкинъ набросалъ въ 1828 г. и которую тогда не на шутку увлекался. На нее указывалъ и близкій Пушкину человекъ, П. А. Плетневъ. На вопросъ Я. К. Грота, къ кому относится данная пьеса, Плетневъ отвѣтилъ: „помните, къ женѣ Закревскаго, урожденной графинѣ Толстой“¹⁴⁾. Свидѣтельство современника вполне подтверждается и содержаніемъ пьесы, и всѣмъ, что мы знаемъ объ этой „беззаконной кометѣ среди расчисленныхъ свѣтилъ“ столичнаго большого свѣта, истой Вакханкѣ. Всеотзывчивый поэтъ нашелъ слово сочувствія и для этой жертвы злобной молвы и собственнаго бурнаго темперамента.

Н. Лернеръ.

⁸⁾ Т. VIII, 1905 г., стр. 301—302.

⁹⁾ Собрн. „Пушкинъ“, С.-Пб., 1899 г., стр. 223, 257.

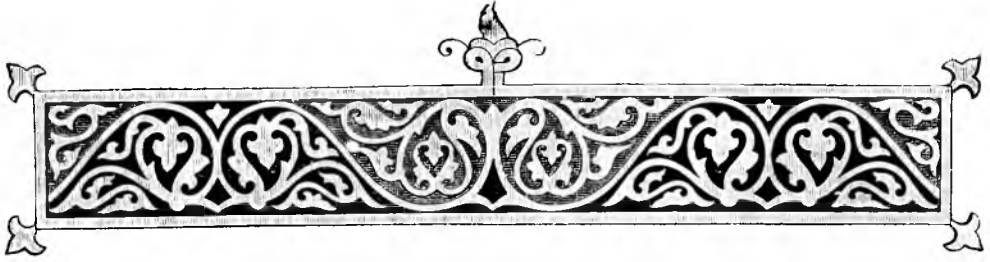
¹⁰⁾ Статья объ А. П. Кернъ въ соч. Пушкина, изд. Венгерова, III, 600.

¹¹⁾ „Судьба Пушкина“, С.-Пб., 1893, стр. 10—11.

¹²⁾ „Судъ надъ Пушкинымъ“, С.-Пб., 1897, стр. 16.

¹³⁾ Стр. 170.

¹⁴⁾ Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, III, 411, 414.

ПИСЬМА М. П. ПОГОДИНА КЪ М. П. ЩЕПКИНУ.

Эти письма писаны къ извѣстному Москвѣ общественному дѣятелю Митрофану Павловичу Щепкину (1832 † 1908), за исключеніемъ перваго, обращеннаго къ его матери Клавдіи Николаевнѣ¹⁾. Отецъ Щепкина († 1836), профессоръ математики, П. С. Щепкинъ былъ товарищемъ Погодина по Московскому Университету. Въ теченіи слишкомъ сорока лѣтъ самыя дружескія отношенія соединяли Погодина съ К. Н. Щепкиной, сыновья которой выросли на его глазахъ. О тепломъ, сердечномъ отношеніи Погодина къ этой семьѣ свидѣтельствуетъ первое изъ помѣщаемыхъ писемъ. Письма его къ М. П. Щепкину касаются главнымъ образомъ дѣлъ Московскаго городского общественнаго управленія. Сіе послѣднее было введено въ Москвѣ въ 1863 г.; Погодинъ былъ избранъ гласнымъ и сохранилъ это званіе до конца своей жизни. Онъ принималъ живое участіе въ дѣятельности Московской Городской Думы. Тамъ же работалъ, сначала, какъ помощникъ городского секретаря, а затѣмъ въ качествѣ гласнаго секретаря Думы, М. П. Щепкинъ, снискавшій себѣ извѣстность знатока по вопросамъ самоуправленія и городского хозяйства, которымъ былъ посвященъ цѣлый рядъ его печатныхъ трудовъ.

Погодинъ цѣнилъ его занятія и мнѣнія въ этой области и нерѣдко обращался къ нему за разьясненіемъ различныхъ занимавшихъ его въ городскомъ хозяйствѣ вопросовъ.

Дмитрій Щепкинъ.

I.

Обнимаю любезнѣйшую Клавдію Николаевну и благодарю за добрую память. А я передъ вашимъ письмомъ получилъ еще портретъ Павла Степановича отъ Степана²⁾, котораго я больше всѣхъ журилъ и который доставилъ мнѣ удовольствіе больше всѣхъ. Недавно еще я былъ очень обрадованъ отличною статьею Митрофана, досаждавшаго

¹⁾ К. Н. Щепкина, рожденная Тимирязева (род. 1800, † 1897 г.).

²⁾ Степанъ Павловичъ Щепкинъ (род. 1831 † 1885 г.) былъ управляющимъ Ложницкой Казенной Палатой. Собранная имъ коллекція гравюръ пожертвована въ Румянцовскій музей. Д. Щ.

мнѣ много. Всякій успѣхъ Щепкиныхъ дорогъ для меня, какъ собственный. Обнимаю васъ еще разъ за всѣхъ.

Я здоровъ, работаю попрежнему, а горя все-таки много. Такъ, видно Богъ судилъ.

Прощайте, кланяюсь. Вашъ М. Погодинъ

21 Ноября (1860-хъ годовъ).

II.

Молодой редакціи¹⁾ дружескій привѣтъ! Что же, совсѣмъ устроились? Черкните два слова. Если два ближайшіе нумера готовы, то кольми паче можно отдать въ наборъ свободнымъ наборщикамъ. А мнѣ нужна скорость, поймите, для того, чтобы успѣть послать оттиски за границу съ сыномъ, который выѣзжаетъ изъ Петербурга въ Воскресенье. Статья—новость животрепещущая для многихъ, ибо рѣчь идетъ объ 11 Маѣ²⁾; слѣдовательно, помѣстите ее важно для самой газеты. Прошу васъ поспѣшить корректурой.

(1862 г.).

III.

Посылаю вамъ статью. Условіе мое: отпечатать мнѣ 200 оттисковъ переверстанныхъ. Еще: убѣдительно прошу прислать корректуру сего же дня. Мой сынъ ѣдетъ въ Дрезденъ изъ Петербурга въ Воскресенье, и мнѣ хотѣлось бы послать за границу нѣсколько оттисковъ. Усердно кланяюсь. М. Погодинъ.

Черкните два слова въ отвѣтъ.

Четвергъ (1862 г.).

IV.

Прошу возвратить съ подателемъ мою замѣтку.

Съ чего взяли и мысль посторонняго человѣка о домѣ на Мясницкой³⁾ отдавать на голоса? Дума не имѣетъ права ничего дѣлать съ чужимъ домомъ: какъ же можно было о томъ толковать? Ее слѣдовало передать просто въ комитетъ, какъ частное мнѣніе. А то еще

¹⁾ Въ теченіе 1862 г., послѣ переѣзда В. Ф. Корша, получавшаго изданіе С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, М. П. Щепкинъ былъ редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей до перехода ихъ въ 1863 г. къ Каткову. Д. III.

²⁾ 11 Мая 1862 г. въ день памяти Кирилла и Меодія праздновалось тысячелѣтіе Славянскаго просвѣщенія. (Барсуковъ, кн. 19, стр. 74—94). Д. III.

³⁾ Въ Январѣ 1864 г. въ Московской Городской Думѣ обсуждался вопросъ объ урегулированіи Мясницкой ул.: Погодинъ выступалъ въ Думѣ (Барсуковъ, кн. XXI стр. 127). Д. III.

въ протоколъ занесли! Миѣ не хотѣлось возражать, потому что слишкомъ много и безъ того было переливаемо изъ пустого въ порожнее.

Въ Субботу будетъ читать Писемскій новую свою комедію.

Пріѣзжайте, если угодно. Вашъ М. Погодинъ.

Четвергъ (1864 г.).

V.

Я былъ у Гончарова¹⁾ на дняхъ и нашелъ его гораздо хуже. Посылаю записку къ нему. Положите ее прежде князю Щербатову²⁾, не переговоритъ ли онъ съ семействомъ, и если сочтетъ удобнымъ, то пусть употребить, а если нѣтъ, то уничтожить.

Вчера я не былъ въ думѣ, числюсь въ отпуску; да и вопросы, кажется, неважные.

Сборникъ издаю къ 1 Января. Готовьте статью, и увидимся, когда будетъ готова. До свиданія. Преданный М. Погодинъ.

(1865 г.).

VI.

Я вспомнилъ. Лѣтомъ было донесеніе Комиссіи (съ Сухотиннымъ) о нужныхъ постройкахъ и проч. въ казармахъ: требовалось много денегъ.

Я ратовалъ сильно, настаивалъ, чтобы не было выходимо изъ смѣты³⁾. Кажется, дѣло было препровождено во вновь организованный комитетъ по случаю передачи намъ завѣдованія путейскимъ вѣдомствомъ. Нужно бы справиться, какъ тамъ было рѣшено. Я поищу въ своихъ замѣткахъ⁴⁾.

(1865 г.).

VII.

Вы поступили, какъ истый членъ молодого поколѣнія, которое чертъ знаетъ какой взглядъ имѣетъ на вещи! Ну да не объ этомъ рѣчь, а рѣчь о городской смѣтѣ. Бремена неудобноносимыя! Я написалъ рѣчь и желалъ бы посоветоваться съ вами. Слѣдовательно посѣщеніе относится не только ко миѣ, но и къ вашей наукѣ, и къ го-

¹⁾ С. Н. Гончаровъ, гласный Думы, старшина городского сословія, одинъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей Московскаго городского управленія, скончался въ Ноябрь 1865 г. Д. Щ.

²⁾ Князь А. А. Щербатовъ Московскій городской голова. Д. Щ.

³⁾ Гласный С. М. Сухотинъ былъ председателемъ комиссіи о преобразованіи завѣдованія городской строительной частью въ Москвѣ. Д. Щ.

⁴⁾ Погодинъ готовилъ для помѣщенія въ издаваемомъ имъ сборникѣ „Утро“ (1866 г.) свѣдѣнія о всѣхъ своихъ выступленіяхъ по вопросамъ городского хозяйства. Д. Щ.

роду, и къ любимому вами дѣлу¹⁾. Пріѣзжайте же какъ нибудь до засѣданія Думы (оно, кажется, будетъ въ Четвергъ). Я буду ждать васъ всѣ эти дни. Посѣщеніе это можете принять и наказаніемъ законнымъ за старые грѣхи. Вашъ М. Погодинъ.

20 Декабря (1865 г.).

VIII.

У меня въ 12 часовъ пробное чтеніе біографіи Карамзина, а въ 2 часа проба блиновъ. Пріѣзжайте непременно, любезный Митрофанъ Павловичъ, и съ маменькой. Да нельзя ли дать знать Забѣлину, Аванасьеву? Но хоякъ онъ—не уловчится! Вашъ М. Погодинъ.

(1866 г.).

IX.

Какъ васъ Богъ милуетъ? Чтѣ маменька? Мы давно не слышимъ ничего объ ней. Знаете ли вы, что мы были у васъ въ прошломъ году и поклонились запертымъ дверямъ? Нынѣшній годъ провели въ скорбяхъ и тревогахъ. Теперь только что начали отдыхать и опомниваться.

Прилагаю записочку объ одномъ бѣдномъ семействѣ, которое желаетъ пристроить дочерей на казенный счетъ. Нельзя ли помѣститъ ихъ отъ Думы, которая приняла на свое содержаніе сколько-то въ честь Аксиньи Александровны²⁾. Научите отца, какъ онъ долженъ поступить и содѣйствуйте. Попросите если нужно С. А. Лодыженскаго³⁾. Преданный М. Погодинъ.

А Дума идетъ, кажется, такъ дурно, какъ никогда не шла. Отзывы слышу самые грустные. Черкните мнѣ отвѣтъ по городской почтѣ.

25 Апрѣля (1875 г.).

X.

Милостивый Государь, Митрофанъ Павловичъ, достойное лицо, имѣющее право на довѣріе, просило меня о содѣйствіи выбору г. Езучевскаго въ члены одѣночной комиссіи. Прошу васъ похлопотать и попросить отъ моего имени г.г. Самарина, Щербатова, Батюшкова,

¹⁾ Погодинъ выступилъ съ возраженіями по докладу финансовой комиссіи о городской смѣтѣ 1866 г. и помѣстилъ ихъ въ „Утрѣ“. Тамъ же онъ напечаталъ составленныя по его просьбѣ замѣчанія по этому же вопросу М. П. Щепкина. Д. Щ.

²⁾ Городской думою по случаю рожденія Великой Княжны Ксеніи Александровны были установлены 25 стипендій въ женскихъ гимназіяхъ. Д. Щ.

³⁾ Товарищъ городского головы. Д. Щ.

Лодыженскаго, Грудева и проч. кого знаете. А матушки еще не видалъ. Кланяюсь. Вашъ М. Погодинъ.

Москва, Мая 10, 1875 года.

За такой оригинальный автографъ надѣюсь пяточка не пожалѣютъ. Вотъ вамъ награда за труды будущіе¹⁾.

XI.

Послушайте: говорятъ, что помѣщеніе г. Брокера, о которомъ я просилъ Лодыженскаго, обѣщавшаго ему и мнѣ свое ходатайство, зависитъ отъ васъ²⁾. Я просто не понимаю хода нынѣшнихъ дѣлъ и разстроенный всякими слухами, махнулъ рукой. Напишу общее мнѣніе къ зимѣ— и прощайте! А теперь сдѣлайте чтò можете для Брокера въ личное мнѣ одолженіе, хотя онъ и самъ по себѣ имѣетъ полное право на вниманіе и, увѣренъ, исправить всякое дѣло ему порученное съ честью и успѣхомъ. Прошу васъ убѣдительно, вашъ М. Погодинъ.

Въ присутственныхъ старыхъ мѣстахъ, меня увѣряютъ, можно найти помѣщеніе для съѣзда³⁾. Я слышалъ, что третьяго дня была баталія въ Думѣ. Чтò такое, черканите.

Одни говорятъ, что вы заправляете всѣми дѣлами, а вы отвѣчали моему указанному писарю, что ничего не можете сдѣлать даже для такого мелкаго человѣка. Ничего не понимаю. *O tempora, o mores!*

6 Іюня (1875 г.).

Сообщилъ Д. М. Щепкинъ.

*

М. П. Погодинъ собирался напечатать думскія свои рѣчи отдѣльно и озаглавить ихъ: „Гласъ вопіющаго въ Московской Городской Думѣ“. Въ особенности огорчали его назначеніе большихъ жалованій и полная незабота Думы о дешевизнѣ жизни. Владимиръ Адамовичъ Брокеръ, человѣкъ высокихъ достоинствъ, такъ и не получилъ мѣста въ Думѣ. Это сынъ дѣятеля 1812 г. П. Б.

¹⁾ Погодинъ имѣлъ обыкновеніе писать на клочкахъ бумаги иногда самаго необычайнаго вида. На такомъ было и настоящее письмо. Д. Щ.

²⁾ М. П. Щепкинъ былъ тогда секретаремъ Московской Городской Думы. Д. Щ.

³⁾ Въ Думѣ шла рѣчь о принсканіи помѣщенія для столичнаго съѣзда мировыхъ судей. Д. Щ.

ДОПОЛНЕНИЯ, ПОПРАВКИ, ЗАМѢТКИ.

Въ 3-емъ выпускѣ „Русскаго Архива“ вкрались двѣ важныя опечатки. Напечатано, будто А. С. Хомяковъ далъ К. А. Коссовичу для поѣздки въ Лондонъ 5 рублей, что уже дало поводъ обвинять Хомякова въ скупости, тогда какъ Коссовичъ получилъ отъ Алексѣя Степановича 5 тысячъ рублей и могъ не только съѣздить на всемірную выставку и попутешествовать по Германіи (гдѣ онъ видѣлся съ В. А. Жуковскимъ), но и закупить себѣ много книгъ нужныхъ ему по его занятіямъ Санскритомъ и другими Восточными языками. На каждой такой книгѣ была у него надпись: „Благо-дѣяніе А. С. Хомякова“.

Прекрасное село Бѣлкино, владѣніе графа Д. М. Бутурлина, очутилось собственностью не Оболенскаго (какъ напечатано), а Обнинскаго.

*

Въ наши сѣрые многозаботливые дни, когда прекрасный Русскій языкъ такъ обильно засоряется словами иностранными, когда свѣтлая муза поэзіи становится не только кривлякою, но иногда и непотребницею, любители и цѣнители высокаго словеснаго искусства должны довольствоваться произведеніями прошлой жизни, и потому обращаются къ изученію великихъ нашихъ писателей, стяжавшихъ Русскому имени славу и въ другихъ государствахъ. Въ этомъ столь достопочтенномъ направленіи Русской науки особенно посчастливилось Пушкину. Мы говоримъ объ изданіи: „Пушкинъ и его современники“, которое, отъ времени до времени, выходитъ при Императорской Академіи Наукъ, чему, какъ мы увѣрены, способствуетъ то, что президентомъ Академіи Августѣйшій собратъ Пушкина въ области поэзіи.

Изъ цѣнныхъ разслѣдованій отмѣчаемъ въ 14-омъ выпускѣ этого изданія розысканія И. Е. Щеголева относительно біографіи и текста Пушкина. Намъ вспомнилось, что князь П. А. Вяземскій журилъ насъ, что мы въ каждомъ произведеніи Пушкина ищемъ чертъ автобіографическихъ, тогда какъ многое писалъ Пушкинъ вовсе забывая о себѣ лично. Этотъ упрекъ не относится къ труду Щеголева. Его тщательныя, мелочныя разслѣдованія черновыхъ рукописей поэта, которыя сняты даже фотографически, привели между прочимъ къ двумъ положительнымъ, неподлежащимъ сомнѣнію, выводамъ: Пушкинъ лишь въ одномъ посланіи воспѣлъ княгиню Марью Аркадьевну Голицыну и влюбленъ былъ (не мимоходомъ, а глубоко и искренне) въ княгиню Марію Николаевну Волконскую, рожденную Раевскую, супругу Декабриста.

Такимъ образомъ имя Пушкина связывается съ именами Ломоносова и Суворова.

Нижеслѣдующія замѣтки на то, что помѣщено на обложкѣ 3-го выпуска „Русскаго Архива“ сего года, по поводу празднованій великаго дня 19 Февраля 1861 года, присланы намъ отъ маститаго, достойно-уважаемаго, очевидца этой реформы, вводившаго уставныя грамоты въ пяти большихъ имѣніяхъ, оставшихся въ его распоряженіи по кончинѣ его родителя († 1858 года). „Такимъ образомъ (пишетъ онъ) я фактически былъ *рабовладельцомъ*, въ теченіи 3-хъ лѣтъ, и почти неограничено распоряжался судьбою 4 т. ревизскихъ мужскихъ душъ, что съ бабами и дѣтьми, родившимися послѣ ревизіи, составляло народонаселеніе приближавшееся къ цифрѣ 10.000 человекъ. Значить, много могъ бы я рассказать объ этой знаменательной эпохѣ, но конечно этого не сдѣлаю по ненависти ко всему, что подходитъ къ ряду записокъ, воспоминаній, почти всегда одностороннихъ. Однако укажу вамъ на два лица, которыя повидимому совершенно забыты почитателями сподвижниковъ Александра Николаевича и его вѣнценосныхъ предмѣтниковъ, сочувствовавшихъ этой идеѣ, но не рѣшавшихся приступить къ ея осуществленію“.

„Къ числу сихъ послѣднихъ слѣдуетъ непременно отнести императора Павла. Онъ конечно болѣе заслуживаетъ признательнаго почета, нежели его сыновья Александръ и Николай. Николай Павловичъ еще кой-что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, хотя то, что вы повѣствуете о словахъ Государя Александра Николаевича, обращенныхъ къ графамъ Орлову и Адлербергу, стоявшихъ будто бы у дверей комнаты, гдѣ умиралъ Николай Павловичъ*), для меня сомнительно: сколько разъ слышалъ я отъ отца моего (бывшаго дѣйствительно у дверей комнаты, въ которой у кровати умиравшаго Царя находился, кромѣ царскаго семейства, только графъ Адлербергъ) рассказъ о послѣднихъ минутахъ Государя, но рѣшительно не помню, чтобы что либо относилось въ посмертныхъ словахъ Царя къ крестьянамъ. Что Николай многого желалъ, хотя мало сдѣлалъ въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ въ свое тридцатилѣтнее царствованіе, это несомнѣнно и можетъ быть доказано многими указами Правительствующему Сенату и еще большимъ числомъ высочайшихъ повелѣній по Министерству Внутреннихъ дѣлъ, касательно облегченія крѣпостнымъ людямъ перехода въ свободныя хлѣбопашцы, взятія подъ опеку имѣній, гдѣ помѣщики слишкомъ много злоупотребляли своей властью; но все это были, такъ сказать, полумѣры, свидѣтельствовавшія только о томъ, что Николай Павловичъ сознавалъ великое зло крѣпостнаго права, но принять рѣшительныя мѣры для полного искорененія этого зла онъ не рѣшался, или не имѣлъ достаточного времени, поглощаемаго пятью войнами, не считая постоянной Кавказской войны,

*) Графъ А. О. Орловъ передавалъ о томъ своему племяннику Николаю Михайловичу Орлову; а графъ П. Д. Киселевъ тоже своему племяннику Николаю Сергѣевичу Киселеву. Я слышалъ о томъ отъ нихъ обонхъ П. Б.

которая въ это царствованіе достигала грозныхъ размѣровъ, какихъ ни прежде, ни послѣ не имѣла—зарожденіе юридикзма, появленіе Шамила, Дарго и другіе эпизоды этой войны, если не особо тревожившіе Государя, тѣмъ не менѣе отвлекавшіе его отъ другихъ царственныхъ заботъ“.

„Впрочемъ Николай Павловичъ до извѣстной степени берегъ помѣщичью власть и ею дорожилъ, такъ какъ видѣлъ въ ней власть, поддерживающую порядокъ и спокойствіе въ Россіи. Десять тысячъ помѣщиковъ были въ его глазахъ столько же полиціймейстеровъ, не получающихъ ни жалованья, ни крестовъ; это слышалъ разъ батюшка, будучи Московскимъ губернаторомъ, отъ самого Государя“.

„Государь Александръ Павловичъ, наравнѣ съ братомъ считающійся во всѣхъ юбилейныхъ и относящихся до 19 Февраля 1861 г. рѣчахъ подготовителемъ великой реформы вѣнценоснаго своего племянника, фактически сдѣлалъ въ этомъ отношеніи еще менѣе брата; да и времени ему было для этого дѣла еще меньше. Конечно, сантиментальный воспитанникъ поклонника философіи Руссо, вѣроятно, много говорилъ о благахъ свободы для крестьянина-раба съ своими либеральными друзьями въ первые годы своего царствованія, быть можетъ и помыслилъ когда нибудь даровать эту свободу, послѣ того, какъ окончилъ съ проведеніемъ политической конституціонной свободы въ Финляндіи и Польшѣ, но далѣе этихъ мечтаній и пожеланій по видимому Благословенный не пошелъ. Какіе либо правительственные акты для облегченія тяжести крѣпостнаго ига (кромѣ нѣкоторыхъ письменныхъ указаній Сперанскому) въ его царствованіе наврядъ ли можно отмѣтить. Напротивъ, онъ цѣлыя сотни тысячъ такъ называемыхъ государственныхъ крестьянъ, обладавшихъ все-таки, въ сравненіи съ помѣщичьими и удѣльными, нѣкоторыми гражданскими правами, перечислилъ въ военныя поселенія, и фактически обратилъ ихъ въ крѣпостные, да еще такого безсердечнаго палача-помѣщика, какимъ былъ его другъ Аракчеевъ“.

„Изъ всѣхъ предмѣтниковъ великаго Царя-Освободителя только одинъ императоръ Павелъ дѣйствительно выступилъ въ защиту обездоленнаго, крѣпостнаго крестьянина изданіемъ знаменитаго указа 5-го Апрѣля 1799 года, ограничивавшаго тремя днями въ недѣлю барщину, которую помѣщичьи крестьяне были обязаны отбывать въ пользу своихъ владѣльцевъ. Это былъ огромный шагъ впередъ по пути облегченія участи крѣпостныхъ, такъ какъ до изданія этого указа никто не могъ запретить помѣщику требовать барщины (въ то время, за отсутствіемъ отхожихъ промысловъ, почти единственной, но весьма тяжелой повинности) „барщины“ хотя бы во всѣ семь дней недѣли, что къ стыду дворянства часто случалось и подало поводъ къ изданію этого указа. Забыли императора Павла ораторы и литераторы, но не забывалъ благодарный крѣпостной крестьянинъ. Я хорошо помню, какъ во всѣхъ нашихъ сельскихъ церквахъ (а ихъ было, если не ошибаюсь, восемь), въ номинальныхъ

записяхъ, въ особенности у почтенныхъ сѣдыхъ хозяевъ, во главѣ длиннаго перечня именъ поминаемыхъ, непосредственно передъ именами моего отца и дѣда, непремѣнно стояло имя Павла. Такъ какъ въ нашемъ роду именъ Павла никогда не было, то я полюбопытствовалъ узнать отъ стариковъ, кто этотъ Павель, память котораго они такъ высоко чтили, и тогда впервые услыхалъ объ этомъ „барщинномъ“, какъ его называли крестьяне, указѣ Павла Петровича. Впослѣдствіи мнѣ привелось гдѣ-то прочесть, что указъ этотъ былъ въ числѣ причинъ, зародившихъ мысль о злодѣяніи 11-го Марта 1801 г.; но я этого не полагаю: у Петербургской знати было довольно побужденій ненавидѣть Царя, который имъ, по примѣру своей матери, не мирволилъ, и безъ этого указа. По смерти Александра II, въ поминальныхъ книжкахъ богомольныхъ стариковъ съ именами Павла и митрополита Филарета стали появляться, уже полнымъ титуломъ, императоръ Александръ Николаевичъ, императрица Марія Александровна, Николая и Александра Павловичей, какъ и прежде, народъ не поминалъ“.

„Другое громкое имя было позабыто на только что отбытыхъ юбилейныхъ торжествахъ, имя творца „Горе отъ ума“. Не отвергаю вліянія, которое могли имѣть „Записки Охотника“ на Государя Александра Николаевича, завѣдомо увлекавшагося этимъ образцовымъ произведеніемъ Тургенева; можно сомнѣваться, чтобы творенія Писемскаго или Гончарова, также—хотя только мимоходомъ—касавшіяся злополучнаго бытія крестьянъ, могли остановить на себѣ вниманіе Монарха или многихъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Но рядомъ съ этими именами встрѣчать имя Григоровича, какъ одного изъ внушителей этой великой мысли, странно всякому, кто знаетъ, какъ мало въ пятидесятыхъ годахъ еще значилъ этотъ несомнѣнно умный, образованный, но весьма заурядный писатель, уже по самому кругу, въ которомъ онъ, играя немного роль паразита, вращался, совершенно чуждый тѣмъ идеямъ, которыя заявлялъ кружокъ Великой Княгини Елены Павловны. Ея умная, привѣтливая, но занятая только художественными вопросами и мелочами свѣтской жизни, красавица-племянница Великая Княгиня Марія Николаевна, давшая своимъ покровительствомъ нѣкоторое значеніе Григоровичу, была съ окружающими ея блестящими представителями Петербургской аристократіи (Строгановыми, Шуваловыми, Маклашевскимъ и Горчаковымъ) прямымъ контрактомъ *genio loci* Михайловскаго дворца съ его серьезными, немного тяжелыми и скучноватыми завсегдатаями, Милютинимъ, Черкасскимъ, Самаринимъ“.

„Можно даже предполагать, что кружокъ Великой Княгини Маріи Николаевны, занимаясь вопросомъ освобожденія крестьянъ, относился къ нему если не совсѣмъ враждебно, то по крайней мѣрѣ отрицательно; а теперь мы видимъ, что вышедшій изъ этого кружка писатель, сначала извѣстный только принадлежностью къ нему, становится рядомъ съ Тургеневымъ на пьедесталъ вдохновителя великаго Царя, который, можно полагать, никогда ничего не читалъ изъ произведеній Григоровича (изъ нихъ, кажется, только въ одномъ

„Антонъ Горемыкѣ“ фабула разсказа касается быта крѣпостныхъ дворовыхъ людей)“.

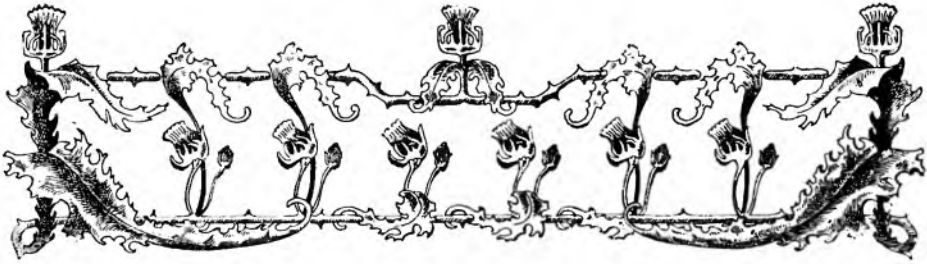
„А при этомъ имя Грибовдова совершенно позабыто! Забытъ тотъ, кто такими лапидарными, врѣзывающимися въ память словами громилъ съ высоты театральной сцены рабовладѣльцевъ, избличая въ знаменитомъ монологѣ Чацкаго „Нестора негодяевъ знатныхъ“, промѣнявшаго цѣлую раболѣтвующую дворню на „борзыхъ три собаки“, или „того другаго“, составившаго въ Москвѣ балетъ изъ оторгнутыхъ „отъ отцовъ и матерей дѣтей“, которыя потомъ были „распроданы по одиночкѣ“, или окрикъ Фамусова на провинившуюся челядь въ послѣднемъ актѣ: „на работу ихъ, на поселенье ихъ“. Развѣ эти обличенія не дѣйствовали сильнѣе и на большее число слушателей, нежели сравнительно мягкія описанія мрачныхъ сторонъ крѣпостничества на читателей „Записокъ Охотника?“ А „Горе отъ Ума“, независимо отъ зрителей, имѣло никакъ не менѣе читателей и слушателей, какъ произведенія Тургенева“.

*

„Во 2-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“. вы недоумѣваете, состоялось ли назначеніе къ Наслѣднику нѣкоего Фовицкаго учителемъ Польскаго языка. Понятно, что нѣтъ, такъ какъ съ этою цѣлью былъ избранъ помощникомъ къ генераль-адъютанту Мердеру офицеръ Литвинъ, изъ воспитателей I Кадетскаго Корпуса, Семень Алексѣевичъ Юрьевичъ, въ послѣдствіи также генераль-адъютантъ Государя Александра Николаевича. Онъ, по отзывамъ, слышаннымъ мною отъ князя Льва Радзивилла и графа Амвросія Потоцкаго, превосходно владѣлъ Польскимъ языкомъ. Графъ Потоцкій съ гордостью разсказывалъ, какъ онъ въ одной парѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ подѣзжалъ, на разводѣ въ Лазенкахъ, ординарцемъ отъ Польскаго Конноегерскаго полка къ Государю Николаю Павловичу, и оба рапортовали Его Величеству по-польски“.

„Графъ Потоцкій до конца жизни оставался приверженцемъ, если не Русскаго правительства, то по крайней мѣрѣ Русскаго царскаго дома“.

Изъ разсказовъ о Петрѣ Великомъ, записанныхъ Я. Штелинымъ ¹⁾

Справедливое воздаяніе по заслугамъ врачамъ.

Петръ Великій, ясно сознавая необходимость имѣть при своей новообразованной арміи опытныхъ врачей и хирурговъ, чрезвычайно дорожилъ ими и лично обучался различнымъ операціямъ²⁾. Вслѣдствіе этого, онъ неизмѣнно носилъ при себѣ двѣ готовальни, одну съ наборомъ математическихъ инструментовъ для изслѣдованія предлагаемыхъ ему чертежей по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, и другую съ хирургическими инструментами. Нѣкоторымъ лицамъ онъ даже собственноручно выдергивалъ зубы, а женѣ купца Барстеда, страдавшей сильно развившейся водянкой, облегчилъ болѣзнь, выпустивъ ей воду. Будучи двадцатилѣтнимъ юношей, онъ приблизилъ къ себѣ не только г. Лефорта, бывшаго его первымъ любимцемъ, но и престарѣлаго, забавнаго, притомъ очень свѣдущаго хирурга Тирмонда. Сей послѣдній долженъ былъ неотлучно находиться при особѣ Государя: Петръ любилъ засиживаться съ нимъ до поздней ночи, бесѣдуя за кружкой Венгерскаго вина о разныхъ предметахъ. Однажды, будучи въ нетрезвомъ видѣ, Тирмондъ закололъ своего вѣрнаго стараго слугу. Понявъ на другой день весь ужасъ содѣяннаго имъ поступка, онъ поспѣшилъ къ Царю и, бросившись къ его ногамъ, умолялъ о прощеніи. Государь возразилъ, что онъ намѣренъ выслушать его только въ томъ

¹⁾ Переведены вновь изъ книги: „Originale Anekdoten von Peter dem Grossen. Aus dem Munde angesehenen Personen zu Moskau und Petersburg vernommen und der Vergessenheit entriszen von Jacob von Stählin. Leipzig. 1785, мал. 8 кн. 421 стр. (т. е. Подлинныя анекдоты о Петрѣ Великомъ, слышанныя изъ устъ знатныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ особъ и сохраненныя отъ забвенія Яковомъ фонъ Штелинымъ). Какъ эта книга, такъ и Русскій старинный, переводъ ея сдѣланы нѣмѣ рѣдкостями. П. Б.

²⁾ Славный врачъ Санхецъ, въ своей книгѣ о народныхъ баяхъ въ Россіи, свидѣтельствуетъ, что когда Петру предлагали завести аптеки при полкахъ, онъ сказалъ: „Не за чѣмъ; моему народу еще лѣтъ на двѣсти будетъ довольно бани“. П. Б.

случаѣ, если Тирмондъ поднимется съ колѣнъ. Тотъ не рѣшается исполнить это приказаніе. Петръ собственноручно поднялъ его, обнялъ, поцѣловалъ и, выслушавъ отъ него собственное его обвиненіе, посоветовалъ ему не огорчаться и не скорбѣть, а обратиться ко Всевышнему съ мольбою о прощеніи и непремѣнно позаботиться о женѣ и дѣтяхъ покойнаго слуги. Тирмондъ обезпечилъ вдову значительной пожизненной пенсіей изъ своихъ личныхъ средствъ.

Этотъ знаменитый Тирмондъ умеръ семидесяти съ небольшимъ лѣтъ. Послѣ него осталась еще нестарая, довольно красивая вдова, которой онъ завѣщалъ значительное состояніе. Она еще при жизни мужа сильно увлекалась молодымъ и красивымъ цирюльникомъ изъ Данцига, очень опытнымъ въ ухаживаніи за женщинами и совершенно несвѣдущимъ въ хирургіи. Овдовѣвъ, она вскорѣ съ нимъ обвѣнчалась и начала вести самую расточительную жизнь, имѣла прекрасный вѣздъ четвернею и своими великолѣпными нарядами привлекала общее вниманіе въ Москвѣ. Объ этомъ было при удобномъ случаѣ доложено Царю, при чемъ цирюльникъ былъ представленъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Государь, находясь однажды съ своими приближенными въ гостяхъ у одного боярина, послалъ за молодымъ преемникомъ своего любимца Тирмонда. Сей послѣдній, предположивъ, что его призываютъ, чтобы назначить замѣстителемъ его предшественника, облачился въ прекрасныя одежды и, сѣвъ въ лучшую свою карету, отправился въ полномъ блескѣ въ домъ боярина, гдѣ въ большомъ собраніи находился Царь. Всѣ присутствующіе поспѣшно бросились къ окнамъ, чтобы посмотрѣть на его пышный вѣздъ. Когда цирюльникъ предсталъ предъ Государемъ, ему предложили нѣсколько вопросовъ по его должности и подвергли передъ всѣмъ обществомъ строгому экзамену. Удостоверившись въ его полномъ невѣжествѣ и непригодности быть замѣстителемъ достойнаго Тирмонда, Государь повелѣлъ созвать въ отдѣльную комнату всѣхъ слугъ и мужиковъ боярина и приказалъ этому разряженному вѣтрогону остричь имъ длинныя ихъ бороды, послѣ чего онъ былъ отправленъ въ своей щегольской каретѣ обратно домой. Этотъ случай такъ оскорбилъ не только гордаго молодца, но и его супругу, что она, захвативъ остатки своего состоянія, покинула вскорѣ Петербургъ и переправилась въ Данцигъ, гдѣ продолжала вести ту же неразумно-роскошную жизнь, пока они не промотали послѣднихъ крохъ своего состоянія. Одному старому знакомому Тирмонда привелось встрѣтить во время Шведской войны щеголеватаго цирюльнича въ качествѣ бѣднаго маклера, а жена его была въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что принуждена была за плату стирать чужое бѣлье.

Этотъ анекдотъ разсказалъ Нѣмецъ Шульцъ, служившій во время Шведской войны лѣкаремъ при одномъ изъ Русскихъ пѣхотныхъ полковъ а впоследствии сдѣлавшійся лейбъ-хирургомъ князя Меншикова. Находясь неотлучно при особѣ сего послѣдняго, онъ имѣлъ много случаевъ видѣть и слышать Государя. Послѣ паденія князя Меншикова онъ былъ назначенъ сначала лѣкаремъ, а затѣмъ штабъ-лѣкаремъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Онъ умеръ въ глубокой старости въ 1862 году.

Остроумный отвѣтъ Англійскому королю Вилльяму.

Непродолжительное время, которымъ Петръ Великій располагалъ для своей поѣздки въ Лондонъ, пролетѣло по его словамъ, необыкновенно быстро, благодаря множеству новыхъ впечатлѣній и рѣдкихъ предметовъ, съ которыми ему пришлось познакомиться. Возвращаясь вечеромъ домой послѣ цѣлаго ряда скитаній по городу, онъ съ удовольствіемъ разсказывалъ окружающимъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, при чемъ неоднократно упоминалъ о своемъ большомъ желаніи еще разъ посѣтить эту страну, гдѣ онъ нашелъ такъ много для себя поучительнаго. Однажды утромъ онъ осматривалъ великолѣпное зданіе Греонвичскаго госпиталя для призрѣнія увѣчныхъ матросовъ, поражающее своимъ прекраснымъ устройствомъ, послѣ чего обѣдалъ при Англійскомъ дворѣ съ королемъ Вилльямомъ. На вопросъ сего послѣдняго, какъ понравился Государю госпиталь, Петръ I отвѣчалъ: „онъ настолько хорошъ, что я совѣтывалъ бы вашему величеству помѣняться съ матросами и, предоставивъ имъ вашъ дворецъ, помѣститься у нихъ въ госпиталь“.

Сообщилъ Рондо, Великобританскій резидентъ при Русскомъ дворѣ въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, въ царствованіе императрицы Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны до самаго начала правленія императрицы Елисаветы Петровны. Петръ любилъ бесѣдовать съ нимъ о коммерціи, мореплаваніи и объ Англійскомъ адмиралитетѣ. Онъ умеръ въ Петербургѣ въ 1741 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

„РУССКАГО АРХИВА“

1910 года.

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

653. Рассказы о Петре Великомъ.
297. Стихи Верещагина на обручение Петра Второго съ княжною М. А. Меншиковой.
1727. Сообщилъ И. П. Мордвиновъ.
5. Императрица Елисавета Петровна. Очеркъ ея жизни и царствованія.
36. О пребываніи Елисаветы Петровны въ Александровской Слободѣ.
309. Письмо Екатерины Великой къ графу Н. И. Салтыкову объ Александрѣ Павловичѣ.
139. Письма Императрицы Маріи Теодоровны къ Александру Первому. Съ предисловіемъ Великаго Князя Николая Михайловича. 1806 и 1807 годы.
301. Графъ Н. П. Шереметевъ и князь Багратионъ. Сообщилъ графъ С. Д. Шереметевъ.
635. Андрей Юродивый.
303. Самооправданіе императора Александра Павловича въ письмѣ къ сестрѣ его Екатериинѣ Павловнѣ. 1812.
483. Письма князя А. Н. Голицына къ А. Ф. Лабзину.
302. Изъ архива Новосильцова. О князѣ А. Кантакузинѣ. Сообщилъ И. Г. Попруженно.
524. Финалъ Польскаго мятежа. 1830—1836. Сообщилъ И. Г. Попруженно.
177. Могила полковника Сливickaго (въ Варшавѣ). Сообщилъ И. Г. Попруженно.
189. Дневникъ М. Н. Похвиснева. 1853 и 1870.
39. Изъ «Книги Бытія моего» Порфирія Успенскаго. Извлечено А. А. Титовымъ. 1854—1860 (Бесѣды съ Шемъ IX и съ княземъ А. М. Горчаковымъ.—Въ Варшавѣ. Въ Петербургѣ.—Поѣздка на Афонъ.—Въ Египтѣ).
463. Къ жизнеописанію епископа Порфирія Успенскаго. Изъ писемъ его къ разнымъ лицамъ. Сообщено А. А. Титовымъ.
310. Ф. В. Чижовъ. Къ столѣтію его памяти. П. Б.
182. Изъ студенческихъ воспоминаній. А. Н. Аванасьева.
173. Изъ письма Ф. Ф. Вигеля о Московскихъ его знакомыхъ 1853 года.
527. Генераль А. А. Иедлинскій. Г-на Безсмертнаго.
497. Святое дѣло раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ. А. П. И.
507. Изъ записной книжки графа Д. Н. Шереметева.
- 83, 216, 375 и 534. Изъ Записокъ сенатора Н. Н. Лебедева. 1861 годъ (Отмѣна крѣпостного права.—Студенческіе безпорядки.—Польское возстаніе.—Поѣздка во Владимиръ.—Бунтъ Петербургскихъ студентовъ). 1862 г. («Сѣверная Почта». Дѣло Князя Л. В. Кочубея.—Профессоръ Павловъ.—В. А. Шереметевъ.—Супруги Обрѣзковы.—Катковъ о Герценѣ—Газета «Голосъ».—Графъ В. Н. Панинъ). 1863 г. (Географическое общество.—Польскій мятежъ.—Сенаторство).
508. Пугачевцы въ Пензенскихъ и Тамбовскихъ вотчинахъ. А. Шишкина.
313. Очеркъ исторіи раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ. А. П. И.
529. Духовное завѣщаніе А. С. Стурдзы.
443. Изъ прошедшихъ судебъ Туркестана А. М. Черняевой.
643. Письма М. П. Погодина къ М. П. Щепкину.
- 493 и 641. О стихотвореніи Пушкина «Примѣты». «Когдатвой младыя лѣта» Н. О. Лернера.
487. Письма А. С. Хомякова къ К. А. Косовичу.
369. Письма къ Я. И. Березникову: Н. Н. Мурзаневича, И. Шульгина, князя М. А. Оболенскаго, М. Т. Наченовскаго и А. А. Нунина.
321. Старообрядческое сказаніе о патриархѣ Никонѣ, написанное настоятелемъ Выгорѣцкаго общежительства Андреемъ Діонисіевичемъ.
- 63, 235, 423 и 567. Къ исторіи Еврейства. Н. С. Граве.
- 175, 319 и 495. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива» (Графы Строгановы.—И. Г. Полетика). 319. (О князѣ М. С. Воронцовѣ). 495. (село Бѣлкино.—Стихи про Фета.—баронъ Таубе.—Фотій).
601. Нѣчто О Г. С. Сковородѣ. Сообщено В. С. Арсеньевымъ.
640. Князь А. Н. Голицынъ. (Некрологъ).
648. Дополненія поправки, замѣтки, Внутри обложекъ. I. О «Перепискѣ Императора Александра I съ Великою Княгинею Екатериною Павловною». II. О раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ.—Труды И. Ф. Павловскаго. III. О перепискѣ Николая Павловича съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. IV. О сборникѣ «Научнаго Слова».

видѣ представить отношенія между Михаиломъ и Николаемъ Павловичами: „когда у него (Михаила) была просьба къ Императору, то ему приходилось дѣйствовать черезъ третьихъ лицъ. Отъ Императора онъ не разъ выслушивалъ обидные для его самолюбія выговоры въ самой рѣзкой формѣ“. Между тѣмъ извѣстно, какой тѣсной дружбой связаны были Михаилъ съ Николаемъ.

Въ четвертомъ очеркѣ Сыромятниковъ говоритъ, что „по существу Кавелина съ достаточнымъ основаніемъ можно бы назвать идеологомъ и вдохновителемъ крестьянской реформы въ ея практической постановкѣ и окончательной реализаціи“ и, разбирая его „Записку“ и другія сочиненія по крестьянскому вопросу, развѣчиваетъ его. „Все эти и подобныя имъ разсужденія автора временами ставили его въ положеніе какъ бы тенденціознаго защитника дворянскихъ интересовъ“.

М. Богословскій, сообщивъ краткія біографическія свѣдѣнія о Ростовцевѣ, про котораго говорилъ за его поступокъ передъ 14 Декабря, что, будучи Іаковомъ, онъ былъ и Иуда, предпосылаетъ своему очерку оправданіе Ростовцева въ предательствѣ, построенное на изображеніи пылкой, увлекающейся его молодости: „Мысль о томъ, что отечество въ опасности, охватила Ростовцева, а юношеское воображеніе—ему вѣдь было тогда всего 22 года—рисовало ему кровавыя междоусобія и гибель раздираемой Россіи“. Затѣмъ онъ изображаетъ Ростовцева, какъ начальника управленія военными учебными заведеніями: „Воспитанію онъ старался сообщить болѣе гуманныя приемы; преподаваніе, насколько могъ, стремился поднять введеніемъ новыхъ методовъ и привлеченіемъ къ дѣлу лучшихъ педагогическихъ силъ“. Далѣе авторъ изображаетъ постепенную выработку взглядовъ

Ростовцева на раскрѣпощеніе крестьянъ: „Онъ изъ реакціонеровъ сдѣлался ревностнымъ прогрессистомъ, отчаяннымъ эмансипаторомъ, характеризуя свои дѣйствія и слова тѣмъ энтузіазмомъ, которыми онъ отличался во всехъ своихъ дѣйствіяхъ“. Съ весьма занимательными мелкими подробностями изображенъ Ростовцевъ, какъ предсѣдатель комиссій, при чемъ не упущено, что онъ находился подъ влияніемъ Д. А. Милютина.

Далѣе г. Кизветтеръ пишетъ о Милютинѣ. Вспомнимъ при этомъ слова Карамзина: „Исторія не любитъ живыхъ“.

Въ очеркѣ, посвященномъ Ю. О. Самарину, Бокчаревъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не коснулся его права, что было бы весьма любопытно, и не отмѣтить разрыва Ю. О. съ кружкомъ Хомякова и К. Аксакова, разрыва, принесшаго такое огорченіе Хомякову. За то авторъ отмѣнилъ его словами: „могучій полемическій талантъ“...

Княжна О. Н. Трубецкая написала статью о князѣ В. А. Черкасскомъ, въ которой говоритъ: „Здѣсь мы заранѣе должны отказать отъ такой задачи, которая потребовала бы слишкомъ детального и спеціальнаго изученія, и ограничимся лишь краткимъ обзоромъ его участія въ дѣлѣ крестьянской реформы“. Последнее съ отличнымъ успѣхомъ ею и выполнено.

Книга эта заканчивается очеркомъ работъ Соловьева по проведенію преобразованія, написаннымъ С. Боговладенскимъ.

Ни про одного изъ тѣхъ, кто писали статьи этого сборника, нельзя повторить стиховъ Баратынскаго, столь примѣнимыхъ ко множеству лицъ, печатавшихъ о великомъ днѣ 19 Февраля 1861 года:

И ужъ кадишь онъ мертвецу.
Чтобы другихъ затѣть кадиномъ.

В. В.

РУССКІЙ АРХИВЪ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой. девять р. для чужихъ краевъ— двѣнадцать р.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“: въ **Петербургѣ** (Шевскій, 40) въ **Москвѣ** (уголъ Неглиннаго проезда и Кузнецкаго Моста, д. Шоринной) въ **Харьковѣ** (Николаевская пл. № 4 и Екатеринославская ул., д. Иванова, № 1) въ **Одессѣ** (Дерибасовская ул., № 33, уг. Преображенской) въ **Саратовѣ** (Б. Московская, Пассажъ 1) въ **Ростовѣ на-Дону** (Садовая ул., № 96) и въ **Парижѣ** (бульваръ Св. Магдалины).

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
прежнія полныя годовыя его изданія и отдѣльныя книжки Русскаго Архива
по цѣнѣ пониженной.

*

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона. Цѣна 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомякова. Съ примѣчаніями. Цѣна 30 к.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**